ЕВРАЗИЯ В ЭНЕОЛИТЕ – РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Инновации, контакты, трансляции идей и технологий

Материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984)

Михаил Петрович Грязнов
(1902–1984)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

THE STATE HERMITAGE MUSEUM

EURASIA FROM THE AENEOLITHIC (CHALCOLITHIC) ERA TO THE EARLY MIDDLE AGES

(Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies)

Proceedings of the International conference dedicated to the 120th anniversary of the outstanding researcher of Southern Siberian and Central Asian antiquities Mikhail Petrovich Gryaznov (1902–1984)

St. Petersburg
2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ЕВРАЗИЯ В ЭНЕОЛИТЕ – РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(инновации, контакты, трансляции идей и технологий)

Материалы международной научной конференции,
посвященной 120-летию со дня рождения
выдающегося исследователя древностей
Южной Сибири и Центральной Азии
Михаила Петровича Грязнова (1902–1984)

Санкт-Петербург
2022

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of the Institute for the History of Material Culture of the RAS

Редакционная коллегия: М. Т. Кашуба (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Л. Б. Кирчо, В. М. Лурье, Н. Н. Николаев, В. П. Никоноров, Н. Ю. Смирнов (отв. ред.), Е. О. Стоянов (отв. ред.), В. Б. Трубникова (отв. ред.), А. В. Фрибус

Editorial Board: Maya T. Kashuba (executive editor), Marina E. Kilunovskaya, Lyubov B. Kircho, Vera M. Lurie, Nikolay N. Nikolaev, Valerii P. Nikonorov, Nikolay Yu. Smirnov (executive editor), Evgeniy O. Stoyanov (executive editor), Varvara B. Trubnikova (executive editor), Alexey V. Fribus

Переводы: Е. О. Стоянов (английский яз.), В. Б. Трубникова (английский, китайский яз.)
Translations: Evgeniy O. Stoyanov (English), Varvara B. Trubnikova (English, Chinese)

Рецензенты:
проф., д. и. н. Д. Г. Савинов (СПбГУ)
д. и. н. С. А. Васильев (ИИМК РАН)
Reviewers:
Dmitriy G. Savinov, Dr. of Hist. Sci., Prof. (St. Petersburg State University)
Sergey A. Vasiliev, Dr. of Hist. Sci. (Institute for the History of Material Culture RAS)

Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) / Отв. ред.: М. Т. Кашуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2022. — 460 с. : ил.

Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies): Proceedings of the International conference dedicated to the 120th anniversary of the outstanding researcher of Southern Siberian and Central Asian antiquities Mikhail Petrovich Gryaznov (1902–1984) / Ed. by Maya T. Kashuba, Nikolay Yu. Smirnov, Evgeniy O. Stoyanov, Varvara B. Trubnikova. — St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 2022. — 460 p. : ill.

ISBN 978-5-6047952-5-5

Настоящий сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 120-летию М. П. Грязнова (7–11 ноября 2022 года, Санкт-Петербург, Россия), содержит обширную подборку публикаций. Они касаются большинства направлений в археологии горно-степной полосы Евразии от энеолита до средневековья, которые так или иначе получили отражение в работах выдающегося ученого либо входили в круг его научных интересов. Издание открывается блоком статей, затрагивающих различные аспекты биографии М. П. Грязнова, а также его взгляды на ряд конкретных научных проблем. Другие блоки включают работы широкого временного диапазона, в которых представлены анализ конкретного материала (в значительной мере — впервые вводимого в научный оборот), современная проблематика археологической науки, междисциплинарные комплексные исследования. Наконец, два тематических блока составили публикации по археологии Кавказа и Средней Азии, а также статьи, посвященные различным аспектам изучения древнего искусства.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, искусствоведов, историков, студентов и всех интересующихся археологией и древней историей горно-степной полосы Евразии.

The present collection of papers of the International conference dedicated to the 120th anniversary of Mikhail P. Gryaznov (November 8–11, 2022, St. Petersburg, Russia) contains an extensive set of publications. They deal with the majority of the research areas in the archaeology of the Eurasian mountain-steppe zone from the Aeneolithic (Chalcolithic) to the Middle Ages reflected in the eminent scholar's works or belonged to the sphere of his research interest. The volume opens with the series of papers revealing various aspects of Gryaznov's biography or regarding his views on certain archaeological problems. Other blocs include the papers devoted to the analysis of definite archaeological material (very often yet unpublished), to the current problems of archaeological studies, to the interdisciplinary complex investigations in the wide chronological range. At last, two thematic blocs are formed from the papers connected with the archaeology of the Caucasus and Central Asia and from the articles concerning various aspects of the ancient art.

This collection of papers is addressed to archaeologists, ethnographers, historians, students as well as to everyone interested in the archaeology and the ancient history of the Eurasian mountain-steppe zone.

В оформлении обложки использована фотография вида Центральной Тувы (снимок Н. Ю. Смирнова, 2012 г.)
The cover design uses a photograph of a view of Central Tuva (photo by Nikolay Yu. Smirnov, 2012)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2022
Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Science, 2022
© Государственный Эрмитаж, 2022
The State Hermitage Museum, 2022
© Коллектив авторов (фамилии выделены в содержании), 2022
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2022

ISBN 978-5-6047952-5-5
DOI: 10.31600/978-5-6047952-5-5

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ (*М. Т. Кашуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова*) 15

СЕКЦИЯ I. **Научное наследие М. П. Грязнова и современное развитие археологии**

Н. А. Боковенко. М. П. Грязнов — новатор в археологии 17

Л. Ю. Китова. Архивные материалы из фонда М. П. Грязнова о его научных связях с исследователями Сибири в 1920–1930-е гг. 19

О. В. Стяжкина. Работа М. П. Грязнова в составе группы «История кочевого скотоводства» 22

Н. А. Жогова, И. В. Мерц. Работы М. П. Грязнова в окрестностях г. Семипалатинск: историографический аспект 25

С. С. Радовский. Археологические комплексы северных предгорий Алтая скифо-сакского времени в культурно-хронологических схемах М. П. Грязнова 28

О. С. Лихачева. Вклад М. П. Грязнова в изучение вооружения раннего железного века из горного и лесостепного Алтая 30

В. Ю. Ганенок. М. П. Грязнов и В. И. Матющенко: учитель и ученик 32

Е. Г. Застрожнова (Панкратова). «Отправить первым этапом...»: следственные материалы М. П. Грязнова в «Деле славистов» (1933–1934 гг.) 35

В. А. Алёкшин. Виновным себя не признал. Эпизоды из следственного дела так называемой Российской национальной партии (1933–1934 гг.) 38

О. С. Советова, О. О. Шишкина. Тепсейский археологический микрорайон: 40 лет спустя после раскопок М. П. Грязнова 41

Д. А. Кукина, М. В. Медведева. Ноин-улинская коллекция в фотографиях 1920-х гг. из архивного собрания ИИМК РАН 44

А. А. Тишкин, Ю. Т. Мамадаков, О. В. Стяжкина. Археологические памятники у села Шибе в Центральном Алтае: история исследований 47

Н. Ю. Смирнов, О. Б. Беликова. К путешествию одной фотографии: снимок кургана Аржан-1 в Туве из архивного наследия А. В. Адрианова 52

О. П. Игнатьева, Н. Ю. Смирнов. Писаницы Хакасского уезда Енисейской губернии: альбом Е. Р. Шнейдера 1925 г. 55

В. Г. Журавлев. Труд М. П. Грязнова «Древняя бронза минусинских степей» — предтеча широкого применения математических методов в археологии 59

А. И. Мартынов. Кризис российской археологии энеолита — раннего железного века 62

В. Ю. Зуев. О «полицентрической теории» происхождения скифской культуры М. П. Грязнова 65

СЕКЦИЯ II. **Энеолит и бронзовый век: культурные традиции и инновации**

А. Н. Чеха. К вопросу о критериях выделения неолитических индустрий на памятниках Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье 71

И. Е. Пантюхина, Ю. Е. Вострецов. Первые земледельцы Приморья: реконструкция земледелия и собирательства по данным анализа крахмала 75

И. А. Спиридонов. Погребение эпохи энеолита с поселения Шайтанское 4–6 в горно-лесном Зауралье: информационные ресурсы источника 78

В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова. Исследования погребальных памятников сплошными площадями 81

Н. Ф. Степанова. Проблема относительной хронологии памятников афанасьевской культуры (по результатам изучения керамических комплексов) 83

С. П. Грушин. Изучение афанасьевских поселений Горного Алтая в контексте проблемы выделения хозяйственно-культурных типов 87

А. Г. Новиков, О. И. Горюнова. Комплексы погребений охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья (озеро Байкал) 89

М. Е. Абрашина. Опыт предварительной типологии рубчатой керамики Северного Приангарья (по материалам стоянки Генералова) 92

И. В. Мерц. Алкабекский тип памятников: проблема выделения культуры 95

А. А. Дудко, А. Е. Гришин, Ю. А. Васильева, Г. И. Марковский. Самусьский сосуд со стоянки Сарапулка (р. Иня) 99

Ван Пэн. Асимметричный загнутый составной лук синташтинской культуры 101

Э. Р. Усманова, И. В. Чечушков, И. П. Панюшкина. «Конь Астарты»: символика обряда в погребении коня эпохи бронзы Лисаковской округи 104

И. А. Савко, П. Р. Холошин. Сравнительный анализ форм сосудов могильников андроновской (фёдоровской) культуры Верхнего Алея (предварительные результаты) 108

Н. А. Берсенева. Реконструкция детских возрастных групп по данным алакульских могильников: подходы и интерпретации (эпоха бронзы, Южное Зауралье) 112

К. Н. Солодовников. Возможности выявления внутренней хронологии некрополей и мобильности населения алакульской культуры на основе изучения антропологических материалов (на примере могильника Майтан эпохи бронзы Центрального Казахстана) 114

С. В. Сотникова. К вопросу о миграциях на востоке андроновского мира (по материалам украшений) 118

Н. И. Лазаретова, В. М. Лурье. Предварительные данные по антропологии андроновской культуры могильника Усть-Камышта-1 (юг Минусинских котловин) 121

А. П. Бородовский. Навершия каменных булав эпохи энеолита и бронзы с севера Верхнего Приобья 123

Ф. Н. Петров, М. Н. Анкушев, И. А. Блинов. Кинжал из села Анненское: к вопросу о карасукских бронзах в Южном Зауралье 127

С. А. Ковалевский. Происхождение и датировка южносибирских кельтов-тесел с лобным ушком и «пещеркой» 130

В. И. Молодин. Маски культуры сяохэ и их семантические параллели в иконографии культур эпохи бронзы Южной Сибири 134

С. А. Григорьев. Взаимодействие южносибирских и китайских традиций металлообработки в бронзовом веке 138

А. В. Поляков, Л. С. Марсадолов, В. М. Лурье. Поселение Каменный Лог I (раскопки М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой) 140

А. В. Варенов. Древнекитайские удила и псалии позднего бронзового века 143

А. В. Епимахов. Радиоуглеродная хронология финала бронзового века: сравнительный анализ серий Поволжья, Урала и Казахстана 147

С. Н. Сенаторов. Бронзовый орнаментированный наконечник дротика позднего бронзового века из коллекции Государственного Эрмитажа 149

О. Н. Корочкова. Археология тайги Урала и Западной Сибири: феномены и парадоксы 152

Вл. А. Семенов. Археологические исследования в Южной Туве 154

СЕКЦИЯ III. **Эпоха раннего железа: вещи, традиции, идеи**

В. С. Синика, С. О. Симоненко. Радиоуглеродное датирование памятников предскифского времени на левобережье Днестра 157

Т. В. Рябкова. Обрядовые практики населения Закубанья в период скифской архаики (по материалам Тарасовой Балки) 161

С. А. Володин, М. В. Добровольская, С. А. Нелюбов, А. А. Шевченко. Население Среднего Дона скифской эпохи по данным биоархеологии 165

И. Ю. Шауб. К вопросу о скифской Гестии 167

В. А. Горончаровский. К проблеме этнической атрибуции воинских погребений из некрополей Артющенко 2 и Волна 1 на Таманском полуострове 170

Н. Б. Щербаков, И. А. Шутелева, Т. А. Леонова. Особенности погребений с вооружением Ново-Уфимского могильника раннего железного века по результатам естественно-научных анализов: радиоуглеродное датирование и металлография 174

Т. М. Кузнецова, Ю. В. Оборин (†). Зеркала «ольвийского» типа и их изготовление 177

А. Д. Таиров. Об одной из категорий «зеркал» раннесакского времени 180

А. А. Тишкин, С. М. Киреев, Я. В. Фролов. Древние металлические котлы, обнаруженные на Алтае и юге Западной Сибири: обзор находок и комплексный анализ 184

Кейта Мацумото. «Акинаки» в ордосских бронзах 187

Р. С. Минасян. К проблеме появления железа в Центральной Азии 190

Hong Meng. An introduction to the origin of Yuhuangmiao Culture 193

М. К. Хабдулина. Планиграфия элитного кургана тасмолинской археологической культуры 198

Л. С. Марсадолов. Об астрочислах коней из больших курганов Саяно-Алтая VIII–IV вв. до н. э. 201

М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов, В. С. Бусова, С. Браун. «Красная шапочка» из могильника Сарыг-Булун в Туве 204

Н. В. Полосьмак. Памятник раннескифского времени Ак-Алаха-2 206

Е. В. Степанова, Н. А. Константинов, С. Р. Мурзина, Н. Ю. Смирнов. Продолжение работ по музеефикации Пятого Пазырыкского кургана и научному исследованию периферии памятника: результаты полевого сезона 2022 г. 210

Xi Tongyuan, Zhu Jiangchen. The archaeological remains of Pazyryk cultural factors in the Yiwu river basin, the East Tianshan Mountains 214

Т. Р. Садыков, И. Ю. Слюсаренко. Переход через гальштаттское плато в Уюкской котловине 217

М. А. Бронникова, К. В. Чугунов, Т. Р. Садыков, А. В. Панин. Реконструкции природной среды Турано-Уюкской котловины в скифское время по материалам палеопочвенных исследований погребально-поминальных комплексов Чинге-Тей-I и Туннуг-1 220

П. К. Дашковский. Социальная атрибуция погребенных в кургане № 30 могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Алтай) 223

Му Цзиньшань. Курганы пазырыкской культуры с керамическими сосудами, исследованные на могильнике Суншугоу (Синьцзян, Китай) 226

Н. А. Лейбова. Новые данные к одонтологии носителей пазырыкской культуры Горного Алтая 229

Н. Н. Головченко. Предметный комплекс одежды в системе межкультурных коммуникаций населения Верхнего Приобья раннего железного века 232

С. П. Нестеров. Культурные связи населения Приамурья с Южной Сибирью и Центральной Азией в эпоху палеометалла 235

А. А. Казаков. Алтайский вариант кулайской археологической культуры 239

П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, К. В. Бирюлева. Комплекс Ишимка: итоги первых раскопок 242

Д. В. Селин, Ю. П. Чемякин. Керамика с металлургическими шлаками на белоярском поселении Барсова Гора III/66 (ранний железный век, Сургутское Приобье) 245

В. А. Борзунов. Генезис элиты обских угров Сургутского и Нижнего Приобья (богатыри и шаманы кулайской эпохи) 248

А. В. Семенов. Внутримогильные сооружения I тыс. до н. э. в Туве 252

Д. В. Папин. Междуречье Бии и Катуни в раннескифское время 255

СЕКЦИЯ IV. **Кочевники рубежа эр**

Е. В. Вдовченков. Семантика диагональных погребений савроматского и среднесарматского времени 257

В. И. Мордвинцева. Сетевая модель в интерпретации сложения и развития сарматских археологических культур 260

В. В. Куфтерин, Н. А. Дубова. Краниологический материал из могильника Ксиров: саки, усуни или юэчжи? 263

М. Ю. Трейстер. Многовекторность контактов кочевников Евразии I в. до н. э. — первых веков н. э. и проблема «Мехового пути» 266

А. Н. Подушкин. Ханьские зеркала из катакомбных могильников Южного Казахстана 270

Н. А. Сутягина, Н.-О. Эрдэнэ-Очир. Могильники Ноин-Улы: исторические и современные планы 273

Пан Лин, Ван Юйфу. Хронология кургана № 1 могильника Гол Мод-2: к вопросу об определении личности погребенного 275

Н. Н. Николаев. Перипетии улуг-хемской культуры Тувы (Историографическое наблюдение) 280

П. М. Леус. Погребения с черепами лошадей в хуннское время в Туве 282

Д. А. Виноградов. Погребение тесинского времени в Красноярске (предварительное сообщение) 286

Е. О. Стоянов. Знали ли античные авторы о хунну? 289

В. Б. Трубникова. Чжалайнор — «классический» памятник сяньбэй 293

Вэй Цзянь. Новые данные по археологии хунну и сяньбэй на Монгольском плато 296

Н. Н. Серегин, М. А. Демин, С. С. Матренин. Карбан-I — некрополь раннесяньбийского времени Северного Алтая: основные результаты исследований 302

О. В. Дьякова. Сяньбэй и археология 305

С. А. Яценко. Об историко-культурном значении некоторых серий тамг кочевников сюнну-сарматского времени 307

Ю. В. Ширин. Традиции и инновации в снаряжении лучника лесной зоны Западной Сибири в начале I тыс. н. э. 311

С. В. Панкова, А. В. Недолужко, Е. О. Вергасова, А. Ю. Ильинская, Н. А. Погодина, А. С. Ракитько, Н. А. Плотников, В. В. Ильинский. Первые итоги генетических исследований материалов Оглахтинского грунтового могильника (раскопки 1969 г.) 314

В. П. Никоноров. Были ли хиониты Аммиана Марцеллина связаны своим происхождением с хунну (азиатскими гуннами)? 319

СЕКЦИЯ V. **Средняя Азия и Кавказ**

А. Ю. Худавердян. Древнейшие общности Армянского нагорья и Евразии — в диалоге миров (энеолит — ранний бронзовый век) 323

Д. А. Кириченко. О скипетре из историко-краеведческого музея города Масаллы (Азербайджанская Республика) 327

К. Б. Калинина, Л. Б. Кирчо, Е. Г. Старкова. Опыт исследования красочного слоя и ангоба расписной керамики древнеземледельческих трипольской и анауской культур середины IV тыс. до н. э. 330

В. А. Агаханова, А. М. Юминов, А. В. Фрибус, Н. А. Дубова. Находка печати из шпейза с Гонур-депе 334

С. Г. Бобомуллоев, Н. М. Виноградова, Дж. Ломбардо. Исследования могильника Фархор — памятника эпохи ранней и средней бронзы на юге Таджикистана осенью 2021 г. 337

St John Simpson, Caroline R. Cartwright, John Ambers (†), *Mohammad Fahim Rahimi.* Bronze Age weaponry from Central Asia: a new approach using scientific identifications and radiocarbon dates of the wood remains 341

О. В. Сычева. К вопросу о связях металлопроизводства Средней Азии и Казахстана с Восточной Европой в позднем бронзовом веке 344

Н. А. Аванесова. Тагискенско-амирабадские древности эпохи бронзы Зеравшанской долины 347

Э. А. Мурадова. Контактные зоны культур раннего железного века Туркменистана 351

А. С. Балахванцев, Е. А. Купцов, Л. В. Купцова. Новые находки ахеменидских и среднеазиатских импортов у села Самородово 353

Г. А. Аксянова. Одонтология античного населения Узбоя 357

В. В. Мокробородов. О поселенческой округе раннегородских центров Средней Азии 360

М. С. Назарова. «Парфянский» воин из сычуаньской гробницы: к вопросу об иконографии парфян на памятниках материальной культуры Древнего мира 364

М. А. Кудинова. Особенности погребального обряда элитных захоронений согдийцев на территории Китая в эпоху раннего средневековья 367

Б. Х. Матбабаев, Х. Б. Хошимов. К особенностям погребального обряда раннесредневековой Ферганы 370

А. А. Михеева. Изображения креста на среднеазиатских терракотовых плакетках: общий обзор и иконография 373

Г. В. Требелева, М. Е. Клемешова, Г. Ю. Юрков. Археометрия в исследованиях Маркульского городища (Абхазия) 377

СЕКЦИЯ VI. **Изобразительный мир Евразии: новые интерпретации**

И. В. Палагута. Первое изображение повозки или пейзаж? К вопросу об интерпретации рисунка на сосуде из Броночице 380

В. А. Кисель. Геометрические петроглифы Южной Сибири и Монголии в этнографическом освещении 384

В. А. Новоженов. Боевые сани и колесницы Молдажара 387

Е. Г. Шалахов. Воины-копейщики позднего бронзового века в петроглифике и археологии Евразии 391

Ю. И. Михайлов. Об одной изобразительной манере на юге Западной Сибири в эпоху бронзы 393

М. Е. Килуновская. Хорология и хронология оленных камней Тувы 396

А. А. Тишкин. «Оленные» камни Алтая 400

В. В. Горбунов, О. С. Лихачева. Средства корпусной защиты у ранних кочевников Монголии (вещественные и изобразительные источники) 403

В. С. Николаев, О. Б. Варламов. Пластина-накладка с изображениями оленей из Предбайкалья 406

И. А. Пономарева. Хайсагарская писаница (Бурятия): попытка атрибуции 410

Ю. В. Кожуховская. Цветовой семиотический код в погребальном обряде эпохи бронзы Крыма 413

М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба. Об изображениях на раннескифской корчаге из раскопок Немировского городища в Побужье 415

Г. С. Джумабекова, Д. К. Досаева, Г. А. Базарбаева. Декор древнейшего в Казахстане седла: вопросы изучения и сохранения 419

О. В. Аникеева, С. А. Букреев. Образы хищных птиц у древних индоевропейцев: иконография, орнитологические определения по изображениям, семантика 422

Е. Ф. Королькова. Ажурный браслет в зверином стиле из Сибирской коллекции Петра I: стиль, технологические особенности и индивидуальная манера 426

СЕКЦИЯ VII. **Евразийское пространство в средневековье**

Ю. А. Виноградов. Об открытии несторианской церкви на острове Сокотра (Йемен) 429

А. А. Красноперов. Происхождение пластинчатых тисненых украшений в памятниках бассейна р. Вятка 432

М. М. Хатамова. Понятие «город» и характерные особенности городов у древних тюрков 435

О. А. Митько. Межкультурные связи и контакты раннесредневекового населения Минусинской котловины (по материалам раскопок у дер. Абакано-Перевоз в 1967–1968 гг.) 439

Н. В. Лещенко. Хозяйство населения Приморья в эпоху раннего средневековья 441

В. В. Овсянников. Миграции зауральско-западносибирского населения в лесостепь Предуралья в поздней древности и средневековье 445

И. Ю. Чикунова. О возможности реконструкции этнокультурной ситуации в южно-таежном Притоболье в раннем средневековье (по материалам поселения Лисий Бор 2) 448

Н. П. Матвеева. Культурные процессы в лесостепи Западной Сибири в раннем средневековье 451

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 454

Content

FOREWORD (*Maya T. Kashuba, Nikolay Yu. Smirnov, Evgeniy O. Stoyanov, Varvara B. Trubnikova*) 15

SECTION I. **The academic heritage of Mikhail P. Gryaznov and the modern development of archaeology**

Nikolay A. Bokovenko. Mikhail P. Gryaznov — an innovator in archaeology 17

Lyudmila Yu. Kitova. Mikhail P. Gryaznov' scholarly relations with Siberian researches in the 1920s — 1930s according to the materials from his personal archival fund 19

Olga V. Styazhkina. Mikhail P. Gryaznov's work in the group „The history of nomadic cattle breeding" 22

Nina A. Zhogova, Ilya V. Merts. Works of Mikhail P. Gryaznov in the vicinity of Semipalatinsk: a historiographic aspect 25

Svyatoslav S. Radovsky. Archaeological complexes of the Altai northern foothills of Scythian-Saka period in the cultural and chronological schemes of Mikhail P. Gryaznov 28

Olga S. Likhacheva. Mikhail P. Gryaznov's contribution to the study of Early Iron Age weapons from the mountainous and forest-steppe Altai 30

Vladimir Yu. Ganenok. Mikhail P. Gryaznov and Vladimir I. Matyushchenko: a teacher and a disciple 32

Evgenia G. Zastrozhnova (Pankratova). „To send with the first prison stage...": investigative documents of Mikhail P. Gryaznov in the „Slavist Affair" (1933–1934) 35

Vadim A. Alekshin. He pleaded not guilty. Episodes from the investigation file of the so-called Russian National Party (1933–1934) 38

Olga S. Sovetova, Olga O. Shishkina. Tepsey archaeological micro-district: 40 years later after the excavations of Mikhail P. Gryaznov 41

Daria A. Kukina, Maria V. Medvedeva. Noin-Ula finds as presented in photographs of the 1920s from the archival collection of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences ... 44

Alexey A. Tishkin, Yuriy T. Mamadakov, Olga V. Styazhkina. Archaeological sites near the village of Shibe in Central Altai: history of research 47

Nikolay Yu. Smirnov, Olga B. Belikova. On the one photo's journey: a photograph of the Arzhan-1 mound in Tuva from the archival heritage of Alexander V. Adrianov 52

Olga P. Ignatieva, Nikolay Yu. Smirnov. The rock drawings of the Khakass district of the Yenisei province: an album by Evgeniy R. Schneider, 1925 55

Vladimir G. Zhuravlev. Mikhail P. Gryaznov's work „Ancient bronze of the Minusinsk steppes" as a forerunner of the mathematical methods' widespread use in archaeology 59

Anatoly I. Martynov. The crisis of Russian archaeology of the Aeneolithic — Early Iron Age 62

Vadim Yu. Zuev. On the „polycentric theory" of the origin of the Scythian culture by Mikhail P. Gryaznov 65

SECTION II. **The Chalcolithic (Aeneolithic) and the Bronze Age: cultural traditions and innovations**

Anna N. Chekha. To the question of Neolithic industries' criteria in the Ust' Kutarey microregon sites in the North Angara region 71

Irina E. Pantyukhina, Yuri E. Vostretsov. The reconstruction of farming and gathering of the first farmers in Primorye (Russian Far East) by ancient starch analysis 75

Ivan A. Spiridonov. The Chalcolithic time burial from the site Shaitanskoe 4–6 in the mountain-forest Trans-Urals: its information resources 78

Vyacheslav I. Molodin, Lyudmila N. Mylnikova. Burial sites' research by large-scale excavations 81

Nadezhda F. Stepanova. The problem of the Afanasyevo culture sites' relative chronology (according to the results of the study of ceramic complexes) 83

Sergey P. Grushin. The study of the Altaic Afanasievo settlements in the context of the problem of economic and cultural types' allocation 87

Alexey G. Novikov, Olga I. Goriunova. The Bronze Age burial complexes of the hunters-fishers in Olkhon region (Lake Baikal) 89

Maria E. Abrashina. An experience of a preliminary typology of ribbed pottery in the North Angara region (based on Generalov site materials) 92

Ilya V. Merts. The Alkabek type of sites: the problem of identification of the culture 95

Alexander A. Dudko, Artem E. Grishin, Yulia A. Vasilyeva, Grigory I. Markovsky. The Samus culture vessel from the site Sarapulka (river Inya) 99

Wang Peng. The asymmetrical recurve compound bow of Sintashta culture 101

Emma R. Usmanova, Igor V. Chechushkov, Irina P. Panyushkina. „The Horse of Astarte": the ritual symbolism of the Bronze Age horse burial (Lisakovsk area, Kazakhstan) 104

Ilya A. Savko, Pavel R. Kholoshin. Comparative analysis of vessels' shape from the Andronovo (Fedorovo) culture burial grounds on the Upper Alei (preliminary results) 108

Natalia A. Berseneva. Children's age groups in the Alakul burial grounds: approaches, reconstruction and interpretation (Bronze Age, Southern Trans-Urals) 112

Konstantin N. Solodovnikov. The possibilities of revealing the internal chronology of necropolises and the mobility of the Alakul population due to the study of the anthropological materials (on the example of the Maytan Bronze Age burial ground, Central Kazakhstan) 114

Svetlana V. Sotnikova. To the question of migrations in the east of the Andronovo world (based on the materials of ornaments) 118

Natalia I. Lazaretova, Vera M. Lurie. Anthropological materials of the Andronovo culture from the mound No. 13 of the burial ground Ust-Kamyshta-1 (south of the Minusinsk Basins) 121

Andrey P. Borodovsky. The stone maces' heads of the Chalcolithic and Bronze Age from the north of the Upper Ob region 123

Fedor N. Petrov, Maxim N. Ankushev, Ivan A. Blinov. A dagger from the village of Annenskoe: on the question of the Karasuk bronzes in the Southern Trans-Ural 127

Sergey A. Kovalevskiy. The origin and dating of the Southern Siberia celts (axes-adzes) with frontal ears and „cave" 130

Vyacheslav I. Molodin. Masks of the Xiaohe culture and their semantic parallels in the iconography of the Bronze Age cultures of Southern Siberia 134

Stanislav A. Grigoriev. Interaction of South Siberian and Chinese Metalworking Traditions in the Bronze Age 138

Andrey V. Poliakov, Leonid S. Marsadolov, Vera M. Lurie. The settlement Kamenny Log I (excavations by Mikhail P. Gryaznov and Maria N. Komarova) 140

Andrey V. Varenov. Ancient Chinese horse bits and cheek pieces of the Late Bronze Age 143

Andrey V. Epimakhov. Radiocarbon chronology of the Final Bronze Age: a comparative analysis of the Volga, Urals, and Kazakhstan series 147

Sergey N. Senatorov. Bronze ornamented dart head of the Late Bronze Age from the collection of the State Hermitage Museum 149

Olga N. Korochkova. Archaeology of the Urals and Western Siberian taiga: phenomena and paradoxes 152

Vladimir A. Semenov. Archaeological research in South Tuva 154

SECTION III. **The Early Iron Age: things, traditions, ideas**

Vitaly S. Sinika, Sergey O. Simonenko. Radiocarbon dating of the pre-Scythian Sites from the Left Bank of the Dniester 157

Tatyana V. Ryabkova. The ritual practices of the Trans-Kuban population in the Scythian Archaic Period (according the materials from Tarasova Balka) 161

Semen A. Volodin, Maria V. Dobrovolskaya, Sergey A. Nelyubov, Alexander A. Schevchenko. The Middle Don population of the Scythian Era according to bioarchaeology 165

Igor Yu. Schaub. To the question of the Scythian Hestia 167

Vladimir A. Goroncharovskiy. To the problem of ethnic attribution of warriors' burials from the necropolises Artyushchenko 2 and Volna 1 on the Taman Peninsula 170

Nikolay B. Shcherbakov, Iia A. Shuteleva, Tatyana A. Leonova. The features of burials with weapons in the Early Iron Age Novo-Ufimskii burial ground according to the results of the natural science analysis: radiocarbon dating and metallography 174

Tatyana M. Kuznetsova, Yuri V. Oborin (†). Mirrors of the „Olbia" type and their manufacturing 177

Alexander D. Tairov. About one category of the Early Saka „mirrors" 180

Alexey A. Tishkin, Sergey M. Kireev, Yaroslav V. Frolov. Ancient metal cauldrons found in Altai and in the South of Western Siberia: review of finds and complex analysis 184

Keita Matsumoto. „Akinaks" from the Ordos Bronzes 187

Rafael S. Minasyan. On the problem of iron's introduction in the Central Asia 190

Хун Мэн. К вопросу о происхождении культуры Юйхуанмяо 193

Maral K. Khabdulina. The planigraphy of the Tasmola archaeological culture elite burial mound 198

Leonid S. Marsadolov. About the astronumbers of horses from big barrows of the Sayano-Altai 8th–4th cent. BC 201

Marina E. Kilunovskaya, Vladimir A. Semenov, Varvara S. Busova, Samantha Brown. „Little Red Riding Hood" from the Saryg-Bulun burial ground in Tuva 204

Natalia V. Polosmak. Ak-Alakha-2: Early Scythian time site 206

Elena V. Stepanova, Nikita A. Konstantinov, Sofia R. Murzina, Nikolay Yu. Smirnov. The further works on the museumification of the Fifth Pazyryk burial mound and the investigation of the site's periphery: the results of the 2022 field season 210

Си Тунъюань, Чжу Цзянчэнь. Археологические следы пазырыкского культурного влияния в долине реки Иу, Восточный Тянь-Шань 214

Timur R. Sadykov, Igor Yu. Slyusarenko. Crossing the Hallstatt plateau in the Uyuk depression 217

Maria A. Bronnikova, Konstantin V. Chugunov, Timur R. Sadykov, Andrey V. Panin. Reconstruction of the environment of Turan-Uyuk depression in the Scythian time according to paleosoils research of Chinge-Tey-I and Tunnug-1 burial-memorial complexes 220

Petr K. Dashkovskiy. The social attribution of buried people in the Pazyryk mound No. 30 from the burial ground Khankarinsky Dol (Altai) 223

Mu Jinshan. Pazyryk burial mounds with ceramic vessels from Songshugou grave field (Xinjiang, China) 226

Natalia A. Leybova. New dental anthropology data of the Pazyryk culture population of the Altai Mountains 229

Nikolay N. Golovchenko. Clothes complex in intercultural communication system of the Upper Ob area population in the Early Iron Age 232

Sergey P. Nesterov. Cultural relationships of the Amur population with South Siberia and Central Asia in the Paleometal Era 235

Alexander A. Kazakov. The Altai variant of the Kulayka archaeological culture 239

Pavel V. Mandryka, Polina O. Senotrusova, Ksenia V. Biryuleva. Ishimka complex: the results of the first excavations 242

Dmitry V. Selin, Yury P. Chemyakin. Ceramics with metallurgical slags at the Barsova Gora III/66 site (Bely Yar culture, Early Iron Age, Surgut Ob region) 245

Victor A. Borzunov. The genesis of the Ob´ Ugrians´ elite of the Surgut and Lower Ob´ regions (heroes and shamans of the Kulaika Epoch) 248

Anatoly V. Semenov. The funeral constructions in the graves of the 1st mill. BC in Tuva 252

Dmitry V. Papin. Biya-Katun interfluve in the Early Scythian time 255

SECTION IV. **Nomads at the turn of our era**

Evgeny V. Vdovchenkov. Semantics of diagonal burials of the Sauromatic and Middle Sarmatian time 257

Valentina I. Mordvintseva. A network model for the interpretation of the Sarmatian archaeological cultures' formation and development 260

Vladimir V. Kufterin, Nadezhda A. Dubova. Craniometric data from Ksirov kurgan cemetry: the Saka, Wusun or Yuezhi? ... 263

Mikhail Yu. Treister. Multi-vector contacts of Eurasian nomads in the 1st century BC — first centuries AD and the problem of the „Fur Road" ... 266

Alexander N. Podushkin. Han mirrors from the catacomb burial grounds of South Kazakhstan ... 270

Natalia A. Sutiagina, Nasan-Ochir Erdene-Ochir. The cemeteries of Noin-Uul. Archival schemes and modern plans ... 270

Pan Ling, Wang Yufu. Chronology of burial mound No. 1 of the burial ground Gol Mod-2: to the question of determining the identity of the buried ... 275

Nikolay N. Nikolaev. Peripetia of the Ulug-Khem culture of Tuva (Historiographic review) ... 280

Pavel M. Leus. Xiongnu time burials with horse skulls in Tuva ... 282

Dmitry A. Vinogradov. Burials of the Tes' time in Krasnoyarsk (preliminary report) ... 286

Evgeny O. Stoyanov. Did the classical authors know anything about Xiongnu? ... 289

Varvara B. Trubnikova. Zhalainuoer as a „classic" Xianbei site ... 293

Wei Jian. New data on Xiongnu and Xianbei archeology on the Mongolian plateau ... 296

Nikolay N. Seregin, Mikhail A. Demin, Sergey S. Matrenin. Karban-I — necropolis of the Early Xianbei Period of Northern Altai: main research results ... 302

Olga V. Dyakova. Xianbei and archaeology ... 305

Sergey A. Yatsenko. On the historical and cultural importance of the some series of nomadic tamgas of Xiongnu-Sarmatian time ... 307

Yuri V. Shirin. Traditions and innovations of the archery equipment in the forest zone of Western Siberia at the beginning of the 1st millennium AD ... 311

Svetlana V. Pankova, Artem V. Nedoluzhko, Ekaterina O. Vergasova, Anna Yu. Ilyinskaya, Nadezda A. Pogodina, Alexander S. Rakitko, Nikolay A. Plotnikov, Valery V. Ilyinskiy. The first results of genetic studies of the Oglakhty cemetery (the excavations of 1969) ... 314

Valerii P. Nikonorov. Were the Chionites of Ammianus Marcellinus related to the Xiongnu (Asiatic Huns) by their origin? ... 319

SECTION V. **Central Asia and the Caucasus**

Anahit Yu. Khudaverdyan. The most ancient communities of the Armenian Highlands and Eurasia in the worlds' dialogue (Chalcolithic — Early Bronze Age) ... 323

Dmitry A. Kirichenko. About the scepter from the Masally Museum of History and Local Lore (Azerbaijan Republic) ... 327

Kamilla B. Kalinina, Lyubov B. Kircho, Elena G. Starkova. The experience of study of the Tripolye and Anau painted ware's color layer and engobe (the middle of the 4th mill. BC) ... 330

Vitaliya A. Agahanova, Anatoliy A. Uminov, Alexey V. Fribus, Nadezhda A. Dubova. Speiss seal from Gonur Depe ... 334

Saidmurod G. Bobomulloev, Natalia M. Vinogradova, Giovanna Lombardo. Research of the Farkhor burial ground — a site of the Early and Middle Bronze Age in the South of Tajikistan in autumn 2021 ... 337

С.-Дж. Симпсон, К. Р. Картрайт, Дж. Эмберс (†), *М. Ф. Рахими.* Среднеазиатское вооружение бронзового века: новый подход с применением естественно-научных методов выявления и радиоуглеродной датировки древесных остатков ... 341

Olga V. Sycheva. On the issue of connections between the metalwork of Central Asia and Kazakhstan with the Eastern Europe in the Late Bronze Age ... 344

Nona A. Avanesova. Tagisken-Amirabad antiquities of the Bronze Age in the Zeravshan valley ... 347

Ejegul A. Muradova. The contact zones of Turkmenistan's Early Iron Age cultures ... 351

Archil S. Balakhvantsev, Evgeny A. Kuptsov, Lidia V. Kuptsova. The new finds of Achaemenid and Central Asian imports near the village Samorodovo ... 353

Galina A. Aksyanova. Odontology of the ancient Uzboy population ... 357

Victor V. Mokroborodov. On the settlement vicinity of early urban centers of western Central Asia ... 360

Maria S. Nazarova. A „Parthian" warrior from a Sichuan tomb: on the iconography of the Parthians in material culture monuments of the Ancient world ... 364

Maria A. Kudinova. Peculiarities of the Sogdian elite burials´ funeral rite in the territory of China during the Early Middle Ages 367

Bokijon Kh. Matbabaev, Khikmatillo B. Khoshimov. On the peculiarities of the funeral rites in Early Medieval Ferghana 370

Anna A. Mikheeva. Representations of a cross on Central Asian terracotta plaques: general overview and iconography 373

Galina V. Trebeleva, Marina E. Klemeshova, Gleb Yu. Yurkov. Archaeometry in the research of Markul settlement (Abkhazia) 377

SECTION VI. **The visual world of Eurasia: new interpretations**

Ilya V. Palaguta. The first wagon depiction or a landscape image? On the interpretation of the drawing on the vessel from Bronočice 380

Vladimir A. Kisel. Geometric petroglyphs of Southern Siberia and Mongolia in ethnographic coverage 384

Victor A. Novozhenov. Combat sleds and chariots of Moldazhar 387

Evgeny G. Shalakhov. Spearmen warriors of the Late Bronze Age in petroglyphs and archaeology of Eurasia 391

Yury I. Mihailov. About one pictorial manner in the south of Western Siberia in the Bronze Age 393

Marina E. Kilunovskaya. Chrology and chronology of deer stones of Tuva 396

Alexey A. Tishkin. The „deer" stones of the Altai 400

Vadim V. Gorbunov, Olga S. Likhacheva. Body protection equipment of the early nomads of Mongolia (material and pictorial sources) 403

Vadim S. Nikolayev, Oleg B. Varlamov. An overlay plaque depicting deer from Pre-Baikal Region 406

Irina A. Ponomareva. Khaysagar rock art site (Buryatia): attribution attempt 410

Yuliya V. Kozhukhovskaia. Color as a semiotic code in the burial rite of the Bronze Age of the Crimean Peninsula ... 413

Marina Yu. Vakhtina, Maya T. Kashuba. On the images on an early-Scythian black-glazed large pot from the excavations of Nemirovo fortified settlement in the South Bug river area 415

Gulnara S. Jumabekova, Dana K. Dossayeva, Galiya A. Bazarbayeva. Decor of the most ancient saddle in Kazakhstan: issues of study and preservation 419

Olga V. Anikeeva, Sergei A. Boukreev. Images of birds of prey among the ancient Indo-Iranians: iconography, ornithological definitions by images, semantics 422

Elena F. Korolkova. The animal style openwork bracelet from the Siberian collection of Peter the Great: its style, technological features and individual manner 426

SECTION VII. **The Eurasian space in the Middle Ages**

Yuri A. Vinogradov. To the discovery of the Nestorian church on the island of Socotra (Yemen) 429

Alexander A. Krasnoperov. The origin of lamellar metal decorations in the cemeteries of the Vyatka river basin ... 432

Munira M. Khatamova. The concept „city" and the characteristic features of the ancient Turcic cities 435

Oleg A. Mitko. Intercultural relationships and contacts of the Early Medieval population of the Minusinsk Basin (by the materials of the excavations near the village of Abakano-Perevoz in 1967–1968) 439

Nina V. Leshchenko. The economy of the population of Primorye (Primorsky Kray) in the Early Middle Ages 441

Vladimir V. Ovsyannikov. Migrations of the Trans-Ural and West Siberian population to the forest-steppe zone of the Cis-Urals in late Antiquity and the Middle Ages 445

Irina Y. Chikunova. About the possibility of reconstruction of the ethno-cultural situation in the Tobol region southern taiga during the Early Middle Ages (according to the materials of the settlement Lisiy Bor 2) 448

Natalya P. Matveeva. Cultural processes in the forest-steppe zone of Western Siberia in the Early Middle Ages 451

LIST OF ABBREVIATIONS 454

Предисловие

Михаил Петрович Грязнов, 120-летие которого мы отмечаем очередной Международной научной конференцией, созванной в его честь, и настоящим сборником материалов ее участников всегда занимал особое место среди отечественных археологов благодаря масштабу своего таланта и неоспоримому вкладу в развитие науки.

В последние десятилетия в Санкт-Петербурге и шире — в российском археологическом сообществе — сложилась добрая традиция отмечать круглые даты со дня рождения М. П. Грязнова, приурочивая к ним проведение конференций и выход сборников научных трудов. Первый такой сборник увидел свет в 1992 г. — через восемь лет после смерти М. П. Грязнова, к 90-летию ученого (Северная Евразия…, 1992). С тех пор каждые десять лет в Санкт-Петербурге силами сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН в содружестве с коллегами из Государственного Эрмитажа и Санкт-Петербургского государственного университета проводились международные научные конференции, своим масштабом, географией участников и широтой обсуждаемых научных вопросов сопоставимые с международными конгрессами или всероссийскими археологическими съездами (Степи Евразии…, 2002; 2003; Культуры степной Евразии…, 2012). Санкт-Петербургская часть личного архива ученого, хранящаяся в Научном архиве ИИМК РАН, была окончательно описана к 110-летию М. П. Грязнова (каталог-путеводитель см.: Михаил Петрович Грязнов…, 2012).

Научное наследие М. П. Грязнова, как опубликованное, так и сохраненное в личном архиве, — неисчерпаемый источник теоретических и практических идей, которыми он сам щедро делился при жизни. Лучше всего это осознают прямые ученики Михаила Петровича, но масштаб личности ученого, принципиальную ответственность исследователя за выдвинутые им идеи, скрупулезность разработки каждой научной темы, стремление к максимальной завершенности и ясности каждой работы понимают все, кто обращается к трудам Грязнова.

В отечественной историографии уже стали традицией работы, посвященные личности М. П. Грязнова и его вкладу в археологию ранних кочевников Евразии, а также в разработку методов полевой и кабинетной археологии. Так, каждый из сборников материалов предшествующих конференций открывался блоком статей, касающихся истории становления М. П. Грязнова как ученого, внедренных им методов научного исследования или значения его работ на современном этапе развития российской археологии. Не является исключением и этот том.

Будучи в ранние университетские годы учеником и последователем С. А. Теплоухова и отчасти С. И. Руденко, Грязнов волею судьбы и силой собственных устремлений стал своеобразным мостом между раннесоветской довоенной археологией (уходившей корнями в дореволюционную традицию) и советской археологией периода ее расцвета, объединив лучшие их черты, а в ряде направлений основав собственную методическую школу. Глядя из нашего времени, мы ясно видим, что именно М. П. Грязнов явился подлинным основателем ленинградской школы археологии Сибири эпохи бронзы и раннего железного века, зачинателем целого ряда ее научных традиций в практической и теоретической плоскостях и тем ее лидером, мнение которого по ряду вопросов остается до сих пор актуальным. Это подтвердят археологи Петербурга, занимающиеся сибирской тематикой, независимо от того, к какому поколению реальных или идейных учеников Грязнова они принадлежат.

В настоящем сборнике на современном исследовательском уровне подняты и рассмотрены проблемы, входившие в круг научных интересов М. П. Грязнова: хронология и периодизация, историко-культурная интерпретация, итоги изучения новых археологических памятников горно-степной Евразии широкого временного диапазона. Многие материалы впервые вводятся в научный оборот. Традиционно большое внимание уделено дискуссионным проблемам палеоантропологии, развития древнего изобразительного искусства, применения естественно-научных методов в археологических исследованиях. Многие затрагиваемые вопросы далеки от своего решения, что формирует широкое поле для дальнейших исследований и придает им мощный потенциал.

Изданный к 120-летию М. П. Грязнова юбилейный сборник — не только дань памяти большого ученого, но также знак преемственности традиций и новый импульс в изучении древнего прошлого Евразии.

Культуры степной Евразии…, 2012 — Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. В 2 кн. / Редкол.: В. А. Алёкшин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. 432 с. + 584 с.

Михаил Петрович Грязнов…, 2012 — Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ / Отв. ред. Д. Г. Савинов; сост.: Е. В. Бобровская и др. СПб.: ЭлекСис, 2012. 80 с.

Северная Евразия…, 1992 — Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конф. к 90-летию со дня рожд. М. П. Грязнова) / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1992. 246 с. (Археологические изыскания; Вып. 2).

Степи Евразии…, 2002 — Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова (март 2002 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. I. 284 с.

Степи Евразии…, 2003 — Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова (март 2002 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. 310 с.

М. Т. Кашуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова

СЕКЦИЯ I
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ М. П. ГРЯЗНОВА И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ

М. П. Грязнов — новатор в археологии[1]

Н. А. Боковенко[2]

Аннотация. *М. П. Грязнов всегда являлся новатором в археологии. Он постоянно разрабатывал различные методики: определение функции предметов по древесным волокнам на примере кельтов (топоров-тесел); статистико-комбинаторные методы в археологии (на примере тех же кельтов); технику графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по ее фрагментам; сравнительно-сопоставительный метод при изучении героического эпоса; анализ сюжетов и техники исполнения изображений на оленных камнях. За наблюдениями М. П. Грязнова всегда скрываются большие и перспективные новации, открывающие возможности для дальнейших новых и интересных исследований.*

Ключевые слова: *М. П. Грязнов, ранние кочевники, методика, курганная архитектура, звериный стиль, героический эпос, оленные камни.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.17-19

Михаил Петрович Грязнов, видимо в силу природной любознательности и физико-математического образования, постоянно предлагал новации в различных областях археологии. В методическом аспекте любопытны его опыты в своем саду с каменными ограждениями вокруг клумб. Эти манипуляции связаны с тем, что на Среднем Енисее в эпоху бронзы и скифское время курганы окружали каменными оградами из вертикальных плит. В одних случаях плиты оград располагались вертикально, в других — были отклонены наружу. Исследования М. П. Грязнова показали, что земляные насыпи, сооруженные вплотную к ограде, со временем из-за перепада температур летом и зимой отклоняли вертикальные плиты оград наружу либо «переползали» за пределы ограды. В тех случаях, когда земляные насыпи сооружались в центре и не достигали вертикальных каменных оград, последние оставались вертикальными.

М. П. Грязнов также предложил методику определения функционального назначения *кельтов* (топоров-тесел) по расположению волокон в рукоятках их древков. Его знаменитая новаторская работа по *кельтам* Южной Сибири (*Грязнов*, 1941) ценна в том числе из-за новой предложенной методики по корреляции признаков для объективного выделения типов артефактов. Этот метод открыл широкие возможности применения статистико-комбинаторных методов в мировой археологии. Западные археологи, видимо, эту работу не знали, поэтому К. Ренфрю и П. Бан в своем фундаментальном труде «Основы археологии» (*Renfrew, Bahn*, 2018), выдержавшем восемь изданий, так и не упомянули М. П. Грязнова. В дальнейшем Михаил Петрович продолжал успешно разрабатывать типологический метод.

В те же годы М. П. Грязнов разработал весьма важную для археологии тему — технику графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по ее фрагментам (*Грязнов*, 1946).

Постоянные наблюдения в полевой археологии при раскопках различных памятников позволили ему написать прекрасную работу «Курган как архитектурный памятник», где памятник анализируется как сложное сооружение в движении во времени его существования, в процессе которого происходили различные изменения (*Грязнов*, 1961а).

В 1979 г. вышла коллективная монография под редакцией Михаила Петровича, посвященная материалам исследований одного из археологических микро-

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Николай Анатольевич Боковенко — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: nibo25@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5617-9674.

районов у горы Тепсей на Енисее. Кроме публикации многочисленных материалов различных культур он проследил развитие небольших оврагов, которые то разрастались, то заполнялись и на сторонах которых сооружались погребальные комплексы. Он показал важность учета природных изменений при анализе динамики развития могильников.

Для изучения развития скотоводства в евразийских степях в ГАИМК в начале 1930-х гг. была создана творческая группа «История кочевого скотоводства» (ИКС). Михаил Петрович принял в ее разработке самое активное участие. Эта проблематика стала одной из ведущих в его научной деятельности. Позже, в 1939 г. им впервые было сформулировано определение времени ранних кочевников как особого периода в истории Евразии. Новое понятие заменяло хронологию по принципу смены материала основных орудий труда (каменный век — бронзовый — железный), что не совсем отражало реальные процессы развития общества на той или иной территории. В Центральной Азии широкое применение железа началось лишь с III в. до н. э. По мнению М. П. Грязнова, необходимо строить периодизации, основанные на социально-экономических изменениях в культурах, и поэтому-то он вводит в археологию понятие «ранние кочевники» (или «культуры скифо-сибирского облика»), которое характеризует новый хронологический этап, отличный от эпохи бронзы.

Особое место в творчестве М. П. Грязнова, живо интересовавшегося различными аспектами древнего искусства, занимает работа о древнейших пластах героического эпоса (*Грязнов*, 1961б). Его очень тонкие наблюдения в различных эпосах евразийских народов и сравнение их с реальными археологическими артефактами позволили удревнить сложение героических эпосов до скифо-сарматской эпохи. Так, типичный сюжет в героических эпосах тюрко-монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии, в монголо-ойратском эпосе (Бум-Эрдэни, Ергиль-Тюргюль и др.), казахском (Шура-Батыр), алтайском (Кан-Сулутай) и бурятском (Аламжи Мерген) и др. — это борьба богатырей, когда в результате долгой схватки у них кончается оружие и они соскакивают со своих коней и начинают бороться в рукопашной схватке. Такой сюжет представлен на поясных бронзовых бляхах кочевников III–I вв. до н. э. из Ордоса и др. И то, что верхняя часть туловища обнажена, где предположительно могли быть татуировки, широко представленные в пазырыкской культуре Алтая на реальных погребенных, еще раз подтверждает архаичность героического эпоса. Присутствие коней позади богатырей также очевидно, ибо «конь — это неразлучный товарищ каждого богатыря, участник всех его подвигов, верный его помощник и советчик» (*Там же*. С. 13). И в героических эпосах, и на бронзовых бляхах можно встретить и другой сюжет — борьбы двух кусающихся коней. Как считает М. П. Грязнов: «Этот стандартный канонический образ борьбы двух коней надо рассматривать как поединок коней-богатырей древнего героического эпоса, являвшийся, возможно, одним из центральных сюжетов в древних поэмах и сохранившийся до наших дней в некоторых современных алтайских и монголо-ойратских поэмах» (*Там же*. С. 16). «На колени встали, друг друга кусали, шеи перегрызть пытались», — поет алтайский сказитель (*Там же*).

Изображение на знаменитых золотых бляхах из Сибирской коллекции Петра I, по мнению М. П. Грязнова, иллюстрирует рассказ о смерти и оживлении богатыря в алтайской поэме Козын-Эркеш. В ней богатырь Козын-Эркеш был коварно убит под тополем и изрезан противником на мелкие части. Молодая жена его Байым-Сур и побратим пытаются оживить его. Побратимство богатырей и совместные подвиги двух богатырей-братьев были, по-видимому, характерны для эпоса ранних кочевников, отмеченные у скифов еще Геродотом и другими античными авторами.

Тщательное изучение исследователем героических эпосов центральноазиатских народов позволило Михаилу Петровичу выявить архаические пласты этих сказаний и убедительно доказать, что они, скорее всего, начали складываться в скифскую эпоху.

Не менее интересны наблюдения М. П. Грязнова по оленным камням I тыс. до н. э. (*Грязнов*, 1978), — их известно в Центральной Азии около тысячи, однако их происхождение остается загадкой. Анализируя расположение выбитых изображений оленей на камнях, Михаил Петрович пришел к выводу, что первоначально они изготавливались из дерева, поэтому на ранних оленных камнях изображения выбивались по окружности. Со временем изображения перемещались на каждую грань камня, и на поздних камнях изображения упрощались, теряя многие детали, присущие более ранним памятникам. Эти наблюдения позволят выявить хронологию этих прекрасных артефактов в будущем.

За наблюдениями Михаила Петровича всегда скрываются большие и перспективные новации, открывающие возможности для дальнейших новых и интересных исследований.

Грязнов, 1941 — *Грязнов М. П.* Древняя бронза Минусинских степей // Тр. Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.: ГЭ, 1941. Т. 1. С. 237–271.

Грязнов, 1946 — *Грязнов М. П.* Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам // СА. 1946. Т. 8. С. 306–318.

Грязнов, 1961а — *Грязнов М. П.* Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях,

посвящ. итогам полевых исследований в 1960 г. М.: б. и., 1961. С. 22–25.

Грязнов, 1961б — *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 7–31.

Грязнов, 1978 — *Грязнов М. П.* Саяно-алтайский олень: (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Сб. статей в память проф. М. И. Артамонова / под ред. Л. С. Клейна. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Вып. 2. С. 222–232.

Renfrew, Bahn, 2018 — *Renfrew C., Bahn P.* Archaeology Essentials: Theories, Methods, and Practice. 4th ed. London: Thames and Hudson, 2018. 352 p.

Mikhail P. Gryaznov — an innovator in archaeology

Nikolay A. Bokovenko[3]

Mikhail P. Gryaznov has always been an innovator in archaeology. He has constantly developed various methods: determination of the function of objects by wood fiber by the example of the celts (axes-adzes); statistical-combinatorial methods in archeology (by the example of the same celts); technique of graphic reconstruction of the form and sizes of clay vessels by their fragments; comparative-contrastive method in the study of heroic epic; analysis of subjects and technique of execution of images on deer stones. Behind Gryaznov's observations are always great and promising innovations that open up opportunities for further new and interesting research.

Keywords: *Mikhail P. Gryaznov, early nomads, methodology, barrow architecture, animal style, heroic epic, deer stones.*

3 Nikolay A. Bokovenko — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: nibo25@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5617-9674.

Архивные материалы из фонда М. П. Грязнова о его научных связях с исследователями Сибири в 1920–1930-е гг.

Л. Ю. Китова[1]

Аннотация. *В статье вводятся в научный оборот неизвестные архивные материалы по истории сибирской археологии 1920–1930-х гг. Письма к М. П. Грязнову позволяют восстановить его научные контакты, раскрыть отношение к нему коллег, прояснить некоторые спорные вопросы из истории археологической науки.*

Ключевые слова: *М. П. Грязнов, личная переписка, сибирская археология в 1920–1930-е гг.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.19-22

Михаил Петрович Грязнов на протяжении всей своей научной деятельности имел обширные научные контакты. В 1920–1930-е гг. его корреспондентами были археологи-сибиреведы: Варвара Павловна Левашева, Бернгард Эдуардович Петри, Сергей Михайлович Сергеев, Георгий Петрович Сосновский, Евгений Робертович Шнейдер, письма которых хранятся в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН.

В фонде 91 сохранилось три небольших письма Б. Э. Петри (1884–1937), бывшего профессора и заведующего кафедрой первобытной культуры в ИГУ, создавшего первую научную археологическую школу в Сибири. Когда в 1927 г. Бернгард Эдуардович начал переписку с Михаилом Петровичем[2], кафедра и факультет общественных наук ИГУ были уже закрыты, и он, видимо, работал в Комитете содействия народностям северных окраин (Комитет Севера)[3]. М. П. Грязнов был тогда совсем молодым человеком, но уже работал в ЭО ГРМ и ГАИМК, хотя и не закончил еще полный курс обучения.

М. П. Грязнов участвовал в минусинских (1920–1923 гг., руководитель С. А. Теплоухов) и алтайских

1 Людмила Юрьевна Китова — Кемеровский государственный университет, ул. Красная, д. 6, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: lyudmila.kitova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4769-9819.

2 В письме от 10 декабря 1927 г. Б. Э. Петри еще сомневается, правильно ли он назвал Грязнова по имени и отчеству, что подтверждает наше предположение о начале переписки.

3 В письме от 20 декабря 1930 г. значится не только подпись Б. Э. Петри, но и указание места работы: Иркутск. Комитет Севера (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Д. 143. Л. 4).

(1924–1925 гг., 1927 г., руководитель С. И. Руденко) экспедициях и исследовал совместно с заведующим Музеем археологии и этнографии ТомГУ А. К. Ивановым курганы в Тояновом городке у Томска и ряд других памятников его окрестностей в 1924–1925 гг., а также самостоятельно раскопал андроновские погребения в Казахстане в 1925 г. Видимо, именно М. П. Грязнов инициировал эту переписку. Ему важно было мнение известного ученого, создавшего хронологическую шкалу неолитических памятников Сибири. В 1927 г. вышла публикация М. П. Грязнова о раскопках в Западном Казахстане, которую он отправил Б. Э. Петри. Последний принял ее с благодарностью и, в свою очередь, выслал ему пять своих работ (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 143. Л. 2), в том числе первые обобщающие брошюры по сибирскому палеолиту (*Петри*, 1923) и сибирскому неолиту (*Петри*, 1926).

Еще два коротких письма от 1 апреля и 20 декабря 1930 г. также касаются благодарности Б. Э. Петри за присланные М. П. Грязновым публикации, в первую очередь о раскопках Пазырыкского кургана на Алтае в 1929 г. и обнаруженных там блестящих находках. Бернгард Эдуардович отметил их как интересные, а по поводу статьи Грязнова «Древние культуры Алтая» (*Грязнов*, 1930) выразил радость, что его собственные «первые несмелые шаги <…> 12 лет тому назад» в области культурно-хронологической классификации памятников археологии Сибири «…теперь приобретают такое законченное оформление по отдельным территориям, как у Вас и у С. А. Теплоухова». Известно, что М. П. Грязнов использовал классификацию культур Минусинского края С. А. Теплоухова для построения хронологической схемы памятников Алтая, о которой и упоминает Петри (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 143. Л. 3–4).

В 1927 г. начинается переписка М. П. Грязнова с В. П. Левашевой (1901–1974) — выпускницей археологического отделения МГУ, ученицей В. А. Городцова, сотрудницей краеведческих музеев в Омске (1926–1929) и Минусинске (1930–1946). В письме от 10 декабря 1927 г. она еще не знает его имени, отчества и просит в конце письма их сообщить (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 103. Л. 2–3). Грязнов и Левашева — люди одного возраста. В отличие от писем Петри, письма Левашевой более насыщены информацией, она подробно рассказывает о своих исследованиях, работе в музее, делится идеями и просит совета по поводу культурно-хронологического определения отдельных памятников в Прииртышье (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 103). Михаил Петрович был заинтересован в получении ее материалов исследований и просил сделать рисунки находок. Исследователи обменивались опубликованными работами. К сожалению, у Левашевой не сохранилось писем Грязнова, поэтому представляют интерес письма Варвары Павловны, адресованные Н. К. Ауэрбаху — старшему коллеге, ученику В. А. Городцова, ученому секретарю Общества изучения Сибири, в которых она рассказывает о переписке с Михаилом Петровичем и высоко оценивает его профессиональные и человеческие качества.

В апреле 1928 г. В. П. Левашева сообщила Н. К. Ауэрбаху: «Сегодня получила письмо от Грязнова из Ленинграда (это руденковский ученик, археолог), ему я давно уже обещала послать зарисовки нашей бронзы из отдела. Он ждет их, а мне некогда взяться за это дело. Эта переписка с ним очень интересная. Он дал мне возможность воспользоваться их материалом из Бийского курганного могильника, материал близкий к моей н-ой (новой. — *Л. К.*) курганной культуре. А сейчас он критикует мое определение 2-й культуры, я ее сравниваю с Руденковским Кудырге и с частью Усть-Тартасских курганов, а он говорит, что Кудырге и эта часть Усть-Тартасских схожие, но разные культуры. Надо будет мне хорошенько разобраться, к чему ближе мои. Очень благодарна ему за то, что заставил призадуматься. Вы знаете его? Я никогда в жизни Грязнова не видела, у нас знакомство только по переписке, но, судя по письмам, он мне очень нравится, чувствуется, что человек знающий, но в то же время очень простой…» (НА ИАЭТ СО РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 320. Л. 21). Научные связи с М. П. Грязновым ее радовали, а блестящие открытия на Алтае в 1929 г. вызвали восторг: «Недавно узнала о сногсшибательных находках в Сибири. Несколько дней тому назад у меня останавливался сотрудник Русского музея В. С. Адрианов, который нынче работал с Грязновым в Ойротской области. Они раскопали там чудный курган (Первый Пазырыкский курган. — *Л. К.*), т. к. это очень интересно, нарисую Вам на память по его плану…» И далее после схемы-рисунка на двух страницах В. П. Левашева с жаром описывала Н. К. Ауэрбаху строение камеры, удивительные находки, даже проводила собственные аналогии (НА ИАЭТ СО РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 320. Л. 45 об., 46–46 об.).

Левашева рекомендует Ауэрбаху Грязнова как ученика С. И. Руденко, но позже М. П. Грязнов будет называть своим учителем только С. А. Теплоухова, а в 1930-е гг. будет оспаривать совместное с С. И. Руденко авторство раскопок Первого Пазырыкского кургана. В черновиках монографии «Пазырык. Замерзший курган на Алтае» М. П. Грязнов указывал: «Раскопки пазырыкского кургана велись под непосредственным руководством автора настоящих строк при участии сотрудников экспедиции М. Н. Комаровой, В. С. Адрианова, А. Т. Долгих и научно-технического сотрудника К. И. Ульриха. Общее же руководство работами экспедиции принадлежало начальнику экспедиции С. И. Руденко, принявшему непосредственное

участие в раскопках пазырыкского кургана при разборке верхних частей внутримогильного сооружения и южной половины самого погребения» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 90. Л. 30).

Георгий Петрович Сосновский (1899–1941), вероятно, познакомился с М. П. Грязновым в 1925 г., когда был участником Красноярской экспедиции, а также исследовал памятники андроновской культуры в Хакасии. 25 августа 1925 г. он напомнил о себе из Красноярска: «Вы, наверное, [не. — *Ред.*] забыли Афонтову гору, наше совместное пребывание в степях Минусинского края и общие интересы по доистории Сибири» — и обратился с просьбой оказать содействие приехавшей в Ленинград ближайшей помощнице в археологической деятельности Линде Михайловне Нурк (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 184. Л. 3). Все остальные письма датируются 1930-ми гг., когда Г. П. Сосновский работал в ГАИМК/ИИМК и в Эрмитаже, где трудился и М. П. Грязнов. Основное содержание писем касается их деятельности, здоровья (Сосновский часто болел), организации Саяно-Алтайской выставки в Эрмитаже и отдельных вопросов археологии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 184).

Письма Сергея Михайловича Сергеева (1879–1947), окончившего Археологическое отделение МГУ в 1923 г., к М. П. Грязнову датируются 1928–1947 гг. С 1927 по 1934 г. Сергеев был директором Бийского музея, и с 1934 по 1937 г. — Ойротского (Горно-Алтайского. — *Л. К.*) музея, а затем вернулся в Бийский музей и проработал там научным сотрудником до 1947 г. В 1927 г. Сергеев описывал состояние археологического отдела Бийского музея как крайне убогое, не соответствующее богатому археологическому наследию Бийского округа, и просил М. П. Грязнова назвать исследователей, занимающихся археологическим изучением Алтая, и прислать список их работ и статьи самого Грязнова по Алтаю (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 175. Л. 2–6, 23). М. П. Грязнов получал рисунки и фотографии интересующих его предметов из фондов музеев. В 1939 г., когда после долгого перерыва ему удалось снова организовывать экспедицию на Алтай, он попросил С. М. Сергеева узнать, где можно достать ломы и кайлы, арендовать машину, купить продовольствие для экспедиции. С. М. Сергеев содействовал организации экспедиции Грязнова на Алтае (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 175. Л. 16, 18).

Сохранилось одно письмо к М. П. Грязнову от Евгения Робертовича Шнейдера, его товарища и коллеги (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 225). Они учились в ТГУ: Грязнов на естественном отделении физмата, а Шнейдер на историко-филологическом факультете, и оба после преобразований в ТГУ уехали доучиваться в Петроград в 1922 г. Они вместе ездили в экспедиции к С. А. Теплоухову и написали совместную статью о каменных изваяниях Минусинского края (*Грязнов, Шнейдер*, 1926). Через три года этот материал был переосмыслен на новом уровне, и в свет вышла большая по объему публикация (*Грязнов, Шнейдер*, 1929).

Письмо Шнейдера от 19 июня 1929 г. как раз написано по поводу подготовки этой новой статьи. Е. Р. Шнейдер обращается к М. П. Грязнову «Дорогой Михайла» и на «ты», что подчеркивает их дружественные отношения. Евгений Робертович в отсутствие Грязнова (бывшего в то время в экспедиции на Алтае) занимался корректурой текста, чертежей и рисунков. Он прекрасно рисовал, и в статье были приведены его рисунки изваяний. В письме Шнейдер сообщает другу, что статья сверстана и 15 июля 1929 г. поступит в печать. Кроме того, он пишет о том, что С. И. Руденко и С. А. Теплоухов не избраны на свои должности по конкурсу в ЛГУ. Шнейдер тогда еще не понял, что начались политические гонения на их учителей. На должность Руденко был избран Вишневский (вероятно, антрополог Борис Николаевич Вишневский), Теплоухова — П. П. Ефименко. «Что касается С. А. (Теплоухова. — *Л. К.*), то для него будет большим моральным ударом. Я об этом ему не пишу нарочно, зная, что тогда вся работа у него повалится из рук, а сделать сейчас что-нибудь отсутствуя нельзя», — отмечает Шнейдер (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 225. Л. 3). Теплоухов был в экспедиции в Туве. Евгений Робертович упоминает в письме коллегу, сотрудницу ЭО ГРМ Раису Павловну[4], которая оставалась летом в Ленинграде из-за операции. Видимо, она тоже работала в ЛГУ и должна была, как и Шнейдер, переизбираться по конкурсу. Е. Р. Шнейдер раздумывал, но был поддержан П. П. Ефименко, который в случае его отказа от участия в выборах на должность предпочел бы «видеть» в ЛГУ Грязнова. Однако у последнего обнаружились «затруднения» в виде отсутствия диплома о высшем образовании, на что сетует его друг (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 225. Л. 2–3).

Смею предположить, что сохранившиеся письма 1920–1930-х гг. М. П. Грязнову — только малая толика переписки тех лет. Михаил Петрович был открытым человеком, и корреспондентов у него было много. Тем не менее и эти письма показывают, что самое значительное место в научных контактах имели обмен литературой, обсуждение открытых археологических памятников — их культурной и хронологической принадлежности. И в политическом, и экономическом аспектах то время было чрезвычайно сложное, но любимое дело — научные исследования — помогало

---

4 Р. П. Митусова — в девичестве Кутепова, ученица С. И. Руденко, дважды была репрессирована: в 1930 г. после ареста учителя, а затем 1937 г. в Кемерово по делу Российского общевойскового союза (РОВС). По делу РОВС в Ленинграде был арестован в 1937 г. и Е. Р. Шнейдер.

спастись от депрессии и делало жизнь более насыщенной и интересной.

НА ИАЭТ СО РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 320. Письма Ауэрбаху Н. К. Левашевой Варвары Павловны.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 90. «Пазырык. Замерзший курган на Алтае»; Оп. 3. Д. 103: Левашева Варвара Павловна; Д. 143: Петри Бернгард Эдуардович; Д. 175: Сергеев Сергей Михайлович; Д. 184: Сосновский Георгий Петрович; Д. 225: Шнейдер Евгений Робертович.

Грязнов, 1927 — *Грязнов М. П.* Погребение бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Антропологические очерки. Вып. 1. Л., 1927. С. 172–219.

Грязнов, 1930 — *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая // Новосибирск: Общество изучения Сибири. 1930. 11 с. (Материалы по изучению Сибири. Вып. 2).

Грязнов, *Шнейдер*, 1926 — *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Каменные изваяния Минусинских степей // Природа. 1926. № 11–12. С. 100–105.

Грязнов, *Шнейдер*, 1929 — *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 63–93.

Петри, 1923 — *Петри Б. Э.* Сибирский палеолит. Иркутск: ВСОРГО, 1923. 47 с.

Петри, 1926 — *Петри Б. Э.* Сибирский неолит. Иркутск: Власть труда, 1926. 39 с.

Mikhail P. Gryaznov' scholarly relations with Siberian researches in the 1920s — 1930s according to the materials from his personal archival fund

Lyudmila Yu. Kitova[5]

The paper introduces some previously unknown archival materials on the history of Siberian archaeology in the 1920s–1930s into scientific discourse. Letters to M. P. Gryaznov allow us to restore information on his academic contacts and to reveal the attitude of his colleagues towards him, as well as to clarify some controversial issues from the history of archaeological science.

Keywords: *Mikhail P. Gryaznov, personal correspondence, Siberian archaeology in the 1920–1930s.*

5 Lyudmila Yu. Kitova — Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: lyudmila.kitova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4769-9819.

Работа М. П. Грязнова в составе группы «История кочевого скотоводства»[1]

О. В. Стяжкина[2]

Аннотация. *В 1930–1931 гг. М. П. Грязнов работал в составе небольшой исследовательской группы «История кочевого скотоводства», возникшей в 1930 г. в ГАИМК. За непродолжительный период своего существования эта группа, по сути, заложила основы кочевниковедения как исследовательского направления в советской исторической науке. Опираясь на архивные материалы, автор освещает некоторые аспекты деятельности группы: тематику заседаний, методику организации работы с материалом, а также практические наработки и достижения.*

Ключевые слова: *М. П. Грязнов, ГАИМК, исследовательская группа «История кочевого скотоводства», кочевниковедение.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.22-24

На рубеже 1920–1930-х гг. ГАИМК являлась одним из ведущих центров советской исторической науки. В 1930 г. она подверглась реорганизации. Вместо существовавших ранее отделений были созданы сектора, в рамках которых создавались группы (или бригады), объединенные общей проблематикой исследования. Одна из таких групп, образованных в Секторе архаического (доклассового) общества, получила название «История кочевого скотоводства» (далее — ИКС). В нее вошли сотрудники В. В. Гольмстен (руко-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

2 Ольга Викторовна Стяжкина — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: styazhkina_olga91@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4698-2866.

водитель), М. И. Артамонов, М. П. Грязнов и Г. П. Сосновский (*Артамонов*, 1977. С. 4). Михаил Петрович, будучи молодым, но уже опытным археологом, со свойственным ему энтузиазмом включился в работу группы, тематика которой определила круг его профессиональных интересов на долгие годы вперед.

Важно отметить, что ГАИМК коснулись не только структурные изменения. Начинаются процессы, связанные с трансформацией взглядов на собственно историческое знание. Многие ученые были уволены как классово чуждые или были вовсе репрессированы, а пришедшие на их место сотрудники «с партийным стажем» стремились внедрить марксистский метод в процесс исторических исследований (*Формозов*, 2006. С. 55).

Работа по темам должна была выполняться в рамках группы (бригады), т. е. предполагался отказ от индивидуальных исследований, что вполне соответствовало главному принципу советского мировоззрения — коллективизму.

Основной формой коммуникации в ГАИМК в 1930-е гг., вероятно, стали заседания секторов. В фонде М. П. Грязнова, хранящемся в НА ИИМК РАН, и в его личном фонде в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета (далее — МАЭ ОмГУ) сохранились заметки, сделанные во время заседания сектора, где он с присущей ему скрупулезностью фиксировал происходящее. Благодаря этим записям можно не только реконструировать тематику работы заседаний. В некоторой степени они передают атмосферу, в которой происходила работа: например, только на чтение доклада могло уйти несколько часов, после чего следовала бурная дискуссия. Что касается собственно тематики, то можно отметить, что большинство докладов представляли собой результаты исследований группы (например, «Средства передвижения» или «Приручение животных») или ее отдельных членов (например, доклад М. П. Грязнова «О применении корреляционного метода в палеоэтнологии», см.: МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 54. Л. 74). В качестве докладчиков выступали не только члены ИКС, но также другие сотрудники ГАИМК (в частности, В. И. Равдоникас) и других учреждений. Так, в ноябре 1931 г. сотрудник Эрмитажа А. Н. Бернштам выступил с докладом «Идеализм в этнографии на примере Руденко и руденковщины» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 189. Л. 31), поддержав этим волну нападок в адрес С. И. Руденко, несмотря на то что к тому времени он был уже приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации (*Тишкин, Шмидт*, 2004. С. 24).

Стоит отметить, что работа данной группы имела непосредственную практическую значимость. В сжатые сроки они смогли предложить одну из первых в советской археологии программ по изучению истории ранних кочевников. В фонде М. П. Грязнова в ИИМК РАН хранится документ под названием «План программы краеведческого изучения кочевнического скотоводства». На нем стоит дата: 7 февраля 1931 г., а также пометка, сделанная рукой М. П. Грязнова: «Помни, что мы — ударники, и что осенью надо уже эту программу закончить!» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 117. Л. 1). Главной целью программы является оценка реального состояния кочевого скотоводства в СССР с целью его государственного регулирования при переходе к высшим (по идеологическим представлениям того времени) формам хозяйства — скотоводческим совхозам. Очевидно, большие надежды группа возлагала на собирателей-краеведов, которые, по их замыслу, должны были оказать помощь в сборе памятников старины, свидетельствующих о формах хозяйства, в частности — скотоводстве.

Интерес представляет и то, что в этом документе изложены темы коллективной работы ИКС и способ обработки полученных сведений. Хорошо видно, что тематика работы группы была весьма обширна и включала следующие направления работы: технология; животноводство; растениеводство; собирательство; охота и рыбная ловля; пища; одежда и украшения; поселения, жилища; средства передвижения; военное дело; торговля; ремесленное производство; культ; искусство; экономический строй; социальные формы; страна; быт.

Для более рационального использования исторических источников работа ИКС была организована следующим образом: коллектив разбивался на группы по 2–3 человека, и далее каждая группа составляла список необходимых для их работы источников. Внутри группы источники были распределены между участниками для разнесения на карточки всех необходимых в работе данных (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 117. Л. 4).

Важнейшим результатом работы группы должна была стать коллективная монография «Возникновение кочевого скотоводства», посвященная эволюции форм скотоводства. Монография не была опубликована, ее незавершенная рукопись находится в архиве М. П. Грязнова в ИИМК РАН. Краткие тезисы этой монографии, хранящиеся там же, дают некоторое представление о результатах работы. Несмотря на то, что она являлась коллективным трудом, в тексте имеются пометки с указанием авторов конкретных разделов. Можно сделать вывод о приблизительно равноценном вкладе каждого члена группы в написание монографии, однако даже в итоговом варианте тезисов мы видим исправления и дополнения, сделанные

М. П. Грязновым по всему тексту (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 116). Впоследствии некоторые сведения были опубликованы М. И. Артамоновым в статье с одноименным названием (*Артамонов*, 1977).

Говоря об итогах работы группы, главным результатом стало впоследствии утвердившаяся в науке гипотеза о том, что до господства в степях Евразии кочевого скотоводческого хозяйства в них процветало комплексное земледельческо-скотоводческое оседлое хозяйство. Кроме того, было установлено, что кочевое хозяйство возникает только в конце эпохи бронзы, а окончательно утверждается в период распространения железа в культурах скифо-сарматского круга (*Тишкин*, 2007. С. 54).

История ИКС оказалась недолгой. В документах М. П. Грязнова не встречаются записи позже весны 1931 г. (*Жук*, 1995. С. 56). Об этом же свидетельствуют архивные документы ГАИМК: в отчетах сектора за 1932 г. бригада ИКС больше не фигурирует (*Свешников, Свешникова*, 2009. С. 256). Но даже за столь непродолжительный период группа сумела заложить основы нового направления в советской исторической науке — кочевниковедения.

Артамонов, 1977 — *Артамонов М. И.* Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии / под ред. М. И. Артамонова и Р. Ф. Итса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. Вып. I. С. 4–13.

Жук, 1995 — *Жук А. В.* Дебют ИКСа // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: ОмГУ, 1995. Ч. II. С. 53–56.

Свешников, Свешникова, 2009 — *Свешников А. В., Свешникова О. С.* Группа архаического земледелия: забытая страница истории советской науки 1930-х годов // Диалог со временем. 2009. Вып. 30. С. 236–256.

Тишкин, 2007 — *Тишкин А. А.* Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 356 с.

Тишкин, Шмидт, 2004 — *Тишкин А. А., Шмидт О. Г.* Годы репрессий в жизни С. И. Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 21–30.

Формозов, 2006 — *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

Mikhail P. Gryaznov's work in the group „The history of nomadic cattle breeding"

Olga V. Styazhkina[3]

In 1930–1931, Mikhail P. Gryaznov worked as a member of a small research group "The history of nomadic cattle breeding", which arose in 1930 at the State Academy for the History of Material Culture. During a short period of its existence, this group laid, in fact, the foundations of nomadic studies as a research field in Soviet historical science. With the assistance of archival materials, some aspects of the group's activities are highlighted by the paper author: topics of sittings, methods of organizing work with material, as well as practical groundwork and achievements.

Keywords: *Mikhail P. Gryaznov, State Academy for the History of Material Culture, research group "The History of Nomadic Cattle Breeding", nomadic studies.*

3 Olga V. Styazhkina — Altai State University, 61 Lenin Av., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: styazhkina_olga91@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4698-2866.

Работы М. П. Грязнова в окрестностях г. Семипалатинск: историографический аспект[1]

Н. А. Жогова[2], И. В. Мерц[3]

Аннотация. *В работе освещается научная командировка М. П. Грязнова в г. Семипалатинск в 1925 г. Рассматриваются обстоятельства посещения региона, а также предпринимается попытка соотнесения мест сборов археологического материала исследователем с известными в научной литературе поселениями Семипалатинские дюны I и II. Кроме того, дается культурно-хронологическая атрибуция собранных артефактов.*

Ключевые слова: *М. П. Грязнов, Восточный Казахстан, Семипалатинские дюны, музейная коллекция.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.25-27

В фондах Государственного Эрмитажа хранится коллекция находок, собранная М. П. Грязновым в окрестностях г. Семипалатинск в 1925 г. По ряду причин эти материалы не были введены в научный оборот, а факт пребывания известного ученого в Восточном Казахстане остается практически неизвестным.

С 1 января 1925 года М. П. Грязнов по рекомендации С. И. Руденко и С. А. Теплоухова был принят на должность научного сотрудника в секцию палеоэтнографии IV отделения этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Этнографического отдела Государственного Русского Музея (далее — ЭО ГРМ[4]) (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174а. Л. 2, 7). В этом же году он был командирован на Алтай в составе Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С. И. Руденко. В экспедиции также приняли участие сотрудники ЭО ГРМ А. Н. Глухов, К. И. Ульрих, студенты ЛГУ М. И. Комарова и И. М. Сунцова. Однако командировка М. П. Грязнова не ограничилась только Алтаем. По поручению руководства ЭО ГРМ ему предстояло посетить г. Семипалатинск с целью сбора этнографических и археологических материалов. Среди архивных документов РЭМ имеется записка, написанная директором Русского музея на имя заведующего музеями Главнауки, в которой он ходатайствует о предоставлении льготного проезда по железной дороге М. П. Грязнову по маршруту Ленинград — Барнаул, Барнаул — Семипалатинск, Семипалатинск — Ново-Николаевск (совр. Новосибирск), Ново-Николаевск — Ленинград (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 184. Л. 15). В экспедиции Михаил Петрович пробыл с 18 мая по 25 сентября (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 184. Л. 26). По-видимому, после работ на Алтае, выполняя поручение руководства ЭО ГРМ, им были обследованы дюны в северо-западных окрестностях Семипалатинска, где он описал ряд местонахождений и собрал коллекцию археологических материалов, поступившую на хранение в ЭО ГРМ. Затем, в 1955 г., коллекция была передана в Государственный Эрмитаж, где она была принята на хранение под тем же номером 5591, за которым числилась и в фондах ЭО ГРМ.

После возвращения в Ленинград на заседании совета ЭО ГРМ были заслушаны отчеты о летних экспедициях и командировках. Тогда, согласно записям в журнале заседаний, М. П. Грязнов сообщил о своих «палеоэтнографических исследованиях в долине реки Оби, между гг. Бийском и Барнаулом» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174а. Л. 29). Отчеты о работах в Семипалатинске были заслушаны позже: в апреле 1926 г. — «О приобретении М. П. Грязновым III-му отделению двух украшений киргизского головного убора из Семипалатинска за 2 р. 50 коп.» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174а. Л. 57 об.) и в декабре 1926 г. — «О произведенных сборах по палеоэтнографическим материалам, о сборах на дюнных стоянках и раскопках древних могил в Казахской АССР» (Тургайская и Уральская области) (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174. Л. 83 об.). Видимо, в рамках этого выступления и была представлена информация о семипалатинских сборах.

В Восточный Казахстан исследователь был направлен неслучайно. Информация об археологических находках в окрестностях Семипалатинска была известна в научной литературе. Город являлся административным и культурным центром Верхнего Прииртышья, что способствовало появлению здесь любителей истории, активно изучавших регион. В 1883 г. был образован Семипалатинский музей, а в 1888 г.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке проекта AP09261083 «Транскультурные коммуникации в эпоху поздней бронзы (Западная Сибирь — Казахстан — Центральная Азия)».

2 Нина Александровна Жогова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: perunina@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-4491-7756.

3 Илья Викторович Мерц — Институт археологии им. А. Х. Маргулана, пр. Достык, д. 44, Алматы, 050010, Республика Казахстан; e-mail: barnaulkz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9066-9629.

4 Ныне — Российский этнографический музей (далее — РЭМ).

вышел первый каталог, в который были включены находки с дюн в окрестностях города (Археологический…, 1888. С. 2, 6; Летопись, 1912. С. 71).

Развитию краеведческой деятельности в регионе способствовало открытие в 1902 г. Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, в ведение которого был передан музей (Летопись…, 1912. С. 6). В 1903 г. организовано собственное печатное издание, где публикуются результаты изучения региона (Археологическая карта, 1960. С. 12, 14; *Педашенко*, 1903. С. 14). В это же время формируются частные коллекции братьев В. Н. и А. Н. Белослюдовых — эти собрания совместно с экспонатами музея выставлялись в 1911 г. на I Западно-Сибирской выставке в Омске (Отчет…, 1912. С. 4).

В 1910 г. с целью получения нового археологического материала В. В. Радлов на средства Русского комитета отправляет в Семипалатинскую область экспедицию под руководством В. И. Каменского, который в том числе проводит сборы на семипалатинских дюнах (Летопись…, 1912. С. 46; *Черников*, 1950. С. 37; Археологическая карта…, 1960. С. 15). В последующие годы интерес к этим памятникам не ослабевает, и здесь продолжают работать местные краеведы, пополняющие новыми находками как собственные коллекции, так и музейные фонды. В послевоенное время «Дюны» посещают такие известные исследователи, как С. С. Черников и А. Г. Максимова. На основании проведенной ими работы «Дюны» были условно разделены на два памятника: I-е поселение находилось к северу от Семипалатинска, II-е — к юго-западу, за русским кладбищем. Позднее они были включены в археологическую карту Казахстана под № 1408 и 1409 (*Черников*, 1950. С. 41–42; 1960. С. 19; Археологическая карта…, 1960. С. 105). В настоящее время территория, на которой находятся эти объекты, активно застраивается.

Михаил Петрович оставил относительно подробную информацию о месте произведенных сборов, которая зафиксирована в инвентарной книге к коллекции. Им отмечены три местонахождения: I — «Песчаные дюны в 1 км от города направо от железнодорожной ветки»; II — «Дюны на краю бора за кладбищем» (шесть пунктов); III — «Выдувы около кладбища» (четыре пункта). Благодаря обозначенным ориентирам, можно соотнести места его сборов с памятниками, включенными в Археологическую карту Казахстана. Так, местонахождение I, по М. П. Грязнову, в целом соответствует поселению Семипалатинские Дюны I, а местонахождения II, III — поселению Семипалатинские Дюны II.

На поверхности дюн М. П. Грязновым были собраны фрагменты лепной керамики, разнообразные каменные орудия и их обломки, в пункте 2 местонахождения II были найдены кольцо и пуговица из латуни. Всего в коллекцию вошло около 220 разновременных артефактов. Каменный инвентарь представлен фрагментами наконечника стрелы, ретушированными пластинками, скребками, обломками орудий, одно из них со следами шлифования, многочисленными сколами и отщепами, характерными для эпох неолита и энеолита. В коллекции также представлена керамика эпохи энеолита, ранней бронзы (елунинской культуры) (рис. 1, *1, 5*), периода поздней бронзы (рис. 1, *6*), сакского времени (рис. 1, *2, 7, 8*) и средневековья (рис. 1, 9). Латунные предметы (рис. 1, *3, 4*), вероятно, относятся к периоду средневековья или нового времени. Более подробному анализу археологической коллекции № 5591 будет посвящена специальная работа.

Таким образом, командировка 1925 г. М. П. Грязнова в Семипалатинск с целью сбора археологического и этнографического материалов позволила получить новый материал и пополнить фонды ЭО ГРМ. Обнаруженные на дюнах находки отражают различные периоды существования памятника и дополняют информацию об археологии региона. Дальнейшие исследования позволят уточнить его культурно-хронологическую атрибуцию.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 184. Дело о научных командировках и экспедициях сотрудников Этнографического отдела. 1925–1927.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174а. Журналы заседаний Совета Этнографического Отдела Русского музея № 448, 449, 452, 454, 457, 461. 1925–1926 гг.

Археологическая карта…, 1960 — Археологическая карта Казахстана / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 498 с.

Археологический отдел…, 1888 — Археологический отдел Семипалатинского областного музея. Семипалатинск: Семипалат. обл. стат. ком-та, 1888. 36 с.

Летопись…, 1912 — Летопись Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1902–1910 гг. // ЗСПЗСОИРГО. 1912. Вып. VI. С. 1–95.

Отчет…, 1912 — Отчет о деятельности Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1911 г. с протоколами заседаний Распорядительного Комитета и общих собраний членов подотдела // ЗСПЗСОИРГО. 1912. Вып. VI. С. 1–49.

Педашенко, 1903 — *Педашенко Ф. Н.* Приложение к протоколу общего собрания членов семипалатинского географического подотдела 19 октября: Реферат г. Педашенко об археологических находках в окрестностях Семипалатинска // ОСПЗСОИРГО за 1903 г. 1903. С. 14–29.

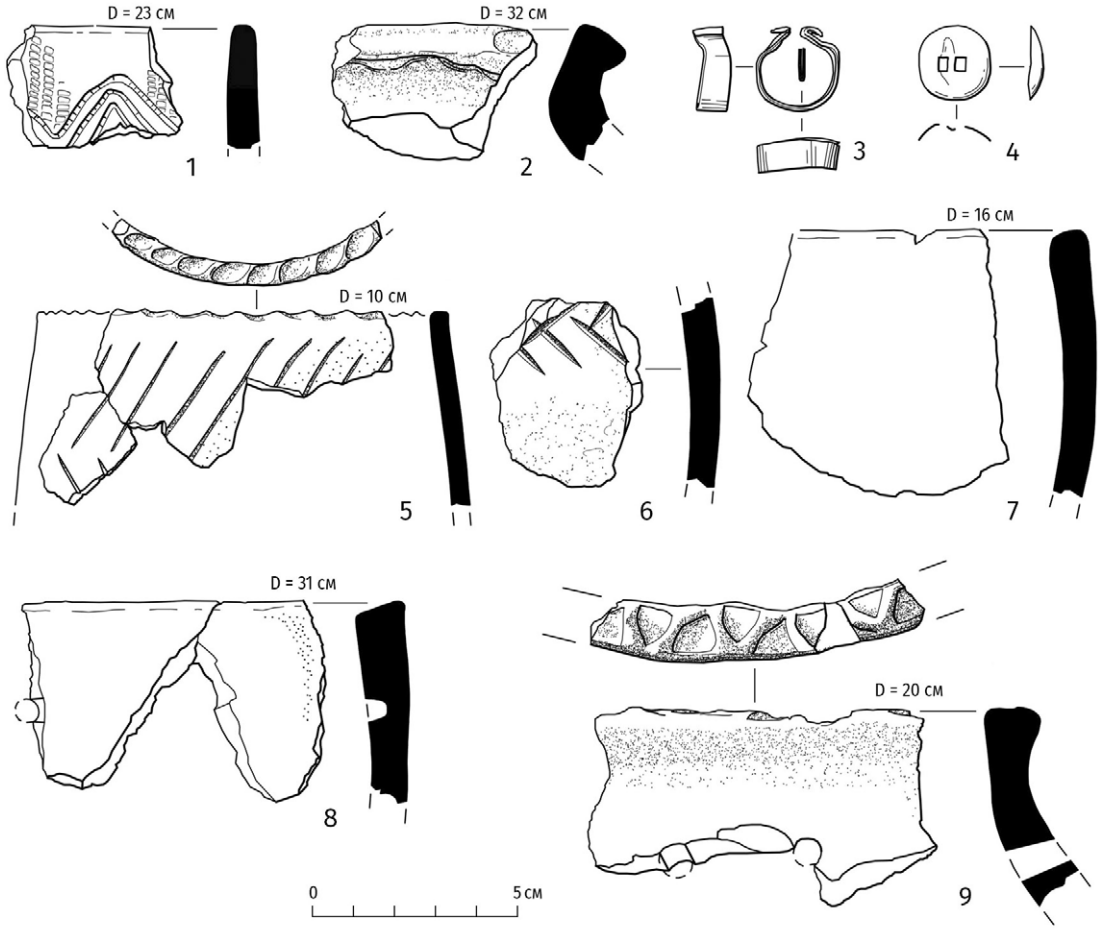

Рис. 1. Находки с Семипалатинских Дюн: *1, 2, 5–9* — фрагменты лепных сосудов; *3* — кольцо; *4* — пуговица.
1, 2, 5–9 — керамика; *3, 4* — латунь

Fig. 1. Finds from the Semipalatinsk Dunes: *1, 2, 5–9* — fragments of molded vessels; *3* — ring; *4* — button.
1, 2, 5–9 — ceramics; *3, 4* — brass

Черников, 1950 — *Черников С. С.* Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // ИАН КазССР. 1950. № 67. Серия археологическая. Вып. 2. С. 37–58.

Черников, 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. (МИА; № 88).

Works of Mikhail P. Gryaznov in the vicinity of Semipalatinsk: a historiographic aspect

Nina A. Zhogova[5], Ilya V. Merts[6]

The paper covers a scientific trip of Mikhail P. Gryaznov to the city of Semipalatinsk in 1925. The circumstances of his visiting the region are considered, as well as an attempt is made to correlate the places, where the researcher collected archaeological material, with the sites known in the scientific literature as Semipalatinsk dunes I and II. Besides, the cultural and chronological attribution of the collected artifacts is adduced.

Keywords: *Mikhail P. Gryaznov, Eastern Kazakhstan, Semipalatinsk dunes, museum collection.*

5 Nina A. Zhogova — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: perunina@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-4491-7756.

6 Ilya V. Merts — A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 44 Dostyk Ave., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; e-mail: barnaulkz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9066-9629.

Археологические комплексы северных предгорий Алтая скифо-сакского времени в культурно-хронологических схемах М. П. Грязнова

С. С. Радовский[1]

Аннотация. *В работе рассматривается культурно-хронологическая интерпретация археологических комплексов северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, представленная в изысканиях М. П. Грязнова. Ученый первым определил место памятников в археологической периодизации указанного региона. В обобщающей монографии «История древних племен Верхней Оби» М. П. Грязнов включил большую часть объектов северных предгорий Алтая скифо-сакского времени в березовский этап (II–I вв. до н. э.) большереченской культуры Верхней Оби; также им отмечена специфика комплексов предгорий, которую он объяснял связями со степными районами Горного Алтая.*

Ключевые слова: *М. П. Грязнов, Алтай, скифо-сакское время, быстрянская культура.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.28-30

Концепции М. П. Грязнова о сложении комплексов скифского периода горной и лесостепной части Алтая неоднократно обсуждались в научной литературе (*Марсадолов*, 1996. С. 24–31; *Могильников*, 1997. С. 3; *Кирюшин*, *Тишкин*, 1999. С. 71–72; *Фролов*, 2008. С. 23–32; и др.). Однако в историографии практически не анализировались его исследования северных предгорий обозначенного региона. При этом вклад ученого в изучение как Алтая в целом, так и его северных предгорий невозможно переоценить. Именно М. П. Грязновым впервые предпринят опыт создания целостной культурно-хронологической схемы археологических комплексов этой территории. Ряд положений и гипотез, выдвинутых Михаилом Петровичем на основе немногочисленных материалов, актуален и в настоящее время, в том числе для интересующих нас комплексов.

Впервые М. П. Грязнов принял участие в археологических работах на Алтае в 1924 г. в рамках научной экспедиции ЭО ГРМ под руководством С. И. Руденко (*Руденко*, 1952. С. 5–6; *Завитухина*, 1961. С. 89–90; 1966. С. 51). Тогда обследование проводилось только на территории Горного Алтая. В следующем году были изучены его северные предгорья. В 1925 г. одним из отрядов Алтайской экспедиции (раскопки осуществлял М. П. Грязнов) было вскрыто 13 курганов могильника Бийск-I и два объекта погребального комплекса Бийск-II (*Грязнов*, 1930. С. 7–8; *Завитухина*, 1961. С. 89–90; 1962. С. 28–30). В этот же период М. Н. Комарова исследовала шесть погребений могильника Сростки-II (*Грязнов*, 1930. С. 7–8; *Завитухина*, 1966. С. 51–53). В 1929 г. М. П. Грязнов осуществил раскопки еще двух курганов некрополя Бийск-I (*Завитухина*, 1961. С. 89–90).

После долгого перерыва масштабные исследования в лесостепном Алтае были возобновлены во второй половине 1940-х гг. Однако раскопки комплексов северных предгорий в тот период М. П. Грязновым не производились. В связи с этим при включении памятников рассматриваемой территории в культурно-хронологические схемы он опирался на материалы, полученные в 1925 и 1929 гг. Исследователь был знаком с находками, происходящими и из других памятников северных предгорий Алтая скифо-сакского времени (Красный Яр, Быстрянка, Березовка-I). Очевидно, Михаил Петрович неоднократно посещал Бийский музей, где хранилась часть полученных предметов, и поддерживал связь с его сотрудниками, о чем, в частности, свидетельствуют хранящиеся здесь письма, фотография (рис. 1) и монография М. П. Грязнова, переданная самим автором.

Уже в 1930 г. М. П. Грязнов подвел итоги проделанной работы и составил первую периодизацию древних и средневековых культур Алтая. Материалы северных предгорий исследователь отнес к начальному этапу «железной культуры». Данную «стадию железной эпохи» этой территории ученый связывал с кочевниками, культура которых близка скифам (*Грязнов*, 1930. С. 7–9, рис. 68–103). Схема, разработанная М. П. Грязновым, несмотря на ограниченность материалов, являлась основой для дальнейших теоретических изысканий по археологии рассматриваемого региона.

В дальнейшем материалы северных предгорий Алтая исследователь отнес к культуре оседлых скотоводов, которые проживали на границе со степной зоной, в связи с чем испытывали сильное влияние кочевников (*Грязнов*, 1947. С. 16–17). Развивая концеп-

1 Святослав Сергеевич Радовский — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: radovskiy1996@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8668-3831.

Рис. 1. М. П. Грязнов в 1953 г. (фотография И. Е. Мельникова) (БКМ. НВФ 522)

Fig. 1. Mikhail P. Gryaznov in 1953 (photo by I. E. Melnikov) (BKM. NVF 522)

цию существования единой культуры в районе Верхней Оби и северных предгорий Алтая, М. П. Грязнов выделил на данной территории березовскую культуру II в. до н. э. — I в. н. э. (*Грязнов*, 1949. С. 115–116). Позднее данная общность в трудах ученого рассматривалась в рамках позднего этапа большереченской культуры VII в. до н. э. — I в. н. э. (*Грязнов*, 1951. С. 110, рис. 29).

На основе материалов, полученных в 1920–1940-х гг., М. П. Грязновым была опубликована монография «История древних племен Верхней Оби», которая стала основой для последующей культурно-хронологической интерпретации комплексов лесостепного Алтая (*Грязнов*, 1956). В ней Михаил Петрович приводит обоснование существования на обозначенной территории единой большереченской культуры с тремя этапами развития. Основную массу могильников северных предгорий Алтая ученый отнес к березовскому этапу II–I вв. до н. э., и только несколько объектов комплекса Быстрянка (вероятно, каменно-земляные курганы) были определены в рамках бийского этапа V–III вв. до н. э. (*Там же*. С. 97–98). Ученый отметил более сложный погребальный обряд в некрополях Бийск-I и II, Сростки-II и Быстрянка (Быстрянский), включавший помимо прочего захоронения верхового коня. Данную особенность исследователь объяснял связями со степными районами Горного Алтая (*Там же*. С. 98).

Близость комплексов северных предгорий и лесостепного Алтая, помимо погребального инвентаря и обряда, иллюстрировалась также материалами поселенческой керамики, которая в большом количестве была получена с памятников обозначенного региона (*Грязнов*, 1949. С. 115–116; 1956. С. 92, 97). Поселения Горного Алтая раннего железного века на тот момент еще не были исследованы (*Руденко*, 1952. С. 29–30).

После раскопок новых памятников и публикации материалов подтвердилось наблюдение М. П. Грязнова о специфике комплексов северных предгорий Алтая. Это послужило поводом для предположения о существовании синкретичного населения на рассматриваемой территории, сочетавшего черты общностей Горного Алтая и Верхнего Приобья, а затем и для выделения отдельной быстрянской культуры скифо-сакского времени (*Киреев*, 1992. С. 56). Отмеченное М. П. Грязновым сходство археологических материалов лесостепного и предгорного Алтая, в том числе на основе керамического комплекса поселений, в настоящее время является одним из подтверждений гипотезы об участии в формировании быстрянской культуры населения Верхнего Приобья предыдущего периода.

Грязнов, 1930 — *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая. Новосибирск: Сов. Сибирь, 1930. 12 с. (Материалы по изучению Сибири; Вып. 2).

Грязнов, 1947 — *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.

Грязнов, 1949 — *Грязнов М. П.* Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 110–119.

Грязнов, 1951 — *Грязнов М. П.* Археологическое исследование на территории одного поселка (раскопки Северно-алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. 1951. Вып. XL. С. 105–113.

Грязнов, 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Наука, 1956. 226 с. (МИА; № 48).

Завитухина, 1961 — *Завитухина М. П.* Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 89–108.

Завитухина, 1962 — *Завитухина М. П.* Второй Бийский могильник // СГЭ. 1962. Вып. XXII. С. 28–30.

Завитухина, 1966 — *Завитухина М. П.* Курганный могильник Сростки-II на Алтае // СГЭ. 1966. Вып. XXVII. С. 51–53.

Киреев, 1992 — *Киреев С. М.* Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий: Материалы конф., посвящ. 40-летию ГАНИИИЯЛ / Отв. ред.: Я. А. Пустогачев, А. С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 54–58.

Кирюшин, Тишкин, 1999 — *Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А.* Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 70–75.

Марсадолов, 1996 — *Марсадолов Л. С.* История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н. э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.

Могильников, 1997 — *Могильников В. А.* Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушкинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Руденко, 1952 — *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: АН СССР, 1952. 268 с.

Фролов, 2008 — *Фролов Я. В.* Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Archaeological complexes of the Altai northern foothills of Scythian-Saka period in the cultural and chronological schemes of Mikhail P. Gryaznov

Svyatoslav S. Radovsky[2]

The paper provides a cultural and chronological interpretation of the complexes of the Altai northern foothills in Scythian-Saka period, as presented in the studies of Mikhail P. Gryaznov. The scholar was the first to determine the place of the sites of in the archaeological periodization of the region in question. In his generalizing monograph "A History of the Ancient Tribes of the Upper Ob" Gryaznov included most of the objects of the Altai northern foothills of the Scythian-Saka era in the Berezovsk stage (2nd–1st centuries BC) of the Bol'shaya Rechka culture within the Upper Ob area. He also noted some peculiarities of the foothill complexes, which he explained with links with the steppe regions of the Mountainous Altai.

Keywords: *M. P. Gryaznov, Altai, Scythian-Saka period, Bystryanka culture.*

2 Svyatoslav S. Radovskiy — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: radovskiy1996@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8668-3831.

Вклад М. П. Грязнова в изучение вооружения раннего железного века из горного и лесостепного Алтая[1]

О. С. Лихачева[2]

Аннотация. *Работа посвящена анализу работ М. П. Грязнова, где он касается вооружения раннего железного века лесостепного и Горного Алтая. Материал сгруппирован по тематическим блокам, внутри которых соблюдается хронологическая последовательность изложения. Несмотря на незначительное число этих исследований М. П. Грязнова, их значимость, особенно для своего времени, трудно переоценить.*

Ключевые слова: *М. П. Грязнов, историография, Алтай, скифское время, военное дело, вооружение.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.30-32

Особое место в работах М. П. Грязнова всегда отводилось изучению древней истории Алтая. В историографических публикациях, посвященных исследованиям М. П. Грязнова по этому региону, в основном рассматривались вопросы периодизации культур, термин «ранние кочевники» и социальная реконструкция, но практически без внимания современных исследований остался вопрос изучения военного дела (*Боковенко*, 1987. С. 26; *Астахов*, 1992; *Савинов*, 1995; *Бобров*, 1997). Однако этот вопрос также изучался М. П. Гряз-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

2 Ольга Сергеевна Лихачева — Алтайский государственный университет, ул. Димитрова, д. 66, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: lihaolga@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3223-7841.

новым: анализ оружия и отдельные замечания по тактике сделаны им как в публикациях по итогам полевых исследований, так и в обобщающих работах.

В монографии по Первому Пазырыкскому кургану отдельный параграф посвящен вооружению (*Грязнов*, 1950. С. 63–64). В нем приводится фото и описание щитов из этого комплекса. Отмечается, что они были изготовлены только для погребального обряда, но при этом полностью соответствовали боевым образцам. Наиболее близкие им аналогии М. П. Грязнов видит в щитах на сцене с гребня из кургана Солоха (*Там же.* С. 63, табл. X). При этом вызывает сомнение его замечание об их тактическом применении. Автор считает, что они «держались <…> лишь на случай рукопашного боя» (*Там же.* С. 63). Интересна ремарка о чекане в аспекте методики. Самого предмета в кургане не было, но исследователь, исходя из травм на черепах лошадей, «воссоздает» его морфологию (*Там же.* С. 63, рис. 25, *1–3*). Боек определяется как «округлый стержень граненый на окончании» (*Там же.* С. 63). Аналогом выступает находка бронзового чекана из с. Усть-Кан (*Там же*. Рис. 25, *4*). Есть в монографии и реконструкция военного дела той эпохи. Отмечается, что основу войска начинают составлять конные воины, наблюдается рост числа военных столкновений, носивших характер «стремительной атаки», происходит милитаризация общества и повышение значимости военного сословия (*Там же.* С. 4–5).

Первые статьи, связанные с введением в научный оборот материалов комплекса Ближние Елбаны (далее — БЕ), малоинформативны в плане характеристики оружия (*Грязнов*, 1949. С. 114–115; 1952. С. 95). В этих работах приводятся лишь отдельные фотографии и рисунки предметов, но отсутствуют их описания или аналогий к ним (*Там же*. С. 114, рис. 45, *1, 2*; 1952. Рис. 29, *5*). Публикуемые артефакты рассматриваются в рамках большереченской культуры и датируются VII–VI вв. до н. э. (*Там же*. С. 114). Более подробная информация по вооружению из памятников БЕ представлена в монографии по истории древних племен Верхней Оби, в которой учтены десять единиц этой категории инвентаря, относящихся к рассматриваемому периоду (*Грязнов*, 1956. Табл. IX, *8*; XVI, *3*; XVIII, *1–4*; XXII, *6, 7*; XXVI, *8*). Здесь дается их культурно-хронологическая атрибуция, выделяются типы вооружения как для эпохи в целом, так и для каждого ее этапа (*Там же.* Табл. IX, *8*; XVI, *3*; XVIII, *1, 2*). Важно, что автор идентифицирует роговую пластину с поселения БЕ-I как панцирную, фиксируя время появления доспеха у верхнеобских племен (*Там же*. С. 47). Для анализа значимы приводимые в работе описания погребений (*Там же.* С. 58, 60–61, 94). Таблицы в монографии дают максимально полную информацию о предметах, что позволяет использовать их при морфологическом и классификационном анализах.

Серьезный вклад в расширение источниковой базы по древнему вооружению на Алтае внесла статья по памятникам майэмирского этапа (*Грязнов*, 1947). В нее включены случайные находки с территории Горного Алтая и материалы памятников у с. Большая Речка (*Грязнов*, 1947. С. 13, 15–16; рис. 5, *1, 2, 5, 6, 11;* 6, *11–13, 9*). Подробные рисунки предметов дают возможность судить об их типе и размерах. Ценность работы заключается в том, что в ней максимально полно собрано вооружение одной эпохи из конкретного региона и, следовательно, дается представление о комплексе оружия и доспехов в целом. Использование примеров из горных и лесостепных районов наглядно демонстрирует разницу в военных традициях этих территорий. М. П. Грязнов отмечает и тенденции в военном деле того периода, выделяя верховую езду как важное «боевое средство» (*Там же*. С. 14).

В книге «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время» многотомной «Археологии СССР» приводится максимально развернутая характеристика военного дела в скифское время (*Грязнов*, 1992). Для Горного Алтая автором отмечается важная роль оружия в погребальном обряде. М. П. Грязнов выделяет две хронологические серии этой категории предметов (*Там же.* С. 165). К VIII–VI вв. до н. э. он относит кинжалы с «фигурной» рукоятью, грибовидным навершием», прямой или «плоской гардой» и втульчатые наконечники стрел с ромбовидным абрисом. С V–III вв. до н. э. соотносятся кинжалы «типа скифских акинаков» и трехгранные наконечники стрел (*Там же*. С. 166–167). В тактике боя у населения горных областей М. П. Грязнов выделил обстрел врага из луков всадниками и ближний бой пешими воинами, оснащенными кинжалами и чеканами (*Там же.* С. 173). Автор предполагает наличие двух видов луков: коротких для всадников и длинных для пехотинцев. На вооружении последних также были щиты. В целом пехоте отводилась значимая роль в составе войска. В плане методики существенно привлечение изобразительных источников. Так, по оленным камням определяется видовой состав оружия и то, как оно носилось, а по «золотым сибирским бляхам» — способ стрельбы из лука с коня (*Там же.* С. 173). Значительно меньше информации по военному делу племен лесостепных районов Алтая. Отмечаются три главные тенденции: увеличение количества предметов боевого снаряжения в могилах; переход в V–III вв. до н. э. к изготовлению наступательного вооружения из железа; рост значения военного дела в жизни общества (*Там же*. С. 177).

М. П. Грязнов ввел в научный оборот 22 предмета вооружения, которые заложили основу источниковой базы. Им были предложены признаки, определяющие

хронологическую атрибуцию рассматриваемых находок, а также отмечены различия в комплексе вооружения между племенами горной и лесостепной зоны. Весьма важными его научными достижениями представляются попытка реконструкции родов войск и применяемых ими тактических приемов, а также привлечение изобразительных источников и анализа боевых травм.

Астахов, 1992 — *Астахов С. А.* М. П. Грязнов как организатор крупных новостроечных археологических экспедиций в Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конф. к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. В. М. Массон. СПб., 1992. С. 10–12 (Археологические изыскания. Вып. 2).

Бобров, 1997 — *Бобров В. В.* Проблема социальных реконструкций в научном наследии М. П. Грязнова // Четвертые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1997. С. 7–9.

Боковенко, 1987 — *Боковенко Н. А.* Научный вклад М. П. Грязнова в скифо-сарматскую проблематику // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тезисы докладов. Ч. 1. Омск: ОмГУ, 1987. С. 26–27.

Грязнов, 1947 — *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 9–17.

Грязнов, 1949 — *Грязнов М. П.* Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. 1949. Вып. 26. С. 110–119.

Грязнов, 1950 — *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.

Грязнов, 1952 — *Грязнов М. П.* Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // КСИИМК. 1952. Вып. 48. С. 93–102.

Грязнов, 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1956. 226 с. (МИА. № 48).

Грязнов, 1992 — *Грязнов М. П.* Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 161–178 (Археология СССР).

Савинов, 1995 — *Савинов Д. Г.* «Ранние кочевники» в исследованиях М. П. Грязнова и современное состояние проблемы // Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1995. Ч. 1. С. 76–80.

Mikhail P. Gryaznov's contribution to the study of Early Iron Age weapons from the mountainous and forest-steppe Altai

Olga S. Likhacheva[3]

The paper is devoted to the analysis of works by Mikhail P. Gryaznov, where he has concerned weaponry of the Early Iron Age from the forest-steppe and mountainous Altai. The material is grouped into thematic blocks, within which a chronological sequence of presentation is given. In spite of a small number of these studies by Gryaznov, their importance, especially for his times, cannot be overestimated.

Keywords: *Mikhail P. Gryaznov, historiography, Altai, Scythian times, warfare, weapons.*

3 Olga S. Likhacheva — Altai State University, 66 Dimitrov St., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: lihaolga@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3223-7841.

М. П. Грязнов и В. И. Матющенко: учитель и ученик

В. Ю. Ганенок[1]

Аннотация. *В публикации рассматривается роль личности ленинградского ученого М. П. Грязнова (1902–1984) в научной биографии сибирского археолога В. И. Матющенко (1928–2005). Отмечено, что М. П. Грязнов оказал сильное влияние на становление В. И. Матющенко как археолога, прежде всего, в области методологии и тематики исследований.*

Ключевые слова: *М. П. Грязнов, В. И. Матющенко, археологическая школа, Ленинград, Томск, Омск.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.32-35

1 Владимир Юрьевич Ганенок — Кемеровский государственный университет, ул. Красная, д. 6., Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: vova.ganenok.96@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1760-1593.

Михаил Петрович Грязнов (1902–1984), как один из корифеев отечественной археологии, внес значительный вклад в разработку вопросов методологии археологических исследований и изучения эпохи бронзы и раннего железного века Западной и Южной Сибири, а также Центральной Азии. Коллеги и ученики М. П. Грязнова отмечали его высокий профессионализм и бесценный исследовательский опыт. Даже непродолжительное общение с мэтром значительно обогащало молодых исследователей, встречи с ним запоминались надолго. Под научным руководством М. П. Грязнова ряд известных археологов защитили диссертации (Я. А. Шер, Г. А. Максименков, Э. Б. Вадецкая и др.), оформилась ленинградская школа сибирской археологии. К числу учеников М. П. Грязнова относил себя и Владимир Иванович Матющенко (1928–2005) — основатель томской и омской археологических школ.

Прежде чем обратиться к взаимоотношениям М. П. Грязнова и В. И. Матющенко, следует сказать несколько слов о тех условиях, в которых Владимир Иванович начинал проводить исследования в Томске. После окончания в 1953 г. университета он фактически остался без поддержки опытных коллег-археологов, поскольку в том же году скончался его наставник и первый учитель в области археологии Е. М. Пеняев. Занимавшиеся археологическими исследованиями А. П. Дульзон, Р. А. Ураев, В. С. Синяев постепенно их прекратили либо серьезно ограничили (*Тихонов*, 2014. С. 21). В других городах Западной Сибири коллективы археологов также начали формироваться только со второй половины 1950-х гг. На этом фоне в 1954 г. в Ленинграде произошло знакомство В. И. Матющенко с М. П. Грязновым, чему посвящены отдельные публикации с воспоминаниями Владимира Ивановича (Сюжеты…, 2007. С. 20–22; *Тихонов*, 2012).

Как отмечал В. И. Матющенко, с М. П. Грязновым он общался немного (Историки…, 2006. С. 415). Тем не менее личные встречи с крупнейшим ленинградским археологом, его советы и замечания при подготовке первых полевых отчетов, во время докладов на конференциях, заседаниях в ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) в Ленинграде и Москве позволили приобрести В. И. Матющенко ряд необходимых профессиональных качеств и навыков (Сюжеты…, 2007. С. 20–22). В. В. Бобров считает, что В. И. Матющенко стал заниматься изучением эпох неолита и бронзы в том числе под влиянием известной монографии М. П. Грязнова (1956 г.) и общения с Михаилом Петровичем (*Бобров*, 2014. С. 172). Некоторые коллеги и ученики В. И. Матющенко даже думали, что он был аспирантом М. П. Грязнова (см.: *Зиняков*, 1998. С. 31), однако Владимир Иванович отрицал факт обучения в аспирантуре (Историки…, 2006. С. 395). Как бы то ни было, он послал кандидатскую диссертацию Михаилу Петровичу, а потом, после получения положительного отзыва о своей работе, просил его быть официальным оппонентом (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 120. Л. 24–25)[2].

Томский археолог перенял от М. П. Грязнова методику исследования археологических материалов, «использования их в качестве исторических источников» (Матющенко…, 2004. С. 144). Впоследствии В. И. Матющенко отправлял в экспедиции М. П. Грязнова уже своих учеников, осваивавших методику полевых археологических исследований (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 120. Л. 26, 37). Начиная с 1990-х гг. омскими археологами во главе с В. И. Матющенко активно разрабатывалась методика изучения археологических микрорайонов, начало которой было положено еще С. А. Теплоуховым и М. П. Грязновым (*Русланов*, 2019. С. 9–11).

В публикациях, посвященных рассмотрению научной деятельности М. П. Грязнова, В. И. Матющенко называл его «мастером миниатюрных монографий», отмечал высокую эрудицию и обширный круг его научных интересов (*Матющенко, Швыдкая*, 1990. С. 77). В. И. Матющенко писал о вкладе учителя в разработку методики полевых археологических исследований, процедуры обработки и интерпретации полученных материалов, о его деятельности по подготовке молодых кадров-археологов (*Матющенко*, 1987. С. 7). Когда в 1983 г. на расширенном заседании ученого совета Эрмитажа шло обсуждение вопроса о присуждении М. П. Грязнову Государственной премии СССР, В. И. Матющенко выразил мнение, что признание ценности научных трудов Михаила Петровича — «это долг археологической общественности» (*Марсадолов*, 2022. С. 193).

В. И. Матющенко и М. П. Грязнов вели регулярную переписку (Историки…, 2006. С. 415). В Научном архиве ИИМК РАН в фонде М. П. Грязнова хранятся письма, телеграммы и открытки, которые В. И. Матющенко отправил в 1954–1979 гг. (Рукописное…, 2012. С. 38). После смерти М. П. Грязнова В. И. Матющенко удалось договориться о приобретении Омским государственным университетом практически всей научной библиотеки и части архива ученого.

Данью памяти выдающемуся археологу стали организованные в Омске по инициативе В. И. Матющенко, а позднее его учеников «Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова». Со временем чтения приобрели всероссийский статус, периодически в них участвуют иностранные коллеги. В их тематике нашли отражение основные направления научных интересов М. П. Грязнова и В. И. Матющенко (*Китова*, 2008. С. 15). Так, за семь первых форумов

[2] Автор выражает огромную благодарность д. и.н., профессору кафедры археологии КемГУ Л. Ю. Китовой за предоставленные архивные материалы.

(с 1987 по 2008 г.) биографии и отдельным сторонам исследовательской деятельности М. П. Грязнова были посвящены 32 доклада (*Толпеко*, 2012. С. 7–8). Символичным является принятое на IX чтениях (2017 г.) решение об изменении названия конференции на «Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова и Владимира Ивановича Матющенко» (*Толпеко*, 2017. С. 129), что отражает взаимосвязь двух ученых, их вклад в развитие отечественной археологической науки.

В. И. Матющенко с глубоким почтением отзывался об учителе, отмечал его интеллигентность и порядочность (*Матющенко*, 2009. С. 146, 228). Т. Н. Троицкая писала, что ее с В. И. Матющенко объединяло «и одинаковое восхищение Михаилом Петровичем Грязновым. Я, как и он, считаю себя его ученицей… Для каждого из нас Михаил Петрович был самым лучшим и близким сибирским археологом, мы знали его и Марию Николаевну (Комарову. — *В. Г.*) не только в рабочей, но и домашней обстановке» (*Троицкая*, 2007. С. 138). По воспоминаниям В. И. Матющенко, последняя встреча с М. П. Грязновым состоялась за день до его смерти (*Матющенко*, 2009. С. 228).

Таким образом, М. П. Грязнов, формально не являясь научным руководителем В. И. Матющенко, оказал существенное влияние на формирование профессиональных качеств, научных интересов и методологических подходов сибирского археолога. Владимир Иванович глубоко чтил память своего учителя и во многих аспектах продолжил его дело. Этот пример взаимоотношений двух ученых показывает, насколько значима фигура наставника в подготовке высококвалифицированных научных кадров.

Бобров, 2014 — *Бобров В. В.* Современные узловые проблемы археологии Верхнего Приобья и сопредельных территорий // Vita scientificus, или Археолог В. И. Матющенко / Отв. ред.: С. С. Тихонов, В. Б. Яшин. Омск: Полигр. центр КАН, 2014. С. 171–181.

Зиняков, 1998 — *Зиняков Н. М.* К 70-летию В. И. Матющенко // Вестник САИПИ. 1998. Вып. 1. С. 31–32.

Историки…, 2006 — Историки послевоенного поколения о времени и о себе: интервью В. И. Матющенко, Б. Г. Могильницкого, В. Л. Соскина // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г. К. Садретдинова, В. П. Корзун. Омск: ОмГУ, 2006. Вып. 2. С. 390–445.

Китова, 2008 — *Китова Л. Ю.* Забытые архивные материалы о жизни и деятельности М. П. Грязнова // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред.: С. Ф. Татауров, И. В. Толпеко. Омск: ОмГУ, 2008. С. 15–19.

Марсадолов, 2022 — *Марсадолов Л. С.* М. П. Грязнов и Государственный Эрмитаж // ТПАИ. 2022. Т. 34. № 1. С. 181–203.

Матющенко, 1987 — *Матющенко В. И.* Михаил Петрович Грязнов и его место в советской археологии // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1987. С. 6–9.

Матющенко, 2009 — *Матющенко В. И.* 300 лет истории сибирской археологии / Вступ. ст., отв. ред. С. С. Тихонов, И. В. Толпеко. Омск: ОмГУ, 2009.

Матющенко, Швыдкая, 1990 — *Матющенко В. И., Швыдкая Н. П.* Михаил Петрович Грязнов: истоки научной школы // История археологических исследований Сибири / под ред. В. И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1990. С. 77–90.

Матющенко…, 2004 — Матющенко Владимир Иванович // Профессора Омского государственного университета: Биографический справочник / Сост.: А. В. Ремнев, И. А. Речкина; отв. ред. А. В. Ремнев. Омск: ОмГУ, 2004. С. 143–145.

Рукописное…, 2012 — Рукописное наследие Михаила Петровича Грязнова в собрании Научного архива ИИМК РАН // Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ЭлекСис, 2012. С. 11–47.

Русланов, 2019 — *Русланов Е. В.* Береговский археологический микрорайон в системе древностей Южного Урала: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2019. 21 с.

Сюжеты…, 2007 — Сюжеты из археологии середины XX века // Рыцарь сибирской археологии / Отв. ред. С. С. Тихонов. Омск: ОмГУ, 2007. С. 13–58.

Тихонов, 2012 — *Тихонов С. С.* Недописанная рукопись о Михаиле Петровиче Грязнове (воспоминания о нем В. И. Матющенко) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями / Редкол.: В. А. Алёкшин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 1. С. 77–81.

Тихонов, 2014 — *Тихонов С. С.* Vita scientificus, или Археолог В. И. Матющенко // Vita scientificus, или Археолог В. И. Матющенко / Отв. ред.: С. С. Тихонов, В. Б. Яшин. Омск: Полигр. центр КАН, 2014. С. 10–41.

Толпеко, 2012 — *Толпеко И. В.* Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. И. В. Толпеко. Омск: Амфора, 2012. С. 5–8.

Толпеко, 2017 — *Толпеко И. В.* Всероссийская научно-практическая конференция «IX исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова» // Вестник ОмГУ. Серия: Исторические науки. 2017. № 2. С. 127–133.

Троицкая, 2007 — *Троицкая Т. Н.* Несколько слов о Владимире Ивановиче Матющенко // Рыцарь сибирской археологии / Отв. ред. С. С. Тихонов. Омск: ОмГУ, 2007. С. 137–139.

Mikhail P. Gryaznov and Vladimir I. Matyushchenko: a teacher and a disciple

Vladimir Yu. Ganenok[3]

The article analyzes a role of the Leningrad scholar Mikhail P. Gryaznov (1902–1984) in the academic career of the Siberian archaeologist Vladimir I. Matyushchenko (1928–2005). Gryaznov had a great impact on the formation of V. I. Matyushchenko as an archaeologist, first of all in the field of methodology and themes of his studies.

Keywords: *Mikhail P. Gryaznov, Vladimir I. Matyushchenko, archaeological school, Leningrad, Tomsk, Omsk.*

3 Vladimir Yu. Ganenok — Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: vova.ganenok.96@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1760-1593.

«Отправить первым этапом...»: следственные материалы М. П. Грязнова в «Деле славистов» (1933–1934 гг.)[1]

Е. Г. Застрожнова (Панкратова)[2]

Аннотация. *«Дело славистов», или дело «Российской национальной партии» (РНП), — сфабрикованное ОГПУ дело о «фашистской организации русских и украинских националистов», ставшее одним из этапов кампании против «буржуазной» интеллигенции в годы «культурной революции» в СССР. Наибольшее число пострадавших пришлось на два крупнейших музея страны: Государственный Русский музей и Государственный Эрмитаж. В числе арестованных по «делу славистов» был и археолог, антрополог, научный сотрудник Русского музея М. П. Грязнов, в биографических очерках о котором практически не содержится информации о периоде его нахождении под следствием. Между тем восстановление этого трагичного этапа в жизни ученого крайне важно как для истории археологии, так и для истории политических репрессий 1930-х гг.*

Ключевые слова: *архивные документы, Русский музей, история советской археологии, политические репрессии.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.35-37

Среди сотрудников Русского музея по «Делу славистов» (или «Российской национальной партии») были арестованы А. А. Миллер, Д. А. Золотарев, Б. Г. Крыжановский, М. А. Фриде, А. И. Заремба, Н. В. Исаченко, С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов и другие. Публикации материалов этого следственного дела посвящена монография Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова (*Ашнин, Алпатов*, 1994). Однако большой объем следственного дела не позволил развернуто проследить следственный процесс по каждому из обвиняемых, что делает крайне актуальной задачу по восстановлению этого трагичного этапа жизненного пути пострадавших ученых. Основным источником для исследования является архивно-следственное дело № 12325 «По обвинению Фриде Марии Алексеевны и других», которое хранится в Архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 1–11).

Массовая волна арестов по «Делу славистов» пришлась на весну–осень 1933 г. 17 сентября 1933 г. был арестован А. А. Миллер (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Т. 2. П-30695. Л. 508), 26 ноября 1933 г. — С. А. Теплоухов (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Т. 4. П-30695. Л. 679). Через три дня, 29 ноября, в своей квартире по адресу 12-я линия ВО, дом 15, квартира 5, по обвинению в членстве в контрреволюционной фашистской организации был арестован и М. П. Грязнов. При обыске присутствовала его жена, М. Н. Комарова, и представитель ЖАКТ; были изъяты: личная переписка и «73 рубля серебром» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 225). При поступлении в ДПЗ все вещи М. П. Грязнова были сданы по квитанции в ОГПУ, после чего заполнена типовая анкета арестованного, в которой были указаны личные данные, состав семьи, стаж работы, партийная принадлежность, отношение к воинской повинности и пр.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-00063.

2 Евгения Григорьевна Застрожнова (Панкратова) — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ул. Киевская, д. 5, стр. 9, Санкт-Петербург, 196084, Российская Федерация; e-mail: pankratova0484@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7915-7534.

30 ноября состоялся первый допрос, который совпадает по дате с актом медицинского обследования, на котором М. П. Грязнову был поставлен диагноз — порок сердца. Отмечалось, что он не годен к работе, но следовать этапом может (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 230). Подобные «рекомендации» были шаблонными, и «медицинские обследования» зачастую совпадали у многих осужденных с датами допросов. Допрос проводил следователь (?) Манухин, вопросы касались в основном подробностей биографии М. П. Грязнова: «социальное происхождение — сын чиновника, служившего в должности инспектора народных училищ Томской губернии. Остался после смерти родителей 12 лет. Жил с братьями и сестрой на заработок сестры <…> и давал уроки с 13 лет. В армии не служил… Учился во 2 Томском реальном училище. В 1919 г. его окончил и поступил в Томский университет на физико-математический факультет. С 1 июля 1919 по 15 февраля 1920 г. работал в главном бухгалтерском управлении Томской железной дороги в качестве временного переписчика. С октября 1921 по апрель 1922 г. работал в качестве препаратора в кабинете географии Томского университета» (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 231). Отдельно отмечалось поступление в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) и Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК): «в 1922 г. перевелся в ЛГУ, где обучался до 1925 г. Поступив на работу в ГАИМК, оставил университет, не закончив курса обучения. Работал сначала в качестве научно-технического сотрудника, а с 1929 г. — научным сотрудником 1 разряда. С 1 января 1925 г. работал в Государственном Русском музее, сначала научным сотрудником 2 разряда, теперь 1 разряда. За время своей работы в ГАИМК и ГРМ написал и напечатал более 20 работ по археологии и антропологии» (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 232).

Стенограмма второго допроса М. П. Грязнова от 9 марта 1934 г., проводимого тем же следователем, очень краткая и состоит из отрицания выдвигаемых ему обвинений: «на предложенный мне вопрос о принадлежности к контрреволюционной фашистской организации русских и украинских националистов показываю, что ни к какой организации контрреволюционного характера я не принадлежал и в контрреволюционной деятельности не замешан». В этом же протоколе имеется приписка рукой М. П. Грязнова: «Настоящим подтверждаю, что об окончании следствия по моему делу мне объявлено» (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 234). Сложно сказать, почему предполагалось завершение следственных действий по отношению к М. П. Грязнову, тогда как допросы его коллег продолжались, а отрицание вины обвиняемым не имело никакого значения для следователей. Как видно из материалов дела, следствие все же завершено не было; видимо, делу требовались свидетельские показания против некоторых осужденных вместе с М. П. Грязновым. На допросе 13 марта 1934 г. следователем Д. Г. Гончаровым были запрошены сведения о Г. А. Бонч-Осмоловском, А. А. Миллере и Д. А. Золотареве. М. П. Грязнов отметил, что все эти лица являются «наиболее близкими к нему по службе», охарактеризовав всех троих как «членов группировки реакционной профессуры ЛГУ и Русского музея, враждебно настроенных к советской власти» (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 245). В дополнительном протоколе к этому же допросу зафиксированы «показания» М. П. Грязнова о сути его контрреволюционных взглядов: «процесс оформления моих контрреволюционных взглядов закончился в 1920 г., в период моей работы в Томском государственном университете, где я работал под руководством профессора С. И. Руденко и С. А. Теплоухова[3]» (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 247).

14 марта 1934 г. состоялся очередной допрос М. П. Грязнова, который очевидно был связан с показаниями А. А. Миллера, данными в этот же день (АУФСБ по СПб и ЛО. Т. 2. П-30695. Л. 541–542). Допрос А. А. Миллера проводили следователи Н. Ц. Саутин и Н. Г. Михайловский, и на прямой вопрос следователей «о контрреволюционной деятельности члена вашей организации М. П. Грязнова» А. А. Миллер показал: «мне известно, что Грязнов является активным членом нашей контрреволюционной националистической организации русских и украинских националистов, входивший в ячейку организации при ГАИМК и завербованный в организацию Теплоуховым, как руководителем этой ячейки. Грязнов *представляет из себя законченного фашиста (подчеркнуто в деле).* <…> Кроме этого, Грязнов проводил по заданию Теплоухова большую индивидуальную обработку среди сотрудников ГАИМК на предмет возможности выявлении и вербовки новых членов в организацию, но что конкретно ему удалось добиться в этом деле, мне неизвестно» (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 2. Л. 541).

Подтверждения подобным обвинениям сложно найти в стенограмме допроса М. П. Грязнова, который

---

3 С. А. Теплоухов признал себя виновным в членстве в фашистской организации на своем первом и единственном допросе — 29 ноября 1933 г. 15 марта 1934 г. была зафиксирована смерть С. А. Теплоухова в ходе следственного процесса (по основной версии — совершил самоубийство в камере; свидетельство о смерти с точной датой отсутствует, примерно 10 марта), в связи с чем дело в отношении него было прекращено за смертью обвиняемого. В постановлении Военной прокуратуры Ленинграда о прекращении дела от 27 мая 1958 г. указано, что С. А. Теплоухов был привлечен к уголовной ответственности необоснованно и дело в отношении него прекращено за отсутствием состава преступления (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 6. Л. 680).

утверждал, что он «вместе с другими учеными ИАЭ и ГАИМК под прикрытием теории "Интернациональности науки", передал белоэмигранту Е. А. Голомштоку <…> для опубликования в американской и английской печати с правом сохранения авторства следующие оттиски моих статей: "Древние культуры Алтая"; "Каменные изваяния Минусинских степей"; "Казахстанский очаг бронзовой культуры"; "Пазырыкское погребение на Алтае"; "Княжеское погребение в Шибе (Алтай)", а также рукопись на 1/4 печатного листа о Пазырыкском кургане на Алтае» (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 248). Кроме того, были даны показания о «вредительском расходовании средств» в ходе проведения С. И. Руденко Казахстанской и Башкирской экспедиций АН СССР. Приводилось и несколько примеров: «мною (М. П. Грязновым) лично при проведении археологических раскопок на Алтае были израсходованы деньги не только Алтайской экспедиции, но и выделенные мне деньги для работ в Казахстане (около 500 руб.), вследствие чего в этот год (1927 г.) я ехать в Казахстан не смог. При наличии хороших отношений с С. И. Руденко, последний израсходованные мной на Алтае казахстанские деньги провел по Казахстанской экспедиции»; «в 1925 г. Русский музей организовал на Алтай экспедицию для археологических и этнографических исследований. Маршрут экспедиции был избран по живописным местам Алтая в ущерб целевым установкам экспедиции. Несмотря на ограниченные средства экспедиции, ее начальник С. И. Руденко зачислил в качестве научного сотрудника экспедиции художницу Н. М. Сунцову, будущую свою жену, которая за все время нахождения в экспедиции (3 месяца) сделала только 4 незначительных зарисовки в Барнаульском музее» (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 248). Более допросов не проводилось.

В обвинительном заключении от 21 марта 1934 г. было указано, что обвинение полностью доказано материалами дела и все обвиняемые признаны виновными. В выписке из протокола Особого совещания при коллегии ОГПУ от 2 апреля 1934 г. предписывалось заключить М. П. Грязнова в ИТЛ сроком на три года, считая срок с 29 ноября 1933 г. с заменой высылки через ПП ОГПУ Горьковского края (АУФСБ по СПб и ЛО. Т. 4. Л. 341). В отдельной справке ПП ОГПУ, г. Ленинград, копия которой направлялась начальнику ПП ОГПУ Горьковского края, оговаривалась отправка М. П. Грязнова первым отходящим этапом в г. Горький в распоряжение местного ОГПУ.

28 ноября 1956 г. датируется справка о пересмотре дела в отношении М. П. Грязнова, отмене обвинительного постановления и прекращении производства за отсутствием состава преступления (АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 468).

АУФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 1–11. По обвинению Фриде Марии Алексеевны и других.

Ашнин, Алпатов, 1994 — *Ашнин . Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.

„To send with the first prison stage…“: investigative documents of Mikhail P. Gryaznov in the „Slavist Affair“ (1933–1934)

Evgenia G. Zastrozhnova (Pankratova)[4]

„The Slavist Affair“ or the „Russian National Party Affair“ is a case fabricated by the OGPU about a „fascist organization of Russian and Ukrainian nationalists“, which became one of the stages of the campaign against the „bourgeois“ intelligentsia during the years of the „cultural revolution“ in the USSR. Its most victims fell on the two largest museums in the country: the State Russian Museum and the State Hermitage. Among those who were arrested in this case there was an archaeologist, anthropologist, researcher of the Russian Museum, Mikhail P. Gryaznov, whose biographical essays contain practically no information about the period of his having been under investigation. Meanwhile, the recovery of this tragic stage in his life is extremely important is extremely important both for the history of archeology and for the history of political repressions in the 1930s.

Keywords: *archival documents, Russian Museum, history of Soviet archeology, political repressions.*

4 Evgenia G. Zastrozhnova (Pankratova) — St. Petersburg Branch of the Archives of the RAS, 5 p. 9 Kievskaya St., St. Petersburg, 196084, Russian Federation; e-mail: pankratova0484@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7915-7534.

Виновным себя не признал. Эпизоды из следственного дела так называемой Российской национальной партии (1933–1934 гг.)[1]

В. А. Алёкшин[2]

Аннотация. *29 ноября 1933 г. Михаил Петрович Грязнов, являвшийся научным сотрудником ЭО ГРМ и по совместительству заведующим разрядом антропологии ГАИМК, был арестован органами ОГПУ по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации российских и украинских националистов (так называемый процесс РНП). Своей вины М. П. Грязнов не признал, хотя два фигуранта дела дали против него показания. На очных ставках с последними ученый опроверг все приводимые ими свидетельства, указывающие якобы на его вину. Тем не менее по приговору Коллегии ОГПУ М. П. Грязнов был приговорен к трехлетней ссылке в г. Вятку (ныне Киров). После ее отбытия он вернулся в Ленинград, где продолжил свои научные изыскания в ГЭ и ИИМК. В 1956 г. М. П. Грязнов был полностью реабилитирован.*

Ключевые слова: *М. П. Грязнов, А. А. Миллер, ГАИМК, ЭО ГРМ, Российская национальная партия (РНП), судебные процессы.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.38-41

29 ноября 1933 г. Михаил Петрович Грязнов, являвшийся научным сотрудником ЭО ГРМ и по совместительству заведующим разрядом антропологии ГАИМК, был арестован органами ОГПУ по обвинению в принадлежности к т. н. Российской национальной партии (РНП) — контрреволюционной организации российских и украинских националистов (*Ашнин, Алпатов*, 1994). Ему вменяли совершение преступлений, предусмотренных статьей 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. пунктами 10 (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти) и 11 (всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению преступлений, предусмотренных настоящей статьей) (Из личного…, 2002. С. 86[3]).

Предъявленные обвинения грозили М. П. Грязнову длительным сроком заключения в исправительно-трудовом лагере, поскольку кроме членства в антиправительственной организации ему могли приписать особую роль в ее иерархии в связи с тем, что одним из фигурантов этого дела являлся Сергей Александрович Теплоухов, учеником которого был М. П. Грязнов. С. А. Теплоухов рассматривался следствием как руководитель ячейки РНП в ГАИМК (АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-30695. Т. I. Л. 341). Следовательно, не исключалась вероятность привлечения М. П. Грязнова к суду как ближайшего помощника одного из руководителей среднего звена разветвленной антисоветской организации.

Дело РНП было сфабриковано Секретно-политическим отделом ОГПУ (*Ашнин, Алпатов*, 1994. С. 3). Фигурантами этого процесса наряду с рядовыми музейными сотрудниками стали известные филологи, археологи и этнографы. По версии следствия, РНП возникла в 1929 г. на платформе расовой теории панславизма, свержения советской власти и ориентации на интервенцию фашистской Германии. По мнению ОГПУ, РНП состояла из центра, находящегося в Ленинграде, и филиалов в Москве, на Украине, в Азовско-Черноморском крае и Белоруссии. Центр был непосредственно связан с государственными учреждениями в Чехословакии, Германии и Италии. В Ленинграде органы ОГПУ «выявили» и ликвидировали 14 ячеек РНП в научно-исследовательских институтах, учреждениях Академии наук, музеях и научных обществах. Ячейки якобы передавали иностранным фирмам и учреждениям результаты работ советских хозяйственных и оборонных предприятий, а также занимались вредительством и срывом планов научных исследований в СССР (АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-30695. Т. I. Л. 340–341; Т. II. Л. 537).

Дело РНП стоит в ряду других судебных процессов в СССР первой половины 1930-х гг., в ходе которых были репрессированы специалисты различных гума-

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Вадим Андреевич Алёкшин — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: alyokshin1@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9224-6037.

3 Опубликованные в этом издании документы были подготовлены к печати М. Н. Пшеницыной, ученицей М. П. Грязнова.

нитарных наук. Речь идет об Академическом деле 1929–1931 гг. (Академическое…, 1993; 1998; 2015) и деле краеведов 1930–1931 гг. (*Акиньшин*, 1992).

Судебные процессы первой половины 1930-х гг. проистекали из решения властей форсировать начиная с конца 1920-х гг. меры по воспитанию нового человека, сознательного строителя социалистического общества, носителя его идеалов, которые он обязан был пропагандировать и защищать. Ускоренное решение этой задачи сделало бы необратимыми завоевания Октябрьского переворота. Поэтому большевики организовали ряд кампаний по проверке благонадежности населения. Именно эти мероприятия, по мысли идеологов правящей партии, позволили бы достичь ее стратегической цели, заключающейся в построении нового общества, ядро которого составили бы воспитанные советской властью люди, необремененные пережитками прошлого. Старые кадры, пришедшиеся не ко двору советской власти, тормозили, по ее мнению, формирование социалистического отечества, и поэтому их надлежало оттеснить на обочину общественной жизни или изолировать. Впрочем, судя по материалам такого рода процессов, даже сравнительно молодые люди (М. П. Грязнову, например, на момент ареста исполнился 31 год), с точки зрения властей, могли относиться враждебно к советскому государству.

Для оценки лояльности гражданина СССР к началу 1930-х гг. складывается термин «советски настроенный человек», т. е. такой гражданин, который публично выражал преданность новой власти и постоянно одобрял ее внутреннюю и внешнюю политику. Те же, кто пытался отмолчаться, жить держа язык за зубами, вызывали подозрение в неискренности, скрытности и враждебности по отношении к социалистическому государству и правящей партии. Донесения информаторов о настроениях таких малообщительных сотрудников ГАИМК сплошь и рядом содержат их уничижительные характеристики. Они названы «молчальниками», скрывающими свое истинное «политическое лицо», а поэтому являются «политически неблагонадежными» или «политически чуждыми», а в сущности — «противниками советской власти» (ЦГА СПб, Р-7154 (ГАИМК). Оп. 1. Д. 13). М. П. Грязнов считал приемлемым вышеупомянутый последний термин, употребив его по отношению к также проходившему по делу РНП археологу и этнографу Г. А. Бонч-Осмоловскому, когда в ходе следствия пытался дать ему положительную характеристику (Из личного…, 2002. С. 89).

Хотя в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. меры физического воздействия к фигурантам политических процессов еще не применялись, подследственные, как правило, давали на допросах признательные показания. Следователи добивались этого, используя методы психологического воздействия на обвиняемых. Об этом свидетельствует, например, адресованное в октябре 1936 г. наркому внутренних дел СССР Н. И. Ежову письмо Г. А. Бонч-Осмоловского. Последний, происходивший из семьи революционеров-народников, был настроен в пользу советской власти. Однако именно его письмо рисует неприглядную картину следственных методов того времени. Ученый пишет, что после его ареста в ноябре 1933 г. «…Следствие взяло по отношению меня тон, как к несомненному врагу <…> все вопросы сводились к требованию подписать заранее составленное следователем признание, называвшееся декларацией… Категорические отказы подписать декларацию вызывали реплики, что я сам гублю себя своим упорством, что я оговорен сослуживцами и ввиду скорого окончания следствия как нераскаявшийся, т. е. закоснелый враг, поеду по меньшей мере на 5 лет в лагерь… Частые угрозы (немедленным расстрелом револьвером) подкрепляли в моем сознании впечатление безнадежности… Следователь говорил мне: "Подписав декларацию, которая не является материалом для следствия, Вы отдадите себя в наши руки и тем самым докажете свое полное доверие органам пролетарской диктатуры". <…> Окончательно убедили меня слова старшего следователя, что подписание декларации имеет условный, чисто формальный характер и что следствию совершенно неважно, если я подпишу ее, сохраняя про себя убеждение в ложности самой декларации… Убежденный этими рассуждениями, я подписал первую декларацию… Через некоторое время мне было предложено подписать вторую, а затем и третью декларации, имевшие все более и более криминальный характер <…> я их также подписал. Про себя я, во всяком случае, могу сказать одно <…> мои убеждения нисколько не изменились и что среди других ученых мало найдется таких искренне преданных делу революции людей, как я…» (*Ашнин, Алпатов*, 1994. С. 64–68). Очевидно, подобные методы воздействия были использованы следствием и против А. А. Миллера, в деле которого представлены только добровольные признания, т. е. самооговоры.

Однако Г. А. Бонч-Осмоловский и А. А. Миллер не ограничились самооговорами. На следствии они дали показания против М. П. Грязнова. Например, Г. А. Бонч-Осмоловский сообщил сведения, подтвержденные позднее им на очной ставке (14 марта 1934 г.), о том, что М. П. Грязнов состоял в фашистской контрреволюционной организации украинских и русских националистов, но активной работы в ней не вел. Когда же последний отверг эти обвинения, Г. А. Бонч-Осмоловский сказал ему увещевательным тоном: «Оставьте формальный метод мышления» (Из личного…, 2002. С. 89).

Такую же позицию по отношению к М. П. Грязнову занял и А. А. Миллер. В дополнении к протоколу его допроса от 12 марта 1934 г. он показал, что «М. П. Грязнов является активным членом нашей контрреволюционной националистической организации русских и украинских националистов, входившей в ячейку организации при ГАИМК, и завербованным в организацию Теплоуховым, как руководителем этой ячейки. Грязнов М. П. представляет из себя законченного фашиста. Он, как мне известно, на разных совещаниях при ГАИМК под непосредственным руководством Теплоухова всегда активно выступал против марксизма, развивал националистические установки в контрреволюционном плане. Кроме этого, Грязнов проводил по заданию Теплоухова большую индивидуальную обработку среди сотрудников ГАИМК на предмет возможности выявления и вербовки новых членов в организацию, но что конкретно удалось ему добиться в этом деле мне неизвестно» (АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-30695. Т. II. Л. 543, 555).

Справедливости ради следует отметить, что тексты протоколов, судя по воспоминаниям М. П. Грязнова (Из личного…, 2002. С. 89), следователи серьезно редактировали, в результате чего письменные показания подозреваемых зачастую приобретали совершенно другой смысл, противоречащий той информации, которую они стремились довести до сотрудников ОГПУ. Однако в конечном итоге все подследственные подписывали составленные таким образом протоколы.

На очной ставке с М. П. Грязновым, происходившей 13 марта 1934 г., А. А. Миллер подтвердил свои показания от 12 марта 1934 г. в части, касающейся М. П. Грязнова в том, что последний является членом РНП. Однако М. П. Грязнов отверг это утверждение коллеги по ЭО ГРМ и не признал своего участия в антисоветской организации (АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-30695. Т. II. Л. 557).

Пытаясь добиться необходимых следствию результатов, допрашивающие запугивали М. П. Грязнова, как и других фигурантов дела. Ему угрожали десятилетним лагерным заключением, расстрелом, крахом научной карьеры, высылкой семьи из Ленинграда (Из личного…, 2002. С. 87). Однако исследователь неизменно отрицал свое участие в какой-либо противоправной деятельности. В обвинительном заключении указано, что М. П. Грязнов виновным себя не признал, но достаточно изобличается показаниями и очными ставками с Миллером и Бонч-Осмоловским (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-30695. Т. III. Л. 251).

Твердость, проявленная археологом в отстаивании своей невиновности, была подкреплена такими его ресурсами, как молодость и состояние здоровья. В этом отношении он выгодно отличался от пожилого А. А. Миллера, страдающего хроническим миокардитом (*Там же.* Т. II. Л. 514 об.), и от больного туберкулезом Г. А. Бонч-Осмоловского, к тому же контуженного в Первую мировую войну (*Ашнин, Алпатов*, 1994. С. 64).

М. П. Грязнов применял активную защиту в ходе следствия. Например, он письменно и устно протестовал против процессуальных нарушений, допущенных следователем в ходе проведения последним процедуры очной ставки М. П. Грязнова и А. А. Миллера. В процессе такого противоборства ученый иногда переходил границы допустимого. Например, на допросе 14 марта 1934 г. он дал письменные показания о том, что осужденный к этому времени на 10 лет исправительно-трудовых лагерей С. И. Руденко и его последователи в ЛГУ и ГРМ относились с недоверием, а иногда и враждебно ко многим мероприятиям советской власти и проводили политику саботажа этих мероприятий. Показания против С. И. Руденко М. П. Грязнов дополнил на допросе 15 марта 1934 г. (Из личного…, 2002. С. 89). Любопытно отметить, что к этому времени С. И. Руденко был досрочно освобожден Коллегией НКВД (8 марта 1934 г.) и остался работать в системе этого наркомата по вольному найму (*Алёкшин*, 2013. С. 118).

Несмотря на то, что М. П. Грязнов не признал свою вину, он решением Коллегии ОГПУ был сослан в апреле 1934 г. в Вятку (ныне г. Киров) Горьковского края сроком на три года (*Алёкшин*, 2013. С. 118; *Ашнин, Алпатов*, 1994. С. 203). Находясь в ссылке, М. П. Грязнов работал в Кировском областном музее краеведения. После истечения срока наказания (25 декабря 1936 г.) он вернулся в 1937 г. в Ленинград и благодаря поддержке М. И. Артамонова устроился на работу в ГЭ, а в апреле 1939 г. был зачислен в штат ИИМК АН СССР (*Алёкшин*, 2013. С. 118). В 1956 г., спустя 20 лет после процесса РНП, М. П. Грязнов был полностью реабилитирован (*Там же*. С. 118, примеч. 37).

Так закончился тяжелейший период в жизни М. П. Грязнова. Благодаря своей воле, мудрости и стойкости он сохранил себя в годы испытаний и как личность, и как ученый, вклад которого в последующее развитие сибирской археологии трудно переоценить.

Академическое…, 1993 — Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Отв. ред. В. П. Леонов. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб.: Библиотека РАН, 1993. 296 с.

Академическое…, 1998 — Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Отв. ред. В. П. Леонов. Вып. 2. Ч. 1–2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. СПб.: Библиотека РАН, 1998. 746 с.

Академическое…, 2015 — Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Отв. ред. В. П. Лео-

нов. Вып. 9. Ч. 1. Обвинение, приговор, реабилитация. СПб.: Библиотека РАН, 2015. 452 с.

Акиньшин, 1992 — *Акиньшин А. Н.* Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж, 1992. Вып. 1. С. 208–235, 282–283.

Алёкшин, 2013 — *Алёкшин В. А.* Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг. / Отв. ред.-сост. Е. Н. Носов СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.

Ашнин, Алпатов, 1994 — *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие. 1994. 285 с.

Из личного…, 2002 — Из личного архива М. П. Грязнова. Заявление. Протоколы допросов // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. I. С. 86–90.

He pleaded not guilty. Episodes from the investigation file of the so-called Russian National Party (1933–1934)

Vadim A. Alekshin[4]

In November 29, 1933 Mikhail P. Gryaznov, who was a researcher at the Ethnographic Department of the State Russian Museum and a part-time head of the Anthropology Department of the State Academy for the History of Material Culture, was arrested by the Joint State Political Directorate (OGPU) on charges of belonging to a counter-revolutionary organization of Russian and Ukrainian nationalists (the so-called Russian National Party). Gryaznov pleaded not guilty, although two defendants in the case testified against him. At face-to-face confrontations with them Gryaznov refuted all the evidence they cited that allegedly pointed to his guilt. Nevertheless, according to the verdict of the OGPU Board, Gryaznov was sentenced to a three-year exile in the city of Vyatka (now Kirov). After that period he returned to Leningrad and continued his scientific research at the State Hermitage and the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences. In 1956, Gryaznov was fully rehabilitated.

Keywords: *Mikhail P. Gryaznov, Aleksandr A. Miller, State Academy for the History of Material Culture, Ethnographic Department of the State Russian Museum, Russian National Party, trials.*

4 Vadim A. Alekshin — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: alyokshin1@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9224-6037.

Тепсейский археологический микрорайон: 40 лет спустя после раскопок М. П. Грязнова

О. С. Советова[1], О. О. Шишкина[2]

Аннотация. *Работа посвящена истории изучения Тепсейского археологического микрорайона после завершения исследований, проводившихся в 1958–1978 гг. Красноярской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова. Отмечается перспективность продолжения археологических изысканий, особенно изучения объектов наскального искусства — рисунков (петроглифов) на скалах и отдельных плитах, а также на курганных камнях. Комплексное изучение материалов этого археологического микрорайона позволяет рассматривать изобразительные памятники в археологическом контексте. Ставится вопрос о необходимости музеефикации подобных мест.*

Ключевые слова: *Тепсейский археологический микрорайон, раскопки, петроглифы, история Южной Сибири.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.41-44

1 Ольга Сергеевна Советова — Кемеровский государственный университет, ул. Красная, д. 6, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: olgasovetova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0733-8245.

2 Ольга Олеговна Шишкина — Кемеровский государственный университет, ул. Красная, д. 6, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: olgashishkina145@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4956-1293.

В зоне строительства Красноярского водохранилища, воды которого грозили уничтожением многим археологическим памятникам, в 1958 г. начались археологические работы Красноярской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова. Продолжались они 20 лет — с 1958 по 1978 г. В планы работ экспедиции первоначально входили только раскопки курганов и поселений, которые до 1963 г. проводились на левом берегу Енисея, а с 1963 г. (после образования еще двух отрядов под руководством А. Д. Грача и Я. А. Шера) — и на правом берегу. Масштабные исследования развернулись на небольшом надпойменном участке берега Енисея у подножия горы Тепсей.

За 20 лет исследований, проведенных на высоком для того времени методическом уровне, были изучены тысячи памятников 11 периодов истории и культуры древних народов бассейна Енисея. В археологическом отношении он остается притягательным для исследователей, а его изучение не менее актуально, чем это было многие десятилетия назад. Проведенные здесь в последующие годы археологические исследования показали, что масштабы этого археологического ареала намного больше, чем казалось ранее; не все памятники были выявлены и поставлены на государственный учет, а источниковая база значительно возросла за счет огромного корпуса наскальных изображений. Все это в целом существенно расширило представления об истории и духовной культуре населения, обитавшего в этих местах в разные исторические эпохи.

На территории Тепсейского микрорайона удалось проследить хронологическую последовательность и смену различных культур, оставивших после себя поселения, погребения (склепы, курганы, грунтовые могильники) и поминальники. Фактически был получен полноценный материал для воссоздания истории народов Южной Сибири на протяжении тысячелетий. М. П. Грязнов отмечал, что памятники Тепсея по каждому из представленных ими периодов истории развития культуры внесли те или иные новые штрихи в общую картину истории древнеенисейских племен, а по некоторым периодам открыли совершенно неизвестные ранее страницы далекого прошлого Хакасии (*Грязнов*, 1979. С. 4).

За годы, прошедшие со времени окончания работ Красноярской археологической экспедиции, исследовательский интерес к Тепсею не угасал. Н. А. Боковенко (1995) определил, что остались нераскопанными многочисленные поселения эпохи бронзы и средневековья. Многие из этих страниц истории уже никогда не смогут быть восстановлены из-за деструктивного влияния Красноярского водохранилища. Следует отметить, что уже в ходе исследований Красноярской экспедиции стало ясно, что часть археологических объектов (курганов, поселений, наскальных изображений) Тепсейского микрорайона не удастся спасти из-за отсутствия достаточного финансирования. Тем более что множество древних памятников уже тогда было сильно задерновано, и они не были зафиксированы в ходе разведочных работ, а были выявлены значительно позже. Водохранилище периодически в летне-осенний период заполняется водой и сбрасывает ее в зимне-весеннее время, что приводит к значительной деградации наиболее слабых участков берега и смыва грунта вплоть до скальных пород. Волны, ледоходы и ветер также способствуют интенсивному разрушению берегов водохранилища, причем особенно страдает его правый берег.

В 1990-х гг. обнажились и стали быстро разрушаться сотни археологических памятников, которые требовали необходимых мероприятий по их спасению. К сожалению, из-за отсутствия должного финансирования сорвалась программа Министерства культуры РФ «Спасение культурного наследия», прекратились раскопочные работы. Н. А. Боковенко констатировал, что к первому десятилетию 2000-х гг. практически все из обнажившихся памятников были полностью уничтожены морем или же разрушены туристами (*Боковенко*, 1995. С. 52). Настоящим бичом нашего времени являются т. н. черные копатели, которые буквально промеряют каждый метр обнажившихся участков дна водохранилища во время спада воды. Приезжая сюда в мае, мы видим сотни ямок — следов поиска металлических предметов. Весной 2021 г. при низком уровне воды нами были обнаружены фрагменты керамики, многочисленные кости, каменные зернотерки, жернова, песты и другие находки, свидетельствующие о возможном наличии здесь древнего поселения. Поэтому остается надежда, что какие-то археологические объекты еще сохранились и могут быть раскопаны.

К 1990-м гг. основное внимание археологов переключилось на изучение наскального искусства, и к настоящему времени уже задокументированы тысячи изображений Тепсея (*Советова и др.*, 2021). Самая большая проблема связана с сохранностью петроглифов, попавших в зону затопления. Проведенные в 1993 г. кемеровскими археологами совместно с французскими учеными из CNRS исследования деструкции скал Тепсея после наполнения Красноярского водохранилища показали, что огромное количество плоскостей с рисунками затоплено, а оставшиеся над поверхностью воды подвержены постоянному риску разрушения волнами водохранилища. Это было подтверждено и мониторингом состояния рисунков, осуществляющимся в течение последующих лет. До настоящего времени задача их сохранения остается актуальной, хотя о физической сохранности многих плоскостей с рисунками говорить уже не приходится. Наблюдения за состоянием затопляемых плоскостей

свидетельствуют о том, что некоторые процессы деструкции, увы, необратимы. Идут столь интенсивные процессы разрушения прибрежных скал, удобных некогда для подхода площадок, карнизов, а также выветривания скал, приводящего к появлению ниш, новых пещер, неустойчивых монолитов и пр., что картина состояния многих участков постоянно меняется, к сожалению, не в лучшую сторону. Обрушения приводят к утрате плоскостей, на которых в древности были нанесены изображения, часть из них заносит щебнем, они в буквальном смысле уходят под землю, а на открытых плоскостях идет интенсивный процесс отслоения фрагментов с рисунками (рис. 1)[3]. В настоящее время становится ясно, что только скорейшее документирование изображений поможет хоть в таком виде сохранить их для науки. Масштабы катастрофы не оставляют надежды ни на реставрацию, ни на консервацию многих из участков выявленных ранее пунктов сосредоточения петроглифов.

На примере изучения археологических объектов Тепсейского микрорайона видна перспективность комплексного исследования разнотипных памятников для воссоздания объективной картины прошлого этого удивительного края. В дальнейшем можно будет решать и более глобальную задачу, которую поставил еще М. П. Грязнов, а именно: «по материалам нескольких хорошо изученных микрорайонов, сопоставление которых позволяет более обоснованно решать вопросы о возможности сосуществования на Среднем Енисее племен с разной культурой или последовательной

Рис. 1. Современное состояние затопляемой плоскости с изображениями (Усть-Туба III)
Fig. 1. The current state of a flooded plane with representations (Ust'-Tuba III)

сменой их, о путях миграции, времени заселения края теми или иными племенами и др.» (*Грязнов*, 1979. С. 3).

В настоящее время поле, на котором некогда проводились раскопки, задерновано, затянуто кустарником, и только после пожаров весны 2022 г. оно относительно неплохо обнажилось, что позволило увидеть еще не раскопанные курганы, а также остатки конструкций некогда раскопанных объектов.

3 В архиве Я. А. Шера сохранилась фотография плоскости, на которой почти полвека назад еще была видна многофигурная уникальная композиция скифского времени (пункт Усть-Туба III). Исследования 2022 г. свидетельствуют о том уроне, который наносит море наскальным рисункам. Многие фигуры за годы, прошедшие со времени их фотофиксации Я. А. Шером, разрушены, сам каменный монолит растрескался, его регулярно затягивает щебнем, и, возможно, в скором времени он будет замурован, а рисунки окажутся недоступными.

Боковенко, 1995 — *Боковенко Н. А.* Перспективы развития подводной археологии на Красноярском водохранилище в Сибири // Проблемы изучения подводной археологии / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1995. Вып. 2. С. 48–52.

Грязнов, 1979 — *Грязнов М. П.* Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / под ред. М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука. СО, 1979. С. 3–6.

Советова и др., 2021 — *Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В.* Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-принт, 2021. 288 с.

Tepsey archaeological micro-district: 40 years later after the excavations of Mikhail P. Gryaznov

Olga S. Sovetova[4], Olga O. Shishkina[5]

The paper deals with the history of the explorations of the Tepsey archaeological micro-district after the completion of the excavations conducted in 1958–1978 by the Krasnoyarsk archaeological expedition organized by the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences and directed by Mikhail P Gryaznov. The prospects of continuing archaeological research, especially the study of objects of rock art, viz. images (petroglyphs) on the rocks, individual slabs and barrow stones are noted. The complex study of materials of the archaeological micro-district permits to consider its art monuments in an archaeological context. The question is raised about the necessity of adding such places to the category of museum objects.

Keywords: *Tepsey archaeological micro-district, excavations, petroglyphs, history of Southern Siberia.*

4 Olga S. Sovetova — Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: olgasovetova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0733-8245.

5 Olga O. Shishkina — Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: olgashishkina145@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4956-1293.

Ноин-улинская коллекция в фотографиях 1920-х гг. из архивного собрания ИИМК РАН[1]

Д. А. Кукина[2], М. В. Медведева[3]

Аннотация. *Раскопки Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. открыли новую страницу в археологии хунну. Научным изучением уникальных ноин-улинских находок и их подготовкой к изданию занимались сотрудники Академии истории материальной культуры в Ленинграде во второй половине 1920-х гг. К работе активно привлекались профессиональные фотографы. В результате сформировалась значительная фотоколлекция, которая неоднократно использовалась учеными разных стран для публикаций о ноин-улинских древностях и является ценным документальным источником по истории фотографии.*

Ключевые слова: *Монголо-Тибетская экспедиция, археологические находки, история науки, Академия истории материальной культуры, архивные фотографии.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.44-47

Раскопки ноин-улинских курганов, проведенные Монголо-Тибетской экспедицией под руководством П. К. Козлова в Монголии в 1924–1925 гг., стали сенсацией в истории археологических исследований материальной культуры кочевой империи хунну. В богатых погребальных комплексах было обнаружено несколько тысяч предметов, относящихся к концу I в. до н. э. — I в. н. э. Удивительное открытие вызвало широкий об-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005 Монг_а. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-59-44005 Монг_а.

2 Дарья Андреевна Кукина — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: castor_fiber@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9620-7860.

3 Мария Владимировна Медведева — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: marrya.medvedeva@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3592-6260.

щественный резонанс: необходимость немедленного введения результатов раскопок в научный оборот была очевидна, однако сразу после экспедиции в 1925 г. вышли лишь краткие отчеты (Краткие отчеты…, 1925).

Подготовку полномасштабной публикации уникальной археологической коллекции поручили ведущему в то время археологическому учреждению — Академии истории материальной культуры (*Медведева*, 2022б). Издание планировалось сопроводить большим количеством качественных иллюстраций, поэтому фотофиксация находок стала одной из главных задач. К ее решению привлекли мастеров фотодела — И. Ф. Чистякова (*Медведева*, 2022а), С. М. Дудина (*Кулакова, Кий*, 2021; *Прищепова*, 2011), И. А. Александрова (*Медведева*, 2022г; *Мозохина*, 2010; *Рогозина*, 2014), ряд вещей снял один из авторов раскопок — Г. И. Боровка[4]. Запланированная подготовка иллюстративных материалов была завершена к 1928 г.

Одновременно в Институте археологической технологии ГАИМК велись интенсивные работы по естественно-научному изучению и реставрации ноин-улинских древностей (*Сутягина*, 2020; *Медведева*, 2022в). Специалистами лабораторий осуществлялась фотосъемка предметов, проводилась эксперименты со светофильтрами и макросъемкой. Самым известным результатом фотоаналитических работ стало восстановление изображения и цветности древних вышивок (*Тихонов*, 1931). К сожалению, большая часть лабораторных исследований ноин-улинской коллекции так и осталась неизданной, как и фотографические снимки, фиксирующие различные этапы этих естественно-научных изысканий. В 1932 г. был опубликован только один том в Известиях ГАИМК (Технологическое изучение…, 1932), посвященный изучению тканей, хотя спектр естественно-научных работ был гораздо шире.

В настоящее время вся фотодокументация 1920-х гг., сделанная в Академии истории материальной культуры, хранится в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН. Основной комплекс фотографий отложился в архивной коллекции «Фонд Монгольской экспедиции АН СССР» (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 46. Кол. А 1536): более двухсот стеклянных негативов разного формата и отпечатки к ним отображают состояние ноин-улинской коллекции на период второй половины 1920-х гг. Фотографировались ковры, предметы одежды, находки из бронзы, серебра и золота, деревянные и лакированные изделия, керамические сосуды. Особенно тщательно документировались ткани. Часть находок снималась и до и после реставрации. Фотографии делались разными авторами на протяжении нескольких лет, одни и те же предметы, преимущественно ткани, снимались многократно, с разных ракурсов. Еще 17 негативов и отпечатки к ним входят в коллекцию «Заказы сотрудников ГАИМК» (НА ИИМК РАН. ФО. Инв. № 88581–88597), на них — сфотографированные по просьбе Г. И. Боровки в 1926 г. фрагменты керамики из ноин-улинских курганов.

Снимки древностей для публикации дополняются материалами фотоколлекции «Лаборатория фотоанализа ГАИМК» (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 46. Колл. 101). В нее включены 88 стеклянных негативов прекрасной сохранности, где отражены работы Института археологической технологии ГАИМК по естественно-научному изучению ноин-улинских находок и подготовке их к транспортировке в Монголию[5].

Масштабное издание ноин-улинской археологической коллекции, готовившееся в стенах Академии истории материальной культуры во второй половине 1920-х гг., так и не состоялось, и фотоматериалы стали частью архивного собрания учреждения. Долгие годы они служили документальной базой для множества российских и зарубежных публикаций о раскопках Ноин-улинского могильника и сделанных там уникальных находках. Несколько снимков проиллюстрировали первый краткий отчет предварительных результатов Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (Краткие отчеты…, 1925). Фотографии образцов тканей из Ноин-Улы и микрофотографические снимки их строения частично вошли в соответствующие публикации ГАИМК (*Воскресенский, Тихонов*, 1932; *Тихонов*, 1931). В научном каталоге К. Тревер «Excavation in Northern Mongolia» (*Trever*, 1932) представлены наиболее эффектные и выразительные находки Монголо-Тибетской экспедиции. И наконец, в монографии «Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы» (*Руденко*, 1962) С. И. Руденко предпочел во многих случаях опубликовать снимки ноин-улинских находок 1920-х гг. вместо вновь изготовленных.

У иностранных исследователей фотоизображения ноин-улинских находок, сделанные русскими фотографами в 1920-х гг., тоже пользовались популярностью. Снимки публиковались в статьях У.-П. Йеттса (*Yetts*, 1926), А. Сальмони (*Salmony*, 1930/1932), каталоге Выставки китайского искусства (Ausstellung…, 1929), прошедшей в Берлине в 1929 г. В 1960 г. в монографии С. Умэхары иллюстрации, сделанные в Академии истории материальной культуры, воспроизведены в прекрасном полиграфическом качестве (*Umehara*, 1960).

4 Г. И. Боровке принадлежит также большая серия полевых фотографий, сделанных во время раскопок кургана № 24 в 1924 г. и кургана № 49 в 1926 г. (Ноин-Ула, падь Суцзукте) (*Медведева, Чулуун*, 2017; *Медведева, Кукина*, 2022).

5 По соглашению с Ученым комитетом Монголии часть коллекции была возвращена после изучения и реставрации обратно в Монголию (*Сутягина*, 2020. С. 337; *Юсупова*, 2011. С. 30–35; 2018. С. 111–114).

Хорошая сохранность и высокое качество снимков 100-летней давности, наличие оригинальных негативов и прогрессивные цифровые технологии позволяют более детально проанализировать сохранность находок Ноин-Улы на момент второй половины 1920-х гг. Современное обращение к этим фотографиям дает возможность рассматривать их не только в качестве иллюстративного материала по истории начального этапа изучения ноин-улинской коллекции, но и оценить их важное значение как информативного источника по истории фотографии.

НА ИИМК РАН. ФО. Инв. № 88581–88597. Заказы сотрудников ГАИМК.

НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 46. Кол. 101. Лаборатория фотоанализа ГАИМК.

НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 46. Кол. А 1536. Фонд Монгольской экспедиции АН СССР.

Воскресенский, Тихонов, 1932 — *Воскресенский А. А., Тихонов Н. П.* (ред.). Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Ч. 1: Ткани. Л.: Изд-во ГАИМК, 1932. С. 1–10 (ИГАИМК; Т. XI. Вып. 7–9).

Кулакова, Кий, 2021 — *Кулакова Л. Ю., Кий Е. А.* С. М. Дудин. Неизвестный архив в Отделе Востока, Приложение 1–2 // ТГЭ. 2021. Т. 105. С. 406–464.

Краткие отчеты…, 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 58 с.

Медведева, 2022а — *Медведева М. В.* Иван Федорович Чистяков. Фотография на службе археологии // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: Коллективная монография / Науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 811–825.

Медведева, 2022б — *Медведева М. В.* Академия истории материальной культуры и издание Ноин-Улинской коллекции в 1920-е гг. // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 123–130.

Медведева, 2022в — *Медведева. М. В.* Достижения ИАТ в изучении коллекции Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова на выставке ГАИМК 1927 г. // Банзаровские чтения: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ–БГУ (Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 г.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2022. Ч. 1. С. 100–103.

Медведева, 2022г — *Медведева М. В.* Издание ноин-улинской коллекции и фотограф И. Н. Александров: неизвестные факты биографии ленинградского периода // Записки ИИМК. 2022. № 26. С. 188–198.

Медведева, Кукина, 2022 — *Медведева М. В., Кукина Д. А.* Фотоколлекции Ноин-Улы. Экспедиционные снимки Г. И. Боровки 1924, 1926 гг. из архива ИИМК РАН // АВ. 2021. Вып. 34. С. 357–371.

Медведева, Чулуун, 2017 — *Медведева М. В., Чулуун С.* Монголия и монголы. Улаанбаатар, СПб.: Адмон принтинг, 2017. Вып. III. 272 с.

Мозохина, 2010 — *Мозохина Н. А.* Фотограф Иван Николаевич Александров и издательство Общины св. Евгении // Филокартия. 2010. № 2. С. 2–4.

Прищепова, 2011 — *Прищепова В. А.* К 150-летию со дня рождения С. М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН) // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 608–649.

Рогозина, 2014 — *Рогозина М.* Фотограф Иван Александров. Видописец Москвы // Иван Александров. Виды Москвы. Усадьбы. Особняки модерна. Коллекция музея архитектуры им. А. В. Щусева. М.: Гос. музей архитектуры им. А. В. Щусева; Кучково поле, 2014. Т. 2. С. 6–19.

Руденко, 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

Сутягина, 2020 — *Сутягина Н. А.* Основные направления исследования археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // АВ. 2020. Вып. 30. С. 330–342.

Тихонов, 1931 — *Тихонов Н. П.* Обработка древних тканей фотоаналитическим путем // СГАИМК. 1931. Вып. 1. С. 17–19.

Юсупова, 2011 — *Юсупова Т. И.* История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 9–51.

Юсупова, 2018 — *Юсупова Т. И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.

Ausstellung…, 1929 — Ausstellung chinesischer Kunst. Veranstaltet von der Gesellschaft für Ostasiatische Kunst und der Preußischen Akademie der Künste. Berlin: Würfel Verlag, 1929. 407 S.

Salmony, 1930/1932 — *Salmony A.* Der erste Fund von Noin-ulla // Artibus Asiae. Leipzig, 1930/1932. Vol. 4. No. 2/3. S. 86–92.

Trever, 1932 — *Trever C.* Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: J. Fedorov, 1932. 76 p. (Memoris of the Academy of History of Material Culture. 3).

Umehara, 1960 — *Umehara S.* Studies of Noin-Ula finds in North Mongolia. Tokyo, 1960. 101 p.

Yetts, 1926 — *Yetts W. P.* Discoveries of the Kozlóv Expedition // The Burlington Magazine for Connoisseurs. London; etc., 1926. Vol. XLVIII (No. 277). P. 169, 172–177, 180–182, 185.

Noin-Ula finds as presented in photographs of the 1920s from the archival collection of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences

Daria A. Kukina[6], Maria V. Medvedeva[7]

Excavations of the Mongolian-Tibetan Expedition (1923–1926) opened a new chapter in the archaeology of the Xiongnu. The scientific study of the unique Noin-Ula finds and their preparation for publication were undertaken by staff members of the Academy for the History of Material Culture in Leningrad in the second half of the 1920s. Professional photographers were actively involved in this work. As a result, a significant collection of photographs was formed, which has repeatedly been used by scholars from various countries to publish Noin-Ula antiquities. It is also a valuable documentary source on the history of photography.

Keywords: *Mongolian-Tibetan expedition, archaeological finds, history of science, Academy for the History of Material Culture, archival photographs.*

6 Daria A. Kukina — Institute for the History of Material Culture, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: castor_fiber@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9620-7860.

7 Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: marrya.medvedeva@gmail.com; ORCID:0000-0003-3592-6260.

Археологические памятники у села Шибе в Центральном Алтае: история исследований[1]

А. А. Тишкин[2], Ю. Т. Мамадаков[3], О. В. Стяжкина[4]

Аннотация. *На территории Центрального Алтая зафиксировано значительное число памятников разных периодов (от палеолита до позднего средневековья). Среди них важное место занимает археологический комплекс у села Шибе, известный по раскопкам «царского» захоронения пазырыкской культуры. Кроме этого объекта, под руководством М. П. Грязнова в 1927 г. были раскопаны еще пять курганов. Основываясь на архивных материалах, вводятся в научный оборот сохранившиеся сведения о полученных находках и их иллюстрации. Также представлены в краткой форме результаты работ экспедиции Алтайского университета во второй половине 1980-х гг.*

Ключевые слова: *Центральный Алтай, Шибе, М. П. Грязнов, раскопки, курган, архивные материалы.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.47-51

Село Шибе находится в Онгудайском р-не Республики Алтай (Россия). Его название переводится с алтайского языка как «крепость», а слово «шибеелен» означает «укрепиться в крепости, укрыться в крепости; отгородиться стеной» (Алтайско-русский словарь [Электронный ресурс]). Отметим также схожесть с монгольским и тувинским термином «шивээ», под которым понимается «форт, военное укрытие, укрепление, изгородь, частокол» (*Соенов, Трифанова*, 2010. С. 11, 14).

Указанное обозначение села может быть связано с тем, что в этой местности находится цепочка больших каменных курганов, которая была принята за остатки укрепленной линии. Специальные поиски крепости в окрестностях с. Шибе результатов не дали (*Соенов, Трифанова*, 2010. С. 24).

Самые большие каменные насыпи располагаются практически по центру урочища на левобережье долины р. Урсула. Другие археологические объекты разной степени компактности в основном находятся

1 Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

2 Алексей Алексеевич Тишкин — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

3 Юрий Тапасович Мамадаков — ООО НЦ «Наследие Сибири», пл. Победы, д. 12, Барнаул, 656015, Российская Федерация; e-mail: utm54@yandex.ru.

4 Ольга Викторовна Стяжкина — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: styazhkina_olga91@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4698-2866.

к северу и к западу от указанной цепочки. Часть курганов в настоящее время попала в зону застройки села, многие такие сооружения были распаханы или частично раскопаны для освобождения территории под планировавшуюся оросительную систему.

Наличие археологических памятников в рассматриваемом месте привлекало внимание исследователей, среди которых оказался и М. П. Грязнов, участвовавший в 1920-х гг. в экспедициях под руководством С. И. Руденко. Несмотря на то, что результаты этих работ системно публиковались, все еще остается ряд нераскрытых сюжетов. Об одном из них пойдет речь, основываясь на архивных материалах, которые хранятся в архиве Музея археологии и этнографии Омского госуниверситета (далее — МАЭ ОмГУ).

В 1927 г. молодой сотрудник М. П. Грязнов вместе со своей супругой М. Н. Комаровой по заданию С. И. Руденко исследовали довольно крупный, но в то же время самый малый по диаметру курган в цепочке вышеотмеченного погребального комплекса в центре долины. Объект получил название «Шибинский» (или курган Шибе) по местному названию урочища. Результаты проведенных раскопок были представлены в небольшом сообщении (*Грязнов*, 1928). В Научном архиве ИИМК РАН имеется дело с рукописной статьей «Первые кочевники Алтая по раскопкам кургана Шибе», датированной 1930 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 115), в которой Михаил Петрович описал начальный этап работ на памятнике (*Стяжкина*, 2020). Стоит отметить, что во время Великой Отечественной войны некоторые предметы из раскопок 1927 г. были утрачены. В 1955 г. материалы из кургана Шибе были переданы в Государственный Эрмитаж (*Баркова*, 1980. С. 49). В научный оборот результаты исследований позднее введены Л. Л. Барковой (*Баркова*, 1978; 1979; 1980). Совсем недавно опубликованы археозоологические определения сохранившихся костей найденных лошадей (*Пластеева и др.*, 2020).

Кроме Шибинского кургана, относимого к пазырыкской культуре, под руководством М. П. Грязнова исследовались другие объекты, о которых мало что известно. А. А. Гаврилова в своей монографии о могильнике Кудырге указала следующую информацию: «Шибе, на р. Урсул, притоке р. Катунь. 5 курганов вскрыл М. П. Грязнов в 1927 г. (коллекция не сохранилась, есть зарисовки)» (*Гаврилова*, 1965. С. 6). При этом она использовала в своей работе иллюстрации находок, обнаруженных в кургане № 5, датировав его VII–VIII вв. н. э. и отнеся к катандинскому типу могил (*Там же.* С. 64, 89, 92–93, табл. XXXI, *49–51, 58*).

В личном архиве М. П. Грязнова, который хранится в МАЭ ОмГУ, находится лист с описанием кургана № 2, исследованного в 1927 г. в урочище Шибе. Обнаружено фото этого объекта с видом до раскопок (*Стяжкина*, 2020). На указанном листе имеется схематичный набросок плана кургана, а также даны параметры каменной насыпи (диаметр 8,5 м, высота 0,6 м) и глубина могилы «от горизонта» 0,15–0,3 м (рис. 1, *1*). Там же представлен следующий текст (дается с расшифровкой сокращений. — *А. Т., Ю. М., О. С.*):

«Очертания могильной ямы установить не удалось. Находки сделаны приблизительно на площади 3-х кв. метров. Найдены в беспорядке:

1. Скелет человека (мужчина?, senilis) плохой сохранности.
2. Остатки 2-х скелетов лошади (молодая и взрослая), многих костей недостает.
3. Кости барана (верхние и нижние эпифизы бедра, большая берцовая, астрагал и две пяточных (взрослый и молодой индивиды)).
4. Две роговые пряжки (рис. 1, *6, 7*).
5. Две роговые застежки (рис. 1, *3, 4*).
6. Железный наконечник стрелы (рис. 1, *5*).
7. Три свистунки от стрел.
8. Серебряная бляшка (рис. 1, *2*).
9. Железная пластина (осколок стремени?)».

(МАЭ ОмГУ. Личный архив. Ф. III. Д. 9. Л. 93.)

На отдельном листе М. П. Грязнов сделал контурные рисунки найденных вещей (рис. 1, *2–7*), дополнив их некоторыми уточнениями и разрезами для подпружных пряжек (рис. 1, *6, 7*). Там указано, что найденная «бляшка» (рис. 1, *2*) сделана из низкопробного серебра, а шпенек для ее крепления («гвоздик») был железный. Даются размеры найденного куска железной пластины (от стремени?) — 5,5 × 7 см и описана его форма (неправильная четырехугольная). Две разные цурки (застежки для пут; рис. 1, *3, 4*) и наконечник стрелы (рис. 1, *5*) даны без разрезов.

В архиве МАЭ ОмГУ также обнаружен лист с нарисованными предметами из малого кургана № 5 (рис. 2), которые частично использовались в монографии А. А. Гавриловой (*Гаврилова*, 1965). Кроме железных удил с псалиями (рис. 2, *5*) и фрагмента тонкой кожи с набитыми металлическими бляхами («из низкопробного серебра <…> с серебряными же гвоздиками») (рис. 2, *6*), остальные находки (рис. 2, *1–4*) не были задействованы, но приведены рисунки двух подпружных пряжек из кургана № 2 (*Там же.* Табл. XXXI, *50, 51*) (ср.: рис. 1, *6, 7*). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что исследовательница почему-то смешала результаты раскопок двух курганов. Указанная ею информация о том, что лошади были уложены головами на ЮЮЗ, а человек на ССВ (*Там же.* С. 92), вероятнее всего, относится к кургану № 2. Так или иначе, но обнаруженные архивные материалы существенно дополняют сведения о тюркской культуре Алтая (*Тишкин и др.*, 2011. С. 7–33). Информация о других курганах пока не обнаружена.

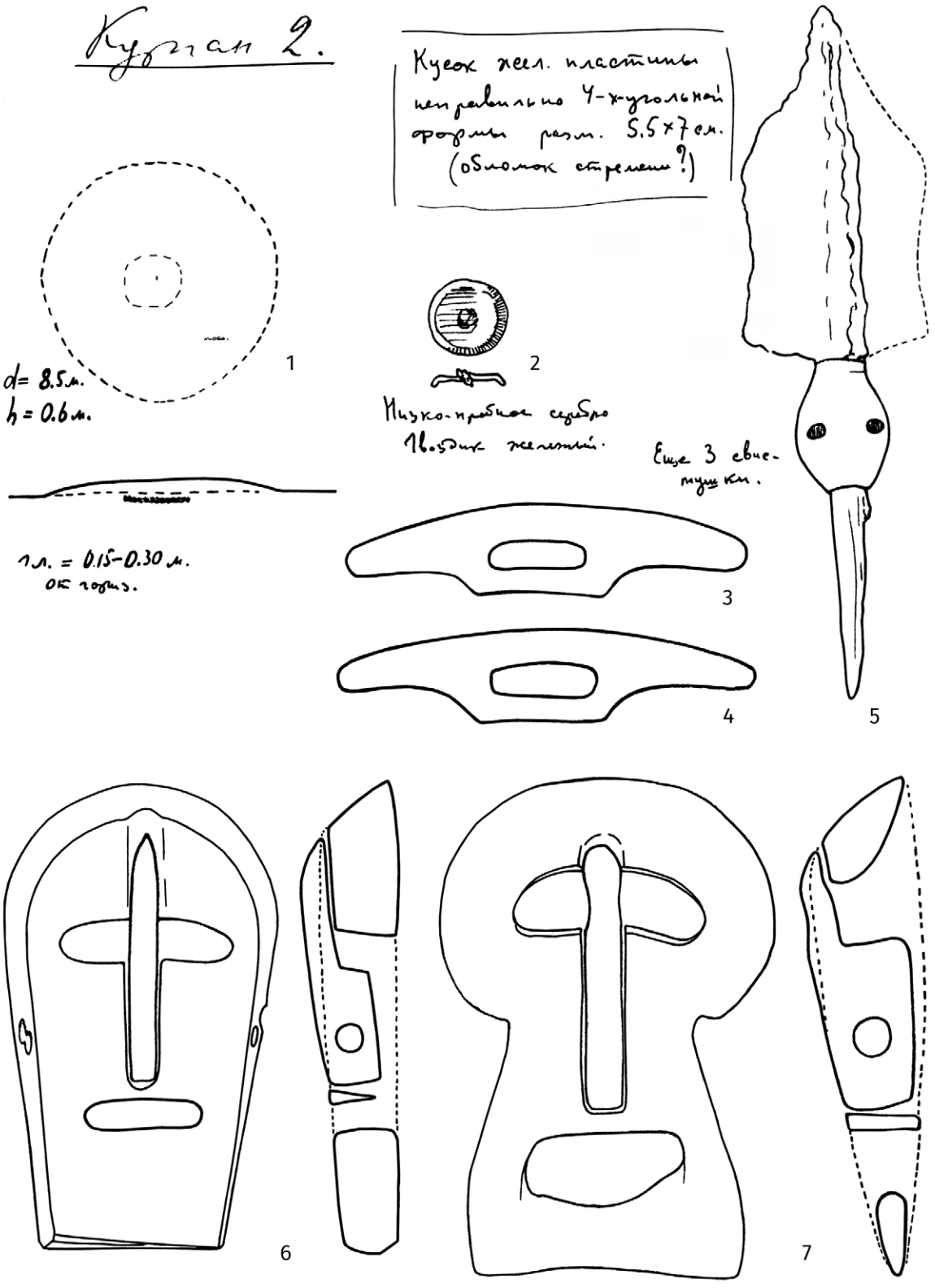

Рис. 1. Шибе, курган № 2 (раскопки М. П. Грязнова в 1927 г.): *1* — схематичный план кургана; *2–7* — находки (МАЭ ОмГУ. Личный архив. Ф. III. Д. 9. Л. 92)

Fig. 1. Shibe, barrow No. 2 (excavations of M. P. Gryaznov in 1927): *1* — schematic plan of the barrow; *2–7* — finds (MAE OmGU. Personal archive. F. III. D. 9. P. 92)

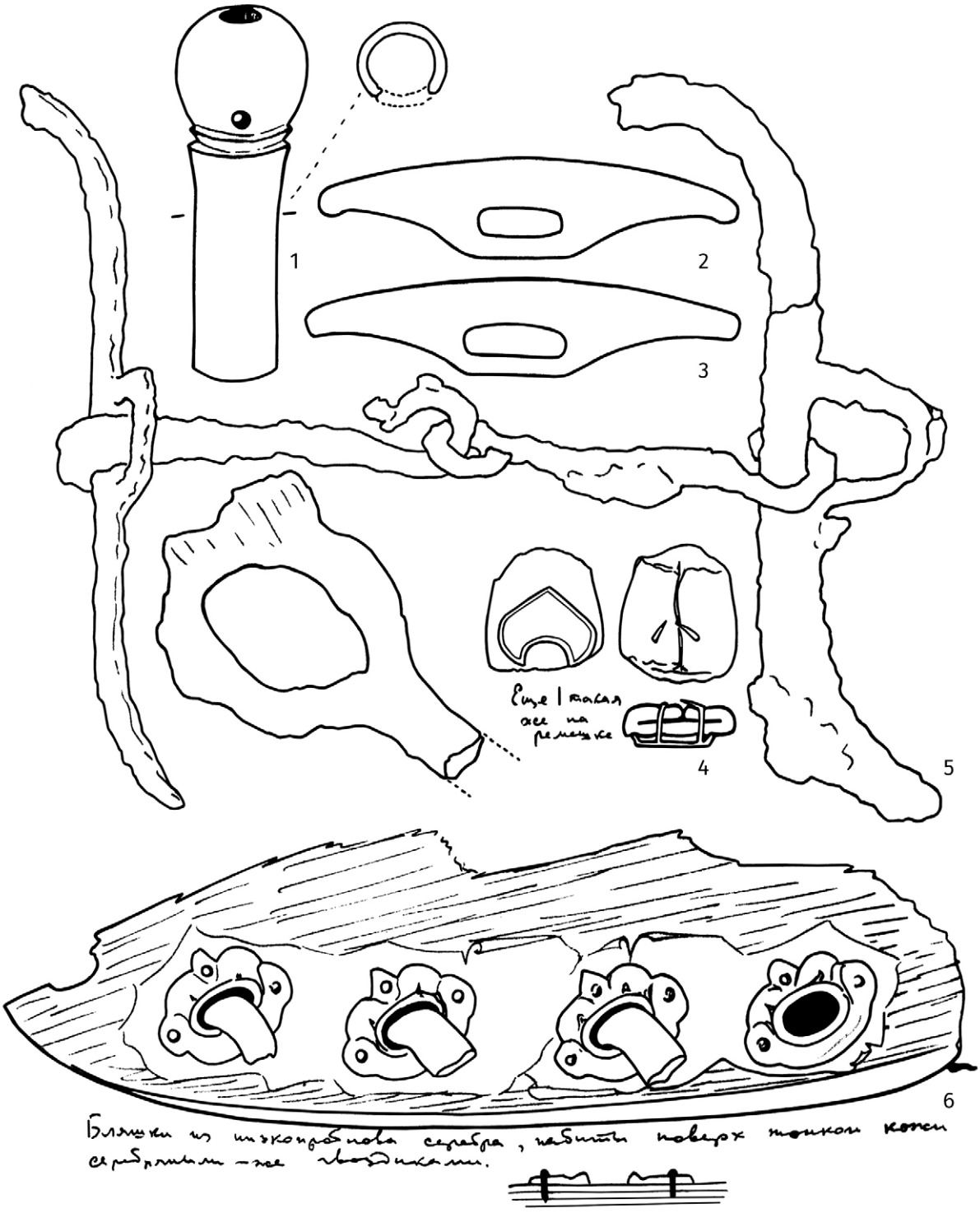

Рис. 2. Шибе. Находки из кургана № 5 (МАЭ ОмГУ. Личный архив. Ф. III. Д. 9. Л. 90)
Fig. 2. Shibe. Finds from the mound No. 5 (MAE OmGU. Personal archive. F. III. D. 9. P. 90)

В 1986 г. экспедиция Алтайского госуниверситета под руководством Ю. Т. Мамадакова к северу от с. Шибе провела аварийные археологические раскопки. Был получен полуинструментальный план комплекса, насчитывающего 116 видимых сооружений из камней (*Мамадаков, Цыб*, 1993. Рис. 1). Исследованы 14 объектов, среди которых идентифицированы погребения, относящиеся к скифо-сакскому времени (пазырыкская культура) и к периоду раннего средневековья (тюркская культура). Полученные обширные материалы (Архив ИА РАН. Р-1. № 11267) пока полностью не опубликованы. Введение их в научный оборот

совместно с другими имеющимися данными позволит наполнить конкретным содержанием существующую культурно-хронологическую схему изучения истории Алтая.

Алтайско-русский словарь — Алтайско-русский словарь // Туристико-информационный центр «WWW. Алтайские-горы.рф». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://altai-mountains.ru/articles/dictionary/altrusdic/?idnews=3355 (дата обращения: 14.06.2022).

Баркова, 1978 — *Баркова Л. Л.* Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 37–44.

Баркова, 1979 — *Баркова Л. Л.* Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 55–65.

Баркова, 1980 — *Баркова Л. Л.* Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 48–58.

Гаврилова, 1965 — *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Грязнов, 1928 — *Грязнов М. П.* Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. № 2–4. С. 217–219.

Мамадаков, Цыб, 1993 — *Мамадаков Ю. Т. Цыб С. В.* Аварийные раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1993. Ч. II. С. 202–205.

Пластеева и др., 2020 — *Пластеева Н. А., Тишкин А. А., Саблин М. В., Серегин Н. Н.* Лошади из крупного пазырыкского кургана на памятнике Шибе (по материалам раскопок М. П. Грязнова на Алтае в 1927 г.) // Тр. VI (XXII) ВАС в Самаре / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: СамГСПУ, 2020. Т. III. С. 267–268.

Стяжкина, 2020 — *Стяжкина О. В.* Открытие и история изучения Шибинского кургана // Сохранение изучение культурного наследия Алтайского края. 2020. Вып. XXVI. С. 165–169.

Соенов, Трифанова, 2010 — *Соенов В. И., Трифанова С. В.* Полевые каменные фортификационные сооружения Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. 104 с.

Тишкин и др., 2011 — *Тишкин А. А., Горбунов В. В., Горбунова Т. Г.* Алтай в эпоху Средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: АРТИКА, 2011. 136 с.

Archaeological sites near the village of Shibe in Central Altai: history of research

Alexey A. Tishkin[5], Yuriy T. Mamadakov[6], Olga V. Styazhkina[7]

A significant number of sites attributed to different periods from the Paleolithic to the late Middle Ages have been recorded on the territory of the Central Altai. An important place among them is occupied by the archaeological complex near the village of Shibe known because of excavations of a "Royal" burial of the Pazyryk culture. In addition to it, another five burial mounds were excavated in 1927 under the supervision of Mikhail P. Gryaznov. On the basis of archival documents, the available information about the finds and their illustrations are introduced into scientific circulation. The results of the Altai University expedition in the second half of the 1980s are briefly presented as well.

Keywords: *Central Altai, Shibe, Mikhail P. Gryaznov, excavations, barrow, archival materials.*

5 Alexey A. Tishkin — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

6 Yuriy T. Mamadakov — Scientific centre "Heritage of Siberia", 12 Victory Sq., Barnaul, 656015, Russian Federation; e-mail: utm54@yandex.ru.

7 Olga V. Styazhkina — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: styazhkina_olga91@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4698-2866.

К путешествию одной фотографии: снимок кургана Аржан-1 в Туве из архивного наследия А. В. Адрианова[1]

Н. Ю. Смирнов[2], О. Б. Беликова[3]

Аннотация. *Исследование посвящено удивительной судьбе снимка, сделанного А. В. Адриановым во время его последней экспедиции в Урянхайский край (1915–1916 гг.), — одного из ранних фотоизображений кургана Аржан-1 в Туве. Отпечаток снимка из урянхайской коллекции А. В. Адрианова еще в начале 1920-х гг. оказался у С. А. Теплоухова и был увезен им в Ленинград. В 1937 г., спустя несколько лет после ареста и гибели С. А. Теплоухова, фотография была передана в составе его фонда в Архив Российского этнографического музея, где и сохранилась среди других бумаг.*

Ключевые слова: *А. В. Адрианов, С. А. Теплоухов, археологическая фотография, курган Аржан-1, история археологических исследований в Туве, Урянхайский край, последняя экспедиция А. В. Адрианова, архивные материалы.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.52-55

Светлой памяти
Марианны Арташировны Дэвлет

В 1915–1916 гг. А. В. Адрианов предпринял свое четвертое и последнее научное путешествие в Урянхайский край — на территорию современной Республики Тыва. В результате этой поездки он осмотрел и исследовал значительное количество археологических объектов: курганные могильники, городища, стелы и изваяния. Собрал представительную коллекцию древностей разных периодов, сделал несколько сотен фотографий, многие из которых — уникальны. Об одной из таких фотографий и пойдет речь в нашем докладе (рис. 1, *1*, *2*).

Урянхайские материалы А. В. Адрианова еще при жизни исследователя, в 1919 г., поступили на хранение (возможно, впрочем, что часть урянхайского фотоархива осталась на хранении в его семье и была передана в Томский университет позднее) в Кабинет географии Томского университета, которым в тот момент заведовал С. И. Руденко и к которому имел отношение его младший коллега — С. А. Теплоухов, ненадолго сменивший его в начале 1922 г. на этом посту (*Беликова*, 2014. С. 9, 12). После гибели А. В. Адрианова материалы его последней экспедиции продолжали храниться в Томском университете, в Кабинете географии, а впоследствии были переданы в фонды Музея археологии и этнографии Сибири при ТомГУ, и, конечно, к ним за последние сто лет неоднократно обращались разные лица. Однако в качестве самостоятельного и цельного комплекса источников коллекции рукописные полевые дневники и фотографии А. В. Адрианова, относящиеся к Урянхайской экспедиции 1915–1916 гг., лишь относительно недавно были полностью введены в научный оборот одним из авторов доклада (*Беликов*а, 2014).

Сюжет, который стал основой нашего доклада, имеет детективную составляющую: речь идет об исчезновении одной знаковой фотографии (отпечатка) из числа урянхайских материалов А. В. Адрианова, хранившихся в Томске, и удивительного ее обнаружения спустя сто лет в совершенно другой части России — в Петербурге, в архиве Российского этнографического музея.

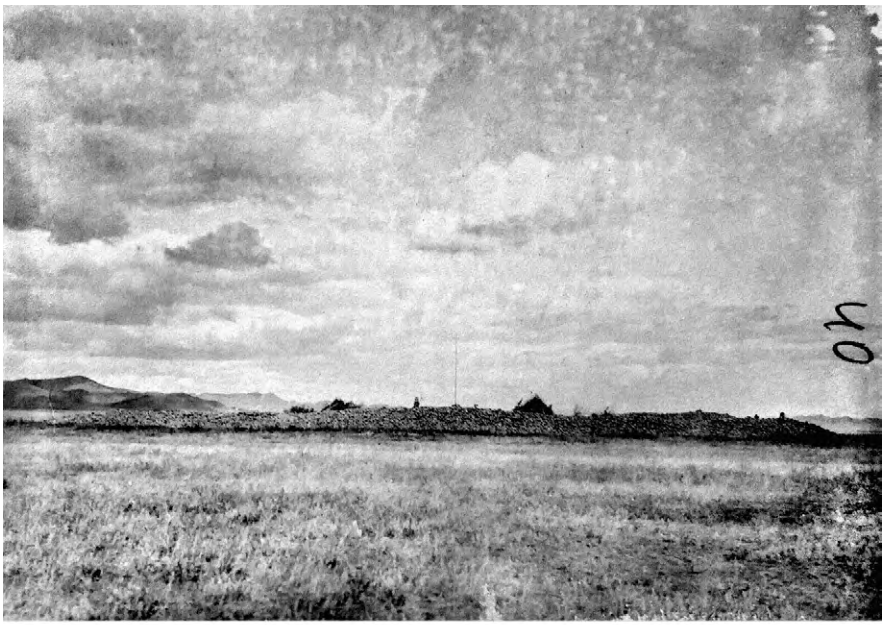
Во время работы в Урянхайском крае А. В. Адрианов снимал большое количество примечательных объектов, в число которых неизбежно должен был попасть и попал огромный каменный курган в Уюкской степи, с *аржааном* (священный источник, *тув.*), расположенным в пределах наземного сооружения. Это был знаменитый в будущем курган Аржан (Аржан-1), раскопанный спустя 60 лет М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-оолом и давший самые ранние образцы скифского звериного стиля в Евразии (*Грязнов*, 1980).

А. В. Адрианов, согласно фотографическому дневнику (*Беликова*, 2014. С. 441), сделал как минимум три снимка кургана: на отдалении, а также крупным пла-

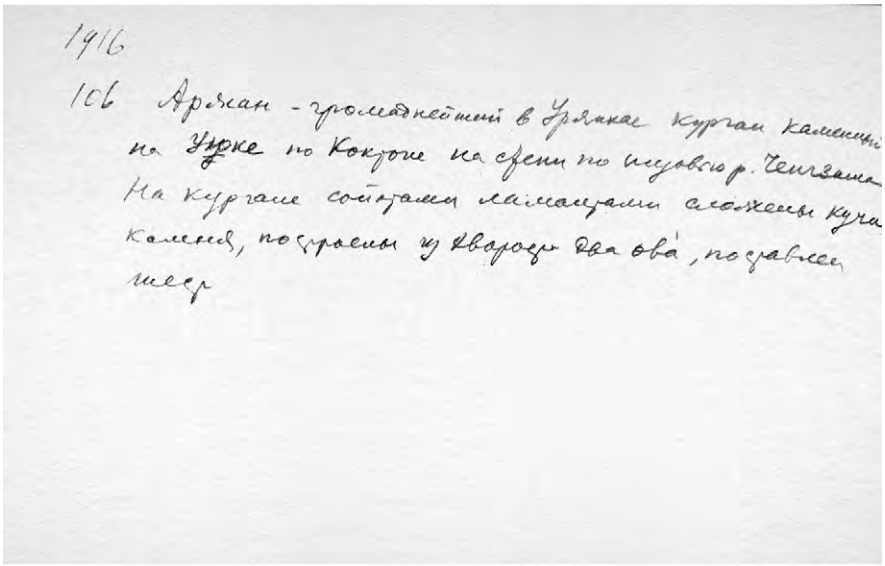
1 Исследование Н. Ю. Смирнова (выявление в составе фонда С. А. Теплоухова в АРЭМ материалов других лиц) проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Николай Юрьевич Смирнов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: kolaksais@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7957-8707.

3 Ольга Борисовна Беликова — Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, Томск, 634050, Российская Федерация; e-mail: bob@mail.tsu.ru; ORCID: 0000-0002-9902-0444.

1

2

Рис. 1. Курган Аржан-1, фотография А. В. Адрианова, 1916 г.: *1* — отпечаток снимка; *2* — оборот отпечатка снимка с рукописной аннотацией, сделанной рукой А. В. Адрианова (© Российский этнографический музей. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 145. Л. 40–40 об.)

Fig. 1. Arzhan-1 mound, photo by Alexander V. Adrianov, 1916: *1* — print of a photograph; *2* — back of the print of the photograph with a handwritten annotation made by the hand of Alexander V. Adrianov (© The Russian Museum of Ethnography. ARME. A.G. 3. Inv. 1. F. 145. Sh. 40-40 rev.)

ном — сфотографировал два ритуальных сооружения типа обо (из хвороста) и приношения к ним. Снимки (пластины) были аннотированы в полевом фотодневнике, а отпечатки с них подписаны рукой исследователя на обороте. Две из трех фотографий (отпечатков) кургана Аржан-1 О. Б. Беликова атрибутировала, соотнеся с записями в фотодневнике, и опубликовала в указанной монографии (*Там же.* С. 122–124, рис. 53; 54). А третью фотографию среди материалов А. В. Адрианова в Томске и в других местах хранения его полевых отчетов и бумаг ей разыскать не удалось, поэтому в книге было опубликовано только описание снимка из фотодневника.

В последние несколько лет одному из авторов доклада довелось тщательно изучить фонд С. А. Теплоухова, хранящийся в АРЭМ. В результате полного сквозного обследования всех материалов фонда удалось выявить целый ряд документов и фотографий,

относящихся к другим лицам (*Смирнов*, 2021). Среди них и обнаружилась пропавшая третья фотография кургана Аржан-1, сделанная в 1916 г. А. В. Адриановым (рис. 1, *1*).

Судя по составу фонда С. А. Теплоухова, хранящегося в АРЭМ, включающего материалы, создателем которых он не являлся либо являлся временным их пользователем, будущий комплекс архива при жизни исследователя формировался «в рабочем порядке», что является нормальной практикой для любого ученого. Так, с целью научной работы С. А. Теплоуховым были временно оставлены у себя полевые дневники отряда Монгольской экспедиции, работавшей в 1924 г. в горах Ноин-Ула, написанные его коллегой и напарником по руководству отрядом Г. И. Боровкой. После ареста Г. И. Боровки вернуть дневники их автору не представлялось возможным, а после ареста и гибели самого С. А. Теплоухова неопознанные дневники Г. И. Боровки вошли в состав его фонда как его собственные дневники (*Смирнов*, 2021). По всей видимости, для решения каких-то научных задач были С. А. Теплоуховым взяты и некоторые фотографии из урянхайских материалов А. В. Адрианова, с которыми он, несомненно, был знаком, работая в начале 1920-х гг. в Томском университете, где они хранились (*Беликова*, 2014. С. 9–13). Возможно, какие-то снимки (отпечатки) С. А. Теплоухов получил непосредственно от младшего сына А. В. Адрианова — Г. А. Адрианова, с которым был также близко знаком (*Там же.* С. 11–12, рис. 7). При переезде в Петроград весной 1922 г. С. А. Теплоухов забрал их с собой в составе своих бумаг.

Адриановские материалы в фонде С. А. Теплоухова в АРЭМ представлены отпечатками фотографий, касающихся преимущественно Урянхайской экспедиции 1915–1916 гг. и, возможно, ряда коллекций Минусинского музея (планшеты с находками). Некоторые фотографии на обороте имеют пространную аннотацию, написанную рукой А. В. Адрианова; на других есть короткие пометки, сделанные рукой С. А. Теплоухова и отсылающие к А. В. Адрианову как к автору снимков.

В том числе на обороте потерянной, а теперь неожиданно обретенной фотографии кургана Аржан-1 рукой А. В. Адрианова написано: *«1916. 106. Аржан — громаднейший в Урянхае курган каменный на Уюке по Коктоне на степи по низовью р. Чензаша. На кургане сойотами ламаистами сложены куча камня, построены из хвороста два ова, поставлен шест»* (рис. 1, *2*).

Три фотографии, сделанные А. В. Адриановым в 1916 г., являются одним из самых ранних примеров (если вообще не самым первым) фотографических съемок кургана Аржан-1 отечественными исследователями.

Замечательным парадоксом выглядит и фиксируемая описанным выше «путешествием» одной фотографии связь между тремя выдающимися исследователями древностей Тувы: А. В. Адрианов, работавший в Туве в 1915–1916 гг., первым из русских ученых сфотографировал курган с источником; С. А. Теплоухов, занимавшийся археологическими исследованиями в Туве в 1926–1929 гг., увез эту фотографию в Петроград; М. П. Грязнов, ученик С. А. Теплоухова, через много лет раскопал курган Аржан-1, открыв в нем уникальный материальный комплекс эпохи ранних кочевников Центральной Азии. Так неожиданно первоначально в Томске, а затем — в Петрограде/Ленинграде переплелись судьбы крупнейших исследователей Южной Сибири и Центральной Азии в XX в., будучи объединены историей фотофиксации и изучения одного из самых замечательных археологических памятников региона.

Беликова, 2014 — *Беликова О. Б.* Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. Томск: Изд-во ТомГУ, 2014. 570 с.

Грязнов, 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.

Смирнов, 2021 — *Смирнов Н. Ю.* Краткий обзор фонда № 3 архива Российского этнографического музея: материалы Сергея Александровича Теплоухова//Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию доктора исторических наук Э. Б. Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Г. А. Максименкова (1930–1986) (19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург)/Отв. ред.: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 16–19.

On the one photo's journey: a photograph of the Arzhan-1 mound in Tuva from the archival heritage of Alexander V. Adrianov

Nikolay Yu. Smirnov[4], Olga B. Belikova[5]

The study is devoted to the amazing fate of the picture taken by Alexander V. Adrianov during his last expedition to the Uryankhai region (1915–1916) — one of the earliest photographic images of the Arzhan-1 mound in Tuva. A print of a photograph ended up with Sergey A. Teploukhov and was taken by him to Leningrad. In 1937, several

years after the arrest and death of S. A. Teploukhov, the photograph was transferred as part of his fund to the Archives of the Russian Ethnographic Museum, where it was preserved among other papers.

Keywords: *A. V. Adrianov, S. A. Teploukhov, archaeological photography, Arzhan-1 mound, history of archaeological research in Tuva, Uryankhai region, A. V. Adrianov's last expedition, archival materials.*

4 Nikolay Yu. Smirnov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kolaksais@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7957-8707.

5 Olga B. Belikova — Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: bob@mail.tsu.ru; ORCID: 0000-0002-9902-0444.

Писаницы Хакасского уезда Енисейской губернии: альбом Е. Р. Шнейдера 1925 г.[1]

О. П. Игнатьева[2], Н. Ю. Смирнов[3]

Аннотация. *Исследование посвящено любопытному изобразительному источнику — рисованному альбому сотрудника Этнографического отдела Русского музея Е. Р. Шнейдера, ученика С. А. Теплоухова, фиксирующему один из ранних советских опытов работы с наскальными изображениями Хакасии. Альбом был недавно обнаружен в фондах Российского этнографического музея, атрибутирован авторами доклада и впервые вводится в научный оборот[4].*

Ключевые слова: *Е. Р. Шнейдер, С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов, петроглифы, Ошкольские и Сулекская писаницы, история археологических исследований в Хакасии и Минусинском крае, архивные материалы.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.55-58

В научной работе, как и во всякой работе, прежде всего — любовь к делу и 90% очень большого труда и усидчивости. Путь этот тернистый и <…> не всегда венчается «славой», но зато это путь свободный!

Е. Р. Шнейдер. Из письма племяннику Ю. Шнейдеру от 5 февраля 1927 г.

Евгений Робертович Шнейдер (1897–1938) в истории археологии и этнографии Южной Сибири и Дальнего Востока — удивительная фигура трагической судьбы, чья роль должным образом еще не оценена историками науки (рис. 1, *1*)[5]. По сути дела, его настоящая научная биография еще не написана, хотя упоминаний о нем достаточно в различных профильных статьях и энциклопедиях (общую сводку десятилетней давности, с библиографией см.: *Ипполитова*, 2012).

Основные факты его биографии говорят о том, что это был талантливый и вдумчивый исследователь прошлого Сибири и Дальнего Востока, с хорошим чутьем собирателя, верной рукой художника-графика, большими способностями этнографа и лингвиста. Но его интенсивный жизненный и многообещающий научный путь был безжалостно оборван, сперва арестом 2 ноября 1937 г., а затем и расстрелом 8 января 1938 г. по решению Особого совещания при НКВД СССР, принятому на основе рассмотрения заведомо

1 Исследование Н. Ю. Смирнова (выявление новых и малоизвестных архивных источников по истории археологического изучения Южной Сибири и Центральной Азии в XX в. представителями петроградской/ленинградской научной школы), проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Ольга Петровна Игнатьева — Российский этнографический музей, Инженерная ул., д. 4/1, Санкт-Петербург, 191011, Российская Федерация; e-mail: kopeishik@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6325-3748.

3 Николай Юрьевич Смирнов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А., Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: kolaksais@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7957-8707.

4 Авторы приносят глубокую благодарность заведующей Отделом научной документации РЭМ — Л. Г. Черенковой за помощь в выявлении материалов и всемерное содействие в исследовательской работе.

5 Авторы выражают искреннюю признательность А. Б. Ипполитовой, предоставившей для публикации фотографию Е. Р. Шнейдера из семейного архива.

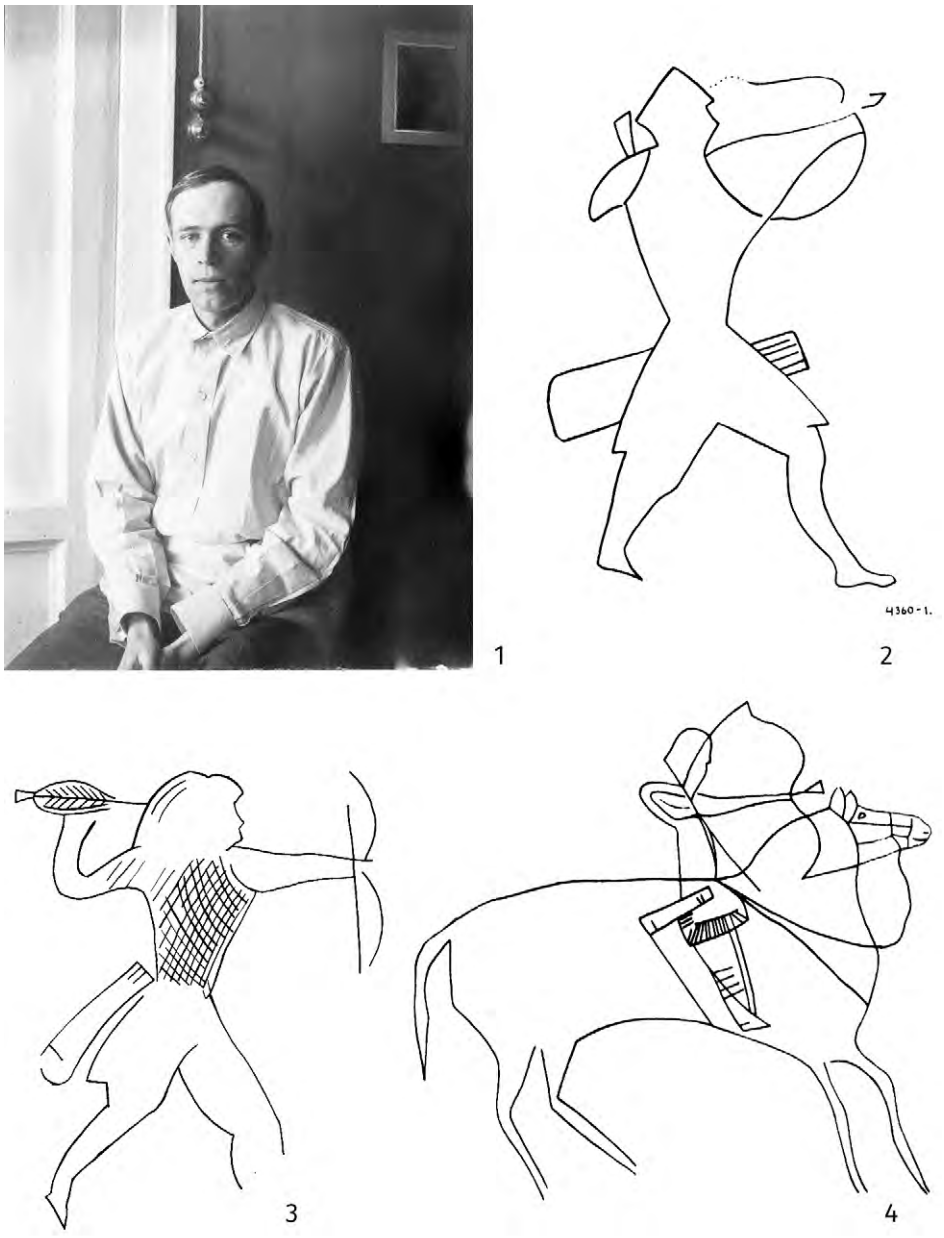

Рис. 1. *1* — Е. Р. Шнейдер. Фотография. Вторая половина 1920-х гг. (© Семейный архив Ипполитовых, Москва); *2* — писаница Ошкольская I; *3* — писаница Ошкольская II; *4* — писаница Сулекская I (© Российский этнографический музей. Кол. РЭМ 4360–1, 14, 17)

Fig. 1. *1* — E. R. Schneider. Photo. Second half of the 1920s (© Ippolitov family archive, Moscow); *2* — Oshkol I rock art site; *3* — Oshkol II rock art site; *4* — Sulek I rock art site (© Russian Ethnographic Museum. Collection REM 4360–1, 14, 17)

сфабрикованного следователями дела «Российского общевоинского союза» (*Там же.* С. 60).

Красноярец Е. Р. Шнейдер, наряду с другим сибиряком, М. П. Грязновым, в начале 1920-х гг. оказался в кругу научного влияния С. А. Теплоухова, во время работы последнего в Томском университете. Затем, перебравшись вместе с М. П. Грязновым и вслед за С. А. Теплоуховым в Петроград в 1922 г. и завершив образование в Ленинградском университете, он поступил на работу в Этнографический отдел Русского музея, под начало своего учителя. Еще в томский период Е. Р. Шнейдер начинает активно сотрудничать с С. А. Теплоуховым в рамках его полевых работ в Батенях и участвует в них почти каждый год как минимум с 1920 по 1925 г. Более того, в некоторые сезоны вместе с ним в экспедициях С. А. Теплоухова работают и другие члены большой семьи красноярцев Шнейдеров — его старший брат и племянник (*Там же.* С. 61–63).

В 1925 г., в период создания альбома рисунков писаниц, о котором здесь идет речь, Е. Р. Шнейдер

также принимал участие в работах палеоэтнографической экспедиции С. А. Теплоухова в Батенях. В том году, несмотря на трудности с финансированием полевого сезона, Совет этнографического отдела Русского музея постановил командировать С. А. Теплоухова и Е. Р. Шнейдера в Хакасский уезд Енисейской губернии на период с 18 мая по 15 августа (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174а. Л. 19 об.–20). Если начальник экспедиции в первую очередь планировал продолжать археологические раскопки в окрестностях Батеней, в том числе на стоянке на р. Таштык (*Ипполитова*, 2012. С. 61–63; *Смирнов*, 2022), то основной задачей, поставленной перед молодым ученым, было выяснение наличия отличительных особенностей в культуре различных групп хакасов: качинцев, сагайцев и кызыльцев. Кроме того, для научной работы по секции палеоэтнографии Е. Р. Шнейдер собирал сведения о распространении каменных баб в Минусинском крае и делал их зарисовки (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174а. Л. 29–29 об.). Из письма Е. Р. Шнейдера от 26 августа 1925 г. своему племяннику Юре, также работавшему в экспедиции С. А. Теплоухова, но уехавшему раньше, мы знаем, что наряду с каменными бабами, которые они обследовали в течение нескольких лет с другом и коллегой М. П. Грязновым для научной обработки и издания (*Грязнов*, *Шнейдер*, 1926; 1929), в тот год он осматривал и зарисовывал еще и писаницы, общим количеством 20 штук[6] (*Ипполитова*, 2012. С. 63).

Важной особенностью Шнейдера-исследователя были выраженные художественные способности. Свои полевые материалы он нередко сопровождал высококачественными зарисовками, которые выполнял карандашом, тушью или акварелью и зачастую снабжал пояснениями. Видимо, именно этим объясняется некоторый архаизм способа фиксации петроглифов, избранный Е. А. Шнейдером при копировании писаниц. Дело в том, что еще в конце XIX в. одним из самых успешных и точных методов копирования петроглифов был метод эстампажа, например активно применявшийся А. В. Адриановым и позволявший человеку без особых художественных способностей создать точную копию древнего изобразительного источника. Рисунки же писаниц, делавшиеся с натуры различными путешественниками и исследователями Сибири, начиная с экспедиции Д. Г. Мессершмидта, да и с более ранних «чертежей» служилых людей, всегда обладали определенными недостатками, связанными либо с художественными способностями автора, либо с непониманием им оригинального изображения.

Результатом полевых сезонов 1924 и 1925 гг., проведенных Шнейдером в Хакассии, стала коллекция этнографических зарисовок (РЭМ 5723), поступившая в музей достаточно поздно, в 1935 г., а также коллекция зарисовок петроглифов (РЭМ 4360), поступившая непосредственно в 1925 г. и зарегистрированная Евгением Робертовичем лично. Именно последняя коллекция и содержит прорисовки, выполненные Шнейдером при копировании петроглифов на трех писаницах: Ошкольской I (кол. 4360. № 1–12), Ошкольской II (кол. 4360. № 13–16) и Сулекской I (кол. 4360. № 17–21)[7] (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 449. Л. 6 об.–7).

Сам Е. Р. Шнейдер аннотировал коллекцию следующим образом: «*Собрана Е. Р. Шнейдером в Чебаковском районе Хакасского уезда Енисейской губернии летом 1925 г. по поручению Этнографического отдела Русского музея.*

Писаница Ошкольская I находится на половине пути между Черным озером и ул [*усом*] *Подкалинным. Писаница расположена в двух местах, саженях в 30–40 друг от друга, на склоне горы. Для нанесения рисунков использован торец выходов красного девонского песчаника. Рисунки исполнены довольно глубокими сплошными линиями, имеющими в разрезе вид треугольника.*

Писаница Сулековская [*Сулекская*] *находится на левом берегу р. Печище, в 1-й версте от ул* [*уса*] *Сулекова. Для нанесения рисунков использован торец массивных выходов красного девонского песчаника на склоне горы. Рисунки исполнены довольно глубокими сплошными линиями, имеющими в разрезе вид треугольника*».

(Аннотация к кол. РЭМ 4360.)

Рисунки скопированных Е. Р. Шнейдером петроглифов сделаны уверенной рукой и с большой степенью соответствия передают оригинальное изображение (рис. 1, *2–4*). Небольшие листы тонкой бумаги, на которые тушью переведены рисунки, видимо, с первичного носителя (?), были наклеены на большие листы плотного картона, сшитые в самодельную папку-тетрадь большого формата из такого же картона, ставшую отдельным альбомом и в таком виде вошедшую в фонды ЭО РМ.

Судя по всему, обращение Е. Р. Шнейдера к копированию петроглифов на писаницах Хакасии было отчасти спонтанным предприятием конца лета 1925 г., возможно связанным с тем, что возвращение из экспедиции серьезно задержала длительная болезнь С. А. Теплоухова, пролежавшего в больнице Минусинска со скарлатиной более месяца (*Ипполитова*, 2012. С. 61; *Смирнов*, 2022). Кроме того, перед С. А. Теплоуховым стояла важная задача, порученная ему руко-

6 Вероятно, речь в письме идет не о 20 новых писаницах, а о 20 петроглифических изображениях, зарисованных Е. Р. Шнейдером, что почти точно соответствует количеству рисунков в альбоме.

7 Вероятно, об этих «20 писаницах» упоминает Е. Р. Шнейдер в письме к племяннику (*Ипполитова*, 2012. С. 63).

водством ОЭ РМ: извлечение из земли и транспортировка в Ленинград монументального каменного изваяния окуневской культуры — «Тазминской стелы» с р. Бюрь (Бирь). И здесь явно требовалась помощь младшего коллеги. Известно, что выехали они с грузом из Красноярска в Ленинград только в начале сентября 1925 г. (об этом подробнее см.: *Смирнов*, 2022), т. е. у Е. Р. Шнейдера явно было дополнительное время для полевой работы.

К большому сожалению, общая тенденция недооценивания визуальных документов, характерная для отечественной науки XX в., а также последствия Второй мировой войны, неблагоприятно сказавшиеся на сохранности фондов РЭМ, привели к тому, что Хакасский альбом Е. Р. Шнейдера (кол. РЭМ 4360) почти на сто лет выпал из научного оборота и остался неизвестен исследователям-петроглифистам XX в., хотя и сохранился в относительной целости. На данный момент неизвестна только судьба изображения № 4360–22 — «карты распространения типов курганов, каменных изваяний, писаниц и городищ по маршруту поездки 1925 г. », упомянутой в аннотации к альбому, но отсутствующей среди рисунков. Возможно, на основе этой пока необнаруженной в архивах и фондах карты М. П. Грязновым и Е. Р. Шнейдером была составлена карта распространения каменных изваяний различных типов, помещенная в качестве приложения к их совместной основной статье об изваяниях Минусинского края (*Грязнов*, *Шнейдер*, 1929).

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174а. Журнал заседаний Совета Этнографического отдела Русского музея за 1925–1928 гг., с приложениями.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 449. Отчет и переписка научного сотрудника Е. Р. Шнейдера о собирании этнографических материалов на Дальнем Востоке, опись материалов и рисунок.

Грязнов, Шнейдер, 1926 — *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Каменные изваяния Минусинских степей // Природа. 1926. № 11–12. С. 100–105.

Грязнов, Шнейдер, 1929 — *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV. Вып. 2. Л.: ГРМ, 1929. С. 63–93.

Ипполитова, 2012 — *Ипполитова А. Б.* Из эпистолярного наследия Е. Р. Шнейдера: семейная переписка 1922–1929 гг. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями / Редкол.: В. А. Алёкшин и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 58–64.

Смирнов, 2022 — *Смирнов Н. Ю.* «Тазминское предприятие» С. А. Теплоухова 1925 г. // Сборник материалов Междунар. научн. конф. «Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности» (посвященной 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта), в рамках Года археологии в Республике Хакасия (г. Абакан, Республика Хакасия; октябрь 2022 г.). В печати.

The rock drawings of the Khakass district of the Yenisei province: an album by E. R. Schneider, 1925

Olga P. Ignatieva[8], Nikolay Yu. Smirnov[9]

The study is devoted to a curious archival pictorial source — album by an employee of the Ethnographic Department of the Russian Museum Evgeniy R. Schneider, a student of Sergei A. Teploukhov, which records one of the early Soviet experiments with rock carvings in Khakassia. The album was recently discovered in the funds of the Archive of the Russian Ethnographic Museum, attributed by the authors of the report, and is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: *E. R. Shneider, S. A. Teploukhov, M. P. Gryaznov, petroglyphs, Oshkol pisanitsa, Sulek pisanitsa, history of archaeological research in Khakassia and the Minusinsk region, archival materials.*

8 Olga P. Ignatieva — Russian Ethnographic Museum, 4/1 Engineering St., St. Petersburg, 191011, Russian Federation; e-mail: kopeishik@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6325-3748.

9 Nikolay Yu. Smirnov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kolaksais@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7957-8707.

Труд М. П. Грязнова «Древняя бронза Минусинских степей» — предтеча широкого применения математических методов в археологии

В. Г. Журавлев[1]

Аннотация. *Статья посвящена анализу первых случаев применения статистических и математических методов в отечественной археологии на примере основополагающей работы М. П. Грязнова (1941 г.). Кроме того, автором делается попытка усовершенствования довоенных разработок М. П. Грязнова с точки зрения применения математических методов, выводящая их на современный уровень науки.*

Ключевые слова: *М. П. Грязнов, корреляционные таблицы, статистико-комбинаторные методы анализа археологического материала.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.59-62

Относительная хронология, как основа наших представлений о развитии материальной культуры, является незыблемым фундаментом исследований для всех археологов начиная со студенческой скамьи. Для ее построения перед исследователем почти всегда неизбежно встает задача *выделения групп* (хронологических или культурных) предметов или их признаков. При этом критерием объединения исследуемых объектов в одну группу либо, наоборот, отнесение их к разным является степень их близости между собой. В англоязычной литературе этот принцип характеризуется: «Like goes to like», что и значит — «похожее к похожему». На нем и основан корреляционный анализ, или корреляционный метод.

Зарождение интереса к корреляционному методу наблюдается в отечественной археологии со второй половины 1920-х гг. Пионером в этой области является П. П. Ефименко, а в качестве основного его труда в этом отношении следует указать на работу «Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа» (*Ефименко*, 1926). Для выборки материала П. П. Ефименко использовались более богатые инвентарем женские погребения. Каждое из них было формализовано автором графически, в виде бумажной полоски, на которую в определенном порядке был нанесен весь имеющийся многочисленный погребальный инвентарь, в том числе фибулы. Последние, благодаря наличию западноевропейских четко датированных аналогов, и «дали привязку» к абсолютной хронологии. Затем полоски были расположены по принципу наибольшей близости с соседней. А смена типов и разновидностей украшений позволили автору выделить семь периодов и приблизительно их продатировать. Кратко характеризуя его работу, можно сказать — это уже прообраз алгоритма, удобного для применения математики при условии, если бы автор обработал не только качественные, но и количественные признаки.

Подобные исследования проводились практически одновременно и за рубежом. Так, в 1925 г. выходит работа сотрудника Калифорнийского университета У. Стронга «The Uhle pottery collections from Ancon» (*Strong*, 1925). Она посвящена изучению керамического инвентаря доколумбового перуанского могильника Анкон. Эту статью необходимо упомянуть хотя бы потому, что она является первым в мире зафиксированным применением *статистико-комбинаторных/математических методов* в археологии, являющихся естественным продолжением корреляционного метода. По существу *статистико-комбинаторный метод — это корреляционный метод, вооруженный математикой.* Но, к сожалению, математика (коэффициент корреляции Пирсона) применялась автором в этой работе не для решения самостоятельных задач типологии или классификации, а для обоснования своих результатов. Поэтому его методика не нашла широкого применения в дальнейшем в археологии.

Первое зафиксированное в печати применение статистико-комбинаторных методов в отечественной археологии мы наблюдаем в опубликованной в 1928 г. работе А. В. Арциховского: «К методике изучения серпов» (*Арциховский*, 1928). В ней он наглядно показывает, что изгибы лезвий этих орудий в разные исторические периоды (как древних, так и современных) можно сопоставить с различными графиками кривых в математике (параболами, гиперболами и т. п.), что помогает в их атрибуции и датировке. В другой своей работе, «Курганы вятичей» (*Арциховский*, 1930), он, к сожалению, неправильно назвал применяемую им, но некорректную формулу коэффициентом корреляции Пирсона. На это уже обращалось внимание в литературе: «…в книге "Курганы вятичей" он использо-

1 Владимир Гилелевич Журавлев — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: vova-zyuravlev19566@mail.ru.

вал математику очень непрофессионально» (*Клейн*, 2012. С. 367).

Следует здесь упомянуть и еще одну статью довоенного периода, где был применен тот же корреляционный метод, — это «Костромские курганы» П. Н. Третьякова (*Третьяков*, 1931).

Зачаточное применение статистико-комбинаторных методов мы видим и в другом разделе археологии — палеолите. Это работа Г. А. Бонч-Осмоловского «Грот Киик-Коба» (*Бонч-Осмоловский*, 1940). В ней правильно отмечена и вычислена корреляция между весом костей и количеством кремневых орудий. Нельзя не согласиться и с такими словами автора: «…только количественный учет признаков может избавить нас от той гегемонии субъективизма, которая до сих пор безраздельно царит в нашей науке» (*Там же.* С. 13).

К сожалению, учитывая ограниченный объем статьи, невозможно более подробно рассмотреть вопрос о предшественниках М. П. Грязнова на пути использования корреляционного и статистико-комбинаторных методов, что достойно, безусловно, отдельного исследования. В целом можно сказать, что *вплоть до Великой Отечественной войны применение корреляционного и статистико-комбинаторных методов в археологии было эпизодическим и порой ошибочным*.

Попыткам применения корреляционного и статистико-комбинаторных методов посвящены и многие работы М. П. Грязнова. Он так говорит о своих интересах к точным методам в довоенный период: «…в свои юные года я увлекался математикой и любил науки о природе…» (Степи Евразии…, 2002. С. 6). И он активно применяет свои увлечения в археологии и антропологии. Например, совместно с С. И. Руденко в 1925 г. он издает «Инструкцию для измерения черепа и костей человека» (*Грязнов*, *Руденко*, 1925). В 1933 г. выходит его статья «Графический метод вычисления нормальной кривой вариационного ряда» (*Грязнов*, 1933).

Что же касается его основополагающего труда в области применения корреляционного метода — «Древняя бронза Минусинских степей» (*Грязнов*, 1941), то она была опубликована лишь в мае 1941 г., хотя написана была еще в 1929 г. В этой работе сначала была подробно изложена методика составления и обработки корреляционной таблицы совстречаемости (перестановка строк и столбцов для достижения максимальной близости между ними). Затем перспективы применения этого метода были продемонстрированы на изделиях бронзового века Сибири — медных и бронзовых кельтах. М. П. Грязнов анализирует в работе эволюцию этих изделий примерно с XV по III в. до н. э. На приведенной автором корреляционной таблице мы видим ячейки, насыщенные цифрами, — таким образом она готова к применению математических методов.

Ниже я описываю свою попытку применить их, чтобы довести эту новаторскую для первой половины XX в. работу М. П. Грязнова до уровня, отвечающего современным требованиям науки. Присмотревшись к таблице М. П. Грязнова, можно заметить, что в ней неким диссонансом, как бы выбиваясь из общей картины, смотрится VI тип и расположенные ниже его редкие объекты.

Поэтому перед началом собственной математической обработки формализованных данных М. П. Грязнова я проконсультировался с В. С. Бочкарёвым, который наглядно продемонстрировавшем мне, что к VI типу, по корреляции Грязнова, относятся только *тесла* — особая категория орудий. После этого я разбил всю матрицу на три группы: собственно кельты, вышеупомянутые тесла (три «формы», отделенные мной двумя красными линиями) и втоки (две «формы»). Рассматривать последние из-за их малочисленности я не считаю целесообразным. *Для каждой из двух оставшихся категорий нужны отдельные таблицы.*

От привлечения данных абсолютной хронологии по другим источникам я, для чистоты эксперимента, на данном этапе исследования отказался принципиально. Кроме того, из общего количества всех изделий (за исключением малочисленных втоков, их — 412 шт.) пришлось временно исключить 10 предметов, которые представляют «свой» признак в единственном экземпляре, как случайные, т. к. они составляют менее 2,5% от всех рассмотренных.

Таким образом, из обрабатываемой матрицы пришлось удалить следующие признаки, использованные М. П. Грязновым: № 1, 5, 14, 17, 21, 25, 29–31 и 33.

Для дальнейшей оптимизации матрицы я решил ввести достаточно простой критерий сопряженности «К» к формам с 8-й по 14-ю.

$$Kij = \frac{\mathrm{mij}}{\sum \mathrm{Mij}}$$

Он вычисляется следующим образом: K, где mij — число объектов данного признака в i-й строке форм, j-м столбце дизайнов, а ∑Mij — общее количество объектов i-го признака всех учтенных форм.

После этого столбцы и строки матрицы кельтов были еще раз перегруппированы по степени максимальной близости этого коэффициента между соседними ячейками таблицы. Матрица кельтов после этого принимает другой вид, и после проведенных преобразований матрица М. П. Грязнова в целом становится более упорядоченной, значительно уменьшается ее «рыхлость», или пустоты внутри выделяемых групп объектов. Благодаря этому последние приобретают более четкие очертания. Границы между ними представляются объективными, хотя периодизация М. П. Грязнова при этом в целом не меняется.

Отдельно рассмотренные тесла (упомянутый выше VI тип) дают возможность разделить их на два периода, датирующиеся, конечно, не раньше II типа, но, видимо, никак не позже IV-го, т. е., вероятнее всего, синхронные III-му. Исключение составляет уникальное тесло формы № 14. Оно отнесено М. П. Грязновым к теслам, но четко «укладывается» в V тип, что, скорее всего, указывает на одновременность бытования тесла этой формы и V типа.

Для того чтобы правильно и справедливо оценить работы М. П. Грязнова, связанные с применением точных методов, необходимо сказать несколько слов об условиях, в которых работали в те годы наши соотечественники. Д. В. Шмуратко совершенно справедливо отмечает негативное воздействие сталинских репрессий на развитие всей советской науки (*Шмуратко*, 2013). М. П. Грязнов и многие другие историки, этнографы и археологи были арестованы по «делу славистов» в 1933–1934 гг. В результате приговора по сфабрикованному делу М. П. Грязнов был сослан на поселение в г. Киров (Вятку), где, мужественно перенося тяжелые бытовые условия, продолжал научную деятельность. Неслучайно проанализированная здесь работа, написанная еще в 1929 г., была опубликована только через 12 лет. Вполне возможно, если бы не вынужденный перерыв в интенсивной научной работе, М. П. Грязнов вполне мог бы дойти до применения статистико-комбинаторных методов.

Безусловным достоинством работы М. П. Грязнова является и наличие репрезентативного набора *количественных и качественных признаков.* Несмотря на некоторую предлагаемую мной корректировку, этот труд, несомненно, новаторский для своего времени. Этому когда-то посвятил свою специальную статью «К вопросу о приоритетах» Я. А. Шер, ученик М. П. Грязнова и последователь в применении методов математической статистики (*Шер*, 1992), назвав работу своего учителя вершиной в применении «доматематического» корреляционного метода в науке в довоенный период.

Таким образом, рассмотренная работа М. П. Грязнова не только венчает собой весь довоенный период отечественных практики обращения к точным методам в анализе археологического материала, но и сохраняет актуальность вплоть до наших дней. Многие студенты кафедры археологии СПбГУ кроят свои первые учебные корреляционные таблицы именно по лекалам М. П. Грязнова.

Необходимо также отметить более сложные условия работы М. П. Грязнова над своей статьей. В отличие от предшествующих, да и многих последующих исследователей, он работал *не с закрытыми комплексами (погребениями), а со случайными находками*, которые объединяли лишь широкий географический регион (Минусинская котловина), один материал (бронза), схожие функции изделий, а также весьма продолжительный хронологический период. Это предъявляет высокие требования и к подбору признаков, и к методике. Но, несмотря на всю сложность поставленной задачи и долгий путь работы к читателю, следует признать, что М. П. Грязнов написал прекрасную и своевременную работу. Его принципы подбора и описания (кодирования) исходных данных и методические приемы их обработки послужили примером для последующих исследователей и, безусловно, заложили базис для массового применения статистико-комбинаторных методов (начало массового применения падает на 1970–1980-е гг.) не только в отечественной, но и в зарубежной археологии.

Личные воспоминания о М. П. Грязнове. Я имел честь лично знать Михаила Петровича, когда слушал его лекции в 1978/79 учебном году. Это были одни из лучших часов, проведенных мной в стенах университета. Михаил Петрович излагал свой курс в доходчивой и увлекательной форме, мне и студентам слушать его было очень интересно. Для подъема настроения иногда шутил. Так, рассказывая о раскопках кургана Аржан-1, он говорил, что на поминках, судя по находкам костей животных, их участники могли съедать до 5 кг мяса каждый.

Высокий профессионализм ученого у него сочетался с человеческой чуткостью и деликатностью. Я был вольнослушателем и поначалу очень стеснялся, т. к. А. Д. Столяр, заведующий кафедрой археологии, не смог мне дать письменного разрешения посещать лекции по археологии на вечернем отделении, сделав это только устно. Кратко побеседовав со мной, Михаил Петрович ободрил меня и разрешил присутствовать на своих занятиях. Один раз, когда на занятия пришли только я и еще одна девушка, он провел занятие даже для нас двоих.

Арциховский, 1928 — *Арциховский А. В.* К методике изучения серпов // Тр. секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. IV: В. А. Городцову к 40-летнему юбилею научной деятельности. С. 29–42.

Арциховский, 1930 — *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 221 с.

Бонч-Осмоловский, 1940 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 203 с. (Палеолит Крыма; Вып. 1).

Грязнов, 1933 — *Грязнов М. П.* Графический метод вычисления нормальной кривой вариационного ряда // Антропологический журнал. М., 1933. № 1–2. С. 193–200.

Грязнов, 1941 — *Грязнов М. П.* Древняя бронза Минусинских степей // Тр. Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л., 1941. Т. 1. С. 237–271.

Грязнов, Руденко, 1925 — *Грязнов М. П., Руденко С. И.* Инструкция для измерения черепа и костей человека. Л., 1925. С. 40, 9 л. ил. (Материалы по методике археологической технологии; Вып. 5).

Ефименко, 1926 — *Ефименко П. П.* Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III, вып. 1. С. 59–84.

Клейн, 2012 — *Клейн Л. С.* Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 1. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2012. 622 с.

Степи Евразии…, 2002 — Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова (март 2002 г., Санкт-Петербург) / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. 1. 284 с.

Третьяков, 1931 — *Третьяков П. Н.* Костромские курганы. Л.: ОГИЗ, 1931. 38 с. (Изв. ГАИМК; Т. X, вып. 6–7).

Шер, 1992 — *Шер Я. А.* К вопросу о приоритетах // Вопросы истории археологических исследований Сибири / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1992. С. 85–92.

Шмуратко, 2013 — *Шмуратко Д. В.* Статистические методы в археологических исследованиях: история развития (конец XIX — 60-е гг. XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2 ч. Ч. I. С. 195–200.

Strong, 1925 — *Strong W. D.* The Uhle pottery collections from Ancon. Berkeley, California: University of California press, 1925. 84 p. (University of California publications in American archaeology and ethnology; Vol. 21, no. 4).

Mikhail P. Gryaznov's work „Ancient bronze of the Minusinsk steppes" as a forerunner of the mathematical methods' widespread use of in archaeology

Vladimir. G. Zhuravlev[2]

The article is devoted to the analysis of the first cases of application of statistical and mathematical methods in russian archeology on the example of the fundamental work of Mikhail P. Gryaznov (1941). In addition, the author makes an attempt to improve the pre-war developments of Gryaznov, from the point of view of the application of mathematical methods, bringing them to the modern level of science.

Keywords: *M. P. Gryaznov, correlation tables, statistical-combinatorial methods for the analysis of archaeological material.*

2 Vladimir G. Zhuravlev — independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: vova-zyuravlev19566@mail.ru.

Кризис российской археологии энеолита — раннего железного века

А. И. Мартынов[1]

Аннотация. *Автор считает, что современная археология энеолита — раннего железного века переживает кризис, вызванный рядом причин: несоответствие большого количества археологических артефактов на территории Восточной Евразии и низкого уровня их интерпретации; отсутствие собственной методологической базы; использование давно устаревших западноевропейских концепций развития истории; преувеличенная роль археологических культур как результатов археологических исследований. В результате нераскрытыми остаются цивилизационные процессы в восточной части Евразии в энеолите — раннем железном веке.*

Ключевые слова: *археология, кризис, Евразия, энеолит, ранний железный век, методология.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.62-65

1 Анатолий Иванович Мартынов — Кемеровский государственный институт культуры, ул. Ворошилова, д. 17, Кемерово, 650056, Российская Федерация; e-mail: prof_martynov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9176-2128.

Кризис и его причины. Проведенные за последние десятилетия наблюдения позволяют сделать вывод, что российская археология испытывает системный кризис. Он коснулся целей и задач, структуры, кадров науки, отразился на низком уровне использования археологии и ее достижений обществом, особенно в общем и высшем историческом образовании. В результате поколения россиян плохо знают или не знают вообще, что такое археология и археологические ценности евразийского пространства России. Кризис обычно возникает по причине противоречий. Определенные противоречия прослеживаются между колоссальным количеством накопленных археологических материалов по эпохе палеометалла и раннему железному веку на евразийском пространстве и их интерпретацией. Традиция российской археологии — стремление конструировать археологические культуры и делать выводы на уровне археологических фактов, наличия и демонстрации археологических предметов. Серьезным показателем кризиса является отсутствие своей, отечественной, и использование устаревшей, зарубежной, методологии колониализма XIX в. (*Морган*, 1935), сохранявшейся как в советский период (*Энгельс*, 1986), так и в наше время.

Надо отметить, что кризис не отразился на палеолитоведении, археологии древнерусских городов, античной археологии. Он больше всего проявился в археологии начала цивилизационного развития Евразии, т. е. в энеолите — раннем железном веке.

К сожалению, отечественная археология энеолита — раннего железного века в Евразии, накопив значительные, принципиально важные археологические материалы, не в состоянии сделать исторические выводы. Обычно исследования заканчиваются традиционной констатацией фактов находок, результатов раскопок и демонстрацией артефактов, ограничивая возможности науки конструкциями археологических культур.

О возможностях археологии в изучении исторических процессов. В связи с этим есть необходимость обратить внимание на некоторые особенности Восточной Евразии как пространства исторического развития, большую часть которого занимает Россия. Важно иметь в виду, что природной среде как культурообразующему фактору в археологии уделяют недостаточно внимания. Надо отметить, что в отечественной науке преувеличена роль общественных и социальных отношений в исторических процессах и принижена, или вообще вытеснена, роль естественно-исторических законов в истории. Произошла подмена первичных фундаментальных основ исторического развития: прогресс техники, открытия, освоение новых технологий и новых материалов является первичной основой развития, а общественные отношения — вторичный результат прогресса.

Полагаю, что современная археология должна знать и учитывать в своих исследованиях действия объективных исторических законов. На наш взгляд, наиболее существенное влияние в археологические периоды оказывали шесть естественных законов: закон влияния природной среды; закон основ цивилизационного развития; закон возникновения раннегосударственных структур; закон возникновения и распространения новаций; закон этнического лидерства в истории и закон накопления и передачи культурных ценностей (*Мартынов*, 2022). Не археологические культуры, а рассмотрение археологических источников и фактов в ключе действия объективных законов в археологические периоды позволит нам в будущем реконструировать картину исторического развития Восточной Евразии в энеолите — раннем бронзовом веке. В первую очередь то, как протекала революция производящего хозяйства, или неолитическая революция, по Г. Чайлду (*Чайлд*, 1952).

В восточной части Евразии — в степном поясе и горных долинах от Приазовья и левобережного Поднепровья и до степей Центральной Азии — начавшийся переход к производящему хозяйству в энеолите (в конце IV тыс. до н. э.) проходил по-другому — на основе подвижного скотоводства, что можно проследить по археологическим данным. В начале XX в. В. А. Городцовым было отмечено появление в палеометаллический период курганных захоронений в Восточной Европе со скорченными погребениями, посыпанными охрой (древнеямная культура) (*Городцов*, 1916). Вслед за этим С. А. Теплоухов (1929) обратил внимание на появление курганных культур в Южной Сибири.

За прошедшее время в археологии энеолита Восточной Евразии было много сделано: открыты новые культуры, металлургические центры, большое количество памятников наскального искусства, появление которых, как и курганных захоронений, связано с периодом позднего неолита в лесной части Евразии и с энеолитом в степной и горно-долинной местности. Вроде бы все хорошо: много археологических культур, вариантов; прослеживаются культурно-исторические связи вдоль степной Евразии; масса факторов… Но при этом явно чего-то не хватает — наверно, выводов, причин, особенностей этих революционных перемен в восточной части Евразии.

Для энеолита и раннего бронзового века Евразии важнейшим является вопрос перехода к производящему хозяйству и началу цивилизационного развития. В западной и восточной частях Евразии цивилизационные процессы шли по-разному. Относительно Западной и Центральной Евразии вопрос был решен еще в середине прошлого века (*Чайлд*, 1952). В конце XX в.

было впервые указано на особую роль степей Восточной Евразии как пространства производящего хозяйства в форме подвижного скотоводства (*Martynov*, 1994). В 1980 г. за рубежом были опубликованы материалы датирования более ста из ранних курганных захоронений Восточной Европы (*Gimbutas*, 1977), свидетельствующих об их датировке серединой и второй половиной IV тыс. до н. э.

Важен вопрос о месте возникновения подвижного скотоводства. Со значительной долей вероятности такой территорией является степное Заволжье, Южное Приуралье и Северо-Западный Казахстан. Возникшая на этой территории в энеолите историко-культурная новация распространялась на запад и на восток вдоль степного пояса Евразии, что привело к появлению т. н. курганных культур в степях Восточной Европы и Южной Сибири (*Мартынов*, 2012). Фактически это был второй этап неолитической революции производящего хозяйства. В Западной и Центральной Евразии шло распространение производящего хозяйства на север через Балканы в Южную и Центральную Европу, где в западной части Причерноморья сложились земледельческие культуры типа Кукутень–Триполье со своими типами земледельческого хозяйства и бытовой культуры. К востоку уже к концу IV тыс. до н. э. на левобережье Нижнего Поднепровья, Приазовья и далее по степному евразийскому поясу формировалось пространство подвижного скотоводства, которое в условиях степного ландшафта было наиболее рациональным использованием природной среды согласно действиям естественного закона. Вероятно, так в IV тыс. до н. э. зарождались особенности евразийской цивилизации. Процесс перехода к производящему хозяйству в Восточной Евразии не был простым, его предстоит исследовать. Наряду с курганными захоронениями с характерными особенностями трупоположения и набором вещей, в энеолите и бронзовом веке известны грунтовые погребения (неолитическая традиция). Граница между двумя типами цивилизационного развития по Нижнему и Среднему Днепру возникла естественно, как возникали все границы в древности.

Прослежено распространение групп подвижных скотоводов, носителей курганной культуры на запад во второй половине IV тыс. до н. э.; отмечается распространение отдельных групп подвижных скотоводов на запад, в северную часть Балкан, в Западное Причерноморье и до устья Дуная, где известны отдельные курганы в Болгарии и Румынии (*Мартынов, Мещерский*, 2021. С. 543–546). Вторая волна продвижения скотоводов, названная М. Гимбутас «курганная цивилизация», отмечается на рубеже IV–III тыс. до н. э. и была направлена на СЗ. Группы курганов появляются на Среднем Дунае (Венгрия), Висле, Одере, вплоть до Восточной Прибалтики (*Gimbutas*, 1991. P. 353–369, fig. 10, *6A*; 10; 13). При этом отмечается, что подвижные скотоводы занимали в основном незанятые земледельцами места, расселялись по принципу чересполосного проживания, осваивая свободное пространство.

Мы показали одно из направлений археологии в рамках исследования начала и развития евразийской цивилизации. Предстоит много сделать по энеолиту и бронзовому веку. В пределах эпохи палеометалла предстоит дать более глубокие объяснения памятников «наскального искусства»: нет их типологии; нет ответа, в какой мере это является искусством; что представляют собой природно-исторические святилища Восточной Евразии; что несут в себе памятники окуневской и каракольской культур; наконец, что такое культуры андроновского типа как историческое явление, а также много других вопросов.

Тема раннего железного века, а именно «скифо-сибирский мир Евразии», «напрашивается» для объяснения цивилизационного развития в степном поясе и горных долинах Евразии. Вот где, накопив значительное количество первоклассных археологических материалов (других просто нет), археология должна наконец дать историческую картину цивилизационного развития в Восточной Евразии. Необходима новая методология и новые методики исследования опорных памятников древней евразийской цивилизации от Аржана, Пазырыка, Берели, Иссыка, Филипповки и до Чертомлыка, Солохи и других комплексных источников. Только так российская археология может выйти из кризиса.

Городцов, 1916 — *Городцов В. А.* Культура бронзовой эпохи средней России // Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1914 г. М.: Синодальная типография, 1916. С. 13–18.

Мартынов, 2012 — *Мартынов А. И.* Степи Евразии как пространство цивилизационного развития (вопросы методологии археологии и древней истории) // Степи Северной Евразии: Материалы VI Междунар. симпозиума и VIII междунар. школы-семинара «Геоэкологические проблемы степных регионов» / под науч. ред. А. А. Чибилёва. Оренбург: ИПК «Газпромпечать»; ООО «Оренбурггазпромсервис», 2012. С. 476–479.

Мартынов, 2022 — *Мартынов А. И.* О влиянии естественно-исторических законов в степной Евразии в археологические периоды // Вестник ТомГУ (История). 2022. № 76. С. 190–194.

Мартынов, Мещерский, 2021 — *Мартынов А. И., Мещерский Р. Д.* Степи Евразии как пространство начала цивилизационного развития в IV–III тыс.

до н. э. // Степи Северной Евразии: Материалы IX Междунар. симпозиума / под науч. ред. А. А. Чибилёва. Оренбург: ОГУ, 2021. С. 541–547.

Морган, 1935 — *Морган Л. Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 352 с.

Теплоухов, 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации мегалитических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929. Т. I. Вып. 2. С. 41–62.

Чайлд, 1952 — *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации / Пер. с англ. М. Б. Свиридовой-Граковой, Н. В. Ширяевой; под ред. Т. С. Пассек; предисл. А. Л. Монгайта. М.: Иностранная литература, 1952. 466 с.

Энгельс, 1986 — *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. С. 28–178.

G*imbutas*, 1977 — *Gimbutas M.* The first wave of Eurasian Steppe pastoralists into copper age Europe // The Journal of Indo-European Studies. 1977. Vol. 5. No. 4. P. 277–338.

Gimbutas, 1991 — *Gimbutas M.* The civilization of the goddess: The world of Old Europe. San Francisco: Harper San Francisco, 1991. XI, 529 p.

Martynov, 1994 — *Martynov A. I.* "Scytho-Siberian" World of Eurasia as a Steppe Cattle-Breeding Civilization of 7th–6th Centuries BC // The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies: Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992 / Ed. by B. Genito. Napoli: Instituto Universitario Orientale, 1994. P. 643–649 (Instituto Universitario Orientale. Dipartimento di Studi Asiatici. Series Minor: XLIV).

The crisis of Russian archaeology of the Aeneolithic — Early Iron Age

Anatoly I. Martynov[2]

The author believes that the modern archeology of the Aeneolithic — Early Iron Age is experiencing a crisis caused by a number of reasons: the discrepancy between a large number of archaeological artifacts in eastern Eurasia and the low level of their interpretation; the lack of its own methodological base; the use of long-outdated Western European concepts of the development of history; the exaggerated role of archaeological cultures as consequences of archaeological research. As a result, civilization processes in the eastern part of Eurasia in the Eneolithic — Early Iron Age remain undiscovered.

Keywords: *archeology, crisis, Eurasia, Aeneolithic, Early Iron Age, methodology.*

2 Anatoly I. Martynov — Kemerovo State Institute of Culture, 17 Voroshilova St., Kemerovo, 650056, Russian Federation; e-mail: prof_martynov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9176-2128.

О «полицентрической теории» происхождения скифской культуры М. П. Грязнова

В. Ю. Зуев[1]

Аннотация. *В статье рассматривается процесс формирования в отечественной археологической литературе концепции «полицентрической теории» М. П. Грязнова. Автор верифицирует авторскую концепцию сложения скифской культуры М. П. Грязнова и критически анализирует современный историографический контекст широко применяемого понятия «полицентрическая теория» скифского культурогенеза, которое вошло в науку после смерти М. П. Грязнова, но связывается с его разработками.*

Ключевые слова: *скифская культура, «полицентрическая теория», история археологии, М. П. Грязнов.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.65-70

В историографии изучения скифской культуры номадов Евразии особое место занимает «полицентрическая теория» культурогенеза скифов М. П. Грязнова (1902–1984). Это понятие весьма прочно вошло в научную литературу, но подробного изложения положений этой теории не существует. На нее ссылают-

1 Вадим Юрьевич Зуев — Международный научный журнал StratumPlus; Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1852-8164.

ся как на частное мнение М. П. Грязнова, одновременно отмечая ее близость к центральноазиатской гипотезе происхождения скифской культуры и некоторое условное ограничение моноцентрического решения проблемы в пользу многовариантности процессов культурогенеза, что присуще полицентризму, как научной парадигме (например, *Савинов*, 2018. С. 93). Как мне представляется, в такой историографической тенденции резко деформируется представление о том, что думал и как именно понимал процесс формирования скифской культуры сам М. П. Грязнов. Так сложились обстоятельства жизни, что я неоднократно бывал у М. П. Грязнова дома осенью 1982 г., когда он работал над статьей «Начальная фаза развития скифо-сибирских культур» (*Грязнов*, 1983) и очень увлекательно пояснял логику своей стратегии исследования раннего этапа скифской культуры Евразии. Реагировал он и на реакцию коллег из Москвы и Киева на его предложения, как нужно вести исследования, что имело большое методическое значение в разраставшейся тогда дискуссии о происхождении скифов.

Следует, прежде всего, вернуться к ситуации начала 1980-х гг. в скифской археологии, которая сложилась после раскопок и публикации материалов кургана Аржан-1. До этого в науке превалировали представления о том, что скифская археология — это памятники VI в. до н. э. и, главным образом, памятники степной и лесостепной части Северного Причерноморья. Даже Северное Предкавказье с Келермесскими и Ульскими курганами исключалось из числа памятников Скифии, а стремление ленинградских специалистов из Государственного Эрмитажа (М. И. Максимова, Б. Б. Пиотровский, Л. К. Галанина, Л. В. Копейкина) обосновать дату тех же Келермесских курганов в пределах VII в. до н. э. воспринималось как тенденциозность, противоречащая общей картине, согласно которой скифский мир на востоке ограничен рекой Танаис, а скифские древности Кавказа — это разрозненные следы скифских набегов. Древности, имеющие несомненные хронологические позиции VIII и VII вв. до н. э., рассматривались лишь как предскифские, или как киммерийские по своей культуре. Мнение А. А. Иессена (*Иессен*, 1953. С. 109) о том, что памятники этого времени представляют собой «начальный этап в развитии скифской культуры в широком понимании этого термина», казалось чересчур радикальной попыткой удревнения истории скифской культуры — тенденцией, характерной для археологов из Эрмитажа. И появление на этом историографическом фоне древностей кургана Аржан-1 в Туве разрушало самим фактом своего существования все попытки объяснить ранние следы скифской культуры в азиатских степях и Сибири культурным влиянием Передней Азии и Причерноморья на кочевников Востока. Ведь и генезис скифской культуры виделся в основном московским скифологам школы Б. Н. Гракова как трансформация культуры степняков срубной общности Поволжья и Подонья именно в период VIII–VII вв. до н. э. (*Граков*, 1947. С. 18–22).

Размышляя над особенностями погребального инвентаря кургана Аржан-1, М. П. Грязнов пришел к убеждению, что этот памятник демонстрирует уже полностью сложившуюся по всем основным параметрам культуру кочевников скифского типа, формирование которой, по его мнению, охватывало XI–VIII вв. до н. э. Этот вывод был настолько очевиден для ученого, что сомнений в том, где формировалась раннескифская культура, для него не было — это был центральноазиатский регион. И он был одним из первых археологов, кто смог это убедительно доказать на имеющемся материале. Но только одного этого М. П. Грязнову было мало. Он стремился к большему — выстроить археологические материалы Евразии таким образом, чтобы очевидность сделанного вывода была наглядна. Вот что он писал в исследовании материалов Аржана-1: «Наша задача сейчас не в том, чтобы искать какого-то гипотетического предка, родоначальника всех скифов, саков, массагетов и других племен и народов, а в том, чтобы изучать и определять роль в процессе формирования скифо-сибирского культурного единства каждой из составляющих его культурно-исторических областей и каждой племенной группы. Мы должны изучать историю развития культуры кочевых племен отдельно взятых районов (будь то пазырыкские племена Алтая или скифы Северного Причерноморья, саки Средней Азии или «аржанские» племена Тувы) не изолированных от других, близких и далеких кочевых объединений, а обязательно в общей их связи с историей всего кочевого мира в целом» (*Грязнов*, 1980. С. 60).

В работе о скифо-сибирском культурном пространстве Д. Г. Савинов обратил внимание на удивительное совпадение времени открытия Аржана в Центральной Азии и курганных комплексов Белоградца на западном конце степной Евразии (*Савинов*, 2018. С. 93). В этот символический ряд принципиально важных открытий следует добавить и раскопанное погребение 3 в кургане 1 Гумаровского могильника, найденное в 1980 г. (*Исмагилов*, 1988). То, как скрупулезно и методично М. П. Грязнов собирал материалы для своей работы по намеченному в заключении плану исследований, свидетельствует страница дополнения в книге об Аржане-1 (*Грязнов*, 1980. С. 61), где ученый хотя бы упоминанием названий могильников Уйгарак и Тагискен стремится расширить круг близких Аржану-1 памятников раннескифской культуры на территории Средней Азии. Когда я в 1981 г. познакомился с М. П. Грязновым и показал ему свои зарисовки гумаровских древностей, он, после нескольких

дней размышлений, пригласил меня домой и сказал, что гумаровский комплекс, по его мнению, более всего близок раннескифским древностям Кавказа и причерноморской Скифии. Хотя культурный облик Гумарово — это, несомненно, аржанская линия развития культуры. Но между Аржаном-1 и Гумарово стоит 5-й Чиликтинский курган (раскопанный С. С. Черниковым) с таким же колчаном, украшенным фигурками золотых оленей с глазками из бирюзы. Указал он и на близость Гумарово Уйгараку и сакским древностям Памира, учитывая наличие в колчане черешковых наконечников стрел. «Хронологически, — говорил М. П. Грязнов, — Гумаровский курган — это памятник самого начала VII в. до н. э. Он моложе Аржана-1 минимум на столетие и близок хронологически 5-му Чиликтинскому кургану».

Сложно выстраивался научный диалог М. П. Грязнова с коллегами-скифологами из Москвы после открытия кургана Аржан-1. Помимо дискуссии о дате памятника, М. П. Грязнов решительно расходился с московскими коллегами в методах изучения и представления древностей Сибири. Это особенно ярко проявилось в процессе обсуждения структуры затевавшегося в те годы 2-томного издания степных древностей раннего железного века в рамках серии «Археология СССР», выходившей под общей редакцией директора ИА АН СССР акад. Б. А. Рыбакова. В конце 1982 г. в Москве проходили рабочие совещания будущих авторских коллективов, собранных для написания двух книг, посвященных археологии скифской и сарматской эпох степной полосы СССР. На этих заседаниях было определено, что ответственными редакторами этих томов будут московские специалисты: д-р ист. наук А. И. Мелюкова по скифской археологии и канд. ист. наук М. Г. Мошкова по археологии сарматской эпохи. М. П. Грязнов решительно выступил за то, чтобы деление книг и обзоры достижений советской археологии были построены по хронологическому принципу: и скифская, и сарматская археология должны были быть рассмотрены в исторической перспективе на всем пространстве Евразии. Такой подход давал широкую панораму культурогенеза в степной зоне и на сопредельных территориях. Идею М. П. Грязнова на этих совещаниях поддержали в основном ленинградские археологи: Н. А. Боковенко, Н. Г. Горбунова, Ю. А. Заднепровский, А. М. Мандельштам, М. Н. Пшеницына. Но против такого подхода выступили ответственные редакторы А. И. Мелюкова и М. Г. Мошкова. А. И. Мелюкова, сделавшая очень много для изучения западных областей распространения скифской культуры эпохи архаики (в основном памятников VI–IV вв. до н. э.), с большим трудом принимала то новое в скифской археологии, что предлагал М. П. Грязнов в процессе изучения материалов Аржана-1. Она была сторонницей концепции формирования скифской культуры Б. Н. Гракова, для которого восточнее Дона существовали культуры кочевников нескифского облика. На тех же идейных позициях стояла и М. Г. Мошкова в вопросе генезиса сарматских культур. Отстаиваемая ею концепция формирования особых культур савромато-сарматской культурно-исторической общности в Приуралье и Поволжье, по сути, уничтожала саму возможность сравнительного изучения памятников обеих эпох в евразийском пространстве. А применительно к Сибири и Средней Азии эта позиция позволяла рассматривать происходящие там исторические процессы лишь как явления скифского и сарматского времени, но ни в коем случае не как общие исторические процессы. Все доводы М. П. Грязнова о том, что деление книг по скифо-сарматской эпохе следует построить на принципах единой хронологии и сравнительных сопоставлениях, были в итоге отвергнуты. Книги разделили по традиционному для московской научной школы географическому принципу (скифо-сарматская археология европейской части степей и азиатской части степей СССР), который утвердился со времен Б. Н. Гракова и разработанной им концепции существования особой савромато-сарматской культуры на территории Поволжья и Приуралья (Степи европейской части…, 1989; Степи азиатской части…, 1992). Это был серьезный идейный удар по методической позиции М. П. Грязнова, который в конечном счете способствовал искажению трактовок взглядов ученого в историографической традиции скифо-сарматской археологии.

Насколько своеобразно трактуются взгляды М. П. Грязнова его оппонентами, хорошо видно на примере историографических работ Л. Т. Яблонского, в 2002–2016 гг. возглавлявшего Отдел скифо-сарматской археологии ИА РАН. Картина, им созданная, более всего напоминает реляцию с поля военных действий, ведущихся оппонентами против научной школы Б. Н. Гракова, чем взвешенный критический анализ концепций коллег. По версии Л. Т. Яблонского, разрушителями основ традиционной хронологии скифской эпохи во второй половине 1970-х гг. стали украинские скифологи, объединенные идеями А. И. Тереножкина о том, что скифская культура сформировалась в Центральной Азии и в готовом виде была принесена в Причерноморье уже к началу VII в. до н. э.: «Украинским коллегам удалось убедить Михаила Петровича, а Михаил Петрович убедил своих учеников в том, что Аржан датируется VIII, если не IX–VIII вв. до н. э.» (см.: *Боковенко*, 1999). Им же была предложена идея существования в это время «аржано-черногоровской» фазы развития скифо-сибирского единства, включающего, однако, *своеобразие отдельных вариантов внутри этого единства* (*Грязнов*, 1978а; 1980). Традиционная хронология

раннесакских древностей (VII–V вв. до н. э.) была сломана при поддержке археологов казахской школы А. К. Акишева (*Акишев, Акишев*, 1978). К ним присоединился А. И. Мартынов (*Мартынов*, 1996. С. 206). Близкую позицию в решении проблемы происхождения скифоидных культур западного ареала степи заняли Б. Ф. Железчиков (*Железчиков*, 1987) и Р. Б. Исмагилов (*Исмагилов*, 1988). Лишь московские специалисты, ученики и наследники идей Б. Н. Гракова, С. П. Толстова и К. Ф. Смирнова, попытались противостоять новым веяниям, за что и были гласно или негласно причислены к реакционерам от археологии. Немногочисленную группу «омолодителей» скифоидных культур не организационно, но идейно возглавила Н. Л. Членова (*Членова*, 1996а; 1996б), не исключая для древностей аржанского типа даже VI в. до н. э. (*Яблонский*, 1999. С. 38; 2001. С. 57).

Уже после смерти М. П. Грязнова в историографии постепенно стало формироваться мнение, что в его взглядах находит отражение идея существования ряда вариантов скифоидных культур Евразии, что, согласно его оппонентам, свидетельствовало о полицентрической природе самой концепции сложения культур скифского типа. Это дало повод, в частности, Д. С. Раевскому отказаться от понятия скифо-сибирского культурно-исторического единства и попытаться заменить его термином «евразийский культурный континуум скифской эпохи» (*Раевский*, 1993. С. 31). В 2001 г. Л. Т. Яблонский с сожалением констатировал, что идея Д. С. Раевского не прижилась в науке, объяснив это «тяжеловесностью термина» (*Яблонский*, 2001. С. 59). Я считаю, что дело не только в том, что этот термин труднопроизносим. Он внутренне противоречив и тем самым лишь подтверждает то, что оппоненты М. П. Грязнова попытались опровергнуть его введением. Предлагаемый термин «континуум» является калькой с латинского слова «continuum». А оно имеет однозначный смысл: непрерывный, сплошной. В свете этого противопоставлять понятию «культурно-исторического единства» понятие «континуума» — неудачная попытка сказать о том же самом явлении, но при помощи латыни. С такой моей оценкой созвучно и мнение Я. А. Шера (*Шер*, 2017. С. 15–22).

Говоря сегодня об историографическом феномене — «теории полицентризма» М. П. Грязнова в том виде, о котором шла речь выше, необходимо отметить еще один аспект проблемы. У сторонников существования этой теории наблюдается и другая важная подмена понятий. Они смешивают две проблемы — происхождение скифской культуры и формирование архаического скифского искусства звериного стиля. И, оперируя цитатами из работ М. П. Грязнова, собственно, формулируют «полицентрическую теорию» сложения скифской культуры.

Рассматривая концепции происхождения скифского звериного стиля и, шире, скифов, московский исследователь Ю. С. Шичавин пишет: «На основе анализа образа саяно-алтайского оленя М. П. Грязнов пришел к выводу, что скифо-сибирский звериный стиль, скорее всего, нужно представлять не как продукт творчества, которое сформировалось в одной культурно-исторической области, в одном племени или у одного народа, "а как единый процесс развития искусства на широких просторах степей во взаимодействии, т. е. при постоянном тесном культурном межплеменном обмене" [*Грязнов*, 1978б. С. 223].

В пользу этой теории, и одновременно вразрез с центральноазиатской и переднеазиатской теориями, свидетельствует тот факт, что Аржан, как бы рано его ни датировали, содержит произведения уже вполне сложившегося звериного стиля. А сочетание в едином комплексе с предметами предшествующей культурной традиции тоже не уникально: такое же сочетание можно увидеть и в Келермесе, и в Зивийе — тоже смешанных комплексах, но составляющие их элементы — разные в этих памятниках, отделенных друг от друга огромными территориями.

Если рассматривать не только произведения звериного стиля, но и все категории вещей из этих комплексов, то окажется, что механизмы их появления в этой культуре достаточно разнообразны.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сказать, что наиболее представительной и корректной является полицентрическая теория. Ведь Евразийская степь соседствовала с культурами и цивилизациями, обладающими издревле развитыми изобразительными традициями. И наиболее простым путем было заимствование изобразительных приемов из разных окружающих традиций. Оно происходило приблизительно в одно и то же время на достаточно отдаленных друг от друга территориях, но при этом было общим явлением для всей степи.

При такой постановке вопроса поиски скифских элементов в предшествующих и окружающих изобразительных традициях обретают иной смысл — теперь они могут быть направлены на восстановление процесса формирования изобразительной системы, которое протекало в разных районах различными путями. По-иному надо оценивать и существующие теории происхождения звериного стиля, поскольку при таком подходе ни одна из них не должна выглядеть единственным объяснением существующего явления, что требовалось от теорий раньше, а может демонстрировать один из конкретных путей сложения изобразительной системы скифского звериного стиля в конкретном районе» (*Шичавин*, 2020).

Приведенные выше примеры показательны как этапы процесса сотворения историографического

мифа. Никакого влияния на М. П. Грязнова со стороны украинских коллег, и в частности А. И. Тереножкина, (ради удревнения даты кургана Аржан) оказано не было. Об этом свидетельствует переписка ученых. И было бы важно издать их эпистолярное наследие, касающееся этого сюжета!

Упомяну здесь только одну историю, ставшую известной М. П. Грязнову. Когда я знакомил его в 1982 г. с древностями из погребения 3 Большого Гумаровского кургана по просьбе Р. Б. Исмагилова, я попросил М. П. Грязнова прокомментировать мнение А. И. Тереножкина, который в письме от 13 марта 1981 г. так писал о взглядах своего ленинградского коллеги: «Гипотеза полицентризма скифских культур, которую ныне стал провозглашать неожиданно М. П. Грязнов, меня очень огорчила, — это теория стадиальности, марризм в чистом виде. Странно, а его охотно поддерживают, не считаясь с подлинной археологией, развитием культур скифских и им родственных» (*Исмагилов*, 2013. С. 146). На это М. П. Грязнов только улыбнулся. И рассказал мне, как познакомился с А. И. Тереножкиным в самом конце 1920-х гг., когда тот летом, босой и в соломенной шляпе, пришел пешком в Ленинград, чтобы найти работу в ГАИМК, как прожил несколько дней у Грязновых дома и, не найдя места, также пешком (но в купленных ему М. Н. Комаровой по случаю ботинках) ушел на восток — как потом оказалось, в Узбекистан. По поводу озвученной мной оценки А. И. Тереножкина, М. П. Грязнов сказал, что «А. И. Тереножкин горячится. Такой уж у него темперамент. Я писал ему, что ему явно не терпится решить проблему происхождения скифов разом, нарисовав картину волнообразного наплыва скифов из Центральной Азии в Причерноморье, как акт великого нашествия. А на самом деле, — отметил М. П. Грязнов, — дело было куда как сложнее».

Так в чем же именно заключалась теория происхождения скифов М. П. Грязнова? И почему за ней закрепилось название «полицентрической»? Дело в том, что в последние годы жизни М. П. Грязнов разрабатывал своего рода системную стратегию, нацеленную на решение проблемы происхождения скифской культуры. Анализируя материалы раскопок в кургане Аржан-1, он констатировал для себя, что ему с большим трудом удается подобрать прямые аналогии этому памятнику в известном археологическом материале. Надо было хорошо знать М. П. Грязнова: он никогда и ничего в науке не делал наскоком и по наитию. Работая над текстом статьи «Начальная фаза развития скифо-сибирских культур», он объяснял мне, своему студенту, что очень важно выделить в евразийском степном пространстве своего рода региональные центры культурогенеза. И что это, пожалуй, самая главная цель его работы. Он искренне сожалел, что, сдав в печать книгу об Аржане, он только потом собрал из литературы все то, что было уже опубликовано о раскопках в Средней Азии (могильники Тагискен и Уйгарак). Об этом сожалении он даже упомянул в послесловие к русскому тексту книги, которое по его настоянию было опубликовано (*Грязнов*, 1980. С. 61). Выделяя те 12 центров, где он нашел следы материальной культуры ранних кочевников круга Аржана, он полагал, что следует построить хронологические секвенции — колонки культурных древностей как предшествующего Аржану времени, так и современные ему, а главное — более поздние, которые, как пласты, перекрывали бы их хронологически. В дальнейшем, по мысли М. П. Грязнова, было бы необходимо сопоставить эти колонки из каждого выделенного центра, чтобы понять, где ранее всего появляются элементы материальной культуры аржанского типа. И это неизбежно выведет археологию на определенные временные закономерности и созвучия эпохального порядка. Кстати сказать, эта схема культурных горизонтов М. П. Грязнова очень близка той идее региональной стратиграфии, о которой, в свою очередь, писал Л. Т. Яблонский, тоже говоря по-своему о необходимости решения проблемы генезиса культур скифского круга (*Яблонский*, 2001). Только, к сожалению, реализовать эту стратегию до конца у М. П. Грязнова не хватило времени жизни. Системную же работу по построению хронологических колонок для выделенных центров, уточнению их общего количества, поиску и систематизации материала М. П. Грязнов все же успел начать. И еще одна важная задача постулировалась им как непременное звено в деле изучения памятников ранних кочевников Тувы. Это продолжение раскопок царских курганов Уюкской долины. То, насколько это оказалось важным и перспективным делом, продемонстрировали исследования последующего времени.

Резюмируя вышесказанное, я полагаю, что термин М. П. Грязнова «полицентрическая теория» происхождения скифской культуры должен остаться в научной литературе, но не как проявление общей теории стадиальности, а как научная стратегия действий, связанная с именем этого замечательного человека и настоящего подвижника науки.

Акишев, *Акишев*, 1978 — *Акишев А. К.*, *Акишев К. А.* Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 38–63.

Боковенко, 1999 — *Боковенко Н. А.* Происхождение всадничества и этапы развития верховой сбруи у древних номадов Центральной Азии // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних

культур и цивилизаций. Материалы Междунар. конф. / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 108–110 (Археологические изыскания; Вып. 61).

Граков, 1947 — *Граков Б. М.* Скіфи. Київ: Вид-во АН УРСР, 1947. 95 с.

Грязнов, 1978а — *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 9–18.

Грязнов, 1978б — *Грязнов М. П.* Саяно-алтайский олень (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Сб. статей в память проф. М. И. Артамонова / Отв. ред. Л. С. Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Вып. II. С. 222–232.

Грязнов, 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.

Грязнов, 1983 — *Грязнов М. П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1983. Вып. 12. С. 3–18.

Железчиков, 1987 — *Железчиков Б. Ф.* К проблеме происхождения культур степных кочевников VII–VI вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А. И. Тереножкина. Кировоград, 1987. Ч. 1. С. 57–58.

Иессен, 1953 — *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. Т. XVIII. С. 49–110.

Исмагилов, 1988 — *Исмагилов Р. Б.* Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 29–47.

Исмагилов, 2013 — *Исмагилов Р. Б.* Гумаровский могильник в свете эпистолярного жанра // УАВ. 2013. Вып. 13. С. 144–146.

Мартынов, 1996 — *Мартынов А. И*. Археология. М.: Высшая школа, 1996. 416 с.

Раевский, 1993 — *Раевский Д. С.* Культурно-историческое единство или культурный континуум? // КСИА. 1993. Вып. 207. С. 30–32.

Савинов, 2018 — *Савинов Д. Г.* К теории образования скифо-сибирского культурного пространства // Записки ИИМК РАН. 2018. № 19. С. 91–102.

Степи европейской части…, 1989 — Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. 464 с. (Археология СССР).

Степи азиатской части…, 1992 — Степи азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 494 с. (Археология СССР).

Членова, 1996а — *Членова Н. Л.* Датировка кургана Аржан в Туве и его место в системе культур «скифского мира» // Вестник антропологии. 1996. Вып. 2. С. 181–194.

Членова, 1996б — *Членова Н. Л.* Хронология опорных памятников скифской эпохи // Гуманитарная наука в России: соросовские стипендиаты. М., 1996. С. 313–318.

Шер, 2017 — *Шер Я. А.* Угасает ли дискуссия о происхождении скифов, скифской культуры и скифского звериного стиля? // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 15–27.

Шичавин, 2020 — *Шичавин Ю. С.* Проблема генезиса скифо-сибирского звериного стиля в отечественной историографии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https: // wiki.mgpu.ru / index.php / 2020 (дата обращения: 15.08.2022).

Яблонский, 1999 — *Яблонский Л. Т.* Скифы, сарматы и другие в XXI веке // Археология в России в XX веке: итоги и перспективы. Тезисы докладов конф., посвящ. 275-летию РАН и 80-летию Института археологии. М.: ИА РАН, 1999. С. 36–43.

Яблонский, 2001 — *Яблонский Л. Т.* Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. № 1. С. 56–65.

On the „polycentric theory“ of the origin of the Scythian culture by Mikhail P. Gryaznov

Vadim Yu. Zuev[2]

The article deals with the process of formation of the historiographical concept of Mikhail P. Gryaznov's „polycentric theory“ in Russian archaeological literature. The author verifies the author's concept of the composition of the Scythian culture by M. P. Gryaznov and critically analyzes the modern historiographic context of the widely used concept of „polycentric theory“ of Scythian cultural genesis, which entered science after Mikhail P. Gryaznov's death, but is associated with his developments.

Keywords: *Scythian culture, „polycentric theory“, history of archaeology, Mikhail P. Gryaznov.*

2 Vadim Yu. Zuev — the International scientific journal StratumPlus;
St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1852-8164.

СЕКЦИЯ II

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК: КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

К вопросу о критериях выделения неолитических индустрий на памятниках Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье

А. Н. Чеха[1]

Аннотация. *Широкомасштабные спасательные работы при строительстве Богучанской ГЭС обозначили новый этап археологического изучения Северного Приангарья. Были получены представительные коллекции археологического материала, в том числе на памятниках в устье р. Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин Камень, Гора Кутарей, Ручей Поварный). Особую важность имеет детальное изучение археологического материала в планиграфическом контексте, а также его сравнительный анализ с синхронными памятниками Приангарья. В результате проведенных исследований с определенной долей удалось выделить ранний (средний) (горизонт 2 слоя 3 памятника Устье Реки Кутарей) и более поздний (горизонт 1 слоя 3 и слой 2 стоянки Устье Реки Кутарей; Гора Кутарей) этапы неолита.*

Ключевые слова: *Северное Приангарье, неолит, палеометалл, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, керамические комплексы, спасательные археологические работы.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.71-74

После окончания спасательных археологических работ в зоне затопления Богучанской ГЭС активно вводятся в научный оборот полученные материалы, в том числе с памятников Усть-Кутарейского участка. Проведен детальный технико-типологический анализ каменных индустрий и декоративно-морфологический анализ керамического материала слоев 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей. В результате планиграфического сопоставления выявленных культурно-хронологических групп керамики и каменных индустрий на памятнике удалось выделить условно «чистые» неолитические комплексы и «смешанный» комплекс (с примесью более поздней керамики). Для более целостного понимания ситуации на Усть-Кутарейском участке была сделана выборка орудий и пластинчатых сколов, а также нуклеусов со стоянок Гора Кутарей и Сенькин (Синий) Камень для сравнения с полученными данными.

Памятники в устье р. Кутарей относятся к Северному Приангарью (Кежемский р-н Красноярского края), левый берег Ангары: стоянки Устье Реки Кутарей и Гора Кутарей располагаются в 15 км вниз по течению от бывшего с. Кежма, памятник Сенькин (Синий) Камень — в 1,9 км выше устья р. Кутарей, в 12 км вниз по течению от с. Кежма.

Исследователи отмечают географическую, климатическую и орографическую обособленности региона (*Бердников*, 2016. С. 4), при этом изучение его археологических памятников сопряжено с рядом неблагоприятных факторов: как правило, памятники Северного Приангарья носят преимущественно стояночный характер с отсутствием закрытых комплексов, а отложения на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, слабо стратифицированы по причине компрессионного характера (макрослоистости) отложений.

Макрослоистость формируется в профиле полноразвитой современной почвы. В данном случае разновременные археологические материалы смешаны и находятся в «компрессионном» состоянии, а неолитические материалы приурочены преимущественно к почвенному горизонту красновато-коричневого или бурого цвета, датировка которого приблизительно соответствует атлантическому периоду голоцена 8000–4600 лет (*Там же*. С. 14–16; *Бердников и др.*, 2017. С. 9–12).

1 Анна Николаевна Чеха — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: cheha.anna@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6872-9493.

Было выявлено, что для слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей на уровне обоих его горизонтов преобладает керамика, относящаяся к неолиту (усть-бельская, сетчатая, посольского типа).

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей преобладает керамика, относящаяся к раннему железному веку и средневековью (тонкожгутиковая, посуда шилкинского типа 2400–2100 л. н.), а также керамика цэпаньской культуры (2800–2200 л. н.). Неолитический компонент присутствует в небольшом количестве, что можно связать с техногенными нарушениями, особенностями формирования культурного слоя и перепадом высот. В целом бо́льшую часть материалов слоя можно датировать II–I тыс. до н. э., однако наличие неолитической керамики и пластинчатых трех-четырехгранных каменных наконечников, близких уолбинской культурной традиции (8000–6000 л. н.), не исключает присутствия более раннего компонента.

На стоянке не зафиксирована характерная для региона керамика с жемчужным орнаментом, которая также распространена на территории Канско-Рыбинской котловины и датируется 4000–2800 л. н.

Индустрии (слои 2 и 3) стоянки Гора Кутарей (рис. 1) характеризуются малым количеством пластинчатых и единичных микропластинчатых заготовок, а также отсутствием карандашевидных и конусовидных нуклеусов для пластинок и микропластин (по сравнению с материалами стоянки Устье Реки Кутарей). В слое 3 выявлено 8 экз. пластинчатых заготовок шириной до 12 мм и 10 экз. пластин.

Среди орудий значимую группу составляют наконечники (6 экз.), один из них удлиненный, с глубокой выемкой (13 мм). Подобный экземпляр был обнаружен на Усть-Кове I, пункт 2 (2-й культурный горизонт), а также на памятнике Сосновый Мыс в 3-м культурном горизонте. Материалы, обнаруженные в отложениях I надпойменной террасы р. Ковы, предположительно отнесены к раннему голоцену.

Индустрия слоя 2 отличается от слоя 3 бо́льшим количеством пластинчатых сколов от 7,0 до 12,0 мм (24 экз.), от 12,0 до 18,8 мм (5 экз.). Примечательно, что все пластинчатые сколы выполнены из кремня (в отличие от материалов стоянки Устье Реки Кутарей, где при массовом микропластинчатом и пластинчатом производстве бо́льшая часть сколов выполнена из алевропесчаника).

Орудийный набор отличается как от индустрии слоя 3 стоянки Гора Кутарей, так и от индустрий слоев 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей, прежде всего наличием веерообразных одинарных скребков (7 экз.), тесел (10 экз.) и топоров. Особо следует отметить шлифованный по всей поверхности нож из нефрита с обушком длиной 65 мм (рис. 1, *б*). По петрографическим данным, ближайшие выходы нефрита могут быть в Бурятии и на юге Иркутской области (по р. Китой). Единичными экземплярами представлены: проколка, микроострие на пластинке и точильный камень-абразив.

Декоративно-морфологический анализ керамического материала позволил выявить следующие группы: посольская, усть-бельская керамика, сосуды с жемчужным орнаментом, керамика цэпаньского типа, карабульского типа (*Выборнов*, *Нестерова*, 2015).

Таким образом, проведенные технико-типологический и сравнительный анализы показали, что одним из важных критериев неолитической индустрии на территории Усть-Кутарейского участка (при наличии неолитической керамики) является производство пластинчатых заготовок шириной до 12 мм с карандашевидных, конусовидных и призматических нуклеусов путем отжима (компактный ударный бугорок или его отсутствие, прямой/слабовыгнутый профиль, точечные ударные площадки). Нами был проведен статистический анализ, который позволил выявить целевые заготовки. Были проанализированы целые, крупные медиальные, проксимально-медиальные и медиально-дистальные фрагменты заготовок.

Для неолитического горизонта 2 слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей медиальное значение фиксируется на ширине 5–6 и 7–8 мм, для условно неолитических участков слоя 3–7–9 мм; для смешанных участков слоя 3–6–7 мм, в более позднем слое 2 при значительном снижении количества пластинчатых заготовок их максимальное количество фиксируется на ширине 7–9 и 5–6 мм.

Для памятника Гора Кутарей количество пластинчатых заготовок не показательно. Однако в слое 2 ширина большинства сколов фиксируется в диапазоне 7–10 мм.

Учитывая, что горизонт 2 слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей содержит только неолитическую керамику (по последним данным, комплексы с керамикой посольского типа ряд авторов относит к среднему неолиту и датирует 5500–5000 л. н. (*Долганов и др.*, 2013) по материалам Саган-Заба II, а керамику с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа датируют 6900–4100 л. н.), с большой долей условности можно предположить, что эти материалы относятся к более раннему этапу неолита (среднему), а горизонт 1 содержит материалы более поздней, развитой стадии неолита.

Таким образом, на памятнике Устье Реки Кутарей выявлена концентрация микропластинчатого производства. Учитывая данные планиграфического анализа, сопоставления с керамикой и статистического анализа пластинчатых заготовок, можно предполагать, что горизонт 2 относится к более ранней (сред-

Рис. 1. Каменная индустрия стоянки Гора Кутарей: *1а–1ж* — пластинки, микропластинки; *2* — пластина с ретушью; *3, 15, 16* — скребки; *4, 5* — ретушированная пластинка; *6* — нож из нефрита; *7–12, 17* — наконечники; *13* — остроконечник; *14* — топор; *18, 19* — нуклеусы; *20, 21* — тесла

Fig. 1. Stone industry of Gora Kutarey site: *1a–1ж* — bladelets, microbladelets; *2* — retouched blade; *3, 15, 16* — scrapers, *4, 5* — retouched bladelet; *6* — jade knife; *7–12, 17* — points; *13* — spikelet; *14* — axe; *18, 19* — nucleuses, *20, 21* — adzes

ней) стадии неолита, характеризующейся большим количеством мелких пластинчатых (целевых) микропластинчатых сколов шириной 5–6 мм. Для более поздней стадии характерно снижение количества мелких пластинчатых заготовок, появляется большее количество листовидных бифасов, тесла, топоры.

На памятнике Гора Кутарей фиксируется концентрация производства тесел, топоров и скребков веерного типа. Количество пластинчатых сколов незначительно, не зафиксировано конусовидных и карандашевидных ядрищ.

В целом памятники Кутарейского участка демонстрируют продолжение мезолитических традиций Усть-Ковы I. Ближайшие аналогии каменные индустрии находят в материалах Като-Ёдарминского расширения (наконечники), Кежемского района (Усть-Кова I, Утес Медвежий, Толокнянка 2), а также в материалах Якутии и континентального Приохотья.

Бердников, 2016 — *Бердников И. М.* Актуальные проблемы неолитоведения юга Средней Сибири: источниковая база и геоархеологический аспект // Изв. ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 18. С. 133–156.

Бердников и др., 2017 — *Бердников И. М.*, *Бердникова Н. Е.*, *Воробьева Г. А.* Мультислойчатые местонахождения как основа для палеогеографических и культурных реконструкций в среднем голоцене Байкало-Енисейской Сибири // Изв. ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 21. С. 5–32.

Выборнов, *Нестерова*, 2015 — *Выборнов А. В.*, *Нестерова М. С.* Керамика на стоянке Гора Кутарей в Северном Приангарье // Материалы IV Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015. С. 118–120.

Долганов и др., 2013 — *Долганов В. А.*, *Горюнова О. И.*, *Новиков А. Г.*, *Вебер А. В.* Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геоархеологического объекта Саган-Заба II // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 125–132.

To the question of Neolithic industries' criteria in the Ust' Kutarey microregion sites in the North Angara region

Anna N. Chekha[2]

During the rescue archaeological investigations in the North Angara region (2008–2011) many archaeological sites were found including Ust' Kutarey, Senkin (Siniy) Kamen, Ruchei Povarny, Gora Kutarey. As a result of a detailed study of the artifacts from the Ust' Kutarey site conditionally „pure" Neolithic complexes and the mixed ones (with an admixture of ceramics from the Bronze Age up to the Middle Ages) were identified. The collection of samples (blades, cores, stone tools) was selected for a comparison with the artifacts from neighboring monuments (Gora Kutarey and Senkin (Siniy) stone). The Mouth of the Kutarey river is a unit cultural layer, while the gap between the sites was formed as a result of the destruction of the village Kutarey and the later deforestation. The stone industries of the sites in Ust' Kutarey microregion are mostly related to the Neolithic and Bronze Age. Techno-typological analysis shows the concentration of microblade production in Ust' Kutarey site and high quantity of adzes and axes, fan type scraperson in Gora Kutarey site. It was possible to distinguish the earlier (middle) stage of the Neolithic (site Ust' Kutarey, horizon 2 layer 3) and the later one (horizon 1 layer 3 and layer 2 of Ust' Kutarey site and of the Mouth Kutarey site).

Keywords: *North Angara region, Neolithic, Metal Age, stone industries, ceramic complexes, layers of „compression" character, rescue archaeological excavations.*

2 Anna N. Chekha — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: cheha.anna@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6872-9493.

Первые земледельцы Приморья: реконструкция земледелия и собирательства по данным анализа крахмала

И. Е. Пантюхина[1], Ю. Е. Вострецов[2]

Аннотация. *На поселении Кроуновка 1 методом анализа крахмала исследованы орудия, почва и керамика из трех чистых комплексов, связанных с первыми земледельцами. Результаты уточнили и дополнили списочный состав растений, ранее выявленных флотацией. Первые земледельцы комбинировали выращивание двух культурных видов проса (Panicum miliaceum, Setaria italica). Культурный статус Triticeae остается под вопросом. Также на орудиях и керамике обнаружены крахмалы желудя, луковиц диких лилий, растений с богатыми крахмалом корневищами/луковицами и папоротника.*

Ключевые слова: *Приморье, неолит, зайсановская культурная традиция, Кроуновка 1, раннее земледелие, собирательство, метод анализа крахмала.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.75-77

Первые группы земледельцев появились на территории Приморья в интервале 5300–4600 л. н. Археологические комплексы этого населения маркируются новой для региона практикой веревочной орнаментации керамики в рамках зайсановской культурной традиции (далее — ЗКТ) (рис. 1, *4)* и выбором участков расселения, что находит аналогии среди земледельческих культур сопредельной Маньчжурии (*Вострецов и др.*, 2003). Продвижение земледельцев связано с давлением на экологию климатических стрессов, дестабилизирующих системы жизнеобеспечения и инициирующих поиск более устойчивых экотопов.

Поселение Кроуновка 1 расположено на надпойменной террасе в среднем течении одноименной реки. U-образная долина прорезает вулканическое плато. Ее ориентация с севера на юг обеспечивает равномерную инсоляцию и прогрев почв. В долине наблюдается явление парникового эффекта, которое сокращает период вегетации растений (рис. 1, *1*). Дополняют благоприятный микрорельеф высокие агроклиматические характеристики этого района (*Там же*). Склоны долины и распадки с ближайшими к памятнику водотоками покрыты участками широколиственного леса с преобладанием монгольского дуба. В подлеске отмечено разнотравье и папоротники. Выше долина становится облесенной и подходящей для охоты. Ниже по течению увеличивается количество площадей для культивации. Расположение поселения указывает на выбор места с учетом агроклиматических и собирательских ресурсов, возможностью охоты и рыбалки. Археозоологические остатки содержат кости дикого кабана (*Sus scrofa*) и косули (*Carpeolus carpeolus*) (*Komoto*, *Obata*, 2004).

Самые ранние этапы заселения связаны с первыми земледельцами и представлены четырьмя горизонтами обитания. Первый — остатки сгоревшего и разрушенного наводнением жилища — датирован 5260±33 л. н. (NUTA2–5486). Это соответствует похолоданию в интервале 5400–5200 л. н. в конце атлантического периода, когда группы земледельцев начали продвигаться в сторону более муссонного Приморья из континентальной Маньчжурии. Второй горизонт выявлен по жилищу № 5 (рис. 1, *2*), под которым находились остатки очага более раннего жилища — отдельным горизонтом его не выделяли. Дата по углю из очага — 4797±44 л. н. (NUTA2–5281). Третий горизонт — жилище № 4. По углю из его очага получена дата 4640±40 л. н. (Beta-171662) (*Ibid.*). Типологически керамические комплексы жилищ практически одновременны. Второй и третий горизонты синхронны интервалу 4800–4600 л. н., когда нарастало похолодание, что выражалось в иссушении климата, чередовании периодических засух и наводнений, повышении частоты стрессов в период сева. Тогда же археологически фиксируется расселение земледельцев в других экономических районах Приморья: на побережьях оз. Ханка и залива Петра Великого (*Вострецов*, 2018). Слой четвертого горизонта уходил в стенку раскопа и не был исследован раскопками. Флотация первых трех горизонтов дала прямые данные, указывающие на использование дикорастущих и культурных растений (*Komoto*, *Obata*, 2004). На этой основе проходила апробация метода анализа крахмала (далее — МАК) (*Пантюхина*, 2020). Исследованы были четыре каменных орудия (рис. 1, *3*), фрагменты 21 керамического

1 Ирина Евгеньевна Пантюхина — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, ул. Пушкинская, д. 89, Владивосток, 690001, Российская Федерация; e-mail: pantukhina2000@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6206-5799.

2 Юрий Евгеньевич Вострецов — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, ул. Пушкинская, д. 89, Владивосток, 690001, Российская Федерация; e-mail: vost54@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3717-4528.

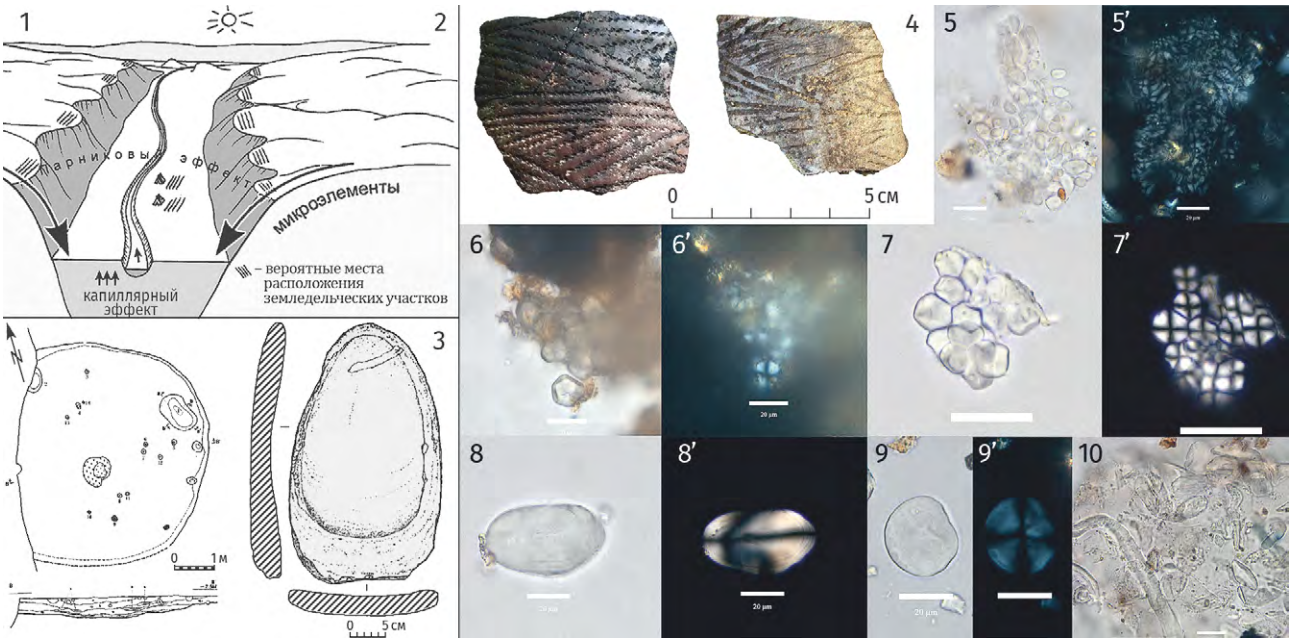

Рис. 1. Поселение Кроуновка 1: *1* — структура ландшафта зоны хозяйственного использования поселения; *2* — жилище № 5 после окончательной зачистки; *3* — терочник из жилища № 5; 4 — фрагменты керамики с примерами орнаментальной традиции ЗКТ; древний крахмал: *5–5'* — желудь (*Quercus mongolica*); *6–6'* — чумиза (*Setaria italica*); *7–7'* — просо (*Panicum miliaceum*); *8–8'* — лилия (*Lilium pensylvanicum*); *9–9'* — триба Пшеницевые (*Triticeae*); *10* — крахмал *Triticeae* после термической обработки; *5–10* — светлое поле, *5'–9'* — поляризация, масштабная линейка — 20 мкм

Fig. 1. The Krounovka 1 site: *1* — the landscape of the site catchment area; *2* — the pit dwelling No. 5; *3* — grindstone from the pit dwelling No. 5; 4 — examples of the ornamental pattern of Zaisanovka cultural tradition; ancient starch from tools, ceramic potsherd and floor of pit dwelling No. 5: *5–5'* — *Quercus mongolica*; *6–6'* — *Setaria italica*; *7–7'* — *Panicum miliaceum*; *8–8'* — *Lilium pensylvanicum*; *9–9'* — Triticeae; *10* — Triticeae starch after cooking; *5–10* — white field mode; *5'–9'* — polarization mode; scale bar — 20μ

сосуда, пять образцов почвы, один обугленный кусочек органики из флотационной пробы. Образцы почвы собраны с уровня пола жилища № 5, ниже его и из современной почвы. Крахмал был обнаружен только на уровне пола жилища, поэтому его включили в общий крахмальный комплекс (*Пантюхина*, *Вострецов*, 2022). Удалось выделить 8 типов крахмала, которые идентифицированы до определенного таксономического уровня. В отдельную группу выделены неопределимые гранулы.

Ранее флотацией обнаружены зерновки культурных видов проса (*Panicum miliaceum*) и, предположительно, чумизы (*Setaria italica*) (*Вострецов и др.*, 2003). С помощью МАК на орудиях и керамике идентифицирован крахмал чумизы (рис. 1, *6–6'*). Крахмал проса обнаружен в почве (рис. 1, *7–7'*). Впервые для ранних земледельцев установлено использование злаков трибы Пшеницевые (*Triticeae*) (рис. 1, *9, 10*), к которым относятся культурные хлебные злаки и дикорастущие виды. Крахмал этих растений имеет схожие черты, что затрудняет идентификацию. На характеристики гранул крахмала влияет механическая и термическая обработка. Поэтому более точные определения пока дать нельзя.

Идентифицирован крахмал луковиц лилии даурской *(Lilium pensylvanicum)* и иных растений с подземными запасающими органами (рис. 1, *8–8'*). На керамике найден крахмал папоротника. Крахмал желудя *(Quercus mongolica)* обнаружен на терочнике (рис. 1, *5–5'*). Также установлен крахмал бобовых (*Fabaceae*). Лилия и желудь часто упоминаются как пищевые растения у аборигенного населения. Значимым качеством ресурсов является возможность их заготовки для длительного хранения — а все перечисленные выше растения можно консервировать высушиванием.

С рубежа 8000 л. н. в неолитических комплексах Северного Китая совместно присутствуют культивируемые просо и чумиза. Экология, биологическая и энергетическая ценность этих видов не сильно различаются. Зерновки проса крупнее чумизы, но пределы урожайности культур сопоставимы. Главное достоинство обеих — терпимость к низкому уровню влаги и обедненным почвам. Агротехника практически идентична, основное требование — прополка сорня-

ков. Традиция выращивания двух схожих злаков выглядит оптимальной стратегией. Отмечается, что крестьяне Китая сеяли несколько сортов чумизы с разной скороспелостью. Трудоемкая прополка проводилась вручную, и несинхронность периодов развития позволяла своевременно проводить посев, уход и уборку разных сортов (*Li*, *Wu*, 1996). Для проса и чумизы разрыв в сроках вегетации достигает 30 дней. Вероятно, комбинация этих видов минимизировала риск потери урожая из-за стрессов в период сева и обеспечивала равномерное распределение трудозатрат на обработку посевов.

Культивация связана с комплексом систематических работ, поэтому земледелие можно считать базовым компонентом системы жизнеобеспечения. Собирательство желудя, луковиц лилии, папоротника и других растений также обеспечивало существенную часть углеводной компоненты диеты. Определенный энергетический и микроэлементный вклад вносили перилла, маньчжурские орехи и дикие ягоды, карпоиды которых обнаружены флотацией (*Komoto*, *Obata*, 2004). Часть видов, очевидно, осталась незафиксированной обоими методами, и их использование можно предполагать по этнографическим данным. Информация о сроках вегетации растений позволяет представить сезонные операции, связанные со сбором и заготовкой ресурсов. Разнообразие источников крахмала — углеводов — обеспечивало баланс нутриентов в диете, нивелировало риск потери урожая/снижения продуктивности дикоросов и способствовало устойчивости системы жизнеобеспечения.

Возможности метода анализа крахмала позволяют исследовать археологические комплексы, на которых не применялась флотация. Исследование керамики МАК перспективно для археоботанического изучения переотложенных комплексов.

Вострецов, 2018 — *Вострецов Ю. Е.* Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений // Тр. ИИАЭ ДВО РАН. 2018. Т. 20. С. 40–65.

Вострецов и др., 2003 — *Вострецов Ю. Е.*, *Сергушева Е. А.*, *Комото М. и др.* Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка-1 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы Междунар. конф. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 373–378.

Пантюхина, 2020 — *Пантюхина И. Е.* Метод анализа древнего крахмала в вопросах и ответах // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 1. С. 103–118.

Пантюхина, *Вострецов*, 2022 — *Пантюхина И. Е.*, *Вострецов Ю. Е.* Растения в диете первых земледельцев в Приморье: опыт применения метода анализа древнего крахмала // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 280–296.

Komoto, *Obata*, 2004 — Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of Excavations in 2002 and 2003. Study on the Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia / Ed. by M. Komoto and S. Obata. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2004. 58 p.

Li, *Wu*, 1996 — *Li Y.*, *Wu S.* Traditional maintenance and multiplication of foxtail millet (Setaria italica (L.) P. Beauv.) landraces in China // Euphytica. 1996. Vol. 87. P. 33–38.

The reconstruction of farming and gathering of the first farmers in Primorye (Russian Far East) by ancient starch analysis

Irina E. Pantyukhina[3], Yuri E. Vostretsov[4]

At Krounovka 1 site some tools, soil and ceramic potsherds from three first farmers' level occupations were studied by ancient starch analysis. The results were clarified and supplemented the plants' list previously identified by flotation. The first farmers combined the cultivation of two species of millet (Panicum miliaceum, Setaria italica). The cultivated status of Triticeae remains in question. Also starches of acorn, wild lily bulbs, plants with underground starch organs and ferns were found on tools and ceramics.

Keywords: *Russian Far East, Neolithic, Zaisanovka cultural tradition, Krounovka 1 site, early farming, gathering, ancient starch analysis.*

3 Irina E. Pantyukhina — Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, the Far-Eastern Branch of the RAS, 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation; e-mail: pantukhina2000@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6206-5799.

4 Yuri E. Vostretsov — Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, the Far-Eastern Branch of the RAS, 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation; e-mail: vost54@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3717-4528.

Погребение эпохи энеолита с поселения Шайтанское 4–6 в горно-лесном Зауралье: информационные ресурсы источника[1]

И. А. Спиридонов[2]

Аннотация. *В работе приводится краткая информация о результатах изучения одиночного погребения эпохи энеолита на территории многослойного поселения Шайтанское 4–6 в горно-лесном Зауралье. Специфический состав инвентаря, а также изотопный анализ антропологических останков позиционируют его как погребение взрослого индивидуума, связанного с миром степных культур IV–III тыс. до н. э.*

Ключевые слова: *Урал, энеолит, погребальный комплекс, связи, изотопы.*

https://doi.org/10.31600/978–5-6047952–2-4.78-80

Погребальные комплексы являются одним из наиболее ярких феноменов, позволяющих сформировать представление об образе жизни и мировосприятии древнего населения. На сегодняшний день в горно-лесном Зауралье известно не так много достоверных захоронений, поэтому каждый новый комплекс представляет особенный интерес.

Неординарное погребение обнаружено при раскопках многослойного поселения Шайтанское 4–6, расположенного на северо-восточном берегу одноименного озера (Кировградский р-н, Свердловская обл.). Первые рекогносцировочные работы здесь проводились в 1989 г. С. Н. Погореловым (ААМ УрФУ. Ф. II. Д. 466. Л. 9), полномасштабные раскопки были предприняты в 2020–2021 гг. под руководством И. А. Спиридонова и О. Н. Корочковой. Памятник занимает территорию слабовыступающего мыса в СВ части побережья, отделенного от зеркала воды обширной заболоченной и заторфованной линией, частично поросшей деревьями и кустарниками. Поверхность площадки неровная, постепенно повышается в глубь берега. С востока и юга она ограничена холмами высотой 7–8 м, увенчанными скальными группами. Северную границу очерчивает береговой уступ, достигающий 1,0–1,5 м, местами состоящий из гранитных валунов, образующих практически отвесную стенку.

Полученная в ходе раскопок коллекция превышает 21 тыс. находок, основу которой (более 12 тыс. ед.) составляет каменный материал, в том числе наконечники стрел, скребки, массивные шлифованные орудия и их обломки и т. д. В собрании присутствуют артефакты, ярко иллюстрирующие все стадии обработки камня: заготовки, крупные куски кремня с единичными снятиями, первичные сколы, отщепы, чешуйки, готовые орудия и, вероятно, незавершенные. Основной керамический комплекс представлен фрагментами посуды эпохи энеолита (аятский, липчинский, шувакишский типы) и бронзового века (черкаскульская культура). Выявленные объекты ограничены единичными прокалами, линзами спекшейся глины и погребением.

Могила была устроена в яме овальной формы, ориентированной по линии СЗ–ЮВ (параллельно береговой линии), размерами на уровне материковой поверхности 1,6 × 0,56 × 0,07–0,08 м. Антропологические останки представлены фрагментами зубов, залегавшими в анатомическом порядке в ЮВ части ямы. Исходя из степени изношенности отдельных элементов жевательной поверхности зубов, сделано предположение об их принадлежности взрослому индивиду 18–35 лет. Одонтологические расово-диагностические критерии указывают на наличие компонентов западного и восточного расового стволов. Зубная система в удовлетворительном состоянии: кариозные поражения и линии эмалевой гипоплазии не наблюдаются, что свидетельствует об отсутствии длительных физиологических стрессов (голодание, болезнь) в детском возрасте.

Сопроводительный инвентарь включал 60 изделий из камня: три массивных ножа, 19 наконечников стрел, наконечник дротика, 18 вкладышей, тесло, комбинированное орудие, 15 бусин, две плитки со следами использования. В заполнении также обнаружено несколько мелких отщепов и чешуек, попавших в могилу, вероятно, случайно из разрушенного культурного слоя. Массивные ножи, шлифованный топор-тесло и наконечник дротика располагались в центре могилы, чуть ближе к южной стенке. В основании одного из ножей залегали кремневые вкладыши от составного орудия и 14 бусин. Еще одна бусина обнаружена в районе предполагаемого месторасположения головы погребенного. Наконечники стрел были рас-

1 Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00066.

2 Иван Андреевич Спиридонов — Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ул. Ленина, д. 51, Екатеринбург, 620083, Российская Федерация; e-mail: Z-is5@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9121-0585.

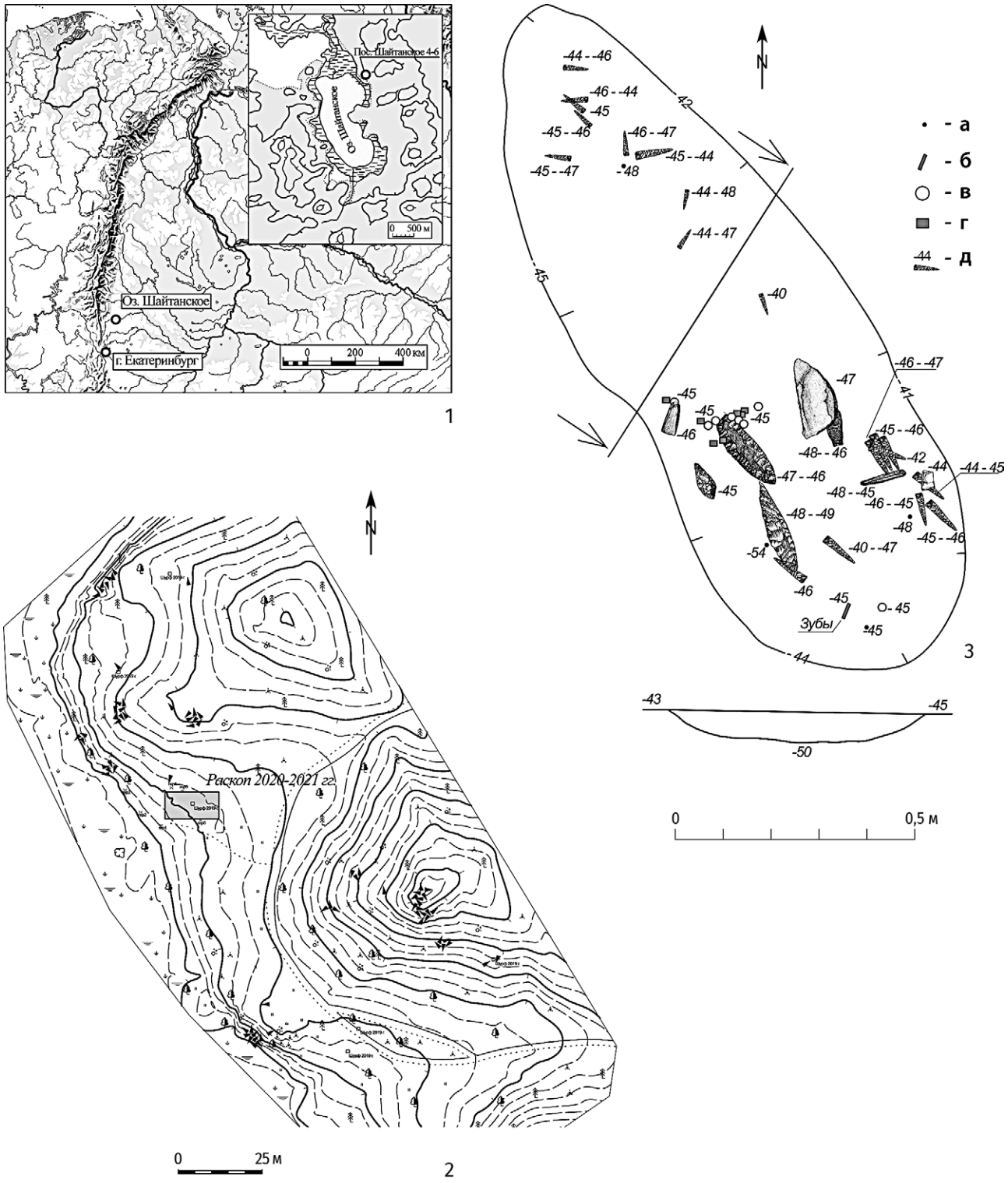

Рис. 1. Поселение Шайтанское 4–6: *1* — местонахождение; *2* — план памятника, инструментальная съемка, сплошные горизонтали проведены через 1,5 м; *3* — одиночное погребение, план и разрез. *Условные обозначения: а* — отметка дна могильной ямы; *б* — антропологические останки; *в* — бусина; *г* — вкладыш; *д* — артефакт, глубина залегания

Fig. 1. Settlement Shaitanskoe 4–6: *1* — the site's location; *2* — the site's plan, the odolitic survey, the solid horizontal lines are drawn with the gap 1.5 m; *3* — the single burial, plan and section. *Key*: *а* — a mark of the burial pit's bottom; *б* — anthropological remains; *в* — a bead; *г* — an inset; *д* — an artifact, the depth of occurrence

средоточены по всей яме: в центре, в СЗ части и у ЮВ стенки, здесь же находилось полифункциональное орудие на крупной пластине.

Многие из перечисленных изделий обнаруживают прямые аналогии в инвентаре энеолитических комплексов горно-лесного Зауралья, что позволяет рассматривать их в качестве культурно-хронологических маркеров. Три массивных ножа (длиной 16,7–20,5 см) аналогий в местных комплексах не имеют. Использованное при их изготовлении сырье позволяет предполагать, что они были привозными. В качестве ближайших аналогий выступают крупные бифасиальные орудия, интерпретируемые в качестве наконечников копий ботайской культуры Северного Казахстана (*Зайберт*, 2011. С. 230, рис. 2), поздненеолитических и энеолитических комплексов Барнаульско-Бийского Приобья (Усть-Иша, Шипуновское местонахождение — *Кирюшин*, 2002. С. 137, 138, рис. 31, 32), хвалынской культуры степного Приуралья (*Моргунова*, 2011. С. 96, рис. 64).

Керамика среди сопроводительного инвентаря и в заполнении ямы не обнаружена, что является одной из особенностей погребальных комплексов эпохи энеолита в горно-лесном Зауралье (*Шорин*, 1999. С. 45; *Чаиркина*, 2011. С. 95, 119).

Таким образом, исходя из представленных особенностей, предположение об энеолитическом возрасте комплекса выглядит достаточно убедительно, хотя и небесспорно. Больше вопросов вызывает его культурная атрибуция. Среди обломков посуды в культурном слое большинство фрагментов принадлежит сосудам аятского облика. Однако отнесение на этом основании рассматриваемого погребения к аятской культуре было бы преждевременным. Кроме того, данные проведенного изотопного анализа говорят о возможном происхождении погребенного индивидуума из местности с геохимическим фоном и/или особенностями геологического строения подстилающих пород, отличными от района Шайтанского озера.

Надеемся, что в ходе продолжающихся работ удастся получить больше информации о возможной культурно-хронологической атрибуции объекта, а также иных аспектах ритуальной практики местного населения.

ААМ УрФУ. Ф. II. Д. 466 — Погорелов С. Н. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Свердловска, в Верхне-Пышминском, Кировградском и Невьянском районах Свердловской области. 1989 г.

Зайберт, 2011 — *Зайберт В. Ф.* Ботай. У истоков степной цивилизации. Алматы: Балауса, 2011. 480 с.

Кирюшин, 2002 — *Кирюшин Ю. Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтUE, 2002. 294 с.

Моргунова, 2011 — *Моргунова Н. Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.

Чаиркина, 2011 — *Чаиркина Н. М.* Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.

Шорин, 1999 — *Шорин А. Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 181 с.

The Chalcolithic time burial from the site Shaitanskoe 4–6 in the mountain-forest Trans-Urals: its information resources

Ivan A. Spiridonov[3]

The work provides a brief information on the results of studying the solitary Chalcolithic burial in the territory of multilayer settlement Shaitanskoe 4–6 in the mountain-forest Trans-Urals. The specific composition of the inventory, isotope analysis of anthropological remains, position it as the burial of an adult connected with the world of steppe cultures of the 4th–3rd mill. BC.

Keywords: *Urals, Chalcolithic, burial complex, contacts, isotopes.*

3 Ivan A. Spiridonov — Ural Federal University named after the 1st President of Russia B. N. Yeltsin, 51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; e-mail: Z-is5@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9121-0585.

Исследования погребальных памятников сплошными площадями[1]

В. И. Молодин[2], Л. Н. Мыльникова[3]

Аннотация. *Представлено краткое описание методики раскопок сплошными площадями сложных разновременных погребальных памятников без рельефных признаков на поверхности. Показаны результаты работ на комплексах Сопка-2, Тартас-1, Усть-Тартас-1, 2. Отмечено, что методика раскопок курганных и грунтовых могильников Сибири разработана М. П. Грязновым. Для Западной Сибири необходимость проведения раскопок сплошными площадями обоснована в 1992 г. В. И. Молодиным. Подчеркнуто, что, несмотря на трудоемкость и затратность подобных работ, иные методики не способны дать столь эффективных результатов.*

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, погребальные памятники, методика исследования.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.81-83

Несмотря на то, что методы ведения археологических раскопок постоянно совершенствуются и прошли в этом направлении значительный путь, исследователи отмечают, что методология анализа погребальных памятников и изучения погребального обряда все еще находится в стадии становления и «актуальным вопросом является выбор необходимых теоретических подходов и методов исследования древних захоронений» (*Лагуткина*, 2009; 2010).

Раскопки сплошными площадями во второй половине XX в. практиковались археологами в зависимости от состояния памятников (*Михайлова*, 2000. С. 40). Однако это были единичные случаи подобного отношения к погребальным объектам.

В разработке методики раскопок курганных и грунтовых могильников Сибири главная роль, несомненно, принадлежит М. П. Грязнову (*Грязнов*, 1961а; 1961б). Следует особо отметить, что Михаил Петрович был великолепным полевым исследователем, творчески относящимся к совершенствованию методических вопросов науки.

В 1992 г. для территории Западной Сибири была обоснована методика исследования погребальных комплексов широкими сплошными площадями (*Молодин*, 1992). За 50 лет работы Западносибирский отряд ИАЭТ СО РАН провел раскопки значительного количества объектов. Прежде всего, это крупный погребально-поминальный комплекс Сопка-2 (*Молодин*, 2001; 2012; *Молодин*, *Гришин*, 2016; 2019; *Молодин*, *Соловьев*, 2004; *Молодин и др.*, 2021). На памятнике прослеживались рельефные признаки в виде земляных сооружений, условно именуемых курганами, однако уже первые стационарные раскопки показали присутствие здесь и грунтовых могил, не имеющих надмогильных построек. Стало очевидно, что во вскрытии поверхности нуждалась вся площадь вне зависимости от рельефных показателей. За 14 полевых сезонов на памятнике была полностью вскрыта площадь около 25 000 кв. м, исследовано около 700 погребальных комплексов разных эпох и культур, а также свыше 100 земляных сооружений погребального и ритуального толка. Впоследствии такая методика была не менее эффективно использована при раскопках меньших по площади комплексов (*Молодин и др.*, 2002), что подтверждается ее использованием и другими исследователями (*Миняев*, 2007; *Поляков*, 2014; *Шульга*, *Демин*, 2021).

Масштабным объектом исследования с 2003 г. стал памятник Тартас-1. Рельефные признаки комплексов на памятнике были полностью утрачены, а геофизический мониторинг показал огромную концентрацию различных аномалий. Исследования памятника Тартас-1 осуществляются сплошной площадью от южной периферии некрополя в северном направлении, в рамках единой системы координат, привязанной к единому реперу.

Раскопки ведутся посредством системы траншей-секторов шириной 5 м и длиной 15 м, разделенных системой бровок, с общей нивелировкой поверхности. Раскоп разбит на квадраты 2 × 2 м. Их нумерация осуществляется в буквенно-цифровой системе. Разметка внутри квадрата индивидуальна. Выборка

1 Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)».

2 Вячеслав Иванович Молодин — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-3151-8457.

3 Людмила Николаевна Мыльникова — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: l.mylnikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0196-5165.

верхних разрушенных культурных слоев памятника до уровня материка производится условными горизонтами по 0,2 м с последующей зачисткой и фиксацией находок на уровне каждого горизонта.

Весь грунт выносится за пределы памятника или на исследованную ранее территорию. Все индивидуальные находки и скопления находок (объекты) отмечаются в трехмерной системе координат. Стратиграфическая ситуация фиксируется по западным и северным стенкам траншей. После выборки верхних слоев и зачистки поверхности по уровню материка выявляются пятна древних и современных перекопов и нарушений. Исследование пятен производится с обязательным оставлением стратиграфического разреза. Заполнение погребений, ям и других объектов разбирается по горизонтам (и слоям). Погребения, ямы, погребально-поминальные комплексы и конструкции имеют сквозную нумерацию, единую для всего памятника.

По данной методике на памятнике Тартас-1 вскрыта площадь более 36 000 кв. м, полностью изучено 802 захоронения и сопутствующие некоторым из них земляные сооружения в виде ровиков. Среди объектов, выявленных в 2003–2021 гг., зафиксирован, например, поселенческий комплекс эпохи раннего неолита с хозяйственными конструкциями и ямами для хранения рыбы и мяса.

На памятнике Усть-Тартас-1, 2, работы на котором начались в 2015 г., методика с использованием геофизического мониторинга, исследования сплошным раскопом, широкими площадями, с выносом грунта за пределы рабочей площадки позволяет получать информацию не только об отдельном сооружении, но и о стратиграфии, планиграфии, хронологии объекта в целом или его значительного участка. За 5 лет вскрыта площадь 2250 кв. м, исследовано святилище барабинской культуры эпохи раннего неолита с системой ям, ровиком и прикладами (в том числе с предметами искусства); ямы этого же времени, предназначенные для заготовки и квашения рыбы. Изучено 79 погребений разных эпох.

В заключение следует подчеркнуть, что многолетний опыт работы на основе методики вскрытия памятников сплошными площадями демонстрирует целый ряд привлекательных сторон, которые — и это самое важное — улучшают качество изучения объекта. Началу работ должна предшествовать геофизическая съемка, с каждым годом демонстрирующая все более эффективные результаты (*Балков и др.*, 2022). Наши исследования наглядно показывают, что в результате выявляются не только погребальные комплексы, но и сопутствующие им ритуальные или хозяйственные сооружения, часто разных эпох, а также отдельные находки (весьма значимые), которые при ином методическом подходе остались бы неоткрытыми. В результате объем научной информации неизмеримо возрастает, а ее качество и объективность значительно улучшаются.

Балков и др., 2022 — *Балков Е. В., Карин Ю. Г., Позднякова О. А. и др.* Результаты комплексных исследований курганного могильника Аул-Кошкуль-1 в Барабинской лесостепи // АЭАЕ. 2022. Т. 50. № 1. С. 138–146.

Грязнов, 1961а — *Грязнов М. П.* Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М.: б. и., 1961. С. 22–25.

Грязнов, 1961б — Памятка по раскопкам грунтовых могильников / Сост. М. П. Грязнов. Л.: б. и., 1961. 13 с.

Лагуткина, 2009 — *Лагуткина Е. В.* Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2009. Вып. 4. С. 105–120.

Лагуткина, 2010 — *Лагуткина Е. В.* Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 19–32.

Миняев, 2007 — *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. 2-е изд., доп. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2007. 233 с. (Археологические памятники сюнну; Вып. 3).

Михайлова, 2000 — *Михайлова Е. Р.* История изучения псковско-новгородских длинных курганов // StratumPlus. 2000. № 5. С. 32–49.

Молодин, 1992 — *Молодин В. И.* Методика исследования курганных могильников сплошными площадями // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тезисы докладов науч. конф. Липецк: б. и., 1992. С. 16–17.

Молодин, 2001 — *Молодин В. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 127 с.

Молодин, 2012 — *Молодин В. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.

Молодин, *Гришин*, 2016 — *Молодин В. И.*, *Гришин А. Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 450 с.

Молодин, *Гришин*, 2019 — *Молодин В. И.*, *Гришин А. Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (федоровской), ирменской и пахомовской культур. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 223 с.

Молодин и др., 2002 — *Молодин В. И.*, *Новиков А. В.*, *Жемерикин Р. В.* Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // АЭАЕ. 2002. № 3. С. 48–62.

Молодин и др., 2021 — *Молодин В. И.*, *Ефремова Н. С.*, *Соловьев А. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 6. Ритуальные комплексы эпохи Средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. 143 с., вкл.

Молодин, *Соловьев*, 2004 — *Молодин В. И.*, *Соловьев А. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи Средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 182 с.

Поляков, 2014 — *Поляков А. В.* О необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) / Редкол.: В. А. Алёкшин и др. СПб.: ИИМК РАН; Арт-Экспресс, 2014. С. 332–356 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLII).

Шульга, *Демин*, 2021 — *Шульга П. И.*, *Демин М. А.* Курганы Сентелека. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. 188 с.

Burial sites' research by large-scale excavations

Vyacheslav I. Molodin[4], Lyudmila N. Mylnikova[5]

The authors present a short summary of the large-scale excavations' technique of multi-time burial sites' complexes without relief features on the surface. The results of the excavations of the sites Sopka-2, Tartas-1, Ust-Tartas-1, 2 are shown. It is noted that the method of burial mounds' and soil burial grounds' excavation in Siberia was developed by Mikhail P. Gryaznov, while for the Western Siberia the necessity of the large-scale excavations was substantiated in 1992 by Vyacheslav I. Molodin. It is emphasized that, despite the complexity and cost of such work, other methods are not able to bring comparable results.

Keywords: *Baraba (Barabinskaya) forest-steppe, burial sites complex, research methods.*

4 Vyacheslav I. Molodin — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-3151-8457.

5 Lyudmila N. Mylnikova — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: l.mylnikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0196-5165.

Проблема относительной хронологии памятников афанасьевской культуры (по результатам изучения керамических комплексов)[1]

Н. Ф. Степанова[2]

Аннотация. *Для определения относительной хронологии афанасьевской культуры особое значение имеют результаты изучения керамики методами историко-культурного подхода. Афанасьевская керамика из Горного Алтая и долины Енисея была исследована с целью выявления сосудов, изготовленных одним мастером или одной группой мастеров. В результате выявлено сходство сосудов по форме, орнаменту, возможное при контактах гончаров друг с другом. На основании этого можно предположить, что многие памятники функционировали в пределах жизни 1–2 поколений.*

Ключевые слова: *Горный Алтай, Енисей, энеолит, афанасьевская культура, керамика, орнамент, хронология.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.83-86

Афанасьевская культура занимает особое место в древней истории Центральной Азии. Вопросы ее датировки остаются одними из наиболее актуальных. В последние годы получены результаты радиоуглерод-

1 Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

2 Надежда Федоровна Степанова — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: nstepanova10@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4017-5641.

ного анализа, определенные успехи достигнуты палеогенетиками (*Поляков и др.*, 2019). Проблема относительной хронологии первоначально решалась через выделение этапов в развитии культуры (*Хлобыстина*, 1975; *Цыб*, 1984), что позже было подвергнуто критике, т. к. не удалось выявить надежные критерии периодизации (*Степанова*, 2012).

Более перспективен подход к проблеме относительной хронологии афанасьевской культуры путем изучения керамики по методике А. А. Бобринского в рамках историко-культурного подхода — основываясь на особенностях функционирования и распространения систем гончарной технологии (*Бобринский*, 1978; 1999). Е. В. Волкова (1998; 2021) разработала методику выявления сосудов, изготовленных одной группой гончаров, — это понимание культурных традиций в доремесленном гончарстве как закрепленных навыков и представлений, передаваемых из поколения в поколение по родственным каналам (*Волкова*, 1998. С. 135–136). В тех случаях, когда удается выделить посуду, изготовленную одним мастером или с помощью одних инструментов, можно говорить о синхронизации памятников.

Для афанасьевской керамики удалось определить признаки, которые свидетельствуют о близком по времени изготовлении целого ряда сосудов (рис. 1).

Горный Алтай (рис. 1, *1–13*). Отмечено особое сходство размеров и формы яйцевидных сосудов с острым дном, составляющих основную часть коллекции (55%). Такие сосуды найдены на могильниках Нижний Тюмечин-1, Кара-Коба-1, Первый Межелик-1, Усть-Куюмский и др. Среди необычных типов горшков также выявлены изделия, идентичные по форме и другим признакам: сосуды с тонкими стенками из Усть-Куюма, Кара-Кобы-1, шаровидно-остродонные из Бойтыгема-2, Чемала-3, Первого Межелика-1, шаровидно круглодонные из Теньги-4 и Сальдяра-1 и др. (*Степанова*, 2012. Рис. 1). Известны группы сосудов «гибридных» форм: со стандартно оформленной большей частью изделия, обработкой поверхности, орнаментом, но с необычным плоским дном, при этом диаметр днища больше диаметра тулова в месте их соединения; с необычными формами, низкими венчиками, оформлением дна (переходным от острого к плоскому) из могильников Кара-Коба-1 и Сальдяр-1; сосуды «биконической» формы из Бойтыгема-II и Бике-II. В большинстве случаев керамика обнаружена на памятниках как удаленных друг от друга, так и расположенных поблизости.

Енисей (рис. 1, *14–18*). В разных могильниках или в разных погребениях одного памятника найдены однотипные сосуды: остродонные — в могильниках Карасук III, Саргов и др.; плоскодонные двух типов — на Карасуке III, Летнике VI, Малиновом Логе и др.; гибридных форм — в могильниках Итколь II, Сагай, Черновая VI, Малые Копены II (*Вадецкая и др.*, 2014. Рис. 121, *10*; 145, *2*, *5*; 158, *3*; 167, *4*); сосуды баночной формы с ушками — на Карасуке III, Летнике VI. Необычные для афанасьевской культуры сосуды баночной формы с ушками имеют сходство по многим показателям и обнаружены на разных памятниках, свидетельствуя таким образом об одновременном появлении новых одинаковых навыков гончарства, связанных с контактами населения.

На Енисее показательны аналогии в орнаментации: способы нанесения, оформление рабочего края орнаментиров, композиционное построение узора. Это сосуды с «рельефным» профилем (Малиновый Лог; Красный Яр); с налепами типа жемчужин (Восточное, Карасук III); композициями в виде диагональных рядов, выполненных аналогичными способами, в виде геометрического орнамента — Саргов, Черновая VI, Карасук III, Афанасьева Гора, Малиновый Лог, Тесь и др. (*Степанова*, 2012; *Вадецкая и др.*, 2014).

Изучение отпечатков орнаментиров не выявило изделий, украшенных одним инструментом. Судя по оттискам штампов, это были очень похожие предметы с тонким рабочим краем и мелкими зубцами одинаковой формы. Керамика с орнаментом, нанесенным такими предметами аналогичными способами, присутствует почти на всех памятниках. Некоторые инструменты имеют необычно нарезанные зубцы, но находят полные аналогии на других памятниках — Сальдяр-1, курган 37 и Бойтыгем-2, курган 9. Кроме того, часть сосудов из Горного Алтая и долины Енисея (Афанасьева Гора, Итколь III, Карасук III, Малиновый Лог, Сыда, Тесь, Узнезя-1 и др.) украшены качалкой, выполненной с необычным разворотом инструмента, который пока не удается воспроизвести экспериментально (рис. 1, *19*, *20*).

Анализ материалов показал, что керамические комплексы некоторых памятников объединяет целый ряд черт, связанных с формой и орнаментом, которые свидетельствуют об изготовлении глиняной посуды в короткий промежуток времени. Суммируя данные, отметим, что в Горном Алтае в группу памятников, функционировавших в один хронологический промежуток, входят могильники Кара-Коба-1, Нижний Тюмечин-1, Кор-Кобы-1, Сальдяр-1, Усть-Куюмский, Первый Межелик-1, Бойтыгем-2, Чепош-3, Урускин Лог-1, а также поселения Малый Дуган, Узнезя-1, Кара-Тенеш, пещеры Денисова и Нижнетыткескенская I. К этой же группе относятся и другие памятники, хотя связей здесь прослеживается меньше, — Ело-1 (западная группа). Фактически же почти все наиболее исследованные памятники составляют одну группу.

На Енисее особое сходство прослеживается между керамикой могильников Малиновый Лог и Крас-

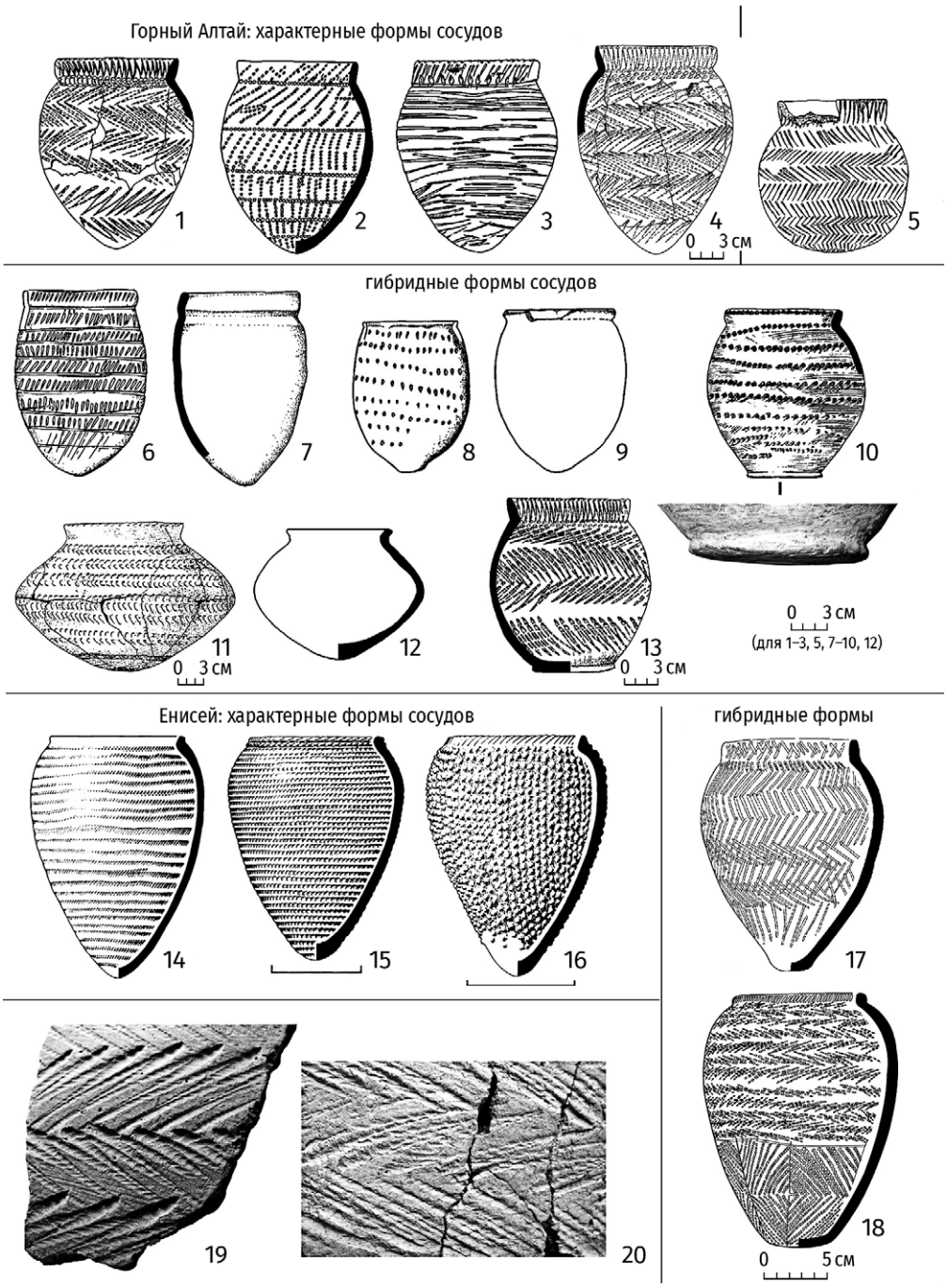

Рис. 1. Афанасьевская керамика характерных и гибридных форм из Горного Алтая (*1–13*) и долины Енисея (*14–18*), орнаментированная аналогичными способами и инструментами: *19* — поселение Узнезя-I, Горный Алтай; *20* — могильник Карасук III, Енисей (*1–16, 19, 20* — по: *Степанова*, 2012; *17, 18* — по: *Вадецкая и др.*, 2014)

Fig. 1. The Afanasievo pottery of characteristic and hybrid forms from the Altai Mountains (*1–13*) and the Yenisei basin (*14–18*), ornamented with similar methods and tools: *19* — the settlement Uznez-I, the Altai Mountains; *20* — burial ground of Karasuk III, the Yenisei (*1–16, 19, 20* — after *Степанова*, 2012; *17, 18* — after *Вадецкая и др.*, 2014)

ный Яр, а также могильников Карасук III, Летник VI, Афанасьева Гора, Тесь, Сыда, Саргов, Восточное, Пистах и др.

Наблюдения, сделанные вследствие изучения керамики, подкрепляются и другими данными, например антропологическими (*Солодовников*, 2005. С. 122–124). Родственные связи погребенных выявлены в ходе изучения генотипа людей, захороненных, например, в могильнике Карасук III. В ограде 1 в двух могилах похоронены отец и два его сына, мать детей, а сестра отца — в этой же ограде в отдельной могиле (*Поляков и др.*, 2019). Возраст погребенных и их родственные связи свидетельствуют о том, что люди умерли в относительно короткий промежуток времени.

Отмеченное сходство керамики связано с общими традициями в орнаментации и технологии изготовления, передающимися контактным путем. Вероятнее всего, изделия каждой группы изготовлены с небольшим временным интервалом и, возможно, не одним мастером, но одной и той же группой гончаров, имевших возможность наблюдать за работой друг друга. Данное наблюдение особенно важно при анализе радиоуглеродных дат. Необходимо учитывать, что интервал около 300 лет для датировки афанасьевской культуры Горного Алтая условный, т. к. он принят для погребений, которые в большинстве случаев близки по времени сооружения. Не отрицая в целом возможную датировку в пределах 300 лет, необходимо учитывать, что фактически большинство погребений, по которым получены даты, сооружены в хронологических пределах до 50 лет. В настоящее время сложно сказать, как долго продолжались захоронения на одном памятнике. Вполне вероятно, что сооружение могильников шло из нескольких точек и сходство керамических комплексов связано со случайностью выборки. Для ответа на многие вопросы необходимо полное исследование хотя бы нескольких могильников, однако даже наиболее исследованный могильник Сальдяр-1 изучен пока не полностью, а дат получено еще меньше. Поэтому в настоящее время можно считать, что датировка афанасьевской культуры определена в общих пределах, однако окончательное решение вопроса — задача дальнейших комплексных исследований.

Бобринский, 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский, 1999 — *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Науч. ред. А. А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Вадецкая и др., 2014 — *Вадецкая Э. Б.*, *Поляков А. В.*, *Степанова Н. Ф.* Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.

Волкова, 1998 — *Волкова Е. В.* Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Доклады 3-го и 4-го заседаний научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Книжно-журнальное изд-во, 1998. С. 135–146.

Волкова, 2021 — *Волкова Е. В.* Посуда «одного мастера» в керамическом комплексе Балановского могильника // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 388–406.

Поляков и др., 2019 — *Поляков А. В.*, *Святко С. В.*, *Степанова Н. Ф.* Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 181–187.

Солодовников, 2005 — *Солодовников К. Н.* Антропологические материалы из могильника Сальдяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О. В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 120–154.

Степанова, 2012 — *Степанова Н. Ф.* Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник 2 / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. С. 183–195.

Хлобыстина, 1975 — *Хлобыстина М. Д.* Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. № 1. С. 17–33.

Цыб, 1984 — *Цыб С. В.* Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

The problem of the Afanasyevo culture sites' relative chronology (according to the results of the study of ceramic complexes)

Nadezhda F. Stepanova[3]

Dating remains an urgent problem in the study of the Afanasyevo culture. The study of ceramics in the framework of the historical-cultural approach is of particular importance for solving the problems of the Afanasievo relative chronology. Studies of the Afanasievo ceramics from Gornyi Altai and the Yenisei basin were carried out with a view to identify vessels made by the same foreman or by the same group of them. A certain similarity of vessels' shape and ornament was revealed; it was possible in the case of the potters' mutual contacts. Basing on this, we can assume that many sites did exist during the life of 1–2 generations.

Keywords: *Gornyi Altai, Yenisei, Chalcolithic, Afanasievo culture, ceramics, ornament, chronology.*

3 Nadezhda F. Stepanova — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: nstepanova10@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4017-5641.

Изучение афанасьевских поселений Горного Алтая в контексте проблемы выделения хозяйственно-культурных типов

С. П. Грушин[1]

Аннотация. *Анализ стратифицированных и однослойных поселенческих комплексов Горного Алтая позволил сделать предположение о наличии в период бытования афанасьевской культуры производственной специализации поселков и как минимум двух хозяйственно-культурных комплексов: скотоводов Центрального Алтая (преобладание в стаде мелкого рогатого скота, незначительная роль охоты и рыболовства) и скотоводов-металлургов Северо-Западного Алтая.*

Ключевые слова: *Алтай, афанасьевская культура, поселения, культурно-хозяйственный тип.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.87-89

Афанасьевская культура Южной Сибири преимущественно изучена на основе материалов погребальных комплексов, что характерно как для территории Горного Алтая, так и для других регионов, где известны ее памятники. Поселенческие комплексы исследованы в меньшей степени, вместе с тем именно они являются основными источниками для реконструкции системы жизнеобеспечения и производства. Это приобретает особую актуальность в контексте значимости афанасьевских материалов для решения вопросов происхождения и развития скотоводства и металлургии в Южносибирском регионе.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что основой хозяйства населения афанасьевской культуры являлось скотоводство с ведущей ролью овцеводства при незначительной роли охоты (*Косинцев*, *Степанова*, 2010. С. 126; и др.). В литературе имеется точка зрения, что в основе афанасьевского скотоводства лежали «вертикальные» перекочевки (*Шульга*, 2012. С. 204; и др.). Изучение палеофаунистических данных с афанасьевских поселений позволило П. А. Косинцеву выявить две группы памятников: на одних доминируют остатки домашних животных (Малый Дуган, Кара-Тенеш, Нижняя Соору, Балыктыюль), на других — домашних копытных нет или их присутствие под вопросом (Узнезя-I и Тоора-Даш).

Остается открытой проблема наличия домашней лошади у населения афанасьевской культуры. На поселениях обнаружено лишь незначительное количество костей лошади, а многослойный характер памятников ставит под сомнение исходную остеологическую выборку как афанасьевскую. По мнению А. В. Гальченко, часть останков, обнаруженных в афанасьевском слое, могла принадлежать «прирученным лошадям или лошадям, находящимся на начальной стадии одомашнивания» (*Гальченко*, 1994). Отметим, что в афанасьевских материалах стратифицированного поселения Нижняя Соору, полученных в ходе раскопок памятника в 2021 г. (*Грушин и др.*, 2022), кости лошади отсутствовали. Наличие незначительного количества костей данного животного из более ранних раскопок памятника (*Косинцев*, 2005) может объясняться попаданием их из верхних культурных отложений раннего железного века.

Анализ стратифицированных и однослойных поселенческих комплексов позволяет сделать предположение о наличии в период бытования афанасьевской культуры производственной специализации поселков и как минимум двух хозяйственно-культурных комплексов (далее — ХКТ), которые имеют определенную природно-географическую привязку. Первый ХКТ — скотоводы Центрального Алтая со специализацией на овцеводстве при незначительной доле разведения КРС, охоты и рыболовства (Нижняя Соору; Балыктыюль; Кара-Тенеш, слой 3, и др.). Основными видами производственной деятельности были камнеобработка, керамическое производство, в меньшей степени — косторезное дело. На поселениях Центрального Алтая следов металлургии (руда, шлаки, орудия и др.) не зафиксировано, кроме готовых металлических изделий на отдельных памятниках, культурная принадлежность которых неочевидна в силу их многослойности. Наличие изделий из металла в погребальных комплексах и отсутствие их в поселенческих свидетельствует, что они поступали из других регионов.

Второй ХКТ — скотоводы-металлурги Северо-Западного Алтая — региона, богатого полиметаллическими рудами. Очевидно, что часть поселений специализировались на добыче и производстве металла и изделий из него. Ярким примером такого поселения может считаться Подсинюшка (*Грушин*, 2009; *Грушин*, *Шайхутдинов*, 2010; и др.). Особенность материалов

1 Сергей Петрович Грушин — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: gsp142@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5404-6632.

данного памятника — наличие ярко выраженного металлургического комплекса, который включал руду, шлаки, льячки, каменные орудия для металлургического производства. Значимость данного памятника заключается в том, что на данный момент он является единственным афанасьевским поселением с ярко выраженным металлургическим комплексом, а его однослойный характер определяет высокую степень репрезентативности материалов и надежности историко-культурных построений. Особенностью культурного слоя поселения Подсинюшка является полное отсутствие остеологического материала, что не позволяет судить о степени и характере обеспечения поселка продуктами питания. Возможно, отсутствие костей животных связано с особенностью микросреды залегания культурных отложений, которые не способствуют сохранению кости.

Наличие специализации поселков свидетельствует об определенном уровне общественного разделения труда среди племен афанасьевской культуры и предполагает наличие довольно развитых обменных операций между поселками. Очевидно, что основными продуктами обмена выступали скот и металл. Кланы горняков-металлургов поставляли как готовый металл, так и, вероятно, различные минеральные вещества, например красители (охра и пр.). У афанасьевцев существовала довольно развитая камнеобработка, но единичные находки металлических изделий на поселениях могут свидетельствовать о том, что металл использовался преимущественно для ритуальных нужд — в погребально-ритуальной практике.

В обмен на продукцию горно-металлургического производства поставлялись МРС для обеспечения продовольствия и КРС для транспортных и производственных потребностей (транспортировка руды с разрабатываемых месторождений на базовые поселки металлургов; изготовление из рогов клиньев, которые использовались в процессе добычи руды, — такие изделия были обнаружены на Владимировской выработке (*Кирюшин и др.*, 2002)). Небольшой процент костей КРС на афанасьевских поселениях может объясняться тем, что данный вид животных использовался преимущественно в качестве транспортного средства, а также был задействован в обменных операциях.

Энеолит в Южной Сибири характеризуется интенсивными социально-экономическими и этнокультурными процессами, которые были обусловлены развитием металлургии, распространением скотоводства на фоне активного проникновения новых групп населения. Механизмы культурной адаптации афанасьевских племен к определенным природно-ландшафтным условиям Горного Алтая приводили к формированию своеобразных ХКТ. Подобная вариативность ранее была выявлена в материалах археологических памятников раннего бронзового века лесостепного Алтая (*Грушин*, 2012).

Дальнейшее исследование поселенческих комплексов афанасьевской культуры позволит более детально изучить вопросы развития производящего хозяйства и металлургии, а также формирования и развития ХКТ Южной Сибири в энеолите.

Гальченко, 1994 — *Гальченко А. В.* К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая / Отв. ред. А. С. Суразаков. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 14–19.

Грушин, 2009 — *Грушин С. П.* Исследование афанасьевского поселения Подсинюшка в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. Вып. XVII. С. 193–198.

Грушин, 2012 — *Грушин С. П.* Хозяйственно-культурная вариативность лесостепного Алтая в раннем бронзовом веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 171–179.

Грушин, *Шайхутдинов*, 2010 — *Грушин С. П.*, *Шайхутдинов В. М.* Металлургический комплекс афанасьевского поселения Подсинюшка // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 142–145.

Грушин и др., 2022 — *Грушин С. П.*, *Гермес Т. Р.*, *Тишкин А. А.* Стратиграфия поселения Нижняя Сору (Центральный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. Вып. XXVIII. С. 198–205.

Кирюшин и др., 2002 — *Кирюшин Ю. Ф.*, *Кунгуров А. Л.*, *Тишкин А. А.* Коллекция древних орудий горнорудного дела с Алтая // Тр. музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТомГУ, 2002. Т. 1. С. 21–38.

Косинцев, 2005 — *Косинцев П. А.* Фауна поселения Нижняя Соору // Ларин О. В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 160–167.

Косинцев, *Степанова*, 2010 — *Косинцев П. А.*, *Степанова Н. Ф.* Фауна афанасьевского поселения Малый Дуган // Афанасьевский сборник / Отв. ред.: Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 129–132.

Шульга, 2012 — *Шульга П. И.* О хозяйстве афанасьевцев Горного Алтая // Афанасьевский сборник 2 / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. С. 204–210.

The study of the Altaic Afanasievo settlements in the context of the problem of economic and cultural types' allocation

Sergey P. Grushin[2]

The analysis of stratified and single-layer settlement complexes of the Altai Mountains allows us to make an assumption about the industrial specialization of settlements and at least two economic and cultural complexes of the Afanasievo period: the cattle breeders of the Central Altai (a leading role of the small cattle in the herd and a minor role of hunting and fishing), and cattle breeders-metallurgists of the Northwestern Altai.

Keywords: *Altai, Afanasievo culture, settlements, cultural and economic type.*

2 Sergey P. Grushin — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: gsp142@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5404-6632.

Комплексы погребений охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья (озеро Байкал)[1]

А. Г. Новиков[2], О. И. Горюнова[3]

Аннотация. *В бронзовом веке Приольхонья (западное побережье Байкала) по особенностям погребальной практики выделено две группы захоронений: глазковская и шумилихинская. Определены их характерные признаки и датировка в рамках раннего — развитого бронзового века (в пределах 4575–3411 кор. кал. л. н.). На основе серии AMS-дат в глазковской группе погребений выделены позднеглазковские комплексы (развитый бронзовый век). Установлено, что шумилихинская группа погребений относится к раннему бронзовому веку и, видимо, входила в глазковскую культурно-историческую общность.*

Ключевые слова: *Байкал, Приольхонье, бронзовый век, погребальная практика, радиоуглеродное датирование.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.89-91

Для бронзового века юга Байкальской Сибири в настоящее время наиболее исследованным является район Приольхонья (западное побережье Байкала от мыса Елохин до р. Большая Бугульдейка). Начиная с 1956 г. (раскопки первого погребения на Байкале) до настоящего времени разными вузовскими и академическими экспедициями вскрыто 207 погребений из 21 могильника, отнесенных к бронзовому веку (*Горюнова и др.*, 2012. С. 6–9). Накопленный материал позволил выявить несколько групп захоронений, объединенных стабильным набором характерных признаков.

Наиболее крупная из них — глазковская (181 погребение из 19 пунктов). Как правило, могильники представлены небольшим количеством погребений. Исключение составляют некрополи: Хужир-Нугэ XIV (78 погр.), Улярба (22 погр.), Курма XI (17 погр.) и Хадарта IV (15 погр.). На крупных некрополях отмечено расположение могил цепочками по линии ЮЗ–СВ, а также параллельными рядами и компактными группами из прилегающих друг к другу погребений.

Все захоронения располагались под каменными надмогильными сооружениями сплошной конструкции овальной или округлой формы. В случаях разрушения могил в древности надмогильные сооружения имели вид кольцевых или полукольцевых кладок. Размеры целых кладок — 2,0–2,1 × 1,2–1,3 м. Практически все захоронения имели каменные внутримогильные перекрытия.

Разнообразие в погребальной практике касается помещения покойного в могилу и дополнительных обрядовых действий. Характерны захоронения с ингумацией в вытянутом положении на спине. Встречаются варианты: на спине с согнутыми в коленях ногами (24), на боку с согнутыми ногами (3), на боку в скорченной позе (2) и вторичные погребения (11)

1 Работа выполнена по гос. заданию Минобрнауки России, проект № FZZE-2020-0021.

2 Алексей Геннадьевич Новиков — Иркутский государственный университет, ул. К. Маркса, д. 1, Иркутск, 664003, Российская Федерация; e-mail: as122@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8965-8957.

3 Ольга Ивановна Горюнова — Иркутский государственный университет, ул. К. Маркса, д. 1, Иркутск, 664003, Российская Федерация; e-mail: as122@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5159-0894.

с разной степенью разложения связок. Ориентация погребенных — западная (с отклонениями к ЮЗ или СЗ).

Преобладают индивидуальные захоронения. Обнаружены также двойные: одноплоскостные (11) и с ярусным размещением покойных (3). Среди коллективных погребений — три одноплоскостных и одно ярусное. В девяти могилах совместно с трупоположением в вытянутом виде на спине отмечены: на спине с согнутыми ногами (4); вторичные (4) и на боку с согнутыми ногами (1). В одной могиле — трупоположения с согнутыми ногами на спине и на боку. Подобные сочетания свидетельствуют о существовании нескольких традиций помещения покойных в едином хронологическом срезе, что, вероятно, говорит о многокомпонентном составе населения, оставившего могильники.

В погребальной практике ряда могил отмечены дополнительные обрядовые действия в виде использования огня (частичное сожжение в могильной яме), охры (полная засыпка или отдельные пятна), а также применение практики вторичного погребения и манипуляции с головой (черепом) покойного: изъятие (3), захоронение одного черепа (3) или обезглавленного торса. Во многих погребениях зафиксированы покрытие или чехол из бересты.

Набор и состав сопроводительного инвентаря — стандартный для бронзового века Прибайкалья в целом (*Окладников*, 1955). Среди изделий: орудия из бронзы и меди (рыболовные крючки, острия к составным крючкам, бляшки, трубочки-игольники, иглы, пластинчатые ножи, изогнутые литые пластины, кольца и обломок втульчатого орудия), шлифованные топоры, тесла и ножи из нефрита, листовидные ножи-бифасы, наконечники стрел (с прямой, округлой, выпуклой и вогнутой базой), вкладыши-бифасы, концевые скребки с ретушью по краям изделий, проколки и сверла с вытянутым острием и расширенным основанием. Разнообразны изделия из кости: игольники, иглы, ложки, лощила, острия, гарпуны с выступами-шипами в основании, игловидные наконечники стрел с расщепом и др. В числе украшений, наряду с подвесками из клыков животных и мелкими бусинками из каолинита, выделяются: диски, кольца, пластинчатые и луновидные подвески, полукольца из светлого нефрита; кольца из меди и бронзы, кольцевидная подвеска из чистого серебра (Курма XI, № 15). В Прибайкалье — это первый случай находки изделия из драгоценного металла в погребальном комплексе бронзового века.

Керамика встречается редко (15 сосудов из трех могильников). Ее поверхность штриховая и гладкостенная. Сосуды круглодонные, закрытой формы. Орнамент располагался в верхней части тулова. Он представлен жемчужинами, поясками оттисков зубчатого штампа, ногтевых вдавлений и защипов. В одном случае (Хужир-Нугэ XIV, № 28) сосуд украшен ромбовидно пересекающимися линиями, выполненными отступающей лопаточкой. Выделяется сосуд, орнаментированный в дополнение к жемчужинам антропоморфными изображениями в виде хоровода (Хадарта IV, № 4). Подобные сюжеты связывают с посудой культового назначения. Вся выявленная керамика находит аналогии в комплексах мультислойчатых стоянок бронзового века Приольхонья, калиброванные радиоуглеродные даты которых варьируют в пределах 4290–3640/3230 кал. л. н. (*Новиков*, *Горюнова*, 2021).

Выделяются восемь могил из некрополей Курма XI, Хадарта IV, Сарминский Мыс и Улан-Хада IV, в инвентаре которых обнаружены необычные предметы: бронзовая бляха с антропоморфным изображением; орнаментированная бедренная кость ребенка; антропоморфные личины на стерженьках составных крючков; костяные рыбки; головка лося; антропоморфная скульптурка; сосуд с антропоморфными изображениями; кольцевидная подвеска из серебра. Вероятно, эти погребения принадлежали людям с особым статусом.

Для глазковской группы погребений Приольхонья получена внушительная серия радиоуглеродных AMS-дат (133 определения из 11 могильников) в пределах 4575–3411 кор. кал. л. н., или вторая половина III — середина II тыс. до н. э. (*Weber et al.*, 2016).

Обособленное место среди погребений бронзового века Приольхонья занимает шумилихинская группа (26 могил из шести пунктов), выделенная на материалах Прибайкалья. Погребения располагались: самостоятельным некрополем (Шидэ I), одиночной могилой (Сохтор IX), планиграфически выделенной группой (Курма XI) или на общем могильном поле (Улярба, Улан-Хада IV, Хужир-Нугэ XIV). Топография их размещения, конструкция надмогильных и внутримогильных сооружений аналогичны глазковской группе захоронений. Они отличаются от последних формой и размерами могильной ямы (округлые в плане, размерами 0,9 × 0,5 м, и шахтообразные в разрезе, глубиной до 1,10 м). Трупопомещение погребенных единообразное — сидя, в скорченной позе. Зафиксировано два двойных захоронения (Улан-Хада IV, № 3, Шидэ I, № 9). В пяти могилах (Улярба, Курма XI, Шидэ I) отмечена засыпка охрой, в двух (Улярба № 20 и 30) — кострища (под кладками).

Сопроводительный материал малочислен; по набору и типологии он аналогичен глазковским комплексам погребений (игольник и мелкие бляшки из металла, диски из светлого нефрита, топоры и тесла из нефрита, листовидные ножи-бифасы, вкладыши-бифасы, концевые и дисковидные скребки, изде-

лия из кости — игольники, иглы, ложка и острия). Выделяются наконечник копья с вытянутым жалом и расширенной базой, дисковидные скребки и наконечники стрел (ромбовидные и с черешком).

Радиоуглеродные даты (4) сидячих погребений Приольхонья варьируют в пределах 4529–3929 кор. кал. л. н. или вторая половина III тыс. до н. э. (*Ibid.*).

В настоящее время по археологическим материалам погребений четкие границы между периодами бронзового века Приольхонья (и Прибайкалья в целом) не прослеживаются. Каменный и костяной инвентарь, зафиксированный в могилах, типологически однороден, что, вероятно, объясняется «синдромом культурной непрерывности». А керамика, являющаяся одним из важных показателей культурно-хронологической принадлежности, в погребальных комплексах встречается крайне редко. Определенные элементы сходства в погребальной практике и сопроводительном инвентаре отмечены в захоронениях круга культур раннего — развитого бронзового века Минусинской котловины и Западной Сибири (окуневская, кротовская, самусьская), что свидетельствует об их эпохальной близости.

Серия радиоуглеродных калиброванных AMS-дат для группы глазковских погребений Приольхонья варьирует в пределах второй половины III — первой половины II тыс. до н. э. На основе дат определены позднеглазковские комплексы на могильниках Хужир-Нугэ XIV, Улярба, Шаманский Мыс I, Хадарта IV и Сарминский Мыс. Выделенная шумилихинская группа погребений относится к раннему бронзовому веку и, видимо, существовала в рамках глазковской культурно-исторической общности.

Горюнова и др., 2012 — *Горюнова О. И., Вебер А. В., Новиков А. Г.* Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 271 с.

Новиков, Горюнова, 2021 — *Новиков А. Г., Горюнова О. И.* Керамика из погребений охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2021. С. 164–170.

Окладников, 1955 — *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III (Глазковское время). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 376 с. (МИА; № 43).

Weber et al., 2016 — *Weber A., Schulting R. J., Ramsey C. B. et al.* Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. Vol. 419. P. 74–98.

The Bronze Age burial complexes of the hunters-fishers in Olkhon region (Lake Baikal)

Alexey G. Novikov[4], Olga I. Goriunova[5]

In the Bronze Age of the Olkhon region (the western coast of Lake Baikal), two groups of burials were distinguished due to the peculiarities of the burial practice: the Glazkovo and Shumilikha groups. Their characteristic features and dating within the framework of the early-developed Bronze Age (within 4575–3411 corrected cal. BP) have been determined. On the basis of a series of AMS dates in the Glazkovo group of burials were identified the Late Glazkovo complexes (developed Bronze Age). It has been established that the Shumilikha group of burials belongs to the early Bronze Age and, apparently, was part of the Glazkovo cultural and historical community.

Keywords: *Baikal, Olkhon region, Bronze Age, burial practice, radiocarbon dating.*

4 Alexey G. Novikov — Irkutsk State University, 1 K. Marx St., Irkutsk, 664003, Russian Federation; e-mail: as122@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8965-8957.

5 Olga I. Goriunova — Irkutsk State University, 1 K. Marx St., Irkutsk, 664003, Russian Federation; e-mail: as122@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5159-0894.

Опыт предварительной типологии рубчатой керамики Северного Приангарья (по материалам стоянки Генералова)

М. Е. Абрашина[1]

Аннотация. *Представлены результаты предварительной типологии рубчатой керамики стоянки Генералова. Анализ основных технологических признаков и особенностей орнаментации позволил выделить пять групп сосудов. Прослежены их аналогии с группами, выделенными на других памятниках Северного и Нижнего Приангарья.*

Ключевые слова: *Северное Приангарье, бронзовый век, гончарство, типология, рубчатая керамика.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.92-95

Вопросы типологии керамики бронзового века Северного Приангарья, в частности наиболее известных «рубчатых сосудов с жемчужинами», остаются открытыми. Из огромного массива рубчатой керамики с археологических памятников Северного Приангарья наиболее полно опубликована только коллекция со стоянок Сергушкин 1 и 3 (*Леонтьев*, *Герман*, 2019). Из всех комплексов нижнеангарских памятников рубчатая керамика подробно представлена в работе, посвященной материалам бронзового века с поселения-могильника Скородумный Бык (*Пупаева*, *Фокин*, 2015). Остальные данные из этих и других сопредельных регионов Байкало-Енисейской Сибири опубликованы частично — в обзорных статьях и тезисах.

Стоянка Генералова расположена на севере Тайшетского р-на Иркутской обл. на правом берегу р. Чуны. К комплексу с рубчатой керамикой относится 2622 фрагмента (35%) от по меньшей мере 70 сосудов (45%)[2]. Попытка систематизации сосудов проводилась на основе анализа и выявления общих черт основных технологических признаков[3] и особенностей орнаментации. В результате анализа выделено пять групп, к которым удалось отнести лишь 54 сосуда (рис. 1, *1–26*). Атрибуция остальных 16 предметов ввиду сочетания различных признаков (рис. 1, *27, 28*) остается под вопросом.

Группа № 1 (рис. 1, *I*) — 1282 фрагмента от 23 сосудов (11 из них археологически целые) — представлена емкостями простой и сложной закрытой формы (с разной степенью профилировки). У трех экз. форма дна округлая. Большинство сосудов (11 экз.) имеют крупный по диаметру венчика размер (ø от 25 см), остальные сосуды — среднего размера (ø от 15 до 25 см). В половине случаев в профиле фиксируется факт утолщения приустьевой части. Толщина венчика в среднем варьирует от 0,7 до 1,0 см, толщина тулова и сохранившихся донных частей — от 0,5 до 0,9 см. Несколько экземпляров имеют более тонкие стенки (менее 0,5 см). Венчики имеют преимущественно прямую, редко овальную и приостренную форму. Внутренний край и срез венчика иногда декорированы простыми узкими наколами ребра стека или лопаточки. Орнамент внешней поверхности располагается преимущественно в верхней трети сосуда и представлен сочетанием одного, реже двух рядов «жемчужин» и горизонтальных прямолинейных мотивов из наколов, выполненных зубчатым штампом, стеком или ребром лопаточки. На трех сосудах из таких наколов (путем их пересечения) образованы «крестики». Сосуды выбивались рубчатой колотушкой, повернутой горизонтально. Один сосуд из группы был выбит лопаточкой с вырезанными на ней ромбовидными ячейками (рис. 1, *29*). Четкий характер технического декора имеют 14 сосудов, поверхность остальных емкостей заглажена. Фактура поверхностей грубая, шершавая. На некоторых сосудах в продольном сечении зафиксированы расслоения по спаям крупных конструктивных элементов. Цвет излома большинства сосудов (21 экз.) демонстрирует, что обжиг происходил в восстановительной среде.

Группа № 2 (рис. 1, *II*) — к данной группе отнесены 659 фрагментов от четырех сосудов (из них три — археологической степени сохранности без донной части). Форма сосудов — простая открытая, в одном случае — закрытая. Три сосуда имеют средний (ø 20, 24 и 25 см), один — крупный (30 см) размер. Венчик утолщенный (от 0,7 до 1,2 см), прямой и грибовидной (внешне и внутренне асимметричной) формы. Вну-

1 Мария Евгеньевна Абрашина — Научно-исследовательский центр «Байкальский регион» Иркутского государственного университета, ул. К. Маркса, д. 1, Иркутск, 664003, Российская Федерация; e-mail: mariya28_09@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7357-8642.

2 % указаны от общего количества фрагментов/сосудов в керамическом комплексе стоянки.

3 Данные о характере формовочных масс в исследовании не представлены, поскольку в настоящий момент ограничены результатами предварительной визуальной диагностики и требуют отдельного исследования.

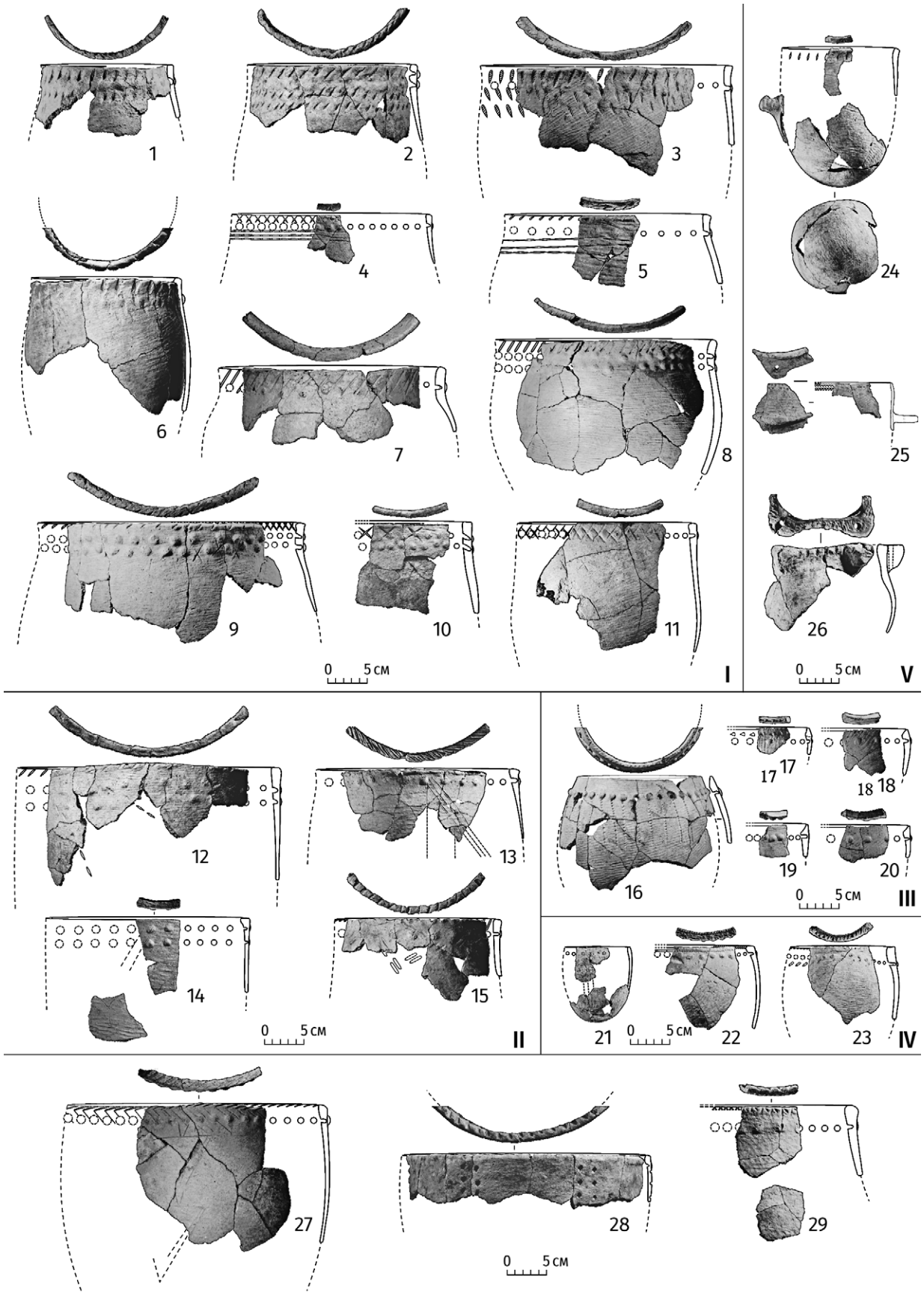

Рис. 1. Стоянка Генералова, рубчатая керамика: *I* — группа 1; *II* — группа 2; *III* — группа 3; *IV* — группа 4; *V* — группа 5

Fig. 1. Generalov site, the ribbed pottery: *I* — group 1; *II* — group 2; *III* — group 3; *IV* — group 4; *V* — group 5

тренний край декорирован лишь у одного сосуда, а срез орнаментирован в двух случаях простыми наколами ребром стека и гребенчатым штампом. Орнамент данной группы характеризуется усложнением классического мотива различными композициями, состоящими из прочерченных линий или наколов узкого гладкого штампа. Сосуды тщательно выбивались, т. к. во всех случаях тулово тонкостенное (0,3–0,4 см), а черепок имеет плотную структуру. Отпечатки рубчатого декора в трех случаях четкие и горизонтальные; на одном сосуде следы заглажены. Расслоения, присущие первой группе, на данных сосудах не зафиксированы. Сосуды обжигались преимущественно в восстановительной среде.

Группа № 3 (рис. 1, *III*) — внешне в значительной мере выделяется группа из 134 фрагментов от шести сосудов среднего размера (ø от 16 до 23 см), которая представлена одним хорошо сохранившимся сосудом (без придонной части) простой закрытой оволовидной формы и небольшими фрагментами венчиков. Данную группу объединяет характер оформления венчика: его толщина во всех случаях составляет 0,7 см, имеет приостренную форму, с оформленным внутри подтреугольным утолщением. В одном случае венчик сформирован из отдельного жгута, что фиксируется в профиле (рис. 1, *III*, *17*), в остальных, вероятно, — при помощи широкого утолщения с внутренней части. Срез в трех случаях оформлен мелкими насечками. Стенки сосудов тонкие (0,3–0,4 см), плотные. Орнамент полностью отличается от классического, за исключением наличия пояска жемчужин во всех, кроме одного, случаях (на одном сосуде — поясок ямок). Три сосуда из группы не орнаментированы другими элементами, а орнамент остальных сосудов представлен вертикальными линиями мелких наколов отступающего стека (рис. 1, *III*, *16–19*). Технический декор четкий, в одном случае расположен вертикально. Фактура поверхности сосудов гладкая. На наиболее сохранившемся сосуде местами фиксируются небольшие поперечные отслоения. По цвету излома установлено, что четыре сосуда обжигались в восстановительной среде, один — в окислительной.

Группа № 4 (рис. 1, *IV*) — в отличие от предыдущих групп, данная выделена по функциональному признаку, поскольку отсутствие четких морфологических маркеров и орнаментальное разнообразие препятствуют их точной атрибуции. В составе группы — 127 фрагментов от восьми сосудов. Шесть миниатюрных емкостей имеют простую закрытую форму диаметром от 9 до 11 см. Еще один простой закрытый сосуд по размеру тяготеет к среднему, т. к. его диаметр составляет 18 см. Форма венчика в основном овальная и прямая, реже приостренная. На пяти экземплярах фиксируются горизонтальные ряды «жемчужин». Один сосуд украшен рядом наколов полой палочкой. В орнаментации преобладают простые наколы ребром стека (три экз.), а также горизонтальные ряды наколов отступающей лопаточки (три экз.) и прочерченные линии (два экз.), в одном случае образующие сетку на поверхности всего сосуда. Все сосуды, кроме одного, обжигались в восстановительной среде.

Группа № 5 (рис. 1, *V*) — данную группу составили 92 фрагмента от 13 сосудов-дымокуров. Из них лишь два экземпляра имеют археологически целую степень сохранности (один — с округлым дном), и еще два реконструированы частично. Орнамент зафиксирован на пяти сосудах и представляет собой простые наколы гладким и гребенчатым штампом. По форме ушек сосуды делятся на несколько видов. Круглые, продолговатые в сечении налепы имеют шесть сосудов из группы (рис. 1, *V*, *24*). «Язычковые» ушки (рис. 1, *V*, *25, 26*) встречаются двух типов — утолщенные, горизонтально ориентированные налепы с отверстиями (пять экз.) и плоские с отверстиями (два экз.). Примечательно, что большинство сосудов данной группы (кроме одного) обжигались в окислительной среде, что, вероятно, обуславливается их особенной функцией.

Данный опыт является попыткой предварительно систематизировать имеющиеся материалы и продемонстрировать основные перспективы исследования культурной и хронологической дифференциации керамических материалов бронзового века Северного Приангарья. Сосуды первой группы схожи с однородным комплексом с поселения Скородумный Бык (*Пупаева*, *Фокин*, 2015. С. 60, рис. 1). Сосудам второй группы пока не найдено аналогий в единых комплексах с рубчатой керамикой. Третья группа частично согласуется с сосудами из комплексов стоянок Сергушкин 1 и 3 (*Леонтьев*, *Герман*, 2019. С. 115, рис. 4). Таким образом, работа по уточнению данной типологии еще предстоит, т. к. для ее совершенствования необходима обработка большого числа коллекций и проведение масштабного сравнительного анализа, а также выявление однородных комплексов для составления аналогий с предлагаемыми типами.

Леонтьев, *Герман*, 2019 — *Леонтьев С. Н.*, *Герман П. В.* Керамика эпохи бронзы памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье) // ДПЕ. 2019. Вып. X. С. 108–122.

Пупаева, *Фокин*, 2015 — *Пупаева Л. А.*, *Фокин С. М.* Материалы бронзового века с поселения-могильника Скородумный Бык // ДПЕ. 2015. Вып. VII. С. 59–67.

An experience of a preliminary typology of ribbed pottery in the North Angara region (based on Generalov site materials)

Maria E. Abrashina[4]

The paper presents the results of a preliminary typology of ribbed pottery from Generalov site. The analysis of the main technological and ornamental features allows to identify five groups of vessels. The main analogies with identified groups from other sites of the Northern and Lower Angara regions are indicated.

Keywords: *North Angara region, Bronze Age, pottery, typology, ribbed pottery.*

4 Maria E. Abrashina — Research Center „Baikal Region" of Irkutsk State University, 1 K. Marx St., Irkutsk, 664003, Russian Federation; e-mail: mariya28_09@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7357-8642.

Алкабекский тип памятников: проблема выделения культуры[1]

И. В. Мерц[2]

Аннотация. *Работа посвящена проблеме выделения памятников алкабекского типа раннего бронзового века в Верхнем Прииртышье. Рассмотрены основные признаки этого культурного явления, вопросы происхождения и хронология.*

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, ранний бронзовый век, алкабекский тип памятников, поселения, могильники, миграции.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.95-98

Ранний бронзовый век Восточного Казахстана, несмотря на многолетние исследования, до сих пор остается во многом слабоизученным периодом. Ограниченность имеющихся археологических источников не позволяет в полной мере выделить в регионе самостоятельные культуры, поскольку они представлены или отдельными типами металлических изделий (сейминско-турбинские) и керамики (одино-крохалевская, чемарская и т. д.), или отдельными категориями памятников. Особо выделяются алкабекские комплексы, впервые исследованные в Верхнем Прииртышье еще в 1952 г. С. С. Черниковым на могильнике Канай. Могила № 9 этого некрополя была определена как раннеандроновская и отнесена к усть-буконьскому этапу (*Черников*, 1960. С. 94–95). В 1998–2000 гг. целую группу подобных памятников (Айна-Булак I, VI; Копа; Булгартабоы; Ахтума) исследовал в долине р. Алкабек А. А. Ковалёв, сопоставивший их с чемурчекскими комплексами раннего бронзового века, отметив при этом их своеобразие (*Ковалев*, 2012). Исследования в регионе позволили обнаружить подобные объекты как на Правобережье Иртыша (могильник Аян), так и на северных склонах Тарбагатайских гор (Култайлак 2; Сапа; Аханбозша; Баир; Куйган 1, 2; Шиликты 3) (*Мерц*, 2017; *Омаров и др.*, 2019). В музейных коллекциях Эрмитажа и Зайсанского музея была выявлена керамика, идентичная найденной в алкабекских погребениях — на дюнах у с. Мечеть, в песках Акжон и на могильнике Сапа. Своеобразие этих материалов позволило выделить их в *алкабекскую группу памятников* (*Мерц*, 2017. С. 21–22).

Могильники алкабекской группы состоят из 1–6 сооружений, расположенных вдоль русел различных водотоков. Погребальные конструкции представлены квадратными курганами-платформами и оградами. Для них характерна ориентация по линии СВВ–ЮЗЗ (с севера на юг все они более вытянутые), сдвинутая от центра к востоку грунтовая могильная яма и наличие к востоку от могилы коридора-дромоса. Погребения одиночные или коллективные, взрослые и подростки с одним-двумя детьми ориентированы головой на восток, рядом с ними помещали погребальную пищу (рис. 1, *1, 2, 7–9*). Погребальный инвентарь хотя и присутствует, но крайне немногочислен. Иногда в могилу устанавливались повозки, а на погребальной площадке — круглые выкладки и стелы (рис. 1, *1, 2*, *8*). На северных склонах Тарбагатая в некрополе Сапа ограда имела прямоугольную форму, могильная яма и трапециевидный коридор-дромос были сдвинуты

1 Работа выполнена при финансовой поддержке проекта № AP08855976 «Эпоха раннего металла Северо-Восточных районов Центрального Казахстана».

2 Илья Викторович Мерц — Институт археологии им. А. Х. Маргулана, пр. Достык, д. 44, Алматы, 050010, Республика Казахстан; e-mail: barnaulkz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9066-9629.

к югу. Эти особенности обряда указывают на региональные и, возможно, хронологические различия.

Посуда встречается редко, представлена баночными формами, украшена рядами косых оттисков гребенки. Зона венчика выделялся прямыми, подтреугольными в сечении валиками и очень редко прочерченными линиями или пальце-ногтевыми защипами. При декорировании нажим осуществлялся только на один край инструмента с 4–12 зубцами (рис. 1, *23–25*). Аналогии этой керамике наблюдаются в Среднем Прииртышье и Западной Кулунде среди керамики кротовского могильника Окунева VII, елунинских поселений Шауке 1 и Гульбище, керамики одино-крохалевского и чемарского типа, а также среди окуневской уйбатско-лебяжинской группы Среднего Енисея (*Леонтьев*, 2006. С. 264; *Петров*, 2014. С. 121; *Мерц*, 2017. С. 14, 20, 22). Все эти параллели свидетельствуют, что памятники находятся на стыке эпох, — это подтверждается также совместным залеганием алкабекской и елунинской керамики в кургане 1 Айна-Булака I (*Ковалев и др.*, 2014. С. 14, рис. 21).

Металлокомплекс представлен черешковыми наконечниками стрел, обоймой, пронизками и антропоморфным навершием (рис. 1, *10, 11*, *15–17*), для изготовления которых использовался сплав Cu+Sn. Исключение — состав металла навершия из местечка Кежеколь в районе г. Зайсан: сплав Cu–As–Sb–Bi (*Тишкин и др.*, 2020. С. 184).

Каменные орудия представлены мотыгообразным орудием, льячкой с ручкой, культовыми пестами и навершиями с антропоморфными изображениями (рис. 1, *18–22*).

Остеологические материалы из могильников Канай, Айна-Булак I и VI, Копа, Булгартаботы, Ахтума, Сапа свидетельствуют, что в стаде присутствовали лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. Следовательно, нет основания считать, что характер скотоводства здесь существенно отличался от Среднего Прииртышья и Сарыарки (*Мерц*, 2017. С. 11, 21). При этом открытым остается вопрос топографии поселений.

Из домашних промыслов «алкабекского» населения мы располагаем информацией только о гончарстве, столярном мастерстве и камнеобработке. Гончарство обеспечивало население бытовой и погребальной посудой баночных форм. Из камня изготавливались орудия труда и предметы культа, представленные антропоморфными навершиями и пестами. Особенности устройства могильных ям в некрополе Копа указывают на помещение туда деревянных повозок, что предполагает высокий уровень развития деревообработки. По-видимому, «копинские» экипажи конструктивно были наиболее близки к повозкам катакомбных культур (рис. 1, *3–6*).

Происхождение алкабекских памятников А. А. Ковалёв связывал с миграциями из Франции носителей культуры коридорных гробниц, сыгравших основную роль в генезисе чемурчекских памятников Центральной Азии (*Ковалев*, 2012). Отсутствие в алкабекских курганах каменных ящиков, антропоморфных статуй и совершенно иной тип керамики не позволяет относить казахстанские объекты к чемурчекской культуре. Результы ДНК-анализов человеческих останков из кургана 3 Айна-Булака I показали, что митотип погребенного мужчины относится к евразийской гаплогруппе H. Женщина относится к евразийской гаплогруппе T1 a, происходящей из Восточной Европы (*Ковалев и др.*, 2014. С. 39). Анализ мужского скелета из могилы № 9 Каная выявил у покойника значительную восточноазиатскую примесь, общую генетическую основу с населением окуневской культуры Минусинской котловины и отсутствие местных корней. Погребенный из Каная и «окуневцы» являются результатом смешения восточноевропейских степных скотоводов с населением лесостепной полосы Сибири и неких популяций из Восточной Азии. У популяций, проживавших вдоль центральноазиатского горного коридора, генетический состав был разный, со значительной примесью западносибирских гаплогрупп (*Narasimhan et al.*, 2018. P. 155, 162).

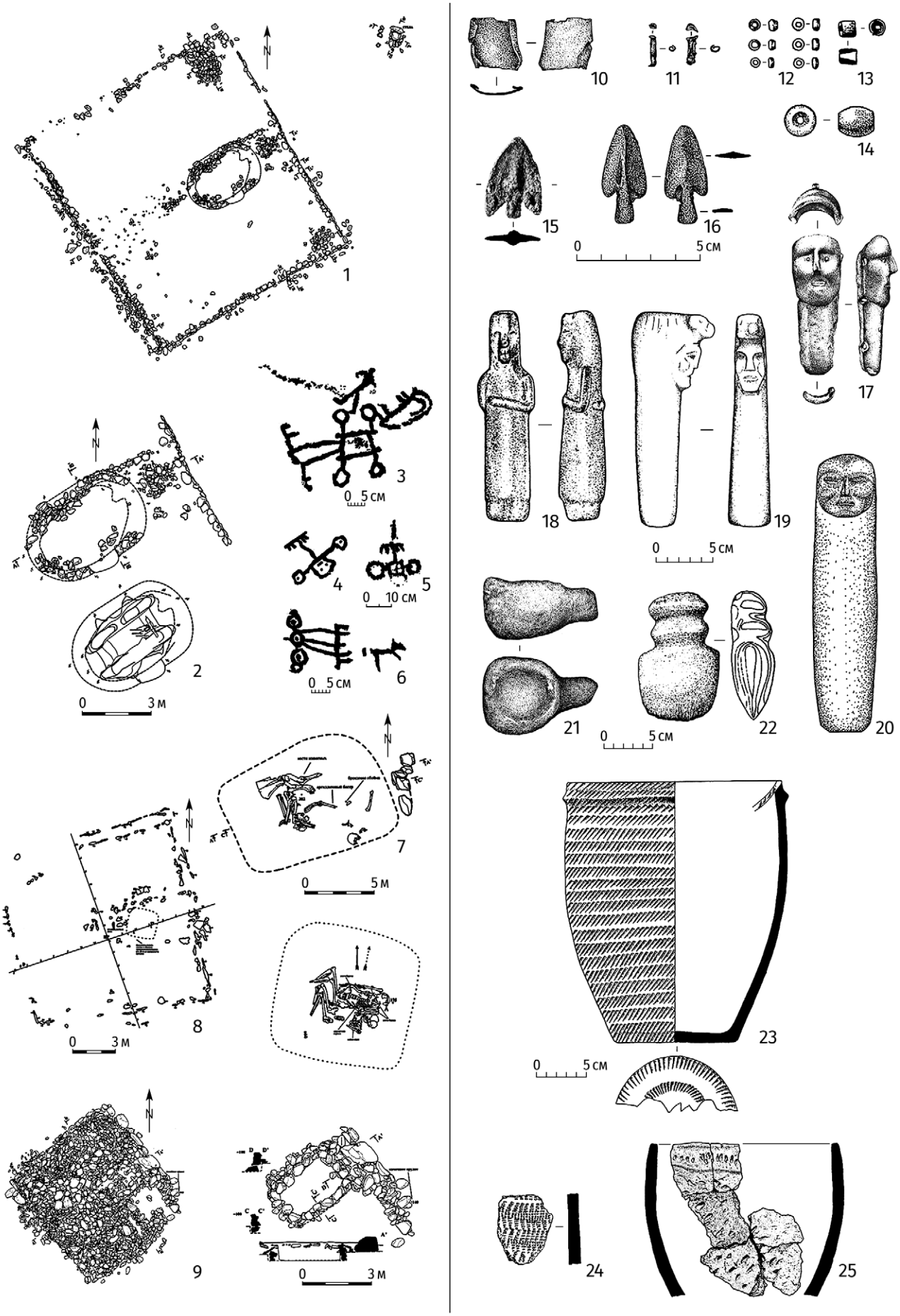
На неоднородный характер «алкабекского» населения указывают данные антропологии — зафиксирована монголоидная примесь у погребенной в кургане 1 Айна-Булак I (*Тур*, 2014. С. 152). Кроме этого, имеется серия антропоморфных каменных жезлов, пестов и наверший из региона, изображающих как

Рис. 1. Алкабекская группа памятников, планы погребений, наскальные изображения, материалы: *1*, *2*, *11*, *13* — Копа курган 2; *3–6* — наскальные изображения повозок из Восточного Казахстана (Курчум, Акбаур, Доланолы, Мойнак); *8*, *14*, *15*, *25* — Канай, могила 9; *7*, *10*, *12*, *23* — Булгартаботы, курган 2; *9*, *22* — Айна-Булак I, курган 2; *16* — Курчум; *17* — Кенжеколь; *18* — Зайсан; *19*, *20* — Семипалатинск; *21* — МАЭ № 1529/3; *24* — Айна-Булак I, курган 1 (ссылки на источники — см. текст).

10, *11*, *15–17* — металл; *12–14*, *18–22* — камень; *23–25* — керамика

Fig. 1. Alkabek group of sites, burial plans, rock carvings, materials: *1*, *2*, *11*, *13* — Kopa kurgan 2; *3–6* — rock carvings of wagons from East Kazakhstan (Kurchum, Akbaur, Dolanoli, Moinak); *8*, *14*, *15*, *25* — Kanai, grave 9; *7*, *10*, *12*, *23* — Bulgartaboty, burial mound 2; *9*, *22* — Aina-Bulak I, burial mound 2; *16* — Kurchum; *17* — Kenzhekol; *18* — Zaisan; *19*, *20* — Semipalatinsk; *21* — MAE No. 1529/3; *24* — Aina-Bulak I, burial mound 1 (source references are given in the text).

10, *11*, *15–17* — metal; *12–14*, *18–22* — stone; *23–25* — ceramics

1
2
0 3 м
3
0 5 см
4
5
0 10 см
6
0 5 см
7
0 5 м
8
0 3 м
9
0 3 м
10
11
12
13
14
15
16
0 5 см
17
18
19
0 5 см
20
21
22
0 5 см
23
0 5 см
24
25

европеоидов (Кенжеколь, Зайсан), так и монголоидов (Семипалатинск) (рис. 1, *17–20*). Схожесть алкабекских антропоморфных изображений с чемурчекскими из Западной Монголии и Синьцзяна, присутствие характерных для Средней Азии изобразительных сюжетов, а также сходство с материалами окуневской культуры демонстрирует наличие связей верхнеиртышского населения с этими регионами.

Все эти параллели указывают на два пришлых компонента, лежащих в основе сложения данных культурных образований. По-видимому, алкабекские комплексы прекращают свое существование после проникновения в регион в XVIII в. до н. э. населения андроновской культуры. В их развитии выделяется два этапа: ранний — могильники Копа, Канай, Ахтума и Сапа, датируемые первой половиной III тыс. до н. э., и поздний — могильники Айна-Булак I и VI, Булгартаботы (*Мерц*, 2017. С. 22).

Таким образом, в настоящее время собран и систематизирован комплекс источников, указывающих на существование в Зайсанской озерной котловине своеобразного типа памятников, которые отражают специфику населения, проживающего здесь в раннем бронзовом веке. Неопределенной на данный момент является западная и восточная граница их распространения. Поиски поселений около известных некрополей пока не увенчались успехом; сложным вопросом остается и выделение алкабекских памятников наскального искусства. Наличие этих нерешенных вопросов пока не позволяет выделить *алкабекскую группу памятников* в самостоятельную археологическую культуру.

Ковалев, 2012 — *Ковалев А. А.* Чемурчекский культурный феномен: история изучения, датировка, происхождение // Чемурчекский культурный феномен. Исследования последних лет. СПб.: Изд-во Музея-института семьи Рерихов, 2012. С. 32–55.

Ковалев и др., 2014 — *Ковалев А. А.*, *Самашев З. С.*, *Сунгатай С.* Исследования археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен / Отв. ред. А. А. Ковалев. СПб.: ЛЕМА, 2014. Ч. I. С. 9–147.

Леонтьев, 2006 — *Леонтьев С. Н.* К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / Редкол.: Д. Г. Савинов и др. СПб.: ЭлексисПринт, 2006. С. 260–272.

Мерц, 2017 — *Мерц И. В.* Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. Барнаул, 2017. 26 с.

Омаров и др., 2018 — *Омаров Г. К.*, *Бесетаев Б. Б.*, *Мерц И. В.*, *Сагындыкова С. Т.* Краткое сообщение о результатах археологической разведки на территории Курчумского района в 2018 году // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия: История. 2018. № 4 (91). С. 201–213.

Петров, 2014 — *Петров А. И.* Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск: Изд-во ОмГУ, 2014. 348 с.

Тишкин и др., 2020 — *Тишкин А. А.*, *Омаров Г. К.*, *Жунисов Ф. Т.* Рентгенофлюоресцентный анализ древних изделий из археологического собрания Зайсанского историко-краеведческого музея (Восточный Казахстан) // Маргулановские чтения–2020. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 180–186.

Тур, 2014 — *Тур С. С.* Антропологические определения костных остатков из раскопок курганов раннего периода бронзового века на территории Курчумского района ВКО РК (1999–2000 гг.) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен / Отв. ред. А. А. Ковалев. СПб.: ЛЕМА, 2014. Ч. I. С. 152–153.

Черников, 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. (МИА; № 88).

Narasimhan et al., 2018 — *Narasimhan V.*, *Patterson N.*, *Moorjani P. et al.* The Genomic Formation of South and Central Asia (preprint) // bioRxiv. The preprint server for biology. 2018. 292581 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.biorxiv.org/content/10.1101/292581v1 (дата обращения: 28. 06. 2022).

The Alkabek type of sites: the problem of identification of the culture

Ilya V. Merts[3]

The research is concerned with the problem of identification of the Alkabek type sites of the Early Bronze Age in the Upper Irtysh region. The main features of this cultural phenomenon are considered, its origin and chronology are precised.

Keywords: *East Kazakhstan, Early Bronze Age, Alkabek type of sites, settlements, burial grounds, migrations.*

3 Ilya V. Merts — Margulan Institute of Archeology, 44 Dostyk Ave., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; e-mail: barnaulkz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9066-9629.

Самусьский сосуд со стоянки Сарапулка (р. Иня)[1]

А. А. Дудко[2], А. Е. Гришин[3], Ю. А. Васильева[4], Г. И. Марковский[5]

Аннотация. *В 2019 г. проведены спасательные археологические раскопки в зоне строительства автомобильной дороги «Обход с. Сарапулка с мостом через р. Иня» в Мошковском и Тогучинском районах Новосибирской области. В ходе проведенных работ на территории стоянки был обнаружен археологически целый сосуд самусьской культуры.*

Ключевые слова: *Западная Сибирь, бронзовый век, самусьская культура, сосуд.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.99-101

Стоянка Сарапулка была выявлена в мае 2017 г. Н. В. Басовой и полностью изучена в ходе спасательных археологических раскопок осенью 2019 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН (*Дудко и др.*, 2019). Памятник расположен на правом берегу р. Иня, на останце первой надпойменной террасы, имеющем четко выраженный уклон в сторону поймы (к югу) и к берегу реки (к востоку). Бровка террасы имеет слабовыраженный прирусловой вал высотой до 0,2 м и шириной до 5 м. Сама р. Иня на данном участке течет с севера на юг, имеет линейное русло и спокойное течение. Ниже по реке, на удалении до 3,5–5 км, расположено несколько бродов. На момент исследования на площади памятника фиксировались следы значительных техногенных нарушений в виде задернованной водоотводной канавы и врезки в береговой склон, заполненных переотложенным грунтом и мусором. На памятнике заложены 4 раскопа (раскоп 1 имел площадь 1792,2 кв. м, раскопы 2–4 — по 4 кв. м).

Обобщенно стратиграфия террасы выглядит следующим образом:

Слой 1 (распаханный слой) — серый, сухой, плотный, темно-серый, до черного среднемешаный суглинок, мощность достигает 0,35 м.

Слой 2 — фиксируется повсеместно, представляет собой сильно мешаный, неоднородный темно-серый сухой мелкокомковатый суглинок. Сильно нарушен норами животных и морозобойными трещинами, а также корнями растений и деревьев. Нижняя граница неровная, размытая, нарушена морозобойными трещинами, проведена по изменению цвета, плотности и наличию новообразований (линий ожелезнения). Мощность до 0,5 м. Генезис — основная составляющая почвенного горизонта В. Слой содержал археологические предметы.

Слой 2а (литологически выраженный культурный слой, в котором зафиксирован развал самусьского сосуда, описанного ниже) представляет собой прерывистую прослойку темной серо-желтой супеси, расположен ближе к нижней части слоя 2, при этом повторяет направление границы слоев 2 и 3. Мощность — до 0,2 м.

Слой 3 — фиксируется повсеместно, представляет собой средний бурый суглинок, который светлеет в сухом состоянии. Исследована верхняя часть мощностью до 0,25 м, иногда слой исследован полностью. Генезис — почвенный горизонт С. Слой является вмещающим для всех углубленных и сильно углубленных археологических и техногенных структур. В области южного склона к высокой пойме слой 3 перекрыт прослойкой слоя 3а эолового генезиса, представленной песком или супесью серого и светло-серого цвета, в которой фиксируются размытые обширные области желто-серого цвета. В слое археологические предметы не фиксировались.

Слои 4–6 прируслового вала и берегопереработки связаны со склоновыми участками террасы, не содержат археологического материала.

При исследовании части 14 раскопа 1 зафиксирована концентрация фрагментов одного керамического сосуда (объект 13), образующая три скопления, удаленные друг от друга на 0,15–0,3 м. Первое скопление — южное, имеет размеры 0,29 × 0,12 м и является развалом стенки с венчиком. Фрагменты залегают в одной плоскости, субгоризонтально, внешней поверхностью вверх. Второе скопление фрагментов стенки, централь-

1 Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

2 Александр Андреевич Дудко — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: a-dudko9@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2253-5658.

3 Артем Евгеньевич Гришин — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: artem-grishin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8367-2272.

4 Юлия Александровна Васильева — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: jvsl@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4955-2749.

5 Григорий Иванович Марковский — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: markovskyyy@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2698-707X.

ное, залегает аналогично, имеет размеры 0,18 × 0,13 м, расположено в 0,15 м к СВ от первого. Третье скопление — северо-восточное, самое большое, расположено в 0,25–0,3 м к СВ от второго. Фрагменты залегают в 2–3 слоя, вплотную друг к другу, внешней и внутренней стороной вверх. Размеры скопления — 0,45 × 0,34 м. Кроме этого, более мелкие фрагменты, в том числе венчиков, фиксировались разрозненно, залегая под разным углом. В разрезе объекта 13, проходящем по линии В–З до уровня кровли слоя 3, отразилось, что фрагменты залегают в прослойке темной серо-желтой супеси — слой 2а. Участок культурного слоя имеет размеры около 2 × 1,3 м, не нарушен пашней. Никаких других археологических предметов в этом культурном слое не обнаружено.

После продолжительной реставрации был получен археологически целый сосуд: баночной закрытой формы с прямым венчиком (рис. 1). Диаметр устья сосуда ~ 50 см, высота — ~ 40 см. Толщина стенки уменьшается от венчика ко дну: от 0,8 до 0,3 см; дно яйцевидной формы.

Тесто грубое, с крупными фракциями песка, кварца и гранита. Внешняя сторона хорошо заглажена, внутренняя заглажена пучком травы. Сосуд хрупкий, рассыпается на мелкие фрагменты, включая места стыковки лент. На венчике имеются следы ремонта: две трещины скреплены с внутренней стороны и по срезу венчика смолистым веществом черного цвета. Обжиг неравномерный, цвет сосуда пятнистый: от кирпичного до черного. С внешней стороны присутствует нагар на придонной части.

Срез венчика украшен оттисками края фигурного орнаментира. Под венчиком проходит орнаментальный пояс шириной 2,5–3,0 см из вертикально поставленных частых неглубоких насечек-оттисков в виде прямых линий, местами слабовыраженных. На горловине располагается зигзаго-волнообразная полоса, сформированная четырьмя прочерченными неглубокими линиями-желобками, шириной до 0,3 см каждая, расстояние между линиями 0,2–0,3 см. Углы зигзагов верхней и нижней линий украшены оттисками угла орнаментира. Ниже на тулово спускаются слабовыраженные вертикально-наклонные узоры в виде полос, каждая из которых сформирована пятью шнуровидными линиями. Придонная часть сосуда орнаментирована волнистыми полосами по три линии и горизонтальными субпараллельными линиями.

По морфологическим, орнаментальным и технологическим признакам мы соотносим данный сосуд с посудой группы «В», выделенной В. И. Молодиным и И. Г. Глушковым в керамическом комплексе поселения Самусь IV: сосуд закрытой баночной формы; схема орнамента состоит из прямых вертикальных насечек в сочетании с прочерченными горизонтальными

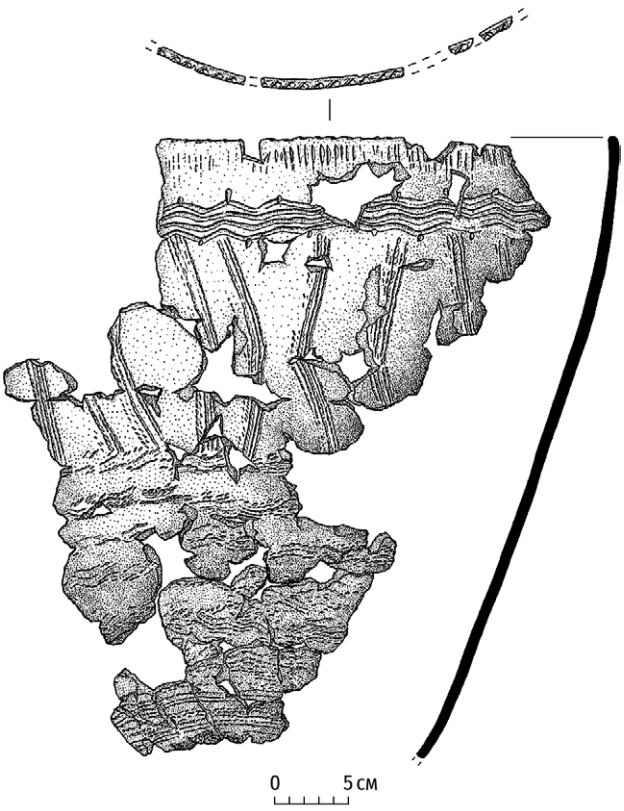

Рис. 1. Самусьский сосуд со стоянки Сарапулка
Fig. 1. A Samus culture vessel from the site Sarapulka

и волнистыми линиями; наличие узоров и многорядовых волнистых линий, между которыми в шахматном порядке расположены неглубокие лунки; украшены устье и придонная часть сосудов, бедный орнамент по тулову представлен вертикальными прочерченными линиями (*Молодин*, *Глушков*, 1989. С. 92). Подобная керамика имеется в материалах других поселений самусьской культуры: Крохалевка-1 (*Там же*. С. 59, рис. 31), Потаповы Лужки III, Школьный, Медведкинское поселение и памятников Верхнего Приобья. Такие сосуды М. Ф. Косарев относит ко второй группе керамической посуды из поселения Самусь IV (*Косарев*, 1981. С. 97), характеризуя ее как культовую.

Учитывая, что на стоянке Сарапулка самусьский сосуд единичен, а его метрические характеристики вряд ли позволяют использовать его в быту, мы также склонны считать данный сосуд не кухонно-бытовым, а скорее религиозно-культовым. Подобную интерпретацию емкости подтверждает и то, что нанесенная на сосуд композиция является схематическим упрощением ярких орнаментальных сюжетов с антропоморфными личинами или фигурами на самусьских сосудах с поселения Самусь IV. Так, пять вертикальных элементов на тулове могут являться схематической заменой личины с лучами, например «столп» с антро-

поморфным ликом (*Есин*, 2009. С. 213, рис. 39), а волнообразная линия на горловине может замещать сложную многофигурную композицию с зооморфными персонажами (*Там же*. Табл. 1–1, *8* и др.).

Ограниченная площадь распространения культурного слоя, отсутствие других находок, связанных с хозяйственной деятельностью, обнаружение археологически целого сосуда со сложной композицией — все это может указывать на возможный ритуальный характер всего эпизода освоения данного берегового останца обского притока в самусьское время. Другие следы освоения долины р. Иня в этот период обнаружены при изучении могильника Заречное-1 (поселенческий слой и, предположительно, два погребения), поселения Иня-4 (ямы) (*Зах*, 1997. С. 8–13). Зафиксированный на Сарапулке археологический контекст выглядит хоть и не столь ярко, но, учитывая его изолированность и предложенную интерпретацию, весьма оригинально.

Фиксация подобных незначительных на первый взгляд следов деятельности древнего человека зачастую возможна только в результате спасательных работ сплошной площадью. Подобные объекты, как правило, остаются вне «фокуса» фундаментальных полевых исследований, хотя обладают несомненным источниковым и эвристическим потенциалом.

Дудко и др., 2019 — *Дудко А. А.*, *Марковский Г. И.*, *Гришин А. Е.*, *Васильева Ю. А.* Спасательные археологические работы на стоянке Сарапулка: новый объект верхнеобской культуры на реке Иня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 778–782.

Есин, 2009 — *Есин Ю. Н.* Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск: Изд-во ТомГУ, 2009. 526 с. (Тр. Музея археологии и этнографии Сибири; Т. II).

Зах, 1997 — *Зах В. А.* Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.

Косарев, 1981 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 279 с.

Молодин, *Глушков*, 1989 — *Молодин В. И.*, *Глушков И. Г.* Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.

The Samus culture vessel from the site Sarapulka (river Inya)

Alexander A. Dudko[6], Artem E. Grishin[7], Yulia A. Vasilyeva[8], Grigory I. Markovsky[9]

In 2019 the rescue archaeological excavations were conducted in the construction zone of the highway „The detour of Sarapulka village with the bridge over the river Inya" in Moshkovsky and Toguchinsky districts of the Novosibirsk region. During the rescue investigation on the site's territory an archaeologically whole vessel belonging to the Samus culture was found.

Keywords: *Western Siberia, Bronze Age, Samus culture, vessel.*

6 Alexander A. Dudko — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: a-dudko9@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2253-5658.

7 Artem E. Grishin — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090; e-mail: artem-grishin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8367-2272.

8 Yulia A. Vasilyeva — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090; e-mail: jvsl@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4955-2749.

9 Grigory I. Markovsky — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090; e-mail: markovskyyy@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2698-707X.

Асимметричный загнутый составной лук синташтинской культуры[1]

Ван Пэн[2]

Аннотация. *Автор предлагает собственный вариант реконструкции синташтинского лука, отличный от предложенных ранее.*

Ключевые слова: *бронзовый век, синташтинская культура, культура Шан-Инь, лук, колесница.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.101-104

1 Исследование проведено за счет гранта Национального фонда социальных наук Китая (проект № 21AKG006).

2 Ван Пэн — Институт археологии Китайской академии общественных наук, ул. Ванфуцзин, д. 27, Пекин, 100710, Китайская Народная Республика; e-mail: wp@mail.cass.rog.cn; ORCID: 0000-0002-4279-2267.

В могильниках синташтинской культуры Солнце II (*Епимахов*, 1996) и Степное (*Берсенев и др.*, 2010) обнаружены важные роговые детали составных луков, по которым некоторые ученые реконструировали синташтинский лук (*Берсенев и др.*, 2010; *Семьян*, *Бакас*, 2021а; 2021б).

Однако, учитывая принцип механики лука, мы предлагаем иной вариант реконструкции. Чтобы стрела летела плавно, мощность верхнего и нижнего плечей лука должна быть сбалансирована (но не равна). Т. е., если верхнее плечо толще, оно должно быть длиннее нижнего плеча, и наоборот: если верхнее плечо тоньше, его длина должна быть меньше, чем у нижнего.

Основываясь на этом принципе и особенностях форм, размеров и микроизноса деталей луков из Солнца II и Степного, мы реконструируем синташтинские изогнутые составные луки как луки с более длинным и толстым верхним плечом и крючкообразным наконечником на верхнем изогнутом конце (рис. 1).

Этот план реконструкции подтверждается иероглифами шан-иньской культуры. До сих пор в ее памятниках не было обнаружено деталей луков. Однако пиктограммы на костях и черепашьих панцирях, связанные с луками, указывают на то, что по крайней мере некоторые из луков шан-иньской культуры были составными, изогнутыми с асимметричными верхними и нижними плечами и имели крючковидные наконечники на верхних загнутых концах (рис. 2).

Очевидно, что эта уникальная форма лука имела только одно объяснение: сила лука увеличивается за счет усиления верхнего плеча при сохранении пространства нижней части. Такой лук будет удобнее при стрельбе с боевых или охотничьих колесниц — весьма вероятно, что он был специально разработан для колесничных бойцов.

Разумно предположить, что происхождение шан-иньского загнутого составного лука с асимметричными плечами можно проследить до синташтинской культуры и в XIII в. до н. э. он проник на Великую Китайскую равнину вместе с колесницами в качестве сопутствующего вооружения (*Ван Пэн*, 2019).

После синташтинской культуры эта традиция асимметричных луков продолжилась, как это видно

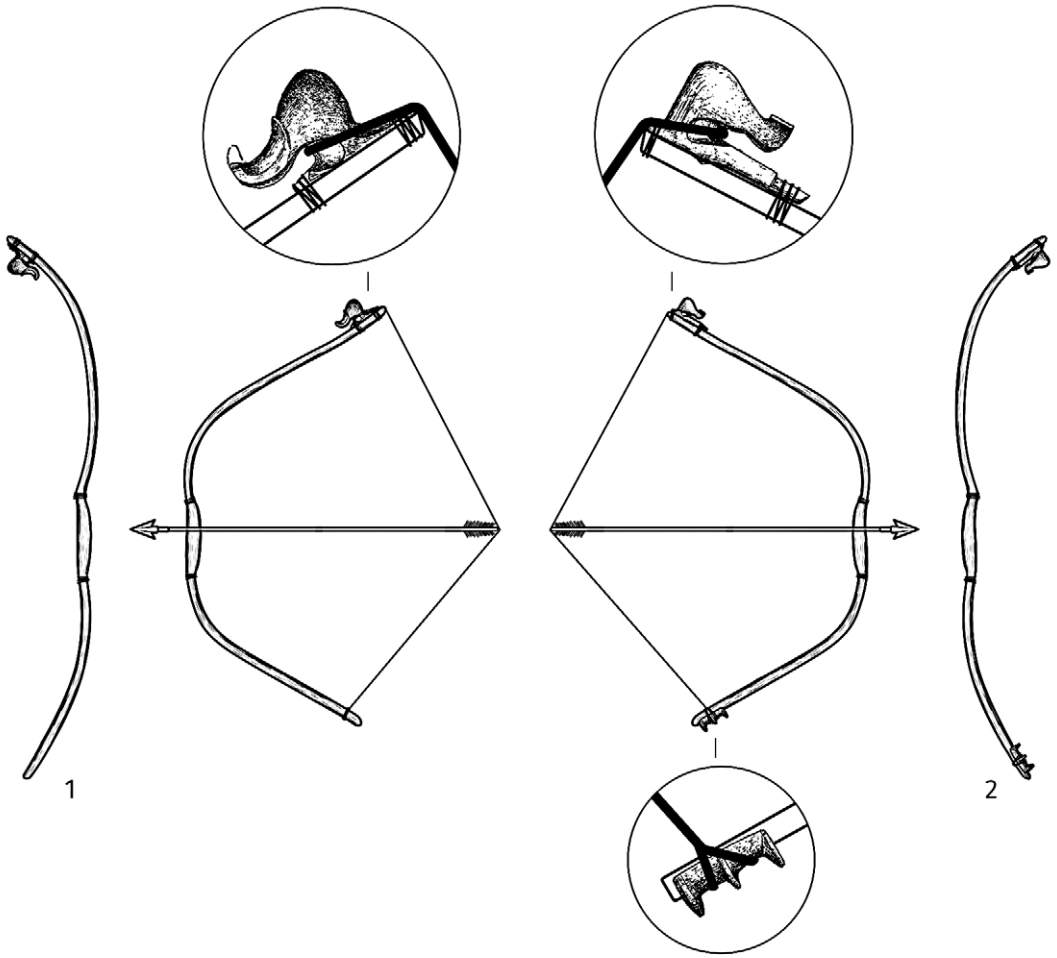

Рис. 1. Реконструкция синташтинских луков: *1* — Солнце II; *2* — Степное (ссылки на источники — см. текст)
Fig. 1. Reconstruction of Sintashta bows: *1* — Solntse II; *2* — Stepnoe (source references are given in the text)

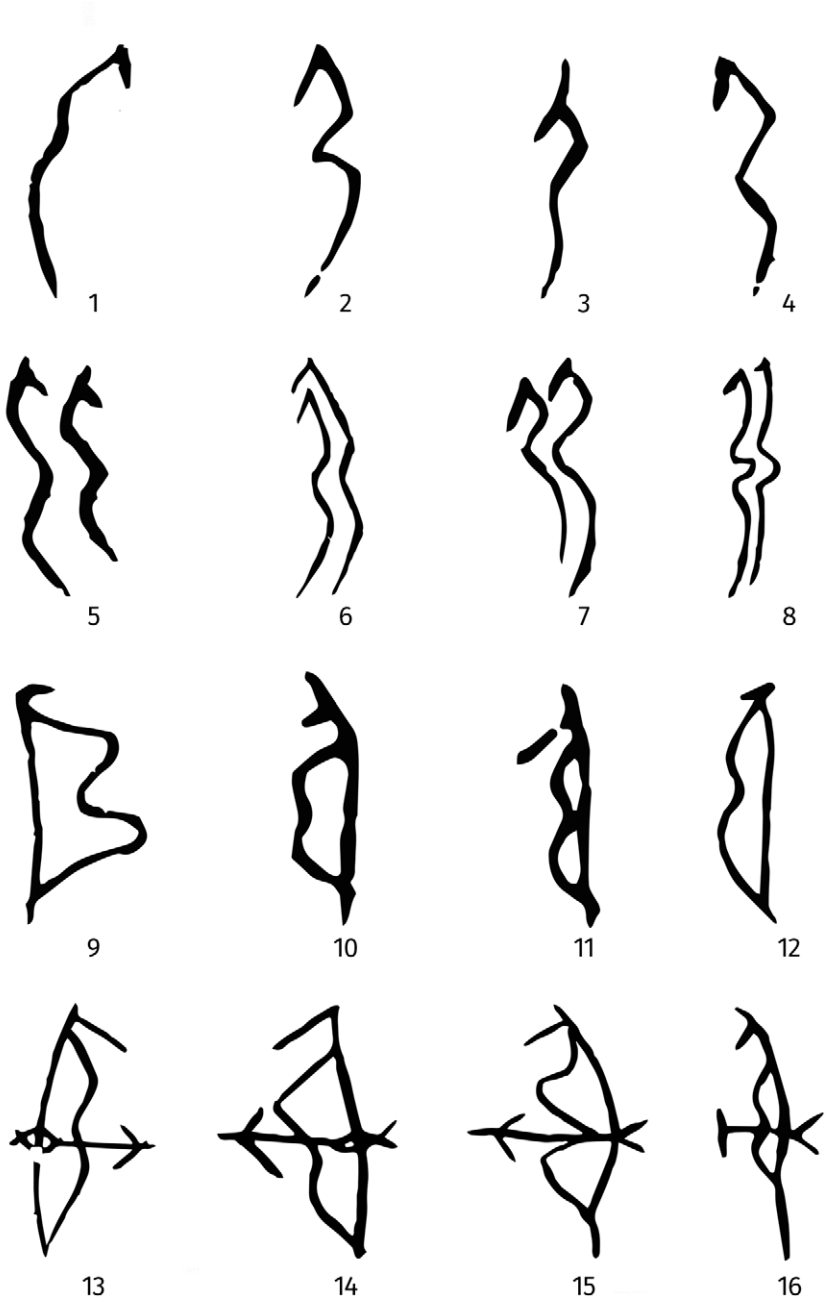

Рис. 2. Иероглифы «лук（弓）» на костях и черепашьих панцирях шан-иньской культуры: *1–8* — изогнутые составные луки без тетивы; *9–16* — изогнутые составные луки с тетивой

Fig. 2. Hieroglyphs „bow（弓）“ on the bones and turtle shells of the Yin-Shang culture: *1–8* — recurve compound bows without string; *9–16* — recurve compound bows with strings

в скифской (Тулуфань…, 2019), гуннской (*Максимова и др.*, 1968; *Худяков и др.*, 1990; *Худяков*, *Цэвээндорж*, 1990), тюркской и других культурах.

Берсенев и др., 2010 — *Берсенев А. Г., Епимахов А. В., Зданович Д. Г.* Синташтинский лук: археологические материалы и варианты реконструкции // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 1 / Отв. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. С. 82–95.

Ван Пэн, 2019 — *Ван Пэн*. К вопросу о происхождении колесниц из Иньсюй // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 4. С. 9–18.

Епимахов, 1996 — *Епимахов А. В.* Курганный могильник Солнце II: некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим / Отв. ред. Н. О. Иванова. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 22–42.

Максимова и др., 1968 — *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968. 264 с.

Семьян, Бакас, 2021а — *Семьян И. А., Бакас С.* Проект археологического эксперимента по реконструкции составного лука синташтинской культуры эпохи бронзы из могильника Степное // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 117–126.

Семьян, Бакас, 2021б — *Семьян И. А., Бакас С.* Экспериментальное исследование версий реконструкции составного лука синташтинской культуры // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: Материалы I Междунар. междисциплинарной конф. / Отв. ред. Е. В. Куприянова. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2021. С. 212–218.

Худяков и др., 1990 — *Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Мороз М. В.* Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

Худяков, Цэвээндорж, 1990 — *Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д.* Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, СО, 1990. С. 126–131.

Тулуфань..., 2019 — Тулуфань ши вэньу цзюй, Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо, Тулуфань сюэ яньцзююань, Тулуфань боугуань. Синьцзян янхай муди (Могильник Янхай в Синьцзяне). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2019 (на кит. яз.).

The asymmetrical recurve compound bow of Sintashta culture

Wang Peng[3]

The author offers an alternative reconstruction of the Sintashta culture compound bow.

Keywords: *Bronze Age, Sintashta culture, Yin-Shang culture, bow, chariot.*

3 Wang Peng — The Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, 27 Wangfujing Dajie, Beijing, 100710, People's Republic of China; e-mail: wp@mail.cass.rog.cn; ORCID: 0000-0002-4279-2267.

«Конь Астарты»: символика обряда в погребении коня эпохи бронзы Лисаковской округи[1]

Э. Р. Усманова[2], И. В. Чечушков[3], И. П. Панюшкина[4]

Аннотация. *Курган Тобольский, раскопанный в Костанайской области Казахстана, содержит погребение жеребца и жертвенники из костей лошади и овцы. Архитектурная структура подкурганной части включает четыре земляные постройки из грунта и комьев суглинка, покрытых рогозом и корой дерева. Радиоуглеродный анализ кости лошади датирует сооружение петровской культуры 1940–1660 гг. до н. э. Курган интерпретируется как святилище, где совершался обряд, похожий на ведийскую ашвамедху. Обряд относится к проявлению солярного культа и демонстрирует власть над вновь освоенной территорией.*

Ключевые слова: *Казахстан, бронзовый век, петровская культура, курган, ашвамедха, солярный культ, конь.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.104-107

1 Работа выполнена по гранту Министерства культуры и спорта Республики Казахстан № BR10164218 «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии».

2 Эмма Радиковна Усманова — Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский университет им. акад. Е. А. Букетова, ул. Университетская, д. 28, Караганда, 100028, Республика Казахстан; e-mail: emmadervish2004@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1625-5086.

3 Игорь Владимирович Чечушков — Институт истории и археологии УрО РАН, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, Екатеринбург, 620108, Российская Федерация; e-mail: chivpost@gmail.com; ORCID; 0000-0001-5096-2978.

4 Ирина Петровна Панюшкина — Laboratory of Tree-Ring Research, University of Arizona, Tucson, 1215 E Lowell St., AZ 85721, Unites States of America; e-mail: panyush@email.arizona.edu; ORCID: 0000-0001-8854-2637.

И конь стоит, как рыцарь на часах,
Играет ветер в легких волосах,
Глаза горят, как два огромных мира,
И грива стелется, как царская порфира.

Н. Заболоцкий. Лицо коня

Большие курганы, насыпь которых видна в степи за многие километры, ассоциируются с погребениями кочевой знати и богатым инвентарем. При раскопках кургана, названного условно «Тобольский» (Казахстан, Костанайская обл.), указанный стереотип не подтвердился: под его насыпью открылось сооружение, ранее неизвестное в археологии евразийской степи. Курган был сооружен на вершине сопки и хорошо просматривался в радиусе 20 км. Он имел насыпь диаметром 26 м и высоту до 2 м.

Конструкция кургана. При снятии насыпи кургана выявлено два уровня подкурганной площадки. На верхнем уровне обнаружены два пятна прокала; на нижнем уровне в каждом секторе симметрично сторонам света на материке располагались четыре постройки из грунта и комьев суглинка с отпечатками веток, покрытые рогозом и корой дерева. Постройки имели правильную форму и размеры 3 × 4–5 × 7 м.

Постройка № 1 находилась в ЮВ секторе кургана. Ограда со входом внутри забутована комьями и землей, покрыта кусками коры дерева (хвойного?), ветками, стволом березы. Погребение отсутствовало. За внешней стороной западной стенки обнаружена яма с конским костяком с согнутыми в коленях конечностями — обычно в такой позе лошади отдыхают. Скелет принадлежал жеребцу в возрасте 8–10 лет без заметных следов использования. На дно ямы положена на брюхо выпотрошенная туша в шкуре с хвостом. Изначально голова на что-то опиралась. Положение головы свидетельствует о том, что в момент погребения туша находилась в перекрытом пространстве, заполнение которого произошло позднее. Отсутствовали бедренные кости задних ног и кости таза. Они были обнаружены в насыпи кургана (предварительное заключение Л. Л. Гайдученко).

Постройка № 2 находилась в СВ секторе. По краям ограды, имевшей вход, фиксировались отдельные куски рогоза, пересыпанные землей. В центре постройки была помещена двуслойная конструкция из рогоза и коры. К внутренней северной стороне примыкала суфа из суглинка, с которой просматривалось захоронение лошади. Северная сторона состояла из трех ступеней, покрытых рогозом, нижняя из которых была сделана в виде подиума. Погребение отсутствовало.

Постройка № 3 располагалась в СЗ секторе и представляла собой прямоугольную «платформу», перекрытую рогозом, без погребения. Между постройками № 2 и № 3 располагался настил, накрытый корой дерева.

Постройка № 4 — овальная «платформа», также покрытая древесной корой, без погребения — находилась в ЮЗ секторе.

Жертвенный комплекс — четыре овальные ямы, расположенные в периферийной зоне насыпи. Каждая жертвенная яма находилась напротив постройки. В ямах, забутованных мелкими камнями, обнаружены конечности и зубы лошади. В заполнении ям восточной половины кургана найдены фрагменты лепной неорнаментированной керамики, один фрагмент гончарной керамики и один фрагмент каменного сосуда. На восточной половине зафиксировано несколько отдельных выкладок из костей лошади и челюстей барана. В насыпи найдено два фрагмента керамики.

Реконструкция устройства кургана. На древней поверхности нижнего первого строительного уровня сооружено четыре постройки. Поверхность двух из них покрыта рогозом (№ 2 и № 3). Рогоз в результате окисления приобрел белый, иногда светло-желтый цвет, фиксировалась растительная фактура стеблей, уложенных внахлест. Две другие постройки (№ 1 и № 4) закрыты кусками коры дерева, ветками и стволом березы (№ 1). Единственное погребение — захоронение лошади.

Земляная архитектурная инсталляция была засыпана грунтом, который сформировал горизонтальную площадку округлой формы второго верхнего уровня с зафиксированными пятнами прокала. Третий, завершающий этап — закрытие площадки насыпью, которая, возможно, в древности была выше. Жертвенные ямы не принадлежали площадке, но находились под насыпью. В них кости животных выглядели более старыми, чем в захоронении лошади. Вероятно, жертвенные закладки были сделаны раньше, до сооружения земляных построек, поэтому оказались за их пределами. Следов рва не обнаружено. Возможно, земля для насыпи бралась из ямы, которая не сохранилась. Комья суглинка тащили из низины на волокушах из веток. Отпечатки последних сохранились

на комке суглинка, похожего на распространенный в Средней Азии строительный материал — гуваляк — кусок овальной формы, сформированный из лессового суглинка (*Писарчик*, 1954. С. 226).

Возраст кургана. Радиоуглеродное датирование ребра лошади из захоронения (3478±55 BP, #AA102900) определило интервал 1940–1660 гг. до н. э. с вероятностью 98%. Фрагменты керамики из жертвенных ям по внешним признакам не отождествляются с какой-либо одной степной культурой бронзового века. Основные абсолютные даты по памятникам Лисаковской округи: мог. Новоильиновский, петровская культура — 1920–1750 гг. до н. э., 2025–1780 гг. до н. э.; мог. Лисаковский I–VI, алакульско-фёдоровская традиция — 1780–1660 гг. до н. э. (*Чечушков и др.*, 2020. С. 56; *Панюшкина*, 2013. С. 199). Скорее всего, курган с захороненной лошадью относится ко времени формирования петровской культуры. Два фрагмента донгальского типа, близких по морфологии ранней сакской керамике (*Бейсенов*, *Ломан*, 2009. С. 245), видимо, попали в насыпь в результате поздних поминальных ритуалов.

Ритуальная интерпретация. Если принять захоронение коня за погребение, ради которого сооружался курган, то вся архитектурная инсталляция имела отношение к этому жеребцу, уложенному для «вечного сна» в отдыхающей позе. Восточные постройки (№ 1 и № 2) имели вход, западные (№ 3 и № 4) — «платформы» без входа. Вероятно, существовала символическая маркировка сторон света. Восток — восход солнца — с входом в постройку. Запад — закат солнца — без входа.

Возможно, кумирня функционировала некоторое время и стояла открытой в течение нескольких месяцев. Земляные постройки под воздействием погодных условий — дождя и снега — долго стоять не могли. Раскопанные и законсервированные нами постройки «перезимовали», но земляные стены размылись. Строения, если в них исполнялись ритуалы, функционировали, скорее всего, один сезон. Не исключено, что покрытие рогозом, корой и ветками кроме сакрального имело еще и практический характер — сохранение земляной основы от разрушения. Возведение над ними верхней площадки, на которой потом были зажжены костры, относилось к ритуальному контексту. В завершение обряда сооружался купол насыпи. Несомненно, природно-топографическая характеристика была одним из аргументов сооружения кургана на сопке. Отмечено, что во время заката вся подкурганная площадка находилась в лучах солнца.

«Степная ашвамедха». Конь и солнце — два знаковых образа, объединенных в мифологему, составляющую структуру глобального мирового солярного мифа (*Кузьмина*, 1977. С. 39). Солярный культ, воплощенный в символике коня, выразительно проявляется в обряде *ашвамедха*, описанном в ряде ведийских текстов. Суть обряда состоит в следующем: царь в день солнечного равноденствия выпускает на свободу жеребца; в ритуале участвуют четыре жреца; конь в сопровождении воинов и знатных юношей идет, куда ему вздумается; воины подчиняют власти царя все области, оказавшиеся на пути коня; через год процессия возвращается; царь подвергается физическим испытаниям; на алтаре возжигается огонь сомы; жеребца после акта с кобылой украшают, привязывают к столбу с установленным туда колесом (символ солнца) и убивают; три жены царя отделяют от туши его голову (символ духовной энергии царя), туловище (символ физической энергии), хвост (символ богатства скотом). Обряд сопровождался жертвоприношениями, дарами и пиршеством (*Там же.* С. 37–39).

Возможно, подобная схема ритуалов существовала во время воздвижения кургана Тобольский: убийство жеребца, потрошение его туши, сооружение четырех «молельных» построек, жертвоприношение, зажжение огня, подкурганная площадка, которая находилась в лучах солнца из-за высотного расположения. Заманчиво увидеть в коне некую сакральность, характерную для божеств, подобных переднеазиатской Астарте, которую изображали верхом на коне как властительницу войны, олицетворение сексуальности, власти и целительства (*Там же*. С. 39).

Принадлежность кургана (во всяком случае, хронологическая) к петровской культуре, вероятно, указывает на начальный этап расселения «петровцев» на данной территории. Дальнейшее исследование костей лошади позволит установить географию происхождения жеребца. Курган-святилище и захороненный конь были определены создателями этого степного храма как символ власти над однажды выбранной и освоенной для жизни территорией.

Бейсенов, *Ломан*, 2009 — *Бейсенов А. З.*, *Ломан В. Г.* Поселения Центрального Казахстана. Алматы: Інжу-Маржан полиграфия, 2009. 264 с.

Кузьмина, 1977 — *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / под ред. Б. Г. Гафурова, Б. А. Литвинского. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 28–54.

Панюшкина, 2013 — *Панюшкина И. П.* Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э. Р. Усманова. Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 196–204.

Писарчик, 1954 — *Писарчик А. К.* Строительные материалы и конструктивные приемы мастеров Ферганской долины в XIX–XX вв. // Среднеазиатский

Рис. 1. Курган Тобольский. Постройка № 1. Погребение коня
Fig. 1. Tobolsky burial mound. Structure No. 1 with the horse burial

этнографический сборник. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 216–298 (ТИЭ. Новая серия; Т. 21).

Чечушков и др., 2020 — *Чечушков И. В., Овсянников А. А., Усманова Э. Р.* К вопросу о времени начала использования желобчатых псалиев и возникновения всадничества (по материалам могильника Новоильиновский II в Северном Казахстане) // АЭАЕ. 2020. Т. 48. № 2. С. 49–58.

„The Horse of Astarte“: the ritual symbolism of the Bronze Age horse burial (Lisakovsk area, Kazakhstan)

Emma R. Usmanova[5], Igor V. Chechushkov[6], Irina P. Panyushkina[7]

Tobolsky burial mound (Kostanay oblast, Kazakhstan) comprises a steed burial and altars made of horse and sheep bones. The funeral construction under the mound includes four earthen structures made of soil and loam clods and covered with cattail and tree bark. Radiocarbon analysis of the horse bones dates the burial mound 1940–1660 calBC (Petrovka archeological culture). The mound appears as a sanctuary where a ritual similar to the Vedic ashvamedha was once performed. This rite was the manifestation of the Sun worship and represented the power over a conquered territory.

Keywords: *Kazakhstan, Bronze Age, Petrovka culture, burial mound, ashvamedha, solar cult, horse.*

5 Emma R. Usmanova — Saryarka Archaeological Institute, Karaganda Buketov University, 28 University St., Karaganda, 100024, Republic of Kazakhstan; e-mail: emmadervish2004@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1625-5086.

6 Igor V. Chechushkov — Institute for the History and Archaeology of the Urals Branch of the RAS, 16 Sofia Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: chivpost@gmail.com; ORCID; 0000-0001-5096-2978.

7 Irina P. Panyushkina — Laboratory of Tree-Ring Research, University of Arizona, 1215 E. Lowell St., Tucson, AZ 85721, USA; e-mail: panyush@email.arizona.edu; ORCID: 0000-0001-8854-2637.

Сравнительный анализ форм сосудов могильников андроновской (фёдоровской) культуры Верхнего Алея (предварительные результаты)[1]

И. А. Савко[2], П. Р. Холошин[3]

Аннотация. *В статье изложены результаты анализа форм 88 сосудов могильников Чекановский Лог-2 и Чекановский Лог-10 на Верхнем Алее, которые были изучены по методике историко-культурного подхода. В результате исследования выявлены две наиболее распространенные традиции, представленные сосудами одинаковой общей пропорциональности (35–36 ступеней), но двумя разными видами конструкций: губа+шея+предплечье+тулово+основание тулова и губа+предплечье+тулово+основание тулова, которые связываются с культурным ядром андроновского (фёдоровского) населения, оставившего эти памятники. Сосуды этих же конструкций, но более приземистые (32–34 ступени общей пропорциональности) чаще встречались на могильнике Чекановский Лог-2, что предположительно объясняется функционированием данного памятника вплоть до позднефёдоровского периода.*

Ключевые слова: *формы глиняных сосудов, историко-культурный подход, андроновская (фёдоровская) культура.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.108-111

Изучение форм керамики — одно из актуальных направлений в исследованиях андроновской (фёдоровской) культуры. В рамках историко-культурного подхода разработана методика анализа форм, которая опирается на закономерности навыков труда гончаров и использует универсальные шкалы для качественной и количественной оценки различий между формами (*Бобринский*, 1999; *Цетлин*, 2018). Сейчас этот подход активно применяется исследователями для анализа форм сосудов различных археологических культур, преимущественно Восточно-Европейской равнины (Формы…, 2018). В статье приведены результаты первого исследования форм сосудов андроновской (фёдоровской) культуры Алтая с использованием данного подхода.

Нами были изучены формы сосудов из могильников Чекановский Лог-2 и Чекановский Лог-10 (далее — ЧЛ-2 и ЧЛ-10), которые относятся к одному археологическому микрорайону в верховьях р. Алей, с целью определить характеристики гончарных традиций населения в области придания сосудам определенной формы.

Могильники, расстояние между которыми составляет около 1 км, расположены в Третьяковском р-не Алтайского края на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Алей, ныне относящейся к северо-восточному берегу Гилевского водохранилища. Некрополи исследовались экспедицией БГПУ (ныне АлтГПУ) под руководством М. А. Демина и С. М. Ситникова (*Демин*, *Ситников*, 2007) с 1997 по 2011 г. и в 2013 г. На могильнике ЧЛ-2 изучено 46 погребений, а на ЧЛ-10 — более 160 могил андроновской (фёдоровской) культуры.

Среди материалов некрополя ЧЛ-2 пригодными для анализа форм оказались 30 сосудов: 16 из южного раскопа и 14 — из северного. Для исследования сосудов из некрополя ЧЛ-10 были привлечены 58 керамических изделий с полностью реконструируемым профилем, происходящих из разных участков могильника. Всего были исследованы формы 88 сосудов.

Анализ производился на двух основных уровнях: общей пропорциональности форм и состава их естественной структуры, в соответствии с методикой и терминологией, изложенной Ю. Б. Цетлиным (*Цетлин*, 2018).

По ***общей пропорциональности*** (далее — ОПП) (рис. 1, *25*, *26*) сосуды могильников[4] представлены

1 Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006)».

2 Илья Андреевич Савко — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, д. 55, Барнаул, 656031, Российская Федерация; e-mail: savko.ilia2016@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7463-7333.

3 Павел Романович Холошин — Центр палеоэтнологических исследований, Новая площадь, д. 12, к. 5, Москва, 109012, Российская Федерация; Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: paul. r.kho@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5660-7827.

4 Анализ ОПП проводился по 21 сосуду из ЧЛ-2 и 58 сосудам из ЧЛ-10.

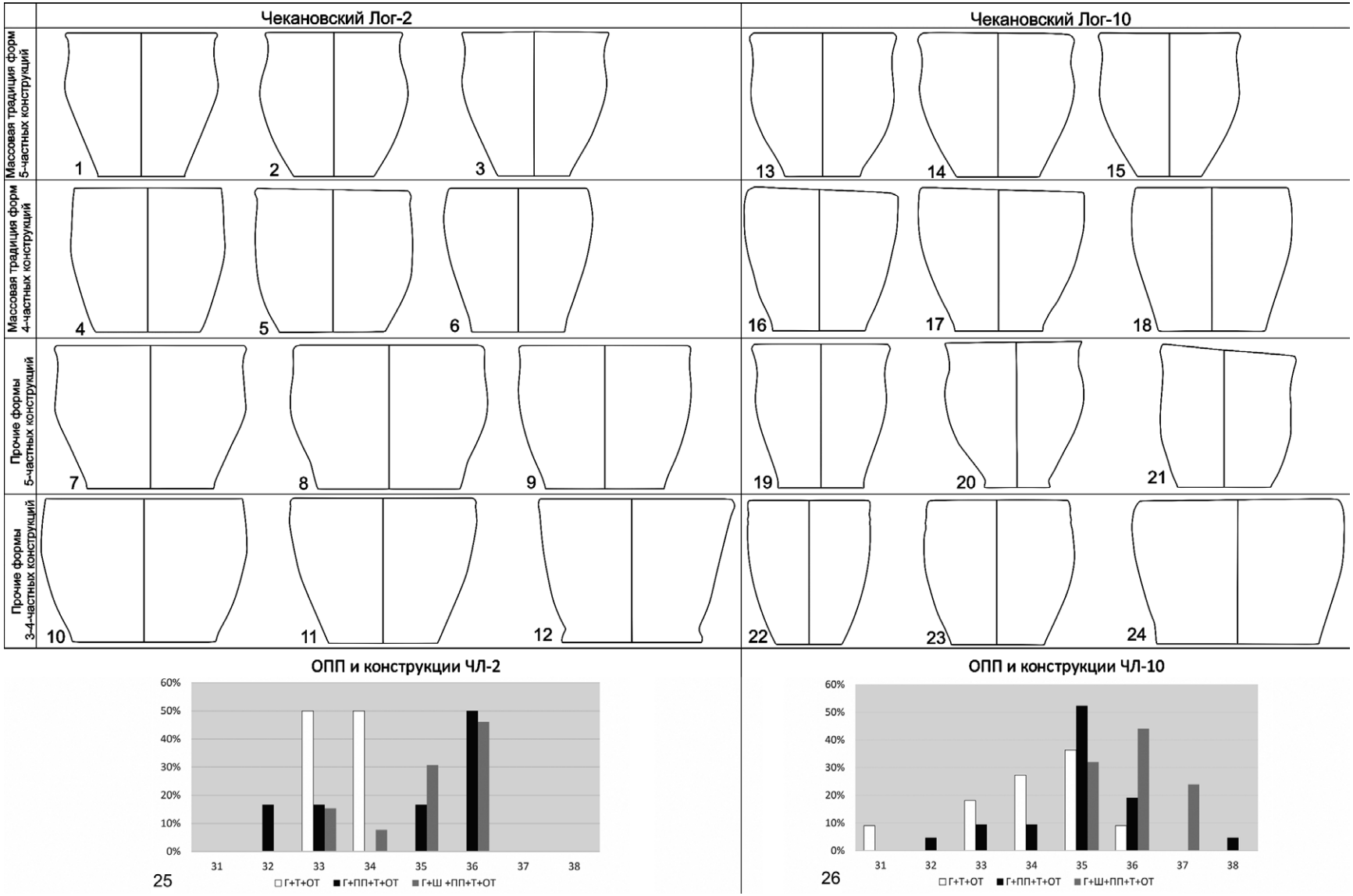

Рис. 1. Формы сосудов могильников Чекановский Лог-2 и Чекановский Лог-10: *1–12* — контуры сосудов могильника Чекановский Лог-2; *13–24* — контуры сосудов могильника Чекановский Лог-10; *25* — соотношение ОПП и конструкций сосудов могильника Чекановский Лог-2; *26* — соотношение ОПП и конструкций сосудов могильника Чекановский Лог-10

Fig. 1. Forms of vessels from burial grounds Chekanovsky Log-2 and Chekanovskiy Log-10: *1–12* — contours of the vessels from the burial ground Chekanovsky Log-2; *13–24* — contours of the vessels from the burial ground Chekanovsky Log-10; *25* — correlation between GPP and vessels' structure of the Chekanovskiy Log-2 burial ground; *26* — correlation between GPP and vessels' structure of the Chekanovskiy Log-10 burial ground

в диапазоне 31–38 ступеней. Абсолютное большинство их (96%) принадлежит к группе средних по пропорциональности. Три сосуда имеют среднюю/низкую ОПП 31–32-й ступеней и относятся к «горшкам-мискам» (рис. 1, *10*, *24*). Пик распределения приходится на 35–36-ю ступень (рис. 1, *1–6*, *13–18*, *25, 26*; суммарно 68%). В меньшем количестве представлены более низкие и более высокие по пропорциям сосуды.

Данные о ***естественной структуре*** форм (рис. 1, *25*, *26*) позволяют выделить четыре вида конструкций сосудов, отличающихся как по числу, так и по составу функциональных частей. Наиболее массово представлены сосуды 5-частных форм вида: губа (Г) +шея (Ш) +предплечье (ПП) +тулово (Т) +основание тулова (ОТ) (48%). Следующее место занимают сосуды 4-частных форм вида Г+ПП+Т+ОТ (36%), реже встречались сосуды 3-частной формы вида Г+Т+ОТ (14%). Единично выявлены сосуды с функциональной частью щека/шея (Щ/Ш): конструкции вида Г+Щ/Ш+Ш+ПП+Т+ОТ и Г+Щ/Ш+ПП+Т+ОТ (суммарно 2%).

Наиболее показательна ***связь общей пропорциональности и естественной структуры*** форм (рис. 1, *25*, *26*)[5]. Среди сосудов конструкции Г+Ш+ПП+Т+ОТ к массовой (наиболее распространенной) традиции по общей пропорциональности формы (35–36-я ступени) относятся 76% (рис. 1, *1–3*, *13–15*), остальные сосуды относятся к 37-й (рис. 1, *19–21*) (16%), 33 и 34-й ступеням ОПП (рис. 1, *7–9*) (в сумме 8%). Среди сосудов 4-частной конструкции к массовым ступеням ОПП (35–36) (рис. 1, *4–6*, *16–18*) относятся 73%, другие ступени представлены значительно меньше (в сумме 27%). Сосуды 3-частной конструкции чаще имеют ОПП 33–35-й ступени и не связаны с пиками распределения, характерными для предыдущих конструкций. Таким образом, с массовыми представлениями об общей пропорциональности горшковидных сосудов теснее всего связана также самая распространенная конструкция вида Г+Ш+ПП+Т+ОТ, чуть слабее — Г+ПП+Т+ОТ.

Рассмотрим, как эти данные распределяются между могильниками:

1. Субстратная конструкция вида Г+Т+ОТ имеет больший разброс по ступеням ОПП (31, 33–36) на могильнике ЧЛ-10, в отличие от ЧЛ-2, где встречаются только низкие по пропорциям сосуды (33–34-я ступени ОПП).

2. Конструкция вида Г+ПП+Т+ОТ ступеней ОПП 32–33, 36 значительно чаще распространены на могильнике ЧЛ-2 (рис. 1, *4–6*, *10*, *11*). Сосуды этой же конструкции на ЧЛ-10 имеют в основном только 35–36-ю ступени ОПП (рис. 1, *16–18*).

3. В отношении форм 5-частной конструкции вида Г+Ш+ПП+Т+ОТ наблюдаются наибольшие различия. Сосуды ступеней ОПП 33–34 встречаются только на могильнике ЧЛ-2 (рис. 1, *7–9*), а 37-я ступень ОПП не представлена вовсе. На ЧЛ-10 обратная картина, здесь выявлены 35–37-я (рис. 1, *13–15*, *19–21*) ступени ОПП.

Проведенный анализ форм сосудов позволил определить, что наиболее распространенными в местном гончарстве были горшки 35–36-й ступеней ОПП с двумя видами естественной структуры, которые, по всей видимости, соответствуют двум основным традициям в области придания сосудам формы в рамках культурного ядра андроновского (фёдоровского) населения.

К *первой традиции* (рис. 1, *1–3*, *13–15*), наиболее массовой, относятся сосуды 35–36-й ступеней ОПП с 5-частной конструкцией вида Г+Ш+ПП+Т+ОТ (37%). Данная традиция является доминирующей среди андроновского (фёдоровского) населения, оставившего исследуемые памятники.

Вторая традиция (рис. 1, *4–6*, *16–18*) связана с формами 4-частной конструкции вида Г+ПП+Т+ОТ тех же ступеней ОПП (24%). По отношению к первой она встречается чуть реже.

Сосуществование двух традиций в гончарстве андроновского населения подтверждается одновременным нахождением в погребениях сосудов этих типов (ЧЛ-2, м. 39, ЧЛ-10 м. 34).

Определение доли сосудов, относящихся к массовым традициям по форме, среди материалов разных могильников позволяет сделать вывод о культурной однородности/неоднородности населения, производившего и использовавшего посуду.

На южном участке могильника ЧЛ-2 к двум массовым традициям могут быть отнесены 58% сосудов, причем обе традиции представлены практически в равной степени. На северном участке ЧЛ-2 к ним относятся уже 78% сосудов, при этом сосуды первой традиции преобладают. На могильнике ЧЛ-10 к двум массовым традициям относятся 59% сосудов, что позволяет делать надежный вывод о большей культурной однородности населения, использовавшего северный участок ЧЛ-2, по сравнению и с южным участком ЧЛ-2, и с могильником ЧЛ-10.

В то же время наблюдаются значимые отличия среди сосудов менее распространенных форм, т. е. культурной периферии. Горшки 5-частных форм со ступенями 33–34 (рис. 1, *7–9*) распространены только на ЧЛ-2, а ступень 37 представлена на ЧЛ-10 (рис. 1, *19–21*). Аналогично сосуды 3-и 4-частных конструкций более низких ступеней ОПП (33–34) чаще выявлены на могильнике ЧЛ-2 (рис. 1, *10–12*) и значительно реже встречены в погребениях ЧЛ-10 (рис. 1, *24*). Эти различия, по всей видимости, связаны с разным

5 Процент встречаемости рассматриваемых признаков подсчитывался отдельно для сосудов каждой конструкции, у которых известна ОПП.

характером культурных контактов населения, оставившего данные памятники. Мы, вслед за рядом исследователей, склонны связывать эти различия с хронологическими причинами: более высокие сосуды связаны с классическими фёдоровскими традициями, а сосуды более низких пропорций (приземистые) — с позднефёдоровскими (*Кузьмина*, 2008. С. 214, 244). Это предположение подтверждается сопоставлением формы, орнаментов и особенностей обработки поверхности, а также относительной хронологией комплексов по вещам (*Савко и др.*, 2022). Придерживаясь данной позиции, можно говорить о более раннем формировании могильника ЧЛ-10 и северного участка ЧЛ-2, в то время как южный участок ЧЛ-2, видимо, формировался позднее, когда культурные контакты местного населения стали более интенсивными.

Таким образом, анализ форм сосудов андроновских (фёдоровских) могильников Чекановский Лог-2 и Чекановский Лог-10 позволяет сделать вывод о довольно устойчивых представлениях местного населения о пропорциях сосудов привычных форм. Выявлены две распространенные традиции, представленные сосудами одинаковой общей пропорциональности (35–36-й ступеней), но двумя разными видами конструкций: Г+Ш+ПП+Т+ОТ и Г+ПП+Т+ОТ. Присутствие посуды иных форм может быть связано с особенностями культурного состава и контактов населения, оставившего эти два памятника. Сосуды распространенных конструкций более низких пропорций (32–34-й ступени ОПП) чаще встречались на могильнике Чекановский Лог-2, что предположительно объясняется распространением данных традиций в позднефёдоровский период.

Бобринский, 1999 — *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Науч. ред. А. А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Демин, Ситников, 2007 — *Демин М. А., Ситников С. М.* Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч. 1. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2007. 273 с.

Кузьмина, 2008 — *Кузьмина Е. Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Савко и др., 2022 — *Савко И. А., Холошин П. Р., Демин М. А., Ситников С. М.* Анализ форм глиняных сосудов могильника Чекановский Лог-2 андроновской (федоровской) культуры предгорий Алтая // ВААЭ. 2022. № 4 (59). В печати.

Формы…, 2018 — Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. 253 с.

Цетлин, 2018 — *Цетлин Ю. Б.* Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.

Comparative analysis of vessels' shape from the Andronovo (Fedorovo) culture burial grounds on the Upper Alei (preliminary results)

Ilya A. Savko[6], Pavel R. Kholoshin[7]

The forms of 88 vessels from the burial grounds Chekanovsky Log-2 and –10 on the Upper Alei were analyzed according to the historical-cultural approach. The two most common traditions were identified, represented by vessels of the same general proportion (steps 35–36), but by two different types of structure: „Lip + Neck + Pre-Shoulder + Body + Body Base" and „Lip + Pre-Shoulder + Body + Body Base", which are associated with the cultural core of the Andronovo (Fedorovka) population, who left these sites. Vessels of the same design, but more squat (steps 32–34) were more common at the Chekanovsky Log-2 burial ground, which is presumably due to the functioning of this site until the late Fedorovo period.

Keywords: *forms of clay vessels, historical-cultural approach, Andronovo (Fedorovka) culture.*

6 Ilya A. Savko — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentyev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya St., Barnaul, 656031, Russian Federation; e-mail: savko.ilia2016@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7463-7333.

7 Pavel R. Kholoshin — Paleoethnology Research Center, 12/5 Novaya ploshchad', Moscow, 109012, Russian Federation; Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: paul. r.kho@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5660-7827.

Реконструкция детских возрастных групп по данным алакульских могильников: подходы и интерпретации (эпоха бронзы, Южное Зауралье)

Н. А. Берсенева[1]

Аннотация. *Статья посвящена анализу детских возрастных групп алакульской культуры Южного Зауралья. Изучены материалы шести могильников. Погребения разделены на три группы: младшая детская возрастная группа (до 2 лет), старшая возрастная группа (2–10 лет) и «подростки» (10–15 лет). По результатам исследования можно предположить, что гендерная социализация начиналась в возрасте 2–3 лет, а с 7–8 лет дети начинали следовать гендерным ролям, включая разделение труда. К 15 годам подростки, вероятно, достигали полной социальной взрослости, при этом девочки — несколько раньше мальчиков.*

Ключевые слова: *Южное Зауралье, бронзовый век, алакульская культура, детские погребения.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.112-114

Поздний бронзовый век (II тыс. до н. э.) степной и лесостепной Евразии был временем крупных культурных образований оседлых скотоводов, самыми значительными из которых являлись срубная (на западе) и андроновская (на востоке) культурно-исторические общности. Несмотря на определенные общие черты в погребальном обряде и материальной культуре обеих общностей, локальные особенности позволяют выделить внутри них ряд археологических культур. Алакульская культура, памятники которой занимают лесостепную и степную зоны восточной стороны Уральских гор до бассейна р. Тобол, локализована на западной периферии андроновской общности. В настоящее время алакульские комплексы датируются по совокупности AMS-дат XVIII–XVII вв. до н. э. (калиброванные значения), хронологически следуя за петровской культурой с некоторым наложением интервалов (*Епимахов и др.*, 2021. С. 24–25).

Характерной особенностью памятников срубной и андроновской общностей является большое количество детских погребений в могильниках. Поскольку дети составляют большинство от общего числа погребенных, анализ социальных структур эпохи бронзы данной территории невозможен без рассмотрения детских возрастных групп. С целью их реконструкции и последующей интерпретации в социальных терминах были собраны и проанализированы материалы опубликованных могильников, снабженных профессиональными антропологическими определениями — Урефты I, Кулевчи VI, Степное VII, Тасты-Бутак 1, Лисаковский I, Алакуль (*Сальников*, 1952; *Сорокин*, 1962; *Усманова*, 2005; *Стефанов*, *Корочкова*, 2006; *Куприянова*, *Зданович*, 2015; *Шилов*, *Богатенкова*, 2015; *Берсенева*, 2020). Алакульские памятники примечательны тем, что на некоторых из них, особенно в лесостепи, количество детских захоронений достигает 80% — например, Степное VII (*Епимахов и др.*, 2021. Рис. 5) и Урефты I (*Стефанов*, *Корочкова*, 2006); в других некрополях количество детских погребений составляет 50% и более.

Детские погребения обычно были проанализированы при публикации материалов могильников (Урефты I, Лисаковский I, Кулевчи VI, Степное VII), однако не менее важно проследить тенденции на более широком фоне.

Для анализа из вышеупомянутых могильников была создана выборка детских захоронений, имеющих определение возраста смерти. В общую категорию «дети» были включены индивиды до 15 лет. Ямы без сохранившихся костных останков и полностью ограбленные погребения не учитывались. Общее количество погребенных детей с определениями возраста смерти в выборке составило 162 индивида. Далее, чтобы иметь возможность проследить динамику изменений в погребальном инвентаре, эта группа была разбита на три подгруппы: младшая детская возрастная группа (до 2 лет); старшая детская возрастная группа (2–10 лет) и «подростки» (10–15 лет) (*Lewis*, 2011. Tab. 1).

Основная категория предметов, которая помимо посуды представлена в алакульских погребениях, как детских, так и взрослых, — это украшения. Предметы, не являющиеся украшениями или деталями декора одежды, крайне немногочисленны. Прежде всего, это астрагалы и их наборы (15 случаев), большинство из которых приходятся на могильники Тасты-Бутак 1 и Кулевчи VI. Кроме этого обнаружены лишь несколько бронзовых ножей и набор костяных «спиц».

1 Наталья Александровна Берсенева — Институт истории и археологии УрО РАН, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, Екатеринбург, 620108, Российская Федерация; e-mail: bersnatasha@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2554-6205.

Младшая возрастная группа (до 2 лет) — 89 индивидов. 49 умерших (55,1%) были захоронены только с посудой, 27 (30,3%) — с относительно большим количеством украшений, остальные 13 (14,6%) — с единичными бусинами, пронизями, обоймами. В погребениях этой группы найдены костяные спицы и три набора астрагалов.

Старшая возрастная группа (2–10 лет) — 62 индивида. Нет инвентаря (только посуда) у 24 индивидов (38,7%). 28 умерших погребены с комплексами украшений (45,1%). Остальные 10 захоронены с раковинами, астрагалами, единичными аксессуарами (16,2%). В этой возрастной категории впервые появляются накосные украшения, наборы становятся полнее и разнообразнее. Кроме того, в погребениях этой группы зафиксировано 12 из 15 наборов астрагалов.

«Подростки» (10–15 лет) — 11 индивидов. Нет инвентаря (только посуда) у четырех индивидов (36,4%), но у пяти умерших имелись комплекты украшений (45,5%). У остальных покойных (18,1%) обнаружены лишь единичные бронзовые браслеты и обоймы. В погребениях этой группы зафиксированы бронзовые ножи.

Таким образом, самой многочисленной является младшая возрастная группа (до 2 лет). 62 индивида (69,7%) из нее были захоронены лишь в сопровождении посуды или с инвентарем, не связанным с гендерной принадлежностью. Эта группа имеет также самую низкую степень ограбления могил (лишь в трех случаях). В старшей детской возрастной группе (2–10 лет) примерно треть была погребена с большим количеством украшений, треть — без инвентаря, остальные — с астрагалами или предметами, не маркирующими гендер. «Подростки» — относительно небольшая по количеству погребенных категория. Их погребальный обряд был, судя по немногочисленным хорошо сохранившимся захоронениям, идентичен взрослому (например, могильник Алакуль, курган 13, яма 9). Количественное соотношение полов среди погребенных детей примерно равное, если рассматривать выборку детей, сопровожденных предметами. В могильниках Степное VII, Кулевчи VI и Алакуль примерно половина детей захоранивалась с украшениями, половина — без них, так что соотношение полов среди детей вполне могло быть аналогичным. Имеется серия погребений с астрагалами и без украшений (13 могильных ям), которые также могли принадлежать мальчикам.

Закономерности установки погребального инвентаря в могилы детей разного возраста видятся следующими. Умершим детям младшей возрастной группы в качестве инвентаря устанавливалась лишь посуда, а мелкие украшения и бусины являлись частью костюма. Умершим детям старшей возрастной группы полагалось большее количество украшений, а с 6–8 лет они могли быть похоронены в полном комплекте декора женского костюма. «Подростков» хоронили согласно «взрослому» варианту обряда, который не предполагал снабжение инвентарем мужчин, при этом женщин (в абсолютном большинстве случаев) хоронили с украшениями. На основе этих наблюдений можно полагать, что гендерная социализация начиналась в возрасте 2–3 лет, а с 7–8 лет дети начинали следовать гендерным ролям своего пола, включая разделение домашних и иных обязанностей. К 15 годам подростки, вероятно, достигали полной социальной взрослости, при этом девочки — несколько раньше мальчиков.

Берсенева, 2020 — *Берсенева Н. А.* Характеристика возрастных и гендерных групп могильника Кулевчи VI // Кулевчи VI — могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гум.-пед. ун-та, 2020. С. 264–276.

Епимахов и др., 2021 — *Епимахов А. В.*, *Куприянова Е. В.*, *Хоммель П.*, *Хэнкс Б. К.* Археология и комплексные методы исследования. От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: Материалы I Междунар. междисциплинарной конф. / Отв. ред. Е. В. Куприянова. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2021. С. 7–29.

Куприянова, *Зданович*, 2015 — *Куприянова Е. В.*, *Зданович Д. Г.* Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Сальников, 1952 — *Сальников К. В.* Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 51–71 (МИА; № 24).

Сорокин, 1962 — *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 207 с. (МИА; № 120).

Стефанов, *Корочкова*, 2006 — *Стефанов В. И.*, *Корочкова О. Н.* Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. 160 с.

Усманова, 2005 — *Усманова Э. Р.* Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск: б. и., 2005. 231 с.

Хлобыстина, 1975 — *Хлобыстина М. Д.* Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа» // СА. 1975. № 4. С. 23–35.

Шилов, *Богатенкова*, 2008 — *Шилов С. Н.*, *Богатенкова А. А.* Погребения с женскими украшениями Ала-

кульского могильника бронзового века // Куприянова Е. В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. С. 217–235.

Lewis, 2011 — *Lewis M.* The osteology of infancy and childhood: Misconceptions and potential // (Re)Thinking the little ancestor: new perspectives on the archaeology of infancy and childhood / Ed. by M. Lally & A. Moore. Oxford: Archaeopress, 2011. P. 1–13 (BAR. IS; 2271).

Children's age groups in the Alakul burial grounds: approaches, reconstruction and interpretation (Bronze Age, Southern Trans-Urals)

Natalia A. Berseneva[2]

This study concerns the children's age groups of Alakul culture (Southern Trans-Urals). The analysis covered six necropolises. The burials were divided into three groups: the younger children's age group (up to 2 years old), the older age group (2–10 years old) and „teens" (10–15 years old). Basing on these results we may suppose that gender socialization began at the age of 2–3 years old, and from 7–8 years old children began to follow their gender roles, including the division of labour. By the age of 15, „teens" probably reached full social adulthood, girls somewhat earlier than boys.

Keywords: *Southern Trans-Urals, Bronze Age, Alakul culture, children's burials.*

2 Natalia A. Berseneva — Institute for the History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, 16 Sofia Kovalevskaya St., Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: bersnatasha@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2554-6205.

Возможности выявления внутренней хронологии некрополей и мобильности населения алакульской культуры на основе изучения антропологических материалов (на примере могильника Майтан эпохи бронзы Центрального Казахстана)

К. Н. Солодовников[1]

Аннотация. *В статье представлена коннексия результатов естественно-научного изучения палеоантропологических материалов из некрополя Майтан XVIII — начала XVII в. до н. э. Выявленная демографическая ситуация типична для популяций эпохи бронзы, некоторые ее особенности предполагают начальный период адаптации. Генетические и морфологические данные свидетельствуют о западном происхождении населения. Краниологическая специфика отдельных погребенных коррелирует с находками керамического импорта из урало-тобольского региона. Индивиды из наиболее ранних погребений по изотопным измерениям сходны с группами степного Притоболья, остальные соответствуют местным образцам из Центрального Казахстана. В оградах западной планиграфической группы погребены женщины с отличающимся генетическим профилем.*

Ключевые слова: *палеоантропология, изотопный анализ, палеогенетика, бронзовый век, алакульская культура, некрополь Майтан, планиграфия некрополей.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.114-118

Научные интересы Михаила Петровича Грязнова были связаны и с эпохой бронзы Казахстана, для которой им была выявлена принадлежность археологических комплексов к ранее открытой на Среднем Енисее андроновской культуре. Заложенные Грязновым традиции проявились в выделении алакульской и фёдоровской культур в составе андроновской культурно-исторической общности (далее — АКИО). Один из наиболее крупных алакульских могильников Казахстана — некрополь Майтан, материалы которого

1 Константин Николаевич Солодовников — Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, д. 86, Тюмень, 625026, Российская Федерация; e-mail: solodk@list.ru; ORCID: 0000-0003-0925-7219.

опубликованы в обобщающей монографии (*Ткачев*, 2019) и неоднократно исследовались специалистами разных естественно-научных направлений. На основе технико-технологического анализа керамики был сделан вывод, что оставившее могильник население принадлежало в прошлом по меньшей мере к двум этнокультурным группам (*Там же*. С. 487–491). Изучение орнаментальных схем на сосудах выявило в керамических комплексах некрополя как ближний импорт, так и дальние керамические импорты из урало-тобольского региона алакульской культуры (*Рудковский*, 2013). Антропологические материалы исследовались В. А. Дремовым, далее они были использованы для краниологического анализа (*Солодовников и др.*, 2013). Опубликованы поло-возрастные определения еще двух оград некрополя (*Bendezu-Sarmiento et al.*, 2007). В работе палеогенетиков о формировании популяций Южной и Средней Азии (*Narasimhan et al.*, 2019) в числе геномных данных проанализирована и палео-ДНК людей из Майтана, также опубликованы радиоуглеродные данные (*Ibid*.). В препринте к указанной работе приведены значения соотношений изотопов углерода ($\delta^{13}C$) и азота ($\delta^{15}N$) в человеческих образцах. Поэтому осуществлена коннексия полученных выводов в контексте исследования внутренней структуры некрополя и выявления внешних связей группы.

Палеодемографическая серия Майтана насчитывает 153 индивида, для которых получены стандартные палеодемографические характеристики и построены таблицы дожития. Выявленная демографическая ситуация типична для популяций бронзового века евразийских степей: высокий процент детской смертности (34,5%); низкая средняя продолжительность жизни с учетом (23,6 года) и без учета детской смертности (33,4 года у мужчин и 31,2 у женщин); наибольшая смертность женщин в интервале 15–19 лет и ее пик в 20–24 года у мужчин. Сочетание относительно невысокой детской смертности на фоне других групп АКИО и пика женской смертности в самом начале детородного периода, вероятно, фиксируют первый этап адаптации группы, возможно связанный с ее приходом на данную территорию (*Богатенков*, 2002. С. 46–47). Реконструированная средняя ежегодная численность группы, около 60–70 человек, близка к предполагаемой для отдельного поселении алакульской культуры Центрального Казахстана (*Ткачев*, 2019. С. 481).

Краниологическая серия Майтана выраженно европеоидная. По результатам межгруппового канонического анализа она вместе с другой алакульской выборкой черепов Центрального Казахстана и петровской Южного Урала занимает промежуточное положение между сериями фёдоровской культуры Казахстана и Сибири и культур эпохи бронзы Восточной Европы. Наибольшее сходство этих трех урало-казахстанских серий прослеживается (среди восточноевропейских групп) с «абашевцами» Волго-Уралья, «катакомбниками» Волго-Донского междуречья и «полтавкинцами» Нижнего Поволжья. Именно абашевские памятники Приуралья и катакомбные ареала волго-донской культуры (полтавкинские, по другой терминологии) чаще всего рассматриваются в качестве основных компонентов сложения синташтинской культуры, предковой для культур степной бронзы Зауралья и Казахстана. Это подтверждает вывод об изначально южноуральском или восточноевропейском происхождении населения эпохи бронзы Казахстана (*Солодовников и др.*, 2013).

Краниологическая серия из Майтана специфична по отношению ко всем алакульским группам присутствием брахикранных черепов. В качестве исходных для данного морфологического варианта групп можно рассматривать локализованные к западу или северо-западу группы абашевской культуры Приуралья, Алакульского могильника на Тоболе, Березовского V курганного могильника кожумбердинского типа и срубно-алакульского Лаимберды в Зауралье. Происхождение брахикранного компонента в составе исследуемой группы, по-видимому, связано с культурными маркерами в керамических комплексах. Брахикранные черепа происходят из погребений (огр. 10А/2[2]; огр. 27А/1) с алакульскими керамическими импортами из урало-тобольского региона (*Рудковский*, 2013. С. 61–65), а сосуд из огр. 8А/1, скорее всего, был изготовлен на форме-основе (устное сообщение В. Г. Ломана). Последнее является особенностью северных по отношению к территории Центрального Казахстана коллективов алакульской культуры, в противоположность центральноказахстанским алакульским группам, где сосуды конструировались внутри форм-емкостей (*Ломан*, 1993).

Результаты изотопного анализа также демонстрируют разнородность людей из Майтана. В образцах индивидов из некрополя высокие значения $\delta^{13}C$ и умеренно высокие $\delta^{15}N$ (табл. 1) сопоставимы с таковыми у скотоводов эпохи бронзы азиатских степей. Однако на фоне региональных групп позднего бронзового века Центрального Казахстана — и отдельно Верхнего Притоболья и Степного Зауралья — образцы Майтана демонстрируют заметный разброс изотопных значений. Если основная группа сходна с другими индивидами из могильников Центрального Казахстана, то два из наиболее ранних погребений сливаются со скоплением образцов Среднего Притоболья. По-видимому, в формировании оставившего некрополь коллектива на ранних этапах принимали

2 Здесь и далее сокращение огр. 10А/2 означает ограда (курган) 10А, могила 2.

участие индивиды, имеющие происхождение в другом регионе.

Результаты палеогенетического исследования (*Narasimhan et al.*, 2019) демонстрируют неоднородность людей из Майтана на евразийском аутосомном фоне. Семь из девяти образцов относятся к обширному западному степному генетическому кластеру среднего и позднего бронзового века Western_Steppe_MLBA (табл. 1). Однако у двух индивидов женского пола наблюдается западносибирский генетический выплеск (Steppe_MLBA_oWSHG). Но по краниологическим данным, обе женщины с таким специфичным генетическим профилем (огр. 23Д/1, огр. 36А/2), с длинной долихокранной и высокой черепной коробкой, широким лбом, довольно высоким лицом и орбитами (*Солодовников и др.*, 2013. Табл. 1) сходны со многими синхронными группами степного населения западной части Евразии. Примечательно, что оба образца «аутлайеров» происходят из оград западной планиграфической группы (рис. 1), в которой находятся две наиболее поздние в масштабе могильника ограды. В целом некрополь Майтан датируется 1770–1690 гг. до н. э., а его AMS-даты подтверждают тенденцию к удревнению археологических культур АКИО (*Молодин и др.*, 2014; *Поляков*, 2019; и др.).

Применение интегративного подхода позволяет сделать ряд частных и общих выводов. Выявляется хронологическая и пространственная сложность формирования некрополя и, по-видимому, многокомпонентность оставившего его коллектива в пределах алакульского культурного ареала. С его более западными областями связаны как истоки группы, так и последующие связи. AMS-датирование позволяет оценить связь планиграфии могильника с внутренней хронологией, но для возможности такого исследования необходим весь комплекс данных. На могильнике должно быть значительное число исследованных объектов или — в случае их выборочности — подходящие под критерий случайности отбора, как на некрополе Майтан. Такой переход исследования с уровня регионального на уровень локального культурогенеза соответствует современным тенденциям в археологии.

Таблица 1. Антропологические материалы из могильника Майтан: происхождение образцов, половозрастные данные (по: *Солодовников и др.*, 2013. Табл. 1), соотношение изотопов углерода ($\delta^{13}C$) и азота ($\delta^{15}N$) (по: *Narasimhan et al.*, 2018. Suppl. Mat. Data S2), радиоуглеродные даты, принадлежность к генетическим кластерам (по: *Narasimhan et al.*, 2019. Tab. S1. Suppl. 2. 2. 3. 6) и к планиграфическим группам (рис. 1). Нумерация образцов приведена по хронологическому порядку распределения радиоуглеродных дат

Table 1. Anthropological materials from Maitan burial ground: the provenance of samples, age-sex and some craniological dimensions (after *Солодовников и др.*, 2013. Табл. 1), the values of carbon ($\delta^{13}C$) and nitrogen ($\delta^{15}N$) stable isotopes (after *Narasimhan et al.*, 2018. Suppl. Mat. Data S2), the radiocarbon dates, the affinity to genetic clusters (after *Narasimhan et al.*, 2019. Tab. S1. Suppl. 2. 2. 3. 6) and planigraphic groups (see fig. 1). The numbering of samples corresponds to the chronological order of the radiocarbon dates' distribution

№	Ограда (курган)/ могила	Пол, возраст	$\delta^{13}C$	$\delta^{15}N$	^{14}C возраст, лабораторный индекс	Генетический кластер	Планиграфическая группа
I	40/2	♀ 20–25	-18,9	11,6	3485±20 BP, PSUAMS-2928	Western_Steppe_MLBA	Восточная
II	6/1	♂ 50–60	-19,6	12,1	3455±20 BP, PSUAMS-2922	Western_Steppe_MLBA	Восточная
III	23Д/1	♀ ~ 20	-18,3	13,5	3450±20 BP, PSUAMS-2924	Steppe_MLBA_oWSHG	Западная
IV	29В/1	♂ 18–20	-18,7	12,6	3445±20 BP, PSUAMS-2926	Western_Steppe_MLBA	Восточная
V	40/6	♀ ~ 30	-18,5	13,2	3435±20 BP, PSUAMS-2929	Western_Steppe_MLBA	Восточная
VI	8А/1	♀ ~ 18	-17,9	14,4	3435±20 BP, PSUAMS-2980	Western_Steppe_MLBA	Восточная
VII	17В/1	♀ 20–25	-18,3	13,4	3425±20 BP, PSUAMS-2923	Western_Steppe_MLBA	Восточная
VIII	36А/2	♀ 30–35	-18,6	13,3	3405±20 BP, PSUAMS-2927	Steppe_MLBA_oWSHG	Западная
IX	27А/1	♂ 18–20	-18,5	12,9	3395±20 BP, PSUAMS-2925	Western_Steppe_MLBA	Западная

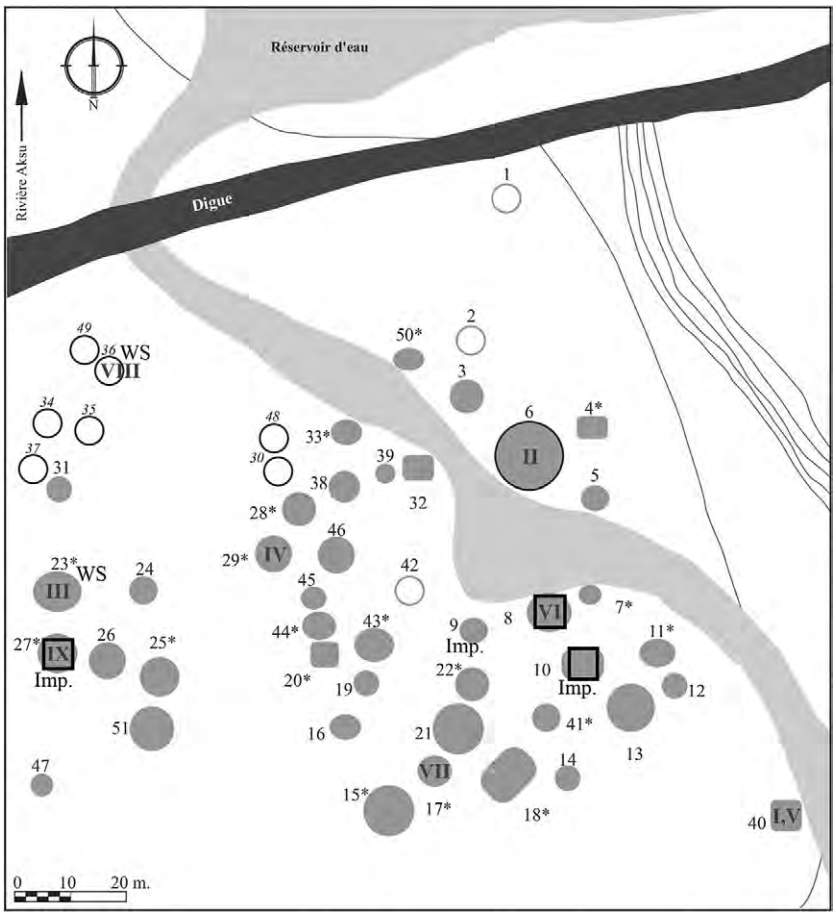

Рис. 1. План-схема могильника Майтан (по: *Bendezu-Sarmiento et al.*, 2007. Pl. 19). Римскими цифрами обозначены ограды и курган, из которых происходят образцы палео-ДНК и выполнены ^{14}C AMS-даты. Порядковый номер соответствует табл. 1, исходя из хронологической позиции;

☐ — брахикранный по поперечно-продольному указателю череп (по: *Солодовников и др.*, 2013); *Imp.* — дальнедистанционный керамический импорт из урало-тобольского региона (по: *Рудковский*, 2013); *WS* — присутствие «западносибирского» аутосомного генетического компонента (по: *Narasimhan et al.*, 2019)

Fig. 1. Maitan burial ground plan (after *Bendezu-Sarmiento et al.*, 2007. Pl. 19). Roman numerals indicate fences and a mound from which human paleo-DNA samples originate and ^{14}C AMS dates were defined. The sequence number corresponds to Tab. 1 based on the chronological position;

☐ — cranium brachycranial according to the transverse-longitudinal index (after *Солодовников и др.*, 2013); *Imp.* — long-distance ceramic imports from the Ural-Tobol region (after *Рудковский*, 2013); *WS* — presence of the „West Siberian" autosomal genetic component (after *Narasimhan et al.*, 2019)

Богатенков, 2003 — *Богатенков Д. В.* Палеодемография Мистихали // Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003. С. 19–49.

Ломан, 1993 — *Ломан В. Г.* Культурные особенности алакульской керамики Центрального и Северного Казахстана (по данным технологии ее изготовления) // Охрана и изучение культурного наследия Алтая / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1993. Ч. I. С. 109–111.

Молодин и др., 2014 — *Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Поляков, 2019 — *Поляков А. В.* Радиоуглеродные даты памятников андроновской (федоровской) культуры на среднем Енисее // Записки ИИМК. 2019. Т. 20. С. 163–173.

Рудковский, 2013 — *Рудковский И. В.* Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы: Хикари, 2013. 189 с.

Солодовников и др., 2013 — *Солодовников К. Н., Рыкун М. П., Ломан В. Г.* Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // ВААЭ. 2013. № 3 (22). С. 113–131.

Ткачев, 2019 — *Ткачев А. А.* Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 529 с.

Bendezu-Sarmiento et al., 2007 — *Bendezu-Sarmiento J.*, *Ismagulova A.*, *Bajpakov K. M.*, *Samashev Z.* De l'âge du bronze à l'âge du fer au Kazakhstan, gestes funéraires et paramètres biologiques. Identités culturelles des populations Andronovo et Saka. Paris: De Boccard, 2007. 602 p. (MMAFAC; T. XII).

Narasimhan et al., 2018 — *Narasimhan V.*, *Patterson N.*, *Moorjani P. et al.* The Genomic Formation of South and Central Asia (preprint) // bioRxiv. The preprint server for biology. 2018. 292581 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.biorxiv.org/content/10.1101/292581v1 (дата обращения: 28.06.2022).

Narasimhan et al., 2019 — *Narasimhan V.*, *Patterson N.*, *Moorjani P. et al.* The formation of human populations in South and Central Asia // Science. 2019. Vol. 365. No. 6457. P. 7487.

The possibilities of revealing the internal chronology of necropolises and the mobility of the Alakul population due to the study of the anthropological materials (on the example of the Maytan Bronze Age burial ground, Central Kazakhstan)

Konstantin N. Solodovnikov[3]

The author presents the connexion of the results of the natural-scientific study of paleoanthropological materials from the necropolis of Maitan (18th — early 17th cent. BC). The revealed demographic situation is typical for populations of the Bronze Age, some of its features suggest an initial period of adaptation. Genetic and morphological evidence suggests a Western origin of the population. The craniological specifics of the individual buried correspond to the finds of ceramic imports from the Ural-Tobol region. According to isotopic measurements, individuals from the earliest burials are similar to the groups of the Tobol steppe, while the rest correspond to local Central Kazakhstan samples. Women with a different genetic profile were buried in the fences of the western planigraphic group.

Keywords: *Bronze Age, Alakul culture, Maitan necropolis, paleodemography, craniometry, isotopic analysis, necropolis planigraphy.*

3 Konstantin N. Solodovnikov — Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 86 Malygin St., Tyumen, 625026, Russian Federation; e-mail: solodk@list.ru; ORCID: 0000-0003-0925-7219.

К вопросу о миграциях на востоке андроновского мира (по материалам украшений)

С. В. Сотникова[1]

Аннотация. *В статье рассматривается группа андроновских могильников Алтая и Восточного Казахстана со специфическим набором украшений. Проводится сопоставление с андроновскими могильниками Семиречья, где обнаружен подобный набор. Делается вывод о возможной миграции алакульско-атасуского или смешанного алакульско-фёдоровского населения с территории Южного Казахстана и его влиянии на формирование алтайско-восточноказахстанской группы «андроновцев».*

Ключевые слова: *Алтай, Южный Казахстан, бронзовый век, андроновская культура, украшения.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.118-120

На востоке андроновского мира локализована весьма своеобразная группа памятников, расположенных на территории степного и лесостепного Алтая (могильники Фирсово-XIV, Рублево-VIII, Чекановский Лог-II и X, Кытманово, Нижняя Суетка, Ново-Александровка и др.) и отчасти Восточного Казахстана (Маринка, Малый Койтас, Акмола, Кенжеколь, Мичурино). Исследователи традиционно считают их фёдоровскими. Между тем фёдоровской является только керамика, тогда как комплекс украшений считать однозначно фёдоровским

1 Светлана Владимировна Сотникова — ООО «Центр археологических исследований», ул. Зверева, д. 29/1, Надым, 629730, Российская Федерация; e-mail: svetlanasotnik@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4970-9160.

нельзя. Категории украшений: просверленные раковины; просверленные клыки; трубчатые серьги; желобчатые подвески в 1,5 оборота, изготовленные на бронзовой основе и плакированные золотой фольгой, — более характерны для алакульских памятников. Вместе с тем находки типично фёдоровских бронзовых серег с раструбом в этих могильниках единичны.

Кроме того, в среде андроновского населения, оставившего данные памятники, получил распространение специфический вид ушного украшения, не характерный ни для «фёдоровцев», ни для «алакульцев» других регионов. Украшение состояло из нескольких деталей: подвесок в 1,5 оборота, лапчатых и конусовидных подвесок, ребристых пронизей и иногда дополнялось трубчатыми серьгами. Все изделия изготовлены на бронзовой основе и плакированы золотой фольгой. Благодаря находке мумифицированного уха в одном из погребений могильника Фирсово-XIV был реконструирован способ ношения украшений (*Позднякова*, 2002. С. 103–112).

Наиболее выразительной деталью этого сложносоставного украшения являются трапециевидные подвески, которые можно разделить на два типа. Тип I — подвески в форме низкой трапеции, нижний край которой оформлен в виде 3–4 полушарных выпуклостей. По верхнему краю нанесен ряд отверстий для пришивания. Верхнюю часть подвески прикрывали обоймой либо гладкой, без орнамента, либо орнаментированной рядом жемчужин или горизонтальными каннелюрами (*Демин и др.*, 2011. С 37–38, рис. 8, *7*; 11, *1*; *Уманский и др.*, 2007. С. 28, рис. 64, *20–23*; и т. д.). По существу, это составная подвеска, состоящая из низкой трапеции и обоймы. Все алтайские подвески и часть восточноказахстанских принадлежат I типу. Тип II — подвески в форме высокой трапеции (верхняя часть имеет форму вытянутого прямоугольника, а нижняя — трапециевидное расширение). Нижний край оформлен в виде зубцов и ряда мелких жемчужин над ними, выше располагался достаточно сложный орнамент из рядов заштрихованных треугольников, горизонтальных каннелюр, вертикальных колонок, заполненных короткими горизонтальными линиями. Подвески II типа встречены только в Восточном Казахстане в могильниках Малый Койтас (*Грязнов*, 1927. С. 209, рис. 25, *3*) и Акмола (*Кадырбаев*, 1969. С. 102, табл. III, *8*). Способ крепления неясен, но это не составные изделия.

Такие подвески долго считались характерными только для территории степного Алтая и Восточного Казахстана. Недавно на территории Северо-Восточного Семиречья (Южный Казахстан) были исследованы андроновские могильники Тесик-I и Мадьярсай-I, в которых обнаружены подобные ушные украшения, изготовленные на бронзовой основе и плакированные золотой фольгой. В могильнике Тесик-I (погр. 1, огр. 1) в районе черепа погребенного найдены четыре подвески в 1,5 оборота и украшение трапециевидной формы с тремя полушарными выпуклостями (по терминологии авторов, «ременная обойма». — *С. С.*) (*Горячев и др.*, 2021. С. 15, 25, рис. 3, *6, 7*; 8, *5, 6*). В могильнике Мадьярсай-I (погр. 6, огр. 4) в районе между черепом и кистями рук погребенной обнаружена целая серия бронзовых украшений, плакированных золотой фольгой: две конические подвески, восемь целых серег-подвесок в 1,5 оборота и фрагменты от еще одной, а также два украшения трапециевидной формы с тремя полушарными выпуклостями (*Горячев*, 2020. С. 136–137, 146, рис. 6). Кроме того, в погр. 9, огр. 7 найдены четыре подвески в 1,5 оборота и фрагмент пятой, плакированные золотой фольгой, а также одна бронзовая коническая подвеска (*Там же*. С. 142).

Семиреченские трапециевидные украшения идентичны в конструктивном решении и декоративном оформлении. Конструктивная основа изделий была выполнена из листа меди Т-образной формы. Горизонтальные плечики этой формы загибались назад, образуя обойму. Центральная часть обоймы заполнялась орнаментальной композицией. Рельефный рисунок на бронзовых пластинах создавался методом чеканки и тиснения (*Там же*. С. 145–146, рис. 6, *1*). Нижняя часть всех изделий оформлена в виде трех полушарных выпуклостей. На украшениях из могильника Мадьярсай-I выше идет ряд из трех гладких треугольников вершиной вниз, причем вершина каждого треугольника соотнесена с полусферой предыдущего ряда. Третий ярус образует зигзагообразная линия с двумя изломами. Четвертый (верхний) ярус на одной обойме оформлен в виде вертикальных линий, на другой — в виде двух вертикальных колонок, заполненных горизонтальными линиями. На украшении из могильника Тесик-I выше полушарных выпуклостей проходит полоса зигзага с тремя изломами, верхний (третий) ярус образуют семь вертикальных колонок, заполненных короткими горизонтальными линиями.

Таким образом, по своим конструктивным особенностям семиреченские декорированные ременные обоймы могли служить прототипом алтайско-восточноказахстанских трапециевидных подвесок, как составных первого типа, так и декорированных второго типа. В Семиречье они входили в состав аналогичного сложносоставного ушного украшения, включающего, помимо трапециевидной обоймы, подвески в 1,5 оборота и конусовидные подвески.

Представляет интерес тот факт, что керамика могильника Мадьярсай-I представлена сосудами с уступчатым плечом, но орнаментация на посуде практически отсутствует. По мнению А. А. Горячева,

подобная посуда ближе к алакульско-атасуской керамике Центрального Казахстана, а исследованная конструкция, представляющая собой длинную цепочку каменных оград, отражает ранний этап освоения этого микрорайона племенами андроновской культурно-исторической общности (XIX–XVI вв. до н. э.) (*Там же*. С. 149).

В могильнике Тесик-I могила 1, где обнаружено украшение, относилась к большой центральной ограде, наиболее ранней в данной конструкции. В этой могиле найдены сосуды как с уступчиком по плечику, так и с плавной профилировкой. В более поздних материалах этого памятника посуда имеет исключительно плавный профиль. Исследователи считают, что в центральной ограде погребены представители смешанной алакульско-фёдоровской группы населения, но культурная доминанта скорее принадлежала алакульско-атасуской традиции. Они полагают, что изученный погребальный комплекс отражает лишь один небольшой хронологический период функционирования могильника, вероятнее всего в пределах XVI–XV вв. до н. э. (*Горячев и др.*, 2021. С. 29–30).

Учитывая, что андроновские материалы Алтая датируются исследователями в пределах XV–XII вв. до н. э. (Погребальный…, 2015. С. 32), можно говорить не только о типологическом, но и о хронологическом приоритете семиреченских трапециевидных изделий и всего комплекта головного украшения.

Андроновское население на территории Алтая является пришлым, что признается всеми исследователями. Группа андроновских могильников, локализованная на территории степного и лесостепного Алтая и отчасти Восточного Казахстана, где обнаружены украшения алакульского типа, включая сложносоставное украшение с трапециевидными подвесками, могла сложиться под влиянием отдельных групп алакульско-атасуского или смешанного алакульско-фёдоровского населения, мигрировавшего с территории Южного Казахстана.

Горячев, 2020 — *Горячев А. А.* Могильник эпохи бронзы Мадьярсай-I северо-восточных склонов гор Киндыктас // ТПАИ. 2020. № 1 (29). С. 135–151.

Горячев и др., 2021 — *Горячев А. А.*, *Потапов С. А.*, *Чернов М. А.* Погребальный комплекс эпохи бронзы урочища Тесик // Археология Казахстана. 2021. № 1 (11). С. 9–34.

Грязнов, 1927 — *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Антропологические очерки. Вып. 1. Л.: АН СССР, 1927. С. 179–221.

Демин и др., 2011 — *Демин М. А.*, *Запрудский С. С.*, *Ситников С. М.* Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул: АлтГПА, 2011. 128 с.

Кадырбаев, 1969 — *Кадырбаев М. К.* Акмола — памятник андроновской культуры // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 91–106.

Погребальный…, 2015 — Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья (материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. 209 с.

Позднякова, 2002 — *Позднякова О. А.* Андроновские головные уборы из могильника Фирсово-XIV и их аналогии // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья / Отв. ред. В. К. Мерц. Павлодар: ЭКО, 2002. Вып. 1. С. 103–112.

Уманский и др., 2007 — *Уманский А. П.*, *Кирюшин Ю. Ф.*, *Грушин С. П.* Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 132 с.

To the question of migrations in the east of the Andronovo world (based on the materials of ornaments)

Svetlana V. Sotnikova[2]

The author considers the group of Andronovo burial grounds of Altai and East Kazakhstan with a specific set of ornaments. She compared it with the Andronovo burial grounds of Semirechye, where a similar set of ornaments was found. The possible migration of the Alakul-Atasus or mixed Alakul-Fedorovka population from the territory of South Kazakhstan and its influence on the formation of the Altai and East Kazakhstan group of Andronovo population is postulated.

Keywords: *Altai, Southern Kazakhstan, Bronze Age, Andronovo culture, ornaments.*

2 Svetlana V. Sotnikova — "The Centre of archaeological research", 29/1 Zverev St., Nadym, 629730, Russian Federation; e-mail: svetlanasotnik@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4970-9160.

Предварительные данные по антропологии андроновской культуры могильника Усть-Камышта-1 (юг Минусинских котловин)[1]

Н. И. Лазаретова[2], В. М. Лурье[3]

Аннотация. *В 2021 г. в Аскизском районе Хакасии было изучено девять погребений андроновской культуры, которые ранее не встречались в южной части Минусинских котловин. Сравнение полученных антропологических материалов с сериями из андроновских могильников, расположенных в северных районах, показывает их отличия друг от друга, причины которых пока установить не удается.*

Ключевые слова: *Минусинские котловины, бронзовый век, андроновская культура, антропология.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.121-123

Долгое время в южной части Минусинских котловин практически не было известно андроновских памятников, закономерным следствием чего стало появление концепции противостояния носителей окуневской и андроновской культур, занимавших разные части котловин в течение XVII–XIV вв. до н. э. Раскопки кургана № 13 могильника Усть-Камышта-1 на юге Хакасии «пошатнули» данную теорию: под курганной насыпью была исследована система из пристроенных друг к другу оград, включающая девять могил, относящихся к андроновской культуре.

Захоронения были совершенны с применением обрядов ингумации и кремации на стороне. В одной из могил (мог. 4) было совершено биритуальное погребение: кремация (предположительно мужчины старше 20 лет) и ингумация женщины (?) около 25 лет (определение пола затруднено в связи с особенностями морфологии скелета). Погребения взрослых людей встречаются в цистах и деревянных рамах, детей — в каменных ящиках и комбинированных конструкциях. Погребенные были уложены на левый бок головой на запад в позе «адорации». За головой у всех погребенных располагались керамические сосуды с плавным профилем, покрытые «ковровым орнаментом»; в погребениях взрослых по обряду трупоположения обнаружены украшения из бронзы и желтого металла.

В целом материалы кургана № 13 могильника Усть-Камышта-1 вписываются в общие представления об андроновской культуре Минусинских котловин и несколько их дополняют. Ранее на Среднем Енисее было зафиксировано только одно биритуальное захоронение (Устье Бири IV, погр. 14) (*Поляков*, 2022. С. 201). Также в исследованном кургане было обнаружено два сосуда с орнаментом на дне, у одного из которых орнаментированы были внешняя и внутренняя стороны дна. До этого на рассматриваемой территории был известен только один сосуд с орнаментированным дном — Пристань I, огр. 8 (*Максименков*, 1978. Табл. XLV, *9*), хотя подобные ему встречаются в других районах андроновского ареала. Найти аналогии сосуду с орнаментом на обеих сторонах дна пока не удалось.

Поскольку ранее на юге Минусинских котловин было известно только одно андроновское погребение, встает вопрос о соотношении полученных материалов с памятниками северных районов. В связи с этим особо важным представляется анализ антропологических серий.

Антропологические материалы содержались в каждой могиле, в трех из девяти — только сожженные останки. Бо́льшая часть остеологических материалов имеют хорошую сохранность. Все индивиды, похороненные в данном кургане, довольно молодого возраста: только один мужчина относится к возрастной когорте 35–40 лет. В трех могилах были погребены дети — 9 лет, 1,5 лет и младенец до полугода. Пригодными для изучения по краниометрической, краниоскопической и остеометрической программам оказались скелеты пяти взрослых индивидов: женщина 20–25 лет, женщина (?) около 25 лет, мужчина 35–40 лет, мужчина около 20 лет и мужчина 25–30 лет.

Мужская и женская выборки рассматриваемого могильника характеризуется средней по длине и ширине мозговой коробкой, мезокранной по черепному указателю. По высотно-продольному указателю все серии гипсикранны: высотный диаметр черепа имеет большие и очень большие размеры. По высотно-попе-

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по темам государственного задания № FMZF-2022-0014 «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)»; № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие».

2 Наталья Ивановна Лазаретова — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: natasha-lazaretova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4055-9656.

3 Вера Михайловна Лурье — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: verqa@list.ru; ORCID: 0000-0003-0400-1396.

речному указателю черепа акрокранны. Лоб у женщин большой ширины и средненаклонный, у мужчин диапазон этих значений довольно велик. Лицо средней высоты при достаточно большой ширине у мужчин, у женщин — наоборот: при средней ширине высокое лицо, мезогнатное по углам лицевого профиля. Орбиты у мужчин среднеширокие и низкие, у женщин — очень широкие при средней высоте; по указателю от максиллофронтале и от дакриона — мезоконхные. Нос в мужской группе средний по высоте и ширине, сильно выступающий; у женщин — большой по высоте при средней ширине, средневыступающий. По носовому указателю выборки сильно различаются: у мужчин проявляется хамериния, у женщин встречается лепториния. Носовые кости большой либо очень большой ширины. Надпереносье у всех высокое либо очень высокое. Лицо резко профилировано в горизонтальной плоскости. У женщин наблюдается средняя профилированность на зигомаксиллярном уровне. Клыковая ямка в мужской группе малая по глубине, в женской — средней глубины. В целом описанные выше индивиды представляют собой единый морфологический тип.

В опубликованных сведениях о краниологической серии «андроновцев» Среднего Енисея наблюдается дисбаланс по количеству индивидов: 33 мужских черепа и 17 женских. Своеобразие этой же серии (из Минусинских котловин) отмечают исследователи (*Дебец*, 1932. С. 28; 1948. С. 70; *Алексеев*, 1961; 1967. С. 25–26; *Дремов*, 1990. С. 56–59; *Солодовников*, 2021. С. 159), проявляющееся в повышении черепного указателя и увеличении высоты черепной коробки. Характерными чертами, отличающими их от других европеоидных серий этого времени, являются: более низкое лицо и связанное с ним повышение носового указателя и понижение глазничного; несколько более короткий и широкий череп, более прямой лоб (*Дебец*, 1948. С. 70–72).

Черепа андроновской культуры из Усть-Камышты-1 обладают определенным своеобразием и отличаются от серии из других курганов этой культуры Среднего Енисея. Мужские черепа выделяются при сравнении с выборкой «андроновцев» Минусинских котловин по всем параметрам черепной коробки: меньшими размерами, большей верхней высотой лица, большей высотой и шириной носа при меньшем угле выступания. Черепные коробки женщин, наоборот, больше по размерам; исключение составляет поперечный диаметр черепной коробки. Все измерения лицевого скелета также выше по значениям. Угол выступания носа, как и в мужской серии, меньше: у индивида из мог. 1 равен 23, у скелета из мог. 4 визуально определяется как небольшой, однако измерить его невозможно. Значения назомалярного и зигомаксиллярного углов в мужских и женских андроновских сериях Усть-Камышты-1 и Среднего Енисея практически не отличаются. При сравнении индивидуальных измерений черепов с серией, опубликованной Г. Ф. Дебецем, наибольшее сходство наблюдается с черепами из раскопок у деревни Андроново, а также с «андроновцами» Западного Казахстана. Нужно отметить, что в женской объединенной серии разброс значений очень велик, неоднородность выборки очевидна.

Изучение краниоскопических признаков имеет большое значение для решения вопросов происхождения и контактов палеопопуляций. Сравнивая выборку из Усть-Камышты-1 с изученной ранее А. В. Громовым серией «андроновцев» Минусинских котловин (*Громов*, 1996. С. 147–155), следует отметить их абсолютную непохожесть, проявляющуюся в очень высокой частоте встречаемости у «андроновцев» Усть-Камышты-1 заднескулового шва и довольно низкой частоте подглазничного узора типа II. Однако здесь надо учитывать малое количество наблюдений, а также вероятную принадлежность данных индивидов к одной семье. По наличию клиновидно-верхнечелюстного шва у «андроновцев» Минусинских котловин зафиксирован мировой максимум этого признака: у «усть-камыштинцев» этот показатель равен 38,9%, что сближает эту группу с «андроновцами» Северного, Восточного и Центрального Казахстана. Значение индекса поперечного нёбного шва у них значительно ниже, чем у остальных «андроновцев». Частота встречаемости надглазничных отверстий выглядит вполне обычной.

Все посткраниальные скелеты индивидов из Усть-Камышты-1 исследованы по остеометрической программе, включающей 88 признаков для 11 костей посткраниального скелета (*Алексеев*, 1966). Сравнение с опубликованными Г. Ф. Дебецем данными по остеометрии «андроновцев» Минусинских котловин показало, что длины костей скелета и рост, соответственно, у мужчин Усть-Камышты-1 меньше, а у женщин — чаще всего, наоборот, больше.

На данном этапе исследований сложно предположить, с чем могут быть связаны описанные выше различия антропологических серий. Вероятно, дальнейшие исследования андроновских курганов могильника Усть-Камышта-1 прольют свет в решении этого вопроса, а также позволят внести уточнения по вопросу финала окуневской культуры и ее взаимодействия с андроновской.

Алексеев, 1961 — *Алексеев В. П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // ТИЭ. Новая серия. Т. LXXI. Сб. III. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 107–206.

Алексеев, 1966 — *Алексеев В. П.* Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.

Алексеев, 1967 — *Алексеев В. П.* Антропология андроновской культуры // СА. 1967. № 1. С. 22–26.

Громов, 1996 — *Громов А. В.* Палеоантропология населения Южной Сибири эпохи бронзы по данным краниоскопии // Вестник антропологии. 1996. № 2. С. 147–155.

Дебец, 1932 — *Дебец Г. Ф.* Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовом обществе) // Антропологический журнал. М., 1932. № 2. С. 26–48.

Дебец, 1948 — *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (ТИЭ. Новая серия; Т. 4).

Дремов, 1990 — *Дремов В. А.* Антропологический состав населения андроновской и андроноидных культур Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1990. Вып. 2. С. 56–61.

Максименков, 1978 — *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, ЛО, 1978. 192 с.

Поляков, 2022 — *Поляков А. В.* Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Солодовников, 2021 — *Солодовников К. Н.* Сибирский компонент сложения антропологического состава населения андроновской культуры Среднего Енисея // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986) (19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред.: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМКРАН, 2021. С. 158–160.

Anthropological materials of the Andronovo culture from the mound No. 13 of the burial ground Ust-Kamyshta-1 (south of the Minusinsk Basins)

Natalia I. Lazaretova[4], Vera M. Lurie[5]

The authors report on the research of nine burials of the Andronovo culture conducted in 2021 in the Askiz district of the Republic of Khakassia. The Andronovo sites had not previously been found in the southern part of the Minusinsk Basins. Comparison of the obtained anthropological materials with the series from the Andronovo burial grounds located in the northern regions shows their originality, the reasons for which will be established by further studies of the Andronovo sites in the south of Khakassia.

Keywords: *Minusinsk Basin, Bronze Age, Andronovo culture, anthropology.*

4 Natalia I. Lazaretova — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: natasha-lazaretova@yandex.ru; ORCID:0000-0002-4055-9656.

5 Vera M. Lurie — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: verqa@list.ru; ORCID:0000-0003-0400-1396.

Навершия каменных булав эпохи энеолита и бронзы с севера Верхнего Приобья[1]

А. П. Бородовский[2]

Аннотация. *Публикация посвящена обзору находок наверший каменных булав эпохи энеолита и бронзы на севере Верхнего Приобья. Все эти находки древнего ударного вооружения локализуются по правому и левому берегам Оби южнее Новосибирска — т. е. с ландшафтной точки зрения в северной лесостепи, рассеченной у речного побережья ленточными борами. Навершия каменных булав типологически разнообразны и имеют достаточно широкую хронологию. Находки этих предметов встречаются в погребальных и поселенческих комплексах среднего (андроновская культура) и позднего бронзового века (ирменская культура).*

Ключевые слова: *юг Западной Сибири, Верхнее Приобье, эпоха бронзы, древнее вооружение, навершия каменных булав.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.123-126

1 Работа выполнена по программе «Приоритет» ТГУ.

2 Андрей Павлович Бородовский — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: altaicenter2011@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6312-1024.

Навершия каменных булав являются основной функциональной частью одного из древнейших видов древкового ударно-дробящего холодного оружия. Существует два подхода к их описанию: согласно одним источникам, булава является разновидностью палицы (Булава, 2006. С. 324), по другим данным — булава и палица являются разными типами ударно-дробящего оружия (ГОСТ, 2020. С. 4–5; *Кулинский*, 2007. С. 18, 23). Длина рукояти булавы составляет около 0,5–0,8 м, а масса навершия — 200–300 г.

На территории севера Верхнего Приобья одно из первых наверший каменных булав эпохи бронзы обнаружено М. П. Грязновым еще в начале 1950-х гг. В ходе археологического обследования ложа Новосибирского водохранилища в 1953 г. на левобережье русла Оби было выявлено поселение андроновского времени Шляпово-1 (рис. 1, *А*, *4*). В предметном комплексе этого памятника найден обломок шаровидной булавы, изготовленной из светлого гранита.

В конце 1990-х гг. автор обнаружил обломок еще одной шаровидной булавы из гранита на разрушенном водной эрозией андроновском грунтовом могильнике у с. Кирза Ордынского р-на Новосибирской обл. (рис. 1, *А*, *5*). Заготовка каменной булавы была найдена на отмели у хлебоприемного пункта у с. Ордынское (рис. 1, *А*, *6*). Изделие представляло самый начальный этап обработки материала, когда оформлена округлая заготовка и начата двусторонняя засверловка камня. В дальнейшем было необходимо приемом пикетажа выдолбить будущую втулку отверстия. На поселении ирменской культуры Чингис-1 (Ордынский р-н) обнаружен фрагмент булавы (рис. 1, *А*, *7*). Каменное изделие из Чингиса-1 отличала высокая степень совершенства обработки. Булава была тщательно отшлифована и по своей форме была сходна с мраморной булавой из кротовского могильника Сопка-2 в Барабе (*Молодин*, 1985. С. 45, рис. 15, *5*). Еще один обломок биконической каменной булавы представлен среди материалов ирменского поселения Милованово-3 (Ордынский р-н) (рис. 1, *А*, *8*). Известен фрагмент каменной биконической грушевидной булавы с поселения Крохалевка-5 (Коченевский р-н Новосибирской обл.) (рис. 1, *А*, *2*). В экспозиции Новосибирского городского краеведческого музея эти предметы необоснованно интерпретированы как ударная часть кистеней. В начале 2000-х гг. С. Г. Рослякову при исследовании культурного слоя поселения ирменского времени у с. Федосово (Кочковский р-н Новосибирской обл.) удалось обнаружить еще один обломок навершия биконической каменной булавы (рис. 1, *А*, *1*).

Весной 2020 г. на обском правобережье при очередном сбросе воды из Новосибирского водохранилища найдено дисковидное навершие булавы (*Бородовский*, *Волков*, 2022). Этот предмет был обнаружен на отмелях острова Хреновый в предустьевой части Бердского залива водохранилища (рис. 1, *А*, *3*; *Б*). Дисковидное уплощенное навершие из Бердского залива имеет диаметр 92 мм, сечение 27 мм, массу 278 г.

Трасологическое изучение поверхности каменного дисковидного навершия было проведено д. и. н. В. П. Волковым. Микроскопическое исследование артефактов базировалось на методике экспериментально-трасологического и технологического анализа, разработанной С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой (*Семенов*, 1957; *Korobkowa*, 1999; и др.). Использовался также опыт работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной и Центральной Азии (*Волков*, 1999; 2010; 2013). При общем трасологическом обследовании материалов применялся бинокуляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат.

Трасологическое исследование показало, что при изготовлении навершия в качестве сырья использовалась уплощенная окатанная, округлая в плане речная галька из сравнительно рыхлого песчаника. Более половины поверхности изделия не несет на себе следов обработки и характеризуется зернистой, шероховатой поверхностью на одной из относительных плоскостей и торцах артефакта. На некоторых участках галечной заготовки отмечены следы естественных скалываний, локально пришлифованные на относительно мелкозернистом абразиве. Шлифовка производилась, вероятно, по влажной поверхности заготовки, что приводило к заметному разрушению песчаника и образованию сравнительно глубоких линейных следов на обрабатываемой поверхности, генезис которых был связан с воздействием частиц разрушающейся структуры обрабатываемой породы. Есть основания предполагать, что процесс двусторонней сверловки изделия был приостановлен в момент появления первых признаков выхода сверла на пришлифованной плоскости артефакта. Вероятно, именно поэтому при работе с изделием пришлось произвести развальцовку выходного участка канала сверления с помощью развертки, следы работы которой зафиксированы в виде ступенчатых следов остановки вращательного движения инструмента по часовой стрелке.

Трасологические исследования каменного навершия булавы из Бердского залива также выявили одну интересную особенность: следов неизбежной деформации поверхности изделия из относительно мягкого материала при его неоднократном или усиленном насаживании на рукоять через высверленное отверстие не было обнаружено. При этом на предмете из рыхлого, непрочного камня (из которого изготов-

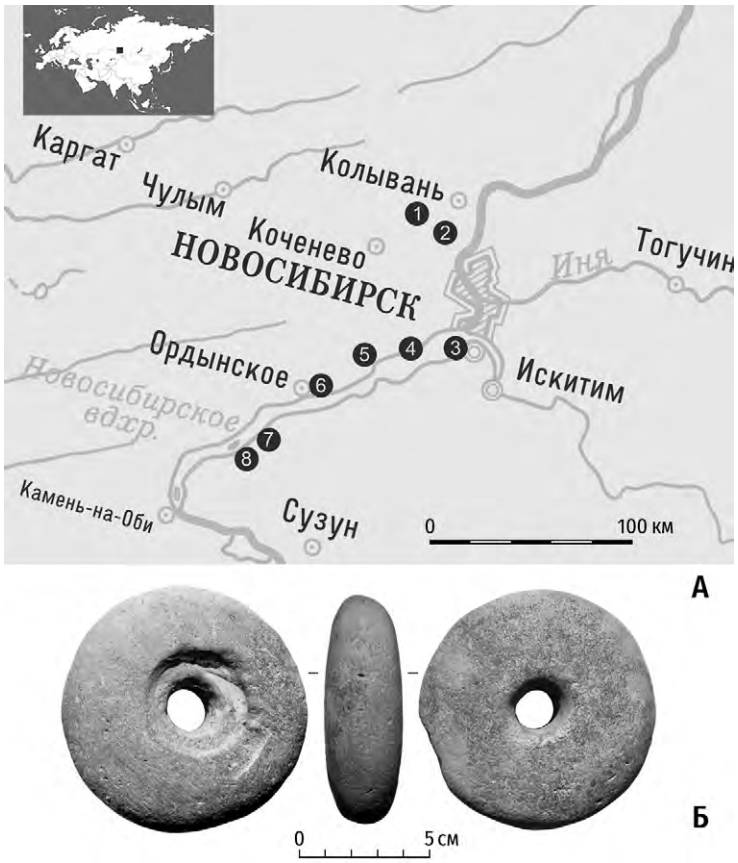

Рис. 1. Распространение находок наверший каменных булав на севере Верхнего Приобья: *А* — картография находок наверший каменных булав (*1* — Федосово; *2* — Крохалевка-5; *3* — Бердский залив; *4* — Шляпово; *5* — Кирза; *6* — Ордынское; *7* — Чингис-1; *8* — Милованово-3); *Б* — дисковидное навершие булавы из Бердского залива

Fig. 1. The distribution of the finds of the stone maces' heads in the north of the Upper Ob region: *A* — the map of the finds of the stone maces' heads (*1* — Fedosovo; *2* — Krokhalevka-5; *3* — Berdsk golf; *4* — Shlyapovo; *5* — Kirza; *6* — Ordynskoye; *7* — Chingis-1; *8* — Milovanovo-3); *Б* — the mace's head in form of disk, Berdsk golf

лено навершие) неизбежно остались бы следы усиленного или многоразового его насада на рукоять.

Такие материаловедческие характеристики позволяют предполагать, что навершие из Бердского залива не имело функциональной значимости как оружие. Кроме того, использование для изготовления навершия дисковидной булавы из Бердского залива естественной формы камня (гальки) соответствует одной из технологических традиций освоения природных форм в архаическом производстве. Наиболее отчетливо это представлено в косторезном (*Бородовский*, 2012) и деревообрабатывающем производстве эпохи камня и металла. Следует также упомянуть, что в этнографической практике народов Сибири известны прецеденты ритуального осмысления необычных и «правильных» форм камней в ритуальной практике. Все это в целом позволяет предполагать определенную семантику самого материала как сакрального. Для булавы как статусного оружия это достаточно значимый признак. В этом контексте еще важна нефункциональность песчаника как материала: эта порода не только неустойчива к механическим воздействиям, но и склонна к разрыхлению даже при незначительном увлажнении. Таким обстоятельством может быть объяснено отсутствие следов интенсивного использования навершия. Указанные материаловедческие и функциональные характеристики лишний раз подчеркивают вотивность каменного навершия булавы из Бердского залива и возможную связь ее со статусными предметами — скорее всего, это было символическое и, возможно, ритуальное изделие.

На территории Евразии с древности существовала традиция, когда булавы (палицы) служили инсигниями власти. Эти знаки различия являлись одной из культурных универсалий в манифестации социальной иерархии. Одной из ближайших территориальных аналогий предмета из Бердского залива является навершие дисковидной булавы из энеолитического грунтового могильника Боровянка XVII в Среднем Прииртышье (*Хвостов*, 2001). В эпоху бронзы такой

дисковидный тип наверший булав имел достаточно широкое распространение. Еще одно аналогичное изделие обнаружено в Великобритании (Бедфорд).

Типологические признаки каменного навершия булавы из Бердского залива позволяют отнести ее к рубежу раннего и среднего бронзового веков, поскольку для среднего бронзового века характерны дисковидные и шаровидные формы наверший такого ударного оружия. В целом достаточно большое количество находок наверший каменных булав различных хронологических периодов и их типологические особенности позволяют рассматривать север Верхнего Приобья как одну из территорий, где эта разновидность ударно-древкового оружия не только развивалась, но и выполняла различные функции (статусные, ритуальные и боевые).

Бородовский, 2002 — *Бородовский А. П.* Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2002. 207 с. (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России»; Вып. 6).

Бородовский, 2012 — *Бородовский А. П.* Использование естественной формы кости в традиционном косторезном деле Южной Сибири // Глушков И. Г. Избранные труды. Ч. III. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2012. С. 51–56.

Бородовский, *Волков*, 2022 — *Бородовский А. П.*, *Волков П. В.* Находки каменных орудий в Бердском заливе Новосибирского водохранилища // АЭАЕ. 2022. Т. 50. № 1. С. 73–78.

Булава, 2006 — [*б. а.*] Булава // Большая российская энциклопедия. Т. 4. Большой Кавказ — Великий канал. М.: БРЭ, 2006. С. 324.

Волков, 1999 — *Волков П. В.* Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 192 с.

Волков, 2010 — *Волков П. В.* Эксперимент в археологии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 324 с.

Волков, 2013 — *Волков П. В.* Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.

ГОСТ, 2020 — ГОСТ Р 51215–98. Оружие холодное. Термины и определения. Издание официальное. М.: Стандартинформ, 2020. 23 с.

Кулинский, 2007 — *Кулинский А. Н.* Методические рекомендации. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. СПб.: ВИМАИВиВС, 2007. 225 с.

Молодин, 1985 — *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, СО, 1985. 200 с.

Семенов, 1957 — *Семенов С. А.* Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 241 с. (МИА; № 54).

Хвостов, 2001 — *Хвостов В. А.* Захоронения эпохи энеолита могильника Боровянка XVII в Среднем Прииртышье // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 134–139.

Korobkowa, 1999 — *Korobkowa G. F.* Narzędzia w pradziejach: Podstawy badania funkcij metoda traseologiczną. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. 168 p.

The stone maces' heads of the Chalcolithic and Bronze Age from the north of the Upper Ob region

Andrey P. Borodovsky[3]

The author reviews the finds of the stone maces' heads of the Chalcolithic and Bronze Age in the north of the Upper Ob region. Geographically, all these finds of ancient shock weapons are localized along the right and left banks of the Ob River south of Novosibirsk — from a landscape point of view it is the northern forest-steppe zone, dissected by ribbon of the forests near the river coast. The tops of stone maces belong to different types and have a fairly wide chronology. The finds of these objects are found in the burial and settlement complexes dated the Middle (Andronovo culture) and Late Bronze Age (Irmen culture).

Keywords: *the South of Western Siberia, the Upper Ob region, Bronze Age, objects of ancient weapons, the tops of stone maces.*

[3] Andrey P. Borodovsky — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: altaicenter2011@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6312-1024.

Кинжал из села Анненское: к вопросу о карасукских бронзах в Южном Зауралье

Ф. Н. Петров[1], М. Н. Анкушев[2], И. А. Блинов[3]

Аннотация. *Кинжал, найденный в Карталинском районе Челябинской области, был исследован методом сканирующей электронной микроскопии. Выяснено, что он отлит из оловянисто-мышьяковой бронзы с высоким содержанием легирующих компонентов, клинок дополнительно прокован. Морфологически кинжал принадлежит к т. н. карасукским бронзам и может быть датирован XI–X вв. до н. э. по аналогиям из Северного Китая. Находки еще как минимум восьми однотипных кинжалов, обнаруженных в разные годы на территории урало-казахстанских степей, свидетельствуют о восточном влиянии на формирование металлокомплекса данного региона в финале эпохи бронзы.*

Ключевые слова: *Южное Зауралье, финал бронзового века, карасукские бронзы, кинжал, сканирующая электронная микроскопия.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.127-130

Карасукский кинжал с обломанным клинком был найден в с. Анненское Карталинского р-на Челябинской обл. на левом берегу р. Караталы-Аят (бассейн Тобола). В настоящее время он хранится в научно-исследовательской лаборатории «Археологические исследования и школьное археологическое краеведение» ЮУрГГПУ (Челябинск), куда был передан учителем истории Анненской средней образовательной школы Ю. М. Алентьевым. Впервые он был опубликован А. В. Епимаховым и М. Г. Епимаховой в 2005 г. вместе с другими случайными находками ножей и кинжалов бронзового века с территории Челябинской области (*Епимахов*, *Епимахова*, 2005. С. 79–80, рис. 1, *4*). В 2019 г. А. Д. Таиров в статье, посвященной публикации похожего кинжала из Северо-Казахстанского историко-краеведческого музея, уделил внимание морфологической и хронологической характеристике анненского кинжала (*Таиров*, 2019. С. 215). В 2021 г. вместе с другими находками, происходящими с территории Южного Зауралья, кинжал был упомянут в коллективной статье, посвященной минеральным включениям в металлических изделиях позднего бронзового века (*Анкушев и др.*, 2021. С. 76–77, 79).

К сожалению, в последней публикации была допущена ошибка в атрибуции кинжала: он был указан как находка из Аргаяшского р-на Челябинской обл. Эта ошибка привела к тому, что кинжалу был приписан неверный анализ состава металла (*Там же*. С. 81). Настоящая статья призвана исправить допущенные ошибки и проанализировать кинжал из с. Анненское в общем контексте находок карасукских бронз в Южном Зауралье.

Изучаемый кинжал имеет треугольный клинок и хорошо выраженные упоры при переходе к литой рукояти (рис. 1, *3*). Рукоять трубчатая длиной 10,1 см, овальная в сечении (2,0 × 0,9 см в средней части), с грибовидным навершием и продольным желобком с двумя перемычками. Клинок обломан со стороны острия и сохранился на длину 8,0 см; предположительная длина клинка — около 16 см. Сечение клинка линзовидное с выраженными спусками с обеих сторон: ширина у рукояти — 4,1 см, ширина у слома — 3,0 см, ширина спусков — около 0,8 см, спуски сведены практически «в ноль», микроподводы не выражены. Вся сохранившаяся часть кинжала равномерно покрыта патиной серо-зеленого цвета.

Изучение металла кинжала было выполнено методом растровой электронной микроскопии, который позволяет делать как приближенные к валовому (по растру), так и точечные анализы различных фаз бронз и минеральных включений (до 3–5 мкм). На отобранном от лезвия кинжала и зачищенном фрагменте металла размерами 2,0 × 2,0 мм были выполнены четыре анализа (от *a* до *d*), соответствующие различным фазам сплава (рис. 1, *1*). Для трех из них были получены количественные значения состава

1 Федор Николаевич Петров — Челябинский государственный университет, ул. братьев Кашириных, д. 129, Челябинск, 454001, Российская Федерация; Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим», ул. Красноармейская, д. 100, Челябинск, 454090, Российская Федерация; e-mail: petrov_fedor@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8212-7424.

2 Максим Николаевич Анкушев — Институт минералогии Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН, Миасс, Ильменский заповедник, 456317, Российская Федерация; e-mail: ankushev_maksim@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9628-5546.

3 Иван Александрович Блинов — Институт минералогии Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН, Миасс, Ильменский заповедник, 456317, Российская Федерация; e-mail: ivan_a_blinov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7397-4760.

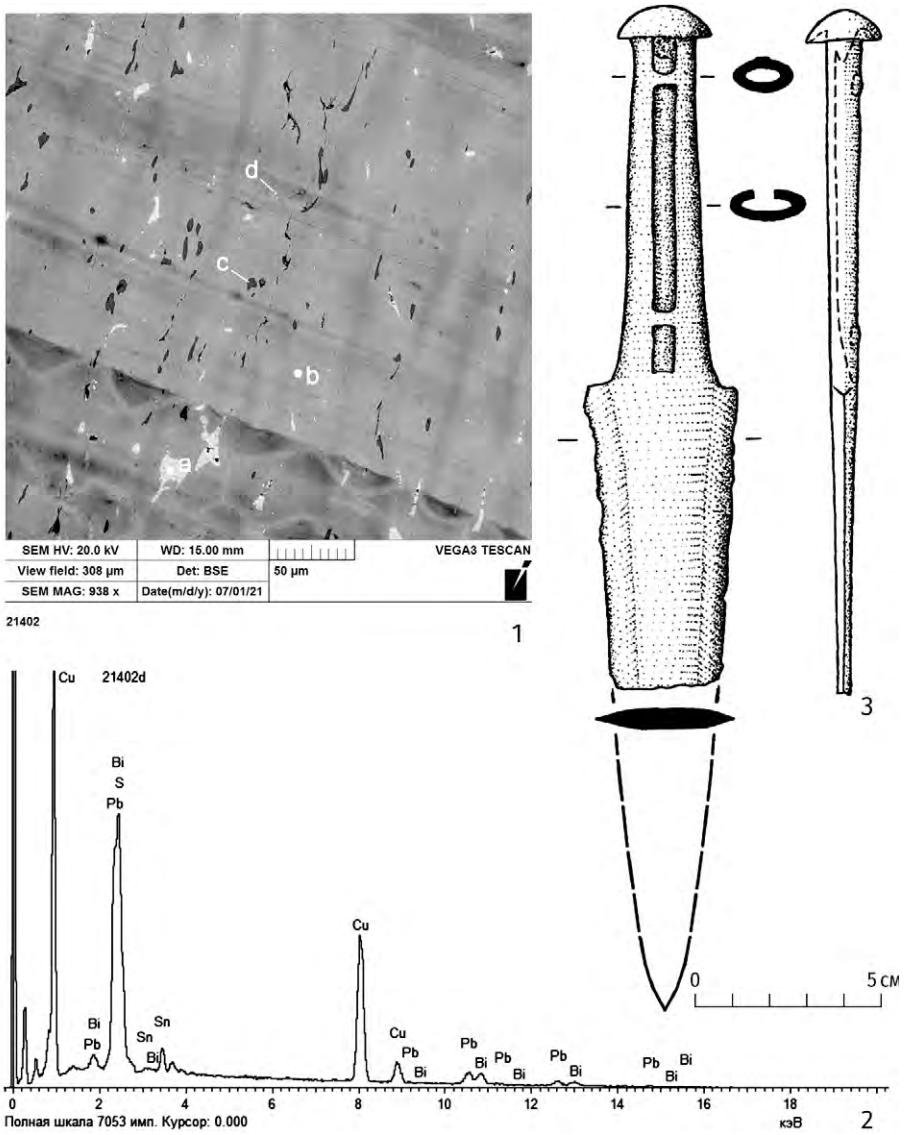

Рис. 1. Кинжал из села Анненское: *1* — фото сканирующей электронной микроскопии (4 точки анализа); *2* — спектр образца 21402d (точка d); *3* — прорисовка кинжала (по: *Епимахов, Епимахова*, 2005. Рис. 1, 4)

Fig. 1. A dagger from the village of Annenskoye: *1* — photo of scanning electron microscopy (4 points of analysis); *2* — spectrum of sample 21402d (point d); *3* — drawing of a dagger (after *Епимахов, Епимахова*, 2005. Рис. 1, 4)

металла, для четвертого (*d*) фаза оказалась слишком мала (около 1 мкм), и с нее был взят только качественный спектр (рис. 1, *2*). Также был рассчитан приближенный к валовому анализ металла изделия, снятый по растру. Полученные численные значения приведены в табл. 1 (соответствие анализов фазам металла см. на рис. 1).

Таким образом, металл кинжала представляет собой оловянисто-мышьяковую бронзу с высоким содержанием легирующих компонентов в сплаве: более 10% олова и около 1% мышьяка. Также в сплаве фиксируются заметные примеси никеля и серы — на уровне нескольких десятых процента. Наличие серы обусловлено микровключениями размером 5–10 мкм сульфидов (Se-содержащий халькозин, анализ 21402 c).

Металл кинжала неоднороден, проявлена ликвация, в составе кинжала выявлены более (до 31,07%) и менее богатые оловом фазы (0,22%). Наличие мышьяка (1,05%) зафиксировано в фазе с содержанием олова 0,22%. Высокое содержание никеля соответствует высоко-оловянистой фазе (до 2,45%).

Изучаемый кинжал отлит в двусторонней форме с вкладышами, обеспечившими формирование «перемычек» на рукояти. Его клинок был дополнительно прокован при формировании спусков, об этом свидетельствует однонаправленная ориентация сжатых ковкой фазовых включений на лезвии кинжала,

Таблица 1. Состав металла кинжала из села Анненское (по данным сканирующей электронной микроскопии)

Table 1. Metal composition of dagger from the village of Annenskoye (according to scanning electron microscopy data)

Анализ №	S	Ni	Cu	As	Se	Sn	Сумма
21402a		2.45	65.49			31.07	99.02
21402b		0.33	87.43	1.05		10.54	99.35
21402c	17.75		79.49		2.21	0.22	99.67
21402 валовый (по растру)	0.25	0.37	88.37	0.92		10.09	100

зафиксированная на фото сканирующей электронной микроскопии (рис. 1, *1*).

По форме и размерам кинжал из Анненского относится ко II группе карасукских кинжалов, согласно Н. Л. Членовой (*Членова*, 1976. С. 7), и к ранней форме подвида B1b, согласно К. Мацумото (*Мацумото*, 2015. С. 25). При этом он входит в большую группу кинжалов с т. н. шипами на перекрестье, однако на самом анненском кинжале «шипы» еще практически не выделены из верхней части клинка. К. Мацумото прослеживает генезис кинжалов подвида B1b на территории Минусинской котловины, где сосредоточено большинство таких находок. Отсюда данная форма кинжалов распространяются на юго-восток — в Северный Китай и на запад (через урало-казахстанские степи) вплоть до Украины (*Там же*. С. 29). Находки кинжалов данного подвида на территории России и Украины, как правило, случайны, вне связи с комплексами, однако на территории Китая такие кинжалы неоднократно найдены в составе погребений начала эпохи Западного Чжоу, поэтому они могут быть уверенно датированы XI–X вв. до н. э. (*Там же*. С. 26–28).

На территории Южного Зауралья известны еще как минимум три случайные находки, аналогичные анненскому кинжалу. Это бронзовые кинжалы, найденные в Учалинском р-не Республики Башкортостан: кинжал со сплошной овальной в сечении рукоятью из дер. Сулейманово; кинжал с желобком на рукояти из дер. Ильчигулово; кинжал с «косой обмоткой» рукояти из дер. Рысаево (*Членова*, 1973. С. 191–194, рис. 1, *1, 2*).

Находки еще как минимум пяти карасукских кинжалов, относящихся к подвиду B1b (по К. Мацумото), отмечены также и в других частях географического региона урало-казахстанских степей (*Черников*, 1960. Рис. 66, *5, 10*; *Хабдулина*, 1994. Рис. 53; *Сейткалиев*, 2013. Рис. 1; *Таиров*, 2019. Рис. 1, *1, 2*). В совокупности эти материалы подтверждают вывод А. В. Епимахова, согласно которому металлокомплекс финальной фазы бронзового века урало-казахстанских степей как минимум отчасти имеет восточные корни (*Епимахов*, 2011. С. 16).

Исследования состава металла других карасукских кинжалов с Южного Урала, насколько нам известно, пока не проводились. В то же время исследования металла карасукских ножей и кинжалов, происходящих из Минусинской котловины, Забайкалья и Восточного Казахстана, показали, что для этих изделий характерны оловянистые бронзы с содержанием олова до 3% (изредка — до 6%), иногда — мышьяковые бронзы с содержанием мышьяка до 1% (*Черников*, 1960. С. 84; *Наумов*, 1972. С. 142). В отдельных случаях встречаются оловянисто-мышьяковые бронзы с относительно невысоким содержанием обеих лигатур (*Гришин*, 1968. С. 10–13).

Кинжал из с. Анненское в целом вписывается в эту технологическую традицию, выделяясь только более высоким содержанием олова, сочетающегося с заметной долей мышьяка. Таким образом, его происхождение может предположительно рассматриваться как импорт в Южное Зауралье с территории Южной Сибири. Он может быть связан с «восточным импульсом» — перемещением населения и трансформацией культурных традиций в урало-казахстанских степях в финале эпохи бронзы или на рубеже II и I тыс. до н. э.

Анкушев и др., 2021 — *Анкушев М. Н., Блинов И. А., Алаева И. П. и др.* Минеральные включения в металлических изделиях позднего бронзового века в Южном Зауралье // Минералогия. 2021. Т. 7. № 4. С. 72–84.

Гришин, 1968 — *Гришин Ю. С.* К вопросу о древней добыче олова в Забайкалье // КСИА. 1968. Вып. 114. Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. С. 10–13.

Епимахов, 2011 — *Епимахов А. В.* Однолезвийные ножи бронзового века из бассейна р. Уй (Южное Зауралье) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып. 17. 2011. № 30 (247). С. 15–17.

Епимахов, Епимахова, 2005 — *Епимахов А. В., Епимахова М. Г.* Случайные находки бронзового века с территории Челябинской области // Вестник ЧелГУ. Серия 1. Исторические науки. 2005. Вып. 3. С. 75–83.

Мацумото, 2015 — *Мацумото К.* Карасукские кинжалы — их происхождение и распространение //

НОСА. 2015. № 1 (9). Серия: Археология. Вып. 2. 2015. С. 19–34.

Сейткалиев, 2013 — *Сейткалиев М. К.* Находка карасукского кинжала в Жетысу // Археологические исследования степной Евразии. Караганда: Tengri Ltd, 2013. С. 169–172.

Наумов, 1972 — *Наумов Д. В.* Производство и обработка карасукских ножей // Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. С. 140–143 (МИА; № 182).

Таиров, 2019 — *Таиров А. Д.* Бронзовый кинжал из Северо-Казахстанского историко-краеведческого музея // Наука ЮУрГУ: Материалы 71-й научной конф. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. С. 212–217.

Хабдулина, 1994 — *Хабдулина М. К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 171 с.

Черников, 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. (МИА; № 88).

Членова, 1973 — *Членова Н. Л.* Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе // СА. 1973. № 2. С. 191–204.

Членова, 1976 — *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 248 с.

A dagger from the village of Annenskoe: on the question of the Karasuk bronzes in the Southern Trans-Ural

Fedor N. Petrov[4], Maxim N. Ankushev[5], Ivan A. Blinov[6]

A bronze dagger was found in the Kartaly district of the Chelyabinsk region. We examined it by scanning electron microscopy and found out that the dagger was cast from tin-arsenic bronze with a high content of alloying components. The dagger blade was additionally forged. This dagger is an example of so-called Karasuk bronzes; by analogies from Northern China, we dated it to the 11th–10th cent. BC. Eight more daggers of the same type were found on the territory of the Ural-Kazakhstan steppes. This fact testifies the eastern influence on the steppe metal-complex of the Final Bronze Age in this region.

Keywords: *Southern Trans-Urals, Bronze Age, Karasuk bronzes, dagger, scanning electron microscopy.*

4 Fedor N. Petrov — Chelyabinsk State University, 129 Kashirin brothers St., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation; Chelyabinsk State Historical and Cultural Museum "Arkaim", 100 Krasnoarmeyskaya St., Chelyabinsk, 454090, Russian Federation; e-mail: petrov_fedor@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8212-7424.

5 Maxim N. Ankushev — Institute of Mineralogy, South Urals Research Center of Mineralogy and Geoecology of the Ural Branch of the RAS, Miass, Ilmensky reserve, 456317, Russian Federation; e-mail: ankushev_maksim@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9628-5546.

6 Ivan A. Blinov — Institute of Mineralogy, South Urals Research Center of Mineralogy and Geoecology of the Ural Branch of the RAS, Miass, Ilmensky reserve, 456317, Russian Federation; e-mail: ivan_a_blinov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7397-4760.

Происхождение и датировка южносибирских кельтов-тесел с лобным ушком и «пещеркой»

С. А. Ковалевский[1]

Аннотация. *Данная статья является попыткой обобщения такой категории инвентаря периода поздней бронзы Южной Сибири, как кельты-тесла с лобным ушком и «пещеркой». До недавнего времени они были представлены исключительно случайными находками. На сегодняшний день кельты найдены среди материалов поселений периода поздней бронзы, что позволяет обратиться к их культурно-хронологической атрибуции. В статье также поднимается вопрос о происхождении кельтов-тесел с лобным ушком и «пещеркой», рассматриваются различные точки зрения исследователей по данной проблеме.*

Ключевые слова: *Южная Сибирь, период поздней бронзы, кельты-тесла с лобным ушком и «пещеркой», поселение, атрибуция.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.130-133

1 Сергей Алексеевич Ковалевский — Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, ул. Весенняя, д. 28, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: koval71@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7940-8751.

В материалах периода поздней бронзы Южной Сибири известны немногочисленные бронзовые кельты-тесла с лобным ушком и «пещеркой», т. е. отверстием, расположенным под ушком в верхней части арочного углубления задней части полотна. Сами изучаемые кельты-тесла несколько различаются в деталях. Но, как правило, полотно такого кельта асимметрично в профиль и имеет форму полуклина; абрис в фас — в виде прямоугольника, расширяющегося в нижней части; сечение преимущественно овальное, но встречается и шестиугольное; лезвие выгнутое. Часть кельтов-тесел имеют орнаментированную лицевую сторону.

Согласно информации, приведенной в монографии Ю. С. Гришина, большая часть кельтов-тесел с лобным ушком и «пещеркой» является случайными находками с территории Среднего Енисея (рис. 1, *1–4*). Это Алтайский и Бейский р-ны Республики Хакасия, а также Краснотуранский, Новоселовский и Минусинский р-ны Красноярского края. Часть этих находок происходит с территории Минусинских котловин, но не имеет точной географической привязки (*Гришин*, 1971. С. 61–62, 67, 72). С. В. Киселев писал о восьми таких минусинских кельтах-теслах, а также единичных экземплярах из Красноярского р-на, Барнаула и Усть-Каменогорска (*Киселев*, 1951. С. 118). Два известных нам экземпляра происходят с территории лесостепного Алтайского Приобья (рис. 1, *5, 7*). Один из них был обнаружен в материалах поселения Фирсово-XVIII (*Федорук и др.*, 2008. С. 139, рис. 13, *6*), другой — случайная находка из с. Большая Речка (*Грязнов*, 1956. С. 41, рис. 15, *4*). Еще один подобный кельт-тесло (рис. 1, *6*) происходит с Семиярского поселения, расположенного в Павлодарском Прииртышье (*Мерц*, 2017. С. 501–503, рис. 4, *7*).

Минусинские кельты-тесла М. П. Грязнов связывал с древностями карасукского этапа (*Грязнов*, 1941. С. 239, 248, 250, 260, 264, рис. 2). Их карасукская принадлежность подтверждалась случаем нахождения в погребении на р. Бее более архаичного безушкового кельта с «пещеркой» (*Киселев*, 1951. С. 117, табл. XI, *13*). В настоящее время А. В. Поляков предложил именовать заключительный этап эпохи бронзы Минусинских котловин поздним периодом эпохи палеометалла, отказавшись от понятий «карасукская культура» и «карасукская эпоха». Это объясняется тем, что в то время на данной территории сосуществовали различные в культурном отношении группы населения. Хронологические рамки выделенного А. В. Поляковым периода охватывают конец XV — IX в. до н. э. (*Поляков*, 2022. С. 227, 317).

Поселение Фирсово-XVIII, где был найден кельт-тесло с лобным ушком и «пещеркой», относится специалистами к периоду поздней бронзы. Поселение датировано рубежом II–I тыс. до н. э., на нем фиксируются как корчажкинский, так и ирменский компоненты, отмечаются также следы влияния саргаринско-алексеевской культуры (*Федорук и др.*, 2008. С. 139–142). В настоящее время ирменские древности датируются учеными в хронологическом диапазоне от XIV до XI/X вв. до н. э. (*Молодин*, 2008. С. 155–184; *Молодин и др.*, 2014. С. 136–167; *Папин*, 2015. С. 135–138), саргаринско-алексеевская культура степного Алтая относится к XIV–X вв. до н. э. (*Папин*, 2015. С. 135–138).

Семиярское поселение, в материалах которого имеется еще один кельт-тесло с лобным ушком и «пещеркой», отнесено В. К. Мерцем к бегазы-дандыбаевской культуре и датируется XIV–XIII вв. до н. э. (*Мерц*, 2017. С. 502, 505, рис. 4, *7*). Для самой же бегазы-дандыбаевской культуры казахстанскими специалистами были предложены даты в пределах второй половины II тыс. до н. э. (*Бейсенов и др.*, 2014. С. 156).

Относительно происхождения кельтов-тесел с лобным ушком и «пещеркой» на территории Южной Сибири можно рассмотреть две основные гипотезы. Первая из них была высказана С. В. Киселевым, предположившим их эволюцию от более ранних безушковых кельтов-тесел «пещерного» типа «с втулкой, выходящей отверстием в лицевой срез орудия» (*Киселев*, 1949. С. 69–70). Впоследствии С. В. Хаврин связал происхождение кельтов с «пещеркой» с населением андроновской культуры, а также культурами, подвергшимися андроновскому воздействию (*Хаврин*, 1999). В целом выявлено, что подобные ассиметричные безушковые кельты-тесла со сквозной сомкнутой втулкой бытовали в культурах позднего бронзового века на достаточно обширной территории. Вторая гипотеза предполагает восточноевропейское происхождение кельтов-тесел с лобным ушком и «пещеркой». Правда, в отличие от Южной Сибири, такие кельты на территории Восточной Европы единичны (рис. 1, *8–10*). Наиболее ранние кельты-тесла происходят из Дербеденевского клада, обнаруженного на территории Волго-Камья. Материалы этого клада специалисты относят к сускан-ско-луговской культуре, датируемой по калиброванным данным и металлическим вещам XVII–XV (XIV) вв. до н. э. (*Лыганов и др.*, 2019. С. 63). В. С. Бочкарёв и А. Л. Пелих относят такие кельты-тесла к типу В-2 по схеме волго-уральских кельтов и датируют их в пределах XV–XIV вв. до н. э. (*Бочкарев*, *Пелих*, 2021. С. 132, 150, рис. 10, *6*).

Можно заключить, что имеющихся данных пока недостаточно для уверенной культурно-хронологической атрибуции южносибирских кельтов-тесел с лобным ушком и «пещеркой». Вряд ли их стоит связывать и с металлопроизводством конкретной археологической культуры. Временем бытования подобных кельтов-тесел на территории Южной Сибири предварительно следует считать вторую половину II тыс. до н. э. В более позднее время они уже не встречаются.

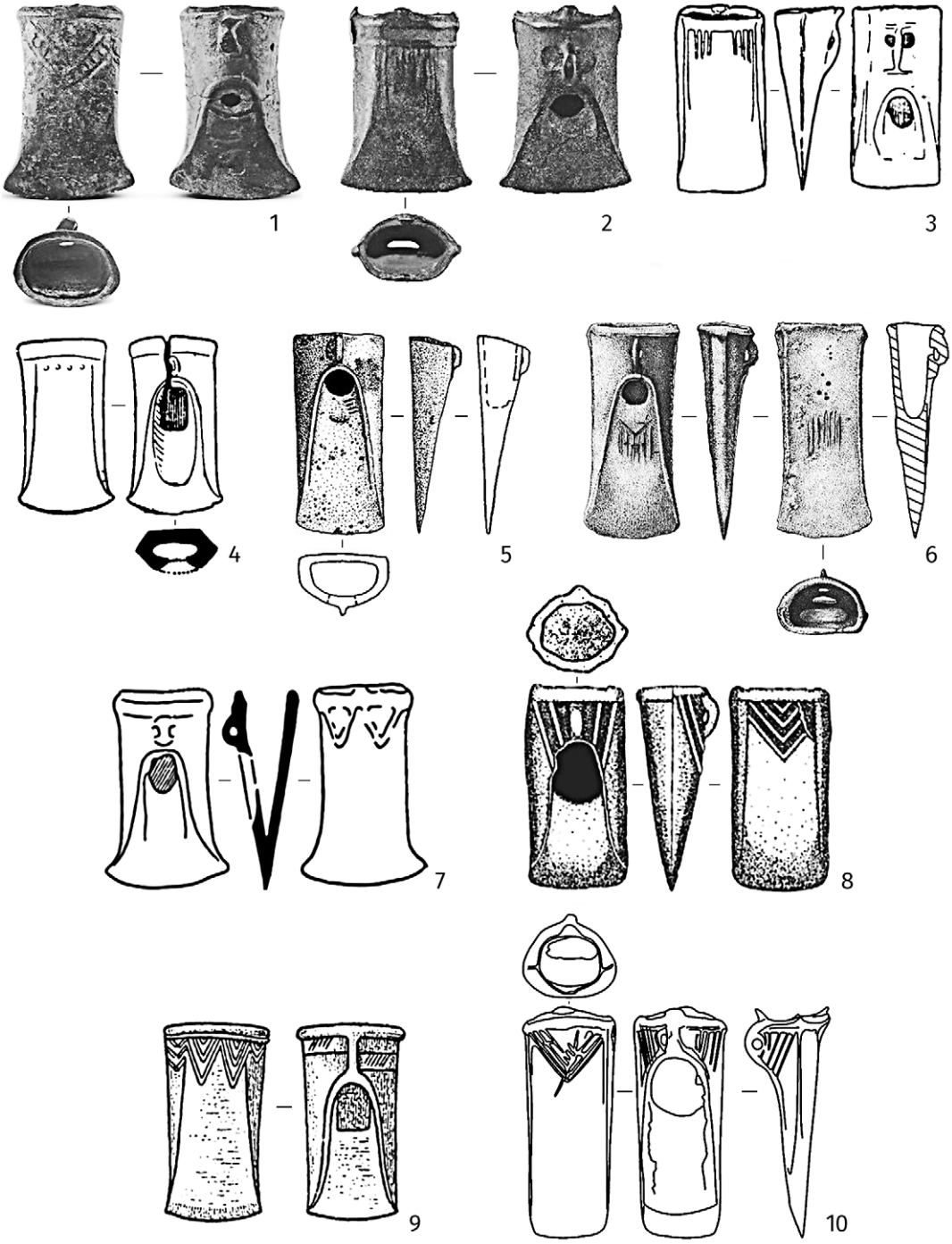

Рис. 1. Кельты-тесла с лобным ушком и «пещеркой»: *1* — случайная находка из села Бейское; *2* — случайная находка с территории Минусинского уезда; *3* — случайная находка из села Новоселово; *4* — случайная находка из села Лугавское; *5* — пос. Фирсово-XVIII; *6* — пос. Семиярское; *7* — случайная находка близ с. Большая Речка; *8* — случайная находка из г. Кореновска; *9* — Дербеденевский клад; *10* — пос. Поплавское. Масштаб разный (*1, 2* — фонды Минусинского краеведческого музея им. М. Н. Мартьянова; *3, 4* — по: *Грязнов*, 1941; *5* — по: *Федорук и др.*, 2008; *6* — по: *Мерц*, 2017; *7* — по: *Грязнов*, 1956; *8* — по: *Бочкарев, Пелих*, 2021; *9* — по: *Халиков*, 1980; *10* — по: *Колев*, 2000)

Fig. 1. Celts (axes-adzes) with a frontal ear and a "cave": *1* — random find from the village Beyskoye; *2* — random find from the territory of the Minusinsk district; *3* — random find from the village Novoselovo; *4* — random find from the village Lugavskoe; *5* — settlement Firsovo-XVIII; *6* — settlement Semiyarskoye; *7* — random find from near the village Big River; *8* — random find from from Korenovsk; *9* — Derbedenevsky treasure; *10* — settlement Poplavskoye. The scale is different (*1, 2* — the funds of the M. N. Martyanov Minusinsk Museum of Local Lore; *3, 4* — after *Грязнов*, 1941; *5* — after *Федорук и др.*, 2008; *6* — after *Мерц*, 2017; *7* — after *Грязнов*, 1956; *8* — after *Бочкарев, Пелих*, 2021; *9* — after *Халиков*, 1980; *10* — after *Колев*, 2000)

Бейсенов и др., 2014 — *Бейсенов А. З.*, *Варфоломеев В. В.*, *Касеналин А. Е.* Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2014. 192 с.

Бочкарев, Пелих, 2021 — *Бочкарев В. С.*, *Пелих А. Л.* Металлические топоры-кельты и кельты-тесла эпохи поздней бронзы Кавказа: каталог, география и хронология // АВЕС. 2021. Вып. 17. С. 114–152.

Гришин, 1971 — *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М.: Наука, 1971. 110 с. (САИ; Вып. В3–12).

Грязнов, 1941 — *Грязнов М. П.* Древняя бронза Минусинских степей: I. Бронзовые кельты // Тр. Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1941. Т. 1. С. 237–271.

Грязнов, 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 226 с. (МИА; № 48).

Киселев, 1949 — *Киселев С. В*. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА; № 9).

Киселев, 1951 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Колев, 2000 — *Колев Ю. И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред.: Ю. И. Колев, А. Е. Мамонов, М. А. Турецкий. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. С. 242–301.

Лыганов и др., 2019 — *Лыганов А. В.*, *Морозов В. В.*, *Азаров Е. С.* Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология Европейских степей. 2019. № 2. С. 38–98.

Мерц, 2017 — *Мерц В. К*. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир Большого Алтая. Международный научный журнал. 2017. № 3 (4). С. 494–509.

Молодин, 2008 — *Молодин В. И.* Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. / Отв. ред. М. П. Чёрная. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 155–164.

Молодин и др., 2014 — *Молодин В. И.*, *Епимахов А. В.*, *Марченко Ж. В*. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 136–167.

Папин, 2015 — *Папин Д. В.* Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник КемГУ. 2015. № 2–6 (62). С. 135–138.

Поляков, 2022 — *Поляков А. В.* Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Федорук и др., 2008 — *Федорук А. С.*, *Шамшин А. Б.*, *Папин Д. В.* Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / Отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 125–143.

Хаврин, 1999 — *Хаврин С. В.* Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // АСГЭ. 1999. Вып. 58. С. 32–35.

Халиков, 1980 — *Халиков А. Х.* Приказанская культура. М.: Наука, 1980. 128 с. (САИ; Вып. 1–24).

The origin and dating of the Southern Siberian celts (axes-adzes) with frontal ears and „cave“

Sergey A. Kovalevskiy[2]

This article is an attempt to generalize such a category of inventory of the Late Bronze Age of Southern Siberia as the celts (axes-adzes) with a frontal ear and a „cave“. Until recent time they were represented only by random finds. Today these celts (axes-adzes) are also known from the materials of the settlements of the Late Bronze Age, so we can turn to their cultural and chronological attribution. In addition, the author raises the issue of the origin of the celts (axes-adzes) with a frontal ear and a „cave“. Different researchers' points of view on this issue are estimated.

Keywords: *Southern Siberia, Late Bronze Age, celts (axes-adzes) with frontal ears and „cave“, settlement, attribution.*

2 Sergey A. Kovalevskiy — Kuzbass T. F. Gorbachev State Technical University, 28 Vesennyaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: koval71@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7940-8751.

Маски культуры сяохэ и их семантические параллели в иконографии культур эпохи бронзы Южной Сибири[1]

В. И. Молодин[2]

Аннотация. *Специфические природно-климатические условия Синьцзяна способствовали сохранению предметов из органических веществ в погребальных комплексах культуры сяохэ эпохи бронзы. К их числу относится серия деревянных масок, объединенных сходными иконографическими чертами, в частности подчеркнутым изображением носа. Сходство семантических особенностей, связанных с трактовкой символа носа, наблюдается также на ряде масок, характерных для изображений на каменных стелах окуневской культуры. Отмеченные параллели позволяют ставить вопрос о наличии у носителей данного круга культур обычая «интуитивного распознавания», отмечаемого и в настоящее время у представителей некоторых этнических групп.*

Ключевые слова: *Синьцзян, Южная Сибирь, бронзовый век, культура сяохэ, сейминско-турбинский феномен, маска, маскоид.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.134-137

Открытие культуры эпохи бронзы сяохэ, памятники которой расположены на западе Китая (Синьцзян) (*Bergman*, 1939), дали исследователям уникальные источники из дерева, тканей, кожи, дошедшие до наших дней благодаря специфическим особенностям климата в этом регионе Азии. Раскопки могильника в районе оз. Лобнор позволили выявить конструктивные особенности памятника, которые в других условиях ускользают от внимания исследователя, что, конечно, обедняет, а порой и искажает наши представления об изучаемой культуре. К числу замечательных предметов, выполненных из дерева, относится серия антропоморфных масок, обнаруженных, в том числе *in situ*, в ряде захоронений памятников культуры сяохэ (*Идилисы и др.*, 2007; Ursprünge…, 2007; *Ким Хэвон*, *Ким Гону*, 2016; *Молодин и др.*, 2019). То обстоятельство, что маски обнаружены в погребениях разных памятников культуры, несомненно, свидетельствует о неслучайности этого явления — перед нами устойчивая семантическая традиция. Нельзя исключать, что подобные предметы (маски) могли использоваться носителями и других культур, синхронных по времени культуре сяохэ, однако в силу понятных обстоятельств они не сохранились до нашего времени.

В одной из работ мне уже приходилось касаться проблемы деревянных масок в культуре сяохэ (*Молодин*, 2019). Здесь же предпринята попытка более детального рассмотрения возможного семантического смысла этого явления в контексте культур раннего — среднего бронзового века южной части Западной Сибири.

Напомню, что деревянные маски культуры сяохэ являлись атрибутом захоронения и помещались на теле дошедшей до нас мумии на левой стороне груди, ближе к поясу, по-видимому, на одежде (Ursprünge…, 2007; *Идилисы и др.*, 2007). Очевидно, что маска не была предназначена для ношения, а сопровождала человека, что позволяет интерпретировать ее как предмет, связывающий умершего с потусторонним миром. Достаточно стабильны и метрические параметры деревянных масок: их высота не превышает 10 см, ширина — 6 см. Форма маски овальная. Изделие выполнялось из цельного куска дерева. Тыльная сторона ее плоская или слегка изогнутая. Лицевая сторона выполнена выпуклым рельефом. Иногда маска была обтянута тонкой кожей, окрашенной красным или бордовым красителем, иногда краситель нанесен прямо по дереву. Иконография маски традиционна и устойчива: маска демонстрировала лицо европеоида, намеренно передающее устрашающий оскал зубов, выполненных из костей животных или из перламутра (рис. 1, *1*, *2*).

Подчеркнуто гипертрофированными показаны огромные, выступающие носы. Портрет дополняют широко раскрытые глаза с круглыми зрачками, также выполненными из перламутра или кости. Середину лба (в центре сверху) иногда дополняет подпрямоугольная металлическая пластина. На тыльной стороне маски в верхней части иногда встречаются небольшие круглые отверстия, а также фрагменты шерстяных нитей красного цвета.

1 Исследование выполнено по проекту РНФ № 20-18-00111 «Мобильность и межкультурные контакты в становлении и развитии социумов Западной Сибири (Древность–Средневековье–Новое время)».

2 Вячеслав Иванович Молодин — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-3151-8457.

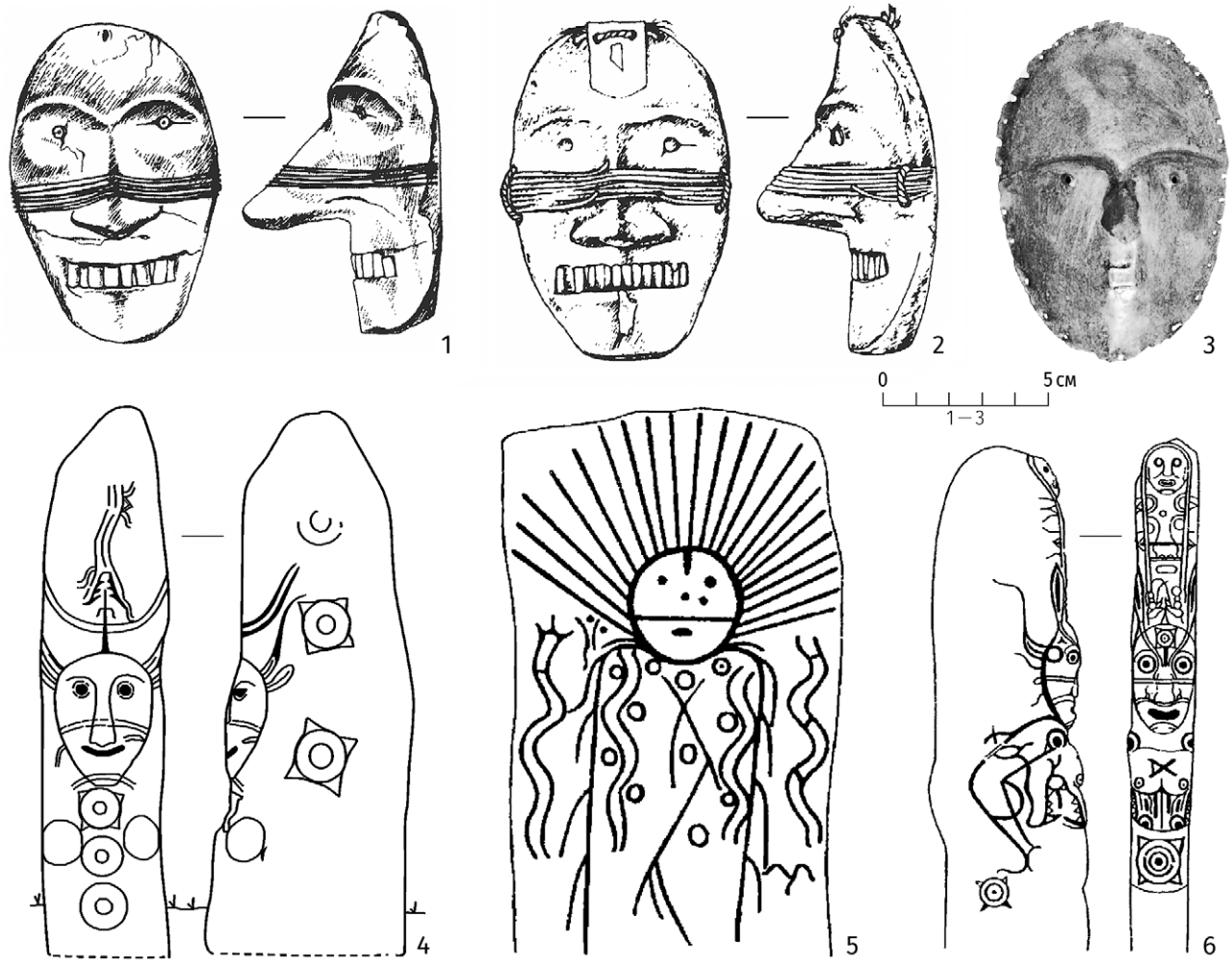

Рис. 1. Маски: *1*, *2* — деревянные маски культуры сяохэ (по: *Идилисы и др.*, 2007); *3* — бронзовая маска из коллекции с Нижней Пышмы (по: *Бородовский*, *Оборин*, 2020); *4–6* — изваяния окуневской культуры (по: *Леонтьев*, 1997)

Fig. 1. Masks: *1*, *2* — wooden masks of the Xiaohe Culture (after *Идилисы и др.*, 2007); *3* — bronze mask from Nizhnaya Pyshma's collection (after *Бородовский*, *Оборин*, 2020); *4–6* — slabs of the Okunevo culture (after *Леонтьев*, 1997)

Большинство масок отличались еще и тем, что через всю лицевую часть, включая переносицу, помещался широкий сплошной пояс из толстых нитей или веревочек, пересекающих личину поперек (рис. 1, *1, 2*). Эта накладка плотно крепилась к личине, вероятно, фиксировалась на клей и была семантически исключительно важна. Первое, что обращает на себя внимание, — повязка как бы разделяет личину на две части: верхнюю и нижнюю.

Анализируемые предметы следует, вслед за А. Д. Авдеевым, именовать маскоидами — под этим термином понимается изделие, являющееся как бы уменьшенной копией маски (*Авдеев*, 1957. С. 267).

Металлические (бронзовые) маскоиды дошли до нашего времени в материалах Галичского клада (*Каменский*, *Спицын*, 1903. Табл. XXIX, *19*; XXX, *7*), которые, по мнению С. В. Студзицкой и С. В. Кузьминых, принадлежат к сейминско-турбинской среде (*Студзицкая*, *Кузьминых*, 2001. С. 150). Эти два предмета вполне сопоставимы с синьцзянскими масками, о которых идет речь. Их отличают лишь своеобразные головные уборы, несущие несомненную семантическую нагрузку.

С сейминско-турбинским феноменом исследователи связывают находку бронзовой маски из частной коллекции сейминско-турбинских предметов (т. н. Пышминская коллекция из Тюменской обл.). Происхождение коллекции связано, к сожалению, с несанкционированными раскопками (*Бородовский*, *Оборин*, 2020. С. 103). Авторы публикации А. П. Бородовский и Ю. В. Оборин обоснованно связывают эту маску как с анализируемыми в настоящей работе деревянными масками культуры сяохэ, так и с набором классических предметов сейминско-турбинского облика Пышминской коллекции (рис. 1, *3* — *Там же.* С. 110–111).

Обнаружение деревянных масок культуры сяохэ на верхней одежде человека в районе левой стороны груди (Ursprünge…, 2007), ближе к поясу свидетель-

ствует, вероятно, об их интерпретации как образа шамана-предка или духа-предка. По крайней мере, именно так подобные предметы интерпретируют этнографы, специалисты по ритуальной практике (см.: *Иванов*, 1975. С. 25, 27; *Грачева*, 1990. С. 76). В рассматриваемых случаях деревянные маски, как, впрочем, и перечисленные бронзовые маскоиды, могли являться своеобразными символами, изображающими предка или сверхъестественного духа — своего рода источник силы, соединяющий умершего с миром духов (*О'Коннел, Эйри*, 2009. С. 29).

Имеющая место утрированная демонстрация носа, отмечаемая у маскоидов культуры сяохэ, а также в какой-то степени на маске из Пышминской коллекции, может ассоциироваться с идеей «интуитивного распознавания» (*Там же.* С. 228). Так, маори вместо поцелуя трутся носами: для них этот жест символизирует богов, вдыхающих жизнь в людей, а также — знак мира (*Там же*). У ряда этнических групп северо-востока Сибири (например, у юкагиров) идея «интуитивного распознавания» выражена через ласки детей и женщин нюханьем (*Йохельсон*, 2005. С. 63); то же наблюдается и у эвенков (*Василевич*, 1969. С. 173). Взаимное обнюхивание у чукчей имеет значение поцелуя (*Богораз*, 1934. С. 21). Утрированно увеличенные размеры носа на масках культуры сяохэ, подчеркнутые горизонтальной обмоткой, могли акцентировать значение носа в обрядах «интуитивного распознавания». Уместно добавить, что, анализируя искусство окуневской культуры, М. Л. Подольский особо подчеркивал, что на изображениях масок этой культуры часто фигурируют не части лица, а «органы чувств», где наиболее показательными являются ноздри (*Подольский*, 1997. С. 182). Таким образом, можно предположить, что у носителей рассматриваемого круга культур раннего — среднего бронзового века Северной и Центральной Азии система «интуитивного распознавания» и напрямую связанные с этим явлением обоняние и нос играли исключительно значимую роль, в том числе и в обрядовой практике.

Кроме того, мне уже приходилось отмечать (*Молодин*, 2019. С. 14, 16), что особенности маскоидов культуры сяохэ, о которых речь идет выше, позволяют вполне корректно провести сопоставление с масками, изображенными на стелах и плитах окуневской культуры Южной Сибири (*Вадецкая*, 1967; *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002; *Есин*, 2010; и др.), хронологически близкой культуре сяохэ. Известные параллели в этих культурах подчеркивают как китайские коллеги (*Го У*, 2012. С. 265), так и российские ученые. А. П. Бородовский отмечает уместность таких параллелей, анализируя коллекцию сейминско-турбинских предметов из Тюменской обл. (*Бородовский, Оборин*, 2020). На ряде окуневских масок имеют место горизонтально нанесенные полосы (от одной до нескольких), пересекающие личину, в том числе и нос персонажа (рис. 1, *4–6*), если последний был обозначен (см.: *Леонтьев*, 1997). Ряд исследователей склонны усматривать в таком делении личины на части отражение идеологических представлений носителей окуневской культуры о тройственной структуре Вселенной (*Кызласов*, 1986. С. 199; 1987. С. 128; *Подольский*, 1987. С. 127; *Леонтьев*, 1997. С. 227). Насколько правомерна такая идея, покажут дальнейшие исследования.

В настоящее время важно подчеркнуть, во-первых, сходство деления личин сопоставляемых культур как проявление близкого (?) по смыслу семантического канона, вероятно связанного с идеей «интуитивного распознавания». Кроме того, исследователи отмечают нетрадиционную трактовку изображения носа у целого ряда личин-масок. «Композиционно такой нос подобен некоторым ленточным наголовьям личин, которые в основе тоже имеют две вертикальные линии с извивающейся змеей между ними» (*Леонтьев*, 1997. С. 227). Во-вторых, нанесение полосы, разделяющей горизонтально окуневскую личину, характерно не только для насыщенных разнообразными символами масок, но и для простейших личин, где предельно схематично переданы глаза и рот, но обязательно при этом есть горизонтальная линия, пересекающая личину (рис. 1, *5* — см.: *Есин*, 2010. С. 16–17; и др.).

Авдеев, 1957 — *Авдеев А. Д.* Маска. (Опыт типологической классификации по этнографическим материалам) // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XVII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 232–374.

Богораз, 1934 — *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1: Социальная организация. Л.: Институт народов Севера, 1934. XXX, 192 с. (Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Материалы по этнографии; Т. V).

Бородовский, 2020 — *Бородовский А. П., Оборин Ю. В.* Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с Нижней Пышмы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 5: Археология и этнография. С. 103–118.

Вадецкая, 1967 — *Вадецкая Э. Б.* Древние идолы Енисея. Л.: Наука, ЛО, 1967. 80 с.

Василевич, 1969 — *Василевич Г. М.* Эвенки. Л.: Наука, ЛО, 1969. 303 с.

Грачева, 1990 — *Грачева Г. Н.* Новые данные о сакральных предметах у энцев и нганасан // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы / Отв. ред. О. М. Фишман. Л.: Гос. музей этнографии народов СССР, 1990. С. 72–76.

Есин, 2010 — *Есин Ю. Н.* Тайна богов древней степи. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 2010. 184 с.

Иванов, 1975 — *Иванов С. В.* Маски народов Сибири. Л.: Аврора, 1975. 50 с.

Йохельсон, 2005 — *Йохельсон В. И.* Юкагиры и юкагизированные тунгусы. Новосибирск, 2005. 675 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 5).

Каменский, Спицын, 1903 — *Каменский В. И., С [пицын] А. А.* Галичский клад // ЗОРСА РАО. Т. 5. Вып. 1. 1903. С. 104–110.

Кызласов, 1987 — *Кызласов И. Л.* Лик Вселенной (к семантике древнейших изваяний Енисея) // Религиозные представления в первобытном обществе: Тезисы докладов / Отв. ред. Д. А. Крайнов. М.: Ин-т науч. информации по обществ. наукам АН СССР, 1987. С. 127–130.

Кызласов, 1986 — *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. 294 с.

Леонтьев, 1997 — *Леонтьев Н. В.* Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 222–236.

Молодин, 2019 — *Молодин В. И.* Деревянные маски культуры сяохэ // ПИФК. 2019. № 2 (64). С. 7–19.

Молодин и др., 2019 — *Молодин В. И., Комиссаров С. А., Нестеркина А. Л.* Материалы из окрестностей озера Лобнор в фондах Центрального национального музея Республики Корея и их осмысление в контексте современных археологических исследований в Синьцзяне // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 5: Археология и этнография. С. 69–85.

О'Коннел, Эйри, 2009 — *О'Коннел М., Эйри Р.* Знаки и символы: иллюстрированная энциклопедия. М.: Эксмо, 2009. 256 с.

Подольский, 1997 — *Подольский М. Л.* Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 168–201.

Студзицкая, Кузьминых, 2001 — *Студзицкая С. В., Кузьминых С. В.* Галичский «клад»: (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: Старый сад, 2001. С. 123–165.

Го У, 2012 — *Го У.* Синьцзян шицянь ваньци шэхуэй дэ каогу сюэ яньцзю (Археологические исследования позднего доисторического общества в Синьцзяне). Урумчи: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. 570 с. (на кит. яз.).

Иидлисы и др., 2007 — *Идилисы, Ли Вэньин, Ху Синьцзюнь.* Синьцзян Луобупо Сяохэ муди 2003 нянь фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках кладбища Сяохэ в Лобноре, Синьцзян, 2003 г.) // Вэньу. 2007. № 1 (85). С. 1–54 (на кит. яз.).

Ким Хэвон, Ким Гону, 2016 — *Ким Хэвон, Ким Гону.* Гунним Чунан панмульгван соджан Лобнор, Нуран чхультхонхум (Археологические находки из окрестностей оз. Лобнор и городища Лоулань в фондах Центрального национального музея Республики Корея). Сеул: Гунним Чунан панмульгван, 2016. 189 с. (на кор. яз.).

Bergman, 1939 — *Bergman F.* Archaeological researches in Sinkiang, especially the Lop-Nor region. Stockholm: Bokförlags Aktiebolaget Thule, 1939. 258 p., pl. (Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition; VII. Archaeology; Vol. 1).

Leont'ev, Kapel'ko, 2002 — *Leont'ev N. K., Kapel'ko V. F.* Steinstelen der Okunev Kultur. Berlin: Philipp von Zabern, 2002. 110 S. (Archäologie in Eurasien; Bd. 13).

Ursprünge…, 2007 — Ursprünge der Seidenstraße. Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. Begleitbuch zur Ausstellung / Hrsg. von A. Wieczorek und Ch. Lind. Stuttgart: Theiss, 2007. 320 S. (Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen; Bd. 26).

Masks of the Xiaohe culture and their semantic parallels in the iconography of the Bronze Age cultures of Southern Siberia

Vyacheslav I. Molodin[3]

Xinjiang's specific natural and climatic conditions contributed to the preservation of objects made of organic matter in the burial complexes of the Bronze Age Xiaohe culture. There is a series of wooden masks among them united by similar iconographic features. One of these features is a particularly emphasized nose. A similarity of semantic features associated with the interpretation of the nose symbol is observed on a number of masks specific to the images on stone steles and slabs of the Okunevo culture. The noted parallels allow us to raise the question, whether the carriers of this circle of cultures had the „intuitive recognition", which is also observed today among some ethnic groups.

Keywords: *Xinjiang, Southern Siberia, Bronzw Age, Xiaohe culture, Seima-Turbino phenomenon, mask, mascoid.*

3 Viacheslav I. Molodin — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-3151-8457.

Взаимодействие южносибирских и китайских традиций металлообработки в бронзовом веке

С. А. Григорьев[1]

Аннотация. *Существуют представления о значительном влиянии, которое в течение длительного времени оказывали традиции Южной Сибири на становление и развитие древней китайской металлургии. Однако реальные данные об афанасьевских, окуневских или андроновских связях в последней отсутствуют. Единственным сибирским импульсом было появление в бассейне Хуанхэ ограниченного количества изделий сейминско-турбинского типа и технологий легирования оловом в металл. Более заметные связи, хотя тоже достаточно ограниченные, наблюдаются в позднешанское время и связаны с традициями карасукской металлургии.*

Ключевые слова: *Китай, Южная Сибирь, бронзовый век, металлургия, внешние связи.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.138-140

В исследованиях древней металлургии Китая сложилось убеждение в том, что ее формирование и дальнейшее развитие были стимулированы импульсами из Южной Сибири. Обычно эти импульсы называются «западными» и подразумевается, что они осуществлялись через Синьцзян, хотя на территории последнего региона находки металла, предшествующие II тыс. до н. э., не выявлены. Предполагается, что в начале это были афанасьевске импульсы, затем — окуневские, сейминско-турбинские, андроновские и, наконец, карасукские (*Mei*, 2003). Реальная ситуация эту теорию не подтверждает. Афанасьевские и окуневские импульсы обосновываются типами, которые либо не имеют реальных параллелей в сибирском металле, либо столь просты (например, шилья), что не могут служить основанием для каких-либо сопоставлений. Более того, даже на территории Синьцзяна афанасьевские или окуневские материалы присутствуют лишь по южным отрогам Алтая, встречены также редкие находки афанасьевской керамики чуть южнее, у северных склонов Богдашаня — но в целом эти культуры не проникали даже в Синьцзян. Восточнее же Синьцзяна их малейшие признаки и вовсе отсутствуют. Поэтому предположение об их возможных влияниях в бассейне Хуанхэ можно исключить (*Григорьев*, 2021б).

Единственной не вполне понятной пока проблемой является присутствие в культуре Сичэнъи в Ганьсу (первая треть II тыс. до н. э.) традиции легирования мышьяковыми и оловянными минералами на стадии плавки руды. Этот тип легирования не характерен для сейминско-турбинской металлургии, не имеет предшествующего развития в данном регионе и потенциально мог быть привнесен носителями окуневской культуры, где подобные сплавы встречаются. Но мы практически ничего не знаем об окуневских металлургических традициях (*Григорьев*, 2022).

Наиболее распространены представления о сейминско-турбинских влияниях на развитие китайской металлургии. Они основаны на обнаружении серии изделий в культурах Цицзя и Сыба (первая половина II тыс. до н. э.) провинции Ганьсу, а также кельтов — в Синьцзяне. Поэтому предполагается, что это влияние осуществлялось через Синьцзян и Ганьсу (*Mei*, 2003; *Молодин*, 2019). В действительности все приводимые кельты сейминско-турбинскими не являются, они датируются финалом бронзового века, а параллели в металле Цицзя и Сыба являются в подавляющем большинстве карасукскими (см.: *Григорьев*, 2021а. С. 7; 2021б).

К реальным находкам металла с сейминско-турбинскими параллелями относятся копье из Шеньна, нож из Эрлитоу, обломок рукояти из Хуанньянньянтай, нож-скребло из Вэйцятайдзы, два кинжала из Тяньшуй, однолезвийный нож из Линьцзя, а также 15 копий, обнаруженных от востока Цинхая до Ляонина. Анализ морфологических и химических характеристик последних позволяет полагать, что проникли они в бассейн Хуанхэ не с запада, а с севера и северо-востока. Это можно синхронизировать со слоем Эрлитоу III и началом шанской династии (*Григорьев*, 2021а). Поэтому вероятнее всего предположить, что последующее бурное развитие китайской металлургии было обязано привнесенным из Южной Сибири технологиям плавок медных сульфидных руд и легирования полученной меди металлическим оловом. Однако надежных данных о раннешанском металлургическом производстве тоже нет. В типологическом смысле на последующие шанские типы оказали влияние лишь упомянутые выше втульчатые копья и однолезвийные

1 Станислав Аркадиевич Григорьев — Институт истории и археологии УрО РАН, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, Екатеринбург, 620108, Российская Федерация; e-mail: stgrig@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6633-8686.

кинжалы. Весь прочий шанский металл имеет местные корни, копируя порой каменные изделия, например топоры-кинжалы *ге*. Знаменитая шанская бронзовая посуда обнаруживает прототипы в местных керамических традициях. Вероятно, взлет шанской металлургии произошел лишь благодаря изменившимся социально-экономическим условиям, что было связано с формированием протогосударственности.

Идеи об андроновском влиянии в Китае довольно широко циркулируют в литературе (*Linduff et al.*, 2017. P. 43), но они ни на чем не основаны: в Китае отсутствуют малейшие признаки андроновской культуры. Исключением является крайний запад Синьцзяна, который входил в ареал андроновской культурно-исторической общности. Однако какого бы то ни было проникновения этого компонента даже в Центральный Синьцзян мы не наблюдаем; подавляющая же часть металла, называемого в литературе андроновским, относится к финалу евразийского бронзового века. В это время действительно фиксируется более глубокое проникновение андроновской металлургии — до Центрального Синьцзяна по южной границе Гоби и по восточным отрогам Тянь-Шаня. Но даже в Восточном Синьцзяне влияние этих импульсов не ощущается (*Григорьев*, 2021б).

Наиболее интенсивные контакты с южносибирскими металлургическими традициями наблюдаются в позднешанское время. В этот период на северной периферии шанской цивилизации на местной основе формируется серия культур, в которых ощущаются как шанские, так и карасукские влияния. Этот феномен получил название «ордосские бронзы» или «Северный Комплекс». Включения металла, наследующего карасукские традиции, присутствуют также в собственно шанских комплексах. Кроме того, в ряде регионов, от Ганьсу до Шаньдуна, хорошо представлены медно-мышьяковые сплавы и появляются следы плавок руд с легированием мышьяком на этой стадии. Этот парадоксальный отход от оловянного легирования в пользу мышьякового характерен и для карасукской культуры. Тогда же в бассейне Хуанхэ впервые появляются колесницы. Все это указывает на довольно существенные связи с карасукской культурой. Однако наиболее интенсивными они становятся ближе к концу II тыс. до н. э., при переходе к Чжоу, что близко по времени каменноложскому этапу карасукской культуры (*Там же*).

Таким образом, афанасьевские, окуневские и андроновские связи китайской цивилизации следует отнести к области историографической мифологии. Они не ощущаются ни в металле, ни в иных чертах материальной культуры. Единственным исключением являются окуневские личины, которые имеют определенные параллели в Северо-Восточном Китае, развивающиеся впоследствии в шанские маски-*таоте*. Вероятно, это отражает какие-то более ранние связи южносибирских культур с Северо-Восточным Китаем. Не вполне ясным является и появление в Ганьсу в начале II тыс. до н. э. технологии легирования мышьяком и оловом на стадии плавки руды. Первые реальные связи отражены в появлении к середине XVI в. до н. э. в бассейне Хуанхэ изделий, наследующих сейминско-турбинскую традицию. Это повлияло на формирование некоторых китайских типов металла, технологий плавок сульфидных руд и легирования металлическим оловом. К этому можно добавить сейминско-турбинские нефритовые кольца, имеющие несомненные более ранние китайские параллели. Однако в данном случае речь идет о более ранних связях Северного Китая с глазковской культурой. Имеются некоторые сибирские параллели и в керамике Северо-Восточного Китая. Поэтому какие-то ограниченные связи этого региона (но не бассейна Хуанхэ) с Прибайкальем в III тыс. до н. э. вполне можно обсуждать. Более поздние керамические параллели мне неизвестны.

Наиболее интенсивные связи цивилизации Хуанхэ с Южной Сибирью устанавливаются с позднешанского времени, но они были опосредованы «Северным Комплексом» культур, сформировавшимся на периферии китайской цивилизации. Однако даже он не оказал существенного влияния на культуру Китая (за исключением компонентов, связанных с военным делом), а обратные влияния, как мне представляется, довольно слабы вплоть до раннего железного века.

Григорьев, 2021а — *Григорьев С. А.* Проникновение сейминско-турбинской традиции в Китай и развитие технологии оловянного легирования // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2021. № 1. С. 3–21.

Григорьев, 2021б — *Григорьев С. А.* Проблема южносибирских контактов в формировании китайской металлургии бронзового века // Вестник ТомГУ. 2021. № 471. С. 109–119.

Григорьев, 2022 — *Григорьев С. А.* Развитие сплавов в китайской металлургии во II тыс. до н. э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2022. № 2. С. 31–43.

Молодин, 2019 — *Молодин В. И.* Кельты сейминско-турбинского типа из Синьцзяна (материалы к учебному курсу «Археология Сибири эпохи бронзы») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 3. С. 9–16.

Linduff et al., 2017 — *Linduff K. M., Sun Y., Cao W., Liu Y.* Ancient China and its Eurasian neighbors: Artifacts, Identity and Death in the Frontier, 3000–700 BCE. Cambridge: University Press, 2017. 288 p.

Mei, 2003 — *Mei J.* Cultural Interaction between China and Central Asia during the Bronze Age // Proceedings of the British Academy. 2003. No. 121. P. 1–39.

Interaction of South Siberian and Chinese Metalworking Traditions in the Bronze Age

Stanislav A. Grigoriev[2]

There are ideas about the significant influence that the traditions of Southern Siberia had for a long time on the formation and development of the ancient Chinese metallurgy. But in fact, there are no real evidence on any connections of the latter with the Afanasievo, Okunev or Andronovo metallurgical traditions. The only Siberian impulse was the appearance of a limited number of objects of the Seima-Turbino type in the Yellow River basin and technologies for tin alloying. More noticeable connections, although also quite limited, were visible in the Late Shang period with the traditions of the Karasuk metallurgy.

Keywords: *China, South Siberia, Bronze Age, metallurgy, external relations.*

2 Stanislav A. Grigoriev — Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS, 16 Sofia Kovalevskaya St., Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: stgrig@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6633-8686.

Поселение Каменный Лог I (раскопки М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой)[1]

А. В. Поляков[2], Л. С. Марсадолов[3], В. М. Лурье[4]

Аннотация. *В работе представлена развернутая информация об истории исследований поселения Каменный Лог I (раскопки М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой, 1961–1963 гг.). Памятник относится к периоду поздней бронзы и имеет более продолжительную хронологию (XIII–IX вв. до н. э.), чем это предполагалось ранее. Особое внимание уделено изучению обнаруженных на поселении псалиев. Подготовлена монографическая публикация материалов этого поселения с характеристикой находок (включая палеозоологические останки), хронологии памятника, химического состава металлических изделий и трасологическим анализом отдельных артефактов.*

Ключевые слова: *Минусинские котловины, Республика Хакасия, период поздней бронзы, карасукская культура, поселение, псалии.*

https://doi.org/10.31600/978–5-6047952–2-4.140-143

Поселение Каменный Лог I было выявлено в конце 1950-х гг. Красноярской экспедицией ЛОИА АН СССР в ходе разведок по зоне затопления ложа водохранилища Красноярской ГЭС (Боградский р-н Республики Хакасия). Это был один из немногих поселенческих комплексов, на котором сооружения фиксировались в виде западин, вытянутых в линию вдоль сухого русла «Каменный Лог», упирающегося в правый берег р. Карасук (ныне Харасуг), левого притока Енисея. На протяжении трех лет (1961–1963 гг.) Карасукский отряд Красноярской экспедиции проводил раскопки сооружений (жилища 1–3) этого памятника. На другом борту лога располагались курганы могильника Каменный Лог II, непосредственно связанного с поселением.

В силу различных причин полные отчеты были подготовлены и сданы только по результатам раскопок 1961–1962 гг. (жилище 1). Наиболее интенсивные раскопки проводились в 1963 г. (пристройка к жилищу 1; жилище 2; жилище 3). Однако текст отчета не был написан, а в архивах сохранился только альбом иллюстраций. Все находки, полученные в течение трех лет исследований, были переданы в Государственный Эрмитаж, где в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири были сформированы коллекции

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие» (0160-2020-0002).

2 Андрей Владимирович Поляков — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: poliakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3418-2469.

3 Леонид Сергеевич Марсадолов — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: marsadolov@hermitage.ru; ORCID: 0000-0002-0480-2225.

4 Вера Михайловна Лурье — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: verqa17@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0400-1396.

№ 2399 (материалы 1961–1962 гг.) и № 2400 (материалы 1963 гг.).

Результаты этих важнейших раскопок не были опубликованы своевременно, и основными источниками информации о них стали несколько абзацев в публикации автора исследований и суммарная характеристика в обзорной монографии Э. Б. Вадецкой (*Грязнов*, 1965. С. 66–68; *Вадецкая*, 1986. С. 74). При этом поселение Каменный Лог I сыграло важнейшую роль в изучении материалов финала эпохи палеометалла: именно его как эпонимный памятник использовал М. П. Грязнов при выделении в составе карасукской культуры каменноложского этапа, а ключевые артефакты, обнаруженные в ходе его раскопок, — зажимное копье и роговые псалии — не раз обсуждались в научной литературе.

Кроме того, в ходе исследований этого памятника были обнаружены и другие важные артефакты, например серия фрагментов литейных форм, которые свидетельствуют о металлургическом производстве на поселении. В коллекциях представлены куранты зернотерок, что можно сопоставить с данными об употреблении в пищу проса, полученными в результате изотопного анализа. Была найдена роговая рукоятка ножа, которая демонстрирует принцип фиксации и использования обломанных клинков. Также при раскопках было обнаружено значительное число заготовок и изделий из кости и рога, назначение части которых остается неясным.

Детальное изучение материалов поселения в фондах Государственного Эрмитажа позволило установить очень важную информацию. Не все жилища этого поселения связаны с материалами, которые М. П. Грязнов относил к каменноложскому этапу карасукской культуры или III (лугавскому) этапу периода поздней бронзы, по современной хронологии (*Поляков*, 2020; 2022). Установлено, что пристройка к жилищу 1 и жилище 3 содержат фрагменты керамических сосудов, которые относятся к более раннему хронологическому периоду — II (карасук-лугавскому) этапу (*Лурье*, 2019). Проведенное радиоуглеродное датирование (AMS) полностью подтвердило более ранний возраст жилища № 3 — XIV–XIII вв. до н. э., что соотносится с современными представлениями об абсолютной хронологии II этапа (*Поляков и др.*, 2020).

Таким образом, материалы этого памятника нельзя ассоциировать исключительно с каменноложским, по хронологии М. П. Грязнова, этапом: по крайней мере, часть имеющихся артефактов относится к более раннему, карасукскому этапу. Следовательно, продолжительность функционирования этого поселения была значительно больше и его изучение на современном этапе должно строиться с пониманием этого факта.

Псалии поселения Каменный Лог I. В ходе раскопок в жилище № 1 было найдено три псалия из рога, которые различаются не только по размерам, материалу, но и по конструктивным деталям. Все псалии слабо изогнуты и имеют по три сквозных отверстия. По расположению основных отверстий для крепления к ремням узды коня эти три псалия конструктивно относятся к двум разным типам.

Наиболее хорошо сохранился самый крупный по размерам псалий, с тремя подовальными отверстиями, *расположенными в двух разных плоскостях, тип «А»* (рис. 1, *1*). Псалий имеет длину 14,7 см, диаметр стержня в средней части — ~ 1,8 см. У второго, конструктивно близкого псалия с тремя отверстиями в разных плоскостях концевые части обломаны на уровне крайних отверстий (рис. 1, *2*). Центральное подовальное отверстие у него значительно меньше по размерам, чем у предыдущего, и более округлое. Третий псалий из рога конструктивно иной: три сквозных отверстия расположены *в одной плоскости стержня, тип «Б»* (рис. 1, *3*). У этого псалия два крайних отверстия имеют округлую форму, а центральное, более крупное, — овальную. Один конец псалия обломан, длина сохранившейся части — 10,3 см.

В жилище № 2 был найден предмет длиной 13,3 см, шириной 2,4 см и высотой до 2 см (рис. 1, *4*). На одной концевой части было вырезано сквозное отверстие подквадратной формы размерами ~ 1 см, а другой конец — обломан. Функциональное назначение этого предмета пока точно не определено. На современном этапе изучения возможны три варианта объяснения его использования: 1) этот предмет мог служить в качестве заготовки для псалия; 2) это псалий другой конструкции — с двумя крайними отверстиями; 3) это удила архаичной конструкции, предшественники удил из металла. Не исключается и использование предмета в качестве удил, изготовленных из прочной кости от нижней челюсти крупного животного. По форме и конструкции к этому предмету наиболее близко изделие лужицкой культуры из Бискупинского городища в Польше (рис. 1, *5*), которое относят к удилам, к концевым квадратным отверстиям которых привязывались псалии (*Граков*, 1977).

Роговая округлая бляшка-заготовка диаметром 4,8 см с небольшим отверстием в центре из жилища № 2 была орнаментирована вырезанными треугольниками по внешнему краю, а на оборотной стороне располагались два высоких выступа, вероятно предназначенные для отверстий, которые так и не были вырезаны (рис. 1, *6*). Хотя эта бляшка по своему облику напоминает предшествующие округлые псалии срубной культуры, но она значительно меньше их. Бляшка-заготовка из Каменного Лога по размерам и конструкции близка к предмету из кургана № 3

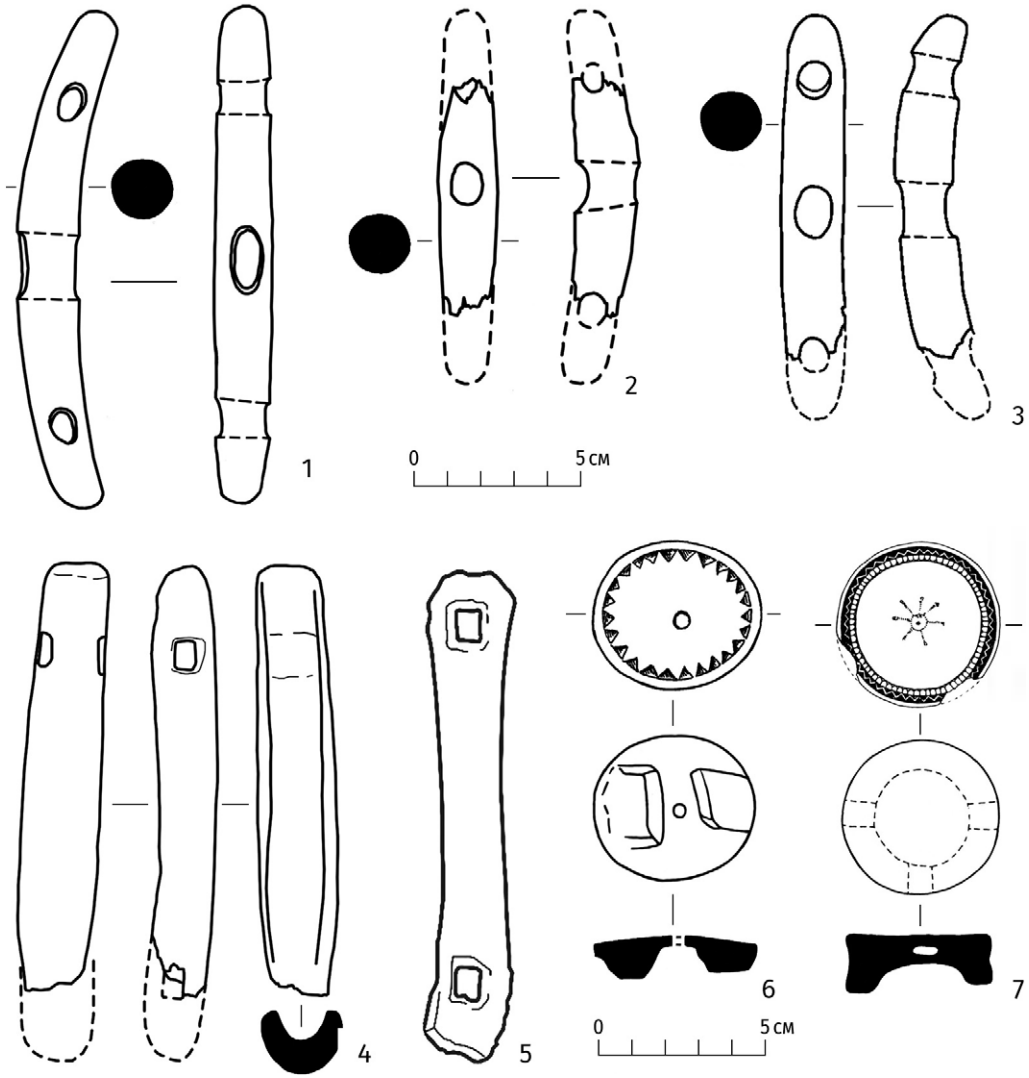

Рис. 1. Псалии (*1–3*), удила или псалии (*4*, *5*) и уздечные бляшки (*6*, *7*) из рога и кости: *1–4*, *6* — Каменный Лог I, поселение, Хакасия (по: *Марсадолов*, 2021); *5* — Бискупинское городище, Польша (по: *Граков*, 1977); *7* — Иловатовка, курган № 3, погр. 2, Поволжье (по: *Смирнов*, 1961)

Fig. 1. Cheek-pieces (*1–3*), bits or cheek-pieces (*4*, *5*) and bridle plaques (*6*, *7*) made of horn and bone: *1–4*, *6* — Kamenny Log I, settlement, Khakassia (after *Марсадолов*, 2021); *5* — Biskupinskoye settlement, Poland (after *Граков*, 1977); *7* — Ilovatovka, barrow No. 3, Volga region (after *Смирнов*, 1961)

у с. Иловатовка в Нижнем Поволжье (рис. 1, *7*), который, вероятно, использовался для перекрестья ремней узды коня (*Смирнов*, 1961; *Марсадолов*, 2021).

На сегодняшний день авторским коллективом подготовлено монографическое исследование, в котором подробно опубликованы все сохранившиеся материалы, рассмотрены вопросы истории его изучения, дана характеристика артефактов и их места на современной хронологической шкале. В качестве приложений в него включены самостоятельные исследования, посвященные химическому составу металлических изделий, трасологическому анализу большой серии изделий из разных материалов и систематизации данных изучения палеозоологической коллекции.

Вадецкая, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, ЛО, 1986. 180 с.

Грязнов, 1965 — *Грязнов М. П.* Работы Красноярской экспедиции // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 62–71.

Граков, 1977 — *Граков Б. Н.* Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977. 232 с.

Лурье, 2019 — *Лурье В. М.* Керамический комплекс поселения Каменный Лог I (предварительное сообщение) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск: Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2019. С. 97–98.

Марсадолов, 2021 — *Марсадолов Л. С.* О хронологии евразийских роговых псалиев X–VII вв. до н. э. // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Междунар. науч. конф. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 115–123.

Поляков, 2020 — *Поляков А. В.* Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2020. 54 с.

Поляков, 2022 — *Поляков А. В.* Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Поляков и др., 2020 — *Поляков А. В., Хоммель П., Марсадолов Л. С., Лурье В. М.* Первые данные по радиоуглеродной хронологии поселения Каменный Лог I // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее: Материалы междунар. конф., посвящ. 80-летию Ганны Ивановны Зайцевой / под ред. Н. Д. Буровой, А. А. Выборнова, М. А. Кульковой. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 68–69.

Смирнов, 1961 — *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1. С. 44–72.

The settlement Kamenny Log I (excavations by M. P. Gryaznov and M. N. Komarova)

Andrey V. Poliakov[5], Leonid S. Marsadolov[6], Vera M. Lurie[7]

The report provides detailed information about the history of exploration of the Kamenny Log I settlement (excavations by Mikhail P. Gryaznov and Maria N. Komarova, 1961–1963). The site belongs to the Late Bronze Age and has a longer chronology (13th–9th cent. BC) than it was previously thought. Particular attention is paid to the study of cheek-pieces found at the settlement. A monographic publication of the materials of this settlement has been prepared with a description of all the founds (including paleozoological materials), their chronology, chemical composition of metal items and traceological analysis of some artifacts.

Keywords: *Minusinsk basins, Republic of Khakassia, Late Bronze Age, Karasuk culture, settlement, cheek-pieces.*

5 Andrey V. Poliakov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: poliakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3418-2469.

6 Leonid S. Marsadolov — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: marsadolov@hermitage.ru; ORCID: 0000-0002-0480-2225.

7 Vera M. Lurie — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: verqa17@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0400-1396.

Древнекитайские удила и псалии позднего бронзового века

А. В. Варенов[1]

Аннотация. *Лошадь и конская узда появляются в Китае в эпоху Шан-Инь (XIII–XI вв. до н. э.). Для этого времени характерны бронзовые пластинчатые псалии, по форме близкие к квадрату. Шипы на псалиях отсутствуют. Бронзовые удила с двучастным грызлом уже известны, но широкого распространения не получили. В эпоху Западного Чжоу (X–VIII вв. до н. э.) шире начинают использоваться металлические удила, возникают бронзовые псалии иных контуров, однако конструктивно повторяющие иньские образцы. Вместе с тем появляются и роговые псалии с тремя отверстиями, расположенными в двух плоскостях, и их бронзовые имитации.*

Ключевые слова: *Древний Китай, период Шан-Инь, Западное Чжоу, поздний бронзовый век, псалии, бронзовые удила.*

https://doi.org/10.31600/978–5-6047952–2-4.143-146

Лошадь и конская узда появляются в Китае в период Шан-Инь (XIII–XI вв. до н. э.). Наиболее ценный источник этого времени для реконструкции древнекитайской узды и упряжи — иньские *чэ-ма кэны* (т. е. ямы с захороненными в них колесницами и лошадьми). Сохранившиеся в некоторых *чэ-ма кэнах* в перво-

1 Андрей Васильевич Варенов — Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, д. 1, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: avvarenov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2145-8611.

начальном положении на черепах лошадей ряды небольших бронзовых полушаровидных бляшек, украшавших ремни оголовья, позволяют реконструировать иньскую уздечку.

У взнузданных лошадей из иньских *чэ-ма кэнов* удила не прослежены. Бронзовые удила с двучастным грызлом уже известны в это время в Китае, однако широкого распространения не получили. Такие удила представляли собой две сцепленные вершинами бронзовые восьмерки общей длиной 12,2 см. Единственный экземпляр удил, найденный в погребении М216 могильника в Западной районе иньского городища в Аньяне (Иньсюй), приходится на более чем 1000 исследованных могил. Для сравнения — в том же могильнике обнаружено 27 бронзовых пластинчатых псалиев (*Варенов*, 1980. С. 168).

Иньские бронзовые пластинчатые псалии по форме близки к квадрату размерами ~ 7 × 7 см с круглым отверстием в центре. С нижней стороны к псалию приделывалась дугообразная или прямоугольная петелька. Шипы на псалиях отсутствовали — вместо них на одной из плоскостей (с обеих сторон от центрального отверстия, параллельно нижней петельке) крепились полые металлические уголки-ребра. В отдельных случаях они заменялись уплощенными овальными трубочками. Везде, где первоначальное положение псалиев удается проследить, к щеке лошади прилегала их гладкая сторона, а ребристая была обращена наружу (*Там же*).

С оголовьем пластинчатый псалий скреплялся при помощи раздвоенного нащечного ремня, ветви которого проходили внутри полого верхнего и нижнего ребер. Через нижние петли два псалия соединялись широким подбородочным ремнем. При натягивании поводьев удила в сочетании с подбородочным ремнем могли сжимать, как рычаг, нижнюю челюсть лошади. Если натягивали один из поводьев, псалий с противоположной стороны давил на щеку лошади, заставляя ее поворачивать в нужную сторону (*Там же*).

На некоторых китайских графических реконструкциях иньской и западночжоуской (например, из памятника Байцаопо) узды квадратный пластинчатый псалий развернут так, что проходящие через него трубочки или уголки-ребра занимают вертикальное положение, а дугообразная или прямоугольная петелька, также принявшая вертикальное положение, оказывается сбоку псалия, и к ней крепится нащечный ремень. У Ван Пэна дугообразная петелька именуется «боковым ушком», а псалии на иллюстрациях к его статье сориентированы петелькой вбок, хотя на приводимой им же графической реконструкции иньской узды псалии расположены правильно, петелькой вниз (*Ван Пэн*, 2019. С. 12–13). Следует подчеркнуть, что вертикальное положение трубочек/ребер и петельки псалия *in situ* ни разу не прослежены.

В эпоху Западного Чжоу (XI–VIII вв. до н. э., точнее — 1045/1027–770 гг. до н. э.) конская узда в основном развивает иньские традиции. Шире начинают использоваться металлические удила, возникают бронзовые псалии иных контуров, однако конструктивно повторяющие иньские образцы, т. е. пластинчатые псалии с тремя отверстиями в двух взаимно перпендикулярных плоскостях. Вместе с тем появляются и костяные (роговые) столбчатые псалии с тремя отверстиями, расположенными в двух плоскостях.

Например, в небольшом (всего три погребения) раннем западночжоуском могильнике Байфу, находящемся чуть севернее Пекина (Важное достижение…, 1976), в погребении М2 встречены бронзовые восьмерковидные удила (рис. 1, *1*) и шипастые усилители под псалий (рис. 1, *8*), но самих псалиев нет. Зато в погребении М3 есть псалии двух разных типов: и роговые столбчатые с тремя отверстиями в разных плоскостях (рис. 1, *3*), и бронзовые с полулунным щитком, двумя трубочками для нащечного ремня и центральным отверстием для удил (рис. 1, *4*). Шипы-усилители под псалий при отсутствии самих псалиев есть и в раннем западночжоуском могильнике Байцаопо (*Варенов*, 1984. С. 48–49).

В крупном могильнике Люлихэ (в целом синхронном Байфу), который находится чуть южнее Пекина (Люлихэ…, 1995), встречены и бронзовые восьмерковидные удила (рис. 1, *2*), и бронзовые квадратные пластинчатые псалии иньского типа (рис. 1, *9*), и их круглые варианты (рис. 1, *10*), а также бронзовые псалии с полулунным щитком, как в Байфу (рис. 1, *5*), «каплевидные» псалии, являющиеся их дальнейшим развитием (рис. 1, *11*, *12*), роговые столбчатые псалии с тремя отверстиями в двух плоскостях (рис. 1, *7*) и их бронзовые имитации (рис. 1, *6*).

В западночжоуском могильнике Чжанцзяпо близ г. Сиань встречаются не только восьмерковидные удила с двучастным грызлом, но и варианты удил с трехчастным грызлом и отчетливо выраженными внешними кольцами (рис. 1, *13*). Псалии также разнообразны: помимо квадратных пластинчатых образцов иньского типа (рис. 1, *14*, *15*) есть их круглые варианты (рис. 1, *25, 28*), бронзовые «каплевидные» экземпляры (рис. 1, *16–19*), роговые столбчатые псалии с тремя отверстиями в двух плоскостях (рис. 1, *32–34*) и их бронзовые имитации (рис. 1, *20–23*). Появляются бронзовые удила с трехчастным грызлом, смонтированные с круглыми пластинчатыми псалиями с петелькой (рис. 1, *24*) (Чжанцзяпо…, 1999).

В чуть более поздних по времени, но расположенных не так далеко, в той же провинции Шэньси близ г. Баоцзи, могильниках Жуцзячжуан и Чжуюаньгоу

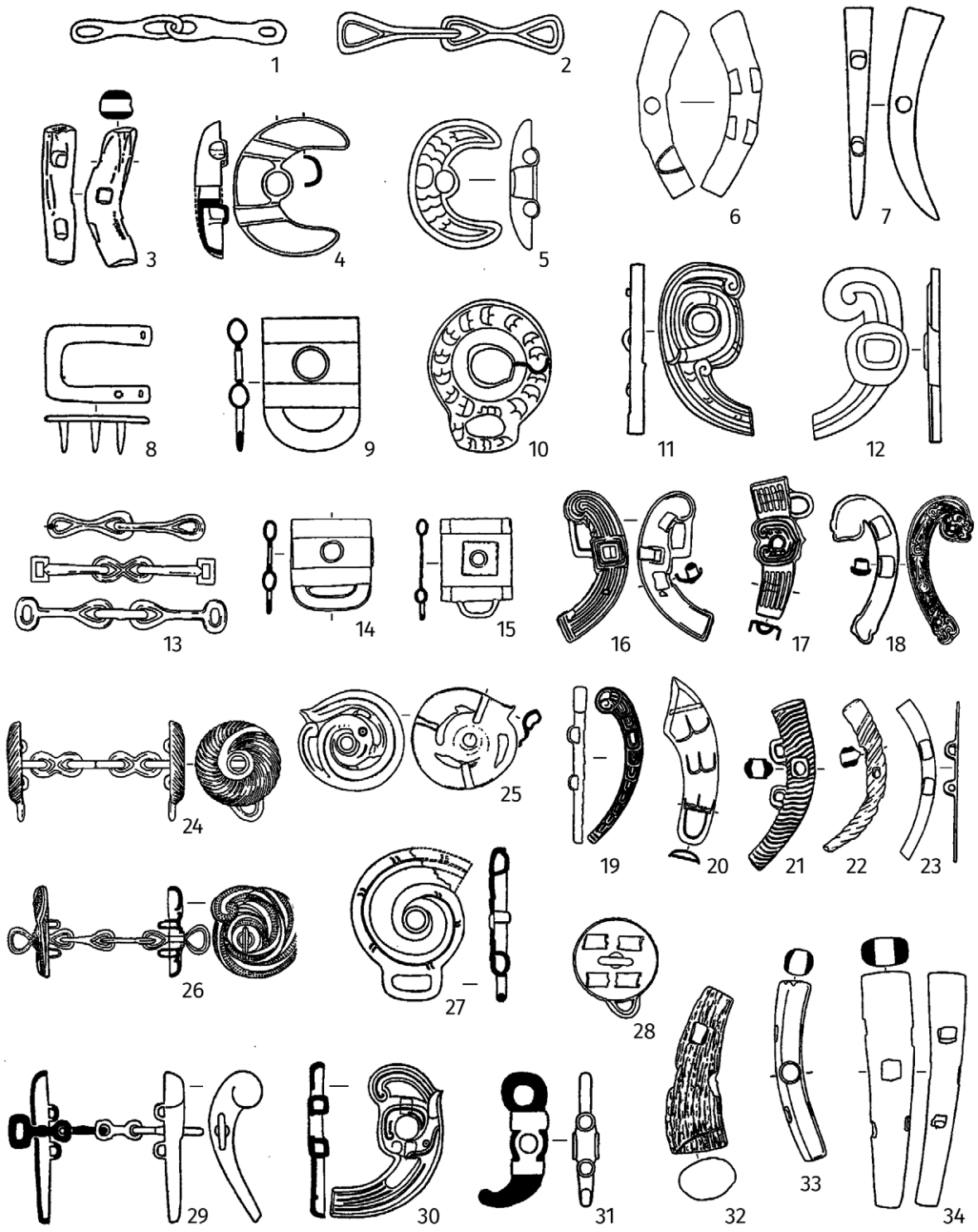

Рис. 1. Древнекитайские удила и псалии эпохи Западного Чжоу: *1, 3, 4, 8* — Байфу; *2, 5–7, 9–12* — Люлихэ; *13–25, 28, 32–34* — Чжанцзяпо; *26, 27, 29–31* — Жуцзячжуан и Чжуюаньгоу. Масштаб рисунков разный. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым (*1, 3, 4, 8* — по: Важное достижение..., 1976; *2, 5–7, 9–12* — по: Люлихэ..., 1995; *13–25, 28, 32–34* — по: Чжанцзяпо..., 1999; *26, 27, 29–31* — по: *Лу Ляньчэн, Ху Чжишэн*, 1988).

1, 2, 4–6, 8–31 — бронза; *3, 7, 32–34* — рог

Fig. 1. Ancient Chinese Horse Bits and Cheek-Pieces of Western Zhou Period: *1, 3, 4, 8* — Baifu; *2, 5–7, 9–12* — Liulihe; *13–25, 28, 32–34* — Zhangjiapo; *26, 27, 29–31* — Rujiazhuang and Zhuyuangou. All figures are of different scales. Images were scaled and consolidated into a table by A. V. Varenov (*1, 3, 4, 8* — after Важное достижение..., 1976; *2, 5–7, 9–12* — after Люлихэ..., 1995; *13–25, 28, 32–34* — after Чжанцзяпо..., 1999; *26, 27, 29–31* — after *Лу Ляньчэн, Ху Чжишэн*, 1988).

1, 2, 4–6, 8–31 — bronze; *3, 7, 32–34* — antler

встречены бронзовые «каплевидные» псалии, повторяющие прежнюю конструктивную схему — две горизонтальных трубочки выше и ниже центрального отверстия (рис. 1, *30*, *31*). Она же использована и в бронзовых круглых либо «каплевидных» псалиях, смонтированных вместе с трехчастными удилами (рис. 1, *26*, *29*). Попадаются и отдельные круглые бронзовые псалии с петелькой, выполненные по той же схеме (рис. 1, *27*) (*Лу Ляньчэн*, *Ху Чжишэн*, 1988).

Таким образом, внешнее разнообразие древнекитайских псалиев эпохи Западного Чжоу весьма велико. Но конструктивно они ушли не очень далеко от своих иньских прототипов. Исключение составляют лишь образцы, которые начали монтироваться вместе с бронзовыми удилами с трехчастным грызлом. Направление дальнейших исследований древнекитайской узды позднего бронзового века видится в уточнении внутренней хронологии могильников, особенно погребальных комплексов с удилами и псалиями.

Ван Пэн, 2019 — *Ван Пэн.* К вопросу о происхождении колесниц из Иньсюй // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. Вып. 4: Востоковедение. С. 9–18.

Варенов, 1980 — *Варенов А. В.* Иньские колесницы // Изв. СО АН СССР. Серия общественных наук. 1980. Вып. 1. № 1. С. 164–169.

Варенов, 1984 — *Варенов А. В.* О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51 (История и культура востока Азии).

Важное достижение…, 1976 — Важное достижение археологии в районе Пекина — Новые замечания о западночжоуских могилах с деревянными камерами в Байфу, Чанпин // Каогу. 1976. № 4. С. 246–258, 228 (на кит. яз.).

Лу Ляньчэн, *Ху Чжишэн*, 1988 — *Лу Ляньчэн*, *Ху Чжишэн*. Баоцзи Юй го муди (Могильники царства Юй в Баоцзи). Т. 1. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1988. 668 с. (на кит. яз.).

Люлихэ…, 1995 — Люлихэ Си Чжоу Янь го муди. 1973–1977 (Люлихэ — могильник западночжоуского царства Янь. 1973–1977). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1995. 276 с. (на кит. яз.).

Чжанцзяпо…, 1999 — Чжанцзяпо Си Чжоу муди (Западночжоуский могильник Чжанцзяпо). Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1999. 462 с. (на кит. яз.).

Ancient Chinese horse bits and cheek pieces of the Late Bronze Age

Andrey V. Varenov[2]

Horses and horse bridle appeared in China in Shang-Yin period (13th–11th cent. BC). Bronze cheek-pieces, square in plan, without calks were specific for that time. Bronze horse bits were already known, but were not spread widely. In the Western Zhou period (10th–8th cent. BC) metal horse bits got a wider distribution, there appeared bronze cheek-pieces of other shapes, not necessarily square, but repeating the principal construction of Yin specimen. At the same time, there appeared bone (antler) cheek-pieces with three holes drilled in two perpendicular planes and their bronze imitations.

Keywords: *Ancient China, Shang-Yin, Western Zhou, Late Bronze Age, cheek-pieces, bronze horse bits.*

2 Andrey V. Varenov — Novosibirsk State University, 1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: avvarenov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2145-8611.

Радиоуглеродная хронология финала бронзового века: сравнительный анализ серий Поволжья, Урала и Казахстана[1]

А. В. Епимахов[2]

Аннотация. *В работе обобщены 117 радиоуглеродных дат финала бронзового века, включая неопубликованные ранее. Они происходят с территории степной и лесостепной зон от Поволжья до Восточного Казахстана. Статистическое ядро серий выделено с помощью диаграмм размаха медиан калиброванных значений. Выявлены проблемы достоверности некоторых серий. Длительность периода предполагает возможность его разделения на подпериоды, что пока имеет в основном археологическую аргументацию и единичные достоверные даты.*

Ключевые слова: *Урал, финал бронзового века, радиоуглеродная хронология.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.147-149

В системах периодизации положение группы памятников финала эпохи бронзы вполне определенно, в то же время существуют некоторые разногласия в установлении их хронологических позиций. С точки зрения материальной культуры важнейшими маркерами являются использование характерной посуды с налепным валиком (*Черных*, 1983; и др.), а также узнаваемого металлокомплекса, который позволяет выделить фазы для территории Восточной Европы (*Бочкарев*, 2017; и др.). Для Урала и Казахстана такая работа имеет мало шансов на успех, поскольку закрытые комплексы с наборами металлических изделий встречаются довольно редко, если речь не идет о заведомо более ранних синташтинских, петровских или сейминско-турбинских памятниках.

Уральская серия включает 32 образца из 14 памятников (преимущественно из Зауралья), 19 дат выполнены в рамках ускорительных технологий. 24 даты имеют надежный археологический контекст, остальные получены при изучении разнокультурных комплексов (поселение Таналык, Большой Синташтинский курган). Для оценки однородности серии все даты откалиброваны, определены медианные значения, для них построены диаграммы размаха в двух вариантах (для всей серии и для AMS). Различия в основном диапазоне оказались существенными: 1308–1064 гг. до н. э. и 1325–1174 гг. до н. э. (рис. 1, *II*, *III*). Приводимые здесь и далее интервалы не являются отражением хронологических рубежей, а лишь иллюстрируют тенденцию. Омоложение серии дала серия сцинтилляционных дат поселения Мочище. Еще один важный момент — появление статистического выброса в AMS-серии за счет единичной даты могильника Верблюжьи Горки, который по археологическим критериям ранее был отнесен к периоду перехода к раннему железному веку (*Епимахов*, *Таиров*, 2013).

Волго-уральская серия из 12 образцов (восемь AMS-дат) охватывает довольно длительный период (1407–1024 гг. до н. э.) и не может быть разделена по статистическим критериям (рис. 1, *I*). Однако медианы первых шести дат отстоят от шести последних более чем на 250 лет. Вероятно, и в этом случаем мы имеем дело с неоднородной выборкой.

Лесостепная и южно-лесная зона Зауралья обеспечена еще одной культурно определимой группой с 25 сцинтилляционными датами по шести памятникам. Бархатовская культура в рамках избранной методики (рис. 1, *IV*) — наиболее поздняя (1177–880 гг. до н. э.). Часть дат оказалась моложе иткульских раннего железного века (*Зах и др.*, 2011), что заставляет с осторожностью оценивать их достоверность. При этом все анализы выполнены по углю, что обычно удревняет результаты — возможно, сказалось наличие разновременных материалов в границах большинства исследованных поселенческих памятников, а в выборке представлены только поселения.

Восточный фланг представлен внешне обширной серией дат (38), почти целиком полученной в рамках ускорительных технологий. В сравнении с рассмотренными выше данная выборка охватывает более длительный отрезок и имеет шлейф ранних значений (1454–1079 гг. до н. э.) (рис. 1, *V*). В данном случае сомневаться в достоверности ранних дат не приходится, т. к. они получены по костям животных поселения Кент, где ранние материалы не представлены (*Librado et al.*, 2021). Проблема заключается в другом: практи-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 20-18-00402 «Миграции человеческих коллективов и индивидуальная мобильность в рамках мультидисциплинарного анализа археологической информации (бронзовый век Южного Урала)».

2 Андрей Владимирович Епимахов — Институт истории и археологии УрО РАН, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, Екатеринбург, 620108, Российская Федерация; Южно-Уральский государственный университет, пр. Ленина, д. 76, Челябинск, 454080, Российская Федерация; e-mail: eav74@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-0141-1026.

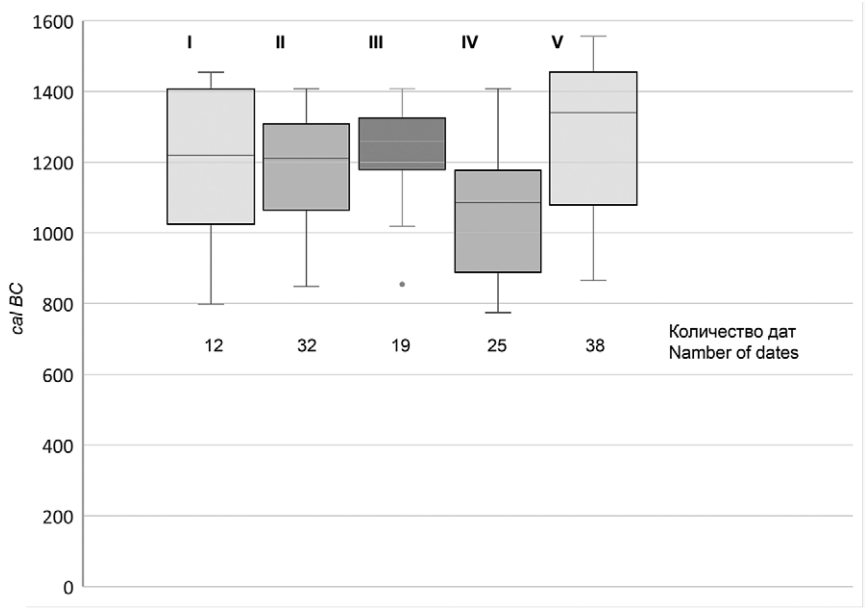

Рис. 1. Радиоуглеродная хронология финала бронзового века. График диаграмм размаха медианных значений калиброванных радиоуглеродных дат: *I* — Волго-Уралье, *II* — Южный Урал (все даты), *III* — Южный Урал (AMS-даты), *IV* — бархатовская культура, *V* — Казахстан

Fig. 1. ^{14}C-chronology of the Final Bronze Age. Diagrams of the ranges of median values for calibrated radiocarbon dates: *I* — Volga-Urals, *II* — South Urals (all dates), *III* — South Urals (AMS-dates), *IV* — Barkhatovo culture, *V* — Kazakhstan

чески все поздние датировки получены из единственного могильника в Восточном Казахстане — Зевакинского. Региональная специфика этой части Казахстана весьма значительна, и экстраполяция выводов на более обширную территорию вряд ли возможна. При этом в Центральном Казахстане также выделены разные культуры, соотношение которых по-настоящему не обосновано.

Сравнение серий указывает на принципиально разное качество исходных данных. В большинстве случаев требуется расширение списка качественных, хорошо атрибутированных дат, а также использование разных типов образцов для датирования с акцентом на коллаген животных. Тем не менее в степной зоне прослеживается хронологический приоритет восточного фланга. Длительность периода составляет не менее 500 лет, что, вероятно, указывает на возможность его разделения. Однако пока это предположение имеет в основном археологическую аргументацию, выразить же ее в цифрах можно только с опорой на единичные датировки (*Ломан, Кукушкин*, 2009; *Епимахов, Таиров*, 2020; и др.), что вызывает обоснованную критику. Причины мизерного числа анализов лежат в трудностях диагностирования этой части материалов, а также в возможном переходе значительной части населения к мобильности накануне эпохи ранних кочевников и практически полном исчезновении поселений в степи.

Бочкарев, 2017 — *Бочкарев В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // StratumPlus. 2017. № 2. С. 159–204.

Епимахов, Таиров, 2013 — *Епимахов А. В., Таиров А. Д.* К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь и лесостепь) // РАЕ. 2013. № 3. С. 211–231.

Епимахов, Таиров, 2020 — *Епимахов А. В., Таиров А. Д.* Между бронзовым веком и железным (могильник Шатмантамак I в Башкортостане) // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 171–180.

Зах и др., 2011 — *Зах В. А., Зимина О. Ю., Рябогина Н. Е.* Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 219–233.

Ломан, Кукушкин, 2009 — *Ломан В. Г., Кукушкин И. А.* Могильник Кудрявая Сопка 1 // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения–2008» / под ред. В. А. Варфоломеева. Караганда: ИА им. А. Х. Маргулана, 2009. С. 91–96.

Черных, 1983 — *Черных Е. Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Изд-во БашкГУ, 1983. С. 81–99.

Librado et al., 2021 — *Librado P., Khan N., Fages A. et al.* The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasia steppes // Nature. 2021. 598 (7882). P. 634–640.

Radiocarbon chronology of the Final Bronze Age: a comparative analysis of the Volga, Urals, and Kazakhstan series

Andrey V. Epimakhov[3]

The work summarizes 117 radiocarbon dates for the Final Bronze Age including previously unpublished ones. They cover the territory of the steppe and forest-steppe zones from the Volga region to the Eastern Kazakhstan. The statistical kernels of the series are highlighted using the range diagrams of the medians for the calibrated dates. Problems of reliability for some series are revealed. The duration of the period implies the possibility of its division into sub-periods, which so far has mainly archaeological arguments and single reliable dates.

Keywords: *the Urals, Final Bronze Age, radiocarbon chronology.*

3 Andrey V. Epimakhov — Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS, 16 Sofia Kovalevskaya St., 620108, Yekaterinburg, Russian Federation; South Ural State University, 76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; e-mail: eav74@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-0141-1026.

Бронзовый орнаментированный наконечник дротика позднего бронзового века из коллекции Государственного Эрмитажа

С. Н. Сенаторов[1]

Аннотация. *Бронзовые орнаментированные двухлопастные втульчатые наконечники дротиков являются сравнительно редкой категорией находок степной и лесостепной зоны Восточной Евразии среднего и позднего бронзового века. Яркой особенностью таких наконечников является их орнаментация, состоящая из рельефных валиков или насечек в виде елочки. В фондах Государственного Эрмитажа хранится бронзовый дротик неустановленного происхождения с елочной орнаментацией, которую можно связать с сейминско-турбинской традицией металлопроизводства 1400–1000 гг. до н. э.*

Ключевые слова: *Восточная Евразия, средний и поздний бронзовый век, металлопроизводство, сейминско-турбинская традиция, бронзовые наконечники дротиков, елочный орнамент.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.149-151

Важное место в научном творчестве М. П. Грязнова занимают предметы вооружения эпохи бронзы и раннего железного века Евразии — в частности, бронзовые наконечники дротиков, которые по своему функциональному предназначению служили колющим метательным оружием дальнего боя (*Лихачева*, 2020. С. 60). По морфологическим признакам дротики в целом повторяют форму наконечников копий и стрел, а по размерным характеристикам занимают промежуточное положение между этими двумя видами вооружения.

Особое место в категории бронзовых дротиков занимают орнаментированные двухлопастные наконечники, которые характерны для среднего и позднего бронзового века степной и лесостепной зоны Евразии. Они имеют лавролистную с плавными очертаниями форму пера и выделенную или скрытую втулку слабоконической формы. Втулка с обеих сторон украшена орнаментом из рельефных валиков или насечек, образующих различные геометрические композиции. Чаще всего в такие композиции входят элементы в виде елочки, сетки, лесенки и других фигур.

В данной работе приняты следующие характеристики двух основных признаков, отличающих дротики от наконечников стрел, — общая длина наконечника и диаметр втулки: 1) общая длина более 60 мм. Такие «длинные» наконечники имеют втулку для насада древка различной толщины и встречаются в подавляющем большинстве случаев; 2) общая длина менее 60 мм при диаметре втулки более 10,5 мм.

1 Сергей Николаевич Сенаторов — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: senatorov-s@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5816-5276.

Эти «короткие» наконечники с втулкой для толстого древка известны в единичных экземплярах[2].

К первой группе дротиков относится, в частности, орнаментированный двухлопастный бронзовый наконечник (рис. 1, *1*), хранящийся в фондах Государственного Эрмитажа. Его происхождение, к сожалению, не установлено (кол. № 1830/378)[3], однако его орнаментация, а также другие качественные и количественные характеристики, несомненно, заслуживают полного описания.

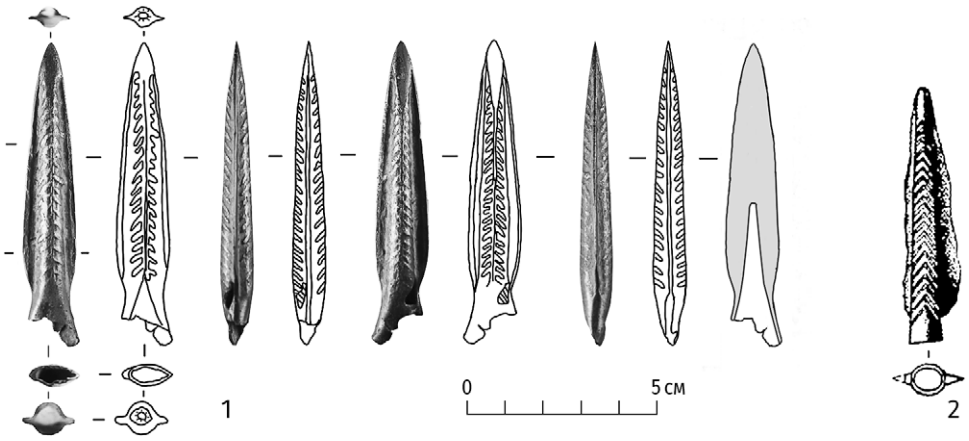

Рис. 1. Бронзовые наконечники дротиков: *1* — коллекция Государственного Эрмитажа; *2* — Еловский II могильник, мог. 90 (по: *Матющенко*, 2004. Рис. 286, *6*)

Fig. 1. Bronze dart heads: *1* — State Hermitage collection; *2* — Elovsky II burial ground, grave 90 (after *Матющенко*, 2004. Рис. 286, *6*)

Данный наконечник имеет вытянутое листовидное (округлое) перо с наибольшим расширением в его нижней части. Коническая втулка сплющена и сохранилась лишь частично. На втулке ниже основания пера имеется близкая к треугольной форме каверна. Лезвия узких лопастей и острие бойка заточены с обеих сторон. Причем на одной стороне оказались сильно сточенными и сам боек, и даже верхняя часть орнаментированной втулки. Рельефный орнамент в виде елочки расположен с обеих сторон втулки по всей длине пера. Общая длина наконечника 80,2 мм, длина пера от острия бойка до окончания лопастей — 65,8 мм, ширина пера — 14,2 мм, диаметр втулки — примерно 10,1 мм. «Слепая», или несквозная, втулка для насада имеет глубину 39,1 мм. Втулка заходит в глубь наконечника почти до середины пера. Масса наконечника — 18,3 г.

Поверхность данного наконечника была также исследована С. В. Хавриным в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа (далее — ОНТЭ ГЭ) методом рентгено-флюоресцентного анализа (далее — РФА) с помощью спектрометра ArtTAX. Удалось установить, что наконечник изготовлен из оловянистой бронзы, выплавленной на основе меди (Cu) с примесью олова (Sn) — 7–9%, свинца (Pb) — меньше 0,3% и мышьяка (As) — присутствуют его следы[4].

Сравнительно высокая доля олова в составе сплава наконечника не исключает его принадлежности к металлопроизводству позднего бронзового века Восточного Казахстана. Именно для данного региона, по данным А. Гончарова, характерна доля проб высоколегированного металла (Sn в пределах от 5,0 до 9,9%), которые составляют 44,8% от общего числа отобранных для анализа предметов (*Гончаров*, 2016. С. 681).

Рассматриваемый наконечник весьма оригинален, однако не является уникальным. Подобные орнаментированные дротики известны в среднем (2200–1700 гг. до н. э.) и позднем (1700–900 гг. до н. э.) бронзовом веке (*Клочко*, 2017. С. 302, 309) на широкой территории степной и лесостепной Евразии от Восточного Поволжья и Урала до Центрального Казахстана и Алтайского края.

Однако по своей форме и орнаментации эрмитажный наконечник дротика наиболее сходен с наконечником из погребения 90 Еловского II могильника

2 Признаки, отличающие наконечники дротиков от копий, пока не установлены однозначно. Например, Б. Г. Тихонов и С. С. Иванов предлагают считать дротиками наконечники с диаметром втулки не более 2,0 см (*Тихонов*, 1960. С. 36; *Иванов*, 2014. С. 283–284), а О. С. Лихачева — до 2,5 см (*Лихачева*, 2015. С. 316).

3 Выражаю благодарность хранителю коллекции А. Ю. Алексееву за возможность публикации наконечника дротика и ценные советы.

4 Выражаю благодарность заместителю заведующего ОНТЭ ГЭ С. В. Хаврину за определение состава металла наконечника дротика.

(рис. 1, *2*) (*Матющенко*, 2004. С. 192, рис. 286, *6*) еловской культуры Верхнего Приобья 1400–1000 гг. до н. э. (Томская обл.) (*Поляков*, 2022. С. 314, рис. 165).

Вероятно, подобное оружие появилось на рассматриваемой территории еще в среднем бронзовом веке — очевидно, в связи с распространением технологии изготовления оловянистой бронзы, а также тонкостенного литья с применением сердечника для изготовления слепой втулки в традициях сейминско-турбинского металлопроизводства (*Черных*, *Кузьминых*, 1989. С. 266–267).

Таким образом, эрмитажный наконечник дротика предположительно можно связать с археологическими культурами Восточного Казахстана позднего бронзового века второй половины II тыс. до н. э.

Гончаров, 2016 — *Гончаров А.* Особенности использования металла населением Казахстана в эпоху поздней бронзы // Мир Большого Алтая. 2016. Т. 2. № 4–1. С. 679–688.

Иванов, 2014 — *Иванов С. С.* Новые находки наконечников дротиков сакского времени из Кыргызстана // StratumPlus. 2014. № 3. С. 283–289.

Клочко, 2017 — *Клочко В. И.* Древнейшие этапы развития металлургии на Украине (типохронология древних металлических изделий Украины) // Клочко В. И., Козыменко А. В. Древний металл Украины. Киев: САМ, 2017. С. 285–331.

Лихачева, 2015 — *Лихачева О. С.* Дротики с территории лесостепного Алтая XII–VI вв. до н. э. // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: Сборник статей, посвящ. 70-летию профессора Ю. Ф. Кирюшина / Ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. С. 315–320.

Лихачева, 2020 — *Лихачева О. С.* Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н. э.): Монография / Науч. ред. В. В. Горбунов. Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2020. 304 с.

Матющенко, 2004 — *Матющенко В. И.* Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

Поляков, 2022 — *Поляков А. В.* Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Тихонов, 1960 — *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа / Ред.: О. Н. Бадер, С. В. Киселев. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 5–115 (МИА; № 90).

Черных, Кузьминых, 1989 — *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Bronze ornamented dart head of the Late Bronze Age from the collection of the State Hermitage Museum

Sergey N. Senatorov[5]

Bronze ornamented two-bladed socketed dart heads are a relatively rare category of finds from the steppe and forest-steppe zone of Eastern Eurasia of the Middle and Late Bronze Age. A striking feature of such dart heads is their ornamentation, consisting of embossed ridges or herringbone notches. In the collections of the State Hermitage Museum there is a bronze dart of unknown origin with fir-tree ornamentation, which is associated with the Seima-Turbino metalworking tradition of 1400–1000 BC.

Keywords: *Eastern Eurasia, Middle and Late Bronze Age, metalworking, Seima-Turbino tradition, bronze dart heads, fir-tree ornament.*

5 Sergey N. Senatorov — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: senatorov-s@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5816-5276.

Археология тайги Урала и Западной Сибири: феномены и парадоксы[1]

О. Н. Корочкова[2]

Аннотация. *Основное внимание акцентируется на исключительном информационном потенциале археологических источников таежного пояса Урала и Западной Сибири. Различная динамика культурно-исторических процессов в разных по своим ландшафтно-климатическим особенностям соседних областях разворачивает панораму выразительных феноменов и порой парадоксов преистории таежного региона. В ряду таких феноменов рассматриваются: ранние опыты формирования фортификационных практик, нетипичные для мира присваивающей экономики авангардные технологии в металлообработке бронзы, комплекс инноваций рубежа эр, связанный со становлением оленеводства, и формирование стратегий жизнеобеспечения и коммуникаций, соответствующих образу жизни обществ производящей экономики.*

Ключевые слова: *ресурсы, фортификации, металлообработка, оленеводство.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.152-154

Одним из распространенных представлений о специфике таежного мира является понимание его как предельно консервативного и отсталого. Основные открытия и достижения обыкновенно связываются с импульсами, которые исходили со стороны групп степного населения. Во многом такое мнение основывается на своего рода монотонном культурном полотне таежных образований с весьма размытыми границами между эпохами.

Если посмотреть на список работ, так или иначе связанных с археологией Северной Евразии, то можно увидеть, что в перечне ключевых слов «тайга» явно уступает позициям «степь» и «лесостепь». Однако есть регионы, которые заметно выделяются. Речь идет таежном поясе Урала и Западной Сибири. Может сложиться впечатление, что обилие происходящих отсюда материалов обеспечено особым масштабом проводимых здесь археологических раскопок и обследований, что связано с освоением нефтегазовых месторождений. Действительно, новостроечные работы, особенно на трассах магистральных и малых трубопроводов, заметно сказались на интенсивности разведочных и стационарных исследований и явились существенным фактором прироста археологических источников. Однако только ли в этом дело? Есть основания полагать, что богатство археологического наследия обусловлено историческими и природными особенностями региона.

Таежный мир Урала и Западной Сибири на фоне сопредельных территорий отличается исключительным потенциалом возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов. Речь идет о богатстве животного и растительного мира западносибирской тайги, с одной стороны, о богатстве источниками меднорудного сырья на Урале, с другой. Другая важная особенность обусловлена особенностями речной системы, основу которой составляют реки Обь, Иртыш, Тобол, Ишим, которые берут начало далеко на юге и пересекают Западную Сибирь в меридиональном направлении. Добавим к этому разветвленную водную сеть из малых рек и озер, соединенных многочисленными протоками, что создавало исключительные благоприятные условия для коммуникационных и миграционных коридоров, трансфера людей, вещей, технологий. Уральский хребет, являясь своего рода естественной границей между двумя континентами, не был существенным препятствием для широтных связей. Особое внимание исследователи обращают на среднеазиатский фактор. Климатические колебания на юге оказывали самое непосредственное влияние на Западно-Сибирскую равнину, что выражалось в заметных смещениях природно-климатических зон, миграциях животных и людей.

Наиболее ярким эпизодом этой серии было масштабное освоение таежного региона в неолите (VI–V тыс. до н. э.) группами населения различного происхождения. В условиях острой межгрупповой конкуренции за ресурсы здесь разворачивается фортификационное строительство. Столь нетипичный для лесной зоны феномен может указывать на достаточно сложные формы социальной организации населения, способного обеспечить строительство общественно зна-

1 Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 21-78-20015 и гос. задания № FEUZ-2020-0056.

2 Ольга Николаевна Корочкова — Уральский федеральный университет, ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Российская Федерация; e-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru; ORCID: 0000-0003-4597-9219.

чимых сооружений, требовавших высокого уровня кооперации (*Борзунов*, 2020). Богатые ресурсы тайги Западной Сибири, выработанные способы продуктивной охоты, рыболовства и собирательства, заготовки и переработки продуктов, древесины, высокий уровень мобильности в пределах промысловых территорий обеспечивали устойчивые стратегии жизнеобеспечения и сохранение популяций. Отсутствие условий для земледелия и скотоводства никоим образом не сказывалось на пищевой безопасности региона. Более того, рацион местных обитателей выгодно отличался от монодиеты ранних земледельцев.

Происходившие периодические природные флуктуации и стихийные бедствия преодолевались разными способами. Принципиально важным выходом из кризисной ситуации похолодания IV в. до н. э. явилось становление оленеводства, кардинально поменявшее образ жизни обитателей высоких широт (*Федорова, Гусев*, 2019). Это время целой череды информационных прорывов в области экономики, транспорта, связей, которое сопровождалось заметными трансформациями в технологической, коммуникационной, символической деятельности. Север Западной Сибири, по сути, минуя стадию бронзового века, одновременно с Европой вступает в эпоху железа. Вступление в эру металлов сопровождалось серьезными перестройками в социально-политическом устройстве местных обществ. Археологические знаки прямо сообщают о заметной социальной стратификации, активных торговых и военных акциях, переменах в формах собственности. Рост военной напряженности передает очередной всплеск фортификационного строительства, появления разнообразного оружия, в том числе парадных доспехов, свидетельствующих о выделении воинской верхушки.

Различный характер невозобновляемых и возобновляемых природных ресурсов Урала и Западной Сибири обеспечил ярко выраженное разделение труда. Население горно-лесного Зауралья специализировалось на производстве металлического оружия по формуле реципрокного обмена с кочевниками степи и охотниками тайги (*Корочкова и др.*, 2020. С. 126–170). Население Западной Сибири было ориентировано на традиционные промыслы, пушную торговлю (*Федорова*, 2019. С. 98–112).

Сравнительный анализ двух соседних территорий продемонстрировал более уязвимую позицию горно-лесного Зауралья, развитие которого в отсутствие благоприятных природных условий, обеспечивавших пищевую безопасность, опиралось на металлопроизводство. Авангардные технологии во многом зависели от связей, интеграций и конкретной политической ситуации среди культур-производителей и культур — потребителей металла. Археологические знаки I тыс. н. э. горно-лесного Зауралья прямо свидетельствуют о стагнации местной культуры и деволюции металлопроизводства, не имевшего перспектив при отсутствии условий для продуктивных промыслов, скотоводства и земледелия, интегрированности в евразийскую мир-систему. Таежный мир севера Западной Сибири в этом смысле представлял более стабильную форму жизнеобеспечения, опиравшуюся на эксплуатацию природных богатств, развитие оленеводства, транспорта, различные формы торговли, во многом стимулированные военизированностью местного общества, появлением новых форм собственности и престижной экономики.

Невосприимчивость к технологическим импульсам, которые не имели стимулов и условий для своего развития во II тыс. до н. э., и резкий слом исторической парадигмы в I тыс. до н. э., одновременное с Европой вступление в ранний железный век — свидетельство исключительного потенциала таежного мира Западной Сибири, опиравшегося на богатые природные ресурсы, коммуникации и связи. Именно с этого времени регион позиционируется на правах полноправного партнера и потребителя достижений евразийского мира. Подобные перемены в образе жизни подтверждают многочисленные археологические знаки, феномены, ситуации.

Борзунов, 2020 — *Борзунов В. А.* Древние укрепления лесной полосы Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2020. 576 с.

Корочкова и др., 2020 — *Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А.* Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2020. 214 с.

Федорова, 2019 — *Федорова Н. В.* Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность. Салехард: Золотой тираж, 2019. 149 с.

Федорова, Гусев, 2019 — *Федорова Н. В., Гусев А. В.* Три революции Усть-Полуя // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). С. 197–204.

Archaeology of the Urals and Western Siberian taiga: phenomena and paradoxes

Olga N. Korochkova[3]

Archaeological sources of the taiga belt of the Urals and Western Siberia have an exceptional information potential. A comparative analysis of cultural and historical processes in neighboring regions with different landscape and climatic features and their different dynamics of development allows us to draw attention to some paradoxes and phenomena: early experiences in the formation of fortification practices, avant-garde technologies in bronze metalworking that are atypical for the world of an appropriating economy, a complex of innovations at the turn of the era associated with the development of reindeer herding and the formation of life support strategies and communications that correspond to the lifestyle of the societies of the producing economy.

Keywords: *resources, fortifications, metalworking, reindeer husbandry.*

3 Olga N. Korochkova — Ural Federal University, 19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru; ORCID: 0000-0003-4597-9219.

Археологические исследования в Южной Туве[1]

Вл. А. Семенов[2]

Аннотация. *Несколько лет Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН проводила исследования в южных пограничных районах Тувы. В результате были изучены разнообразные памятники: петроглифы, погребения эпохи бронзы, погребально-поминальные комплексы — херексуры скифского времени, а также обнаружены артефакты древнего каменного века.*

Ключевые слова: *Тува, бронзовый век, Убсу-Нур, Торгалык, Дус-Даг, херексуры, курганы, петроглифы.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.154-156

Пограничные с Монголией южные районы Тувы (Тес-Хемский, Эрзинский, Овюрский и некоторые другие) находятся в котловине бессточных озер Центральной Азии. Они отделены от бассейна сибирских рек — левобережных притоков Каа-Хема и Улуг-Хема — горными хребтами Западного и Восточного Танну-Ола. На пограничной территории простирается большая Убсунурская котловина. Она разделена государственной границей на две неравные части, меньшая и более гористая — в Туве, а пологая и опустыненная — в Монголии. Именно эта территория гор Дус-Даг (Соленые горы) является предметом исследования Тувинской археологической экспедиции совместно с монгольскими коллегами в течение последних нескольких лет (*Килуновская*, 2018).

Безусловно, соль являлась большой ценностью во все времена. Дикий зверь приходил на солонцы и становился легкой добычей при засадной охоте. Несомненно, человек также открыл консервирующие качества соли уже в очень ранние периоды своего существования. Отсюда в отрогах горы Дус-Даг, вероятно, большое число палеолитических орудий, курганов, каменных изваяний и наскальных изображений.

Водораздел между Западным и Восточным Танну-Ола проходит по долинам рек, представленных парными гидронимами — «Торгалык». Одна из них именуется Северный Торгалык и является левобережным притоком Улуг-Хема, другая — Южный Торгалык — впадает в озеро Убсу-Нур. В его дельте расположен поселок Дус-Даг. «Торга» переводится с тувинского как «дятел». Существует легенда, по которой две реки Торгалык «имеют одну мать — Ырлаар-Туруг «поющую скалу» и что они убежали весной от матери, один Торгалык — в Овюр, другой — в Улуг-Хем и с тех пор они не встречались, один поет свою песню в Овюре, другой в Улуг-Хеме» (*Ондар*, 2007. С. 393). Присутствие парных гидронимов свидетельствует о наличии кочевых, перевальных троп, что подтверждается исследованным в 1984 г. на правом берегу Северного Торгалыка значительного по площади караван-сарая

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Владимир Анатольевич Семенов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: ranbov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0278-5652.

монгольского времени Бажын-орну (*Семенов*, 1986. С. 200). Эмпирическая проверка этой гипотезы была проведена летом 2017 г., когда группа из шести сотрудников Тувинской археологической экспедиции под руководством А. В. Семенова преодолела этот маршрут за четыре дня. Ими было отмечено, что перевальные тропы заброшены, что естественно при наличии автомобильных дорог.

Археологические изыскания проводились как по левому, так и по правому берегу р. Торгалык Южный, включая его многочисленные протоки. Одной из главных целей были поиск и фиксация наскальных изображений. Первые довольно планомерные тщательные исследования проводились на скальном останце Мортук, расположенном примерно в 5 км к северу от поселка Дус-Даг. До сих пор памятник полностью не исследован, и точное количество петроглифов пока не учтено. В основном, как и везде в Центральной Азии, здесь доминируют изображения козлов, но есть и более интересные сцены, например нападение хищника на лошадей.

У подножия Мортука находится некрополь, представленный монгун-тайгинскими и тюркскими курганами. Здесь же на отдельно стоящей скале были обнаружены леваллуазские отщепы и петроглифы различных эпох (местонахождение Мортук 2).

Напротив горы Мортук на противоположном берегу реки Торгалык Южный находится гора Кара-Туруг. В процессе изучения наскальных изображений на склонах Кара-Туруга было найдено значительное число широких и сравнительно длинных пластин, снятых, вероятно, с больших призматических нуклеусов. Эти предметы встречались не только на склоне горы, но и у ее подножия. Несколько изделий были обнаружены на значительном расстоянии от подножия Кара-Туруга. По всей видимости, стоянка или мастерская эпохи древнего камня была расположена на плоской вершине горы. В процессе разрушения этого скального останца площадь вершины сокращалась, вместе с оползнями на склон попадал и каменный инвентарь. Отдельные находки встречались и в степи у подножия горного массива Куу-Даг, частью которого является и Кара-Туруг. Помимо пластин и отщепов здесь был найден листовидный бифас (рис. 1) — вероятно, леваллуазского времени, т. к. здесь же, в районе хребта Куу-Даг, найдены и черепаховидные нуклеусы. К сожалению, все эти материалы поверхностного залегания не образуют отчетливых скоплений.

У подножия хребта Куу-Даг находится могильник Кара-Туруг 2, состоящий из 78 разновременных объектов: херексуров, курганов, каменных выкладок — от эпохи бронзы до тюркского времени. На склоне террасы реки Торгалык Южный был обнаружен каменный ящик (объект № 5) размерами 1,75 × 1,25 × 1,15 м,

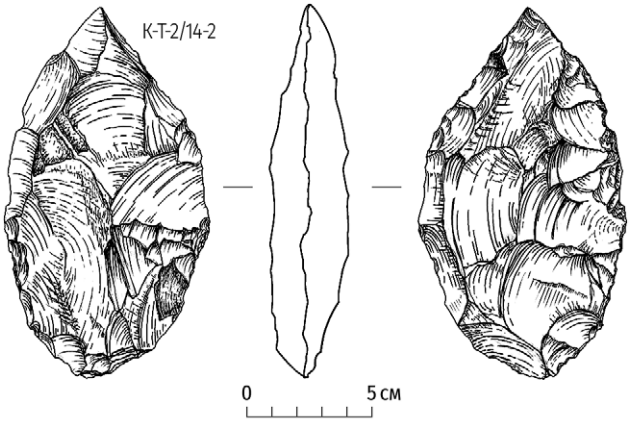

Рис. 1. Каменное орудие, обнаруженное у горы Кара-Туруг
Fig. 1. Stone tool found near the Kara-Turug mountain

составленный из восьми вертикально поставленных плит. Первоначально перекрытие состояло из двух массивных плит, но одна из них была сброшена в древности, а верхние концы сравнительно тонких вертикальных плит в этой части ящика обломались. Дно ящика было также выстлано каменными плитами, но в процессе проникновения кладоискателей в «гробницу» они были смещены. Человеческих останков здесь не сохранилось, но были обнаружены кости марала и быка, а также большой фрагмент керамического горшка с елочным орнаментом, выполненным оттисками зубчатого штампа. Местами косопоставленные ряды пересекались между собой, представляя орнаментацию в стиле «раппорта». Значительная величина сосуда, сплошная гребенчатая орнаментация, небольшое утолщение на венчике позволяют предположить, что эта керамика относится к верхнеенисейской неолитической культуре, выделенной при раскопках стоянки Тоора-Даш. Даты, полученные по C^{14} для нижних слоев Тоора-Даша, также свидетельствуют, что эта культура предшествовала появлению носителей афанасьевской культуры в Туве. Конечно, вопрос о датировке и культурной принадлежности цисты с могильника Кара-Туруг 2 остается открытым до тех пор, пока не будут найдены подобные погребальные памятники в бассейне Северного Торгалыка.

На могильнике Кара-Туруг 2 раскопано два кургана эпохи поздней бронзы, так называемой мунхай-хайыраханской культуры. Эта культура выделена А. А. Ковалёвым по материалам Монголии. Курган № 3, отнесенный к предполагаемой культуре, имел плоскую насыпь из уложенных по спирали в один-два слоя плоских валунов и плит. Погребение в грунтовой яме, обложенной вдоль стен крупными валунами, было разграблено, но на дне могилы обнаружены миниатюрные костяные наконечники стрел с расщепленным основанием, которые можно соотнести с памятниками глаз-

ковской культуры, фрагмент костяного стержня с уплощенным концом и клыки марала. Курган № 72 имел четкую ограду из вертикально поставленных небольших плит, несколько ям, заполненных камнями по кругу (кенотафов?), а в центре в неглубокой яме было разграбленное погребение, в котором сохранилась костяная ложка и каменные фигурные нашивки.

В раннескифское время весь археологический курганный ансамбль могильника Кара-Туруг 2 создавался вокруг двух херексуров, ограды которых достигали диаметра 30 и 35 м, тогда как сами насыпи курганов невелики — около 10 м. От курганов к оградам расходятся каменные лучи по странам света. Один из херексуров потревожен. Периферия вокруг херексуров заполнена поминальными сооружениями — круглыми и квадратными выкладками и оградками, а также целой «сетью» каменных линий, конструкцию которой пока не удалось выяснить. К скифским курганам примыкают более поздние. Очень интересной была находка в комплексе тюркских оградок оленного камня, переделанного под изваяние: в три косые полосы вписан нос и усы, а внизу находится акинак скифского типа.

Исследования в южных районах Тувы, примыкающих к озеру Убсу-Нур, очень важны, так как, во-первых, планомерных археологических работ здесь раньше не велось, и проведенные исследования показали наличие большого количества памятников разных исторических эпох. Кроме того, очень важно пограничное расположение территории с Монголией, в результате чего можно проследить сходство и различие культур двух соседних регионов — с одной стороны, очень схожих, с другой — отличных как в географическом, так и в историко-культурном контекстах.

Килуновская, 2018 — *Килуновская М. Е.* Археологические памятники на границе Тувы и Монголии (проблемы культурной принадлежности и хронологии) // НОСА. Серия: Археология. 2018. Вып. 5. № 1 (21). С. 35–54.

Ондар, 2007 — *Ондар Б. К.* Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2007. 550 с.

Семенов, 1986 — *Семенов Вл. А.* Работы в Туве // АО 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 200–201.

Archaeological research in South Tuva

Vladimir A. Semenov[3]

For several years, the Tuvinan archaeological expedition of the IHMC RAS conducted research in the southern border regions of Tuva. As a result, various sites were studied: the locations of petroglyphs, Bronze Age burials, funeral and memorial complexes — kereksurs of the Scythian time, as well as artifacts of the ancient Stone Age.

Keywords: *Tuva, Bronze Age, the Uvs Lake, Torgalyk, Dus-Dag, kereksurs, mounds, petroglyphs.*

3 Vladimir A. Semenov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: ranbov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0278-5652.

СЕКЦИЯ III

ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА: ВЕЩИ, ТРАДИЦИИ, ИДЕИ

Радиоуглеродное датирование памятников предскифского времени на левобережье Днестра

В. С. Синика[1], С. О. Симоненко[2]

Аннотация. *В работе приводятся результаты радиоуглеродного датирования предскифских погребений на левобережье Нижнего Днестра. Были датированы 28 образцов из 23 захоронений. Интервалы полученных дат укладываются в промежуток IX — первой половины VII в. до н. э. Одним из результатов исследования стало существенное увеличение (в полтора раза) количества памятников черногоровской культуры в регионе.*

Ключевые слова: *левобережье Нижнего Днестра, предскифские памятники, радиоуглеродное датирование.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.157-161

С 1995 г. по настоящее время Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко проводятся масштабные раскопки курганов в окрестностях с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра.

За последние девять лет (2013–2021 гг.) были исследованы 54 насыпи: 21 — в курганной группе «Водовод»; 14 — в курганной группе «Сад»; семь — в курганной группе «ДОТ»; пять — в курганной группе «Сухая Балка»; три — в курганной группе «Рыбхоз»; по две — в курганных группах «Клин» и «Плавни». Всего было изучено 486 погребений, которые были совершены в интервале IV тыс. — XVIII в. до н. э.

Многие десятки комплексов не содержали инвентаря, поэтому в силу различных причин (невозможность зафиксировать вид погребального сооружения, универсальность поз и ориентировок погребенных) отнесение этих захоронений не только к конкретной археологической культуре, но даже к одной из эпох (энеолиту, бронзовому веку, раннему железному веку или средневековью) являлось спорным либо невозможным. В связи с этим было принято решение датировать радиоуглеродным методом все такие погребения. Помимо этого, имелась необходимость датировать и содержавшие погребальный инвентарь могилы раннего бронзового века, предскифского времени и средневековья, культурно-хронологическая атрибуция которых сомнений либо не вызывала, либо требовала уточнения/подтверждения. С 2020 г. эта работа проводится в радиоуглеродных лабораториях Киева (Ki), Дебрецена (DeA) и Познани (Poz). К настоящему времени получено более 300 радиоуглеродных дат для костей человека (преимущественно ввиду отсутствия других органических материалов в большинстве захоронений), животных, дерева и древесного угля.

Одним из результатов этой работы стало датирование 28 образцов (во всех случаях — кость человека) из 23 погребений черногоровской культуры (рис. 1; табл. 1). В данную выборку были включены также образцы из захоронений Слободзея 3/1[3] (*Яровой и др.*, 2002. С. 290, 292, рис. 4) и Мокра 1/16 (*Синика и др.*, 2016. С. 82–83, № 64, 65) из раскопок Днестровской археологической экспедиции — соответственно 1992 г. на левобережье Нижнего Днестра и 1994 г. на левобережье Среднего Днестра. Для пяти захоронений образцы датировались дважды (Мокра 1/16; Глиное/Сад 4/13, 4/16, 4/7; Глиное/Сухая Балка 9/2), причем в трех случаях датирование образцов из одной могилы проводилось в разных лабораториях — По-

1 Виталий Степанович Синика — Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, ул. 25 Октября, д. 128, Тирасполь, 3300, Республика Молдова; e-mail: sinica.vitaly80@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1621-9205.

2 Сергей Олегович Симоненко — Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, ул. 25 Октября, д. 128, Тирасполь, 3300, Республика Молдова; e-mail: simon_mid@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6760-2565.

3 Здесь и далее Слободзея 3/1 означает Слободзея, курган 3, погребение 1.

знани и Киева: Мокра 1/16; Глиное/Сад 4/16, 4/17 (*Вальчак и др.*, 2019). Важно отметить, что в каждом из пяти случаев интервалы калиброванных дат пересекаются, что свидетельствует о корректности полученных датировок.

Погрешность при датировании только трех образцов составила ±60 лет. Для 25 образцов она была меньше: ±50 лет (11 образцов), ±40 (11 образцов), ±35 лет (три образца). Показательно, что калиброванные интервалы всех дат укладываются в промежуток IX — первой половины VII в. до н. э. При этом мы особо подчеркиваем, что радиоуглеродное датирование, даже в сочетании с отмеченными элементами обряда и погребальным инвентарем, не позволит в обозримом будущем разработать детальную периодизацию черногоровской культуры Северо-Западного Причерноморья.

Важен другой аспект проблемы. Только девять из 23 погребений, продатированных к настоящему времени, содержали инвентарь: Глиное/Клин 1/5 (сосуд); Глиное/Клин 1/11 (костяное изделие); Глиное/Плавни 1/17 (сосуд) (*Вальчак и др.*, 2020. С. 85–87, рис. 3, *1–3*); Глиное/Сад 4/16 (сосуд); Глиное/Сухая Балка 7/1 (три астрагала); Глиное/Сухая Балка 7/2 (бронзовая пластинка); Глиное/Сухая Балка 9/2 (сосуд); Мокра 1/16 (два сосуда); Слободзея 3/1 (сосуд). Остальные 14 комплексов были безынвентарными: Глиное 110/1; Глиное/Сад 4/13, 4/17, 12/2; Глиное/Сухая Балка 6/1, 6/2, 6/3, 6/3а, 9/1; Глиное/Рыбхоз 1/4, 3/1, 3/4, 3/19, 3/80. Принимая во внимание невыразительные находки из четырех могил (Глиное/Клин 1/5 — сосуд, характерный для большинства культур раннего железного века; Глиное/Клин 1/11 — костяное изделие; Глиное/Сухая Балка 7/1 — три астрага-

Таблица 1. Радиоуглеродные даты некоторых погребений предскифского времени на левобережье Днестра

Table 1. Radiocarbon dates of some pre-Scythian burials from the left bank of the Dniester

№ п/п	Название комплекса	Лабораторный номер	Дата ^{14}C
1	Глиное/Сад 12/2	Ki-20142	2840±40
2	Глиное/Сухая Балка 6/3	Ki-20238	2830±50
3	Глиное/Рыбхоз 3/80	Ki-20373	2820±50
4	Глиное/Рыбхоз 1/4	Ki-19969	2810±60
5	Глиное/Рыбхоз 3/4	Ki-20356	2780±40
6	Мокра 1/16	Ki-20279	2780±50
7	Мокра 1/16	Poz-91086	2780±35
8	Глиное/Сухая Балка 9/2	Ki-20245	2780±60
9	Глиное/Рыбхоз 3/19	Ki-20418	2750±40
10	Глиное/Сад 4/17	Poz-91085	2730±35
11	Глиное/Сад 4/17	Ki-20234	2670±40
12	Глиное/Сухая Балка 6/3а	Ki-20240	2710±40
13	Глиное/Клин 1/11	Ki-20258	2710±50
14	Глиное/Сад 4/16	Poz-91084	2705±35
15	Глиное/Сад 4/16	Ki-20232	2630±40
16	Глиное/Плавни 1/17	Ki-20178	2690±50
17	Глиное/Сухая Балка 9/1	Ki-20244	2690±50
18	Глиное/Клин 1/5	Ki-20250	2670±50
19	Глиное/Рыбхоз 3/1	Ki-20350	2660±60
20	Глиное/Сухая Балка 6/1	Ki-20233	2650±40
21	Глиное/Сухая Балка 9/2	Ki-20282	2650±40
22	Глиное/Сухая Балка 7/2 (скелет 2)	Ki-20235	2620±50
23	Глиное/Сад 4/13	Ki-20231	2590±50
24	Глиное/Сад 4/13	Ki-20277	2480±40
25	Глиное/Сухая Балка 6/2	Ki-20237	2580±50
26	Глиное 110/1	Ki-20427	2580±40
27	Глиное/Сухая Балка 7/1	Ki-20242	2520±40
28	Слободзея 3/1	Ki-20275	2470±50

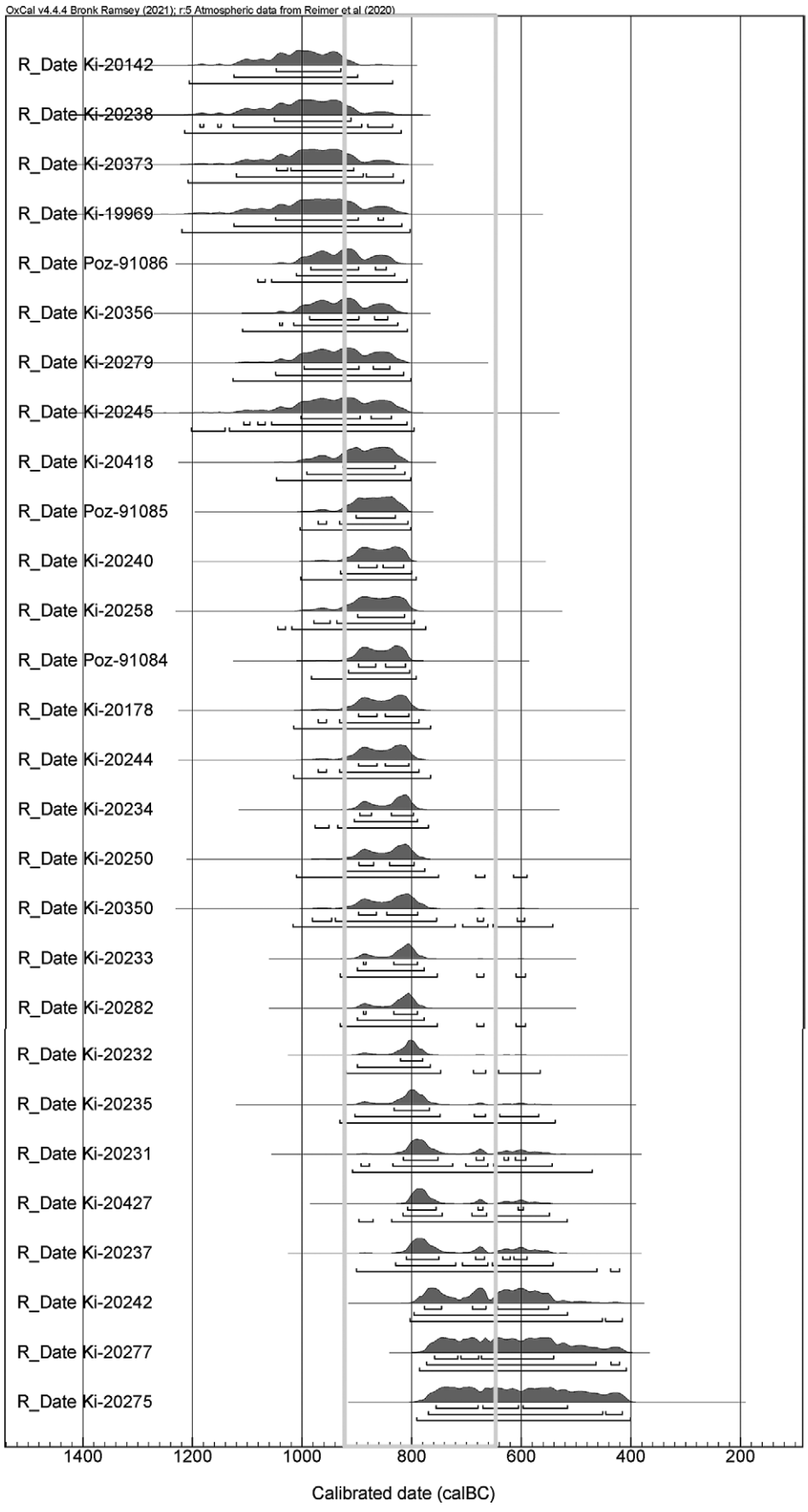

Рис. 1. Калиброванные радиоуглеродные даты предскифских погребений с левобережья Днестра

Fig. 1. The calibrated radiocarbon data of the pre-Scythian burials from the left bank of the Dniester

ла; Глиное/Сухая Балка 7/2 — бронзовая пластинка), количество захоронений, чья культурно-хронологическая атрибуция не могла быть установлена достоверно, составляет — 18, или 78% от общего числа.

Отметим, что подобные погребения в отчетах и публикациях в лучшем случае записываются в неопределенные, а в худшем — атрибутируются без достаточных оснований, в том числе и для безосновательного увеличения источниковой базы памятников какого-то периода в различных регионах.

В то же время источниковую базу памятников черногоровской культуры в Северном Причерноморье нельзя назвать обширной. Так, по подсчетам М. Н. Дараган, в настоящее время на территории Молдавии и Украины известно 276 погребений предскифского времени (*Черных*, *Дараган*, 2014. С. 348). Еще 105 захоронений черногоровской культуры указывает В. В. Потапов в Нижнем Подонье и в прилегающих к нему районах Приазовья (*Потапов*, 2000. С. 9). Таким образом, в Северном Причерноморье (от Прута на западе до Дона на востоке) на данный момент насчитывается не более 400 погребальных памятников предскифского времени.

Приведенные цифры резко контрастируют с обилием памятников в предшествующее и последующее время. В частности, в Северо-Западном Причерноморье для финала бронзового века (середина XIII — X в. до н. э.) известны 40 поселений (*Ванчугов*, 2013. С. 318, рис. 68) и не менее 200 захоронений белозерской культуры. Среди последних — крупнейший могильник у с. Казаклия в Буджакской степи (*Agulnikov*, 1996). Ко второй половине VIII — II в. до н. э. относятся 1110 скифских памятников — 1040 погребений, 32 поминальных комплекса, 14 поселений, 14 случайных или внекомплексных находок, 10 «кладов» (*Синика*, 2022. С. 62).

Приведенные цифры резко контрастируют с числом памятников черногоровской культуры в регионе. Самая полная сводка «киммерийских древностей» Северо-Западного Причерноморья, включающая 56 погребений, две случайные находки и один клад (*Яровой и др.*, 2002. С. 287–289, рис. 1), совсем недавно была пополнена одним захоронением Чимишлия 5/11 в Прутско-Днестровском междуречье (*Popovici*, *Ciobanu*, 2021. P. 26–27, fig. 13; 14). При этом еще в 2005 г. И. В. Бруяко сделал важное замечание, имеющее самостоятельное значение, что в Северо-Западном Причерноморье «районом преимущественной концентрации предскифских погребений являются степные территории, прилегающие к бассейну Днестра и Днестровского лимана», где сосредоточено две трети всех памятников (*Бруяко*, 2005. С. 76, рис. 1).

В связи с изложенным отметим наиболее важный результат нашего исследования: количество погребальных памятников предскифского времени в Северо-Западном Причерноморье оказалось значительно бо́льшим, чем считалось ранее. За последние 10 лет только в окрестностях с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра изучено не менее 30 новых погребальных комплексов (в настоящее время не все из них датированы, в том числе инвентарные). Три четверти из них были безынвентарными либо содержали невыразительные для определения культурной принадлежности находки. Их достоверная атрибуция в качестве черногоровских стала возможной после проведения радиоуглеродного датирования. В результате общее число синхронных памятников региона существенно (в полтора раза) выросло. Таким образом, появляются основания пересмотреть представление о небольшой плотности населения Северного Причерноморья в предскифское время.

Бруяко, 2005 — *Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р. Х.). Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2005. 360 с. (Археологические источники Восточной Европы).

Вальчак и др., 2019 — *Вальчак С. Б., Синика В. С., Лукасик С. и др.* Предскифские погребения группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // JAAIS. 2019. №. 1. С. 159–182.

Вальчак и др., 2020 — *Вальчак С. Б., Лысенко С. Д., Лысенко С. С. и др.* Погребения предскифского времени в кургане группы «Плавни» на Нижнем Днестре // МАИАСП. 2020. № 12. 2020. С. 77–97.

Ванчугов, 2013 — *Ванчугов В. П.* Белозерская культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины) / Отв. ред.: И. В. Бруяко, Т. Л. Самойлова. Одесса: СМИЛ, 2013. С. 316–334.

Потапов, 2000 — *Потапов В. В.* Предскифские племена степей Восточной Европы // Донская археология. 2000. № 1. С. 6–21.

Синика, 2022 — *Синика В. С.* Скифская археологическая культура III–II вв. до н. э. Северо-Западного Причерноморья и актуальные проблемы истории: Дис. … докт. ист. наук. М., 2022. 800 с.

Синика и др., 2016 — *Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П.* Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь: Полиграфист, 2016. 156 с.

Черных, *Дараган*, 2014 — *Черных Л. А., Дараган М. Н.* Курганы эпохи энеолита — бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014. 568 с.

Яровой и др., 2002 — *Яровой Е. В., Кашуба М. Т., Махортых С. В.* Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности / Отв. ред. Н. А. Кетрару. Тирасполь: Типар, 2002. С. 279–343.

Agulnikov, 1996 — *Agulnikov S.* Necropola culturii belozerka de la Cazaclia. Bucureşti: Institutul roman de Tracologie, 1996. 115 p. (Bibliotheca Thracologica; XIV).

Popovici, *Ciobanu*, 2021 — *Popovici S.*, *Ciobanu I.* Cercetări arheologice la Cimişlia (1969, 2015, 2019). Chişinău: s. n., 2021. 225 p.

Radiocarbon dating of the pre-Scythian Sites from the Left Bank of the Dniester

Vitaly S. Sinika[4], Sergey O. Simonenko[5]

The paper deals with the results of radiocarbon dating of pre-Scythian graves from the left bank of the Lower Dniester. 28 samples from 23 burials were dated. The intervals of the obtained dates fit into the interval of the 9th — the first half of the 7th cent. BC. One of the results of the study was a sharp increase (in one and a half times) of the amount of Chernogorovka culture sites in the region.

Keywords: *left bank of the Lower Dniester, pre-Scythian sites, radiocarbon dating.*

4 Vitaly S. Sinika — Pridnestrovian Taras Shevchenko State University, 128 25th of October St., Tiraspol, 3300, Republic of Moldova; e-mail: sinica.vitaly80@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1621-9205.

5 Sergey O. Simonenko — Pridnestrovian Taras Shevchenko State University, 128 25th of October St., Tiraspol, 3300, Republic of Moldova; e-mail: simon_mid@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6760-2565.

Обрядовые практики населения Закубанья в период скифской архаики (по материалам Тарасовой Балки)

Т. В. Рябкова[1]

Аннотация. *В статье публикуются результаты новейших исследований археологического памятника Тарасова Балка (Закубанье, конец VII — первая половина VI в. до н. э.), прежде считавшегося поселением. Показано, что его характеристики необычны для поселенческих памятников. Находки очагов-жертвенников позволяют предположить, что Тарасова Балка, скорее всего, была святилищем.*

Ключевые слова: *Закубанье, ранний железный век, Тарасова Балка, обряд, жертвенник.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.161-164

Закубанье — территорияПредкавказья на стыке Восточно-Европейской равнины и гор Кавказа, ограниченная с севера р. Кубань. На фоне редких памятников финала бронзового века Предкавказья памятники протомеотской группы выглядят новообразованием. Оставившее их население до появления кочевников с востока не сооружало курганных насыпей над погребениями (*Эрлих*, 2007 С. 49). Традиция захоронений под курганами с масштабными конскими гекатомбами распространяется в начале раннего железного века с приходом кочевнических группировок из центральноазиатского региона. Тогда же появляются новые категории вещей (*Алексеев*, 2003 С. 47–50). Наиболее ярким памятником начального периода скифской истории в Закубанье является Келермесский могильник, поэтапно сооружавшийся на протяжении длительного периода. Концентрация памятников раннескифского времени в регионе[2] свидетельствует, вероятно, о его особом значении.

Наряду с материалами элитных скифских курганов и грунтовых могильников протомеотского населения, для реконструкции культурно-исторической ситуации региона важно использовать материалы памятника Тарасова Балка, изначально определенного как поселение. Он расположен на правобережье р. Лаба, рядом с Разменными курганами. Памятник был обнаружен в 2011 г. Южно-Кубанской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, доследовавшей 1-й Разменный (Костромской) курган. За время систематических раскопок, ведущихся с 2012 г., исследовано

1 Татьяна Владимировна Рябкова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7441-2372.

2 Кроме Келермеса в Закубанье расположены Костромской (1-й Разменный) курган, разрушенные курганы у ст. Махошевская, Семиколенные курганы, курган 41 могильника Клады, Мазепинский курган, курган в ст. Крымской (раскопанный Нестеровым), могильник Фарс/Клады и др.

780 кв. м. памятника, площадь которого составляет около 2 га. Работы ведутся с учетом данных геомагнитной разведки[3].

Исследования показали, что у Тарасовой Балки есть необычные для поселения признаки. Памятник расположен на водоразделе рр. Лаба и Чехрак, на высоте 400 м над уровнем моря, в необыкновенно красивом месте, с которого просматриваются дальние окрестности. Следует признать, что для поселения место неудачно: даже летом сильные ветра создают существенные неудобства. Сезонной стоянкой назвать памятник нельзя из-за необыкновенно мощного и насыщенного культурного слоя в центральной части холма. Скопление артефактов здесь занимает свыше 400 кв. м: золистый слой с артефактами лежит на поверхности древнего горизонта и лишь в редких случаях прорезает его; хозяйственных ям нет.

Количество находок на площади в 100 кв. м достигает 48 тыс. единиц, что сопоставимо с насыщенностью культурного слоя античных городов. По данным стратиграфии, слой сформировался за короткое время. Основная часть находок — мелкие фрагменты лепных сосудов и костей, куски глиняной обмазки, куски железистого песчаника, колотая галька. В слое преобладают кости крупного рогатого скота, затем следуют кости овцы, лошади и свиньи.

Необычны для свалки поселенческого памятника многочисленные находки наконечников стрел разных типов, обломков псалиев и удил, портупейных крючков, панцирных чешуек, ножей, разнообразных пряслиц, каменных орудий (песты, терочники, обломки оселков), а также изделий из кремня, предметов из кости, подвесок. Анализ шлаков и наконечников стрел из железа показал различный состав сплавов, использование разных видов руд и технологий изготовления (*Kulkova et al.*, 2022. P. 26–27). Наряду с фрагментами качественной и многообразной лепной керамики, были обнаружены части античных сосудов северо- и южноионийского производства. На основании их общепринятых датировок один из этапов существования Тарасовой Балки датируется второй половиной VII — VI в. до н. э. (*Рябкова*, 2015. С. 372). Процентное содержание фрагментов амфор составляет от 0,3% (на периферийных участках) до 2,1% (в слоях скопления в центре) от общего числа находок керамики. Фрагменты расписных ойнохой милетского производства относятся к периоду SiA (South Ionian Archaic) Ic и датируются 630–610 гг. до н. э. (*Kerschner*, *Schlotzhauer*, 2005. P. 32). Столь ранние находки античной керамики — редкость для Северо-Западного Кавказа. Раннемеотское погребение, обнаруженное в границах скопления артефактов в центре холма (*Рябкова*, 2019. С. 91), равно как и находки единичных разрубленных костей человека[4] на восточной границе скопления, противоречат предположению о его бытовом характере.

Раскопы над местами геомагнитных аномалий всегда давали похожие результаты: глинобитные промазки на уровне древнего горизонта, многочисленные мелкие куски слабо обожженной обмазки, колотая галька, расколотые кости животных, иногда однослойные выкладки из галечника. Интерпретация всех этих сооружений стала возможной после исследования комплекса 3 раскопа 5 в 2019–2021 гг. Многочисленные фрагменты сосудов, обожженной гальки и обмазки находились в неглубокой, впущенной в материк яме размерами 2,6 × 1,4 м. Рядом обнаружены кости конечностей коровы и лошади, череп свиньи, зубы овцы, фрагменты кубков и массивных сосудов (рис. 1, *1–24*), каменных орудий (рис. 1, *25*, *26*, *28*, *30*), разбитых каменного блюда и заготовки подобного блюда (?) (рис. 1, *27*, *31*).

После реставрации выяснилось, что куски обмазки являются частями слабообожженного предмета округлой формы диаметром около 0,5–0,7 м, с высоким отогнутым бортом, выделенным поддоном и заглаженной поверхностью[5] (рис. 1, *32*). Внешне предмет напоминает очаг, по каким-то причинам использовавшийся однократно, однако находка части с отверстием-сливом позволили интерпретировать его как жертвенник. Судя по архаичным типам лепной керамики и местоположению, комплекс 3 относится к более раннему периоду, чем формирование слоев скопления артефактов в центре холма.

Похожий, но более длительно использовавшийся предмет сходной конструкции (очаг-жертвенник?) был найден в 2015 г. в западной части памятника. Место, дававшее сильный геомагнитный сигнал, оказалось площадкой на уровне древнего горизонта, усеянной разбитыми сосудами, расколотой галькой и обгорелой обмазкой. Крупные куски обмазки оказались частями очага[6] с высоким массивным бортиком и выделенным поддоном, похожим предмет из комплекса 3. Реконструируемый диаметр очага-жертвенника составляет около 0,7 м. К югу от него на уровне древнего горизонта находилась однослойная выклад-

3 Данные предоставлены Йоргом Фассбиндером (Jörg W. E. Fassbinder, Ludwig-Maximilians-Universität, München) и В. А. Тарасовым (ООО НПК «Элгео», 2015).

4 По определению д. б. н. М. Ю. Саблина, наряду с костями животных обнаружены бедренная кость, фаланги пальцев рук человека и фрагмент черепа. По аналогии с Бельским городищем, часть черепа может быть фрагментом чаши (см.: *Шрамко*, 2016. С. 307).

5 По определению М. А. Кульковой, предмет изготовлен из торфо-сапропелиевых отложений и обожжен в закрытой среде при температуре около 500°, обжиг восстановительный.

6 По определению М. А. Кульковой, этот очаг изготовлен из жирных глин смектитового состава с добавлением торфа в качестве отощителя и обожжен в окислительной среде при температуре 700–850°.

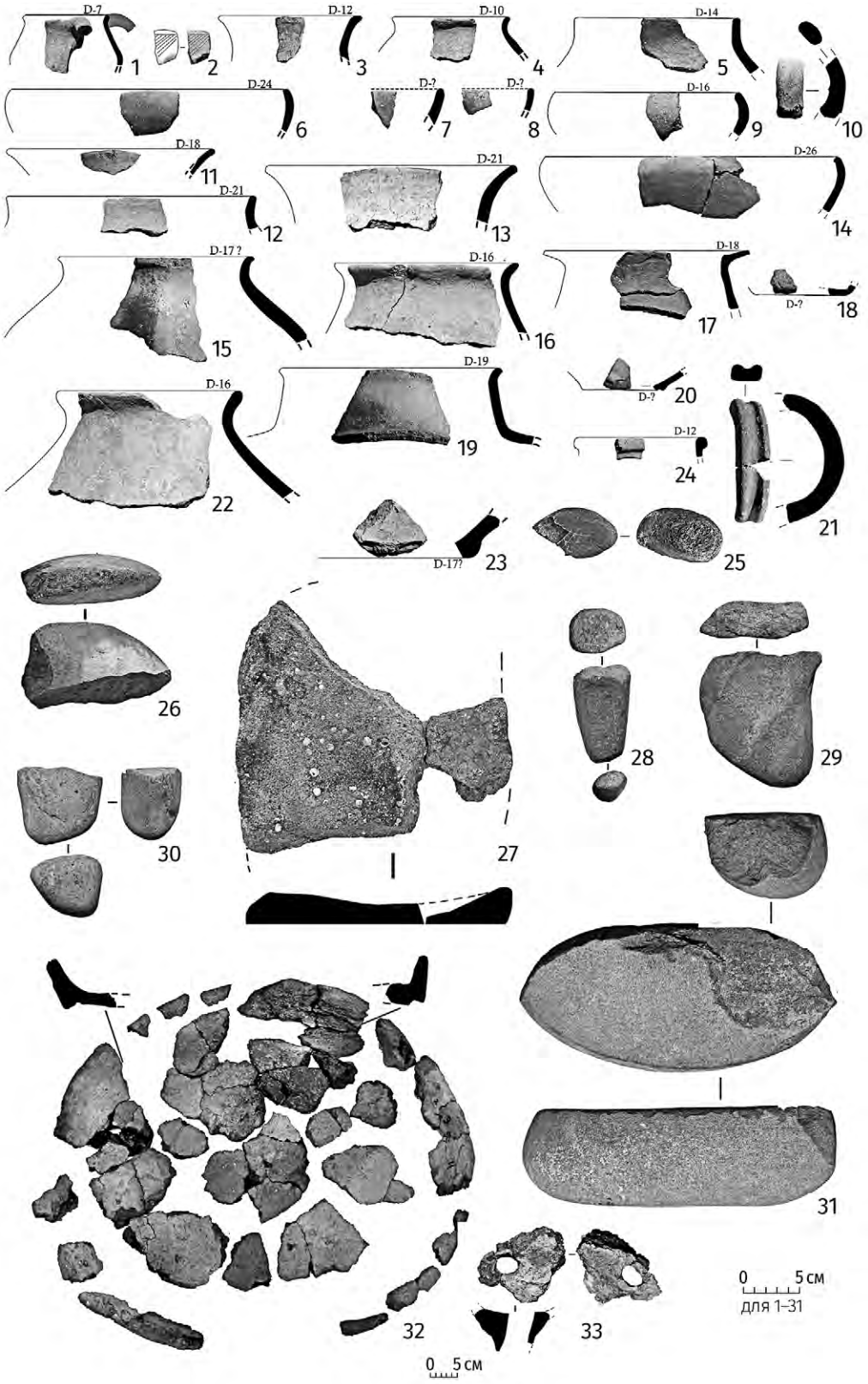

Рис. 1. Тарасова Балка. Материалы жертвенника из комплекса 3: *1–23* — лепная керамика; *24* — фрагмент амфоры; *25*, *26*, *28–30* — орудия; *27*, *31* — блюдо и заготовка; *32*, *33* — части очага-жертвенника.

1–24, *32*, *33* — керамика; *25–31* — камень

Fig. 1. Tarasova Balka site. Artifacts from the altar (the complex 3): *1–23* — local ceramics; *24* — fragment of the amphora; *25*, *26*, *28–30* — tools; *27*, *31* — dishes; *32*, *33* — parts of the hearth-altar.

1–24, *32*, *33* — ceramics; *25–31* — stone

ка из галечника размерами 2,4 × 1,5 м. Среди камней найдены сломанный оселок, наконечник стрелы, перекрестие железного акинака, обломки тонкостенных кубков и мисок. По находке фрагмента клазоменской амфоры комплекс датируется концом VII — первой половиной VI в. до н. э.

Аналогии очагам-жертвенникам известны в материалах Бельского городища. Б. А. Шрамко отмечал, что «они невелики по размеру, изготовлялись из глины и обжигались на небольших основаниях или же прямо на земле. В плане они круглые, диаметром 40–50 см. Хотя на жертвенниках встречаются древесные угольки, специально огонь на них, очевидно, не разводили» (*Шрамко*, 2016. С. 345). Иногда в их основании находили собачьи черепа (*Там же*. С. 289). Подобная ситуация зафиксирована на Тарасовой Балке при исследовании комплекса 2 в раскопе 4: в небольшое углубление было впущено сооружение из прутьев и глиняной обмазки, в основании которого находились крупные камни и челюсти жеребенка и щенка. Выше найдены многочисленные фрагменты столовых сосудов, крупная миска грубой лепки на выделенном поддоне, железный нож, костяная проколка, каменные орудия-песты со следами краски. По находке фрагмента расписного ионийского сосуда комплекс датирован концом VII в. до н. э.

Вероятно, все прочие выкладки из камней и вымостки из глины, исследованные на памятнике за эти годы, имели ритуальное назначение. При совершении обрядов использовался «жертвенник» в виде округлого предмета с бортом или открытый сосуд грубой лепки типа миски. Иногда использовалась вымостка из глины или каменная выкладка. Материальными свидетельствами ритуалов можно считать не только конструкции из глины и камней, но и фрагменты лепной и античной керамики, панцирные чешуйки, обломки уздечных принадлежностей, наконечники стрел, фрагмент меча и др. Само скопление в центральной части холма возникло, вероятно, в результате ссыпки остатков таких культовых действий в одном месте.

Подтверждение выдвинутой гипотезы требует продолжения исследований. Однако в ее пользу свидетельствуют отмеченные выше необычные для поселенческого памятника находки, зафиксированные в Тарасовой Балке: отсутствие следов жилищ, мастерских и ям; огромное скопление артефактов в центре памятника; мощность и насыщенность слоя в центре холма; морфологическое, типологическое и технологическое разнообразие керамического материала, шлаков, предметов из металла; обилие находок из металла и кости, обломков античных сосудов; большое количество гальки со следами антропогенного воздействия.

Алексеев, 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Рябкова, 2015 — *Рябкова Т. В.* Поселение Тарасова Балка — памятник раннего железного века в Закубанье (Предварительная публикация) // Археология без границ: Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Науч. ред. Е. Ф. Королькова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 359–374. (ТГЭ; Т. LXXVII).

Рябкова, 2019 — *Рябкова Т. В.* Исследование Седьмого Разменного кургана и продолжение работ на поселении Тарасова Балка // АСГЭ. 2019. Вып. 42. С. 86–91.

Шрамко, 2016 — *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) // Більське городище в наукових працях Б. А. Шрамка. Котельва; Харьків: ХНУ; ІКЗ Більск; Майдан, 2016. С. 247–392.

Эрлих, 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Kerschner, *Schlotzhauer*, 2005 — *Kerschner M.*, *Schlotzhauer U.* A new classification system for East Greek Pottery // Ancient West & East. 2005. Vol. 4. No. 1. P. 1–56.

Kulkova et al., 2022 — *Kulkova M. A., Kashuba M. T., Kulkov A. M., Ryabkova T. V., Vetrova M. N., Zanoci A., Bubnova O. V.* Iron Sources and Technologies During the Early Iron Age in the Northern Pontic Region // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy, 2021 / Ed. N. Ankusheva et al. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. 2022. P. 11–28.

The ritual practices of the Trans-Kuban population in the Scythian Archaic Period (according the materials from Tarasova Balka)

Tatyana V. Ryabkova[7]

The paper contains the results of recent investigations of the archaeological site Tarasova Balka (Trans-Kuban region, the end of the 7th — the first half of the 6th cent. BC). The site was previously considered as a settlement, but its main characteristics are not familiar to this type of sites. The findings of the hearths-altars show that Tarasova Balka was probably a sanctuary.

Keywords: *Trans-Kuban region, Early Iron Age, Tarasova Balka, rite, altar.*

7 Tatyana V. Ryabkova — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7441-2372.

Население Среднего Дона скифской эпохи по данным биоархеологии[1]

С. А. Володин[2], М. В. Добровольская[3], С. А. Нелюбов[4], А. А. Шевченко[5]

Аннотация. *Публикация посвящена обсуждению основных результатов исследований системы питания и образа жизни населения лесостепного Подонья скифского времени, проводившихся на основе анализа соотношения стабильных изотопов азота, углерода и стронция в костной ткани индивидов из погребальных памятников. Выводы позволяют внести новые аргументы в дискуссию относительно этнокультурной интерпретации памятников Подонья V–IV вв. до н. э.*

Ключевые слова: *Средний Дон, скифская эпоха, изотопный состав азота и углерода, биоархеология, антропология.*

https://doi.org/10.31600/978–5-6047952–2-4.165-167

Захоронения скифской эпохи на Среднем Дону были открыты более 100 лет назад. Несмотря на то, что донские древности V–IV вв. до н. э. всегда оставались в фокусе отечественной науки, вопрос этнокультурной принадлежности населения региона далек от решения. К настоящему времени сложились два основных взгляда. В. И. Гуляев полагает, что памятники донской лесостепи оставлены историческими скифами (*Гуляев*, 2004). А. П. Медведев рассматривает среднедонские древности как двухкомпонентную культуру местного оседлого населения и пришлых номадов, появившихся из лесостепного Поднепровья. Это разделение он связывает с будинами и гелонами (*Медведев*, 1999). Надежду на разрешение противоречий археологи видят в результатах антропологических исследований.

Основным направлением биоархеологических исследований жителей Подонья было выбрано изучение системы питания и условий жизни людей (*Добровольская*, 2004. С. 84–89). Состав рациона человека в древних социумах продиктован не только окружающей средой, но и культурными традициями (*Добровольская, Решетова*, 2019). В качестве инструмента был выбран анализ показателей соотношения стабильных изотопов азота ($\delta^{15}N$), углерода ($\delta^{13}C$), стронция (87/86 Sr) в коллагене костной ткани.

Исследования проводились на образцах индивидов, захороненных как в курганных могильниках, так и в грунтовых погребениях. Были сделаны реконструкции пищевых моделей, среды обитания людей, получены некоторые выводы о мобильности населения (*Добровольская, Володин*, 2020; *Добровольская, Рубанова*, 2021; *Решетова, Добровольская*, 2012; *Решетова*, 2020; *Решетова и др.*, 2021; *Чагаров, Добровольская*, 2018; 2019). Исследование коллекции продолжается, но некоторые устойчивые закономерности позволяют сделать ряд важных выводов.

Пищевые предпочтения среднедонского населения неоднородны, что проявляется в разнообразии изотопных показателей. Несмотря на это, можно уверенно говорить о существовании двух основных моделей питания. Первая из них предполагает высокобелковую мясомолочную диету в сочетании с блюдами из проса. Вторая — меньшую долю белковой пищи при таком же доминировании проса в растительном рационе. Существует и небольшая третья группа, в рацион которой входило не просо, а растения С3 типа фотосинтеза. Разделение на две основные традиции питания совпадает с различиями в погребальном обряде. Люди, в чьем рационе доля мясомолочной пищи была выше, погребены преимущественно под курганами; а население, хоронившее соплеменников в грунтовых могилах, питалось в большей мере растительной пищей.

Недавно в нашем распоряжении появился сравнительный материал из памятников совр. Украины (*Miller et al.*, 2021). Кроме того, имеются данные по изотопному составу серии индивидов из могиль-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-29-01006 «На северных рубежах Геродотовой Скифии: палеогеномный портрет номадов Среднего Дона раннего железного века».

2 Семен Алексеевич Володин — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: volodinsaimon@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3681-3241.

3 Мария Всеволодовна Добровольская — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: mk_pa@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9695-4199.

4 Сергей Алексеевич Нелюбов — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский просп., д. 27, к. 4, Москва, 119192, Российская Федерация; e-mail: ser.nelubov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1533-2409.

5 Александр Александрович Шевченко — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: she.shevchenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4774-3197.

ника Аймырлыг: ранние кочевники Тувы в сложившейся картине представляются активными «мясоедами» и обитателями наиболее аридных ландшафтов. Индивиды из подкурганных захоронений Подонья наиболее близки в традициях питания погребенным в могильнике Мамай-гора в Запорожской обл. При этом коллектив, оставивший могильник Медвин в Правобережной Днепровской лесостепи, сходен по изотопным показателям с жителями Среднего Дона из грунтовых погребений. Население округи Бельского городища в целом разнообразно и может быть соотнесено со всей массой жителей Среднего Подонья.

По результатам сравнения заметно, что люди из бескурганных захоронений Среднего Подонья по пищевой культуре сходны с жителями именно Днепровской лесостепи — как Правобережья, так и Левобережья (по крайней мере, части населения Бельского городища и округи). Индивиды, погребенные в донских курганах, придерживались степной, «кочевой», модели питания. Напрашивается вывод о том, что первые являлись оседлым земледельческим населением, а вторые — кочевниками. Однако на основании исследований соотношения изотопов стронция мы предварительно можем сказать, что обе группы не могут быть отнесены к категории подвижных коллективов. Возможны лишь случаи индивидуальных миграций на протяжении жизни. Схожая ситуация наблюдается и для степного памятника Мамай-гора (*Ibid.*). Впрочем, разработка этого направления находится лишь в начальной стадии.

Являлись ли жители Среднего Дона, придерживавшиеся «кочевой» диеты, собственно скифами? Вероятно, сама формулировка вопроса требует коррекции. Не так очевидно, были ли скифы единым устойчивым этническим образованием; палеогенетические и палеоантропологические исследования свидетельствуют об их разнообразии (*Козинцев*, 2007. С. 157; *Gnecchi-Ruscone et al.*, 2021). Кроме того, погребальные традиции среднедонского населения действительно значительно ближе к обрядам людей из лесостепного пояса.

Сейчас на основе биоархеологических данных мы можем определенно утверждать лишь то, что население Среднего Подонья скифской эпохи не было однородным и делилось как минимум на две группы. Разделение это коррелирует и с различиями в погребальном обряде. Хоронившие по курганному обряду были тесно связаны со степной Скифией и имели сходный с ней хозяйственный уклад. Население, оставившее грунтовые погребения, по образу жизни и традициям питания, вероятно, не сильно отличалось от других обитателей лесостепи Восточной Европы.

Таким образом, появляется перспектива снятия накопившихся в науке противоречий по этнокультурной картине Среднего Подонья в V–IV вв. до н. э. через понимание более сложной, чем предполагалось ранее, структуры населения. Продолжение исследований, синхронизация данных с результатами изучения погребальной обрядности поможет внести ясность в длительную дискуссию.

Гуляев, 2004 — *Гуляев В. И.* Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н. э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 7–24.

Добровольская, 2004 — *Добровольская М. В.* К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 69–106.

Добровольская, *Решетова*, 2019 — *Добровольская М. В., Решетова И. К.* Изотопные маркеры образа жизни древних людей // Природа. 2019. № 1 (1241). С. 34–42.

Добровольская, Володин, 2020 — *Добровольская М. В., Володин С. А.* Об изучении мобильности скифов по палеоантропологическим материалам // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Религиоведение. Международные отношения. Т. 25. № 4. 2020. С. 275–287.

Добровольская, Рубанова, 2021 — *Добровольская М. В., Рубанова Н. М.* О неоднородности внутригрупповых показателей изотопного состава углерода и азота в среде среднедонского населения скифского времени // Архив палеоантропологических материалов: контексты, информационное сопровождение, исследования / Отв. ред. М. В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2021. С. 72–81.

Козинцев, 2007 — *Козинцев А. Г.* Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // АЭАЕ. 2007. № 4. С. 143–157.

Медведев, 1999 — *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1999. 160 с.

Решетова, 2020 — *Решетова И. К.* Некоторые итоги исследования антропологических материалов Ксизовского грунтового могильника скифского времени // Filo Ariadne. 2020. № 4 (20). С. 35–40.

Решетова, Добровольская, 2012 — *Решетова И. К., Добровольская М. В.* Новые антропологические источники в изучении скифоидного населения Среднего и Верхнего Подонья // Восточноевропейские древности / Отв. ред. Ю. Д. Разуваев. Воронеж: Научная книга, 2012. С. 154–165 (Вестник Острожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского; Вып. 2).

Решетова и др., 2021 — *Решетова И. К., Добровольская М. В., Меркулов А. Н.* К вопросу об образе жизни населения лесостепного Подонья в скифское время (по материалам могильника Ксизово-19) // КСИА. Вып. 263. 2021. С. 129–144.

Чагаров, Добровольская, 2018 — *Чагаров О. С., Добровольская М. В.* Изотопы азота и углерода в реконструкции питания и образа жизни среднедонского населения скифского времени (по материалам курганного могильника Терновое-Колбино) // КСИА. Вып. 253. 2018. С. 390–402.

Чагаров, Добровольская, 2019 — *Чагаров О. С., Добровольская М. В.* Система питания среднедонского населения скифского времени: хозяйство и природно-климатический фактор (по данным о составе стабильных изотопов углерода и азота) // Вестник МГУ. Серия 23: Антропология. 2019. № 2. С. 72–83.

Gnecchi-Ruscone et al., 2021 — *Gnecchi-Ruscone G. A., Khussainova E., Kahbatkyzy N. et al.* Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians // Science Advances. Vol. 7. No. 13. 2021. eabe4414 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.abe4414 (дата обращения: 01.07.2022).

Miller et al., 2021 — *Miller A. R., Johnson J., Makhortykh S. et al.* Re-evaluating Scythian lifeways: Isotopic analysis of diet and mobility in Iron Age Ukraine // PLOS One. Vol. 16. No. 3. 2021. e0245996 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0245996 (дата обращения: 01.07.2022).

The Middle Don population of the Scythian Era according to bioarchaeology

Semen A. Volodin[6], Maria V. Dobrovolskaya[7], Sergey A. Nelyubov[8], Alexander A. Schevchenko[9]

The authors discuss the main results of the studies of the nutrition system and lifestyle of the Forest-Steppe Don region population of the Scythian period. The research was based on the analysis of the stable isotopes of nitrogen, carbon and strontium ratio in the bone tissue of individuals from burial sites. The conclusions make let the authors to introduce new arguments in the discussion regarding the ethnocultural interpretation of the Don region sites of the 5th–4th cent. BC.

Keywords: *the Middle Don basin, Scythian time, isotope composition of nitrogen and carbon, bioarchaeology, anthropology.*

6 Semen A. Volodin — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3681-3241.

7 Maria V. Dobrovolskaya — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mk_pa@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9695-4199.

8 Sergey A. Nelyubov — Lomonosov Moscow State University, 27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: ser.nelubov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1533-2409.

9 Alexander A. Shevchenko — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: she.shevchenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4774-3197.

К вопросу о скифской Гестии[1]

И. Ю. Шауб[2]

Аннотация. *В работе рассматривается культ скифской богини Табити, которую Геродот сопоставил с греческой Гестией. Анализ письменных источников, археологических данных, а также сравнительно-исторические и этнографические параллели позволяют видеть в ней богиню домашнего очага, весьма схожую с той, которой поклонялись фракийцы, а отнюдь не аналог иранского и индийского божеств огня, как пытался доказать Д. С. Раевский. Предполагается, что скифы в этой богине почитали одну из ипостасей Великого женского божества, которое они заимствовали у покоренных ими обитателей Евразии.*

Ключевые слова: *религия скифов, Табити-Гестия, Великая богиня, Геродот.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.167-170

1 Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

2 Игорь Юрьевич Шауб — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: schaubigor@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9205-381X.

При перечислении богов, которым поклоняются скифы, Геродот указывает, что они чтут «выше всех» (μάλιστα) Гестию, и добавляет, что по-скифски она именуется Табити (*Hdt.* IV. 59). В рассказе о скифо-персидской войне историк приводит гневный ответ царя Иданфирса Дарию, посмевшему назвать себя его владыкой: «Владыками своими я признаю только Зевса, моего предка, и Гестию, царицу скифов» (Ἱστίην τήν Σκυθέων βασιλείαν) (*Hdt.* IV. 127). Наряду с этими сведениями Геродот сообщает, что «если скифы желают принести особо священную клятву, то обычно клянутся "царскими очагами" (βασιληίας ἱστίας) и что ложная клятва такого рода навлекает недуг на скифского царя» (*Hdt.* IV. 6. 8).

Приведенные свидетельства Геродота неоднократно привлекали внимание исследователей, предпринимавших попытки интерпретации интересующего нас образа (*Rostovtzeff*, 1922; *Geisau*, 1932; *Жебелев*, 1953; *Ельницкий*, 1960; *Артамонов*, 1961; *Петров*, 1963; *Бессонова*, 1976; 1983; *Раевский*, 1977; *Доватур и др.*, 1985; *Шауб*, 2007; 2010; 2011). Большинство исследователей видит в Табити божество очага, признавая оправданным ее отождествление с греческой Гестией. Культ домашнего очага у осетин явно восходит к их предкам скифам, почитавшим Табити (*Доватур и др.*, 1985. С. 295). Оспаривая представление о Табити как божестве очага, Д. С. Раевский попытался доказать, что она почиталась как богиня огня и именно на этом зиждилась ее первенствующая роль в скифском пантеоне (*Раевский*, 1977).

В клятве «царскими очагами», согласно В. Гейзау (*Geisau*, 1932. Sp. 1880), сказалось существование в Скифии нескольких царей. По его мнению, каждая царская юрта имела свой очаг, являвшийся общескифской святыней. Вопреки тексту Геродота, Д. С. Раевский рассуждает о клятве «царскими Гестиями», таким образом приписывая Табити «одну особенность почитания» — «представление о присущей ей множественности», что было характерно для представления древних индоиранцев о божестве огня. Толкование Гейзау, утверждает Д. С. Раевский, основано на ограниченном понимании функций Табити только как божества очага, которое, как он пытается доказать, не исчерпывает «истинную сущность этой богини» (*Раевский*, 1977. С. 106). Ближе, на его взгляд, подошел к правильному пониманию вопроса С. А. Жебелев, «хотя и он исходил из интерпретации Табити лишь как богини очага». По мнению последнего, «это какие-то священные предметы, своего рода фетиши, имевшие отношение к царскому очагу… Может быть, к числу этих священных предметов должно относить ту золотую чашу, которая, по легенде, упала с неба при сыновьях Таргитая» (*Жебелев*, 1953. С. 33). Однако, если связь Табити-Гестии с царским очагом и личностью царя ясно проступает в рассказе Геродота о клятвах «царскими очагами» (*Hdt.* IV. 68), видеть в них священные золотые предметы, упавшие с неба, а тем более воплощение самой богини (ср.: *Раевский*, 1977. С. 106–109) — нет достаточных оснований, на что справедливо указала С. С. Бессонова. Вслед за В. Ф. Миллером и Ж. Дюмезилем она сравнивает эту скифскую клятву со священной клятвой осетин (*Бессонова*, 1983. С. 32).

Обычно именно в титуле Табити «царица» видят указание на главенство Табити в скифском пантеоне, понимая это слово в его традиционном значении «владычица», «повелительница». Именно в таком значении этот термин неоднократно применяет Геродот (*Hdt.* I. 184–187, 205–208, 211–214). Попытки Д. С. Раевского доказать, что «царица» означает у него просто «жена царя», партнер в священном браке, явно несостоятельны, равно как и категорическое отрицание у скифской Гестии связи с землей и материнством — во всяком случае, у греков Гестия идентифицировалась с Геей (*Macrob.* I. 23. 8) и считалась «большегрудой» куротрофой (*Euseb.* Prep. evang. III. 11. 7). В то же время нет сомнений в правильности его мнения, что одной из основ скифской концепции царской власти как богоданного института был священный брак с богиней (*Раевский*, 1977. С. 101, 161–162).

«Табити названа "царицей скифов" потому, что она искони принадлежала к числу богинь — "цариц", "владычиц" или "матерей", — справедливо утверждает С. С. Бессонова. — Эти эпитеты по существу были синонимами, что явствует из изучения института "священных цариц". Эпитеты "царица" и "владычица", несомненно, указывают на демиургические, космогонические функции божества. Эти функции имели, пожалуй, все Великие Богини, олицетворявшие природу и всепорождающее женское начало. Они выступают на первый план в период сложения развитых космогоний, когда возникает фигура единой космической богини, управляющей всем в мире» (*Бессонова*, 1983. С. 33).

По мнению исследовательницы, главенство Табити среди прочих божеств пантеона, о котором рассказывает Геродот, было обусловлено двумя основными причинами. Первая — уровень развития скифского общества V в. до н. э., период становления государства, «сопровождавшийся изменениями в идеологической области — переходом от племенных культов (сохранявших, однако, свое главенствующее значение) к созданию общенациональной религии. Объединительные тенденции неминуемо должны были усилить значение общих религиозных символов, и в первую очередь общего огня, который был представлен царским очагом и его божествами». Вторая причина заключается в том, что в основе сведений Геродота о скифском пантеоне лежал некий «литургический

текст, где упоминалось наиболее архаическое божество, обладавшее максимумом сакральности при богослужении» (*Там же*. С. 36). Главенствующее значение племенных культов у скифов эпохи Геродота сомнений не вызывает, в отличие от существования у них «литургического текста». Так же ошибочно (как мы показали выше) Бессонова полагает, что Табити не могла быть и божеством земли или богиней плодородия, поскольку «в скифском пантеоне были еще две богини, олицетворяющие именно эти функции, — Апи и Аргимпаса» (*Там же*). В данном случае, как и в вопросе о воплощении в искусстве образов скифских богинь, упоминаемых Геродотом, мы вступаем в область сугубых догадок и бесконечных споров, которые, на наш взгляд, можно гармонизировать, только допустив, что все эти божества представлялись не чем иным, как ипостасями одного божества — Великой богини (*Шауб*, 1999; 2007; и др.).

Исключительно важную роль играло аналогичное женское божество в мифологии, культе и царской идеологии фракийцев (*Маразов*, 1992. С. 264). Диодор (*Diod.* I. 94) сообщает, что Залмоксис получил законы для гетов от Гестии, которая, таким образом, выступает как царское божество. Многочисленные жертвенники-очаги (эсхары), обнаруженные во Фракии, И. Маразов считает аниконическими символами этой богини и связывает их непосредственно с царской обрядовой практикой (*Маразов*, 1992).

По поводу свойственных скифам, как и другим индоиранцам, представлений об огне как возрождающей и очищающей стихии С. С. Бессонова отмечает, что, хотя они использовали огонь в своем погребальном ритуале в VII–V вв. до н. э. (частичное сожжение погребального сооружения), «более отчетливо культ огня прослеживается в погребальном ритуале ранних сакских и савроматских племен, а также у племен Лесостепной Скифии. У степных скифов VII–V вв. до н. э. частичное сожжение погребальных сооружений встречается очень редко, что, очевидно, служит признаком погребения лиц высокого социального ранга. Происходит как бы "затухание" этого древнего индоиранского обычая в направлении с востока на запад его ареала. В скифском погребальном ритуале IV в. до н. э. следы огня встречаются крайне редко, в степи сожжений нет вообще. Чаще его символами служили комочки красной, желтой и белой красок, очажные щипцы. Но и эти находки немногочисленны. А скифские святилища огня вообще неизвестны» (*Бессонова,* 1983. С. 32). В то же время о сакральности очага у скифов, наряду с сообщениями Геродота, свидетельствуют многочисленные зольники, которые обнаружены на скифских лесостепных поселениях, — это Жаботин, Караван, Бельское, Пастырское, Мотронинское, Каменское и Елизаветовское городища (краткое описание этих зольников и соответствующую библиографию см.: *Русанова*, 2002. С. 108 сл.).

Аналогичные зольники найдены и в целом ряде греческих городов Северного Причерноморья, преимущественно на Боспоре (*Шауб*, 2007; 2010). Несомненно, здесь сказалось скифское влияние, обусловленное почитанием Великой богини в ее ипостаси покровительницы домашнего очага.

Детали почитания скифской Гестии, вероятно, смогли бы прояснить этнографические данные о культе домашнего очага, рудименты которого прослеживаются у современных народов Сибири и Средней Азии, — но это тема отдельного исследования.

Артамонов, 1961 — *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 57–87.

Бессонова, 1976 — *Бессонова С. С.* Культ Табити-Гестии у скифов // Открытия молодых археологов Украины. Ч. 1: Первобытная и скифо-античная археология / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1976. С. 24–25.

Бессонова, 1983 — *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.

Доватур и др., 1985 — *Доватур А. И.*, *Каллистов Д. П.*, *Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Наука, 1982. 455 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Ельницкий, 1960 — *Ельницкий Л. А.* Из истории древнескифских культов // СА. 1960. № 4. С. 46–55.

Жебелев, 1953 — *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 388 с.

Маразов, 1992 — *Маразов И. Р.* Мит, ритуал и изкуство у траките. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1992. 493 с.

Петров, 1963 — *Петров В. П.* Імена скіфських божеств у Геродота // Археологія. 1963. Т. XV. С. 19–32.

Раевский, 1977 — *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.

Русанова, 2002 — *Русанова И. П.* Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Черновцы: Прут, 2002. 172 с.

Шауб, 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2007. 484 с. (Историческая библиотека).

Шауб, 2010 — *Шауб И. Ю.* Варварское и греческое в зольниках городов Боспора // Записки ИИМК. 2010. № 5. С. 160–168.

Шауб, 2011 — *Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 p.

Geisau, 1932 — *Geisau W.* Tabiti // RE. 1932. Reihe II. Bd. IV. Hlbd. 2. Sp. 1880.

Rostovtzeff, 1922 — *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. XV, 260 p.

To the question of the Scythian Hestia

Igor Yu. Schaub[3]

The paper deals with the cult of the Scythian goddess Tabiti compared by Herodotus with the Greek Hestia. An analysis of written sources, archaeological data, as well as comparative historical and ethnographic parallels allow us to consider her like the goddess of the hearth, very similar to one worshiped by the Thracians, and by no means an analogue of the Iranian and Indian fire deities, as Dmitry S. Raevsky tried to prove. It is assumed that the Scythians in this goddess revered one of the incarnations of the female Great Deity, whose cult they borrowed from the inhabitants of Eurasia they had conquered.

Keywords: *Scythian religion, Tabiti-Hestia, Great Goddess, Herodotus.*

3 Igor Yu. Schaub — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: schaubigor@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9205-381X.

К проблеме этнической атрибуции воинских погребений из некрополей Артющенко 2 и Волна 1 на Таманском полуострове[1]

В. А. Горончаровский[2]

Аннотация. *Статья посвящена анализу материалов ряда погребальных комплексов из некрополей Артющенко 2 и Волна 1 на Таманском полуострове. Сопоставляя их с данными по Семибратним курганам, автор считает возможным в отношении этнической атрибуции связать выявленные воинские захоронения V — начала IV в. до н. э. с сезонным пребыванием синдов на зимниках в районе кубанских плавней.*

Ключевые слова: *Азиатский Боспор, синды, воинские погребения, захоронения коней.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.170-174

Недавние масштабные раскопки некрополей Артющенко 2 (с 2003 г.) и Волна 1 (с 2015 г.), расположенных на расстоянии около 14 км друг от друга в южной части Таманского полуострова, выявили серию воинских погребений V — первой четверти IV в. до н. э. (*Кашаев и др.*, 2020. С. 86–88, рис. 2; 3; *Кашаев*, *Сударев*, 2020. С. 27–39, рис. 1–6; *Гараев*, 2022. С. 136–138), число которых уже превысило два десятка. Среди них наибольший интерес представляют небольшие сырцовые гробницы с деревянным перекрытием и внутренними размерами около 2,2 × 1,2 м, где находились останки воинов в возрасте 20–50 лет, ориентированные на восток (рис. 1, *1–3*). Везде присутствует достаточно стандартный набор сопровождающего инвентаря — как правило, это амфора, меч, копье, иногда дополненные кинжалом и несколькими наконечниками стрел. В ряде случаев обнаружены бронзовые пряжки в скифском зверином стиле, изображающие фигурки оленей или голову оленя с рогами. Стоит упомянуть и бронзовый псалий с завершением в виде головы лошади (*Кашаев и др.*, 2020. С. 87). С южной стороны 14 гробниц располагались одиночные захоронения целых скелетов лошадей (часто жеребят) или только черепа, ориентированные на восток. При этом все подобные комплексы датируются временем не позднее третьей четверти V в. до н. э. (*Там же*. С. 84–89).

1 Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

2 Владимир Анатольевич Горончаровский — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: goronvladimir@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4405-716X.

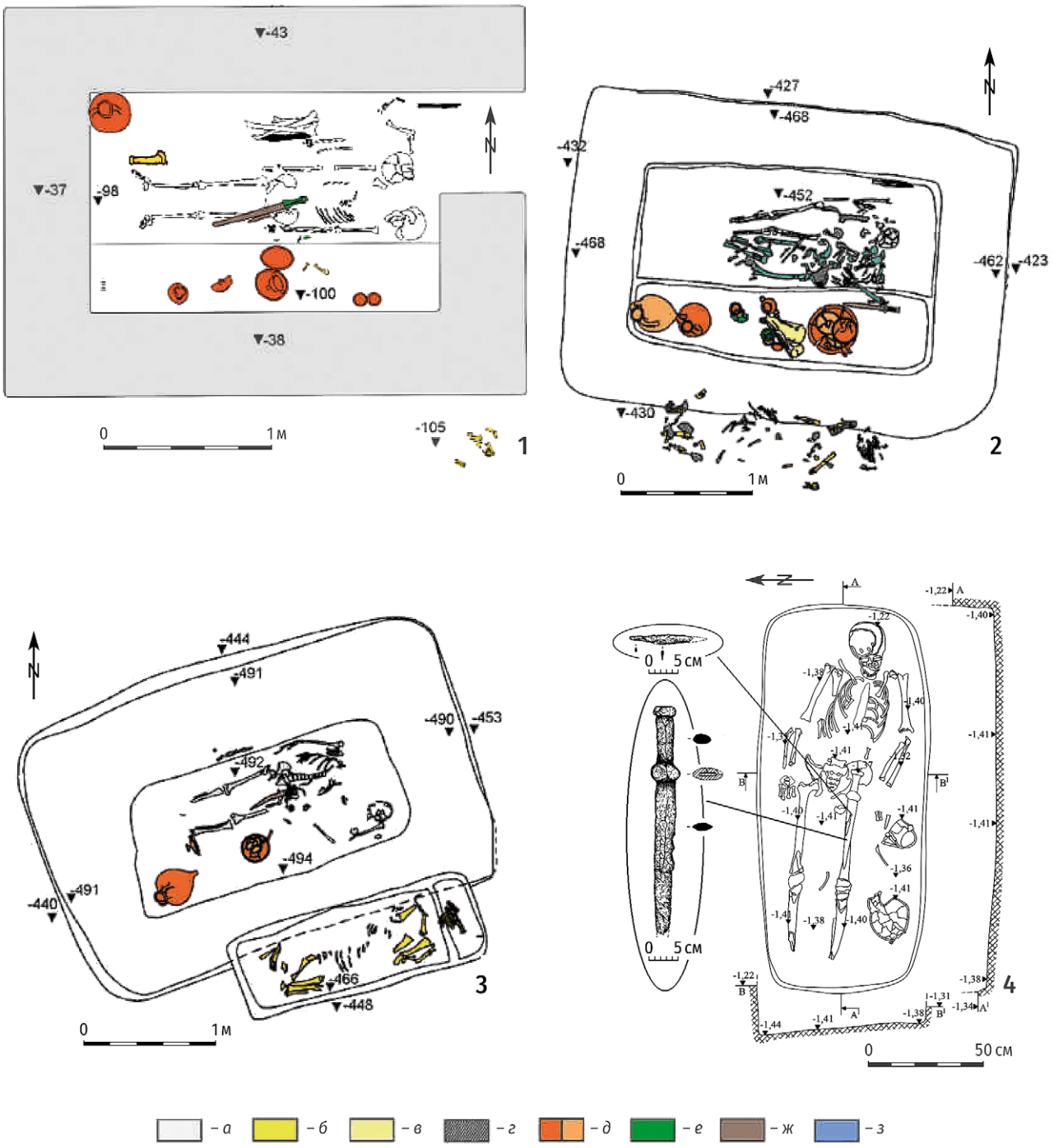

Рис. 1. Погребения воинов в некрополях Артющенко 2 (*1*) и Волна 1 (*2–4*): *1* — погребение 32, план; *2–4* — погребения 597, 608 и 611, планы и разрез (*4*). *Условные обозначения: а* — кости человека; *б* — кости коня; *в* — кости животных; *г* — костный тлен; *д* — керамика; *е* — бронза; *ж* — железо; *з* — камень (*1–3* — по: *Кашаев и др.*, 2020. С. 88, рис. 2, *3*, *5*; 3, *1*; 4 — по: *Гараев*, 2022. С. 37, рис. 4, *1*)

Fig. 1. Burials of warriors in the necropolises of Artyushenko 2 (*1*) and Volna 1 (*2–4*): *1* — burial 32, plan; *2–4* — burials 597, 608, and 611, plans and profile (*4*). *Key: а* — human bones; *б* — horse bones; *в* — animal bones; *г* — decayed bones; *д* — pottery; *е* — bronze; *ж* — iron; *з* — stone (*1–3* — after *Кашаев и др.*, 2020. С. 88, рис. 2, *3*, *5*; 3, *1*; 4 — after *Гараев*, 2022. С. 139, рис. 1, *6*)

Интересно сопоставить эти данные с результатами раскопок близлежащих поселений. На Артющенко 2 в соответствующий период нет следов постоянного обитания какого-либо греческого населения. На площади около 1200 кв. м выявлено всего несколько десятков хозяйственных ям и развал обмазки турлучной постройки (*Виноградов*, *Кашаев*, 2016. С. 97–98). На поселении Волна 1 на площади более 6 га (*Житников*, 2017. С. 95–96; *Бочковой и др.*, 2019. С. 63; 2020. С. 7) обнаружены всего два строительных комплекса начала V в. до н. э., представлявших собой «легкие сезонные, правда, многокамерные наземные сельские строения, защищенные простыми деревянными оградами» (*Соловьев*, 2016. С. 105), а также несколько хозяйственных ям конца VI — V в. до н. э. (*Бочковой и др.*, 2019. С. 64)[3].

Судя по всему, здесь мы имеем дело с погребениями представителей среднего класса варварской дружинной аристократии, и вопрос об их этнической атрибуции, несомненно, важен для изучения ранней истории Азиатского Боспора. Ближайшие аналогии таким деталям, как использование сырцовых кирпичей, восточная ориентация, присутствие конских захоронений, наличие в ряде случаев специального отделения для размещения погребального инвентаря (*Кашаев*, *Сударев*, 2020. С. 34–36, рис. 1–3; *Кашаев и др.*, 2020. С. 86, рис. 2, *3*), дают ранние Семибратние курганы (*Горончаровский*, 2014. С. 556 сл.), принадлежность которых элите племени синдов в настоящее время не подвергается сомнению. Конечно, они отличались бо́льшими размерами погребальных сооружений (сырцовые склепы площадью от 12 до 60 кв. м, возведенные над материком и перекрытые курганной насыпью высотой до 12,8 м), а также богатством сопровождающего инвентаря, но в захоронениях синдских воинов более низкого социального статуса вполне логично предполагать воспроизведение хотя бы отчасти традиционных представлений о том, что соответствует престижности погребения. Такие представления не имеют местных корней и, скорее всего, были принесены в Прикубанье группой номадов Самаро-Уральского региона (*Горончаровский*, 2021) около 530 г. до н. э. под давлением новой кочевой волны скифов с востока (*Виноградов*, 2001. С. 124–125).

Интересно отметить, что в могильнике Волна 1 есть еще одна группа погребений с оружием, датирующихся V — первой четвертью IV в. до н. э., и их предположительно можно рассматривать как захоронения рядовых синдских воинов[4]. Это прямоугольные ямы с останками мужчин в возрасте 30–50 лет (рис. 1, *4*). Отличительной чертой сопровождавшего их довольно скромного погребального инвентаря являются мечи, на клинках или под клинками которых найдены ножи (*Гараев*, 2022. С. 136–138). Такое расположение объясняется тем, что они находились в одних ножнах, где для ножа имелся специальный карман. Такой элемент воинского снаряжения известен только у ранних кочевников Южного Урала (*Вильданова*, 2021).

Скорее всего, могильники Волна 1 и Артющенко 2, расположенные на линии дорог из Синдики к южной переправе через Керченский пролив (*Кашаев и др.*, 2020. С. 82), связаны с присутствием синдов на зимниках в районе кубанских плавней, поскольку основой их хозяйственной жизни, исходя из природной ситуации и этнографических параллелей, являлось отгонное скотоводство, основанное на сезонных перегонах скота на относительно короткие расстояния по каким-то замкнутым маршрутам. Именно такими перекочевками можно объяснить существование в юго-восточной части Таманского полуострова на протяжении конца VI — V в. до н. э. своего рода буферной зоны, не освоенной греческими колонистами, несмотря на наличие там массива очень плодородных земель (*Гарбузов*, *Завойкин*, 2010. С. 127, рис. 2, *а*, *а1*; 3, *а*)[5].

Если учесть, что подавляющему большинству кочевых обществ была присуща корпоративная собственность на землю и пастбища (*Хазанов*, 2008. С. 157), можно допустить, что вся территория Таманского полуострова могла рассматриваться синдами как принадлежащая их племени. В качестве наглядного способа обозначения этой зависимости можно рассматривать раскопанный в 1852 г. К. Р. Бегичевым в непосредственной близости от Фанагории курган высотой 15,6 м (*Застрожнова*, 2019. С. 40–41), что позволяет отнести его к категории «царских». Особенности конструкции этого комплекса и погребального обряда (возведенный над материком сырцовый склеп размерами 3,5 × 3,2 м с перекрытием из деревянных брусьев над материком, оружие и золотые бляшки в составе погребального инвентаря, сопровождающие захоронения четырех коней в отдельной сырцовой могиле) демонстрируют прямые параллели с Семибратними курганами. Для середины V в. до н. э. ему нет равных ни на территории Великой Скифии, ни на Боспоре.

---

3 Как справедливо заметил А. А. Завойкин, «ни о размерах, ни о характере застройки поселения Волна 1 во второй половине VI–V вв. до н. э. судить невозможно ввиду отсутствия представительных данных» (*Завойкин*, 2020. С. 194).

4 Три из них относятся к первой половине V в. до н. э., четыре — к последней четверти V — первой четверти IV в. до н. э. (*Гараев*, 2022. С. 136), т. е., как и в случае с сырцовыми гробницами из некрополя Артющенко 2, к периоду существования т. н. Синдского царства.

5 Видимо, по той же причине в течение второй половины VI — V в. до н. э. оставались неосвоенными обширные пространства черноземных почв в материковой Синдике (ср.: *Сударев, Гарбузов*, 2015. С. 162 сл.).

В 80 м к востоку располагался еще один курган, исследованный К. Р. Бегичевым, где также обнаружили перекрытую деревянными брусьями сырцовую погребальную камеру с полом из сырцового кирпича, но бо́льших размеров — площадью 25,6 кв. м (*Там же*. С. 42–43). Эта гробница с захоронениями трех воинов в чешуйчатых панцирях по своим размерам, устройству пола и Г-образному расположению помещенных за перегородками 11 костяков лошадей практически полностью соответствует 2-му Семибратнему кургану, датирующемуся около 450–440 гг. до н. э. (*Горончаровский*, 2014. С. 570), когда начинает формироваться родовое кладбище синдских вождей в глубине их владений близ города Лабриса (Семибратнее городище), где находилась царская резиденция.

Если сделанные наблюдения найдут подтверждение в новых материалах с территории Азиатского Боспора, это может существенно уточнить имеющиеся у нас данные о синдах, которые с археологической точки зрения долгое время считались фантомом (*Горончаровский*, *Иванчик*, 2010. С. 223).

Бочковой и др., 2019 — *Бочковой В. В.*, *Булах Е. Н.*, *Данилин А. И.* Археологические раскопки в северо-западной части поселения Волна 1 в 2017 г. (Раскоп XXII) // ДБ. 2019. Т. 24. С. 63–71.

Бочковой и др., 2020 — *Бочковой В. В.*, *Булах Е. Н.*, *Данилин А. И.* Археологические исследования северо-западной части поселения Волна 1 (Раскоп XXIV) на Таманском полуострове в 2018 г. // ДБ. 2020. Т. 25. С. 7–33.

Вильданова, 2021 — *Вильданова Е. В.* Совместные находки ножей и мечей в погребальных комплексах ранних кочевников Южного Урала // ВААЭ. 2021. № 1 (52). С. 33–41.

Виноградов, 2001 — *Виноградов Ю. А.* Две Скифии и скифы царские // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 124–127.

Виноградов, *Кашаев*, 2016 — *Виноградов Ю. А.*, *Кашаев С. В.* Античные поселения Артющенко 1 и 2 на Таманском полуострове. К оценке масштабов природного разрушения // БИ. 2016. Вып. XXXIII. С. 95–109.

Гараев, 2022 — *Гараев И. А.* Погребения с ножами в контексте вопроса о наемниках на территории Боспора // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Майкоп: Качество, 2022. С. 136–138.

Гарбузов, *Завойкин*, 2012 — *Гарбузов Г. П.*, *Завойкин А. А.* Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI–V вв. до н. э.) и в составе державы Спартокидов (IV — начало III в. до н. э.) // ДБ. 2012. Т. 16. С. 114–149.

Горончаровский, 2014 — *Горончаровский В. А.* Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 553–618.

Горончаровский, 2021 — *Горончаровский В. А.* К оценке этнополитической ситуации VII–V вв. до н. э. в Нижнем Прикубанье // АВ. 2021. Вып. 32. С. 187–193.

Горончаровский, Иванчик, 2010 — *Горончаровский В. А.*, *Иванчик А. И.* Синды // Античное наследие Кубани / под ред. Г. М. Бонгард-Левина и В. Д. Журавлева. Т. 1. М.: Наука, 2010. С. 218–235.

Житников, 2017 — *Житников В. Г.* «Восточный район» жилой и хозяйственной застройки V–II вв. до н. э. на поселении «Волна I» (Таманский полуостров) // ДБ. 2017. Т. 21. С. 95–121.

Завойкин, 2020 — *Завойкин А. А.* Волна 1 и некоторые другие «новые» памятники Боспора (К вопросу о статусе древнейших поселений на Таманском полуострове) // HOMO OMNIUM HORARUM. Сборник статей в честь 70-летия А. В. Подосинова / под ред. А. В. Белоусова, Е. В. Илюшечкиной. М.: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2020. С. 189–205.

Застрожнова, 2019 — *Застрожнова (Панкратова) Е. Г.* Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII — середина XX в.). СПб.: Нестор-История, 2019. 308 с.

Кашаев и др., 2020 — *Кашаев С. В.*, *Мимоход Р. А.*, *Сударев Н. И.* Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 // АВ. 2020. Вып. 30. С. 82–96.

Кашаев, Сударев, 2020 — *Кашаев С. В., Сударев Н. И.* Традиция погребений в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 // БИ. 2020. Вып. XL. С. 26–46.

Соловьев, 2016 — *Соловьев С. Л.* Сельская округа Гермонассы. Поселение Волна 1 (итоги работ Античной комплексной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, 1996–2001 гг.) // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства таманского терминала СУГ и нефтепродуктов. Краснодар: ЗАО Таманьнефтегаз, 2016. С. 103–117.

Сударев, Гарбузов, 2015 — *Сударев Н. И.*, *Гарбузов Г. П.* К вопросу о колонизации Боспора // Таврические студии. Исторические науки. 2015. № 7. С. 156–164.

Хазанов, 2008 — *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. 4-е изд. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2008. 512 с. (Nomadica).

To the problem of ethnic attribution of warriors' burials from the necropolises Artyushchenko 2 and Volna 1 on the Taman Peninsula

Vladimir A. Goroncharovskiy[6]

The article is devoted to the analysis of materials of a number of burial complexes from the necropolises of Artyushchenko 2 and Volna 1 (the Taman Peninsula). The author, comparing them with the data on the Seven Brother's barrows, considers it possible to link the identified warriors' graves of the 5th — early 4th cent. BC with the seasonal stay of the Sinds on winter roads in the area of the Kuban floodplains.

Keywords: *Asian Bosporus, Sindi, warriors' burials, horse burials.*

6 Vladimir A. Goroncharovskiy — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: goronvladimir@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4405-716X.

Особенности погребений с вооружением Ново-Уфимского могильника раннего железного века по результатам естественно-научных анализов: радиоуглеродное датирование и металлография

Н. Б. Щербаков[1], И. А. Шутелева[2], Т. А. Леонова[3]

Аннотация. *В Ново-Уфимском могильнике раннего железного века, соотносимом с кара-абызской археологической культурой, зафиксированы несколько вариантов погребальной традиции. Погребения с вооружением представлены традиционными одиночными могилами, ярусными захоронениями и парным погребением. В ходе археологических раскопок 2018 г. было исследовано 22 погребения. Комплекс естественно-научных анализов, включающих в себя радиоуглеродное датирование, антропологические и металлографические анализы, позволил синхронизировать эти погребения с одним хронологическим горизонтом и соотнести их с одной группой населения. Комплекс вооружения, включающий одновременно костяные, железные изделия и изделия из цветного металла (меди), сближает Ново-Уфимский могильник с Биктимировским II могильником.*

Ключевые слова: *Южное Приуралье, ранний железный век, кара-абызская культура, вооружение, погребальный обряд.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.174-176

Ново-Уфимский могильник, расположенный в Южном Приуралье, связан с высоким, правым берегом р. Белой и Уфимским полуостровом. Нахождение могильника в исторической части города Уфы определило как характер его разрушения хозяйственной деятельностью человека, так и обстоятельства обнаружения памятника. Ново-Уфимский могильник обнаружен и впервые исследован Р. Б. Ахмеровым (*Ахмеров*, 1959), П. Ф. Ищериковым и Г. В. Юсуповым в 1952–1956 гг. (*Щербаков и др.,* 2021). В настоящее время перед исследователями Ново-Уфимского могильника стоят задачи сохранения и формирования единой археологической коллекции из раскопок разных лет, последние из которых были проведены в 2018 г.

Ново-Уфимский могильник раннего железного века кара-абызской культуры связан с памятниками одного культурно-хронологического горизонта, к которым относятся Уфимский могильник, Галановские I и II могильники, городище Уфа IV и др.

В 2018 г. в ходе спасательных археологических работ в СЗ части могильника были исследованы 22 погребения, сопровождающиеся костяным инвентарем,

1 Николай Борисович Щербаков — Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, ул. Октябрьской Революции, д. 3А, Уфа, 450008, Российская Федерация; e-mail: nbsherbakov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7731-7178.

2 Ия Александровна Шутелева — Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, ул. Октябрьской Революции, д. 3А, Уфа, 450008, Российская Федерация; e-mail: shutelevai@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6852-5415.

3 Татьяна Алексеевна Леонова — Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, ул. Октябрьской Революции, д. 3А, Уфа, 450008, Российская Федерация; e-mail: leonotan@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1605-4479.

изделиями из цветного и черного металла. Погребальная традиция Ново-Уфимского могильника характеризовалась захоронениями в могильных ямах простой конструкции, скелеты лежали на спине, головами на С, ногами к реке. В погребальном комплексе были выявлены ярусные погребения; при этом ни на одном из других могильников кара-абызской культуры ярусных погребений зафиксировано не было. Можно упомянуть об одном из погребений, которое выявила В. В. Гольмстен на территории Уфимского могильника в 1910–1912 гг., однако приведенные данные не позволяют в полной мере отнести данное захоронение к ярусным, тем более что, согласно ее описанию, они были разрушены (*Щербаков и др.*, 2020. С. 136–137). К третьему виду погребальной обрядности можно отнести парное женское погребение, определенное по результатам антропологического и генетического анализов. Подобные захоронения встречаются в группах ананьинской культуры шнуровой керамики (*Иванов, Проценко*, 2017. С. 113).

Объектом нашего исследования стала коллекция изделий из цветного металла Ново-Уфимского могильника, полученная в ходе археологических раскопок 2018 г. Среди них присутствуют наконечники стрел, бронзовая пластина, портупейные бляхи и бронзовые нашивки. К настоящему времени получены результаты анализов двух изделий из погребения № 4: металлической пряжки и металлического наконечника стрелы. Взятые из изделий цветного металла пробы изучены методами металлографического и химического микроструктурного анализа в Институте археологии Университетского колледжа Лондона (*Щербаков и др.*, 2021. С. 151).

Исследованная пряжка не имеет аналогий, а наконечник стрелы связывают со сходными материалами Биктимировского II могильника (*Овсянников*, 2021). Этот наконечник трехлопастной, пирамидальный, с внутренней втулкой (размерами 2,77 × 0,94 см и весом 1,8 г), был выполнен методом литья по восковой модели. Микроскопия с помощью высокоскоростного цифрового микроскопа *Dino-Lite* позволила выявить, что зеленые и красные порошкообразные оксиды меди накладываются слоями по всей поверхности. Тем не менее рентгеновский снимок зафиксировал результат замещения исходного металла оксидами меди (Cu), что не позволило отобрать пробы. Сходные результаты по стрелам раннего железного века были получены при исследовании артефактов из чистой меди (*Дегтярева, Кузьминых*, 2018). Пряжка из цветного металла (размерами 6,8 × 10,0 × 2,5 см), была изготовлена из чистой меди и без примесей, с нераспознаваемыми следами компонентов. Металл сильно поврежден, что было зафиксировано при проведении ОМ и SEM-EDS. Химический состав изделия был получен как среднее значение четырех областей анализов при увеличении в 500 или 1000 раз. Включений не зафиксировано. Эта пластина изготовлена из чистой металлической меди. Незначительными примесями являются 1,1% кислорода и 0,1% кальция, что связано с коррозией после осаждения и обогащения оксидов меди. Относительно высокий уровень содержания цинка (2,6–10,5%), вероятно, также связан с почвой, где находился артефакт (*Щербаков и др.*, 2021. С. 152; *Oudbashi*, 2018. P. 1–15). Подвергшаяся анализу часть пряжки представляет собой трапециевидный фрагмент листового металла (меди), полученного путем складывания тонкого куска меди, повторно нагретого для закрепления цилиндрической формы без дополнительной холодной обработки.

Анализ состава двух других артефактов (непроржавевшего наконечника стрелы и пряжки) с помощью SEM-EDS выявил чистую композицию на основе меди без примесей. Металлография показала, что в обоих случаях отжиг был заключительным этапом процесса изготовления, но эти два объекта прошли разные технологические циклы производства. Химический анализ наконечника стрелы (не подвергшегося коррозии) показал чистую медь без примесей. На краях объекта читались слои куприта. Наконечник стрелы, вероятно, был отлит методом восковой модели, а затем грубо обработан холодным способом — вероятно, напильником — и подвергнут большему количеству циклов ковки и отжига, о чем свидетельствуют небольшого размера зерна в микроструктуре.

Результаты анализов цветного металла позволяют отнести Ново-Уфимский могильник к кругу памятников кара-абызской культуры — к Шиповскому, Биктимировским и Охлебининскому могильникам, в инвентаре которых зафиксированы изделия из чистой меди (*Кузьминых, Орловская*, 2017. С. 152–156). Изготовленные из чистой меди изделия Ново-Уфимского могильника (стрелы) можно включить в круг иткульского очага металлургии (*Дегтярева, Кузьминых*, 2018. С. 56–57).

В ходе исследований впервые для могильников раннего железного века Южного (Башкирского) Приуралья было проведено радиоуглеродное датирование 22 погребений, из которых пять дали предварительные результаты. Даты, откалиброванные по 1σ, показали хронологический промежуток II–I вв. до н. э.

Можно заключить, что полученные при раскопках материалы, для которых были проведены естественнонаучные анализы (радиоуглеродное датирование и металлографические исследования), позволяют отнести материалы Ново-Уфимского могильника к иткульскому очагу металлургии, а время его функционирования ограничить периодом II–I вв. до н. э.

Ахмеров, 1959 — *Ахмеров Р. Б.* Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени (По данным исследований 1952–1956 гг.) // СА. 1959. № 1. С. 156–167.

Дегтярева, Кузьминых, 2018 — *Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В.* Модели цветного металлопроизводства на Урале в раннем железном веке // ВААЭ. 2018. № 2 (41). С. 41–60.

Иванов, Проценко, 2017 — *Иванов В. А., Проценко А. С.* Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.

Кузьминых, Орловская, 2017 — *Кузьминых С. В., Орловская Л. Б.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза): аналитические данные // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов / Отв. ред.: В. И. Завьялов, С. В. Кузьминых. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2017. С. 63–166.

Овсянников, 2021 — *Овсянников В. В.* Биктимировский II могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 191–206.

Щербаков и др., 2020 — *Щербаков Н. Б., Овсянников В. В., Шутелева И. А.* Ярусные захоронения Ново-Уфимского могильника кара-абызской культуры: феномен или ранее не выявленная особенность // Тр. VI (XXII) ВАС в Самаре: в 3 тт. / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: Изд-во СамГСПУ, 2020. Т. II. С. 136–137.

Щербаков и др., 2021 — *Щербаков Н. Б., Шутелева И. А., Кальгаро И., Сулейманов Р. Р, Гольева А. А.* Культурно-хронологические особенности Ново-Уфимского могильника по данным естественнонаучных анализов // Самарский научный вестник. Т. 10. № 4. 2021. С. 149–154.

Oudbashi, 2018 — *Oudbashi O.* A methodological approach to estimate soil corrosivity for archaeological copper alloy artefacts // Heritage Science. Vol. 6. Iss. 2. 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://heritagesciencejournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40494–018–0167–4 (дата обращения: 30.06.2022).

The features of burials with weapons in the Early Iron Age Novo-Ufimskii burial ground according to the results of the natural science analysis: radiocarbon dating and metallography

Nikolay B. Shcherbakov[4], Iia A. Shuteleva[5], Tatyana A. Leonova[6]

The Novo-Ufimskii burial ground of the Early Iron Age, correlated with the Kara-Abyz archaeological culture, presents several variants of the burial tradition. Burials with weapons were presented as traditional single graves, as well as tiered burials and double burials. During the archaeological excavations carried out in 2018, a total of 22 burials were investigated. A complex of natural-scientific analyses, including radiocarbon dating, anthropological and metallographic analyses, made it possible to synchronize these burials with one chronological horizon and to correlate them with one population group. The armament complex, which simultaneously includes bone, iron and non-ferrous metal (copper) items, brings the Novo-Ufimskii burial ground closer to the Biktimirovskii II burial ground.

Keywords: *Southern Urals, Early Iron Age, Kara-Abyz archaeological culture, funeral rite.*

4 Nikolay B. Shcherbakov — Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, 3A October Revolution St., Ufa, 450008, Russian Federation; e-mail: nbsherbakov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7731-7178.

5 Iia A. Shuteleva — Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, 3A October Revolution St., Ufa, 450008, Russian Federation; e-mail: shutelevai@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6852-5415.

6 Tatyana A. Leonova — Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, 3A October Revolution St., Ufa, 450008, Russian Federation; e-mail: leonotan@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1605-4479.

Зеркала «ольвийского» типа и их изготовление[1]

Т. М. Кузнецова[2], Ю. В. Оборин (†)[3]

Аннотация. *На основе данных трасологических наблюдений авторы предлагают возможную реконструкцию процесса создания предметов, представляющих собой плоские круглые диски с высоким бортиком и каннелированными ручками, украшенные зооморфными изображениями с двух сторон, условно называемые зеркалами «ольвийского» типа.*

Ключевые слова: *Ольвия, зеркало, фигурка, кошачий хищник, овен, литье.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.177-180

М. П. Грязнов рекомендовал обращать особое внимание на трасологические исследования археологических объектов (*Грязнов*, 1982). Визуальный анализ, по мнению специалистов, в большинстве случаев дает всестороннюю информацию о способе их производства.

Данные трасологических исследований позволили провести реконструкцию процесса изготовления определенной категории предметов, представляющих собой плоские, круглые диски, с высоким бортиком и каннелированными боковыми ручками. Верх ручек оформлен в виде эллипса, шестиугольника, вепря или оленя, а конец представлен фигурой кошачьего хищника или головкой овна. Большое количество целых форм было обнаружено в Ольвии, что дало основание называть их зеркалами «ольвийского» типа.

Визуальное изучение материала позволило определить, что рассматриваемые предметы были литыми. Анализ повреждений дал возможность утверждать, что все ручки зеркал «ольвийского» типа отливались отдельно от дисков, а фигурки кошачьих на их конце — отдельно от ручек.

Процесс производства зеркал «ольвийского» типа разделялся на несколько этапов — изготовление дисков, ручек и зооморфных украшений на концах ручек с последовательным соединением составляющих элементов.

1. Изготовление дисков. Диски снабжены бортиком. Бортик в разрезе имеет треугольную форму с небольшим уклоном (*Кузнецова*, 2002. С. 145–194, табл. 77–118) и повышает жесткость изделия, облегчая извлечение диска из формы (*Оборин*, 2020. С. 1).

Литье рассматриваемых дисков в двусторонние каменные формы не подлежит сомнению. Для изготовления форм использовались плотные виды песчаника и сланца. При раскопках Горгиппии найден фрагмент двусторонней каменной (мергель) литейной формы для изготовления зеркал-подвесок. Ее литейные углубления в результате воздействия расплавленного металла прокалены дочерна, что свидетельствует об интенсивном использовании (*Новичихин*, 2021. С. 339–340, рис. 2).

Преимуществом каменных двусторонних форм для литья дисков является простота в изготовлении, как показано на графической реконструкции (рис. 1, *1*). Первая полуформа — камень с ровной, плоской поверхностью. Вторая полуформа сначала изготавливалась как и первая, а далее на ровной поверхности камня вырезалось углубление, соответствующее негативу диска. Далее резцом вырезались выпора для выхода воздуха из формы при литье, канал и воронка для заливки металла. Совмещение полуформ происходило по наружному краю. Для предотвращения заклинивания отливки в форме обе внутренние поверхности полуформ покрывали разделяющим составом, например сажей. Заливка металла происходила в вертикальном положении предварительно нагретой формы. На диске изначально не доливалась небольшая часть бортика, которая в форме могла заполняться глиной (рис. 1, *2*).

Литье дисков в каменные формы обеспечивало хорошее качество отливок. Кроме того, для литья отдельного диска требовалось меньшее количество бронзы, чем для целого зеркала, что сокращало время плавки (*Оборин*, 2020. С. 1, рис. 1).

2. Изготовление ручек. Ствол ручек плоский, рифленый, имеет три-пять продольных колонок, разделенных каннелюрами. В месте соединения ручки с диском расположены овал и сегмент. В некоторых случаях верхняя часть выполнена в виде прямоугольной подставки с горизонтальными рельефными ва-

1 Работа выполнена в рамках темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

2 Татьяна Михайловна Кузнецова — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117036, Российская Федерация; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7926-2721.

3 Юрий Владимирович Оборин (†) — независимый исследователь, ранее — Институт цветных металлов и материаловедения Сибирского федерального университета, пр. им. Газеты «Красноярский рабочий», д. 95, Красноярск, 660025, Российская Федерация; e-mail: oborin.yur@yandex.ru.

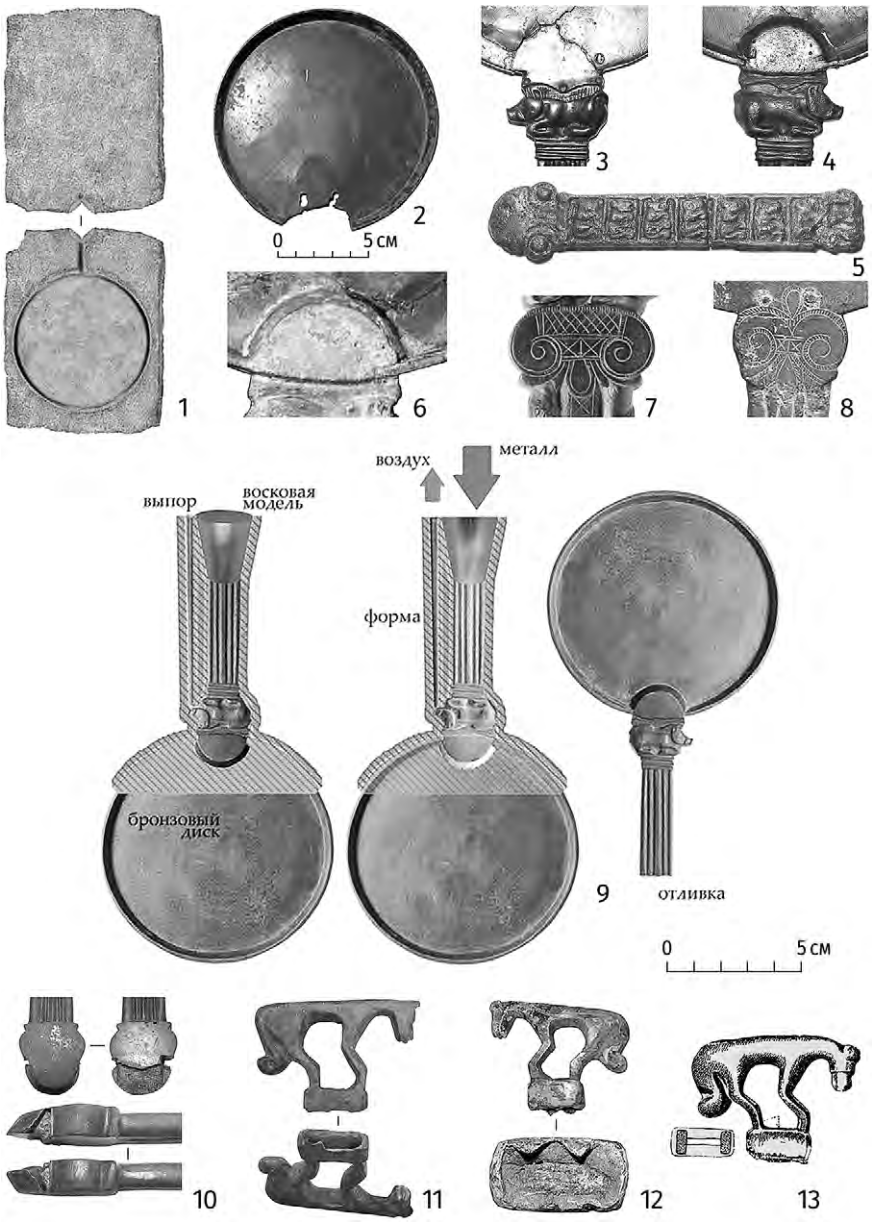

Рис. 1. Изготовление зеркал «ольвийского» типа и характерные повреждения на них: *1* — каменная форма для отливки дисков (графическая реконструкция); *2* — диск со следами ремонта (сл. находка, 2019 г., Украина, Черкасская обл.); *3*, *4* — способ крепления диска и ручки у зеркала из окр. г. Нальчик (ГЭ, инв. № 2535/1); *5* — ручка со следами от отливки (могильник у с. Гавриловка); *6* — место соединения ручки и диска (сл. находка, Краснодарский край); *7* — орнамент на восковой модели ручки (сл. находка, 2016 г., Белгородская обл.); *8* — орнамент на металле и следы починки (сл. находка, 2011 г., юг Краснодарского края); *9* — соединение диска и ручки (графическая реконструкция); *10* — повреждения на ручке с головой овна (сл. находка, 2015 г., Украина); *11* — полость в подставке под фигуркой (сл. находка, Харьковская обл., Украина); *12* — треугольные выступы у подставки под фигуркой (сл. находка, 2011 г., Украина); *13* — сквозное отверстие в подставке под фигуркой (Дебрецен, Реформаторский колледж-музей)

Fig. 1. Manufacture of “Olbia” type mirrors and characteristic damages on them: *1* — a stone mold for casting disks (graphic reconstruction); *2* — the disk with traces of repair (chance find, 2019, Ukraine, Cherkasy region); *3*, *4* — the technique of attaching the disk and the handle to the mirror from approx. Nalchik (State Hermitage Museum, inv. No. 2535/1); *5* — the handle with casting marks (burial ground near the village of Gavrilovka); *6* — the junction of the handle and disk (chance find, Krasnodar Territory); *7* — the decoration on a wax model of a handle (chance find, 2016, Belgorod region); *8* — the decoration on metal and traces of repair (chance find, 2011, south of the Krasnodar Territory); *9* — connection of the disk and the handle (graphic reconstruction); *10* — the damage to a handle with a ram’s head (chance find, 2015, Ukraine); *11* — the cavity in the stand under the figurine (chance find, Kharkiv region, Ukraine); *12* — the triangular protrusions near the stand under the figurine (chance find, 2011, Ukraine); *13* — the through hole in the stand under the figurine (Debrecen, Reformed College-Museum)

ликами, на которых располагалась фигурка копытного животного (рис. 1, *3*, *4*).

Для изготовления восковых моделей ручек могли использовать и каменные формы, и слепки с других ручек. Модели также могли изготовлять вручную. На это указывают как полные аналогии в оформлении предметов с фигурками вепря и льва, так и различия у вещей с головой овна на конце (*Кузнецова*, 2021. С. 45, рис. 7, *2*–*5*). Если формовка восковой модели ручки проводилась путем заливки жидкого воска в двустороннюю форму, то мог остаться след от смыкания полуформ. Такой след (рис. 1, *5*) был отмечен В. А. Косиковым на ручке зеркала из могильника у с. Гавриловка (*Косиков*, 1994. С. 175, 179, рис. 19, *7*).

3. Соединение ручки и диска. Для монтажа диска и ручки к готовому бронзовому диску присоединяли восковую модель ручки. Полуовальный сегмент располагался с той стороны диска, где был бортик. Наплыв воска с противоположной стороны тщательно заглаживался и сводился к минимуму. Восковую ручку соединяли с уже готовым бронзовым диском, и восковая модель надежно крепилась к диску (*Оборин*, 2020. С. 1).

Иногда полуовальный сегмент и верхняя часть ручки разделялись невысоким выступом, имитирующим недостающую часть бортика на диске (рис. 1, *6*). Гравировка наносилась и на восковую поверхность (рис. 1, *7*), и на металл после отливки (рис. 1, *8*).

Восковая модель ручки с изображением стоящего кошачьего хищника на конце изготавливалась без ее фигурного окончания, с небольшим припуском по длине. Восковая модель ручек с головой овна на конце производилась вместе с фигурным окончанием (*Кузнецова*, 2002. С. 195, рис. 18; *Оборин*, 2020. С. 2).

Процесс формовки заключался в покрытии части диска и модели ручки раствором формовочной массы. На начальном этапе это было простое окунание сборки в жидкий раствор, затем — обмазка более густой фракцией. Прочность будущей формы достигалась многослойностью покрытия с промежуточной просушкой. Формовочная масса готовилась из связующего вещества (гипс или глина), наполнителя (мелкая фракция кварцевого песка) и воды.

После окончательной просушки полученную форму нагревали, вытапливали воск и, не охлаждая, заливали в нее расплавленную бронзу. Бронза заливалась в форму, расположенную вертикально, диском вниз. Обтекая диск и застывая, сплав надежно соединял его с ручкой (рис. 1, *9*).

Недостатком такой техники было образование газовой пористости в месте соединения диска и ручки (рис. 1, *10*). В области контакта диска с расплавом он быстро остывал, и воздух не успевал выйти из полости формы. Диск в этом случае выполнял роль своего рода «холодильника» (*Оборин*, 2020. С. 2). Время показало, что соединение ручки и диска было все-таки недостаточно прочным (рис. 1, *2*, *8*).

4. Изготовление фигурных окончаний на ручках. Зооморфные окончания ручек в виде кошачьего хищника отливались отдельно. В постаментах хорошо прослеживаются пустоты, а около подставок — отогнутые треугольные выступы (рис. 1, *11*, *12*), которые являлись заполнением промежутков между колонками на ручке. Формовка и заливка зооморфного окончания выполнялись аналогично операции изготовления стволов ручек (*Там же*. С. 2).

5. Соединение конструкции (ручка + диск) с фигурным окончанием. Для соединения уже отлитого зеркала с фигурным окончанием на конец ствола ручки крепилась восковая модель животного с подставкой. Возможно, ствол ручки сначала оборачивался полоской воска, а торец полностью не заделывался. В результате создавалась подставка. Далее к стволу крепилась восковая фигурка кошачьего хищника. В итоге получалась конструкция: диск + ствол (отлиты ранее из бронзы) и подставка с фигуркой животного из воска. Литейная воронка и выпор для выхода воздуха, вероятно, находились на спине животного, т. к. это лучшее место для заливки, последующей доработки и шлифовки. Подставка под фигурой выходила полая. Прочность крепления зооморфного окончания во многом зависела от глубины «насада» восковой модели на ствол ручки. В том случае, когда глубина «насада» была небольшой, подставка с фигуркой отделялась и отпадала (рис. 1, *11*, *12*).

Далее повторялся процесс формовки и заливки. Фиксация фигурок на ручке происходила при застывании расплава, а при усадке бронза обжимала ствол ручки (*Там же*. С. 2).

Открытым остался вопрос изготовления собственно восковых моделей для зооморфных окончаний, поскольку возможны два варианта: это либо лепка/подрезка индивидуального окончания к конкретному зеркалу, либо отливка воска в форму из бронзы или камня для получения серии моделей для фигурок.

При этом не исключается и иной способ соединения фигурки стоящего хищника и ручки, когда ствол на конце имел плоский «штырь» (*Кузнецова*, 2002. С. 155, рис. 15).

По наблюдениям В. А. Косикова, «навершие [фигурка на конце. — *Т. К.*] в виде стоящего кошачьего хищника из г. Мариуполь было отлито в двусторонней форме и имеет полый постамент со следами установки ручки в полость залитой металлом формы» (*Косиков*, 1994. С. 179–180, рис. 19, *4*). Исследователь полагает, что ствол ручки пробил отверстие на наружной поверхности постамента. Однако отверстие на подставке под фигуркой зафиксировано (рис. 1, *13*) и у «пантеры» из музея в Дебрецене (*Hampel*, 1895. Fig. 28), что предполагает неслучайный характер его появления.

Исследования, связанные с реконструкцией техники производства зеркал «ольвийского» типа, позволили сделать некоторые предположения. Техника раздельного литья рассматриваемых предметов могла прийти из Греции, поскольку часть из них имеет оформление, восходящее к античным традициям (рис. 1, *7*, *8*), а некоторые связаны с культами греческих божеств. Изготовление зеркал «ольвийского» типа в мастерских середины VI — V в. до н. э. было процессом достаточно сложным, который требовал большого опыта и глубоких знаний в области металлургии. Раздельное и поэтапное изготовление деталей зеркала позволяло не только значительно повысить производительность, но и разделить труд ремесленников — скульпторов, формовщиков, металлургов и литейщиков.

Грязнов, 1982 — *Грязнов М. П.* Археологическая трасология: Программа спецкурса по археологии. Свердловск: УрГУ, 1982. 7 с.

Косиков, 1994 — *Косиков В. А.* Производство бронзовых художественных изделий в Скифии VII–V вв. до н. э. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1994. 209 с.

Кузнецова, 2002 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. 1. М.: Индрик, 2002. 349 с.

Кузнецова, 2021 — *Кузнецова Т. М.* «Зеркала ольвийского типа» — показатель влияния античного мира на Северном Кавказе // РА. 2021. № 2. С. 36–53.

Новичихин, 2021 — *Новичихин А.* Фрагмент каменной формы для отливки зеркал из Горгиппии // Tyragetia s. n. 2021. Vol. XV [XXX]. No. 1. Arheologie. Istorie Antică. С. 339–344.

Оборин, 2020 — *Оборин Ю. В.* Некоторые вопросы технологии изготовления зеркал борисфенитского типа [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/44096672/Oborin_SOME_ISSUES_OF_BORYSTHENITIC_TYPE_MIRRORS_MANUFACTURING_TECHNOLOGY (дата обращения: 11.07.2022).

Hampel, 1895 — *Hampel J.* Skythische Denkmäler aus Ungarn // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. 1895. Bd. IV. H. I. S. 1–26.

Mirrors of the „Olbia“ type and their manufacturing

Tatyana M. Kuznetsova[4], Yuri V. Oborin (†)[5]

The authors, basing on the data of traceological observations, present a possible reconstruction of the manufacturing process of the objects' type known as the „Olbian“ type mirrors — flat, round disks with a high rim and fluted handles, decorated with zoomorphic images at the top and the end.

Keywords: *Olbia, mirror, figurine, feline predator, ram, casting.*

4 Tatyana M. Kuznetsova — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanov St., Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7926-2721.

5 Yuri V. Oborin (†) — independent scholar, previously — School of Non-Ferrous Metals and Material Science of the Siberian Federal University, 95 Krasnoyarskiy Rabochiy Ave., Krasnoyarsk, 660025, Russian Federation; e-mail: oborin.yur@yandex.ru.

Об одной из категорий «зеркал» раннесакского времени[1]

А. Д. Таиров[2]

Аннотация. *Проведен анализ погребений раннесакского времени степной Евразии, в инвентаре которых имеются плоские круглые диски с длинными боковыми ручками в виде ножа или заостренного штыря. Такие предметы традиционно определялись как зеркала. Анализ показал, что абсолютное большинство этих «зеркал» найдено в воинских погребениях вместе с кинжалами. Как представляется, раннесакские диски являлись своеобразным опознавательным знаком («жезлом») воинов определенного ранга. Они также могли применяться в качестве приспособлений для подачи световых сигналов.*

Ключевые слова: *степи Евразии, ранний железный век, раннесакское время, «зеркала», воинские погребения.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.180-183

1 Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-28-20253.

2 Александр Дмитриевич Таиров — Южно-Уральский государственный университет, пр. Ленина, д. 76, Челябинск, 454080, Российская Федерация; e-mail: sarmat-2007@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8575-0430.

Степи Евразии в VII–VI вв. до н. э. являлись зоной распространения многих однотипных предметов: конской упряжи, наконечников стрел, зеркал, ножей и т. п. Среди таковых выделяются плоские круглые диски с длинной боковой ручкой в виде ножа или заостренного штыря.

Впервые такой артефакт был описан и определен как зеркало М. П. Грязновым при публикации комплекса случайных находок у с. Маринское близ Кокчетава (рис. 1, *5*). В комплекс, помимо «зеркала», входил кинжал североказахстанского типа. Основанием для такого определения предмета послужили близкое по форме зеркало с короткой боковой ручкой и петелькой на одной из сторон ручки из погребения в кургане у с. Вавилово (Вавилонки) в Восточном Казахстане и зеркало из курганного могильника Кулажурга I (*Грязнов*, 1956. С. 11, рис. 3, *2*).

Второе «зеркало» было найдено в 1961 г. в мужском воинском захоронении с представительным набором инвентаря из кургана 4 могильника Бобровский в Южном Зауралье. В погребении обнаружен ряд предметов из бронзы, включающий поясные обоймы, кинжал, «зеркало», костылек-застежку, черешковые наконечники стрел. Г. И. Матвеева, описывая захоронение, отметила, что у правой руки погребенного находился «бронзовый кинжал, на котором сохранились следы деревянных ножен. Прямо на кинжале лежало круглое бронзовое зеркало с длинной ручкой; зеркало было помещено в кожаный футляр, остатки которого хорошо сохранились» (*Матвеева*, 1964). Основанием для определения интересующего нас предмета как «зеркала» послужила близость его «зеркалу», найденному близ с. Маринское (рис. 1, *2*).

В ограбленном мужском захоронении кургана 21 могильника Уйгарак в низовьях Сырдарьи было найдено третье «зеркало». Как отмечает О. А. Вишневская, непотревоженной осталась группа предметов в западном углу погребального пространства — это железный кинжал, «на который были положены бронзовый нож с кольцевым навершием и бронзовое дисковидное зеркало с процарапанными изображениями животных на оборотной стороне диска и ножевидной длинной рукоятью» (рис. 1, *4*). Интересующий нас предмет О. А. Вишневская определяет то как зеркало с ножевидной рукоятью, то как «нож, на место рукояти которого помещено небольшое зеркало», и видит аналогии ему в зеркале из Маринского в Северном Казахстане. Сочетание в одном изделии зеркала и ножа, а также находка его в комплексе с другим ножом предполагает, по ее мнению, культовое назначение этого предмета (*Вишневская*, 1973. С. 18, 72, 85, табл. VI).

Четвертое «зеркало» входит в комплекс предметов, обнаруженных при несанкционированных раскопках кургана у с. Пьяный Яр в Восточном Казахстане (рис. 1, *7*). Под насыпью кургана на дне могильной ямы находился перекрытый плитами каменный ящик с погребением взрослого человека. Сопроводительный инвентарь включал: железный кинжал, рукоять которого была обложена серебряными пластинами; бронзовое «зеркало»; серебряную пряжку; серебряные обоймы поясного ремня; оселок; бронзовые втульчатые пулевидные наконечники стрел; ряд других предметов из бронзы и железа (*Алехин и др.*, 1992. С. 128, рис. 1).

Еще одно, пятое, «зеркало» происходит из погребения 3 кургана 2 курганной группы Иртяш 14 в Южном Зауралье (рис. 1, *3*). Это мужское воинское захоронение с представительным набором инвентаря. «У правого бедра захороненного были сложены бронзовый кинжал, длинный железный нож и бронзовое зеркало», причем «зеркало» лежало поверх кинжала (*Гаврилюк, Таиров*, 2006. С. 231, рис. 3.*4*–3.*5*).

Шестое «зеркало» найдено в мужском воинском погребении, обнаруженном под насыпью кургана 3 могильника Едирей-3 в Центральном Казахстане (рис. 1, *1*). С левой стороны скелета найдены бронзовый нож, бронзовые и костяной наконечники стрел, а также «бронзовое зеркало с длинной боковой ручкой и петелькой на тыльной стороне (конец ручки зеркала дополнительно прокован и в свое время был заточен, вероятно, для использования в качестве ножа)» (*Бейсенов, Исмагулова*, 2007. С. 164, рис. 2–4).

Мужчину, погребенного в могильной яме 1 кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье, сопровождал богатый набор инвентаря. Справа к поясу погребенного с помощью трехчленной бронзовой цепи был подвешен железный кинжал в деревянных ножнах. Во втором отделении ножен находился длинный узкий железный нож. Под ножнами находилось «зеркало» с длинной ручкой в виде заостренного на конце штыря и петелькой на оборотной ее стороне (рис. 1, *8*). Вероятно «зеркало» с помощью кожаного ремешка подвешивалось к бронзовому крюку, закрепленному на поясе (*Таиров*, 2015. С. 300, 302, рис. 2–4).

Восьмое «бронзовое зеркало с отломленной ручкой» (рис. 1, *9*) найдено среди камней разрушенной насыпи кургана 1 могильника Давлетшино в Зауральской Башкирии (*Савельев*, 2000. С. 18, 23, рис. 2, *1*).

Вполне вероятно, что зеркало, найденное в кургане у с. Вавилонка (Вавилово) в Восточном Казахстане, также имело ручку в виде ножа. Здесь на выстланном плитами дне погребальной камеры, помимо сломанного бронзового зеркала, найдены также железный кинжал, бронзовые нож и шило, пояс с бронзовыми обоймами и такой же концевой бляхой, золотая витая гривна и золотая ажурная пластина в виде головы хищной птицы, пять бронзовых черешковых наконечников стрел, бронзовый колчанный крюк и оселок (*Киселев*, 1951. С. 298–300, табл. XXIX, *1–10*).

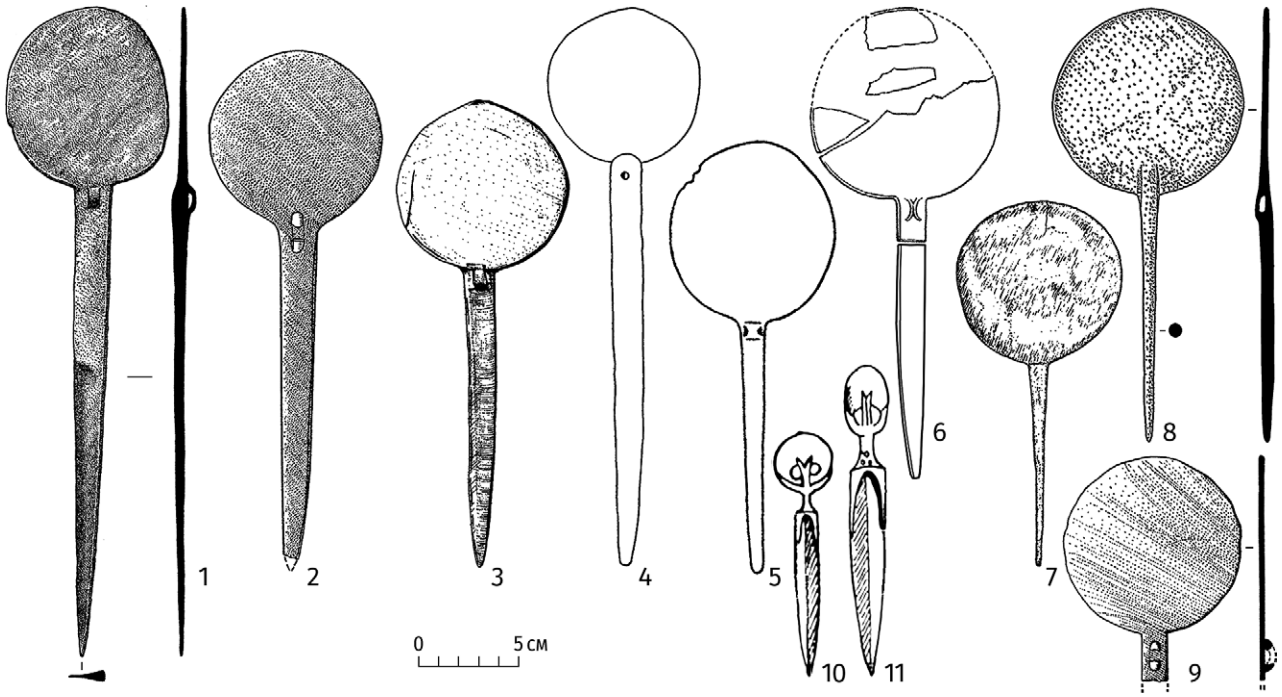

Рис. 1. Раннесакские «зеркала» с боковой ручкой: *1* — могильник Едирей-3, курган 3 (по: *Бейсенов, Исмагулова*, 2007); *2* — могильник Бобровский, курган 4; *3* — курганная группа Иртяш 14, курган 2, погребение 3; *4* — могильник Уйгарак, курган 21 (по: *Вишневская*, 1973); *5* — с. Маринское, Северный Казахстан (по: *Грязнов*, 1956); *6* — курган у с. Вавилонка (Вавилово) (по: *Киселев*, 1951, с элементами реконструкции); *7* — курган у с. Пьяный Яр (по: *Алехин и др.*, 1992); *8* — могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1; *9* — могильник Давлетшино, курган 1 (по: *Савельев*, 2000); *10, 11* — кинжалы «гиксосского» типа из Египта (по: *Горелик*, 1993)

Fig. 1. The Early Saka "mirrors" with lateral handle. *1* — Yedirey-3 burial ground, mound 3 (after *Бейсенов, Исмагулова*, 2007); *2* — Bobrovskiy burial ground, mound 4; *3* — the mound group Irtyash-14, mound 2, burial 3; *4* — Uygarak burial ground, mound 21 (after *Вишневская*, 1973); *5* — the village Marinskoye, Northern Kazakhstan (after *Грязнов*, 1956); *6* — the mound near village Vavilonka (Vavilovo) (after *Киселев*, 1951 with reconstruction elements); *7* — the mound near the village Pyaniy Yar (after *Алехин и др.*, 1992); *8* — Kichigino I burial ground, mound 5, burial pit 1 (after *Савельев*, 2000); *9* — Davletshino burial ground, mound 1; *10, 11* — daggers of the "Hyksos" type from Egypt (after *Горелик*, 1993)

Таким образом, из девяти «зеркал» с длинной боковой ручкой в виде ножа или заостренного на конце штыря четыре происходят из Южного Зауралья, два из Восточного Казахстана и по одному из Юго-Восточного Приаралья, Северного и Центрального Казахстана. Четыре «зеркала» имеют ручку в виде длинного ножа. Такую же ручку, очевидно, имели и «зеркала» из Давлетшино и Вавилово. У трех «зеркал» ручка выполнена в виде длинного заостренного штыря. Все известные «зеркала» датируются в пределах VII — первой половины VI в. до н. э. (*Гаврилюк, Таиров*, 2006. С. 239).

Семь «зеркал» имеют петельки в основании ручки, одно — отверстие, одно — вероятно, без петли и отверстия. Из девяти «зеркал» семь (помимо давлетшинского и едирейского) найдены в комплексе с кинжалами, причем в непотревоженных погребениях они лежали непосредственно на кинжале или под ним. В пяти комплексах были найдены пояса с бронзовыми или серебряными обоймами. Это дает основание видеть в этих «зеркалах» не зеркала как таковые, а предметы вооружения или воинские атрибуты.

Описываемым «зеркалам» близки, на наш взгляд, кинжалы «гиксосского» типа из Египта (первая половина II тыс. до н. э), которые имеют очень короткую рукоять, «настолько, что на ней не умещается ладонь, ручку и большое плоское округлое навершие с двумя отверстиями». Как отмечает М. В. Горелик, «как держали в руках эти кинжалы, как пользовались ими — до сих пор загадка» (*Горелик*, 1993. С. 17, табл. IV, *32, 33*). Описывая эти кинжалы (рис. 1, *10*), П. П. фон Винклер предполагает, что их диск «упирался в ладонь, а в отверстия проходили указательный и средний пальцы. Иногда, впрочем, их помещали просто вдоль клинка, в верхней части которого сделаны были небольшие выемки» (*Винклер*, 2013. С. 47).

Как представляется, раннесакские диски с длинной боковой ручкой в виде ножа или заостренного штыря вряд ли могли выступать в качестве оружия, тем более

что большинство из них найдено вместе с кинжалами. На наш взгляд, диски являлись своеобразным опознавательным знаком («жезлом») воинов определенного ранга. Они также могли применяться в качестве приспособлений для подачи световых сигналов.

Алехин и др., 1992 — *Алехин Ю. П., Демин М. А., Илюшин А. М.* Исследования 1989 г. в Семипалатинской области // Маргулановские чтения. 1990 (Сборник материалов конф.). Ч. 1 / Отв. ред. З. С. Самашев. М.: б. и., 1992. С. 124–128.

Бейсенов, Исмагулова, 2007 — *Бейсенов А. З., Исмагулова А. О.* Археолого-антропологические данные из могильника Едирей-3 // Историко-культурное наследие Сарыарки: Сборник науч. статей / Отв. ред. В. Г. Ломан. Караганда: б. и., 2007. С. 164–170.

Винклер, 2013 — *Винклер П. П. фон.* Все о холодном оружии. М.; СПб.: Астрель; Полигон, 2013. 640 с.

Вишневская, 1973 — *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). М.: Наука, 1973. 160 с. (Тр. ХАЭЭ; Т. VIII).

Гаврилюк, Таиров, 2006 — *Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д.* Иртяш-14 — погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. С. 225–245 (Этногенез уральских народов).

Горелик, 1993 — *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.: Восточная литература, 1993. 349 с.

Грязнов, 1956 — *Грязнов М. П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 8–16.

Киселев, 1951 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 644 с.

Матвеева, 1964 — *Матвеева Г. И.* Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка // АЭБ. Т. II / под ред. Р. Г. Кузеева и К. В. Сальникова. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1964. С. 212–214.

Савельев, 2000 — *Савельев Н. С.* Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 17–48.

Таиров, 2015 — *Таиров А. Д.* Комплекс раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник науч. статей, посвящ. памяти археолога Кималя Акишевича Акишева / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 300–319.

About one category of the Early Saka „mirrors“

Alexander D. Tairov[3]

The paper analyzes the Early Saka burials of the steppe zone of Eurasia with bronze flat round discs with elongated lateral handle in the form of knife or pointed pin. Traditionally such objects were regarded as mirrors. The analysis revealed, that absolute majority of that „mirrors“ came from warrior burials wherer they were found near the daggers. Presumably these Early Saka discs were peculiar marking plate, a „rod“, of warriors of specific rank. They could also serve for giving light signals.

Keywords: *the steppe zone of Eurasia, Early Iron Age, Early Saka time, „mirrors“, warrior burials.*

3 Alexander D. Tairov — South Ural State University, 76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; e-mail: sarmat-2007@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8575-0430.

Древние металлические котлы, обнаруженные на Алтае и юге Западной Сибири: обзор находок и комплексный анализ[1]

А. А. Тишкин[2], С. М. Киреев[3], Я. В. Фролов[4]

Аннотация. *Специальной разработкой темы, связанной с изучением древних металлических котлов, найденных на Алтае и юге Западной Сибири, до сих пор никто не занимался. Однако имеющиеся в музеях находки и опубликованные сведения позволяют начать формирование каталога важных археологических источников. В этой связи авторы собрали необходимую информацию и подготовили полноценную иллюстративную фиксацию изделий. Основной массив котлов сделан из цветного металла, что выявило необходимость проведения рентгенофлюоресцентного анализа доступных экземпляров. Представлен краткий обзор уже полученных результатов.*

Ключевые слова: *Алтай, музей, каталог, случайная находка, металлические котлы, рентгенофлюоресцентный анализ.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.184-187

Металлические котлы являются важными источниками для изучения многих сторон системы жизнеобеспечения древних народов, а также для реконструкции их производства и других сфер деятельности. К сожалению, существенное число таких изделий на Алтае и юге Западной Сибири (Верхнее Приобье) обнаружено случайно, что снижает их научный потенциал. Определения сплавов, из которого создавалась такая посуда, проводились в редких случаях. В целом обозначенная категория изделий изучена пока слабо. Главная задача авторов — на основе собранных сведений сформировать каталог и провести необходимую аналитическую работу.

Основной массив известных предметов или их фрагментов относится к раннему железному веку и хранится в музеях Алтайского края и Республики Алтай. Отдельные экземпляры имеются в других российских, а также в зарубежных музейных собраниях. Сведения об интересующей нас категории древних предметов отражены в архивных материалах и публикациях.

Информацию о котлах из цветного металла собирал В. В. Радлов. В его знаменитом альбоме («Original Skitzen einiger Gegenden in Hoch-Asien/Aufgenommen von Dr. W. Radloff auf seine Reise durch den Altai», 1861), хранящемся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), информация о них представлена на нескольких таблицах. В 1888 г. во время своей поездки по Алтаю финский исследователь Й.-Р. Аспелин записал, что около казачьего села Тулатинка в кургане был обнаружен «самовар чудов», а в с. Онгудае ему сообщили о случайной находке у одного из притоков Чулышмана медного котла без подставки, который был отправлен в Петербург в Археологическую комиссию (*Aspelin*, 1931). Можно привести еще ряд примеров аналогичных фиксаций. Их обзор еще предстоит сделать, т. к. ведется работа по подготовке истории изучения котлов, связанных с Алтаем и с северными сопредельными территориями.

В данной публикации мы сосредоточим внимание на отдельных музейных экспонатах (рис. 1). Один из них хранится в Музее «Город» в Барнауле (рис. 1, *1*). Большой котел был найден у впадения р. Большой Яломан в Катунь (Онгудайский р-н Республики Алтай). Информация о нем кратко опубликована (*Тишкин*, 2013. С. 95–97, рис. 2). Рентгенофлюоресцентный анализ показал, что предмет медный с набором естественных рудных примесей и с различными заплатками. Судя по изображению свернувшегося и оскалившегося полосатого хищника, он может быть датирован в пределах аржано-майэмирского времени (конец IX — вторая-третья четверти VI в. до н. э.). Аналогичные архаичные изображения встречены на металлических зеркалах из погребений памятника Чаухугоу-4 в Синьцзяне (*Шульга*, 2010. Рис. 13, *31*, *32*). Котлы найдены в кургане Аржан-2 (*Чугунов и др.*, 2017. С. 70, рис. 66, табл. 70), датируемом второй половиной VII в. до н. э.

1 Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

2 Алексей Алексеевич Тишкин — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

3 Сергей Михайлович Киреев — Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, ул. Г. И. Чорос-Гуркина, д. 46, Горно-Алтайск, 659000, Российская Федерация; e-mail: kireevsm2013@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6850-6647.

4 Ярослав Владимирович Фролов — Алтайский государственный университет, ул. Димитрова, д. 66, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: frolov_jar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7259-2840.

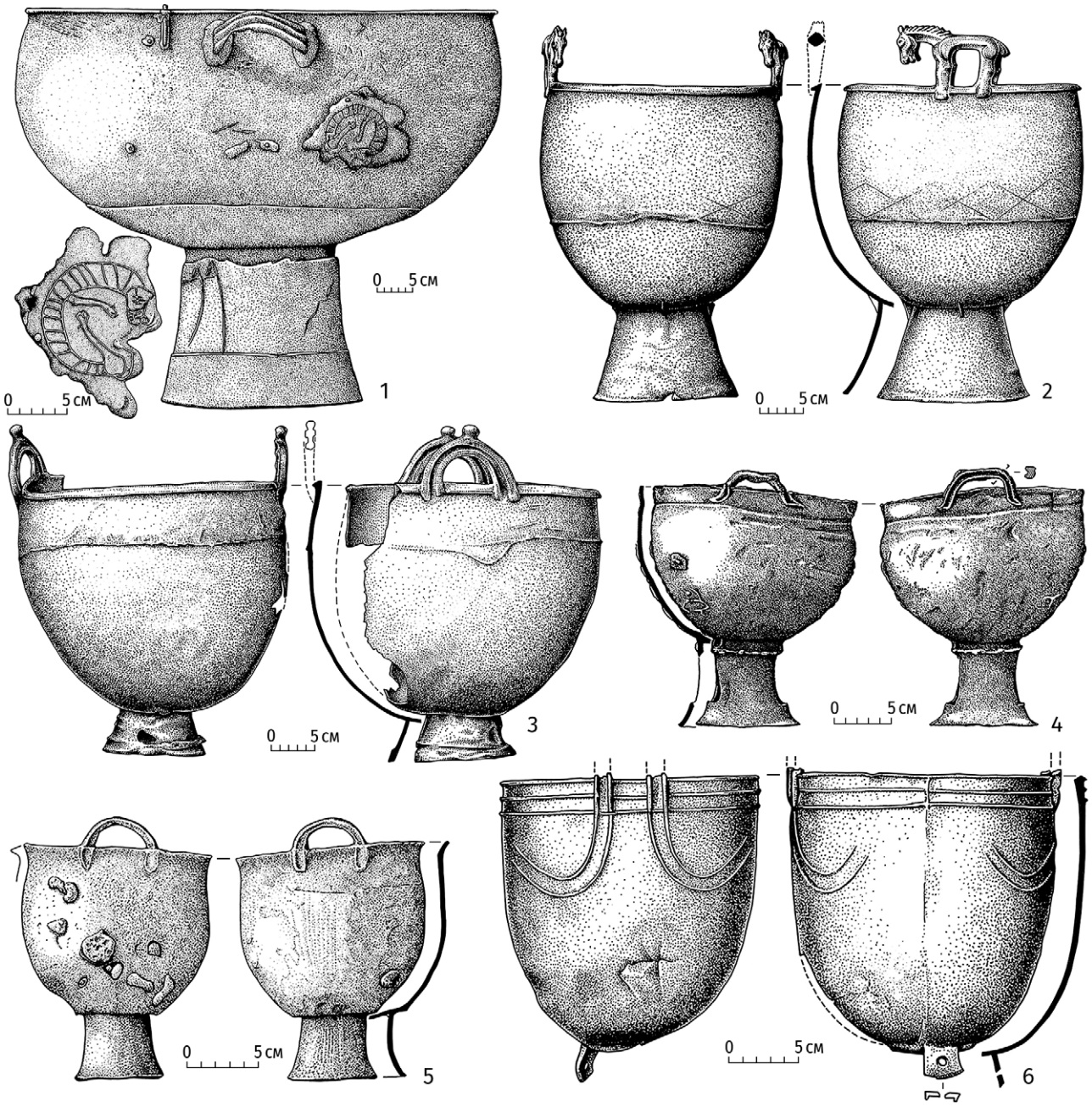

Рис. 1. Древние котлы из цветного металла, найденные на Алтае: *1* — Большой Яломан; *2* — Семинский перевал; *3* — Песчаное; *4* — Яломан-II; *5* — Манжерок; 6 — Теньга

Fig. 1. Ancient nonferrous metal cauldrons found in Altai: *1* — Bolshoy Yaloman; *2* — Seminsky Pereval; *3* — Peschanoye; *4* — Yaloman-II; *5* — Manzherok; *6* — Ten`ga

Серия из шести котлов хранится в Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина (Горно-Алтайск). Совсем недавно был идентифицирован поддон от седьмой емкости. Вся коллекция заслуживает отдельной статьи, хотя некоторые находки были опубликованы (*Кубарев*, 1979; *Соенов*, *Трифанова*, 2006; и др.). Среди них особое значение имеет целый котел с ручками в виде скульптурных изображений лошадей (рис. 1, *2*), найденный случайно на Семинском перевале. Его датировку VI в. до н. э. в свое время предложил В. Д. Кубарев (*Кубарев*, 1979. С. 76). В настоящее время проведено комплексное документирование и начато детальное исследование этого предмета. Сделанный в разных местах рентгенофлюоресцентный анализ показал, что котел изготовлен практически из чистой меди. Еще один котел (рис. 1, *3*) обнаружен в ходе строительных работ в урочище Песчаное, в 5 км от с. Озерное Онгудайского р-на Республики Алтай. Он поврежден, имеет свои особенности оформления и предварительно датирован V–III вв. до н. э. (*Соенов*, *Трифа-*

нова, 2006). Определен состав сплава — медный с незначительным количеством рудных примесей. Подобные емкости с характерным оформлением ручек есть и в других музеях. Следующий котел (рис. 1, *6*) из окрестностей с. Теньги (Онгудайский р-н) отличается от предыдущих изделий цветом, оформлением и составом сплава (медно-свинцово-оловянный). Его датировка требует специального обоснования. Остальные котлы (или их части) в обозначенной коллекции происходят из Шебалинского и Улаганского р-нов Республики Алтай, или их местонахождение неизвестно.

Подобные котлы хранятся в следующих музеях Барнаула: в Алтайском государственном краеведческом музее; в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского госуниверситета, в Историко-краеведческом музее Алтайского госпедуниверситета, Музее «Город» и в частном музее «Мир времени». Сведения о них по большей части опубликованы (*Фролов*, 2001; *Кунгуров*, *Горбунов*, 2001; *Тишкин*, 2006; *Бородовский*, *Телегин*, 2007; *Шульга и др.*, 2009; и др.). Однако существуют еще экземпляры, не введенные в научный оборот. Их обработка уже осуществлена, и планируются публикации. Большинство зафиксированных экземпляров относится к скифо-сакскому периоду, но имеются изделия хуннуского (рис. 1, *4*) (*Тишкин, Горбунов*, 2003. Рис. 1, *26*) и сяньбийского (рис. 1, *5*) времени (*Тишкин*, 2006. Рис. 3; 4). К эпохе Великого переселения народов относится котел из Балыктыюля (*Сорокин*, 1977. Рис. 4, *1*), который хранится в Государственном Эрмитаже.

Наконец, еще один котел имеется в Усть-Канском музее Республики Алтай; есть такие изделия и в Бийском краеведческом музее. В каталоге, составленном В. М. Флоринским (*Флоринский*, 1888), указано более 10 котлов, которые происходят с территории Алтая. Дальнейшие исследования позволят расширить и конкретизировать круг находок, а также осуществить их обобщение и комплексный анализ.

Бородовский, *Телегин*, 2007 — *Бородовский А. П.*, *Телегин А. Н.* Роговые украшения седла скифского времени с Приобского Плато // АЭАЕ. 2007. № 2 (30). С. 52–62.

Кубарев, 1979 — *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Кунгуров, *Горбунов*, 2001 — *Кунгуров А. Л.*, *Горбунов В. В.* Случайные находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 111–126.

Соенов, *Трифанова*, 2006 — *Соенов В. И.*, *Трифанова С. В.* Два котла и наконечник копья с Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 3–4. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. С. 150–156.

Сорокин, 1977 — *Сорокин С. С.* Погребение эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Тишкин, 2006 — *Тишкин А. А.* Археологические находки из частных коллекций // ТПАИ. 2006. № 2. С. 147–154.

Тишкин, 2013 — *Тишкин А. А.* Перспективные возможности проведения рентгенофлюоресцентого анализа изделий из цветных металлов в музеях Алтайского края // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. С. 93–98.

Тишкин, *Горбунов*, 2003 — *Тишкин А. А.*, *Горбунов В. В.* Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 488–493.

Флоринский, 1888 — Археологический музей Томского университета: [Каталог / Сост. В. М. Флоринский]. Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1888. XX, 275 с.

Фролов, 2001 — *Фролов Я. В.* Археологическая и этнографическая коллекции Барнаульского музея в XIX в. // Краеведческие записки. 2001. Вып. 4. С. 57–66.

Чугунов и др., 2017 — *Чугунов К. В.*, *Парцингер Г.*, *Наглер А.* Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Шульга, 2010 — *Шульга П. И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

Шульга и др., 2009 — *Шульга П. И.*, *Уманский А. П.*, *Могильников В. А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

Aspelin, 1931 — Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J.-R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889 / Hrsg. von H. Appelgren-Kivalo. Helsingfors: K. F. Puromies Buchdruckerei A. G., 1931. 47 + 76 S.

Ancient metal cauldrons found in Altai and in the South of Western Siberia: review of finds and complex analysis

Alexey A. Tishkin[5], Sergey M. Kireev[6], Yaroslav V. Frolov[7]

A special study of ancient metal cauldrons, found in the Altai and in the south of Western Siberia has never been carried out. However, available findings in museums and published data allow creating a catalogue of these important archaeological sources. With this reason the authors of the publication have collected the necessary information and comprehensively illustrated the objects. The main body of the cauldrons is made of non-ferrous metal, which indicated the need for X-ray fluorescence analysis of the available specimens. A brief review of the results already obtained is presented.

Keywords: *Altai, museum, catalogue, chance find, metal cauldrons, X-ray fluorescent analysis.*

5 Alexey A. Tishkin — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

6 Sergey M. Kireev — National Museum of the Republic of Altai named after Andrey Anokhin, 46 Choros-Gurkin St., Gorno-Altaisk, 659000, Russian Federation; e-mail: kireevsm2013@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6850-6647.

7 Yaroslav V. Frolov — Altai State University, 66 Dimitrov St., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: frolov_jar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7259-2840.

«Акинаки» в ордосских бронзах

Кейта Мацумото[1]

Аннотация. *В данной работе предпринята попытка рассмотреть «акинаки» комплекса ордосских бронз в широком евразийском контексте. Показано, что эти «акинаки», в основе которых лежит карасукский кинжал, появились на территории от Урала до Казахстана в VIII–VII вв. до н. э., распространившись в Минусинскую котловину и зону Великой стены в VI–V вв. до н. э. Появление и распространение этих «акинаков» может свидетельствовать, что традиции скифо-сибирского мира начали существенно меняться в VIII–VII вв. до н. э.*

Ключевые слова: *эпоха ранних кочевников, скифо-сибирский мир, акинак, карасукский кинжал, ордосские бронзы.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.187-190

В связи с распространением железных изделий по всей Евразии в середине I тыс. до н. э. произошли значительные изменения в материальной культуре населения евразийских степей. Например, новые типы с иной, нежели ранее, техникой изготовления (мелкие бронзовые поясные украшения) сформировались в окрестностях Урала и Алтая около VII–VI вв. до н. э. и распространились в Монголию и регион Великой стены около VI–V вв. до н. э. (*Мацумото*, 2021). Кинжалы-«акинаки» и мечи представляются не менее важными в изучении распространения предметов материальной культуры в этот период. В данной статье некоторые «акинаки», найденные в ордосских бронзах регионов Внутренней Монголии и Великой стены, будут классифицированы и типологизированы с целью выяснения их происхождения и распространения.

ОСНОВНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ «акинаков» в ордосских бронзах на сегодняшний день представляется следующей (рис. 1).

Класс I: «акинаки» с навершием (кроме «птиц с клювом, направленным вверх») в разных его вариантах. Головы птиц, изображенные на перекрестии, встречаются редко. Подтипы класса I: Ia→Ib→Ic→Id (рис. 1, *1–15*), Io→Ip→Iq (рис. 1, *16–24*).

Класс II: «акинаки» с навершием «птица с клювом, направленным вверх» и его варианты. На перекрестии часто выражена голова птицы. Подтипы класса II: IIa→IIb→IIc→IId (рис. 1, *25–34*).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ «акинаков» по периодам (всего пять стадий). Тип Ia в основном распространен от Урала до Казахстана, а также в Синьцзяне и Туве; тип Ib возрастает количественно и распространяется несколько шире; лишь на стадии типов Io и IIa (ок. VII–VI вв. до н. э.),

1 Кейта Мацумото — Университет Кюсю, 744 Motooka, Nishi-ku, Фукуока, 819-03-95, Япония; e-mail: kibayuboku@lit.kyushu-u.ac.jp; ORCID: 0000-0002-4157-5412.

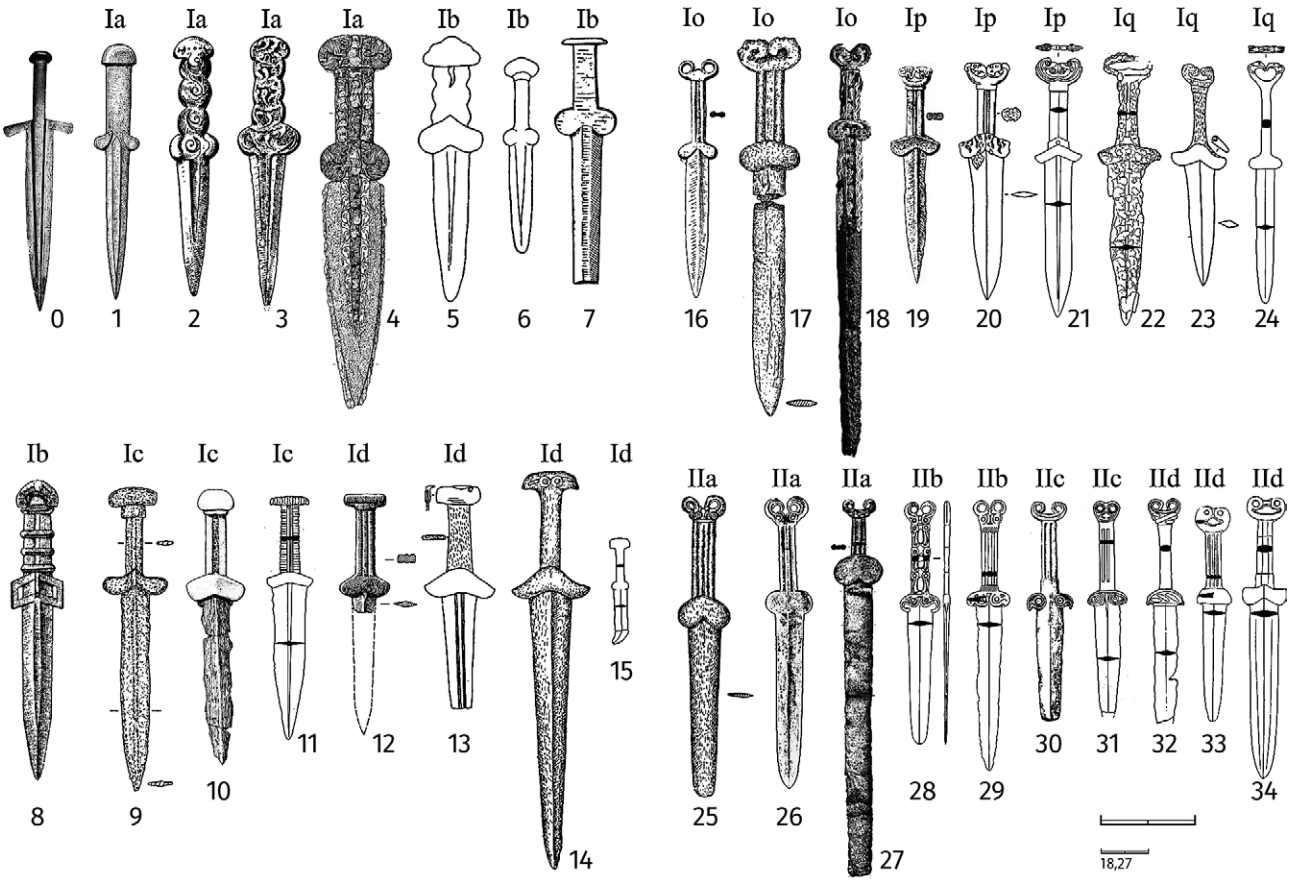

Рис. 1. «Акинаки» типов I и II. Источники: *0* — по: Синьцзян..., 2011; *1*, *2* — по: *Чижевский и др.*, 2020; *3* — по: *Маргулан и др.*, 1966; *4* — по: *Чугунов и др.*, 2017; *5*, *6* — по: *Грязнов*, 1956; *7*, *9* — по: Таиров, 2007; *8* — по: *Таиров*, *Ульянов*, 1996; 10 — по: *Дашковский*, 2020; *11*, *21*, *22*, *24*, *31*, *32* — по: *Тянь Гуанцзинь*, *Го Сусинь*, 1986; *12* — по: *Кызласов*, 1972; *13*, *20*, *23* — по: *Членова*, 1967; *14*, *17*, *25* — по: *Смирнов*, 1961; *15* — по: Нинся вэньу..., 2016; *16*, *19* — по: *Акишев*, 1973; *18* — по: The Golden Deer..., 2000; *26* — по: Хэбэйшэн..., 1966; *27* — по: *Фролов*, 2016; 28, *29*, *33*, *34* — по: *Мицуно*, *Эгами*, 1935; *30* — по: *Loehr*, 1949

Fig. 1. „Akinaks", types I and II. Sources: *0* — after Синьцзян..., 2011; *1*, *2* — after *Чижевский и др.*, 2020; *3* — after *Маргулан и др.*, 1966; *4* — after *Чугунов и др.*, 2017; *5*, *6* — after *Грязнов*, 1956; *7*, *9* — after *Таиров*, 2007; *8* — after *Таиров*, *Ульянов*, 1996; 10 — after *Дашковский*, 2020; *11*, *21*, *22*, *24*, *31*, *32* — after *Тянь Гуанцзинь*, *Го Сусинь*, 1986; *12* — after *Кызласов*, 1972; *13*, *20*, *23* — after *Членова*, 1967; *14*, *17*, *25* — after *Смирнов*, 1961; *15* — after Нинся вэньу..., 2016; *16*, *19* — after *Акишев*, 1973; *18* — after The Golden Deer..., 2000; *26* — after Хэбэйшэн..., 1966; *27* — after *Фролов*, 2016; *28*, *29*, *33*, *34* — after *Мицуно*, *Эгами*, 1935; *30* — after *Loehr*, 1949

производных от класса Ib, «акинаки» появились в Минусинской котловине и районе Великой стены. На следующей стадии (VI–V вв. до н. э.) возникают типы Ic, Ip, IIb и IIc; и, наконец, на более поздней стадии (V–IV вв. до н. э.), соответствующей типам Id, Iq и IId, «акинаки» значительно распространяются по Минусинской котловине и по всей зоне Великой стены.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «акинаков» в зоне Великой стены. Ядро распространения самого раннего типа Ia (от Урала до Казахстана) считается районом происхождения «акинаков». Кинжал из с. Большие Тарханы имеет уплощенную середину лезвия. Кинжалы и мечи с такой особенностью известны в Западной Сибири и Синьцзяне и являются результатом развития карасукских кинжалов (*Matsumoto*, 2021; тип BId). Карасукский кинжал был обнаружен в уезде Хуочэн, Синьцзян (рис. 1, *0*), недалеко от Казахстана. Считается, что морфология навершия типа Ia представляет собой вариант грибовидной формы, встречающейся на кинжалах карасукского типа. Истоки кинжала карасукского типа лежат в Минусинской котловине в XI в. до н. э., а затем этот тип кинжала широко распространился по степной зоне Евразии на восток и запад, включая зону Великой стены и Украину (*Мацумото*, 2015; *Matsumoto*, 2021). «Акинаки» можно считать новым типом, ведущим свое происхождение от карасукских кинжалов на территории от Урала до Казахстана примерно в VIII в. до н. э. Впоследствии, как известно, они распространились в Минусинскую котловину и район Великой стены начиная с VI в. до н. э. Небольшое коли-

чество типов Io и IIa распространилось в VI в. до н. э., а значительное количество — с V в. до н. э. и позднее.

Появление новых традиций в Урало-Казахстанском регионе около VIII–VII вв. до н. э. можно увидеть, например, в наборных поясах, подробно рассмотренных А. Д. Таировым (*Таиров*, 2004) и К. В. Чугуновым (*Чугунов*, 2016). Затем, примерно в VI–V вв. до н. э., некоторые из этих поясных металлических обойм развились и распространились в районе Великой стены (*Мацумото*, 2021). Н. Л. Членова (*Членова*, 1967) отмечает, что кинжалы с рубчатой рукоятью (т. е. «акинаки» в данной работе) появились в Минусинской котловине в VI–V вв. до н. э. (*Там же.* С. 16 сл.), что может относиться и к обсуждаемому выше вопросу.

Первую половину I тыс. до н. э. принято называть «периодом скифо-сибирского мира». По нашему мнению, скифо-сибирский мир можно разделить на две основные фазы — по крайней мере, в восточной части степной зоны Евразии. Более древние традиции в Аржане-1 и Минусинской котловине (где сохранились сильные карасукские корни) показывают, что новые явления возникли на территории от Урала до Казахстана примерно в VIII–VII вв. до н. э. (Кичигино, Уйгарак и т. д., затем Аржан-2) и впоследствии далее распространились. Причины формирования здесь этих новых традиций и их влияние на западную часть евразийских степей станут предметом будущих исследований.

Акишев, 1973 — *Акишев К. А.* Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 43–58.

Дашковский, 2020 — *Дашковский П. К.* Исследование кургана раннего этапа пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол в Северо-Западном Алтае: хронология и атрибуция артефактов // АЭАЕ. 2020. № 1 (48). С. 91–100.

Грязнов, 1956 — *Грязнов М. П.* 1956 Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 8–16.

Кызласов, 1972 — *Кызласов Л. Р.* 1972 Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. Сборник статей, посвящ. 70-летию Артемия Владимировича Арциховского / под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 102–107.

Маргулан и др., 1966 — *Маргулан А. Х.*, *Акишев К. А.*, *Кадырбаев М. К.*, *Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966.

Мацумото, 2015 — *Мацумото К.* Карасукские кинжалы — их происхождение и распространение // НОСА. 2015. № 9. С. 19–34.

Мацумото, 2021 — *Мацумото К.* Мелкие поясные украшения с «загадочными картинками» в скифо-сибирских культурах // Материалы Междунар. симпозиума хакасского эпоса, VIII Междунар. науч. конф. «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвящ. 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия (23–25 сентября 2021 г.). Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 16–19.

Смирнов, 1961 — *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 162 с. (МИА; № 101).

Таиров, 2004 — *Таиров А. Д.* Раннесакские боевые пояса // РА. 2004. № 1. С. 140–145.

Таиров, 2007 — *Таиров А. Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 276 с.

Таиров, Ульянов, 1996 — *Таиров А. Д.*, *Ульянов И. В.* Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции Лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Отв. ред. Н. О. Иванова. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 139–147.

Фролов, 2016 — *Фролов Я. В.* Меч скифского времени — новая находка с территории лесостепного Алтая // АЭАЕ. 2016. № 3 (44). С. 56–62.

Чижевский и др., 2021 — *Чижевский М. Р.*, *Гисматуллин Р. Х.*, *Храмченкова Р. Х.* Кинжал из Больших Тархан с деталями оформления перекрестия в виде рельефной «запятой» // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 47–61.

Членова, 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Чугунов, 2016 — *Чугунов К. В.* Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу Евразийских древностей / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 336–356.

Чугунов и др., 2017 — *Чугунов К. В.*, *Парцингер Г.*, *Наглер А.* Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Loehr, 1949 — *Loehr M.* Ordos Daggers and Knives: New Material, Classification and Chronology. First Part: Daggers // Artibus Asiae. 1949. Vol. 12. P. 23–83.

Matsumoto, 2021 — *Matsumoto K.* The Bronze Age in the Eurasian Steppes // Japanese Journal of Archaeology. 2021. Vol. 8–2. P. 287–328.

The Golden Deer…, 2000 — The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian treasures from the Russian steppes: The State Hermitage, Saint Petersburg, and the Archaeological Museum, Ufa / Ed. by J. Aruz et al. New York; New Haven: Metropolitan Museum of Art; Yale University Press, 2000. XVI, 303 p.

Мицуно, *Эгами*, 1935 — *Мицуно Сэйити*, *Эгами Намио*. Бронзовые изделия Суй–Юань. Район Великой стены и Внутренней Монголии. Токио: Археол. общ-во Восточной Азии, 1935. 205 с. (на япон. яз.).

Нинся вэньу…, 2016 — Нинся вэньу каогу яньцзюсо, Пэнъянсянь вэньу гуаньлисо. Вандаху ю Цзюлуншань (Институт культурного наследия и археологии Нинся, Институт управления культурным наследием префектуры Пэнъян. Вандуху и гора Цзюлун). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2016 (на кит. яз.).

Тянь Гуанцзинь, *Го Сусинь*, 1986 — *Тянь Гуанцзинь*, *Го Сусинь*. Ээрдосиши цинтунци яньцзю. Ээрдосиши цинтунци (Исследования бронз ордосского стиля. Ордосские бронзы). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1986 (на кит. яз.).

Хэбэйшэн…, 1966 — Хэбэйшэн вэньхуа цзюй вэньу гунцзодуй. Хэбэй хуайлай Бэйсиньбао чжаньгому (Группа культурного наследия Бюро культуры провинции Хэбэй. Гробница Синьбао эпохи Чжаньго) // Каогу. 1966. № 5. С. 231–242 (на кит. яз.).

„Akinaks“ from the Ordos Bronzes

Keita Matsumoto[2]

The paper aims to consider „akinaks“ of the Ordos Bronzes complex in the wide Eurasian context. It is shown that these „akinaks“ originated from Karasuk daggers appeared in the area from the Urals to Kazakhstan in the 8th–7th cent. BC and spread to the Minusinsk basin and the Great Wall zone in the 6th–5th cent. BC. Their emergence and distribution may attest the significant change of the Scythian-Siberian world traditions in the 8th–7th cent. BC.

Keywords: *the Early Nomads' epoch, Scythian-Siberian world, akinak, Karasuk dagger, Ordos Bronzes.*

2 Keita Matsumoto — Kyushu University, 744 Motooka, Nishi-ku, Fukuoka, 819-03-95, Japan; e-mail: kibayuboku@lit.kyushu-u.ac.jp; ORCID: 0000-0002-4157-5412.

К проблеме появления железа в Центральной Азии

Р. С. Минасян[1]

Аннотация. *Часть биметаллических ножей тагарской культуры являются сломанными и починенными в древности литыми изделиями. Самые ранние железные кованые ножи, найденные в кургане Аржан-2 в Туве, имитируют конструкцию одновременных им ножей, изготавливаемых в Китае.*

Ключевые слова: *Центральная Азия, Китай, ранний железный век, тагарская культура, Аржан, железо, чугун, ковка, литье.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.190-193

Самая большая (хотя и неполная) сводка биметаллических изделий тагарского времени, найденных в Хакасско-Минусинской котловине, приведена М. А. Дэвлет. В ее работе разновременные кинжалы, чеканы, ножи априори определены как железные кованые изделия с прилитой на железо бронзовой частью (*Дэвлет*, 1968). Относительно же времени и обстоятельств появления железа в азиатских степях России и Казахстана существуют различные мнения.

Есть предположение, что железо сюда попало из Китая (*Киселев*, 1951. С. 180–181, 193, 319). Ю. С. Гришин допускал, что железный компонент в паре с бронзовой деталью являлся заменителем особо ценной меди (*Гришин*, 1960. С. 181). Поскольку следы железоделательного производства тагарского времени в Минусинской котловине не обнаружены, а бронзовожелезные и железные вещи ранее III–II вв. до н. э. здесь прочти не применялись, высказывалось мнение, что найденные железные кинжалы частично представляют ахеменидский импорт и датируются концом этой культуры, а у тагарского населения железоделательное производство отсутствовало (*Членова*, 1967; 1992. С. 214, 221).

Однако возможны иные причины появления на указанных территориях железного и биметаллического оружия, и орудий труда. Нужно отметить, что каждая группа из рассмотренных М. А. Дэвлет изделий имеет свою историю происхождения.

1. Самыми примечательными являются кинжалы. Девять из них имеют железную рукоять и бронзовый клинок. Почти у всех из них навершия рукоятей сделаны в виде двух скульптурных головок грифонов. Сечения рукоятей имеют подобие цифры «8». Перекрестия украшены рельефными фигурками животных (*Дэвлет*, 1968. Рис. 1). Такие же рукояти есть и у бронзовых литых кинжалов, и у кинжалов, сделанных

1 Рафаэль Сергеевич Минасян — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: minasyan1940@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2487-4223.

целиком из черного металла. Есть кинжалы с более сложной формой рукоятей. Помимо них известны клевцы и другие предметы из черного металла, ошибочно считающиеся железными коваными изделиями. Но вещи такой формы невозможно выковать.

Появление этой группы цельных и биметаллических кинжалов с головками грифонов или с фигурками животных на рукоятях и перекрестиях не свидетельствуют о переходном периоде от бронзового века к железному, как считается. Они были не выкованы, а отлиты. Их изначально отлили целыми; те, у которых клинок сломался, починили прилитым бронзовым (*Минасян*, 2004; 2014. С. 94–98; 2021а; 2021б; 2021в).

2. Семь кинжалов имеют бронзовую рукоять и железный клинок (*Дэвлет*, 1968. Рис. 2). Судя по форме прорезных рукоятей, они (по крайней мере, их часть) должны быть более поздними. Не исключено, что некоторые клинки у таких кинжалов окажутся литыми, но визуально это определить невозможно. Если анализы покажут наличие таких изделий — значит, те были сломаны и реставрированы еще в древности.

3. Чеканы с литой бронзовой втулкой и железной ударной деталью — более поздние сравнительно с чеканами, целиком отлитыми из черного металла, подобными найденным в кургане Аржан-2 и на поселении Акбердинское-2. Из-за невозможности выковать предмет такой сложной формы целиком из железа биметаллические чеканы делались в два этапа. На откованном железном стержне воском моделировали втулку и отливали ее затем из бронзы с потерей модели. Здесь представлена начальная фаза освоения техники ковки железа, но с желанием сохранить форму традиционного изделия. В другом случае представлено литье предметов из чугуна, уже давно освоенным способом литья вещей из бронзы. Такие производства осваивались в разных местах независимо друг от друга. Эта тема требует особого рассмотрения.

4. Сложнее выяснить историю происхождения и датировку биметаллических ножей с бронзовыми кольчатыми рукоятями и железными клинками. Судя по фотографиям, их рукоять представляет собой литую втулку с кольцом, надетую на клинок. По форме такие ножи однотипны бронзовым и железным ножам с кольчатыми навершиями (*Членова*, 1967. Табл. 37–39; *Дэвлет*, 1968. С. 130, рис. 3; *Шульга*, 2015. Рис. 91, *25, 26*; 2016. С. 149–150, рис. 46, *7, 12–16, 18, 19*; *Фролов*, 2018). Создание, помимо оружия, биметаллических орудий труда, возможно, свидетельствует о более интенсивном освоении железа тагарским населением (*Дэвлет*, 1968. С. 130–131).

Биметаллические ножи необходимо внимательно обследовать и определить: изначально ли они были такими, или это тоже отремонтированные вещи. Дело в том, что самые ранние железные кольчатые ножи из черного металла на территории России и Казахстана, датируемые второй половиной VII в. до н. э., обнаруженные в Туве в кургане Аржан-2 (*Чугунов*, 2017. С. 349, 379, 415, 436, 450), не имеют бронзовых деталей.

На бронзовых и железных ножах, найденных на территории к востоку от Урала, нет выступов на навершиях внутри колец, затрудняющих формирование такой конструкции ковкой. А на аржанских ножах выступы имеются (рис. 1, *1*, *2*). Поэтому я высказывал предположение, что они были изготовлены не ковкой из железа, а литьем из чугуна (*Минасян*, 2021б), — но оно оказалось ошибочным. Несмотря на то, что технически такие ножи возможно отлить из чугуна, они все же являются коваными железными предметами. Это подтверждается и находками в Китае.

Так, в богатой могиле, датированной периодом царствования Цинь Мугуна (659–621 гг. до н. э.), практически одновременной Аржану-2, найдено много золотых и нефритовых украшений, железные (стальные) кованые мечи, ножи и другие вещи. Самый нарядный меч с ребром жесткости на клинке имеет золотую рукоять, украшенную бирюзой. Интенсивный голубой цвет бирюзы на рукояти и на других золотых украшениях говорит о том, что это новые вещи, не бывшие в употреблении. Об этом же свидетельствует отсутствие следов износа на бронзовых кольчатых удилах. Декор на всех предметах выполнен в традициях китайского изобразительного искусства. Причастность погребального инвентаря из этой могилы, в том числе и ножей, к китайскому производству не вызывает сомнения (Баоцзи…, 2016).

Кроме этих стальных вещей известны в Китае и еще более ранние железные предметы (*Бай Юньсян*, 2005. С. 36), — это подтверждает, что железо там стали вырабатывать не в последних веках I тыс. до н. э., как я писал прежде (*Минасян*, 2021а; 2021б; 2021в), а давно — видимо, раньше, чем чугун. В таком случае остается непонятным, почему китайские оружейники и литейщики, умея делать вещи из железа, основную массу оружия и сельскохозяйственных орудий продолжали изготавливать литьем из бронзы и чугуна вплоть до III–I вв. до н. э. Эта тема также требует особого разговора.

Что касается ножей из упомянутой китайской могилы, то у них на концах рукоятей прикреплены золотые обоймы, втулки и подвижные кольца. Совершенное исполнение этих деталей не оставляет сомнений в том, что в данном случае представлена уже сложившаяся технология подобной работы. Выступы внутри колец на аржанских железных ножах имитируют в упрощенном варианте золотые детали китайских ножей (рис. 1, *3*). Таким образом, можно констатировать, что в кургане Аржан-2 были найдены литые чугунные и железные кованые вещи. Такие производства уже функционировали в Древнем Китае.

Рис. 1. Железные ножи. Вторая половина VII в. до н. э.: *1, 2* — курган Аржан-2, Тува (*1* — могила 5, *2* — могила 22); *3* — ножи из могилы, датированной временем правления Цинь Мугуна (659–621 гг. до н. э.), Китай

Fig. 1. The iron knives. The 2nd half of the 7th cent. BC: *1, 2* — Arzhan-2 burial mound, Tuva (*1* — grave 5, *2* — grave 22); *3* — the knives from the grave dated by the rule of Qin Mugong (659–621 BC), China

Гришин, 1960 — *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху // Гришин Ю. С., Тихонов Б. Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 116–206 (МИА; № 90).

Дэвлет, 1968 — *Дэвлет М. А.* Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее // СА. 1968. № 1. С. 28–37.

Киселев, 1951 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 644 с.

Минасян, 2004 — *Минасян Р. С.* Сибирские железные кинжалы скифского времени // СГЭ. 2004. Вып. LXII. С. 68–71.

Минасян, 2014 — *Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.

Минасян, 2021а — *Минасян Р. С.* Кинжал с фигурной рукоятью из урочища Темирши // Музей — памятник — наследие. 2021. № 1 (9). С. 142–150.

Минасян, 2021б — *Минасян Р. С.* Два ножа из черного металла с золотым накладным декором из кургана Аржан-2 // Музей — памятник — наследие. 2021. № 2 (10). С. 123–134.

Минасян, 2021в — *Минасян Р. С.* Черная металлургия в Древнем Китае // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник науч. статей, посвящ. 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 371–378 (Труды ИИМК РАН; Т. LVII).

Фролов, 2018 — *Фролов Я. В.* Бронзовые ножи с кольцевым навершием скифо-сарматского времени с территории Барнаульского Приобья и юга Обь-Иртышского междуречья // Изв. АлтГУ. Серия: Исторические науки и археология. 2018. № 5 (103). С. 207–214.

Членова, 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Членова, 1992 — *Членова Н. Л.* Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 206–224, 434–441 (Археология СССР).

Чугунов, 2017 — *Чугунов К. В.* Материалы кургана Аржан-2 в контексте периодизации скифских памятников Тувы // Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 163–171.

Шульга, 2015 — *Шульга П. И.* Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: НГУ, 2015. 336 с.

Шульга, 2016 — *Шульга П. И.* Могильник раннескифского времени Гилево-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. 258 с.

Бай Юньсян, 2005 — *Бай Юньсян*. Сяньцинь лянхань теци дэ каогу сюэ яньцзю (Археологический обзор металлической утвари доциньского периода). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2005. 414 с. (на кит. яз.).

Баоцзи…, 2016 — Баоцзи ши каогу яньцзю суо. Институт археологии Баоцзи. Цинь му и чжэнь: Баоцзи Имэнь эр хао чуньцю му (Утраченные сокровища гробницы Цинь: гробница № 2 периода Чуньцю, Имэнь, баоцзи). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. 296 с. (на кит. яз.).

On the problem of iron's introduction in the Central Asia

Rafael S. Minasyan[2]

A part of bimetallic knives of Tagar culture were cast, broken and repaired in the ancient past. The earliest forged iron knives found in Arzhan-2 burial mound, Tuva, imitate the construction of the Chinese knives of the same epoch.

Keywords: *Central Asia, China, Early Iron Age, Tagar culture, Arzhan, iron, cast iron, forging, casting.*

2 Rafael S. Minasyan — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: minasyan1940@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2487-4223.

An introduction to the origin of Yuhuangmiao Culture

Hong Meng[1]

The author undertakes a special analysis on the origin of Yuhuangmiao culture (the Great Wall and adjacent areas, the Early Iron Age). He compares its sites and artifacts with those of Upper Xiajiadian culture, Xibozi Remain and the cultures of the Eurasian Steppe. He concludes that the cultural origin of Yuhuangmiao is relatively complex andits cultural sources are diversified.

Keywords: *Early Iron Age, Northern China, Western Zhou period, Spring and Autumn period, Yuhuangmiao culture, Xiajiadian culture, Xiboziremain, cultures of the Eurasian Steppe.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.193-197

The Yuhuangmiao Culture is a representative relic of the Northern Bronze Culture in the late period of the eastern section of the Great Wall.There is considerable controversy about its origin.From the perspective of cultural nature, distribution area, ethnic type, etc., the key to discussing the origin of Yuhuangmiao Culture lies in the comparative analysis of its early remains and related remains of the late Western Zhou Dynasty and early Spring and Autumn Period in the northern Great Wall and adjacent zones, mainly involving the Upper Xiajiadian Culture, Xibozi Remain, relics of northern culture in central and western parts of the Great Wall in the Zhou Dynasty, and relics of overseas Eurasian Steppe Culture.

The Comparative Analysis with Upper Xiajiadian Culture. The Upper Xiajiadian Culture is a northern bronze culture from the Western Zhou Dynasty to the early Spring and Autumn Period in the eastern section of the Great Wall in the north. The early pottery, weapons and tools,

1 Hong Meng — Hebei University, 180 Wusi East Road, Baoding, People's Republic of China; e-mail: archomer@163.com; ORCID: 0000-0003-3597-2531.

accessories, and horse gear of Yuhuangmiao can be found in this culture with similarities (fig. 1). Two aspects deserve attention. First, are the main types of artifacts in the early period of Yuhuangmiao, such as short-collared pots with plain surface with sand, double-ring-shaped straight-edged short swords, ring-shaped cutting knifes,

The Comparative Analysis with Xibozi Remain. The Xibozi Remain are the remains of northern culture that were basically at the same time as the development period Upper Xiajiadian Culture in the late Western Zhou Dynasty or the early Spring and Autumn Period and had a certain connection.

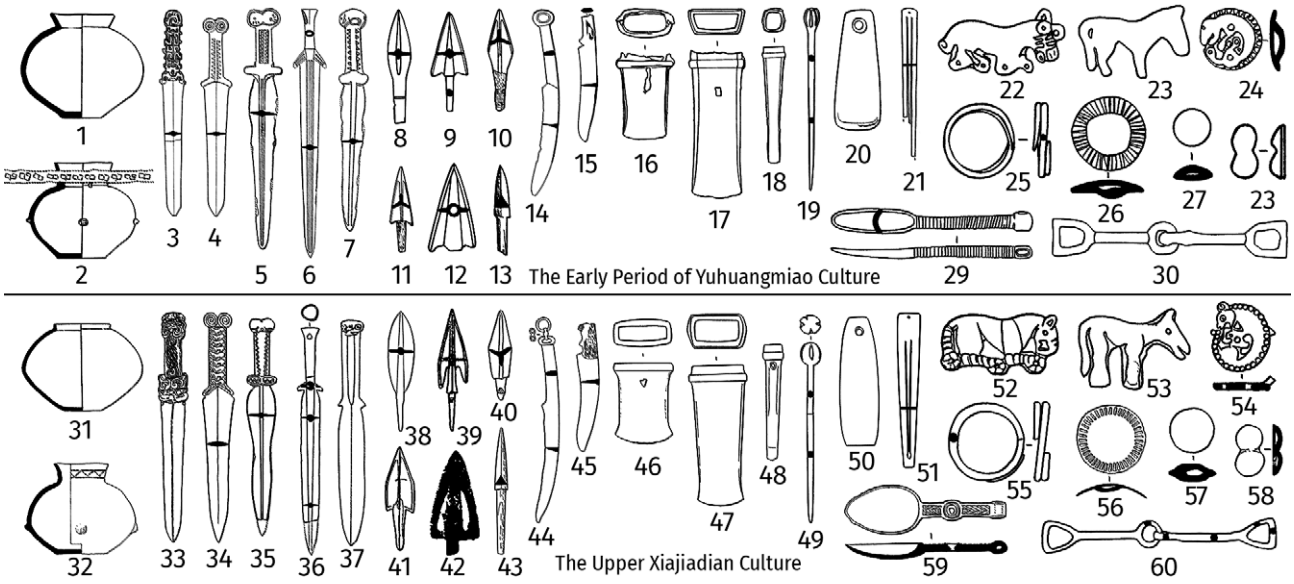

Fig. 1. The comparison between Early Yuhuangmiao Culture and similar artifacts of Upper Xiajiadian Culture. *1, 2, 31, 32* — pot; *3–7, 33–37* — short sword; *8–13, 38–43* — arrowhead; *14, 15, 44, 45* — knife; *16, 46* — axe; *17, 47* — adze; *18, 48* — chisel; *19, 49* — cone; *20, 50* — grind stone; *21, 51* — reed; *22, 23, 52, 53* — medal; *24, 54* — buckle; *25, 55* — earrings; *26, 27, 56, 57* — blister; *28, 58* — duplex beads; *29, 59* — spoon; *30, 60* — horsebit.

1, 2, 31–32 — clay; *3–12, 14–19, 22–30, 33–42, 44–49, 52, 53, 55–60* — copper; *54* — gold; *13, 43* — bone; *51* — bamboo (bone?)

Рис. 1. Сопоставление ранних памятников культуры Юйхуанмяо и сходных артефактов культуры верхнего слоя Сяцзядянь. *1, 2, 31–32* — горшки; *3–7, 33–37* — короткие мечи; *8–13, 38–43* — наконечники стрел; *14, 15, 44, 45* — ножи; *16, 46* — топоры; *17, 47* — тесла; *18, 48* — долота; *19, 49* — пронизки; *20, 50* — точильные камни; *21, 51* — пластины; *22, 23, 52, 53* — нагрудные украшения; *24, 54* — пряжки; *25, 55* — серьги; *26, 27, 56, 57* — декор бляшек; *28, 58* — двойные накладки; *29, 59* — ложки; *30, 60* — удила.

1, 2, 31–32 — керамика; *3–12, 14–19, 22–30, 33–42, 44–49, 52–53, 55–60* — медь; *54* — золото; *13, 43* — кость; *51* — бамбук (кость?)

and three-wing arrowheads. Second is that the two share some artifacts with less northern culture in the same period, such as a straight-edged dagger with a shank handle, a tooth-handled knife, a willow-shaped double-winged arrowhead, bamboo (bone) reeds, and curly animal pattern buckles, which show special characteristics connect. Both also have a wide range of popular utensils, such as hollow-headed axe, hollow-headed adze, hollow-headed chisel, spring-shaped earrings, round bubble ornaments, two-piece bead ornaments, spoon-shaped ornaments, bone arrowheads, perforated sharpening stones, etc., to further strengthen the connection. In addition, the tombs of Yuhuangmiao adopt symbolic stone coffins and accumulated stones in the tomb, which may have been learned from Upper Xiajiadian Culture.

The Upper Xiajiadian Culture played a vital role in the rise of Yuhuangmiao Culture and should be its vital cultural source.

The content of Xibozi is less, but it has more similarities with Yuhuangmiao in the early and middle stages. Both of them have double-eared scorpions, empty-headed axes, empty-headed adzes, flat-handled spoons, round bubble ornaments, etc. (fig. 2), which account for a relatively high proportion of Xibozi utensils. Compared with upper Xiajiadian, Xibozi has three special connections with Yuhuangmiao. First, the location later belonged to the core distribution area of Yuhuangmiao Culture. Second, they all use copper scorpions, and there is no copper scorpion in Xiajiadian. Third, the arrangement of Zhou Dings is considered to be influenced by the "Tripod Lining System" that appeared after the middle of the Western Zhou Dynasty in the Central Plains, or people they belong to imitate the ritual system of the Central Plains.

From above analysis, especially from the perspective of comparison with upper Xiajiadian, Xibozi have more special connections with Yuhuangmiao. In early Yuhuang-

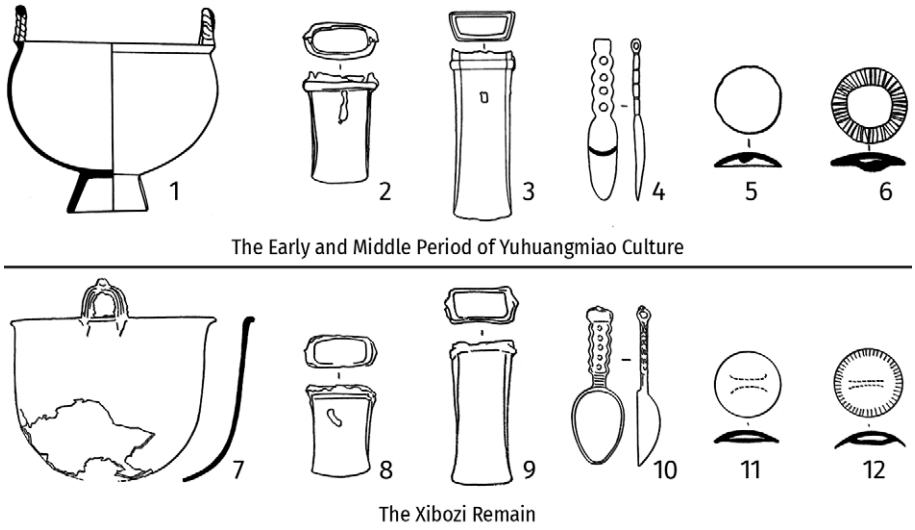

Fig. 2. The comparison between the Early and Middle Period of Yuhuangmiao Culture and the same kind of Xibozi Remain. *1, 7* — kettle; *2, 8* — axe; *3, 9* — adze; *4, 10* — spoon ornament; *5, 6, 11, 12* — blister.

1, 7 — copper (bronze?); *2–6, 8–12* — copper

Рис. 2. Сопоставление раннего и среднего периодов культур Юйхуанмяо и находок из Сибоцзи. *1, 7* — котлы; *2, 8* — топоры; *3, 9* — тесла; *4, 10* — декор ложки; *5, 6, 11, 12* — бляшки.

1, 7 — медь (бронза?); *2–6, 8–12* — медь

miao, the content similar to upper Xiajiadian and Xibozi is more likely to come from the latter.

The Comparative Analysis of the Northern Cultural Relics Before and After the Zhou Dynasty with the Adjacent Areas in the Central and Western Regions of the Great Wall

The central and western adjacent areas of the Great Wall mainly include central and southern Inner Mongolia, northern Shaanxi, northern Shanxi, eastern Gansu and Guanzhong zones. The contents involved mainly include tiger-shaped plaques, checkered swords, copper scorpions and belt buckles (fig. 3). The first three types of similar artifacts were also found in upper Xiajiadian, Xibozi, etc., and discussed together with the background of the unearthed.

The tiger-shaped plaques found in Yucun in the Zhou Dynasty, together with those in upper Xiajiadian and in early days of Yuhuangmiao, are all in a squatting style, belonging to a large category (fig. 3, *2*, *4*, *14*). Similar artifacts have not been found in upper Xiajiadian in the early stage. It is said that Zhouyuan had unearthed those in the middle of the Western Zhou Dynasty.

Flower lattice swords were unearthed in Yucun, the early period of Yuhuangmiao, and upper Xiajiadian. The first two have semicircular animal heads with narrow lattice parts (fig. 3, *1*, *13*), the lattice is wider and the shank is hollow (fig. 1, *33*), the first two being more similar.

Yucun'schequered sword and tiger-shaped plaque are both from M1. The tomb was buried in a vertical pit. The single person is upright and his head is facing east. The combination of utensils and the burial customs are similar to M18 in the early Yuhuangmiao. The combination of the lattice sword and the tiger-shaped plaque in upper Xiajiadian is unclear, and the funeral customs are quite different from those of Yuhuangmiao. It is further explained that in early period of Yuhuangmiao, the lattice swords and tiger-shaped plaques may have originated from the Guanzhong region of eastern Gansu.

In Wangjia Village, central and southern Inner Mongolia, etc., the northern-style copper scorpion was discovered earlier than the Yuhuangmiao bronze scorpion (fig. 3, *3*, *5*, *15*). It may have developed to a certain stage in Wangjia Village and other bronze scorpions. product or variant.

The buckles were found in Ximaqing and Zhangping, from the late Western Zhou Dynasty to the mid-Spring and Autumn Period. The early ring-shaped buckle of Yuhuangmiao should have originated from the middle section of the Great Wall. In addition, the local knives, three-edged arrowheads, spring-type earrings, and small copper rings are similar to those of the early Yuhuangmiao (fig. 3, *6–13*, *16–22*).

The remains in the north before and after the Zhou Dynasty between the central and western regions of the Great Wall are a vital aspect of the source of early artifacts of Yuhuangmiao.

The Comparative Analysis of Remains Related to Overseas Eurasian Steppe Culture. At the beginning of the 1st millennium BC, the nomadic society of the Eurasian steppe began to rise, creating a large number of nomadic cultures. There are many early contents of Yuhuangmiao, such as three-edged arrowheads, double-winged arrowheads, ring-headed knifes, the empty-headed axe, ring-button buckles, spring-type earrings, radiation pattern bubble,

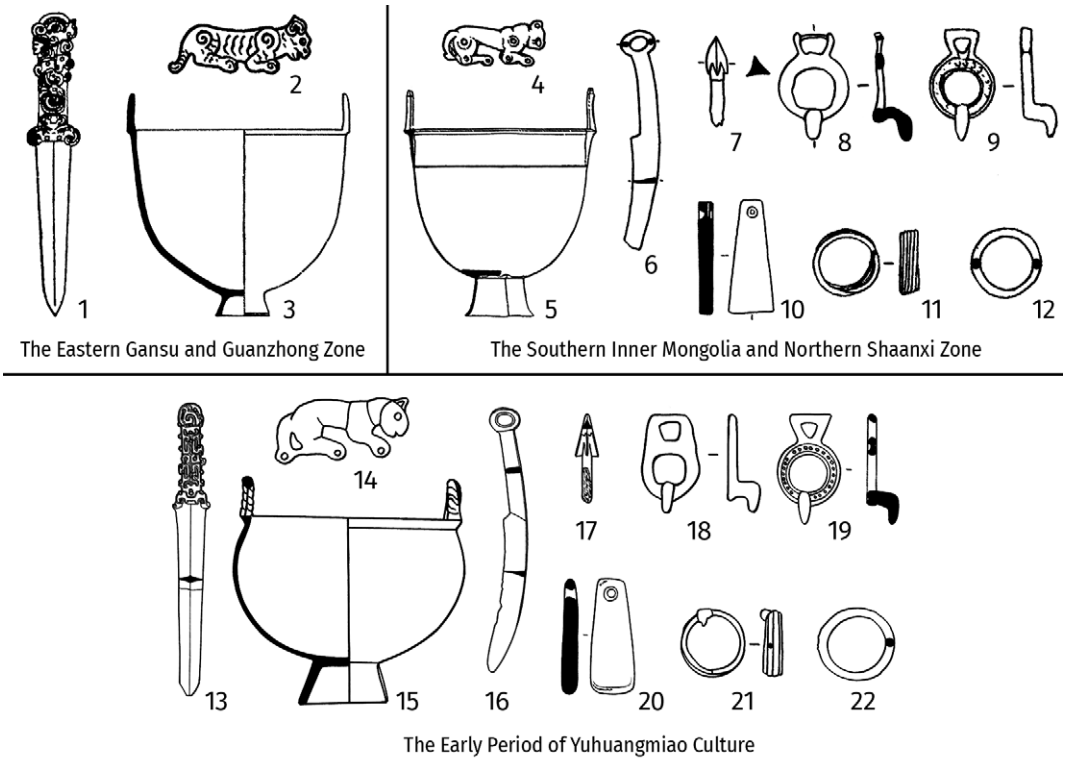

Fig. 3. The comparison of the early relics of Yuhuangmiao Culture and similar relics from the north before and after the Zhou Dynasty in the adjacent area of the Great Wall. *1, 13* — short sword; *2, 4, 14* — medal; *3, 5, 15* — kettle; *6, 16* — knife; *7, 17* — arrowhead; *8, 9, 18, 19* — buckle; *10, 20* — grind stone; *11, 21* — earrings; *12, 22* — ring.

1–9, 11–19, 21, 22 — copper; *10, 20* — stone

Рис. 3. Сопоставление ранних артефактов культуры Юйхуанмяо и их северных аналогов до- и послечжоуского периода из окрестностей Великой стены. *1, 13* — короткие мечи; *2, 4, 14* — нагрудные украшения; *3, 5, 15* — котлы; *6, 16* — ножи; *7, 17* — наконечники стрел; *8, 9, 18, 19* — пряжки; *10, 20* — точильные камни; *11, 21* — серьги; *12, 22* — кольца.

1–9, 11–19, 21, 22 — медь; *10, 20* — камень

mirror-shaped ornaments, and S-shaped pattern covers, bow-shaped ornaments, double bead ornaments, curly animal pattern buckle ornaments, tiger-shaped plaque ornaments, spoon-shaped ornaments, beads-stick-shaped ornaments, single-ringed horsebits, double-ringed horsebits, etc., are common to many grassland cultures (fig. 4).

There are many similar factors in the slate tomb culture mainly distributed in central and eastern Mongolia and the Trans-Baikal region of Russia. However, the current understanding of the chronology of overseas grassland culture is not accurate enough, and the connection between some remains and the early Yuhuangmiao to be confirmed. For example, do similar elements mean the origin of the latter, the content of the interaction between the two, or something else? However, artifacts such as beads-stick-shaped ornaments (fig. 4, *16, 34*) have not yet been found in upper Xiajiadian, and were rarely seen before the mid-Spring and Autumn Period in the central and western sections of the Great Wall. Such artifacts in the early Yuhuangmiao may have originated from the slate tomb culture. The rise of Yuhuangmiao Culture should have absorbed some foreign grassland Bronze Culture factors.

Preliminary Understandings of the Cultural Origin of Yuhuangmiao. There are several preliminary understandings of the origin of Yuhuangmiao Culture as follows.

The Upper Xiajiadian culture has a comprehensive impact on the rise of Yuhuangmiao Culture. The Xibozi Remain show a closer relationship with Yuhuangmiao It is of great value to find out the identity of the owner of Xibozi hoard for in-depth revealing of ethnic issues of Yuhuangmiao Culture. The proximity of the Great Wall in the north to the central and western cultures is a vital aspect that constitutes the source of early artifacts of Yuhuangmiao Culture. In the process of the rise of Yuhuangmiao Culture, some elements of the grassland culture outside the country should also be absorbed.

The cultural origin of Yuhuangmiao is relatively complex. It is likely that the indigenous population in the northern Great Wall zone was bred under the influence of multiple cultures. The cultural sources are diversified, and early remains near the mountains in northern Hebei Province account for a large proportion. Further discussion is needed on its genus formation.

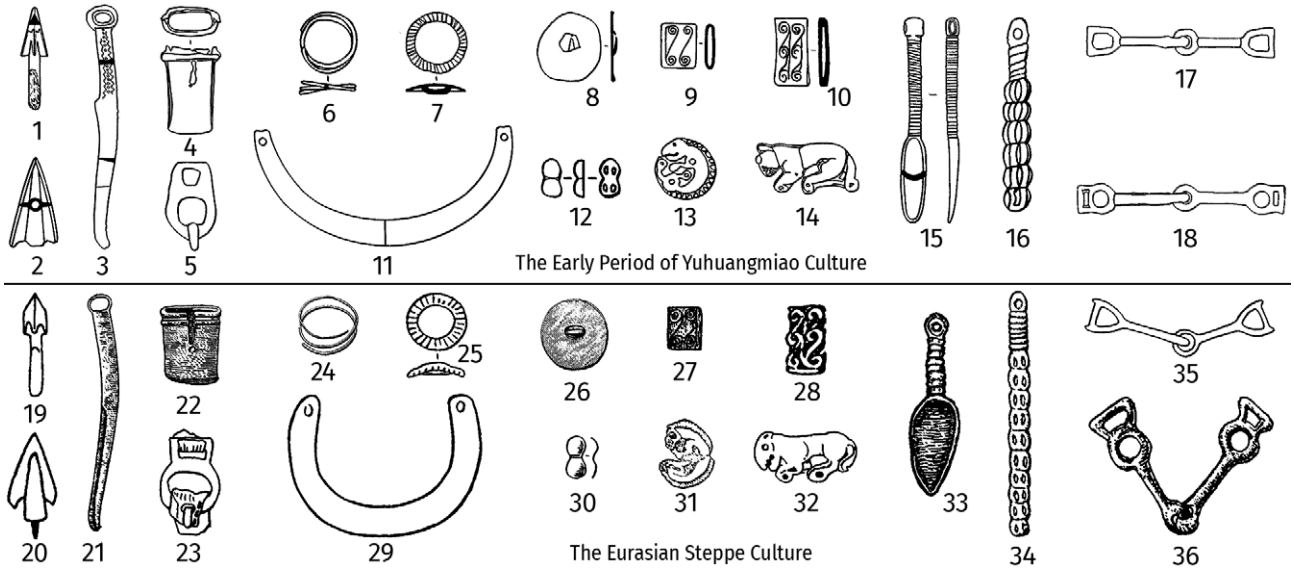

Fig. 4. The comparison between the early artifacts of Yuhuangmiao Culture and similar artifacts of the Eurasian Steppe cultures abroad. *1, 2, 19, 20* — arrowhead; *3, 21* — knife; *4, 22* — axe; *5, 13, 23, 31* — buckle; *6, 24* — earrings; *7, 25* — blister; *8, 26* — mirror; *9, 10, 27, 28* — suit; *11, 29* — bow; *12, 30* — duplex beads; *14, 32* — medal; *15, 33* — spoon; *16, 34* — beaded stick; *17, 18, 35, 36* — horsebit.

1–10, 12–15, 17–23, 25–28, 30–33, 35, 36 — copper; *11, 24, 29* — gold; *16, 34* — brass

Рис. 4. Сопоставление ранних артефактов культуры Юйхуанмяо и их аналогов в культурах Евразийской степи. *1, 2, 19, 20* — наконечники стрел; *3, 21* — ножи; *4, 22* — топоры; *5, 13, 23, 31* — пряжки; *6, 24* — серьги; *7, 25* — бляшки; *8, 26* — зеркала; *9, 10, 27, 28* — украшения одежды; *11, 29* — пекторали; *12, 30* — двойные бусины; *14, 32* — нагрудные украшения; *15, 33* — ложки; *16, 34* — рельефные стержени; *17, 18, 35, 36* — удила.

1–10, 12–15, 17–23, 25–28, 30–33, 35, 36 — медь; *11, 24, 29* — золото; *16, 34* — латунь

К вопросу о происхождении культуры Юйхуанмяо

Хун Мэн[2]

Аннотация. *Автор исследует проблему происхождения культуры Юйхуанмяо (области вокруг Великой стены, ранний железный век). Памятники и артефакты культуры сопоставлены с верхними слоями культуры Сяцзядянь, находками из Сибоцзи и синхронными культурами евразийской степи. Сделан вывод о сложности генезиса Юйхуанмяо и разнообразии ее культурных компонентов.*

Ключевые слова: *ранний железный век, Северный Китай, период Западного Чжоу, период Весны и Осени, культура Юйхуанмяо, культура Сяцзядянь, находки из Сибоцзи, культуры Евразийской степи.*

2 Хун Мэн — Университет Хэбэй, 180 Wusi East Road, Баодин, Китайская Народная Республика; e-mail: archomer@163.com; ORCID: 0000-0003-3597-2531.

Планиграфия элитного кургана тасмолинской археологической культуры[1]

М. К. Хабдулина[2]

Аннотация. *Интенсивное исследование крупных курганов тасмолинской археологической культуры ведется с конца XX в. К настоящему времени раскопано около 40 курганов. Архитектура элитных курганов по сложности и многокомпонентности вписывается в единый для степной Евразии процесс развития скифо-сакского мемориального зодчества. В 2021 г. в Акмолинской области начались работы на крупном могильнике Баубек батыр. В статье дана характеристика редкого по планиграфии кургана 3, показывающего разнообразие архитектурного облика культовых сооружений сакской эпохи.*

Ключевые слова: *Ишим, саки, тасмолинская культура, элитные курганы, Баубек батыр, планиграфия.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.198-200

История исследования степных элитных курганов насчитывает более 200 лет; за этот период неоднократно менялась методика их раскопок. Первоначально, в конце XIX — начале XX в. раскапывался только центр кургана, поэтому полученная информация касалась в основном конструкции могильных ям. Во второй половине XX в. масштабные раскопки царских курганов скифов, савроматов и саков дали представление о наземных конструкциях, дромосах, подземных ходах, мощных бревенчатых и глинобитных постройках (*Акишев*, *Кушаев*, 1963; *Грязнов*, 1980; *Мозолевський*, 1983). Постепенно сформировалось представление, что курган — это сложное архитектурное сооружение (*Грязнов*, 1961. С. 22–25).

В последние десятилетия методически тщательные раскопки больших курганов степной Евразии выявили их полифункциональное назначение не только как погребальных сооружений, но и как своеобразных храмов-святилищ (*Хабдулина*, 2016. С. 137). Их возведение связано с проведением особых культов и ритуалов, возможно, сезонных церемоний. Установлено, что эти святилища строились в несколько этапов, и после осуществления всех циклов ритуальных действий подкурганная площадка перекрывалась единой насыпью (*Парцингер и др.*, 2003. С. 29–37; *Чугунов*, 2011. С. 282–286).

В степной зоне Казахстана раскопки элитных курганов тасмолинской археологической культуры ведутся со второй половины XX в. Всего к настоящему времени раскопано 40 крупных курганов диаметром 30–50 м, высотой 2–6 м (Казахстан…, 2017. С. 66–67). Их изучение позволяет проследить особенности архитектурного степного зодчества.

«Царский» курган тасмолинской культуры возводился над одной могильной ямой. Обязательными являются каменные крепиды, валы, менгиры, дромосы. В последние годы в конструкции курганов открыты каменные изваяния (*Хабдулина*, 2019. С. 27–28; *Бейсенов*, 2021. С. 264, рис. 3).

Могильные ямы неглубокие (0,5–0,7 м), над ними возведены полые сводчатые сооружения из плитняка сухой кладкой (Нуркен-2, Талды-2, Карашокы), глинобитные полые конструкции (Акбеит, курган 7), центр курганов окружен каменной стеной, стеной из глиняных «вальков» (Сыгнак) (Казахстан…, 2017. С. 44–45, 77–83). Внутри них открыты различные архитектурные объемы в виде отдельных глиняных холмиков или многокамерных сооружений из глины.

Методическим требованием раскопок крупных курганов последнего десятилетия стало обследование неинвазивными методами (до раскопок) территории, прилегающей к наземной архитектуре. Околокурганная периферия оказалась важной составляющей частью единого культового пространства, на которой проходили сложные ритуалы и обряды. Здесь выявлены разнообразные по планиграфии и составу конструкции в виде каменных колец, выкладок, «дорожек», «лучей», менгиров, более поздних погребальных сооружений. Каждый отдельный культовый мемориал представляет собой сложный и многозначный погребально-поминальный комплекс (*Самашев и др.*, 2012. С. 226–239; *Онгар и др.*, 2013. С. 124–130; *Онгарулы и др.*, 2020; также см.: *Молодин и др.*, 2015. С. 71–72).

В 2021 г. Ишимская археологическая экспедиция Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева приступила к изучению крупного могильника Баубек батыр, расположенного в 13 км к югу от с. Ишимское Жаксынского р-на Акмолинской обл. Географически это пустынно-степная зона Тургайской провинции. Выбор могильника Баубек батыр связан с несколькими

1 Статья подготовлена по гранту AP09261134 Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

2 Марал Калымжановна Хабдулина — Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, ул. Сатпаева, д. 2, Астана, 010008, Республика Казахстан; e-mail: mk_khabdulina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7195-5723.

факторами. Он велик по площади и по количеству курганов — 12 крупных насыпей. К его территории примыкают различные типы древних и средневековых объектов. Памятник находится на правом берегу Ишима, в 50 км восточнее его излучины — резкого поворота русла реки с широтного на меридиональное направление. В этом месте в Ишим впадает с юга его левый приток — р. Терисаккан. Такое расположение свидетельствует, что могильник находится в уникальном геостратегическом пункте, где сосредотачивались миграционные, кочевые и караванные пути.

Цепочка курганов могильника протянулась на 4,8 км по краю коренной террасы по линии СВ–ЮЗ. Расстояние между насыпями от 0,3 до 1,1 км. Курганы диаметром 30–80 м, высотой 2–5 м, насыпи их когда-то имели каменное покрытие, которое большей частью не сохранилось.

Самым масштабным погребальным сооружением является курган 3, его координаты: 51°27’19.50’’ N, 67°10’78.89’’ E (рис. 1). Он выделяется монументальностью и сложной планиграфией, сочетающей в наземной архитектуре кольцевой ров с дополнительными углублениями. Диаметр кургана со рвом составляет 102 м, высота — 3,85 м. В вертикальном разрезе курган трехступенчатый. Внизу — уровень окружающей поверхности, выше — платформа диаметром около 80 м. В центре платформы, окруженной рвом, высится насыпь диаметром 60 м. Внутренняя линия рва отстоит от подошвы насыпи на 12–14 м. Насыпь сложена из глины, камни выкорчеваны, поэтому на склонах кургана много проплешин. Ширина рва варьирует от 10 до 14 м. Ров по вертикальной стратиграфии — двуслойный. В его пределах сделаны 18 углублений. С западной стороны ров имеет разрыв шириной 28 м.

Курган 3 имеет курганы-спутники. Один из них расположен в 50 м севернее внешнего края рва кургана 3. Насыпь земляная, диаметр 20 м. Его центральная ось является продолжением меридиональной оси кургана 3. В 28 м юго-восточнее кургана 3 находится небольшая насыпь со рвом аналогичной формы.

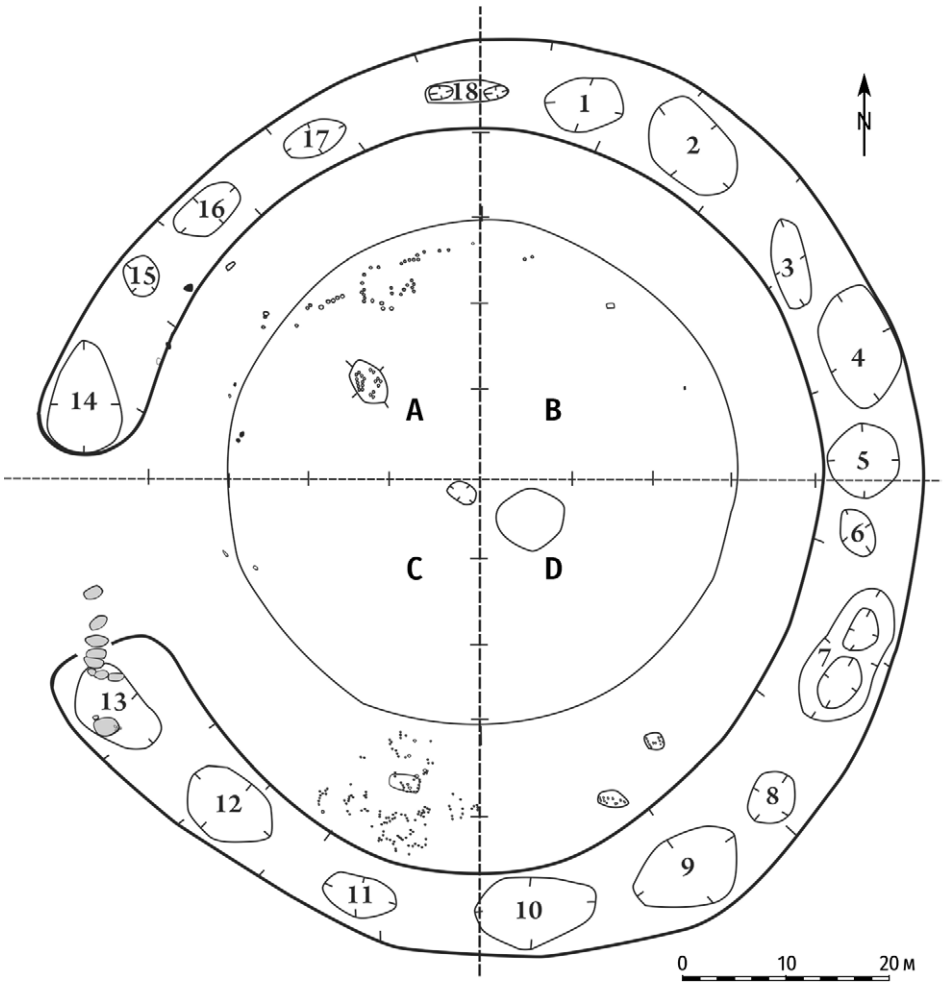

Рис. 1. Могильник Баубек батыр, курган 3. Планиграфия (*1–18* — ямки-углубления во рву)

Fig. 1. Baubek batyr burial ground, barrow 3. Planigraphy (*1–18* — pits in the ditch)

Работы 2021 г. были сосредоточены на тщательном изучении и фиксации пространственной планировки могильника, изучении природного и исторического ландшафта. Курган 3 могильника Баубек батыр является примером разнообразия архитектурного облика крупных курганов тасмолинской археологической культуры.

Акишев, 1974 — *Акишев К. А.* Курган Иссык. Предварительные итоги раскопок // В глубь веков / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 61–77.

Акишев, Кушаев, 1963 — *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 300 с.

Бейсенов, 2021 — *Бейсенов А. З.* Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартас // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник науч. статей, посвящ. 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 261–277 (Тр. ИИМК РАН; Т. LVII).

Грязнов, 1961 — *Грязнов М. П.* Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М.: б. и., 1961. С. 22–25.

Грязнов, 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, ЛО, 1980. 60 с.

Казахстан…, 2017 — Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2017. 228 с.

Мозолевський, 1983 — *Мозолевський Б. М.* Скіфский степ. Київ: Наукова думка, 1983. 199 с.

Молодин и др., 2015 — *Молодин В. И., Парцингер Г., Наглер А.* Совместные российско-германские исследования в Сибири // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 70–79.

Онгар и др., 2013 — *Онгар А., Самашев З., Киясбек Г. и др.* Изучение околокурганного пространства кургана № 1 могильника Тортоба (по материалам 2013 г.) // Тр. филиала ИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Изд. гр. ФИА им. А. Х. Маргулана, 2013. Т. II. С. 124–130.

Онгарулы и др., 2020 — *Онгарулы А., Пён Ёнхван, Нам Санвон и др.* Катартобе. Некрополь сакской элиты Жетысу. Нур-Султан; Тэджон: б. и., 2020. 464 с.

Парцингер и др., 2003 — *Парцингер Г., Зайберт В., Наглер А., Плешаков А.* Большой курган Байкара. Исследование скифского святилища. Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 2003. 280 с.

Самашев и др., 2012 — *Самашев З., Парцингер Г., Наглер А. и др.* Предварительные результаты исследований Казахстанско-Германской экспедиции в 2009 г. // Маргулановские чтения–2012: Материалы науч.-практ. конф. Астана: Изд. гр. ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2012. С. 226–239.

Хабдулина, 2016 — *Хабдулина М. К.* Храмы-святилища сакской эпохи Северного Казахстана // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 137–149.

Хабдулина, 2019 — *Хабдулина М. К.* Новое в изучении тасмолинской археологической культуры Сарыарки // Turkic Studies Journal. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 21–33.

Чугунов, 2011 — *Чугунов К. В.* Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы хронологии // РАЕ. 2011. № 1. С. 262–335.

The planigraphy of the Tasmola archaeological culture elite burial mound

Maral K. Khabdulina[3]

The active research of large barrows of the Tasmola culture has been conducted since the end of the 20th cent. About 40 barrows have been excavated to date. The architecture of elite burial mounds in terms of complexity and multicomponence fits into a unite process of development of Scythian-Saka memorial architecture of the Eurasian steppe. Since 2021 a large burial ground of Baubek Batyr (Akmola region) has been excavated. The article gives a characteristic of the barrow 3, rare in terms of planigraphy, which shows a variety of architectural appearance of the Saka era religious buildings.

Keywords: *the Ishim River, the Saka era, Tasmola culture, elite burial mounds, Baubek batyr burial ground, planigraphy.*

[3] Maral K. Khabdulina — L. N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpaev St., Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; e-mail: mk_khabdulina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7195-5723.

Об астрочислах коней из больших курганов Саяно-Алтая VIII–IV вв. до н. э.

Л. С. Марсадолов[1]

Аннотация. *С каждым годом растет число научных работ, посвященных не только многочисленным предметам из курганов Саяно-Алтая, но и погребенным там коням. Число коней в больших курганах значительно варьирует, и это требует объяснения (табл. 1). Археологи предлагают те или иные гипотезы на этот счет или просто не придают этому значения. В данной статье предпринята попытка объяснить численность коней в больших курганах, исходя из реконструируемых солнечных и лунных культов, астрономических объектов и знаний этого периода, что находит подтверждение как в сообщении Геродота, так и в археологических материалах.*

Ключевые слова: *Саяно-Алтай, ранний железный век, курган, погребение, конь, число.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.201-204

История изучения больших курганов Саяно-Алтая объемна, многогранна и сравнительно хорошо изучена (*Руденко*, 1960; *Марсадолов*, 1996; и др.). В раскопки и изучение больших и средних курганов значительный вклад внесли В. В. Радлов, С. И. Руденко, М. П. Грязнов, С. С. Сорокин, А. А. Гаврилова, М. Х. Маннай-оол, Н. В. Полосьмак, З. С. Самашев, К. В. Чугунов, Г. Парцингер, А. Наглер и др.

Число коней в курганах Саяно-Алтая. В ходе раскопок больших и средних курганов археологи зафиксировали разное число погребенных в них лошадей (табл. 1).

В самом крупном и раннем на Саяно-Алтае кургане-храме Аржан-1 в деревянных камерах и проходах были найдены останки 161 верхового коня (+ 15–20 хвостов), «принесенных в дар подвластными пле-

Таблица 1. Число коней в больших и средних курганах Саяно-Алтая

Table 1. The number of the horses in the big and medium barrows of the Sayano-Altai

Число коней	**Курган**	**Регион/район**	**Дата (до н. э.)**
1, 2 (2 раза), **3, 4, 5, 6, 7** (2 раза), **8, 10, (12), 13, 15, 18, 30** (2 раза)	**Аржан-1**	**Тува**	**Конец IX в. (~ 808 г.)**
14	Аржан-2	Тува	Вторая половина VII в.
	Башадар-2	Центральный Алтай	Первая половина VI в.
	Пазырык-4	СВ Алтай	Вторая половина V в.
	Пазырык-3	СВ Алтай	Вторая половина V в.
	Шибе	Центральный Алтай	IV в.
16	Большой Берельский	ЮЗ Алтай	Вторая половина VI в.
13	Берель, кург. 11	ЮЗ Алтай	Первая половина V в.
10	Берель-10	ЮЗ Алтай	Первая половина V в.
	Башадар-1	Центр. Алтай	VI в.
	Кутургунтас	ЮЗ Алтай	Первая половина V в.
	Пазырык-1	СВ Алтай	V в.
9 (5 + 4 для колесницы)	Пазырык-5	СВ Алтай	Конец V в.
9	Ак-Алаха-1, кург. 1	ЮЗ Алтай	Первая половина V в.
8	Туэкта-1	Центральный Алтай	Первая половина VI в.
	Туэкта-2	Центральный Алтай	Первая половина VI в.
7	Пазырык-2	СВ Алтай	Середина V в.
6	Ак-Алаха-5, кург. 1	ЮЗ Алтай	Первая половина V в.
22 (9 + 8 + 5)	Катанда	ЮЗ Алтай	IV в.

1 Леонид Сергеевич Марсадолов — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: marsadolov@hermitage.ru; ORCID: 0000-0002-0480-2225.

менными подразделениями» (*Грязнов*, 1980. С. 52). Число коней в более поздних курганах пазырыкской культуры на Алтае (рис. 1, *8*) М. П. Грязнов также связывал с дарами племенному вождю от подвластных родовладык. Например, племя, вождь которого погребен в Первом Пазырыкском кургане, состояло из 10 родов. Число коней в курганах обычно равно 5, 7, 8 или их кратной величине — 10, 14, 16, что «позволяет предполагать искусственное двухстепенное строение племени, соответствующее делению его на фратрии и роды» (*Грязнов*, 1950. С. 70–71).

О связях жертвоприношений коней с культом Солнца и Луны. Многие археологи согласны, что круглая конструкция с лучами, состоящая из деревянных срубов в Аржане-1, напоминает символ Солнца (рис. 1, *3*). Описывая обряды у племени массагетов, Геродот отметил: «*Из богов почитают только Солнце, которому они приносят в жертву коней. Смысл этого жертвоприношения таков: самому быстрому из богов они отдают самое быстрое из смертных существ*» (*Hdt.* I. 216).

Число коней, погребенных в отдельных камерах кургана Аржан-1, отражает определенную символику (рис. 1, *1–4*). Наибольшее число коней захоронено в восточной части кургана: 30 + 30 + 15 + 3 + 12 = 90, что, вероятно, соответствовало трем месяцам, или одному сезону года (рис. 1, *4*). Всего в Аржане-1 было погребено около 180 коней (= полгода). Идея: Восток = Весна = Восход Солнца = Рождение = Возрождение (годичного природного цикла Жизни и Смерти) является определяющей для этого памятника (*Марсадолов*, 2009). Следует отметить, что, расположив по группам погребенных коней из Аржана-1 в порядке возрастания чисел, мы получим следующий ряд цифр: **1, 2** (2 раза), **3, 4, 5, 6, 7** (2 раза), **8, 10,** (**12** — сумма, из прохода камеры № 25–26), **13, 15, 18, 30** (2 раза).

В астрономии число **30** связано с солнечным месяцем, его половина — **15** дней, декада — **10** (1/3 от 30) и полдекады — **5** дней. Эти числа, равно как и **12** (солнечный год), **6** (полгода, 6 значимых направленных восходов и заходов солнца в дни равноденствий и солнцестояний), в основном связаны с культом Солнца. Числа **7** (лунная неделя), **14** (полумесяц, состоящий из 2 недель по 7 дней), а также **8** (число значимых направлений восходов и заходов высокой и низкой северной и южной луны + **16**), **9** (период беременности и родов у женщин + **18**) и **13** (год из 13 лунных месяцев по 28 дней) больше связаны с культом Луны.

Рядом с центральной камерой в Аржане-1 были погребены **6** коней и далее — **12** коней (проход между камерами № 25 б, 26 а–б), **15** (камера № 5), **30** (камера № 2), **3** (проход № 2–3) и **30** (камера № 3). Эти камеры находились *в восточной части* кургана, а числа коней связаны со значимыми *солнечными периодами*, так же как и числа **5** (камера № 34 а) и **10** (камера № 31) — в *северной* части.

Числа коней *в южной и западной* частях кургана: **18** (камера № 20), **8** (камера № 17), **7** (камера № 13), **2** (камера № 68), **13** (камера № 37), **2** (камера № 10) — значимы для расчетов *лунных периодов*.

Схожую картину дают курганы Прикубанья: в Ульском ауле (VI в. до н. э.) было погребено ~ 360 лошадей (= 1 год); в ст. Воронежская, № 19 (V–IV вв. до н. э.) — 30 коней (= 1 месяц); в Келермесе (VII в. до н. э.), № 1–12 + 12 = 24 и № 2–8 + 8 = 16 коней (рис. 1, *5–7*).

В кургане Аржан-2 в Туве под насыпью в восточной части было погребено в ряд 14 коней головой к центру (*Чугунов и др.*, 2017). Вероятно, число 14 означало половину лунного месяца, что дополнительно подтверждают 14 золотых налобников коней именно в форме полумесяца (рис. 1, *10*).

Среди украшений конского снаряжения в Аржане-1 и в больших курганах Алтая пазырыкской культуры были найдены предметы с солнечной и лунарной символикой (рис. 1, *9–14* — см.: *Грязнов*, 1950; 1980; *Руденко*, 1953; 1960; *Полосьмак*, 1994; и др.).

Отмеченные выше астрочисла, связанные со значимыми суточными, недельными, декадными, полумесячными, месячными, сезонными, полугодовыми и годовыми календарными солнечными и лунными периодами, совпадают с основными вариантами численности коней, погребенных в больших курганах Саяно-Алтая, причем эти традиции сохранялись столетиями (табл. 1). Эти числа появились и у саяно-алтайских кочевников не случайно, а в результате длительных астрономических наблюдений в этом регионе, о чем свидетельствуют найденные в 1990-е гг. и позднее астропункты для временных и длительных наблюдений, а также создание курганов-храмов, каменных изваяний и петроглифов с солярными и лунарными образами, с рисунками небесных созвездий (*Марсадолов*, 2009; 2022).

Грязнов, 1950 — *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.

Грязнов, 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, ЛО, 1980. 64 с.

Марсадолов, 1996 — *Марсадолов Л. С.* История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н. э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб.: Вичи, 1996. 100 с.

Марсадолов, 2009 — *Марсадолов Л. С.* Курган Аржан-1 в Центре Азии (геополитический и астрономический аспекты) // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Кызыл: КЦО «Аныяк», 2009. Ч. I. С. 59–63.

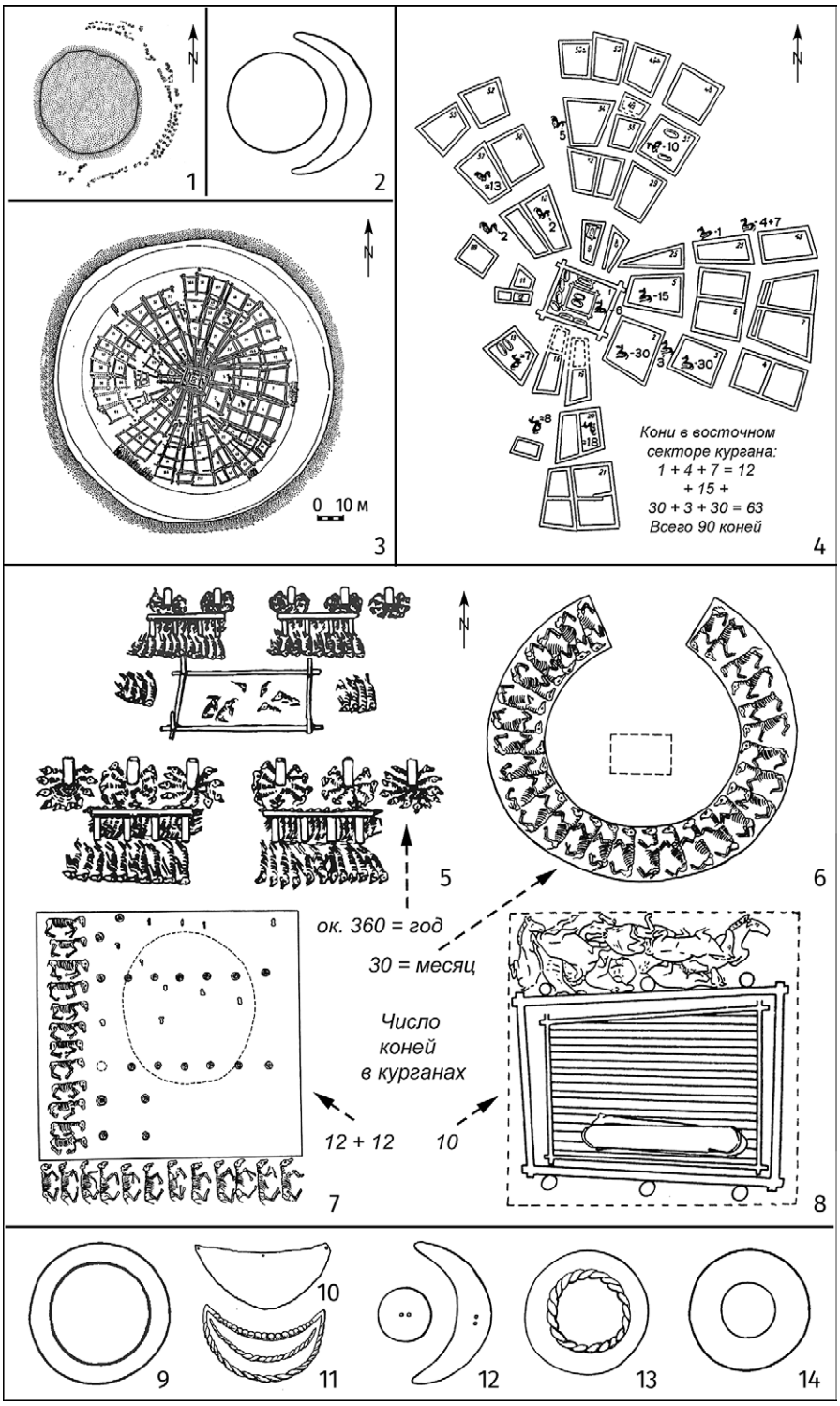

Рис. 1. Отражение солярных и лунарных знаний в погребениях, численности коней и их снаряжении. Большие курганы Евразии VIII–IV вв. до н. э.: *1, 3, 4, 9* — Аржан-1 (*2* — реконструкция наземного сооружения в виде знаков); *5* — Ульский аул, 1898 г.; *6* — ст. Воронежская, № 19, 1903 г.; *7* — Келермес, № 1, 1904 г.; *8, 11, 13, 14* — Пазырык-1; *10* — Аржан-2; *12* — Башадар-2. Составлено Л. С. Марсадоловым по материалам: М. П. Грязнова (*1, 3, 4, 8, 9, 11, 13, 14*); Н. И. Веселовского (*5–7*); К. В. Чугунова, Г. Парцингера, А. Наглера (*10*); С. И. Руденко (*12*) (ссылки на источники — см. текст)

Fig. 1. Reflection of solar and lunar lore in the barrow burials, the number of horses and their equipment. Big barrows of Eurasia of the 8th–4th cent. BC: *1, 3, 4, 9* — Arzhan-1 (*2* — reconstruction of a ground structure in the form of signs); *5* — Ul'sky Aul, 1898; *6* — Voronezhskaia, No. 19, 1903; *7* — Kelermes, No. 1, 1904; *8, 11, 13, 14* — Pazyryk-1; *10* — Arzhan-2; *12* — Bashadar-2. Compiled by Leonid S. Marsadolov, based on materials by Mikhail P. Gryaznov (*1, 3, 4, 8, 9, 11, 13, 14*); Nikolay I. Veselovsky (*5–7*), Konstantin V. Chugunov, Hermann Parzinger, Anatolij Nagler (*10*), and Sergey I. Rudenko (*12*) (source references are given in the text)

Марсадолов, 2022 — *Марсадолов Л. С.* О связях астроисследований на Саяно-Алтае с другими научными направлениями // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. Вып. XXVIII. С. 78–91.

Полосьмак, 1994 — *Полосьмак Н. В.* «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.

Руденко, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко, 1960 — *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.

Чугунов и др., 2017 — *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

About the astronumbers of horses from big barrows of the Sayano-Altai (8th–4th cent. BC)

Leonid S. Marsadolov[2]

Every year the number of research works considering not only the numerous items from barrows of the Sayano-Altai range, but also the horses buried there is growing. The number of horses in big barrows varies considerably and this fact requires explanation. Archaeologists have proposed their own hypotheses or simply do not attach any importance to this. The author attempts to explain the number of horses in big barrows basing on reconstructed solar and lunar cults, astronomical objects and knowledge of this period, confirmed both by the message of Herodotus and by archaeological materials.

Keywords: *Sayano-Altai, archaeology, barrow, horse, number.*

2 Leonid S. Marsadolov — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., Saint Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: marsadolov@hermitage.ru; ORCID: 0000-0002-0480-2225.

«Красная шапочка» из могильника Сарыг-Булун в Туве[1]

М. Е. Килуновская[2], Вл. А. Семенов[3], В. С. Бусова[4], С. Браун[5]

Аннотация. *Тувинская археологическая экспедиция в 1988 г. проводила исследования на правом берегу Енисея. В двух курганах, построенных в виде алды-бельской «восьмерки», были раскопаны семь захоронений, среди которых выделялось детское погребение в колоде с оружием. Спустя 25 лет с помощью естественно-научных методов стало возможным получить новые данные о погребенной. Среди предметов, найденных в погребении 5, выделялась кожаная шапочка с геометрическим орнаментом красного цвета. На данный момент удалось провести реставрацию и реконструировать ее форму, определить, из чьей кожи она была сделана и каким красителем расписана.*

Ключевые слова: *Тува, алды-бельская культура, курганы, головной убор, реставрация, протеомный анализ, рентгенофлюоресцентный анализ.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.204-206

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Марина Евгеньевна Килуновская — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: kilunmar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166.

3 Владимир Анатольевич Семенов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: ranbov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1487-9277.

4 Варвара Сергеевна Бусова — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: kulturnijkarman@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8964-3480.

5 Саманта Браун — Тюбингенский университет им. Эберхарда и Карла, Гёльдерлинштрассе, д. 12, Тюбинген, 72074, Федеративная Республика Германия; e-mail: samantha.brown@uni-tuebingen.de; ORCID: 0000-0001-5001-525X.

В 1988 г. сотрудники Тувинской археологической экспедиции, изучая погребение 5 на 2-м кургане могильника Сарыг-Булун в Центральной Туве, обнаружили уникальное захоронение ребенка в деревянной колоде с закрытой крышкой, датируемое концом VII — началом VI в. до н. э. Ребенок был уложен на левом боку, к нему были положены пояс, лук и чекан, колчан со стрелами. Изначально считалось, что здесь был похоронен мальчик или даже юноша 12–14 лет. Однако проведенные генетические исследования показали обратное (*Килуновская и др.*, 2020), а микрофокусная рентгенография позволила «омолодить» особу вдвое (*Килуновская и др.*, 2021). В верхней части погребения, почти под головой, сохранился «лоскут» пересохшей кожи, назначение которого было не вполне понятно. Авторы раскопок и первой публикации, Вл. А. Семёнов и М. Е. Килуновская, предположили, что фрагмент кожи принадлежал лично погребенной, так как на ее голове не хватало кожного покрова в затылочной части (*Семенов, Килуновская*, 1990). Между тем на черепе не было зафиксировано следов скальпирования. Дальнейшие исследования подтвердили отсутствие каких-либо манипуляций с головой, и предмет был определен как головной убор.

Шапочка была сшита из тонких светло-бежевых фрагментов тщательно выделанной кожи различных форм (удлиненные полосы неправильных форм и небольшие миндалевидные вставки между ними). Для сшивания использован шов встык сухожильной нитью. С макушки и до краев по всей поверхности «спускался» спиралевидный геометрический орнамент, нанесенный красным пигментом. Микрофотографии и осмотр следов проколов от сшивания фрагментов кожи свидетельствуют о том, что кожу предварительно жировали. Характерной особенностью жирового дубления являются округлые отверстия от проколов иглой.

В отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным с помощью рентгенофлюоресцентного анализа был определен пигмент, с участием которого был нанесен красный орнамент, — им стала киноварь (HgS). Вместе с тем изотопные исследования помогли установить разницу в диетах девочки и животного, из кожи которого был сделан головной убор. Легкие и тяжелые изотопы азота и углерода и их соотношение в коллагене кости и кожи дают возможность реконструировать специфику окружающей среды и рацион древних. Н. Г. Свиркина (Институт археологии РАН, Лаборатория контекстуальной антропологии) увидела значительные различия в данных $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ кожи шапочки и биологических материалов ребенка (*Килуновская и др.*, 2020. С. 390–391).

Благодаря поддержке Society of Antiquaries of London (Jane Arnold Award) и доктора Питера Хоммеля на базе Института Макса Планка и при непосредственном участии доктора Саманты Браун был проведен протеомный анализ кожи головного убора (ZooMS). Результат оказался еще более необычным, чем ожидалось: тонкая кожа жирового дубления принадлежала семейству куньих (куда входят куница, норка, выдра, барсук, хорек и др.).

Форма головного убора не прослеживается полностью. Известны три основных типа мягких головных уборов в это время: конические, полусферические и цилиндрические, выполненные из войлока или кожи с добавлением деревянных элементов. Форма полусферы хорошо прослеживается на макушке, в том числе аккуратно обрезанный край изделия с одной из сторон. Некоторыми разработками по этой теме занимались разные исследователи: С. А. Яценко (2006), Е. В. Степанова (2017), Н. Н. Головченко (2011) и др., но прямые аналогии для этой шапочки, больше похожей на тюбетейку (без боковых лопастей), отсутствуют.

Детская шапочка была отреставрирована в Отделе реставрации археологической кожи и текстиля Всероссийского художественно-научного реставрационного центра им. ак. И. Э. Грабаря реставратором высшей категории Н. П. Синицыной. Предмет был сильно пересушен, загрязнен, хрупок и уплощен. В нем с трудом угадывалось его назначение. В первую очередь был применен метод удаленного увлажнения, а затем кожа была постепенно аккуратно уложена на форму и закреплена на дублировочный материал — темно-коричневый шелковый газ. Таким образом была реконструирована форма головного убора.

Как видно, один небольшой предмет органического происхождения иногда может рассказать о прошлом одного человека больше, чем объемные статистические данные. Такие исследования невозможно проводить без участия большого коллектива специалистов, которые помогают заглянуть «внутрь» предмета. Кроме того, вводя реконструкцию этого изделия в научный оборот и определив технологии создания, мы не можем не задаться еще одним вопросом. Погребение 5 на могильнике Сарыг-Булун вызвало немало волнений в научном сообществе не только лишь своей сохранностью, но и необычной переменой пола, которую определила генетика. Шубы, фрагменты которой тоже сохранились, были универсальными для обоих полов. Больше из одежды ничего не сохранилось, поэтому головной убор «красной шапочки» послужит дополнительным ключом к разгадке женского погребения с мужским вооружением. Остается только найти аналогии.

Головченко, 2011 — *Головченко Н. Н.* К классификации скифо-сакских головных уборов // Материалы XLIX междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс», 16–20 апреля 2011 г.

Археология Евразии / Ред. кол.: Ю. С. Худяков и др. Новосибирск: НГУ, 2011. С. 67–68.

Килуновская и др., 2020 — *Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Бусова В. С., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Мацвай А. Д.* Уникальное захоронение ребенка раннескифского времени на могильнике Сарыг-Булун (Тува) // StratumPlus. 2020. № 3. С. 379–423.

Килуновская и др., 2021 — *Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Бусова В. С., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Потрахов Н. Н., Староверов Н. Е., Медникова М. Б.* Мумифицированное погребение ребенка из могильника Сарыг-Булун (Центральная Тува). В свете данных археологии, рентгенографии, антропологии и генетики // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 6–18.

Семенов, Килуновская, 1990 — *Семенов Вл. А., Килуновская М. Е.* Новые памятники раннего железного века в Туве // ИБ МАИКЦА. Вып. 17. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. С. 36–47.

Степанова, 2017 — *Степанова Е. В.* Реконструкция головного убора вождя из 2-го Пазырыкского кургана // Тр. V (XXI) ВАС / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 986–987.

Яценко, 2006 — *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Восточная литература, 2006. 664 с. (Культура народов Востока. Материалы и исследования).

„Little Red Riding Hood“ from the Saryg-Bulun burial ground in Tuva

Marina E. Kilunovskaya[6], Vladimir A. Semenov[7], Varvara S. Busova[8], Samantha Brown[9]

In 1988 Tuvinian Archaeological Expedition conducted research on the right bank of the Yenisei river. Seven burials were excavated in two burial mounds built in the form of the Aldy-Bel „eight“. A coffin with child's burial and weapons stood out. 25 years later the expansion of the natural scientific tools' application to archeology made it possible to supplement with new data on this burial. A very interesting leather cap with a red geometric pattern was found there. Now it is possible to carry out its conservation and reconstruct its shape, as well as to determine from whose leather it was made and with what dye it was painted.

Keywords: *Tuva, Aldy-Bel culture, barrows, headwear, conservation, proteomic analysis, X-ray fluorescence analysis.*

6 Marina E. Kilunovskaya — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kilunmar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166.

7 Vladimir A. Semenov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: ranbov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1487-9277.

8 Varvara S. Busova — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kulturnijkarman@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8964-3480.

9 Samantha Brown — Eberhard Karls University of Tübingen, 12 Hölderlinstr., Tübingen, 72074, Federal Republic of Germany; e-mail: samantha.brown@uni-tuebingen.de; ORCID: 0000-0001-5001-525X.

Памятник раннескифского времени Ак-Алаха-2

Н. В. Полосьмак[1]

Аннотация. *Погребальный комплекс Ак-Алаха-2 интересен тем, что в нем представлены все составляющие, характерные для погребально-поминальных сооружений раннескифской эпохи Центральной Азии: каменная платформа с цистой, в которой были похоронены люди и кони; оставшиеся после разграбления предметы упряжи и украшения коней, поминальные каменные кольца и два ряда оленных камней. В результате проведенных в последнее время исследований останков коней установлено, что они отличались высоким генетическим разнообразием. Получены новые данные о составе погребенных в цисте. Среди них были четверо взрослых мужчин, две женщины и мальчик. Пока это единственный нерядовой погребальный комплекс раннескифского времени, исследованный в Горном Алтае.*

Ключевые слова: *Горный Алтай, ранние скифы, оленные камни, погребальный комплекс.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.206-209

1 Наталья Викторовна Полосьмак — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: polosmaknatalia@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3760-265X.

Погребальный комплекс Ак-Алаха-2 находится в Кош-Агачском р-не Республики Алтай на плато Укок. Он был открыт в 1990 г. и исследован в 1992 г. (*Полосьмак*, 1993. С. 21–22; 2007. С. 17–120). До настоящего времени этот памятник является одним из самых больших и информативных погребальных сооружений раннескифской эпохи Горного Алтая.

Курган представлял собой круглую плоскую каменную платформу диаметром 29 м, сложенную из больших бесформенных камней, засыпанных мелкой галькой и щебнем. Внутри круглой ограды-крепиды диаметром ~ 24 м по центру была расположена четырехугольная выкладка из больших камней, размерами 6,5 × 7,85 м, ориентированная длинными сторонами по линии С–Ю — основа разрушенной цисты.

В восточной части цисты на уровне древней поверхности были найдены два лежащих рядом конских черепа с бронзовыми стремечковидными удилами, третьи удила находились рядом. Все удила были бракованными при литье, с незачищенными литейными швами. Нужно отметить, что во многих раннескифских погребениях региона большинство найденных удил не могли использоваться в обычной жизни: они были с незапиленными литниками, с незачищенными литейными швами внутри колец, бракованными при литье, изношенными и починенными. Такие дефекты присущи, например, удилам из кургана Аржан-1 и удилам из могилы 16 кургана Аржан-2 (*Минасян*, 2014. С. 146–147), т. е. качество этих изделий не связано со статусом погребенных.

Среди костей животных найден обломок трехдырчатого рогового коленчатого псалия, подвеска из длинного клыка кабана и пять смятых золотых пластин-нахвостников. Золотые нахвостники из Ак-Алахи-2 отличаются от «невесомой» пазырыкской фольги и по виду, и по составу металла. Содержание золота в этих изделиях около 96% — это выше, чем в наиболее высокопробном самородном золоте Алтая на Риддерском месторождении (*Щербаков, Рослякова*, 2006. С. 185–186). Аналогичные золотые нахвостники были найдены в кургане Байгетобе могильника Шиликты-3 — 17 экз. (*Толеубаев*, 2018. С. 237, рис. 101; автор называет их золотыми полосками неизвестного назначения). Очевидно, что происхождение высокопробного золота ак-алахинских нахвостников связано с одним из месторождений восточных или северных областей Казахстана. В этих местах редко встречалось золото ниже 950-й пробы (*Там же*. С. 257). Высокопробность золотых изделий элитных курганов Саяно-Алтая VIII–VII вв. до н. э. уже была отмечена как временной и социальный индикатор (*Марсадолов и др.*, 2013).

Предметы, обнаруженные в погребальной камере ак-алахинского кургана, имеют прямые аналоги в кургане Аржан-1 (камера 31). Только там, как пишет М. П. Грязнов, были обнаружены невстреченные в других камерах длинные клыки кабана, а золотые нахвостники отличались от нахвостников из всех остальных камер своей удлиненно-трапециевидной формой (*Грязнов*, 1980. С. 37, 49–51). По мнению М. П. Грязнова, кони из камер северной половины кургана (куда входит и камера 31) принадлежали разным этническим образованиям. Похоже, что это предположение отчасти подтверждается материалами из погребального комплекса Ак-Алаха-2 и захоронения некоторых коней в камере 31 кургана Аржан-1 могли быть даром горноалтайских племен. В свою очередь, результаты филогеографических и генетических анализов останков трех коней из Ак-Алахи-2 (*Воробьева и др.*, 2020; *Vorobieva et al.*, 2020) свидетельствуют как о большом разнообразии конской популяции Укока в раннескифское время, так и о том, что кони, захороненные в этом незаурядном кургане, могли происходить из разных мест. Известно, что 14 лошадей из могилы 16 кургана Аржан-2 относились к десяти различным гаплотипам, или генетическим вариантам, что, по заключению авторов молекулярно-генетического исследования, может свидетельствовать об отборе лошадей для этого захоронения из разных табунов (*Бенеке и др.,* 2017. С. 254–257). Таким образом, мнение М. П. Грязнова, что в курганах скифской знати были погребены кони, являющиеся подношением от представителей разных родов и племен, высказанное еще в 1950 г. в связи с его находками в Первом Пазырыкском кургане (*Грязнов*, 1950. С. 69–71), подтверждается исследованиями последних лет.

В западной части погребальной камеры были найдены останки восьми человек. Т. А. Чикишевой удалось идентифицировать семерых из них: ими оказались две женщины молодого и зрелого возраста, четыре взрослых мужчины и мальчик 8 лет. Как следует из результатов исследования Т. А. Чикишевой материалов раннескифского времени Центральноазиатского региона, ближайшее антропологическое сходство с кочевниками Горного Алтая раннескифского времени обнаруживают скотоводы Тувы (*Чикишева*, 2017. С. 282), антропологические материалы из Монголии пока неизвестны.

Ряды оленных камней, маркирующие этот курган, до раскопок были незаметны, оставаясь полностью скрытыми под дерном. Первоначально они были вкопаны по линии С–Ю и располагались двумя рядами с запада и востока от каменного сооружения. Еще один оленный камень был обнаружен в центре кургана. Восточный ряд, состоявший из 13 камней, примыкал к огибавшим ограду четырем частично разрушенным круглым каменным выкладкам, имеющим, вероятно, значение поминальников — так же, как это было в «царских» курганах Аржан-1 и Аржан-2 и в исследо-

ванных в Туве и Монголии ритуальных раннескифских комплексах с оленными камнями. Западный ряд камней располагался на расстоянии 2,5 м от каменной ограды. Он состоял из четырех плит и трех валунов. Все камни небольшие — от 62 до 32 см в высоту, различной конфигурации — от плоского плитняка до округлых валунов, все отмечены выбитым по окружности поясом. Изображения вещей были только на четырех из них, и только на двух плитах серьги и предметы вооружения были дополнены фигурками зверей (рис. 1, *3, 4*). Так, рисунки были выбиты на двух плоскостях плиты, обнаруженной в центре кургана (рис. 1, *1*), на двух камнях из восточной группы (рис. 1, *2, 3*) и на одной плите из западного ряда камней (рис. 1, *4*).

Установка рядов камней типа «оленных» рядом с погребальным сооружением связана с их символическим отождествлением с умершими, похороненными в данном кургане, — по сути они становились надземными памятниками погребенным. Вполне логично предположить, что при отсутствии в погребальных комплексах останков людей оленные камни могли замещать реального человека, являясь кенотафами (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2021. С. 131–136).

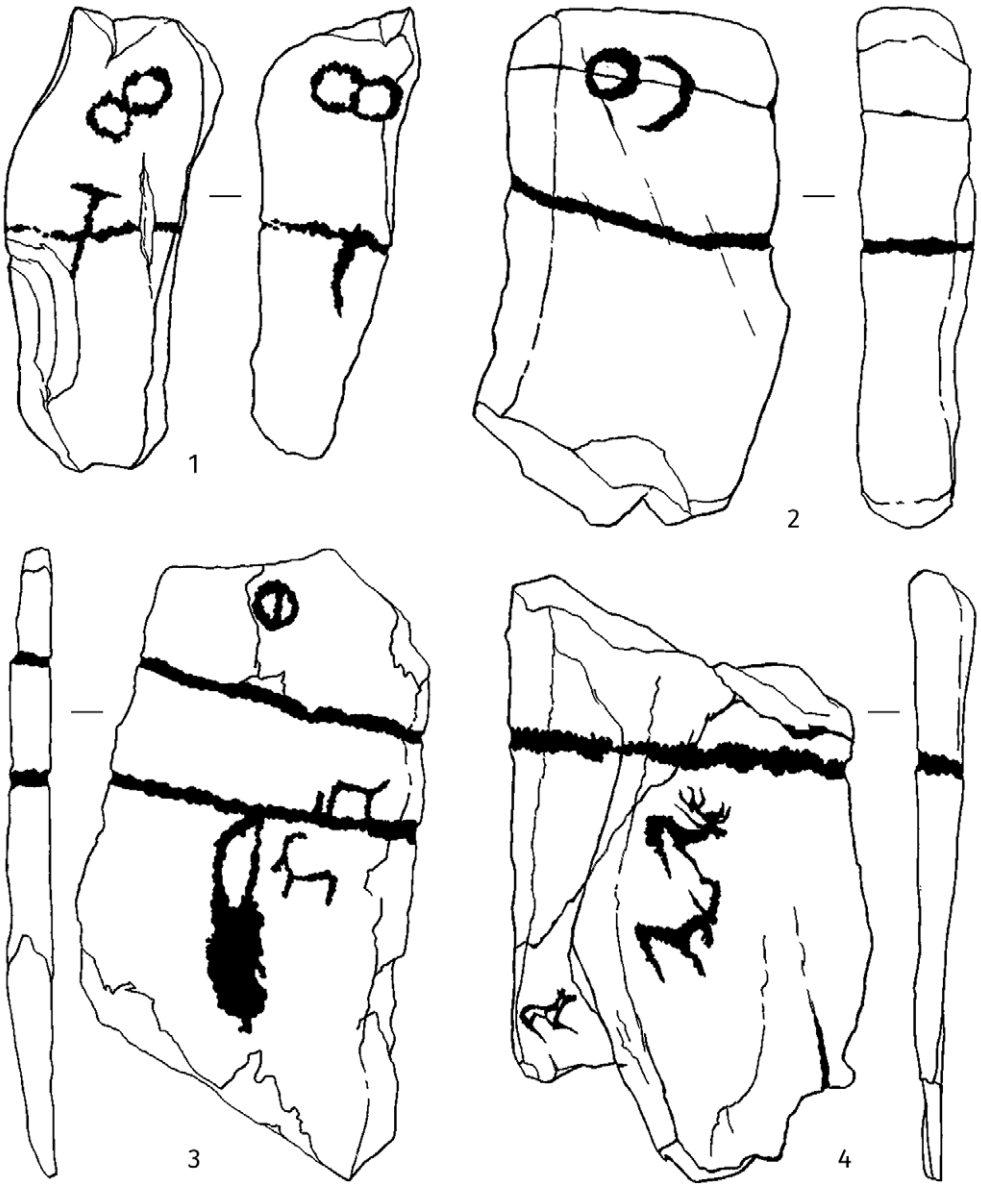

Рис. 1. Оленные камни погребального комплекса Ак-Алаха-2: *1* — камень, обнаруженный в центре кургана; *2, 3* — плиты из восточного ряда камней; *4* — плита из западного ряда камней

Fig. 1. Deer stones of the Ak-Alakha-2 burial complex: *1* — the stone found at the center of the mound; *2, 3* — the slabs from the eastern row of stones; *4* — the slab from the western row of stones

Бенеке и др., 2017 — *Бенеке Н., Прюво М., Вебер К.* Скелеты лошадей: археозоологические и генетические исследования // Чугунов К. В., Парцинргер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 250–257.

Воробьева и др., 2020 — *Воробьева Н. В., Куслий М. А., Дружкова А. С. и др.* Филогеография древних лошадей из курганов плато Укок // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Междунар. науч. конф. Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. Вып. 6. С. 232–235.

Грязнов, 1950 — *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1950. 92 с.

Грязнов, 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, ЛО, 1980. 64 с.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2021 — *Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Оленные камни в ритуале древних кочевников Монголии. Хар Говь. Суртийн Дэнж. СПб.: Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, 2021.

Марсадолов и др., 2013 — *Марсадолов Л. С., Хаврин С. В., Гук Д. Ю.* Проба древнего золота Казахстана и Саяно-Алтая как временной и социальный индикатор // ТПАИ. 2013. № 2 (8). С. 129–141.

Минасян, 2014 — *Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 471 с.

Полосьмак, 1993 — *Полосьмак Н. В.* Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. 1993. № 3. С. 20–30.

Полосьмак, 2007 — *Полосьмак Н. В.* Ак-Алаха 2 — памятник раннескифского времени Горного Алтая // Ранний железный век Евразии. Киев; Чигирин: Изд-во ИА НАН Украины, 2007. С. 117–120.

Толеубаев, 2018 — *Толеубаев А. Т.* Раннесакская Шиликтинская культура. Алматы: ИП «Садвакасов», 2018. 528 с.

Чикишева, 2017 — *Чикишева Т. А.* Палеоантропологические материалы // Чугунов К. В., Парцинргер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 257–295.

Щербаков, Рослякова, 2000 — *Щербаков Ю. Г., Рослякова Н. В.* Состав золотых и бронзовых изделий, источники металлов и способы их обработки // Феномен алтайских мумий / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 179–187.

Vorobieva et al., 2020 — *Vorobieva N. V., Makunin A. I., Druzhkova A. S. et al.* High genetic diversity of ancient horses from the Ukok Plateau // PLoS ONE. Vol. 15. No. 11. 2020. P. 1–14.

Ak-Alakha-2: Early Scythian time site

Natalia V. Polosmak[2]

The Ak-Alakha-2 burial complex is of interest as it contains all the components typical for early Scythian burial and funeral structures in Central Asia: a stone platform with a cist in which people and horses were buried; harness elements and horse decorations remaining after looting; funeral stone rings; two rows of deer stones. Recent paleogenetic studies of the horse remains have revealed a high genetic diversity. New data have been obtained on those buried in the cist: there were four adult men, two women, and a boy. So far, this is the only non-ordinary early Scythian burial complex that has been investigated in the Altai Mountains.

Keywords: *the Altai Mountains, Early Scythian Time, deer stones, burial complex.*

2 Natalia V. Polosmak — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: polosmaknatalia@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3760-265X.

Продолжение работ[1] по музеефикации Пятого Пазырыкского кургана и научному исследованию периферии памятника: результаты полевого сезона 2022 г.

Е. В. Степанова[2], Н. А. Константинов[3], С. Р. Мурзина[4], Н. Ю. Смирнов[5]

Аннотация. *В 2022 г. были продолжены совместные работы Государственного Эрмитажа и Горно-Алтайского государственного университета, при участии Института истории материальной культуры РАН, связанные с проектом музеефикации Пятого Пазырыкского кургана и доисследованием памятника, раскопанного С. И. Руденко в 1949 г. В прошедшем полевом сезоне были продолжены работы по восстановлению каменной насыпи: разобраны каменные отвалы с восточной и южной стороны кургана, исследованы участки периферии курганной насыпи с южной стороны, содержавшие каменные конструкции типа выкладок-«лучей», и южная часть раскопочной траншеи 1949 г. В результате удалось вывести высоту наземного сооружения кургана в центре на уровень 2,8 м, а также выявить и зафиксировать важные конструктивные элементы каменного наземного сооружения кургана, не прослеженные при раскопках 1949 г.*

Ключевые слова: *пазырыкская культура, Пятый Пазырыкский курган, стратиграфия и планиграфия каменной наземной конструкции кургана, С. И. Руденко.*

https://doi.org/10.31600/978–5-6047952–2-4.210-213

В 2022 г. Пазырыкская экспедиция Государственного Эрмитажа (начальник — Е. В. Степанова) совместно с Археологической экспедицией Горно-Алтайского государственного университета (начальник и держатель Открытого листа — Н. А. Константинов) при участии специалистов Института истории материальной культуры РАН (С. Р. Мурзина и Н. Ю. Смирнов) продолжили цикл полевых работ по доисследованию и музеефикации Пятого Пазырыкского кургана, раскопанного экспедицией под руководством С. И. Руденко в 1949 г. Работы по доисследованию кургана были начаты в 2017 г. и включали повторное вскрытие и изучение пространства погребальной камеры и внешнего сруба, остававшегося в ней, а также наземной конструкции кургана и ее периферии. В 2017–2019 гг. была исследована западная, северная, восточная и юго-восточная периферии памятника. В 2018–2019 гг. работы велись в погребальной камере: был извлечен и передан в Национальный музей Республики Алтай внешний деревянный сруб, выявлена ниша-подбой в южной стенке могильной ямы, не зафиксированная ранее и содержавшая детали повозки (*Константинов и др.*, 2019). В 2020–2021 гг. были разобраны земляные отвалы и часть каменных, восстановлена земляная насыпь в центре наземной конструкции и началось восстановление каменной насыпи кургана.

Музеефикационные работы в 2022 г. велись в пределах раскопочной траншеи 1949 г., а также к Ю и ЮВ от кургана. Была произведена разборка каменных отвалов, загромождавших восточную и южную периферии памятника после исследований С. И. Руденко. К концу работ полевого сезона 2022 г. высота каменной насыпи в центре наземной конструкции была доведена до уровня 2,8 м. Были убраны все каменные и земляные отвалы на периферии Пятого Пазырыкского кургана. Неразобранным остался только смешанный каменно-земляной отвал, оставшийся после работ С. И. Руденко и залегающий непосредственно на самой каменной насыпи кургана по северной, западной и восточной бортам траншеи 1949 г.

1 Работы Н. Ю. Смирнова по теме «Археологические памятники урочища Пазырык (Улаганский р-н Республики Алтай): история изучения и перспективы новых исследований» проводились в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014). Работы Е. В. Степановой и Н. А. Константинова велись в рамках музейно-научного проекта, стартовавшего в 2017 г. и продолжающегося по настоящее время, нацеленного на музеефикацию и доисследование Пятого Пазырыкского кургана.

2 Елена Владимировна Степанова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: stepalena@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9327-1755.

3 Никита Александрович Константинов — Горно-Алтайский государственный университет, ул. А. Ленкина, д. 1, Горно-Алтайск, 649000, Российская Федерация; e-mail: nikita.knstntnv@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8897-8454.

4 Софья Робертовна Мурзина — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: murzinasr@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8377-8245.

5 Николай Юрьевич Смирнов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: kolaksais@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7957-8707.

Достигнутый этап реконструкции насыпи позволяет, при продолжении работ по музеефикации памятника в следующем году, выйти на реальную историческую высоту (реконструируемая в настоящий момент высота — около 3,5 м) насыпи за один сезон.

Научные исследования периферии кургана и участков его каменной наземной конструкции в 2022 г. велись в пределах раскопочной траншеи 1949 г., а также на периферии насыпи, слева и справа от траншеи, охватив своей площадью край каменного наземного сооружения, ограду кургана и две каменные выкладки типа «лучей», расположенные с южной стороны и отмеченные на плане С. И. Руденко 1949 г. (*Руденко*, 1953. Рис. 3).

В результате этих работ были исследованы: два каменных однослойно-двуслойных сооружения типа «лучей», радиально отходящих на ЮЮВ и ЮЮЗ от насыпи и пересекаемых оградой кургана, содержащих более поздние пристройки в середине и на концах; сплошная ограда-кольцо из вкопанных вертикально плит; пустое пространство обводного коридора шириной около 3 м; сложносоставная крепида насыпи кургана; нижний слой каменной наземной конструкции кургана — «подошва» насыпи; пятно прокала от недолговременно горевшего огня за пределами ограды с южной стороны. Полученные результаты существенно дополняют и значительно корректируют наблюдения, сделанные С. И. Руденко в 1949 г.

Наиболее интересным элементом конструкции наземного сооружения является крепида каменной насыпи кургана, сооруженная из уплощенных валунов крупного размера, от 30 до 60 см в поперечном диаметре. Валуны и крупные окатанные блоки камня подобраны и уложены таким образом, что внешняя поверхность кольцевой стенки — основы крепиды — практически ровная. С наружной стороны крепида облицована в один слой вертикально поставленными (прислоненными или неглубоко вкопанными), преимущественно нетолстыми плитами местного туфопесчаника, со средними размерами 5/10 × 40 × 60 см. Плиты облицовки полностью закрывают кладку крепиды с внешней стороны и немного выступают над ней по верхнему краю. Непосредственно вдоль внутренней стороны крепиды прослеживается более тщательная укладка крупных уплощенных валунов — край «подошвы» каменной насыпи кургана, составляющий как бы дополнительную подпорную стенку в один ряд камней. Верх сложной крепиды, от облицовочных плит и на некотором расстоянии вглубь, перекрыт наброской из мелкой гальки и битого камня, нивелирующих ее горизонтальную поверхность и придающих ей вид плоской «ступени», шириной не менее 0,6 м. Затем насыпь кургана плавно поднимается вверх, переходя в основной каменный холм-наброску, сложенный путем нагромождения в нижней части более крупных валунов, а в верхней — кусков колотого камня более скромных размеров.

В одном случае, с ЮЗЗ стороны, среди упавших плит внешней облицовки крепиды выявлен крупный стелообразный объект: первоначально вертикально установленная плита облицовки, расширяющаяся кверху, общими габаритами 13 × 30/60 × 90 см.

Важные наблюдения также были сделаны при исследовании участка ограды кургана с южной стороны наземной конструкции (рис. 1, *1, 2*). Установлено, что ограда была устроена из плотно примыкающих друг к другу плит (иногда с нахлестом), вкопанных на значительную глубину (до 0,2–0,3 м) ниже уровня древней дневной поверхности. Большинство плит обломаны в древности. Хотя средняя высота обломков плит южной части ограды, выступающих над уровнем древней дневной поверхности и сохранившихся *in situ*, составляет всего около 10 см, с учетом зафиксированных рядом упавших их верхних частей, можно реконструировать реальную высоту ограды не менее чем в 0,7 м.

В одном случае удалось проследить, что одна из плит ограды, с габаритами 10 × 45/50 × 90 см, упавшая в древности в свободное пространство обводного коридора, была затем перекрыта выкладкой из более мелких камней, ставшей своеобразной частью ЮЮЗ сооружения типа «луча» в пространстве обводного коридора.

При работах в пределах раскопочной траншеи 1949 г. был заложен разрез вдоль ее восточного борта, на всю сохранившуюся высоту каменной насыпи и на треть общей длины траншеи от края наземного сооружения к его центру. Цель — проверка стратиграфии наземной конструкции кургана, зафиксированной С. И. Руденко в 1949 г. Судя по схематическому плану С. И. Руденко, первоначальная земляная насыпь (выкид грунта, образовавшегося при рытье могилы) достигала края каменной насыпи кургана (*Руденко*, 1953. Рис. 11). Однако по всей длине реального разреза 2022 г., на протяжении 8 м от выявленной нами крепиды в глубь насыпи, не было обнаружено никаких следов изображенной на плане 1949 г. земляной насыпи. В разрезе удалось выявить *in situ* и зафиксировать лишь нижние слои каменной наземной конструкции кургана, лежавшие на древней дневной поверхности, в том числе ее «подошву», сложенную из крупных уплощенных валунов в один слой, а также крепиду и ее облицовку из вертикально установленных плит. Верхнюю часть физического разреза 2022 г. составляли смешанные каменно-земляные отложения, появившиеся в этом месте каменной насыпи в результате перемещении отвалов при раскопках 1949 г.

Рис. 1. *1* — промежуточный этап реконструкции и музеефикации южной периферии наземной каменной конструкции Пятого Пазырыкского кургана на основе данных научного исследования ее стратиграфии и планиграфии в 2022 г. На переднем плане — плиты сплошной кольцевой ограды кургана *in situ*. На втором плане — реконструкция, с частичным воссозданием, внешнего вида крепиды каменной насыпи кургана на основе зафиксированных *in situ* упавших элементов облицовки. Вид с ЮЮЗ; *2* — финальный этап реконструкции и музеефикации южной периферии наземной каменной конструкции Пятого Пазырыкского кургана на основе данных научного исследования ее стратиграфии и планиграфии в 2022 г. На переднем плане пустое пространство обводного коридора между оградой и крепидой каменной насыпи кургана. Слева *in situ* лежат плиты ограды, упавшие внутрь пространства коридора. На заднем плане воссозданная двучастная выкладка типа «луча», выходящая за пределы ограды, а в пределах коридора перекрывающая более поздней частью упавшие плиты ограды и облицовки крепиды. Справа — уплощенная ступень нижнего яруса каменного наземного сооружения; слева, у окончания «луча», место горения костра. Вид с В

Fig. 1. *1* — the intermediate stage of reconstruction and museumification of the Fifth Pazyryk burial mound southern periphery based on the data of its planigraphy and stratigraphy research in 2022. In the foreground — the slabs of the continuous mound's ring-formed wall *in situ*. In the background — the wall's reconstruction, with the partial restauration of the embankment stone crepidoma based on the *in situ* fixation of the fallen parts of the facing. View from the SSW; *2* — the final stage of the reconstruction and museumification of the southern periphery of the Fifth Pazyryk burial mound's aboveground stone construction based on the data of its stratigraphy and planigraphy research in 2022. In the foreground — the empty space of the bypass corridor between the fence and the crepidoma of the burial mound's stone embankment. To the left, the slabs of the fence fallen inside the corridor are lying *in situ*. In the background — the reconstructed two-part ray-like laying which is surpassing the fence's borders, while within the corridor it is overlapping, by its later part, the fallen slabs of the fence and the crepidoma's cladding. To the right — the flattened stage of the stone aboveground structure's lower tier; to the left, by the end of the "ray' — the fireplace. A view from E

Любопытным и неожиданным результатом работ было обнаружение небольшого, обратного по отношению к окружающему курган рельефу уклона (понижения к центру кургана, с юга на север) древней дневной поверхности в месте разреза, видимо, природного происхождения, так как никаких следов перекопов или нивелировочных работ ни на уровне древней дневной поверхности, ни на уровне материка выявлено не было. То есть насыпь либо принципиально возводилась на невыровненной поверхности, либо естественный уклон сознательно использовался строителями при сооружении кургана и могилы и при проведении обрядовых действий.

Общие результаты технических работ по музеефикации Пятого Пазырыкского кургана и научных работ по изучению его периферии и устройства наземного сооружения, достигнутые в сезоне 2022 г., вновь убеждают нас в том, что повторное исследование памятника на современном научном уровне, даже спустя 70 лет после его раскопок, имеет непреходящую ценность и большое значение для понимания его подлинного стратиграфического и планиграфического устройства и архитектурного облика, принципиально отличающегося от схематических чертежей и описательных реконструкций С. И. Руденко — автора раскопок 1949 г. (рис. 1).

Руденко, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Константинов и др., 2019 — *Константинов Н. А., Мыльников В. П., Слюсаренко И. Ю., Степанова Е. В., Васильева Н. А.* Завершение полевого доследования внутримогильной конструкции Пятого Пазырыкского кургана //Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 415–424.

The further works on the museumification of the Fifth Pazyryk burial mound and the investigation of the site's periphery: the results of the 2022 field season

Elena V. Stepanova[6], Nikita A. Konstantinov[7], Sofia R. Murzina[8], Nikolay Yu. Smirnov[9]

In 2022 the joint works of the State Hermitage Museum and the Gorno-Altaysk State University with the participation of the Institute for the History of Material Culture of the RAS were continued. These works were connected with the project of the Fifth Pazyryk burial mound's museumification and an additional research of the site excavated by Sergey I. Rudenko in 1949. In the previous field season, stone dumps were paved, which, after excavations in 1949, cluttered up the periphery of the site from the east and south, sections of the periphery of the mound's embankment from the southern side, which contained stone structures in the form of radial „layings", were explored. As a result, it was managed to raise the height of the burial mound's aboveground structure to the mark of 2.8 m at the center as well as to identify and fix important constructive elements of the aboveground stone structure not traced during the excavations of 1949.

Keywords: *Pazyryk culture, the Fifth Pazyryk burial mound, stratigraphy and planigraphy of the stone ground structure of the burial mound, Sergey I. Rudenko.*

6 Elena V. Stepanova — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: stepalena@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9327-1755.

7 Nikita A. Konstantinov — Gorno-Altai State University, 1 A. Lenkina St., Gorno-Altaisk, 649000, Russian Federation; e-mail: nikita.knstntnv@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8897-8454.

8 Sofia R. Muzina — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: murzinasr@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8377-8245.

9 Nikolay Yu. Smirnov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kolaksais@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7957-8707.

The archaeological remains of Pazyryk cultural factors in the Yiwu river basin, the East Tianshan Mountains

Xi Tongyuan[1], Zhu Jiangchen[2]

The paper summarizes the preliminary results of archaeological investigations in the Yiwu River Basin lasted for 4 years. 45 large, medium and small-scale settlement landscapes from the Bronze Age to the Early Iron Age were recorded, the characteristics and distribution pattern of pastoral nomadic settlement sites in the basin during this period were revealed. In the late stage of the development of the archaeological culture in East Tianshan Mountains, a large number of cultural factors possibly from the Eurasian steppe of the Altay Mountains appeared. The discovery of standing stone burials provides important landscape evidence for exploring the distribution range of Pazyryk cultural factors.

Keywords: *the East Tianshan, burial, satellite burials, standing stone, ritual structure, Pazyryk culture.*

https://doi.org/10.31600/978–5-6047952–2-4.214-216

1. Introduction. The survey and research on the remains of prehistoric settlements in the Yiwu River basin is a China Northwest University-led collaboration between Hami Municipal Bureau of Culture, Sports, Radio, Television and Tourism (Bureau of Cultural Relics) and Yiwu County Bureau of Culture, Sports, Radio, Television and Tourism that is aiming at characteristics and distribution of nomadic settlement sites from the Bronze Age to the Early Iron Age in the basin. The project leader applied for the project in 2016 and was approved. Since 2017, a three-year field survey has been carried out, and an archaeological report has been produced. The report will be published soon.

The project area covers the Yiwu Basin located between the Karlik Mountains, the easternmost main vein, and the Moqinwula Mountain, the northern branch of the East Tianshan Mountains. Regarding the environmental characteristics of the basin, the mountainous area is suitable for animal husbandry, and agriculture can also be operated in the central part of the basin. The Yiwu River originates from the Karlik Mountains and crosses the Yiwu Basin and the Moqinwula Mountain to the north, with a total length of 71 km and a drainage area of 1.100 square kilometers. It is the river with the largest runoff in the entire East Tianshan region. There are a large number of small and medium settlement sites along the river and its many tributaries.

Although the archaeological work in the Yiwu Basin started early, the progress was slow and there were a lot of blank periods. It was only in the past ten years that the archaeological survey and excavation were relatively concentrated, and a batch of data was harvested. Previous archaeological work mainly focused on the northern foothills of Balikun Mountain, mainly at the Shirenzigou site and the Quan'ergou site. The regional systematic survey of the Yiwu River basin found that there are a certain number of standing stone burials in some sites in this area. The surface of these burials is marked as a stone circle, and there are standing stones, ritual structures, animal sacrifice structures and other satellite structures around the main burial, which have obvious characteristics of pastoral nomads in the Eurasian steppe, similar to the Pazyryk burials found in Altay, indicating that the archaeological culture in this region has extensive exchanges and interactions with the northern Pazyryk culture.

2. Records of Standing Stone Burials. In the project's survey inventory, a total of 73 standing stone burials were recorded (excluding the funerary burials attached to the main burial). The monuments of such burials are widely distributed in various valleys in the northern foothills of the Karlik Mountain, especially the large-scale burials have distinct characteristics. They were often found alone in an open grassland or terrace, with few other monuments nearby, and seemed to be specially selected cemeteries or burial places. The important finds include the Jianjiapo burial site and Kora site.

2.1. Large standing stone burials in Jianjiapo burial site. The Jianjiapo burial site is located at the northern foot of Karlik Mountain, with desert plain grassland in the north and near forest area in the south, forming a hillside zone with an altitude of 2.091 m. There are six main burials in the burial place, mainly composed of two large burials and their satellite structures. According to the research, it is considered that the Jianjiapo burial site is the burial complexes with the highest level and the most complete organization found in East Tianshan region. This year we will begin a five-year excavation plan for this site.

1 Xi Tongyuan — Northwest University, Beilin, Huancheng South Rd West Section, 216, Xi'an, People's Republic of China; e-mail: xitongyuan@126.com; ORCID: 0000-0002-0928-2839.

2 Zhu Jiangchen — Northwest University, Beilin, Huancheng South Rd West Section, 216, Xi'an, People's Republic of China; e-mail: xitongyuan@126.com; ORCID: 0000-0002-9234-3857.

The most attractive burial is tomb 1. This large burial is located in the south of the site and occupies the core area of the site. The diameter of the central mound is 54 m, 1.2 to 1.8 m above the surface, and the central depression is about 22 m in diameter and 4.2 m deep. The outer edge of the mound is a nearly circular banding moat. There are 163 standing stones equidistantly arranged at 10° from east to south of tomb 1, with a total length of about 1100 m, of which 67 are fallen over and 96 are erected. The stone is angular clear gravel, weathered seriously, part of the fracture only see the bottom. There are two bases at the bottom of standing stones, which are surrounded by 2–4 single-row slab stones.

About 120 m west of tomb 1, eight satellite burials arranged closely in the NS direction. Except for satellite tomb 1 with circular stone mound at the northernmost end, the others are stone circles. About 20 m northwest of tomb 1, there are 38 animal sacrifice structures, which are generally north-south and densely arranged. They can be roughly divided into three columns with different sizes. The surface markings are all round stone circles or stone mounds. 18 stone mounds were also found around tomb 1, some of which have been destroyed or removed.

2.2. Small and medium-sized standing stone burials at the Kora site. The site is distributed on the slopes and alluvial fans under the coniferous forest belt at the northern foot of the Karlik Mountain, covering a vast area of about 16 square kilometers and an average altitude of about 2.195 m. We recorded five types of monuments, including large structure complexes, dwellings, burials, petroglyphs, and special monuments within the scope of the site, and considered that the site is the largest, highest level, best preserved ancient large settlement site found in Eastern Tianshan Mountains so far.

The standing stone burials account for 5.7% (60) of the burials monuments, most of which are well preserved, mainly distributed on the tops of several mountain ridges on the west side of the large structure complex. The surface mound of the burials is a closed stone circle comprised of several series of pebbles mixed with sand, and the interior is mostly collapsed. There is a row of standing stones on the southeast side of the burials. There are

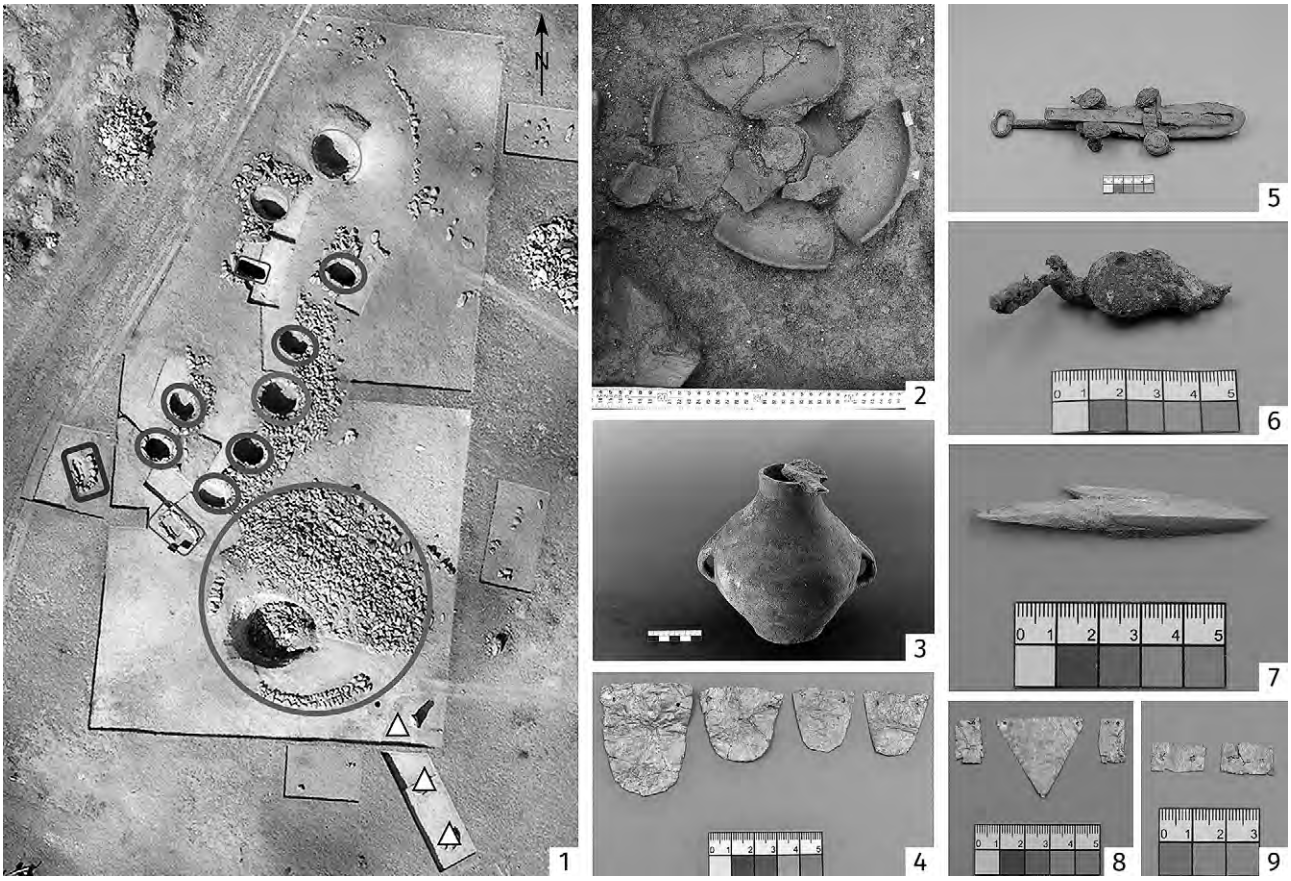

Fig. 1. Quan'ergou site tomb 135: *1* — overview of the excavation of tomb 135 and its satellite structures; *2* — gilded painted Pottery Dou; *3* — amphora jar; *4*,*8*,*9* — gold foils; *5* — bronze ring knife; *6* — bronze griffin; *7* — bone arrowhead

Рис. 1. Памятник Цюаньэргоу, могила 135: *1* — общий вид раскопок могилы 135 и сопутствующих сооружений; *2* — крашеный позолоченный сосуд *доу*; *3* — амфоровидный кувшин; *4*, *8*, *9* — золотая фольга; *5* — бронзовый нож с кольцевым навершием; *6* — бронзовый грифон; *7* — костяной наконечник стрелы

small in size, and no image is depicted on them. A rectangular ritual structure is set in the northwest side; the animal sacrifice structures are mostly located on the north side of the burials. There is only one ritual structure in each burial, and the number of standing stones and animal sacrifice structures varies. These three kinds of satellite structures and burials appeared in combination, and some of them are no longer visible on the surface.

Take the burial tomb 1, which is located at the southern end of the mountain ridge where the local sheepfold is located. There is a rectangular ritual structure on the northwest side of the burial; on the southeast side there are four collapsed standing stones, all of which are large strips of stone. A total of five animal sacrifice structures were found on the north and south sides of the burial, and the one on the south side has been robbed. The form of this burial is similar to that of tomb 135 at the Quan'ergou site (fig. 1) excavated in 2006 in Barkol County, East Tianshan Mountains region, and its nature should also be similar. Based on previous research and the excavated relics in the destroyed burial, it can be judged that such monuments can be date from the 3rd century BC to around AD.

3. Conclusion and Prospects. The Survey and Research on the Remains of Prehistoric Settlements in the Yiwu River Basin lasted for 4 years, and recorded 45 large, medium and small-scale settlement landscapes from the Bronze Age to the Early Iron Age in this area, preliminarily completed the construction of the chronological framework of the prehistoric culture in the basin, and revealed the characteristics and distribution pattern of pastoral nomadic settlement sites in the basin during this period. In the late stage of the development of the archaeological culture in East Tianshan Mountains, a large number of cultural factors possibly from the Eurasian steppe of the Altay Mountains appeared. The discovery of standing stone burials provides important landscape evidence for exploring the distribution range of Pazyryk cultural factors.

Much more work remains to be done. Despite four years of fieldwork, there are still many sites that have not been researched in detail for various reasons. In addition, a large number of archaeological surveys, excavations and multidisciplinary research work are still needed to solve many problems such as the cultural features, subsistence model and cultural decline of the people from the Late Bronze Age to Early Iron Age population in this area. In the future, the project team will continue to devote a lot of efforts to archaeological work in the area.

Археологические следы пазырыкского культурного влияния в долине реки Иу, Восточный Тянь-Шань

Си Тунъюань[3], Чжу Цзянчэнь[4]

Аннотация. *Публикация подводит предварительные итоги археологических работ, ведшихся в течение четырех лет в долине р. Иу, Восточный Тянь-Шань. Было открыто 45 крупных, средних и малых поселений бронзового и раннего железного века, выявлены характеристики поселенческих памятников и принципы их пространственного размещения. На поздних стадиях своего развития культура населения Восточного Тянь-Шаня она обнаруживает заметное влияние номадов евразийской степи — возможно, «пазырыкцев» Алтая. Маркерами этого влияния можно считать погребения с каменными стелами, пределы распространения которых еще предстоит установить.*

Ключевые слова: *Восточный Тянь-Шань, погребения, сопровождающие погребения, стела, ритуальное сооружение, пазырыкская культура.*

3 Си Тунъюань — Северо-Западный университет, 216 Beilin, Huancheng South Rd West Section, Сиань, Китайская Народная Республика; e-mail: xitongyuan@126.com; ORCID: 0000-0002-0928-2839.

4 Чжу Цзянчэнь — Северо-Западный университет, 216 Beilin, Huancheng South Rd West Section, Сиань, Китайская Народная Республика; e-mail: xitongyuan@126.com; ORCID: 0000-0002-9234-3857.

Переход через гальштаттское плато в Уюкской котловине[1]

Т. Р. Садыков[2], И. Ю. Слюсаренко[3]

Аннотация. *Уюкская котловина в Туве — ключевой микрорегион для решения вопросов сложения и развития культур скифского типа. Среди раскопанных здесь памятников самые ранние (Аржан-1, Туннуг-1) предшествуют гальштаттскому плато, самые поздние (Оргу-Хову 2), наиболее вероятно, датируются позже. В погребальных конструкциях всех этих памятников используется дерево. Таким образом, возможно построение на материалах из одной замкнутой географической области дендрохронологической шкалы, выходящей в обе стороны за пределы гальштаттского плато и узко привязанной wiggle-matching-датами сверху и снизу.*

Ключевые слова: *Тува, Аржан, Долина царей, скифская культура, гальштаттское плато, дендрохронология, метод согласования с калибровочной кривой (wiggle-matching).*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.217-220

Процесс научного познания практически в любой области проходит по траектории маятника: от детализации к обобщениям и обратно — с экстремумами в радикально феноменологическом подходе и в предельных «схематизации», «типизации», «стадиализации» и т. д. На разных этапах научного поиска более продуктивным оказывается тот или иной вектор движения. При избытке эмпирических данных появляется необходимость их организации в относительно непротиворечивую систему; при появлении исключений, «переходных вариантов» и противоречий плодотворной может оказаться попытка пересмотра системы на других основаниях.

В истории культуры номадов Центральной (Внутренней) Азии траектория этого маятника совершила уже несколько итераций. В силу обстоятельств и, соответственно, историографической традиции несколько большее внимание всегда уделялось сходствам, а не различиям. С другой стороны, происходил и происходит процесс дальнейшей детализации — выделение и деление археологических культур, отдельных этапов и «хронологических горизонтов».

Этот процесс на какой-то стадии всегда упирается в объективные проблемы «разрешающей способности» методов. Для археологической типологии эта проблема обычно обозначается как «материальная культура одного поколения». При выявлении аналогий остается неопределенным время прямого перемещения или апроприации «импортов».

Разрешающая способность радиоуглеродного метода в лучших случаях доходит до той же точности «одного поколения». Но и у этого метода есть существенные, хорошо известные ограничения. Феномен гальштаттского плато (~ 800–400 гг. до н. э.) раннего железного века не специфичен для Центральной (Внутренней) Азии, но не становится от этого менее значимым (*van der Plicht*, 2004).

Основное ограничение дендрохронологического метода заключается в «локальности» используемого материала. Для каждого специфического в природном плане региона дендрошкалы строятся отдельно, и их соотнесение всегда является особой методической проблемой (*Шиятов и др.*, 2000. С. 48–51). Совмещение дендрохронологии и радиоуглеродного датирования в технологии *wiggle-matching* уже дает прекрасные результаты (Евразия…, 2005. С. 70–92), но, как представляется, в отдельных случаях может быть использовано шире и продуктивнее. Построение на материалах разных памятников из одной замкнутой географической области дендрохронологической шкалы, выходящей за пределы гальштаттского плато и узко привязанной *wiggle-matching* датами сверху и снизу, позволило бы вывести надежность и точность полученных данных на новый уровень.

Все это в полной мере относится к небольшой межгорной Уюкской котловине. Недооцененной, хоть и общеизвестной спецификой местных курганов является использование дерева в погребальных конструкциях в течение всего периода существования культур скифского типа в Туве, которые исчезают, по современным представлениям, не раньше II в. до н. э. Уже имеющихся образцов из раскопанных (или раскапываемых) памятников (рис. 1) может хватить на построение перекрывающей с обеих сторон гальштаттское плато

1 Работа проведена в рамках программы ФНИ ГАН «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие» (FMZF-2020-0002).

2 Тимур Рашитович Садыков — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: tim.sadykov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8535-1173.

3 Игорь Юрьевич Слюсаренко — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: slig1963@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1243-0900.

дендрошкалы, в противном случае необходимы прицельные раскопки в местах возможных «разрывов».

Рассмотрим подробнее возможные источники для подобного рода исследования. Этот список не претендует на полноту и содержит лишь самые очевидные пункты:

1. *Аржан-1.* Опорный памятник для раннескифской хронологии, материалы которого неоднократно датировались и анализировались. К настоящему времени наиболее вероятной считается дата 831–801 гг. до н. э., полученная *wiggle-matching*-способом (*Там же*. С. 88–89).

Аржан-1 стал первым памятником Тувы, для которого были получены результаты древесно-кольцевого анализа. Сначала Е. И. Захариевой на базе 42 образцов была построена «обобщенная схема прироста», что позволило ей перекрестно датировать полученную 252-летнюю древесно-кольцевую хронологию с шкалами алтайских курганов Туэкты и Пазырыка (*Захариева*, 1976). Повторное исследование древесины кургана Аржан-1 было проведено Л. С. Марсадоловым, результатом чего стало продление обобщенной саяно-алтайской дендрошкалы и новый вариант датировки курганов (*Марсадолов*, 1988). Данные исследования вызывают вопросы методического характера. Оставляя в стороне саму принципиальную возможность сопоставления по годичным кольцам курганов Алтая и Тувы, обратим внимание на формулировку, касающуюся точности полученной даты: «перекрестным датированием установлено, что курган Аржан на 200±5 лет древнее Туэкты-I» (*Там же*. С. 75), хотя, исходя из методики, образцы либо датируются с точностью до года, либо не датируются вообще.

Позднее при участии одного из авторов по шести новым образцам была построена независимая древесно-кольцевая хронология для кургана Аржан-1 длительностью 224 года, а также сделана попытка оценить степень влияния локальных условий на прирост деревьев. Результаты позволяют говорить, что в наибольшей степени влиянию локальных условий подвержены образцы из кургана Аржан-1, что может затруднить в будущем дендрохронологическое датирование этого кургана (*Мыглан*, *Слюсаренко*, 2008).

2. *Туннуг-1.* С 2017 г. исследуется курган Туннуг-1, для которого получена *wiggle-matching*-дата — 833–800 гг. до н. э. (*Caspari et al.*, 2020). Уже отобрано 35 спилов, а общее количество образцов будет, по всей видимости, больше ста (*Sadykov et al.*, 2020). Даты памятника, как и даты Аржана-1, полностью выходят за гальштаттское плато и относятся к «аржанскому горизонту» раннескифской культуры.

3. *Аржан-2.* Раскопанный в начале XXI в., курган был сооружен во второй половине VII в. до н. э. (*Чугунов и др.*, 2017) и относится к алды-бельской археологической культуре. Собрана коллекция образцов из трех погребений, и по результатам анализа 61 спила по-

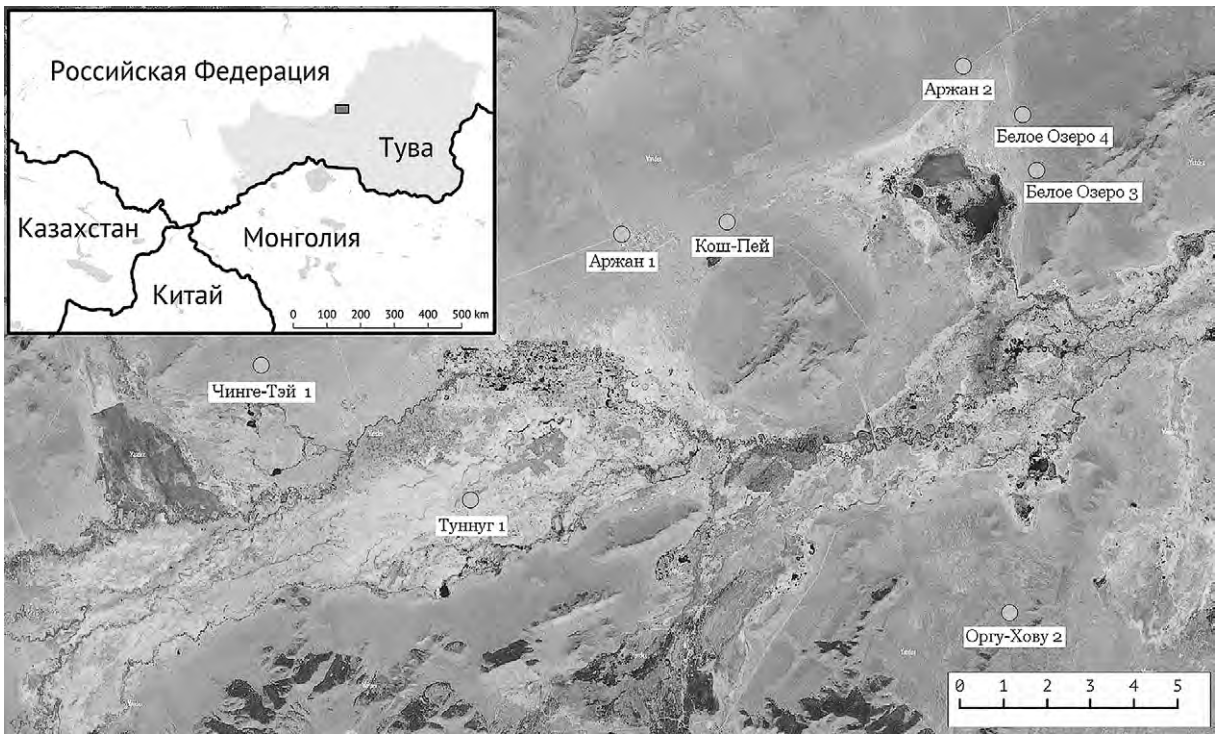

Рис. 1. Карта археологических памятников, упоминаемых в тексте

Fig. 1. Map of archaeological sites mentioned in the text

строена «плавающая» дендрошкала, насчитывающая 200 лет. В рамках этой шкалы с точностью до года установлена последовательность сооружения погребений (*Мыглан и др.*, 2006). Теоретически древесно-кольцевая хронология кургана Аржан-2 может быть напрямую связана с дендрошкалами Аржана-1 и Туннуга-1.

4. *Чинге-Тей 1.* Исследуется с 2008 г. и, по предварительным данным, близок по времени Аржану-2. Дерево использовалось как в сопроводительных погребениях основного кургана (*Чугунов*, 2019), так и в «периферийных» объектах (*Олещак*, *Чугунов*, 2020). В процессе раскопок взяты образцы, которые еще не проанализированы. Памятник относится к алды-бельской культуре и потенциально способен расширить дендрошкалу Аржана-2 в обе стороны.

5. *Кош-Пей 1* и *2.* Раскопано несколько курганов с погребениями в лиственничных срубах. Памятник относится к уюкско-саглынской культуре, сменившей алды-бельскую, и археологически датируется VI–V вв. до н. э. (*Семенов*, 2010). Взяты образцы дерева, которые пока не проанализированы.

6. *Белое озеро 3.* Полностью раскопан в 2013 г., относится к уюкско-саглынской культуре, археологически датируется VI–V вв. до н. э. (*Семенов и др.*, 2014). Зафиксировано четыре коллективных погребения в срубах, взяты образцы, которые пока не обработаны.

7. *Белое озеро 4.* Исследовался в 2012–2013 гг., относится к уюкско-саглынской культуре, археологически датируется VI–V вв. до н. э. (*Там же*). Также взяты образцы от бревен срубов, которые пока не изучены.

8. *Оргу-Хову 2.* В 2013 г. исследован один курган (коллективное погребение в срубе), относящийся к саглынскому варианту уюкско-саглынской культуры и предварительно датированный IV–II вв. до н. э. (*Там же*). Теоретически даты внешних колец бревен сруба должны выходить за гальштаттское плато, при этом можно надеяться, что дендрошкала «дотянется» до более ранних курганов. Взяты образцы, которые пока не проанализированы.

Таким образом, уже сейчас можно попробовать сомкнуть дендрохронологическую шкалу через гальштаттское плато на материалах из памятников Уюкской котловины, которые в том числе очень представительны археологически и послужат источником надежных, точно датированных аналогий. Подобного рода исследование крайне важно не только для широких («евразийских») обобщений, но и для дальнейшей детализации истории собственно Южной Сибири, где «разброс мнений» по датировкам отдельных памятников может составлять не одно столетие.

Евразия…, 2005 — Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / под науч. ред. Г. И. Зайцевой и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Захариева, 1976 — *Захариева Е. И.* Дендрохронологическое исследование кургана Аржан // СА. 1976. № 1. С. 100–106.

Марсадолов, 1988 — *Марсадолов Л. С.* Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. // АСГЭ. 1988. № 29. С. 65–81.

Мыглан и др., 2006 — *Мыглан В. С.*, *Слюсаренко И. Ю.*, *Ойдупаа О. Ч.*, *Гаркуша Ю. Н.* Царский курган Аржан-2 в Туве: дендрохронологический аспект // АЭАЕ. 2006. № 4. С. 130–138.

Мыглан, *Слюсаренко*, 2008 — *Мыглан В. С.*, *Слюсаренко И. Ю.* Дендрохронологическое исследование курганов Аржан и Аржан-2 в Туве: подходы, проблемы, перспективы // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. III. С. 380–383.

Олещак, *Чугунов*, 2020 — *Олещак Л.*, *Чугунов К. В.* Исследования кургана раннескифского времени на периферии «царского» погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй 1 в Туве // Тр. VI (XXII) ВАС в Самаре. Т. II. Самара: СамГСПУ, 2020. С. 346–348.

Семенов, 2010 — *Семенов Вл. А.* Кош-Пейские курганы в тувинской «Долине царей» (VI–V вв. до н. э.) // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама / Редкол.: В. А. Алёкшин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 241–246.

Семенов и др., 2014 — *Семенов Вл. А.*, *Килуновская М. Е.*, *Глухов В. О. и др.* Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г. // Бюллетень ИИМК РАН. 2014. № 4. С. 327–366.

Чугунов, 2019 — *Чугунов К. В.* Исследования погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I в Туве // АСГЭ. 2019. № 42. С. 92–109.

Чугунов и др., 2017 — *Чугунов К. В.*, *Парцингер Г.*, *Наглер А.* Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Шиятов и др., 2000 — *Шиятов С. Г., Ваганов Е. А.*, *Кирдянов А. В. и др.* Методы дендрохронологии. Ч. I. Основы дендрохронлогии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: учебно-методическое пособие. Красноярск: КрасГУ, 2000. 80 с.

Caspari et al., 2020 — *Caspari G.*, *Sadykov T.*, *Blochin J. et al.* New evidence for a Bronze Age date of chariot depictions in the Eurasian steppe // Rock Art Research. 2020. Vol. 37. No. 1. P. 53–58.

Sadykov et al., 2020 — *Sadykov T.*, *Caspari G.*, *Blochin J.* Kurgan Tunnug 1— New Data on the Earliest Horizon of Scythian Material Culture // JFA. 2020. Vol. 45. No. 8. P. 556–570.

van der Plicht, 2004 — *van der Plicht J.* Radiocarbon, the Calibration Curve and Scythian Chronology // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia / Ed. by E. M. Scott, A. Yu. Alexeev, G. Zaitseva. Groningen: University of Groningen, 2004. P. 45–61 (NATO Science Series IV: Earth and Environmental Sciences; Vol. 42).

Crossing the Hallstatt plateau in the Uyuk depression

Timur R. Sadykov[4], Igor Yu. Slyusarenko[5]

The Uyuk depression in Tuva is a key micro-region for solving the problems of the formation and development of the Scythian type cultures. Among the sites excavated here, the earliest ones (Arzhan-1, Tunnug 1) predate the Hallstatt plateau, the latest (Orgu-Khovu 2) most likely date later. Wood is used in the funerary constructions of all these mounds. Thus, it is possible to construct a dendrochronological scale based on wood from one closed geographical area, extending in both directions beyond the Hallstatt plateau and accurately tied by wiggle-matching dates from above and below.

Keywords: *Tuva, Arzhan, Siberian Valley of the kings, Scythian archaeological culture, Hallstatt plateau, dendrochronology, wiggle-matching.*

4 Timur R. Sadykov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: tim.sadykov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8535-1173.

5 Igor Yu. Slyusarenko — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: slig1963@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1243-0900.

Реконструкции природной среды Турано-Уюкской котловины в скифское время по материалам палеопочвенных исследований погребально-поминальных комплексов Чинге-Тей-I и Туннуг-1

М. А. Бронникова[1], К. В. Чугунов[2], Т. Р. Садыков[3], А. В. Панин[4]

Аннотация. *Исследованы палеопочвы, погребенные под насыпями скифских погребально-поминальных комплексов Чинге-Тей-I и Туннуг-1, и дневные почвы современных ландшафтов долины р. Уюк в Турано-Уюкской котловине Тувы: на внепойменной территории подгорного склона и правобережной обводненной поймы соответственно. Проведенные палеопочвенные исследования показали, что внепойменные ландшафты в скифское время были представлены менее аридными, по сравнению с современными, более продуктивными (возможно, мерзлотными) степями. Пойма на протяжении всех последних тысячелетий голоцена оставалась регулярно затапливаемой, в той или иной степени переувлажненной, несмотря на направленную аридизацию климата.*

Ключевые слова: *Тува, скифское время, погребально-поминальные комплексы, палеореконструкции, палеопочвы, палеоландшафты.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.220-223

Настоящая работа представляет результаты палеопочвенных междисциплинарных геоархеологических исследований скифских погребально-поминальных комплексов Чинге-Тей-I и Туннуг-1 и окружающих их ландшафтов и палеопочв, несущих информацию о среде обитания человека скифского времени.

Погребально-поминальные комплексы Чинге-Тей-I и Туннуг-1 расположены на севере Тувы, в Турано-

1 Мария Артемовна Бронникова — Институт географии РАН, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, Москва, 119017, Российская Федерация; e-mail: bronnikova@igras.ru; ORCID: 0000-0003-4181-8530.

2 Константин Владимирович Чугунов — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: chugunovk@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1977-7189.

3 Тимур Рашитович Садыков — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: tim.sadykov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8535-1173.

4 Андрей Валерьевич Панин — Институт географии РАН, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, Москва, 119017, Российская Федерация; e-mail: a. v.panin@igras.ru; ORCID: 0000-0001-9587-1260.

Уюкской межгорной котловине, под южными склонами Куртушибинского хребта, в долине р. Уюк, в ее среднем течении, в т. н. Долине царей. Комплекс Чинге-Тей-I локализован на левобережье Уюка, на хорошо дренированной подгорной равнине, занятой низкотравной сухой холодной степью. Памятник Туннуг-1 расположен среди сильно обводненных, труднопроходимых болот правобережной поймы Уюка. Несмотря на то, что памятники находятся на очень небольшом расстоянии друг от друга (около 6 км по прямой), современный окружающий их ландшафт сильно различается. Оба памятника представляют собой крупные мемориальные комплексы сложной планировки, сооружавшиеся в несколько этапов.

Радиоуглеродные даты образцов из могил, открытых на периферии кургана комплекса Чинге-Тей-I, позволяют предполагать, что наиболее вероятное время их сооружения VI в. до н. э. Даты образцов дерева и костей лошади из окружающего курган рва показали существенное отличие их возраста в сторону удревнения почти на 1,5–2 столетия. Это может быть свидетельством гораздо большей продолжительности функционирования мемориала, чем предполагалось ранее. Не исключено, что под центральной, еще не вскрытой раскопками частью кургана скрыт более древний, чем исследованные могилы, первоначальный комплекс (*Чугунов*, 2019).

На площади археологического памятника Туннуг-1 (центральный курган и его непосредственное окружение) зафиксировано как минимум три этапа антропогенной активности, выраженных в появлении новых объектов и, соответственно, консервации почвенных горизонтов. Первый этап — строительство центрального кургана и цепочки окружающих «каменных колец». Археологически курган относится ко времени зарождения «раннескифской» культурной традиции в регионе. Лиственничные бревна, лежащие в основе кургана, датированы методом wiggle-matching в пределах последней трети IX в. до н. э. (*Caspari et al.*, 2020; *Sadykov et al.*, 2020). Второй этап — формирование «кургана-кладбища» на южной периферии памятника и отдельных погребений и каменных ритуальных структур представителями социума кокэльской археологической культуры. Серией радиоуглеродных определений этот пласт активности датируется рубежом III–IV вв. н. э. (*Milella et al.*, 2021; *Sadykov et al.*, 2021). Третий этап — постройка курганов к югу как от основного кургана, так и от более позднего «кургана-кладбища». Археологически курганы относятся к раннему средневековью, погребальный обряд в них представлен как кремациями, так и ингумациями.

На основании проведенных палеопочвенных исследований выполнены реконструкции ландшафтов долины Уюка в скифское время: на внепойменной территории подгорного склона, где расположен памятник Чинге-Тей-I, и правобережной поймы в районе памятника Туннуг-1.

В качестве «свидетелей», «архивов» палеосреды исследованы четыре погребенных почвенных профиля: три почвы, погребенные под разновозрастными насыпями кургана Туннуг-1 (более 2800, около 1700 и около 1300 л. н.), а также почва, погребенная около 2500 л. н. под курганом Чинге-Тей-I. Для реконструкции развития почв и ландшафтов исследованных участков геосистем во времени подкурганные почвы комплекса Чинге-Тей-I, расположенного в автоморфном ландшафте низкотравных криоксерофитных степей, сравнивались с дневными автоморфными почвами, криоаридными почвами криоксерофитных степей и черноземными квазиглеевыми перегнойно-гумусовыми криометаморфизованными почвами подгорного склона, подпитываемого грунтовыми водами, а погребенные палеопочвы комплекса Туннуг-1 — с надкурганными почвами и полугидроморфными почвами поймы Уюка. Основой для ландшафтных реконструкций послужили полевые морфологические, детальные лабораторные микроморфологические исследования и сравнительный анализ погребенных и дневных почв, а также данные по комплексу биоостатков в почвенных образцах, дающие представления о локальной экологии исследованных участков.

Проведенные исследования показали, что автоморфные почвы Турано-Уюкской котловины в период сооружения скифских курганов (2500–2800 л. н.), погребенные под курганом Чинге-Тей-I, имеют бескарбонатный темногумусовый горизонт, богатый дисперсным органическим веществом, с языковатой нижней границей, признаками биогенной проработки: порами, каналами и камерами со скоплением копролитов, хорошо выраженной копро-криогенной структурой. Во всех горизонтах в той или иной степени выражены признаки криогенной сепарации и сортировки: скопление сортированного пылеватого материала в порах, вокругагрегатная и вокругскелетная ориентация глинистой плазмы. В срединных горизонтах обнаруживаются ооидная и линзовидная криогенные структуры, в нижней части профиля — совершенная криогенная ооидная структура с четко выраженной вокругагрегатной ориентацией глинисто-железистой плазмы. Такие особенности морфологического строения погребенных почв свидетельствуют об их формировании в условиях несколько лучшей, по сравнению с современными дневными степными почвами, климатической влагообеспеченности и о существенной роли криогеннных процессов в их формировании. Почвенные условия скифской эпохи благоприятство-

вали развитию более продуктивных, менее влагодефицитных степных фитоценозов, но теплообеспеченность ландшафтов едва ли была выше современной. Полученные данные хорошо соответствуют опубликованным результатам спорово-пыльцевых исследований колонок озерных отложений по Белым озерам и почв под курганами скифского времени, свидетельствующим о похолодании второй половины голоцена и периоде повышенного климатического увлажнения в Турано-Уюкской котловине 4600–2500 л. н., сменившемся аридизацией 2500–2300 л. н. (*Дирксен, Чугунов*, 2007; *Килуновская и др.*, 2017).

Особенности морфологии и биосостава почв, погребенных под разновозрастными насыпями погребального комплекса Туннуг-1, свидетельствуют, что пойменная территория, на которой он сооружался, всегда оставалась зоной повышенного увлажнения. Полученные данные позволяют сделать вывод о росте степени переувлажнения во временном ряду: 2800–1700–1300 л. н. — и о максимальной выраженности криогенных признаков в почвах 1700-летнего возраста, а также о сходной степени гидроморфизма (переувлажнения) у дневных почв и почв 1300-летнего возраста. Эти данные на первый взгляд входят в противоречие с заключением о росте аридности в последние тысячелетия голоцена как в Турано-Уюкской котловине, так и в Алтае-Саянском регионе в целом (*Панин и др.*, 2012; *Bronnikova et al.*, 2014 и др.). Однако обводненность пойменных ландшафтов не всегда напрямую связана с климатическим фактором. Изучение геологического строения долины р. Уюк (*Беляев и др.*, 2021) показало, что она длительное время находится в состоянии направленной аккумуляции, что определяет сохранение постоянного затопления поймы независимо от климатической ритмики. Бурение и геофизические изыскания показали наличие в южной части поймы р. Уюк, в том числе под курганом Туннуг-1, линзы многолетнемерзлых пород (ММП) на глубине 5–20 м (*Там же*). Не исключено, что именно с периодом существования в котловине многолетней мерзлоты связаны обнаруживаемые в почвах криогенные признаки. В частности, описанная ооидная микроструктура характерна именно для слоя сезонного протаивания многолетней мерзлоты, а не для почв длительного сезонного промерзания (*Van Vliet-Lanoë, Fox*, 2018).

Беляев и др., 2021 — *Беляев Ю. Р., Панин А. В., Бронникова М. А. и др.* История формирования рельефа западной части Турано-Уюкской котловины (Тувинское нагорье) в позднем плейстоцене // Геоморфология. 2021. Т. 52. № 4. С. 15–27.

Дирксен, Чугунов, 2007 — *Дирксен В. Г., Чугунов К. В.* Турано-Уюкская котловина Тувы: изменения природных условий и динамика ее освоения в древности (опыт реконструкции) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2007. С. 139–164.

Килуновская и др., 2017 — *Килуновская М. Е., Приходько В. Е., Бляхарчук Т. А. и др.* Комплексное исследование курганов и реконструкция климата Турано-Уюкской котловины Тувы скифского времени // АЭАЕ. 2017. Т. 45. № 4. С. 82–92.

Панин и др., 2012 — *Панин А. В., Бронникова М. А., Фузеина Ю. Н. и др.* Палеоклимат, палеогидрология и палеокриогенез на юго-востоке Саяно-Тувинского нагорья в позднеледниковье и голоцене (по результатам изучения истории озера Тере-Холь // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 2012. Т. 72. С. 104–121.

Чугунов, 2019 — *Чугунов К. В.* Исследования погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I в Туве // АСГЭ. 2019. Вып. 42. С. 92–109.

Bronnikova et al., 2014 — *Bronnikova M., Panin A., Uspenskaya O. et al.* Late Pleistocene–Holocene environmental changes in ultra-continental subarid permafrost-affected landscapes of the Terekhol Basin, South Siberia // Catena. 2014. Vol. 112. P. 99–111.

Caspari et al., 2020 — *Caspari G., Sadykov T., Blochin J. et al.* New evidence for a Bronze Age date of chariot depictions in the Eurasian steppe // Rock Art Research. 2020. Vol. 37. No. 1. P. 53–58.

Milella et al., 2021 — *Milella M., Caspari G., Kapinus Y. et al.* Troubles in Tuva: Patterns of perimortem trauma in a nomadic community from Southern Siberia (second to fourth c. CE) // AJPA. 2021. Vol. 174. Iss. 1. P. 3–19.

Sadykov et al., 2020 — *Sadykov T., Caspari G., Blochin J.* Kurgan Tunnug 1 — New Data on the Earliest Horizon of Scythian Material Culture // JFA. 2020. Vol. 45. Iss. 8. P. 556–570.

Sadykov et al., 2021 — *Sadykov T., Caspari G., Blochin J., Losch S. et al.* The Kokel of Southern Siberia: New data on a post-Xiongnu material culture // PLOS One. 2021. Vol. 16 No. 7. e0254545 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://journals.plos.org/plosone article?id=10.1371/journal.pone.0254545 (дата обращения: 01.07.2022).

Van Vliet-Lanoë, Fox, 2018 — *Van Vliet-Lanoë B., Fox C. A.* Frost Action // Interpretation of Micromorphological Features of Soils and Regoliths. 2nd ed. / Ed. by G. Stoops, V. Marcelino, F. Mees. Amsterdam: Elsevier, 2018. P. 575–603.

Reconstruction of the environment of Turan-Uyuk depression in the Scythian time according to paleosoils research of Chinge-Tey-I and Tunnug-1 burial-memorial complexes

Maria A. Bronnikova[5], Konstantin V. Chugunov[6], Timur R. Sadykov[7], Andrey V. Panin[8]

Buried paleosoils and surface contemporary soils were studied in relation to Chinge-Tey-I and Tunnug-1 burial-memorial complexes in the Uyuk river valley, Turano-Uyuk intermountain basin: non-flooded piedmont flat, and floodplain wetland of the right-bank correspondingly. Conducted paleosoil studies revealed that less arid more resourceful, probably permafrost affected, steppe communities covered the piedmont flat while floodplain have been being regularly flooded and overmoistened within the last thousands of years despite an advancing aridization of climate.

Keywords: *Tuva, Scythian time, burial-memorial complexes, paleoenvironmental reconstructions, paleosoils, paleolandscapes.*

5 Maria A. Bronnikova — Institute of Geography of the RAS, 29/4 Staromonetny All., Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: bronnikova@igras.ru; ORCID: 0000-0003-4181-8530.

6 Konstantin V. Chugunov — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., Saint Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: chugunovk@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1977-7189.

7 Timur R. Sadykov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: tim.sadykov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8535-1173.

8 Andrey V. Panin — Institute of Geography of the RAS, 29/4 Staromonetny All., Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: a.v.panin@igras.ru; ORCID: 0000-0001-9587-1260.

Социальная атрибуция погребенных в кургане № 30 могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Алтай)[1]

П. К. Дашковский[2]

Аннотация. *В публикации представлены предварительные результаты изучения кургана № 30 могильника Ханкаринский дол (Алтай), относящегося к пазырыкской культуре. В процессе его раскопок выявлено разграбленное парное погребение мужчины и подростка. Вдоль северной стенки могилы обнаружено сопроводительное захоронение семи лошадей. На основании изучения погребального обряда и инвентаря курган № 30 отнесен к числу памятников региональной элиты кочевников Северо-Западного Алтая и датирован не ранее IV в. до н. э., возможно, второй половиной IV — началом III в. до н. э.*

Ключевые слова: *Алтай, ранний железный век, пазырыкская культура, погребальный обряд, региональная элита.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.223-225

Данная публикация посвящена социальному аспекту изучения материалов, полученных в ходе исследования кургана № 30 могильника Ханкаринский дол, который относится к пазырыкской культуре. Могильник расположен в окрестностях с. Чинета Краснощековского р-на Алтайского края. Он находится в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток р. Чарыш) в 1–1,5 км к ЮВ от с. Чинета.

Курган № 30 выявлен в южной части некрополя. Диаметр насыпи, сложенной в 2–4 слоя из камней, достигал 11 м, а ее высота — 0,7 м. Под насыпью кургана выявлена могильная яма подквадратной формы, которая имела следующие размеры по уровню древнего горизонта: 3,3 × 3,2 × 3,04 м (глубина могилы дана от нулевого репера). В могиле обнаружено парное погребение людей, покойники были ориентированы головой на восток. Несмотря на разграбление кургана, удалось установить пол и возраст погребенных — это мужчина в возрасте 23–25 лет и подросток мужского пола 13–14 лет (определения сделаны к. и. н. С. С. Тур). Из сопроводительного инвентаря обнаружены: четы-

1 Статья подготовлена в рамках выполнения грантов РФФИ (№ 19-49-220002 и № 19-59-44002).

2 Петр Константинович Дашковский — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru; ORCID: 0000-0002-4933-8809.

ре уменьшенные копии бронзовых кинжалов в деревянных ножнах; бронзовый чекан с деревянной втулкой; железный нож; два скопления фрагментов лака на деревянной основе, возможно, от деревянных лаковых изделий (чашечек?); три скопления фрагментов золотой фольги; а также ритуальная пища (кости барана). Вдоль южной стенки могилы сохранилась деревянная плаха длиной 1,45 м, вероятно, от погребальной конструкции в виде рамы.

Вдоль северной стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение семи лошадей, которые были уложены в два ряда друг за другом и ориентированы головой на восток. В зубах пяти из них зафиксированы железные кольчатые удила. Двое удил были обернуты золотой фольгой. У одной лошади в районе ребер также обнаружен обломок круглой костяной пронизки. Кроме того, в районе черепов и ребер выявлены многочисленные фрагменты фольги, которые, вероятно, являлись элементами украшений снаряжения лошадей.

Предметы вооружения кочевников и снаряжения лошади имеют устойчивые аналогии в других памятниках пазырыкской культуры, преимущественно не ранее IV в. до н. э., возможно, второй половины IV — начала III в. до н. э. (*Кирюшин, Степанова*, 2004; *Кубарев*, 1991; *Кубарев, Шульга*, 2007. С. 74–81; *Суразаков*, 1989; *Дашковский*, 2018; *Шульга*, 2015; и др.). Ценные находки сделаны возле черепа одного погребенного в виде двух скоплений фрагментов лака (красного и черного цвета) на деревянной основе. Ранее находки предметов китайского импорта в виде деревянных лаковых изделий были обнаружены в курганах № 21 и 31 могильника Чинета-II, расположенного в одной речной долине с некрополем Ханкаринский дол (*Дашковский, Новикова*, 2017).

Полученные предварительные результаты позволяют провести социальный анализ погребенных в кургане № 30. Следует отметить, что территориальный ареал распространения памятников пазырыкской культуры дает основания говорить о наличии обширной политии номадов, имеющих как центр, возглавляемый политической элитой, так и периферию с присущей ей системой реализации власти (*Tishkin, Dashkovskiy*, 2019). «Царские» погребальные объекты, принадлежащие представителям верховной власти, достаточно легко верифицируются, исходя из масштабности и богатства сопроводительного инвентаря. Однако для региональных структур власти подобные четко фиксируемые маркеры отсутствуют. Это делает затруднительным выделение погребальных памятников, принадлежащих представителям региональной элиты. В то же время в современной номадологии достаточно хорошо разработана проблематика, связанная с изучением теоретического и культурно-исторического аспектов элиты кочевых обществ, в том числе скифо-сакского периода (Элита…, 2015. С. 11–98). К числу маркирующих признаков региональной элиты, наряду с параметрами погребальных комплексов, следует отнести «престижные» вещи, имеющие наибольшую ценность в обществе номадов (*Харинский*, 2004. С. 118). Следует отметить, что важной функцией элиты, кроме того, что она определяла динамику изменения общественной системы, являлось также формирование определенной «кочевой моды» (*Дашковский*, 2005. С. 241). Это, в свою очередь, проявлялось в стремлении представителей местной власти подражать политическим лидерам в обладании наиболее «статусными» предметами. Для пазырыкской культуры к их числу можно отнести: предметы импорта (в том числе лаковые изделия); обязательное сопроводительное погребение лошади; определенный набор предметов вооружения и элементов костюмного комплекса — украшений, гривен и головных уборов, выполненных с использованием золота, а также элементов скифского звериного стиля (Элита…, 2005. С. 11–98).

Территориально полития «пазырыкцев» включала обширные предгорные и горные районы Российского Алтая и прилегающие территории Монголии, Казахстана и Китая. Можно выделить несколько политарных зон, где консолидировалось население, а также «царские» и элитные погребальные памятники (*Ануфриев*, 1997; *Tishkin, Dashkovskiy*, 2019). Северо-Западный Алтай — один из ареалов распространения пазырыкской культуры, который включает т. н. чарышскую (северо-западную) группу памятников в бассейне Чарыша с комплексом в долине Сентелека и могильниками Ханкаринский дол, Чинета-II. В этом регионе достоверно выявлен пока один «царский» курган пазырыкской культуры в долине Сентелека — курган № 1 могильника Урочище Балчиково-3 (*Шульга, Демин*, 2021. С. 43–63). В связи с этим ранее было указано на возможность выделить на могильниках Ханкаринский дол и Чинета-II погребения представителей региональной элиты (Элита…, 2015. С. 99–107).

Рассмотрим в этой связи курган № 30 могильника Ханкаринский дол. По параметрам насыпи и объема могильной ямы курган № 30 относится к группе малых курганов, поскольку его максимальный диаметр — 11 м, высота — до 0,7 м, а объем могильной ямы — ~ 28 куб. м. При этом в парном погребении мужчин обнаружено сопроводительное захоронение семи лошадей, что является важнейшим признаком достаточно высокого социального статуса погребенных. В данном случае следует отметить, что примерно в 37% погребений пазырыкской культуры зафиксировано сопроводительное захоронение от одного до трех коней. Погребений же, в которых выявлено более трех лошадей (от 4 до 22), раскопано немногим более 20 (*Тишкин, Дашковский*, 2003. С. 147–149). При этом все курганы, в которых выявлено большое количество сопроводительных конских захоронений, характеризовались и достаточно масштабными

параметрами самого погребального сооружения — как курганной насыпи, так и внутримогильной конструкции. Важно отметить, что в кургане № 30 могильника Ханкаринский дол выявлены деревянные китайские лаковые изделия, которые в отношении пазырыкской культуры интерпретируются как признак достаточно высокого социального статуса погребенных — именно представителей элиты (*Дашковский, Новикова*, 2017). Следует также обратить внимание на то, что в погребении, несмотря на его сильное ограбление, обнаружены предметы вооружения (четыре миниатюрных кинжала в деревянных ножнах и чекан), а также значительное количество фольги, включая фрагменты от украшения элементов конского снаряжения.

По характеру погребального инвентаря, в том числе предметов китайского импорта, наличию сопроводительного захоронения семи лошадей курган № 30 могильника Ханкаринский дол заметно выделяется среди других раскопанных курганов, как в пределах Чинетинского археологического микрорайона, так и в целом в Северо-Западном Алтае. Это позволяет сделать вывод о достаточно высоком социальном статусе погребенных, которых можно отнести к региональной кочевой элите.

Ануфриев, 1997 — *Ануфриев Д. Е.* Социальное устройство пазырыкского общества Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. С. 108–111.

Дашковский, 2005 — *Дашковский П. К.* Формирование элиты кочевников Горного Алтая в скифскую эпоху // Социогенез в Северной Азии прошлое, настоящее, будущее: Материалы регион. науч.-практ. конф. / Редкол.: А. В. Харинский и др. Иркутск: ИГТУ, 2005. С. 239–244.

Дашковский, 2018 — *Дашковский П. К.* Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени на могильнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2018. Т. 15. № 2. С. 9–23.

Дашковский, Новикова, 2017 — *Дашковский П. К., Новикова О. Г.* Китайские лаки из могильника скифской эпохи Чинета II (Алтай) // АЭАЕ. 2017. Т. 45. № 4. С. 102–112.

Кирюшин, Степанова, 2004 — *Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 292 с.

Кубарев, 1991 — *Кубарев В. Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 194 с.

Кубарев, Шульга, 2007 — *Кубарев В. Д., Шульга П. И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 282 с.

Суразаков, 1989 — *Суразаков А. С.* Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1989. 214 с.

Тишкин, Дашковский, 2003 — *Тишкин А. А., Дашковский П. К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 430 с.

Харинский, 2004 — *Харинский А. В.* Престижные вещи в погребениях Байкальского побережья конца I тыс. до н. э. — нач. II тыс. н. э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 108–114.

Шульга, 2015 — *Шульга П. И.* Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. 322 с.

Шульга, Демин, 2021 — *Шульга П. И., Демин М. А.* Курганы Сентелека. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. 188 с.

Элита…, 2015 — Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. 330 с.

Tishkin, Dashkovskiy, 2019 — *Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K.* The social complexity of the Pazyrik culture in Altai, 550–200 BC // Social Evolution and History. 2019. Vol. 18. No. 2. P. 73–91.

The social attribution of buried people in the Pazyryk mound No. 30 from the burial ground Khankarinsky Dol (Altai)

Petr K. Dashkovskiy[3]

The paper presents preliminary results of the study of barrow No. 30 (Khankarinsky Dol burial ground, Altai), where a plundered paired burial of a man and a teenager was revealed. An accompanying burial of seven horses was found along the northern wall of the grave. Based on the study of the funeral rite and inventory, mound No. 30 was classified as a site of the regional nomadic elite of the North-Western Altai and dated no earlier than the 4th cent. BC — probably even the second half of the 4th — beginning of the 3rd cent. BC.

Keywords: *Altai, Early Iron Age, Pazyryk culture, funeral rite, regional elite.*

3 Petr K. Dashkovskiy — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru; ORCID: 0000-0002-4933-8809.

Курганы пазырыкской культуры с керамическими сосудами, исследованные на могильнике Суншугоу (Синьцзян, Китай)[1]

Му Цзиньшань[2]

Аннотация. *На территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая исследованы курганы пазырыкской культуры. Важными индикаторами для выявления пазырыкских объектов являются основные признаки погребального обряда, а также обнаруженный инвентарь. Опыт такого анализа представлен в данной статье на примере изучения могильника Суншугоу. Приводится описание трех курганов и зафиксированных находок, особое внимание уделено керамике. Обозначены перспективы дальнейших исследований.*

Ключевые слова: *Синьцзян, Суншугоу, пазырыкская культура, курган, керамика.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.226-228

Горный хребет Саур находится на юго-западной окраине округа Алтай в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Он также является разделительной линией между округом Алтай и Или-Казахским автономным округом. Географическое положение хребта определяет направления возможного взаимодействия народов сопредельных территорий. Это нашло отражение в могильнике Суншугоу, где на северном и южном склонах хребта обнаружены типичные курганы пазырыкской культуры.

Могильник Суншугоу расположен на летних пастбищах поселка Чаган-Гол, уезда Хобоксар Или-Казахского автономного округа. С мая по июль 2017 г. экспедиция Синьцзянского института археологии и культурного наследия (г. Урумчи, Китай) вместе с управлением культуры и музеем уезда под руководством Ю Цзянцзюня провела археологические исследования на могильнике Суншугоу. Результаты работ опубликованы в виде отчета (Хэбусайэрсянь..., 2018). Всего был раскопан 31 курган. На основе анализа всех материалов и при их сравнении с опубликованными сведениями о погребальных объектах Алтая скифо-сакского времени (*Тишкин*, *Дашковский*, 2003; *Кирюшин и др.*, 2003) можно сделать вывод, что три кургана (№ 2, 24 и 28) могильника Суншугоу относятся к пазырыкской культуре. Об этом уже кратко упоминалось в предыдущих публикациях (*Му Цзиньшань*, 2020а; 2020 б). Здесь представлено более полное их описание.

Курган № 2. Каменная насыпь диаметром 10,5 м и высотой 0,5 м была сооружена из скальных обломков, гальки и лесса. Могила прямоугольной формы имела размеры 3,54 × 2,57 м и глубину 2 м; она была ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В заполнении могильной ямы обнаружено большое количество гальки и лесса. Единственный погребенный лежал в вытянутом положении, головой на СВ (рис. 1, *I*). Пол и возраст умершего определить невозможно из-за сильного повреждения скелета. В северной части могилы была захоронена лошадь. Скелет животного неполный, сохранились только череп и конечности. В центре могилы обнаружены глиняный кувшин (рис. 1, *I*), железный нож, золотая фольга.

Курган № 24. Каменная насыпь округлой формы (диаметром около 12 м и высотой 0,63 м) была сооружена из скальных обломков, гальки и лесса. Могила прямоугольной формы со скругленными углами имела размеры 2,72 × 1,78 м и глубину 1,6 м. Засыпка могилы осуществлялась большим количеством гальки и лесса. В ней находился деревянный сруб длиной 2,02 м и шириной 1,08 м. Курган был разграблен, человеческие кости не найдены (рис. 1, *II*). В северной части могилы лежала одна лошадь головой на ЮВ, с железными удилами во рту. В могиле зафиксированы высокогорлый кувшин (рис. 1, *II*), железный нож, железная пряжка, золотая фольга и крестец овцы.

Курган № 28. Каменная насыпь округлой формы (диаметром около 13,5 м и высотой 0,6 м) была сооружена из скальных обломков и лесса. Могила прямоугольной формы со скругленными углами имела размеры 4,1 × 2,5 м и глубину 3,02 м. Засыпка могилы представляла собой смесь гальки и лесса. Курган был ограблен. В юго-восточной и юго-западной части дна могилы зафиксированы остатки каменной обкладки. В южной части могилы обнаружены части скелета погребенного человека (рис. 1, *III*). Плечевая кость, позвонки, бедренная кость, большеберцовая кость, малоберцовая кость и таз остались на прежнем месте. В северной части могилы лежали три лошади (на правом боку, со слегка подогнутыми ногами, головой

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-39-90022.

2 Му Цзиньшань — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: mujinshan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7463-9638.

в восточную сторону). Голова крайней с восточной стороны лошади была украшена золотой фольгой, а во рту находились железные удила. Лошадь представляет собой жеребца 7 или 8 лет. Найдены глиняный кувшин (рис. 1, *III*), бусы, железные ножи и обломки железа.

Погребальный обряд и находки позволяют считать, что курганы № 2, 24 и 28 могильника Суншугоу относятся к пазырыкской культуре, широко распространенной в горах Алтая на территории России, Монголии, Китая и Казахстана. Ее формирование и развитие может быть связано с рядом исторических собы-

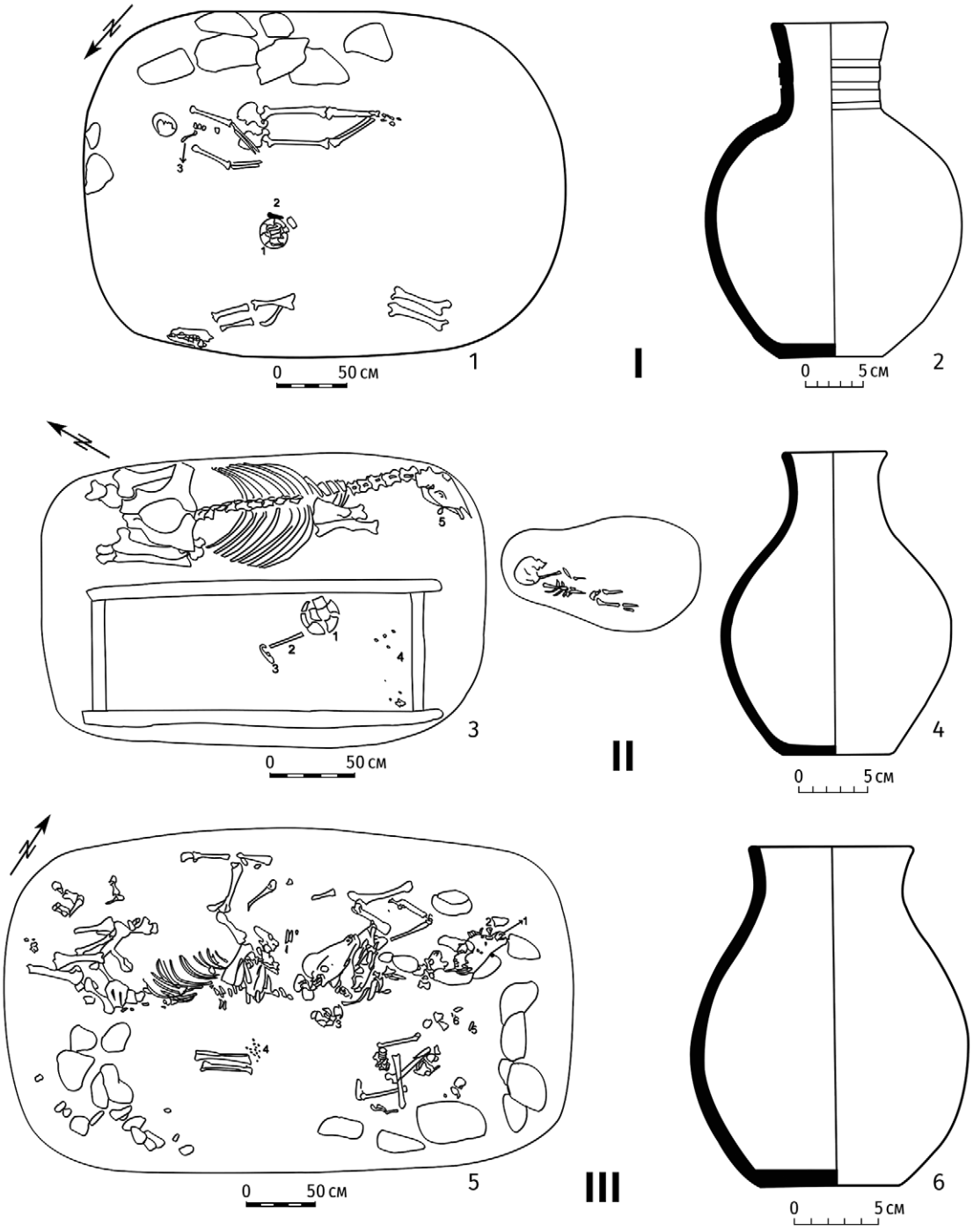

Рис. 1. Раскопанные комплексы могильника Суншугоу, планы (*1*, *3*, *5*) и глиняные сосуды (*2*, *4*, *6*): *I* — курган № 2; *II* — курган № 24; *III* — курган № 28

Fig. 1. The excavated complexes of Songshugou burial ground, plans (*1*, *3*, *5*) and clay vessels (*2*, *4*, *6*): *I* — burial mound № 2; *II* — burial mound № 24; *III* — burial mound № 28

тий, произошедших в раннем железном веке (*Тишкин*, 2007. С. 150–151). Предыдущие исследования в основном велись на территории Российского Алтая. Могильник Суншугоу и другие памятники показывают, что «пазырыкцы» освоили и другие прилегающие районы. Углубленное изучение направлений миграции носителей пазырыкской культуры поможет понять процессы ее развития и дополнить их историческими фактами. Особенно важно систематически исследовать ареал распространения пазырыкской культуры в Синьцзяне.

На могильнике Суншугоу были обнаружены три керамических изделия. Они представляют собой глиняные кувшины и имеют форму, типичную для пазырыкской посуды, найденной на Алтае (*Руденко*, 1953. С. 90). Пазырыкская керамика — один из самых многочисленных артефактов культуры. Керамическую посуду пазырыкской культуры можно в целом разделить на два типа, такие как кувшины и горшки (*Кубарев*, 1987; 1991; 1992). Разные типы керамики присутствуют в разных географических зонах Горного Алтая в России (*Кирюшин*, *Степанова*, 2004. С. 43–44). Или-Казахский автономный округ Синьцзяна, где расположен могильник Суншугоу, тесно связан с Восточным Казахстаном и Юго-Западным Алтаем России, и в пазырыкскую эпоху эти области составляли в культурном отношении одно целое. В этой географической зоне было известно немного керамических сосудов пазырыкской культуры, что повышает ценность находок из могильника Суншугоу. Дальнейшее уточнение типологии пазырыкской керамики и ареала распространения отдельных ее типов — задача наших дальнейших исследований.

Кирюшин, *Степанова*, 2004 — *Кирюшин Ю. Ф.*, *Степанова Н. Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 292 с.

Кирюшин и др., 2003 — *Кирюшин Ю. Ф.*, *Степанова Н. Ф.*, *Тишкин А. А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 234 с.

Кубарев, 1987 — *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, СО, 1987. 304 с.

Кубарев, 1991 — *Кубарев В. Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, СО, 1991. 194 с.

Кубарев, 1992 — *Кубарев В. Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, СО, 1992. 224 с.

Му Цзиньшань, 2020а — *Му Цзиньшань*. Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне // ТПАИ. 2020. Т. 30. № 2. С. 138–147.

Му Цзиньшань, 2020 б — *Му Цзиньшань*. Керамическая посуда из курганов пазырыкской культуры Синьцзяна // Изв. АлтГУ. 2020. № 5 (115). С. 120–126.

Руденко, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Тишкин, 2007 — *Тишкин А. А.* Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 356 с.

Тишкин, *Дашковский*, 2003 — *Тишкин А. А.*, *Дашковский П. К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 430 с.

Хэбусайэрсянь…, 2018 — Хэбусайэрсянь 219 годао Суншугоукоу муди каогу фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет об археологических раскопках могильника Суншугоукоу у государственной автострады 219 в уезде Хэбусайэр) // Синьцзян вэньу. 2018. № 1–2 (на кит. яз.).

Pazyryk burial mounds with ceramic vessels from Songshugou grave field (Xinjiang, China)

Mu Jinshan[3]

The burial mounds of Pazyryk archaeological culture are investigated in the territory of Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of China. The main features of the funeral rite and the burial inventory are important indicators of the Pazyryk sites. Such an analysis is undertaken in this paper on the example of Songshugou burial field. The author depicts three burial mounds and items found there; a special attention is paid for pottery. The perspective of the further investigations is also defined.

Keywords: *Xinjiang, Songshugou, Pazyryk culture, burial mound, pottery.*

3 Mu Jinshan — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: mujinshan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7463-9638.

Новые данные к одонтологии носителей пазырыкской культуры Горного Алтая

Н. А. Лейбова[1]

Аннотация. *Рассматриваются новые данные по одонтологии представителей пазырыкской археологической культуры скифского времени (VI–III вв. до н. э.) с территории Средней и Нижней Катуни, а также долины р. Чарыш в предгорьях Северо-Западного Алтая. Целью исследования является проверка на основе одонтологических данных гипотезы о существовании тесных связей между носителями пазырыкской культуры и представителями каменской и староалейской культур Верхнего Приобья скифского времени. Выяснено, что одонтологические данные подтверждают участие носителей северного локального варианта пазырыкской культуры в сложении староалейской и каменской культур.*

Ключевые слова: *Горный Алтай, скифское время, пазырыкская культура, одонтология.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.229-232

Пазырыкская археологическая культура скифского времени (VI–III вв. до н. э.), хозяйственной основой которой было отгонное скотоводство, занимала обширную территорию Горного Алтая, включающую Юго-Восточный, Южный, Центральный, Северный и Северо-Восточный Алтай, а также прилегающие районы Западного Казахстана и Северо-Западной Монголии. Очевидно центром «пазырыкского» объединения являлся Центральный Алтай, где сосредоточено наибольшее количество «царских» и «элитных» погребально-поминальных комплексов, а погребальный обряд был наиболее стабильным. В других районах пазырыкской культуры, особенно пограничных, многие элементы погребального обряда, включая надмогильные и внутримогильные конструкции, а также ориентацию и положение погребенных, существенно варьировали.

Археологические памятники Средней и Нижней Катуни, а также северной части Центрального Алтая выделяют в северный локальный вариант пазырыкской культуры. Сходство по многим категориям инвентаря и отдельным элементам погребального обряда предполагает тесные связи населения Средней Катуни с представителями староалейской и каменской культур Верхнего Приобья (*Кирюшин, Степанова*, 2004. С. 137).

Антропологический состав населения южной и северной половины ареала пазырыкской культуры, по данным краниологии, обнаруживает значительное сходство. Основное различие между ними обусловлено неодинаковым соотношением исходных компонентов смешения — у «северных пазырыкцев» меньше европеоидная примесь и выше удельный вес автохтонного промежуточного европеоидно-монголоидного комплекса с относительно низким лицом (*Тур*, 2003. С. 143–145).

В одонтологическом комплексе населения южной половины ареала пазырыкской культуры отмечается смешение признаков, маркирующих европеоидов и монголоидов, соотношение которых различается в мужских и женских сериях, а также в локально-территориальных группах. Характерной особенностью этого комплекса является также вкрапление фенов южных европеоидов. Таким образом, одонтологический комплекс «южных пазырыкцев» может отражать процессы метисации, в которых участвовали южносибирские, переднеазиатские и центральноазитские компоненты (*Чикишева*, 2012. С. 167–168). Одонтологические данные, характеризующие «северных пазырыкцев», в литературе отсутствуют.

Цель нашей работы — изучить одонтологические особенности носителей северного варианта пазырыкской культуры, проверить на основе одонтологических данных гипотезу о существовании тесных популяционных связей между «северными пазырыкцами» и представителями каменской и староалейской культур Верхнего Приобья скифского времени и определить их место в системе популяций бронзового и раннего железного века.

Одонтологические материалы, составляющие основу данного исследования, получены при раскопках следующих могильников (в скобках указаны годы и авторы раскопок): Усть-Бийке 3 (А. А. Тишкин, 1997 г.); Чобурак 2 (В. П. Семибратов, 2007 г.); Верх-Еланда 2, Кайнду, Тыткескень 6 (Н. Ф. Степанова, 1985–1987 гг.); Чултуков лог 1, 2 (А. П. Бородовский, 2002–2015 гг.); Тавдушка (П. И. Шульга, 2004 и 2007 гг.), Ханкаринский дол (П. К. Дашковский, 2003–2019 гг.). Всего были описаны 117 индивидов.

Морфологический анализ серий носителей северного варианта пазырыкской культуры позволяет

1 Наталья Александровна Лейбова — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский пр., д. 32, Москва, 119334; e-mail: nsuvorova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0635-0725.

отнести их в целом к группам западного одонтологического ствола с включением фенов восточного. Наибольшей спецификой выделяется серия из Ханкаринского дола: в противоположность выборкам Нижней и Средней Катуни она относится к кругу грацильных вариантов, при этом восточный комплекс проявляется в гораздо меньшей степени, как и редукция вторых верхних моляров.

Для выявления истоков формирования одонтологических комплексов «пазырыкцев» и определения положения пазырыкских серий на фоне серий раннего железного века с территории Западной Сибири, Южного Приуралья, Западного и Центрального Казахстана и Средней Азии был применен статистический многомерный анализ — корреспондентный анализ (Correspondence Analysis). Для сравнения привлечены и несколько серий эпохи бронзы, методическая сопоставимость которых не вызывает сомнений. В основе анализа использован набор из семи признаков: cara M^1 (2–5), Hy M^2 (3, 3+), $M_1$6, $M_1$4, $M_2$4, dw, dtc (рис. 1; табл. 1). Результат анализа близок полученному ранее (*Лейбова, Тур*, 2020), добавление новых серий пазырыкской культуры в целом не повлияло на степень вклада анализируемых признаков в структуру межпопуляционной изменчивости в регионе.

Сравниваемые группы на графике расположились компактнее: все серии пазырыкской культуры, изученные ранее Т. А. Чикишевой, образовали единое скопление. К объединению серий южных «пазырыкцев» тяготеет и группа из Ханкаринского дола наряду с серией тасмолинской культуры и поздних сармат с территории Южного Приуралья из Покровки 10.

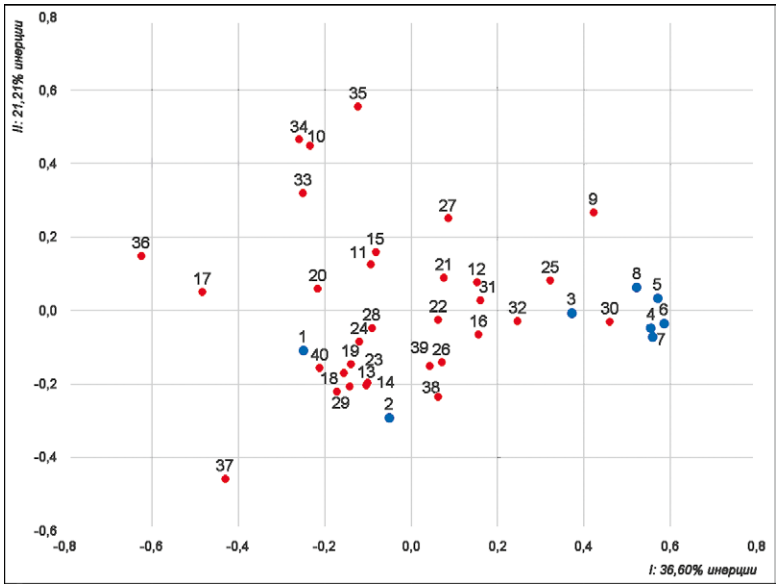

Рис. 1. Положение изученных серий пазырыкской культуры на фоне групп эпохи бронзы и раннего железного века по результатам анализа соответствий: *1* — пазырыкская Нижней Катуни; *2* — пазырыкская Средней Катуни; *3* — пазырыкская, Ханкаринский дол; *4* — пазырыкская (р. Уландрык); *5* — пазырыкская (р. Юстыд); *6* — пазырыкская (р. Барбургазы и Бугузун); *7* — пазырыкская (пл. Укок); *8* — пазырыкская (р. Чуя и др.); *9* — Аржан-2; *10* — Копто; *11* — Догээ-Баары II; *12* — Камень-2; *13* — Масляха-1; *14* — Новотроицкое-1, 2; *15* — Рогозиха-1, Кирилловка-3; *16* — Объездное-1; *17* — Быстровка-3; *18* — Фирсово-14; *19* — Обские плесы-2; *20* — Айрыдаш I; *21* — Бош-Туу I; *22* — Булан-Кобы IV; *23* — Степушка 1, 2; *24* — Покровка-10 (прохоровская культура); *25* — Покровка-10 (сарматы); *26* — Казыбаба (савроматы); *27* — Казыбаба (сарматы); *28* — Лебедевка; *29* — Новый Кумак; *30* — тасмолинская культура; *31* — Алдыган; *32* — Узбой; *33* — Алтынасар-4; *34* — Косасар-2; *35* — Косасар-3; *36* — окуневская культура; *37* — андроновская культура Минусинской котловины; *38* — андроновская культура Алтая; *39* — тагарская культура; *40* — карасукская культура

Fig. 1. The situation of the studied Pazyryk series against the background of the Bronze Age and the Early Iron Age groups based on the results of Correspondence Analysis: *1* — Pazyryk culture of the Lower Katun River; 2 — Pazyryk culture of the Middle Katun River; *3* — Pazyryk culture, Khankarinsky Dol; *4* — Pazyryk culture (Ulandryk River); *5* — Pazyryk culture (Yustyg River); *6* — Pazyryk culture (Barburgazy and Buguzun Rivers); *7* — Pazyryk culture (Ukok Plateau); *8* — Pazyryk culture (Chuya River etc.); *9* — Arzhan-2; *10* — Kopto; *11* — Gogee-Baary II; *12* — Kamen-2; *13* — Maslyakha-1; *14* — Novotroitskoe-1, 2; *15* — Rogozikha-1, Kirillovlka-3; *16* — Obezdnoe-1; *17* — Bystrovka-3; *18* — Firsovo-14; *19* — Obskie plessy-2; *20* — Ayrydash I; *21* — Bosh-Tuu I; *22* — Bulan-Koby IV; *23* — Stepushka 1, 2; *24* — Pokrovka-10 (Prochorovsk culture); *25* — Pokrova-10 (Sarmatians); *26* — Kazybaba (Sauromates); *27* — Kazybaba (Sarmatians); *28* — Lebedevka; *29* — Novyi Kumak; *30* — Tasmola culture; *31* — Aldygan; *32* — Uzboy; *33* — Altynasar-4; *34* — Kosasar-2; *35* — Kosasar-3; *36* — Okynevo culture; *37* — Andronovo culture of the Minusisk Basin; *38* — Andronovo culture of the Altai; *39* — Tagar culture; *40* — Karasuk culture

Таблица 1. Частоты основных одонтологических признаков в сериях пазырыкской археологической культуры

Table 1. Frequencies of the main odontological features in the series of the Pazyryk archaeological culture

	shov I^1	$M_1$6	dw M_1	dtc M_1	hy (3,3+) M^2	cara M^1	$M_1$4	$M_2$4
Северная часть ареала пазырыкской археологической культуры								
Нижняя Катунь (Чултуков лог, Тавдушка)	0* (25)**	9,8 (41)	43,5 (23)	3,7 (27)	33,3 (42)	30 (20)	7,3 (41)	76,2 (42)
Средняя Катунь (Кайнду, Верх-Еланда 2, Чобурак 2, Усть-Бике 3, Тыткескень 6)	20 (10)	6,5 (31)	12,5 (16)	4,3 (23)	40 (25)	53,8 (13)	9,7 (31)	83,3 (30)
Ханкаринский дол	0 (7)	0 (26)	8,3 (12)	5 (20)	12,5 (16)	22,2 (9)	34,6 (26)	91,7 (24)
Южная часть ареала пазырыкской археологической культуры (данные по: *Чикишева*, 2012)								
Долина р. Уландрык	0 (4)	0 (23)	0 (11)	0 (21)	36,1 (21)	8,7 (23)	13 (23)	100 (26)
Долина р. Юстыд	50 (10)	0 (40)	0 (30)	5,3 (38)	28 (25)	15 (40)	37,5 (40)	79 (38)
Долина рек Барбургазы и Бугузун	0 (5)	0 (17)	0 (4)	0 (13)	38,9 (18)	5,9 (17)	11,8 (17)	90,5 (21)
Плато Укок	41,2 (17)	4,2 (24)	0 (14)	0 (19)	53,9 (26)	8,3 (24)	20,8 (24)	66,7 (24)
Долины рек Чуя, Урсул и среднего течения р. Катунь	36,4 (11)	0 (32)	0 (17)	4,6 (22)	35 (20)	6,7 (15)	12,9 (31)	87,5 (32)

Примечание: * — % встречаемости признака в группе; ** — N, общее число наблюдений признака в группе

«Пазырыкцы» Средней и Нижней Катуни оказались на границе компактного скопления, включившего в себя синхронные серии населения лесостепного Алтая (староалейская и каменская культуры), Южного Приуралья (ранние сарматы из Лебедевки, Нового Кумака и «прохоровцы» из Покровки 10). В морфологическом комплексе населения, оставившего курганы Чултуков Лог 1, 2 и Тавдушка, прослеживается сходство с суммарной серией эпохи бронзы карасукской культуры Минусинской котловины. Носители же пазырыкской культуры со Средней Катуни по комплексу признаков обнаруживают определенное сходство с «андроновцами» лесостепного Алтая.

В предшествующих работах, посвященных одонтологии населения лесостепного Алтая скифского времени и Горного Алтая гунно-сарматского времени, нам не удалось проследить участие носителей пазырыкской культуры в формировании антропологического состава населения староалейской, каменской и булан-кобинской археологических культур. Это не могло не вызывать вопросы, т. к. комплекс археологических данных и результаты краниологического анализа это участие фиксировали (*Лейбова*, 2019; *Лейбова, Тур*, 2020). Очевидно, что и не следует ожидать абсолютного совпадения выводов, полученных на основе анализа палеоантропологических материалов в рамках разных морфологических систем признаков. Но в каждом случае, когда расхождения в выводах по данным разных антропологических систем очень уж велики, желательно с этим несоответствием разобраться.

Привлечение для анализа новых данных по одонтологии «пазырыкцев» позволило частично снять противоречие между выводами, полученными на основе краниологического и одонтологического анализа. Объяснение кроется в неоднородности антропологического состава «пазырыкцев», в территориальной дифференциации их морфологических комплексов, которая не улавливалась в рамках системы краниометрических признаков. Вероятно, в сложении населения староалейской и каменской культур приняло участие пазырыкское население Нижней и Средней Катуни, которое и географически гораздо ближе, нежели обитатели более южных районов.

Таким образом, вопрос о существовании тесных связей между «северными пазырыкцами» и представителями каменской и староалейской культур Верхнего Приобья скифского времени решился положи-

тельно. Это пока нельзя сказать в отношении населения гунно-сарматского времени, представленного носителями булан-кобинской археологической культуры. Единственная серия «булан-кобинцев», продемонстрировавшая сходство с «северными пазырыкцами», происходит из могильников Степушка 1 и 2, но серия эта малочисленна, что заставляет с осторожностью относиться к результатам анализа.

Кирюшин, Степанова, 2004 — *Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени средней Катуни. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 292 с.

Тур, 2003 — *Тур С. С.* Антропологический состав населения Средней Катуни скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы скифской культуры. Приложение II. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. С. 137–169.

Чикишева, 2012 — *Чикишева Т. А.* Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Лейбова, 2019 — *Лейбова Н. А.* Одонтологическая характеристика населения Горного Алтая гунно-сарматского времени // Изв. ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 30. С. 34–49.

Лейбова, Тур, 2020 — *Лейбова Н. А., Тур С. С.* Одонтологические особенности населения лесостепного Алтая скифского времени // ВААЭ. 2020. № 4 (51). С. 171–186.

New dental anthropology data of the Pazyryk culture population of the Altai Mountains

Natalia A. Leybova[2]

New dental anthropology data on the Pazyryk culture population (its northern local variant) of the Scythian time (6th –3rd centuries BC) are introduced into scientific use. Data were obtained on individuals representing the population of the Middle and Lower Katun River, as well as the valley of the Charysh River. The purpose of the study is to test, on the basis of dental anthropology data, the hypothesis of the existence of close ties between northern variant of the Pazyryk culture population and representatives of the Kamenskay and Staroaleyskaya cultures of the Upper Ob region of the Scythian time. As a result of the study, the proximity of the nonmetric dental traits complex of the Pazyryk culture population of the Middle and Lower Katun and both series of the Staroaleyskaya, as well as some series of Kamenskaya, was confirmed.

Keywords: *Pazyryk culture, Mountain Altai, Scythian time, dental anthropology.*

2 Natalia A. Leybova — N. N. Miklukho-Maklai Institute for Ethnonlogy and Anthropology of the RAS, 32a Leninsky Ave., Moscow, 119334, Russian Federation; e-mail: nsuvorova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0635-0725.

Предметный комплекс одежды в системе межкультурных коммуникаций населения Верхнего Приобья раннего железного века

Н. Н. Головченко[1]

Аннотация. *Работа посвящена определению места предметного комплекса одежды в системе межкультурных коммуникаций населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа с носителями археологических культур сопредельных территорий. На основе изучения 1160 погребений, содержащих находки украшений, выделены несколько этапов межкультурного взаимодействия. Изучение «костюмных» контактов позволяет заключить, что носители большереченской культуры были активно интегрированы в пространство скифо-сакского мира.*

Ключевые слова: *Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, предметный комплекс одежды.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.232-235

1 Николай Николаевич Головченко — УНИЛ «Историческое краеведение», Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, д. 55, Барнаул, 656031, Российская Федерация; e-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1498-0367.

Первую схему культурно-исторического развития населения Верхнего Приобья создал М. П. Грязнов, она была опубликована в не потерявшей до сих пор актуальности работе «Древние культуры Алтая» (*Грязнов*, 1930; 1939). В более развернутом виде она представлена в издании «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» (*Грязнов*, 1956). Данная работа определила направления изучения древнего прошлого Приобья на многие десятилетия вперед. Однако ее масштабность не позволила М. П. Грязнову отдельно остановиться на характеристике источникового потенциала предметного комплекса одежды.

Последующие попытки уточнить построения М. П. Грязнова, предпринятые археологами барнаульской и новосибирской школ, привели к затяжной дискуссии, которая давно зашла в методологический тупик. Выход из него призвана положить предложенная Д. Г. Савиновым концепция поликультурности юга Западной Сибири применительно к данным материалам (*Савинов*, 2002), которая была поддержана А. П. Бородовским (*Бородовский*, 2016; 2017). Особое значение в ее интерпретационном потенциале имеет анализ предметного комплекса одежды.

Рассмотрев данные по 1160 погребениям, содержащим в себе находки украшений, мы посчитали возможным выделить несколько этапов межкультурного взаимодействия населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа со своим ближайшим окружением (*Головченко*, 2019).

Первый этап (VIII–VI вв. до н. э.) характеризуется становлением традиции оформления большереченской одежды. В ансамбле костюма встречаются позднеирменские категории украшений (бляхи налобных повязок, спиральные завитки сережек и заколок, белые пастовые бусины) и «раннескифские» элементы (цепочки подвесок сережек, глазчатые бусины, костыльки со стремечковидным навершием). Данные материалы обнаружены в комплексах Ближние Елбаны-7 (*Грязнов*, 1956), Староалейка-2 (*Кирюшин, Кунгуров*, 1996), Обские Плесы-2 (*Ведянин, Кунгуров*, 1996), МГК-1 (*Кунгуров*, 1999).

В переходное время (VII–VI вв. до н. э.) в Верхнем Приобье начинает более широко распространяться обряд подкурганного захоронения умерших. Вероятно, этот процесс связан с влиянием населения с юга и юго-запада, связи с которым каким-то образом изменили социальную иерархию живших здесь обществ.

Второй этап (конец VI — середина IV в. до н. э.) ознаменован интенсификацией южного, юго-западного (Казахстан, Горный Алтай, Средняя Азия) и северо-восточного (Хакасия) влияний. Это приводит к увеличению типологического разнообразия отдельных категорий предметного комплекса одежды. Появляются новые типы изделий: гофрированные заколки (рис. 1); сережки с коническими подвесками, технологически выполненные с применением зерни; заколки с навершием в виде ушка; бронзовые поясные крюки; поясные бляхи с зооморфной стилизацией; глазчатые бусины; котловидные подвески. Такие материалы обнаружены в отдельных погребениях Ближних Елбанов-3 и Ближних Елбанов-7 (*Грязнов*, 1956), Староалейки-2 (*Кирюшин, Кунгуров*, 1996), Обских Плес-2 (*Ведянин, Кунгуров*, 1996), МГК-1 (*Кунгуров*, 1999) и курганов Локтя-4а (*Шульга*, 2003), Быстровки-2 (*Бородовский*, 2009), Новотроицкого-1 (*Шульга и др.*, 2009).

Следующий переходный период (с начала IV — III в. до н. э.) характеризуется распространением северного, северо-западного и западного влияний саргатской и кулайской культур на территорию юга Барабинской низменности и севера Кулундинской степи. Четче проступают саргатские черты в планиграфии могильников (Быстровка-2, Масляха-1, Масляха-2, Новотроицкое-2). В погребения вместе с большереченскими помещаются саргатские и кулайские сосуды, заимствованные предметы адаптируются под местные реалии. Начинает распространяться соответствующий предметный комплекс поясных наборов.

На третьем этапе (IV–I вв. до н. э.) предметный комплекс одежды продолжает развиваться на местной основе, в него органически вплетаются привнесенные «сакские», кулайские и саргатские элементы, совершенствуются местные формы украшений. К предметному комплексу одежды, отражающему влияние упомянутых культур, относятся: поясные крючья с зооморфной стилизацией; рубчатые поясные обоймы; поясные пряжки; изделия из золотой фольги; дальнейшее распространение приемов гофрирования и зернения; фольгирование; появление металлических браслетов. В результате ко II в. н. э. традиционный ансамбль большереченского костюма окончательно размывается. Данный процесс нашел отражение в материалах отдельных погребений Ближних Елбанов-12 (*Грязнов*, 1956), Быстровки-2 (*Бородовский*, 2009), Новотроицкого-2 (*Шульга и др.*, 2009), Масляхи-2 (*Уманский, Телегин*, 1990), Рогозихи-1 (*Уманский и др.*, 2005), Милованово-8 (*Троицкая, Бородовский*, 1994).

Таким образом, носители большереченской культуры Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э. посредством постоянных и ситуационных торговых, дарообменных, брачных и иных контактов были интегрированы в пространство скифо-сакского мира. В рамках бытования их предметного комплекса одежды отмечается дискретный характер распространения инноваций, проявившийся в том, что процессы типогенеза предметного комплекса одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа происходили в тесном взаимодействии с носителями сопредельных археологических культур.

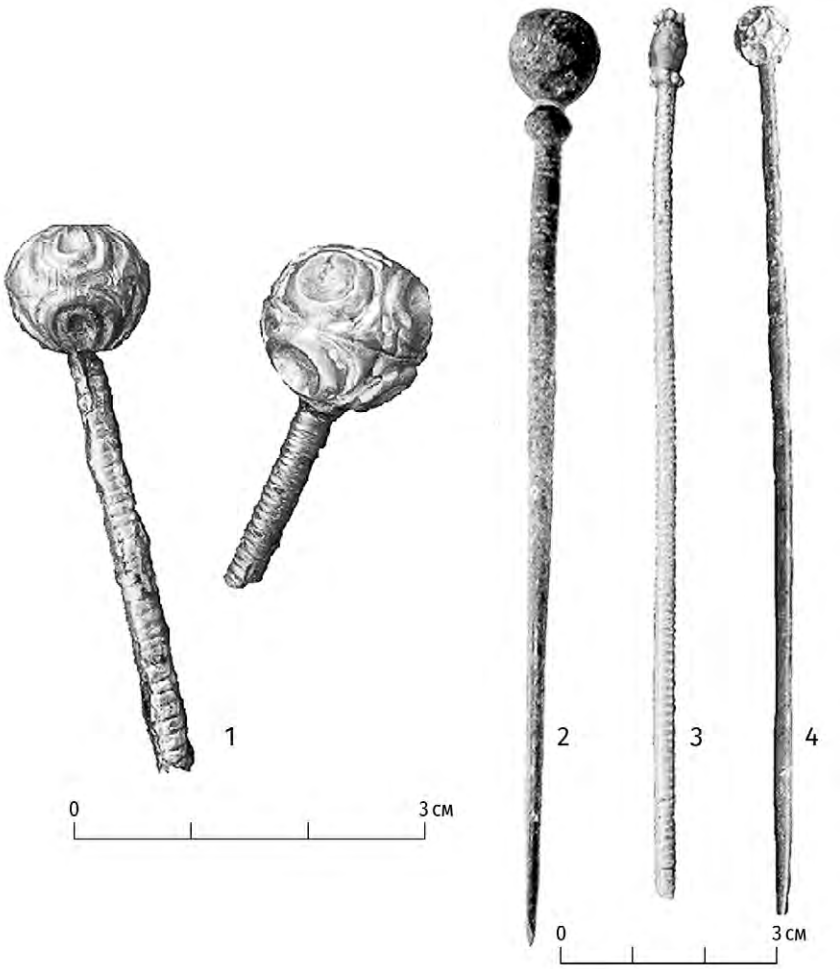

Рис. 1. Заколки большереченской культурно-исторической общности: *1*, *3*, *4* — Новотроицкое-2; *2* — Новотроицкое-1
Fig. 1. Hairpins of the Bolshaya Rechka cultural and historical community: *1*, *3*, *4* — Novotroitskoe-2; *2* — Novotroitskoe-1

Бородовский, 2009 — *Бородовский А. П.* Традиционные и естественнонаучные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железного века). Новосибирск: Изд-ва НГУ; НГПУ; ИАЭТ СО РАН, 2009. 98 с.

Бородовский, 2016 — *Бородовский А. П.* Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материал Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3 (13). С. 94–102.

Бородовский, 2017 — *Бородовский А. П.* Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // АВ. 2017. № 23. С. 229–240.

Ведянин, Кугуров, 1996 — *Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л.* Грунтовой могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 88–115.

Головченко, 2019 — *Головченко Н. Н.* Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2019. 26 с.

Грязнов, 1930 — *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Томск, 1930. Вып. 2. 11 с.

Грязнов, 1939 — *Грязнов М. П.* Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 399–413.

Грязнов, 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. М.; Л.: Наука, 1956. 163 с. (МИА; № 48).

Кунгуров, 1999 — *Кунгуров А. Л.* Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 92–98.

Троицкая, Бородовский, 1994 — *Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Уманский, Телегин, 1990 — *Уманский А. П., Телегин А. Н.* Аварийные исследования могильника Масляха-2 // Охрана и исследование археологических памятников Алтая / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. С. 96–99.

Уманский и др., 2005 — *Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И.* Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 204 с.

Шульга, 2003 — *Шульга П. И.* Могильник скифского времени Локоть-4 а. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 204 с.

Шульга и др., 2009 — *Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

Clothes complex in intercultural communication system of the Upper Ob area population in the Early Iron Age

Nikolay N. Golovchenko[2]

The work is devoted to the defining the place of clothes complex in intercultural communication system of the Upper Ob area population with the archeological cultures natives of cross-border regions in the Early Iron Age. On the basis of the study of 1160 burials, including decorations finds, several stages of intercultural interaction are allocated. On the basis of „costume" contacts study the author concludes that the natives of Bolshaya Rechka cultures were integrated in the territory of Scythian Saxs.

Keywords: *Upper Ob area, Early Iron Age, clothes complex.*

2 Nikolay N. Golovchenko — UNIL „Istoricheskoye krayevedeniye", Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya St., Barnaul, 656031, Russian Federation; e-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1498-0367.

Культурные связи населения Приамурья с Южной Сибирью и Центральной Азией в эпоху палеометалла[1]

С. П. Нестеров[2]

Аннотация. *Истоки р. Амур находятся в Центральной Азии, но Приамурье относится к востоку Азии. При этом, несмотря на наличие удобного водного пути, в эпоху палеометалла им почти не пользовались. Однако культурные контакты все равно осуществлялись: в XI в. до н. э. с миграцией из Маньчжурии протоурильского населения, сформировавшего урильскую культуру, в Приамурье появляются первые предметы карасукского облика. К концу I тыс. до н. э. отмечается миграция на р. Амур из Забайкалья, принесшая значительное количество предметов «ордосских бронз». Более устойчивая связь приамурского населения с западным миром произошла в раннем средневековье.*

Ключевые слова: *Приамурье, Центральная Азия, эпоха палеометалла, культурные связи.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.235-238

Наиболее ранними проявлениями опосредованных связей Приамурья с Южной Сибирью и Центральной Азией, скорее всего через Монголию и Маньчжурию, являются украшения: три лапчатые (рис. 1, *1–3*) и две дольчатые бляшки (*Нестеров*, 2017). Лапчатые украшения с р. Буреи (Букинский Ключ-1) и р. Амур (Урильский Остров) скопированы с двух похожих бляшек, прототипами которых стали изделия, сочетавшие в себе форму трехлапчатых подвесок с петелькой наверху из Монголии и двухлапчатых украшений с петельной на обратной стороне из Северного Китая (*Волков, Новгородова*, 1960).

Дольчатая морфология бляшек с Анго (р. Зея) (рис. 1, *4*) и Сухих Проток-2 (р. Бурея) также была присуща урильской культуре. Бурейское украшение стоит из двух соединенных вместе выпуклых полых

1 Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00192А «Этнокультурная динамика в Приамурье во второй половине I тысячелетия до н. э.: происхождение польцевской культуры».

2 Сергей Павлович Нестеров — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: gorashapka@ngs.ru; ORCID: 0000-0003-3629-2730.

бляшек (рис. 1, *5*). Оно представляет собой дальневосточную разновидность дольчатых бляшек южносибирского типа, но не полусферической, а бочонковидной формы долек (Древности…, 2000. С. 78, рис. 31, *6*).

Другими изделиями урильской культуры южносибирского облика являются два коленчатых ножа, один из бронзы из памятника Усть-Ульма I на р. Селемдже (рис. 1, *6*), другой (железный) — из памятника Сухие Протоки-2 (рис. 1, *7*) (*Там же*. С. 78, рис. 31, *1*; *Нестеров, Колмогоров*, 2021).

По внешнему облику бляшки и ножи урильской культуры относятся к предметам, широко распространенным в карасукском мире Южной Сибири, Центральной Азии и в Северном Китае в конце II — начале I тыс. до н. э. (*Членова*, 1972. С. 202). Археологические материалы, стратиграфические данные и радиоуглеродные даты (Древности…, 2000. С. 97) бурейских памятников Сухие Протоки-2 и Букинский Ключ-1, где в раннеурильских слоях найдены бронзовые и железные предметы карасукского облика, позволяют датировать их начальным этапом формирования в Приамурье урильской культуры, а именно XI–X вв. до н. э. (*Нестеров, Гирченко*, 2018).

Следующие наиболее яркие предметы — бронзовые и серебряные украшения и изделия ордосского типа, — которые свидетельствуют о связях населения Приамурья с центральноазиатским миром, появляются в талаканской культуре (II в. до н. э. — III в. н. э.). Ее происхождение в настоящее время представляется как этнокультурное слияние мигрантов-прототалаканцев с аборигенным населением позднего этапа урильской культуры. Возможно, миграции населения западной части Амурского бассейна могли быть вызваны откочевкой монголоязычных дунху, которые в конце III в. до н. э. потерпели поражение от хунну (*Таскин*, 1984. С. 40). Эти политические события совпадают по времени с возможным началом формирования в Западном Приамурье талаканской культуры, когда аборигенное позднеурильское население подверглось здесь ассимиляции мигрантами из районов Забайкалья и Монголии.

Среди бронзовых предметов имеется пока единственный предмет, возможно, бытового назначения — кочедык — инструмент для развязывания узлов (рис. 1, *8*) с памятника Прядчино-3 (*Болотин, Алкин*, 1996. С. 108). В приамурской коллекции «ордосских бронз» есть три круглые ажурные бляшки и одна — в виде кольца с выступом (рис. 1, *9, 10*). На памятнике Алексеевский Бугор найдено девять бронзовых прямоугольных блях с орнаментом в виде мелкой и крупной ромбической сетки (рис. 1, *11*). Ордосские пронизки отличаются от приамурских длиной и разнообразием орнамента. Другим типом украшений в Приамурье были небольшие круглые бляшки-полусферы, соединенные между собой в ряд по 3–4 штуки (рис. 1, *12, 13*). Зубчатые бляшки известны в талаканской (рис. 1, *14*) и в польцевской (рис. 1, *15*) культурах Приамурья. Ордосские аналоги этим украшениям многочисленны и более разнообразны по форме.

В коллекции «ордосских бронз» из Приамурья имеются три украшения в виде стилизованных голов рогатых животных (рис. 1, *16, 17*). Ордосские экземпляры более реалистичны, хотя и среди них есть достаточно стилизованные изделия. Гладкие круглые пуговицы с Амура также имеют аналоги в ордосских материалах (рис. 1, *18–20*). Однако ордосские изделия часто украшены разнообразным орнаментом.

«Ордосские бронзы», принесенные прототалаканским населением в Западное Приамурье, продолжают воспроизводиться местными ювелирами-литейщиками. Свидетельством собственного производства может служить находка на Алексеевском Бугре каменной плитки с формами для отливки цепочек из круглых бляшек-полусфер (рис. 1, *21*). Однако еще в III–IV вв. н. э., в материалах михайловской культуры раннего средневековья, которая возникла в ходе эволюции талаканской культуры, имеются отдельные находки, которые можно считать репликами «ордосских бронз». К примеру, бронзовые подвески в виде колокольчиков с отверстиями на гранях (рис. 1, *22, 23*) и ажурная подвеска треугольной формы с тремя отверстиями и петлей на ножке (рис. 1, *24*). Похожие колокольчики и ажурные подвески можно найти в коллекциях ордосских бронз. Китайские исследователи отнесли «бронзы ордосского типа» к ранним хунну (*Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь*, 1986).

Еще одним предметом, имеющим аналоги в Южной Сибири, являются керамические сосуды с рогообразной ручкой польцевской культуры российского Приамурья (рис. 1, *25*), культурного типа ваньяньхэ, культур гуньтулин и фэнлинь китайской Нижнесунгарийской равнины (*Соболев*, 2021). Единственное, их южносибирские образцы в таштыкской и кокэльской культурах сделаны из дерева. В III в. до н. э. — III в. н. э. в Китае «ни одна трапеза не могла обойтись без неглубоких овальных чашек с двумя плоскими ручками (бэй), из которых ели рис и пили вино. Они продолжали их пользовать и несколькими столетиями позднее, но форма их изменилась, а главное — это были теперь только винные чарки» (*Кюнер*, 1961. С. 228). На китайских рисунках в первой половине I тыс. н. э. часто рядом с персонажем стоит чаша с длинной ручкой (*Крюков и др.*, 1979. С. 137–138, рис. 21, *19*; С. 194, рис. 40).

В раннем средневековье связи мохэ с Центральной Азией становятся регулярными. В результате в материалах мохэской культуры появляется значительное количество украшений, оружия, поясов, украшенных бронзовыми бляшками центральноазиат-

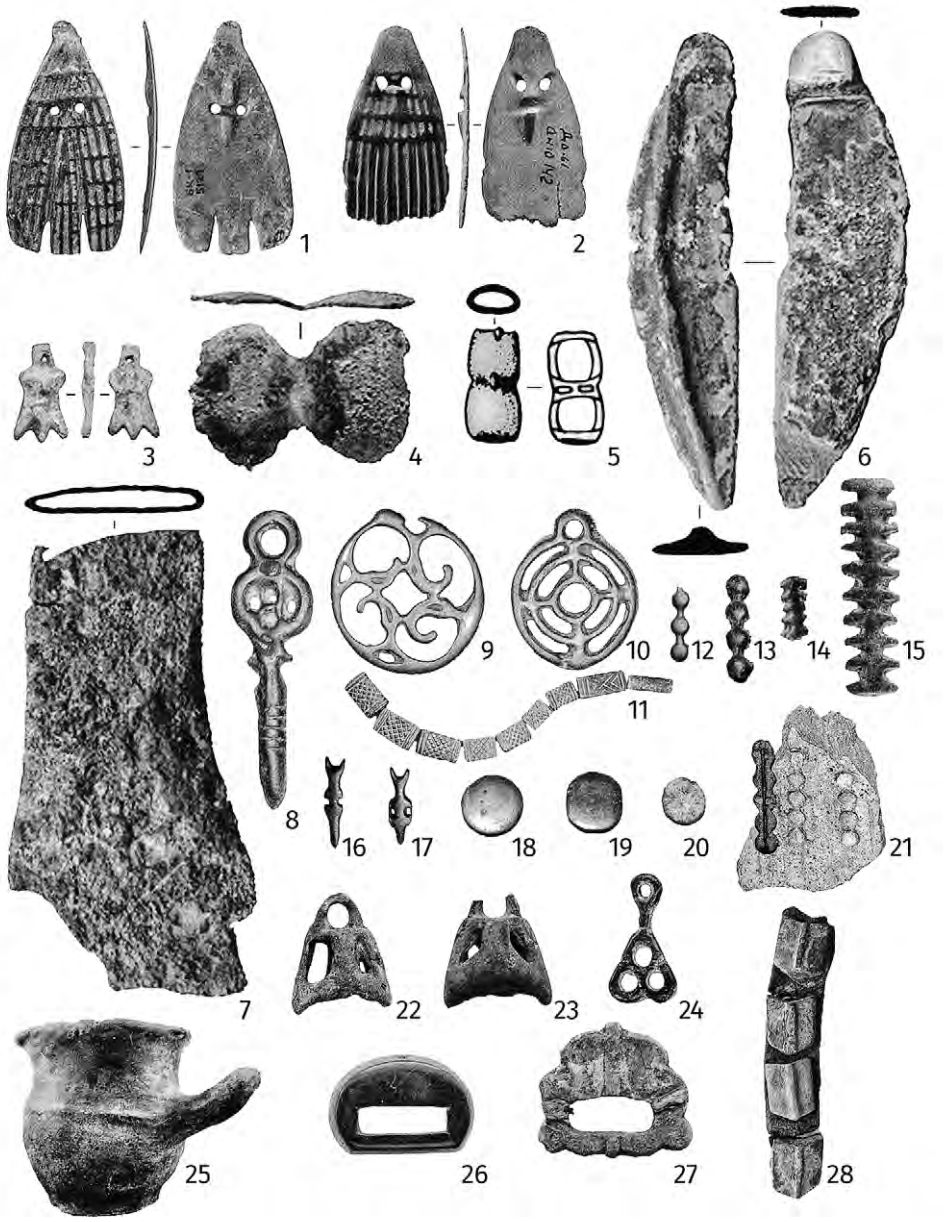

Рис. 1. Предметы раннего железного века и раннего средневековья из Приамурья: *1–3* — лапчатые бляшки; *4, 5* — дольчатые бляшки; *6, 7* — ножи; *8* — кочедык; *9, 10* — ажурные подвески; *11* — прямоугольные пронизки; *12, 13* — бляшки-полусферы; *14, 15* — зубчатые бляшки; *16, 17* — стилизованные головы животных; *18–20* — пуговицы; *21* — каменная форма для отливки бляшек-полусфер; *22–23* — колокольчики с вырезами; *24* — ажурная подвеска; *25* — сосуд с рогообразной ручкой; *26, 27* — поясные бляшки; *28* — подвесной ремешок с бляшками (*1, 2, 4–7, 15, 22–28* — Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН, фото С. П. Нестерова; *3, 8–14, 16–21* — Музей археологии им. Б. С. Сапунова Благовещенского государственного педагогического университета, фото О. А. Шеломихина).

1, 2, 4–6, 8–20, 22–24, 26, 27 — бронза; *3* — серебро; *7* — железо; *21* — камень, бронза; *25* — керамика; *28* — бронза, кожа

Fig. 1. Early Iron Age and early Middle Age objects from the Amur region: *1–3* — clawed plaques; *4, 5* — lobulated plaques; *6, 7* — knives; *8* — kochedyk; *9, 10* — openwork pendants; *11* — rectangular holes; *12, 13* — hemisphere plaques; *14, 15* — dentate plaques; *16, 17* — stylized animal heads; *18–20* — buttons; *21* — stone mold for casting hemispherical plaques; *22, 23* — bells with notches; *24* — openwork pendant; *25* — a vessel with a horn-shaped handle; *26–27* — girdle plaques; *28* — hanging strap with plaques (*1, 2, 4–7, 15, 22–28* — from Museum of the History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, photo by S. P. Nesterov; *3, 8–14, 16–21* — from Museum of Archeology named after B. S. Sapunov Blagoveshchensk State Pedagogical University, photo O. A. Shelomikhin).

1, 2, 4–6, 8–20, 22–24, 26, 27 — bronze; *3* — silver; *7* — iron; *21* — stone, bronze; *25* — ceramics; *28* — bronze, leather

ского (тюркского, уйгурского) типа (рис. 1, *26–28*). Когда последние приходили в полную негодность, литейщики-ювелиры переплавляли их для изготовления украшений уже мохэского типа.

Таким образом, обзор материалов приамурских культур раннего железного века и раннего средневековья иллюстрирует, что связи между ними и населением Центральной Азии были чаще опосредованы через население Маньчжурии, Монголии, Забайкалья. Общая тенденция — их нарастание от урильской культуры к культуре мохэ, возможно, за счет интенсификации торговли и обмена. Не исключено, что в период формирования талаканской культуры во II в. до н. э. вместе с прототалаканскими мигрантами из Забайкалья в Приамурье попадает значительное количество бронзовых предметов ордосского типа и какое-то время сохраняется технология их изготовления на месте.

Болотин, Алкин, 1996 — *Болотин Д. П., Алкин С. В.* Уникальная находка из серии ордосских бронз в бассейне р. Зея // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 107–112.

Волков, Новгородова, 1960 — *Волков В. В., Новгородова Э. А.* Карасукские привески из Монголии // СА. 1960. № 4. С. 155–160.

Древности…, 2000 — Древности Буреи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 352 с.

Крюков и др., 1979 — *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.

Кюнер, 1961 — *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961. 391 с.

Таскин, 1984 — *Таскин В. С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 487 с.

Нестеров, 2017 — *Нестеров С. П.* Бронзовые лапчатые бляшки урильской культуры из Западного Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 2. С. 33–36.

Нестеров, Гирченко, 2018 — *Нестеров С. П., Гирченко Е. А.* Концепции происхождения урильской культуры в Приамурье // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. СПб.: Росток, 2018. С. 201–209.

Нестеров, Колмогоров, 2021 — *Нестеров С. П., Колмогоров Ю. П.* Исследование предметов из цветного металла культур раннего железного века и Средневековья в Западном Приамурье // АЭАЕ. 2021. Т. 49. № 2. С. 84–93.

Соболев, 2021 — *Соболев А. Е.* Культура гуньтулин на северо-востоке Китая // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 1. С. 33–40.

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986 — *Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь.* Исследование ордосских бронз // Оэрдосы ши цинтунци (Ордосские бронзы). Пекин: Вэньу, 1986 (на кит. яз.).

Членова, 1972 — *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с. (МИА; № 182).

Cultural relationships of the Amur population with South Siberia and Central Asia in the Paleometal Era

Sergey P. Nesterov[3]

Despite the fact that the sources of the Amur River are in Central Asia, the Amur region belongs to the east of Asia. There is a convenient waterway here, but it was not always used during the Paleometallic era. It is established that in the 11th century BC with the migration of the proto-Uril population from Manchuria, which formed the Uril culture, the first objects of the Karasuk appearance appear here. By the end of the 1st millennium BC there is a migration to the Amur from Transbaikalia, which brought a significant number of items of „Ordos bronzes". A more stable connection of the Amur population with the Western world occurred in the Early Middle Ages.

Keywords: *Amur region, Central Asia, Paleometal Era, cultural ties.*

3 Sergey P. Nesterov — Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: gorashapka@ngs.ru; ORCID: 0000-0003-3629-2730.

Алтайский вариант кулайской археологической культуры

А. А. Казаков[1]

Аннотация. *В работе кратко охарактеризованы культурогенетические процессы, приведшие к формированию алтайского варианта кулайской археологической культуры. Выделены основные компоненты ее формирования, этапы развития, намечены пути миграции кулайских племен. Первым этапом культуры является бочанцевский (IV–III — II в. до н. э.), вторым — троицкий (I в. до н. э. — II в. н. э.), третьим — фоминский (II — первая половина IV в. н. э.). Кратко охарактеризованы керамические комплексы, характерные для каждого из этих этапов.*

Ключевые слова: *лесостепной Алтай, ранний железный век, кулайская культура, керамический комплекс, культурогенез, миграция.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.239-241

Вкладу М. П. Грязнова в изучении алтайских древностей посвящено огромное количество исследований — как историографического характера, так и работ, касающихся характеристик отдельных археологических эпох этого региона. Невозможно сегодня встретить ни одной научной публикации по древней истории лесостепного Алтая, в которой исходной точкой всех построений не являлись бы культурно-хронологические концепции, представленные в монографии «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» (*Грязнов*, 1956). Это касается и кулайских памятников, основу для изучения которых Михаил Петрович заложил выделением верхнеобской культуры, один из этапов которой (фоминский) в дальнейшем, при накоплении и осмыслении новых источников, был отнесен именно к кулайской культуре.

Уже первые публикации М. П. Грязновым материалов рубежа эр с комплекса памятников Ближние Елбаны вызвали бурную дискуссию. Ученый поставил вопрос о полной смене культурного облика лесостепного Алтая на рубеже эр, связав этот процесс с миграцией сюда нового населения (*Грязнов*, 1930; 1947; 1949; 1950; 1951; 1952; 1956). Определенный итог этой дискуссии подвели монографии Т. Н. Троицкой (*Троицкая*, 1979) и Л. А. Чиндиной (*Чиндина*, 1984).

Катализатором интереса к проблемам кулайской культуры в южных регионах ареала ее распространения послужила монография Ю. В. Ширина, в которой он ввел в научный оборот интереснейшие материалы Усть-Абинского могильника (*Ширин*, 2003). Весомый вклад в изучение культуры внесли работы алтайских археологов (*Бородаев*, 1987; *Иванов*, 1991; *Абдулганеев и др.*, 1994; *Шамшин и др.*, 2007; *Горбунов*, 2015; *Горбунов*, 2017; и др.).

Обработка ранее не введенных в научный оборот материалов, хранящихся как в центральных (Государственный Эрмитаж) (*Казаков*, 2020а; 2020б), так и местных (Музей археологии Алтая АлтГУ, Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки и др.) музеях, позволили как по-новому подойти к проблемам формирования алтайского варианта кулайской культуры, так и охарактеризовать ее основные культурообразующие признаки. Этому способствовали и новые комплексы фоминской керамики, полученные с исследованных в последние годы однослойных памятников (*Казаков*, 2020б; *Казаков и др.*, 2020; и т. д.).

Миграция кулайского населения на территорию лесостепного Алтая не была одномоментным явлением. Ее подготовили более ранние контакты, которые фиксируются на археологическом материале с IV–III вв. до н. э. и связаны с инфильтрацией небольших групп кулайского населения (новосибирский вариант кулайской культуры). Материалы, отражающие эти процессы, выделяются в бочанцевский этап алтайского варианта кулайской культуры, который датируется с IV–III по II в. до н. э. Показательными в этом керамическом комплексе являются формы венчиков с карнизиками и плоскими срезами, орнаментальные композиции с отпечатками уголка лопаточки в несколько горизонтальных рядов, отсутствие «жемчужника», которые не встречаются в культурах раннего железного века. Эти материалы зафиксированы на 11 поселенческих комплексах.

Второй этап (I в. до н. э. — II в. н. э.) связан со второй миграционной волной кулайского населения уже с территории Томского Приобья (*Казаков*, 2020а. С. 19) — в основном это были саровские племена. В настоящее время в этом регионе выделяется около 10 памятников с саровской керамикой.

1 Александр Альбертович Казаков — Барнаульский юридический институт МВД России, ул. Чкалова, д. 49, Барнаул, 656038, Российская Федерация; e-mail: kaa-2862@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2652-2002.

Более ранние проникновения представителей второго этапа новосибирского варианта кулайской культуры в районы Верхнего Приобья не привели к трансформации местных традиций в фоминские, а только подготовили почву для мирного взаимодействия с переселенцами саровского этапа (*Троицкая*, 1979. С. 47; *Казаков и др.*, 2016. С. 210).

Миграционная волна саровцев из Томского Приобья в Новосибирское нашла уже освоенные кулайцами территории и продвинулась южнее, в район с. Большая Речка, где саровцы и обосновались, активно контактируя с местным населением староалейской археологической культуры, что и привело к сложению комплексов фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры.

Пути миграции саровского населения в Верхнее Приобье маркируют керамические комплексы, один из которых зафиксирован на поселении Усть-Чумыш-1. Миграционный путь проходил по крупным лесным массивам правобережья Оби. Это не противоречит и представлению о среде обитания и типе хозяйственной деятельности кулайцев, которые являлись лесными жителями. Именно правый берег Оби занят крупными лесными массивами. Саровские комплексы, достаточно полно охарактеризованные в работе Л. А. Чиндиной (*Чиндина*, 1984), существовали на территории Верхнего Приобья с I в. до н. э. по III в. н. э. Они представлены памятниками троицкого этапа алтайского варианта (I в. до н. э. — II в. н. э.).

Третий этап представлен комплексами фоминского этапа кулайской культуры (II — первая половина IV в. н. э.), которые знаменуют смену культурного облика региона, отмеченную М. П. Грязновым. В настоящий момент на территории лесостепного Алтая их известно около 60.

Памятники фоминского этапа сложились на основе культуры населения саровского этапа Томского Приобья. Процесс культурогенеза был очень сложным и отличался от такового на сопредельных территориях. Основу, на которую наложился саровский пласт, подготовили племена новосибирского варианта кулайской культуры, ведущими компонентами которой являлись представители васюганского варианта кулайской культуры Томского Приобья, смешавшиеся с большереченскими племенами Новосибирского Приобья. Этот и саровский культурные субстраты во взаимодействии со староалейским населением раннего железного века лесостепного Алтая привели к формированию фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры.

Основными признаками керамического комплекса фоминского этапа являются отсутствие карнизиков на венчиках, ограниченное количество орнаментальных элементов, используемых в орнаментальной композиции, отсутствие классической кулайской «уточки» и сложных орнаментальных мотивов, использование в орнаментальной композиции только одного орнаментального элемента.

Абдулганеев, *Казаков*, 1994 — *Абдулганеев М. Т.*, *Казаков А. А.* Поселение Чудацкая гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. С. 111–115.

Бородаев, 1987 — *Бородаев В. Б.* Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1987. С. 96–114 (Первобытное искусство).

Горбунов, 2015 — *Горбунов В. В.* Памятники кулайской культуры на юге Западной Сибири: вопросы датировки и периодизации // Интеграция археологических и этнографических исследований / Гл. ред. Н. А. Томилов. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 119–122.

Горбунов, 2017 — *Горбунов В. В.* Культурно-исторические процессы на территории лесостепного Алтая в I тыс. н. э. // Тр. V (XXI) ВАС / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 272–273.

Грязнов, 1930 — *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая. Новосибирск: Общество изучения Сибири, 1930. 11 с. (Материалы по изучению Сибири; Вып. 2).

Грязнов, 1947 — *Грязнов М. П.* Работы Алтайской экспедиции // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 77–78.

Грязнов, 1949 — *Грязнов М. П.* Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 110–119.

Грязнов, 1950 — *Грязнов М. П.* Из далекого прошлого Алтайского края. По работам Алтайской археологической экспедиции ИИМК им. Н. Я. Марра и Ленинградского Государственного Эрмитажа 1946–1949 гг. Стенограмма лекции, прочитанной в 1949 г. на семинаре лекторов города Барнаула. Барнаул: Тип. «Алтайская правда», 1950. 20 с. (В помощь лектору / Краев. лекционное бюро Отд. культ.-просвет. работы Алт. крайисполкома).

Грязнов, 1951 — *Грязнов М. П.* Археологическое исследование территории одного древнего поселка (Раскопки Северно-алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. 1951. Вып. XL. С. 105–113.

Грязнов, 1952 — *Грязнов М. П.* Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // КСИИМК. 1952. Вып. XLVIII. С. 93–102.

Грязнов, 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 228 с. (МИА; № 48).

Иванов, 1991 — *Иванов Г. Е.* Поселение Бочанцево 1 — памятник кулайской культуры в степном Алтае //

Охрана и исследование археологических памятников Алтая: Тезисы докладов и сообщений к конф. [Вып. II]. Барнаул: б. и., 1991. С. 117–123.

Казаков, 2020а — *Казаков А. А.* Поселение Ближние Елбаны-IV (по материалам Государственного Эрмитажа) // ТПАИ. 2020. № 2 (30). С. 7–23.

Казаков, 2020б — *Казаков А. А.* Поселение кулайской культуры Круглое Озеро (по материалам Государственного Эрмитажа) // Вестник ОмГУ. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7. № 2 (26). С. 107–114.

Казаков, 2020в — *Казаков А. А.* Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище 3 // Вестник КемГУ. 2020. № 3 (22). С. 618–625.

Казаков, *Казакова*, 2016 — *Казаков А. А.*, *Казакова О. М.* О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Изв. АлтГУ. Серия: Исторические науки и археология. 2016. № 4 (92). С. 238–242.

Казаков, *Казакова*, 2020 — *Казаков А. А.*, *Казакова О. М.* Исследование городища Городище 1 в Зональном районе // Изв. АлтГУ. 2020. № 2 (112). С. 107–113.

Троицкая, 1979 — *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, СО, 1979. 128 с.

Чиндина, 1984 — *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТомГУ. 1984. 256 с.

Шамшин, *Сингаевский*, 2007 — *Шамшин А. Б.*, *Сингаевский А. Т.* Этнокультурная ситуация на территории Барнаульского Приобья в конце III в. до н. э. — I в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 51–79.

Ширин, 2003 — *Ширин Ю. В.* Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 287 с.

The Altai variant of the Kulayka archaeological culture

Alexander A. Kazakov[2]

The article gives a brief description of the culturogenetic processes that led to the formation of the Altai variant of the Kulayka archaeological culture. The author singled out the main components of its formation, outlined the migration ways of the Kulayka culture tribes, as well as its development stages. The 1st one was the Bochantsevo stage (4th–3rd — 2nd cent. BC), the 2nd — the Sarovka stage (1st cent. BC — 2nd cent. AD), the 3rd — the Fomino stage (2nd — the first half of the 4th cent. AD). The author gives also a short characteristic of every development stage's ceramic complexes.

Keywords: *forest-steppe Altai, Early Iron Age, Kulayka archaeological culture, ceramic complex, cultural genesis, migration.*

2 Alexander A. Kazakov — The Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 49 Chkalov St., Barnaul, 656038, Russian Federation; e-mail: kaa-2862@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2652-2002.

Комплекс Ишимка: итоги первых раскопок

П. В. Мандрыка[1], П. О. Сенотрусова[2], К. В. Бирюлева[3]

Аннотация. *В 2021 г. проводились первые полевые работы на комплексе Ишимка, откуда происходит Ишимская коллекция 1911 г. Были установлены границы объекта, выявлен культурный слой, зафиксированы многочисленные нарушения. Среди находок — бронзовое орнитоморфное изображение, шипастый и бронебойный наконечники стрел, нашивки, фрагменты наконечников стрел из рога, многочисленные фрагменты жженых костей косули. Найденные в раскопе материалы сопоставляются с предметами Ишимской коллекции и датируются в интервале III–IV вв. н. э. Предложено интерпретировать этот памятника как поминально-культовый комплекс.*

Ключевые слова: *Ачинская лесостепь, финал раннего железного века, Ишимская коллекция, поминально-культовый комплекс, металлопластика, хронология.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.242-244

Одной из наиболее известных коллекций, поступивших в начале XX в. в фонды Красноярского краевого краеведческого музея (далее — КККМ), является «Ишимская коллекция» (КККМ, кол. 56). Комплекс открыт в 1911 г., когда при первой распашке поля были найдены многочисленные железные и бронзовые предметы. Место находки было осмотрено А. П. Ермолаевым, который указывал на случайный сбор предметов и их бесконтрольный поиск местными жителями (*Ермолаев*, 1914). В начале XXI в. это место стало объектом незаконных раскопок, а в 2019 г. часть разграбленных материалов была передана в фонды музея (КККМ, кол. 13566) (*Макаров*, *Фокин*, 2021).

В 2021 г. археологической экспедицией СФУ проведены археологические полевые работы на памятнике — впервые за более чем столетнюю историю его изучения. Их целью стала точная фиксация повреждений, установление границ объекта, определение характера культурного слоя памятника.

Комплекс локализован на 3-метровом надпойменном останце, расположенном в болотистой части поймы левого берега р. Ишимка и р. Чулым. На памятнике зафиксированы многочисленные грабительские «закопушки», в отвалах некоторых из них отмечались мелкие обломки жженых костей.

Разведочный раскоп площадью 16 кв. м заложен в юго-восточной части памятника, в 170 м от места сборов 1911 г., и охватывал зону четырех грабительских ям. Небольшое количество археологического материала залегало в верхнем пахотном слое, но большая часть находок зафиксирована в нижележащей светло-серой плотной супеси. Распашкой начала XX в. задета только верхняя часть культурного слоя.

В отвалах грабительских ям найдены обломки стекла, а также фрагменты керамики без орнамента и с пальцевыми вдавлениями. В пахотном слое отмечены фрагменты неорнаментированной керамики, куски железного шлака, одиночные рассеянные фрагменты жженых костей. Здесь же найдена миниатюрная треугольная нашивка, вырезанная из тонкого листа бронзы, с двумя отверстиями для крепления. Ее размеры составляют 1,3 × 0,7 × 0,1 см.

По всей толще ненарушенной части культурного слоя отмечены многочисленные фрагменты жженых костей и изделий из рога. Наибольшая их концентрация отмечалась в средней части слоя и в центральной части раскопа в двух условно выделенных скоплениях.

Скопление обломков жженых костей № 1 имело овальную форму и размеры 55 × 95 см. Мощность прослойки с рассеянными обломками костей составляет 2 см. Суммарная масса костей из скопления — 280 г. Центральная и южная часть скопления нарушены ямами «черных копателей», где, по их словам, найдены железный наконечник стрелы и орнитоморфное изображение[4]. При разборе скопления найдены железная круглая выпуклая нашивка, мелкие обломки наконечников стрел и каких-то других изделий из рога. В западном секторе скопления отмечен древесный уголь.

Бронзовая отливка представляет собой реалистичное изображение дневной хищной птицы (рис. 1). Птица показана анфас, с широко распахнутыми кры-

1 Павел Владимирович Мандрыка — Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, д. 79, Красноярск, 660041, Российская Федерация; e-mail: pmandryka@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8647-3823.

2 Полина Олеговна Сенотрусова — Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, д. 79, Красноярск, 660041, Российская Федерация; e-mail: polllina1987@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-3969-9907.

3 Ксения Викторовна Бирюлева — Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, д. 79, Красноярск, 660041, Российская Федерация; e-mail: ksy36ss@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2593-7775.

4 Материалы были переданы сотрудникам Лаборатории археологии Енисейской Сибири СФУ.

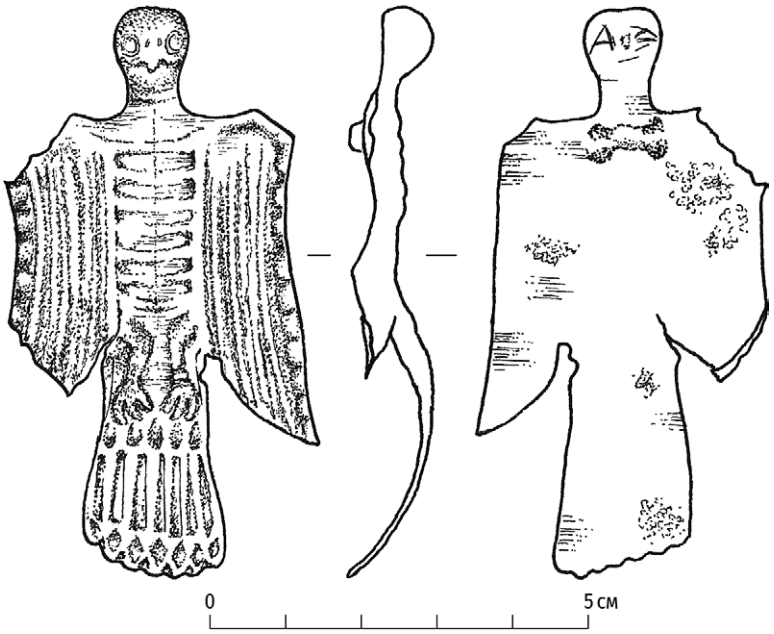

Рис. 1. Комплекс Ишимка. Бронзовое орнитоморфное изображение
Fig. 1. Ishimka complex. Bronze ornithomorphic image

льями. Крылья покрыты вертикальными бороздами, по краю расположен кант с небольшими углублениями. Голова горельефная, с большими глазами и мощным клювом. У птицы вытянутый хвост, параллельными бороздками показано оперение. К животу фигуры поджаты мощные лапы с тремя когтями. На груди присутствуют горизонтальные рельефные полосы, имитирующие ребра и киль птицы. Изображение выпуклое, на обратной стороне находится массивная петля для крепления. Лицевая сторона предмета заполирована, тогда как обратная не подвергалась дополнительной обработке. Размеры фигурки — 7,4 × 3,9 × 0,2 см. Одно крыло птицы частично повреждено, это же крыло, хвост и часть туловища изображения деформированы — оплавлены в результате термического воздействия.

Здесь же найден железный черешковый наконечник стрелы, без упора, с прямоугольным в сечении черешком. Перо уплощенно-ромбическое в сечении, вытянутой треугольной формы, с оттянутыми шипами. На предмете сохранились следы окалины. У наконечника обломано острие, повреждены шипы, есть следы коррозии. Размеры изделия 13,2 × 1,2 × 0,3 см.

В ходе раскопок зафиксирована круглая выпуклая железная нашивка с плоской прямоугольной петлей для крепления на обратной стороне. Ее диаметр составляет 1,4 см, толщина — 0,1 см.

Наиболее многочисленны обожженные фрагменты наконечников стрел из рога и кости. Их обломки настолько мелкие, что восстановить форму изделий невозможно. Представлены фрагменты изделий с треугольным, ромбическим и плоским сечением пера, есть один обломок круглого в сечении черешка.

Скопление обломков жженых костей № 2 также овальной формы, размерами 30 × 40 см, и располагалось в 1 м к ЮЗ от скопления № 1. Мощность рассеянной концентрации обломков костей в слое 1 см, масса костей 50 г. Из предметов в нем найдены мелкие обломки неопределимых изделий из рога. Рядом со скоплением был воткнут железный наконечник стрелы. Наконечник бронебойный, черешковый, с упором, черешок четырехгранный в сечении. Перо вытянутой заостренной формы, в сечении четырехугольное. Размеры изделия 5,8 × 0,7 × 0,6 см.

За пределами скоплений на площади раскопа находок практически нет. Отмечен один небольшой черепок без орнамента и многочисленные мелкие обломки обожженных костей и фрагментов изделий из рога. Общая масса костей вне скоплений составляет 0,350 кг. Бо́льшая часть костей неопределима, немногочисленные эпифизы и суставы принадлежат косуле (*Capreolus*)[5]. Обломки костей человека не встречены.

Полученные в 2021 г. материалы находят многочисленные аналогии в комплексах финала раннего железного века на сопредельных к Ачинской лесостепи территориях. Изображение птицы из Ишимки относится к холмогорской стилистической группе западносибирского культового литья. Оно имеет аналогии как в составе Ишимской коллекции, так и в дру-

[5] Определения выполнены к. геол. н., научным сотрудником Института земной коры СО РАН А. М. Клементьевым, за что авторы приносят ему отдельную благодарность.

гих комплексах от Урала до Нижнего Приангарья включительно. Хронология изображений этого типа укладывается в пределы второй четверти I тыс. н. э.

К этому же периоду относятся железные наконечники стрел. Бронебойный наконечник аналогичен находкам из Нижнего Приангарья, Кузнецкой котловины, Алтая III–V вв. н. э. Наконечники треугольной формы с шипами есть в составе сопроводительного инвентаря Томского могильника и погребений из комплекса Пинчуга-6, присутствуют они в Холмогорской коллекции III–IV вв. н. э. Остальные полученные раскопками материалы не противоречат предложенной датировке.

Найденные в раскопе вещи были сопоставлены со всеми ранее найденными предметами Ишимской коллекции, поступившими в КККМ в 1911 и 2019 г. Все они укладываются в указанный хронологический интервал — III–IV вв. н. э.

Сложнее определить характер комплекса. Прямых данных, доказывающих наличие погребений человека на памятнике, пока нет. Хотя А. П. Ермолаев указывал, что ранее на этом поле находили кость человека (*Ермолаев*, 1914. С. 1). Возможно, погребальные комплексы будут выявлены с расширением вскрываемых площадей. Отметим, что на других сибирских погребальных памятниках финала раннего железного века (Пинчуга-6, Боровое, близ базы СТИ, Усть-Абинский могильник и др.) наряду с поминальными комплексами отмечены погребения, выполненные в обряде трупосожжения на стороне. Устоявшееся определение Ишимской коллекции как свидетельства наличия местонахождения культового характера отчасти подтверждается отсутствием погребений.

Вероятно, на данном этапе исследований Ишимку можно рассматривать как поминально-культовый комплекс. Значительная площадь памятника, выявленный культурный слой, а также разнообразие и многочисленность находок не позволяют рассматривать памятник как «клад» или «жертвенное место».

Состояние памятника на сегодняшний день плачевно, несмотря на его дислокацию в труднодоступной местности. Ишимский комплекс «очищен» от металлических вещей «черными копателями», которые методично выявляли их приборами и просто выкапывали с той глубины, до которой доставали сигналы. Поступившие в КККМ предметы — далеко не единственные из тех, которые были выкопаны «любителями приборного поиска». Установить их полный перечень невозможно, но, судя по точечным перекопам и брошенным вещам, извлекались абсолютно все древние бронзовые и железные предметы. Вскрытый нашим раскопом участок показал, что какая-то часть небольших по размерам предметов сохранилась в слое. Остается надежда, что с расширением раскопа будут открыты ненарушенные комплексы этого уникального памятника.

Ермолаев, 1914 — *Ермолаев А. П.* Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Красноярск: типография б. М. И. Абалакова, 1914. 19 с.

Макаров, 2021 — *Макаров Н. П.*, *Фокин С. М.* Новые антропоморфные и зооморфные изображения Ишимского клада // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии. Кемерово: Кузбасский регион. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2021. С. 339–347.

Ishimka complex: the results of the first excavations

Pavel V. Mandryka[6], Polina O. Senotrusova[7], Ksenia V. Biryuleva[8]

In 2021 the first field work was carried out at the Ishimka complex where the Ishimka collection of 1911 was found. The boundaries of the archaeological site were established, a cultural layer was identified, and numerous violations were recorded. There are a bronze ornithomorphic image, square heads and flat barbed arrowheads, buttons, fragments of horn arrowheads, numerous fragments of burnt roe deer bones were found among the finds. The objects found in the excavation, are compared with the items from the Ishimka collection and dated the 3rd–4th cent. AD. It is possible to interpret this site as a cult-memorial complex.

Keywords: *Achinsk forest-steppe, the end of the Early Iron Age, Ishimka collection, a cult-memorial complex, repoussage, chronology.*

6 Pavel V. Mandryka — Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; e-mail: pmandryka@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8647-3823.

7 Polina O. Senotrusova — Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; e-mail: polllina1987@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-3969-9907.

8 Ksenia V. Biryuleva — Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; e-mail: ksy36ss@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2593-7775.

Керамика с металлургическими шлаками на белоярском поселении Барсова Гора III/66 (ранний железный век, Сургутское Приобье)[1]

Д. В. Селин[2], Ю. П. Чемякин[3]

Аннотация. *На поселении белоярской культуры Барсова Гора III/66 обнаружены фрагменты минимум 16 сосудов. Из них 12 относятся к белоярской культуре, еще четыре — инородные. Среди последних — фрагмент сосуда с искусственной примесью металлургического шлака. Он может отражать контакты белоярского населения Барсовой Горы с инокультурными группами населения, от которых мог поступать сюда импортируемый металл. Вместе с металлом на поселения белоярской культуры попадала и импортная посуда. Возможным источником сырья могли выступать Приуралье, Центральный Казахстан и Алтай.*

Ключевые слова: *Западная Сибирь, ранний железный век, белоярская культура, Барсова Гора, привозная керамика.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.245-247

Барсова Гора — уникальный природно-археологический комплекс на севере Западной Сибири, расположенный на правом берегу Оби вблизи Сургута. На площади около 6 кв. км выявлено почти 400 археологических памятников от неолита до нового времени (*Чемякин, Зыков*, 2004). Белоярская культура выделена одним из авторов; по современным представлениям, она датируется VIII — рубежом IV–III вв. до н. э. (*Чемякин*, 2008. С. 72–74).

Селище Барсова гора III/66 находится на ровном участке 3-й надпойменной террасы, в 0,78 км к СВ от берега протоки Утоплая (коренной берег Оби), на высоте 32 м от уровня воды. Его площадь превышает 2600 кв. м. В селище были объединены остатки 20 древних объектов, среди которых 11 приподнятых площадок с внешними ямами по периметру и четыре неглубокие впадины с обваловками. В 1998 г. В. М. Морозовым в ходе охранно-спасательных работ были изучены две наземные постройки с очагами. Площадь раскопов составила 350 кв. м.

Материал представлен керамикой, обломками тиглей, бронзовым шилом и каменными орудиями, среди которых были абразивы, два молоточка, отбойник, терочник. Керамический комплекс содержит обломки не менее 16 сосудов, из них 12 относятся к белоярской культуре, еще четыре — инородные (рис. 1). Для всей керамики выполнен технико-технологический анализ по методике, предложенной А. А. Бобринским в соответствии с естественной структурой гончарного производства (*Бобринский*, 1978).

Для производства керамики гончарами белоярской культуры отбирался один вид исходного сырья — ожелезненные глины. Можно выделить два подвида глин, различающихся по содержанию естественного песка: глина 1 — низкозапесоченная (до двух включений мелкого песка на 1 кв. см) с включениями окатанного бурого железняка (9 изд.); глина 2 — высокозапесоченная (до 30 включений песка на 1 кв. см; 3 изд.). Выявлено три рецепта формовочной массы: 1) глина + шамот (10 изд.); 2) глина + дресва (1 изд.); 3) глина + шамот + дресва + органика (1 изд.). Шамот не калибровался и вводился в сырье в концентрации 1 : 4–6. На устойчивость традиции добавления шамота указывают случаи его нахождения в шамоте. Дресва изготавливалась из предварительно обожженных гранитоидов и вводилась в пропорции 1 : 4–6. В одном сосуде дресва не калибрована, в другом — калибрована по верхней границе. Один фрагмент стенки по насыщенности крупными включениями дресвы (гранитоиды) напоминал керамику кульминского типа из бассейна р. Конды. Органика выявлена в одном сосуде и зафиксирована в виде очень мелких включений фрагментов растительности. Полое тело конструировалось лоскутным налепом. На одном сосуде зафиксированы отпечатки формы-основы в виде вытянутых параллельных складок. Обработка поверхностей выполнена при помощи механического заглаживания различными приспособлениями: пальцами, зубчатым орудием, мягким материалом. Обжиг мог проходить в восстановительной или окислительно-восстановительной среде.

1 Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-78-00039.

2 Дмитрий Вадимович Селин — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: selin@epage.ru; ORCID: 0000-0002-6939-2917.

3 Юрий Петрович Чемякин — Уральский государственный педагогический университет, пр. Космонавтов, д. 26, Екатеринбург, 620017, Российская Федерация; e-mail: yury-che@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1386-2510.

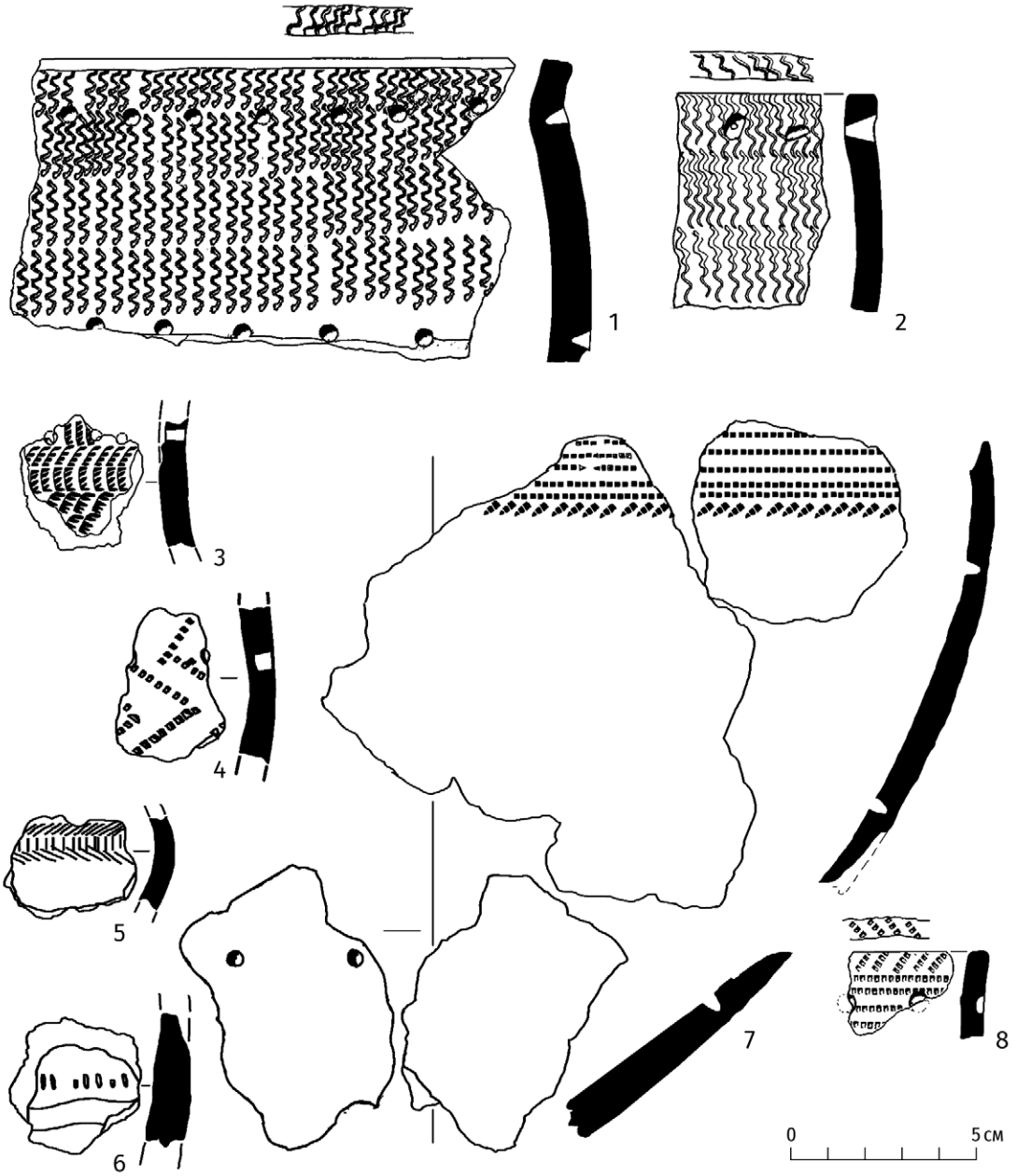

Рис. 1. Керамика поселения Барсова Гора III/66: *1*, *2*, *7*, *8* — белоярская культура; *3–6* — инокультурные фрагменты
Fig. 1. The pottery from the settlement Barsova Gora III/66: *1*, *2*, *7*, *8* — Bely Yar culture; *3–6* — alien cultures' vessels

Керамический комплекс выглядит достаточно однородным и находит аналогии в ранних белоярских комплексах Барсовой Горы и Сургутского Приобья в целом (рис. 1, *1*, *2*). Ряд узоров (горизонтальные пояски мелкозубчатых оттисков, ромбическая сетка из таких же оттисков) и форма сосудов характерны также для посуды кульминского типа и иткульской культуры этого же времени (рис. 1, *7*, *8*). Следует отметить, что эти два сосуда отличаются и по технологии: они изготовлены из формовочных масс с примесью дробленого камня.

По орнаментации выделяются фрагменты стенок четырех сосудов. Они невелики, и определить их культурную и хронологическую принадлежность затруднительно. Одно изделие, изготовленное из ожелезненной слабозапесоченной глины с примесью дресвы (рис. 1, *4*), может датироваться ранним бронзовым веком, другое, также с искусственной добавкой дробленого камня (рис. 1, *3*), украшенное плотно поставленными арочными гребенчатыми оттисками, — вплоть до энеолита. Еще один фрагмент по орнаментации резным (?) елочным узором напоминает средневековый (рис. 1, *5*). Он изготовлен из ожелезненной глины с искусственной примесью мелкого окатанного песка в пропорции 1 : 3 и мог попасть на памятник в более позднее время.

Особый интерес вызывает фрагмент сосуда, орнаментированного гладкой волнистой линией (рис. 1, *б*). Он изготовлен из слабоожелезненной слабозапесоченной глины с естественными включениями мелкого пылеватого окатанного песка и фракций мелкого окатанного бурого железняка. Как искусственные примеси зафиксированы дресва и металлургический шлак. Обе примеси не калиброваны и введены в концентрации 1 : 6 и 1 : 4 соответственно. Металлургический шлак в формовочной массе представлен округлыми пористыми конкрециями. Обе поверхности сосуда заглажены. Излом одноцветный светло-серый.

Посуда с искусственной добавкой металлургического шлака выявлена на памятниках эпохи палеометалла Барсовой Горы впервые. Сосуды с этой примесью известны на памятниках эпохи бронзы в Приуралье и Самарском Поволжье, в андроновской (фёдоровской) культуре Центрального Казахстана и на поселении петровской культуры нуртайского типа (*Бейсенов*, *Ломан*, 2017; *Ермолаева и др.*, 2018; *Салугина*, 2019). Как отмечает Н. П. Салугина, археологические памятники Приуралья и Самарского Поволжья, где в керамике зафиксирована примесь шлака, расположены вблизи рудных источников или содержат остатки производств, связанных с переработкой металлургического сырья (*Салугина*, 2019. С. 38–39). Не исключено, что и в начале раннего железного века традиция добавления шлаков в формовочную массу в этих регионах продолжала существовать.

Таким образом, на поселении Барсова Гора III/66 вместе с керамическим комплексом белоярской культуры была обнаружена посуда, которая выделяется не только по своим морфологическим характеристикам, но и по технологии изготовления. Два фрагмента стенок, предварительно датированных энеолитом — ранним бронзовым веком, могли попасть на площадку селища случайно или в качестве источника шамота. Обнаруженный сосуд с искусственной примесью металлургического шлака, по всей видимости, отражает контакты белоярского населения Барсовой Горы с инокультурными группами, у которых мог импортироваться металл для производства различных изделий. Вместе с сырьем на селища белоярской культуры попадала и импортная посуда. Конкретные маршруты этого торгового обмена к настоящему моменту однозначно определить затруднительно, в качестве возможных источников металлургического сырья могли выступать Приуралье, Центральный Казахстан и Алтай.

Бейсенов, *Ломан*, 2017 — *Бейсенов А. З.*, *Ломан В. Г.* Новые исследования керамики поселений Атасу и Мыржык // Изв. АлтГУ. 2017. № 2 (94). С. 221–225.

Бобринский, 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Ермолаева и др., 2018 — *Ермолаева А. С.*, *Калиева Ж. С.*, *Дубягина Е. В.* Культурная атрибуция жилища-мастерской на поселении Талдысай на основе анализа керамики // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3. С. 269–275.

Салугина, 2019 — *Салугина Н. П.* Металлургические шлаки в формовочной массе керамики позднего бронзового века: возможности историко-культурной интерпретации // История керамики. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 1. С. 36–48.

Чемякин, 2008 — *Чемякин Ю. П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Чемякин, *Зыков*, 2004 — *Чемякин Ю. П.*, *Зыков А. П.* Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.

Ceramics with metallurgical slags at the Barsova Gora III/66 site (Bely Yar culture, Early Iron Age, Surgut Ob region)

Dmitry V. Selin[4], Yury P. Chemyakin[5]

Fragments of 16 vessels were found at the settlement of Barsova Gora III/66. 12 vessels belong to the Bely Yar culture, the other 4 are of external origin. A fragment of the vessel with an artificial admixture of metallurgical slag may reflect the contacts of the population of Barsova Gora with other archaeological cultures, who could serve as a source of the imported metal. The dishes were also imported along with the metal. As a possible source of raw materials could be the West Ural, Central Kazakhstan and Altai.

Keywords: *Western Siberia, Early Iron Age, Bely Yar culture, Barsova Gora, imported ceramics.*

4 Dmitry V. Selin — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: selin@epage.ru; ORCID: 0000-0002-6939-2917.

5 Yury P. Chemyakin — Ural State Pedagogical University, 26 Cosmonauts Ave., Yekaterinburg, 620017, Russian Federation; e-mail: yury-che@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1386-2510.

Генезис элиты обских угров Сургутского и Нижнего Приобья (богатыри и шаманы кулайской эпохи)[1]

В. А. Борзунов[2]

Аннотация. *Первые признаки социальной дифференциации и выделения воинского сословия в западной половине таежного Приобья фиксируются во второй половине I тыс. до н. э. по материалам кулайских святилищ, могильников и крепостей с бастионно-башенной архитектурой. Более активное образование слоя управленческой, военной, имущественной и духовной элиты обских угров в I–IV вв. н. э. демонстрируют единичные погребения, захоронение кукол-иттарма, олицетворявших воинов, погибших на чужбине, а также клад с регалиями шамана с большим количеством привозных и местных изделий.*

Ключевые слова: *Западная Сибирь, тайга, ранний железный век, обские угры, погребения, клад, генезис элиты.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.248-251

В XII–XVI вв. бассейны Конды, сургутского и нижнего течения Оби, являвшиеся главными территориями летописной Югры, были заселены в основном угроязычными коллективами — предками хантов («остяки») и манси («вогулы»), занимавшимися рыболовством, охотой и собирательством. Производящей экономики у жителей тайги практически не было, а редкие лошади являлись статусными и сакральными животными. Здесь существовало несколько туземных «княжеств», а также множество городков, возглавляемых местной элитой разных уровней. Исторические, фольклорные и этнографические источники свидетельствуют о глубоко зашедшей имущественной и социальной дифференциации в средневековых таежных обществах, а также фиксируют наличие в них представителей «княжеской», воинской и «шаманской» прослойки (*Бахрушин*, 1935; *Кулемзин*, 2004). Прямо и косвенно это подтверждают материалы могильников и городищ Сургутского и Нижнего Приобья VII/VIII–XVII вв., раскопанных в 1970–2000-х гг.

На основании былин и героических сказаний обских угров, записанных в 1888–1892 гг. статистиком и этнографом из Петербурга С. К. Патканов, воссоздан детальный образ «остяцкого богатыря» XI–XVI вв. (*Патканов*, 1891). Уральскими археологами на р. Ендырь, расположенной на стыке Конды, Среднего и Нижнего Приобья, найден и раскопан легендарный городок Эмдер этого времени. Некогда в нем проживали герои одной из былин — князья-богатыри Косатый Яг и его сыновья (*Зыков*, *Кокшаров*, 2001).

Между тем другие археологические памятники (рис. 1, *I*) и их материалы дают возможность установить более ранний генезис института верховной власти в таежном Приобье.

В 1986 г. археологи из Свердловска В. А. Борзунов и А. П. Зыков при раскопках городища Барсов Городок I/3 в урочище Барсова Гора у западной окраины Сургута, датируемого VII–IV вв. до н. э., открыли во рву погребение II–III вв. н. э. сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности с богатым привозным (Средняя Азия, Причерноморье, Египет, Китай) и местным инвентарем, в том числе военным и культовым (394 изделия, включая 367 стеклянных бус) (рис. 1, *II*). Оно принадлежало мальчику шести лет с монголоидными чертами лица (определение томского антрополога В. А. Дремова) — вероятно, сыну «князя»-вождя (рис. 2). В соседнем рву находилась могила бедного общинника (*Борзунов*, *Зыков*, 2003).

В том же году сотрудник УрГУ Г. В. Бельтикова в процессе аварийных исследований кулайского городища Барсов Городок I/20 вскрыла позднекулайское погребение и уникальный клад II–III вв. н. э. с импортными бронзовыми ажурными пластинами, вотивными предметами, стеклянной бусиной, обломком железного кузнечного молотка (всего 54 предмета), но без оружия. Эти вещи она определила как остатки костюма шамана (*Бельтикова, Борзунов*, 2017).

В 2003 и 2009 гг. в бассейне р. Аган местные жители обнаружили два могильника с разрушенными кулайскими погребениями I–IV вв. н. э.: Нивагальское 34 и Агрнъёган 1. По составу и количеству находок (железное и бронзовое оружие, украшения, культовые отливки: 73 и 235 предметов) захоронения были сходны с вышеназванными погребальными объектами. Материалы их изучены екатеринбургским исследователем К. Г. Карачаровым (*Перевалова*, *Карачаров*, 2006. С. 62–71; *Карачаров*, 2011; 2017).

1 Работа выполнена в рамках гос. задания Минвуза РФ по теме № FEUZ-2020-0056.

2 Виктор Александрович Борзунов — Уральский федеральный университет, пр. Ленина, д. 51, Екатеринбург, 620083, Российская Федерация; e-mail: victor.borzunov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0085-2230.

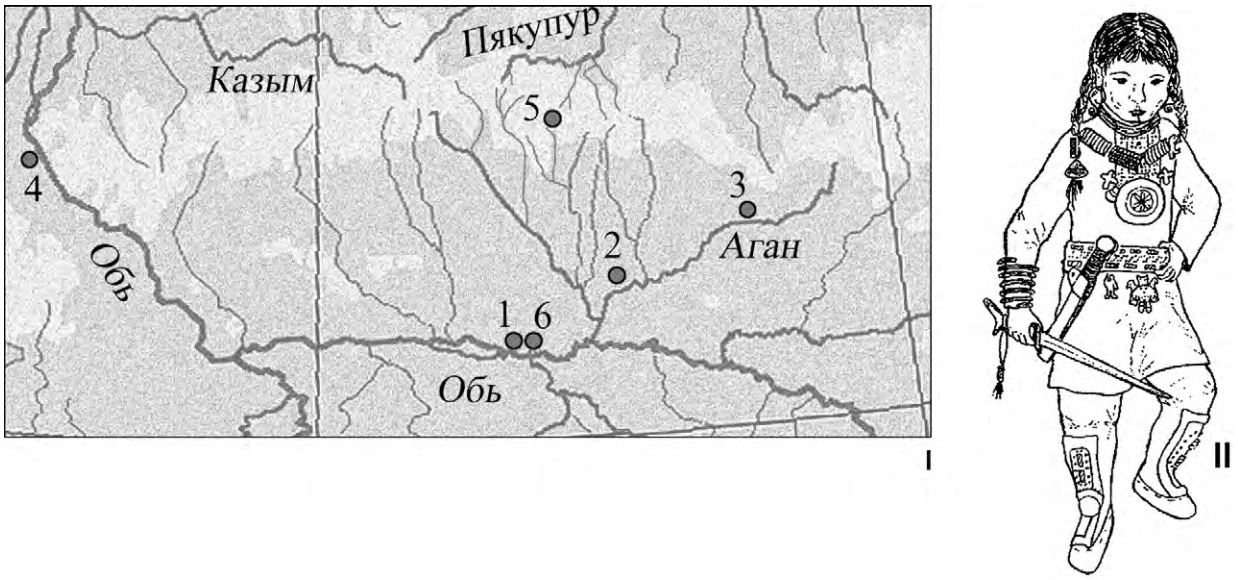

Рис. 1. *I* — карта памятников с погребальными объектами кулайской элиты: *1* — Барсовский III могильник; *2* — могильник Нивагальское 34; *3* — могильник Агрнъёган 1; *4* — Шеркалинский могильник; *5* — Холмогорский погребальный комплекс; *6* — клад на городище Барсов Городок I/20; *II* — костюм мальчика-воина из погребения 1 могильника Барсовского III (реконструкция А. П. Зыкова)

Fig. 1. *I* — map of sites with burial objects of the Kulayka culture elite: *1* — Barsovskyi III burial ground; *2* — burial ground Nivagalskoe 34; *3* — burial ground Agrnyogan 1; *4* — Sherkaly burial ground; *5* — Kholmogory burial complex; *6* — a hoard at the fortress of Barsov Gorodok I/20; *II* — a warrior boy's costume from burial No. 1 (reconstruction by A. P. Zykov)

В 1980–1981 гг. томские ученые Л. А. Чиндина и Е. А. Васильев на Шеркалинском могильнике в низовьях Оби исследовали двойную могилу с кулайским и импортным инвентарем (61 предмета), сопоставимым с материалами богатых погребений Сургутского Приобья (*Чиндина*, 1984. С. 50–58, табл. 3; 4).

В 1976 г. на песчаной гряде в водоразделе Оби и Пура, близ оз. Сорымлор рабочие Холмогорского месторождения нефти нашли «клад» металлических вещей переходного времени от раннего железного века к средневековью. Изучившие этот памятник уральские археологи Н. В. Федорова и А. П. Зыков интерпретировали его как остатки захоронения кукол-*иттарма* с богатым собранием украшений, оружия и вотивных предметов (193 предмета). Предполагается, что к головам кукол были пришиты небрежно отлитые бронзовые «личины». По всей видимости, эти манекены олицетворяли элитных воинов III–IV вв. н. э., погибших на чужбине (*Зыков*, *Федорова*, 2001). Сходные объекты в Сургутском Приобье сооружались и в VII–XV вв.

Данные материалы позволяют выдвинуть гипотезу о наличии в составе обско-угорских обществ начала I тыс. н. э. наследственной элиты, представители которой были наделены функциями глав родов, общин, «князей-богатырей», воинов и служителей культа. Как правило, знатные люди проживали в небольших, сильно укрепленных резиденциях, окруженных бастионно-башенной фортификацией. Идея строительства таких «крепостей» была заимствована у лесостепных племен саргатской и гороховской культур, а теми — у саков Приаралья в VI–III вв. до н. э. (*Борзунов*, 2002).

Появление таких городков и формирование местной элиты на рубеже эр и в начале I тыс. н. э. было обусловлено включением таежного Приобья в систему международной торговли. Главными элементами последней являлись «пушные» ответвления Великого шелкового пути, проложенные из степей на север Западной Сибири по издревле существовавшим «информационным коридорам» — рекам Волге, Каме, Тоболу, Ишиму, Иртышу и Оби. Вожди таежных кулайских коллективов, опиравшиеся на силу «воинских отрядов», принудили рядовое население усилить пушной промысел и резко изменили в свою пользу распределение получаемых в обмен на пушнину ценных и статусных вещей — металлических украшений, оружия, утвари, культового литья, стеклянных бус и прочих товаров.

Вместе с тем, судя по медным фигуркам божеств-воинов в шлемах и подобиях «солнечных» корон, а также первым бастионно-башенным укреплениям и материалам святилищ с бронзовыми и железными предметами, включая оружие (наконечники стрел, кинжалы, ножи, топоры-кельты и др.), первые элементы воинского культа появились в Сургутском Приобье еще в V–IV/III вв. до н. э.

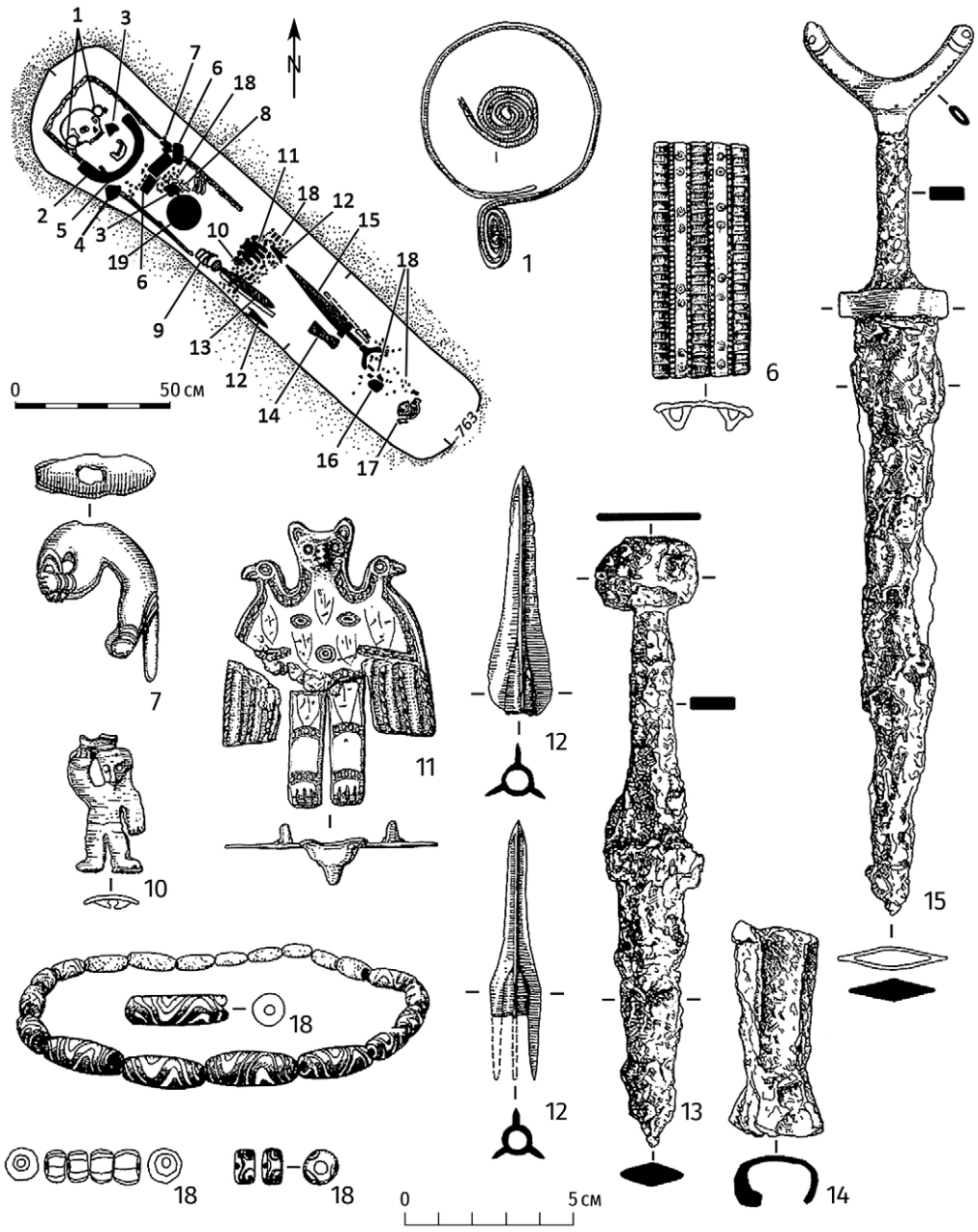

Рис. 2. План погребения № 1 могильника Барсовского III и находки из него, выборочно (номера предметов на рисунке соответствуют номерам на плане): *1* — серебряные кольца (2 шт.); *2* — серебряная накладка; *3* — фрагменты бронзовых зеркал; *4* — подвески из распиленного зеркала с рифленым концентрическим орнаментом (2 шт.); *5* — бронзовая рифленая пронизка; *6* — бронзовые накладки гофрированные (2 шт.) и с гофрированно-жемчужным декором (1 шт.); *7* — бронзовая полая зооморфная подвеска; *8* — крестовидные изделия из медной проволоки; *9* — бронзовый витой браслет; *10* — бронзовая антропоморфная подвеска; *11* — бронзовая орнитозооантропоморфная накладка-подвеска; *12* — медные или бронзовые наконечники стрел (2 шт.); *13* — железный кинжал; *14* — железный топор-кельт; *15* — железный кинжал с бронзовыми перекрестьем и навершием; *16* — серебряная фольга на бересте; *17* — глиняный горшок; *18* — стеклянные и сердоликовые бусы, бисер (367 шт.); *19* — бронзовое зеркало с лепестковой розеткой и циркульным декором

Fig. 2. Plan of burial No. 1 Barsovskyi III burial ground and finds from them, selective (item numbers in the figure correspond to the numbers on the plan): *1* — silver rings (2 pcs.); *2* — silver plate; *3* — fragments of bronze mirrors; *4* — pendants made of a sawn mirror with a corrugated concentric ornament (2 pcs.); *5* — bronze corrugated bead; *6* — bronze onlays corrugated (2 pcs.) and with corrugated pearl decor (1 pc.); *7* — hollow bronze zoomorphic pendant; *8* — cross-shaped copper wire products; *9* — a bronze twisted bracelet; *10* — anthropomorphic bronze pendant; *11* — bronze ornitho-zoo-anthropomorphic overlay-pendant; *12* — copper or bronze arrowheads (2 pcs.); *13* — iron dagger; *14* — iron axe-celt; *15* — iron dagger with bronze crosshair and pommel; *16* — silver foil on birch bark; *17* — the clay pot; *18* — glass and carnelian beads, seed beads (367 pcs.); *19* — bronze mirror with a petal rosette and circular decor

Бахрушин, 1935 — *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Институт народов Севера, 1935. 91 с.

Бельтикова, *Борзунов*, 2017 — *Бельтикова Г. В.*, *Борзунов В. А.* Уникальный клад в Сургутском Приобье // РА. 2017. № 4. С. 124–141.

Борзунов, 2002 — *Борзунов В. А.* Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Борзунов, *Зыков*, 2003 — *Борзунов В. А.*, *Зыков А. П.* Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох / под ред. Н. М. Чаиркиной. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.

Зыков, *Кокшаров*, 2001 — *Зыков А. П.*, *Кокшаров С. Ф.* Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Зыков, *Федорова*, 2001 — *Зыков А. П.*, *Федорова Н. В.* Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Карачаров, 2011 — *Карачаров К. Г.* Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 9 / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: ТомГУ, 2011. С. 82–110.

Карачаров, 2017 — *Карачаров К. Г.* Погребение 1 могильника кулайской культуры Нивагальское 34 // Археология и история Северо-Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. Вып. VI. С. 88–102.

Кулемзин, 2004 — *Кулемзин В. М.* О хантыйских шаманах. Тарту: ЭЛМ, 2004. 210 с.

Патканов, 1891 — *Патканов С. К.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1891. 74 с.

Перевалова, *Карачаров*, 2006 — *Перевалова Е. В.*, *Карачаров К. Г.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: Графо, 2006. 352 с.

Чемякин, *Карачаров*, 2002 — *Чемякин Ю. П.*, *Карачаров К. Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). 2-е изд. / Рец.: Е. П. Мартынова и др. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Чиндина, 1984 — *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: ТомГУ, 1984. 256 с.

The genesis of the Ob' Ugrians' elite of the Surgut and Lower Ob' regions (heroes and shamans of the Kulaika Epoch)

Victor A. Borzunov[3]

The first signs of social differentiation and the separation of the military class in the western part of the Ob River taiga are recorded in the second half of the 1st mill. BC based on materials from sanctuaries, burial grounds and fortresses with bastion-tower architecture of the Kulaika culture. A more active formation of the layer of the administrative, military, property and spiritual elite of the Ob Ugrians is demonstrated in the 1st–4th cent. BC by single burials, the burial of ittarma dolls, personifying warriors who died in a foreign land, as well as a hoard with the shamanic regalia with a large number of imported and local products.

Keywords: *Western Siberia, taiga, Early Iron Age, the Ob River Ugrians, burials, hoard, formation of the elite groups.*

3 Viktor A. Borzunov — Ural Federal University, 51 Lenin Ave., Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; e-mail: victor.borzunov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0085-2230.

Внутримогильные сооружения I тыс. до н. э. в Туве[1]

А. В. Семенов[2]

Аннотация. *На протяжении I тыс. до н. э. на территории Тувы происходит формирование и развитие культур скифского типа. В данной статье рассмотрены внутримогильные сооружения этого периода: каменные ящики, срубы и склепы. Они претерпевают определенную эволюцию, но прослежены на разных хронологических этапах, позволяя говорить об определенной преемственности между сменяющими друг друга археологическими культурами.*

Ключевые слова: *Тува, скифское время, монгун-тайгинская культура, алды-бельская культура, уюкско-саглынская культура, озен-ала-белигский этап.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.252-254

I тыс. до н. э. на территории Республики Тыва ознаменовано расцветом и бытованием археологических культур скифского облика — начиная с памятников аржанского типа (IX–VIII вв. до н. э.), предваряющих наступление скифского времени, раннему периоду которого в Туве соответствует алды-бельская археологическая культура (конец VIII — VI в. до н. э.), впоследствии постепенно сменяемая уюкско-саглынской (V–III вв. до н. э.), завершающий период которой выделяется как озен-ала-белигский этап (III–II вв. до н. э.).

Между этими культурами прослеживаются черты преемственности, а на стыке их бытования фиксируются переходные этапы, например между алды-бельской и уюкско-саглынской культурами, где исследованы памятники, сочетающие разные элементы погребального обряда и инвентаря. Изменения касаются как наземных конструкций наподобие курганных насыпей, так и внутримогильных сооружений.

Монгун-тайгинская культура, предшествующая интересующему нас периоду, отличается наличием захоронений в каменных камерах-цистах, устанавливаемых на поверхности или незначительно углубленных. Отход от данной практики фиксируется в аржанский и ранне-алды-бельский периоды, когда в курганных насыпях появляются могильные ямы с теми или иными сооружениями. Одним из распространенных типов внутримогильных сооружений являются бревенчатые срубы. Наиболее ранние бревенчатые конструкции зафиксированы при раскопках кургана Аржан-1, насыпь которого содержала сложную радиально-концентрическую конструкцию из множества бревенчатых клетей, установленных на дневную поверхность. Центральное погребение (1), к сожалению, оказалось разграбленным, однако хорошо сохранилась его конструкция: внутри большой клети из бревен без вырубов был поставлен сруб высотой в три венца, вокруг которого находилось шесть погребений в колодах, одна из которых (погр. № 2) была поставлена внутрь небольшого по площади сруба высотой в три венца. Еще одно сопроводительное захоронение (погр. № 5) представляло собой небольшой сруб с одиночным захоронением. Погребальный инвентарь, содержащий все элементы «скифской триады», и бревенчатые конструкции отличают Аржан-1 от памятников предшествующего периода, в то время как расположение погребений на поверхности как будто продолжает монгун-тайгинскую традицию.

Будучи наиболее ранним памятником, содержащим элементы скифской культуры, Аржан-1 позволяет предположить вектор перемещения культурных маркеров и идей с Востока на Запад. Примерно через столетие после постройки этого комплекса, грандиозного для Центральной Азии захоронения, содержащие маркеры скифской культуры, появляются в районе Предкавказья. В это же время (в конце VIII в до н. э.) в Туве создается курган Аржан-2. Ряд особенностей: большая площадь при относительно небольшой высоте, несколько сопроводительных захоронений под одной оградой — сближают его с комплексами алды-бельской культуры, при этом конструкция собственно «царского» захоронения «опережает время», представляя собой высокий бревенчатый сруб в достаточно глубокой могильной яме.

Впоследствии на территории Тувы формируется алды-бельская культура. Памятники этого периода представляют собой широкие и плоские курганные насыпи с выделенной конструкцией ограды, в пределах которой, как правило, находится несколько захоронений в относительно неглубоких ямах. Внутримогильные сооружения алды-бельской культуры доволь-

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Анатолий Владимирович Семенов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: blaze85@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-6655-1783.

но разнообразны: четырехугольные каменные ящики, небольшие склепы, захоронения в деревянных колодах и срубы.

Каменные ящики алды-бельской культуры — это конструкции из 4–6 вертикально вкопанных плит, перекрытых 1–2 плитами, обычно без пола. Они помещались в ямы глубиной 1,0–1,5 м. Изредка встречаются многоугольные конструкции из нескольких установленных вертикально плит, напоминающие небольшие склепы без пола, перекрытые несколькими плитами. Также в комплексах алды-бельской культуры фиксируются одиночные захоронения в небольших срубах прямоугольной формы, построенных из тонких бревен и «усиленных» каменными плитами поверх перекрытия и вдоль стен. Этот тип конструкций неоднократно фиксировался на могильниках Хемчик-Бом, Алды-Бель, Куйлуг-Хем и Чинге в начале Саянского Каньона, где проводил раскопки А. Д. Грач. Помимо одиночных захоронений встречаются и коллективные: по 2–3 погребенных в низких, в 1–2, реже 3 венца, срубах с перекрытиями из тонких бревен без пола (из-за малой толщины жерди перекрытий и стен сохраняются плохо) либо в подквадратных каменных ящиках, как на могильнике Бай-Даг 6. Другой тип внутримогильных сооружений алды-бельской культуры — деревянные колоды, впервые появляющиеся еще в Аржане-1, ярким примером такого погребения является мог. 5 на могильнике Сарыг-Булун. Обычно в колодах хоронили детей.

Памятники уюкско-саглынской культуры представляют собой коллективные захоронения в бревенчатых срубах с полом и перекрытием, каменными подушками, иногда вымостками под отдельного человека. В некоторых случаях раннеуюкские погребения совмещают некоторые элементы алды-бельской культуры и новой традиции. Такой объект был исследован ТАЭ ИИМК РАН в долине р. Ээрбек на могильнике Эки-Оттуг 2. Здесь под одной продолговатой насыпью с оградой находилось более 30 погребений, семь из которых — захоронения в глубоких ямах, в срубах, остальные (сопроводительные, в основном детские) — в неглубоких ямах с ящиками и колодами, расположение которых характерно для алды-бельских памятников. Ранние захоронения уюкского типа находятся в глубоких ямах и представляют собой срубы с полом, параллельным перекрытию, с ориентацией стен по сторонам света. Прослеживается наличие перекрытий могильных ям, иногда — «отделка» стен могильной ямы широкими полосами бересты и сложные деревянные конструкции, вероятно, для спуска в погребение (могильник Кош-Пей). Одновременно с уюкской традицией в южных и западных районах Тувы формируется саглынский тип срубных захоронений. Здесь также создаются глубокие (более 3 м) могильные ямы, но сами срубы на раннем этапе возводились из нетолстых бревен или жердей и имели небольшую высоту в 1–3 венца. Полы срубов уложены перпендикулярно перекрытиям, саглынские срубы были ориентированы углами по сторонам света.

Однако вскоре после начала бытования обеих этих традиций они, по-видимому, совмещаются, что позволяет говорить о единой уюкско-саглынской культуре в V–III вв. до н. э. В этот период срубы являются практически единственным вариантом внутримогильных сооружений, распространяясь по всем районам Тувы, а также на севере Убсу-Нурской котловины.

Поздний период уюкско-саглынской культуры выделяется как озен-ала-белигский этап (III–II вв. до н. э.). В это время происходят масштабные этно-социальные процессы, связанные с возникновением «кочевой империи» хунну и переселением различных этнических групп, что находит отражение в том числе и в погребальном обряде. Помимо продолжающейся практики создания срубных захоронений, распространяются другие типы внутримогильных сооружений — каменные ящики, склепы, срубы с дромосами.

В случае с захоронениями в срубах прослеживается тенденция к уменьшению глубины могильных ям при увеличении их ширины и среднего количества погребенных. Фактически этот тип продолжает уже существующую традицию, являясь своего рода синтезом уюкского и саглынского вариантов. Ориентация большинства озен-ала-белигских срубов — углами по сторонам света, перекрытие и пол чаще всего уложены перпендикулярно друг другу. Срубы строились высотой в 3–4 венца. Примечательна технология «врубки» углов: с остатками, которые могут достигать значительной длины (более 20 см), — в этом случае они заводились в специально сделанный подбой ямы. Вырубы выполнены либо в виде прямых выемок с обеих сторон бревна, либо с одной, если бревно является первым от пола или перекрытия, — такая конструкция близка к достаточно развитому типу угловой врубки «в охряп».

Другим типом памятников позднего этапа являются срубы с дромосами, зафиксированные на могильниках Саускен 1 и 2, Догээ-Бары, Красная Горка в Туве и на могильнике Улангом в Монголии. Это коллективные захоронения в ямах небольшой глубины (до 2 м), перекрытых плоскими курганными насыпями из плит. Дромосы имеют преимущественно южную ориентацию, длина их не превышает 3 м. Выход дромоса на поверхность оформляется двумя параллельными рядами вертикально вкопанных плит. В отдельных случаях срубы с дромосами имеют также дополнительное бревенчатое перекрытие ямы, под которое заходит вход, либо накат из бревен над ним. В подземной части дромоса также имеются стены

и перекрытие из плит, спускающееся одной-двумя крутыми ступенями до уровня погребальной камеры, где устраивался проруб на уровне второго или третьего венца. Срубы с дромосами отличаются «капитальной» конструкцией (для них использовались толстые бревна или брус, перекрытие нередко было в два слоя), значительной площадью и большим числом погребенных — до двух десятков.

Еще одним, сравнительно редким типом погребальных сооружений, появляющимся в Туве в позднескифское время, являются склепы. Они могут иметь разные размеры. Общим конструктивным элементом является могильная яма округлой или овальной формы, стены которой облицовывались вертикально установленными плитами, из-за чего внутреннее пространство могилы имеет форму многоугольника. В случае с одиночными погребениями, имеющими небольшую площадь, над могилой создавалось простое перекрытие из горизонтально уложенных широких плит. От каменных ящиков такая конструкция отличается формой и наличием перекрытия самой ямы, а не «крышки» поверх каменной конструкции. На полу погребальной камеры зачастую находится большая плита — «ложе» — элемент, характерный и для некоторых срубных захоронений данного периода. Подобные конструкции прослеживаются и на некоторых комплексах алды-бельской культуры, но исчезают в период бытования уюкско-саглынской, вновь возникая лишь на позднем ее этапе. Склепы с коллективными захоронениями исследовались на могильнике Аймырлыг XXIII (материалы не опубликованы) и Кара-Туруг 3, сильно разрушенный склеп был выявлен на могильнике Ала-Тей 3. Как и в случае с одиночными склепами, основой конструкции является многоугольная камера из вертикально установленных плит, глубина ямы может достигать 3 м. Выше уровня вертикальных плит высотой около 0,5–1,0 м создавалась своеобразная конструкция ложного свода. Наиболее крупные склепы на Аймырлыге имели входы-дромосы из плит, схожие с конструкциями срубных захоронений.

На некоторых могильниках озен-ала-белигского этапа погребения в срубах сопровождаются каменными ящиками — четырехугольными погребальными камерами из плит, с полом и перекрытием, которые как располагались под отдельными небольшими насыпями из некрупных камней, так и бывали «пристроены» к могильной яме со срубом под одной насыпью. Ящики содержат в основном одиночные захоронения, хотя на Хайыракане и Суглуг-Хеме зафиксированы и коллективные. Часто в них находятся детские погребения. Ящики, как и склепы, и срубы с дромосами, отсутствуют на памятниках классического уюкско-саглынского облика, таких как могильник Кош-Пей. И, напротив, по завершении скифского времени в Туве, в период бытования улуг-хемской культуры, коллективные захоронения под курганными насыпями вытесняются одиночными грунтовыми погребениями, образующими кладбища с множеством могил, где процент захоронений в каменных ящиках весьма значителен.

В целом на протяжении I тыс. до н. э. на территории Тувы фиксируется как определенная преемственность между сменяющими друг друга культурами, выражающаяся в сохранении и плавной трансформации основных типов внутримогильных сооружений, так и проникновение «иноземных» традиций, которые вплетались в местные системы религиозных представлений, порождая новые, уникальные типы погребальных конструкций.

The funeral constructions in the graves of the 1st mill. BC in Tuva

Anatoly V. Semenov[3]

During the 1st mill. BC the Scythian type cultures formed on the territory of Tuva. The author considers the funeral constructions within the graves of this period: stone cists, log constructions and vaults. Despite of certain evolution, they are fixed in different chronological stages, and this fact allows us to postulate some kind of continuity between subsequent archaeological cultures.

Keywords: *Tuva, Scythian time, Mogun-Taiga culture, Aldy-Bel culture, Uyuk-Saglyn culture, Ozen-Ala-Belig stage.*

3 Anatoly V. Semenov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: blaze85@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-6655-1783.

Междуречье Бии и Катуни в раннескифское время[1]

Д. В. Папин[2]

Аннотация. *Статья посвящена проблематике формирования археологических культур раннескифского круга северных предгорий Алтая, на территории Бие-Катунского междуречья. В настоящее время данный регион рассматривается в рамках традиций большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Наиболее изученными являются городища Пикет, Усть-Иша 2, Усть-Иша 3, Королев Лог, могильники Усть-Иша 5, Березовка 1, Суртайка 1, Суртайка 2. Памятник Усть-Иша 5 является наиболее изученным, всего раскопано более 20 курганов. Его материалы демонстрируют появление новой традиции сооружения нескольких могил под одной курганной насыпью и использования камня в погребальном обряде, при этом сохраняются элементы, связывающие его с предыдущим временем финала бронзового века.*

Ключевые слова: *предгорья Алтая, курганный могильник, раннескифское время.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.255-256

Территория Бие-Катунского междуречья на начальном этапе переходного времени от бронзового века к железному характеризуется многообразием этнокультурных процессов. Наиболее сложным является вопрос о трансформации ирменской культуры поздней бронзы, в качестве примера можно привести дискуссию, открытую Н. Л. Членовой в 1973 г. по поводу обнаружения бронзовых У-образных псалий в ирменском погребении (*Членова*, 1973). Наталья Львовна напрямую указывала на существование ирменских традиций в раннескифское время, а ее оппоненты категорически это отрицали. Наиболее изученными являются городища Пикет, Усть-Иша 2, Усть-Иша 3, Королев Лог, керамика данных памятников демонстрирует орнаментацию большереченской культуры переходного времени от бронзового века к железному (*Абдулганеев, Папин*, 1999). Вместе с тем материалы могильников Усть-Иша 5, Березовка 1, Суртайка 1, Суртайка 2 фиксируют уже традиции раннего железного века. Могильник Усть-Иша 5 является наиболее исследованным памятником данного периода предгорно-равнинного Алтая, где в разное время было изучено не менее 20 курганов, имеющих одинаковые черты погребального обряда.

Памятник расположен в Красногорском районе Алтайского края и состоит из 62 курганов, располагается на высокой террасе правого берега р. Иша, в 1,48 км на юг-юго-восток от моста через р. Иша и в 1,68 км к юго-западу от устья р. Иша, в месте впадения в р. Катунь. Его территория расположена на высокой террасе правого берега р. Иша (высота от уреза воды р. Иша 70–90 м). Длина террасы около 300 м, а ширина около 100 м. С востока и юга территория памятника ограничена крутым склоном, спускающимся к р. Иша. Восточная часть опахивается и используется для посевов. С северо-запада и запада объект археологического наследия ограничен оврагом, поросшим деревьями и кустарником. Некрополь был открыт в 1961 г. сотрудником Бийского краеведческого музея Б. Х. Кадиковым (*Скопинцева*, 1998). Скорее всего, он зафиксировал объект, раскапывавшийся в начале тридцатых годов XX века С. М. Сергеевым. В 1997 г. археологом Бийского пединститута Г. В. Скопинцевой в разных частях могильного поля было исследовано 10 курганов, из которых девять было ограблено в древности и один оказался непотревоженным. В 2021 г. автором был исследован самый крупный курган в центральной части могильника (*Папин и др.*, 2021).

В целом, погребальный обряд характеризуется следующими признаками: положение скелетов в погребениях скорченно на боку, головой в западный, северо-западный сектор; внутримогильные конструкции преимущественно отсутствовали, лишь в трех случаях прослежены каменные и деревянные обкладки стен; керамика в погребениях отсутствовала; сопроводительный инвентарь немногочислен и представлен предметами украшений и одним бронзовым кинжалом (*Скопинцева*, 1998). В 2021 г. нами сплошным раскопом была вскрыта в том числе площадь за пределами самой насыпи, показавшая наличие детских могил (безусловно связанных общей планировкой с центральным погребением), а также каменной стелы, установленной с востока.

Впервые в заполнении центрального погребения была найдена керамика, имеющая аналогии на поселениях переходного времени от бронзы к железу. На возможность этого ранее указывал М. Т. Абдулганеев, говоря о том, что городища Усть-Иша 2 и Усть-Иша 3а, находятся в прямой видимости от могильника Усть-Иша 5 (*Абдул-*

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

2 Дмитрий Валентинович Папин — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: papindv@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2010-9092.

ганеев, Папин, 1999. С. 6–7). Другим важным моментом было установление того, что межкурганное пространство заполнено грунтовыми погребениями, планиграфически связанными с центральным захоронением кургана. Данный факт позволяет по-новому оценить процесс генезиса традиций погребальной практики в раннескифское время на территории предгорного Алтая.

Традиция скорченного положения погребенного головой в западный сектор на Алтае была распространена в переходное время от поздней бронзы к раннему железному веку (*Кирюшин, Тишкин*, 1997. С. 52–53; *Абдулганеев, Папин*, 1999. С. 7; *Фролов*, 2008. С. 146). По обряду захоронения и инвентарю погребальный комплекс соотносится с захоронениями могильников Берёзовка-1, Суртайка 1, Суртайка 2 раннескифского времени (*Абдулганеев, Папин*, 1999. С. 6–7). Фрагмент керамики со скошенным и отогнутым наружу венчиком, орнаментированный жемчужником, находит точные аналогии на памятниках переходного времени (от бронзового века к раннему железному веку): Ближние Елбаны-1 (*Грязнов*, 1956. С. 68–75), Солонцы-3 и Усть-Иша-2, Усть-Иша-3а (*Абдулганеев, Папин*, 1999. С. 6; *Абдулганеев*, 2007. С. 106).

Другим важным фактом, указывающим на связь с предыдущей эпохой, является обнаружение Г. В. Скопинцевой в насыпи кургана № 37 развала сосуда ирменского облика, идентифицированного ею как остатки тризны (*Скопинцева*, 1998). Вместе с тем погребальный обряд могильника Усть-Иша 5 фиксирует и серьезные отличия от синхронных объектов Верхнего Приобья. Так для грунтовых могильников Ближние Елбаны VII, XII, XIV, Бобровского грунтового могильника господствующей является ориентация в ЮЗ сектор и отсутствие курганных насыпей. Скорее всего, мы фиксируем на территории Бие-Катунского междуречья иную модель трансформации традиций финальной бронзы. Возможно, это было обусловлено миграционным фактором, притоком населения с более западных территорий, в частности из региона юго-западных предгорий Алтая, для которых характерна северо-западная ориентация в погребениях раннескифского времени (*Шульга*, 2016.). Данный факт может объяснить и феномен появления городищ Пикет, Усть-Иша 2, Усть-Иша 3, Королев Лог в раннескифское время на правом берегу р. Катунь.

Абдулганеев, 1999 — *Абдулганеев М. Т., Папин Д. В.* Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катуни // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 5–13.

Абдулганеев, 1997 — *Абдулганеев М. Т.* Городище Усть-Иша-2 в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Вып. XVI. С. 101–109.

Грязнов, 1956 — *Грязнов М. П*. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.

Кирюшин, 1997 — *Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А*. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. 232 с.

Папин, 2021 — *Папин Д. В., Савко И. А., Анойкин А. А., Демин М. А*. Исследование кургана раннескифского времени на могильнике Усть-Иша-5 в предгорьях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 27. С. 588–593.

Скопинцева, 1998 — *Скопинцева Г. В.* Новый могильник раннескифского времени в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. Вып. IX. С. 120–124.

Фролов, 2008 — *Фролов Я. В.* Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Членова, 1973 — *Членова Н. Л.* Суртайка — могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // КСИА. Вып. 134. С. 114–126.

Шульга, 2016 — *Шульга П. И.* Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая // Новосибирск: РИЦ НГУ. 2016. 258 с.

Biya-Katun interfluve in the Early Scythian time

Dmitry V. Papin[3]

The article is devoted to the problems of the formation of archaeological cultures of the early Scythian circle of the northern foothills of Altai, on the territory of the Biya-Katun interfluve. At present, the region under consideration is traditionally presented within the framework of the traditions of the Bolsherechensk culture of the transitional period from the Bronze Age to the Early Iron Age. The most studied sites are Piket, Ust-Isha 2, 3, Korolev Log, Ust-Isha 5, Berezovka 1, Surtaika 1, 2 burial grounds. more than 20 burial mounds. Its materials demonstrate the emergence of a new tradition of building several graves under one mound and using stone in the funeral rite, while retaining elements that connect it with the previous period of the final of Bronze Age.

Keywords: *foothills of Altai, burial mound, Early Scythian time.*

3 Dmitry V. Papin — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: papindv@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2010-9092.

СЕКЦИЯ IV
КОЧЕВНИКИ РУБЕЖА ЭР

Семантика диагональных погребений савроматского и среднесарматского времени

Е. В. Вдовченков[1]

Аннотация. *Работа посвящена традиции диагональных погребений, известных в конце VI — начале III в. до н. э. и в I–III вв. н. э. Анализируется значение этого погребального обряда и его семантика. В основу курганного обряда с диагональным положением скелета в квадратной могиле савроматского и среднесарматского времени легла идея моделирования космоса, где погребенный является горизонтальной проекцией вертикали, т. е. символизирует мировую ось. Умерший находится в сакральном центре модулируемого мира и является алломорфом небесной оси, а смысл диагонального погребения — в космической завершенности пространства погребения как модели мира.*

Ключевые слова: *савроматская культура, среднесарматская культура, погребальный обряд, диагональные погребения, семантика, космология.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.257-259

Традиция диагональных захоронений у кочевников южнорусских степей существовала в конце VI — начале III в. до н. э. и в I–III вв. н. э. (*Засецкая*, 1974; *Скрипкин*, 2017. С. 123; *Кривошеев*, *Балабанова*, 2018) — в савроматское время и сарматскую эпоху соответственно. Для этой традиции характерно расположение скелета в квадратной могиле (по диагонали, от угла к углу) и ориентировка в южный сектор; это основное погребение в кургане. Ранняя группа памятников с диагональным положением умершего составляет только небольшую часть в общей выборке погребений (2,3% савроматских памятников и 4,7% памятников IV–III вв. до н. э. — см.: *Кривошеев*, *Балабанова*, 2018). Прослеживается распространение этой традиции из Приуралья на запад, в Нижнее Поволжье и даже в Левобережье Дона в IV в. до н. э. (*Скрипкин*, 2017. С. 116, 123, рис. 32а). В III–I вв. до н. э. этот обряд неизвестен. В сарматское время эта традиция становится одной из диагностических черт среднесарматской культуры; она довольно представительна и распространена от Приуралья до Днепра и Северного Кавказа.

При анализе диагональных погребений Приуралья–Поволжья–Подонья обеих эпох традиционно исследователи рассматривают следующие проблемы: 1) хронология диагональных погребений; 2) этническая интерпретация данной группы захоронений (*Смирнов*, 1948; *Засецкая*, 1974. С. 121; *Скрипкин*, 1990. С. 214–220); 3) проблема преемственности культурных традиций и групп населения, практикующих этот обряд (*Мошкова*, 2004); 4) социальная характеристика обряда; 5) семантика погребальной традиции с диагональным положением скелета в могиле.

Анализ социального положения погребенных по этому обряду затруднен тем обстоятельством, что значительная часть погребений ограблена современниками. Довольно богатые и совершенные под курганными насыпями диагональные погребения среднесарматской эпохи отличаются от погребальной традиции богатейших погребений Сарматии первых веков новой эры.

Появляется ли в сарматскую эпоху этот обряд самостоятельно, или же он связан с возрождением и актуализацией предшествующей традиции? Ответить на этот вопрос помогает наблюдение, согласно которому в I в. н. э. в памятниках среднесарматской культуры появляется ряд культурных новаций, которые связывают с возрождением традиций скифской эпохи — это короткие мечи с волютообразным навершием; лепная керамика, типологически близкая савроматской; увеличение процента целых зеркал в по-

1 Евгений Викторович Вдовченков — Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, д. 105, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация; e-mail: evvdovchenkov@sfedu.ru; ORCID: 0000-0003-0160-8520.

гребениях; округлые или прямоугольные каменные плиты; наличие высокостатусных женских погребений; звериный стиль; использование грунтовых блоков при строительстве курганов; положение погребенных по диагонали квадратной или широкой прямоугольной ямы (*Кривошеев*, 2013).

Особое внимание я хочу уделить значению обряда диагонального погребения, развивая тему, затронутую О. В. Кокуркиной (*Кокуркина*, 2011). Еще К. Ф. Смирнов склонялся к идее, что диагональные погребения отражали религиозные представления сарматов и не являлись специфическим этническим признаком (*Смирнов*, 1974. С. 42–43). Выделяются два признака этой погребальной традиции: квадратная форма могилы и диагональное положение умершего.

В основе мировоззренческой системы древних иранцев лежало представление о трехчленной вертикальной и четырехчленной горизонтальной структуре мира (*Кокуркина*, 2011. С. 67). В горизонтальной проекции Земля во многих традициях имеет форму квадрата, и идея квадратной могилы как модели мира может быть признана общепринятой. Так, образ Скифии как квадрата, отражающей мифологические представления скифов, хорошо известен (*Hdt.* IV. 101; *Раевский*, 1985. С. 69), а круглый курган с прямоугольной могилой в центре был своеобразной моделью Вселенной. Образ квадрата, вписанного в круг, является одним из самых известных символов космоса.

Сложнее дело с диагональным положением скелета. Интерпретация этой детали погребения дана О. В. Кокуркиной: «Хоронили умершего соплеменника (жриц?) головой в угол или лицом к божеству, являвшемуся хранителем этой части света. Делалось это, возможно, с той целью, чтобы погребенный мог выступить связующим звеном между миром людей и богов (миром предков) и сыскать для своего племени защиты от врагов и всяческих напастей» (*Кокуркина*, 2011. С. 71). Представление о каких бы то ни было жрецах или жрицах у савроматов и сарматов мне представляется недоказуемым, исходя из имеющейся скудной источниковой базы, и поэтому довольно фантастическим, несмотря на популярность этой идеи в литературе (ср.: *Петров*, 2017). Но идея связи углов погребения с отдельными божествами и положения тела для посредничества между миром богов и людей заслуживает внимания. Но почему боги должны располагаться именно по углам погребения, а не по сторонам? У нас нет оснований связывать богов со сторонами света. Наших знаний пантеона ираноязычных номадов недостаточно для далеко идущих предположений о семантике погребального обряда. Я полагаю, что идея диагонального размещения скелета, бытовавшая с перерывом в сотни лет, связана не с отдельным божеством, а с более широким и универсальным кругом представлений.

Диагональное положение скелета является горизонтальной проекцией вертикали, т. е. символизирует мировую ось. Погребенный находится в сакральном центре модулируемого мира и является алломорфом небесной оси. Интерпретацию диагональному погребению как модели вертикально поставленного столба дал Д. В. Деопик при беседе с Ю. К. Гугуевым[2]. Но какова была семантика и символика положения тела, уподобляющая его мировому столпу? Ответ на этот вопрос, как мне представляется, дает Д. С. Раевский при анализе известного эпизода скифских даров Дарию во время персидского похода в Скифию (*Hdt.* IV. 127; 131–132). Если значение мыши, лягушки и птицы понятно — это зооморфный код трех миров, подземного, земного и небесного (*Раевский*, 1985. С. 65), то с пятью стрелами дело обстоит сложнее. По наиболее убедительной версии Д. С. Раевского, пять стрел обозначают максимальную защищенность и наполненность пространства (*Там же*. С. 67): если четыре стрелы символизируют четыре стороны света и контроль над ними, то пятая означает контроль центра и/или верха.

Смысл диагонального захоронения — в космической завершенности пространства погребения как модели мира. По мнению И. В. Сергацкова, в основу курганного обряда среднесарматской эпохи легла идея моделирования космоса (*Сергацков*, 2006), в то время как, например, центральной идеей погребального обряда раннесарматской культуры была идея социума (т. н. курганы-кладбища бронзового века). Уподобление космосу квадратного погребения с телом, символизирующего мировую вертикаль, было популярным и понятным как в савроматскую эпоху, так и через 300 лет в среднесарматское время. Следует обратить внимание, что в погребениях среднесарматской культуры идея мирового древа была довольно популярна. Эффектными образами мирового древа являются изображения на диадемах знатных сарматок среднесарматской эпохи — находки из Кобяковского кургана № 10, из Усть-Лабинской, курган № 46, и из кургана Хохлач (*Вдовченков*, 2015).

Балабанова, *Кривошеев*, 2018 — *Балабанова М. А.*, *Кривошеев М. В.* Диагональные погребения как маркер преемственности в сарматских культурах в первые века нашей эры // НАВ. 2018. Т. 17. № 1. С. 50–75.

Вдовченков, 2015 — *Вдовченков Е. В.* Образы мира в археологических памятниках среднесарматской эпохи // Изв. Ростовского государственного стро-

[2] Благодарю Юрия Константиновича Гугуева за эти ценные сведения, которыми он поделился на Археосреде в Южном федеральном университете в феврале 2022 г.

ительного университета (материалы конференции Южно-Российского форума «Архитектура, дизайн и искусство в пространстве культуре»). 2015. № 19. С. 56–62.

Засецкая, 1974 — *Засецкая И. П.* «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 105–121.

Кокуркина, 2011 — *Кокуркина О. В.* Символизм ранних сарматских диагональных погребений // РА. 2011. № 2. С. 67–72.

Кривошеев, 2013 — *Кривошеев М. В.* Скифо-сарматские параллели. Новые данные // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 210–213.

Мошкова, 2004 — *Мошкова М. Г.* О времени существования диагональных погребений на территории Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М.: ИА РАН, 2004. С. 147–165 (МИАР; № 6).

Петров, 2016 — *Петров М. А.* Проблемы социально-политической организации скифского общества в VI–IV вв. до н. э. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 160 с.

Раевский, 1985 — *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.: Наука, ГРВЛ. 1985. 256 с.

Сергацков, 2006 — *Сергацков И. В.* Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов / Отв. ред. В. М. Клепиков. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2006. Вып. I. С. 37–58.

Скрипкин, 1990 — *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 299 с.

Скрипкин, 2017 — *Скрипкин А. С.* Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 293 с.

Смирнов, 1948 — *Смирнов К. Ф.* О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1. С. 213–219.

Смирнов, 1974 — Смирнов К. Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. — II в. н. э. (историко-археологический очерк) // СА. 1974. № 3. С. 33–44.

Semantics of diagonal burials of the Sauromatic and Middle Sarmatian time

Evgeny V. Vdovchenkov[3]

The paper is devoted to the tradition of diagonal burials known at the end of the 6th — beginning of the 3rd cent. BC and in the 1st–3rd cent. AD. The basis of the burial rite with a diagonal position of the backbone in a square grave of the Sauromatic and Middle Sarmatian cultures was the idea of modeling the cosmos, where the buried is a horizontal projection of the vertical, i. e. this rite symbolized the world axis. The deceased was located in the sacred center of the modulated world as an allomorph of the celestial axis, and the diagonal burial meant the cosmic completeness of the burial space as a model of the world.

Keywords: *Sauromatic culture, Middle Sarmatian culture, funeral rite, diagonal burials, semantics, cosmology.*

3 Evgeny V. Vdovchenkov — South Federal University, 105 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: evvdovchenkov@sfedu.ru; ORCID: 0000-0003-0160-8520.

Сетевая модель в интерпретации сложения и развития сарматских археологических культур

В. И. Мордвинцева[1]

Аннотация. *В работе приведены доводы в пользу переосмысления сарматской археологической культуры в соответствии с сетевой моделью. Использование последней расширяет познавательные возможности исследований, которые к настоящему времени ограничены преимущественно этнической моделью интерпретации культурных инноваций. Новые возможности открываются при интерпретации локальных вариантов и переходных периодов отдельных культур, выделении групп памятников со специфической самоидентификацией оставившего их населения, а также при выявлении внешнеполитических связей.*

Ключевые слова: *сарматская археологическая культура, сетевая модель.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.260-262

Возникновению концепции сарматской археологической культуры предшествовало формирование этиологического мифа Российской империи, основной идеей которого было регулярное переселение народов с востока на запад (*Мордвинцева*, 2016). Историография сарматской археологической культуры показывает, что ее непосредственная связь с конкретным этносом на самом деле не доказана. Исторические сарматы и сарматская археологическая культура — понятия, пересекающиеся лишь частично. Установить географическое местонахождение Сарматии и сарматов можно только в результате анализа письменных источников. Памятники, составляющие сарматскую археологическую культуру, занимают территорию, значительно превышающую границы исторической Сарматии. При этом археологические памятники Европейской Сарматии (Нижнее Поднепровье) по формальным признакам отличаются от памятников Азиатской Сарматии (Нижний Дон и Поволжье). Практически все эпонимные памятники сарматских археологических культур расположены в Волго-Уральском регионе (рис. 1) и таким образом не могут быть отождествлены с историческими сарматами, т. к. никогда не входили в состав культурно-исторической области Сарматия.

В последнее десятилетие в археологии все более популярными становятся сетевые подходы (общее описание *actor-network theory* см.: *Latour*, 2005; дискуссию о применении в археологии см.: *Brughmans*, 2013; *Collar et al.*, 2015; *Hodder, Mol*, 2016). Сетевые методы используются для изучения трансфера идей, движения людей и объектов, выявления социальных и культурных границ, межрегионального взаимодействия и морских путей. Сетевая модель лежит также в основе мир-системного анализа (*Kardulias, Hall*, 2008). В то же время формальные сетевые методы еще не использовались для концептуализации археологических культур. Это неудивительно для англоязычной академической литературы, где понятие «археологическая культура» мало использовалось со времен «новой археологии», за исключением, возможно (по крайней мере, имплицитно), культурно-исторической (прежде всего классической) археологии. Однако для археологии постсоветских стран, где это понятие широко используется, необходимо уточнить его значение.

Представляется, что в контексте сетевой модели археологическая культура — это устойчивая совокупность предметов и явлений материального мира, отражающих сетевые связи, сформировавшиеся и функционировавшие на определенной территории в конкретный период времени (*Мордвинцева*, 2020а).

Применение сетевой модели к сарматской археологической культуре позволяет интерпретировать локальные варианты и переходные периоды отдельных этапов/культур. С точки зрения сетевой модели часть сетевых отношений, функционировавших в древних обществах, неизбежно выходила за рамки отрезка времени и/или ареала распространения элементов, признанных «культурообразующими». Очевидно, именно такие отрезки времени описываются в академической литературе как «переходные периоды», а ареалы со «смешанными культурными чертами» — как «локальные варианты» археологической культуры. Интерпретация «переходных периодов» и «локальных вариантов» является весьма актуальной при изучении сарматской археологической культуры. Например, в литературе особое внимание уделялось проблемам перехода от савроматской к раннесарматской, и от ранне- к среднесарматской культурам (*Глебов*,

1 Валентина Ивановна Мордвинцева — Институт всеобщей истории РАН, Ленинский просп., д. 32А, Москва, 119991, Российская Федерация; Государственный академический университет гуманитарных наук, Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049, Российская Федерация; Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, д. 21/4, Москва, 105066, Российская Федерация; e-mail: vmordvintseva@hse.ru; ORCID: 0000-0003-2940-0545.

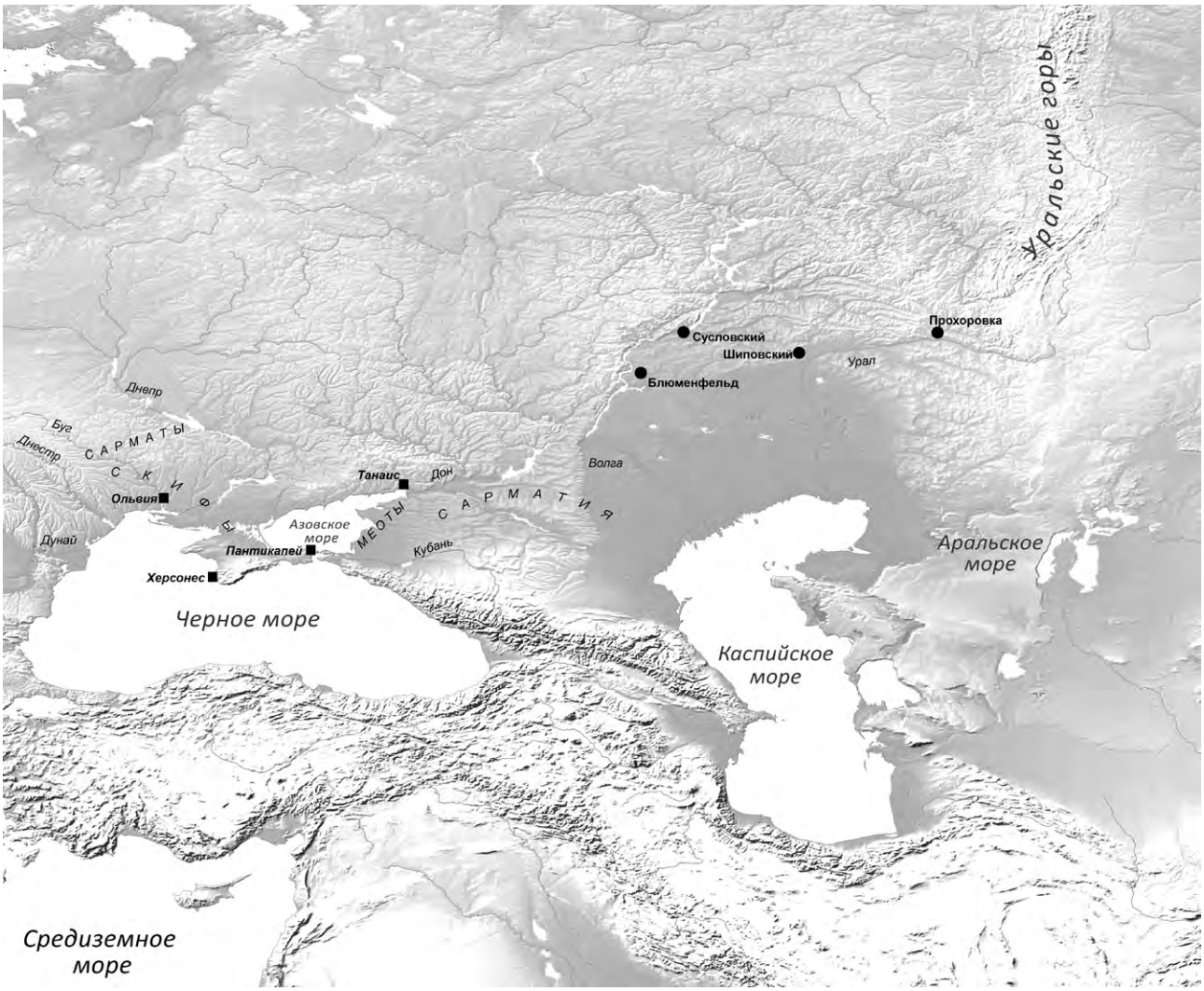

Рис. 1. Карта Северопричерноморского и Каспийского регионов с указанием эпонимных памятников сарматских культур и основных территорий, населенных историческими сарматами (маркировка территорий по: *Barrington Atlas*, 2000. Map. 23, 84, 85)

Fig. 1. Map of Pontic and Caspian regions with the reference sites of the Sarmatian cultures and principal territories inhabited by the Sarmatians (after *Barrington Atlas*, 2000. Map. 23, 84, 85)

2004; *Клепиков*, 2002; *Мошкова*, 1989; *Сергацков*, 1995; 2006; *Симоненко*, 2004; *Скрипкин*, 2006). Различия в датировке начала/окончания определенного этапа/культуры ученые обуславливают в основном этническими изменениями. Однако зафиксированные инновации могли быть связаны с другими факторами, в том числе политическими, экономическими, идеологическими.

Использование сетевой модели помогает также раскрыть содержание уже выявленных археологических культур, в том числе сарматской, основные «культурообразующие» черты которой отражают кочевой образ жизни. Этим объясняется широкое распространение сарматской археологической культуры (представленной главным образом курганными погребениями при отсутствии долговременных поселений) в древности на территории степной Евразии. Уже только по этой причине нельзя отнести все население, оставившее эти памятники, к одной этнической группе.

Используя сетевой анализ, в рамках обширной сарматской археологической культуры можно также выделить более мелкие группы памятников, отражающие общества, обладающие особой самоидентификацией. Погребения элиты таких сообществ отмечены специфическим составом погребального инвентаря, включая определенные наборы маркеров престижа (*Мордвинцева*, 2020б). Анализ происхождения таких маркеров позволяет проследить процессы взаимодействия отдельных групп, как с близкими соседями, так и с далекими цивилизациями (*Мордвинцева*, 2021). Подобные анализы можно проводить не только при изучении бесписьменных варварских обществ, но и обществ более высокой сложности.

Глебов, 2004 — *Глебов В. П.* Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: Наследие Кубани, 2004. С. 127–133.

Клепиков, 2002 — *Клепиков В. М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 216 с.

Мордвинцева, 2016 — *Мордвинцева В. И.* Формирование концепции культурно-исторических процессов в варварском мире Северного Причерноморья в III в. до н. э. — сер. III в. н. э. // История и археология Крыма. Вып. 3. 2016. С. 178–199.

Мордвинцева, 2020а — *Мордвинцева В. И.* Сарматская археологическая культура: от спекулятивной модели к сетевой // ВДИ. 2020. № 4 (80). С. 1058–1079.

Мордвинцева, 2020б — *Мордвинцева В. И.* «Варварские» элиты Нижнего Поволжья и Подонья в III в. до н. э. — сер. III в. н. э.: опыт выявления уровней социальной иерархии // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). С. 259–285.

Мордвинцева, 2021 — *Мордвинцева В. И.* Сетевые связи варварских элит Волго-Донского региона (III в. до н. э. — III в. н. э.) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2021. № 2. С. 3–59.

Мошкова, 1989 — *Мошкова М. Г.* История изучения савромато-сарматских племен / / Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 158–164 (Археология СССР).

Сергацков, 1995 — *Сергацков И. В.* Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. 1995. № 1. С. 148–158.

Сергацков, 2006 — *Сергацков И. В.* Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов / Отв. ред. В. М. Клепиков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. Вып. I. С. 37–58.

Симоненко, 2004 — *Симоненко А. В.* Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: Наследие Кубани, 2004. С. 134–173.

Скрипкин, 2006 — *Скрипкин А. С.* К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов / Отв. ред. В. М. Клепиков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. Вып. I. С. 5–36.

Brughmans, 2013 — *Brughmans T.* Thinking Through Networks: A Review of Formal Network Methods in Archaeology // Journal of Archaeological Method and Theory. 2013. Vol. 20. P. 623–662.

Barrington Atlas, 2000 — The Barrington Atlas of the Greek and Roman World. / Ed. by R. J. A. Talbert. Princeton: Princeton University Press, 2000. 272 p.

Collar et al., 2015 — *Collar A., Coward F., Brughmans T., Mills B. J.* Networks in Archaeology: Phenomena, Abstraction, Representation // Journal of Archaeological Method and Theory. 2015. Vol. 22. P. 1–32.

Hodder, Mol, 2016 — *Hodder I., Mol A.* Network Analysis and Entanglement // Journal of Archaeological Method and Theory. 2016. Vol. 23. P. 1066–1094.

Kardulias, Hall, 2008 — *Kardulias P. N., Hall T. D.* Archaeology and world-systems analysis // World Archaeology. 2008. Vol. 40 (4). P. 572–583.

Latour, 2005 — *Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.

A network model for the interpretation of the Sarmatian archaeological cultures' formation and development

Valentina I. Mordvintseva[2]

The paper presents arguments in favor of rethinking the Sarmatian archaeological culture in accordance with the network model. Its use expands the cognitive possibilities of research that is currently limited by the predominantly ethnic model of the cultural innovations' interpretations. New opportunities open up with interpreting local variants and transitional periods of individual cultures, identifying groups of archaeological sites with a specific self-identification of the population that left them, and also with identifying their foreign connections.

Keywords: *Sarmatian archaeological culture, network model.*

2 Valentina I. Mordvintseva — Institute of World History of the RAS, 32A Leninsky Ave., Moscow, 119991, Russian Federation; State Academic University for the Humanities, 26 Maronovsky All., Moscow, 119049, Russian Federation; National Research University "Higher School of Economics", 21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: vmordvintseva@hse.ru; ORCID: 0000-0003-2940-0545.

Краниологический материал из могильника Ксиров: саки, усуни или юэчжи?[1]

В. В. Куфтерин[2], Н. А. Дубова[3]

Аннотация. *В статье представлены результаты краниометрического исследования черепов раннекушанского времени из могильника Ксиров (Южный Таджикистан). Сравнение двух черепов из Ксирова с сако-усуньскими сериями Притяньшанья и кочевническими Северной Бактрии, проведенное по методу Гейнке, показало их большее сходство с первыми. На сравнительном фоне оба черепа выделяются наибольшей европеоидностью, отличаясь от саков и усуней небольшой высотой альвеолярного отростка.*

Ключевые слова: *Таджикистан, Северная Бактрия, кушанское время, юэчжи, саки, усуни, физическая антропология, краниометрия.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.263-266

Могильники Ксиров I–V были исследованы Е. П. Денисовым в Дангаринской долине (ныне Хатлонская область Таджикистана) в 1977–1990 гг. Автор раскопок датировал материалы Ксирова периодом с середины или конца II в. до н. э. по II в. н. э. и соотносил с пришедшим с востока кочевым населением, которое следует идентифицировать с большими юэчжами (*Денисов*, 1984; 2007; 2015). По целому ряду существенных признаков Ксиров отличается от синхронных могильников Бешкентской долины (Аруктау, Тулхар) и Восточной Туркмении (Бабашов), сближаясь с материалами из усуньских памятников Семиречья и Северного Тянь-Шаня (*Там же*).

С. С. Иванов предположил, что, учитывая разительное сходство погребений Ксирова с сакскими захоронениями V — первой половины II в. до н. э., относить их именно к юэчжийским проблематично. Правомернее видеть в населении, оставившем Ксиров, потомков части сакских племен Притяньшанья, принявших в составе юэчжийского объединения участие в миграции в Северную Бактрию (*Иванов*, 2016а. С. 266–267). Опираясь на значительное сходство изученных погребений с захоронениями чильпекского типа, Е. П. Денисов, как указывалось, отмечал многочисленные параллели Ксирова с погребальной традицией усуней Семиречья (*Денисов,* 1984. С. 137–138). В свете того, что бо́льшая часть погребальных памятников, ранее относимых к культуре усуней, может быть надежно датирована концом сакского времени (*Иванов*, 2016б), точка зрения, что Ксиров оставлен потомками мигрировавших в Северную Бактрию притяньшаньских саков (*Там же*), получает дополнительное подтверждение.

С учетом изложенного очевидна большая значимость антропологических материалов из Ксирова в контексте решения сложных вопросов ранней истории кушан. В общей сложности для краниологического исследования авторам оказался доступен материал из 13 комплексов могильников Ксиров I–V, 12 из которых датируются раннекушанским временем. Весь краниологический материал плохой сохранности: многие черепа сильно деформированы посмертно. Отметим, что анализ древней ДНК трех образцов из Ксирова показал, что население, оставившее могильник, было генетически смешанным и включало компоненты, восходящие к степному скотоводческому населению поздней бронзы и группам раннего железного века Восточной Азии и Турана (*Narasimhan et al.*, 2019. Suppl. 3). Индивидуальные краниометрические параметры черепов раннекушанского времени из Ксирова представлены ниже (табл. 1).

Как видно из представленных данных, более-менее полной краниометрической информацией мы располагаем только по двум черепам — Ксиров III (кург. 8) и Ксиров? (кург. 25). С учетом высказанных в литературе точек зрения на происхождение населения, оставившего могильник, мы попытались с использованием метода Гейнке (*Филипченко*, 1978. С. 118–120) определить, с какими сериями обнаружат большее сходство (меньшее различие) эти два черепа: сако-усуньскими Притяньшанья или кочевническими Северной Бактрии? Абсолютные суммы величин индивидуальных уклонений обсуждаемых черепов от средних по сериям (саки Семиречья, Тянь-Шаня и Алая, усуни Семиречья, Тулхар, Аруктау и Бабашов —

1 Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-28-00590, https://rscf.ru/project/22-28-00590/.

2 Владимир Владимирович Куфтерин — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский просп., д. 32а, Москва, 119334, Российская Федерация; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7171-8998.

3 Надежда Анатольевна Дубова — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский просп., д. 32а, Москва, 119334, Российская Федерация; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

Таблица 1. Индивидуальные краниометрические характеристики наиболее сохранившихся черепов из могильника Ксиров; *к.* — курган, *м.* — могила

Table 1. Individual measurements for the best-preserved crania from the Kushan period Ksirov mound cemetery; *к.* — burial mound, *м.* — grave

Признак	К-II?	К-III, к. 8	К-III, м. 20	К-?, к. 25	К-V, к. 2	К-III, к. 22
	♂					♀
Mart. 1	-	-	-	167!	-	-
Mart. 8	-	-	-	156!	-	-
Mart. 17	-	-	-	124??	-	-
Mart. 11	-	-	-	131?	-	-
Mart. 12	-	-	-	117?	-	-
Mart. 9	106	-	98	96?	-	-
Mart. 10	-	-	-	119?	-	-
Mart. 45	-	128??	-	138???	-	-
Mart. 48	-	75?	-	74	-	75?
Mart. 43	111	105	103	108	122?	-
Mart. 46	-	95?	-	96	106?	-
Mart. 43 (1)	-	-	93,9	99,5	105,7??	-
Mart. 77	-	-	141,8	144,3	151,1??	-
∠*zm'*	-	123,4	-	123,6	-	-
FC	-	1,2d.	-	5,0	3,5d.	-
Mart. 55	-	56	-	55	-	54?
Mart. 54	-	23,5	-	26	-	22,5?
Biom. SS	-	-	-	6,8?	-	-
Mart. 57. SC	-	-	-	8,3?	-	-
Mart. 75 (1).	-	20??	-	30?	-	-
Mart. 51	41d.	44,5d.	-	44	46?	40?
Mart. 51a	-	-	-	41	-	-
Mart. 52	36d.	35d.	-	36	31?	34?
Mart. 60	-	55	-	55?	-	-
Mart. 61	-	65	-	65?	-	54
Mart. 62	-	47	-	47	-	-
Mart. 63	-	37	-	41	-	-
Деформация	postmort.	-	-	front.-occ.!	postmort.	postmort.
Прогнатизм	-	alveolar	-	alveolar	-	-
Norma vert.	-	-	-	sphenoid.	-	-
glabella (1–6)	-	4	-	5	-	-
Arc. supercil.	2	2	2,5	2,5	2	1
inion (0–5)	-	-	-	0	-	-
Proc. mastoid.	2	2	-	3	2	-
Ap. piriformis	-	f.pr.	-	anthrop.	-	-
Spina nasalis	-	4	-	3	-	-

всего семь групп) ожидаемо оказались малопоказательными. Наиболее адекватно о сходстве (различии) сравниваемых черепов с сериями можно судить по уклонениям, отнесенным к дисперсиям признаков. Оба черепа из Ксирова меньше всего отличаются от серий саков и усуней Семиречья и саков Тянь-Шаня, что находится в соответствии с археологическими данными о значительных параллелях между погребениями Ксирова и сако-усуньскими комплексами Притяньшанья. Отличия ксировских черепов от синхронных и территориально близких «кушанских» серий (особенно тулхарской), судя по результатам расчетов по методу Гейнке, более заметны.

Одним из традиционно критикуемых недостатков метода Гейнке является суммирование в качестве систематически и равноценных признаков, имеющих

различный смысл (разный таксономический вес). По этой причине два ксировских черепа были дополнительно сопоставлены с теми же сериями по величине зигомаксиллярного угла и высоте альвеолярного отростка верхней челюсти (*h* = Mart. 48–55). Первый признак традиционно рассматривается как высоко таксономически значимый для разграничения европеоидных и монголоидных групп. Работоспособность второго для разграничения групп, имеющих в составе компонент южноевропеоидного или северного (условно «степного») происхождения, была показана как на живом населении (высота верхней губы) (*Дубова*, 1976), так и на краниологическом материале (*Яблонский*, 1986).

Оба ксировских черепа, идентичных по сравниваемым размерам, имеют самую резкую горизонтальную профилировку средней части лицевого скелета (значительно отличаясь от всех групп) и небольшую высоту альвеолярного отростка (заметно отличаясь от саков и усуней) (рис. 1). Интересно, что отдельно рассмотренные в этом случае деформированные и недеформированные черепа из Тулхара характеризуются сдвигом первых в направлении усиления европеоидных особенностей. Этот факт, оставляя в стороне вопрос об исходно отличном или идентичном типе тулхарских черепов, отмечала в свое время Т. П. Кияткина (1976. С. 102–103). Резко выраженная европеоидность обсуждаемых черепов из Ксирова (относительная лептоморфия) не исключает присутствия в составе населения, оставившего могильник, компонента южного происхождения. Последнее подтверждается генетическим данными о наличии в образцах древней ДНК из Ксирова предкового компонента, связанного с БМАК и кластером «анатолийских земледельцев» (*Narasimhan et al.*, 2019. Suppl. 3).

Денисов, 1984 — *Денисов Е. П.* Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 г. // АРТ. 1984. Вып. XVIII. С. 131–138.

Денисов, 2007 — *Денисов Е. П.* Датировка раннекушанского могильника кочевников Ксиров (Дангаринский район, Южный Таджикистан) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. С. 174–178.

Денисов, 2015 — *Денисов Е. П.* Древесина в заполнении могильных ям могильника Ксиров // РА. 2015. № 1. С. 157–160.

Дубова, 1976 — *Дубова Н. А.* Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного

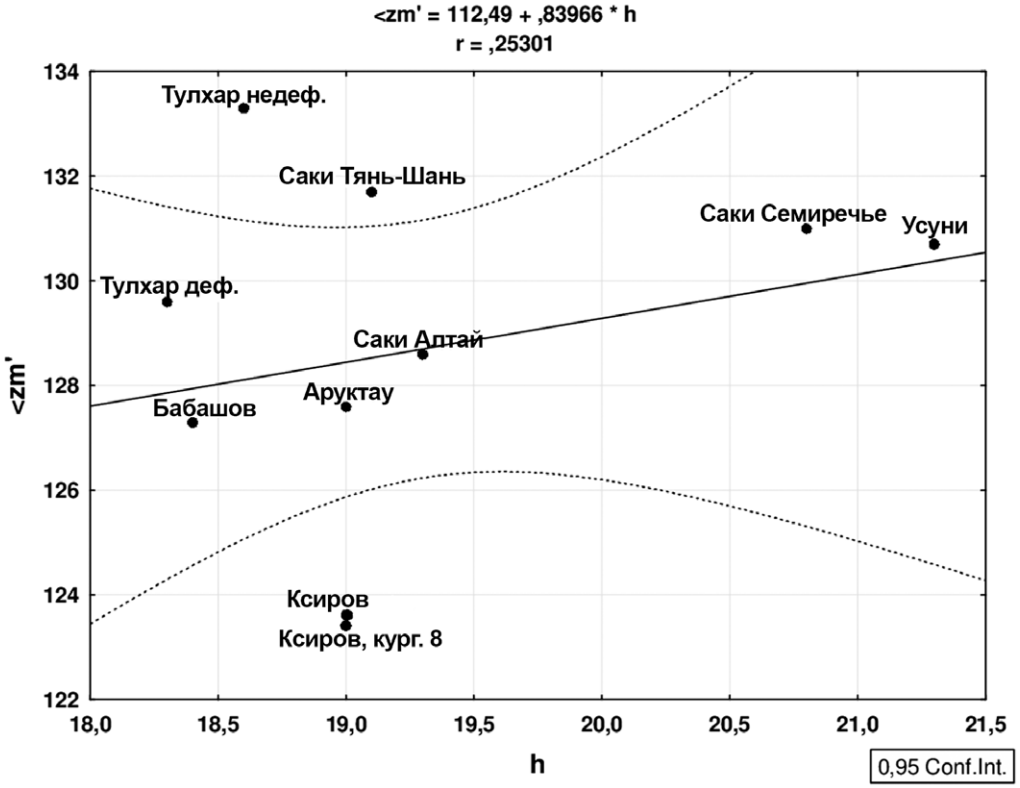

Рис. 1. Сопоставление черепов из Ксирова с краниологическими сериями кочевого населения античного времени Средней Азии по высоте альвеолярного отростка верхней челюсти (*h* = Mart. 48 — Mart. 55) и величине зигомаксиллярного угла

Fig. 1. 2D plot showing position of the Ksirov crania against ancient Central Asia cranial samples based on the height of alveolar process and zygomaxillary angle value

Таджикистана // Вопросы антропологии. 1976. Вып. 52. С. 169–185.

Иванов, 2016а — *Иванов С. С.* Участвовали ли саки Притяньшанья в создании Кушанского царства? // Актуальные проблемы археологии / Отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 262–269.

Иванов, 2016б — *Иванов С. С.* К проблеме культурного разрыва на рубеже сакского и усуньского периодов в Притяньшанье // StratumPlus. 2016. № 3. С. 67–86.

Кияткина, 1976 — *Кияткина Т. П.* Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976. 187 с.

Филипченко, 1978 — *Филипченко Ю. А.* Изменчивость и методы ее изучения. М.: Наука, 1978. 240 с.

Яблонский, 1986 — *Яблонский Л. Т.* Антропология неолитического населения Северной Туркмении // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас / Отв. ред.: В. П. Алексеев, А. А. Зубов. М.: Наука, 1986. С. 251–259.

Narasimhan et al., 2019 — *Narasimhan V., Patterson N., Moorjani P. et al.* The formation of human populations in South and Central Asia // Science. 2019. Vol. 365. No. 6457. P. 7487.

Craniometric data from Ksirov kurgan cemetry: the Saka, Wusun or Yuezhi?

Vladimir V. Kufterin[4], Nadezhda A. Dubova[5]

The article outlines results of the craniometric study of the Early Kushan period cranial sample from Ksirov kurgan cemetery (Southern Tajikistan). A comparison of two Ksirov crania using Heincke's method with the Saka-Wusun samples from the Tien Shan region and the Northern Bactria nomadic samples showed their greater proximity with the former. The specificity of both Ksirov crania against the comparative samples is their greatest Caucasian ancestry component expression. At the same time the studied crania differ from the Saka and Wusun samples by the low height of the alveolar process.

Keywords: *Tajikistan Northern Bactria, Kushan period, Yuezhi, Saka, Wusun, biological anthropology, craniometry.*

4 Vladimir V. Kufterin — N. N. Miklukho-Maklai Institute for Ethnonlogy and Anthropology of the RAS, 32a Leninsky Ave., Moscow, 119334, Russian Federation; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7171-8998.

5 Nadezhda A. Dubova — N. N. Miklukho-Maklai Institute for Ethnonlogy and Anthropology of the RAS, 32a Leninsky Ave., Moscow, 119334, Russian Federation; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

Многовекторность контактов кочевников Евразии I в. до н. э. — первых веков н. э. и проблема «Мехового пути»

М. Ю. Трейстер[1]

Аннотация. *В статье анализируются западные импорты в Китае и в комплексах хунну Монголии и Алтая. Полученная картина отражает продвижение отдельных категорий товаров с востока на запад в результате межплеменного обмена и (или) миграций в среднесарматский период. В позднесарматский период предметы китайского происхождения не попадали западнее Южного Приуралья, а римские импорты — восточнее Южного Приуралья и Зауралья. И те, и другие направлялись специально в этот регион, а купцов из Северного Причерноморья и из Кангюя (?) привлекали одни и те же товары, доступные именно здесь, — вероятно, меха.*

Ключевые слова: *Евразия, Китай, Азиатская Сарматия, Северное Причерноморье, китайские и римские импорты.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.266-269

1 Михаил Юрьевич Трейстер — независимый исследователь; Бонн, Федеративная Республика Германия; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; ORCID: 0000-0001-7451-3325.

Многие исследователи придерживаются мнения о том, что товары перемещались из Китая на запад по Шелковому пути или его северному отрезку — «Меховому пути» (обзоры см.: *Selbitschka*, 2018. P. 3–5; *Трейстер*, 2018а. С. 153–156). Автором уже рассматривались находки китайских предметов в Азиатской Сарматии. В данной статье будут проанализированы западные импорты эпохи Хань в Китае и в комплексах хунну Монголии и Алтая, чтобы попытаться понять, какими путями (морскими или сухопутными) такие предметы попадали на Дальний Восток. В большинстве работ за редкими исключениями (*Brosseder*, 2015. P. 260–267, fig. 29) исследователи не делали попыток определить, каким именно путем попадали сюда эти вещи.

Наиболее ранний предмет западного происхождения, найденный в погребении хунну в Монголии, — серебряный фалар. Скорее всего, он был изготовлен в период с конца II по середину I в. до н. э. в одной из мастерских причерноморского региона из серебряной чаши малоазийской работы второй половины II в. до н. э. и попал в погребение не позднее первой половины I в. н. э. континентальным путем из Северного Причерноморья (*Treister*, 2016).

Высказывались предположения, что фаянсовые украшения попадали на территорию Горного Алтая и на север Китая через степи Нижнего Поволжья и Центральную Азию (*Brosseder*, 2015. P. 265), однако доказательств этому нет. Украшения, найденные в Центральной Азии, более разнообразны по форме, чем украшения, обнаруженные на Ближнем Востоке и в Передней Азии, но имеют с ними больше сходств, чем с украшениями с территории Северного Причерноморья. Типов украшений, распространенных только в Северном Причерноморье, в Центральной Азии не обнаружено (*Трейстер*, 2018б. С. 20–24).

Бусы из янтаря могли попадать к хунну и в Китай с запада, однако рассматривать все янтарные бусы как изготовленные именно из балтийского янтаря нельзя, т. к. янтарь мог происходить с территории Бирмы (*Трейстер*, 2020. С. 169, 173).

Во II–I вв. до н. э. в погребениях хунну в Туве, на Горном Алтае и в Хакасии появляются украшения из веточек коралла. Они могли попасть на эти территории сухопутным путем через Центральную Азию и Приаралье, где серьги с подвесками из веточек кораллов представлены находками в памятниках чирикрабатской культуры. Однако в это же время кораллы начинают поступать в Китай, и есть основания считать, что они попадали к кочевникам именно через Китай (*Трейстер*, 2021. С. 352, 363, 370).

В Хотане (*Lin*, 2010. P. 204, fig. 1) и в могильнике хунну в Алаг Толгой в пустыне Гоби (*Lankton et al.*, 2012. P. 688, fig. 1; *Honeychurch*, 2015. P. 282–283, fig. 9, *9*) найдены полосатые подвески треугольной формы, спаянные из разноцветного стекла. Судя по результатам анализов, часть их происходит с территории Средиземноморья, а некоторые — из Ирана (*Lankton et al.*, 2012. P. 688, fig. 1). Такие подвески представлены находками на Делосе (*Nenna*, 1999. P. 128, E42–46, pl. 52), в погребениях некрополей Северного Причерноморья I в. до н. э. — II в. н. э. (*Алексеева*, 1978. С. 43, тип 193, табл. 27, *60–65*), Кавказской Иберии (*Gogiberidze*, 2008. P. 169, 180, No. 66, pl. 67). Они также встречаются (нередко в составе ожерелий с фаянсовыми подвесками в форме двойных цилиндров, кукишей, гениталий и пронизями-скарабеями) в сарматских погребениях Нижнего Поволжья, Заволжья и Южного Приуралья (*Трейстер*, 2018б. С. 15, рис. 8, *1*). Необходимо продолжать исследования состава стекла этих подвесок, делать окончательные выводы о путях поступления их к хунну в пустыню Гоби преждевременно, однако не исключено, что они могли поступать сухопутным трансъевразийским путем.

Бытует представление о том, что, в отличие от римских стеклянных сосудов других типов, сосуды типа тонкостенных ребристых чаш (*zarte Rippenschale*), найденные в могильнике Гол Мод 2 (*Brosseder*, 2015. P. 261–262, fig. 29, *2*; 265; *Honeychurch*, 2015. P. 281–282, fig. 9.8; *Otani*, 2017. P. 67, fig. 2, *23, 24*; P. 70, No. 23, 24), могли попадать к хунну не через Китай (куда, в свою очередь, они могли доставляться морским путем), а сухопутным путем — через Центральную Азию (*Brosseder*, 2015. P. 264; *Leese-Messing*, 2019. P. 570). Однако обращает на себя внимание тот факт, что фрагменты мозаичной ребристой чаши (*Rippenschale*) найдены в датируемой 67 г. н. э. царской гробнице в провинции Цзянсу, куда такие хрупкие сосуды, скорее всего, попадали морским путем (*Borell*, 2010. P. 127–128, fig. 1, *1*; *Hoppál*, 2021. P. 71; *Otani*, 2017. P. 67, fig. 2, *69*, *No. 12*).

Несмотря на многовекторность связей, которые демонстрируют некоторые погребения элиты кочевников Азиатской Сарматии I в. до н. э. — III в. н. э., говорить о существовании стабильного передвижения товаров из Китая в Северное Причерноморье и в обратном направлении по сухопутному пути трудно (по этому поводу также см.: *Khazanov*, 2021). Даже если принять во внимание то, что на восток шли товары, которые с трудом фиксируются археологически, например меха, как это имело место в раннем средневековье (*Kovalev*, 2001; *Durturaeva*, 2016. P. 199–202), обращает на себя внимание существенно бо́льшее коли-

чество находок китайских и центральноазиатских предметов на территории Азиатской Сарматии и Северного Причерноморья, нежели предметов, которые можно было бы идентифицировать как северопричерноморские (или проходящие транзитом через Северное Причерноморье), в могильниках хунну в Монголии и в некрополях эпохи Хань в Китае.

Данная картина, как представляется, отражает продвижение отдельных категорий товаров с востока на запад, которое могло осуществляться в результате межплеменного обмена и (или) миграций в среднесарматский период. При этом китайские зеркала, которые во второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. достигали Нижнего Подонья, не попадали в античные центры Северного Причерноморья и далее на территорию Римских провинций. Таким образом, их путь заканчивался в степи (*Трейстер*, 2018а. С. 161–166, рис. 4–8). Что касается китайских лаковых шкатулок и шелковых тканей — они появляются в Нижнем Поволжье, на Нижнем Дону, в Крыму и на Южном Буге (*Brosseder*, 2015. P. 258, figs. 27, 28; *Трейстер*, 2018а. С. 167, рис. 8; *Прюх, Трейстер*, 2019. С. 328–337, рис. 3–5).

В позднесарматский период предметы китайского происхождения не попадали западнее Южного Приуралья (*Трейстер*, 2018а. С. 171–177, 180–181, рис. 9, 11, 16), поэтому нет оснований для предположения о том, что «Меховой путь», связывающий западные границы Китая с Северным Причерноморьем, существовал во второй половине II — III в. н. э. Также нет никаких данных, свидетельствующих о распространении в позднесарматский период предметов западного импорта (стекло, бронзовые изделия) к востоку от Южного Приуралья и Зауралья (*Трейстер*, 2016. С. 279–286). Миграционная теория для объяснения этих явлений явно не работает. Такая же ситуация с гипотезой о Великом Шелковом (Меховом) пути: даже если ее принять, то получается, что далее на запад китайские вещи не проходили, подобно тому как не проходили далее на восток римские и боспорские импорты. Отмеченные особенности нельзя объяснить и предположением С. А. Яценко о том, что с востока до Приуралья торговлей занимались кангюйские купцы, а к западу от Приуралья — греческие (*Яценко*, 2020. С. 50–57). Какие бы купцы ни занимались торговлей, очевидно, что и в таком случае товары с востока шли бы дальше на запад, и наоборот, западные товары — на восток. Видимо, китайские и западные предметы, а также боспорские амфоры направлялись специально в Южное Приуралье. Весьма вероятно, что купцов из Северного Причерноморья и из Кангюя (?) привлекали одни и те же товары, доступные именно в этом регионе. Не исключено, что это и были меха.

Алексеева, 1978 — *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 2. М.: Наука, 1978. 104 с. (САИ; Вып. Г1–12).

Прюх, Трейстер, 2019 — *Прюх М., Трейстер М. Ю.* Погребение среднесарматского времени могильника «Царский» в окрестностях Танаиса с китайской лаковой чашей «эр бэй» // *Scythia et Sarmatia* / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 328–337.

Трейстер, 2016 — *Трейстер М. Ю.* Кочевники на перекрестке транс-евразийских караванных путей (западные импорты в сарматском погребении кургана № 21 могильника Магнитный) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии / Отв. ред.: Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: ОрГПУ, 2016. С. 279–286.

Трейстер, 2018а — Трейстер М. Ю. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. — первых веках нашей эры // StratumPlus. 2018. № 4. С. 153–200.

Трейстер, 2018б — *Трейстер М. Ю*. Фигурные пронизи и подвески из так называемого египетского фаянса в Евразии в I в. до н. э. — III в. н. э. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.) / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. Вып. IV. С. 9–49.

Трейстер, 2020 — *Трейстер М. Ю.* Бусы и элементы декора из янтаря в ювелирных изделиях из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии // МАИАСП. 2020. Вып. 12. С. 148–223.

Трейстер, 2021 — *Трейстер М. Ю.* Коралловые украшения и элементы декора в ювелирных изделиях и предметах торевтики из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии // ВДИ. 2021. № 2 (81). С. 340–393.

Яценко, 2020 — *Яценко С. А.* Кангюй в региональной торговле и культурном обмене. Кангюй и «аланская проблема» // Яценко С. А., Авизова А. К., Торгоев А. И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е. П., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торежанова Н. Ж., Тур С. С., Иванов С. С. Археология и история кангюйского государства. Шымкент: Әлем, 2020. С. 50–68.

Borell, 2010 — *Borell B.* Trade and Glass Vessels along the Maritime Silk Road // Glass along the Silk Road, from 200 BC to AD 1000 / Ed. by B. Zorn, A. Hilgner. Mainz: RGZM, 2010. P. 127–142.

Brosseder, 2015 — *Brosseder U.* A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE / Ed. by J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 2015. P. 199–332 (Bonn Contributions to Asian Archaeology; Vol. 7).

Duturaeva, 2016 — *Duturaeva D.* Between the Silk and Fur Roads: The Qarakhanid Diplomacy and Trade // Orientierungen. Zeitschrift zur Kultur Asiens. 2016. Bd. 28. P. 173–212.

Gogiberidze, 2008 — *Gogiberidze N.* Jewelry // Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplis Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia / Hrsg. A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig. Langenweißbach: Beier & Beran, 2008. P. 165–189.

Honeychurch, 2015 — *Honeychurch W.* Not of Place, but of Path: Nomads on the World Stage // Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact / Ed. by W. Honeychurch. New York: Springer, 2015. P. 261–296.

Hoppál, 2021 — *Hoppál K.* Rome, China and West-East Intercultural Communications in Antiquity: An Archaeological Perspective // Studies on Cultures along the Silk Roads. 2021. Vol. 2. P. 56–83.

Khazanov, 2021 — *Khazanov A. M.* The overland «Great Silk Road»: myths and realities (A politically incorrect paper on a politically correct subject) // Caravans in Global Perspective: Contexts and Boundaries / Ed. by B. C. Persis, M. C. Calogero. London: Routledge, 2021. P. 122–167.

Kovalev, 2001 — *Kovalev R. K.* The Infrastructure of the Northern Part of the 'Fur Road' Between the Middle Volga and the East during the Middle Ages // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2000–2001. Vol. 11. P. 25–64.

Lankton et al., 2012 — *Lankton J. W., Amartuvshin C., Gratuze B., Honeychurch W.* Glass and Faience Beads and Pendants from Middle Gobi Xiongnu burials. New Insights from LA-ICP-MS Chemical Analyses // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 05–09 сентября 2012 г.). Улаанбаатар: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. С. 683–694.

Leese-Messing, 2020 — *Leese-Messing K.* Material Evidence: Lacquerware // Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies. Vol. 1 / Ed by S. von Reden. München, De Gruyter Oldenbourg, 2020. P. 557–573.

Lin, 2010 — *Lin Y.* A Scientific Study of Glass Finds from the Niya Oasis // Glass along the Silk Road from 200 BC to AD 1000 / Hrsg. B. Zorn, A. Hilgner. Mainz: RGZM, 2010. P. 203–210 (RGZM Tagungen; Bd. 9).

Nenna, 1999 — *Nenna M.-D.* Les Verres. Paris; Athènes: École française d'Athènes, 1999. 291 p. (Exploration Archeologique de Délos; Vol. 37).

Otani, 2017 — *Otani I. A.* Catalogue of Glassware excavated in China and Mongolia (Han and Xiongnu Period) // The Archaeological Journal of Kanazawa University. 2017. No. 76. 9. P. 65–73.

Selbitschka, 2018 — *Selbitschka A.* The Early Silk Road(s) // Oxford Research Encyclopedia of Asian History / Ed. by D. Ludden. New York: Oxford University Press, 2018. P. 1–23.

Treister, 2016 — *Treister M.* On the Find of a Phalera made from the Medallion of a Hellenistic Cup in Barrow No. 20 of the Noin-Ula Burial-ground (Northern Mongolia) // ACSS. 2016. Vol. 22. No. 2. P. 55–95.

Multi-vector contacts of Eurasian nomads in the 1st century BC — first centuries AD and the problem of the „Fur Road"

Mikhail Yu. Treister[2]

Considered are western imports in the Han period in China, and in the complexes of the Xiongnu of Mongolia and Altai. The picture reflects the movement of certain categories of goods from east to west as a result of intertribal exchange and (or) migrations in the Middle Sarmatian period. In the Late Sarmatian period, objects of Chinese origin were not distributed to the west of the Southern Urals, and Roman imports did not penetrate to the east of the Southern Urals and Trans-Urals. Both of them were sent specifically to this region, and merchants both from the North Pontic area and from Kangju (?) were attracted by the same goods available here, probably furs.

Keywords: *Eurasia, China, Asian Sarmatia, North Pontic area, Chinese and Roman imports.*

2 Mikhail Yu. Treister — independent researcher, Bonn, Federal Republic of Germany; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; ORCID: 0000-0001-7451-3325.

Ханьские зеркала из катакомбных могильников Южного Казахстана

А. Н. Подушкин[1]

Аннотация. *Работа посвящена находкам ханьских бронзовых зеркал в катакомбах могильников Культобе и Кылышжар Южного Казахстана. Приведена общая информация об артефактах, определены их типологическая принадлежность, аналогии и хронологические рамки бытования (I в. до н. э. — I в. н э.).*

Ключевые слова: *Южный Казахстан, Хань, катакомба, погребальный инвентарь, бронзовое зеркало.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.270-272

Сотрудники Археологического центра Южно-Казахстанского государственного педагогического университета в течение последних лет ведут комплексные работы по изучению катакомбных могильников Культобе и Кылышжар. Среди погребального инвентаря некоторых катакомб этих могильников присутствуют ханьские бронзовые зеркала.

В кургане 12 могильника Культобе найдено зеркало с характерным выступом-конусом на декоративной стороне и концентрическим расположением орнамента. Зеркало дисковидное, литое из высоко-оловянистой бронзы, его декоративная сторона украшена рельефно-выпуклым орнаментом, основной мотив которого — «розетка» («лепестки»), «арочки» и кольца. Вся композиция располагается вокруг главного элемента — конусовидного выступа со сквозным отверстием для подвешивания (рис. 1, *1а*). Выделяются следующие орнаментальные зоны: первая — конусовидное возвышение, обрамленное четырехлепестковой розеткой и выделенное посредством рельефного круга; вторая — восемь последовательно соединенных между собой по кругу «арочек», которые создают единый пояс; третья — собственно бортик, который отделен от срединного арочного пояса тремя рельефно-выпуклыми кругами и концентрическим пояском, образованным продольными насечками, верхняя граница которых переходит в край бортика. На декоративной стороне диска зеркала в выемках-промежутках центральной композиции из четырех лепестков лотоса находятся иероглифы, обозначающие четыре стороны света (рис. 1, *1б*).

Другое ханьское бронзовое зеркало представлено фрагментами (центральная часть вместе с характерной конусовидной выпуклостью с отверстием). Оно обнаружено вместе с бронзовым штырьком для подведения бровей (сурьматашем) в погребении катакомбы 12 могильника Кылышжар. Оба артефакта представляют собой косметический прибор (рис. 1, *2, 3*). На декоративной плоскости зеркала хорошо читается композиция, которая включает квадрат с «Т»-образными приставками в средней части каждой стороны, четыре бутона лотоса, расположенные вокруг конусовидного выступа, и волнистые линии с внешней стороны квадрата. Фрагментарность этого ханьского зеркала свидетельствует об обряде ритуальной порчи. Между тем общая композиция декоративной плоскости зеркала легко воссоздается: его можно отнести к ханьским зеркалам редких типов, встречаемых за пределами Китая на просторах Центральной Евразии в погребальных памятниках сарматского историко-культурного облика.

Третье ханьское зеркало найдено в курганной насыпи одной из катакомб могильника Кылышжар вместе с еще одним сурьматашем; судя по всему, такой комплект с функцией косметического прибора был помещен в курганную насыпь в ходе совершения погребального обряда (рис. 1, *4, 5*). Декоративная плоскость этого зеркала имеет три орнаментальных зоны: первая включает выступ с отверстием для подвешивания, который находится в середине рельефно-выпуклого круга; вторая состоит из семи сегментовидных выпуклых «арочек», обрамляющих круг по периметру; третья оформлена концентрическим пояском из насечек, за которым следует невысокий бортик (рис. 1, *4*). В верхней части конусовидного выступа-ручки у этого зеркала фиксируется правильный крест — распространенный повсеместно солярный символ, хорошо сочетающийся с солярной семантикой круглого по форме зеркала.

По облику и орнаментике декоративной стороны изучаемые зеркала ближе всего к ханьским зеркалам нескольких типов, которые производились в Китае в период с I в. до н. э. по I в. н. э. (*Левина, Равич*, 1995. С. 133). Зеркала из катакомбы 12 могильника Культобе и могильника Кылышжар с семью арками можно отнести к типу «восьмиарочных» зеркал с иероглифами «ming kuang», или — «яркий свет» (*Гугуев, Трейстер*, 1995. С. 147–148, рис. 3, *3, 7*); по китайской классификации и типологии зеркал с арочным узором и иерогли-

[1] Александр Николаевич Подушкин — Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, ул. Байтурсынова, д. 13, Шымкент, 160012, Республика Казахстан; e-mail: p_a_n_alex@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1603-1373.

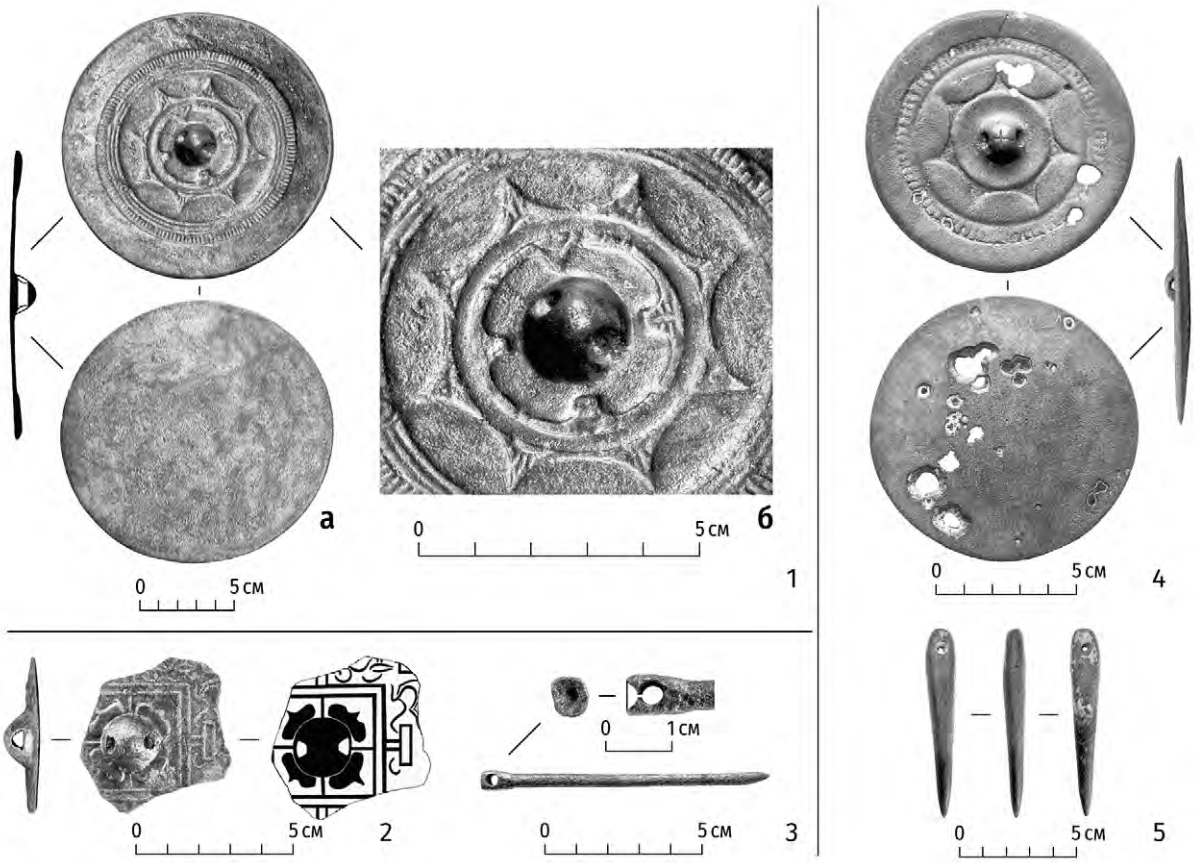

Рис. 1. Ханьские зеркала из катакомбных могильников Южного Казахстана: *1а*, *1б* — зеркало из катакомбы 12 могильника Культобе; *2*, *3* — фрагмент зеркала и бронзовый сурьматаш из катакомбы 12 могильника Кылышжар; *4*, *5* — зеркало и каменный сурьматаш из курганной насыпи катакомбы могильника Кылышжар

Fig. 1. Han mirrors from the catacomb burial grounds of South Kazakhstan: *1a*, *1b* — a mirror from catacomb 12 of the Kultobe burial ground; *2*, *3* — a fragment of a mirror and a bronze surmatash from catacomb 12 of the Kylyshzhar burial ground; *4*, *5* — a mirror and a stone surmatash from the barrow mound of the catacomb of the Kylyshzhar burial ground

фами со значением «видеть солнце», «солнечный свет», «мир очень светел» — наши зеркала близки к типу «жи гуан» (*Филиппова*, 2000. С. 101–102, рис. 1, *1, 3*).

Ближе всего по композиции орнаментального поля фрагмент ханьского зеркала из катакомбы 12 могильника Кылышжар (юго-западная группа курганов) стоит к ханьским зеркалам типа TLV и типу зеркал «с четырьмя выпуклостями и четырьмя существами», которые бытовали в конце I в. до н. э. — II в. н. э. (*Ли Джи Ын*, 2010. С. 111–112, табл. 2, *4*; 14, *4, 11*; рис. 15, *2, 4*). Ближайшая аналогия ханьскому зеркалу в композиционном плане и типологической принадлежности — это зеркало из кургана 27 могильника Кайрагач (Западная Фергана), датируемое концом I в. до н. э. — началом II в. н. э. (*Литвинский*, 1978. С. 100–104, табл. 25, *1*).

Прямые аналогии бронзовому китайскому зеркалу из катакомбы 12 могильника Культобе и «семиарочному» зеркалу имеются в материалах погребальных комплексов джетыасарской культуры (*Левина, Равич*, 1995. С. 133, рис. 16, *1*), Ферганы (*Горбунова*, 1990. С. 46–47), катакомбных памятников Таласской долины (*Кожомбердиев*, 1963. С. 46, рис. 12). Близкие аналогии таким бронзовым зеркалам также отмечены в сарматских погребениях Подонья (*Гугуев, Трейстер*, 1995. С. 147–148; рис. 3, *3, 7*), сюннуских могильниках Центральной Азии и Монголии (*Руденко*, 1962. С. 62, 91, рис. 65; *Филиппова*, 2000. С. 101–102, рис. 1, *1*; *Могильников*, 1992. С. 262, табл. 108, *6, 8*; *Молодин, Кан Ин Ук*, 2000. С. 91).

Оригинальные ханьские зеркала описанного типа (или близких типов) изготавливались китайскими мастерами на территории Китая в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. (*Филиппова*, 2000. С. 101–102). Изделия различными путями попадали в среду номадов (сарматов и сюнну) и уже через них посредством торговых связей по Великому Шелковому пути распространялись на пространствах Евразии, в том числе оказывались в Южном Казахстане, в пределах государства Кангюй.

В завершении следует выделить одну особенность: два ханьских зеркала из катакомб Южного Казахстана найдены с приспособлениями для подведения бровей — так называемыми сурьматашами (остроконечные штырьки с отверстиями в утолщенной части для подвешивания), один из которых бронзовый, другой каменный. Вместе они могут представлять собой косметический прибор (рис. 1, *3, 5*). Бронзовый сурьматаш в сочетании с ханьским зеркалом — уникальный случай, аналогов которому пока нет. Этот факт, с одной стороны, подчеркивает основное функциональное назначение зеркала как предмета женского туалета, с другой — иллюстрирует неординарность таких находок в катакомбных погребальных сооружениях, в которых в качестве инвентаря обычно присутствуют единичные ханьские зеркала. Между тем использование преимущественно каменных сурьматашей в сочетании с графитовой основой и бронзовыми зеркалами иной, не ханьской, конструкции и этнокультурной принадлежности — широко распространенное явление в древней Средней Азии на рубеже эр (см.: *Литвинский*, 1978. С. 127–132; *Горбунова*, 1981. С. 178–180, рис. 37, *3*).

Горбунова, 1981 — *Горбунова Н. Г.* Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство Древнего Хорезма / Редкол.: М. А. Итина и др. М.: Наука, 1981. С. 178–183.

Горбунова, 1990 — *Горбунова Н. Г.* Бронзовые зеркала китайско-карабулакской культуры Ферганы // Культурные связи народов Средней Азии и Казахстана. Древность и средневековье / Отв. ред.: А. М. Лесков, Б. Я. Ставиский. М.: Наука, 1990. С. 45–51.

Гугуев, Трейстер, 1995 — *Гугуев В. К., Трейстер М. Ю.* Ханьские зеркала и подражания им на территории юго-восточной Европы // РА. 1995. № 3. С. 143–156.

Кожомбердиев, 1963 — *Кожомбердиев И.* Катакомбные памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963. С. 33–77.

Левина, Равич, 1995 — *Левина Л. М., Равич И. Г.* Бронзовые зеркала из джетыасарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыасарская культура. Ч. 5. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 122–184.

Литвинский, 1978 — *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М.: Наука, 1978. 216 с. (Могильники Западной Ферганы; Вып. IV).

Ли Джи Ын, 2010 — *Ли Джи Ын*. Китайский импорт в памятниках юга России (I в. до н. э. — III в. н. э.): Дис. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

Молодин, Кан Ин Ук, 2000 — *Молодин В. И., Кан Ин Ук.* Памятник Ярхото в контексте гуннской проблемы // АЭАЕ. 2000. № 3. С. 89–99.

Руденко, 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

Филиппова, 2000 — *Филиппова И. В.* Китайские зеркала из памятников хунну // АЭАЕ. 2000. № 3. С. 100–108.

Han mirrors from the catacomb burial grounds of South Kazakhstan

Alexander N. Podushkin[2]

The publication is devoted to the discovery of Chinese-made Han bronze mirrors in the catacombs of the burial grounds of Kultobe and Kylyshzhar in South Kazakhstan. General information about artifacts is given, their typological affiliation, analogies and chronological framework of existence (1st century BC — 1st century AD) are determined.

Keywords: *South Kazakhstan, Han, catacomb, grave goods, bronze mirrors.*

2 Alexander N. Podushkin — South Kazakhstan State Pedagogical University, 13 Baitursynov St., Shymkent, 160012, Republic of Kazakhstan; e-mail: p_a_n_alex@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1603-1373.

Могильники Ноин-Улы: исторические и современные планы[1]

Н. А. Сутягина[2], Н.-О. Эрдэнэ-Очир[3]

Аннотация. *В статье рассматриваются документы из архивных собраний и результаты современных полевых исследований, связанные с изучением топографии и планиграфии ноин-улинских могильников. Участники Монголо-Тибетской экспедиции (МТЭ) подготовили чертежи, опись выявленных курганов, описание топографии местности. В 2021 г. сотрудники экспедиции Института археологии АНМ выполнили новые чертежи с использованием современных методов аэрофотосъемки и приборов геопозиционирования. Объединение сведений разных источников позволяет максимально полно представить количество и типы захоронений, структуру их расположения в пределах могильных полей.*

Ключевые слова: *Ноин-Ула, хунну, могильники, топография, планиграфия, архивные документы, междисциплинарные исследования.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.273-275

Ноин-улинские могильники (конец I в. до н. э. — первая половина I в. н. э.) расположены в падях Цзурумтэ, Суцзуктэ и Гуджиртэ на севере Монголии. Длительное время информация о структуре древних некрополей в Ноин-Уле ограничивалась сведениями о зафиксированных 212 курганах, тремя опубликованными планами и характеристикой местоположения некрополей (*Козлов*, 2003. С. 144, 182, 278; Жизнь…, 2006. С. 144–145; АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 75. Л. 1, 1 об). В литературе встречаются разные версии плана центральной и восточной групп курганов в Суцзуктэ, различающиеся нумерацией, расположением объектов, указанием высотных отметок и условного нулевого репера. Чертежи отдельных участков памятника были выполнены сотрудниками Монголо-Венгерской (1961 г.) и Российско-Монгольской экспедиций (2015 г.) (*Erdélyi et al.*, 1967. P. 338, ill. 3; *Полосьмак и др.*, 2015. С. 387). В 2021 г. в трех падях Ноин-Улы проводились исследования по созданию новых планов могильников. Для обозначения групп курганов в пределах могильного поля Суцзуктэ было предложено ввести цифровое обозначение, при котором восточное объединение курганов соответствует группе 1, центральное — группе 2, восточная часть западного участка — группе 3, западная часть западного участка — группе 4[4] (*Эрдэнэ-Очир и др.*, 2021а; 2021б). Накопленный объем информации делает актуальной задачу объединения разновременных сведений о фиксации некрополей хунну в горах Ноин-Ула (*Эрдэнэ-Очир, Сутягина*, 2022).

В *пади Цзурумтэ* в средней и нижней частях южного склона зафиксировано 12 курганов (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 57. Л. 2, 12; Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 40; *Сутягина*, 2016. С. 7–9, рис. 2; 3). Девять погребений сконцентрированы в центральной части некрополя (№ 1–12), где наиболее высокую северную позицию занимает Баллодовский курган (№ 1) (*Сутягина*, 2014). К ЮВ от него участниками МТЭ был зафиксирован Монгольский курган со следами креплений в шахте (*Козлов*, 2003. С. 196). Отдельно стоящие захоронения промаркированы литерами «А» («Андреевский» по имени А. Д. Симукова) и «В» («Кондратьевский» по имени С. А. Кондратьева). В южной части могильника литерой «С» отмечено захоронение, раскопанное в 1927 г. А. Д. Симуковым (*Симуков*, 2008. С. 41–42). В ходе исследований 2021 г. было установлено, что большинство конструкций по длинной оси имеют отклонение в направлении СВ–ЮЗ. Общее количество учтенных погребений увеличилось до 37 объектов за счет выявления и фиксации сопроводительных захоронений, построенных преимущественно к западу и востоку от дромосных гробниц.

В *пади Суцзуктэ* курганы расположены четырьмя группами. Участники МТЭ зафиксировали здесь 157 погребений разных типов. В восточной группе Суцзуктэ в процессе первоначальной фиксации удалось выявить 12 захоронений. В его северной части расположен самый крупный курган № 6. В центральной группе Суцзуктэ учтено 65 объектов: курганы с дромосом, погребения с круглыми каменными на-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005 Монг_а. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-59-44005 Монг_а.

2 Наталья Александровна Сутягина — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: na.sutiagina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281.

3 Насан-Очир Эрдэнэ-Очир — Институт Археологии Академии наук Монголии, ул. Жукова, д. 77, Улан-Батор, 13330, Монгольская Народная Республика; e-mail: erdeneochir.mgl@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0520-4830.

4 В Суцзуктэ группы 1 и 2 расположены на расстоянии около 150 м; группы 2 и 3 — на расстоянии около 1 км; группы 3 и 4 — на расстоянии около 2 км.

земными конструкциями, сопроводительные захоронения. Одна-три сопроводительные могилы были обнаружены к западу от нескольких небольших курганов. В западной группе Суцзуктэ, состоящей из двух частей, в общей сложности было выявлено и зафиксировано 78 захоронений (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 57. Л. 2, 3, 6). В процессе современных исследований количество учтенных здесь погребений увеличилось до 207 объектов за счет выявления и фиксации многочисленных сопроводительных захоронений. В общей сложности в восточной группе Суцзуктэ по итогам доследования учтено 43 погребальных объекта, в центральной группе — 82 объекта, включая 45 дромосных гробниц, 28 погребений с круглыми оградами и девять сопроводительных захоронений. Большинство дромосных гробниц ориентированы по линии С–Ю с минимальным отклонением от нее. На новый план западной части могильного поля Суцзуктэ нанесено 82 погребения, в том числе ранее неизвестные три дромосных кургана.

В пади Гуджиртэ в 1924–1925 гг. на юго-восточном склоне обнаружены две курганные группы. На «верхнем» могильном поле 11 погребальных конструкций были расположены вдоль террасы параллельными «цепочками», ориентированными по оси СЗ–ЮВ. Структура нижнего могильника более хаотичная (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 40; Оп. 4. Д. 56. Л. 1–2, 2 об; Д. 57. Л. 2). В настоящее время в обеих группах выявлено в общей сложности 54 захоронения. На площади «верхней» группы зафиксировано 12 дромосных гробниц[5], расположенных вдоль склона и одна «цепочка» — вниз к руслу реки. Все наземные конструкции ориентированы по оси С–Ю с минимальным перепадом высот между насыпью и дромосом. Здесь же зафиксированы сопроводительные захоронения. «Нижняя» гуджиртинская группа находится на расстоянии 300 м к ЮВ от «верхней» вниз по склону. Большинство из захоронений имеют круглую каменную наземную конструкцию (диаметр 4–13 м), и только в южной части сконцентрированы небольшие дромосные курганы.

Таким образом, ноин-улинские некрополи расположены в нижней части горных склонов и имеют конфигурацию, определяемую рельефом местности. Могильники различаются по количеству погребений и плотности их расположения, размерам, типам и ориентации наземных конструкций. В Цзурумтэ сконцентрированы небольшая группа крупных погребальных сооружений и отдельно расположенные большие курганы, в ориентации которых зафиксированы отклонения от оси С–Ю. В Суцзуктэ выявлено большое количество захоронений разных типов. Дромосные гробницы расположены вниз по склону преимущественно по оси С–Ю. В западной группе Суцзуктэ и Гуджиртэ размеры наземных конструкций меньше. Ориентация гробницы может иметь значительные отклонения от оси С–Ю на запад. Дромосные гробницы здесь занимают не северную высокую доминирующую позицию, а часто расположены в нижней части кладбища. В трех падях выявлено большое количество сопроводительных захоронений, которые создавали к востоку и западу от основного погребения.

5 Форма наземных конструкций некоторых погребений в пади Гуджиртэ не всегда прослеживается четко, но наличие дромоса позволяет отнести их к типу дромосных курганов.

Жизнь…, 2006 — Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России / Подгот. текста, предисл., введ., коммент. и указ.: И. В. Кульганек, В. Ю. Жуков. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 400 с.

Козлов, 2003 — *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. СПб.: Наука, 2003. 1037 с.

Полосьмак и др., 2015 — *Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Богданов Е. С., Эрдене-Очир Н.* Исследование погребений представителей воинской элиты около Баллодовского кургана (Ноин-Ула, Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2015 года. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 385–389.

Симуков, 2008 — *Симуков А. Д.* Отчет по раскопке двух курганов в падях Суцзуктэ и Цзурумтэ // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 3. Осака: Государственный музей этнологии, 2008. С. 40–45.

Сутягина, 2014 — *Сутягина Н. А.* Баллодовский курган (Ноин-Ула, Северная Монголия) // Исследователи и коллекции. Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты: (К 150-летию П. К. Козлова). СПб.: Политех-сервис, 2014. С. 258–277.

Сутягина, 2016 — *Сутягина Н. А.* Неизвестная Ноин-Ула. Архивные тайны // СГЭ. 2016. Т. LXXIV. С. 5–20.

Эрдэнэ-Очир и др., 2021а — *Эрдэнэ-Очир Н., Цэвээндорж Д., Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Ноён уулын дурсгалын археологийн шинэ судалгаа (Монгол-Оросын хамтарсан “Ноён уулын булшны археологийн судалгаа” төслийн 2006–2015 оны малтлага судалгааны ажлын үр дүн). Улан-Батор, 2021. 348 тал. (на монгл. яз.).

Эрдэнэ-Очир и др., 2021б — *Эрдэнэ-Очир Н., Ишцэрэн Л., Анхбаяр Б., Нямхүү М.* Ноён уулын дурсгалын бүртгэл судалгааны тайлан (Отчет регистрации и обследовании Ноин-Улинского памятника). Улан-Батор, 2021. 110 тал. (на монг. яз.).

Эрдэнэ-Очир, Сутягина, 2022 — *Эрдэнэ-Очир Н., Сутягина Н. А.* Планы могильных полей в падях Цзурумтэ, Суцзуктэ и Гуджиртэ (Ноин-Ула, Монголия) // ТПАИ. 2022. Т. 34. № 2. С. 207–227.

Erdélyi et al., 1967 — *Erdélyi I., Dorjsüren C., Navan D.* Results of the Mongolian-Hungarian Archaeological Expeditions 1961–1964 (A comprehensive report) // Acta Archaeologica. Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. XIX. Fasc. 1–2. Budapest, 1967. P. 335–370.

АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. П. К. Козлов. Предварительный отчет об археологических работах Тибетской экспедиции в горной местности «Ноин-Ула», Южный Хэнтей, Монголия. Улан-Батор, 1924. 41 л.

АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 56. П. К. Козлов. Рукопись С. Кондратьева. Отчет о разработке кургана № 11 в долине Гуджиртэ. 4 л.

АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 57. П. К. Козлов. Рукопись С. Кондратьева. Дополнительный отчет об археологических раскопках экспедиции на Ноин-Уле. 14 л.

АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 75. Письмо Н. В. Павлова с описанием растительного ландшафта Ноин-Улы. 2 л.

The cemeteries of Noin-Uul. Archieval shcemes and modern plans

Natalia A. Sutiagina[6], Nasan-Ochir Erdene-Ochir[7]

The article deals with documents from archival collections and the results of modern field research related to the study of the topography and planigraphy of the Noin-Uul cemeteries. The members of the Mongol-Tibetan Expedition (MTE) prepared drafts, a list of the discovered burial mounds, and a description of the topography. In 2021, the members of the Expedition of the Institute of Archeology of the MAS completed new plans using modern aerial survey methods and geopositioning. The information from different sources allows us to fully represent the number and types of burials, the structure of the grave fields.

Keywords: *Noin-Uul, Xiongnu, cemeteries, topography, planigraphy, archival documents, multidisciplinary researches.*

6 Natalia A. Sutyagina — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: na.sutiagina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281.

7 Nasan-Ochir Erdene-Ochir — Institute of Archeology of the Academy of Sciences of Mongolia, 77 Zhukov St., Ulaanbaatar, 13330, Mongolian People's Republic; e-mail: erdeneochir.mgl@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0520-4830.

Хронология кургана № 1 могильника Гол Мод-2: к вопросу об определении личности погребенного

Пан Лин[1], Ван Юйфу[2]

Аннотация. *Статья посвящена анализу хронологии и выяснению возможного владельца кургана № 1 могильника Гол Мод-2 в Монголии. Предложена датировка кургана началом периода Восточной Хань на основании анализа амулета би и изображения мифологического зверя на конском снаряжении. На основании полученных дат «владельца» кургана № 1 можно идентифицировать как шаньюя Юй.*

Ключевые слова: *Гол Мод-2, амулет би, анималистический орнамент, единорог, шаньюй Юй, хунну.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.275-279

Курган № 1 могильника Гол Мод-2 является самым большим курганом хуннской знати, обнаруженным до сих пор. Владелец этого кургана, несомненно, должен быть шаньюем из хунну. Радиоуглеродное датирование кургана определяет хронологические границы памятника в пределах 186 г. до н. э. — 3 г. н. э. (*Эрдэнэбаатар и др.*, 2018). Другая возможность уточнить датировку кургана — проанализировать ряд характерных предметов, к примеру нефритовый амулет би в ханьском стиле и украшение конской упряжи с изображениями мифологических животных. Уточнение датировок и анализ вещей может помочь определить личность хуннского шаньюя.

1 Пан Лин — Совместный исследовательский центр археологии Шелкового пути Северо-Западного университета, ул. Сюэфу, д. 1, Сиань, 710127, Китайская Народная Республика; e-mail: panling8600@qq.com; ORCID: 0000-0002-3925-0176.

2 Ван Юйфу — Совместный исследовательский центр археологии Шелкового пути Северо-Западного университета, ул. Сюэфу, д. 1, Сиань, 710127, Китайская Народная Республика; e-mail: 979236360@qq.com; ORCID: 0000-0002-6072-3708.

Хронология амулета би. Амулет би из кургана № 1 Гол Мод-2 выполнен в ханьском стиле. Диск амулета венчают фигуры двух тигров, смотрящих друг на друга (рис. 1, I, *3*). Такие би с выступающими фигурами по верхнему краю редко встречаются в ханьских погребениях. Всего известно еще четыре подобных амулета в ханьских погребениях: Маньчэн Хань, курган № 1 (рис. 1, I, *1*) (Чжунго…, 1980); Хуанниган, курган № 1, уезд Хэпу, провинция Гуанси (рис. 1, *I, 2*) (около 25–40 г. н. э.) (*Цзян Тинъюй, Ван Вэйчжао*, 2006); Бэйчжуан Хань в уезде Динсянь, провинция Хэбэй (90 г. н. э.) (рис. 1, I, *4*) (Хэбэй…, 1964); Мацзячжунцзы провинции Шаньдун (около 70–220 гг. н. э.) (рис. 1, I, *5*) (Шандун…, 2007), — у всех рельефные узоры представляют собой пару узоров животных.

Можно проследить эволюционные изменения амулетов би: а) навершие диска постепенно уплощается и меняет форму с треугольника на дугу; б) головы животных от разворота друг к другу разворачиваются в обратные стороны; в) меняется вид животного: дракон, грифон и тигр; г) тело животного становится более узким и изящным.

Навершие амулета би из кургана № 1 Гол Мод-2 стилистически находится между характерными признаками би из погребения Хуанниган кургана № 1 и из погребения Бэйчжуан Хань. Изображение головы животных аналогичны изображениям из Хуаннигана, Бэйчжуан Хань и Мацзячжунцзы; ширина тела животного находится между значениями животных из Хуаннигана и нефритовой гробницей Бэйчжуан Хань, т. е. по совокупности признаков амулет можно продатировать периодом между началом и средним периодом Восточной Хань, вероятно около 40 г. н. э.

Хронология украшений конской упряжи. В кургане № 1 Гол Мод-2 обнаружены покрытые серебром железные украшения лошадиной сбруи с изображениями животных (рис. 1, II, *5, 6*), среди которых звери с длинными рогами, похожими на овечьи или оленьи. Подобные конские украшения обнаружены также в четырех других крупных хуннских погребениях, а именно Царам, курган № 7 в Забайкалье (рис. 1, II, *1*), могильнике Ноин-Ула, курган № 20 в Монголии (рис. 1, II, *2, 3*), могильнике Гол Мод-1, курган № 20 (рис. 1, II, *4*) и Гол Мод-2, курган № 10 (рис. 1, II, *7*). Подобные изображения встречаются только на двух видах предметов конского снаряжения: круглой пряжке и удлиненной бляхе в форме тыквы-горлянки (马珂).

Относительная хронология погребений. Во всех четырех упомянутых выше курганах встречаются предметы, позволяющие датировать памятники. Рассмотрим верхнюю хронологическую границу этих изделий:

1. Овальная чашка с ушками обнаружена в кургане № 20 Ноин-Улы, имеет надпись «Юаньян четыре года» (9 г. н. э.) (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 98–101).

2. Текст на овальной чашке с ушками, найденной в Цараме, курган № 7, позволяет датировать ее не позднее 5 г. до н. э. Бронзовое зеркало, обнаруженное в этом же кургане, датируется периодом поздней Западной Хань. Следовательно, верхняя дата для кургана № 7 должна быть не раньше 5 г. до н. э. (*Otani*, 2020).

3. Овальная чашка с ушками из кургана № 20 Гол Мод-1, имеет надпись «Первый год Юнши» (16 г. до н. э.). Однако орнаменты и символы на бронзовом зеркале из этого же кургана соответствуют зеркалам династии Синь, или 9–24 гг. н. э. (*Eregzen*, 2011. P. 147–151).

4. Радиоуглеродное датирование кургана № 10 Гол Мод-2 дает разброс дат 66–130 гг. н. э. Таким образом, верхний хронологический предел кургана № 20 составляет 66 г. н. э.

Проделанный анализ показывает следующий хронологический порядок четырех курганов: Царам, курган № 7; Ноин-Ула, курган № 20; Гол Мод-1, курган № 20; Гол Мод-2, курган № 10. Благодаря анализу нефритового би из кургана № 1 Гол Мод-2, его датировка должна находится в хронологических пределах между датами курганов № 20 Гол Мод-1 и № 10 Гол Мод-2 (табл. 1).

Развитие образа единорога. Во всех упомянутых выше пяти курганах знати хунну украшения конской упряжи декорированы мифологическими животными. Встречаются однорогие и двурогие животные. За исключением количества рогов, животные идентичны, поэтому их следует воспринимать как один образ. Тела животных с двумя рогами одновременно и козлиные, и оленьи, у них есть бороды, а у некоторых — хвосты,

Таблица 1

Могильник, курган	Верхняя хронологическая граница	Образ двурогого зверя	Образ единорога
Ноин-Ула, № 20	9 г. до н. э.	√	
Царам, № 7	5 г. до н. э.	√	Тип А
Гол Мод-1, № 20	9–24 гг. н. э.		Тип В, подтип I
Гол Мод-2, № 1	25–65 гг. н. э.		Тип В, подтип II
Гол Мод-2, № 10	66 г. н. э.		Тип В, подтип III

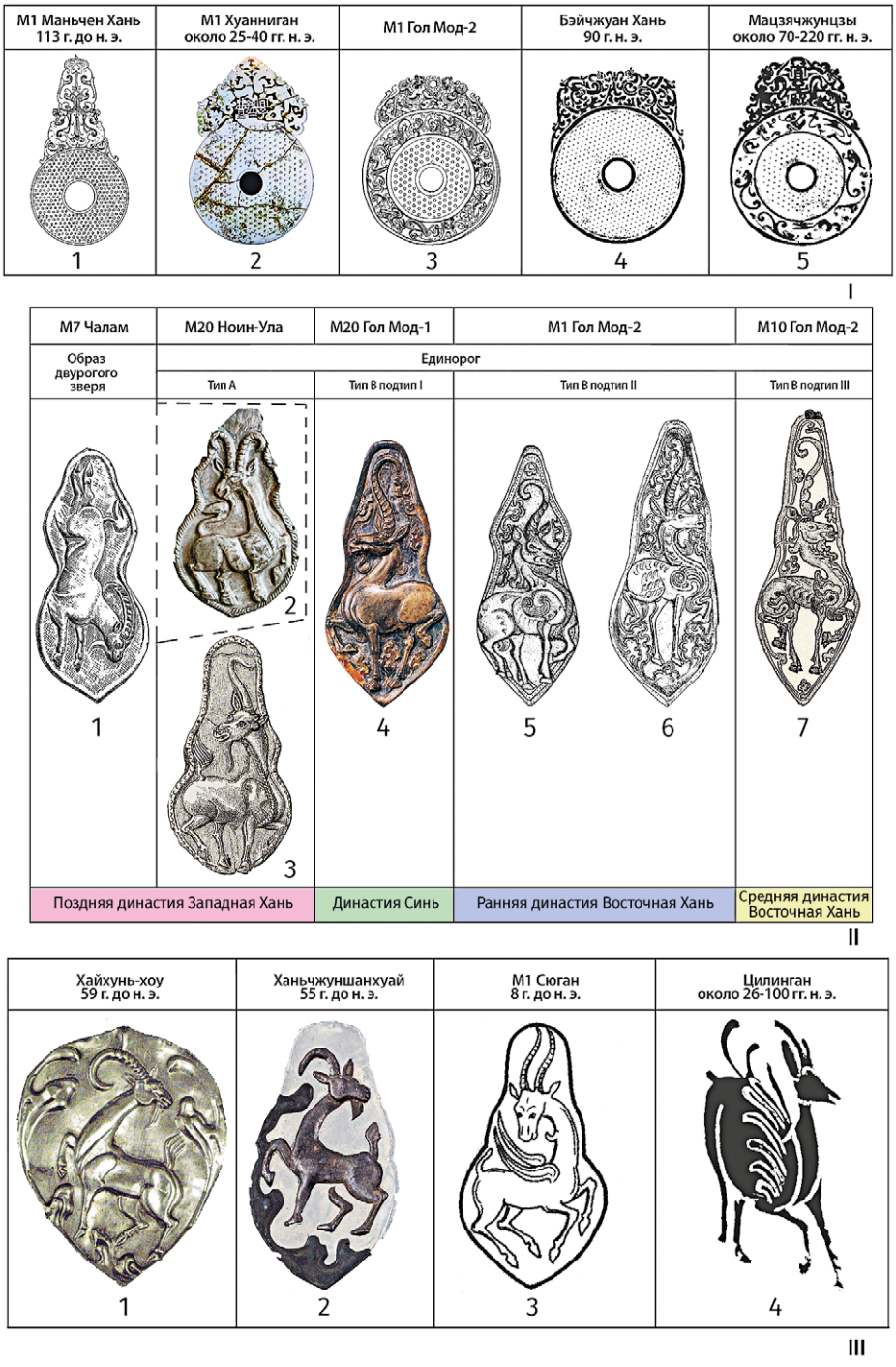

Рис. 1. I. Эволюционное развитие нефритовых амулетов би: *1* — Маньчен Хань, курган № 1, 113 г. до н. э.; *2* — Хуанниган, курган № 1, около 25–40 гг. н. э.; *3* — Гол Мод-2, курган № 1; *4* — Бэйчжуан Хань, 90 г. н. э.; *5* — Мацзячжунцзы, около 70–220 г. н. э. **II.** Эволюционное развитие образа единорога на хуннских украшениях конской упряжи: *1* — Царам, курган № 7; 2, *3* — Ноин-Ула, курган № 20; *4* — Гол Мод-1, курган № 20; *5* — Гол Мод-2, курган № 1; *6* — Гол Мод-2, курган № 10. **III.** Эволюция образа единорога из ханьских комплексов: *1* — Хайхунь-хоу, 59 г. до н. э.; *2* — Ханьчжуншанхуай, 55 г. до н. э.; *3* — Сюган, курган № 1, 8 г. до н. э.; *4* — Цилинган, около 26–100 гг. н. э. (ссылки на источники — см. текст)

Fig. 1. I. Evolutionary development of bi jade amulets: *1* — Mancheng Han, mound No. 1, 113 BC; *2* — Huannigan, mound No. 1, 25–40 AD; *3* — Gol Mod-2, mound No. 1; *4* — Beizhuang Han, 90 AD; *5* — Majiachzhongzi, about 70–220 AD. **II.** Evolutionary development of the image of a unicorn on the Xiongnu decorations of horse harness: *1* — Tsaram, mound No. 7; *2, 3* — Noin-Ula, mound No. 20; *4* — Gol Mod-1, mound No. 20; *5* — Gol Mod-2, mound No. 1; *6* — Gol Mod-2, mound No. 10. **III.** The evolution of the image of a unicorn from the Han complexes: *1* — Haihun-hou, 59 BC; *2* — Hanzhongshannuai, 55 BC; *3* — Xugang, mound No. 1, 8 BC; *4* — Qilingang, about 26–100 AD (source references are given in the text)

похожие на бычьи. Такие изображения были найдены в Цараме, курган № 7, и в Ноин-Уле, курган № 20.

Изображений единорога значительно больше, их можно разделить на два типа: *тип* А — у всех животных головы повернуты назад, есть хвосты, слегка изогнутые бороды, фон отсутствует. Этот тип получил распространение только в Ноин-Уле, курган № 20 (рис. 1, II, *3*); *тип* В — голова повернута прямо, хвосты отсутствуют, усы изогнуты, фон украшен перистым узором. В зависимости от изображения бороды, рогов и фонового узора этот тип делится на три подтипа, соответственно I, II и III (рис. 1, II, *4–7*). Можно проследить тенденцию эволюции трех подтипов. Появляется оперение на крыльях. Борода из внутреннего завитка превращается во внешний. Орнамент на рогах меняется с параллельных косых линий на параллельные дуговые и далее на сплошные перистые узоры только на лицевой стороне углов. Тело животного с массивного меняется на тонкое. Усложняется фоновое заполнение.

Изображение животного из кургана № 1 могильника Гол Мод-2 относится к типу В подтипу II; следовательно, оно находится посередине представленной эволюционной последовательности. Анализ изображения позволяет поместить курган № 1 Гол Мод-2 между курганом № 20 Гол Мод-1 и курганом № 10 Гол Мод-2, т. е. верхняя хронологическая граница находится между периодом династии Синь и ранним периодом Восточной Хань (около 25–65 гг. н. э.). Это согласуется с хронологическими характеристиками нефритового амулета би из кургана № 1.

Форма украшений конской упряжи, раскопанных в вышеупомянутых пяти хуннских аристократических курганах, менялась от широкой к узкой — становилась уже верхняя половина. Форма такого украшения из кургана № 1 Гол Мод-2 также совпадает с изображением животного, который находится между комплексами кургана № 20 Гол Мод-1 и кургана № 10 Гол Мод-2, т. е. между периодом династии Синь и ранним периодом Восточной Хань.

Образ единорога в династии Хань. Единорог является одним из благоприятных животных в династии Хань, его образ претерпел эволюционные изменения, превратившись в крылатого зверя (*Пань Пань*, 2019. С. 148–156).

Золотой предмет в форме абрикосового листа был найден в гробнице Хайхунь-хоу (海昏侯刘贺) в период Сюаньди династии Западная Хань, 59 г. до. н. э. (Наньчан…, 2020). Одна из передних ног изображения единорога на этом сосуде была поднята (рис. 1, III, *1*). Изображение этого единорога очень близко изображению животного из кургана № 20 Ноин-Улы.

Два серебряных украшения конской упряжи найдены в гробнице чжуншаньского Хуайвана Лю Сю (中山怀王刘修; 55 г. н. э.). Изображение зверя-единорога на них в основном такие же, как и на украшении из гробницы чиновника Хайхуна (рис. 1, III, *2*). В Сюган, курган № 1 уезда Цисянь провинции Хэнань найден фрагмент такого изделия, на котором изображен единорог с двойными рогами и коротким хвостом (рис. 1, III, *3* — Кайфэн…, 2000). Единорог из каменной гробницы в Цилингане (26–100 гг. н. э.) из г. Наньян провинции Хэнань изображен с одним рогом и с крыльями, одной поднятой передней ногой и коротким хвостом (рис. 1, III, *4* — *Хуан Яфэн*, 2008).

Таким образом, единорог из кургана № 1 Гол Мод-2 по стилистике изображения наиболее похож на образы из раннего и среднего периода династии Восточная Хань.

«Владелец» кургана № 1 Гол Мод-2. Благодаря приведенному выше анализу неоднократно доказано, что курган № 1 Гол Мод-2 был построен в начале династии Восточная Хань. Этот курган по размерам значительно больше всех известных до сих пор гробниц знатных хунну, поэтому нет сомнений, что в нем должен быть похоронен шаньюй хунну, возможно находившийся у власти достаточно долго. Потому что только при таких условиях хватило бы времени, финансовых средств и сил, чтобы возвести такой внушительный мавзолей.

Согласно записям Ханьшу и Хоу Ханьшу, из-за провала пограничной политики Ван Мана мир и спокойствие на северной границе, продолжавшиеся в течение более 50 лет с периода правления императора Сюань-ди (汉宣帝) из династии Западная Хань, были нарушены: хунну год за годом вторгались на границу (Ханьшу, 1962. С. 2826–3829). В первые годы правления династии Восточная Хань император Гуанъу-ди (汉光武帝) был занят усмирением сепаратистских сил на севере и не мог дать достойный отпор хунну, а мог лишь искать краткосрочного мира, откупаясь от кочевников золотом и имуществом. В этот период хунну часто переходили границы и грабили имущество простого народа, а некоторые хунну даже мигрировали на территории в границах династии Хань. Правительство Восточной Хань было вынуждено переселить жителей у границы в другие районы. Отношения между династией Хань и хунну вскоре изменились, когда династия Хань стала активно обороняться от хунну. Впрочем, такая ситуация продолжалась до первых двух лет раскола хунну, т. е. до 46 г. н. э. (Хоу Ханьшу, 1965. С. 2940–2942). Шаньюй Юй (輿) был единственным, кто правил в этот период: его правление длилось 28 лет (Бэй Цзян…, 2003. С. 55) — с 18 по 46 г. н. э. Этот период был периодом процветания хунну во времена ранней династии Восточная Хань. Шаньюй Юй также был очень высокомерным и заносчивым и сравнивал себя с Модэ, первым шаньюем

в истории хунну. Юй умер в 46 г. н. э., в ранний период династии Восточная Хань, что также согласуется с предполагаемой датировкой кургана № 1 могильника Гол Мод-2. Изложенные данные позволяют полагать, что «владельца» кургана № 1 *можно идентифицировать как шаньюя Юй*.

Полосьмак и др., 2011 — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган, Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.

Eregzen, 2011 — *Eregzen G.* Teasures of the Xiongnu, Ulaanbaatar: Institute of archaeology Mongolian Academy of Sciences, National museum of Mongolia, 2011. 202 p.

Otani, 2020 — *Otani I.* A reconsideration of an inscription carved on the lacquer ware unearthed from barrow No. 7 of the Taram Xiongnu cemetery: new reflections on the organization of the central workshops of the Han // Asian Archaeology. 2019. No. 3. P. 59–70.

Бэй Цзян…, 2003 — Бэй Цзян тунши (Всеобщая история Северного Синьцзяна) / под ред. Чжао Юньтянь. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гучжи чубаньшэ, 2003. 135 с. (на кит. яз.).

Кайфэн…, 2000 — Кайфэн ши вэньу гуаньли чу. Хэнань Цисянь Хуган цунь и хао хань му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках ханьской гробницы № 1 в деревне Хуган, уезд Цисянь, провинция Хэнань) // Каогу. 2000. С. 38–44 (на кит. яз.).

Наньчан…, 2020 — Наньчан ханьдай хай хунь хоу ичжи боугуань. Цзиньсэ хай хунь — ханьдай хай хунь хоу лиши ю вэньхуа чжань (Золотой Хайхун — выставка истории и культуры Хайхуньхоу династии Хань). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2020 (на кит. яз.).

Пань Пань, 2019 — *Пань Пань.* Ханьдай шэншоу ту сян яньцзю. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2019. 357 с. (на кит. яз.).

Ханьшу, 1962 — Ханьшу. Сюнну чуань (ся). Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1962. 2967 с. (на кит. яз.).

Хоу Ханьшу, 1965 — Хоу Ханьшу. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1965. 2981 с. (на кит. яз.).

Хуан Яфэн, 2008 — *Хуан Яфэн.* Наньян цилинь ган хань хуасян ши му (Портретная каменная ханьская гробница Наньян в Цилингане). Синчэн: Саньцинь чубаньшэ, 2008. 382 с. (на кит. яз.).

Хэбэй…, 1964 — Хэбэй шэн вэньхуа цзю вэнью гунцзуо дуй. Хэбэй дин сянь бэйчжуан хань му фацзюэ баогао (Отчет о раскопках гробницы Бэйчжуан Хань в уезде Динсянь, Хэбэй) // Каогу сюэбао. 1964. № 2. С. 127–194 (на кит. яз.).

Цзян Тинъюй, Ван Вэйчжао, 2006 — *Цзян Тинъюй, Ван Вэйчжао.* Хуан ни ган 1 хао му хэ «сювэнь лин инь» као. (Гробница Хуанниган № 1 и печать Сюй Вэньлин) // Хайшан сычоу чжи лю ши фа ган лилунь яньтао хуэй люньвэнь цзи. Пекин: кэсюэ чубаньшэ, 2006. 344 с. (на кит. яз.).

Чжунго…, 1980 — Чжунго шэхуэй кэсюэюань каогу яньцзю суо; Хэбэй шэн вэньу гуаньли шу. Ман шэн хань му фацзюэ баогао. (Отчет о раскопках ханьских гробниц Маньчэн). Пекин: Вэнью чубаньшэ, 1980. 721 с. (на кит. яз.).

Шандун…, 2007 — Шандун шэн синчжоу ши боугуань. Шандун синчжоу ши ма цзя чжун цзи дунхань му дэ синли. (Очистка гробницы Восточной Хань Мацзячжунцзы в городе Цинчжоу) // Каогу. 2007. № 6. С. 150–179 (на кит. яз.).

Эрдэнэбаатар и др., — *Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Оргилбаяр С., Батбадрах Н., Маратхаан А.* Балгасын тал дахь Гол Мод-2-ын хүннүгийн язгуртны булшны сндалгаа. Улаанбаатар: 2015. 255 тал. (на монг. яз.).

Chronology of burial mound No. 1 of the burial ground Gol Mod-2: to the question of determining the identity of the buried

Pan Ling[3], Wang Yufu[4]

The article is devoted to the analysis of chronology and finding out the possible owner of mound No. 1 of the burial ground Gol Mod-2 in Mongolia. The dating of the mound by the beginning of the Eastern Han period is proposed based on the analysis of the bi amulet and the image of the mythological beast on horse harness. Based on the obtained dates, the owner of mound No. 1 can be identified as shanyu Yu.

Keywords: *Gol Mod-2, bi amulet, animal ornament, unicorn, shanyu Yu, Xiongnu.*

3 Pan Ling — The collaborative research centre for the Silk Road archaeology, Northwest University, 1 Xuefu St., Xi'an city, 710127, People's Republic of China; e-mail: panling8600@qq.com; ORCID: 0000-0002-3925-0176.

4 Wang Yufu — The collaborative research centre for the Silk Road archaeology, Northwest University, 1 Xuefu St., Xi'an city, 710127, People's Republic of China; e-mail: 979236360@qq.com; ORCID: 0000-0002-6072-3708.

Перипетии улуг-хемской культуры Тувы (Историографическое наблюдение)[1]

Н. Н. Николаев[2]

Аннотация. *В начале 70-х гг. XX в. А. Д. Грачом была выделена улуг-хемская культура, которая, по его мнению, сменила в Туве скифскую эпоху. Появление этой культуры А. Д. Грач датировал II в. до н. э. В последние годы в Туве исследованы новые памятники, датируемые не ранее II в. до н. э., которые также были отнесены к улуг-хемской культуре. Однако облик культуры, представленной в этих памятниках, не соответствует критериям, на основании которых А. Д. Грач выделил улуг-хемскую культуру Тувы.*

Ключевые слова: *Тува, озен-ала-белигский этап, улуг-хемская культура, срубы, каменные ящики.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.280-282

В начале 70-х гг. XX в. А. Д. Грач выделил улуг-хемскую культуру гунно-сарматского времени Тувы. В рамках этой культуры он объединил одиночные и коллективные погребения в каменных ящиках и склепах, грунтовых могилах, а также захоронения, впущенные в курганы скифского времени. Погребения в них совершались по обряду трупоположения на боку с подогнутыми ногами. Умерших ориентировали головой на запад или северо-запад (*Грач*, 1971. С. 99–100). Погребения, совершенные аналогичным образом, но в деревянных срубах, А. Д. Грач отнес к саглынской культуре второй половины I тыс. до н. э. (*Грач*, 1971. С. 96; 1980), подчеркнув, что керамика из каменных ящиков «не сходна с керамикой, находимой в камерах-срубах V–III вв. до н. э.» (*Грач*, 1971. С. 99). Помимо керамики в улуг-хемских погребениях были представлены изделия из кости, бронзы и железа.

А. Д. Грач отмечал, что Ю. И. Трифонов, исследуя каменные склепы могильника Аргалыкты I, обратил внимание на сходство в их обряде и инвентаре с обрядом и вещами скифского времени, но отнес эти сооружения к более позднему периоду (*Там же*. С. 100). Определить дату появления улуг-хемской культуры позволила находка из впускного погребения кургана 1 могильника Урбюрн III (*Там же*. С. 100). Здесь в каменном ящике (рядом со скелетом, лежавшим на правом боку с подогнутыми ногами и ориентированным на север) была обнаружена бронзовая пластина со сценой борьбы «тигра и орлиного ушастого грифона». Помимо пластины были найдены круглые и прямоугольные железные пряжки, костяные накладки на лук, железный нож с костяной рукоятью и два керамических сосуда (*Савинов*, 1969. С. 105). Облик пластины и ее ближайшие аналогии позволили датировать погребение не ранее II в. до н. э. Эта дата и определила нижнюю хронологическую границу улуг-хемской культуры, которая, по мнению А. Д. Грача, сменила в Туве скифскую эпоху.

В начале 2000-х гг. культурно-хронологическая интерпретация археологических памятников Тувы конца I тыс. до н. э. была предложена Вл. А. Семёновым, который провел комплексный анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря коллективных захоронений в срубах, а также коллективных и одиночных захоронений в каменных конструкциях. Рассмотренные им погребения были совершены на боку с подогнутыми ногами. В них преобладала северо-западная ориентировка погребенных (*Семенов*, 2003). Вл. А. Семёнов отметил бедность погребального инвентаря склепов и каменных ящиков по сравнению с инвентарем срубов (*Там же*. С. 29). Вместе с тем во всех захоронениях представлены изделия одного вещевого комплекса. Сопроводительный инвентарь содержал предметы из железа, бронзы и кости. В могилы помещали бытовую утварь, оружие, украшения, деревянную и керамическую посуду (*Там же*. С. 65–75, 129, 181–200, табл. 41, *11–13*; 93–112). Керамика отличалась разнообразием форм и могла быть расписана или декорирована валиками. Помимо этого, в захоронениях были встречены аналогии вещам из археологических памятников хунну (культурно-хронологические индикаторы) (*Там же*. С. 78).

Полученные результаты позволили Вл. А. Семёнову сделать вывод, что рассмотренные им комплексы относятся к одной археологической культуре. Следуя традиции, заложенной С. И. Вайнштейном, он объеди-

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Николай Николаевич Николаев — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; Институт истории материальной культуры, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: nikkolyanik@yadex.ru; ORCID: 0000-0002-9526-3086.

нил их в рамках озен-ала-белигского этапа позднескифского времени Тувы. Учитывая, что инновации, связанные с хуннской традицией, не могли появиться в Туве ранее начала хуннской экспансии в Центральной Азии, он включил в этот этап II в. до н. э. (*Там же*. С. 76–80).

Практически все материалы, на основании которых А. Д. Грач выделил улуг-хемскую культуру Тувы, оказались частью озен-ала-белигского комплекса. Исключение составило только впускное погребение в кургане 1 могильника Урбюн III, где обнаружена поясная пластина, выполненная в характерном для хунну стиле. Гравировки, копирующие изображения хуннских художественных бронз, хорошо известны на костяных пряжках в позднескифских комплексах Тувы, но в этих захоронениях ни разу не были отмечены оригинальные изделия или их местные копии (*Мандельштам*, 1992. С. 427, табл. 77, *82, 83*; *Килуновская, Леус*, 2017. С. 94, рис. 3, *14, 15; Длужневская, Савинов*, 2007. С. 67).

Ситуация с урбюнской пластиной стала понятна после того, как П. М. Леусом и М. Е. Килуновской были начаты раскопки на могильниках Терезин и Ала-Тей I (*Леус, Бельский*, 2016; *Килуновская, Леус*, 2018). Здесь встречены бронзовые изделия, которые, как и урбюнская пластина, выполнены в свойственном для хуннской традиции художественном стиле (*Килуновская, Леус*, 2017. С. 95–96, рис. 4). Однако вещевой комплекс этих могильников существенно отличается от комплексов озен-ала-белигских захоронений. Во всех рассматриваемых комплексах достаточно широко представлены только баночные сосуды (*Семенов*, 2003. С. 186, табл. 98, *1–6*; *Килуновская, Леус*, 2018. С. 132, рис. 3, *1–13, 15, 16*). Встреченные в погребениях Ала-Тея I сосуды с внутренней перегородкой и сосуды четырехугольной формы в озен-ала-белигских захоронениях неизвестны. В них также не встречена хуннская керамика (*Килуновская, Леус*, 2018. С. 133–134, рис. 4; 5). Примечательны находки, которые свидетельствуют о контактах носителей различных гончарных традиций. В одном из погребений Ала-Тея I обнаружен озен-ала-белигский сосуд, в то время как в одном из срубов, исследованных Вл. А. Семёновым, встречен сосуд на высоком коническом поддоне — практически керамический котел (*Килуновская, Леус*, 2018. С. 134, рис. 6; *Семенов*, 2003. С. 163, табл. 75, *4*). Керамика Терезина и Ала-Тея I существенно уступает озен-ала-белигской в разнообразии декора. Помимо художественных бронз, специфической особенностью предметного комплекса Ала-Тея I можно считать инкрустированные гагатовые пластины, железные черешковые ножи с длинной рукоятью, круглые и прямоугольные железные пряжки с подвижным язычком, костяные удлиненно-трапециевидные пряжки с внутренней перемычкой (*Килуновская, Леус*, 2018. С. 136–137, рис. 8, *4*; 9, *1, 3–5*; 10, *2*; 2021. С. 82, рис. 3, *4*). В погребениях Терезина и Ала-Тея I найдены роговые накладки от сложносоставных луков и вещи, охарактеризованные Вл. А. Семёновым как культурно-хронологические индикаторы хуннской культуры (*Леус, Бельский*, 2016. С. 100–101, рис. 6, *7*; *Килуновская, Леус*, 2018. С. 136, 144; рис. 8, *4;* 16, *9, 13, 14*).

Погребальная обрядность Терезина и Ала-Тея I характеризуется одиночными захоронениями по обряду трупоположения на боку с подогнутыми ногами (преимущественно на Терезине) или вытянуто на спине (преимущественно на Ала-Тее I). Погребенных, как правило, ориентировали головой на северо-запад, запад или юго-запад. При этом им под головы могли положить каменные «подушки». Захоронения совершались в грунтовых ямах, каменных ящиках, деревянных гробах или деревянных конструкциях, обложенных камнем (*Килуновская, Леус*, 2021. С. 83). Китайские бронзовые зеркала, их фрагменты, местные подражания китайским зеркалам, две монеты у-чжу и результаты радиоуглеродного анализа позволили датировать Терезин и Ала-Тей I в пределах II–I вв. до н. э. (*Там же*. С. 90).

М. Е. Килуновская и П. М. Леус отметили, что материалы Терезина и Ала-Тея I свидетельствуют о появлении в Центральной Туве новых групп населения, что стало следствием северной экспансии хунну (*Килуновская, Леус*, 2018. С. 149). Культура пришельцев характеризуется специфическим погребальным обрядом и инвентарем, которые отличают ее от «предшествующей уюкско-саглынской и последующей кокэльской культур». При этом захоронения на боку с подогнутыми ногами, северо-западную ориентировку погребенных, каменные «подушки» под их головами и некоторые типы зеркал исследователи посчитали реминисценциями местной традиции скифского времени (*Килуновская, Леус*, 2021. С. 83). На основании сделанных наблюдений М. Е. Килуновская и П. М. Леус пришли к выводу, что Терезин и Ала-Тей I относятся к улуг-хемской культуре. Учитывая, что погребальная обрядность и вещевой комплекс названных памятников практически не соответствует критериям, на основании которых была выделена эта культура, можно констатировать, что понятие, введенное в обращение А. Д. Грачом, было экстраполировано на иное культурно-историческое явление.

Грач, 1971 — *Грач А. Д.* Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. XV. С. 93–106.

Грач, 1980 — *Грач А. Д.* Древние кочевники в Центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Длужневская, Савинов, 2007 — *Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН. 2007. 198 с.

Килуновская, Леус, 2017 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве // КСИА. 2017. № 247. С. 87–102.

Килуновская, Леус, 2018 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.

Килуновская, Леус, 2021 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Датировка могильников эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин в Туве // НОСА. 2021. № 1 (29) С. 79–91.

Леус, Бельский, 2016 — *Леус М. П., Бельский С. В.* Терезин I — могильник эпохи хунну в Центральной Туве // АВ. 2016. Вып. 22. С. 93–104.

Мандельштам, 1992 — *Мандельштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 178–196 (Археология СССР).

Савинов, 1969 — *Савинов Д. Г.* Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. № 119. С. 87–102.

Семенов, 2003 — *Семенов Вл. А.* Сулуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 240 с.

Peripetia of the Ulug-Khem culture of Tuva (Historiographic review)

Nikolay N. Nikolaev[3]

In the early 70s 20th cent. Alexander D. Grach singled out the Ulug-Khem culture of Tuva, which, in his opinion, replaced the Scythian era. Alexander D. Grach dated the appearance of this culture to the 2nd cent. BC. In recent years, new sites dating back to no earlier than the 2nd cent. BC have been explored in Tuva and which were also attributed to the Ulug-Khem culture. However, the appearance of the culture represented in these sites does not meet the criteria, on the basis of which Alexander D. Grach singled out the Ulug-Khem culture of Tuva.

Keywords: *Tuva, the Ozen-ala-belig period, Ulug-Khem culture, log frames, cists made from stone plates.*

3 Nikolay N. Nikolaev — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: nikkolyanik@yadex.ru; ORCID: 0000-0002-9526-3086.

Погребения с черепами лошадей в хуннское время в Туве[1]

П. М. Леус[2]

Аннотация: *В некоторых погребениях хунну на могильнике Ала-Тей 1 в Туве встречается редкий элемент погребального обряда, когда в ногах погребенных (мужчин и женщин) был положен череп лошади, в двух случаях взнузданный. Эта традиция является для Тувы новой и, очевидно, связана с обычаями населения, пришедшего сюда в ходе экспансии хунну.*

Ключевые слова: *хунну, сюнну, Тува, Ала-Тей, погребения лошадей.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.282-285

Одним из ярких памятников эпохи хунну в Туве является грунтовый могильник Ала-Тей 1[3], раскопки которого ведутся Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН на дне Саяно-Шушенского водохранилища (*Килуновская, Леус*, 2018. С. 127). К настоящему времени здесь исследовано 118 непотревоженных захоронений, датирующихся II–I вв. до н. э. и содержащих многочисленный инвентарь культуры хунну: разнообразные ажурные бронзовые пряжки-пластины (*Килуновская, Леус*, 2020а), инкрустированные и гравированные пряжки из сибирского гагата (*Килуновская, Леус*, 2020б), костяные пряжки (*Килуновская, Леус*, 2021а), китайские зеркала Западной Хань и более раннего периода (*Леус*, 2018. С. 106), костяные стрелы

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие» (FMZF-2020-0002).

2 Павел Михайлович Леус — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: leuss@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7699-4345.

3 Далее сокращение названия памятников обозначает АТ1 — Ала-Тей 1, через знак дроби — номер объекта/погребения.

и накладки на лук, хуннские керамические вазы, полихромные подвески, китайские монеты у-чжу и т. д. Необычной категорией являются небольшие вытянутые керамические сосуды с перегородкой. Их форма чаще овальная, но иногда подпрямоугольная или восьмерковидная. Перегородка бывает как с отверстием внизу, так и без него. Находки подобных сосудов, вероятно своеобразных светильников, нередки на Ала-Тее 1. Обычно они стоят на уровне древней поверхности, на краю могильной ямы, но иногда в специальном углублении, накрытые каменной плиткой или, в одном случае, фрагментом вазовидного сосуда. В нескольких случаях для них были сделаны специальные миниатюрные ящички из плиток. Могильник хорошо датируется по вещевому комплексу, также для памятника получена серия радиоуглеродных AMS-датировок (*Килуновская, Леус*, 2021б). Новые материалы регулярно вводятся в научный оборот.

Погребальный обряд могильника Ала-Тей 1 демонстрирует разнообразие традиций. Основная масса захоронений совершена вытянуто на спине, но в нескольких случаях — на боку с подогнутыми ногами. Погребенные ориентированы головой на З или ЮЗ, но бывают исключения. Основными типами внутримогильных сооружений являются подпрямоугольные массивные ящики из каменных плит и деревянные гробы или гробовища с каменной обкладкой на уровне перекрытия на заплечиках ямы. Есть деревянные гробы без каменной обкладки, встречаются простые грунтовые ямы без какого-либо сооружения, каменные ящики неправильной формы.

Погребение сопровождалось заупокойной пищей — мясом мелкого рогатого скота или косули: в отдельных могилах встречается череп и/или кости ног, изредка лопатка и ребра, расположенные чаще в ногах, но иногда в головах погребенных, а в некоторых случаях — непосредственно в баночном сосуде или на нем. Кости крупного рогатого скота и лошадей в составе заупокойной пищи пока обнаружены не были. Тем не менее в шести могилах на Ала-Тее 1 найдены черепа лошадей:

АТ1/46 (рис. 1, *1*) — погребение мужчины 30–35 лет в деревянном гробу с каменной обкладкой ямы на уровне перекрытия. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗЗ, руки уложены вдоль тела, как у всех вытянутых мужских погребений на Ала-Тее 1. На правой голени лежал взнузданный череп и акроподии лошади. Уздечный набор состоял из железных удил и псалий, четырех бронзовых колец, костяной обоймы и ворворки. Удила двукольчатые составные, псалии двухдырчатые, слегка изогнутые «S-образные», со шляпковидными навершиями. Подобные псалии известны среди предметов Уйбатского клада в Хакасии (*Кунгурова, Оборин*, 2013. Рис. 2).

АТ1/47 (рис. 1, *2*) — погребение женщины 18–20 лет в деревянном сооружении, возможно гробу, с каменной обкладкой на уровне перекрытия. Перекрытие не сохранилось. Глубина могильной ямы 1,25 м. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Руки сложены на груди. Возле левой ступни лежал череп лошади с половиной нижней челюсти и акроподиями, возле правой ступни вторая половина нижней челюсти и метаподии.

АТ1/84 (рис. 1, *3*) — погребение мужчины 35–45 лет в ящике из каменных плит. Глубина ямы от современной поверхности 2 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на З, руки уложены вдоль тела, кисти рук лежали на бедрах. За пределами ящика, с южной стороны лежал череп и акроподии лошади.

АТ1/90 (рис. 1, *4*) — погребение женщины старше 55 лет, совершенное, вероятно, в деревянном гробу с каменной обкладкой по уровню перекрытия. Среди камней обкладки лежали три метаподии лошади. Сохранность дерева очень плохая, следы перекрытия практически не сохранились. Глубина ямы 1,6 м. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки сложены на животе. На берцовых костях лежал череп лошади с акроподиями.

АТ1/100 (рис. 1, *5*) — погребение мужчины ок. 20 лет, в деревянном гробу с каменной обкладкой по уровню перекрытия. Сохранились остатки досок перекрытия, лежавших вдоль гроба. Глубина ямы 1,45 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗ, руки уложены вдоль тела. Возле левой берцовой кости лежал череп лошади.

АТ1/113 (рис. 1, *6*) — погребение мужчины в хорошо сохранившемся деревянном гробовище с перекрытием из досок. Глубина ямы 2,1 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗ, руки уложены вдоль тела. В углу возле левой стопы был положен взнузданный череп лошади.

Традиция размещения в ногах погребенных черепа и конечностей лошади является для Тувы новой, очевидно принесенной носителями культуры хунну. При этом, как видно на примере захоронений Ала-Тея 1, эта традиция не являлась непременным элементом погребального обряда, а скорее была исключением. Пока не представляется возможным соотнести эту традицию с полом и возрастом погребенного, а также типом внутримогильного сооружения. Инвентарь описанных выше захоронений неравнозначен, тем не менее оба женских захоронения принадлежат к условно «богатым»: с ними были положены пояса с бронзовыми пряжками-пластинами, зеркала, бусы и другие предметы, включая коромыслообразную бронзовую подвеску (ПНН) с тремя отверстиями из АТ1/47, висевшую на трех бисерных нитях. Также и захоронение АТ1/84 можно назвать едва ли не самым богатым муж-

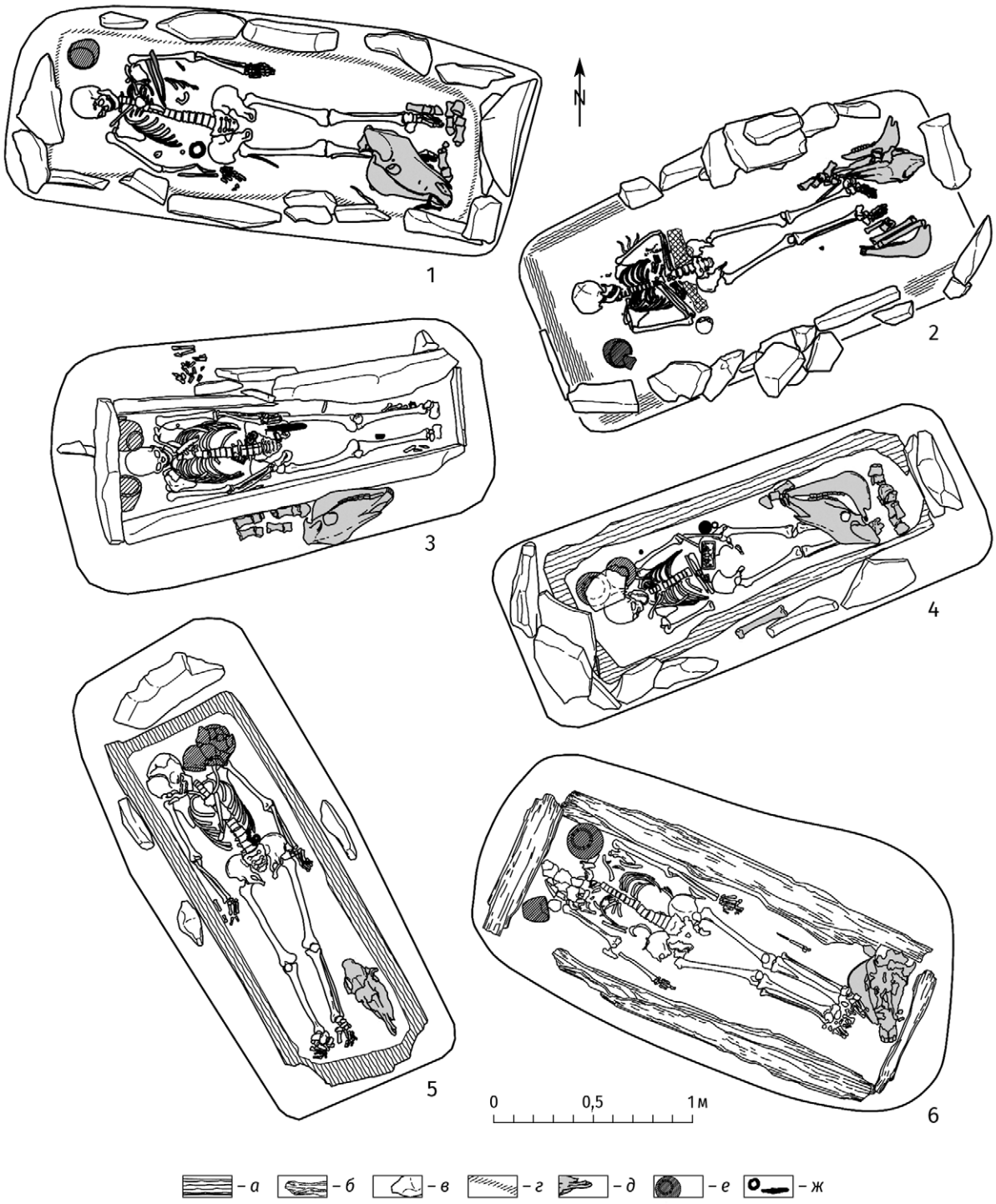

Рис. 1. Захоронения с черепами лошадей на могильнике Ала-Тей 1: *1* — АТ1/46, *2* — АТ1/47, *3* — АТ1/84, *4* — АТ1/90, *5* — АТ1/100, *6* — АТ1/113. *Условные обозначения*: *а* — остатки дерева; *б* — дерево; *в* — камни; *г* — древесный тлен; *д* — кости животных; *е* — керамика; *ж* — погребальный инвентарь

Fig. 1. Burials with horse skulls at the Ala-Tei 1 burial ground: *1* — AT1/46, *2* — AT1/47, *3* — AT1/84, *4* — AT1/90, *5* — AT1/100, *6* — AT1/113. *Key*: *а* — wood remains; *б* — wood; *в* — stones; *г* — wood decay; *д* — animal bones; *е* — ceramics; *ж* — grave goods

ским погребением Ала-Тея 1: помимо керамики, железных предметов, наконечников стрел и накладок на лук на поясе присутствовали две большие парные пряжки из бронзы. В других захоронениях на Ала-Тее 1 такие пряжки неизвестны. АТ1/100 — самое обычное мужское захоронение, с довольно скудным инвентарем. Над пятью могилами из шести были найдены перегородчатые сосуды.

Таким образом, этот обычай может быть как показателем принадлежности погребенных к какой-то определенной социальной или этнической группе, так и указывать на специфическую родовую или се-

мейную традицию. Наличие взнузданных черепов дает основания считать их символическими сопроводительными конскими захоронениями, а не частью заупокойной пищи.

В других могильниках, достоверно относящихся к эпохе хунну в Туве, подобный обычай пока не встречался. В схожем с Ала-Теем 1 могильнике Терезин, расположенном в 4,5 км от него и абсолютно схожем с ним по вещевому комплексу и данным AMS-датировок, подобной традиции также не зафиксировано.

Аналогии традиции укладывания в погребение черепа лошади на сопредельных территориях, входивших в рассматриваемое время в сферу влияния хунну, немногочисленны, особенно если рассматривать могильники рядового населения, близкие к Ала-Тею 1. В Дырестуйском могильнике исследовано одно погребение, в котором присутствовали два черепа лошадей, один из которых с удилами (*Миняев*, 2007. С. 97). Можно упомянуть мужское погребение в могиле 22, кургана 3 на могильнике Черное озеро I в Минусинской котловине, где на ногах погребенного лежало два лошадиных черепа (*Савинов*, 2009. С. 136). Черепа лошадей отсутствуют в Иволгинском могильнике в Забайкалье, в Тепсее VII в Минусинской котловине, в Даодуньцзы в Нинся (Северный Китай). В погребениях раннего, усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры Алтая на перекрытие или сбоку от него помещали лошадь целиком (*Тишкин, Горбунов*, 2006. С. 31). Такая же ситуация в погребении в кургане 7 могильника Салхитын в Монголии, где лошадь была захоронена на дне ямы, у входа в катакомбу. Погребальный инвентарь там чрезвычайно близок к находкам из Ала-Тея 1 (*Олзийбаяр и др.*, 2019. С. 27–29).

В настоящий момент происхождение обычая укладывания черепа лошади в погребения на Ала-Тее 1 в Туве остается под вопросом, так же как и происхождение населения, оставившего этот могильник.

Килуновская, Леус, 2018 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. № 24. С. 125–152.

Килуновская, Леус, 2020а — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // НОСА. 2020. № 1 (25). С. 97–125.

Килуновская, Леус, 2020б — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Пряжки из сибирского гагата в погребениях эпохи хунну II–I вв до н. э. в Туве // АВ. 2020. № 30. С. 223–253.

Килуновская, Леус, 2021а — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Костяные пластины-пряжки эпохи хунну в Туве // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. статей, посвящ. 80-летию проф. Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 430–448.

Килуновская, Леус, 2021б — *Килуновская М. Е., Леус П. М*. Датировка могильников эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин в Туве // НОСА. 2021. № 1 (29). С. 79–91.

Коновалов, 1976 — *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 248 с.

Кунгурова, Оборин, 2013 — *Кунгурова Н. Ю., Оборин Ю. В.* Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // АЭАЕ. 2013. Вып. 2 (54). С. 126–136.

Леус, 2018 — *Леус П. М.* Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурге. Тезисы Второй Всероссийской конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. Александра Даниловича Грача. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 104–110.

Миняев, 2007 — *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2007. 233 с. (Археологические памятники сюнну; Вып. 3).

Тишкин, Горбунов, 2006 — *Тишкин А. А. Горбунов В. В.* Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 31–40.

Олзийбаяр и др., 2019 — *Олзийбаяр С., Очир Б., Уртнасан Э.* Хуннугийн туух соелын судалгаа (Салхитын амны дурсгалт газар). Улаанбаатар, 2019 (на монг. яз.).

Xiongnu time burials with horse skulls in Tuva

Pavel M. Leus[4]

In some Xiongnu burials at the Ala-Tei 1 burial ground in Tuva, a rare element of the funeral rite is found, when a horse skull was placed at the feet of the buried, both men and women, bridled in two cases. This tradition is new for Tuva and is obviously connected with the population that came here during the expansion of the Xiongnu and its customs.

Keywords: *Xiongnu, Xiongnu, Tuva, Ala-Tei, horse burials.*

4 Pavel M. Leus — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: leuss@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7699-4345.

Погребение тесинского времени в Красноярске (предварительное сообщение)

Д. А. Виноградов[1]

Аннотация. *В 2021 г. в черте г. Красноярска проведены охранно-спасательные раскопки разрушенного кургана на территории «Шинного» кладбища. Под бывшей земляной насыпью выявлены склеп и восемь могил вокруг него. Сопроводительный инвентарь был обнаружен только в коллективном захоронении № 4. В статье дается характеристика материалов, делается вывод об их культурно-хронологической принадлежности и предлагается отнести погребение к тесинскому времени (I в. до н. э.).*

Ключевые слова: *Красноярская лесостепь, погребальный комплекс, ранний железный век, тесинская культура.*

https://doi.org/10.31600/978–5-6047952–2-4.286-289

Осенью 2021 г. силами волонтеров и студентов Сибирского федерального университета проведены раскопки разрушенного кургана на территории городского кладбища в г. Красноярске. Курган располагался на правом берегу р. Енисей, на высоком плато, возвышающемся над городом. Впервые о нем упоминается в общей сводке по Красноярскому району, составленной В. Г. Карцовым (*Карцов*, 1929. С. 12). Многие годы курган считался утраченным, пока в 2018 г. он не был обнаружен вновь — при расширении территории «Шинного» кладбища насыпь кургана была разрушена бульдозером, в результате чего на поверхности показались многочисленные человеческие кости, угли и древесные остатки. Данное обстоятельство определило необходимость проведения охранно-спасательных работ на выявленном памятнике.

На ограниченном участке между современными захоронениями и дорогой сплошным раскопом была вскрыта площадь 390 кв. м, на которой под бывшей насыпью кургана выявлены склеп и восемь погребений вокруг него. Единственным погребением, содержавшим сопроводительный инвентарь, было погребение № 4, расположенное северо-западнее склепа.

По причине полного разрушения земляной насыпи невозможно было проследить, была ли могила впущена в насыпь кургана или выкопана на древней дневной поверхности. Контуры погребения № 4 удалось зафиксировать только на уровне материка. Могила овальной формы (размерами 2,9 × 2,2 м и глубиной 0,8 м) вытянута по линии ЮЗ–СВ. В центральной части погребение нарушено современным перекопом размерами 1,2 × 2,2 м и глубиной от 0,5 до 0,7 м. Его происхождение связано с работой криминалистов, которые после сообщения об обнаружении человеческих останков произвели осмотр территории и в месте наибольшего скопления костей выкопали яму для взятия образцов.

В заполнении современной ямы отмечена каменная плита, лежавшая на глубине 0,35 м от дневной поверхности. Плита, вероятно, являлась частью ограды. Там же зафиксирована цилиндрическая пронизка (рис. 1, *10*).

Расчистка верхнего уровня погребения показала, что антропологические остатки сосредоточены в западном, южном и северном секторах могилы. Кости залегали рассеянно и беспорядочно. Следов современного вмешательства в заполнении могилы не зафиксировано.

На глубине 0,4–0,5 м от дневной поверхности характер залегания костей менялся. Вдоль северо-западной стенки ямы зафиксирован неполный скелет, лежащий на правом боку головой на ЮЗ. Ниже его выявлен берестяной тлен с отдельными фрагментами сохранившейся бересты, занимавший практически всю площадь могилы, кроме пристеночных зон.

Кроме одного скелета, вдоль стенок ямы выявлено значительное количество человеческих костей, как разрозненных (в том числе в скоплениях), так и в сочленении. Наибольшая концентрация костей отмечена у западной и северной стенок могилы. Здесь же обнаружено несколько человеческих черепов. Заслуживают внимания два скопления, состоящие из трех черепов в каждом. Черепа располагались плотно друг к другу, в виде пирамиды — два в основании, один как вершина.

На берестяном тлене зафиксирована бирюзовая бусина, каменный оселок (рис. 1, *9*), развалы двух сосудов со следами сажи баночной формы с плоским дном и без орнамента, один из которых восстанавливается целиком, второй — частично (рис. 1, *23*, *24*). Рядом с развалом керамики находилась верхняя

1 Дмитрий Александрович Виноградов — Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, д. 79, Красноярск, 660041, Российская Федерация; e-mail: vindim0408@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2882-4402.

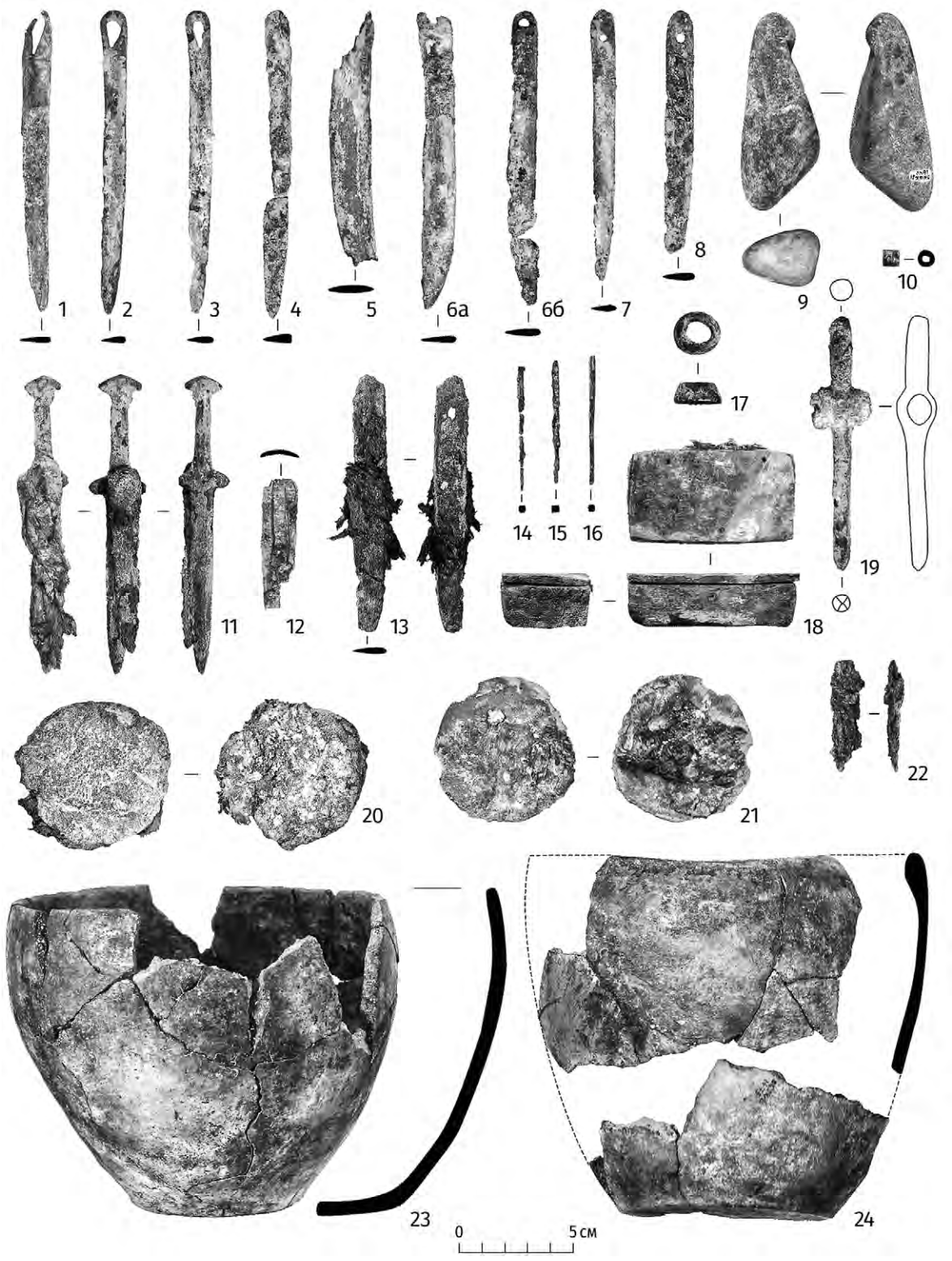

Рис. 1. Курган на «Шинном» кладбище в Красноярске. Инвентарь погребения № 4: *1–8, 13* — нож; *9* — оселок; *10* — пронизка; *11* — кинжал и нож; *12* — пластина; *14–16* — проколка; *17* — ворворка; *18* — футляр; *19* — чекан; *20, 21* — зеркало; *22* — железное изделие; *23, 24* — сосуд.

1–8, 11, 13, 14–17, 19–21 — бронза; *9* — камень; *12, 18* — дерево; *22* — железо; *23, 24* — керамика

Fig. 1. The kurgan at the “Shinnoe” cemetery in Krasnoyarsk. Inventory of burial No. 4: *1–8, 13* — knife; *9* — touchstone; *10* — penetration; *11* — dagger and knife; *12* — plate; *14–16* — puncture; *17* — “vorvorka” (aglet); *18* — case; *19* — coinage; *20, 21* — mirror; *22* — iron product; *23, 24* — vessel.

1–8, 11, 13, 14–17, 19–21 — bronze; *9* — stone; *12, 18* — wood; *22* — iron; *23, 24* — ceramics

челюсть барана или козла. Также обнаружены бронзовые предметы уменьшенных размеров. Здесь найдены: восемь ножей с полукруглым, округлыми и петельчатыми отверстиями в верхней части, у некоторых сохранились фрагменты тонких деревянных накладок ножен (рис. 1, *1–8*); четырехгранная проколка (рис. 1, *15*); чекан с граненой ударной частью и остатками деревянной рукояти в отверстии (рис. 1, *19*); зеркало (частично покрытое остатками ткани) с петелькой на обратной стороне (рис. 1, *20*). Вокруг зеркала отмечен контур из древесного тлена, который, возможно, является остатками берестяной коробочки.

В северном секторе ямы среди тазовых костей находились бронзовый нож, четырехгранная проколка и зеркало с остатками ткани (рис. 1, *13, 14, 21*). Там же обнаружен небольшой деревянный футляр прямоугольной формы (рис. 1, *18*). Футляр выполнен из деревянного бруска с выдолбленной полостью, которая закрывалась тонкой деревянной пластиной. На корпусе и крышке изделия отмечены округлые отверстия, сделанные, вероятно, для скрепления между собой частей футляра. Все предметы были покрыты одним куском сохранившегося меха.

У южной стенки могилы найдена бронзовая ворворка усеченной конусовидной формы с сохранившимся фрагментом кожаного ремешка в отверстии (рис. 1, *17*).

Берестяной тлен был покрыт белым налетом, имел разную мощность и ворсистый состав. Возможно, кроме бересты, яма выстилалась шкурами животных. В разных местах в тлене выделялись продолговатые и угловатые контуры. Все они не имели плотной структуры и при расчистке рассыпались в порошок. Вероятнее всего, это кости погребенных, находившихся под берестой, на это указывают выявленные скопления костей на дне ямы, которые имели намного худшую сохранность, чем залегавшие выше.

Костные останки, лежавшие на дне ямы, находились преимущественно в центральном секторе. Здесь выявлены частично в анатомическом порядке кости ног и два черепа. Возле одного из черепов зафиксированы прижатые друг к другу и спекшиеся бронзовые кинжал и нож, оба уменьшенных размеров (рис. 1, *11*). Сверху их покрывала накладка, выполненная из тонкой деревянной пластины (рис. 1, *12*), под которой сохранились фрагменты меха.

В северном секторе ямы среди нижних костей скелета зафиксирована бронзовая четырехгранная проколка (рис. 1, *16*). Рядом найден сильно коррозированный обломок железного изделия (рис. 1, *22*). Судя по форме, заостренная с одного края пластина — это обломок кончика ножа.

В результате зачистки выбранной ямы в южной стенке удалось зафиксировать неглубокий подбой, сделанный, вероятно, для упора берестяного покрывала.

По предварительным подсчетам, в могиле находилось не менее 13 человек. Большинство черепов раздавлены, на уцелевших — следы трепанации не отмечены. Положение черепов указывает, что умерших клали, оперев головой на стенку могилы, вероятно в вытянутом положении, плотно друг к другу (таким образом могли образоваться пирамидообразные скопления черепов). Учитывая нахождение черепов у всех стенок ямы, кроме восточной, вероятно, погребенных укладывали валетообразно, двумя скрещивающимися рядами друг на друга. Затем их покрыли берестой (и шкурами?), после чего над ними поместили еще несколько погребенных с сопроводительным инвентарем. Все костные останки, выявленные над берестяным тленом, локализованы вдоль северной, западной и южной стенок ямы, в центральной части их не зафиксировано. Возможно, кости были сдвинуты к краям ямы еще в древности. На вмешательство в заполнение могилы также могут указывать беспорядочно залегающие кости в верхнем уровне погребения.

Предварительная культурно-хронологическая принадлежность погребения определяется по сопроводительному инвентарю и обряду.

Первые могилы под насыпью курганов (как правило, детские) появляются на сарагашенском этапе тагарской культуры (*Грязнов*, 1968. С. 190). Позднее, в тесинское время, появляется обычай повсеместно размещать могилы внутри оград и среди камней ограды склепа (*Кузьмин*, 2011. С. 35–36).

Среди погребального инвентаря встречены вещи, бытующие в тагарской культуре и позднее. Плоскодонная баночная посуда характерна для всех этапов тагарской культуры (*Грязнов*, 1968. С. 188). Архаичной выглядит находка бронзовой ворворки — изделия, которые бытовали в тот период. Уменьшенные бронзовые изделия также зафиксированы в могильниках сарагашенского этапа.

В конце бытования тагарской культуры появляются, а затем широко распространяются в тесинское время круглые бирюзовые бусы (*Пшеницына*, 1979. С. 88). К этому же периоду относится обнаруженный в погребении деревянный футляр, единственная аналогия которому, но выполненная из кости, найдена в позднесарагашенском кургане, раскопанном Н. Ю. Кузьминым на 72 км трассы Абакан–Сорск (*Кузьмин*, 2011. С. 45–46, рис. 7, *13*). В это же время распространяются изделия из бересты и дерева (*Там же*. С. 31). Основным хронологическим индикатором погребения является обломок железного изделия. Появление железных предметов в грунтовых могилах тесинской культуры происходит на ее втором этапе (*Там же*. С. 36), который датируется I в. до н. э. — I в. н. э. (*Там же*. С. 240, рис. 45).

Таким образом, учитывая наличие в могиле значительного количества предметов позднетагарского времени, предлагается ограничить дату погребения I в. до н. э. и отнести его к погребальному комплексу культуры, родственной тесинской. Принимая во внимание несомненную специфику лесостепной зоны и возможное запаздывание инноваций в этом регионе, данная датировка является предварительной. Более точная культурно-хронологическая характеристика будет возможна только после полного изучения территории памятника и корреляции материалов склепа с окружающими его могилами.

Грязнов, 1968 — *Грязнов М. П.* Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. I: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. С. 187–196.

Карцов, 1929 — *Карцов В. Г.* Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск: Краснояр. гостипо-лит., 1929. 58 с. (Описание коллекций и материалов Музея. Государственный музей Приенисейского края. Отдел археологический).

Кузьмин, 2011 — *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Пшеницына, 1979 — *Пшеницына М. П.* Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / под ред. М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука, 1979. С. 70–89.

Burials of the Tes' time in Krasnoyarsk (preliminary report)

Dmitry A. Vinogradov[2]

In 2021, the rescue excavations of the destroyed burial mound were carried out in the vicinity of Krasnoyarsk. A crypt and eight graves around it were found under the former earth mound. Among them, one collective burial was found (No. 4). The grave goods were found only in it. The article gives a description of the materials, and their analysis. In result, the cultural and chronological affiliation of this burial was defined. The conclusion contains the proposal to attribute it to the burial complexes of the Tes' time (1st cent. BC).

Keywords: *Krasnoyarsk forest-steppe, burial complex, Early Iron Age, Tesin culture.*

2 Dmitry A. Vinogradov — Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; e-mail: vindim0408@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2882-4402.

Знали ли античные авторы о хунну?[1]

Е. О. Стоянов[2]

Аннотация. *Автор подвергает критическому анализу гипотезу о возможном соответствии фунов/фаунов/фринов античных источников (Страбон, Плиний Старший, Дионисий Периэгет и др.) древним хунну (сюнну). Показано, что это соответствие, будучи допустимым, требует дополнительного обоснования, прежде всего — лингвистического. Автор предполагает, что информация о народах, проживающих к северо-востоку от Бактрии, могла быть получена греками в результате похода Деметрия, наследника и соправителя Эвтидема, в Согдиану и сопредельные области в самом конце III в. до н. э.*

Ключевые слова: *античная письменная традиция, Греко-Бактрия, хунну.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.289-292

В силу очевидных исторических обстоятельств азиатская часть степной ойкумены была известна античному миру значительно хуже европейской, а ее восточная окраина и вовсе представляла собой *terra incognita*. Тем ценнее каждое исключение из этого правила — даже гипотетическое и спорное.

Одно из таких свидетельств, не дойдя до нас в оригинальном виде, сохранилось в передаче ряда позд-

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Евгений Олегович Стоянов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: eostoyanov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9407-4286.

нейших авторов. Наиболее полно оно представлено у Страбона (*Strab*. XI. 11. 1). Рассказывая о завоеваниях греко-бактрийских царей, он отмечает, что те, в частности, «расширили свою державу до *серов* и *фаунов*» (μέχρι Σηρῶν καὶ Φαυνῶν ἐξέτεινον τὴν ἀρχήν).

В остальных случаях мы встречаем тот же перечень племен, включенный в пространный итинерарий уже вне исторического контекста. Так, Плиний Старший в VI книге «Естествознания» среди народов северо-востока ойкумены называет *серов*, *тунов* и *фокаров*: primi sunt hominum qui noscantur Seres <…> gentes Thuni et Focari (*Plin*. *NH*. VI. 54–55). То же находим в поэме Дионисия Периэгета «Описание ойкумены» (*Dion. Per.* 752): καὶ Τόχαροι Φροῦνοί τε καὶ ἔθνεα βάρβαρα Σηρῶν (*тохары*, *фруны* и варварские народы *серов*). Аналогично — в латинских переводах поэмы у Авиена (*Avien*. 926: inde cruenti sunt Tocari, Phrurique truces, et inhospita Seres arva habitant) и Присциана (*Priscian*. 727: Tochari Phrurique et plurima milia Serum) — в первом случае с элементами риторической амплификации.

Предполагаемый первоисточник информации дискуссий не вызывает. Таковым — как и для большинства нарративных свидетельств об истории Греко-Бактрии — считается несохранившаяся «Парфика» Аполлодора из Артемиты (*Пьянков*, 1988. С. 199–206; 1997. С. 65–72; *Gardiner-Garden*, 1987. P. 23–29). Гораздо сложнее историческая интерпретация этого фрагмента, ключевой вопрос которой — идентификация *фунов/фаунов/фрунов*. Их соседство с серами и тохарами[3] вкупе с допустимой хронологией событий (конец III — середина II в. до н. э.) заставляло многих исследователей видеть здесь уникальное для античной традиции упоминание хунну (сюнну) (*Gutschmid*, 1888. S. 44; *Marquart*, 1901. S. 207; *Kiessling*, 1913. Sp. 2595–2596; *Minns*, 1913. P. 122; *Herrmann*, 1939. S. 27; 1941. Sp. 928; *Markwart*, 1946. S. 148–149; *Haussig*, 1959. S. 152–153; *Lindegger*, 1993. P. 108; и др.) и даже строить на основе этого допущения развернутые исторические реконструкции (*Толстов*, 1948. С. 237). Не было недостатка, впрочем, и в альтернативных версиях (*Тревер*, 1940. С. 126; *Tarn*, 1951. P. 84–85; *Narain*, 1957. P. 26–27, 170–171; *Coloru*, 2009. P. 213; и др.). Однако предметом детального критического рассмотрения эта гипотеза до сих пор так и не стала — мы попытаемся хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Первоочередной задачей является текстологически корректная реконструкция исходной (для текста-первоисточника) формы этнонима. Бросается в глаза его вариативность — результат серии ошибок переписчиков[4]. Во всех рукописях Страбона читаем Φαυνῶν/Φαύνων, у Плиния, очевидно, фигурировали Phuni[5]. Традиция Дионисия Периэгета и зависимых от него авторов дает варианты Φροῦνοι (Φρῦναι) и Phruri. Ее развитием, видимо, является Erurion Равеннского Анонима (*Rav. Anon.* II. 8), а своеобразным ответвлением — скифы-гринеи (Γριναῖοι/Γρυναῖοι Σκύθαι) Клавдия Птолемея (*Ptol. Geogr.* VI. 13. 3) и хринны (mons Chrinnorum) Иордана (*Iord. Get.* 45)[6].

Все это разнообразие тем не менее сводится к трем альтернативам (Φαῦνοι/Φοῦνοι/Φρ(ο)ῦνοι), одна из которых верна, а две остальные обязаны своим появлением легко объяснимой путанице трех букв греческого минускульного письма (α, ο, ρ). Очевидно, что для поиска тождества с хунну был бы предпочтителен вариант Φοῦνοι, но достаточных текстологических и палеографических оснований для такого выбора (равно как и любого другого) у нас нет.

Однако связать лингвистически даже этот вариант с этнонимом «хунну/сюнну» — еще более сложная проблема. Проследить переход от реконструированной древнекитайской формы (обзор вопроса: *Bussagli*, [1950] 1992; *La Vaissière*, 2005; и др.) к гипотетическому самоназванию хунну (при дискуссионности вопроса об их языке), а от него, через язык-посредник (скорее всего, цепочку таких языков), к древнегреческой форме — на каждом из этапов этой нетривиальной задачи недостаток точных данных вынуждает прибегать к слишком большому числу допущений. При наличии ряда интересных гипотез (напр., *Tomaschek*, 1888. S. 760) эта проблема все еще далека от решения.

Что же касается исторического контекста событий, то его реконструкция возможна почти исключительно по косвенным данным, которые, однако, позволяют сделать ряд интересных наблюдений.

Страбон называет в связи с перечисленными им завоеваниями греко-бактрийских и индо-греческих царей два имени — Деметрия и Менандра (*Strab*. XI. 11. 1). Оба знамениты успешными кампаниями в Индии (причем фигура Деметрия I здесь, возможно, контаминирована с Деметрием II), но поход «до серов и фаунов», как нам представляется, также может быть связан с именем Деметрия I. В посвятительной надписи из Куляба (*Rougemont*, 2012. P. 255–258) упомянуты

3 Квазиэтноним «серы» (Σῆρες, Seres), этимологически связанный с τὸ σηρικόν («шелк»), в античной традиции служил прежде всего собирательным обозначением населения Восточного Туркестана и более отдаленных регионов — включая, очевидно, и китайцев, представления о которых позднеэллинистический мир еще не имел (*Dihle*, 1984; *Malinowski*, 2012).

4 Это свидетельствует о том, что этноним не был «на слуху» у просвещенных людей античного мира — в отличие, например, от тех же серов.

5 Рукописное Thuni et Phocari/Focari, скорее всего, ошибочная метатеза исходного Phuni et Thocari (впервые предложено: *Gutschmid*, 1888. S. 45).

6 Возможно также чтение *Chunnorum*, что усложняет картину и ставит дополнительные вопросы.

«величайший из всех царей» Эвтидем I и его сын и соправитель Деметрий Каллиник (Καλλίνικος) — будущий Деметрий I. Почетное прозвище наследника говорит о значимой победе, одержанной им еще в правление отца. Причем победа эта не имеет отношения ни к войне Эвтидема с Антиохом III Великим (когда Деметрий, по свидетельству Полибия, был еще юношей: *Polyb*. XI. 34)[7], ни к завоеваниям Деметрия к югу от Гиндукуша (отсутствие там монет Эвтидема показывает, что экспедиция датируется уже царствованием самого Деметрия). Между тем анализ находок греко-бактрийских монет в Согдиане указывает, что эта область, отпавшая от Бактрии при Диодотидах, ненадолго вернулась под власть греко-бактрийских царей в самом конце III в. до н. э. (*Атаходжаев*, 2013. С. 277–278; 2019. С. 58–59)[8] — как раз на исходе правления Эвтидема (~ 230–200 гг. до н. э. по условно принятой хронологии). Видимо, это и стало следствием экспедиции Деметрия. Какова была точная география этого похода, определить невозможно, но он вполне мог затронуть и территории к северо-востоку от Бактрии — Уструшану и, возможно, какие-то области Ферганы. Надолго удержаться здесь грекам не удалось, но именно тогда они вплотную подошли к границам страны тохар, фаунов/фунов/фрунов и серов. Видимо, прав был А. К. Нарайн, видевший в упоминании этих народов „an exclusive limit“ бактрийской экспансии (*Narain*, 1957. P. 27): нет никаких оснований предполагать, что грекам удалось далеко проникнуть в Фергану или Восточный Туркестан (*Бартольд*, [1906] 1964. С. 456–457; и др.).

Отметим, что хронологически поход Деметрия совпадает с началом возвышения державы хунну, что может служить дополнительным (но далеко не решающим) аргументом в пользу отождествления с последними загадочных фаунов/фунов/фринов.

Итак, однозначно ответить на вынесенный в заглавие вопрос пока, пожалуй, невозможно. Весомых доводов против того, что за фаунами/фунами/фринами действительно скрывались хунну, нет, но и для обоснования гипотезы нужны дополнительные аргументы — прежде всего лингвистические. Однако в любом случае мы имеем дело с этнонимом, дошедшим через непростую цепочку информантов-посредников, т. е. непосредственный контакт бактрийских греков с сюнну исключен. Адекватного представления о рождающейся степной империи не имели ни авторы рассмотренных нами текстов, ни тем более воспроизводящие их свидетельства позднейшие авторы.

7 Вопреки мнению П. Бернара (*Rougemont*, 2012. P. 58).

8 Не можем, однако, принять интерпретацию этих находок автором как свидетельство похода в Согдиану Антиоха III Великого.

Атаходжаев, 2013 — *Атаходжаев А. Х.* Нумизматические данные к политической истории Согдианы IV–II вв. до н. э. // ScrAnt. 2013. Т. 3. С. 243–279.

Атаходжаев, 2019 — *Атаходжаев А. Х.* Нумизматические данные к политической истории Согдианы IV–II вв. до н. э. (addenda et corrigenda) // ScrAnt. 2019. Т. 8. С. 29–61.

Бартольд, [1916] 1964 — *Бартольд В. В.* Греко-Бактрийское царство и его распространение на северо-восток // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: Изд-во восточной литературы, 1964. С. 455–460.

Пьянков, 1988 — *Пьянков И. В.* Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / под ред. С. Л. Тихвинского, Б. А. Литвинского. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 190–222.

Пьянков, 1997 — *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М.: Восточная литература, 1997. 343 с.

Толстов, 1948 — *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.

Тревер, 1940 — *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 182 с. (Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа; I).

Bussagli, [1950] 1992 — *Bussagli M.* Osservazioni sul problema degli Unni // Bussagli M. Indica et Serindica: Scritti di Storia dell'Arte dell'India e dell'Asia Centrale. Roma: Bardi, 1992. P. 79–100.

Coloru, 2009 — *Coloru O.* Da Alessandro a Menandro: il regno greco di Battriana. Pisa; Roma: Fabrizio Serra, 2009. 359 p. (Studi ellenistici; XXI).

Dihle, 1984 — *Dihle A.* Serer und Chinesen // Dihle A. Antike und Orient: Gesammelte Aufsätze / Hrsg. von V. Pöschl und H. Petersmann. Heidelberg: Winter, 1984. S. 201–215 (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Supplemente; Bd. 2).

Gardiner-Garden, 1987 — *Gardiner-Garden J. R.* Apollodorus of Artemita and the Central Asia Scythians. Bloomington, Indiana: s. l., 1987. 60 p. (Papers on Inner Asia; No. 3).

Gutschmid, 1888 — *Gutschmid A. von.* Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden / Mit einem Vorwort von Th. Nöldeke. Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1888. VII, 172 S.

Haussig, 1959 — *Haussig H. W.* Die Beschreibung des Tarimbeckens bei Ptolemaios (Ptolemaios, Geogr. 6, 16 = Wilberg, 429, 10–431, 27) // ZDMG. 1959. Bd. 109. S. 148–190, Taf.

Herrmann, 1939 — *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Leipzig: K F. Koehlers Antiquarium, 1939. IX, 178 S. (Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie und Völkerkunde / Hrsg. von A. Herrmann; Bd. I).

Herrmann, 1941 — *Herrmann A.* Phrynoi // RE. Hlbd. 39. 1941. Sp. 928.

Kiessling, 1913 — *Kiessling M.* Hunni // RE. Bd. 8. Hlbd. 16. 1913. Sp. 2583–2615.

La Vaissière de, 2005 — *La Vaissière É. de.* Huns et Xiongnu // CAJ. 2005. Vol. 49. No. 1. P. 3–26.

Lindegger, 1993 — *Lindegger P.* Griechische und Römische Quellen zum peripheren Tibet. Teil III. Zeugnisse von den Alexanderhistorikern bis zur Spätantike (Die Seidenstraßen). Zürich: Tibet-Institut, 1993. 238 S. (Opuscula Tibetana; Fasc. 22).

Malinowski, 2012 — *Malinowski G.* Origin of the name Seres // Serica — Da Qin. Studies in Archaeology, Philology and History of Sino-Western Relations (Selected Problems) / Ed. by G. Malinowski, A. Paroc, B. Sz. Szmoniewski. Wrocław: Wydawnictwo GAJT, 2012. P. 13–25.

Markwart, 1946 — *Markwart J.* Die Sogdiana des Ptolemaios // Orientalia. 1946. Vol. 15. Fasc. 1–2. S. 123–149.

Marquart, 1901 — *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritisch Kommentar und historischen und topographischen Exkursen. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901. 358 S. (Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Neue Folge; Bd. 3; No. 2.).

Minns, 1913 — *Minns E.* Scythians and Greeks: A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: University Press, 1913. xl, 662 p.

Narain, 1957 — *Narain A. K.* The Indo-Greeks. Oxford: Clarendon Press, 1957. 201 p.

Rougemont, 2012 — *Rougemont G.* Inscriptions grecs d'Iran et d'Asie centrale / Avec des contributions de P. Bernard. London: SOAS, 2012. 326 p. (CII; Part II. Inscriptions of the Seleucid and the Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I. Inscriptions in Non-Iranian Languages).

Tarn, 1951 — *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge: University Press, 1951. xxiii, 561 p.

Tomaschek, 1888 — *Tomaschek W.* Kritik der ältesten Nachrichten über den skytischen Norden. I. Ueber das Arimaspische Gedicht des Aristeas // SKAW. Philosophisch-historische Klasse. 1888. Bd. CXVI. S. 715–780.

Did the classical authors know anything about Xiongnu?

Evgeny O. Stoyanov[9]

The author examines a hypothesis of the presumable identification of the Phuni/Phauni/Phryni (known from Strabo, Plinius the Elder, Dionysius Periegetes and some other classical authors) as the Xiongnu. It is demonstrated that this equating, although being quite possible, needs a deeper reasoning, especially in its linguistic aspect. The author assumes that the scarce information of the peoples beyond the north-eastern borders of Bactria was obtained by the Greeks as a result of a military expedition to Sogdiana and adjacent areas undertaken by Demetrius, the heir and co-ruler of Euthydemus, in the end of 3rd cent. BC.

Keywords: *classical written sources, Greco-Bactrian kingdom, Xiongnu.*

9 Evgeny O. Stoyanov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: eostoyanov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9407-4286.

Чжалайнор — «классический» памятник сяньбэй[1]

В. Б. Трубникова[2]

Аннотация. *В статье ставится под вопрос хронологическая однородность материалов сяньбэйского «эталонного» могильника Чжалайнор на северо-востоке китайской провинции Внутренняя Монголия. Изучение памятника происходило спорадически на протяжении 35 лет на разных участках, что позволяет рассматривать его как совокупность локальных групп погребений. Анализ погребального обряда и сопроводительного материала подтверждает предположение о наличии минимум двух хронологических групп: конца I — начала II в. н. э. и более поздней, датировку которой еще предстоит определить.*

Ключевые слова: *Внутренняя Монголия, сяньбэй, могильник Чжалайнор, хронология.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.293-296

Возрастающий интерес к сяньбэйской проблематике в последнее время побуждает исследователей обращаться в поисках аналогий к материалам памятников с территории Китая. При этом чаще всего, наряду с могильником Лаохэшень, авторы ссылаются на могильник Чжалайнор по двум обстоятельствам: 1) результаты раскопок оперативно вводились в научный оборот, следовательно, на данный момент это самый исследованный из северо-восточной (и более ранней) группы сяньбэйских памятников (*Трубникова*, 2020); 2) в материалах комплекса обнаружены поясные пластины с «летающим единорогом», принятые как атрибутирующий признак для сяньбэй[3] (см.: *Худяков и др.*, 1999).

Материалы могильника Чжалайнор частично были опубликованы на русском языке в сводном описании сяньбэйской материальной культуры и погребального обряда, представленном Ю. С. Худяковым и Юй Сухуа (*Худяков, Юй Сухуа*, 2002; 2005; 2006; и др.). А. В. Варенов тезисно изложил хронологию изучения могильника в кратком обзоре сяньбэйских памятников на территории Внутренней Монголии (*Варенов*, 2019). Обращаясь к материалам Чжалайнора, исследователи по умолчанию оценивают его в качестве эталонного синхронного (единого) сяньбэйского комплекса, однако никак не обосновывая такой подход. Между тем обобщенный, но детализированный обзор материалов памятника, его планиграфии и особенностей погребального обряда дает основания полагать, что в действительности могильник хронологически неоднороден.

Могильник Чжалайнор находится в хошуне Чэнь-Барга (округ Хулунбуир, Внутренняя Монголия, КНР), в 5 км к югу от ближайшего города — Чжалайнор, ставшего эпонимным для памятника (рис. 1, *2*). Всего за пять полевых сезонов раскопано 52 погребения: в 1959 г. — 2 (хотя зафиксировано около 300 погребений) (*Чжэн Лун*, 1961а;), 1960 г. — 31 (*Чжэн Лун*, 1961б), 1984 г. — еще 1 (и 4 зафиксировано) *(Ван Чэн*, 1987), 1986 г. — 15 (*Чжу Хун*, 2015), наконец, в 1994 г. — 3 погребения (и 6 новых обнаружено) (*Чэнь Фэншань*, 1994). Причина такой эпизодичности раскопок — их спасательный характер. С одной стороны, площадь могильника попала в зону песчаных карьеров близстоящего керамзитового завода, и часть погребений была повреждена тяжелой техникой. С другой стороны, памятник разрушался под действием воды: он располагается на второй террасе восточного берега Мутной протоки (совр. кит. — Цюаньхэ), вытекающей из северной оконечности оз. Далайнор, на плоскогорье Барга. Протока заполняется и соединяется с р. Аргунь только при высоком уровне воды — в эти периоды песчаные берега осыпаются, обнажая могилы.

Подробное описание этапов изучения Чжалайнора важно для определения взаимоположения раскопов различных лет и воссоздания планиграфии могильника, т. к. его единый план отсутствует, а сведения о локализации раскопов в китайских публикациях крайне скудны. Раскопки 1959 и 1960-х гг., вероятно, велись в связи с одними строительными работами (рис. 1, *3* — *Чжэн Лун*, 1961б. С. 673), тогда как исследования 1984 и 1986-х гг. были обусловлены другим строительством в другом месте. Место последних указывается как «в нескольких сотнях метрах к востоку от первых раскопов» (*Чжу Хун*, 2015. С. 36), при этом очевидно, что новые погребения находились несколько дальше,

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Варвара Борисовна Трубникова — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: barbarera@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6584-5563.

3 Автором данная концепция подвергается сомнению (см.: *Трубникова*, 2022. С. 244).

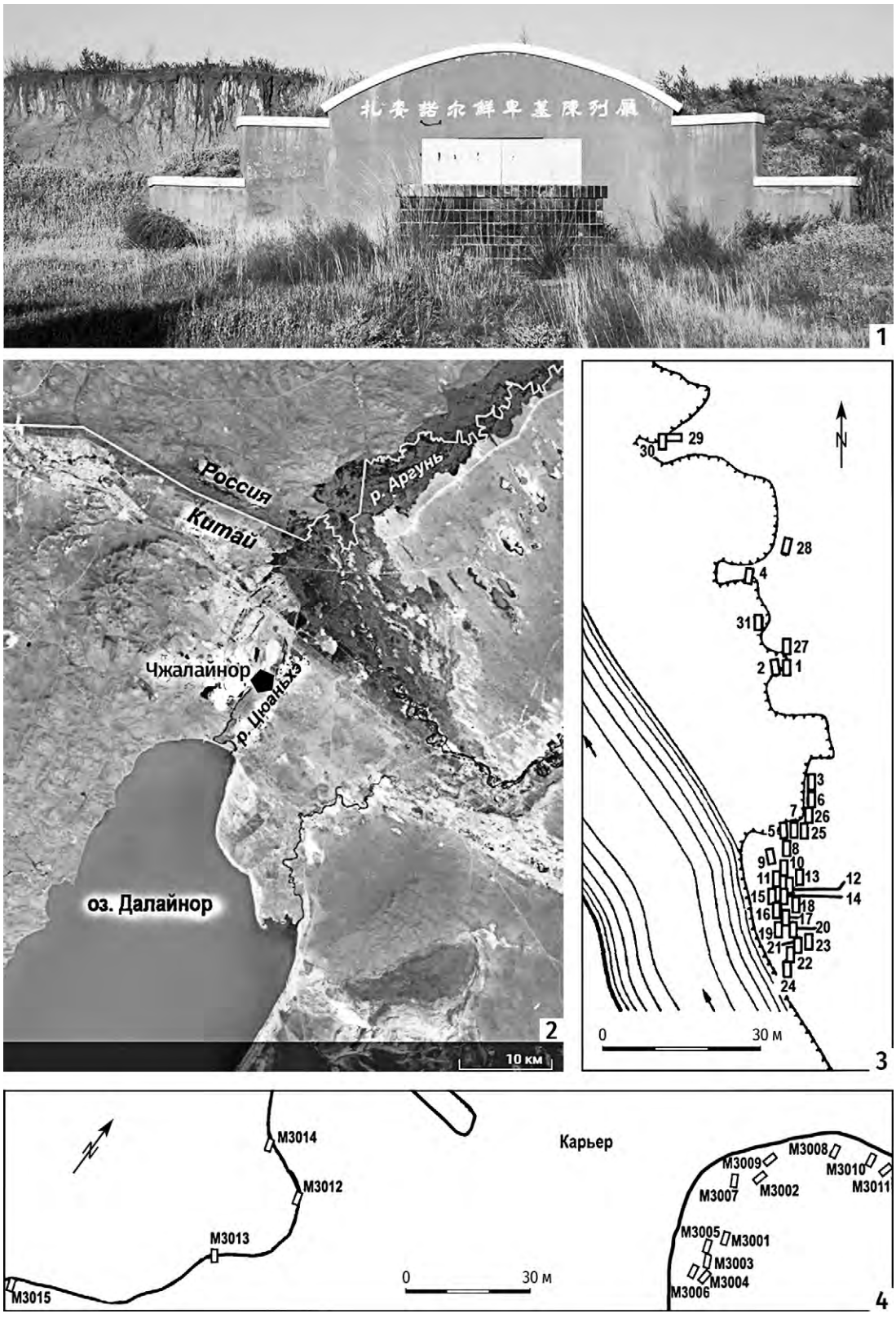

Рис. 1. Могильник Чжалайнор: *1* — памятник на месте раскопок могильника Чжалайнор; *2* — карта расположения могильника Чжалайнор; *3* — могильное поле Чжалайнор, раскопки 1960 г. (по: *Чжэн Лун*, 19616. С. 673, рис. 1); *4* — могильное поле Чжалайнор, раскопки 1986 г. (по: *Чжу Хун*, 2015. С. 36, рис. 1)

Fig. 1. Zhalainuoer burial ground: *1* — a monument at the excavation site of Zhalainuoer burial ground; *2* — map of the location of Zhalainuoer burial ground; *3* — Zhalainuoer grave field, excavations in 1960 (after *Чжэн Лун*, 19616. С. 673, рис. 1); *4* — Zhalainuoer grave field, excavations in 1986 (after *Чжу Хун*, 2015. С. 36, рис. 1)

т. к. место старого раскопа к тому моменту было застроено, а между новыми обнаруженными могилами пролегало значительное пространство, разделенное 120-метровым обрывом (рис. 1, *4*). Наконец, в 1994 г. новые могилы были обнаружены «в стороне от охранной зоны»[4] с предполагаемым местом залегания могильника (*Чэнь Фэншань*, 1994. С. 27). Таким образом, по территориальному признаку можно выделить три группы погребений могильника Чжалайнор.

Китайскими исследователями было также замечено, что помимо территориальной разобщенности присутствует, вероятно, и хронологический разброс отдельных групп могильника — на это указывают отдельные компоненты погребального обряда (*Ли На*, 2008. С. 20) и яркие датирующие элементы материальной культуры (*Пан Лин, Тань Вэнью*, 2022). Их совокупный анализ позволяет выделить два хронологических пласта Чжалайнора. Присутствие в материалах «первой» группы памятников (1959 и 1960 гг.) ханьских зеркал, хуннских гагатовых и бронзовых пряжек одновременно с сяньбэйскими пластинами *саньлу* при вариабельности погребального обряда позволяет датировать эту группу концом I — началом II в. н. э. «Вторая» (1984 и 1986 гг.) и «третья» (1994 г.) группы демонстрируют усложнение системы крепления досок гробов в пазах, появление лошадиных черепов в захоронениях, увеличение количества железных изделий одновременно с исчезновением хуннских предметов, — все это может свидетельствовать о более позднем периоде существования погребений этого этапа.

Можно заключить, что могильник Чжалайнор не является единым комплексом: краткий обзор позволяет разделить его материалы на три территориальные и две хронологические группы. В связи с этим в дальнейшем при использовании материалов могильника необходимо уточнять хронологический пласт или год раскопок привлекаемых материалов.

Могильник Чжалайнор свидетельствует о более длительном, чем предполагалось ранее, проживании кочевников сяньбэй на северо-востоке Внутренней Монголии. Это позволяет иначе взглянуть и на другие ближайшие сяньбэйские памятники, в том числе и материалы Зоргола (которые не рассматривались среди ранних могильников), а также на вопрос влияния сяньбэй на сложение более северных культур. Становится ясно, что дальнейшее детальное изучение планиграфии могильных полей Чжалайнора в совокупности с анализом обряда и материалов позволит уточнить внутреннюю хронологию и этапы строительства также и для отдельных групп погребений.

4 Охранная территория памятника неоднократно расширялась, в последний раз в 2006 г., когда Чжалайнор был включен в список национальных охраняемых ключевых культурных реликвий (рис. 1, *1* — Гоюань…, 2006).

Варенов, 2019 — *Варенов А. В.* Обзор погребальных памятников сяньбийского времени на территории Внутренней Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология.2019. Т. 18. № 4: Востоковедение. С. 30–50.

Трубникова, 2020 — *Трубникова В. Б.* Опыт выделения локально-хронологических групп сяньбэйской культуры // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред.: В. П. Никоноров и др. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 227–228.

Трубникова, 2022 — *Трубникова В. Б.* Образ оленя в сяньбэйской металлопластике // АВ. 2022. Вып. 34. С. 242–256.

Худяков и др., 1999 — *Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Сухуа.* Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. С. 163–168.

Худяков, Юй Су-Хуа, 2002 — *Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа.* Керамическая посуда культуры сяньби // Центральная Азия и Прибайкалье в древности: сборник науч. трудов. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БГУ, 2002. С. 138–142.

Худяков, Юй Су-Хуа, 2005 — *Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа.* Этнокультурные особенности сяньбийской погребальной обрядности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2005. Т. 4. Вып. 5: Археология и этнография. С. 71–75.

Худяков, Юй Су-Хуа, 2006 — *Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа.* Украшения сяньби // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография. 2005. С. 50–64.

Ван Чэн, 1987 — *Ван Чэн.* Чжалайнор Цюаньхэ гу му циньли цзяньбао. Краткий отчет об очистке древней гробницы у реки Чжалайнор // Бэйфан вэньу. 1987. № 3. С. 18–22 (на кит. яз.).

Гоюань…, 2006 — Гоюань гуанью хэдин гунбу ди лю пи цюаньго чжундянь вэньу баоху даньвэй дэ тунчжи. Одобрение и объявление Госсоветом шестой группы общенациональных ключевых охраняемых культурных реликвий // Правительство Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.cn/zwgk/2006–06/02/content_297818.htm (дата обращения: 24.07.2022) (на кит. яз.).

Ли На, 2008 — *Ли На.* Лабудалинь, Чжалайнор муди дэ каогу сюэ гуаньча. Археологический анализ Лабудалинь и Чжалайнор // Бэйфан вэньу. 2008. № 1. С. 18–26 (на кит. яз.).

Пан Лин, Тань Вэнью, 2022 — *Пань Лин, Тань Вэнью*. Чжалайнор муди фэньци яньцзю. Исследование

хронологии могильника Чжалайнор // Цаоюань вэньу. 2022. № 1. С. 74–88 (на кит. яз.).

Чжу Хун, 2015 — *Чжу Хун.* Чжалайнор гу му цунь 1986 нянь цинли фацзюэ баогао. Отчет о раскопках древних погребений Чжалайнор в 1986 году // Хулунбуир минцзу вэньу каогу яньцзу. 2015. Т. 3. С. 36–57 (на кит. яз.).

Чжэн Лун, 1961а — *Чжэн Лун*. Нэймэнгу Чжалайноэр гумуцюнь цзяоча цзи. Записки о разведке древнего могильника Чжалайнор во Внутренней Монголии // Вэньу. 1961. № 9. С. 16–19 (на кит. яз.).

Чжэн Лун, 1961б — *Чжэн Лун.* Нэймэнгу Чжалайноэр гумуцюнь фацзюэ цзяньбао. Краткий отчет о раскопках древнего могильника Чжалайнор во Внутренней Монголии // Каогу. 1961. № 12. С. 673–680 (на кит. яз.).

Чэнь Фэншань, Бай Цзиньсун, 1994 — *Чэнь Фэншань, Бай Цзиньсун.* Нэймэнгу Чжалайнор сяньбэй му. Сяньбэйское погребение Чжалайнор во Внутренней Монголии // Нэйменгу вэнью каогу. 1994. Т. 2. С. 27–30 (на кит. яз.).

Zhalainuoer as a „classic“ Xianbei site

Varvara B. Trubnikova[5]

The author calls into question the internal synchrony of Xianbei „reference“ burial ground Zhalainuoer located in the north-east of the Chinese province of Inner Mongolia. Its excavations were conducted sporadically in different sections within a period of 35 years, and this fact leads us to conclusion that the site includes several local groups of burials. The analysis of the funeral the rite and the burial inventory confirms the assumption that there were at least two chronological groups of Zhalainuoer: from the end of the 1st to the beginning of the 2nd cent. BC and from the end of the 2nd to the middle of the 3rd cent. CE.

Keywords: *Inner Mongolia, Xianbei, Zhalainuoer burial ground, chronology.*

5 Varvara B. Trubnikova — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: barbarera@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6584-5563.

Новые данные по археологии хунну и сяньбэй на Монгольском плато[1]

Вэй Цзянь[2]

Аннотация. *В течение последних десяти лет на Монгольском нагорье благодаря совместным усилиям китайских и монгольских археологов были проведены успешные археологические раскопки комплекса укреплений хунну Хэрмэньтал и могильника сяньбэй Айрагийн. В статье анализируются материалы памятников и делается вывод, что планировка Хэрмэньтала и отсутствие построек позволяют считать его не поселенческим, а культовым местом сбора хунну. Могильник Айрагийн сочетает в себе признаки хуннских и сяньбэйских памятников и может являться промежуточным типом могильника. Оба памятника дают ценную информацию о племенной организации, социальной структуре и религиозных представлениях хунну и сяньбэй рубежа эр и являются отражением письменных сведений об их взаимоотношениях.*

Ключевые слова: *Монгольское нагорье, хунну, сяньбэй, могильник Айрагийн, комплекс укреплений Хэрмэньтал.*

https://doi.org/10.31600/9785-60479522-4.296-301

Огромное Монгольское нагорье простирается на большой территории и граничит с горами Хинган на востоке, Алтайскими горами на западе и оз. Байкал на севере. С III тыс. до н. э. здесь жили северные степняки, которые впоследствии стали северными кочевыми народами, среди них появились и хунну. В период

1 Перевод с китайского языка В. Б. Трубниковой.

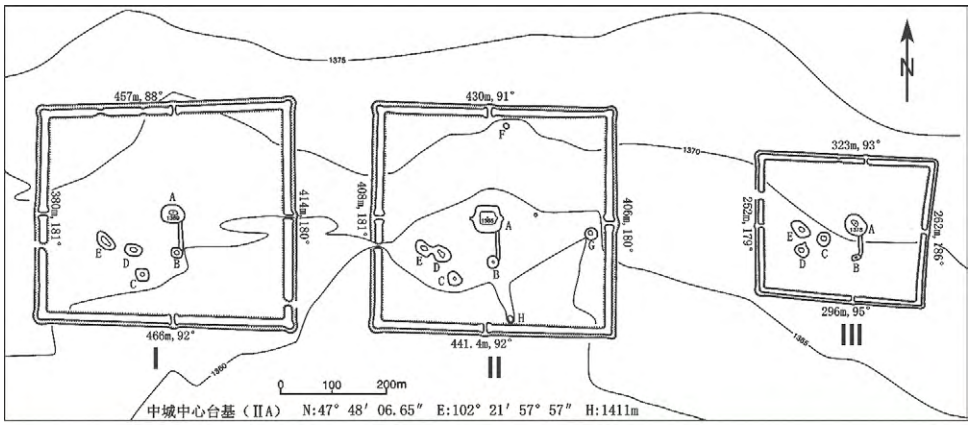
2 Вэй Цзянь — Китайский университет Миньцзу, ул. Чжунгуаньцунь, д. 59, Пекин, 10087, Китайская Народная Республика; e-mail: jwnmg@126.com.

от времени Чжань-го до династии Хань хунну всегда были сильным врагом северных княжеств и империи. Их миграция на запад вызвала, в свою очередь, движение и других этнических групп: племена сяньбэй-тоба начали перемещаться на юг и запад, занимая бывшие земли хунну в Северном Китае, и образовали собственное государство Северная Вэй в конце IV в., став таким образом первым северным кочевым народом, который вышел на Центральную равнину и основал тут собственную династию.

В течение последних десяти лет на Монгольском нагорье благодаря совместным усилиям китайских и монгольских археологов были проведены успешные археологические раскопки комплекса укреплений хунну и могильника сяньбэй. С 2014 по 2018 г. Институт культурных реликвий и археологии автономного района Внутренней Монголии, Музей Внутренней Монголии и Международный институт монгольской кочевой культуры сформировали совместную китайско-монгольскую археологическую группу для «обследований и раскопок городских памятников и поселений хунну». Археологические раскопки городища Хэрмэньтал дали ряд важных результатов (Цзилинь…, 2020). С 2014 по 2017 г. Национальный музей Монголии при поддержке правительства Орхонского аймака четыре года подряд проводили археологические раскопки на могильнике Айрагийн в Орхонском аймаке Монголии; с 2018 по 2019 г. Школа истории и Северный институт этнологии и археологии Китайского университета Жэньминь и Национальный музей Монголии совместно продолжали исследования могильника Айрагийн и пришли к выводу о его принадлежности к сяньбэй (Чжунго…, 2021).

ОСНОВНЫЕ ОТКРЫТИЯ

1. *Комплекс укреплений Хэрмэньтал* расположен в сомоне Угийнуур Орхонского аймака Северо-Центральной Монголии на северном берегу нижнего течения р. Памир, к СЗ от ее слияния с р. Орхон. Комплекс имеет удобное географическое положение, что подчеркивает его значимость (рис. 1). Он является одним из наиболее хорошо сохранившихся и крупнейших

1

2

Рис. 1. Комплекс Хэрмэньтал (Саньляньчен): *1* — план; *2* — средняя платформа (вид с северо-востока)

Fig. 1. Khermental complex (Sanlianchen): *1* — plan; *2* — middle platform (view from the northeast)

объектов подобного рода в Монголии и представляет собой три квадратных укрепления различной величины — западное, среднее и восточное (рис. 1, *1*). В китайской историографии этот комплекс стал известен под названием Саньляньчен[3]. Исследование этого памятника началось в 50-х гг. XX в. монгольскими археологами. Его первая атрибуция как могила монгольского хана была сделана на основании находок керамики династий Сун и Юань (*Шавкунов*, 2016). Новый материал дали раскопки 2001 г., когда на памятнике была обнаружена хуннская керамика (*Батсайхан, Баатарбилэг*, 2003. Т. 36). Монголо-американская экспедиция провела пробные раскопки в центральной платформе и пришла к выводу о хуннской атрибуции памятника (*Purcell, Spurr*, 2005).

С помощью радиоуглеродного датирования определены даты Хэрмэньтала в пределах II–I вв. до н. э., т. е. периодом хунну (Нэймэнгу…, 2015). На основании данных хроник было предварительно высказано предположение, что памятник был ритуальным объектом, связанным с жертвоприношениями хунну или руинами «храма предков». Таким образом, спор о возрасте памятника в монгольских археологических кругах был фактически прекращен.

2. *Могильник Айрагийн* расположен в сомоне Жаргалант аймаке Хувсгел Северо-Центральной Монголии в 210 км к ЮВ от Улан-Батора. Могильник располагается на горном склоне и условно разделен оврагами на три части. Всего на могильнике обнаружен 91 курган (рис. 2).

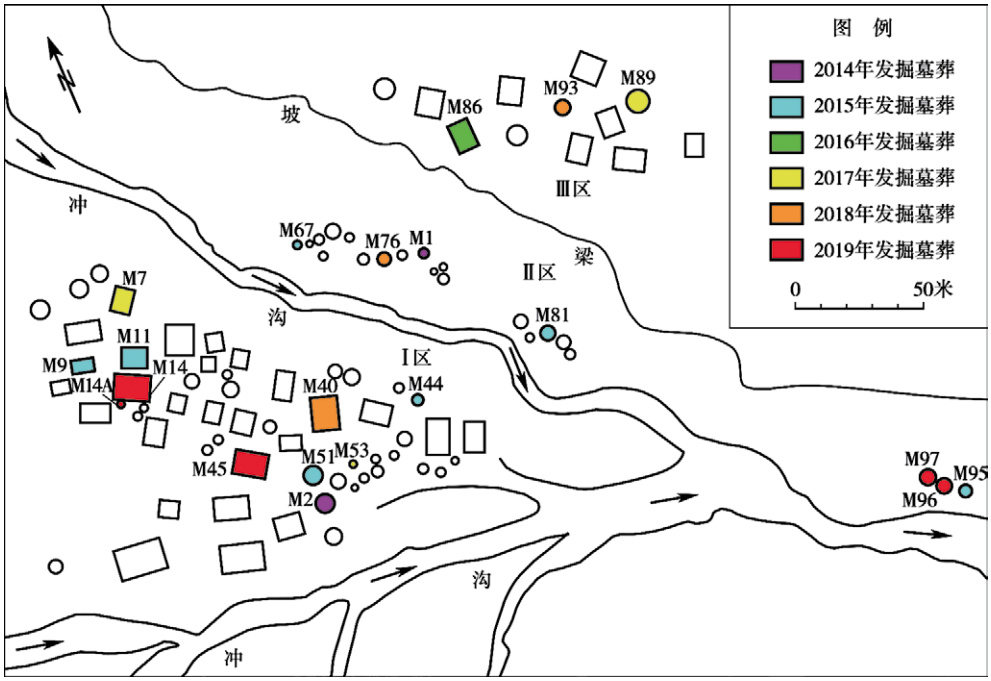

Рис. 2. Могильник Айрагийн, план

Fig. 2. Burial ground Airagiin, plan

В ходе масштабных раскопок 2014–2018 гг. на западной платформе были исследованы центральная часть, восточные ворота и части рва. Наибольший интерес представляют результаты раскопок средней платформы, которая имела высоту 2,85 м. (рис. 1, *2*). По ее периметру были зафиксированы круглые ямы, вероятно, под колонны диаметром около 1 м. На их дне находятся каменные плиты. Среди находок — несколько фрагментов глиняной посуды, а также бронзовые гвозди, бронзовые и железные ножи.

Могильник впервые был исследован в 2008 г., с 2014 по 2017 г. было раскопано 13 погребений, с 2018 по 2019 г. — еще восемь (*Одбаатар и др.*, 2015; и др.). Курганы могильника можно разделить на два типа: квадратные (38%) и круглые (62%). Квадратные курганы имеют большие размеры (рис. 3, *1*). В них зафиксированы преимущественно катакомбные могилы с дромосом. Круглые курганы меньших размеров. В них преобладают грунтовые могилы, но также встречаются захоронения в катакомбах.

Надмогильное сооружение больших курганов сложено из камней и окружено рвом. В могилу ведет дромос (длиной, как правило, более 10 м). Погребение совершалось в катакомбах в деревянных гробах по

3 С кит. яз. — «цепь из трех городов»; вероятно, город из хроник Лунчэн. — *В. Т.*

Рис. 3. Могильник Айрагийн: *1* — курган № 45 (вид сверху, с севера); *2* — курган № 45, закладка погребальной камеры камнем, деревянный гроб

Fig. 3. Burial ground Airagiin: *1* — kurgan No. 45 (view from above, from the north); *2* — kurgan No. 45, laying of the burial chamber with a stone, a wooden coffin

обряду трупоположения на спине (рис. 3, *2*). Вход в катакомбу закладывался камнями. Большинство этих курганов разграблено. Диаметр каменной насыпи круглых курганов не превышает 10 м. В центре располагается грунтовая яма с деревянными гробами. Большинство захоронений ограблено в древности, а вещи переотложены.

Керамика из курганов в основном красно-коричневая или серая с примесью песка. Большая часть сосудов имеет волнистый орнамент. Чаще всего встречаются горшки, кувшины, а также миски. На дне сосудов часто находится квадратный оттиск. Железные изделия чаще всего представлены ножами и наконечниками стрел, бронзовые — пряжками, поясными крюками, колокольчиками, зеркалами и т. д. Помимо этого найдены бисер, костяные накладки на лук, фрагменты кожаных изделий и шелковых тканей. Инвентарь большинства погребений обычно помещали снаружи или внутри деревянного гроба. В изголовье или ногах клали глиняную посуду и берестяные туески, в глиняные горшки — баранину, а в туески — повседневные украшения.

Форма, погребальный обряд и инвентарный комплекс курганов на могильнике Айрагийн отличаются от курганов хунну, которые в настоящее время находятся в Монголии; его радиоуглеродные даты приходятся на период с 50 г. до н. э. до 150 г. н. э. Поэтому открытие и раскопки этого могильника имеют важное значение для изучения взаимоотношений хунну и сяньбэй.

АНАЛИЗ

Оба памятника: комплекс Хэрмэньтал (Саньляньчен) и могильник Айрагийн, по мнению монгольских исследователей, могут быть интерпретированы в контексте хуннской истории. Первый относится к периоду, когда хунну представляли угрозу для империи Хань. Второй памятник является отражением реалий, которые сложились на территории Монголии после разгрома хунну в 91 г. н. э.

1. *Комплекс Хэрмэньтал.* Район слияния рек Памир и Орхон всегда был политическим и культурным центром кочевых народов. Планировка Саньляньчен имеет аналогии. Например, комплексы Чаганьчаолуту и Хежименьхунди в бассейне р. Памир, комплекс Даобудулэсы в бассейне р. Орхон.

Саньляньчен ориентирован с востока на запад. Западный и средний участки (в форме квадрата) имеют одинаковый размер, восточный квадрат — значительно меньше. За исключением нескольких земляных платформ в центре других архитектурных элементов нет. Можно полагать, что постройки не несут оборонительной функции, а Саньляньчен может являться, скорее всего, культовым центром.

В «Исторических записках» в Сюнну лечжуань (Повествование о сюнну) есть следующий фрагмент: «В первой луне каждого года все предводители съезжаются на малый сбор в ставку шаньюя и приносят жертвы, в пятой луне съезжаются на большой сбор в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, Небу и Земле, духам людей и небесным духам — гуйшэнь»[4]. Из этого можно сделать вывод, что Саньляньчен, расположенный в месте слияния рек Орхон и Памир, с обширными лугами может быть тем самым местом, где проводили обряды, описанные в хрониках. Кроме того, планировка Саньляньчен может служить иллюстрацией описанного в хрониках расселения «родов» хунну: левые, центральные и правые, каждый из которых также занимал свою территорию, а принадлежность к родам определяла социальный статус.

2. *Могильник Айрагийн.* Курганы могильника Айрагийн имеют каменную насыпь. Ни один из раскопанных на плато курганов нельзя отнести к непосредственно хуннской традиции. Из традиций тоба-сяньбэй помимо устройства погребения в катакомбах фиксируется также часто встречающаяся берестяная утварь и сяньбэйская гончарная керамика.

Интерпретировать наличие этого могильника следует в контексте ранее известных сяньбэйских памятников. Согласно Хоу Ханьшу, после 91 г. н. э. у сяньбэй появилась возможность занять ранее подвластные территории хунну. Могильник Айрагийн является отражением этих событий.

На сегодняшний день только сяньбэйский могильник Циланьшань наиболее близок по погребальным конструкциям и инвентарному комплексу к Айрагийн. Возможно, могильник Циланьшань возник уже позже Айрагийн. В связи с этим представляется следующая реконструкция событий: сяньбэй пересекли Большой Хинганский хребет и обосновались к востоку от оз. Далайнор, оставив известные памятники Чжалайнор, Лабудалинь и др. Затем после 91 г. н. э. некоторые сяньбэйские племена двинулись на запад в Монголию, о чем свидетельствует памятник Айрагийн, а затем часть из них ушла на юг, в связи с чем появился могильник Циланьшань.

Материалы Хэрмэньтала и могильника Айрагийн дают ценную информации о племенной организации, социальной структуре и религиозных представлениях хунну рубежа эр и являются отражением письменных сведений о взаимоотношениях хунну и сяньбэй.

Purcell, Spurr, 2005 — *Purcell D. E., Spurr K. C.* Archaeological Investigations of Xiongnu sites in the Tamir River Valley // The Silk Road. 2005. Vol. 4. No. 1. P. 20–31.

4 Перевод дан по: *Сыма Цянь*, 2002. С. 330. — *В. Т.*

Батсайхан, Баатарбилэг, 2003 — *Батсайхан З., Баатарбилэг Ё.* Шинээр олдсон гурван хэрмийн тухай // Антропологи, Археологи, угсаатаны зүй. Улан-Батор, 2003 (на монг. яз.).

Нэймэнгу…, 2015 — Нэймэнгу цзычжицю вэньу каогу яньцзюсуо, Мэнгуго юму вэньхуа яньцзю гуоцзи сюэюань. Нянь 2014 Мэнгуго хоу хань Айшэнугуйноэр суму Хэрмэньтал чэньчжи IA-M1 фацзюэ цзяньбао (Сообщение о раскопках Хэрмэньтал IA-M1 в сомоне Угийнуур, Орхонском аймаке, Монголия в 2014 г.) // Цаоюань вэньу. 2015. № 2. С. 32–43, 147 (на кит. яз.).

Одбаатар, и др., 2015 — *Одбаатар Ц., Энхболд С., Анхбаяр Б., Нямбат М., Амгалантөгс Г., Дэлгэрмаа М., Нямсүрэн Д., Даваацэрэн Б.* Орхонаймгийн Жаргалант сумын Айрагийн гозгор хэмээх газарт явуулсан археологийн малтлага судалгааны тайлан. Улан-Батор, 2014 (на монг. яз.).

Цзилинь…, 2020 — Цзилинь дасюэ каогу сюэюань, Нэймэнгу цзичжицю вэньу каогу яньцзюсуо. Мэнгуго Хоу Хань айшэну гуй ноэр суму Хэримэньтала шэнчжи фаццюэ (Отчет по раскопкам комплексов Угуйнуэрсу и Хэримэньтала в аймаке Архангай в Монголии) // Каогу. 2020. № 5. С. 20–37 (на кит. яз.).

Чжунго…, 2021 — Чжунго жэньминь дасюэ бэйфан минцзи каогу суо, Мэнгуго гуоцзя боугуань. Мэнгуго Цзиэргаланту суму Айэргэньаобао муди 2018–2019 ниань фацзюэ (Краткий отчет о раскопках могильника Айрагийн в сомоне Жаргалант, Монголия, 2018–2019 гг. // Каогу. 2021. № 11. 48–63, 2 (на кит. яз.).

Шавкунов, 2016 — *Шавкунов Э. Ф.* Археологическое исследование древнего монгольского города Монгольской экспедиционной группой по изучению средневековых останков в Монголии // Археологические исследования Монгольского плато / пер. Чен Хунфа. Хух-Хото: Нэймэнгу жэньмин чубаньшэ, 2016. С. 320–330 (на кит. яз.).

New data on Xiongnu and Xianbei archeology on the Mongolian plateau

Wei Jian[5]

Over the past ten years, thanks to the joint efforts of Chinese and Mongolian archaeologists, successful archaeological excavations of the Xiongnu fortification complex Hezhimin and the Xianbei burial ground Airagiin have been carried out in the Mongolian plateau. The article analyzes the materials of the sites and concludes that Khazhimin planigraphy and the absence of buildings allow us to consider it not a settlement, but a cult gathering place for the Xiongnu. The Airagiin burial ground combines features of the Xiongnu and Xianbei sites and may be an intermediate type of burial ground. Both sites provide valuable information about the tribal organization, social structure and religious ideas of the Xiongnu and Xianbei at the turn of the era and are a reflection of written information about their relationship.

Keywords: *Mongolian Plateau, Xiongnu, Xianbei, Airagiin burial ground, Khermental city site.*

5 Wei Jian — Renmin University of China, 59 Zhongguancun St., Beijing, 100872, People's Republic of China, e-mail: jwnmg@126.com.

Карбан-I — некрополь раннесяньбийского времени Северного Алтая: основные результаты исследований[1]

Н. Н. Серегин[2], М. А. Демин[3], С. С. Матренин[4]

Аннотация. *Представлены основные результаты изучения и интерпретации материалов раскопок некрополя булан-кобинской культуры, исследованного на разновременном археологическом комплексе Карбан-I в Северном Алтае. Приведены сведения о зафиксированных элементах погребального обряда, датировке памятника, а также о некоторых аспектах истории оставившего его населения.*

Ключевые слова: *Алтай, булан-кобинская культура, раннесяньбийское время, некрополь, хронология, этнокультурная история.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.302-305

Большое значение для понимания этнокультурных и социальных процессов эпохи Великого переселения народов имеет интерпретация археологических материалов II–V вв. н. э. с территории Алтая, полученных благодаря интенсивным раскопкам погребальных комплексов булан-кобинской культуры в конце XX — начале XXI в. (*Мамадаков*, 1990; *Соенов*, 2003; *Матренин*, 2005; и др.). Несмотря на представительный корпус памятников и имеющийся положительный опыт их анализа, на сегодняшний день сохраняется целый ряд нерешенных вопросов, связанных с реконструкцией процессов происхождения и изучением многих аспектов дальнейшей истории носителей обозначенной общности. При этом следует признать, что значительная часть результатов раскопок базовых некрополей Алтая, относящихся к эпохе Великого переселения народов, по-прежнему не опубликована и поэтому не известна широкому кругу специалистов. Обозначенные обстоятельства определяют актуальность комплексного анализа и разноплановой интерпретации материалов могильника, исследованного на памятнике Карбан-I в Северном Алтае.

Разновременный археологический комплекс Карбан-I расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к СЗ от с. Куюс Чемальского р-на Республики Алтай. В 1989–1990 гг. экспедицией под руководством М. А. Демина наряду с другими объектами данного памятника осуществлены раскопки 22 курганов булан-кобинской культуры, основные результаты изучения которых представлены в настоящей работе.

Большинство погребений некрополя Карбан-I были непотревоженными и содержали сопроводительный инвентарь, включавший: предметы вооружения (пять луков, 15 железных наконечников стрел, четыре боевых ножа, кинжал); снаряжение (15 поясных пряжек, 38 поясных блях из металла, восемь «блоков», два «наконечника-подвески», крепление-пробой, костяная застежка); украшения (шесть блях-нашивок из разного материала, две серьги, два накосника, две подвески, гривна, 43 бусины, подвеска из позвонка рыбы); орудия труда (26 костяных наконечников стрел, четыре ножа, пять шильев, две рукояти плетей, тесло, оселок); бытовую утварь (керамический сосуд).

В результате проведенного исследования с привлечением актуальных датированных аналогий из археологических памятников Центральной и Северной Азии удалось определить относительную хронологию многих изделий и наметить возможные направления их генезиса у населения Алтая в первой половине I тыс. н. э. Установлено, что основная часть карбанского комплекса вооружения и снаряжения являлась местной переработкой образцов материальной культуры хунну (II в. до н. э. — I в. н. э.) и ранних сяньби (конец I — III в. н. э.). Зафиксированные боевые средства были ориентированы на эффективное противостояние со слабо защищенным противником и по своему разнообразию уступали воинским арсеналам кочевников Центральной Азии, а также «булан-кобинцев» конца III — V в. н. э. Важно отметить, что, опираясь на выявленные *in situ* ременные гарнитуры, сделанные из металла, удалось осуществить реконструкцию пяти наборных поясов, среди которых преобладали весьма редкие комплекты (*Серегин и др.*, 2022. Рис. 6; 7).

1 Анализ и интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МД-792.2022.2). Обработка материалов раскопок некрополя Карбан-I проведена в рамках реализации проекта РНФ № 20-18-00179.

2 Николай Николаевич Серегин — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8051-7127.

3 Михаил Александрович Демин — Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, д. 55, Барнаул, 656031, Российская Федерация; e-mail: mademin52@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0954-9297.

4 Сергей Сергеевич Матренин — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: matrenins@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7752-2470.

Полученные археологические материалы позволяют определить абсолютную и относительную датировку раскопанного погребального комплекса. В результате проведенной типологии выделены 26 групп изделий, которые можно рассматривать в качестве хронологических индикаторов (рис. 1). Большинство таких маркеров на Алтае имели начальный период бытования не ранее II в. н. э. Корреляция полученных археологическими методами данных с результатами радиоуглеродного анализа 11 образцов позволяет определить датировку объектов комплекса Карбан-I в пределах раннесяньбийского периода (II — первая половина III в. н. э.), что соответствует начальной стадии бело-бомского этапа булан-кобинской археологической культуры. Обоснованным представляется заключение о монолитности рассматриваемого некрополя, который мог функционировать в течение довольно непродолжительного промежутка времени, вероятно менее 70 лет.

Изучение таких показателей, как планиграфия объектов, околокурганные конструкции, наземные и внутримогильные сооружения и способ захоронения, позволяет определить общие и особенные характеристики некрополя Карбан-I по сравнению с другими известными памятниками булан-кобинской культуры. Зафиксированные элементы погребального ритуала: расположение объектов рядами; невысокая насыпь овальной формы с крепидой из крупных камней; неглубокая могильная яма с отвесными стенками; камера в виде каменного ящика; одиночная ингумация человека без лошади; ориентировка умерших головой на запад с отклонением на север; положение покойного вытянуто на спине, — свидетельствуют о принадлежности рассматриваемого комплекса к карбанской традиции обрядовой практики. Ее носители составляли одну из групп кочевников Алтая, проживавших в регионе в течение II в. до н. э. — V в. н. э. Установлено, что «карбанцы» количественно преобладали в северной части региона во II — первой половине IV в. н. э. При этом в этносоциальной стратификации скотоводов Алтая они в целом занимали невысокое положение, но находились в тесном взаимодействии с другими группами «булан-кобинцев». Учитывая единообразие погребального обряда, имеются основания предположить, что некрополь булан-кобинской культуры на памятнике Карбан-I, вероятнее всего, был оставлен небольшой общиной скотоводов, состоявшей из нескольких родственных семей.

Несмотря на неполную изученность рассматриваемого комплекса захоронений булан-кобинской культуры, предварительно можно сделать некоторые заключения о социальных аспектах жизни данной группы населения Северного Алтая раннесяньбийского периода. Зафиксированные антропологические материалы, представленные останками 18 человек (11 мужчин, три женщины, три ребенка, один взрослый индивид с неустановленным полом), демонстрируют среднюю продолжительность жизни похороненных взрослых людей на могильнике Карбан-I в пределах 39,3 года, с незначительной разницей среднего уровня смерти мужчин (39,6 года) и женщин (38,3 года). В кургане № 14 зафиксировано погребение мужчины, погибшего от ран, нанесенных оружием или охотничьим инвентарем, что свидетельствует о возможном столкновении «карбанцев» с культурно (этнически) чужеродным населением.

Таким образом, некрополь булан-кобинской культуры Карбан-I является в настоящее время одним из базовых археологических комплексов раннесяньбийского периода. Его материалы могут быть привлечены для хронологической интерпретации памятников Алтая и сопредельных территорий начала эпохи Великого переселения народов. Полученные данные расширяют и уточняют сложившиеся представления о характере этнокультурных и социальных процессов, происходивших в Северном Алтае в первой трети I тыс. н. э., а также свидетельствуют о важности полноценного введения в научный оборот давно раскопанных, но малоизвестных широкому кругу специалистов археологических памятников булан-кобинской культуры.

Мамадаков, 1990 — *Мамадаков Ю. Т.* Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

Матренин, 2005 — *Матренин С. С.* Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н. э. — V в. н. э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Серегин и др., 2022 — *Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С.* Наборные пояса кочевников сяньбийского времени на Северном Алтае (по материалам комплекса Карбан-I) // АЭАЕ. 2022. № 2. С. 80–89.

Соенов, 2003 — *Соенов В. И.* Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. 160 с.

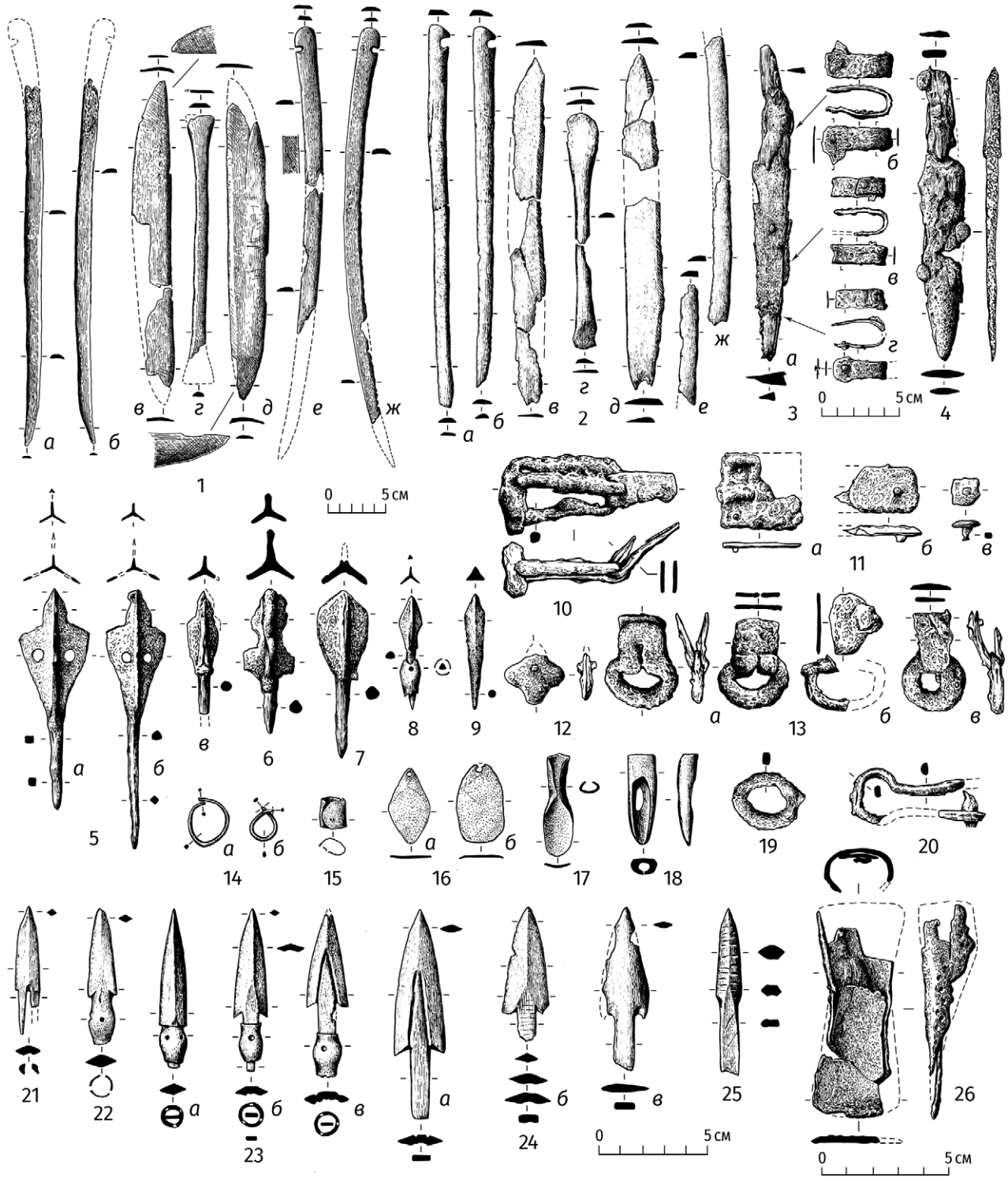

Рис. 1. Хронологические маркеры предметного комплекса из объектов булан-кобинской культуры некрополя Карбан-I: *1а–ж, 2а–ж* — комплекты накладок на лук; *3а–г* — боевой нож с деталями ножен; *4* — кинжал; *5а–в* — трехлопастные ярусные наконечники стрел хуннуской традиции; *6* — трехлопастной ярусный наконечник стрелы «переходного» типа; *7* — трехлопастной ассиметрично-ромбический наконечник стрелы; *8* — трехлопастной ромбический наконечник стрелы со свистункой; *9* — трехгранный наконечник стрелы; *10* — поясная пряжка с щитком-полуобоймой; *11а–в* — поясные бляхи четырехугольной формы; *12* — поясная бляха в виде розетки; *13а–в* — поясные бляхи с подвижным кольцом; *14а, б* — серьги; *15* — накосник; *16а, б* — подвески; *17, 18* — «наконечники-подвески»; *19* — «блок-кольцо»; *20* — «блок» т-образной формы; *21* — наконечник стрелы с зажимным насадом; *22* — наконечник стрелы с цельной втулкой-свистункой; *23а–в* — черешковые наконечники стрел с отдельно изготовленной свистункой; *24а–в* — черешковые наконечники стрел с треугольным пером; *25* — черешковый наконечник стрелы с листовидным пером; *26* — тесло.

1, 2, 18, 21–25 — кость (рог); *3–7, 9–13, 19–20, 26* — железо; *8* — железо, кость; *14–17* — цветной металл

Fig. 1. Chronological markers of the inventory from the objects of the Bulan-Koby culture of the Karban-I necropolis: *1а–ж*, *2а–ж* — sets of overlays for the bow; *3а–г* — combat knife with scabbard details; *4* — dagger; *5а–в* — three-blade tiered arrowheads of the Xiongnu tradition; *6* — three-bladed tiered arrowhead of the "transitional" type; *7* — three-blade asymmetric-rhombic arrowhead; *8* — three-bladed rhombic arrowhead with a whistle; *9* — trihedral arrowhead; *10* — belt buckle with a shield-half clip; *11а–в* — quadrangular waist plaques; *12* — waist plate in the form of a rosette; *13а–в* — belt plaques with a movable ring; *14а*, *б* — earrings; *15* — braid overlay; *16а*, *б* — pendants; *17*, *18* — "tips-pendants"; *19* — "block-ring"; *20* — t-shaped "block"; *21* — arrowhead with a clamping nozzle; *22* — arrowhead with a solid sleeve-whistle; *23а–в* — petiolate arrowheads with a separately made whistle; *24а–в* — petiolate arrowheads with a triangular feather; *25* — petiolate arrowhead with a leaf-shaped feather; *26* — adze.

1, *2*, *18*, *21–25* — bone (horn); *3–7*, *9–13*, *19*, *20*, *26* — iron; *8* — iron, bone; *14–17* — non-ferrous metal

Karban-I — necropolis of the Early Xianbei Period of Northern Altai: main research results

Nikolay N. Seregin[5], Mikhail A. Demin[6], Sergey S. Matrenin[7]

The article presents the main results of the study and interpretation of materials from the excavations of the necropolis of the Bulan-Koby culture, investigated at the Karban-I archaeological complex in Northern Altai. Information is given about the recorded elements of the funeral rite, the dating of the site, as well as some aspects of the history of the population that left it.

Keywords: *Altai, Bulan-Koby culture, early Xianbei period, necropolis, chronology, ethno-cultural history.*

5 Nikolay N. Seregin — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8051-7127.

6 Mikhail A. Demin — Altai State Pedagogical University, 55 Molodejnaya St., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: mademin52@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0954-9297.

7 Sergey S. Matrenin — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: matrenins@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7752-2470.

Сяньбэй и археология

О. В. Дьякова[1]

Аннотация. *На основе археологических материалов племен сяньбэй (преимущественно анализе керамического комплекса) выделены три линии их развития: первая — протомонгольская, от восточных сяньбэй к шэгень; вторая — от ранних сяньбэй к бурхотуйцам; третья — от ранних сяньбэй к тунгусо-маньчжурам.*

Ключевые слова: *сяньбэй, шэгень, бурхотуйская культура, тунгусо-маньчжуры, мохэ, кидани.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.305-307

Формирование многих этносов алтайской семьи связано с племенами сяньбэй. Китайские ученые Ма Чаншоу, Линь Гань, Ми Вэньпин выделяют по письменным источникам среди племен дунху ухуань, ранних сяньбэй, восточных сяньбэй, тоба сяньбэй, западных сяньбэй и др. Все указанные племена занимали разные географические зоны Маньчжурии и Внутренней Монголии (*Чжэн Лун*, 1964. С. 41–45; *Ань Чжиминь*, 1964. С. 41–45).

От восточных сяньбэй к шэгеньской культуре. Исследование археологических памятников восточных сяньбэй в районе аймаков Чжэрим и Чжаоуда позволили китайскому археологу Чжан Байджуну в 1981 г. связать культуру восточных сяньбэй с археологическими материалами культур шэгень и киданей, относящихся к протомонгольским (*Чжан Байдун*, 1981. С. 9–14). Памятники шэгеньской культуры обнаружены во Внутренней Монголии, большей частью в аймаках Чжерим и Чжаоуда. Керамика шэгень представлена двумя категориями — лепной и круговой посудой. Чжан Байджун предложил классификационную характеристику и типологическую схему эволюции посуды. Лепная керамика представлена пятью типами горшков: с выпуклым туловом, расширяющимся к верху устьем

1 Ольга Васильевна Дьякова — Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Пушкинская ул., д. 89, Владивосток, 690001, Российская Федерация; e-mail: emelianova49@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5306-2390.

и прямоугольным венчиком; с округлым краем венчика; с округлым венчиком с внутренним выступом под крышку и семью оттисками ногтя; с расширяющимся к верху устьем, внутренним выступом в форме языка, выпуклым туловом, слабовыраженными плечиками с двумя валиками, между которыми нанесен орнамент в виде волн; с расширяющимся к верху устьем, языковидным венчиком, выпуклым туловом, слабовыраженными покатыми плечиками. Таким образом, прослеживается развитие керамических форм: изменяется форма венчика от прямоугольника к языковидным губкам, тулово постепенно расширяется и появляются слабовыраженные плечики. Круговая посуда представлена пятью типами ваз. На основе аналогий культура шэгень датируется III–VII вв. н. э. (от Восточной Хань до Тан): вазы сходны с вазами Восточной Хань, Цзинь, Северных и Южных династий. Орнамент в виде лощеных линий на шейке сосудов культуры шэгень сопоставляется с декором керамики культуры сяньбэй и с черноглиняной посудой династии Северная Вэй (IV–VI вв. н. э.).

Следовательно, можно обозначить связь между ранними сяньбэй и шэгеньской культурой.

От ранних сяньбэй к бурхотуйской культуре и мохэ. Ранние сяньбэй представлены памятниками во Внутренней Монголии, к примеру: Чжалайнор, Балиньцзоци возле Ляохэ, Чжуйхэ. Чжалайнор датирован Чжэн Луном поздним периодом Восточной Хань, т. е. I–III вв. н. э., Балиньцзоци Су Бай относит к IV–V вв. н. э., памятник Чжуйхэ датирован Чэн Даохуном III в. до н. э. — по ^{14}C: могила № 2–2120±80, могила № 6–2190±95 (*Чжэн Лун*, 1961. С. 679; *Ань Чжиминь*, 1964. С. 41–50; *Чэн Даохун*, 1982. С. 18–20; *Су Бай*, 1977. С. 50).

Приведенная хронологическая раскладка памятников ранних сяньбэй позволяет охарактеризовать развитие их керамического комплекса. Так, в Чжуйхэ в III в. до н. э. зафиксирована только лепная керамика, представленная глиняными репликами металлических котлов. У них выпуклое, резко сужающееся к горловине и ко дну тулово, венчик отогнут наружу и укреплен налепным валиком. По форме дна изделия делятся на сосуды с полым колоколовидным поддоном и с вертикально расположенной, круглой в сечении ручкой; и сосуды без ручки, с имитацией поддона (плоским или чуть вогнутым дном). Исходной формой для них являлся котел, широко бытовавший в это время в кочевнических культурах. Декор у таких сосудов по своему типу повторяет металлические ободки на котлах, где последние несли функциональную нагрузку. Иногда встречаются оттиски «вафли» (ковка).

Керамика, представленная в памятнике Чжалайнор, который датируется III в. н. э., продолжает основные формы Чжуйхэ. Сохраняются реплики котлов с поддоном и вертикальной ручкой, появляются вазы с узким дном, слабопрофилированным и вытянутым туловом, налепным валиком под венчиком с насечками по краю. Соотношение размеров венчика и дна приближается к пропорциям мохэских сосудов. В Балиньцзоци в IV–V вв. также встречаются реплики котлов. Таким образом, исходной формой служил металлический котел на поддоне, длительное время копируемый в глине. Плоскодонность закрепляется только в IV–V вв. на памятнике Балиньцзоци. Изменение формы происходит за счет увеличения размеров дна. Первоначально очень узкое, т. к. резко сужалось к поддону, при переходе к плоскодонности постепенно достигало 1/2 диаметра венчика.

Далее развитие данного типа сосудов — глиняной реплики котла на поддоне — разделилось на две линии: *протомонгольскую (бурхотуйско-шивэйскую) и протоманьчжурскую (мохэскую).*

Протомонгольская (бурхотуйско-шивэйская) линия. В китайских источниках выделено пять этно-территориальных групп шивэй: нань шивэй (южные шивэй), бэй шивэй (северные шивэй), бо шивэй (шивэй с гор Хубушань), шэньмода шивэй (шивэй с р. Шэньмода), да шивэй (большие шивэй). Вероятно, одни из этих племен шивэй сформировали бурхотуйскую культуру, открытую в Восточном Забайкалье А. П. Окладниковым и датирующуюся II–VIII вв. н. э. Керамический комплекс бурхотуйской культуры представлен вазами, горшками, банками на поддонах с налепным валиком под венчиком и на плечиках в виде свисающих «усов», ложнотекстильным декором тулова. Лепная керамика ранних сяньбэй (Чжалайноэр) соответствует по всем параметрам материалам бурхотуйской культуры Забайкалья. Таким образом, археологический контекст позволяет обозначить вторую протомонгольскую (бурхотуйскую) линию развития: от ранних сяньбэй к бурхотуйской культуре.

Протоманьчжурская (мохэская общность) линия. Протоманьчжуры ассоциируются с культурами тунжэнь, саньхао, мохэской, бохайской, чжурчжэньской (Российские Приамурье, Приморье, северо-восток Китая). Объединяет их аборигенный культурный пласт (мохэский тип керамики, пояса амурского типа, комбинированные серьги). Прототипом мохэской посуды служат глиняные котлы на поддоне с налепным валиком под венчиком. Форма мохэского типа керамики эволюционировала в течение тысячи лет: вазы (III–V вв.) — горшки (VIII–X вв.) — банки (X–XIII вв.) (*Дьякова*, 1993. С. 132).

Таким образом, археологические источники позволяют проследить три линии развития сяньбэйской культуры: *протомонгольская* от восточных сяньбэй *(шэгеньско-киданьская); протомонгольская* от ранних сяньбэй *(бурхотуйско-шивэйская)*; *протоманьчжурская (мохэская общность)* от ранних сяньбэй. Племе-

на восточных сяньбэй, культуры шэгень и киданей обитали в одном географическом ареале и, видимо, не были вытеснены племенами хунну с первоначальной территории. Племена ранних сяньбэй под давлением хунну разделились на две части и двинулись в разные стороны: на север переместилась бурхотуйская линия, на северо-восток — мохэская линия. Однако протоманьчжурская (мохэская) и протомонгольская (бурхотуйская) линии восходили к одному истоку — племенам ранних сяньбэй.

Дьякова, 1993 — *Дьякова О. В.* Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства). Владивосток: Дальнаука. 1993. 176 с.

Ань Чжиминь, 1964 — *Ань Чжиминь*. К вопросу об этнической принадлежности древнего могильника у с. Чжалайнор во Внутренней Монголии // Вэньу. 1964. № 5. С. 41–45 (на кит. яз.).

Су Бай, 1964 — *Су Бай*. Памятники сяньби в Дунбэе и Внутренней Монголии // Вэньу. 1977. № 5. С. 42–54 (на кит. яз.).

Чжан Байджун, 1981 — *Чжан Байджун*. Сяньбийские памятники, обнаруженные в аймаке Чжэрим // Вэньу. 1981. № 2. С. 9–14 (на кит. яз.).

Чжан Байджун, 1984 — *Чжан Байджун*. Несколько киданьских могил, обнаруженных в аймаке Чжэрим Внутренней Монголии // Каогу. 1984. № 2. С. 153–156 (на кит. яз.).

Чжэн Лун, 1961 — *Чжэн Лун*. Краткий отчет о раскопках древнего могильника в Чжалайноэр во Внутренней Монголии // Каогу. 1961. № 12. С. 673–679 (на кит. яз.).

Чэн Даохун, 1982 — *Чэн Даохун*. Сяньбийские могилы в районе Чжуйхэ // Нэймэнгу вэньу каогу. 1982. № 2. С. 18–20 (на кит. яз.).

Xianbei and archaeology

Olga V. Dyakova[2]

Based on the archaeological materials of the Xianbei tribes (mainly the analysis of the ceramic complex), three lines of their further development have been identified: the first is the proto-Mongolian line from the eastern Xianbei to the Shegen; the second is from the early Xianbei to the Burkhotu; the third — from the early Xianbei to the Tungus-Manchus.

Keywords: *Xianbei, Shegen, Burkhotuy culture, Tungus-Manchus, Mohe, Khitans.*

2 Olga V. Dyakova — Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the RAS, 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation; e-mail: emelianova49@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5306-2390.

Об историко-культурном значении некоторых серий тамг кочевников сюнну-сарматского времени[1]

С. А. Яценко[2]

Аннотация. *В статье рассмотрены примеры использования знаков-тамг «кочевыми империями» сюнну и Кангюй, а также сарматами римской эпохи, раскрывается значение некоторых из них и описывается взаимосвязь с археологическими явлениями, сюжетами и некоторыми предметами. Обзор демонстрирует взаимосвязь традиций тамгопользования у разных народов рубежа эр.*

Ключевые слова: *использование тамг, сюнну, Кангюй, сарматы, композиции с тамгами.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.307-310

В этой статье приводится ряд примеров исследования тамг позднеантичных кочевников евразийской степи.

1. *Дикие животные, сопровождаемые четырьмя тамгами*. Изображения животных с тамгами — особенность, вероятно, одного из восточных кочевых владений Кангюйской державы I–IV вв., где в верховьях р. Талас расположены скопления петроглифов Жалтыракташ. Здесь есть серия тамг по четырем разным образцам как на одиночном (крылатый волк), так

1 Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Эстетика памяти в культуре» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

2 Сергей Александрович Яценко — Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, Москва, 125993, Российская Федерация; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5103-9736.

и на одном среди группы диких млекопитающих (козел). Они показаны обращенными влево (*Рогожинский и др.*, 2022. Рис. 2, *1*; 4, *3*), в разных позах — в прыжке или в позе замирания. У козла две тамги на теле дополняются двумя, аккуратно вырезанными прямо под ногами (*Рогожинский*, 2020. Рис. 7, *6*); у волка они изображены на теле в трех местах традиционного клеймения домашних животных — на бедре, плече и внизу шеи (одна из тамг использовалась царями Хорезма с начала II в. н. э.); у козла — на бедре и плече. В обоих случаях встречается пара родственных тамг. Многократное клеймение диких животных (тем более — фантастических) — это, видимо, магические действия в отношении священных покровителей ряда кланов.

2. *Связь тамг с изображениями животных в крупных скоплениях петроглифов сюнну у западных границ Монголии*. Серия петроглифов расположена в каньонах р. Цаган-Гол на северо-западе; их публикации фрагментарны. Ц. Доржсурэн насчитывал там 60 лет назад лишь 48 типов. Для этой статьи были использованы разные источники, в том числе фото, любезно предоставленное А. А. Тишкиным. На нем на вытянутой вертикально плоскости внизу изображена сцена охоты всадника и пешего лучника с пятью собаками на группу не менее девяти горных козлов (последних было больше, но поверхность повреждена). Выше над сценой находятся две вертикальные линии аккуратно гравированных тамг (персонажи как бы бегут в сторону от них). В обоих рядах господствуют пять сложных форм, которые явно относились к знати, и лишь внизу левого ряда — два простейших знака (+, ^). Схожая картина встречается на соседней плоскости, где компактным скоплением представлены шесть сложных тамг аристократии (*Самашев и др.*, 2010. Рис. 18), а правее в их сторону бегут не менее восьми козлов, преследуемых парой собак. На третьей плоскости представлены шесть сложных тамг, ниже и левее их видна собака и человеческая фигура (некоторые части охоты не попали в кадр), в их сторону бегут и идут не менее трех копытных разных размеров, ниже изображена арба (?) с бычком. В скоплении изображений на скале в Яман-усе (в долине р. Уенч, на юго-западе) показательна самая нижняя плоскость (*Batbold*, 2011. P. 97), где размещенные впритык, в вертикальный ряд, три сложных тамги сопровождаются двумя горными козлами в позе приостановки, диким (?) верблюдом и за ними — воющей (?) собакой. В этих композициях от трех до шести тамг аристократии изображаются вертикальными рядами или компактным скоплением над сценой загонной охоты с собаками (чаще — на горных козлов). Вероятно, это следы неких акций в самых высоких в коренных владениях сюнну горах, связанных не только с охотой и сопровождающей ее пиром, но и с заключением соглашений.

3. *В «Стасовском» склепе 1872 г. в Керчи* II–III вв. н. э. помимо росписей интересен узкий и короткий входной коридор, особенно — его левая стенка (*Соломоник*, 1959. С. 107, № 52; *Яценко*, 2001. С. 67–68). Склеп использовали для захоронения трех родственников (?). Здесь в граффити на штукатурке стен — охота двух собак на трех или четырех горных бегущих и стоящих козлов (?) была вскоре дополнена тремя рядами из 11 типов тамг знати, среди которых две принадлежат боспорским царям III в. н. э. (две крупные центральные тамги немного перекрывали фигуру животного или частично уничтожили ее). При входе в элитный склеп, связанный с боспорским царским домом, поместили то же сочетание тамг знати со сценой охоты на диких копытных с помощью собак (явно не вблизи столицы), какое мы видим около рубежа нашей эры у сюнну в сюжете 2.

4. *Загадкой остается «писаная плита» из Керчи 1871 г.,* покрытая многочисленными тамгами (около 480). Картина размещения знаков разного времени и размеров на основной плоскости производит впечатление полного хаоса (*Драчук*, 1975. Табл. XXXV; *Яценко*, 2001. С. 66–68, рис. 9). Странно и то, что на 16 из 32 условных квадратов наиболее крупные и изображенные широким лезвием на «удобных» местах — 22 тамги, которые пока не представлены в конкретных регионах Степи на датируемых вещах и связаны с неизвестными нам кланами (несмотря на довольно интенсивное изучение тамг региона за последние 65 лет). Похоже, «создатели» этого скопления собрались в I в. н. э. в одном из общественных мест боспорской столицы для политической акции, представляя не самые знаменитые и сильные в то время кланы, но в сравнительно большом числе. Такой расклад устраивал тогда местную власть. Ключом для понимания ситуации может служить единственная и многократно встреченная здесь тамга в форме «S» (четырежды по центральной горизонтали в разном размере) единственного по-настоящему влиятельного клана. Он к началу I в. н. э. был связан с сираками, его тамга поставлена рядом с царской Аспурга на закладной плите из Артезиана. Сегодня можно полагать, что этот клан активно, но не слишком удачно (из-за вмешательства римских войск) участвовал в боспорской политике — в противостоянии Котиса I и Митридата III на европейском Боспоре с 45 г., а в 46 г. его тамга была отчеканена рядом с портретом правителя на золотой монете из той же крепости Артезиан. Вскоре судьба вновь улыбнулась этому клану: он переселился в нижнедонские владения аланов и обрел новое влияние (ср.: *Яценко, Чореф*, 2022). Соблазнительно видеть в исходной группе тамг на «писаной плите» знаки сторонников Митридата III на европейском Боспоре около 45 г. н. э., к моменту его изгнания

оттуда. Из всех знаков царей Боспора здесь позже размещена, причем в центре, лишь тамга Иненсимея — хозяина самого популярного из таких знаков, широко представленного в Степи вплоть до территории сюнну (*Яценко*, 2001. С. 55–56; 2019. Рис. 4). Это единственное из скоплений тамг Сарматии, где отметился данный царь, и, видимо, это тоже не случайно.

5. *Саркофаг II в скальном склепе 1975 г. в Анапе.* При публикации по могилам знатных сарматов-мужчин, интегрированных в состав боспорской элиты I–IV вв., в этом самом ярком из ранних комплексов смущало отсутствие тамг у эллинизированного сармата — вероятного правителя города (*Яценко*, 2019. С. 240–241, рис. 3). Однако малоизвестная статья восполняет этот нелогичный пробел. На крышке саркофага была аккуратно гравирована крупная (около 30 см) уникальная тамга (*Соломоник*, 1983. С. 88, рис. 5).

6. *Прямоугольный «вырез» (уступ) на верхнем краю плиты с одиночной сарматской тамгой*. На вершине самого крупного кургана 10 группы Тараклия в Молдове была найдена вкопанная на глубину до 1,2 м вертикально плоская стела высотой 1,9 м. В верхней ее части аккуратно вырезана сарматская тамга I в. н. э. (верх с нею выглядывал наружу). Вряд ли это антропоморфная стела из могилы еще ямной культуры, на которой якобы схематично намечены плечи (*Агульников, Бубулич*, 2003). Имеется лишь одно реальное «плечо» — небольшой прямоугольный уступ шириной до 15 см в правом верхнем углу (левое «плечо» — это неровный срез шириной не более 5 см). Между тем аналогия такой детали есть на плите, найденной в 2010 г. в Нимфее (*Кучеревская, Соколова*, 2011); выступ на ней «выпилен». В центре изображена тамга царя Рискупорида III, позже с краю был добавлен один знак. Для чего же нужно небольшое прямоугольное «коленце» у верхнего края прямоугольной плиты-стелы, либо отмечавшей границы племенных угодий (Тараклия), либо несущей на себе знак боспорского правителя? Возможно — для крепления дощечки некой небольшой конструкции (своеобразной «кровли») над и сзади стелы.

7. «*Сарматское» святилище на севере Молдовы*. В 2017 г. в ущелье у р. Солонец, в 5 м от берега найдены лежащие впритык три блока известняка с искусственной подработкой. На центральном (шириной около 40 см) изображена сложная тамга. Ее трудно считать сарматской (ср.: *Бондарь*, 2021) (даже отдаленных аналогий ее типу в античной евразийской Степи эпохи нет), а три камня у реки не связаны с сарматским водным божеством (подобного ни у сарматов, ни у их потомков не документировано). Почитаемые камни тамгами на западе Сарматии известны, но это одиночные стелы, установленные на вершинах и предназначенные для кругового обзора (см., например: *Шевченко и др.*, 2022. Рис. 4; 10). Этот культовый комплекс относится к средневековью.

8. *Сарматские зеркала-подвески с тамгой в материалах аукционов: информационный потенциал*. На ряде сайтов представлено для продажи несколько недорогих зеркал-подвесок — вероятных свадебных атрибутов женщин, выдаваемых «на сторону». Контекст находок неизвестен. Вероятно, в редких случаях можно получить из таких артефактов интересную информацию[3]. Образец с тамгой 5/84 имеет аналогию на зеркале из кург. 2 1957 г. у Запорожья. Тамга известна в I в. н. э. и к западу от Днепра и связана с кочевой Аорсией. Это одно из свидетельств «брачной политики» объединения. Более позднее зеркало имеет не менее знаменитую тамгу 6/20 II–III вв. из Северного Приазовья. Внешние связи этого клана простирались далеко на запад: его тамгу находят у сарматов Румынии, на германском копье из Польши и т. п. (*Яценко*, 2020. Рис. 3, *6*; 5, *2*). Третья тамга (6/29 с точкой в центре) имеет аналогию только у сарматок II–III вв. в Кобяково в устье Дона (*Яценко*, 2018. Рис. 7, № 29; 8, № 3), наиболее близка экземпляру, найденному в могиле 25 1962 г. и, видимо, имеет корни в Кангюе (серия с Культобе Туркестанского).

Представленный обзор демонстрирует многоплановость работы с тамгами таких крупных кочевых культурных групп поздней античности, как сюнну, кангюйцы и сарматы, и определенную взаимосвязь традиций их тамгопользования.

Агульников, Бубулич, 2003 — *Агульников С., Бубулич В.* Сарматская стела с тамгой из окрестностей п. Тараклия // Tyragetia. 2010. Vol. IV (XIX). No. 1. P. 205–208.

Бондарь, 2021 — *Бондарь И. А.* Новое антропоморфное изваяние с единичной сарматской тамгой из ущелья реки Солонец // Археология евразийских степей. 2021. № 5. С. 335–342.

Драчук, 1975 — *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.

Кучеревская, Соколова, 2011 — *Кучеревская Н. Л., Соколова О. Ю.* Плита с тамгообразными знаками из Нимфея // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Взаимовлияние культур / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: БФ «Деметра», 2011. С. 218–223.

Самашев и др., 2010 — *Самашев З., Базылхан Н., Самашев С.* Древнетюркские тамги. Алматы: Abdi Company, 2010. 168 с.

[3] Далее нумерация типов знаков дана по: *Яценко*, 2001, где сокращение тамга 5/84 означает тамгу по: *Яценко*, 2001. Рис. 5, № 84.

Соломоник, 1959 — *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1959. 179 с.

Соломоник, 1983 — *Соломоник Э. И.* Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура Крыма в первые века н. э. / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1983. С. 80–95.

Рогожинский, 2020 — *Рогожинский А. Е.* Наскальные изображения поздней античности // Яценко С. А., Авизова А. К., Торгоев А. И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е. П., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торежанова Н. Ж., Тур С. С., Иванов С. С. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Әлэм, 2020. С. 164–167.

Рогожинский и др., 2022 — *Рогожинский А. Е., Сулайманова А. Т., Яценко С. А.* О некоторых мифо-эпических сюжетах на позднеантичных петроглифах Тянь-Шаня // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Абакан, 2022 (в печати).

Шевченко и др., 2022 — *Шевченко Е. Б., Усенко Е. П., Яценко С. А.* О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея // StratumPlus. 2022. № 6 (в печати).

Яценко, 2001 — *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 192 с.

Яценко, 2018 — *Яценко С. А.* Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии // StratumPlus. 2018. № 6. С. 217–242.

Яценко, 2019 — *Яценко С. А.* Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I–IV вв. н. э. // StratumPlus. 2019. № 4. С. 235–256.

Яценко, 2020 — *Яценко С. А.* Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I–IV вв. н. э. // Античность, скифы, сарматы / Отв. ред. А. Н. Голотвин. Воронеж, ИПЦ «Научная книга», 2020. С. 409–420.

Яценко, Чореф, 2022 — *Яценко С. А., Чореф М. М.* Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезин // StratumPlus. 2022. № 6 (в печати).

Batbold, 2011 — *Batbold N.* Rock art of the xiongnu / / Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia / Ed. by G. Eregzen. Ulaanbaatar: Institute of Archeology, Mongolian Academy of Sciences; National Museum of Mongolia, 2011. 302 p.

On the historical and cultural importance of the some series of nomadic tamgas of Xiongnu-Sarmatian time

Sergey A. Yatsenko[4]

The article discusses examples of the using of tamga signs by the „nomadic empires" of the Xiongnu and Kangju, as well as the Sarmatians of the Roman era, reveals the meaning of some of them and the development of relationships with archaeological phenomena, plots and some objects. Overview of the environment, the relationship of traditional tamga using among different peoples at the turn of the eras.

Keywords: *the tamgas usage, Xiongnu, Kangju, Sarmatians, compositions with tamgas.*

4 Sergei A. Yatsenko — Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5103-9736.

Традиции и инновации в снаряжении лучника лесной зоны Западной Сибири в начале I тыс. н. э.

Ю. В. Ширин[1]

Аннотация. *Элементы снаряжения таежных лучников Западной Сибири в раннем железном веке недостаточно представлены в археологических источниках. Из этнографических материалов известно, что лук в лесной зоне Азии и принципы оснащения стрел к нему были иными, чем в степных регионах. В этой связи рассмотрена проблема интерпретации находок в таежных памятниках железных наконечников стрел степных типов, связанных с влиянием со стороны ареала постхуннских культур Южной Сибири.*

Ключевые слова: *Западная Сибирь, лук, наконечники стрел, хунно-сарматская эпоха.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.311-314

В хунно-сарматскую эпоху в культурах населения лесной зоны Западной Сибири происходят заметные перемены. Путем взаимодействия с социально-территориальными объединениями лесостепи в тайгу проникает не только импорт из ремесленных центров Азии, но и более передовые технологии. При относительном «выравнивании» облика материальной культуры лесной и лесостепной зон обращает на себя внимание, что эти процессы фактически не затронули снаряжение таежных лучников, у которых так и не получил распространения сложный лук хунно-сарматского типа. Считается, что для природно-климатических условий лесной зоны наиболее подходящая конструкция лука — цельнодеревянная (*Медведев*, 1966. С. 13–14). Форма древних таежных луков известна только по весьма условным их изображениям, встреченным в бронзовой пластике. Видимо, луки были длинные, в рост человека, слабоизогнутые, с выделенной рукоятью и симметричными плечами. По своим параметрам они могут быть сопоставимы с луками, известными по этнографическим материалам. Эволюцию сибирских луков в лесной и тундровой зонах рассмотрел Ю. Б. Симченко (1976. С. 135). Их конструктивные особенности позволяли не только охотиться на крупную дичь, но и весьма эффективно вести боевые действия.

В лесной зоне Западной Сибири на рубеже новой эры все еще широко бытовали бронзовые наконечники стрел. Они были крупные, шипастые, со скрытой или выступающей втулкой (рис. 1, *3, 11*). Средний вес таких наконечников от 14 до 20 г, но встречаются и более мелкие сточенные экземпляры. Использование бронзовых наконечников после знакомства с железом обычно объясняется простотой их отливки в медных кокилях по сравнению со сложностью кузнечной ковки. Продолжали широко использоваться и различные типы костяных наконечников.

Наиболее ранние железные наконечники стрел, отмеченные в таежных комплексах Западной Сибири первых веков н. э. (*Ширин*, 1993. Рис. 3; *Яковлев*, 2018. С. 264–291), были такие же крупные, как и бронзовые, но более разнообразные по форме (*Ермолаев*, 1914. Табл. II; *Молодин и др.*, 1980. С. 202–205; *Зыков, Федорова*, 2001. С. 122–124; *Ширин, Хаврин*, 2012. С. 247–248; *Ширин*, 2017. С. 144). Многие из них были трехлопастные, с тонкими длинными (от 4 до 7 см) черешками. Их вес часто достигал 22–28 г. Из-за сложной технологии ковки (*Зыков, Федорова*, 2003. С. 151–155) не вызывает сомнений импортный характер всех трехлопастных наконечников, происходящих из наиболее ранних комплексов.

Для крепления наконечников с длинными черешками требовалось продольное сверление древка и специальные инструменты. Судя по отсутствию в северотаежных культурах следов сверления на местных изделиях первых веков нашей эры, лучковое сверло здесь не имело широкого употребления. Эта несогласованность таежного технокомплекса и нового принципа насада наконечников также свидетельствует в пользу их чужеродности для таежных культур. Местные кузнецы при соответствующих навыках могли бы снабдить наконечники коваными втулками, как было сделано в ряде регионов Евразии. В этом плане весьма показательны находки из Пойковского клада (*Яковлев*, 2018. С. 264–267). В нем встречен только один железный плоский наконечник с узкой

[1] Юрий Викторович Ширин — Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, ул. Циолковского, д. 23, Новокузнецк, 654041, Российская Федерация; e-mail: shirin_a@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2116-1677.

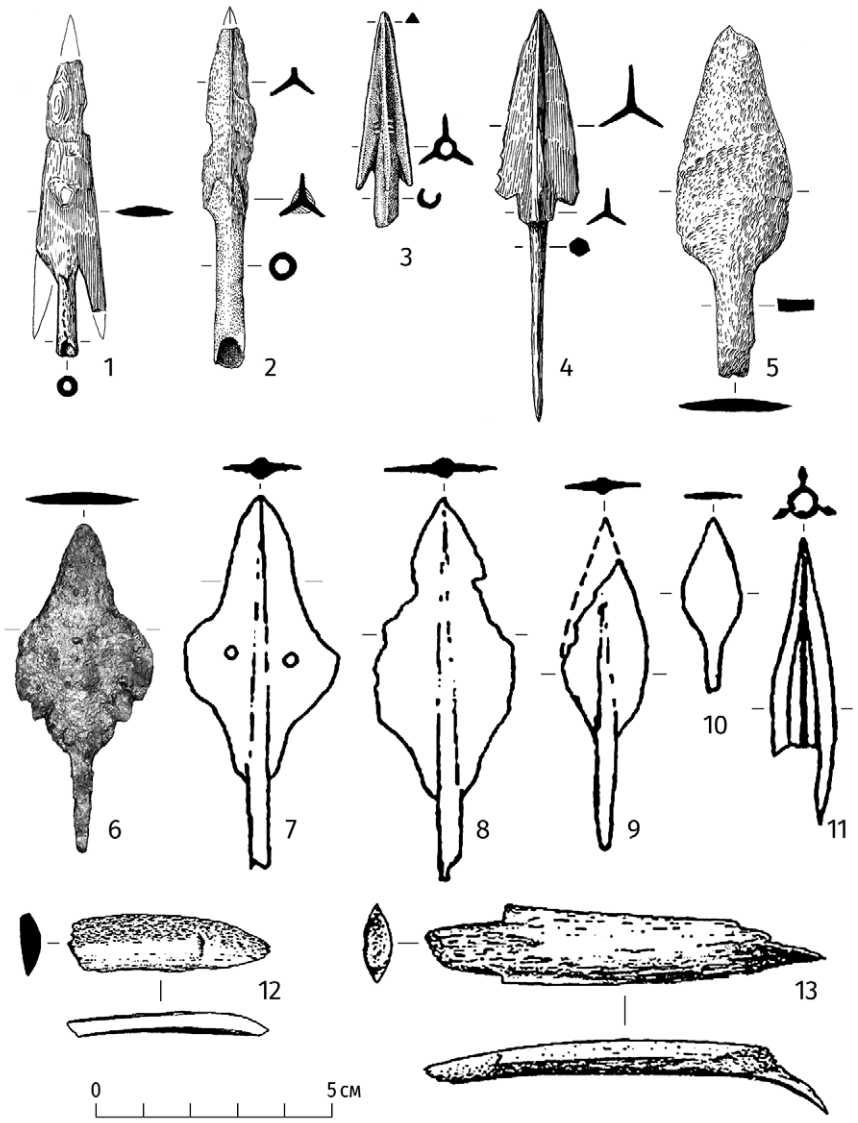

Рис. 1. Находки из комплексов Западной Сибири первой половины I тыс. н. э.: *1–5* — Пойковский клад (по: *Яковлев*, 2018); *6–11* — Парабельское культовое место (по: *Ширин*, 1993); *12, 13* — Саровское культовое место (по: *Яковлев*, 2001).

1, 4, 5, 6–10 — железо; *2* — железо, бронза; *3, 11* — бронза; *12, 13* — кость

Fig. 1. Finds from complexes of Western Siberia in the first half of the I millennium AD: *1–5* — Poikov treasure (after *Яковлев*, 2018); *6–11* — Parabel cult place (after *Ширин*, 1993); *12, 13* — Sarovka cult place (after *Яковлев*, 2001).

1, 4, 5, 6–10 — iron; *2* — iron, bronze; *3, 11* — bronze; *12, 13* — bone

втулкой, свернутой кузнечным способом (рис. 1, *1*). К другому наконечнику вместо отрубленного черешка была прилита бронзовая втулка (рис. 1, *2*). Избыточная трудоемкость обеих технологий не дала закрепиться этому опыту. Иной вариант приспособления новых наконечников к старой технологии оснащения стрелы представлен в материалах Айдашинской пещеры. Здесь использованы роговые переходники с расщепленным насадом (*Молодин и др.*, 1980. Табл. LXIX), характерным для местных костяных наконечников.

Для большинства плоских железных наконечников стрел из таежных комплексов первых веков нашей эры характерны плоские черешки (рис. 1, *5, 6, 10*). Местные мастера остановились на том, что перенесли на новый материал форму черешков костяных наконечников для привычного крепления с расщеплением древка. Такие черешки у железных наконечников сохранились в таежных традициях до нового времени. Наконечники могли забивать в утолщенное окончание древка стрелы. После этого заготовка древка выстругивалась до необходимых параметров. При минимальном диа-

метре древка у хвостовика в 0,6 см, к наконечнику он мог увеличиваться до 4 см. Такие стрелы известны у всех западносибирских народов. А. Регули в 1840-х гг. собрал почти все основные типы стрел манси (*Balassa*, 1954. S. 53, 55, 58). Их длина от 85 до 98 см. Вес стрел не указан, но они были достаточно тяжелые. Близкие параметры стрел известны в коллекциях хантов (*Мартин*, 2004. С. 51–53) и селькупов. М. Б. Шатилов отмечает: «Обычно древко стрелы имеет <…> толщину в палец» (*Шатилов*, 1931. С. 149). От верного соотношения веса стрелы и силы лука зависят точность, убойность, дальность, скорострельность и легкость стрельбы. Как оптимизировали эти параметры таежные лучники, остается только догадываться. Во всяком случае, нормы соотношения веса наконечника и древка стрелы, а также веса стрелы и силы лука, принятые в степных традициях (Arab…, 1945), вряд ли могут быть безоговорочно использованы при реконструкции оснащения таежного лука.

В территориально отдаленных друг от друга таежных культовых комплексах первой половины I тыс. н. э. однотипным железным наконечникам сопутствуют сходные до полных аналогий предметы. Скорее всего, это связано с кратковременностью периода, когда одни и те же типы стрел могли попасть в лес вместе с однотипным импортом. В материалах степной зоны юга Западной Сибири первых веков н. э. крупных длинночерешковых наконечников стрел практически нет. Здесь преобладают мелкие наконечники с черешками длиной 1,5–3,0 см. Ближайшие по времени аналогии таежным находкам имеются в ареалах таштыкской и фоминской культур (*Ширин*, 2017. С. 149), для которых, в свою очередь, могут быть указаны менее сходные сяньбийские аналоги (*Худяков*, 2005).

Возможность знакомства таежников с луком хунно-сарматского типа нельзя исключать полностью. В Саровском культовом месте найдено два костяных изделия (*Яковлев*, 2001. С. 156–157), которые могут быть накладками от сложного лука. Один предмет (рис. 1, *12*) напоминает фрагмент боковой срединной накладки, а второй (рис. 1, *13*) — фронтальную концевую накладку, сходную с вариантом, известным в таштыкской культуре (*Кызласов*, 1960. Рис. 46, *1, 2*). Следует отметить, что ни в фоминских, ни в таштыкских комплексах пока не обнаружены луки классического хунно-сарматского типа.

Ермолаев, 1914 — *Ермолаев А. П.* Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Вып. 1. Красноярск, 1914. 20 с.

Зыков, Федорова, 2001 — *Зыков А. П., Федорова Н. В.* Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 176 с.

Кызласов, 1961 — *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960. 198 с.

Мартин, 2004 — *Мартин Ф. Р.* Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. 143 с.

Медведев, 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. М.: Изд-во АН СССР, 1966. 184 с. (САИ. Вып. Е1–36).

Молодин и др., 1980 — *Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н.* Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980. 208 с.

Симченко, 1976 — *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 312 с.

Худяков, 2005 — *Худяков Ю. С.* Влияние сяньби на культуры номадов Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сборник докладов Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Сергея Владимировича Киселева (г. Минусинск, 20–26 июня, 2005 г.) / Отв. ред. Г. Г. Король. Красноярск: РИО КГПУ, 2005. С. 99–101.

Шатилов, 1931 — *Шатилов М. Б.* Ваховские остяки (этнографические очерки) / Тр. Томского краевого музея. Т. 4: Ваховские остяки: (этнографические очерки) Томск: Томский краеведческий музей, 1931. 175 с.

Ширин, 1993 — *Ширин Ю. В.* К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье / под ред. Л. А. Чиндиной. Томск: Изд-во ТомГУ, 1993. С. 152–162.

Ширин, 2017 — *Ширин Ю. В.* Комплектность Елыкаевской коллекции // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 133–152.

Ширин, Хаврин, 2012 — *Ширин Ю. В., Хаврин С. В.* Комплексы второй четверти I тыс. н. э. из Томского могильника // StratumPlus. 2012. № 4. С. 239–255.

Яковлев, 2001 — *Яковлев Я. А.* Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: Изд-во ТомГУ, 2001. 273 с.

Яковлев, 2018 — *Яковлев Я. А.* Пойковская коллекция: каталог. Екатеринбург: ИД Баско, 2018. 296 с.

Arab…, 1945 — Arab archery. An Arabic manuscript of about AD 1500 "A book on the excellence of the bow & arrow" and the description thereof / Transl. and ed. by N. A. Faris, R. P. Elmer. Princeton: Princeton University Press, 1945. 182 p.

Balassa, 1954 — *Balassa I.* Reguly Antal néprajzi geüjteménye (1840–45) // Néprajzi Értesítő. Budapest, 1954. Vol. XXXVI. S. 47–66.

Traditions and innovations of the archery equipment in the forest zone of Western Siberia at the beginning of the 1st millennium AD

Yuri V. Shirin[2]

Elements of the equipment of the taiga archers of Western Siberia in the Early Iron Age are poorly represented in archaeological sources. It is known from ethnographic materials that the bows in the forest zone of Asia and the principles of equipping their arrows were different than in the steppe regions. In this regard, the problem of interpretation of the finds in the taiga sites of iron arrowheads of the steppe types, associated with the influence from the area of the post-Xiongnu cultures of Southern Siberia, is considered.

Keywords: *Western Siberia, bow, arrowheads, Xiongnu-Sarmatian era.*

2 Yuri V. Shirin — Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University, 23 Tsiolkovsky St., Novokuznetsk, 654041, Russian Federation; e-mail: shirin_a@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2116-1677.

Первые итоги генетических исследований материалов Оглахтинского грунтового могильника (раскопки 1969 г.)

С. В. Панкова[1], А. В. Недолужко[2], Е. О. Вергасова[3], А. Ю. Ильинская[4], Н. А. Погодина[5], А. С. Ракитько[6], Н. А. Плотников[7], В. В. Ильинский[8]

Аннотация. *Приведены результаты анализа мужской и женской мумий из погребения 4 таштыкского могильника Оглахты III в. н. э. (полногеномное исследование, анализ митохондриальной ДНК и Y-хромосомы). Сделаны выводы о потенциальном родстве между погребенными по материнской линии и их местных корнях (образцы карасукской и тагарской культур, I4a1 и I4 соответственно). Образец мужской мумии принадлежит Y-хромосомному субкладу R1a1a. Выявлены ближайшие соответствия геномам оглахтинских мумий среди образцов из погребений тагарской культуры и памятников Восточного Казахстана и Киргизии I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. Идентифицированы шкуры животных (детали шуб, тело погребальной куклы): волк/собака, крупный рогатый скот.*

Ключевые слова: *Минусинская котловина, таштыкская культура, палеогенетика, мумии, полногеномный анализ, митохондриальная ДНК, Y-хромосома, идентификация кожи животных.*

https://doi.org/10.31600/978–5-6047952–2-4.314-319

В 2021–2022 гг. проведен пилотный проект по палеогенетическому изучению материалов из погребения 4 таштыкского могильника Оглахты в Минусинской отловине (рис. 1; 2). Памятник относится к II–IV вв. н. э., а радиоуглеродное датирование материалов из сруба могилы 4 и обработка результатов методом байесовской статистики привели к выводу о наиболее вероятном времени захоронения в пределах III в. н. э. (*Tarasov*

1 Светлана Владимировна Панкова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: svpankova@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9528-4525.

2 Артем Валерьевич Недолужко — Европейский университет в Санкт-Петербурге. Шпалерная ул., д. 1, Санкт-Петербург, 191187, Российская Федерация; e-mail: nedoluzhko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7040-0892.

3 Екатерина Олеговна Вергасова — Genotek, Наставнический переулок, д. 17, стр. 1, Москва, 105120, Российская Федерация; e-mail: valery@genotek.ru; ORCID: 0000-0003-0823-0540.

4 Анна Юрьевна Ильинская — Genotek, Наставнический переулок, д. 17, стр. 1, Москва, 105120, Российская Федерация; e-mail: valery@genotek.ru; ORCID: 0000-0001-7524-5617.

5 Надежда Андреевна Погодина — Genotek, Наставнический переулок, д. 17, стр. 1, Москва, 105120, Российская Федерация; e-mail: valery@genotek.ru.

6 Александр Сергеевич Ракитько — Genotek, Наставнический переулок, д. 17, стр. 1, Москва, 105120, Российская Федерация; e-mail: valery@genotek.ru; ORCID: 0000-0003-0567-7734.

7 Николай Анатольевич Плотников — Genotek, Наставнический переулок, д. 17, стр. 1, Москва, 105120, Российская Федерация; e-mail: valery@genotek.ru; ORCID: 0000-0001-5585-0035.

8 Валерий Владимирович Ильинский — Genotek, Наставнический переулок, д. 17, стр. 1, Москва, 105120, Российская Федерация; e-mail: valery@genotek.ru; ORCID: 0000-0003-4377-2759.

et al., 2022). Исследование проводилось сотрудниками Медико-генетического центра Genotek (Москва), Лаборатории палеогеномики Международной школы искусств и культурного наследия Европейского университета в Санкт-Петербурге и Государственного Эрмитажа на базе Genotek. До сих пор генетическому изучению (однородительские маркеры — митохондриальная ДНК и Y-хромосома) подвергались лишь шесть таштыкских образцов из грунтового могильника Абакано-Перевоз I (*Keiser et al.*, 2009). Полногеномный анализ таштыкских материалов проведен впервые.

Оглахтинский могильник состоит из трех участков и включает более 300 погребений, лишь небольшая часть из которых раскопана. Памятник известен хорошей сохранностью находок из органических материалов в отдельных погребениях, среди которых — могила 4, исследованная в 1969 г. экспедицией МГУ под руководством Л. Р. Кызласова. Здесь находились останки пяти человек. Двое взрослых — мужчина и женщина — сохранились как сухие мумии. Тела двух других взрослых мужчин были сожжены, а кремированные кости помещены в т. н. куклы — кожано-травяные манекены в человеческий рост. В могиле был также погребен подросток 12–13 лет.

Погребения типа оглахтинского условно считаются семейными, однако проверить это можно толь-

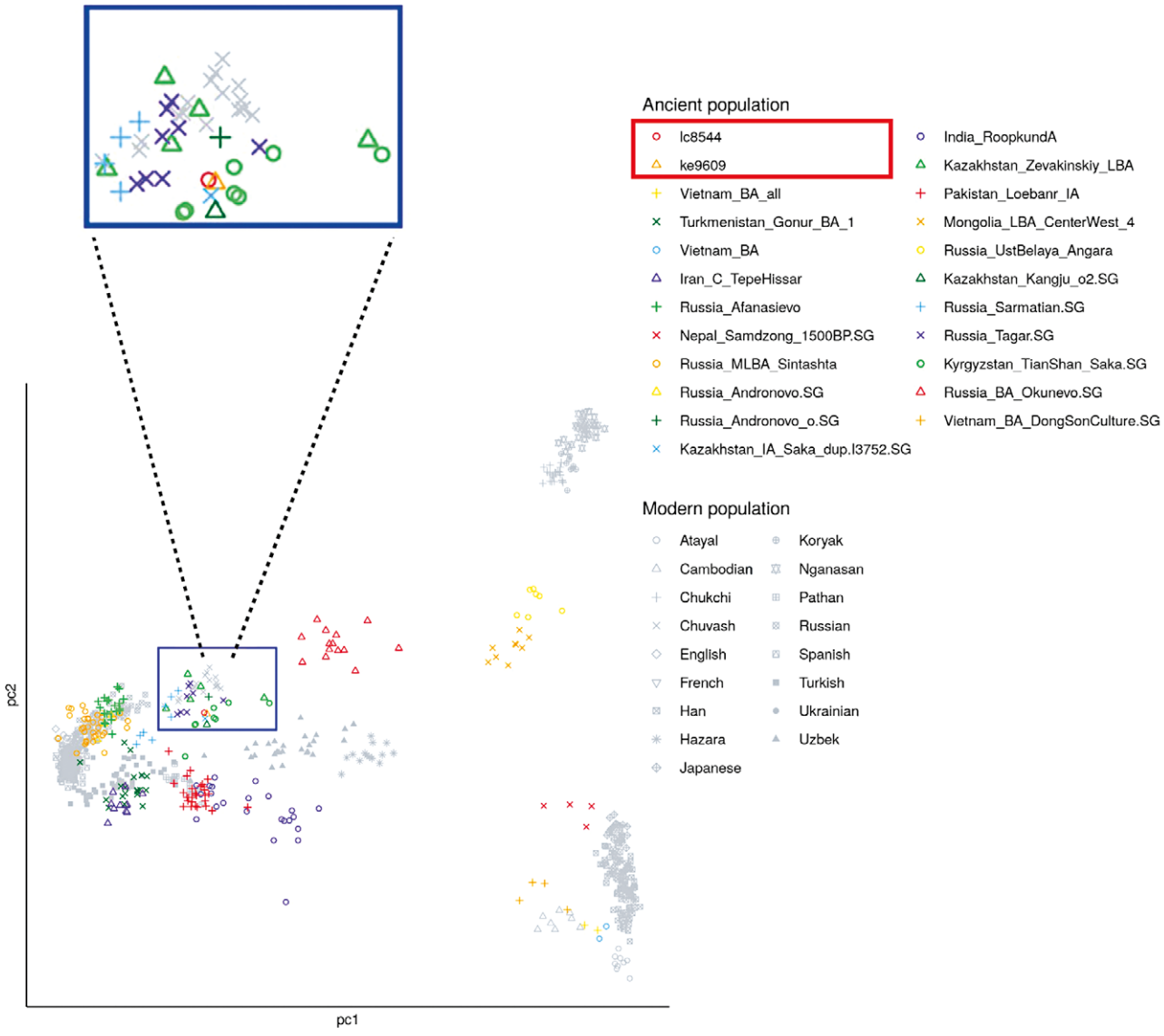

Рис. 1. Результаты анализа геномов мужской и женской мумий из могилы 4 Оглахтинского могильника в сопоставлении с геномами древних и современных популяций Евразии методом главных компонент (PCA). Современные геномы — серые значки, группы древних геномов — цветные

Fig. 1. The results of the analysis of the genomes of male and female mummies from grave 4 of the Oglakhty burial ground in comparison with the genomes of ancient and modern populations of Eurasia by principal component analysis (PCA). Modern genomes are gray icons, groups of ancient genomes are colored

ко методами генетики. Присутствие двух обрядов погребения могло свидетельствовать о неоднородности таштыкского общества, в том числе в плане происхождения его членов. Обряд ингумации/мумификации мог быть местным в Южной Сибири, тогда как кремация как обряд погребения массово появилась здесь только в начале новой эры и связана именно с таштыкскими грунтовыми могильниками. Наряду с другими новшествами она могла быть принесена сюда новой группой населения, истоки которого проследить пока не удается. По логике материала и существующей давней гипотезе, раннеташтыкское население и его культура сформировались благодаря взаимодействию местного населения с пришлой группой. Однако обосновать гипотезу конкретными материалами до сих пор не удавалось.

Наибольшая серия аналогий оглахтинским находкам происходит из памятников в бассейне р. Тарим. В основном это предметы из кожи, дерева, текстиля, сохранившиеся здесь в условиях пустынного климата; на других территориях подобные находки не сохраняются, поэтому предположение о происхождении части таштыкского населения из Синьцзяна требует независимого подтверждения. Местные корни группы, принявшей участие в формировании культуры таштыкских грунтовых могильников, также нуждаются в обосновании и изучении.

Материалы оглахтинского погребения 4 связаны с общими проблемами в изучении таштыкской культуры. Из каких компонентов сложилась таштыкская культура и ее население? Каково происхождение пришлой группы и привнесенных ею новшеств? Являлись ли оглахтинское погребение 4 и другие подобные захоронения семейными? Были ли люди, погребенные в виде мумий и кукол, потомками разных групп населения, предположительно местных и пришлых? Как в таштыкских могильниках отражалась структура неоднородного таштыкского общества?

Исходя из первых трех вопросов, были поставлены задачи для генетического исследования мужской и женской мумий, а также останков подростка: 1) определить место оглахтинских мумий в кругу других древних популяций: выявить вероятных предков «оглахтинцев» как среди минусинского населения предшествующих эпох, так и среди других популяций Евразии; 2) определить наличие и характер родственных связей между погребенными.

Отдельной задачей стала идентификация видов животных, шкуры которых были использованы при изготовлении меховых одежд и кожаных тел погребальных кукол.

Для проведения исследований были отобраны образцы костной ткани двух взрослых погребенных и ребенка, а также образцы меховых шуб и кожаного тела одной куклы. На анализ была взята и кость из кремированных останков мужчины, помещенных внутрь одной из кукол, однако выделить ДНК из нее не удалось, что является общеизвестной проблемой из-за быстрой денатурации ДНК при высоких температурах. Также не удалось пока выделить ДНК из образцов костей подростка, что может быть связано с незащищенностью и быстрым разрушением ДНК в костных тканях детей.

Исследование мумий двух взрослых людей — мужчины и женщины — привело к следующим выводам:

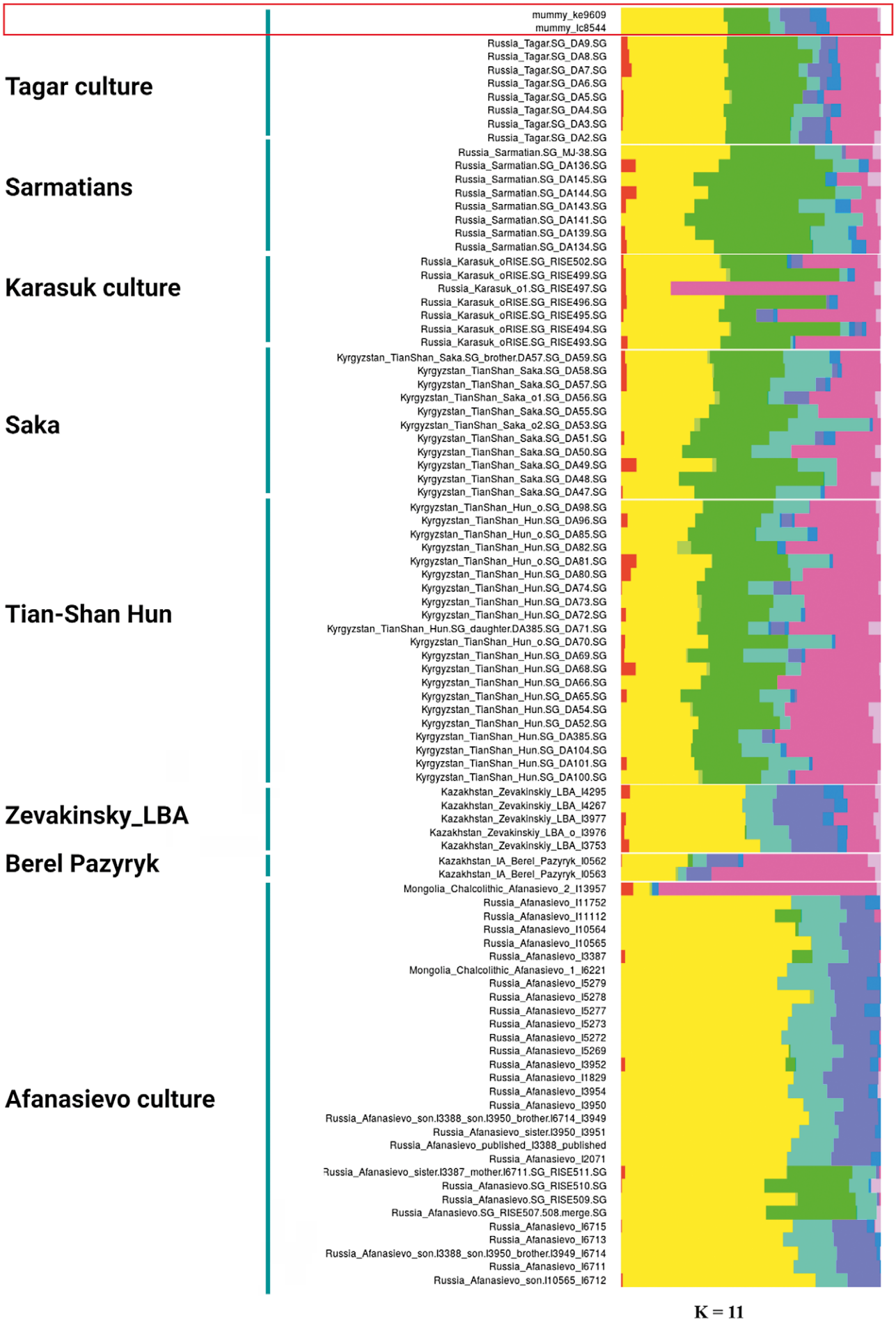
1. Мужчина и женщина имели близкий набор генетических маркеров и могли быть родственниками по материнской линии. Не исключено, что они были братом и сестрой, но подтвердить это можно будет только с получением «фоновой» генетической информации по другим погребенным в Оглахтинском и других таштыкских могильниках.

2. Мужчина и женщина принадлежали к одной разновидности митохондриальной гаплогруппы I — субкладу I4a1. Тот же редкий субклад ранее был встречен в образце из карасукского могильника Сабинка 2 XIII–XII вв. до н. э. (*Allentoft et al.*, 2015), что свидетельствует о местных корнях обоих «оглахтинцев» по материнской линии.

3. По Y-хромосоме мужчина был носителем субклада R1a1a гаплогруппы R1a. Эту распространенную в Евразии гаплогруппу связывают с расселением индоевропейского населения, оставившего памятники андроновского типа и наследующих им популяций позднего бронзового — раннего железного века. Гаплогруппа R1a известна и у местного доташтыкского населения Минусинской котловины в памятниках карасукской и тагарской культур (*Keyser et al.*, 2009; *Allentoft et al.*, 2015).

Рис. 2. Результаты анализа геномов мужской и женской мумий из м. 4 Оглахтинского могильника в сопоставлении с геномами древних и современных популяций Евразии методом Admixture, позволяющим оценить вклад предковых популяций в изучаемые геномы. Современные геномы — серые значки, группы древних геномов — цветные

Fig. 2. The results of the analysis of the genomes of male and female mummies from grave 4 of the Oglakhty burial ground in comparison with the genomes of ancient and modern populations of Eurasia by the Admixture method, which makes it possible to estimate the contribution of ancestral populations to the studied genomes. Modern genomes are gray icons, groups of ancient genomes are colored

mummy_ke9609
mummy_lc8544
Tagar culture
Russia_Tagar.SG_DA9.SG
Russia_Tagar.SG_DA8.SG
Russia_Tagar.SG_DA7.SG
Russia_Tagar.SG_DA6.SG
Russia_Tagar.SG_DA5.SG
Russia_Tagar.SG_DA4.SG
Russia_Tagar.SG_DA3.SG
Russia_Tagar.SG_DA2.SG
Sarmatians
Russia_Sarmatian.SG_MJ-38.SG
Russia_Sarmatian.SG_DA136.SG
Russia_Sarmatian.SG_DA145.SG
Russia_Sarmatian.SG_DA144.SG
Russia_Sarmatian.SG_DA143.SG
Russia_Sarmatian.SG_DA141.SG
Russia_Sarmatian.SG_DA139.SG
Russia_Sarmatian.SG_DA134.SG
Karasuk culture
Russia_Karasuk_oRISE.SG_RISE502.SG
Russia_Karasuk_oRISE.SG_RISE499.SG
Russia_Karasuk_o1.SG_RISE497.SG
Russia_Karasuk_oRISE.SG_RISE496.SG
Russia_Karasuk_oRISE.SG_RISE495.SG
Russia_Karasuk_oRISE.SG_RISE494.SG
Russia_Karasuk_oRISE.SG_RISE493.SG
Saka
Kyrgyzstan_TianShan_Saka.SG_brother.DA57.SG_DA59.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Saka.SG_DA58.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Saka.SG_DA57.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Saka_o1.SG_DA56.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Saka.SG_DA55.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Saka_o2.SG_DA53.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Saka.SG_DA51.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Saka.SG_DA50.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Saka.SG_DA49.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Saka.SG_DA48.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Saka.SG_DA47.SG
Tian-Shan Hun
Kyrgyzstan_TianShan_Hun_o.SG_DA98.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA96.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun_o.SG_DA85.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA82.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun_o.SG_DA81.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA80.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA74.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA73.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA72.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_daughter.DA385.SG_DA71.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun_o.SG_DA70.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA69.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA68.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA66.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA65.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA54.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA52.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA385.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA104.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA101.SG
Kyrgyzstan_TianShan_Hun.SG_DA100.SG
Zevakinsky_LBA
Kazakhstan_Zevakinskiy_LBA_I4295
Kazakhstan_Zevakinskiy_LBA_I4267
Kazakhstan_Zevakinskiy_LBA_I3977
Kazakhstan_Zevakinskiy_LBA_o_I3976
Kazakhstan_Zevakinskiy_LBA_I3753
Berel Pazyryk
Kazakhstan_IA_Berel_Pazyryk_I0562
Kazakhstan_IA_Berel_Pazyryk_I0563
Afanasievo culture
Mongolia_Chalcolithic_Afanasievo_2_I13957
Russia_Afanasievo_I11752
Russia_Afanasievo_I11112
Russia_Afanasievo_I10564
Russia_Afanasievo_I10565
Russia_Afanasievo_I3387
Mongolia_Chalcolithic_Afanasievo_1_I6221
Russia_Afanasievo_I5279
Russia_Afanasievo_I5278
Russia_Afanasievo_I5277
Russia_Afanasievo_I5273
Russia_Afanasievo_I5272
Russia_Afanasievo_I5269
Russia_Afanasievo_I3952
Russia_Afanasievo_I1829
Russia_Afanasievo_I3954
Russia_Afanasievo_I3950
Russia_Afanasievo_son.I3388_son.I3950_brother.I6714_I3949
Russia_Afanasievo_sister.I3950_I3951
Russia_Afanasievo_published_I3388_published
Russia_Afanasievo_I2071
Russia_Afanasievo_sister.I3387_mother.I6711.SG_RISE511.SG
Russia_Afanasievo.SG_RISE510.SG
Russia_Afanasievo.SG_RISE509.SG
Russia_Afanasievo.SG_RISE507.508.merge.SG
Russia_Afanasievo_I6715
Russia_Afanasievo_I6713
Russia_Afanasievo_son.I3388_son.I3950_brother.I3949_I6714
Russia_Afanasievo_I6711
Russia_Afanasievo_son.I10565_I6712
K = 11

Названные выводы подкрепляют представление археологов о значительной роли местного населения в сложении таштыкской культуры.

Полногеномный анализ позволил сравнить генетические профили мужчины и женщины с данными по широкому кругу образцов из азиатских культур от позднего бронзового века до синхронного оглахтинскому периода начала новой эры (база данных Д. Райха). Согласно его результатам — по методам PCA (рис. 1) и Admixture (рис. 2) — наиболее близкими оглахтинским оказались образцы тагарской культуры (*Damgaard et al.*, 2018), образцы с территории Восточного Казахстана I тыс. до н. э. — начала н. э. и Киргизии первой половины I тыс. н. э. (*Ibid.*).

Последний вывод о генетическом сходстве оглахтинских мумий с синхронным населением предгорий Тянь-Шаня может являться биологическим подтверждением гипотезы о происхождении с этой территории группы мигрантов, ставших одной из составляющих населения таштыкской культуры.

Ясно, что данных по двум мумиям недостаточно для уверенной интерпретации выводов генетиков, однако они дают направление поиска и показывают необходимость полногеномного изучения значительно бо́льшего числа индивидов из таштыкских грунтовых могильников.

Помимо исследований человеческих образцов, проведено изучение образцов шкур животных, из которых сшиты детали шуб мужской и женской мумий и тело одной из погребальных кукол. Борта мужской шубы сделаны из шкуры волка или собаки (*Canis lupus*), что подтверждает определение, сделанное в 1970 г. Н. К. Верещагиным (*Tarasov et al.*, 2022). Внутренняя сторона ворота женской шубы сшита из шкуры крупного рогатого скота (*Bos taurus*), и из того же материала изготовлено тело погребальной куклы с сохранившейся головой (образец из области живота). Среди ранее сделанных определений оглахтинского меха шкуры крупного рогатого скота не отмечены, а названные образцы ранее не исследовались. Анализ отдельных генетических маркеров является достоверным способом идентификации кож животных, относительно простым и недорогим по сравнению с полногеномным изучением человеческих образцов, что делает его важным инструментом изучения природной среды и ее хозяйственного освоения в древности.

Allentoft et al., 2015 — *Allentoft M. E., Sikora M., … Willerslev E.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. No. 522. P. 167–172.

Damgaard et al., 2018 — *Damgaard P. de B., Marchi N., … Willerslev E.* 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. 2018. No. 557. P. 369–374.

Keyser et al., 2009 — *Keyser C., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V. G., Montagnon D., Reis T., Ludes B.* Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Human Genetics. 2009. No. 126 (3). P. 395–410.

Tarasov et al., 2022 — *Tarasov P. E., Pankova S V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K. B., Panteleev A. B., Brandt L. Ø., Kyzlasov I. L., Wagner M.* New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE // Quaternary International. 2022. Vol. 623 (20). P. 169–183.

The first results of genetic studies of the Oglakhty cemetery (the excavations of 1969)

Svetlana V. Pankova[9], Artem V. Nedoluzhko[10], Ekaterina O. Vergasova[11], Anna Yu. Ilyinskaya[12], Nadezda A. Pogodina[13], Alexander S. Rakitko[14], Nikolay A. Plotnikov[15], Valery V. Ilyinskiy[16]

The paper represents the results of paleogenomics analysis of male and female mummies from grave 4 of the Oglakhty cemetery, 3rd cent. CE (genome-wide data, mitochondrial DNA, Y-chromosome analyses). The maternal kinship between the mummies and their local ancestry (Karasuk and Tagar cultures' individuals, subclades I4a1 and I4 respectively) were revealed. Male mummy's individual belonged to the R1a1a subclade. According to PCA and Admixture analyses, genomes of two Oglakhty mummies had the closest relationship with samples of the Tagar culture's individuals as well as individuals of the Eastern Kazakhstan and Kirgizia, turn of the era. Animal skin identifications resulted in wolf or dog and cattle species.

Keywords: *Minusinsk Basin, Tashtyk culture, paleogenetics, mummies, wide-genome analyses, mitochondrial DNA, Y-chromosome, animal skin identification.*

9 Svetlana V. Pankova — The State Hermitage Museum, 34, Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: svpankova@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9528-4525.

10 Artem V. Nedoluzhko — European University at St. Petersburg, 6/1A Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russian Federation; e-mail: nedoluzhko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7040-0892.

11 Ekaterina O. Vergasova — Genotek, 17 Nastavnicheskiy Lane, Moscow, 105120, Russian Federation; e-mail: valery@genotek.ru; ORCID: 0000-0003-0823-0540.

12 Anna Yu. Ilyinskaya — Genotek, 17, Nastavnicheskiy Lane, Moscow, 105120, Russian Federation; e-mail: valery@genotek.ru; ORCID: 0000-0001-7524-5617.

13 Nadezhda A. Pogodina — Genotek, 17, Nastavnicheskiy Lane, Moscow, 105120, Russian Federation; e-mail: valery@genotek.ru.

14 Alexander S. Rakitko — Genotek, 17, Nastavnicheskiy Lane, Moscow, 105120, Russian Federation; e-mail: valery@genotek.ru; ORCID: 0000-0003-0567-7734.

15 Nikolay A. Plotnikov — Genotek, 17, Nastavnicheskiy Lane, Moscow, 105120, Russian Federation; e-mail: valery@genotek.ru; ORCID: 0000-0001-5585-0035.

16 Valery V. Ilyinskiy — Genotek, 17, Nastavnicheskiy Lane, Moscow, 105120, Russian Federation; e-mail: valery@genotek.ru; ORCID: 0000-0003-4377-2759.

Были ли хионiты Аммиана Марцеллина связаны своим происхождением с хунну (азиатскими гуннами)?[1]

В. П. Никоноров[2]

Аннотация. *В работе рассматривается вся совокупность сведений о хионитах в труде римского историка Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) — единственного древнего писателя, упомянувшего этот загадочный народ. Настоящий автор подвергает критике уже давно существующую и все еще широко распространенную теорию о том, что хионiты были по своему происхождению родственны хунну (азиатским гуннам), поскольку она построена исключительно на этнонимическом анализе и совершенно не учитывает важные подробности рассказа римского писателя о хионитах.*

Ключевые слова: *Аммиан Марцеллин, хионiты, хунну, европейские гунны.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.319-322

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Валерий Павлович Никоноров — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: vpnikonorov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3487-944X.

Аммиан Марцеллин, грек родом из Антиохии в Сирии, бывалый солдат и крупнейший историк своего времени (ок. 330–391/400 гг. н. э.), в эпохальном труде «Res Gestae» («Деяния»), сохранившаяся часть которого (книги XIV–XXXI, охватывающие период с 353 по 378 г.) была создана им, по сути, как современником и очевидцем многих событий, сообщает единственные и уникальные сведения о загадочном племени хионитов (Chionitae).

Впервые он упоминает их в рассказе о том, как сасанидский шахиншах Шапур II, в дальних восточных пределах своего государства с большими потерями отражая «враждебные народы» (gentes infestae), провел зиму 356/357 г. по соседству с хионитами и евсенами (Euseni)[3], которые, по всей видимости, и являлись теми самыми враждебными народами (*Amm. Marc.* XVI. 9. 3–4 [здесь и далее цит. по изд.: *Seyfarth*, 1978]). Далее, по свидетельству нашего источника, в 357/358 г. Шапур II заключил союзный договор (societas) с хионитами и геланами (Gelani, т. е. племенем из области Дайламан/Гилян в Юго-Западном Прикаспии) — «самыми воинственными из всех [народов]» (omnium acerrimi bellatores) (*Ibid.* XVII. 5. 1).

В 359 г. хиониты во главе с вождем Грумбатом приняли участие в осаде персами и их союзниками римской крепости Амиды в Сирии (совр. Диярбакыр в Юго-Восточной Турции). Грумбат, охарактеризованный Аммианом как «прославленный царь» (rex nobilis), во время похода находился в свите Шапура II, располагаясь на почетном месте слева от шахиншаха (*Ibid.* XVIII. 6. 22). В самом начале осады Грумбат в качестве переговорщика приблизился к стенам крепости, сопровождаемый отрядом телохранителей, но буквально тут же римский артиллерист выстрелом из баллисты убил молодого красавца-сына хионитского правителя. Затем последовали семидневная тризна в честь погибшего царевича и его кремация, после чего войска получили двухдневный отдых, в течение которого были опустошены окрестности Амиды. Наконец, во время первого штурма (а осада этой крепости до захвата ее Шапуром длилась 73 дня), хиониты действовали против восточной части оборонительной стены, где пал их царевич, а его пылающему местью отцу было дозволено дать общий сигнал к наступлению на вражеские укрепления (*Ibid.* XIX. 1. 7–2. 3; 6).

После этого момента хиониты навсегда исчезают из поля зрения письменных источников, а их дальнейшая история (как, впрочем, и предшествующая — до 350-х гг. н. э.) продолжает являться предметом самых разных гипотез вплоть до ничем не аргументированных домыслов. Попытки проследить пребывание хионитов на Ближнем Востоке до конца VIII в. (см.: *Felix*, 1992. P. 487) не выглядят сколько-нибудь убедительными. Весьма показательно, что Р. Гёбль предусмотрительно не включил это племя в свой список т. н. иранских гуннов — кидаритов, алхонов, незаков и эфталитов, которые в IV–VII вв. обитали в восточной части Иранского нагорья, поскольку хионитов, в отличие от них, не имели своей монетной чеканки (Göbl, 1967. Bd. I. S. IX–X; Bd. II. S. 4, 237, 322).

Относительно этнического происхождения хионитов в исторической науке еще в XIX в. сформировалось убеждение, что они были гуннами/хунну (*Neumann*, 1847. S. 39–40; *Tomaschek*, 1877. S. 157; ср.: *Marquart*, 1901. S. 55, Anm. 8). Эта теория, основанная фактически лишь на созвучии этнонимов — с одной стороны, *лат.* Chionitae, а с другой, *лат.* Huni, Hunni, Chuni (и др. формы), *греч.* Οὖννοι, Χουνοί (и др. формы), *кит.* Xiongnu, *согд.* Xwn, *среднеперс.* Hyōn и *инд.* Hūṇa, — остается популярной и в наши дни (*Frye*, 1996. P. 171, 175; *Zeimal*, 1996. P. 119, 120; *Pulleyblank*, 2000. P. 61; *La Vaissière*, 2006; 2015. P. 183; *Cribb*, 2010. P. 93, 115; *Grenet*, 2010. P. 270; *Kim*, 2013. P. 5, 36; 2016. P. 52; *Vondrovec*, 2014. P. 47; *Payne*, 2015. P. 289–290; *Rezakhani*, 2017. Passim; *Potts*, 2018. P. 288, 301; *Haug*, 2019. P. 52). По не вполне понятной причине ее сторонники попросту игнорируют тот факт, что Аммиан Марцеллин в своем труде говорит не только о хионитах, но также и о гуннах, вторгнувшихся около 370 г. в степи Юго-Восточной Европы. Он называет их Huni (*Amm. Marc.* XXXI. 2. 1; 21; 3. 1; 3; 6; 8; 8. 4; 16. 3), а его описание внешности этих пришельцев, явно непривычной для жителей Римской империи (*Ibid.* XXXI. 2. 2–3) — надо полагать, монголоидной (*Никоноров*, 2002. С. 227, 270–271), — резко контрастирует с обликом хионитского царевича, убитого под Амидой, который, по свидетельству нашего автора как непосредственного участника той осады, выделялся ростом и красотой (*Amm. Marc.* XIX. 1. 7), т. е. соответствовал греко-римскому эталону мужской красоты. Другими словами, Аммиан не только прилагает разные этнонимы к этим двум народам, но и отчетливо различает их антропологически. Кроме того, он сообщает, что хиониты кремировали своих покойников (*Ibid.* XIX. 2. 1), тогда как, согласно результатам археологических исследований в Монголии и Забайкалье, хунну хоронили умерших по обряду трупоположения (*Миняев*, 1985; 1988).

Существует мнение, что хиониты — это тот же самый народ, что и кидариты (*Frye*, 1996. P. 173, 175; *Zeimal*, 1996. P. 119–120; ср.: *Ghirshman*, 1948; *Grenet*, 2005;

---

3 Исходя из исторического контекста данного сообщения Аммиана Марцеллина, вполне допустимой выглядит замена этнонима Euseni на Cuseni, т. е. кушан, которая нашла свое отражение в последнем критическом издании латинского текста «Деяний», подготовленном В. Зейфартом (*Seyfarth*, 1978. Vol. I. P. 82, 157). Обычно считается, что эта эмендация изначально принадлежала Й. Маркварту (*Marquart*, 1901. S. 36, Anm. 5; 50), однако еще раньше она была предложена В. Томашеком (*Tomaschek*, 1877. S. 155–157) и Т. Нёльдеке (*Nöldeke*, 1882. S. 686).

Vondrovec, 2014. P. 47; *Potts*, 2018. P. 288), но с ним трудно согласиться, ибо греческий историк V в. Приск Панийский — единственный, кто упоминает кидаритов, — называет их также гуннами (Οὖννοι Κιδαρῖται и Κιδαρῖται Οὖννοι) (*Prisc.* Exc. 25. 2; 31. 3; 41. 3 [цит. по изд.: *Carolla*, 2008]), а это в свете сказанного чуть выше противоречит антропологической характеристике хионитов, данной Аммианом Марцеллином. Считать хионитов иранцами (*Felix*, 1992. P. 485; ср.: *Haug*, 2019. P. 55) также нет серьезных оснований, даже если этноним Chionitae возник как латинская передача среднеперсидского слова Hyōn (*Payne*, 2015. P. 289–290), в парфянскую и сасанидскую эпохи являвшегося, по-видимому, коллективным обозначением «целого ряда кочевых племен Средней Азии и отчасти Северного Кавказа, вторгавшихся в Иран с севера» (*Амбарцумян*, 2002. С. 68). Как уже отмечалось выше, способом захоронения у хионитов была кремация, которая как раз была невозможна для древних иранских народов, в основной своей массе придерживавшихся ортодоксального зороастрийского обряда погребения предварительно очищенных от плоти костей (*Matthews*, 1989. P. 62; *La Vaissière*, 2005. P. 23).

Имеются и другие точки зрения на этническую принадлежность хионитов, вплоть до объявления их тюрками. Однако все они опять-таки построены исключительно на анализе латинского этнонима Chionitae и потому носят гипотетический характер. Со своей стороны, также хотел бы высказать собственное предположение на сей счет, но уже с привлечением других аргументов. Дело в том, что Аммиан Марцеллин упоминает такую интересную и важную деталь похоронной церемонии хионитов, которую он своими глазами наблюдал со стены Амиды, как выставление вокруг покойного сына Грумбата десяти лож с реалистичными изображениями умерших людей (lectuli decem sternuntur figmenta uehentes hominum mortuorum ita curate pollincta, ut imagines essent corporibus similes iam sepultis) (*Amm. Marc.* XIX. 1. 10). Это, в свою очередь, в известной степени напоминает обычай изготовления кукол и лицевых масок для нужд погребального ритуала, распространенный среди жителей Хакасско-Минусинской котловины в таштыкскую эпоху (I–VII вв.) (*Вадецкая*, 2009). На этом основании позволю себе предположить, что ядро хионитов могли формировать носители таштыкской культуры, отличавшиеся особой воинственностью (*Панкова*, 2011), которая была характерна и для хионитов (*Amm. Marc.* XVII. 5. 1). При этом в этногенезе последних, вероятно, должны были принять участие народы и племена Центральной Азии, встреченные «таштыкцами» во время их движения из степей Среднего Енисея в сторону восточноиранских земель. Впрочем, эта гипотеза, безусловно, нуждается в более тщательной проработке.

Амбарцумян, 2002 — *Амбарцумян А. А.* Этноним «Хйаона» в Авесте // ЗВОРАО. 2002. Т. I (XXVI). С. 35–72.

Вадецкая, 2009 — *Вадецкая Э. Б.* Древние маски Енисея. Красноярск; СПб.: Версо, 2009. 248 с.

Миняев, 1985 — *Миняев С. С.* К проблеме происхождения сюнну // ИБ МАИКЦА. 1985. Вып. 9. С. 70–78.

Миняев, 1988 — *Миняев С. С.* К проблеме «ранних» и «поздних» памятников сюнну // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки / Отв. ред.: В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1988. С. 40–53.

Никоноров, 2002 — *Никоноров В. П.* Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО. 2002. Т. I (XXVI). С. 223–323.

Панкова, 2011 — *Панкова С. В.* Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д. Г. Савинова / Редкол.: В. В. Бобров и др. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 117–141 (Тр. САИПИ; Вып. VII).

Bakker, 2020 — *Bakker H. T.* The Alkhan: A Hunnic People in South Asia. Groningen: Barkhuis, 2020. XIII, 128 p. (Companion to Hunnic Peoples in Central and South Asia: Sources for their Origin and History; Fasc. 1).

Carolla, 2008 — Priscus Panita. Excerpta et fragmenta / Ed. by P. Carolla. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 2008. XLVIII, 140 p. (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. 2000).

Cribb, 2010 — *Cribb J.* The Kidarites, the Numismatic Evidence. With an Analytical Appendix by A. Oddy // CAChr II. 2010. P. 91–146.

Felix, 1992 — *Felix W.* Chionites // EIr. 1992. Vol. V. P. 485–487.

Frye, 1996 — *Frye R. N.* The Heritage of Central Asia: From Antiquity to the Turkish Expansion. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1996. [5], 264 p.

Ghirshman, 1948 — *Ghirshman R.* Les Chionites-Hephtalites / Avec la collaboration de T. Ghirshman. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale, 1948. XIII, 156 p. (Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire; T. LXXX. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan; T. XIII).

Göbl, 1967 — *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I, II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967. XXIX, 628 S.

Grenet, 2005 — *Grenet F.* Kidarites // EIr (online). 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iranicaonline.org/article kidarites (дата обращения: 05.09.2018).

Grenet, 2010 — *Grenet F.* A View from Samarkand: The Chionite and Kidarite Periods in the Archaeology of Sogdiana // CAChr II. 2010. P. 267–281.

Haug, 2019 — *Haug R.* The Eastern Frontier: Limits of Empire in Late Antique and Early Medieval Central Asia. London; New York: I. B. Tauris, 2019. XI, 296 p.

Kim, 2013 — *Kim H. J.* The Huns, Rome and the Birth of Europe. Cambridge; etc.: Cambridge University Press, 2013. VIII, 338 p.

Kim, 2016 — *Kim H. J.* The Huns. London; New York: Routledge, 2016. XIV, 193 p.

La Vaissière, 2005 — *La Vaissière É. de*. Huns et Xiongnu // CAJ. 2005. Vol. 49. No. 1. P. 3–26.

La Vaissière, 2006 — *La Vaissière É. de*. Xiongnu (Hsiung-nu) // EIr (online). 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: // www.iranicaonline.org / articles / xiongnu (дата обращения: 05.09.2018).

La Vaissière, 2015 — *La Vaissière É. de*. The Steppe World and the Rise of the Huns // CambrCAA. 2015. P. 175–192.

Marquart, 1901 — *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenacʿi. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Exkursen. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901. 358 S. (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philosoph.-hist. Klasse. Neue Folge; Bd. III. Nr. 2).

Matthews, 1989 — *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus. London: Duckworth, 1989. XIV, 608 p.

Neumann, 1847 — *Neumann K. F.* Die Völker des südlichen Russlands in ihrer gechichtlichen Entwickelung. Leipzig: B. G. Teubner, 1847. VI, 174 S.

Nöldeke, 1882 — *Nöldeke Th.* Rez.: The chronicle of Joshua the Stylite, composed in Syriac, A. D. 507, with a translation into English and notes by W. Wright. Cambridge, 1882 // ZDMG. 1882. Bd. XXXVI. S. 682–690.

Payne, 2015 — *Payne R.* The Reinvention of Iran: The Sasanian Empire and the Huns // CambrCAA. 2015. P. 282–299.

Potts, 2018 — *Potts D. T.* Sasanian Iran and Its Northeastern Frontier: Offense, Defense, and Diplomatic Entente // Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity: Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250–750 / Ed. by N. Di Cosmo, M. Maas. Cambridge; etc.: Cambridge University Press, 2018. P. 287–301.

Pulleyblank, 2000 — *Pulleyblank E. G.* The Hsiungnu // History of the Turkic Peoples in the Pre-islamic Period / Ed. by H. R. Roemer; with assistance of W.-E. Scharlipp. Berlin: Klaus Schwarz, 2000. P. 52–75 (Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta; T. 1. Philologiae Turcicae Fundamenta; T. 3).

Rezakhani, 2017 — *Rezakhani Kh.* ReOrienting the Sasanians: East Iran in Late Antiquity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. XIV, 242 p.

Seyfarth, 1978 — Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. by W. Seyfarth. Vol. I–II. Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1978. L, 632 p.

Tomaschek, 1877 — *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. I. Sogdiana // SKAW. Philosoph.-hist. Classe. 1877. Bd. LXXXVII. Ht. 1. S. 67–184.

Vondrovec, 2014 — *Vondrovec K.* Coinage of the Iranian Huns and their Successors from Bactria to Gandhara (4th to 8th century CE). Vol. I. Wien: Verlag der ÖAW, 2014. 500 p. (ÖAW. Philosoph.-hist. Klasse. Denkschriften; Bd. 471/1. Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission; Bd. 59/1. Studies in the Aman ur Rahman Collection; Vol. 4/1).

Zeimal, 1996 — *Zeimal E. V.* The Kidarite kingdom in Central Asia // History of civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A. D. 250 to 750 / Ed. by B. A. Litvinsky et al. Paris: UNESCO Publishing, 1996. P. 119–133, 520–521.

Were the Chionites of Ammianus Marcellinus related to the Xiongnu (Asiatic Huns) by their origin?

Valerii P. Nikonorov[4]

Annotation. *The paper examines the entire body of information about the Chionites in the work of the Roman historian Ammianus Marcellinus (4th century AD) — the only ancient writer mentioning this enigmatic people. The present author criticizes the long-existing and still widespread theory that the Chionites were related to the Xiongnu (Asiatic Huns) by their origin, because it is based solely on the ethnonymic analysis and does not take important details of the Roman writer's account of the Chionites into consideration at all.*

Keywords: *Ammianus Marcellinus, Chionites, Xiongnu, European Huns.*

4 Valerii P. Nikonorov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: vpnikonorov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3487-944X.

СЕКЦИЯ V
СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

Древнейшие общности Армянского нагорья и Евразии — в диалоге миров (энеолит — ранний бронзовый век)

А. Ю. Худавердян[1]

Аннотация. *В статье предпринят многомерный краниологический анализ 52 групп населения эпохи энеолита и раннего бронзового века Евразии. Векторы-дискриминаторы дифференцируют весь массив сравниваемых серий по высотным размерам лица, носа и орбит, а также ширине головы, лица и орбит, углу выступания носовых костей. Краниосерии Армянского нагорья и Кавказа в целом, Ближнего Востока ближе всего к сериям Молдовы, Украины (трипольская культура), Калмыкии, Поднепровья (катакомбная культура). Это является свидетельством проникновения ближневосточных групп на север и их тесных контактов с местным населением.*

Ключевые слова: *Армения, энеолит, ранний бронзовый век, краниология, статистика, миграция.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.323-327

Области, окружавшие Черное море, на определенных этапах истории оказывались в «кратере» взаимосвязей различных культур. Комплексный анализ палеоантропологических изысканий позволяет наметить пути и направления взаимодействия групп Армянского нагорья и Евразии.

Анализ 1 проводился по 14 признакам (1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, zm, SS: SC, 75 (1)) для 19 мужских групп (табл. 1). В первом каноническом векторе (КВ I, отражает 31,7% общей изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на поперечный диаметр черепа и скуловую ширину. Положение анализируемых групп в пространстве КВ I показывает, что высокие положительные значения установлены у племен Предкавказья (22–25, 26, 30, 36) и Поволжья (31), которые характеризуются наибольшей шириной мозговой коробки, лицевого отдела с ослабленной горизонтальной профилировкой. На противоположном, отрицательном полюсе сгруппировались группы из Армении (1, 2, 3), Грузии (6, 7), Ирана (13), Дагестана (20), Предкавказья (21), Поднепровья (46, 47), Поднестровья (51) и Волго-Уралья (38). Для КВ II (14,7%) определяющими стали верхняя высота лица, ширина и высота орбиты. На плоскости КВ II высокие отрицательные значения обнаружены у черепов из Армении (5), Волго-Уралья (30, 38), Поднепровья (47), Подонья (34) и Поднестровья (52). В положительном поле сконцентрированы серии из Грузии (6, 7), Ирана (13), Дагестана (20), характеризующиеся более узким, резче профилированным в горизонтальной плоскости лицом. Для КВ III (12,92%) наибольшие нагрузки пришлись на угловые размеры лица (zm, 75 (1)). Полярные варианты распределения участвовавших в анализе групп выглядят следующим образом: с одной стороны — серии Армении (5), Дагестана (20), с другой — Поволжья (30), Ирана (13), Поднепровья (47), Поднестровья (51, 52) и Предкавказья (21).

Выборки из Арени 1 (1), Гинчи (20) и Тепе Гиссар II (13) расположились среди носителей куро-аракской культуры Грузии (7) и сконцентрированы в левой верхней части графика (рис. 1, *А*). К ним примыкают племена куро-аракской культуры Ширака (2), ямной культуры Украины (42) и восточноманычской катакомбной культуры Калмыкии (29). Здесь расположены серии, общими особенностями которых является более лептоморфное строение мозгового и лицевого отделов черепа. Носители куро-аракской культуры Армении (3, 4) близки с племенами майкопской (21), трипольской (51), хвалынской (38), среднестоговской (46, 48, 49) и катакомбной (28, 37) культур. Выявлено

1 Анаит Юрьевна Худавердян — Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения, ул. Чаренца, д. 15, Ереван, 0025, Республика Армения; e-mail: ankhudaverdyan@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1458-783X.

Таблица 1. Список серий, привлеченных к сравнительному анализу
Table 1. The list of compared series

№ п/п	Регион, памятник, серия	Датировка
1	Армения: Арени 1	последняя четверть V тыс. до н. э.
2	Армения: Ширак, сборная серия	IV–III тыс. до н. э.
3	Армения: Шенгавит	III тыс. до н. э.
4	Армения: Джарат	III тыс. до н. э.
5	Армения: Мейданнер	III тыс до н. э.
6	Грузия: Чиатура	V–IV тыс. до н. э.
7	Грузия: сборная серия	IV–III тыс. до н. э.
8	Анатолия: Чатал Хуюк	VI–V тыс. до н. э.
9	Месопотамия: Эль-Убейд	IV тыс. до н. э.
10	Иран: Караташ	IV–III тыс. до н. э.
11	Турция: Алишар Хуюк	III–I тыс. до н. э.
12	Иран: Изыктепе	III–II тыс. до н. э.
13	Иран: Тепе Гиссар II	III тыс. до н. э.
14	Иерихон: Деричо	ок. 3300–3100 до н. э.
15	Индия: Хараппа, R-37	IV–III тыс. до н. э.
16	Индия: Мохенджо-Даро	IV–III тыс. до н. э.
17	Египет: Бадари	IV–III тыс. до н. э.
18	Египет: Нагада	IV–III тыс. до н. э.
19	Египет: Акмант	IV–III тыс. до н. э.
20	Дагестан: Гинчи	V–IV тыс. до н. э.
21	Предкавказье: сборная серия	майкопская культура
22	Предкавказье: чоградские могильники	ямная культура
23	Канал Волга-Чоград	ямная культура
24	Предкавказье: разрозненные могильники	ямная культура
25	Калмыкия: сборная серия	ямная культура
26	Предкавказье: сборная серия	раннекатакомбная культура
27	Калмыкия: сборная серия	ямно-катакомбная культура
28	Северная Калмыкия: сборная серия	катакомбная культура
29	Южная Калмыкия: сборная серия	восточноманычская катакомбная культура
30	Поволжье: Меллятамак	V — начало IV тыс. до н. э.
31	Астраханская обл.: Кривая Лука	ямная культура
32	Астраханская обл.: Кривая Лука	ямно-катакомбная культура
33	Астраханская обл.: Кривая Лука	катакомбная культура
34	Подонье: Дрониха	IV–III тыс. до н. э.
35	Нижний Дон: левый берег	катакомбная культура
36	Нижний Дон: Новочеркасский	катакомбная культура
37	Нижний Дон: Ростовский	катакомбная культура
38	Волго-Уралье: сборная серия	хвалынская культура
39	Волго-Уралье: сборная серия	ямная культура
40	Волго-Уралье: сборная серия	ямно-полтавкинское время
41	Волго-Уралье: сборная серия	потаповский культурный тип
42	Украина: сборная серия	ямная культура
43	Украина: сборная серия	катакомбная культура
44	Украина: сборная серия	трипольская культура

№ п/п	Регион, памятник, серия	Датировка
45	Украина: сборная серия	культура шаровидных амфор
46	Поднепровье: Игренский	культура Средний Стог
47	Поднепровье: Каменные Потоки	культура Средний Стог
48	Поднепровье: Луганск	культура Средний Стог
49	Поднепровье: Александрия	культура Средний Стог
50	Поднестровье: Сарковка I	мариупольская культура
51	Поднестровье: Выхватинцы	трипольская культура
52	Поднестровье: сборная серия	трипольская культура

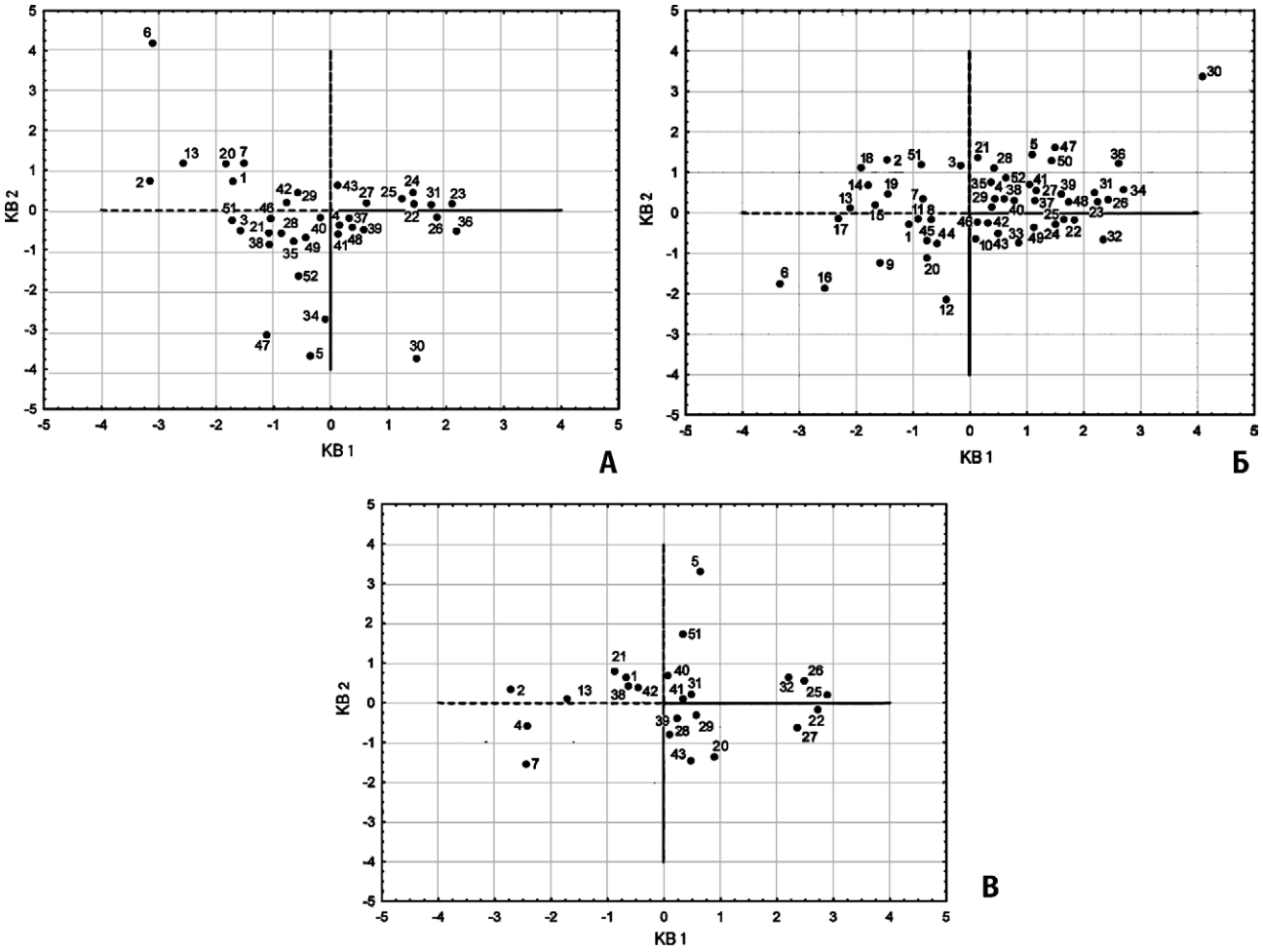

Рис. 1. *А* — положение мужских серий в пространстве первого и второго канонического векторов (нумерация серий соответствует табл. 1); *Б* — положение мужских серий в пространстве первого и второго канонического векторов; *В* — положение женских серий в пространстве первого и третьего канонического векторов

Fig. 1. *А* — the position of the male series in the space of the first and second canonical vectors (series numbering corresponds to tab. 1); *Б* — the position of the male series in the space of the first and second canonical vectors; *В* — the position of the female series in the space of the first and third canonical vectors

также сходство черепов Куро-Аракса (4) с мезокранными широколицыми племенами потаповского типа (41) из Волго-Уралья.

Для того чтобы учесть древние ближневосточные серии, дополнительно был проведен *анализ 2* с уменьшенным набором признаков (1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52). В результате первые два КВ отразили в совокупности 62,6% изменчивости. Наибольшие нагрузки по КВ I выпали в основном на широтные размеры черепной коробки и лицевого скелета (скуловая ширина,

поперечный диаметр). На разных полюсах межгрупповой изменчивости признаков оказались: с одной стороны — группы из Грузии (6), Индии (15, 16, 17), Ирана (13), Египта (18, 19), Месопотамии (9), Иерихона (14), Армении (1, 2) (отрицательные); с другой — краниосерии из Поволжья (30), Подонья (34, 36, 37), Армении (5), Поднестровья (50), Поднепровья (47, 48, 49), Предкавказья (22–27, 31, 32), Волго-Уралья (39, 41) (положительные). По КВ II наибольшие нагрузки также пришлись на широтные размеры (ширина орбиты, наименьшая ширина лба). Подчеркнем, что нагрузки на ширину орбиты и лобной кости получили здесь противоположные знаки, что указывает на одно из основных направлений изменчивости. Высокие положительные значения отмечены в группах Поволжья (30), Поднепровья (47), Египета (18), Поднестровья (50, 51), Подонья (36), Армении (2, 5, 3), Предкавказья (21, 28). Высокие отрицательные значения фиксируются в краниосериях из Ирана (12), Индии (16), Грузии (6) и Дагестана (20). По КВ III (12,8%) наиболее ценными признаками оказались поперечные, продольные диаметры, высотные размеры носа и лица. Полярные варианты распределения участвовавших в сравнительном анализе групп выглядят следующим образом: с одной стороны — серии Подонья (34), Поднепровья (47, 49), Иерихона (14), Волго-Уралья (30, 38), Предкавказья (21, 28), Армении (5, 2), Поднестровья (52); с другой — черепа из Грузии (6), Поднестровья (50), Нижнего Дона (36), Украины (45) и Волго-Уралья (22, 23).

В координатном пространстве двух КВ энеолитическая серия из Арени 1 (1) демонстрирует наибольшее сходство с выборками из Чатал Хуюка (8) и Алишар Хуюка (11) (рис. 1, *Б*). Это позволяет допустить вероятность участия населения Ближнего Востока в формировании антропологического состава носителей энеолитической культуры Армении. К ним примыкают с одной стороны носители культур шаровидных амфор (45) и трипольской (44), с другой — куро-аракская выборка из Грузии (7). Соседство серий из Украины (45, 44) с южноевропеоидными группами с Ближнего Востока и Южного Кавказа уместно трактовать как свидетельство общего популяционного пласта, на основе которого сформировались носители этих культур. Носители трипольской культуры из Преднестровья (51) оказалась между двумя куро-аракскими сериями из Армении (2, 3). Кроме того, нужно отметить, что куро-аракская серия из Мейданнер (5) демонстрирует морфологическое сходство с носителями среднестоговской (47) и мариупольской (50) культур. Здесь же следует указать на тяготение носителей хвалынской энеолитической культуры Волго-Уралья (38) к куро-аракской серии из Армении (4).

Для дальнейшего сравнительного межгруппового статистического анализа нами были выбраны 23 женские серии. Сравнение проводилось по 11 признакам (1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77). Наибольший вклад в дискриминацию этих групп вносят ширина орбиты, высота носа, продольный, поперечный и высотный диаметры черепа. По КВ I (52,1%) наблюдается высокая корреляция длины (отрицательная) и ширины черепа (положительная). В плоскости первого вектора-дискриминатора высокие отрицательные значения выявлены у носителей куро-аракской культуры Армении (4, 2) и Грузии (7) и серия из Ирана (13). Высокие положительные величины выявлены у черепов ямной, раннекатакомбной культур Калмыкии (22, 25–27) и Астраханской области (32). В КВ II (13,7%) отражена максимальная корреляция ширины орбиты, высоты носа (положительная) с верхней высотой лица и наименьшей шириной лба (отрицательная). В пространстве второго вектора-дискриминатора высокие положительные величины выявлены у групп из Армении (5) и Поднестровья (51), отрицательные — у черепов куро-аракской культуры с территории Грузии (7), энеолитической серии из Дагестана (20) и катакомбной из Украины (43). Третий КВ (более 9%) определяет комплекс из таких признаков, как высотный диаметр, назомалярный угол, а также высота орбиты (положительная). Здесь в положительном поле группируются носители куро-аракской культуры с территории Южного Кавказа (2, 7), энеолитическая серия из Дагестана (20) и катакомбники Калмыкии (28, 29).

В координатах I и II КВ женская выборка из Арени 1 демонстрирует иные морфологические «предпочтения», чем мужская (рис. 1, *В*). Краниологический комплекс носителей майкопской культуры (21) имеет близкие аналогии с энеолитической группой Арени 1 (1). К ним тяготеют носители хвалынской (38) и ямной (42) культур, а также серия Тепе Гиссар II (13). Мужские выборки хвалынской и майкопской культур, напротив, сближаются с куро-аракским населением Южного Кавказа.

Миграция племен на дальние расстояния играла основополагающую роль на протяжении всей истории человечества. Известно, что Ближний Восток является колыбелью многих современных популяций Европы (*Richards et al.*, 2000; *Balaresque et al.*, 2010) и те «гены или проявления их сочетаний в виде морфологических (краниологических и одонтологических, в частности) характеристик или даже комплексов, которые свойственны, например, неолитическим популяциям Двуречья, могут, благодаря сложным путям передачи их по наследству, проявиться в различных областях, в том числе и в весьма удаленных» (*Дубова*, 2009. С. 229).

Дубова, 2009 — *Дубова Н. А.* Миграции и торговля: антропологические заметки // КСИА. 2009. Вып. 223. С. 224–243.

Balaresque et al., 2010 — *Balaresque P., Bowden G. R., Adams S. M. et al.* A Predominantly Neolithic Origin for European Paternal Lineages // PLoS Biology. 2010. No. 8 (1). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://journals.plos.org/plosbiology/article?id=10.1371/journal.pbio.1000285 (дата обращения: 20.06.2022).

Richards et al., 2000 — *Richards M., Macaulay V., Hickey E. et al.* Tracing Europe33an founder lineages in the Near Eastern mtDNA pool // AJHG. 2000. No. 6. P. 1251–1276.

The most ancient communities of the Armenian Highlands and Eurasia in the worlds' dialogue (Chalcolithic — Early Bronze Age)

Anahit Yu. Khudaverdyan[2]

The author undertakes a multidimensional craniological analysis of 52 groups of Chalcolithic and Early Bronze Age population of Eurasia. Discriminator vectors differentiate the entire array of compared series by the height dimensions of the face, nose, and orbits, as well as the width of the head, face, and orbits, and the protrusion angle of the nasal bones. The cranioseries from the Armenian Highlands and the Caucasus generally, Near East are the closest ones to the series from Moldova, Ukraine (Trypollia culture), Kalmykia, the Dnieper region (the catacomb culture). This is the evidence of the Near Eastern groups' migration to the North and of their close contacts with the local population.

Keywords: *Armenia, Chalcolithic, Early Bronze Age, craniology, statistics, migration.*

2 Anahit Yu. Khudaverdyan — Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, 15 Charents St., Yerevan, 0025, Republic of Armenia; e-mail: ankhudaverdyan@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1458-783X.

О скипетре из историко-краеведческого музея города Масаллы (Азербайджанская Республика)

Д. А. Кириченко[1]

Аннотация. *В статье исследуется скипетр из историко-краеведческого музея г. Масаллы (Азербайджанская Республика), обнаруженный близ с. Назароба. Скипетр относится ко 2-му классу каменных жезлов, по типологии С. Н. Кореневского. Каменные скипетры на территории Азербайджана были обнаружены в Союгбулаге, Пойлу II (халколит, лейлатепинская археологическая культура), Тельманкенде (ранний бронзовый век). Аналогией жезлу из Назаробы является скипетр из кургана III Се Гирдан (Иран). Вероятно, артефакт из Назаробы относится к раннему бронзовому веку.*

Ключевые слова: *Азербайджан, археология, ранний бронзовый век, скипетр, символы власти.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.327-329

В работе рассмотрен каменный скипетр, который хранится в историко-краеведческом музее (Dk-46, Инв. 43) г. Масаллы. Он был обнаружен близ с. Назароба (Масаллинский р-н, Азербайджанская Республика)[2] и, вероятно, происходит из разрушенного погребения.

Скипетр (рис. 1, *1, 2*) был изготовлен из коричневого камня. Изделие продолговатой формы, цельное, отполированное, круглое в сечении, имеется зооморфное навершие в виде головы кошачьего хищника. Размеры: длина — 20,1 см, диаметр — 2,4 см. Скипетр является символом власти, знаком отличия предводителя-вождя, главнокомандующего, знатного воина.

Т. И. Ахундов и В. А. Махмудова опубликовали рисунок (*Ахундов*, *Махмудова*, 2008. С. 151, табл. 35, *2*) и фотографию (*Там же*. С. 184, фото 57) этого артефакта, но не знали места обнаружения скипетра и не указали его размеры. В этой работе жезл фигурирует как «случайная находка из Мугани» (*Там же*. С. 151, табл. 35, *2*).

1 Дмитрий Александрович Кириченко — Институт археологии, этнографии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана (НАНА), пр. Г. Джавида, д. 115, Баку, AZ 1143, Азербайджанская Республика; e-mail: dmakirichenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1045-4159.

2 Автор выражает свою благодарность директору историко-краеведческого музея г. Масаллы Э. Р. Тагиевой за возможность публикации материала.

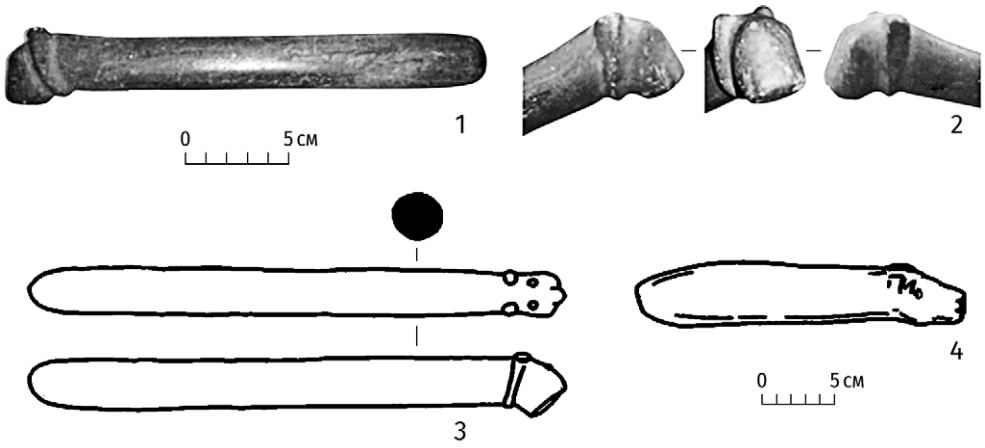

Рис. 1. Каменные скипетры периода ранней бронзы: *1*, *2* — Назароба, Азербайджан (фотография автора); *3* — Се Гирдан, курган III, Иран (по: *Muscarella*, 1969. Fig. 27); *4* — Тельманкенд, курган № 1, Азербайджан (по: *Ахундов*, *Махмудова*, 2008. С. 147, табл. 30, *8*)

Fig. 1. The stone scepters of the Early Bronze Age: *1*, *2* — Nazaroba, Azerbaijan (photo by the author); *3* — Sé Girdan, mound III, Iran (after *Muscarella*, 1969. Fig. 27); *4* — Telmankend, mound No. 1, Azerbaijan (after *Ахундов*, *Махмудова*, 2008. С. 147, табл. 30, *8*)

Скипетр из Назаробы относится ко 2-му классу (черенковидные скипетры, напоминающие жезлы) по типологии, предложенной С. Н. Кореневским для классификации каменных скипетров (*Кореневский*, 2008. С. 86).

Ареал распространения каменных скипетров-жезлов в эпоху халколита — раннем бронзовом веке, помимо Кавказа, охватывает значительную территорию Евразии от Оренбуржья до Алтая (Барнаульско-Бийское Приобье), Казахстана и Монголии (*Там же*. С. 108), а также Ирана (*Muscarella*, 1969). Часть из них напоминают каменный цилиндр, другие снабжены изображениями медведя (?), коня с жесткой гривой, круторогого барана или абстрактной фигуры (*Кореневский*, 2008. С. 108), третьи же — кошачьего хищника (*Muscarella*, 1969), коня или собаки (*Müseyibli*, 2020. S. 181).

Жезлы отражали распространение некоей единой символики, связанной с почитанием наиболее значимых видов животных, которая приспосабливалась под знаковую систему развивающейся культовой и военной власти. С. Н. Кореневский связывал эти предметы с комплексами, несущими символику воинской элиты, возможно закрепившей за собой и культовые функции (*Кореневский*, 2008. С. 108).

Каменные скипетры-жезлы на территории Азербайджана были выявлены в памятниках лейлатепинской культуры в Акстафинском р-не: курган № 1/2006 Союгбулаг (*Лионне и др.*, 2011. Рис. 3, *4*), поселение Пойлу II (*Müseyibli*, 2020. S. 181; şək. 153, *4*) и датированы периодом халколита. Зооморфное навершие скипетра из кургана № 1/2006 Союгбулаг представляло собой голову коня, а из поселения Пойлу II — коня или собаки (*Ibid*. S. 180–181).

Каменный скипетр (рис. 1, *4*) из кургана № 1 Тельманкенд (Астаринский р-н) датируется ранним бронзовым веком и также относится ко 2-му классу скипетров. Зооморфное навершие жезла представляло собой голову коня (*Mahmudov*, 1987. S. 13–14, şək. 2). Скипетр был изготовлен из удлиненной гальки, длина его составляет 23 см (*Ахундов*, *Махмудова*, 2008. С. 69). Курган № 1, по мнению Ф. Р. Махмудова, следует датировать не позднее середины III тыс. до н. э., а отдельные артефакты из него обнаруживают аналогии с ближневосточными материалами конца IV — начала III тыс. до н. э. (*Mahmudov*, 1987. S. 18–19). Курган № 1 по обряду захоронения и некоторым материалам сходен с погребальными памятниками куро-аракской культуры (*Ibid*. S. 16, 18–19). Тельманкендские курганы расширяют ареал курганных захоронений куро-аракской культуры и на сегодняшний день представляют собой самые южные памятники подобного типа на территории Азербайджана (*Махмудов*, 2008. С. 42).

Самой близкой аналогией жезлу из Назаробы является скипетр из кургана III Се Гирдан (район оз. Урмия, провинция Западный Азербайджан, Иран), раскопанного в 1968 г. американским археологом О. Мускареллой (*Muscarella*, 1969). Скипетр из кургана III Се Гирдан (рис. 1, *3*) имеет 37 см в длину и диаметр 3,2 см (*Ibid*. P. 20), его зооморфное навершие представляет собой голову кошачьего хищника (*Ibid*. Fig. 25–27). Обряд погребения в кургане III относится к майкопской погребальной традиции (*Deshayes*, 1973; *Кореневский*, 2008. С. 105). В своей последней публикации по кургану III О. Мускарелла относит погребение к майкопской археологической культуре и датирует его около 3000 г. до н. э. (*Muscarella*, 2003. P. 130).

Вероятно, артефакт из Назаробы также относится к тому же времени — раннему бронзовому веку, что и жезл из кургана III Се Гирдан, но скипетр из Назаробы был несколько короче и уже.

Жезл из Назаробы — вторая подобного рода находка в Юго-Восточном Азербайджане, относящаяся, предположительно, к раннему бронзовому веку. Возможно, дальнейшие археологические исследования в этом регионе смогут пролить свет на появление и распространение здесь каменных скипетров с зооморфным навершием.

Ахундов, *Махмудова*, 2008 — *Ахундов Т. И.*, *Махмудова В. А.* Южный Кавказ в кавказско-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н. э. Баку: Шарг-Гарб, 2008. 198 с.

Кореневский, 2008 — *Кореневский С. Н.* О зооморфных прототипах каменных скипетров эпохи энеолита, раннего периода бронзового века Восточной Европы и Кавказа // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 86–111.

Лионне и др., 2011 — *Лионне Б.*, *Алмамедов К.*, *Буке Л. и др.* Могильник эпохи позднего энеолита Союг Булаг в Азербайджане // РА. 2011. № 1. С. 48–61.

Махмудов, 2008 — *Махмудов Ф. Р.* Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: Нафта-Пресс, 2008. 215 с.

Deshayes, 1973 — *Deshayes J.* La Date des Tumuli de Sé Girdan // Iran. 1973. Vol. 11. P. 176–178.

Mahmudov, 1987 — *Mahmudov F. R.* Astara rayonundakı ilk tunc dövrü kurqanları haqqında // Azərbaycanın Maddi Mədənniyəti. 1987. X. S. 12–21.

Muscarella, 1969 — *Muscarella O. W.* The Tumuli at Sé Girdan: A Preliminary Report // Metropolitan Museum Journal. 1969. Vol. 2. P. 5–25.

Muscarella, 2003 — *Muscarella O. W.* The chronology and culture of Sé Girdan: Phase III // ACSS. 2003. Vol. 9 (1). P. 117–131.

Müseyibli, 2020 — *Müseyibli N. Ə.* Leylatəpə mədəniyyəti. Bakı: Elm və təhsil, 2020. 576 s.

About the scepter from the Masally Museum of History and Local Lore (Azerbaijan Republic)

Dmitry A. Kirichenko[3]

The article highlights information about a scepter the Masally Museum of History and Local Lore (Azerbaijan Republic). The artifact was found near Nazaroba village. The scepter belongs to the 2nd class of S. N. Korenevsky's typology of stone batons. The stone scepters on the territory of Azerbaijan were found in Soyugbulagh, Poylu II (Chalcolithic, Leilatepe archaeological culture), Telmankend (Early Bronze Age). The closest analogy to the baton is the scepter from mound III in Se Girdan (Iran). Probably the artifact is dated the Early Bronze Age.

Keywords: *Azerbaijan, archaeology, Early Bronze Age, scepter, symbols of power.*

3 Dmitry A. Kirichenko — Institute of Archaeology, Ethnography and Anthropology of the Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS), 115 H. Javid Ave., Baku, AZ 1143, Republic of Azerbaijan; e-mail: dmakirichenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1045-4159.

Опыт исследования красочного слоя и ангоба расписной керамики древнеземледельческих трипольской и анауской культур середины IV тыс. до н. э.[1]

К. Б. Калинина[2], Л. Б. Кирчо[3], Е. Г. Старкова[4]

Аннотация. *Начиная с VII тыс. до н. э. на обширных пространствах от Балкан до Тихого океана формируется зона раннеземледельческих культур Старого Света, основным признаком которых является расписная керамика. Сравнительный анализ особенностей обработки поверхности и декора сосудов даже удаленных друг от друга культур позволяет глубже понять специфику развития древних керамических технологий. Использование современных инструментальных методов показало наличие или отсутствие ангоба на образцах трипольской и анауской керамики середины IV тыс. до н. э. и позволило уточнить состав пигментов, использовавшихся для росписи.*

Ключевые слова: *трипольская культура, анауская культура, расписная керамика, современные инструментальные методы, ангоб, красочный слой.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.330-333

Исследования образцов энеолитической керамики проведены при помощи сканирующего электронного микроскопа с энергодисперсионным анализатором (SEM-EDX) и поляризационного микроскопа. Для анализа взяты образцы с пяти трипольских памятников конца среднего — начала позднего периодов (BII–CI), относящихся к IV тыс. до н. э., а также восьми образцов с поселения Ялангач-депе — эталонного памятника периода среднего энеолита в Юго-Восточном Туркменистане (*Хлопин*, 1969). Все обломки происходят из заполнения 2 строительного горизонта Ялангач-депе и датируются временем раннего Намазга II (середина IV тыс. до н. э.).

Глиняная масса трипольских сосудов представляла собой железосодержащую глину — смесь алюмосиликатов железа (Fe), калия (K), кальция (Ca) и магния (Mg). Дополнительное покрытие (ангоб) обнаружено лишь на керамике из поселения Поливанов Яр (рис. 1, *1, 2*). Как известно, ангоб — это дополнительный слой хорошо отмученной тонкодисперсной глины, который наносили на сосуд перед обжигом. Возможно, для древней керамики все же более правильным является термин «шликер» (нем. *Schlicker*, англ. *slip*) — разведенная водой глиняная масса, незначительно отличающаяся по составу от глиняного теста, из которого изготовлен сосуд. Ангоб все же имеет более сложные составляющие и появляется значительно позднее. Однако для описания дополнительного покрытия слоем глины поверхности энеолитической керамики чаще всего используют термин «ангоб» без учета вышеперечисленных нюансов (см.: *Цвек*, 1994. С. 68; *Попова*, 2003. С. 129).

В образцах из Поливанова Яра II ангоб представлял собой однородный монолитный плотный слой под росписью толщиной около 5–10 мкм. В нем наблюдалось более высокое содержание K и Al по сравнению с глиняной массой. В составе ангоба присутствовали неорганические вещества, увеличивающие плавкость суспензии, покрывающей керамику. Источники щелочных металлов могли быть как минерального происхождения, так и биологического. Биологическим источником была зола, получаемая при сжигании растений. В зависимости от того, какое растение было использовано для получения золы, менялся ее минеральный состав (*Галибин*, 2001. С. 27). Однако содержание алюминия в золе не настолько высокое, чтобы сильно влиять на минеральный состав ангоба. Возможно, в качестве минеральной добавки в ангобе был использован ортоклаз K $[AlSi_3O_8]$, а биологической — K-содержащая зола.

Исследование минеральных красителей для росписи трипольской керамики показало, что в качестве коричневого красителя применялась смесь пиролюзита и охры (также с добавлением жженой кости).

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Камилла Бурхановна Калинина — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: kkalinina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0067-1758.

3 Любовь Борисовна Кирчо — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: l_kirtcho@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6131-1393.

4 Елена Генриховна Старкова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: astarkova2012@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1773-1737.

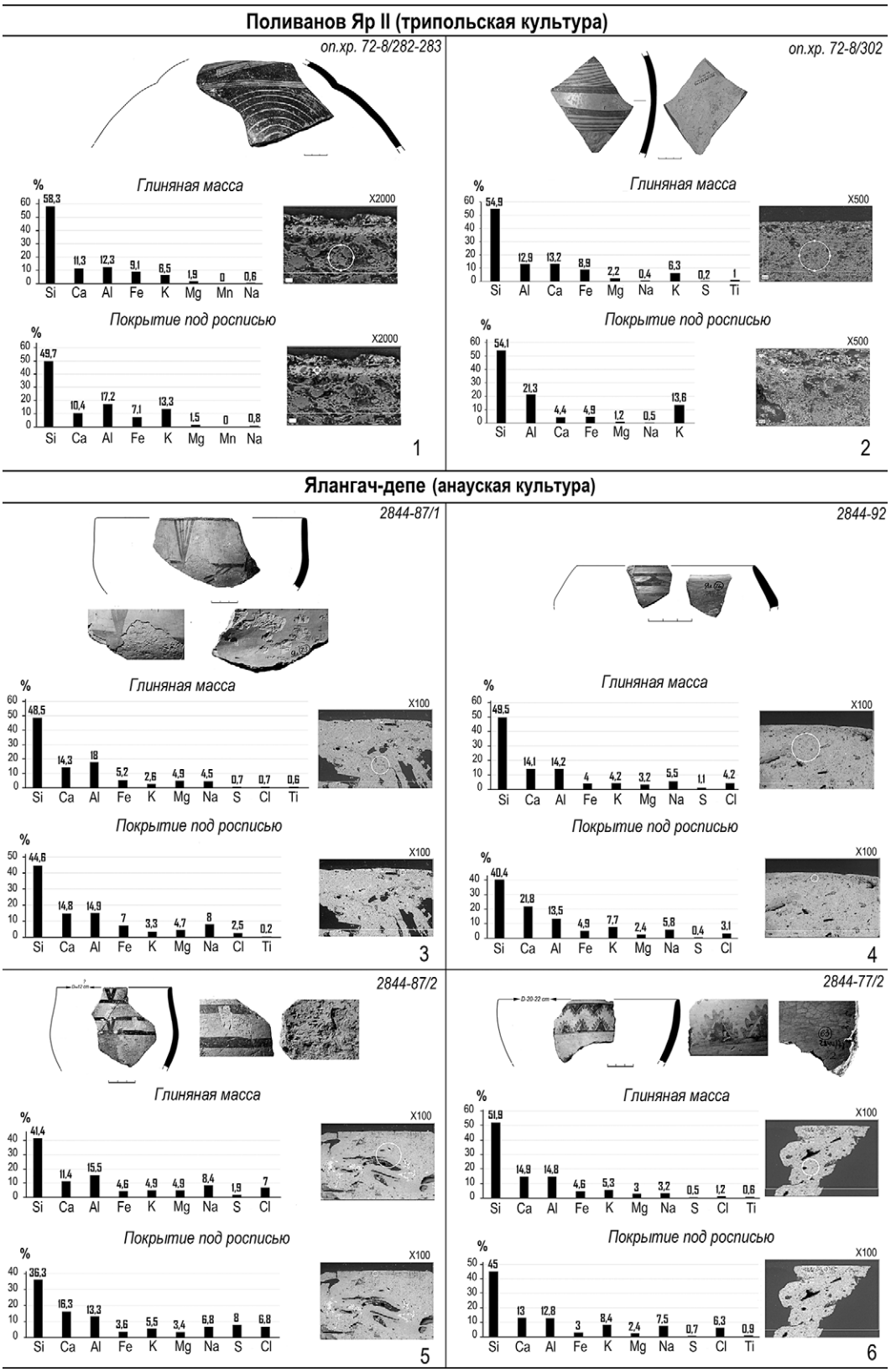

Рис. 1. Элементный состав микрофотографии шлифов глиняной массы, ангоба и красочного слоя образцов расписной керамики эпохи энеолита: *1, 2* — образцы керамики трипольской культуры (Поливанов Яр II); *3–6* — образцы керамики анауской культуры (Яланғач-депе, горизонт 2)

Fig. 1. The elemental composition of the microsections of clay masses, engobe and the color layer of the painted ware samples of the Chalcolithic cultures (with their micro photos): *1, 2* — the Tripolye ware samples (Polivanov Yar II); *3–6* — the Aanu ware samples (Yalangach-depe, horizon 2)

Белая краска представляла собой смесь мела с силикатом кальция с незначительной примесью жженой кости и гипса (*Калинина*, *Старкова*, 2016. С. 126; *Kalinina et al.*, 2018. S. 240).

Для исследования технологии изготовления, состава керамической массы, ангоба и красочного слоя среди расписной керамики Ялангач-депе были выбраны фрагменты сосудов со светлым (беловато-желтоватым) и красноватым покрытием, украшенные монохромной темно-коричневой росписью — т. н. керамика ялангачского типа (рис. 1, *3–5;* № 2844–92, 2844–87/1 и 2844–87/2), а также обломки столовой посуды с кремово-желтоватой поверхностью и полихромной (фактически бихромной) орнаментацией красновато-коричневой и серовато-черной красками (рис. 1, *6*; № 2844–77/1, 2844–77/2, 2844–77/3, 2844–4/1, 2) — керамика типа Намазга II, типичная для памятников центрального района северной подгорной полосы Копетдага (*Массон*, 1982. С. 28–30).

В глиняном тесте керамики из Ялангач-депе содержалось относительно большее количество Na и Cl, что свидетельствует о том, что источник глиняного сырья находился на засоленном участке. К глиняной массе всех образцов добавлялось большое количество растительной примеси (травы).

При сравнении теста изделий из двух разных поселений обращает на себя внимание, что керамика из Ялангач-депе обладает большей степенью спекания — в отличие от трипольской керамики, где отчетливо были видны включения различных силикатов, алюмосиликатов и других минералов. Глиняная масса очень плотная и однородная с равномерным распределением элементов. Это может объясняться более высокой температурой обработки, длительным обжигом[5] или же повышенным присутствием соединений щелочных металлов K и Na, которые приводят к увеличению плавкости. В глиняной массе образцов из Ялангач-депе наблюдалось относительно большее содержание Na, чем в образцах трипольской культуры, что, вероятно, привело к увеличению плавкости и, как следствие, большему спеканию керамического теста. Содержание K в керамике из обоих поселений находилось на близком уровне. Возможно, при выгорании растительной примеси образовывались продукты сгорания (зола) с относительно высоким содержанием K и Na, что также приводило к увеличению плавкости массы.

На трех шлифах бихромной светлой керамики из Ялангач-депе (№ 2844–77/1, 2844–77/2, 2844–77/3) видны несколько слоев. Нижний слой соответствует керамической массе, на нем находится более светлый промежуточный слой — ангоб, толщиной около 200 мкм, по виду отличающийся от основной керамической массы, на котором, в свою очередь, лежит очень тонкий красочный слой. Промежуточный слой во внутренней части обладает относительно бо́льшим количеством мелких пор, чем керамическая масса, однако в нем отсутствуют следы добавления растительности. Было установлено, что в глину ангоба был добавлен компонент, содержащий K и Na, вероятно зола. Для региона, где были произведены эти керамические изделия, характерны такие растения, как поташник, солерос и солянка, растущие на засоленных почвах, в золе которых содержится много Na (*Галибин*, 2001. С. 27). В золе вещества, содержащие K и Na, присутствуют в виде карбонатов, при нагревании которых выделятся CO_2, что приводит к образованию мелких пузырьков (пор) в слое ангоба. Красочный слой декора является очень тонким, толщина его — около 20–30 мкм. В качестве светло-коричневого пигмента использован земляной железосодержащий пигмент, для создания темно-коричневого декора был использован железо-марганецсодержащий пигмент минерального происхождения.

На четвертом и пятом шлифах (было изготовлено два шлифа из одного обломка бихромной светлой керамики из Ялангач-депе — № 2844–4/1, 2) описанный выше слой ангоба отсутствовал.

На шлифах монохромной красной (№ 2844–92, 2844–87/1) и светлой (2844–87/2) керамики из Ялангач-депе также наблюдается присутствие промежуточного слоя (ангоба) между керамической массой и красочным слоем. В нем нет следов растительных волокон, и для него характерны мелкие многочисленные поры. Элементный анализ ангоба одного из шлифов красной керамики (№ 2844–87/1) показал относительно более высокое содержание K и Na, чем в тесте, однако эта разница была меньше, чем у бихромной светлой керамики (№ 2844–77/1, 2844–77/2, 2844–77/3).

На шлифах монохромной красной (№ 2844–92) и светлой (2844–87/2) керамики при исследовании ангоба, помимо K и Na, было обнаружено высокое (по сравнению с глиняной массой) содержание Ca. Это свидетельствует о наличии биологической добавки в виде Ca-содержащей золы или компонента минерального происхождения — например, мела, являющегося карбонатом Ca ($CaCO_3$). Ангоб с большим содержанием Ca обладает меньшей плавкостью и, как следствие, будет иметь меньшее сцепление с поверхностью сосуда.

---

5 Технологические исследования керамики эпохи энеолита и бронзы памятников Южного Туркменистана, проводившиеся в 1970-х гг. Э. В. Сайко, показали, что температура обжига энеолитических сосудов была невысока и достигала 650–800° (*Сайко*, 1981. С. 81, 89, рис. 1). Однако открытие и исследование на Илгынлы-депе двухкамерных одноярусных обжигательных печей конца периода раннего энеолита (*Соловьева*, 2019) свидетельствует о специализированном характере производства и, вероятно, значительной длительности обжига.

Таким образом, при сравнении технологии изготовления керамики из двух памятников трипольской и анауской культур были выявлены черты сходства и различия. Так, для посуды из Ялангач-депе характерна глина с большей засоленностью, вследствие чего керамическое тесто характеризуется большей спекаемостью. Ангобы присутствуют на большинстве обломков керамики из обоих поселений. Однако в Ялангач-депе они гораздо толще (до 200 мкм), в то время как в Поливановом Яре ангобы имеют толщину 5–10 мкм. Сравнение структуры красочного слоя дает обратную картину: толщина декора в Ялангач-депе — около 10–20 мкм, в отличие от Поливанова Яра, где красочный слой был гораздо толще и иногда наносился в несколько слоев.

Общей чертой в энеолитическом керамическом производстве трипольской и анауской культур является присутствие в составе покрытия под роспись (примитивной формы ангоба) относительно большего количества щелочных элементов, что приводило к увеличению легкоплавкости ангоба. Для Поливанова Яра зарегистрировано увеличение содержания K, для Ялангач-депе — увеличение содержания и K, и Na. Вероятно, источником этих щелочных элементов могла быть растительная зола, состав которой отличается в зависимости от разновидности сжигаемого растительного сырья. Добавление золы к глине приводило к созданию более легкоплавкой смеси.

Галибин, 2001 — *Галибин В. А.* Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 216 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. 4; Archaeologica Petropolitana; IX).

Калинина, *Старкова*, 2016 — *Калинина К. Б.*, *Старкова Е. Г.* Технологические особенности трипольского керамического производства // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы Междунар. науч. конф, 24–27 мая 2016 г., Санкт-Петербург / Отв. ред.: О. В. Лозовская, А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 125–128.

Массон, 1982 — *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Ч. 1 / Отв. ред.: В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.: Наука, 1982. С. 9–92 (Археология СССР).

Попова, 2003 — *Попова Т. А.* Многослойное поселение Поливанов Яр: К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье. СПб.: МАЭ РАН, 2003. 237 с.

Сайко, *Терехова*, 1981 — *Сайко Э. В.*, *Терехова Н. Н.* Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы: По материалам Южного Туркменистана / Отв. ред.: Б. А. Колчин, Э. В. Сайко. М.: Наука, 1981. С. 72–122.

Соловьева, 2019 — *Соловьева Н. Ф.* Обжигательные печи Йылгынлы-депе периода раннего энеолита // Записки ИИМК. 2019. № 20. С. 147–162.

Хлопин, 1969 — *Хлопин И. Н.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. III. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Л.: Наука, 1969. 55 с. (САИ; Вып. Б3–8).

Цвек, 1994 — *Цвек Е. В.* Гончарное производство племен трипольской культуры // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине / Отв. ред. И. Т. Черняков. Киев: Наукова думка, 1994. С. 55–95.

Kalinina et al., 2018 — *Kalinina K.*, *Starkowa E.*, *Urjupow S.* Nauki przyrodnicze w badaniu ceramiki kultury trypolskiej: problemy i perspektywy // Badania archeologiczne w Polsce środkowowschodniej, zachodniej Białorusi i Ukrainie w roku 2017 / Red. A. Zakościelna. Lublin: Instytut Archeologii UMCS; Muzeum Lubelskie w Lubline, 2018. S. 12.

The experience of study of the Tripolye and Anau painted ware's color layer and engobe (the middle of the 4th mill. BC)

Kamilla B. Kalinina[6], Lyubov B. Kircho[7], Elena G. Starkova[8]

The early Eurasian agricultural cultures' zone emerged from the 7th mill. BC in the vast space from the Balkans up to the Pacific Ocean. Their main feature was painted ware. The comparative analysis of the peculiarities of the surface treatment and the vessels' decoration (even for distant archaeological cultures) brings us a much deeper understanding of the development specific of the ancient pottery technologies. The up-to-date instrumental methods' use has shown the presence or absence of engobe on the Tripolye and Anau cultures' pottery samples (the middle of the 4th mill. BC) and let us to precise their pigments' composition.

Keywords: *Tripolye culture, Anau culture, painted ware, up-to-date instrumental methods, engobe, color layer.*

6 Kamilla B. Kalinina — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: kkalinina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0067-1758.

7 Lyubov B. Kircho — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: l_kirtcho@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6131-1393.

8 Elena G. Starkova — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: astarkova2012@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1773-1737.

Находка печати из шпейза с Гонур-депе[1]

В. А. Агаханова[2], А. М. Юминов[3], А. В. Фрибус[4], Н. А. Дубова[5]

Аннотация. *В докладе представлены предварительные итоги анализов необычной печати из погребения 78 памятника Гонур 20 (Юго-Восточный Туркменистан). Для погребения имеется AMS-дата по углю — 1875–1626 calBC. Полученные результаты позволяют предположить, что печать была изготовлена из шпейза. Технология производства шпейзов известна на памятниках эпохи бронзы Северного Ирана (Тепе Гиссар, Арисман). Данная находка является еще одним свидетельством связей населения Гонур-депе с этими территориями.*

Ключевые слова: *Туркменистан, эпоха бронзы, БМАК, Цивилизация Окса, печать, древняя металлургия, шпейзы.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.334-337

Гонур-депе является хорошо известным и наиболее масштабно исследованным протогородским центром БМАК. Памятник располагается в Юго-Восточном Туркменистане, хронология комплекса укладывается в период 2300–1700 гг. до н. э. (без учета крайних значений), на основании серии радиоуглеродных дат (*Зайцева и др.*, 2008; *Дубова и др.*, 2020; *Fontugne et al.*, 2021). Вокруг Гонур-депе известно более 20 сателлитных поселений, которые располагаются на расстоянии 2–4 км от основного комплекса. Два из них, Гонур 20 и 21, частично исследованы раскопками, которые выявили присутствие на них жилых и производственных зон, а также небольших локальных могильников (*Сарианиди, Дубова*, 2012).

Весной 2019 г. на памятнике Гонур 20 была исследована небольшая серия погребений, среди которых выделялся объект — погр. 78. Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,65 × 1,68–1,70 м и была разделена на две камеры. Восточную часть занимала своеобразная циста, оформленная двумя кирпичными стенками с западной и южной стороны. Дно находилось на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности. Здесь было установлено 11 керамических сосудов различных форм и размеров. Продольная стенка поверх кирпича была выложена фрагментами керамики от нескольких хумов.

Западную часть сооружения занимало погребение женщины (глубина 0,6 м). Погребенная была уложена скорченно на правом боку, головой ориентирована на СЗ, кисти рук были размещены перед лицом. Инвентарь в погребальной камере состоял из пяти керамических сосудов, установленных с западной стороны. Еще один крупный круглодонный сосуд с полосами красного ангоба находился в ногах погребенной, кувшиновидный — в заполнении, в области черепа. Кроме того, в погребении обнаружены: каменная биконическая бусина; перед лицевым отделом черепа находилась металлическая печать с петелькой; подвеска из известняка, изображающая стопу и часть голени человека: бронзовая булавка с навершием из двух лазуритовых бусин (рис. 1, *1*). В ЮВ углу ямы был установлен миниатюрный сосуд, рядом с которым зафиксированы остатки деревянного предмета, покрытого алебастром с полихромной росписью (*Фрибус и др.*, 2019. Рис. 1; *Fribus et al.*, 2020). Для погребения получена AMS-дата по углю (Lyon-18099 (SaCA-61567)) 1875–1626 calBC[6].

Внешний вид печати, найденной в погр. 78, позволил предположить, что она была изготовлена из некоего железосодержащего сплава (рис. 1, *2*). Печать была сломана пополам, с внешней стороны фрагменты были покрыты буро-коричневыми окислами. В сердцевине изделия хорошо прослеживались коричнева-

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014) (А. В. Фрибус) и в рамках Госзадания ИЭА РАН по теме № 5 «Кросскультурные и междисциплинарные исследования исторических и современных обществ» (Н. А. Дубова). Исследования в Туркменистане проводятся в рамках Соглашения между Министерством культуры Туркменистана и ИЭА РАН.

2 Виталия Аталиевна Агаханова — Всероссийский научно-исследовательский геологический нефтяной институт, шоссе Энтузиастов, д. 36, Москва, 105118, Российская Федерация; e-mail: vitaliya.agahanova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1299-9275.

3 Анатолий Михайлович Юминов — Институт минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, Ильменский заповедник, Миасс, 456317, Российская Федерация; e-mail: umin@mineralogy.ru; ORCID: 0000-0001-7643-3505.

4 Алексей Викторович Фрибус — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: fribus@list.ru; ORCID: 0000-0003-3208-0319.

5 Надежда Анатольевна Дубова — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский пр., д. 32а, Москва, 119334, Российская Федерация; e-mail: dubova_n@mail.ru;ORCID: 0000-0002-4340-1037.

6 Авторы выражают признательность Хулио Бендезу-Сармиенто (Музей естествознания, Париж, Франция) за помощь в проведении радиоуглеродного датирования.

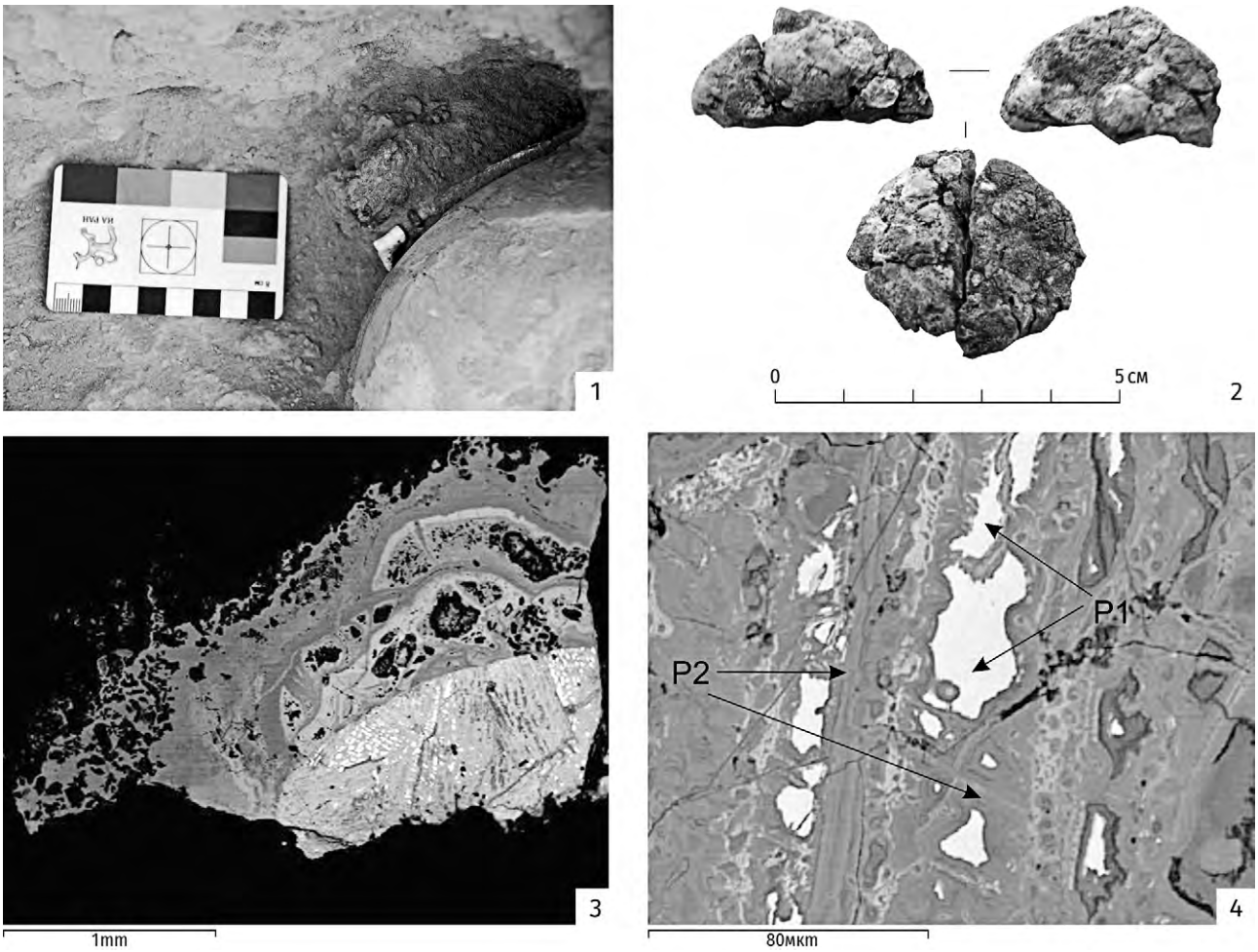

Рис. 1. Гонур 20, Юго-Восточный Туркменистан: *1* — погр. 78: печать и булавка *in situ*; *2* — внешний вид печати; *3* — зерно, отобранное из «сердцевины» печати; светлые пятна — реликты металлического Fe-As сплава (SEM); *4* — реликты металлического Fe-As сплава (фаза P1) среди непостоянных по составу окислов (фаза P2) (SEM)

Fig. 1. Gonur 20, South-Eastern Turkmenistan: *1* — Grave 78: seal and hair pin *in situ*; *2* — seal surface view; *3* — grain from the inside part of the seal; light points — relicts of the metal Fe-As alloy (SEM); *4* — relicts of the metal Fe-As alloy (phase P1) among non-permanent oxides (phase P2) (SEM)

то-бурые почковидные корки окислов со стеклянным блеском. Края этой корки, в свою очередь, покрыты порошковатыми рыже-коричневыми образованиями, которые к поверхности постепенно сменяются светло-серыми корками. Реликтов металла под бинокулярной лупой обнаружено не было. Из внутренней зоны коричневато-бурых окислов и ближе к поверхности было отобрано небольшое количество вещества, достаточное для проведения микрозондового анализа.

Изучение образцов в полированных срезах методом растровой (сканирующей) электронной микроскопии (SEM) проводилось в Минералогическом музее имени А. Е. Ферсмана РАН на электронном микроскопе JEOL Superprobe 733. Использование этого метода дало возможность наблюдать фазовую и внутрифазовую неоднородность минеральных фаз в отраженных электронах. Электронно-зондовый микроанализ минералов в полированных срезах проводился в Минералогическом музее им. А. Е. Ферсмана РАН на том же электронном микроскопе JEOL Superprobe 733 с использованием энерго-дисперсионной приставки системы INCA. Ускоряющее напряжение — 20 кВ, ток зонда — 2 нА, электронный пучок нерасфокусированный, диаметром 1 мкм.

Исследования показали, что внешняя корка светло-серого цвета состоит главным образом из кварца и кальцита и, скорее всего, появилась в результате длительного нахождения изделия в песке. В зерне, отобранном из внутренней зоны буро-коричневых окислов, практически из самой середины изделия, обнаружились реликты Fe-As сплава с примесью Cu. Реликты представляют собой отдельные зерна размером до 40 мкм в окисленной массе переменного

состава (рис. 1, *3, 4*). Содержания As в сплаве колеблются в пределах 39.65–46.09 вес.%, содержания Fe — 58.32–58.56 вес.%, Cu — 1.02–1.36 вес.%. Представительные анализы металла (фаза P1) и наиболее типичные составы окисленной фазы (фаза P2) показаны в таблице 1.

Таблица 1. Результаты анализа металла (фаза P1) и наиболее типичные составы окисленной фазы (фаза P2) в точке образца по данным SEM

Table 1. Results of metal analysis (phase P1) and the most typical compositions of the oxidized phase (phase P2) at the point of the sample according to SEM data

Элементы	P1			P2		
	1	2	3	4	5	6
	вес.%					
Na				1.38	0.99	
Ca					0.47	
Cu	1.36	1.16	1.02	2.72		
Fe	58.56	58.49	58.32	28.59	31.65	31.94
As	39.65	40.23	40.09	32.42	31.75	32.84
S				1.75		0.35
O				30.57	32.11	32.91
Сумма	99.57	99.88	99.43	97.43	96.97	98.04

Состав сплава позволяет предполагать, что данный предмет изготовлен из шпейза (speiss). Шпейзы — это специфические сплавы на основе минералов, содержащих железо и мышьяк, которые являются промежуточными или побочными продуктами в цветной металлургии. Исследования последних лет в Иране показывают, что подобные сплавы могли производиться преднамеренно, для дальнейшего использования в качестве добавки при плавке медной руды с целью получения мышьяковистых бронз. Сырьем для их производства служили высокомышьяковистые железосодержащие минералы, вероятнее всего арсенопирит или леллингит[7]. Отдельные свидетельства производства шпейзов зафиксированы на Тепе-Гиссар (Северо-Восточный Иран), также было высказано мнение о возможности его использования в качестве экспортного товара (*Thornton et al.*, 2009). На поселении Аристан в Северо-Западном Иране обнаружено более 20 тонн шлака, свидетельствующего о систематическом производстве шпейзов уже в начале III тыс. до н. э. (*Rehren et al.*, 2012).

Поскольку находка на Гонуре является единичной, можно предположить, что фрагмент шпейза попал сюда как «диковинка», «камень» с необычным внешним видом и весом, в качестве импорта. Из него, также как из камня, была вырезана печать, типичного для Гонура облика, которая впоследствии была помещена в неординарное женское погребение (положение печати в могиле — перед лицом также типично для таких предметов). Данная находка требует дальнейшего изучения и является еще одним свидетельством связей населения Гонур-депе с культурами Северного Ирана.

Дубова и др., 2020 — *Дубова Н. А., Зайцева Г. И., Бурова Н. Д., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П.* Новые радиоуглеродные даты по отдельным территориям Гонурского оазиса (Туркменистан, эпоха бронзы) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: ИИМК РАН; РГПУ, Самара: СамГСПУ / ООО «Порто-принт», 2020. С. 26–27.

Зайцева и др., 2008 — *Зайцева Г. И., Дубова Н. А., Семенцов А. А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х.* Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // ТМАЭ. 2008. Т. 2. С. 166–179.

Сарианиди, *Дубова*, 2012 — *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008–2011 гг. // ТМАЭ. 2012. Вып. 4. Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. С. 29–55.

Фрибус и др., 2019 — *Фрибус А. В., Дубова Н. А., Беглиев М. Ы.* Первая находка полихромной росписи на Гонур-депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. Т. I. С. 59–61.

Fontugne et al., 2021 — *Fontugne M., Zajtseva G. I., Lyonnet B., Dubova N. A., Burova N. D.* Appendix. Radiocar-

[7] По геохимическому составу (табл. 1) образцы скорее отвечают минералу скородиту — водному арсенату железа, который является вторичным минералом и может встречаться в зоне окисления месторождений арсенопирита и лелленгита. Ближайшие к памятнику месторождения скородита: Брич-Мулла (Узбекистан), Такели (Таджикистан).

bon dates related to the BMAC / Oxus Civilization // The World of the Oxus Civilization / Ed. by B. Lyonne and N. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 863–911.

Fribus et al., 2020 — *Fribus A., Dubova N., Sataev R., Sataeva L., Kufterin V., Begliev M.* New polychrome painting from Gonur Depe, Turkmenistan // Antiquity. 2020. Vol. 94 (376): e22. P. 1–9.

Rehren et al., 201 — *Rehren T., Boscher L., Pernicka E.* Large scale smelting of speiss and arsenical copper at Early Bronze Age Arisman, Iran // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39. P. 1717–1727.

Thornton et al., 2009 — *Thornton C. P., Rehren T., Pigott V. C.* The production of speiss (iron arsenide) during the Early Bronze Age in Iran // Journal of Archaeological Science. 2009. Vol. 36. P. 308–316.

Speiss seal from Gonur Depe

Vitaliya A. Agahanova[8], Anatoliy A. Uminov[9], Alexey V. Fribus[10], Nadezhda A. Dubova[11]

The report presents preliminary results of analyses of an unusual seal from the Gonur 20, Grave 78 (South-Eastern Turkmenistan). The burial has an AMS-date (charcoal) of 1875–1626 calBC. The obtained results suggest that the seal was made of speiss. The technology of speiss production is known on the Bronze Age sites of Northern Iran (Tepe Hissar, Arisman). This find is another evidence of the interaction between Gonur Depe and these territories.

Keywords: *Turkmenistan, Bronze Age, BMAC, Oxus Civilization, seal, ancient metal production, speiss.*

8 Vitaliya A. Agahanova — All-Russian Research Geological Oil Institute, 36 Enthusiasts' Road, Moscow, 105118, Russian Federation; e-mail: vitaliya.agahanova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1299-9275.

9 Anatoliy A. Uminov — Institute of Mineralogy — a division of the South Urals Federal Research Center of Mineralogy and Geo-ecology of the Urals Branch of the RAS, Ilmen State Reserve, Miass, 456317, Russian Federation; e-mail: umin@mineralogy.ru; ORCID: 0000-0001-7643-3505.

10 Alexey V. Fribus — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: fribus@list.ru; ORCID: 0000-0003-3208-0319.

11 Nadezhda A. Dubova — N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 32a Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russian Federation; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

Исследования могильника Фархор — памятника эпохи ранней и средней бронзы на юге Таджикистана осенью 2021 г.

С. Г. Бобомуллоев[1], Н. М. Виноградова[2], Дж. Ломбардо[3]

Аннотация. *В статье подведены итоги работ российских, таджикистанских и итальянских археологов на могильнике Фархор (юго-запад Таджикистана) осенью 2021 г. Результаты исследований значительно удревняют хронологическую таблицу культур региона и свидетельствуют о его заселении уже в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы, когда здесь уже существовала местная древнеземледельческая культура, тесно связанная с материальной культурой древнего населения Средней Азии, Ирана и Северного Афганистана. Авторы предлагают объединить земледельческие памятники Северного Афганистана и Южного Таджикистана (Фархор, Кангурттут 2, Кругсай) в единую пянджско-фархорскую культуру.*

Ключевые слова: *Южный Таджикистан, бронзовый век, могильник Фархор, коллективные погребения, сосуды, хронология.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.337-340

1 Саидмурод Гиёсович Бобомуллоев — Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, пр. Рудаки, д. 33, Душанбе, 734025, Республика Таджикистан; e-mail: bobomulloev_said@mail.ru.

2 Наталия Матвеевна Виноградова, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, д. 12, Москва, 107031, Российская Федерация; e-mail: nat-vinogradova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1628-7037.

3 Джованна Ломбардо — Национальный музей восточного искусства и Фонд Леричи, пл. Г. Маркони, д. 14, Рим, Итальянская Республика; e-mail: giovanna.lombardo@beniculturali.it; ORCID: 0000-0002-0616-655X.

Археологические работы на могильнике Фархор в 2021 г. проводились международной экспедицией, в состав которой вошли ученые из России, Таджикистана и Италии. Могильник Фархор — самый ранний из всех известных погребальных комплексов на юге Таджикистана. Он находится на окраине г. Пархар, в южной части лессового массива Уртабоз на стрелке двух рек — Пянджа и Кызылсу, в 2 км от афганской границы. Все холмы в местности, где расположен могильник, сплошь покрыты современными захоронениями.

В 2013–2018 гг. на могильнике, в местах, свободных от современных могил, было заложено восемь раскопов и изучено 55 погребений. Могилы находятся на расстоянии от 1 до 4 м и не перекрывают друг друга. Для части захоронений была зафиксирована подбойная или катакомбная конструкция могильных сооружений (*Виноградова*, *Бобомуллоев*, 2020. С. 17).

В 2021 г. были продолжены работы на раскопах 2, 6А и разбит новый раскоп 9.

РАСКОП 2. В 2021 г. к раскопу 2 с ЮВ стороны была сделана прирезка 6 × 8 м, где открыто три захоронения периода ранней бронзы и шесть — мусульманского времени[4]. Наибольший интерес представляет погребение 57 (рис. 1).

Погребение 57 открыто на глубине 1,7 м от дневной поверхности. Погребальная камера закругленно-квадратной формы (1,5 × 1,4 м). Входная яма не обнаружена. Погребение коллективное. В северной части могилы кости скелета лежали с нарушением анатомического порядка, так как они были сдвинуты при подзахоронении других умерших. В центральной и южной частях камеры находились еще два погребенных, уложенных в скорченной позе, спиной друг к другу, головой на З. Первый умерший лежал на правом боку, обе руки были согнуты в локтях, кисти их находились перед лицом. На черепе найдена каменная бусина из сердолика (рис. 1, *1*), а в районе шеи — еще одна бусина из бирюзы (рис. 1, *2*). Второй погребенный покоился на левом боку. У черепа найдено каменное навершие (рис. 1, *3*), а в районе пояса — каменное биконическое пряслице (рис. 1, *5*). Еще одно каменное навершие (рис. 1, *4*) и бусина из сердолика (рис. 1, *6*) были обнаружены в центральной части могилы. По антропологическому определению кости первого скелета, лежавшего на правом боку, принадлежали мужчине 25–35 лет; второй скелет (на левом боку) — женский 30–35 лет; третий скелет (с нарушенным анатомическим порядком) — мужской 25–30 лет[5].

РАСКОП 9 (6 × 6 м) находится в 12 м к С от раскопа 2. Здесь открыты два погребения периода ранней бронзы, яма № 1 и несколько погребений мусульманского времени.

Погребение 56 найдено на глубине 1,8 м. Входная яма не обнаружена. Могила (1,6 × 1,2 м) имела округло-овальную форму. В погребении лежали два скелета лицом друг к другу в скорченном положении, головой на С. Первый умерший лежал на левом боку. Под черепом обнаружены две гальки. Второй погребенный лежал на правом боку, руки были вытянуты вдоль туловища. Около шейных позвонков расчищены бусина из сердолика и каменная пронизка. Около плечевой кости найдена еще одна бусина из сердолика. Под черепом в области ушной раковины обнаружена бронзовая серьга крюковидной формы. По определению антропологов черепа скелетов — узколицые, долихоцефальные; первый скелет (на левом боку) принадлежал женщине 35–45 лет; второй скелет (на правом боку) — мужчине 30–40 лет.

Погребение 60 обнаружено на глубине 2,3 м. Входная яма не зафиксирована. Погребальная камера (1,2 × 0,8 м) имеет овально-вытянутую форму. Погребенный лежал на левом боку в сильно скорченном положении, головой на СЗ. Руки согнуты в локте, кисти рук находились перед лицом. У восточной и западной стенки камеры расчищены две гальки. По антропологическому определению скелет принадлежит женщине 30–45 лет.

РАСКОП 6А находится в 500 м к СВ от раскопов 2 и 9. В 2021 г. к существующему раскопу была сделана прирезка 4 × 6 м. Здесь было открыто три погребения периода ранней бронзы.

Погребение 61 расчищено на глубине 1,6 м. Входная яма не найдена. В овальной погребальной камере (1,25 × 1 м) были захоронены три человека. Кости скелета у северной стенки могилы (по антропологическому определению — мужского) были сдвинуты, и их анатомический порядок нарушен. В могиле расчищены еще два скелета — женский и детский (6–7 месяцев). Повторное захоронение могло произойти через входную яму, которая, вероятно, находилась у южной стенки погребальной камеры. Женщина была уложена на левый бок в скорченном положении, руки согнуты в локте, и кисти рук положены на шею младенца. Головой погребенные ориентированы на ЮЗ. Бусы из алебастра и камня находились у шейных позвонков и рук женского скелета: восемь цилиндрических бусин, две шестигранные, составная пронизка из шести бусин, три ромбовидные и две бочковидные бусины. Подвеска и две ромбовидные бусины были расчищены около шейных позвонков младенца. Возраст погребенных в могиле (кроме младенца) не определен.

---

4 В настоящей статье мы приводим результаты исследований только погребений бронзового века.

5 Антропологические определения выполнены сотрудником Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана М. Наврузбековым.

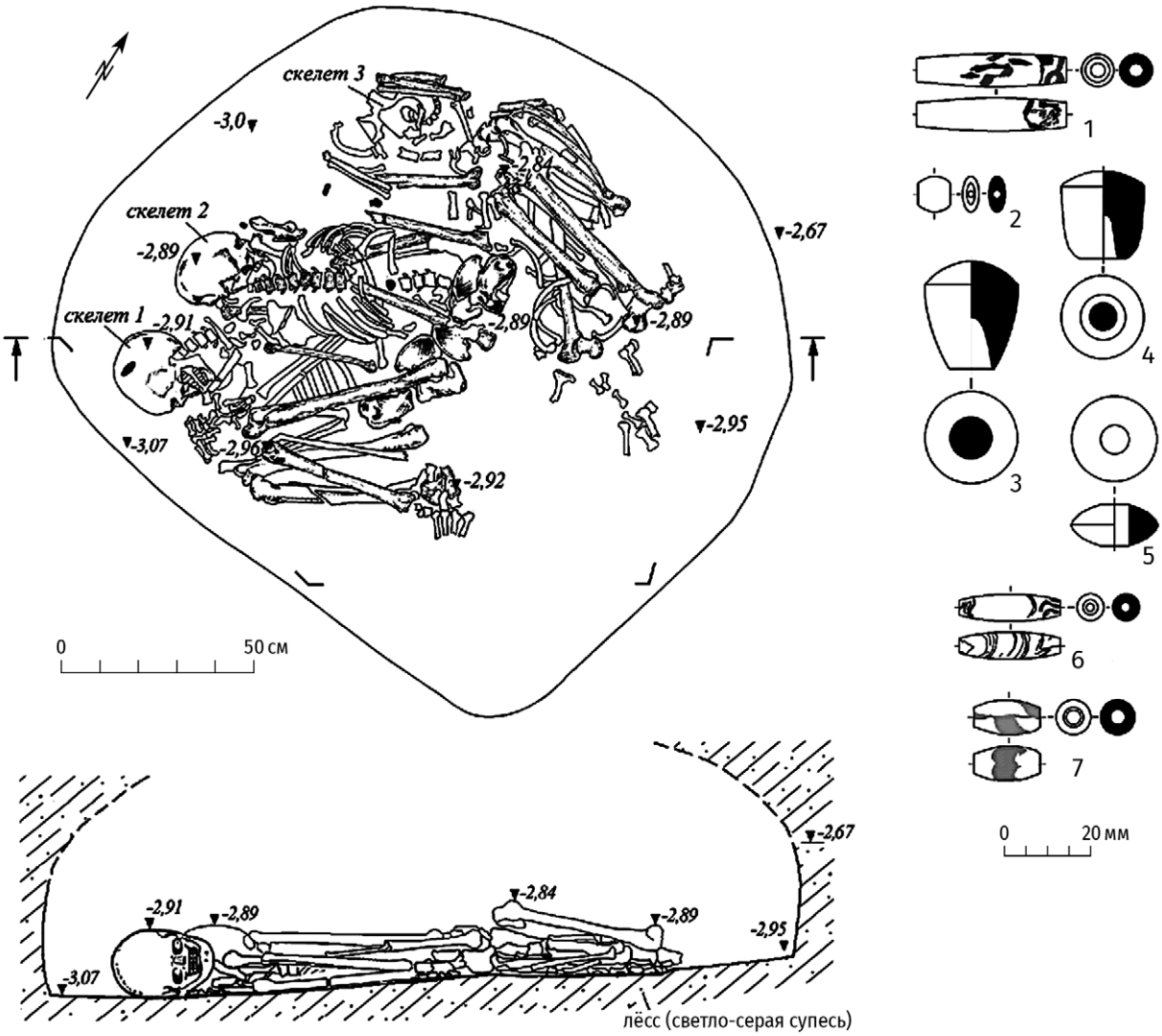

Рис. 1. Могильник Фархор. Раскоп 2, погребение 57, план, разрез и инвентарь из камня: *1*, *2*, *6*, *7* — бусины; *3*, *4* — «навершия»; *5* — пряслице

Fig. 1. Farkhor burial ground. Excavation area 2, burial 57, plan, section, stone inventory: *1*, *2*, *6*, *7* — beads; *3*, *4* — "tops"; *5* — spindel whorl

Погребение 62 находилось в 2 м к Ю от могилы 61 на глубине 1,6 м. Скорее всего, погребение имело входную яму, так как сохранились куски пахсы от заклада входа в камеру. Захоронение парное, кости мужского скелета были сдвинуты к задней стенке погребальной ямы. Мужчина был уложен на правый бок. Второй погребенный — женщина, была уложена на левый бок в скорченном положении головой на ЮЗ. Захоронение безынвентарное.

Погребение 63 открыто на глубине 1,7 м. Могила ограблена. Вход в погребальную камеру был заложен кирпичами (8 × 12 см) и кусками пахсы, которые были разбросаны по всей камере. Глубина могильной ямы — 0,4 м. В могиле зачищены небольшие фрагменты костей человека, а также мелкие камни и фрагменты керамики. Рядом с погребением найдена миска и каменная пронизка. Эти предметы, скорее всего, были выброшены из могилы при ограблении.

По определению антрополога Н. А. Дубовой, все костные останки из погребений Фархора характеризует общая грацильность и бесспорная европеоидность облика средиземноморского типа (*Дубова*, 2020. С. 216–264).

Раскопки на могильнике Фархор 2021 г. дают новые данные для реконструкции погребального ритуала. В могилах зафиксированы коллективные погребения с подзахоронением в погребальную камеру. По данным радиоуглеродного анализа, погребения

эпохи ранней бронзы на могильнике Фархор датируются временем 2800/2700–2300 гг. до н. э. (*Виноградова*, *Бобомуллоев*, 2020. С. 97).

Результаты исследований могильника Фархор значительно удревняют хронологическую таблицу культур Юго-Западного Таджикистана и свидетельствуют о заселении этой территории уже в периоды позднего энеолита и ранней бронзы. Археологические исследования на могильниках раннебронзового века Южного Таджикистана (Фархор, Кангурттут 2, Кругсай) позволяют по-новому оценить этнокультурные процессы, происходившие на юге Таджикистана в начале — середине III тыс. до н. э. Эти материалы свидетельствуют о существовании здесь уже в периоды позднего энеолита и ранней бронзы (Намазга III–IV) местной древнеземледельческой культуры, тесно связанной с материальной культурой древнего населения Средней Азии (Алтын-депе, Заманбаба и др.), Ирана (Гиссар IIIC, Шахдад — некрополь A) и Северного Афганистана (разграбленные могильники). А.-П. Франкфор предлагает для памятников раннего и начала среднего бронзового века в Восточной Бактрии новое название — культура Пянджа (*Francfort*, 2016. С. 471). Принимая во внимание значение погребальных комплексов Фархора для юга Средней Азии в эпоху ранней и начала средней бронзы, мы предлагаем объединить земледельческие памятники (разграбленные могильники Северного Афганистана, Фархор, Кангурттут 2, Кругсай) в единую *пянджско-фархорскую культуру*.

Земледельческие погребальные комплексы могильника Фархор находят свои прототипы в материалах памятников Южного Туркменистана периода позднего энеолита — начала периода ранней бронзы. По мнению Л. Б. Кирчо (*Кирчо*, 2018. С. 56), в последних веках IV тыс. до н. э. между подгорной зоной Копетдага и Северо-Восточным Афганистаном, где расположены месторождения лазурита, функционировал древнейший торгово-обменный путь. Он мог проходить около Фархора, где находится удобная переправа через р. Пяндж.

Виноградова, *Бобомуллоев*, 2020 — *Виноградова Н. М.*, *Бобомуллоев С.* Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М.: ИВ РАН, 2020. 284 с.

Дубова, 2020 — *Дубова Н. А.* Антропологическая характеристика материала из раскопок могильника Фархор (Пархар). Предварительные итоги // Виноградова Н. М., Бобомуллоев С. Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. Москва: ИВ РАН, 2020. С. 216–264.

Кирчо, 2018 — *Кирчо Л. Б.* Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в III тыс. до н. э.) // Записки ИИМК. 2018. Вып. 19. С. 56–69.

Francfort, 2016 — *Francfort H.-P.* How the twins met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortughaï revisited forty years later // ТМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 461–475.

Research of the Farkhor burial ground — a site of the Early and Middle Bronze Age in the South of Tajikistan in autumn 2021

Saidmurod G. Bobomulloev[6], Natalia M. Vinogradova[7], Giovanna Lombardo[8]

The authors summarize the results of the investigations at the Farkhor burial ground (South-Western Tajikistan) in the autumn of 2021 The results of the research significantly distort the chronological table of the regional archaeological cultures and testify that already in the late Chalcolithic and Early Bronze Age there was already a local ancient agricultural culture, closely related to the material culture of the ancient population of Central Asia, Iran and Northern Afghanistan. The authors propose to combine the agricultural monuments of Northern Afghanistan and Southern Tajikistan (Farkhor, Kangurtut 2, Krugsay) into Panj-Farkhor culture.

Keywords: *Southern Tajikistan, Bronze Age, Farkhor burial ground, collective burial, vessels, chronology.*

6 Saidmurod G. Bobomulloev — A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Pebublic of Tajikistan, 33 Rudaki Ave., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan; e-mail: bobomulloev_said@mail.ru.

7 Natalia M. Vinogradova — Institute of Oriental studies of the RAS, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation; e-mail: nat-vinogradova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1628-7037.

8 Giovanna Lombardo — The National Museum of Oriental Art, Rome, Italy and Lereci Foundation, 14 Piazza G. Marconi, Rome, Italian Republic; ORCID: 0000-0002-0616-655X.

Bronze Age weaponry from Central Asia: a new approach using scientific identifications and radiocarbon dates of wood remains

St John Simpson[1], Caroline R. Cartwright[2], John Ambers (†), Mohammad Fahim Rahimi[3]

Remains of wood preserved inside the shaft hole of a distinctive decorated Bronze Age axe-head from northern Afghanistan were identified as ash and radiocarbon dated to 1976–1879 BC (94.2% probability), giving a rare precision date and the first identification of wood used for an axe haft of this period.

Keywords: *Bronze Age; Afghanistan; copper alloy axe-head; wood identification; scientific analysis; radiocarbon dating.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.341-343

Weapons were a popular form of grave-good among Bronze and Iron Age societies of Eurasia and the Near East, and clearly seen as status symbols as well as essential weapons needed for the afterlife. Axes were particularly popular, usually plain but occasionally decorated, and, in a few cases from Central Asia, even covered with burnished gold overlays. Unfortunately, all that survives in most cases is the metal axe-head and little is known about the material, length or shape of the hafts.

Over the course of many years, large amounts of ancient metal weaponry being illegally trafficked from Afghanistan and Iran have been seized by UK Border Force, identified at the British Museum and subject to return to their countries of origin (*Simpson*, 2020). It was the discovery of pieces of wood inside the hafts of some of these objects which triggered this research by the authors as very little is known about the types of wood used for tools or weapons of these periods, as traces rarely survive and objects usually heavily cleaned.

This paper presents the earliest object examined so far: a cast copper alloy axe-head which had been secured onto the haft with a rivet driven through the centre, and the eye-like appearance of this made more explicit by the addition of an outline on either side (fig. 1, *1*). Remains of desiccated wood were preserved within the shaft hole. The object was part of a trafficked consignment originating in northern Afghanistan, and identical to others known from that region and southeast Iran, but this is the first time that hafting material has been identified and an absolute date established through accelerator mass spectrometry (AMS) radiocarbon dating.

The wood remains were examined by C. R. Cartwright using a Hitachi S-3700N variable pressure scanning electron microscope (VP-SEM) to observe the fine detail of the crucial diagnostic anatomical features in transverse (TS), radial longitudinal (RLS) and tangential longitudinal sections (TLS). Although the wood samples were mostly tiny, the following anatomical features were determined: distinct growth ring boundaries; a ring-porous or semi-ring-porous arrangement of vessels; simple perforation plates; alternate, polygonal intervessel pits; small vessel-ray pits with distinct borders, similar to intervessel pits in size and shape throughout the ray cell; thin- to thick-walled non-septate fibres with simple to minutely-bordered pits; vasicentric, aliform, confluent and banded/marginal axial parenchyma; rays mostly 3–4 seriate, but some are 4–10 seriate; homocellular rays with all ray cells procumbent.

On the basis of these anatomical characteristics, reference collection specimens and descriptive texts, the wood was identified as *Fraxinus floribunda* Wall., Himalayan Manna Ash (Oleaceae family) (fig. 1, *2*). This is found in dense forests, mixed woodland in valleys and along roadsides in Afghanistan as well as many parts of the Far East. It is a perennial and deciduous tree, growing up to 25 m high or more, whose hard, tough, all-purpose wood is used today for oars, ploughs and poles. It was an ideal choice for an axe haft as it withstands repeated use and shock.

Cellulose extracted from one sample was analysed at the Rafter Radiocarbon Laboratory, Lower Hutt, New Zealand, giving a result of 3568±20 BP (NZA 55344), with a $\delta^{13}C$ of –23.4 ± 0.2‰. This was calibrated by the late Janet Ambers using V4.2 of the OxCal calibration program and the Intcal13 calibration curve, giving a 94.2% probability that the true date lies between 1976 and 1879 calendar BC, in good accord with the expected late 3rd — early 2nd millennium BC date.

Thus far, almost the only evidence for wooden objects of this period comes from Shahr-i Sokhta in Iranian Seistan where the formation of a saline crust over the archaeo-

1 St John Simpson — The British Museum, Great Russell St., London WC1B 3DG, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland; ORCID: 0000-0001-9884-7637.

2 Caroline R. Cartwright — The British Museum, Great Russell St., London WC1B 3DG, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland; e-mail: ccartwright@bitishmuseum.org.

3 Mohammad Fahim Rahimi — The National Museum of Afghanistan, Darulaman Road, Kabul, The Islamic Emirate of Afghanistan; e-mail: f.rahimi@nationalmuseum.af.

logical deposits has helped preserve many organic remains (tab. 1). These include common use of poplar (*Populus* sp.) and tamarisk (*Tamarix* sp.): whereas the former forms dense and fast-growing riparian growth along river banks or other damp soils, the latter grows more widely, including steppe areas. Both are light, soft and easily worked woods, but poplar provides straight trunks ideally suited to use as roofing poles whereas tamarisk is knotty and of more limited use. There is also evidence for working of ash (*Fraxinus* sp.), elm (*Ulmus* sp.) and grape-vine (*Vitis* cf. *vinifera*), all probably growing alongside the poplar and, with the exception of the vine, offering longer-wearing types of wood well suited to carving tools. Given the identification of ash inside the haft of this axe-head, it is interesting to note that this wood was used at Shahr-i Sokhta to make hair combs, bowls, small basins, figurines and spindles. Sissoo (*Dalbergia sissoo*) may have grown along the river banks at this period but is now only found along the southern edge of the Seistan basin; it is a hard heavy wood. On the other hand, hackberry (*Celtis* sp.), maple (*Acer* sp.) and pistachio (*Pistacia* sp. *vera*) grow in the totally different environment of the surrounding mountain ridges; they are again hard-wearing woods and well suited for making objects. Finally, haldu (*Adina* cf. *cordifolia*) and red-wood (*Adenanthera* cf. *pavonina*) are deciduous trees which belong in the tropical belt of the sub-Himalayas and across much of India, and therefore must have been imported. This evidence indicates the exploitation of wood from two different local environments and long-distance import of two other types of wood (*Costantini*, 1977a; 1977b; 1979).

Analyses of charcoal remains from Shahr-i Sokhta and other sites add further evidence for the local environmental conditions and also occasionally artefacts which had been re-used as a source of fuel: for instance, tamarisk (*Tamarix* sp.) was common at Mehrgarh but the discovery of a fragment of burnt juniper (*Juniperus* sp.), which does not grow locally, implies it was from a burnt tool (*Thiebault*, 1989. P. 188). It should be added that the haft of a knife excavated in the Gonur depe cemetery was identified as being carved from a local type of salt-tolerant bush (*Lycium* sp.): the same species was identified in charcoal samples recovered from other contexts, proving use as a fuel source (*Cottini*, *Castiglioni*, 2002. P. 180–181, 184).

The identification of wood remains opens new avenues for understanding resource exploitation and crafts in antiquity. This identification remains a solitary piece of evidence but the same approach is being extended to analyse samples taken from early Iron Age weapons from northwest Iran, and begin to assemble a wider data-set on the selection of woods used in making weapons and other objects across Eurasia (cf. *Pankova et al.*, 2021).

Costantini, 1977a — *Costantini L.* Introductory Note on Burnt Wood Residues from Shahr-i Sokhta // East and West. 1977. Vol. 27. P. 105–110.

Costantini, 1977b — *Costantini L.* I legni lavorati di Shahr-i Sokhta. Roma: Tipografia Don Bosco, 1977. 62 p.

Costantini, 1979 — *Costantini L.* Wood Remains from Shahr-i Sokhta: a Source of Information for the Ancient Environment and Technology in Protohistoric Sistan // South Asian Archaeology / Ed. by M. Taddei. Vol. 1. Naples: Istituto Universitario Orientale, 1979. P. 87–121 (Seminario di Studi Asiatici, Series Minor; VI).

Cottini, *Castiglioni*, 2002 — *Cottini M.*, *Castiglioni E.* Archaeobotanical analyses on materials from the necropolis and city of Gonur-depe // Margiana Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre / Ed. by G. Rossi-Osmida. Venice: Il Punto Edizioni, 2002. P. 180–195.

Table 1. Uses of wood attested archaeologically at Shahr-i Sokhta (after *Costantini*, 1977a; 1977b; 1979)

Таблица 1. Археологически засвидетельствованное использование древесины в Шахри-Сохта (по: *Costantini*, 1977a; 1977b; 1979)

Wood	Species	Uses
Ash	*Fraxinus* sp.	Hair combs, bowls, small basins, figurines, spindle
Elm	*Ulmus* sp.	Unspecified
Grape vine	*Vitis* cf. *vinifera*	Unspecified
Hackberry	*Celtis* sp.	Figurines, spacers
Haldu	*Adina* cf. *cordifolia*	Hair combs
Maple	*Acer* sp.	Hair combs
Pistachio	*Pistacia* cf. *vera*	Unspecified
Poplar	*Populus* sp.	Roof-poles, step linings, door hinges, firesticks, perforated boards, containers, figurines, polishers, spatula, pestle, handle of bone awl, weaving comb, yokes (?)
Red-wood	*Adenanthera* cf. *pavonina*	Unspecified
Sissoo	*Dalbergia sissoo*	Hair combs, figurines, spindle whorls, spacer, flaring rectangular box
Tamarisk	*Tamarix* sp.	Awls, tool handles, spindles, pegs, dowels, firesticks, perforated boards, spatula, figurine

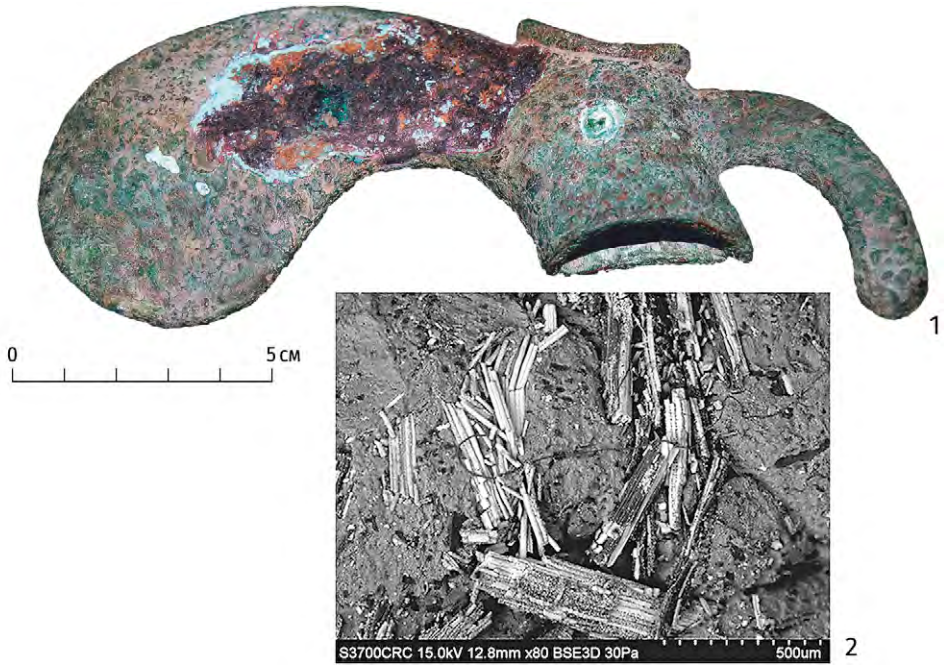

Fig. 1. Cast copper alloy axe-head: *1* — general view; *2* — VP-SEM image of slivers of wood from inside the copper alloy socketed axe head (© The Trustees of the British Museum)

Рис. 1. Литой топор из медного сплава: *1* — общий вид; *2* — VP-SEM-фотография древесных щепок внутри обуха топора из медного сплава (© The Trustees of the British Museum)

Pankova et al., 2021 — *Pankova S. V., Makarov N. P., Simpson St J., Cartwright C. R.* New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty // Siberian Historical Research. 2021. Vol. 3. P. 24–59.

Simpson, 2020 — *Simpson St J.* From Seizure or Donation of Antiquities to Their Identification and Research at the British Museum and Repatriation to the Countries of Origin: Recent Case Studies from Afghanistan, Uzbekistan and Iraq // The Journal of Art Crime. 2020. Vol. 24. P. 9–23.

Thiebault, 1989 — *Thiebault S.* A Note on the Ancient Vegetation of Baluchistan based on Charcoal Analysis of the latest Periods from Mehrgarh, Pakistan // South Asian Archaeology 1985: Papers from the 8th International Conference of South Asian Archaeologists in Western Europe / Ed. by K. Frifelt & P. Sørensen. London: Curzon Press, 1989. P. 186–188 (Scandinavian Institute of Asian Studies Occasional Papers; No. 4).

Среднеазиатское вооружение бронзового века: новый подход с применением естественно-научных методов выявления и радиоуглеродной датировки древесных остатков

С.-Дж. Симпсон[4], К. Р. Картрайт[5], Дж. Эмберс (†), М. Ф. Рахими[6]

Аннотация. *Остатки древесины, сохранившиеся внутри втулки богато украшенного топора бронзового века из Северного Афганистана, были идентифицированы как пепел и по радиоуглероду датированы 1976–1879 гг. до н. э. (вероятность 94,2%), что дает очень точную дату и первую идентификацию древесины, используемой для рукояти топора этого периода.*

Ключевые слова: *бронзовый век, Афганистан, топор из медного сплава, идентификация древесины, естественно-научные методы анализа, радиоуглеродная датировка.*

4 Сент-Джон Симпсон — Британский музей, Грейт-Рассел-стрит, Лондон WC1B 3DG, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии; ORCID: 0000-0001-9884-7637.

5 Кэролайн Р. Картрайт — Британский музей, Грейт-Рассел-стрит, Лондон WC1B 3DG, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии; e-mail: ccartwright@bitishmuseum.org.

6 Мохаммад Фахим Рахими — Национальный музей Афганистана, ул. Дарул Аман, Кабул, Исламский Эмират Афганистан; e-mail: f.rahimi@nationalmuseum.af.

К вопросу о связях металлопроизводства Средней Азии и Казахстана с Восточной Европой в позднем бронзовом веке[1]

О. В. Сычева[2]

Аннотация. *В статье рассматриваются связи Казахстанско-Среднеазиатского региона с Восточной Европой во II тыс. до н. э. на примере металлических изделий — топоров, секир (алебард) и серпов.*

Ключевые слова: *Средняя Азия, Казахстан, Восточная Европа, поздний бронзовый век, клады, топоры, секиры, серпы.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.344-346

Несмотря на крупные масштабы металлопроизводства в Казахстане и Средней Азии, его металлическая продукция редко попадала на территорию Восточной Европы. Наиболее известны такие находки в Волго-Уральском регионе, где датируются II тыс. до н. э. и присутствуют в материалах алакульской, фёдоровской, покровской и срубной культур. Однако в более позднее время некоторые артефакты восточного металлопроизводства попадали на территорию Северного Кавказа, Нижнего Подонья и даже совр. Восточной Украины. Их совсем немного, но они являются важными свидетельствами связей достаточно удаленных территорий. Речь идет о нескольких категориях бронзовых изделий, а именно: топоры, секиры (алебарды) и серпы.

ТОПОРЫ. На территории Восточной Европы было найдено три топора с гребнем на обухе, которые получили очень широкое распространение на территории Казахстана, Средней Азии и Алтая. Один такой топор происходит из клада у с. Автур (Чеченская Республика), еще один топор найден в составе т. н. Веселовского клада в Троицком уезде Оренбургской обл. Третий подобный топор был сравнительно недавно обнаружен в т. н. Цимлянском кладе на границе Волгоградской и Ростовской обл.

Подобные топоры были подробно изучены Н. А. Аванесовой, которая относит их к самому позднему типу проушных топоров, а именно к варианту В1–В2. По классификации Е. Е. Кузьминой, они относятся к V типу. Основная масса вислообушных топоров с гребнем на обухе, по данным Н. А. Аванесовой и Е. Е. Кузьминой, чаще всего встречается в Центральном и Восточном Казахстане, Средней Азии и реже — в Южной Сибири и на Алтае. Самая западная находка была обнаружена в Чечне и в районе Цимлянского водохранилища, а самая восточная — в Синьцзяне.

В литературе высказано несколько точек зрения относительно их хронологии и культурной принадлежности. Так, В. И. Молодин связывает их с фёдоровской культурой, датируемой приблизительно третьей четвертью II тыс. до н. э. С. А. Агапов относит их к саргаринско-алексеевской культуре Казахстана и датирует их соответственно XII–X вв. до н. э. Е. Е. Кузьмина данные топоры относит к концу II — началу I тыс. до н. э. Примерно этим же временем определяет их возраст Н. А. Аванесова.

Сейчас появилась возможность уточнить эти даты. В последнее десятилетие было найдено около десятка кладов, в которых топоры с гребнем на обухе присутствовали вместе с изделиями восточноевропейских типов. Поскольку хронология и типология этих типов разработаны лучше, чем хронология бронзовых изделий Казахстана и Средней Азии, восточноевропейские типы могут быть использованы в качестве хронологических индикаторов.

Обратимся к рассмотрению этих кладов. На данный момент известно 13 таких комплексов, а именно: Алексеевский клад, Шамшинский клад, Турксибский клад, Троицкий клад, клад Агершень (Гонлиу), Зайсанский клад, Сукулакский клад, Цимлянский, Автурский, Андреевский, находки из Чаглинки, Иссык-Кульский клад, а также материалы из Восточного Казахстана. Они связаны между собой не только топорами с гребнем на обухе, но и целым рядом общих типов изделий (рис. 1). К числу этих типов относятся серпы-секачи восточного варианта сосново-мазинского типа, тесла с уступом, желобчатые долота, желобчатые копьевидные долота, серпы с двумя закраинами и т. д. Поэтому эти клады представляют собой достаточно компактную группу, которую можно отнести к сравнительно короткому промежутку времени и условно можно назвать «Алексеевской» (по эпонимно-

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Ольга Владимировна Сычева — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: olysycheva@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0867-4969.

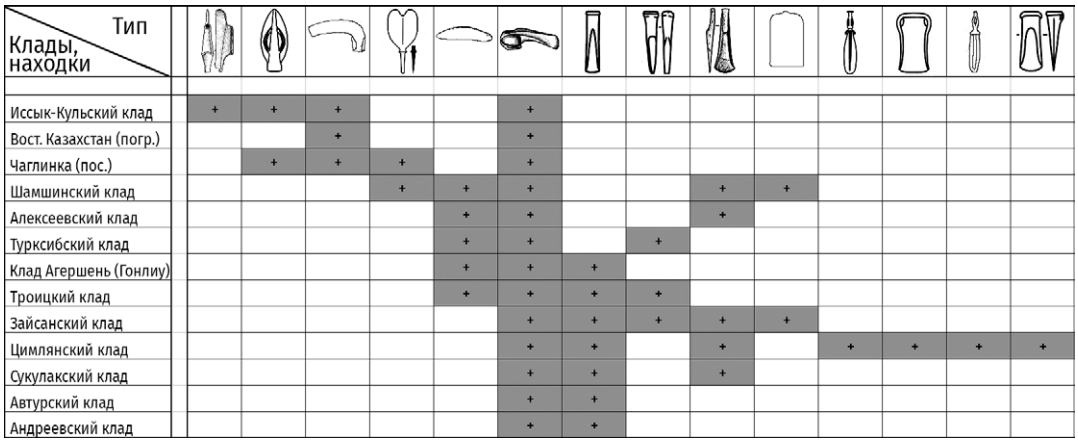

Рис. 1. Таблица совстречаемости типов металлических предметов в кладах Андреевской группы, которую предлагает назвать и выделить автор

Fig. 1. The table of the metal items' co-occurrence in hoards of the Andreevskaya group, which the author proposes to name and highlight

му кладу). Эту группу можно датировать по восточноевропейским аналогиям.

Обзор этих аналогий начнем с т. н. Цимлянского клада. Этот комплекс вызывает повышенный интерес, т. к. в нем оказались изделия, принадлежащие к разным очагам металлопроизводства: северопричерноморскому, прикубанскому, волго-уральскому, казахстанскому. Этот клад обнаружен несколько лет назад в районе Цимлянского водохранилища на границе Волгоградской и Ростовской обл. Сейчас часть этих вещей хранится в музее Донского археологического общества. Всего в кладе было найдено 19 предметов, среди которых кельт-тесло, кинжал красномаяцкого типа и кельт старшего карадишского типа, поэтому его можно довольно точно продатировать. Все отмеченные выше артефакты относятся к V периоду металлопроизводства позднего бронзового века Восточной Европы, по В. С. Бочкарёву (см.: *Бочкарев*, 2017), а именно к XIV–XIII вв. до н. э.

Кроме того, предложенная датировка подтверждается находками изделий восточноевропейских типов, найденных уже в самих казахстанско-среднеазиатских кладах Алексеевской группы. К числу таких восточноевропейских типов относятся прорезные наконечники копий из Иссык-Кульского клада и из Чаглинки, которые относятся к гуровскому типу (*Бочкарев*, *Тутаева*, 2019. С. 177) и также характерны для V периода. Тем же временем нужно датировать и бритвы, найденные в Чаглинке и Шамши, которые относятся к терешковскому типу (В6) (*Тутаева*, 2014. С. 182). Эти бритвы, по хронологии В. С. Бочкарёва, относятся к IV периоду, но на периферии ареала они могут доживать до V периода. Таким образом, восточноевропейские аналогии в самих казахстанско-среднеазиатских кладах указывают на ту же датировку V периода, что и Цимлянский клад.

По имеющимся данным, V период на территории совр. Украины датируется временем бытования позднесабатиновской культуры, в Волго-Уральском регионе — «сосново-мазинским» временем. По доступным данным, главным образом по аналогии со среднеевропейскими бронзами, V период датируется XIV–XIII вв. до н. э. По нашему мнению, эти датировки с определенными поправками можно распространить и на вышеупомянутые 13 кладов Алексеевской группы, которые нельзя датировать позже XII в. до н. э., как это раньше считалось в специальной литературе.

СЕКИРЫ (АЛЕБАРДЫ). Эта категория изделий известна в Средней Азии, Казахстане и Восточной Европе. Одна секира входит в состав упомянутого выше Иссык-Кульского клада. Два таких предмета обнаружены на территории совр. Украины в с. Розвока (Луганская обл.) и в Колонтаевке (Харьковская обл.) (*Tallgren*, 1926. P. 164). Четвертая находка происходит из клада Бричмулла (Узбекистан) (*Тереножкин*, 1962. С. 279); для еще одной, хранящейся в Уральском музее Казахстана (*Кузьмина*, 1966. С. 59), точное место ее обнаружения неизвестно. В четырех случаях данное изделие представляло собой орудие с длинным прямым лезвием и сквозной втулкой, сужающейся кверху и имеющей утолщения в виде валика; сверху лезвие изогнуто, снизу оно срезано и имеет «уступ для привязывания». Секира (алебарда) из Бричмуллы несколько отличается: она имеет желоб вместо втулки, куда вставлялась рукоятка, и отверстие на боку желоба (*Тереножкин*, 1962. С. 279), которое могло также использоваться для привязывания рукояти. На нижней части втулки секиры из Розовки имеется орнамент в виде трех треугольников вершинами вверх (*Писларий*, *Филатов*, 1972. С. 62–63). Поле треугольников заштриховано поперечными линиями. Такой орнамент характерен для казахстанско-среднеазиатских бронзовых изделий.

Такие секиры (алебарды) совершенно чужды металлопроизводству Восточной Европы, не имеют точных аналогий, и их функциональное назначение

совершенно неясно. Отдаленной аналогией им могут быть топоры прикаспийского (по И. Н. Медведской) типа (*Медведская*, 2019. С. 102), которые датируются временем РЖВI. Топоры из Ирана сближаются с вышерассмотренными секирами (алебардами) по двум важным конструктивным признакам: они имеют горизонтальную сквозную втулку, сбоку которой находится лезвие. Кроме того, у тех и других есть крючки для дополнительного крепления рукояти. Однако данные секиры (алебарды) ценны для нас как некий маркер, который указывает на связь Казахстано-Среднеазиатского региона с Восточной Европой. По материалам Иссык-Кульского клада и по наконечнику стрелы из клада Бричмуллы эти секиры (алебарды) также можно приблизительно датировать V периодом, а именно XIV–XIII вв. до н. э.

СЕРПЫ с двумя закраинами или со свернутой втулкой — тип IVб, по Кузьминой, и тип Д1, по Аванесовой. На территории Восточной Европы данные серпы были обнаружены в Половинском р-не у оз. Золотое, Курганской обл. и в районе с. Нижняя Павловка Оренбургской обл. и представляют собой случайные находки. Еще один такой серп был найден на поселении Ук-III Челябинской обл. Все они довольно массивны и имеют широкую незамкнутую втулку.

Рассматриваемый тип серпов характерен для территории Казахстана, Кыргызстана и Западной Сибири (*Кузьмина*, 1966. С. 56–57). Один из серпов имеется в составе Иссык-Кульского клада на берегу Тюпского залива (*Там же*. С. 57). Такие же серпы обнаружены в селении Облакетка, в 12 км от Усть-Каменогорска; группа из пяти аналогичных по форме серпов входит в клад, найденный у с. Предгорное, также около Усть-Каменогорска (*Там же*). Подобные серпы хранятся в коллекциях Томского и Красноярского музеев; в Западной Сибири серп был обнаружен в дер. Ути; еще один серп, без указания на место находки, опубликован Ю. С. Гришиным (*Там же*).

Подобные серпы также были найдены на поселении Чаглинка (Северный Казахстан), и, наконец, известные в Восточном Казахстане два серпа происходят из погребений (*Аванесова*, 1991. С. 22). Исходя из размеров втулки и слабой изогнутости лезвия, можно предположить, что это скорее косы и использовали их для заготовки сена. Н. А. Аванесова этот тип серпов датирует XII–XI вв. до н. э., опираясь на ряд «закрытых» комплексов (*Там же*. С. 22).

Краткий анализ нескольких категорий бронзовых изделий показал, что в позднем бронзовом веке контакты населения Восточной Европы и Казахстанско-Среднеазиатского региона были продолжены, благодаря чему появилась возможность синхронизировать металлопроизводство этих регионов и в ряде случаев — уточнить его хронологию.

Аванесова, 1991 — *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи поздней бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Бочкарев, 2017 — *Бочкарев В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // StratumPlus. 2017. № 2. С. 159–205.

Бочкарев, Тутаева, 2019 — *Бочкарев В. С.*, *Тутаева И. Ж.* Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий // StratumPlus. 2019. № 2. С. 167–225.

Кузьмина, 1966 — *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.: Наука, 1966. 150 с. (САИ; Вып. В4–9).

Медведская, 2019 — *Медведская И. Н.* Иран в начале железного века. СПб.: Наука, 2019. 220 с. (Классика отечественного востоковедения).

Писларий, *Филатов*, *1972 — Писларий И. А.*, *Филатов А. П.* Тайны степных курганов. Историко-краеведческий очерк. Донецк: Донбас, 1972. 138 с.

Тереножкин, 1962 — *Тереножкин А. И.* Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмулла близ Ташкента // СА. 1962. № 3. С. 279–282.

Тутаева, 2014 — *Тутаева И. Ж.* Металлические бритвы эпохи поздней бронзы Восточной Европы // РАЕ. 2014. № 4. С. 175–193.

Talgren, 1926 — *Talgren A. M.* La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki: K. F. Puromiehen Kirjapaino O. Y., 1926. 218 p. (Eurasia Septentrionalis Antiqua; II).

On the issue of connections between the metalwork of Central Asia and Kazakhstan with the Eastern Europe in the Late Bronze Age

Olga V. Sycheva[3]

The author considers the bronze artifacts typical for Central Asia and Kazakhstan such as axes, poleaxes and sickles, which were found in the Eastern Europe. This fact is evidence of connections between these far distant regions in the Late Bronze Age.

Keywords: *Central Asia, Kazakhstan, Eastern Europe, Late Bronze Age, hoards, axes, poleaxes, sickles.*

3 Olga V. Sycheva — Institute for the Histoy of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: olysycheva@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0867-4969.

Тагискенско-амирабадские древности эпохи бронзы Зеравшанской долины

Н. А. Аванесова[1]

Аннотация. *В статье подведены итоги охранных работ, проводимых автором в районе Зеравшанского заповедника Самаркандской области. Новые, ранее неизвестные погребальные комплексы позднего бронзового века отражают своеобразие сложившейся ситуации, связанной с хозяйственной специализацией населения, приведшей к взаимодействию носителей амирабадской и тагискенской культур. Их активным связям способствовало географическое положение Зеравшанской долины и ее минерально-сырьевые ресурсы. В задачу исследования входит выявление специфики этногенетических процессов на финальной стадии эпохи бронзы.*

Ключевые слова: *среднеазиатское междуречье, Зеравшанская долина, поздний бронзовый век, амирабадская культура, тагискенская культура, андроновская (фёдоровская) культура, керамика, погребения.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.347-350

Долина р. Зеравшан, занимающая центральную часть среднеазиатского междуречья, — одна из крупных продольных межгорных впадин Средней Азии. В эпоху палеометалла (середина IV — конец II тыс. до н. э.) регион представлял собой обширную культурно-историческую область с комплексной экономикой. Постоянно расширяющаяся источниковая база делает все более очевидным ключевую роль культур этого края в оценке евразийских древностей. Активному освоению территории способствовала собственная минерально-сырьевая база металлургического производства и выгодное географическое расположение — в центре Евразийского континента. Со II тыс. до н. э. здесь создается устойчивая база развитой металлургии, включенной в том числе в обменные связи с другими регионами (*Аванесова*, 2012), что явилось катализатором экономического подъема и социальных трансформаций, приведших в итоге к генезису Согдийской цивилизации. Поэтому для моделирования механизмов последнего так важен анализ памятников эпохи поздней бронзы. Интересующие нас объекты находятся в 8 км к юго-востоку от Самарканда, вдоль правого берега р. Зеравшан, на территории Зеравшанского государственного заповедника (далее — Заповедник). Здесь выявлены три погребальных памятника, сосредоточенных на надпойменной террасе.

УСЛОВИЯ НАХОДОК. *Пункт I.* В 2 км к востоку от административного центра Заповедника пасечник В. А. Кореняко весной 1998 г. обнаружил нож-кинжал и кости человека в обнажении обрыва террасы. Осенью того же года автор обследовала указанный участок и установила, что находки залегали в пойменно-аллювиальной почве на высоте примерно 3 м от уровня водной поверхности. При зачистке из гумусного слоя были извлечены фрагменты станковой и лепной керамики. Важность данного погребения в том, что здесь впервые встречены в совместном залегании керамика тагискенского и фёдоровского типов вместе с ножом-кинжалом с кольцевым упором, которые представлены в разных хронологических позициях (рис. 1, *А*).

Пункт II. Рекогносцировочные обследования вдоль надпойменной террасы Зеравшана были продолжены в 2001 г. В 1,5 км от пункта I, выше по течению русла реки, в горизонте отложений пойменного аллювия высотой до 2 м обнаружен фрагмент сосуда и остатки валунной выкладки площадью 0,9 × 1,4 м с остатками золы и угольков. Для культурной и хронологической атрибуции комплекса важна подправленная на круге керамика с резным геометрическим орнаментом, заполненным белой массой. Посуда подобного типа хорошо известна на некрополе Северного Тагискена (*Итина*, *Яблонский*, 2001. С. 63–64).

Пункт III был выявлен в 2007 г. благодаря инспектору лесхоза Заповедника, сообщившему на кафедру археологии Самаркандского университета о находке бронзового однолезвийного ножа во время текущих работ по укреплению берега реки. Осенью того же года автором были проведены охранные рекогносцировочные исследования в указанном районе. Раскопки были начаты с зачистки обрывистого обнажения оврага коренного берега (где был обнаружен нож) у края участка террасы высотой более 3 м. В разрезе виднелись угол стенки каменного ящика из необработанных плит и развал мелкого плитняка. Под ними обнаружены обгорелые мелкие кости человека. В заполнении ящика на разных уровнях зачищены фрагменты двух керамических сосудов, бронзовые кольцо и бляха, небольшие куски медной руды

1 Нона Армаисовна Аванесова — Самаркандский государственный университет, Университетский бульвар, д. 15, Самарканд, 140100, Республика Узбекистан; e-mail: non.avanesova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5356-078X.

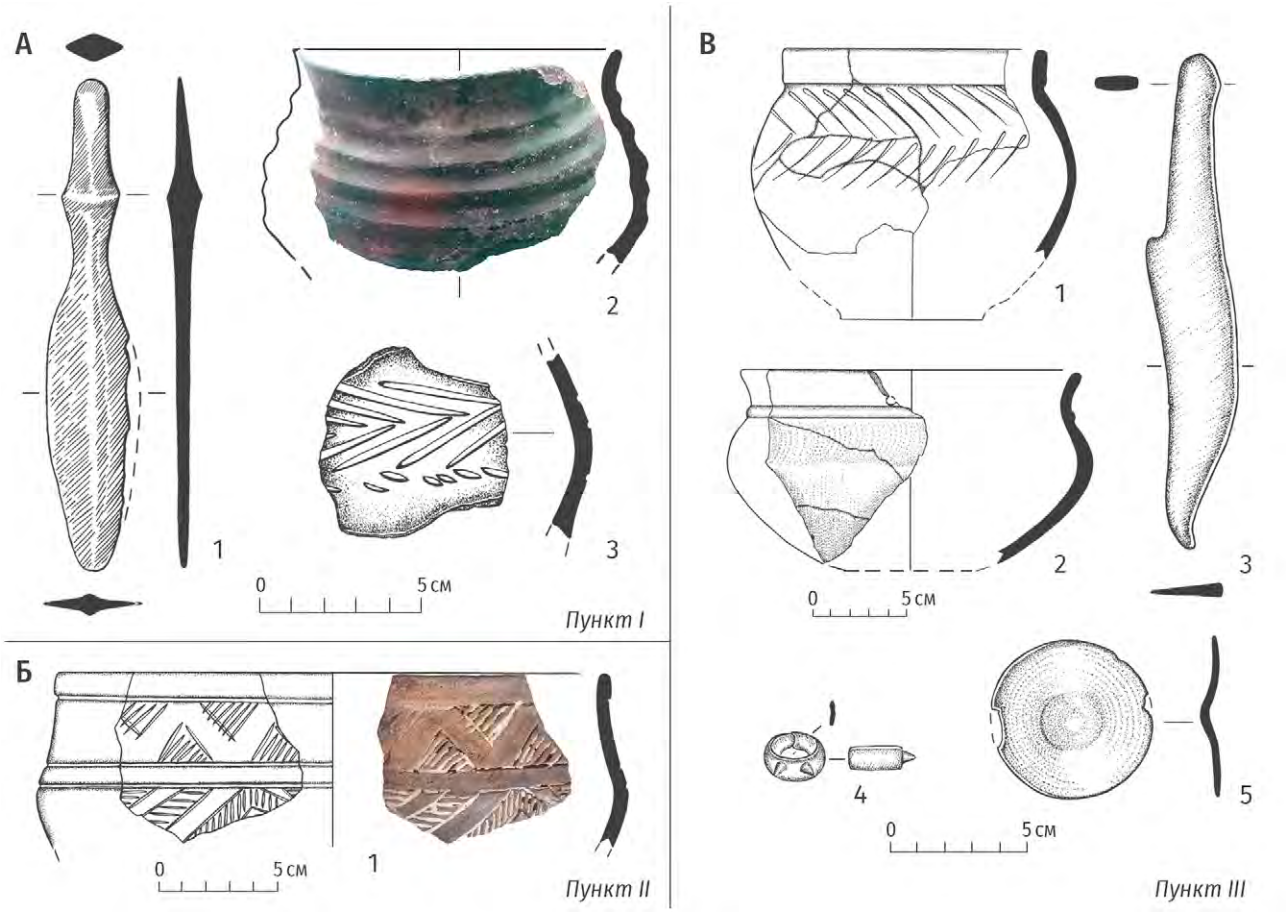

Рис. 1. Зеравшанский заповедник: *А* — пункт I: тагискенско-андроновские артефакты; *Б* — пункт II: тагискенская керамика; *В* — пункт III: амирабадский материальный мир.

А 1, В 3–В 5 — бронза; *А 2; А 3, Б 1, В 1, В 2* — керамика

Fig. 1. Zeravshan Reserve: *А* — point I: Tagisken-Andronovo artifacts; *Б* — point II: Tagisken ceramics; *В* — point III: Amirabad material world.

А 1, В 3–В 5 — bronze; *А 2; А 3, Б 1, В 1, В 2* — ceramics

(азурит, малахит) и обгорелые кости животного. Восстановить картину погребального обряда и устройства камеры сложно из-за плохой сохранности могильного ящика и инвентаря, потревоженных в древности и на современном этапе. Можем лишь отметить, что останки были кремированы. Глиняная посуда позволяет полагать, что погребение относится к амирабадской культуре эпохи поздней бронзы Южного Приаралья (*Итина*, 1977. С. 147–172). Обращает на себя внимание, что амирабадская культура известна лишь по раскопкам поселений (*Там же*. С. 167). Следовательно, перед нами первый известный случай нахождения амирабадского захоронения, а на территории Заповедника удалось установить новый ареал тагискенско-амирабадской культуры Зеравшанской долины[2].

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ. Сравнительный анализ описанных объектов свидетельствует о выраженном культурно-хронологическом единстве археологических комплексов, что указывает на наличие нового культурного образования, неизвестного в регионе прежде.

Обратимся к характеристике *керамики*. В исследуемой коллекции она представлена фрагментированными остатками сосудов, тождественных емкостям андроновских, тагискенских и амирабадских древностей.

Чашковидный сферической формы сосуд, определяемый нами как тагискенский тип (рис. 1, *А, 2*), имеет те же морфологические (каннелированный орнамент по округлому тулову, короткогорлый, слегка отогнутый венчик) и технологические (глина с добавлением шамота, тонкостенный черепок, в изломе черный, лощенный до блеска, серо-коричневатый, лепной, но подправленный на круге) признаки, что и керамика мавзолеев Северного Тагискена (*Итина*, *Яблонский*, 2001. Рис. 64, *323–327*; 97, *658–663*; и др.).

[2] Стоит отметить, что М. П. Грязнов сообщал, что «Один сосуд и несколько фрагментов керамики, близкой по форме и орнаментам к керамике Тагискена–Дандыбая, найдены на р. Зеравшане» (Грязнов, 1966. С. 238). К сожалению, точных данных о местонахождении памятника он не указал.

Важным индикатором принадлежности керамики к тагискенской культуре является фрагмент лепного *горшковидного* сосуда с геометрической декоративной композицией, заполненной белой пастой (рис. 1, *Б*). Сохранилось два орнаментальных пояса — ряды противонаправленных треугольников, образующих негативную зигзагообразную линию. Выделяется выраженная воротничковая форма венчика. Внешняя поверхность коричневого цвета, залощена, тесто содержит примесь шамота. Посуда описанного типа широко известна в тагискенских мавзолеях (*Там же.* Рис. 41, *3*; 42, *22*; 45, *86*; 49, *139*; 51, *176*; 53, *202*, *203*; 55, *227*; 70, *391*; 95, *644*). Однотипные сосуды с декором, оформленным подобным техническим приемом (треугольники, инкрустированные белой массой), представлены в карасукских памятниках Южной Сибири (*Грязнов*, 1966. С. 237; 1970. С. 42; *Зяблин*, 1977. С. 25).

Помимо четко выделенной тагискенской посуды, в пункте I вместе с описанным выше сосудом обнаружен фрагмент андроновской керамики (рис. 1, *А, 3*). Он представляет собой тонкостенный обломок сферического тулова, покрытый резным орнаментом (горизонтальная «елочка»). Под ним небрежно нанесены ногтевые вдавления. В глиняном тесте в качестве отощителя использовали толченые раковины и дресву. Мотив «елочка» чрезвычайно распространен в керамике позднеандроновских поселений. Поиски аналогии приводят нас и к тагискенским комплексам (*Итина*, *Яблонский*, 2001. Рис. 42, *21*; 45, *28*; 51, *177*; 105, *761*; и др.). Вероятно, андроновские и тагискенские древности существовали в одном временном диапазоне. Сосуды андроновского типа известны в ранних комплексах мавзолеев 4, 5 а и 7. Следует отметить, что в поликультурной принадлежности генезис гончарства тагискенских некрополей до конца не ясен. М. А. Итина важную роль отводит андроновскому (фёдоровскому) субстрату (*Там же.* С. 93–94).

Высокую степень сходства с амирабадской культурой демонстрируют сосуды из пункта III (*Итина*, 1977. Рис. 74–76, 80). Для амирабадской культуры в целом характерны сосуды раздутых форм, покрытые зеркальным лощением. Новонайденная керамика представлена фрагментами венчиков с боковиной стенок от двух лепных сосудов — кухонного и столового (рис. 1, *В, 1, 2*). Глина кухонной емкости — с примесью дресвы, а столовой — с шамотом. Излом черепка серо-черный. Внешняя поверхность кухонного сосуда ангобированная, красно-коричневого цвета, заглажена. Это изделие (рис. 1, *В, 1*) со следами копоти, горшковидной формы, отличается округлым туловом с прямым воротничковым венчиком. По плечикам и части тулова оттисками палочки нанесен орнамент в виде длинных косых насечек, образующих горизонтальную «елочку», — впечатляющий декоративный элемент культур валиковой керамики (*Маргулан*, 1979. Рис. 129, 155, 157; *Потемкина*, 1985. Рис. 12, *2*, *8*; 30, *7*; *Зданович*, 1988. Рис. 11, *5*, *8*; 20–89; *Кузьмина*, 1994. Рис. 49; *Евдокимов*, *Варфоломеев*, 2002. Рис. 21, *3*; 23, *7*; и т. д.).

Столовая посуда представлена тонкостенной открытой миской приземистой, раздутой формы с коротким, чуть изогнутым горлом и налепным валиком в основании горловины. Она изготовлена из глины с примесью шамота, поверхность ангобированная, серолощеная. Амирабадские лепные сосуды обладают большой степенью сходства с посудой Северного Тагискена и культур валиковой керамики степной Евразии (*Черных*, 1983).

Металлические предметы найдены по одному экземпляру каждого типа: два ножа различного назначения, дисковидная пластинчатая бляха, литой перстень с двумя коническими выступами.

Исключительный интерес представляет нож-кинжал листовидной формы с рельефной нервюрой и кольцевым упором в основании черенка (рис. 1, *А*, *1*). Подобные изделия широко известны в культурах позднего бронзового века от Средней Азии до Трансильвании. Однако было бы неправильно говорить об идентичности многочисленных выборок на огромной территории. Полагаем, что исходной формой описанному изделию был фёдоровский нож-кинжал, о чем свидетельствует ряд диагностических признаков: глубокие выемки перемещаются от лезвийной части клинка к рукояти, ромбический фёдоровский упор трансформируется в кольцевой (*Аванесова*, 1991. С. 23–25, рис. 22). С большой долей уверенности можно утверждать, что обсуждаемый кинжал представляет раннюю форму находок с кольцевым упором — чего нельзя сказать о кинжале, обнаруженном в ограде 4-Ж мавзолея Северного Тагискена (*Итина*, *Яблонский*, 2001. С. 97, рис. 123, *4*). Наиболее яркие аналогии ножу-кинжалу из Заповедника можно найти в литейных формах из поселений Кангурттут (*Виноградова*, 2004. С. 145, рис. 27, *2*) и Теккем-депе (*Щетенко*, 1999. С. 330, рис. 4, *1*), которые укладываются в поздний период Намазга VI.

Значительный интерес представляет однолезвийный цельнолитой нож с выделенной рукоятью. Характерной его особенностью является оттянутый назад конец лезвия, что сближает его с так называемыми «хвостатыми» ножами карасукской культуры (*Новгородова*, 1970. С. 91–93). Наибольшим сходством с этим экземпляром по степени близости обладает однотипный экземпляр, найденный на амирабадской стоянке Каунды 1, только у него на конце рукояти имеется отверстие (*Итина*, 1977. С. 158, рис. 78, *9*). Несмотря на эту особенность, близость их общей формы достаточно очевидна.

Отдельного упоминания заслуживает широко представленный в карасукских памятниках (*Новгородова*, 1970. С. 131, рис. 42) литой перстень с двумя миниатюрными коническими выступами, имитирующими спираль на андроновских украшениях (рис. 1, *В*, *4*).

Амирабадский памятник Заповедника демонстрирует синтез фёдоровской и карасукской традиций. Это первое, пока единственное захоронение, известное на сегодняшний день.

Мы специально не затрагиваем проблему хронологии тагискенских и амирабадских древностей. Эта тема выходит за рамки настоящего исследования и требует отдельного рассмотрения. Наиболее важными итогами данной публикации является установление нового ареала тагискенской и амирабадской культур, генетически связанных между собой. Следует отметить, что Михаил Петрович Грязнов предвидел, что в Средней Азии будут найдены памятники, аналогичные и синхронные Северному Тагискену (*Грязнов*, 1970. С. 42). Обсуждаемый регион представляется весьма перспективным для дальнейших исследований.

Аванесова, 1991 — *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Аванесова, 2012 — *Аванесова Н. А.* Древние горняки Зеравшана // Археология Узбекистана. 2012. № 1 (4). С. 3–35.

Виноградова, 2004 — *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: ИВ РАН, 2004. 298 с.

Грязнов, 1966 — *Грязнов М. П.* Восточное Приаралье // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы / Отв. ред. В. М. Массон. М; Л.: Наука, 1966. С. 233–238.

Грязнов, 1970 — *Грязнов М. П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 37–48.

Евдокимов, *Варфоломеев*, 2002 — *Евдокимов В. В.*, *Варфоломеев В. В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учебное пособие. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 138 с.

Зданович, 1988 — *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей: (Основы периодизации). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 176 с.

Зяблин, 1977 — *Зяблин Л. П.* Карасукский могильник Малые Копёны 3. М.: Наука, 1977. 142 с.

Итина, 1977 — *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.). М.: Наука, 1977. 239 с. (Тр. ХАЭЭ; Т. X).

Итина, *Яблонский*, 2001 — *Итина М. А.*, *Яблонский Л. Т.* Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Восточная литература, 2001. 295 с.

Кузьмина, 1994 — *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии?: Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина», 1994. 463 с.

Маргулан, 1979 — *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Новгородова, 1970 — *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука; ГРВЛ, 1970. 192 с.

Потемкина, 1985 — *Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Черных, 1983 — *Черных Е. Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: БашкГУ, 1983. С. 81–99.

Щетенко, 1999 — *Щетенко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккен-депе и Намазга-депе) // StratumPlus. 1999. № 2. С. 323–335.

Tagisken-Amirabad antiquities of the Bronze Age in the Zeravshan valley

Nona A. Avanesova[3]

This report is the result of the rescue works carried out by the author in the area of the Zeravshan Reserve (Samarkand region, Uzbekistan). New, previously unknown burial complexes of the Late Bronze Age reflect the uniqueness of the economic situation in the region which led to the integration of Amirabad and Tagisken. The geographic location of the Zeravshan Valley and its mineral resources stimulated their active ties. The task of the study is to determine the specifics of the local ethnogenetic processes at the final stage of the Bronze Age.

Keywords: *Central Asian interfluve, Zeravshan valley, Late Bronze Age, Amirabad culture, Tagisken culture, Andronovo (Fedorovo) culture, ceramics, burials.*

3 Nona A. Avanesova — Samarkand State University, 15 University Blvd., Samarkand, 140100, Republic of Uzbekistan; e-mail: non.avanesova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5356-078X.

Контактные зоны культур раннего железного века Туркменистана

Э. А. Мурадова[1]

Аннотация. *Материальная культура юга Средней Азии в раннем железном веке характеризовалась соседством двух культурных традиций: культуры расписной керамики Яз I–III (Мургабский оазис, предгорья Копетдага) и культуры архаического Дахистана (юго-запад Туркменистана). Археологические исследования последних десятилетий доказывают наличие контактов между двумя культурами. Ярчайший пример — поселение Чиледепе, где в слоях VII–V вв. до н. э. типичные формы керамики архаического Дахистана соседствуют с локальными формами язовских цилиндроконических сосудов.*

Ключевые слова: *подгорная полоса Копетдага, Мургаб, Сумбар, Чендыр, Атрек, Мисриан, ранний железный век, культура Яз, культура архаического Дахистана.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.351-353

К началу I тыс. до н. э. материальная культура юга Средней Азии претерпела существенные изменения в результате постепенного распространения железных орудий труда, оружия и украшений. Коренной перелом в историческом развитии местных земледельческих культур датируется доахеменидским и раннеахеменидским временем.

Это прослеживается, в частности, по памятникам, расположенным в древней дельте р. Мургаб, подгорной полосе Копетдага, долинах рр. Сумбара, Чендыра, Атрека, и характеризует устойчивую линию развития исторического процесса в раннежелезном веке.

В Мургабском оазисе (*Массон*, 1959; *Масимов*, 1982; *Масимов*, *Удеумурадов*, 1984) и подгорной полосе Копетдага (*Марущенко*, 1956*; Гутлыев*, *Заднепровский*, 1985; *Пилипко*, 2015) отмечается единая культурная и даже этнокультурная общность племен расписной керамики. В середине 50-х годов XX в. были осуществлены широкомасштабные археологические исследования в Мургабском оазисе и установлена археологическая периодизация раннего железного века, ставшая эталонной для всей Центральной Азии: Яздепе I — 900–650 гг. до н. э.; Яздепе II — 650–450 гг. до н. э.; Яздепе III — 450–350 гг. до н. э. (*Массон*, 1959. С. 48).

Чрезвычайно результативными были археологические исследования В. Н. Пилипко (*Пилипко*, 2015). На протяжении всей подгорной полосы Копетдага на участке от Кизыл-Арвата до Чаача, а также в горных долинах Кельтеминара, Чули и Гермаба и котловинах Дешта, Сайвана, Ходжа-калы проведены маршрутные обследования. В итоге (с учетом результатов более ранних исследований) были выявлены и картографированы остатки 112 памятников эпохи раннего железа и 185 памятников эпохи античности (*Там же.* С. 11). Рекогносцировочными и стратиграфическими исследованиями, стационарными раскопками на памятниках подгорной полосы Копетдага получены достоверные археологические материалы, характеризующие динамику историко-культурного развития культуры Яз. Пилипко отмечает, что «весь язовский мегакомплекс (Яз I–III) представляет единую археологическую культуру, которая существенно трансформировалась в течение своего длительного развития» (*Там же.* С. 320).

Исследование памятников Юго-Западного Туркменистана свидетельствует о существовании там совершенно другой культуры — культуры архаического Дахистана (*Массон*, 1956*; Мурадова*, 1991), которая охватывает единую территорию — Мисрианскую и Чатскую равнины, долины Сумбара (*Хлопина*, 1981) и Чендыра (*Мурадова*, 2016), запад подгорной полосы Копетдага — и также относится к раннему железному веку. Эта территория была заселена единой этнической общностью. В. М. Массон (1956. С. 451), а затем и И. Н. Хлопин (1989) определяли носителей культуры как древних гирканцев.

В. М. Массон на основании письменных и археологических источников аргументирует распространение культуры архаического Дахистана почти до Тегерана и указывает на резкое отличие этой культуры от синхронных культур Ахала и Этека. «Здесь перед нами становление самостоятельных культурно-исторических провинций, в которых нетрудно угадать Парфию и Гирканию середины I тыс. до н. э. <…> Имеющиеся археологические данные позволяют говорить, что культурная обособленность областей, составивших впоследствии Парфию и Гирканию, намечается со второй половины II тыс. до н. э., а может быть, и несколько раньше» (*Массон*, 1956. С. 451).

В Ахалском оазисе западной части подгорной полосы Копетдага находятся памятники, относящиеся к раннему железному веку.

[1] Эджегуль Атаевна Мурадова — Национальное управление по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана, пр. Махтумкули, д. 73А, Ашхабад, 744000, Туркменистан; e-mail: bezegli2017@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4715-3317.

В 1953 г. в подгорной полосе Северо-Западного Копетдага, на поселении Койне-кала у с. Беурме Бахарденского района, относящемся к эпохе поздней бронзы и раннего железа, А. Ф. Ганялиным проведены археологические исследования. Имеется сообщение о наличии в слое керамики как культуры типа Анау IV (или кроющего слоя городища Елькен-тепе), так и культуры архаического Дахистана (типа Мадау) (*Марущенко*, 1956. С. 6). Находки фрагментов керамики архаического Дахистана на этом поселении отмечает и В. М. Массон (1956. С. 423).

Стратиграфическими исследованиями, проведенными А. А. Марущенко в 1958 г. на Чингиз-депе, находящемся близ с. Парау, выявлены культурные слои мощностью около 6 м, состоящие из 12 строительных горизонтов (*Бердыев*, 1971. С. 11). Найденные на поселении фрагменты керамики архаического Дахистана, в том числе триподов (*Массон*, 1956. С. 423), свидетельствуют как о культурных контактах, так и о проникновении или частичной миграции населения с долин Чендыра и Сумбара, где эти сосуды типичны.

В 1986 г. на Чиледепе, в нескольких сотнях метров южнее железнодорожной ветки, проходящей через станцию Бами (на ее западной окраине), Э. А. Мурадовой и В. Ю. Вдовиным проведены стратиграфические исследования (*Вдовин*, *Мурадова*, 1993. С. 29–47). Установлено и исследовано 11 стратиграфических горизонтов. Мощность культурных напластований составила 10,75 м. Был проведен типологический и сравнительный анализ керамики культурных наслоений 11 стратиграфических горизонтов. Выявленные технологические и типологические изменения керамических комплексов свидетельствуют о динамике исторического развития поселения.

На основании аналогий керамический комплекс I–VII горизонтов Чиледепе (Чиле I) датирован X–VIII вв. до н. э.

В стратифицированном керамическом комплексе VIII–X горизонтов Чиледепе присутствуют типичные формы керамики архаического Дахистана. В этих же горизонтах найдены и цилиндроконические сосуды, известные в период Яз I и Яз II. Элементы цилиндроконических сосудов времени Яз I и Яз II (валик, рельефная полоса, подкос) имеются и на цилиндроконических сосудах Чиледепе — но в своеобразном локальном проявлении. Корчаги из IX горизонта находят соответствия в комплексе керамики Яз II. Сопоставления позволяют датировать керамический комплекс VIII–X горизонтов Чиледепе (Чиле II) VII–V вв. до н. э. (*Там же.* С. 46).

Стратиграфические исследования на Чиледепе свидетельствуют о том, что это поселение в раннем железном веке являлось контактной зоной двух культур — культуры Яз и культуры архаического Дахистана.

Раскопки, проведенные В. Н. Пилипко на Хырлыдепе, позволили расширить ареал распространения культуры архаического Дахистана и установить самый восточный (в пределах Туркменистана) памятник с характерной для нее керамикой (*Пилипко*, 2005. С. 57–80).

В. Н. Пилипко отмечает то, что «в период РЖ–II ситуация еще более осложнилась. Восток по-прежнему был занят населением, обнаруживающим тесные связи с Этеком, а на западе появилась новая политическая сила — "гирканцы", которые оккупировали подгорную полосу Копетдага, на участке от Парау (Кизыл-Арвата) до Беурме» (*Пилипко*, 2015. С. 329). Из этого следует, что Беурмедепе является крайним пунктом, которого достигли носители культуры архаического Дахистана. На восток от Беурме — ареал распространения язовской культуры, на запад — культуры архаического Дахистана.

Анализ имеющихся археологических материалов показывает недостаточную изученность памятников западной подгорной полосы Копетдага. В перспективе археологическое изучение этой территории даст возможность получить новые сведения о культурных контактах язовской культурной общности и носителей древнегирканской культуры.

Бердыев, 1971 — *Бердыев О.* Некоторые результаты археологических работ Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР (1959–1966 гг.) // МКТ. Ашхабад: Ылым, 1971. Вып. 1. С. 7–22.

Вдовин, *Мурадова*, 1993 — *Вдовин В. Ю.*, *Мурадова Э. А.* Стратиграфические исследования на Чиле-депе // Türkmenistanyň Ylymlar Akademiýasynyň Habarlary. Gumanitar ylymlary. 1993. № 3. S. 29–47.

Гутлыев, *Заднепровский*, 1985 — *Гутлыев Г.*, *Заднепровский Ю. А.* Яшилдепе — эталонный памятник раннежелезного века на территории Северной Парфии // Изв. АН ТССР. СОН. 1985. № 4. С. 44–50.

Марущенко, 1956 — *Марущенко А. А.* Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР // ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1956. Вып. II. С. 5–10.

Масимов, 1982 — *Масимов И. С.* Новые памятники раннежелезного века Мургабского оазиса // Новые археологические открытия в Туркменистане / под ред. В. М. Массона. Ашхабад: Ылым, 1982. С. 20–33.

Масимов, *Удеумурадов*, 1984 — *Масимов И. С.*, *Удеумурадов Б. Н.* Новые материалы по раннежелезному веку низовий Мургаба // Туркменистан в эпоху раннежелезного века / Отв. ред.: В. М. Массон, Е. Атагаррыев. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 12–27.

Массон, 1956 — *Массон В. М.* Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркме-

нии // ТЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1956. Т. 7. С. 385–458.

Массон, 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 216 с. (МИА; № 73).

Мурадова, 1991 — *Мурадова Э. А.* Поселения архаического Дахистана. Ашхабад: Ылым, 1991. 147 с.

Мурадова, 2016 — *Мурадова Э. А.* К изучению памятников раннежелезного века Туркменистана // ТМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 529–533.

Пилипко, 2005 — *Пилипко В. Н.* Раскопки на Хырлы-депе // ПИФК. 2005. Вып. XV. С. 57–80.

Пилипко, 2015 — *Пилипко В. Н.* Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. СПб.: АИК, 2015. 419 с.

Хлопин, 1989 — *Хлопин И. Н.* Открытие Гиркании // Природа. 1989. № 4. С. 50–59.

Хлопина, 1981 — *Хлопина Л. И.* Стратиграфия поселения раннего железного века Южной Туркмении Пархай-тепе // Изв. АН ТССР. СОН. 1981. № 2. С. 75–82.

The contact zones of Turkmenistan's Early Iron Age cultures

Ejegul A. Muradova[2]

The material culture of the south of Central Asia in the Early Iron Age was characterized by two cultural traditions: the culture of painted ceramics Yaz I–III (Murghab oasis, the Kopetdag piedmont) and the culture of archaic Dakhistan (the south-west of Turkmenistan). Archaeological research of recent decades proves the existence of contacts between these two cultures. The most striking example is the settlement of Chiledepe, where in the layers of the 7th–5th cent. BC the typical forms of ceramics of the archaic Dakhistan coexist with local forms of Yaz cylindroconical vessels.

Keywords: *Kopetdag piedmont, Murghab, Sumbar, Chandyr, Atrek, Mishrian, Early Iron Age, Yaz culture, the culture of archaic Dehistan.*

2 Ejegul A. Muradova — National department of protection, research and restoration of historical and cultural sites; 73A Magtymguly Ave., Ashgabat, 744000, Turkmenistan; e-mail: bezegli2017@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4715-3317.

Новые находки ахеменидских и среднеазиатских импортов у села Самородово

А. С. Балахванцев[1], Е. А. Купцов[2], Л. В. Купцова[3]

Аннотация. *Статья посвящена новым находкам предметов ахеменидского и среднеазиатского импорта из погребальных комплексов кочевников раннего железного века, исследованных Оренбургской археологической экспедицией на территории Оренбургской области в ходе полевого сезона 2018 г.*

Ключевые слова: *Оренбуржье, кочевники, ранний железный век, курганное погребение, импорт, Хорезм, Ахемениды.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.353-356

В 2018 г. отрядом Оренбургской археологической экспедиции ОрГПУ проведены охранно-спасательные раскопки курганного могильника у с. Самородово в Оренбургском р-не Оренбургской обл.

Могильник, состоявший из трех курганов, располагался на высоком участке водораздела р. Урал и Илек, в 8,5 км к Ю от с. Самородово. Основным захоронением в кургане 1 являлось коллективное погребение 3. Оно находилось в центральной части подкурганной площадки на уровне погребенной почвы, а сверху перекрывалось бревенчатым настилом подпрямоугольно-радиальной в плане формы. В погребении были обнаружены останки девяти человек в возрасте от 1 года до 60 лет (*Григорьев*, *Купцова*, 2020.

1 Арчил Савелич Балахванцев — Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, д. 12, Москва, 107031, Российская Федерация; e-mail: balakhvantsev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3028-0109.

2 Евгений Александрович Купцов — Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, д. 19, Оренбург, 460014, Российская Федерация; e-mail: e-kuptsov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0890-2124.

3 Лидия Владимировна Купцова — Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, д. 19, Оренбург, 460014, Российская Федерация; e-mail: orelin.84@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3171-6760.

С. 207–208), а также разнообразный инвентарь, в состав которого входили ахеменидские и среднеазиатские импорты. О некоторых из них и пойдет речь ниже.

В погребении находились две красноглиняные красноангобированные хумчи. Первая сохранилась только во фрагментах, но ее удалось восстановить как плоскодонный сосуд с округлым (эллипсовидным) туловом, максимальный диаметр которого фиксируется в его средней части[4]. Плечики покатые, невысокая горловина четко выделена, венчик в виде округлого валика отогнут наружу. В нижней части тулова отмечается явно выраженное рифление, что свидетельствует о применении однодискового гончарного круга медленного вращения (рис. 1, *1*). Высота сосуда составляла 40,5 см, диаметр дна — 20 см, толщина стенок — от 0,7 до 1,2 см, толщина дна — 1,15 см. Ближайшие аналогии происходят из комплекса усадьбы Дингильдже в Хорезме (*Воробьева*, 1973. Рис. 39, *26*, *27*) середины V в. до н. э. (*Болелов*, 2012. С. 210), причем, судя по морфологии сосудов, самородовский экземпляр является более поздним, и его следует отнести ко второй половине V в. до н. э.

Вторая хумча хорезмийского производства также сохранилась фрагментарно (42 фр.), но полностью не восстанавливается. Реконструируется она как сосуд с округлым (эллипсовидным) туловом, максимальный диаметр которого фиксируется в средней части[5]. Плечики покатые, невысокая горловина четко выделена, венчик в виде округлого валика отогнут наружу. Вероятно, хумча имела плоское дно (рис. 1, *2*). Внешний диаметр устья — 10,2 см; высота сосуда составляла не менее 32 см; толщина стенок — от 0,6 до 0,7 см. Ближайшая аналогия обнаруживается в кургане 4 могильника Бесоба и датируется V в. до н. э. (*Кадырбаев*, 1984. С. 88, рис. 2, *1*; *Болелов*, 2012. С. 210).

Вместе с хумчами были обнаружены составные элементы ювелирных украшений: увенчанная пирамидкой из зерни проволочка с нанизанной на нее подпрямоугольной бусиной (рис. 1, *3*) и каплевидная привеска с двусторонними разноцветными (голубой и красной) эмалевыми вставками (рис. 1, *4*). Такие же проволочки, заканчивающиеся пирамидками из зерни, входят в состав ожерелья ахеменидского времени из Лидии (*Özgen*, *Öztürk*, 1996. P. 182–183, No. 133) и обнаруженного в погребении кургана 17 могильника Филипповка 1 ахеменидского украшения с восьмиконечной звездой (*Балахванцев*, *Камалеев*, 2022. С. 237, рис. 2, *5*). Каплевидные привески, украшенные пирамидками из четырех гранул, но лишенные эмалевых инкрустаций, являются составной частью вышеупомянутого ювелирного украшения из Филипповки 1 (*Там же*).

Как многократно отмечалось в работах одного из авторов данной статьи, ахеменидские статусные вещи впервые появились у южноуральских номадов после их участия в персидском походе в Египет в 456–454 гг. до н. э.: их вожди были довольно щедро вознаграждены царем Артаксерксом I за оказанную помощь, а в руки простых воинов попала обильная добыча (*Там же*. С. 239). Учитывая имеющиеся аналогии для керамики и исторический контекст находок ювелирных изделий, погребение можно датировать[6] серединой — второй половиной V в. до н. э.

В кургане 3, расположенном в 30 м к В от кургана 1, на уровне древнего горизонта, под почти полностью сожженной бревенчатой конструкцией (перекрытием), находилось погребение 8, которое позднее было повреждено впускными погребениями 4 и 7. Среди прочих артефактов здесь найден плоскодонный красноглиняный кувшин с петлевидной, округлоовальной в сечении ручкой[7]. Тулово кувшина яйцевидной формы, горло высокое, немного отогнутое, венчик прямой. В древности сосуд был покрыт светлым ангобом, который сохранился не на всей поверхности. После нанесения ангоба внешняя поверхность была дополнительно залощена галькой (рис. 1, *5*). Высота кувшина — 27 см, диаметр тулова — 19,5 см, диаметр горла — 9,5 см, диаметр ручки — от 2,4 до 2,8 см. Такие кувшины являются одной из наиболее характерных форм столовой керамики архаического Дахистана в Юго-Западном Прикаспии и датируются не позднее конца VI в. до н. э. (*Мурадова*, 1991. С. 81, рис. 32, *б*; *Болелов*, 2012. С. 215).

На Южном Урале керамика архаического Дахистана встречается крайне редко. С. Б. Болелов приводит всего два случая: сероглиняный кувшин из кургана № 11 могильника Покровка-2 и красноглиняный кув-

4 По наблюдению к. и. н. Л. А. Краевой (ОрГПУ), которой авторы статьи выражают свою глубокую благодарность, сосуд изготовлен из смеси ожелезненной и неожелезненной глины (глиняный концентрат). Преобладает концентрация ожелезненной глины средней запесоченности (ближе к тощим), среди естественных примесей: цветной окатанный и полуокатанный песок, частицы слюды, оолитовый бурый железняк. Неожелезненная жирная глина вводилась в сухом состоянии. Возможно, дополнительно в глиняный концентрат была введена искусственная примесь органической добавки (выжимка из навоза?).

5 По мнению Л. А. Краевой, вторая хумча изготовлена из ожелезненной глины средней степени запесоченности, в глине фиксируются естественные примеси цветного окатанного и полуокатанного песка, частицы слюды, оолитового бурого железняка. В качестве искусственной примеси, возможно, использовалась органическая добавка (выжимка из навоза?).

6 Следует иметь в виду, что поступившие на Южный Урал ахеменидские импорты отнюдь не сразу попадали в погребения, а, как правило, еще несколько десятилетий бытовали в кочевнической среде.

7 По мнению Л. А. Краевой, сосуд изготовлен из ожелезненной глины и обожжен в окислительной атмосфере горна.

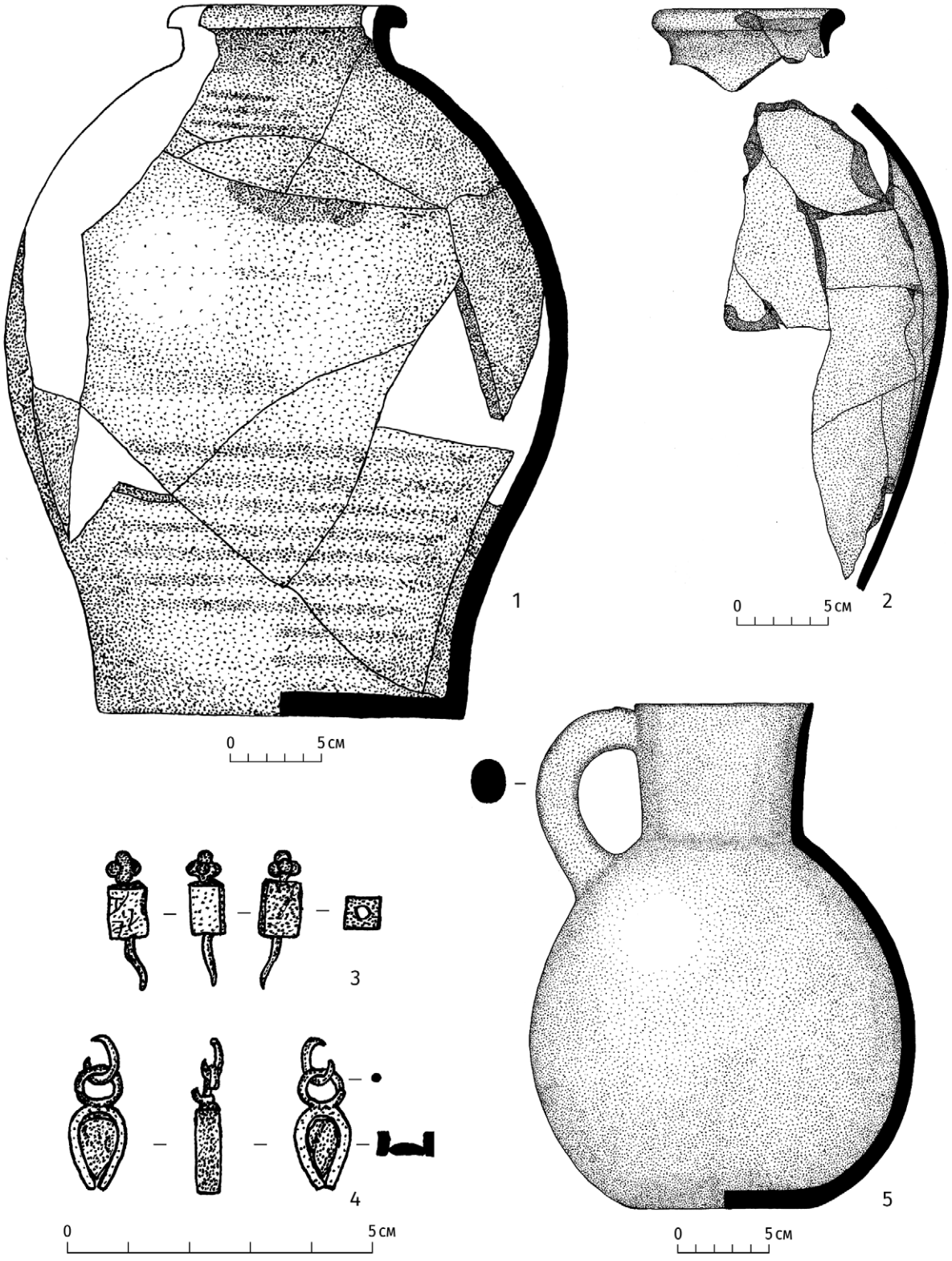

Рис. 1. Находки предметов ахеменидского и среднеазиатского импорта из курганного могильника у с. Самородово: *1* — хумча № 1; *2* — хумча № 2; *3* — проволочка с нанизанной на нее подпрямоугольной бусиной; *4* — каплевидная привеска с эмалевыми вставками; *5* — кувшин.

1, *2*, *5* — керамика; *3* — желтый металл, камень; *4* — желтый металл, эмаль

Fig. 1. Finds of the objects of the Achaemenid and Central Asian imports from Samorodovo burial mounds: *1* — khumcha No. 1; *2* — khumcha No. 2; *3* — wire with a sub-rectangular strung bead; *4* — drop-shaped pendant with enamel; *5* — jug.

1, *2*, *5* — ceramics; *3* — yellow metal, stone; *4* — yellow metal, enamel

шин из одиночного кургана Яковлевка-II (*Болелов*, 2012. С. 215). Эти находки позволяют прийти к выводу, что меридиональные перекочевки южноуральских номадов до западной части Присарыкамышской дельты Амударьи начались не на рубеже VI/V вв. до н. э. (*Балахванцев*, 2017. С. 39), а несколько раньше, причем уже тогда кочевники долины р. Урал вступали в эпизодические контакты с носителями культуры архаического Дахистана.

Возвращаясь к кургану 3, можно заметить, что кувшин, судя по его датировке, происходит не из погребения 4, а из разрушенного центрального погребения 8, которое по погребальному инвентарю датируется концом VI — началом V в. до н. э.

Погребения в курганах 1 и 3 по сочетанию элементов погребального обряда и инвентаря датируются соответственно V в. до н. э. и концом VI — V в. до н. э. Калиброванное значение AMS-дат, полученных в лаборатории ИГРАН по образцам человеческих костей из этих погребений, также укладывается в хронологические рамки V в. до н. э.

Балахванцев, 2017 — *Балахванцев А. С.* Политическая история ранней Парфии. М.: ИВ РАН, 2017. 192 с.

Балахванцев, *Камалеев,* 2022 — *Балахванцев А. С.*, *Камалеев Э. В.* Ахеменидское украшение с восьмиконечной звездой из Филипповки 1 // Восток (Oriens). 2022. № 2. С. 234–242.

Болелов, 2012 — *Болелов С. Б.* Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). М.: Таус, 2012. Т. 1. С. 208–219.

Воробьева, 1973 — *Воробьева М. Г.* Дингильдже: Усадьба середины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М.: Наука, 1973. 217 с. (МХЭ; Вып. 9).

Григорьев, *Купцова*, 2020 — *Григорьев А. П.*, *Купцова Л. В.* Антропологические материалы раннего железного века из курганного могильника у с. Самородово в Оренбуржье // Маргулановские чтения–2020: Материалы междунар. научно-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований». Т. 1. / Гл. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2020. С. 204–210.

Кадырбаев, 1984 — *Кадырбаев М. К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред.: А. И. Мелюкова и др. М.: Наука, 1984. С. 84–93.

Мурадова, 1991 — *Мурадова Э. А.* Поселения архаического Дахистана. Ашхабад: Ылым, 1991. 147 с.

Özgen, *Öztürk*, 1996 — *Özgen I.*, *Öztürk J.* Heritage Recovered. The Lydian Treasure. İstanbul: Uğur Okman, 1996. 247 p.

The new finds of Achaemenid and Central Asian imports near the village Samorodovo

Archil S. Balakhvantsev[8], Evgeny A. Kuptsov[9], Lidia V. Kuptsova[10]

The article is devoted to the new finds of the Achaemenid and Central Asian import items from the nomadic burial complexes of the Early Iron Age explored by the Orenburg Archaeological Expedition in the territory of the Orenburg region during the 2018 field season.

Keywords: *Orenburg region, nomads, Early Iron Age, burial mounds, import, Chorasmia, the Achaemenids.*

8 Archil S. Balakhvantsev — Institute of Oriental Studies of the RAS, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation; e-mail: balakhvantsev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3028-0109.

9 Evgeny A. Kuptsov — Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russian Federation; e-mail: e-kuptsov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0890-2124.

10 Lidia V. Kuptsova — Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russian Federation; e-mail: orelin.84@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3171-6760.

Одонтология античного населения Узбоя[1]

Г. А. Аксянова[2]

Аннотация. *Изучены одонтологические материалы Восточного Прикаспия из памятников античной эпохи вдоль Узбоя и вблизи Сарыкамышского водоема (краниологическая коллекция узбойской культуры). Измерительные и описательные морфологические характеристики зубной системы имеют черты эпохальной архаики. Ведущей особенностью серии является европеоидный и грацильный ее статус. Об этом свидетельствуют низкие частоты всех восточных фенов (лопатообразных резцов, коленчатой складки, дистального гребня, межкорневого затека эмали), повышенные значения ряда западных фенов, высокий уровень редукции коронки нижних моляров. Характеристику южного грацильного типа западного одонтологического ствола дополняет средняя частота бугорка Карабелли. Межгрупповое сопоставление методом кластеризации выявляет близкое сходство узбойского населения с апшеронскими татами.*

Ключевые слова: *Восточный Прикаспий, Узбой, античность, одонтология, южный грацильный тип.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.357-360

Узбой — высохшая река Восточного Прикаспия, русло которой хорошо сохранилось на северо-западной границе Каракумов. На севере к руслу примыкает казахстанская часть плато Устюрт. С VI–V до II тыс. до н. э. река была важным водным путем Средней Азии, соединяя Арало-Сарыкамышский водоем и древнюю дельту Амударьи с Каспийским морем. Русло Узбоя меандрами проходит в юго-западном направлении от южной оконечности искусственно заполняемого в настоящее время Сарыкамышского озера (бывший исток реки) до своего устья в районе г. Красноводска (совр. Туркменбаши). В отдельные дождливые годы Узбой «просыпается», частично заполняясь соленой водой. Допускается, что Узбой периодически возрождался как водная артерия вплоть до конца средневековья (*Андреев*, 2019; *Виноградов*, 1966; *Трофимов*, 1986).

В 1970–80-е гг. сотрудники Института истории АН ТССР проводили археологические раскопки в долине Узбоя со сбором палеоантропологических материалов (табл. 1). Объединенная по разным памятникам черепная серия и сборная коллекция изолированных зубов изучены по одонтологической программе в середине 1980-х гг. Объект исследования представлен постоянной сменой зубов в общей по полу и возрасту выборке (*Аксянова*, *Гельдыева*, 2002). Здесь мы представим основные результаты данного исследования, которое выявило круг древних и современных историко-культурных общностей, генетически близких к античному населению узбойской культуры. Программа включала расширенный набор признаков, в основном описательных, практикуемых в мировой и отечественной одонтологии в качестве маркеров эпохальных биоисторических процессов в человеческих популяциях.

В этнической одонтологии материал собирается у детей школьного возраста, т. к. постоянные зубы тогда уже прорезаются, но не успевают сильно стереться или испортиться. Палеоодонтологический материал принадлежит индивидам не только детского возраста, число которых в коллекции обычно невелико, но и взрослым индивидам разных возрастов. Количество материала, пригодного для анализа в палеоодонтологическом исследовании, порой очень незначительно, что затрудняет анализ его по территориальному, культурному, хронологическому или иному принципу.

В работе рассмотрены только материалы, собранные туркменскими коллегами (О. Б. Бабаковым, Г. Гельдыевой и др.) и находившиеся в Ашхабаде. Эта зубная коллекция античного времени Туркменистана происходит из разных, в том числе в культурном отношении, местонахождений Восточного Прикаспия и Южного Приаралья. Тем не менее они представляют единый хронологический период и географически очень близкие области. Здесь представлены материалы памятников узбойской культуры (абсолютно преобладающая часть материала из Прикаспия), а также отдельных памятников с территории древней присарыкамышской дельты Амударьи (Приаралье). Этнокультурная история Южного Приаралья в это время крайне насыщенна, что нашло отражение и в антропологическом материале (*Яблонский*, 2000). Важно отметить интенсивность и разнообразие миграционных процессов, а также характерное в целом для Средней Азии

1 Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

2 Галина Андреевна Аксянова — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский пр., д. 32а, Москва, 119334, Российская Федерация; e-mail: gaksyanova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4182-4412.

Таблица 1. Датировка исследованных местонахождений северо-запада Туркменистана
Table 1. The dating of the investigated sites of the North-Western Turkmenistan

Местонахождение	Датировка
Дордуль	Последние века до н. э. — первые века н. э
Гич-гельды	То же
14, 16 и 25 км южнее Чарышли	То же
Кемал-кыр	То же
Ханалы-кыр	То же
Бейнау	То же
Назар-как	Античность
Шахсенем	III–IV вв. н. э.
Тарым-кая 3	I в. до н. э. — II в. н. э.

до настоящего времени сосуществование южного, преимущественно земледельческого, и более северного, преимущественно кочевническо-скотоводческого населения. Для нашего материала характерно обратное распределение природно-хозяйственного комплекса: скотоводство преобладало в экономике узбойского населения, а земледелие — в Присарыкамышье.

Ведущим биоисторическим процессом в зубочелюстной системе человека является его редукция, ускорившаяся с мезолита — неолита. Это явление отражают многие описательные признаки, связанные с числом и размерами бугорков на зубах, числом корней, расположением зубов в челюсти относительно друг друга и т. п. (признаки редукционного комплекса). Для них характерна способность к относительно быстрым изменениям во времени (эпохальная пластичность). При этом в зубной системе современного человека имеются относительно стабильные и биологически нейтральные особенности — лопатообразность резцов, коленчатая складка метаконида, дистальный гребень тригонида. Совокупность стабильных и эпохально пластичных признаков зубной системы, которые образуют устойчивые комплексы, характерные для населения определенной территории, названа А. А. Зубовым одонтологическим типом. Им же предложена концепция существования двух надрасовых одонтологических стволов — западного (евро-негроидного) и восточного (австрало-ведо-монголоидного/монголоидно-австралоидного). Такое объединение базируется на преимущественном сходстве ведущих расогенетических показателей в одонтологических комплексах больших территорий (*Зубов*, 1977; *Зубов*, *Халдеева*, 1989).

За последние десятилетия накоплен и обобщен методически сопоставимый одонтологический материал по современным популяциям среднеазиатского региона. Он показал заметную гетерогенность коренных этнотерриториальных групп, обусловленную, прежде всего, соотношением разных европеоидных и монголоидных компонентов, наличие нескольких географических одонтологических вариантов в этой части человеческой ойкумены. В то же время древнее население по данной программе изучено фрагментарно и представлено несколькими разновременными коллекциями (работы Г. В. Рыкушиной и Н. А. Багдасаровой, Н. А. Дубовой, О. Бабакова, Н. И. Халдеевой).

Нами измерена небольшая часть больших коренных зубов (моляров) из всей коллекции. Они происходят из собственно узбойских памятников и не относятся к территории Присарыкамышья. Установлено, что категории диаметров коронок верхних и нижних постоянных моляров — малые или средние, ширина коронки (VL) преобладает над ее длиной (MD) за единственным исключением для M_1. Сильная диспропорция по соотношению двух размеров отмечена в верхнем ряду, где длина коронки очень редуцирована. В целом наблюдается заметный редукционный сдвиг при явном сохранении элементов эпохальной архаики. Средние размеры коронок моляров MDxVL (в мм) таковы:

Верхний ряд:

M^1 9,93 × 11,16; M^2 8,80 × 11,62; M^3 8,40 × 10,13.

Нижний ряд:

M_1 10,39 × 10,23; M_2 10,14 × 10,38; M_3 9,66 × 9,68.

Средний модуль в обоих рядах M1–M3 (10,01 — верхний и 10,08 — нижний) характеризует группу как микродонтную, что типично для грацильных, в частности, южноевропеоидных форм. По площади коронки везде фиксируется современная формула M1>M2>M3 при резком уменьшении площади последних, третьих моляров. При межгрупповом сравнении с зарубежными памятниками III–I тыс. до н. э. аналогии обнаруживаются в материалах местонахождения Сарай Кхола в Северном Пакистане (III в. до н. э.), а из современных групп — в материалах из турецкого Курдистана.

Описательные характеристики в нашей программе разнообразны, в основном из комплекса редукционных маркеров. Форма прикуса определялась для

передних зубов по типу смыкания резцов и клыков. Лабидодонтная форма с прямым контактом режущих поверхностей дополняет характеристику группы как сохраняющую эпохально архаичные особенности. Она отмечена в узбойской коллекции с очень высокой частотой (77%), значительно превышая все известные величины в современных популяциях (10–50%). В том же биологическом тренде эпохальных изменений зубной системы человека находятся данные по диастеме (15%), краудингу (1%) и гиподонтии верхних резцов (3%). Такое соотношение признаков, характерное для европеоидов, говорит о преобладании в переднем отделе зубной дуги редукционного процесса по типу уменьшения размера резцов у древнего населения северо-запада Туркмении. В восточных группах в то же время доминирует повышенная частота краудинга второго резца.

Один из ключевых расоводиагностических маркеров — лопатообразная форма верхних резцов — указывает на выраженную европеоидность населения. В суммарной серии признак отмечен с очень низкой частотой 3,7% на первом и 4,5% на втором резце.

Дополнительный стиллоидный бугорок Карабелли встречен с умеренной частотой баллов (2–5) на первом верхнем моляре (24%, в том числе истинно бугорковых форм — 10%). Это может говорить как о смешанном, так и о южноевропеоидном происхождении населения.

Анализ величин нескольких показателей редукции в ряду верхних моляров приводит к выводам: процесс редукции в изученной выборке ярко выражен, степень его проявления нарастает по мере удаления от ключевого зуба М1, каналы проявления данного феномена разнообразны (уменьшение размеров гипоконуса, метаконуса и наличие гиподонтии М3). Значения основных показателей данных морфологических особенностей: M^2 41% (баллы 3 и 3+); редукция метаконуса 2,59 (средний балл ряда); гиподонтия M^3 42% и вдвое меньше на нижней челюсти.

В классе премоляров имеется яркое подтверждение европеоидной принадлежности узбойского населения, проявляющееся в высокой частоте двухкорневых P^1 (38%). Коронка нижних премоляров умеренно дифференцирована, число трехбугорковых форм на P_2–36%.

Нижние моляры имеют сложную морфологическую структуру и дают богатую информацию антропологам. Важным показателем, различающим западные и восточные одонтологические комплексы, является соотношение встречаемости шести- и четырехбугорковых коронок. Они отражают преобладание процессов редукции или дифференциации для зубов нижней челюсти. Античное население Туркмении относится к выраженно грацильным вариантам. Здесь частота M_1 4-го бугорка в суммарной выборке высокая, более 19%. Группы имеют в определенном проценте случаев и шестибугорковые варианты M_1 (3–5%). Данный факт указывает на повышенный уровень внутригруппового разнообразия в изученных выборках. Второй и третий нижние моляры характеризуются умеренно высоким уровнем редукции при наличии трехбугорковых форм. Таким образом, античное население Туркмении по числу бугорков на M_1–M_3 может быть охарактеризовано как грацильное европеоидное население с элементами архаики в строении нижних моляров.

Встречаемость коленчатой складки метаконида (5,6%) и дистального гребня тригонида (7,5%) на M_1 — двух признаков, в сильной степени определяющих расовый вектор в характеристике любой группы, — характеризует «узбойцев» как южных европеоидов. Низкий, западный уровень частот демонстрируют и такие особенности — присутствие третьего корня и бугорка *tami* на этом зубе, а также межкорневой затек эмали на вторых молярах обеих челюстей.

Рассмотренный морфологический комплекс надежно связывает изученную античную серию Восточного Прикаспия с западным одонтологическим стволом и его южным грацильным типом. Черты последнего особенно характерны для более южных памятников вдоль русла Узбоя. В северной подгруппе, включающей памятники узбойско-присарыкамышской локализации, собственно южная специфика ослаблена при усилении архаического налета. Это говорит об определенном генетическом разобщении населения смежных территорий, не достигающего, впрочем, уровня статистической достоверности.

Для межгруппового сравнения было проведено несколько видов многомерного статистического анализа с привлечением литературы по территориально близким древним сериям и современным этническим группам Средней, Западной и Южной Азии. Методом кластеризации выявлены наиболее близкие древние серии (саки Восточного Памира и население Шахристана IX в. в Северном Таджикистане). Античный материал из северо-западных районов Туркменистана, прежде всего население узбойской культуры, имеет явное генетическое сходство с ираноязычным населением Западного Прикаспия (апшеронские таты). Часть неиранских групп входит в круг вариантов относительно близких к узбойским: болгары Градово, азербайджанцы, турки Болгарии, чамары Северо-Западной Индии. Современные народы Средней Азии, наряду с некоторыми группами Индии, представляют более удаленные одонтологические комплексы. Но вновь именно ираноязычные группы ближе к «узбойцам» (таджики, ирони), чем тюрки (узбеки и мак-

симально туркмены). Туркменскую выборку в данном случае представляет усредненный комплекс для субэтнических выборок племен теке, йомуд, элеч, нохурли, олам.

Узбойские античные материалы представляют, очевидно, ираноязычное население Восточного Прикаспия. В антропологическом аспекте это часть обширного ареала южного грацильного одонтологического типа, который распространен в популяциях от Средиземноморья, Причерноморья и Закавказья до Индии.

Аксянова, Гельдыева, 2002 — *Аксянова Г. А., Гельдыева Г.* Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. М.: ИЭА РАН, 2002. Т. II. С. 5–55.

Андреев, 2019 — *Андреев А. А.* «Старое» русло Амударьи: от древних легенд и проектов XVIII в. к научной дискуссии второй половины XIX — первой половины XX в. // Новое прошлое. The new past. 2019. № 2. С. 36–51.

Виноградов, 1966 — *Виноградов А. В.* Тысячелетия, погребенные пустыней. М.: Просвещение, 1966. 188 с.

Зубов, 1977 —*Зубов А. А.* Одонтологические данные по вопросу о двух первичных очагах расообразования // Ранняя этническая история народов Восточной Азии / Отв. ред. Н. Н. Чебоксаров. М.: Наука, 1977. С. 60–73.

Зубов, Халдеева, 1989 — *Зубов А. А., Халдеева Н. И.* Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989. 229 с.

Трофимов, 1986 — *Трофимов Г. Н.* Палеогидрология Узбоя // БКИЧП. 1986. № 55. С. 107–111.

Яблонский, 2000 — *Яблонский Л. Т.* Краниологические материалы из склепов присарыкамышского могильника Сакар-чага I (V–III вв. до н. э.) // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии / под общ. ред. Г. В. Рыкушиной, Н. А. Дубовой. М.: Старый Сад, 2000. С. 47–77 (Этническая антропология Средней Азии; Вып. 2).

Odontology of the ancient Uzboy population

Galina A. Aksyanova[3]

The paper analyzes dental materials of the antique Eastern Caspian population from the several locations along the Uzboy River and near the Sarykamysh Lake (craniological collection of the Uzboy culture). Measuring and descriptive morphological characteristics of the dental system have epochal archaic features. The main feature of the series is its Caucasoid and gracile status evidenced by the low frequencies of all eastern markers (shovel-shaped incisors, deflecting wrinkle, distal trigonid crest, interradicular leakage of enamel), increased values of a number of western traits, and a high level of lower molars' crown reduction. The characteristic of the southern gracile type of the western odontological trunk is supplemented by the average frequency the tubercle of Carabelli. Intergroup comparison using the cluster analyses reveals a close similarity of the Uzboy population with the Iranian-speaking Apsheron Tats.

Keywords: *odontology, southern gracile type, antiquity, Eastern Caspian region, the Uzboy River.*

3 Galina A. Aksyanova — N. N. Miklukho-Maklai Institute for Ethnology and Anthropology of the RAS, 32a Leninsky Ave., Moscow, 119334, Russian Federation; e-mail:gaksyanova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4182-4412.

О поселенческой округе раннегородских центров Средней Азии

В. В. Мокробородов[1]

Аннотация. *В работе рассмотрены выявленные в последние годы археологические данные по округе среднеазиатских крупных укрепленных поселений середины I тыс. до н. э. Характерными ее чертами можно считать тотальное преобладание легких построек над немногочисленными монументальными зданиями и значительное превышение былой территории поселений над сохранившимися центрами.*

Ключевые слова: *Средняя Азия, Бактрия, ранний железный век, Кизылтепа, Хоштепа, городская округа.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.360-364

1 Виктор Валентинович Мокробородов — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117036, Российская Федерация; e-mail: mokroborodov@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-0016-7690.

При разнообразии точек зрения на время сложения городской культуры в Средней Азии, факты свидетельствуют в пользу существования здесь в античный период города весьма развитого типа. Исходя из этой данности, для прояснения вопросов генезиса города уместно обратиться к предваряющему античную эпоху раннему железному веку, для которого характерно наличие практически на всей территории Среднего Востока крупных поселений со сложной структурой.

В этом отношении довольно репрезентативен юг современного Узбекистана, где известно немало объектов с материалами середины I тыс. до н. э., часть которых не перекрыта поздними наслоениями. Это давно привлекало внимание исследователей, поэтому крупные поселения нельзя считать неизученными (см.: *Ртвеладзе*, 1975; *Пугаченкова*, *Ртвеладзе*, 1990; *Шайдуллаев*, 2000; и др.). Однако после возобновления здесь в 2000-е гг. широкомасштабных работ были получены основания для целого ряда новых выводов, меняющих устоявшиеся положения. Это касается всех значительных памятников раннего железного века[2], в том числе и крупнейшего из них — Кизылтепа. Предварительные итоги последних работ на цитадели этого поселения уже введены в научный оборот (*Сверчков и др.*, 2013; *Сверчков*, *У Син*, 2019), мы же обратимся к результатам археологических поисков в его округе.

Уже в начале работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции появляются упоминания о наличии «ряда мелких поселений» близ городища (*Хакимов*, 1972. С. 55; *Ртвеладзе*, 1974. С. 82). В дальнейшем эти объекты исследовались А. С. Сагдуллаевым под общим именем Кизылча. Согласно опубликованным данным, «усадьбы Кизылча[3] до раскопок представляли собой подпрямоугольные в плане бугры высотой 1–3 м, размерами 45 × 25, 35 × 24, 36 × 15 м, на поверхности которых отмечены скопления фрагментов керамики середины I тыс. до н. э.» (*Сагдуллаев*, 1987. С. 8). Все «Кизылча» традиционно рассматривались как идентичные друг другу, с перенесением сведений с раскопанных полностью (Кизылча 6, раскопки 1974–1978 гг.) и частично (Кизылча 1, раскопки 1980 г.) памятников на остальные[4]. Близ Кизылча 6 был зафиксирован канал, предположительно синхронный раскопанному объекту[5]. На северо-восточном берегу искусственного озера Ахаткуль в 1972 г. были отмечены остатки разрушенного поселения. Материалы, собранные с участка протяженностью около 100 м, были также датированы серединой I тыс. до н. э. (*Ртвеладзе*, 1974. С. 82).

В 2010-х гг. округу Кизылтепа обследовал автор в составе узбекистано-германской экспедиции. На территориях, прилегающих к цитадели городища с СВ, СЗ, З и ЮВ, были выявлены зоны, изобилующие подъемным материалом[6], а также остатки строений в виде тепа (рис. 1, *А*).

Наиболее обширной территорией с подъемной керамикой является северо-восточная зона, занимающая около 20 га по левому берегу Кизылсу между Кизылча 1 (двухчастное прямоугольное тепа площадью 25 × 75 м и высотой до 1,7 м со следами раскопок) (рис. 1, *А*, № *3*) и местонахождением Ахаткуль.

В 730 м к СВ от цитадели Кизылтепа зафиксированы остатки практически разрушенного памятника, идентифицированного как Кизылча 4. В 2013 г. объект представлял собой останец холма размерами 5 × 20 м и высотой 1,2 м, расположенный на естественной, ныне распаханной возвышенности (рис. 1, *А*, № *4*). В срезах останца заметны культурные слои и остатки сырцовых кирпичей, на поле на площади диаметром более 100 м отмечены скопления керамики.

Раскопанный в 1970-е гг. Кизылча 6 (рис. 1, *А*, № *6*) полностью разрушен строительством дома. Вблизи этого объекта, наряду с местонахождениями керами-

---

2 В частности, памятников Бандыхана (*Boroffka*, 2009; *Мокробородов*, 2010) и поселения Джандавлаттепа (*Stančo, Tušlová*, 2019).

3 Вопрос о численности выделенных А. С. Сагдуллаевым объектов не простой. Их количество в публикациях этого автора (иногда и на разных страницах одной и той же работы) постоянно варьирует, причем необязательно в сторону увеличения по мере обследования новых территорий. О неоднозначной археолого-топографической ситуации основной исследователь объектов писал и так: «Не исключено, что в древности здесь было гораздо больше усадеб. Во многих местах на площади 400–600 кв. м. собраны фрагменты керамики <…> На функционирование древних поселений указывают также культурные слои в обрывах речных берегов, достигающие мощности 1,5–2 м» (*Сагдуллаев*, 1987. С. 8). В итоговом списке (Там же. С. 11) перечислены 11 Кизылча. Э. В. Ртвеладзе объединил объекты по левому берегу Кизылсу («группа мелких тепе») под одним полевым кодом — Б-75 (*Ртвеладзе*, 1974. С. 82).

4 *Сагдуллаев*, 1987. С. 25, 62; *Шайдуллаев*, 2000. С. 14; *Stride*, 2004. P. 237–243. Хотя первоначально и сам А. С. Сагдуллаев выделял как минимум два типа — укрепленный жилой комплекс с прилегающими подсобными строениями (площадь более 840 кв. м) и небольшие неукрепленные усадьбы (площадь менее 525 кв. м) (цит. по: *Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990. С. 28). Недостаточная конкретизация и его собственные обобщающие публикации в конечном итоге привели к указанной проблеме.

5 На схематическом плане территории (*Сагдуллаев*, 1987. Рис. 1) показана развитая ирригационная сеть минимум из девяти взаимосвязанных каналов.

6 К моменту нашего обследования практически вся округа Кизылтепа была снивелирована под посевы и постройки. Однако, как следует из дистанционных снимков Corona середины 1960-х гг., большая часть территории была распахана уже до начала работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции, что крайне важно с точки зрения обоснованности соотнесения возможных скоплений материалов с «…буграми высотой 1–3 м».

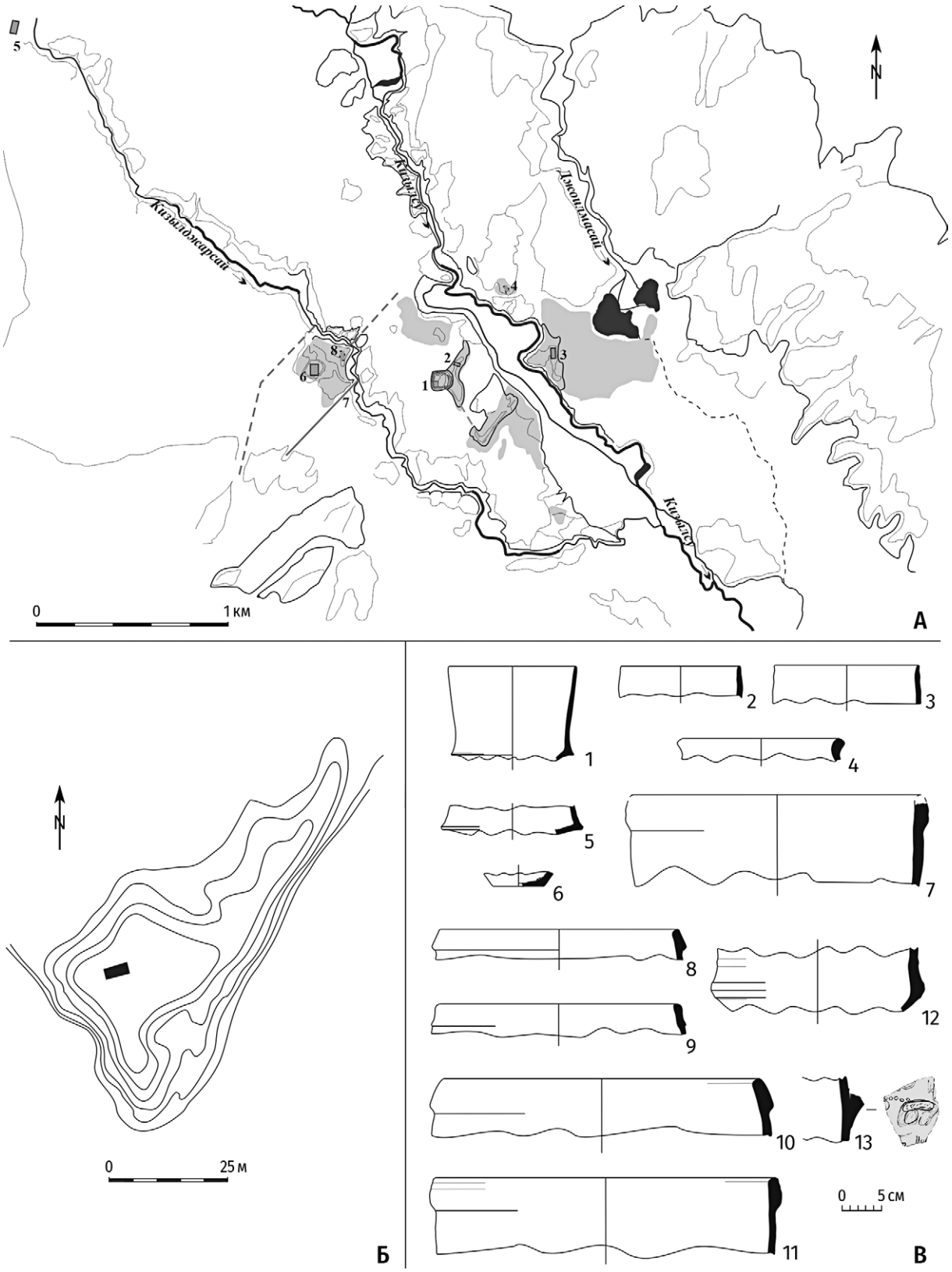

Рис. 1. Кизылтепа и его округа: *А* — памятники раннего железного века (*1* — цитадель Кизылтепа; *2* — центр металлургического производства на Кизылтепа; *3* — Кизылча 1; *4* — Кизылча 4; *5* — Хоштепа; *6* — Кизылча 6; *7* — остатки предположительно раннего канала; *8* — Кизылча 7–8); *Б* — Хоштепа, план; *В* — керамика из шурфа на Хоштепа

Fig. 1. Kizyltepa and its vicinity: *A* — sites of the Early Iron Age (*1* — Kizyltepa citadel; *2* — center of metallurgical production at Kizyltepa; *3* — Kizylcha 1; *4* — Kizylcha 4; *5* — Khoshtepa; *6* — Kizylcha 6; *7* — remnants of a presumably early canal; *8* — Kizylcha 7–8); *Б* — Khoshtepa, plan; *B* — pottery from a trench at Khoshtepa

ки на общей площади около 6 га, отмечено сильно изрезанное овальное тепа размерами 20 × 35 м и высотой 1,5–3,0 м — «Кизылча 8», где небольшая зачистка выявила культурный слой толщиной более 1 м и как минимум три уровня обживания.

Следующие зоны — район северо-западнее городища (Буйрачи) и т. н. юго-восточный пригород — менее насыщены керамикой, и их площадь может быть определена лишь приблизительно: 4 и 9 га соответственно. В 2015 г., в ходе работ уже узбекистано-китайской экспедиции, за внешней стеной Кизылтепа[7] нами были заложены два шурфа: 3 × 3 м с 0,5 м турбированного слоя и 2 × 2 м с более чем 2,5 м свиты переотложенных слоев.

Полученные в ходе исследований округи городища материалы — типологически единый набор керамики (более 500 подъемных черепков и 165 фрагментов из шурфов, всего 148 археологических форм) — обладают характерными признаками, свойственными керамическим комплексам типа Яз III, и, следовательно, синхронны основному периоду функционирования цитадели Кизылтепа[8].

В ходе недавних работ был обнаружен и ряд новых объектов, один из которых представляет интерес для рассматриваемой темы. Речь идет о Хоштепа, небольшом памятнике на территории поселка Миршаде, в 3 км к СЗ от Кизылтепа. Поскольку результаты разведочного обследования данного объекта ранее не публиковались, остановимся на них подробнее.

Объект представляет собой подтреугольное в плане тепа размерами 80 × 42 × 10 м и высотой до 3,2 м, расположенное на правому берегу Кизылджарсая (№ 5 на схеме округи — рис. 1, *А, Б*). В центре Хоштепа в 2013 г. был заложен разведочный шурф (2 × 5 м), выявивший более чем двухметровую свиту слоев с уровнями полов. На объекте предполагается один период обживания с тремя быстро сменяющими друг друга этапами (полы 1–3), из которых верхний (3-й) отличался большей интенсивностью, а также следами строительства[9]. О планировке поселения Хоштепа и его функциональном назначении судить по разведочным раскопкам сложно, но натечные и оплывные прослойки косвенно свидетельствуют о дворовом характере застройки вскрытой части Хоштепа по полам 2 и 3. Верхний напольный слой сменяют слои запустения с более поздними ямами.

Всего с Хоштепа было получено 157 керамических фрагментов — 146 станковых и 11 лепных черепков (в том числе 24 формообразующих фрагмента). Материалы основного периода обживания Хоштепа (рис. 1, *В*) обладают набором характеристик, идентичных выявленным на объектах в округе Кизылтепа, и, следовательно, датируются периодом Яз III. Материал из впускных ям позднесредневековый.

В свете проведенных исследований можно скорректировать представления об округе крупнейшего поселения раннего железного века на юге Узбекистана. Она состояла из обширной (до 42 га) территории, занятой легкими постройками-хижинами[10], и типологически более разнообразных и не столь многочисленных, чем предполагалось, монументальных построек[11]. Обращают на себя внимание сходство стратиграфических показателей в зачистках и шурфах округи с ситуацией на центральном объекте и соотношение площади «пригородов» к площади цитадели (42:1). Результаты последних работ на других крупных поселениях региона демонстрируют множественные аналогии выявленной на Кизылтепа ситуации.

Аршавская, 1987 — *Аршавская З. А.* Заметки об архитектуре Бактрии эпохи бронзы — раннего железа (к характеристике типологических схем) // Сагдуллаев А. С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент: Фан, 1987. С. 91–96.

Мокробородов, 2010 — *Мокробородов В. В.* Раскопки памятников середины I тысячелетия до н. э. в Бандыхане // Традиции древней и средневековой городской культуры Средней Азии / Гл. ред. М. М. Хайдаров. Ташкент: б. и., 2010. С. 105–112.

Пугаченкова, *Ртвеладзе*, 1990 — *Пугаченкова Г. А.*, *Ртвеладзе Э. В.* Северная Бактрия–Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и средневековье). Ташкент: Фан, 1990. 219 с.

Ртвеладзе, 1974 — *Ртвеладзе Э. В.* Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбеки-

7 Предполагается, что данный фортификационный объект датируется несколько позднее основного времени обживания цитадели, соотнесенного с ахеменидским периодом.

8 Здесь стоит напомнить, что в ходе исследований 2010–2018 гг. на Кизылтепа не было найдено материалов ранее Яз III (*Сверчков и др.*, 2013. С. 60–63, 69–74), за исключением двух черепков, поднятых южнее цитадели. Керамику из раскопов внутри периметра стен городища можно отнести к переходному к античности времени.

9 На верхнем полу были зафиксированы остатки стены, грубо сложенной из сырцового кирпича форматом 48–50 × 36 × 10–11 см и сохранившейся в высоту до 80 см.

10 Еще Э. В. Ртвеладзе, характеризуя ситуацию в «пригороде» Кизылтепа, писал о занимающих не менее 5 га «...остатках заглубленных в землю жилищ каркасного типа» (*Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990. С. 28).

11 Вопрос интерпретации подобных зданий неоднозначен. Бандыханский Киндыктепа являлся храмом; Кизылча 6 определяется как сельская усадьба (*Сагдуллаев*, 1987), для здания предполагались и оборонительные функции (*Аршавская*, 1987). На наш взгляд, для групп построек Кизылча 1 и Кизылча 6 вполне уместно определение их в качестве укрепленных имений местной знати.

стана / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, ЛО, 1974. С. 74–85.

Ртвеладзе, 1975 — *Ртвеладзе Э. В.* К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени // СА. 1975. № 2. С. 262–266.

Сагдуллаев, 1987 — *Сагдуллаев А. С.* Усадьбы древней Бактрии. Ташкент: Фан, 1987. 108 с.

Сверчков и др., 2013 — *Сверчков Л. М.*, *У Син*, *Бороффка Н.* Городище Кизылтепа (VI–IV вв. до н. э.): новые данные // ScrAnt. 2013. Т. 3. С. 31–74.

Сверчков, *У Син*, 2019 — *Сверчков Л. М.*, *У Син.* Храм огня V–IV вв. до н. э. Кизылтепа // ScrAnt. 2019. Т. 8. С. 96–128.

Хакимов, 1972 — *Хакимов З.* Из археологических открытий 1972 г. // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972. Вып. 2. С. 55.

Шайдуллаев, 2000 — *Шайдуллаев Ш. Б.* Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент: Изд-во А. Кодири, 2000. 126 с.

Boroffka, 2009 — *Boroffka N.* Siedlungsgeschichte in Nordbaktrien — Bandichan zwischen Spätbronzezeit und Frühmittelalter // Alexander der Große und die Öffnung der Welt / Hrsg. von S. Hansen. Mannheim: Schnell und Steiner, 2009. S. 135–143.

Stančo, *Tušlová*, 2019 — *Stančo L.*, *Tušlová P.* (eds.). Sherabad oasis. Tracing Historical Landscape in Southern Uzbekistan. Prague: Charles University Karolinum press, 2019. 495 p.

Stride, 2004 — *Stride S.* Géographie archéologique de la province du Surkhan Darya (Ouzbékistan du sud / Bactriane du nord): Thèse pour obtenir le grade de Docteur. Vol. III: Catalogue de sites. Paris, 2004. 488 p.

On the settlement vicinity of early urban centers of western Central Asia

Victor V. Mokroborodov[12]

The paper is devoted to recently revealed archaeological data that shed new light on the vicinity area of western Central Asian large fortified settlements of the mid-1st millennium BC. Its characteristic features can be thought both a total predominance of light buildings over few monumental structures and a significant excess of the former territory of settlements over surviving centers.

Keywords: *Central Asia, Bactria, Early Iron Age, Kizyltepa, Khoshtepa, urban vicinity.*

12 Victor V. Mokroborodov — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanov St., Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mokroborodov@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-0016-7690.

«Парфянский» воин из сычуаньской гробницы: к вопросу об иконографии парфян на памятниках материальной культуры Древнего мира

М. С. Назарова[1]

Аннотация. *В работе рассматривается изображение конного воина из гробницы эпохи Хань в Сычуани (Китай) в контексте вариантов иконографической темы «парфянский выстрел» в искусстве древнего Средиземноморья и Средней Азии.*

Ключевые слова: *искусство Древнего мира, эпоха Хань, «парфянский выстрел», иконография кочевников.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.364-367

Во время исследования одной из гробниц в провинции Сычуань (Юго-Западный Китай), которая датируется эпохой династии Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.), было открыто рельефное изображение всадника, вооруженного луком (рис. 1 — см.: *Bourke*, 2008. P. 282). Его способ стрельбы (обернувшись назад на скачущем коне), а также одежда свидетельствуют, что этот воин был чужаком для коренных жителей ханьского Китая, а боевая поза, в которой он изображен, известна как «парфянский выстрел».

Подобную тактику и манеру ведения боя неоднократно описывали античные авторы, сообщавшие о столкновении греков или римлян с представителями иранских народов. Об этом упоминают, например,

1 Мария Сергеевна Назарова — Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Большая Морская, д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: maria.nz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6547-5988.

Рис. 1. «Парфянский» лучник. Около 200 г. до н. э. — 200 г. н. э. (Сычуань, Китай)
Fig. 1. The "Parthian" archer. Ca. 200 BC — 200 AD (Sichuan, China)

Ксенофонт (Xen. *Anab.* III. 3. 10), Плутарх (Plut. *Crass.* 18, 24) и Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXV. 1. 8). Хорошо известен «парфянский выстрел» и в произведениях изобразительного искусства Древнего мира со времен Ассирийской империи. Примерами служат сцены на рельефах из дворца Ашурназирпала II в Кальху (*Hall*, 1928. Pl. XVI, *2*) и дворца Ашшурбанипала в Куюнджике (*Ibid*. Pl. XLVI), а также урартские пояса со схожим сюжетом (*Ivantchik*, 2008. P. 178, 185). Фигуры охотников, делающих «парфянский выстрел», присутствуют на финикийских металлических чашах VIII–VII вв. до н. э. (обе в Национальном Этрусском музее в Риме), обнаруженных в этрусских погребальных памятниках — «Гробнице Реголини-Галасси» на некрополе Бандитачча и «Гробнице Барберини» в Палестрине (*Curtis*, 1925. P. 22).

В искусстве Древней Греции аналогичным образом изображали скифов. В устойчивую для античного искусства иконографию этих соседей-варваров, как и других выходцев «с востока» (реальных или мифологических), входили необычный для греческого мира костюм и предметы вооружения: изогнутый небольшой лук, горит, щит-пельта, кирбасия, штаны, просторная рубаха или кафтан с длинными рукавами. (*Назарова*, 2021. С. 121). Примеры подобных изображений можно найти в греческой скульптуре («Саркофаг Александра», Археологический музей, Стамбул), вазописи («Ваза Дария», Национальный археологический музей, Неаполь), ювелирном искусстве (пектораль из кургана Толстая Могила, Музей исторических драгоценностей, Киев) и глиптике (малоазийский скарабеоид из халцедона, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) (*Никулина*, 1994. С. 102). Примечательно, что на гемме из Эрмитажа один из уходящих от преследования скифов обернулся и простер руку к персидскому всаднику, который поражает врага копьем. М. И. Ростовцев в своем исследовании иконографии «парфянского выстрела» рассматривал это произведение как один из предполагаемых примеров данной композиции, видимо, из-за недостаточного качества доступного ему изображения (*Rostovtzeff*, 1943. P. 184). Однако, хоть в руке скифа действительно отсутствует лук и его жест можно интерпретировать как «мольбу о пощаде», иконографически эта композиция восходит к устоявшемуся художественному мотиву искусства Древнего мира: к образу «восточного» всадника, уходящего от преследователя и оборачивающегося назад.

Изображения именно парфян известны по памятникам материальной культуры и искусства, созданным как античными, так и восточными мастерами. Примерами акцентирования «национальных» элементов в костюме, прическах и атрибутах являются терракотовые полихромные изображения из раскопок в Старой Нисе, скульптуры из Хатры (*Pischel*, 1982. S. 137) и др. Следует назвать также образцы античных произведений на парфянскую тему: эллинистическая «чаша Мура» (Метрополитен-музей, Нью-Йорк) римские рельефы «Эфесского фриза» и Арки Септимия Севера в Риме, росписи в Дура-Эвропос и др.

С территории Сирии происходят несколько примечательных археологических находок, связанных с парфянскими всадниками. Это терракотовые плакетки с рельефным изображением стремительно скачущего конного воина в восточном «парфянском» костюме, стреляющего из лука (Британский музей, Лондон; Палаццо Мадама, Турин). Там же была найдена терракотовая протома с фигурой парфянского всадника на торжественно шагающем коне, к седлу которого приторочен горит (Пергамский музей, Берлин). Предметом дискуссии остается точное время создания этих произведений, которые датируются достаточно широко — от I в до н. э. до начала III в. н. э. Также спорным является вопрос культурной принадлежности их авторов: был ли это античные мастера из Восточного Средиземноморья или же эллинизированные представители Востока.

Сопоставление деталей традиционных парфянских одежд в произведениях искусства и материальной культуры древнего Средиземноморья и Ближнего Востока позволяет выявить общие иконографические черты с изображением конного лучника из сычуаньской гробницы. Так, персонаж с китайского рельефа носит широкие штаны, близкие к античным вариантам трактовки этой детали восточного костюма и изображениям на парфянских памятниках. На верхней части корпуса — подобие широкой рубахи-кафтана с длинными рукавами и поясом на талии. Впрочем, отсутствие деталей и обобщенная трактовка образа конного лучника китайскими мастерами ханьского периода не позволяют однозначно интерпретировать данного персонажа как «парфянина». Также остается неясным контекст, в котором находится данная фигура. Вполне вероятно, что культурные контакты ханьского Китая с Западом оказали влияние на сформирование узнаваемого образа кочевника, опасного соседа, который воюет, используя всадников с луками как главную силу.

Источником этой иконографии могли оказаться композиции, пришедшие через культурные связи с эллинизированным наследием Парфии, Бактрии, Согдианы и Кушанского царства. После захвата кушанами греко-бактрийских владений в их искусстве появились черты и приемы, перенятые из опыта художественного творчества эллинистического мира. На кушанских произведениях также встречаются изображения «парфянского выстрела». Например, выполненная в технике резьбы по кости сцена охоты из раскопок храма Окса в Тахти-Сангине I в. до н. э. — I в. н. э. (Национальный музей древностей Таджикистана, Душанбе) (*Wood*, 2012. P. 142). О популярности «парфянского выстрела» в сюжетах на тему сражений или охоты в искусстве Средней Азии I–V вв. свидетельствуют сцены на многочисленных сасанидских серебряных блюдах, гандхарских рельефах (*Tanabe*, 1989. P. 70) и «эфталитской» серебряной чаше V в. из собрания Британского музея.

Ханьский Китай столкнулся с кушанами на своих западных рубежах. Еще важно учитывать, что Поднебесная регулярно подвергалась нападениям кочевников, которые в своих перемещениях и набегах использовали коней и луки. Широкая датировка сычуаньского всадника (около 200 г. до н. э. — 200 г. н. э.) делает спорной трактовку данного произведения как изображения именно парфянина. Скорее, здесь мы видим еще один пример иконографии конного воина-кочевника, которая, зародившись в искусстве древнего Средиземноморья и пройдя значительный географический и временной путь, получила в художественном творчестве мастеров Древнего Китая еще один вариант воплощения.

Назарова, 2021 — *Назарова М. С.* Восточный костюм в раннехристианском искусстве. К вопросу об иконографии «Поклонения волхвов» в позднеантичной живописи катакомб // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2021. № 10. С. 116–134.

Никулина, 1994 — *Никулина Н. М.* Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. М.: Искусство, 1994. 330 с.

Bourke, 2008 — The Middle East: The Cradle of Civilization / Chief Consultant S. Bourke. London: Thames and Hudson, 2008. 368 p. (Ancient Civilizations).

Curtis, 1925 — *Curtis C.* The Barberini Tomb // Memoirs of the American Academy in Rome. 1925. Vol. 5. P. 9–52.

Hall, 1928 — *Hall H. R.* Babylonian and Assyrian Sculpture in the British Museum. Paris; Brussels: Les Éditions G. van Oest, 1928. 57 p.

Ivantchik, 2008 — *Ivantchik A.* Le “Parthian Shot”, cinquante ans après Rostovtzeff // Michel Ivanovitch Rostovtzeff / Éd. par J. Andreau et W. Berelowitch. Bari: Edipuglia, 2008. P. 177–190.

Pischel, 1982 — *Pischel G.* Große Weltgeschichte der Skulptur. Stuttgart; Hamburg; München: Südwest-Verlag, 1982. 736 S.

Rostovtzeff, 1943 — *Rostovtzeff M.* The Parthian Shot // AJA. 1943. Vol. 47. No. 2. P. 174–187.

Tanabe, 1989 — *Tanabe K.* A discussion of one Kushano-Sasanian silver plate and relation to Gandharan art // Orient. 1989. Vol. XXV. P. 51–80.

Wood, 2012 — *Wood R.* After the Achaemenids: exchange, transmission and transformation in the visual culture of Babylonia, Iran and Bactria c. 330 — c. 100 BC. Vol. 1. Oxford: Oxford Press, 2012. 340 p.

A „Parthian" warrior from a Sichuan tomb: on the iconography of the Parthians in material culture monuments of the Ancient world

Maria S. Nazarova[2]

The paper deals with the representation of a mounted archer from a Han-era tomb in Sichuan (China) in the context of variants of the „Parthian shot" iconographic theme in the art of the ancient Mediterranean and Central Asia.

Keywords: *art of the Ancient world, Han era, „Parthian shot", iconography of nomads.*

2 Maria S. Nazarova — Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 Bolshaya Morskaya St., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: maria.nz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6547-5988.

Особенности погребального обряда элитных захоронений согдийцев на территории Китая в эпоху раннего средневековья

М. А. Кудинова[1]

Аннотация. *В работе дана общая характеристика погребального обряда элитных могил согдийцев эпохи раннего средневековья на территории Китая. Выделены черты влияния китайской (конструкция погребений, наличие настенных росписей, каменной погребальной утвари и эпитафий) и иранско-ценральноазиатской (семантика и стилистка каменных рельефов) традиций. Также рассматривается вопрос о возможном влиянии сяньбийской погребальной обрядности (ритуал сжигания вещей покойного).*

Ключевые слова: *Китай, эпоха Северных династий, эпоха Суй, погребальный обряд, согдийцы, Шелковый путь.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.367-369

С момента своего открытия элитные погребения согдийцев в Китае привлекают внимание исследователей со всего мира. Наибольшее число работ посвящено интерпретации изображений на погребальных ложах и саркофагах (см.: *Цзян Болэ*, 2004; *Grenet et al.*, 2004; *Lerner*, 2005; и др.), в то время как изучению других деталей погребального обряда уделяется значительно меньше внимания.

В 1999 г. в районе Цзиньюань в окрестностях г. Тайюань, пров. Шаньси, была открыта и исследована гробница Юй Хуна (598 г.) (*Чжан Цинцзе и др.*, 2001; *Комиссаров и др.*, 2015). В 2000 г. в районе Вэйян в северном пригороде г. Сиань, пров. Шэньси, было обнаружено погребение Ань Цзя (Ань Це) (579 г.) (*Инь Шэньпин и др.*, 2001). В 2003 г. на расстоянии 2,2 км от могилы Ань Цзя было найдено захоронение Шицзюня (Виркака) и его супруги Виюйсы (580 г.) (*Ян Цзюнькай*, *Сунь У*, 2005). В 2004 г. на 150 м севернее гробницы Ань Цзя было обнаружено погребение еще одного согдийца — Кан Е (571 г.) (*Чэн Линьцюань*, *Чжан Сянъюй*, 2008). Таким образом, погребения Ань Цзя, Ши-цзюня, Кан Е, а также обнаруженная поблизости могила выходца из Кашмира Ли Даня располагались к востоку от города Чанъань — столицы государства Северное Чжоу (557–581). Вероятно, в то время это место было специально отведено под кладбище для знатных выходцев из-за рубежа.

Архитектура погребений Юй Хуна, Ань Цзя, Шицзюня и Кан Е имеет много общего: это гробницы, сложенные из кирпича (как у Юй Хуна и Ань Цзя), или грунтовые (как у Ши-цзюня и Кан Е) с купольным сводом, в которые вели многометровые наклонные дромосы; стены дромосов и погребальных камер были украшены росписями. Подобная конструкция гробниц была типичной для китайской знати и чиновничества в эпоху династий Суй и Тан. Как известно из текстов

1 Мария Андреевна Кудинова — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: maria-kudinova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8369-2089.

эпитафий, помещенных в погребения, Ань Цзя и Ши-цзюнь (Виркак) занимали посты *сабао* в Тунчжоу (уезд Дали городского округа Вэйнань пров. Шэньси) и Лянчжоу (округ Увэй, пров. Ганьсу) соответственно. Кан Е и Юй Хун также занимали различные государственные должности. Особенности оформления погребений чиновников в древнем и средневековом Китае определялись занимаемой должностью и рангом, и в целом конструкция рассматриваемых гробниц соответствовала стандартам, принятым для захоронения представителей бюрократии. В погребениях Юй Хуна, Ань Цзя и Кан Е были обнаружены каменные плиты с эпитафиями, написанные на китайском языке в стилистике, типичной для китайских официальных эпитафий со множеством аллюзий к конфуцианской классике. В гробнице Ши-цзюня текст эпитафии на китайском и согдийском языках был выгравирован на одной из плит саркофага. Эти тексты содержат сведения об обитателях гробниц: их имена, даты жизни, происхождение, основные вехи служебной карьеры.

Общей чертой, характерной для погребального обряда эпохи Северных династий, является использование каменного саркофага (как в могилах Юй Хуна и Ши-цзюня) и каменного погребального ложа (как у Ань Цзя и Кан Е). Отличием этих четырех захоронений служит специфический декор каменной погребальной утвари, семантически и стилистически восходящий к иранской и/или центральноазиатской изобразительным традициям (рис. 1), но в то же время инкорпорировавший ряд типично китайских сюжетов.

Погребения Юй Хуна и Ши-цзюня были ограблены еще в древности, поэтому нет возможности судить о составе сопроводительного инвентаря. Внутри саркофага Ши-цзюня найдены золотой перстень, монета, серьга и керамический светильник. В погребении Юй Хуна, несмотря на ограбление, было найдено более 80 предметов. В могиле Ань Цзя обнаружен лишь наборный пояс. Практически аналогичный набор (детали наборного пояса и две монеты — бронзовая и золотая византийская) представлен и в погребении Кан Е.

Наиболее сложными, на наш взгляд, остаются проблемы выяснения причин, обусловивших выбор того или иного способа обращения с телом покойного, а также реконструкции похоронных и, возможно, поминальных ритуалов, проводившихся в гробницах. Так, в погребении Кан Е был обнаружен полный скелет, лежащий на погребальном ложе. В могиле Ань Цзя кости покойного были найдены не на ложе, а во входном тамбуре — скелет практически полный (за исключением нескольких пястных и плюсневых костей, а также одной коленной чашечки), но с нарушением анатомического порядка костей. В гробницах Юй Хуна и Ши-цзюня разрозненные кости покойных были найдены внутри и снаружи саркофагов, однако, поскольку оба погребения были ограблены, установить изначальное положение тел не представляется возможным. В могиле Ань Цзя дверь, ведущая в гробницу, каменные фигуры львов, стены и пол тамбура и погребальной камеры, кости скелета и плиты с эпитафией покрыты копотью, однако на погребальном ложе следы копоти отсутствуют. Авторы отчета о раскопках полагают, что огонь развели в тамбуре, откуда дым просачивался и в погребальную камеру, и за дверь, наружу (Сиань Бэй Чжоу…, 2003. С. 10–11). Альтернативную точку зрения высказал профессор Пекинского университета Шэнь Жуйвэнь. Он предположил, что

Рис. 1. Саркофаг из погребения Ши-цзюня в экспозиции Музея г. Сиань
Fig. 1. Shi-jun's sarcophagus in the exposition of the Xi'an Museum

огонь в погребении разводили дважды: в первый раз — внутри погребальной камеры еще до того, как туда было помещено каменное ложе, поэтому на нем и нет следов копоти; во второй раз — уже в тамбуре, у самых дверей, перед тем, как их закрыть: так копотью оказались покрыты кости скелета, плиты с эпитафией, дверь и каменные изваяния. В качестве горючего материала должны были использоваться масло или жир, поскольку нигде в погребении не осталось следов углей или пепла. Что касается происхождения и содержания этого ритуала, исследователь связывает его с сяньбийской традицией сжигания перед похоронами вещей, принадлежавших покойному при жизни, что согласуется и с практически полным отсутствием сопроводительного инвентаря в погребении (*Шэнь Жуйвэнь*, 2006. С. 6–11). Кроме того, огненное погребение в тот период практиковали тюрки, с которыми, судя по содержанию рельефов погребального ложа, Ань Цзя много общался при жизни. Некий ритуал жертвоприношения проводился и в гробнице Кан Е, где были обнаружены кости животного и следы прокала на полу погребальной камеры. Погребальный инвентарь данного погребения также крайне беден (*Чэн Линьцюань*, *Чжан Сянъюй*, 2008. С. 14, 16).

Таким образом, можно предположить, что, помимо ярко выраженных китайских и иранско-центральноазиатских черт, в погребальном обряде китайских согдийцев прослеживается влияние сяньбийской (или, возможно, даже тюркской) традиции.

Комиссаров и др., 2015 — *Комиссаров С. А.*, *Соловьев А. И.*, *Трушкин А. Г.* Мультикультурализм в эпоху средневековья: К изучению могилы Юй Хуна (Тайюань, Китай) // Востоковедные исследования на Алтае. 2015. № 9. С. 6–14.

Grenet et al., 2004 — *Grenet F.*, *Riboud P.*, *Yang Junkai.* Zoroastrian Scenes on a Newly Discovered Sogdian Tombs in Xi'an, Northern China // Studia Iranica. 2004. T. 33. P. 273–284.

Lerner, 2005 — *Lerner J. A.* Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and Furnishings of Central Asians in China. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2005. 69 p. (Sino-Platonic Papers; 168).

Инь Шэньпин и др., 2001 — *Инь Шэньпин*, *Син Фулай*, *Ли Мин*, *Гао Минтао*, *У Тяньцай*, *Чжан Минхуй*. Сиань фасяньдэ Бэйл Чжоу Ань Цзя му (Могила Ань Цзя, период Северного Чжоу, найденная в г. Сиань) // Вэньу. 2001. № 1. С. 4–26 (на кит. яз.).

Сиань Бэй Чжоу…, 2003 — Сиань Бэй Чжоу Ань Цзя му (Могила Ань Цзя, период Северного Чжоу, в районе г. Сиань). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2003. 113 с. (на кит. яз.).

Цзян Болэ, 2004 — *Цзян Болэ*. Чжунго сяньцзяо ишуши яньцзю (Исследование истории зороастрийского искусства в Китае). Пекин: Саньлянь шудянь, 2004. 335 с. (на кит. яз.).

Чжан Цинцзе и др., 2001 — *Чжан Цинцзе, Чан Хунся, Чжан Синминь, Ли Айго*. Тайюань Суй дай Юй Хун му цинли цзяньбао (Краткий отчет об исследовании могилы Юй Хуна династии Суй близ г. Тайюаня) // Вэньу. 2001. № 1. С. 27–52 (на кит. яз.).

Чэн Линьцюань, *Чжан Сянъюй*, 2008 — *Чэн Линьцюань*, *Чжан Сянъюй*. Сиань Бэй Чжоу Кан Е му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могилы Кан Е эпохи Северной Чжоу в Сиане) // Вэньу. 2008. № 6. С. 14–35 (на кит. яз.).

Шэнь Жуйвэнь, 2006 — *Шэнь Жуйвэнь*. И су бин цун — Ань Цзя му хэ Бэйчао шаоуцзан (Сосуществование иноземных обычаев: Могила Ань Цзя и погребения с сожжениями сопроводительного инвентаря эпохи Северных династий) // Чжунго лиши вэньу. 2006. № 4. С. 4–17 (на кит. яз.).

Ян Цзюнькай, *Сунь У*, 2005 — *Ян Цзюнькай*, *Сунь У*. Сиань Бэй Чжоу Лянчжоу сабао Ши-цзюнь му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могилы сабао Лянчжоу Северной Чжоу Ши-цзюня в Сиане) // Вэньу. 2005. № 3. С. 4–33 (на кит. яз.).

Peculiarities of the Sogdian elite burials´ funeral rite in the territory of China during the Early Middle Ages

Maria A. Kudinova[2]

General characteristics of the funeral rites of the elite Sogdian graves in the early medieval China are given in the paper. The features of two traditions are distinguished: Chinese (construction of tombs, wall paintings, stone funeral utensils and epitaphs) and Iranian–Central Asian (semantics and stylistics of stone reliefs). A question of the possible influence of the Xianbei funeral rites (the ritual of burning belongings of the deceased) is considered as well.

Keywords: *China, Northern Dynasties era, Sui epoch, funeral rites, Sogdians, Silk Roads.*

[2] Maria A. Kudinova — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: maria-kudinova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8369-2089.

К особенностям погребального обряда раннесредневековой Ферганы

Б. Х. Матбабаев[1], Х. Б. Хошимов[2]

Аннотация. *В работе освещаются малоизвестные погребальные памятники Ферганы V–VIII вв. В них обнаружены уникальные находки из ткани, дерева, камыша, кости и др. Впервые зафиксированы неизвестные прежде захоронения в плетеных корзинах и в камышовых гробах. В период раннего средневековья в Ферганской долине существовала довольно широкая вариабельность погребальных обрядов и религиозных верований.*

Ключевые слова: *Ферганская долина, раннее средневековье, погребальный обряд, склепы, погребения в плетеных корзинах, камышовые гробы, трупосожжение, трупоположение, шелк, монеты.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.370-372

Погребальные памятники Ферганской долины изучаются более 100 лет. За этот период трудами А. Н. Бернштама, Ю. А. Заднепровского, Н. Г. Горбуновой, Б. А. Литвинского, Г. А. Брыкиной и Ю. Д. Баруздина были выявлены и изучены погребения от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Погребальные сооружения и погребальные обряды. В настоящее время известны следующие пять основных видов погребальных сооружений: 1) грунтовые могилы с вариантами ям и перекрытий (Кок-Таш, Мунчактепа/Пап, кишлак Ворух, Ташкурган, Мархамат, Чорку II и др.); 2) подбои с разными конструктивными особенностями (Кок-Таш, Чорку II, Сурх II, Кара-Мойнак, Тура-Таш и др.) — выделяются 10 типов с 20 подтипами; 3) катакомбы с учетом конструктивных особенностей, конфигурации и различными морфометрическими признаками (Карабулакский, Кенкольский, Гурмиронский, Кайрагачский, Хангизский); 4) наземные и подземные склепы (Мунчактепа); 5) наземные сооружения — мугхана, наусы, каменные ящики (*Заднепровский*, 1995).

Добытые нами в последние годы материалы существенно дополняют сведения о конструктивных особенностях погребальных сооружений и погребальных обрядах Ферганы в I тыс. н. э.

Подземные склепы. Отличная сохранность погребений в камышовых гробах и находок в них позволили детально зафиксировать погребальный обряд. В склепах отмечены три вида захоронений (*Матбабаев*, 2009):

1. Захоронения на специальной подстилке из камыша и песка, на которые покойных укладывали в вытянутом положении на спине. Эти погребения были характерны для маленьких склепов (№ 2, 3, 4).

2. Захоронения в плетеных корзинах. В склепе № 5 грудной ребенок погребен в плетеной корзине. Корзина была положена на камышовый гроб (Б-2), что, видимо, указывает на близкую родственную связь погребенных. В другом случае в раздавленной корзине также зафиксированы детские кости (в углу гробов А-1 и А-4). До недавнего времени захоронения людей в корзинах для Ферганы не были известны, но они отмечены на памятниках более раннего времени других территорий (*Алёкшин*, 1986. С. 17–57).

3. Захоронения в камышовых гробах, впервые обнаруженные в склепах № 1, 5, 7, 9 и в одной подбойной могиле. Гробы изготовлены из отборного камыша. Изготовлением камышовых гробов, очевидно, занимались профессионально подготовленные люди, так как это процесс очень трудоемкий и ответственный.

В склепах нам удалось зафиксировать следующие элементы погребальной практики:

• под голову погребенных укладывалась «подушка» из веток растений или свернутой грубой ткани. Этот обычай был широко распространен в Фергане и за ее пределами с эпохи бронзы и раннего железа и существует в настоящее время. Правы те исследователи, которые полагают, что родственники таким образом создавали «комфорт» для покойного;

• лица отдельных покойников были закрыты специальным покрывалом, изготовленным из тонкого высококачественного шелка. Размеры покрывала 23–25 × 35–37 см. Лицевые покрывала известны в целом ряде могильников — Карабулаке и Боркорбазе

1 Бокижон Хашимович Матбабаев — Самаркандский Институт археологии Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан, ул. В. Абдуллаева, д. 3, Самарканд, 140151, Республика Узбекистан; e-mail: bokijon@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8797-979X.

2 Хикматулло Бокижонович Хошимов — Самаркандский Институт археологии Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан, ул. В. Абдуллаева, д. 3, Самарканд, 140151, Республика Узбекистан; e-mail: hikmatbox@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6746-545X.

(Фергане), Кенколе (Таласская долина), Астане, Караходжа и Яр-хото (Восточный Туркестан). Е. И. Лубо-Лесниченко отмечает весьма широкий ареал находок лицевых покрывал и масок. Он считает, что их происхождение следует связывать не с Китаем, а с восточными районами Средней Азии — Тянь-Шанем, Ферганой, Алаем, т. е. с областями распространения захоронений в подбоях и катакомбах. В Восточном Туркестане наиболее ранние лицевые покрывала датировы 384 г., а более поздние — 710 г. н. э. (*Лубо-Лесниченко*, 1984. С. 114–115). Восточнотуркестанские и южноферганские покрывала сопровождались наглазниками. В могильнике Астана они изготовлены из серебра и свинца, в Карабулаке — из ткани. В последнем случае на глаза клались небольшие подушечки. Мунчактепинские лицевые покрывала хотя и похожи на восточнотуркестанские, но по форме и технике изготовления все же ближе к карабулакским. Сопоставление материалов привело нас к заключению, что из известных в литературе лицевых покрывал самые ранние — это карабулакские. Североферганские же и мунчактепинские несколько позднее по времени (V–VIII вв.);

• в ряде погребений выявлены налобные повязки в виде длинной ленты шириной 5–8 см. Близкую по форме шелковую повязку отмечают исследователи в кургане 10 Кенкольского могильника. Такие повязки были обнаружены и в Карабулакском могильнике;

• внутри гробов и на многих погребенных зафиксировано большое количество листьев и веток, иногда с ними попадаются семена растений. По определению палеоботаников, это листья и веточки мяты (*Mentha asiatica Boriss*), а семена принадлежат душистому перцу (*Vitex agnus-castus L*). Остатки растений с листьями и семенами дают возможность предполагать, что в 22 случаях захоронения были осуществлены в весенне-летний период. Не исключено, что эти сильно пахнущие растения клали с целью замедления процесса разложения и устранения трупного запаха. Так, материалы Пазырыкского кургана показывают, что при бальзамировании тел использовались различные растения (*Руденко*, 1953. С. 326–341). По этнографическим данным, обычай класть растения в гроб сохранился до наших дней. В отдельных районах Ферганской долины в саван при захоронении клали базилик (узбекск. *райхон*). Весной умерших женщин посыпали веточками цветущего винограда. Если умерший был молодым, его саван осыпали семенами чернушки-седана, лепестками роз, а также цветы пахучих растений. Зимой же в саван клали сухой базилик. Этот обычай этнографы связывают с земледельческим культом (*Кармышева*, 1986. С. 145);

• в отдельных склепах (№ 3, 9) впервые для Ферганской долины зафиксированы находки монет, использовавшихся в качестве сопроводительного инвентаря. В склепе № 3 около лица погребенного выявлен деревянный сосуд с целым кладом монет (62 экз.), чеканенных в Согде, Чаче и Фергане. В другом случае, в склепе 9, на полу были обнаружены две монеты, которые также связаны с погребением. Одна из них, по определению известного нумизмата Н. В. Ивочкиной, «у-шу» (118 г. до н. э. — 618 г. н. э.), другая — «кай юань тун бао» (618–907 гг.).

Одиночные и многоразовые захоронения. В могильнике Мунчактепа кроме подземных склепов еще были открыты подбойные и ямные погребения. В этом районе Ферганы подбойные могилы выявлены впервые; конструктивно они не отличаются от подобных сооружений других районов долины. Отметим новый элемент погребального обряда в подбойных захоронениях — элементы камышового гроба (деревянные клинья-гвозди для соединения камышовых жердей). Необычайная форма и большие размеры подбоя подтверждают предположение о наличии в Мунчактепа I подобных захоронений в камышовых гробах.

Отметим, что материалы из могильников Мунчактепа и Кукташ имеют непосредственное отношение к истории древних тюрок. На это определенно указывают керамика специфических форм и нанесенные на некоторые сосуды древнетюркские тамги и знаки.

В настоящее время в Ферганской долине обнаружены и изучены ранее неизвестные погребения двух типов: трупосожжение и погребение с конем. Новые находки ставят вопрос об их культурной принадлежности. Насколько нам известно, в самой Фергане пока не найдено материалов, дающих основание утверждать, что обряд трупосожжения и обряд с жертвоприношением животных мог развиваться здесь на основе местных традиций. Скорее всего, этот обычай был привнесен в Фергану тюркскими племенами, оставившими заметный след в культуре Ферганы VII–VIII вв. В литературе неоднократно обсуждались сведения китайских авторов о кремации покойников тюрками. В них сообщается, что «в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу» (*Бичурин*, 1950. С. 230). Но погребальный обряд в эпоху Тюркского каганата в Средней Азии имел своеобразные черты. Курганов со следами кремации, которые можно было бы бесспорно связать с тюркскими племенами, крайне мало. Тем не менее вряд ли приходится сомневаться в бытовании этого обряда у древних тюрок. В связи с этим можно полагать, что погребения под курганом 70 Суфанского могильника с трупосожжением на Мунчактепа и с конем в Арсифе и Дальверзине являются, безусловно, тюркскими, тем более что, по сообщениям письмен-

ных источников («Тан шу»), Фергана в 659 г. принадлежала тюркам (*Бернштам*, 1952. С. 187–195).

Таким образом, в Ферганской долине в период раннего средневековья (V–VIII вв.) фиксируется довольно широкая вариабельность погребальных обрядов и религиозных верований. Все это свидетельствует о том, что здесь не было преобладающей единой идеологии. С другой стороны, это говорит о тесных контактах населения долины с соседними регионами — в первую очередь Чачем и Уструшаной, а также с кочевниками, обитавшими на прилегающих территориях, и, несомненно, с Восточным Туркестаном.

Алёкшин, 1986 — *Алёкшин В. А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих общин. Л.: Наука, ЛО, 1986. 192 с.

Бернштам, 1952 — *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 347 с. (МИА. № 26).

Бичурин, 1950 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 381 с.

Заднепровский, 1995 — *Заднепровский Ю. А.* Номады древней Ферганы: типология памятников, районирование, историческое истолкование // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня / Отв. ред.: К. И. Ташбаева и др. Бишкек: Илим, 1995. С. 53–74.

Кармышева, 1986 — *Кармышева Б. Х.* Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды верования и культы народов Средней Азии / Отв. ред. В. Н. Басилов. М.: Наука, 1986. С. 139–181.

Кляшторный, *Савинов*, 1994 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.

Лубо-Лесниченко, 1984 — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи / под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С. 108–120.

Матбабаев, 2009 — *Матбабаев Б. Х.* К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья. Ташкент: ТАФФАКУР, 2009. 180 с.

Руденко, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 403 с.

On the peculiarities of the funeral rites in Early Medieval Ferghana

Bokijon Kh. Matbabaev[3], Khikmatillo B. Khoshimov[4]

The paper covers little-known burials of Fergana dated to the 5th–8th cent. AD. A number of unique artifacts made of cloth, wood, reeds, bones, etc. have been found there. Burials in wicker baskets and in reed coffins, which had previously been unknown, were recorded for the first time. During the early Middle Ages, in the Ferghana Valley there was in existence a rather wide variability of funeral rites and religious beliefs.

Keywords: *Ferghana Valley, Early Middle Ages, funeral rites, sepulchral crypts, burials in wicker baskets, reed coffins, cremation, inhumation, silk, coins.*

3 Bokijon Kh. Matbabaev — Samarkand Institute of Archaeology of the National Centre of Archaeology of the National Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 3 V. Abdullaev St., Samarkand, 140151, Republic of Uzbekistan; e-mail: bokijon@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8797-979X.

4 Khikmatillo B. Khoshimov — Samarkand Institute of Archaeology of the National Centre of Archaeology of the National Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 3 V. Abdullaev St., Samarkand, 140151, Republic of Uzbekistan; e-mail: hikmatbox@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6746-545X.

Изображения креста на среднеазиатских терракотовых плакетках: общий обзор и иконография[1]

А. А. Михеева[2]

Аннотация. *Одними из интереснейших христианских артефактов Средней Азии являются прямоугольные терракотовые плакетки с изображением рельефного креста. К настоящему времени там были найдены шесть плакеток и две матрицы для их изготовления. Крест, занимавший центр плакетки, символизировал триумф — победу жизни над смертью, торжественное пришествие Христа и в целом — идеи Распятия и Воскресения, характерные для несторианской традиции Церкви Востока.*

Ключевые слова: *Средняя Азия, раннее средневековье, христианство, несторианская традиция, Церковь Востока, изображение креста, терракотовые плакетки.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.373-376

К настоящему времени на территории Средней Азии известно шесть керамических плакеток с изображением рельефного креста, а также две матрицы для их изготовления. Данные плакетки, вероятно, служили в церквях как предмет почитания и украшения алтарных или других помещений. Обнаружение в комплексе церквей городища Ак-Бешим (объект VIII; *Семенов*, 2002. С. 93, рис. 54; 55) одновременно и матрицы, и плакетки позволяет предположить, что как изготовление, так и использование данных предметов являлось прерогативой церквей.

Плакетки изготавливались с помощью специальных матриц с помощью технологии, которую можно реконструировать следующим образом. Сначала матрицу покрывали тонкодисперсным составом (песок, зола, иногда жир), затем форма набивалась специально подготовленной глиной определенной влажности, которая с усилием вминалась в форму с тем, чтобы весь рельеф хорошо пропечатался. После того как нужная толщина плакетки была получена, форму оставляли для подсыхания, затем доставали готовую плакетку, ставили на естественную медленную сушку и в конечном итоге обжигали при высоких температурах.

Матрица высотой 15 см была найдена на средневековом городище Рабинджан в Узбекистане (рис. 1, *7*). Предполагалось, что это была форма для отливки крестов (*Savchenko*, *Dickens*, 2009. P. 299, pl. 10; *Savchenko*, 2010. P. 77, Abb. 5; *Ashurov*, 2013. P. 149, fig. 45), однако обнаружение практически идентичной матрицы на Ак-Бешиме в Семиречье (рис. 1, *8*) позволяет думать, что матрица из Рабинджана использовалась для создания плакеток, а не для отливки крестов. Матрица из Ак-Бешима была найдена при раскопках одного из помещений комплекса церквей (объект VIII). Ее размеры — 7,5 × 12–14 см. Сохранилась только нижняя часть, на которой видна нижняя ветвь креста и небольшой фрагмент левой боковой ветви. С обратной стороны была нанесена надпись на сирийском языке, которая не несет никакой смысловой нагрузки (по устному сообщению сириолога П. Дж. Борбоне).

Стилистически и композиционно эти две матрицы практически идентичны. Как на одной, так и на другой представлен крест с удлиненной нижней ветвью с перлами по углам, украшенный фигурными изображениями, напоминающими крыло птицы. Возможно, здесь просматривается связь с античным образом Ники — крылья по обеим сторонам креста как знак победы. Крылья в нижней части креста означают победу Христа над смертью. В верхней же части крест располагается под аркой, украшенной кружками в виде рыбьей чешуи. Изображение рыбы с первых веков христианства символизировало Христа и его последователей (Введение…, 2012. С. 593–594). Следует сказать, что как на готовых плакетках, найденных на территории Средней Азии, так и на матрицах мы видим символизм идеи Распятия и Воскресения: победа жизни над смертью и торжественное пришествие Христа (*Там же.* С. 603). Эта традиция свойственна несторианскому течению христианства (Церкви Востока), широко распространившемуся в Средней Азии с IV до конца XIV в.

Помимо матриц, на территории Средней Азии в разные годы были обнаружены плакетки с изображениями рельефного креста. В 1930 г. на городище Гяур-кала (Туркмения) найдена керамическая плитка с крестом с расширяющимися лопастями (рис. 1, *2* — *Пилипко*, 1968. С. 25). Плитка сохранилась фрагментарно, но изображение почти полностью реконструируется. Ее оригинальные размеры — 7,0 × 7,4 см. Г. Я. Дресвянская относит данную плакетку к середине VI в. (*Дресвянская*, 1968. С. 150–151).

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Анна Андреевна Михеева — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: hmunter666@mail.ru; ORCID 0000-0002-4056-5810.

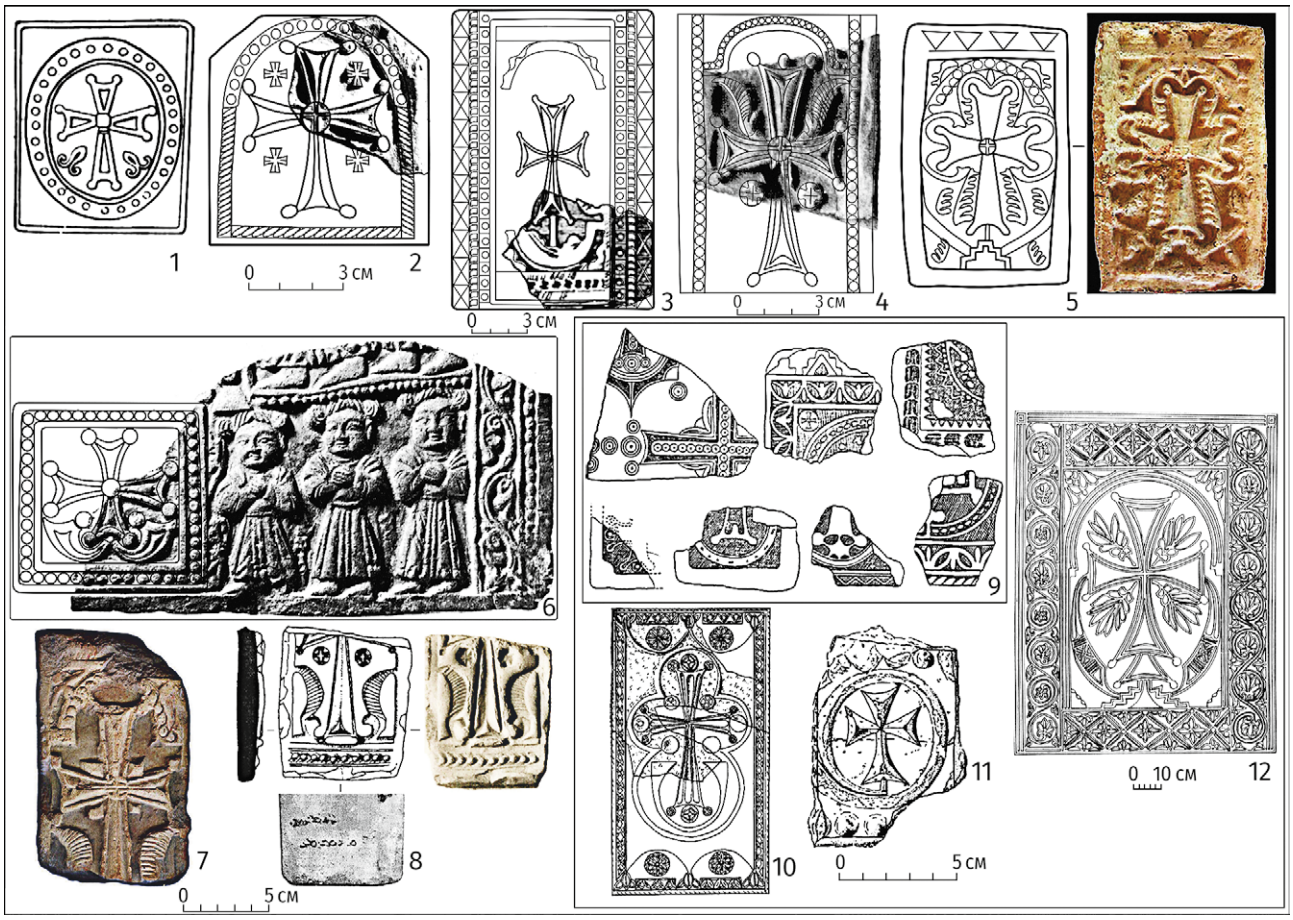

Рис. 1. Керамические плакетки и матрицы с изображением креста: *1* — Мерв, Гяур-кала (б/м); *2* — Мерв, Гяур-кала, VI в. (б/м); *3* — городище Красная речка (Семиречье), X–XI вв.; *4*, *5* — городище Ак-Бешим, объект VIII, X–XI вв. (б/м); *6* — Древний Тараз (V–VI или IX–X вв., б/м); *7* — матрица, городище Рабинджан; *8* — матрица, городище Ак-Бешим, объект VIII, X–XI вв.; *9* — фрагменты керамических плакеток, церковь Ал-Хира, Ирак (по: *Simpson*, 2018. P. 12, fig. 12); *10* — полуостров Харг, Персидский залив (по: *Steve et al.*, 2003. Pl. 10, *1*); *11* — церковь Сир-Бани-Яс, Абу-Даби (по: *King*, 1997. P. 226, fig. 6); *12* — штуковый декор с крестом, реконструкция, церковь Аль-Кусур, Кувейт (по: *Bernard*, *Salles*, 1991. P. 10, fig. 2). *1–6* — частичная реконструкция плакеток А. А. Михеевой

Fig. 1. Ceramic plaquettes and matrices with the image of a cross: *1* — Merv, Gyaur-kala (without scale); *2* — Merv, Gyaur-kala, 6th cent. AD (without scale); *3* — the settlement of Krasnaya Rechka, 10th–11th cent. AD; *4*, *5* — the settlement Ak-Beshim, object VIII, 10th–11th cent. AD (without scale); *6* — Ancient Taraz (5–6th or 9th–10th cent. AD, without scale); *7* — matrix, the settlement Rabinjan; *8* — matrix, the settlement Ak-Beshim, object VIII, 10th–11th cent. AD; *9* — fragments of ceramic plaquettes, Al-Khira Church, Iraq (after *Simpson*, 2018. P. 12, fig. 12); *10* — Kharg Peninsula, the Persian Gulf (after *Steve et al.*, 2003. Pl. 10, *1*); *11* — Sir Bani Yas Church, Abu Dhabi (after *King*, 1997. P. 226, fig. 6); *12* — the stucco ornament with a cross, reconstruction, Al-Kusur Church, Kuwait (after *Bernard*, *Salles*, 1991. P. 10, fig. 2). *1–6* — partial reconstruction of plaquettes by Anna A. Mikheeva

Практически аналогичная терракотовая плитка размером 8,2 × 7,2 см была обнаружена на территории того же самого городища в 1962 г. (рис. 1, *1* — *Массон*, 1978. С. 51, рис. 1, *а*). В центральной части ее изображен овал из двух колец, между которыми располагались кружки. Внутри овала помещен крест с удлиненной нижней ветвью. На оконечностях — каплевидные украшения. В середине креста — квадрат со скругленными углами, под ним две полоски. По обеим сторонам нижней ветви креста — два растительных орнамента в виде завитков. Иконография и схожая сюжетная композиция двух вышеописанных плакеток, найденных в пределах одного памятника, позволяет датировать вторую также серединой VI в.

Еще одна плакетка происходит из Древнего Тараза в Семиречье (рис. 1, *6* — *Сенигова*, 1968. С. 62–63). Она состоит из двух частей: в правой мы видим два ряда изображений, очевидно, адорантов, которых всего пять — трое в нижнем регистре (сохранились полностью) и двое в верхнем (остались лишь ступни их ног). В левой части плитки располагается крест в трехчастной прямоугольной рамке. Его лопасти расширялись от внутренней части к внешней. На оконечностях лопастей были бусины, в центре — предположительно

круг. В нижней части креста — украшение в виде рельефных завитков (лент), расходящихся в стороны, на которых показано по одной бусине с каждой стороны. Судя по размерам, это скорее настенный рельеф, когда-то украшавший помещение церкви. Было высказано мнение, что перед нами икона (*Железняков*, 2005. С. 51–52), но оснований для подобного заключения явно недостаточно. Предложенные даты плакетки — V–VI вв. (*Сенигова*, 1968. С. 62–63) или IX–X вв. (*Semenov*, 1996. P. 65–66). В. Д. Горячева отнесла эту плитку к манихейской традиции (*Горячева*, 2010. С. 157).

Две плакетки были найдены в юго-восточной части Семиречья, на городищах Красная речка (рис. 1, *3 — Там же.* С. 216, рис. 122; *Кольченко*, 2018. С. 93, рис. 45) и Ак-Бешим (объект VIII) (рис. 1, *4 — Семенов*, 2002. С. 93, рис. 54, *1*). Крест на плитке с Красной речки имеет расширяющиеся концы, он на стержне, опирающемся на сферу. По оконечностям креста располагаются бусины. Крест помещен в сложносоставную прямоугольную рамку. В публикации В. Д. Горячевой фрагмент данной плакетки помещен вместе с керамикой X–XII вв. (*Горячева*, 2010. С. 216, рис. 122). У плакетки с Ак-Бешима сохранились средняя и верхняя части, на которых изображен крест и его боковые ветви. Между ветвями помещены украшения в виде крыльев. В нижней части, между ветвями, сохранились круги с крестами внутри. Вся композиция находилась в рамке из кружков.

На Ак-Бешиме была найдена еще одна керамическая плакетка очень хорошей сохранности (рис. 1, *5 — Аманбаева и др.*, 2015. С. 20, ил. 9, *4*). В ее центре расположен крест с удлиненной нижней ветвью. Он стоит на стержне, опирающемся на подножие — Голгофу. Крест, установленный на Голгофе, Крест Непобедимый, почитался как победный трофей, знаменующий собой торжественное пришествие Господа (Введение…, 2012. С. 603). Со всех сторон ветви креста украшены орнаментом в виде крылообразных листьев. В центре верхней ветви — украшение в виде короны, поверх которой располагается полукруглая арка, украшенная перлами. Вся композиция обрамлена прямоугольной рамкой.

Композиционно и иконографически плакетки и матрицы из Гяур-калы, Рабинджана, Красной речки и Ак-Бешима удивительно схожи. На всех в центре композиции находится крест с удлиненной нижней ветвью. Символический и иконографический смысл изображений при всем многообразии деталей выражал главную идею — триумф Креста. Основу этой символики, вероятно, следует искать в памятниках византийского и сиро-палестинского круга (*Залесская*, 1998). Четыре стороны креста, исходящие из единого центра, которые иногда выделялись окружностью или квадратом, понимались как четыре луча Света Жизни, в основе которых был один источник — Христос. Крест в середине — это знак Христа, указывающий на две сущности Спасителя: божественную (вертикальная линия) и земную (горизонтальная линия). Концы лопастей креста могли заканчиваться кругами или бусинами, которые понимались как символ бесконечности, символ искупительной жертвы Христа или капли крови Христовой, пролитой во искупление грехов человека (*Байпаков*, *Терновая*, 2018. С. 12). Для передачи Вечной Жизни ветви крестов украшались растительным орнаментом в форме трилистника или в форме короны из трех жемчужин — символа Троицы (*Уваров*, 1908. С. 192–193). В несторианской традиции крест особенно почитался и связывался с символом триумфальной победы Христа над смертью (*Залесская*, 1998. С. 18–19; *Pomm*, 2005. С. 49). В связи с тем, что изображение распятия на крестах у христиан-несториан было непопулярно, этот мотив всячески дезавуировался. Как отмечает В. Н. Залесская, крест с Распятием был утвержден в Византии в VI в., в то время, «…когда несторианская церковь уже отделилась от вселенской, и в дальнейшем культивировала древнюю — без страстной назидательно-повествовательной тематики — иконографию» (*Залесская*, 1998. С. 19). Крест, украшенный растительным орнаментом (Ак-Бешим, объект VIII), — крест процветший (*crux florida*) — символизировал Древо Жизни или Рай, смерть греховную и возрождение к новой духовной жизни (*Уваров*, 1908. С. 192). Форма такого креста была известна с конца V в. (Введение…, 2012. С. 604). Крест на стержне, опирающемся на сферу, был широко распространен у несториан-сирийцев (*Залесская*, 1998. С. 19).

Аналогичные плакетки были обнаружены при раскопках несторианского монастыря V–VII или VII–IX вв. на полуострове Харг в Персидском заливе (*Bonneric*, 2015). Иконография, общая композиция и стилистика плакеток из этого монастыря довольно близка среднеазиатским плакеткам (рис. 1, *10 — Steve et al.*, 2003. Pl. 10; 11). В других несторианских церквях VII–IX вв. из бассейна Персидского залива — аль-Кусур (*Bernard*, *Salles*, 1991. P. 10, fig. 2), аль-Хира (*Simpson*, 2018. P. 12, fig. 12) и Сир Бани Яс (*King*, 1997. P. 226, fig. 6) — на стенах размещалось большое количество лепных крестов, сформованных или вырезанных на штуке, или же в виде небольших плакеток (рис. 1, *9–11*). Очевидно, керамические плитки, найденные на территории Средней Азии, также украшали стены местных церквей, выполняя роль не только символическую, но и декоративную.

Аманбаева и др., 2015 — *Аманбаева Б. Э.*, *Кольченко В. А.*, *Сулайманова А. Т.* Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого шелкового пути. Бишкек: Гульчынар, 2015. 116 с.

Байпаков, *Терновая*, 2018 — *Байпаков К. М.*, *Терновая Г. А.* Христианство в Южном Казахстане и Семиречье (VI–XIV вв.) // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV: Иудаизм и христианство / Науч. ред.: Б. Э. Аманбаева и др. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 8–47.

Введение…, 2012 — Введение в историю церкви. Ч. 1: Обзор источников по общей истории Церкви: Учеб-

ное пособие / под ред. В. В. Симонова. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 583–594.

Горячева, 2010 — *Горячева В. Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.). Бишкек: Изд-во Кыргызско-Российского Славянского ун-та, 2010. 302 с.

Дресвянская, 1968 — *Дресвянская Г. Я.* Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания: Дис. … канд. ист. наук. Ташкент, 1968. 209 с.

Железняков, 2005 — *Железняков Б.* Под знаком креста // Nomad-Kazakhstan. 2005. № 4. С. 48–55.

Залесская, 1998 — *Залесская В. Н.* Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Залесская В. Н. и др. Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. СПб.: Славия, 1998. С. 12–20.

Кольченко, 2018 — *Кольченко В. А.* Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV: Иудаизм и христианство / Науч. ред.: Б. Э. Аманбаева и др. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 48–103.

Массон, 1978 — *Массон М. Е.* Происхождение двух несторианских намогильных галек в Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1978. № 10. С. 50–55.

Пилипко, 1968 — *Пилипко В. Н.* Плитка, подтвердившая предания // Памятники Туркменистана. 1968. № 1. С. 25.

Ротт, 2005 — *Ротт Ф. Г.* Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2005. Вып. 1. С. 44–51.

Семенов, 2002 — *Семенов Г. Л.* Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб. Ак-Бешим. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 11–114.

Сенигова, 1968 — *Сенигова Т. Н.* Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М. К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 51–67.

Уваров, 1908 — *Уваров А. С.* Христианская символика. Ч. 1. Символика древнехристианского периода. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. XII, 212 с.

Ashurov, 2013 — *Ashurov B.* Tarsākyā: an analysis of Sogdian Christianity based on Archaeological, Numismatic, Epigraphic and Textual Sources: PhD Thesis. London, 2013. 229 p.

Bernard, Salles, 1991 — *Bernard V., Salles J.-F.* Discovery of Christian church at al-Qusur, Failaka (Kuwait) // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. London, 1991. Vol. 21. P. 7–21.

Bonneric, 2015 — *Bonneric J.* Christianity in the Arab-Persian Gulf: An ancient but still obscure history // Hypotheses. 23.12.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mafkf.hypotheses.org/1286 (дата обращения: 01.06.2022).

King, 1997 — *King G. R. D.* A Nestorian Settlement on the Island of Sir Bani Yas, Abu Dhabi: A Preliminary Report // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London, 1997. Vol. 60. No. 2. P. 221–235.

Savchenko, Dickens, 2009 — *Savchenko A., Dickens M.* Prester John's Realm: New Light on Christianity between Merv and Turfan // The Christian Heritage of Iraq. Collected papers from the Christianity of Iraq. I–V Seminar Days / Ed. by E. C. D. Hunter. Piscataway: Gorgias Press, 2009. P. 121–135, 295–302 (Gorgias Eastern Christian Studies. Vol. 13).

Savchenko, 2010 — *Savchenko A. V.* Östliche Urkirche in Usbekistan // Antike Welt. 2010. Ht. 2. S. 74–82.

Semenov, 1996 — *Semenov G. L.* Studien zur sogdischen Kultur an der Seidenstraße. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. X, 150 S. (Studies in Oriental Religion. Vol. 36).

Simpson, 1996 — *Simpson St J.* Digging on Iran's Doorstep // British Museum Magazine. 1996. Vol. 24 (Spring). P. 30–32.

Steve et al., 2003 — *Steve M.-J.* L'île de Khārg. Une page de l'histoire du Golfe Persique et du monachisme oriental / Avec la collaboration de C. Hardy-Guilbert, Chr. et F. Jullien et E. Smekens, et des contributions de F. Gaffary, E. Haerinck, É. Puech et A. Rougeulle; éd. par H. Gasche. Neuchâtel: Recherches et Publications, 2003. 236 p., pl. (Civilisations du Proche-Orient. Sér. 1: Archéologie et environnement. 1).

Representations of a cross on Central Asian terracotta plaques: general overview and iconography

Anna A. Mikheeva[3]

One of the most interesting Christian artifacts from western Central Asia are rectangular terracotta plaques depicting a relief cross. To date, six plaques and two matrices for their manufacturing have been found there. The cross in the central place of the plaque symbolized a triumph — the victory of life over death, the solemn coming of Christ and the idea of the Crucifixion and Resurrection, familiar to the Nestorian tradition of the Church of the East.

Keywords: *western Central Asia, Early Middle Ages, Christianity, Nestorian tradition, Church of the East, cross, terracotta plaques.*

3 Anna A. Mikheeva — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: hmunter666@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4056-5810.

Археометрия в исследованиях Маркульского городища (Абхазия)[1]

Г. В. Требелева[2], М. Е. Клемешова[3], Г. Ю. Юрков[4]

Аннотация. *Археологические исследования на Маркульском городище (Абхазия) ведутся с 2014 г. За эти годы накоплено значительное количество артефактов, часть которых исследована естественнонаучными методами. Для комплексного изучения технологии строительства были проведены исследования состава связующего состава и керамических плинф. Пифосы исследовались технико-технологическим анализом по методике А. А. Бобринского, гвозди — металлографическим методом анализа. Исследования артефактов будут продолжены.*

Ключевые слова: *Причерноморье, Республика Абхазия, Маркульское городище, металлография, рентгенофазовый анализ (РФА), технико-технологический анализ А. А. Бобринского, плинфы, пифосы, гвозди.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.377-379

Маркульское городище — памятник античного и средневекового периода в Очамчирском р-не Республики Абхазия, исследуется с 2014 г. совместной российско-абхазской археологической экспедицией ИА РАН и АбИГИ АНА. За эти годы накоплено значительное количество артефактов. Кроме массового керамического материала обнаружены: бусы из стекла и камня; украшения из бронзы, серебра, золота; монеты; а также предметы из железа, как бытового назначения, так и оружие — наконечники стрел и копий, мечи, кинжалы, топоры (*Требелева*, 2019). Естественнонаучные методы в археологии (археометрия) давно стали неотъемлемой частью археологических исследований и составили отдельное направление, имеющее множество векторов развития. В данной работе мы рассмотрим результаты их применения к найденным на городище изделиям.

Проведены исследования связующего раствора кладки как самого Маркульского городища, так и иных памятников региона. Эти анализы позволили выявить отдельные типы растворов, маркирующие различные хронологические периоды (*Требелева и др.*, 2014).

Для полноценной картины анализа строительных технологий в дополнение к анализу связующего раствора начаты исследования плинф с помощью аналитических методов, разработанных А. А. Бобринским, с привлечением данных рентгенофлуоресцентного (РФлА) и рентгенофазового анализа (РФА). Разработанный А. А. Бобринским историко-культурный подход к изучению археологической керамики подразумевает гончарную технологию как источник культурно-исторической информации о жизни древнего населения, способствующий выявлению конкретных событий и процессов в истории отдельных его сообществ (*Бобринский,* 1978; 1999). Надо отметить, что данная методика создавалась ученым именно для изучения керамической посуды. Для исследования иных видов керамической продукции — таких как строительная керамика — она никогда ранее не применялась и не адаптировалась, поэтому наше исследование является инновационным (*Клемешова и др.*, 2021). Было установлено, что при изготовлении плинфы использовались составы формовочных масс: «глина без искусственных примесей» (два образца), «глина + песок» (четыре образца), «смесь двух глин + песок» (четыре образца). В качестве искусственной примеси к глине был использован полиминеральный песок с преобладанием частиц из рудного минерала, по результатам РФА определенного как гематит. Данная технологическая информация является важной характеристикой технологии строительства позднеантичных и средневековых сооружений исследуемого региона. Проанализированное количество образцов (10) недостаточно для итоговых заключений, в отличие от количества образцов связующего раствора (более 1000 образцов), поэтому работы в данном направлении планируется продолжить.

Технико-технологический анализ керамики по методике А. А. Бобринского применялся и для анализа непосредственно керамических сосудов. Обнаружение

1 Работа выполнена при поддержке РФН, проект № 22-18-00466 «Северо-Восточное Причерноморье в античное и средневековое время: историческое моделирование на основе ГИС-технологии и археометрии».

2 Галина Викторовна Требелева — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: trgv@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4214-7716.

3 Марина Евгеньевна Клемешова — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: marinaklem@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4120-095X.

4 Глеб Юрьевич Юрков — Федеральный исследовательский центр химической физики им. Н. Н. Семенова РАН, ул. Косыгина, д. 4, Москва, 119991, Российская Федерация; e-mail: ygy76@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9814-9724.

склада целых пифосов и уникальность данного участка для анализа всего диахронного среза истории городища (*Юрков и др.*, 2022) обусловили то, что подробному анализу были в первую очередь подвергнуты именно пифосы из данного раскопа — целые формы и фрагменты. Установлено, что городище и склад функционировали на протяжении всей поздней античности, а затем и средневековья. Схожесть пифосов на складе говорит нам о существовании в этот период местного гончарного производства в близлежащих районах, а общность гончарных традиций их изготовления позволяет предполагать, что с III по X в. н. э. на городище проживало родственное население.

Металлография давно стала традиционным методом археологического исследования (см.: *Колчин*, 1953; *Завьялов*, 2021; *Завьялов, Терехова*, 2021; *Vodyasov et al.*, 2021; и др.). Применялась она и при изучении металлических предметов в Абхазии (*Бгажба*, 1983; *Терехова и др.*, 1987). Но такие массовые и заурядные вещи, как железные кованые гвозди, почти не привлекали внимания исследователей — во многом в силу того, что форма гвоздей неизменна на протяжении практически всей своей истории. Именно данный аспект и вызвал наш интерес, и для исследования гвоздей был применен металлографический анализ. Предварительное изучение имеющейся литературы выявило, что единственной работой, где представлен анализ именно металла гвоздей, является коллективная монография о кузнечном ремесле Северо-Восточного Семиречья (Казахстан) (*Савельева и др.*, 1998). К сожалению, по результатам проведенного анализа никакие выводы авторами сделаны не были. Из всей коллекции гвоздей с Маркульского городища анализу были подвергнуты гвозди из завала строительной конструкции у «Стены 2» (рис. 1), т. е. однозначно синхронные, и, для сравнения с ними, ряд гвоздей с иных участков. Всего было исследовано 19 образцов. Полученные результаты показали три основных типа структуры металла.

Наличие разных типов исходного материала для гвоздей позволяет обосновать наличие целенаправленного производства гвоздей разного качества. Отсутствие корреляции между метрическими параметрами гвоздя и структурой металла говорит о том, что структура исходного материала для изготовления гвоздей определялась целями его применения, в первую очередь характеристиками материала, с которым гвоздь должен обеспечить скрепление.

В заключение следует отметить, что мы лишь в начале пути комплексного исследования артефактов городища естественно-научными методами. В настоящее время ведется работа по исследованию материалов из стекла и цветных металлов.

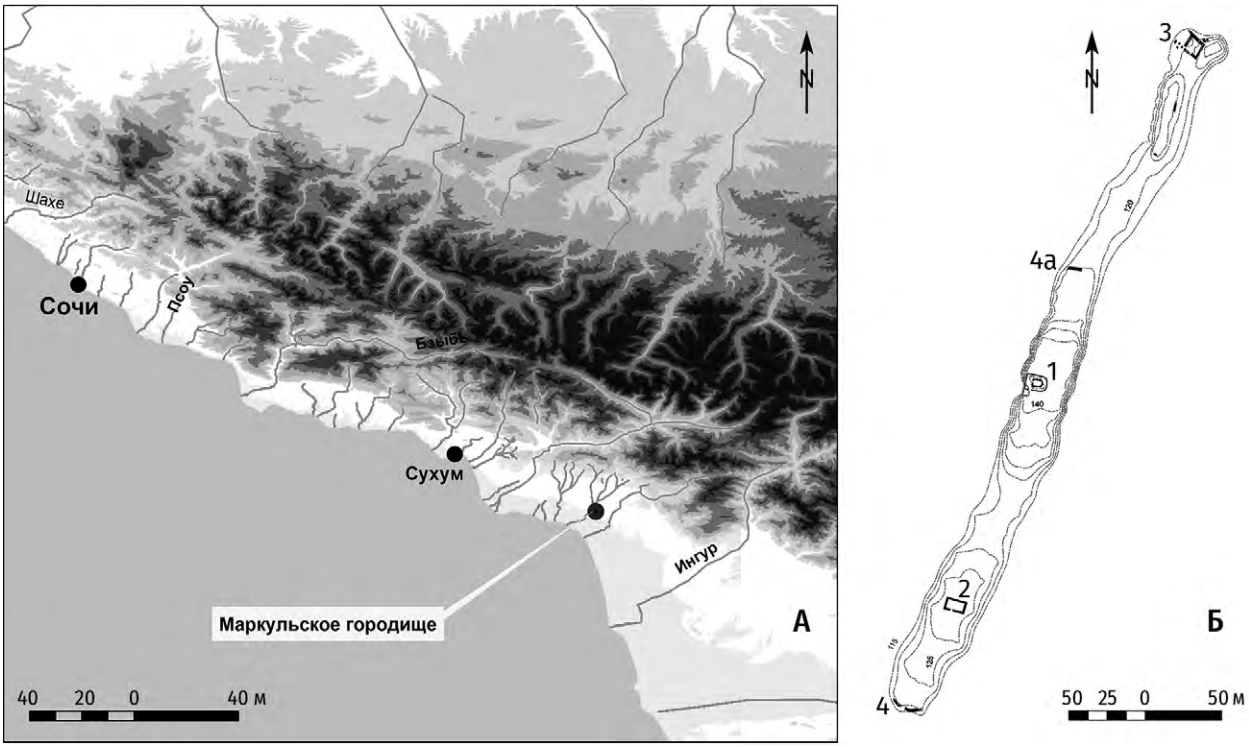

Рис. 1. Местоположение городища на карте региона (*А*) и план городища (*Б*): *1* — храм; *2* — южная башня; *3* — замок; *4* — стены (*4а* — участок «Стена 2»)

Fig. 1. The settlement's location on the map of the region (*A*) and the hillfort's plan (*Б*): *1* — the temple; *2* — the southern tower; *3* — the castle; *4* — the walls (*4а* — the section "Wall 2")

Бгажба, 1983 — *Бгажба О. Х.* Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н. э. — XV в. н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1983. 104 с.

Бобринский, 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский, 1999 — *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Завьялов, 2021 — *Завьялов В. И.* Динамика развития сельского кузнечного ремесла в Древней Руси // РА. 2021. № 4. С. 93–101.

Завьялов, Терехова, 2021 — *Завьялов В. И., Терехова Н. Н.* Сельское железообрабатывающее ремесло в производственной системе Древней Руси // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 369–383.

Клемешова и др., 2021 — *Клемешова М. Е., Требелева Г. В., Кизилов А. С., Глазов К. А., Соколов С. В.* Опыт применения методики А. А. Бобринского для изучения керамических сосудов при исследовании состава формовочных масс плинфы средневековых храмов и крепостей Восточной Абхазии // Геоархеология и археологическая минералогия–2021: Материалы VIII Всероссийской науч. конф. Миасс; Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2021. С. 97–101.

Колчин, 1953 — *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 259 с.

Савельева и др., 1998 — *Савельева Т. В., Зиняков Н. М., Воякин Д. А.* Кузнечное ремесло северо-восточного Семиречья в средние века. Алматы: Ылым, 1998. 128 с.

Терехова и др., 1987 — *Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Бгажба О. Х.* Древнейшие железные изделия из Гюэноса // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 90–93.

Требелева, 2019 — *Требелева Г. В.* Маркульское городище в Восточной Абхазии // Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое / под ред. Н. А. Макарова. М.: ИА РАН, 2019. С. 144–147.

Требелева и др., 2014 — *Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Горлов Ю. В. и др.* Использование физико-химических методов в исследованиях технологии строительства в средневековой Абхазии и проблемы датировки // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 219–227.

Юрков и др., 2022 — *Юрков В. Г., Клемешова М. Е., Требелева Г. В.* Вопросы хронологии Маркульского городища в свете новых открытий 2021 г. // Актуальная археология 6: Материалы междунар. науч. конф. молодых ученых. Санкт-Петербург, 4–7 апреля 2022 г. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 194–197.

Vodyasov et al., 2021 — *Vodyasov E. V., Asochakova E. M., Rabtsevich E. S. et al.* Iron metallurgy of the Xianbei period in Tuva (Southern Siberia) // JAS. 2021. Vol. 39. P. 103–160.

Archaeometry in the research of Markul settlement (Abkhazia)

Galina V. Trebeleva[5], Marina E. Klemeshova[6], Gleb Yu. Yurkov[7]

Archaeological research of Markul settlement (Abkhazia) has been conducted since 2014. A significant number of historical artifacts has been accumulated, some of them have been studied by natural science methods. For a comprehensive research of construction technology the studies of the binder's composition and of the ceramic plinths were carried out. The pithoi were studied by technical and technological analysis according to the method of A. A. Bobrinsky. The nails were studied by the metallographic method of analysis. Artifact research will be continued.

Keywords: *Black Sea region, Abkhazia, Markul settlement, metallography, X-ray diffraction (XRD), technical and technological analysis of A. A. Bobrinsky, plinths, pythons, nails.*

5 Galina V. Trebeleva — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: trgv@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4214-7716.

6 Marina E. Klemeshova — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: marinaklem@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4120-095X.

7 Gleb Yu. Yurkov — N. N. Semenov Federal Research Center for Chemical Physics of the RAS, 4 Kosygin St., Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: ygy76@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9814-9724.

СЕКЦИЯ VI
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ МИР ЕВРАЗИИ: НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Первое изображение повозки или пейзаж? К вопросу об интерпретации рисунка на сосуде из Броночице

И. В. Палагута[1]

Аннотация. *Изображение на сосуде культуры воронковидных кубков из Броночице (Польша) считается древнейшим изображением колесного транспорта, созданным на несколько столетий ранее пиктограмм повозок позднего Урука. Детальное рассмотрение иконографии ставит под сомнение интерпретацию рисунка: возможно, на сосуде изображен «пейзаж».*

Ключевые слова: *сосуд из Броночице, культура воронковидных кубков, происхождение колесного транспорта, петроглифы, интерпретация изображений.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.380-383

Сосуд из Броночице с его изображениями «повозок» прочно вошел в контекст современных работ по истории происхождения колесного транспорта. Утверждение о том, что здесь представлены первые в Европе изображения повозок, утвердилось достаточно прочно, так, что на его основе разрабатываются глобальные модели индоевропейских миграций (например: *Anthony*, 2007), а также космологические и палеомифологические построения, которые в последние годы наконец-то подвергаются справедливой критике (*Milisauskas et al.*, 2019).

Этот небольшой сосуд, высотой 10,5 см (рис. 1, *2*), был обнаружен в яме с материалами культуры воронковидных кубков (КВК) фазы Броночице III по фрагменту кости, из которой получена дата 3520 calBC. Данная дата на два столетия раньше, чем пиктограммы повозок позднего Урука, поэтому его можно считать древнейшим изображением повозок в Евразии (*Ibid.*).

Декоративная композиция с изображениями трех «повозок», расположенная в горизонтальной зоне на горле сосуда, сохранилась примерно на 2/3. Она включает также элементы в виде двойного зигзага, фигуры из трех рядов, расположенных в шахматном порядке заштрихованных прямоугольников, и две древовидные фигуры (рис. 1, *1*).

Несмотря на повторы стандартных фигур, придающих композиции ритмичность, ее элементы, хотя и сходны, не образуют повторяющихся мотивов. Кроме того, «повозки» не всегда совпадают с рельефными деталями — выступами-упорами на ребре тулова. Поэтому ее нельзя назвать орнаментом, что подтверждает изначальное предположение о нарративном характере композиции (*Kruk, Milisauskas*, 1981), представляющей «повозки», а также «деревья (или лес), сельскохозяйственные поля, дорогу и воду (реку)» (*Milisauskas et al.*, 2019. P. 234). Однако повторяющиеся элементы говорят о том, что это скорее не нарратив, а достаточно условный образ. Наибольшие сомнения при его интерпретации вызывают именно изображения «повозок».

Во-первых, в композиции отсутствуют изображения «двигателя» — тягловых животных. В идеограммах Месопотамии их тоже нет, но там в основе использования идеограммы лежит не изображение нарратива, а учетные документы, где идет перечисление предметов и указывается их количество.

В отличие от сосуда из Броночице тягловые животные (быки, лошади, верблюды) присутствуют на подавляющем большинстве петроглифов, которые изображают транспортные средства. Здесь тема движения доминирует, что определяет либо горизонтальное расположение экипажей (рис. 1, *4*), либо использование верхнего плана — с разверткой или параллельным расположением тягловых животных (рис. 1, *5, 6*) (*Van Berg-Osterrieth*, 1972; *Кожин*, 2007; *Johannsen*, 2010; *Новоженов*, 2012).

[1] Илья Владимирович Палагута — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, Соляной пер., д. 13, Санкт-Петербург, 191028, Российская Федерация; e-mail: ipalaguta@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2308-7586.

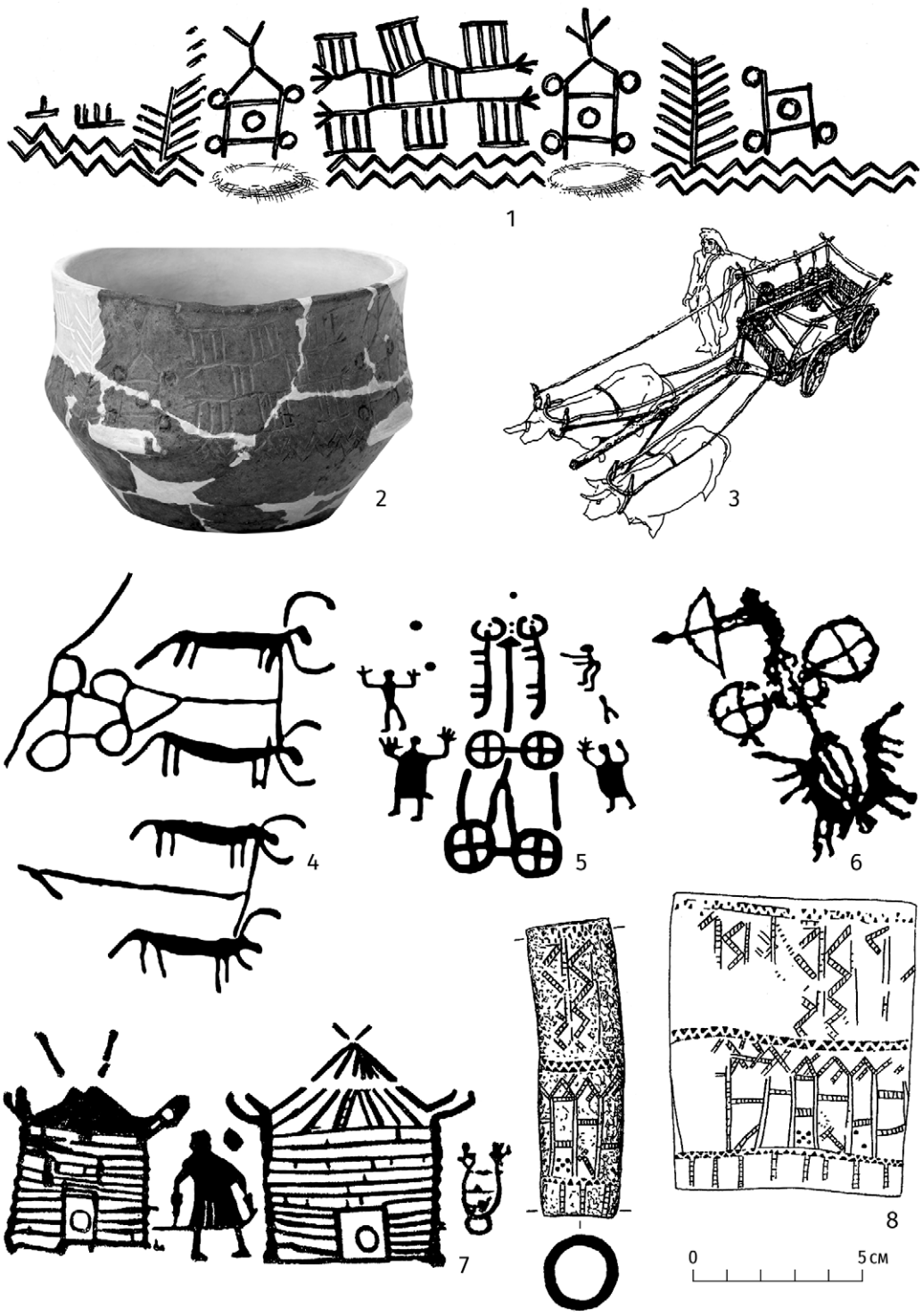

Рис. 1. *1, 2* — сосуд из Броночице и прорисовка изображения на нем (по: *Milisauskas et al.*, 2019); *3* — реконструкция повозки по изображению на сосуде из Броночице (по: *Kruk*, 2008); *4* — изображение повозки на монолите Чеммо 2, Валь Камоника, Италия (по: *Van Berg-Osterrieth*, 1972); *5* — изображение повозки в Богуслене, Швеция (по: *Johannsen*, 2010); *6* — изображение колесницы, Арпаузен, Казахстан (по: *Новоженов*, 2020); *7* — изображение построек, Малая Боярская писаница, Хакасия, Россия (по: *Грязнов*, 1933); *8* — изображение на роговой трубке из Злоты, Польша (по: *Bąbel*, 1992)

Fig. 1. *1, 2* — a vessel from Bronočice (after *Milisauskas et al.*, 2019); 3 — reconstruction of the wagon based on the figures on Bronočice vessel (after *Kruk*, 2008); *4* — image of a wagon on the Cemmo 2 monolith, Val Camonica, Italy (after *Van Berg-Osterrieth*, 1972); *5* — image of a wagon in Boguslen, Sweden (after *Johannsen*, 2010); *6* — image of a chariot, Arpauzen, Kazakhstan (after *Новоженов*, 2020); *7* — image of buildings, Malaya Boyarskaya Pisanitsa, Khakassia, Russia (after *Грязнов*, 1933); *8* — image on a horn pipe from Złota, Poland (after *Bąbel*, 1992)

Во-вторых, вертикальная ориентация элементов в горизонтальной зоне делает композицию и изображения статичными. Автор композиции почему-то располагает «повозки» не параллельно линиям зигзага («воды») и заштрихованных квадратов («поля» и «дороги»), а поперек их, соответственно «деревьям», выполняющим функции вертикальных разделителей секций композиции. Поэтому возникает ощущение неподвижного «пейзажа», который можно рассматривать, поворачивая сосуд. Все элементы композиции при этом одинаково статичны, в том числе и «повозки».

Это отличает «повозки» из Броночице от изображений повозок и колесниц, где авторы, наоборот, подчеркивают динамику движения за счет горизонтального расположения изображения или плана с разверткой сверху (рис. 1, *4–6*).

В-третьих, возникают сомнения в изображении самой конструкции «повозок». Кроме четырех «колес» по углам, здесь такой же элемент расположен в центре. Он, конечно, может рассматриваться в качестве «запасного колеса», «сосуда или ритуального предмета», вертикальной рукоятки или иного подобного приспособления (*Milisauskas et al.*, 2019. P. 234), но это звучит не вполне убедительно. Вызывает вопрос и развилка сверху, которая может изображать дышло. На ее основе была предложена реконструкция упряжи, где обычная конструкция из прямого дышла и вертикальной перекладины заменена системой постромок (рис. 1, *3*) (*Kruk*, 2008. Ryc. 11b). Система соединения деталей на шипах прочно вошла в арсенал способов изготовления сложных конструкций из дерева уже в раннем неолите (*Tegel et al.*, 2012), поэтому отсутствие перекладины заставляет задуматься об адекватности реконструкции.

Все встает на места, если предположить, что мы имеем дело с изображением построек. Возможно, что здесь использовался достаточно распространенный способ совмещения фронтальной и верхней проекций. Таким образом, верхняя часть — изображение двускатной или четырехскатной крыши с перекрещенными вверху стропилами или рогатки, на которую опирается коньковый брус. Похожие изображения крыш мы встречаем на енисейских петроглифах — Большой и Малой Боярских писаницах, ставших основой для реконструкции жилищ раннего железного века (*Грязнов*, 1933) (рис. 1, *7*).

Нижняя часть изображения — изображение каркасно-столбовой постройки в плане, где кружками обозначены угловые опоры, а в центре — или центральный столб, или очаг. Это также может быть и схематическим изображением фасада, где кружки изображают торцы балок и окно. Такая интерпретация согласуется и с домостроительством КВК, в основе которого лежит каркасно-столбовая конструкция (*Kruk*, 2008), а также согласуется и с общей достаточно статичной композицией — панорамным «пейзажем» с изображенными условно «деревьями», «водой», «полями» и «домами».

В контексте данного предположения хотелось бы обратить внимание на гравировку на роговой трубке из погребения в Злоте, тоже относящегося, по всей видимости, к КВК, и интерпретированного как изображение ряда жилищ с двускатными крышами (*Bąbel*, 1992). Здесь похожи как изображение фасадов «построек» с двускатной крышей, так использование поворотной панорамы для рассмотрения статичной композиции на круглом в сечении предмете (рис. 1, *8*).

Находка в тех же Броночицах рога быка со следами от веревки (*Kruk*, 2008. Rys. 11a) может как раз указывать на использование различных приспособлений с животной тягой — бороны, рала, молотильной доски, саней, но не обязательно повозки.

Допустить знакомство носителей культуры воронковидных кубков с колесным транспортом, конечно, можно. Так, фаза Броночице III, судя по новейшим радиокарбонным датам и параллелям в керамике, соответствует ранней Болеразской группе культуры Баден. Более поздние фазы Броночице IV и Броночице V синхронизируются с собственно баденской культурой (*Kruk et al.*, 2018. P. 40). Достоверная находка модели повозки происходит из баденского погребения № 177 Будакалласского могильника. На памятниках этой культуры обнаружены и другие находки, которые, хотя они и менее выразительны, можно рассматривать как аналогичные модели (*Bondár*, 2012).

С КВК и ранним Баденом можно соотнести и памятники позднейшего периода культуры Триполье CII (*Rybicka*, 2017). Изобразительных материалов, однозначно свидетельствующих о наличии здесь повозок, пока не обнаружено.

То же можно сказать и о более раннем периоде Триполье CI, где, несмотря на наличие значительного количества моделей саней (*Балабина*, 2004), достоверных свидетельств об изобретении колесного транспорта не представлено. Предположение С. А. Гусева (*Гусев*, 1998) о том, что в продольные отверстия в ножках обнаруженной им зооморфной статуэтки могли продеваться оси, на которых закреплялись глиняные колесики, имеет под собой весьма спорные основания. Поэтому эпоха энеолита может рассматриваться как эпоха саней, молотильной доски и рала, но отнюдь не повозок, которые распространяются в период перехода к раннему бронзовому веку на уровне культуры Баден. При этом очевидно, что изображение на сосуде из Броночице, как и отмечалось ранее П. М. Кожиным (*Кожин*, 2015. С. 8), не может быть в полной мере

использовано в качестве аргумента при датировке первого появления колесного транспорта в Европе — его интерпретация легко может быть оспорена.

Благодарности. Автор благодарит коллег — проф. Славомира Кадрова, Томаша Хмелевского, Альберто Марретту, Йенса Винтера Йоханнсена за консультации и помощь в поиске литературы.

Балабина, 2004 — *Балабина В. И.* Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова. М.: ИА РАН, 2004. С. 180–213.

Грязнов, 1933 — *Грязнов М. П.* Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры. № 7–8 (1931–1933). Л.: ГАИМК, 1933. С. 41–45.

Гусев, 1998 — *Гусев С. А.* К вопросу о транспортных средствах трипольской культуры // РА. 1998. № 1. С. 15–28.

Кожин, 2007 — *Кожин П. М.* Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. 428 с.

Кожин, 2015 — *Кожин П. М.* Древний колесный транспорт: состояние проблем и рабочие гипотезы // НОСА. 2015. № 1 (9). С. 2–18.

Новоженов, 2012 — *Новоженов В. А.* Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.

Новоженов, 2020 — *Новоженов В. А.* Наскальные летописи Золотой степи: модель коммуникации населения в древности и средневековье. В 2 т. Т. 1. Алматы: Международный Центр сближения культур, 2020. 780 с.

Anthony, 2007 — *Anthony D. W.* The horse, the wheel and language: How bronze-age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2007. 568 p.

Bąbel, 1992 — *Bąbel J.* Wyobrażenie wioski prahistorycznej na zabytku ze Złotej, woj. Tarnobrzeskie // Sprawozdania Archeologiczne. 1992. Vol. XLIV. P. 117–128.

Bondár, 2012 — *Bondár M.* Prehistoric wagon models in the Carpathian Basin (3500–1500 BC). Budapest: Archaeolingua Kiadó, 2012. 142 p. (Archaeolingua; Series minor 32).

Johannsen, 2010 — *Johannsen J. W.* The wheeled vehicles of the Bronze Age on scandinavian rock-carvings // Acta Archaeologica. 2010. Vol. 81. No. 1. P. 150–250.

Kruk et al., 2018 — *Kruk J., Milisauskas S., Włodarczak P.* Real time. Radiocarbon dates and bayesian analysis of the Neolithic settlement at Bronocice, fourth millennium BC. Krakyw: Institute of Archaeology and Ethnology PAS, 2018. 160 p.

Kruk, Milisauskas, 1981 — *Kruk J., Milisauskas S.* Wyżynne osiedle neolityczne w Bronocicach // Archeologia Polski. 1981. Vol. XXVI. No. 1. P. 65–113.

Milisauskas et al., 2019 — *Milisauskas S., Kruk J., Hudson K.* Bronocice funnel beaker vessel with wagon motif: Different narratives // Archaeologia Polona. 2019. Vol. 57. P. 233–240.

Rybicka, 2017 — *Rybicka M.* Kultura trypolska — kultura pucharów lejkowatych. Natężenie kontaktów i ich chronologia. Rzeszyw: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2017. 174 s.

Tegel et al., 2012 — *Tegel W., Elburg R., Hakelberg D., Stäuble H., Büntgen U.* Early Neolithic water wells reveal the world's oldest wood architecture // PLoS ONE. 2012. Vol. 7. Iss. 12. P. 1–8.

Van Berg-Osterrieth, 1972 — *Van Berg-Osterrieth M.* Les chars préhistorique du Valcamonica. Capo di Ponte: Edizioni del Centro, 1972. 127 p.

The first wagon depiction or a landscape image? On the interpretation of the drawing on the vessel from Bronočice

Ilya V. Palaguta[2]

The image on a vessel of funnel-beaker culture from Bronočice (Poland) is considered to be the oldest image of wheeled transport, created several centuries earlier than the pictograms of carts of late Uruk. A detailed examination of the iconography makes it possible to cast doubt on such an interpretation: it is rather a conditional "landscape" rather than an image of wagons.

Keywords: *vessel from Bronočice, funnel-beaker culture, origin of wheeled transport, petroglyphs, image interpretation.*

2 Ilya V. Palaguta — St. Petersburg State Academy of Art and Industry named after A. L. Stieglitz, 13 Solyanoy Lane, St. Petersburg, 191028, Russian Federation; e-mail: ipalaguta@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2308-7586.

Геометрические петроглифы Южной Сибири и Монголии в этнографическом освещении

В. А. Кисель[1]

Аннотация. *В статье рассмотрены два образа наскального искусства Южной Сибири и Монголии — параболические и «решетчатые» фигуры. На основе анализа высказывается предположение, что их можно сопоставить с персонажами народных обрядов. Параболические петроглифы изображали ряженых, укрытых ветками, травой или соломой, а «решетчатые» петроглифы — условные антропоморфные модели. Наскальные композиции с ними отражали проведение календарных ритуалов.*

Ключевые слова: *Южная Сибирь, Монголия, петроглифы, ряженые, антропоморфные модели, календарные обряды.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.384-386

В древнем наскальном искусстве Южной Сибири и Монголии вызывают особый интерес два образа. Первый — это фигуры в виде парабол с углублением на вершине и парой Г-образных «ног» (*Кубарев*, 2009. Рис. 149, *3–6*; 161, *1, 4*; *Ковалев*, 2021. Рис. 1–11). Порой они перекрещены линиями, а наверху обозначены «рога» и «головки». Бывает, параболы сочетаются с силуэтом человека или топором (*Молодин и др.*, 2021. Рис. 1) (рис. 1, *1*).

Другой образ обычно именуют «решетчатыми фигурами» (*Кубарев*, 2010. Рис. XIV, *6–22*; Прил. III, *47–49, 1–6, 50, 54*). Он имеет варианты: I — штрихованные прямоугольники и трапеции, нередко с «ногами», II — штрихованные прямоугольники, увенчанные треугольником или овалом, иногда с развилкой сверху и «руками» по бокам, III — изображения женщин, составленные из штрихованных прямоугольников или овалов, с «головами», «руками» и «вульвами» (рис. 1, *2*).

Обнаружение петроглифов на плитах погребально-поминальных памятников позволило связать их с археологическими культурами и датировать. «Параболоиды» были отнесены к чемурчекской и каракольской культурам, «решетчатые фигуры» — к афанасьевской и каракольской (энеолит — эпоха бронзы).

До сих пор у исследователей нет единой интерпретации. В. Д. Кубарев трактовал «параболоиды» как «образ женщины-шаманки и владычицы зверей» в накидке (*Кубарев*, 2009. С. 54–55). А. А. Ковалев же указал на их синтетический характер — «эманацию божества в теле низшего порядка» (*Ковалев*, 2021. С. 123).

За «решетчатыми фигурами» закрепились названия «прародительниц» и «матерей-родоначальниц» (*Новгородова*, 1989. С. 96–97; *Дэвлет*, 1992. С. 30–32). Иногда их определяли как постройки, загоны, сети, волокуши или всеобъемлющий символ — «женщина, возрождение жизни (животных), храм, сакральный ландшафт» (*Окладникова*, 2011. С. 122, 125).

А. М. Смирнов отметил сходство петроглифов с мотивом тростниковой хижины (хлев/овчарня), представленном на цилиндрических печатях и сосудах Двуречья, который обозначал храм богини Нинхурсаг (*Смирнов*, 2000. С. 574–576). Гипотезу поддержал Д. Г. Савинов, назвавший «решетчатые фигуры» «женщина-дом» (*Савинов*, 2011. С. 86).

Связь «решетчатых фигур» с древневосточными цивилизациями попытался обосновать и Д. В. Черемисин. По его мнению, прототипом фигур могли явиться каменные статуэтки в каунакесе Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, культурно близкого Шумеру и Эламу (*Черемисин*, 2015. С. 90–91).

Перечисленные гипотезы требуют корректировки.

Действительно, отождествление храма с богиней вполне реально. Но «параболоиды» заметно отличаются от ближневосточных рисунков. Они дополнены углублением, «ногами», «головкой» и топором. К тому же декор печатей отражал мировоззрение высших социальных слоев Двуречья. В то время как для основного населения символика их сцен была непонятна (*Афанасьева*, 1979. С. 68). Петроглифы же адресовались простому народу, передавая его представления.

Предположение о слиянии в «параболоидах» двух объектов правдоподобно. Это может быть абстрактный неодушевленный предмет и условно реалистический антропоморф. На роль предмета подходит копна сена, связка снопов. Линии, вероятно, обозначали веревки, стягивающие эту травяную массу.

При обращении к этнографии легко отыскиваются аналоги. В земледельческих культурах было распространено убеждение, что дух плодородия скрывается в снопе (пучке) пшеницы, ржи, риса и других культур, который убирался с поля в первый, а чаще — в последний день жатвы. Нередко его обматывали жгутами соломы и деталями одежды, превращая

[1] Владимир Антониевич Кисель — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., д. 3, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; e-mail: kisel@kunstkamera.ru; ORCID: 0000-0002-7498-4837.

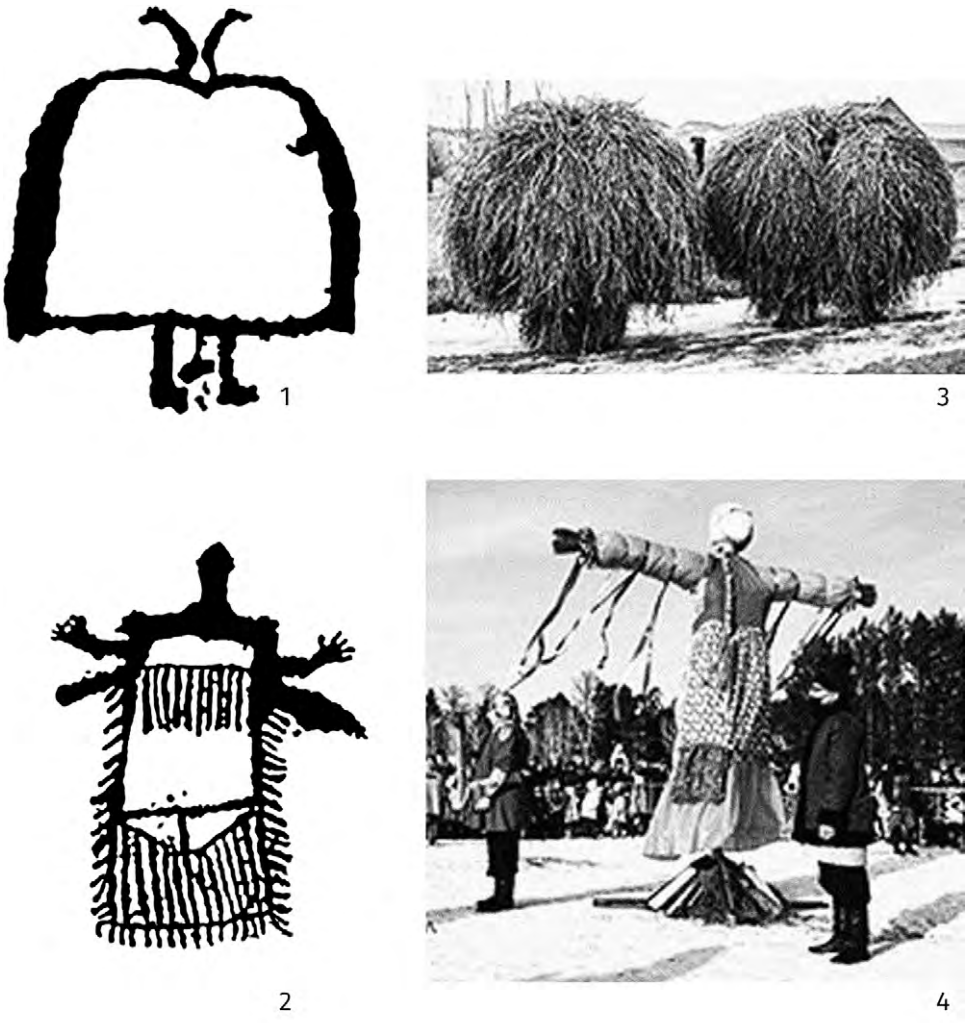

Рис. 1. *1* — «параболоид», Монголия (по: *Ковалев*, 2021); *2* — «решетчатая фигура», Горный Алтай (по: *Кубарев*, 2010); *3* — персонажи маланки (по: Буковинская...); *4* — Масленица (по: Жителей...)

Fig. 1. *1* — «Paraboloid», Mongolia (after *Ковалев*, 2021); *2* — «Lattice figure», Altai Mountains (after *Кубарев*, 2010); *3* — Characters of Malanka (after Буковинская...); *4* — Maslenitsa (after Жителей...)

в куклу. У крестьян Германии и Польши сохранился более ранний вариант моделирования, когда человека заворачивали в сноп или привязывали к нему (*Фрэзер*, 1983. С. 377, 379–380, 383). Подобные «натуральные макеты» были известны многим народам, даже не земледельческим. В календарных мистериях и инициациях роль растительного божества играли ряженые, целиком укрытые ветками, травой, соломой. В Европе они носили имена: Король/Королева Мая, Зеленый Джек, Король Листьев и др. (Календарные обычаи..., 1973. С. 69, 144–145, 154, 167, 174, 222, 227; 1977. С. 35, 160, 171–172, 179, 186–187, 204, 212, 223, 228, 266, 307; 1978. С. 158, 182; *Фрэзер*, 1983. С. 127–134) (рис. 1, *3*).

Можно предположить, что «параболоиды» изображали человека, скрытого под копной побегов, травы или соломы, превратившегося на время ритуала в вегетативного духа.

«Решетчатые фигуры» представляют собой конструкции из прямоугольных элементов. Благодаря жестким очертаниям создается впечатление, что они передают антропоморфную модель. Изображения человека, изготовленные из палок, веток, соломы и облаченные в одеяния, изготавливались повсеместно. Такие изделия фигурировали в наиболее значимых календарных ритуалах и назывались Масленица, Кострома, Купало, Карнавал и др. (*Терещенко*, 2014. С. 303, 353, 357, 824, 830) (рис. 1, *4*).

Важной чертой ритуалов с антропоморфной моделью была эротическая составляющая, о чем свидетельствуют сообщения об оргиях во время древнегреческой Адонии, русальной недели, святок, похорон Костромы и Купало (*Веселовский*, 1894. С. 290–291,

310–316). Не исключено, что эротические элементы ритуалов нашли отражение в наскальных композициях, где «решетчатые фигуры» соседствуют с итифаллическими героями.

Таким образом, ряд геометрических петроглифов Южной Сибири и Монголии можно связать с календарной обрядностью и провести параллель между ними и персонажами народных празднеств.

Афанасьева, 1979 — *Афанасьева В. К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.: Наука, 1979. 219 с.

Буковинская… — Буковинская Маланка // TheNorDar Magazine. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https: // thenordar.com / showcase / malanka-v-selekrasnoilsk-gallery / (дата обращения: 22.06.2022).

Веселовский, 1894 — *Веселовский А. Н.* Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности (Хронологические гипотезы) // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Ч. CCXCI. С. 287–318.

Дэвлет, 1992 — *Дэвлет М. А.* Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Первобытное искусство / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1992. С. 29–43.

Жителей… — Жителей Улан-Удэ приглашают на празднование Масленицы // Байкал Daily. 24.02.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https: // www.baikal-daily.ru / news / 16 / 431564 / (дата обращения: 22.06.2022).

Календарные обычаи…, 1973, 1977, 1978 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1973, 1977, 1978. 351 с. 358 с. 295 с.

Ковалев, 2021 — *Ковалев А. А.* Параболические и прямоугольные антропоморфы в древнем искусстве Монгольского Алтая, Западной Европы и Тибета // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований / Отв. ред.: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 122–127.

Кубарев, 2009 — *Кубарев В. Д.* Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.

Кубарев, 2010 — Кубарев В. Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. 444 с.

Молодин и др., 2021 — *Молодин В. И., Черемисин Д. В., Ненахова Ю. Н., Батболд Н.* Святилище чемурчекской культуры на северо-западе Монголии // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований / Отв. ред.: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 127–130.

Новгородова, 1989 — *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.

Окладникова, 2011 — *Окладникова Е. А.* Решетчатые фигуры на горе Калбак-Таш (Горный Алтай) // АЭАЕ. 2011. № 3 (47). С. 120–127.

Савинов, 2011 — *Савинов Д. Г.* «Женщина-дом» (интерпретация одного из петроглифических сюжетов Калбак-Таша, Горный Алтай) // Вопросы археологии Урала / Отв. ред. Ю. П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 80–89.

Смирнов, 2000 — *Смирнов А. М.* Сюжет «загон для скота и животные» на энеолитических стелах Причерноморья: Вариант аналогий и интерпретации // StratumPlus. 2000. № 2. С. 571–583.

Терещенко, 2014 — *Терещенко А. В.* Быт русского народа. М.: ИРЦ, 2014. Т. 2. 864 с.

Фрэзер, 1983 — *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 703 с.

Черемисин, 2015 — *Черемисин Д. В.* Об интерпретации одного сюжета в петроглифах Алтая эпохи бронзы («женщина-дом» и «одноногий» у порога) // Искусство Бронзового века / Отв. ред.: С. Хансен, В. И. Молодин. Новосибирск; Берлин: НГУ, Германский археолог. ин-т, 2015. С. 79–93.

Geometric petroglyphs of Southern Siberia and Mongolia in ethnographic coverage

Vladimir A. Kisel[2]

The article considers two images of the rock art of Southern Siberia and Mongolia — parabolic and „lattice" figures. Based on the analysis, it is suggested that they can be compared with the characters of folk rituals. Parabolic petroglyphs depicted mummers sheltered by twigs, grass or straw, and „lattice" petroglyphs represented conditional anthropomorphic models. Rock compositions with them reflected the conduct of calendar rituals.

Keywords: *Southern Siberia, Mongolia, petroglyphs, mummers, anthropomorphic models, calendar rituals.*

2 Vladimir A. Kisel — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS, 3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation, e-mail: kisel@kunstkamera.ru; ORCID: 0000-0002-7498-4837.

Боевые сани и колесницы Молдажара

В. А. Новоженов[1]

Аннотация. *В петроглифах Тарбагатая (Восточный Казахстан) особый интерес вызывают боевые и транспортные экипажи эпохи бронзы. Недавно опубликовано более двух десятков повозок различных по конструкции и по вероятному их назначению. Техника исполнения — неглубокая точечная выбивка с прошлифовкой патины, очень информативная. Пристальное внимание художников к деталям конструкции позволяют выделить важные типологические и иконографические особенности и датировать петроглифы рубежом III–II тыс. до н. э.*

Ключевые слова: *колесный транспорт, нарты, коммуникации, эпоха бронзы, двуколки, колеса со спицами, Шимайлы, Центральная Азия.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.387-390

Петроглифы урочища Молдажар в самом центре водораздела гор Тарбагатай на востоке Казахстана открыты А. Е. Рогожинским (*Рогожинский*, 2010. С. 120–122; 2011) и частично опубликованы и описаны З. С. Самашевым (*Самашев*, 2018) под названием Шимайлы I. Наиболее информативные и разновременные петроглифы расположены на вершине и склонах куполообразной сопки Сардонгал, на округлых валунах, покрытых «пустынным загаром» глыбах песчаника моренного происхождения.

В многообразии разновременного репертуара этого уникального памятника выделяется изобразительный пласт эпохи бронзы с богатым набором вооруженных антропоморфных персонажей: лучников, противостоящих палиценосцев, колесничих; зооморфных: быков, декорированных коней, антилоп, показанных в батальных и охотничьих композициях, а также в хорошо знакомых в центральноазиатских петроглифах сценах с условным названием «повелитель коней» (*Савинов*, 2021. С. 243–249).

Валун 1 расположен на вершине сопки Сардонгал и представляет собой округлый блок песчаника, на горизонтальную и торцевые плоскости которого нанесены многочисленные изображения (рис. 1).

На горизонтальной плоскости камня основу композиции составляют четыре фигуры крупных быков, где все свободное пространство вокруг них, внутри их огромных рогов и между ногами занято фигурами различных животных, птиц, лучников, группирующихся в отдельные сюжеты: сцену охоты лучника с двумя луками на быка, поединка палиценосцев, сцену загонной охоты на степных антилоп с использованием собак и ряд других сюжетов (*Самашев*, 2018. С. 63–87, рис. 18–47).

На валуне также изображены три транспортных средства, два из которых представляют собой стандартные пароконные колесницы, показанные с колесами со спицами, в одном случае изображен возничий, управляющий повозкой и вооруженный копьем. У колесниц изображено центральное дышло, снабженное специальными треугольными распорками, фиксирующими ярмо-поперечину в жесткой позиции, поскольку при маневрировании такого экипажа центробежные силы и основное напряжение передается именно на этот узел конструкции. Перед мордами лошадей показана линия, обозначающая элемент колесничного оголовья, аркан (?), связывающий крайние псалии упряжных лошадей с внутренней стороны для удобства и большей эффективности системы управления повозкой. При этом уверенно «читаются» вожжи, отходящие от голов лошадей, с внешней стороны. Такой способ управления позволяет использовать не четыре, а только две вожжи для управления колесницей. Подобная, но более сложная система управления зафиксирована у более поздних колесниц, изображенных в долине реки Коксу на юге Казахстана (*Новоженов, Рогожинский*, 2019).

Третье транспортное средство, детально показанное на этом валуне в окружении разных вариантов сюжета «повелитель коней», расположено на изгибе валуна и показано в типичных стандартах, характерных для центральноазиатской наскальной традиции: изображена пара упряжных коней спинами друг к другу, в «плановой проекции», центральное дышло, вожжи, стоящий на платформе возничий с колчаном за спиной, в который упакован лук. Левой рукой колесничий держится за веревку, привязанную к основанию прямоугольной платформы с D-образной передней частью (возможно, вертикальному поручню), а правой — управляет движущейся повозкой посредством вожжей. Перед мчащейся повозкой изображен пеший лучник, с колчаном за спиной, а стрела его лука направлена на противостоящую ему упряжку. Батальный характер такого противостояния в этой сцене

1 Виктор Александрович Новоженов — Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, ул. Кабанбай батыра, д. 94, Алматы, Республика Казахстан; e-mail: vnovozhenov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4729-790X.

Рис. 1. Восточный Казахстан. Горы Тарбагатай. Урочище Молдажар (Шимайлы). Валун 1. Общий вид композиции и увеличенный фрагмент боевых саней с возничим; прорисовка автора

Fig. 1. East Kazakhstan. Tarbagatai mountains. The tract Moldazhar (Shimaily). Boulder 1. General view of the composition and an enlarged fragment of a combat sled with a charioteer; author's drawing

не вызывает никаких сомнений и характерен для очень многих колесничных сюжетов Древнего мира (*Алтынбеков*, 2014; *Новоженов*, 2012; 2021).

Парадоксальная особенность этого в целом очень детализированного изображения — отсутствие каких-либо попыток выбить колеса у этой «колесницы». Вместо них изображены симметрично расположенные по обеим сторонам ездовой платформы полозья, в плановой проекции, которые напоминают сделанные из изогнутых жердей боковые детали нарт-саней, до сих пор используемых в упряжках народами Крайнего Севера. При этом передние верхние края этих

полозьев прикреплены к центральному дышлу арканами (?) в целях более надежной эксплуатации и общего укрепления всей конструкции таких саней и усилены диагональными планками, известными у особого типа нарт — для перевозки дров, где конструкция испытывала значительные нагрузки на полозья (рис. 2, *1–3*). При этом возничий управлял такими санями стоя на платформе, подобно тому как управлялись традиционные русские сани-розвальни.

В петроглифах нам подобные конструкции не известны, притом что довольно широко фигуры лучников или людей на лыжах представлены в петроглифах Скандинавии, Монголии, Китая, на юге Казахстана (Petroglyphes..., 2017. P. 121, fig. 4, *a*, *b*), а также в мелкой пластике — на навершии сейма-турбинского кинжала (Ростовка). Кроме того, костяные коньки (?) известны в материалах андроновских поселений.

Использование саней в качестве упряжек оправдано в зимних климатических условиях центра Азии и, судя по этнографическим параллелям, имело место в межсезонье и даже в летнее время. Злаково-ковыльная поверхность большинства регионов евразийского пояса степей, на наш взгляд, благоприятствовала распространению подобного типа экипажей, более простых в изготовлении и более надежных в эксплуатации, чем колесницы. При этом все боевые и прочие транспортные функции таких экипажей очевидно сохранялись в полной мере.

На валуне 34 в составе другой многофигурной композиции с участием охотников, горных баранов, лошадей и быка с извилистыми рогами изображены две пароконные колесницы, одна из которых показана со стреляющим из лука возничим и тщательно проработанными деталями конструкции повозки, другая — без колесничего, более условная (*Самашев,* 2018. Рис. 133–142).

Среди особенностей конструкции первой колесницы отметим наличие параллельных центральному дышлу рядов ремней или веревок, соединяющих переднюю кромку подквадратной платформы повозки и ярмо-перекладину, фиксирующие его в строго перпендикулярном положении к центральному дышлу, подобно натянутым струнам, и усиливающие прочность этого главного для такой повозки конструктивного узла при выполнении маневрирования на скорости. Из не менее девяти таких натянутых «струн» две могут быть вожжами этой повозки, и они изображены привязанными к передней части ездовой платформы, тем самым высвобождая руки колесничего.

Возничий стоит в фиксированном положении на платформе, он запечатлен в момент стрельбы из большого лука по стаду горных козлов. Данное обстоятельство позволяет интерпретировать рассматриваемую сцену как исключительно охотничью, любопытной деталью которой является привязанный позади колесницы жеребенок (сменная лошадь?).

Необходимость фиксации ног колесничего на ездовой платформе движущейся колесницы во время охоты — единственный способ сделать прицельный выстрел из лука, когда используются обе руки и нет никакой иной возможности удержаться на подвижной повозке. Возможно, здесь использовались особые петли-ремни для ступней колесничего, крепившиеся на ездовой платформе повозки и зафиксированные при раскопках колесницы шанского периода в могильнике Гоцзяжуан в Китае (*Новоженов,* 2012. С. 240–242, рис. 144).

В целом, наряду с реалистичными и хорошо детализированными изображениями колесниц в урочище

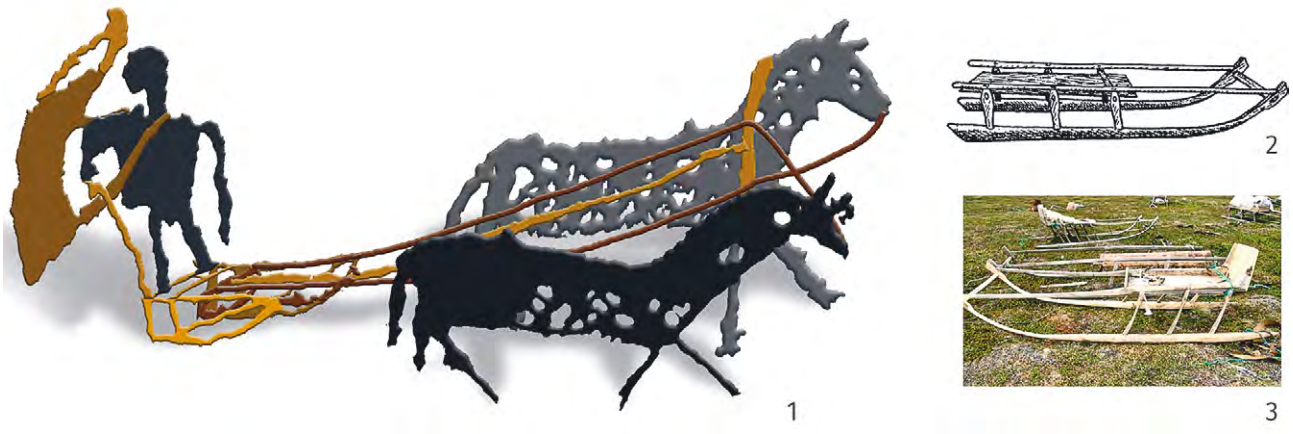

Рис. 2. *1* — трехмерная реконструкция боевых саней; *2*, *3* — конструкция современной нарты
Fig. 2. *1* — three-dimensional reconstruction of the combat sled; *2*, *3* — the design of a modern sled

Молдажар (Шымайлы) обнаружены более условные, схематичные изображения запряженных и распряженных повозок разных типов, с возничими и без, в том числе двуколок на дисковых колесах и сочлененных, прицепленных друг за другом двухколесных конструкций, широко известных в синхронных петроглифах из других регионов Евразии (*Новоженов,* 2012. С. 101–102). Четырехколесные телеги или грузовые фургоны не зафиксированы. Упряжные животные — исключительно пара лошадей, в одном случае изображен двугорбый верблюд, тянущий посредством двух ремней (веревок) прямоугольную платформу без колес (сани?).

О датировке рассматриваемых изображений наглядно свидетельствуют: достаточно архаичные конструкции исключительно одноместных (персональных) колесниц; наличие лошадей в сейминско-турбинском стиле; и главное — наличие орнаментов в декоре лошадей (заштрихованных треугольников и вертикальных зигзагов). Если первые элементы декора характерны для всей андроновской керамики, то вертикальные зигзаги показательны скорее для посуды синташтинско-петровского облика. Это обстоятельство позволяет уверенно датировать реалистические изображения колесниц рубежом III–II тыс. до н. э., а схематичные изображения повозок чуть более поздним временем — до середины II тыс. до н. э.

Алтынбеков, 2014 — *Алтынбеков К.* Реконструкция андроновской колесницы // Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 256–273.

Новоженов, 2012 — *Новоженов В. А.* Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.

Новоженов, 2021 — *Новоженов В. А.* Наскальные изображения колесниц как источник реконструкции // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы / Ред.: Т. А. Логунов и др. Кемерово: Кузбасский регион. ин-т повыш. квалифик. и переподгот. работников образования, 2021. С. 214–237.

Новоженов, Рогожинский, 2019 — *Новоженов В. А., Рогожинский А. Е.* Новые колесничные сюжеты в петроглифах долины р. Коксу // История и археология Семиречья. Вып. 6. Алматы: Институт археологии, 2019. С. 170–196.

Рогожинский, 2010 — *Рогожинский А. Е.* «Мы, нижеприложившие истинные тамги…» // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы: Print S, 2010. С. 101–127.

Рогожинский, 2011 — *Рогожинский А. Е.* Петроглифы гор Тарбагатай // От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана / Отв. ред. И. В. Ерофеева. В 3 томах. Алматы: Казахский НИИ культурного наследия номадов, 2011. Т. 1. С. 93–103.

Савинов, 2021 — *Савинов Д. Г.* На пути раскрытия содержания памятников наскального искусства // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы / Ред. Т. А. Логунов и др. Кемерово: Кузбасский регион. ин-т повыш. квалифик. и переподгот. работников образования, 2021. С. 238–249.

Самашев, 2018 — *Самашев З.* Петроглифы Тарбагатая. Шимайлы. Астана: Казахский НИИ культуры, 2018. 250 с.

Novozhenov, 2020 — *Novozhenov V. A.* The rock art Chronicles of golden steppe: model of communication in Antiquity and Middle Ages. Vol. 1. Almaty: UNESCO Center for Rapprochement of Cultures, 2020. 780 p.

Pertoglyphes…, 2017 — Petroglyphes of Central Asia and North China // Russia-Mongolia-China Archaeological Forum / Ed. by Ts. Turbat and N. Batbold. Ulaan Baatar, 2017. 236 p.

Rogozhinskiy, 2011 — *Rogozhinskiy A. Ye.* Rock art sites in Kazakhstan // Rock Art in Central Asia. A Thematic Study / Ed. J. Clottes. Paris: ICOMOS, 2011. P. 9–43.

Combat sleds and chariots of Moldazhar

Victor A. Novozhenov[2]

In the petroglyphs of Tarbagatai (Eastern Kazakhstan), battle and transport vehicles of the Bronze Age are of particular interest. Recently two dozen vehicles have been published, different in design and in their purposes. The technique of execution — carving with polished patina is very informative, the artists' close attention to the details and design features of the depicted carts to highlight very important typological and iconographic features that make it possible to concretize their dating around the edge of third and second millennium BCE.

Keywords: *wheeled transport, narty, communications, Bronze Age, gigs, spoked wheels, Shimaily, Central Asia.*

2 Victor A. Novozhenov — International Dialog Department of UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 94 Kabanbay Batyr St., Almaty, 005550, Republic of Kazakhstan; e-mail: vnovozhenov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4729-790X.

Воины-копейщики позднего бронзового века в петроглифике и археологии Евразии

Е. Г. Шалахов[1]

Аннотация. *Статья посвящена изучению археологических памятников эпохи палеометалла, открытых на территории Южной Сибири, Монголии и Восточной Европы. Анализируются источники, иллюстрирующие существование в позднем бронзовом веке культа воинской элиты. Престижное бронзовое оружие, найденное в погребениях вождей сейминско-турбинских кочевых группировок и запечатленное в наскальном искусстве, оставленном древнейшими номадами Евразийских степей, снабжено элементами, которые подчеркивают высокий социальный статус воинов-копейщиков.*

Ключевые слова: *археология, воинская элита, петроглифы, наконечник копья, номады.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.391-392

В недавних публикациях профессора Санкт-Петербургского университета Д. Г. Савинова (*Савинов*, 2013; 2014), посвященных сейминско-турбинской проблематике, исследователем рассмотрена целая серия весьма любопытных наскальных рисунков, открытых в разные годы в Монголии, Туве и в южных районах Горного Алтая (*Савинов*, 2013. С. 10–11, рис. 1, *1–9*).

Вполне обоснованно выдвигая гипотезу о сейминско-турбинской принадлежности части южносибирских петроглифов эпохи бронзы, Д. Г. Савинов пишет: «Не меньший интерес вызывают некоторые антропоморфные изображения, представляющие стоящие мужские фигуры, иногда парные, вооруженные длинными копьями с наконечниками копий типа сейминских. В одном случае (Цаган-Гол) ниже на той же плоскости показаны фигурки лошадей, выполненные в характерном сейминско-турбинском стиле» (*Савинов*, 2014. С. 95). Далее он обращает внимание на оригинальную манеру изображения цаган-гольских воителей бронзового века, которые предстают перед нами в длинных туго подпоясанных «кафтанах», как нам кажется, унифицированных кожаных доспехах. Необычны и головные уборы копьеносцев Цаган-Гола. Это «шляпы с округлым верхом, украшенные перьями» (*Савинов,* 2013. С. 10–11, рис. 1, *1*).

Антропоморфы с писаниц в долине р. Чуя тоже вооружены копьями, на древках которых закреплены округлые и продолговатые предметы (*Там же*. С. 11, рис. 1, *2*), отдаленно напоминающие знаменитые в более позднее время символы власти — бунчуки.

Кроме того, в работах Д. Г. Савинова описаны и петроглифы, которые на первый взгляд не ассоциируются с образами древних копейщиков эпохи палеометалла. Речь идет о наскальных рисунках в Монголии с почти одинаковым изображением персонажей — мужчин в характерной, как считает исследователь, позе, где «одна рука опущена вниз, другая поднята вверх» (*Савинов*, 2013. С. 11, рис. 1, *4–6*; 2014. С. 95). Поза «победителя», по его мнению, отражает «определенную мифологему (или эпический образ)» (*Савинов*, 2013. С. 10). Отметим, что интерпретация «жестикулирующих» воинов как эпических персонажей не лишена смысла, ведь время миграций сейминско-турбинских группировок в Северной Евразии — «эпоха героев и оловянных бронз» (*Шалахов*, 2015. С. 149).

Упомянутые выше петроглифические памятники Южной Сибири и Монголии, по нашему мнению, могут иметь непосредственную связь с культурой воинской элиты позднего бронзового века на Евразийском континенте. Очевидно, что атрибуты этой культуры, отлитые в бронзе и запечатленные на скалах, были консолидирующим сакральным инвентарем в начале формирования сейминско-турбинского комплекса. Продолжение этого уникального явления можно наблюдать в европейской зоне распространения погребальных памятников типа Сейма-Турбино.

Самый яркий пример социально-значимого захоронения с наконечником копья сейминского типа, как на цаган-гольских петроглифах, — воинское погребение 10 Усть-Ветлужского (Юринского) могильника, изученное Марийской археологической экспедицией (рук. — Б. С. Соловьев) в 2004 г. на верхней площадке памятника (*Соловьев*, 2005. С. 108; *Соловьев, Шалахов*, 2006. С. 168). Среди других захоронений Усть-Ветлуги кенотаф представителя воинской элиты бронзового века выделяется своим металлическим инвентарем. Наиболее ценным предметом (в определении социального статуса погребенного) является литой наконечник копья с пером листовидной формы, ромбическим стержнем, треугольным боковым ушком и «манжетовидным» завершением округлой втулки (*Соловьев, Шалахов*, 2006. С. 169, рис. 3, *3*). Подобные типы наконечников: с ушками в нижней части втулки, — очевидно, играли особенную роль у военной элиты древних номадов Евразии (рис. 1).

1 Евгений Геннадьевич Шалахов — «Замок Шереметева», Центральный пр., д. 1, пгт Юрино, Республика Марий Эл, 425370, Российская Федерация; e-mail: shalahof@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8145-9889.

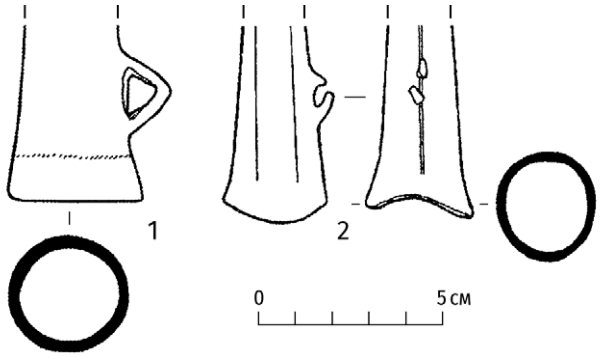

Рис. 1. Нижние части втулок бронзовых наконечников копий из погребальных комплексов Усть-Ветлужского (Юринского) могильника: *1* — погребение 10; *2* — погребение 15

Fig. 1. The lower parts of the sleeves of bronze spearheads from the burial complexes of Ust-Vetluzhsky (Yurinsky) burial ground: *1* — burial 10; *2* — burial 15

В этой связи вызывает интерес мнение В. С. Бочкарёва: «Конечно, трудно сказать, как выглядели значки, эмблемы и вымпелы, которые крепились к ушкам наконечников копий. Можно предполагать, что они по преимуществу изготовлялись из мягких материалов (кожи, войлока, ткани), способных развеваться на ветру. <…> Очевидно, что этим подвескам придавалась строго определенная форма. Судя по некоторым историческим и этнографическим аналогиям, это могли быть ленточки, флажки, бунчуки или какие-то зооморфные изображения в духе сейминско-турбинского звериного стиля. О конкретной семантике таких копий-наверший можно лишь догадываться» (*Бочкарев*, 2010. С. 142).

Автор настоящей статьи считает, что копья с бунчуками и вымпелами могут быть отнесены к символике военной элиты палеометаллической эпохи. Странные, на первый взгляд округлые и продолговатые предметы, закрепленные на длиннодревковом оружии с наскальных рисунков (*Савинов*, 2013. С. 11, рис. 1, *2*), соотносятся с типологическими особенностями сейминских и усть-ветлужского наконечников.

Таким образом, петроглифы Монголии и Горного Алтая с изображением древних воинов-копейщиков и вещевой инвентарь погребений «княжеского» ранга с наконечниками к западу от Урала иллюстрируют тот временной отрезок, когда копья «стали выполнять роль престижного этнического и социального маркера» (*Худяков, Белинская*, 2010. С. 52). Это время — начало позднего бронзового века в Северной Евразии.

Бочкарев, 2010 — *Бочкарев В. С.* О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Бочкарев В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: ИнфоОл, 2010. С. 123–143.

Савинов, 2013 — *Савинов Д. Г.* О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // ТПАИ. 2013. № 2 (8). С. 5–16.

Савинов, 2014 — *Савинов Д. Г.* О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Арии степной Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е. Е. Кузьминой / Отв. ред.: В. И. Молодин, А. В. Епимахов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 91–99.

Соловьев, 2005 — *Соловьев Б. С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005. № 4. С. 103–111.

Соловьев, Шалахов, 2006 — *Соловьев Б. С., Шалахов Е. Г.* Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук, 2006. С. 168–174.

Худяков, Белинская, 2010 — *Худяков Ю. С., Белинская К. Ы.* Копье как оружие, символ власти и военной организации у древних номадов Евразийских степей // Андроновский мир: сб. статей /под ред. Н. П. Матвеевой. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2010. С. 49–54.

Шалахов, 2015 — *Шалахов Е. Г.* Носители сейминско-турбинской традиции и «камень победы» (нефрит в эпоху героев и оловянных бронз) // Вопросы исторической науки: материалы III междунар. науч. конф. М.: Буки-Веди, 2015. С. 149–152.

Spearmen warriors of the Late Bronze Age in petroglyphs and archaeology of Eurasia

Evgeny G. Shalakhov[2]

The article is devoted to the study of archaeological sites of the paleometallic epoch discovered on the territory of Southern Siberia, Mongolia and Eastern Europe. The sources illustrating the existence of the cult of the military elite in the Late Bronze Age are analyzed. The prestigious bronze weapons found in the burials of the leaders of the Seima-Turbino nomadic groups and imprinted in rock art left by the oldest nomads of the Eurasian steppes are equipped with elements that emphasize the high social status of spearmen warriors.

Keywords: *archeology, military elite, petroglyphs, spearhead, nomads.*

2 Evgeniy G. Shalakhov — „Sheremetev's Castle", 1 Tsentralny Ave., Yurino, Republic of Mari El, 425370, Russian Federation; e-mail: shalahof@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8145-9889.

Об одной изобразительной манере на юге Западной Сибири в эпоху бронзы

Ю. И. Михайлов[1]

Аннотация: *Фигурка лыжника на ноже из Ростовки и каменные скульптурные миниатюры юга Западной Сибири и Казахстана эпохи бронзы обладают сходными изобразительными особенностями, которые указывают на принадлежность к общей художественной манере. Она предполагала анатомически достоверное изображение тела с крупной головой, детализированными конечностями, рельефными лопатками и моделированной шеей. В сокращенном варианте была представлена моделями мужских голов с пустыми глазничными впадинами, сомкнутым ртом и моделированными ушными раковинами. Последняя анатомическая деталь является обязательной для изображений обоих вариантов.*

Ключевые слова: *изобразительная манера, моделировка, пластика, скульптура, хронологический горизонт.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.393-396

В скульптурной композиции из могильника у деревни Ростовка головной убор фигурки лыжника — неглубокая круглая шапочка — оставляет открытыми уши и не вполне соответствует зимнему времени года (рис. 1, *6*). Рельефно моделированные лопатки создают впечатление, что шапочка и пояс — все немногое, что надето на тело лыжника, однако «героическая нагота» здесь, вероятно, ни при чем. Шапочка и пояс, возможно, символизировали одежду как таковую и подразумевали все остальные присущие этому образу облачения. Тем не менее мастера из Ростовки отнюдь не случайно интересовали возможности демонстрации анатомических подробностей человеческого тела. Моделируя их, он следовал определенной манере изображения телесных конструкций.

Эта изобразительная манера, судя по всему, имела достаточно широкое территориальное распространение. Сходные приемы создания пластических образов представлены каменными скульптурными изображениями двух сидящих персон с р. Тобол и каменным изваянием из окрестностей Атасу с моделированными чертами лица и конечностями (рис. 1, *1*, *3*). У одной из тобольских скульптур крупную голову на короткой шее покрывает округлая шапочка, которая оставляет открытыми рельефно выступающие уши (рис. 1, *1*). По общему мнению, эта шапочка сопоставима с головным убором ростовкинского лыжника (рис. 1, *6*).

Многократное фотоувеличение позволяет утверждать, что мастер из Ростовки отказался от изображения глаз и линии рта, подчеркнув наиболее выразительные детали лица лыжника — широкий нос и надбровные дуги (рис. 1, *6*). Моделированные надбровные дуги и пустые глазничные впадины также характеризуют каменные изображения сидящих персон. Эта же изобразительная манера, ориентированная на анатомически достоверные мужские образы, представлена скульптурными изображениями голов с детализированными чертами лица на каменных пестах из села Саввушка и с р. Нура (рис. 1, *2*, *4*).

Бронзовая фигурка лыжника из Ростовки и каменные скульптурные миниатюры, несмотря на различную технику исполнения, обладают сходными изобразительными особенностями, которые указывают на принадлежность к общей художественной манере. Она предполагает анатомически достоверное изображение тела с крупной головой, детализированными конечностями, рельефными лопатками и моделированной шеей. В сокращенном варианте эта изобразительная манера представлена моделями мужских голов с пустыми глазничными впадинами, сомкнутым ртом и рельефно моделированными ушными раковинами. Последняя анатомическая деталь является обязательной для изображений обоих вариантов.

Среди каменных антропоморфных изображений, обнаруженных на поселении Самусь IV, выделим скульптурное изображение с моделированным торсом и конечностями. По мнению автора исследований, фигурку характеризуют широкое низкое лицо и опущенные вниз плечи. Древний мастер рельефно изобразил короткий, умеренно выступающий нос, узкие или прищуренные глаза, а также твердый подбородок с узкими плотно сжатыми губами (*Васильев*, 2007. С. 119, рис. 7). К этому следует добавить, что мастер наделил голову ушными раковинами, которые отсутствуют у других самусьских изображений (рис. 1, *5*). Данная фигурка, изготовленная из агальматолита, рассматривается в качестве свидетельства существования «гранито-агальматолитового пути» из Тувы

1 Юрий Иннокентьевич Михайлов — ООО НПО «АрхеоПолис», пр. Ленина, 41–22, Кемерово, 650043, Российская Федерация; e-mail: kerbalyk@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4016-4563.

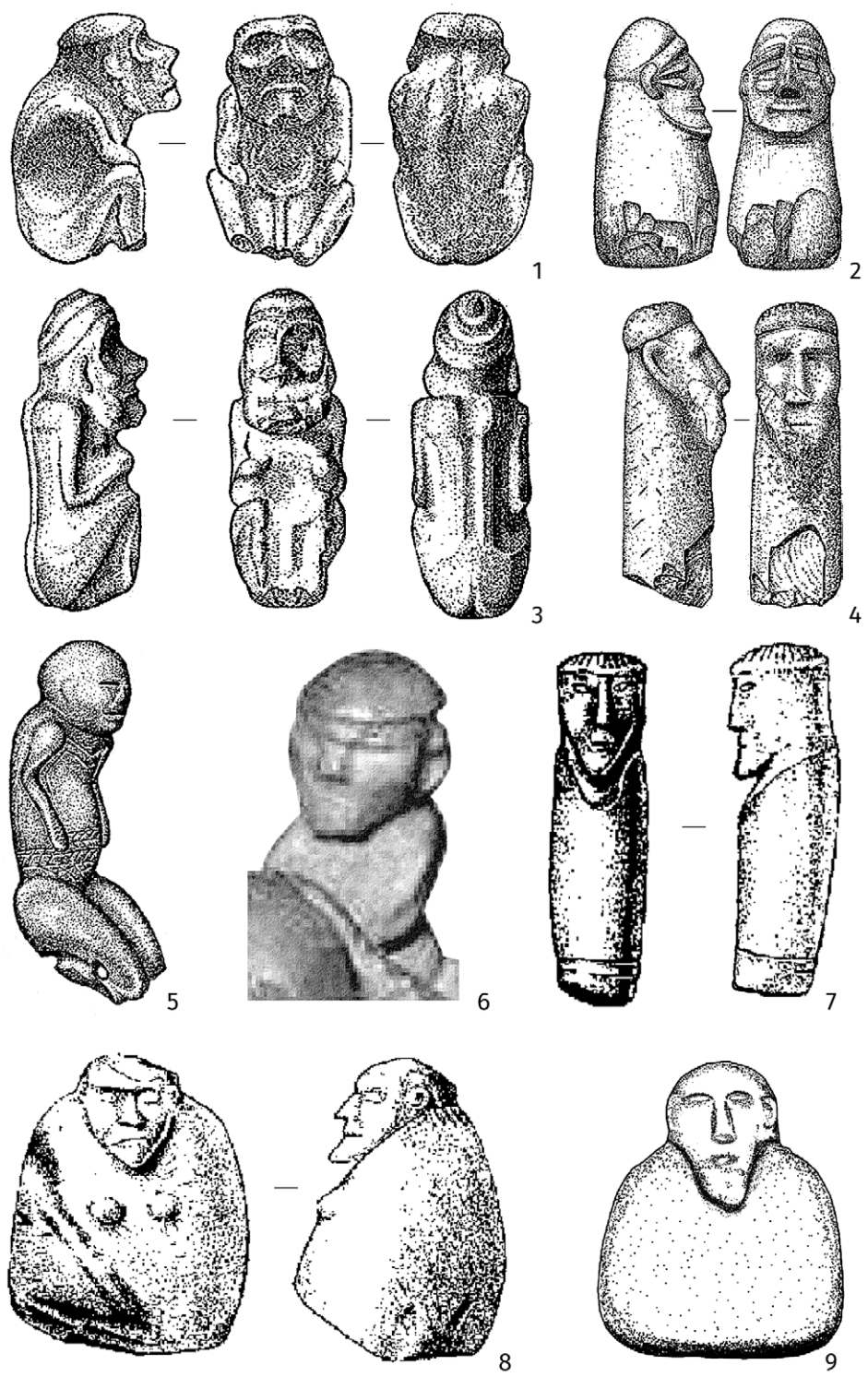

Рис. 1. Скульптурные изображения эпохи бронзы на юге Западной Сибири и их аналогии: *1* — р. Тобол (по: *Ковтун*, 2013. Табл. 29, *2*); *2* — р. Нура (по: *Ковтун*, 2013. Табл. 30, *1*); *3* — Атасу (по: *Ковтун*, 2013. Табл. 29, *3*); *4* — Саввушка (по: *Ковтун*, 2013. Табл. 30, *2*); *5* — Самусь IV (по: *Васильев*, 2007. Рис. 7); *6* — Ростовка (по: *Ковтун*, 2013. Табл. 36); *7*, *8* — Черновая XI (по: *Ковтун*, 2013. Табл. 30, *7*; *Леонтьев*, 2000. Рис. 1, *1*); *9* — Итколь II (по: *Лазаретов*, 2019. Рис. 5, *9*). Масштаб разный

Fig. 1. Sculptural images of the Bronze Age in the south of Western Siberia and their analogies: *1* — Tobol river (after *Ковтун*, 2013. Табл. 29, *2*); *2* — Nura river (after *Ковтун*, 2013. Табл. 30, *1*); *3* — Atasu (after *Ковтун*, 2013. Табл. 29, *3*); *4* — Savvushka (after *Ковтун*, 2013. Табл. 30, *2*); *5* — Samus' IV (after *Васильев*, 2007. Рис. 7); *6* — Rostovka (after *Ковтун*, 2013. Табл. 36); *7*, *8* — Chernovaya XI (after *Ковтун*, 2013. Табл. 30, *7*; *Леонтьев*, 2000. Рис. 1, *1*); *9* — Itkol' II (after *Лазаретов*, 2019. Рис. 5, *9*). Different scales

и северо-восточных предгорий Кузнецкого Алатау на р. Томь. Этот путь играл существенную роль в предполагаемых самусьско-окуневских связях (*Ковтун*, 2013. С. 303–304).

В окуневских погребальных комплексах на Среднем Енисее обнаружены миниатюрные реалистические изображения женских головок на стерженьках из стеатита. Их отличает овальное вытянутое лицо с заостренным подбородком, прямым носом, узкими глазами и маленьким ртом (*Вадецкая и др.*, 1980. С. 52). В районе висков изображены украшения — серьги, но истинное место их крепления можно определить лишь предположительно, так как до сих пор не обнаружены экземпляры с изображением ушных раковин. В этом отношении особенно показательна стеатитовая женская головка из могильника Черновая XI. У этой скульптурной миниатюры полностью открыты виски, которые в других случаях декорированы височными кольцами. Однако, даже открыв виски, мастер не стал изображать уши (рис. 1, *7*).

Иную технико-стилистическую трактовку головы представляет каменная фигурка, обнаруженная в этом же погребальном комплексе (*Леонтьев*, 2000. Рис. 1, *1*). Массивное лицо скульптурной миниатюры детализировано длинным носом, выдающимся вперед подбородком и округлыми ушными раковинами. Анатомические подробности массивного торса, за исключением груди, не проработаны (рис. 1, *8*). Объемные изображения молочных желез позволяют сопоставить миниатюру из Черновой XI с соматическими композициями на окуневских каменных изваяниях, в которых антропоморфные личины сочетаются с рельефными округлыми выпуклостями женской груди. В большинстве случаев абрис личин имеет форму более или менее правильного овала благодаря массивному длинному подбородку.

Таким образом, удлиненный подбородок скульптурной миниатюры из Черновой XI является характерным признаком окуневской изобразительной традиции, однако изображения ушей выделяют эту фигурку в ряду других объемно-пластических образов. Найденная вместе с ней стеатитовая головка на стерженьке демонстрирует еще одну новую деталь в анатомически достоверном образе человека — моделированная шея. Пластическая передача шеи и торса характеризует позднейший этап развития окуневской изобразительной традиции (*Савинов*, 2005). Каменные фигурки из могильников Разлив X и Черновая XI были включены в материальный комплекс «разливского хронологического горизонта» и датированы XIX–XVIII вв. до н. э. (*Лазаретов*, 2019. Рис. 7, *1–4*).

Если придерживаться современной хронологии окуневских комплексов, то наиболее ранним свидетельством появления новой изобразительной манеры на Среднем Енисее следует считать каменную фигурку из окуневского могильника Итколь II (курган № 26). Массивная, лишенная шеи голова укреплена на схематичном объемном торсе, глаза оформлены надбровными дугами. Наиболее выразительная деталь — мощный и неестественно длинный подбородок неправильной формы. На его фоне теряется едва намеченный узкий рот, однако мастер рельефно изобразил уши (рис. 1, *9*). Эта фигурка включена в корпус древностей «лебяжинского хронологического горизонта» и датирована XXIII в. до н. э. (*Лазаретов*, 2019. С. 42). Несмотря на морфологические особенности, она обладает существенными признаками окуневских антропоморфных изображений — массивный и длинный подбородок.

Наличие или отсутствие ушных раковин у пластических антропоморфных образов весьма показательная, но не единственная особенность новой изобразительной манеры. Поэтому обратим внимание на то, что в тех южносибирских художественных традициях, где их изображение не являлось обязательным, появление этой анатомической детали сочетается с объемно моделированным торсом (Итколь II, Черновая XI) или телом (Самусь IV). Подобные пластические изображения являются уникальными для окуневской и самусьской традиций. Их появление логично рассматривать в едином культурно-хронологическом контексте с изобразительной манерой, своеобразно воплощенной в фигурке ростовкинского лыжника. Ее широкое территориальное распространение, вероятно, следует связывать с торгово-обменными связями. Поэтому специально отметим, что в окуневском кургане Черновая XI, кроме описанных выше фигурок, обнаружена половина нефритового кольца, а вместе с ножом из Ростовки — нефритовые бусы. С учетом приведенных наблюдений каменную фигурку из могильника Итколь II, вероятно, более правомерно рассматривать в рамках черновского этапа (XXII–XX вв. до н. э.), с которым связано распространение оловянных бронз на территории Минусинских котловин (*Поляков*, 2022. С. 170).

Свидетельства новой изобразительной манеры в окуневском художественном творчестве хронологически совпадают с практикой изготовления подчеркнуто антропоморфных образов, которая воплотилась в анатомически достоверной иконографии каменных головок на стерженьках. Эти художественные новшества черновского этапа контрастно сочетаются с более ранней изобразительной манерой антропоморфных личин, наделенных круглыми звериными глазами и хищной «тотемной» улыбкой.

Фигурка ростовкинского лыжника демонстрирует экспрессию мощного тела, однако ее обобщенно моделированное лицо напоминает маску (рис. 1, *6*).

Новая манера, используя «язык мускулов», была безразлична к передаче эмоциональных состояний. Данная особенность характеризует тобольские каменные фигурки. Еще более наглядно это творческое решение воплощают фигурки галичских идолов с мускулистым телом и маской вместо лица.

Вадецкая и др., 1980 — *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.

Васильев, 2007 — *Васильев Е. А.* Самусь IV: старые проблемы на фоне новых исследований // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во ТомГУ, 2007. С. 114–127.

Ковтун, 2013 — *Ковтун И. В.* Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: ASIA–PRINT, 2013. 702 с.

Лазаретов, 2019 — *Лазаретов И. П.* Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019. Т. 28. № 4. С. 15–50.

Леонтьев, 2000 — *Леонтьев С. Н.* Мелкая пластика окуневской культуры из кургана Черновая-XI // Вестник САИПИ. 2000. № 3. С. 15–17.

Поляков, 2022 — *Поляков А. В.* Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Савинов, 2005 — *Савинов Д. Г.* К проблеме выделения позднейшего этапа окуневской культуры // ТПАИ. 2005. Вып. 1. С. 28–34.

About one pictorial manner in the south of Western Siberia in the Bronze Age

Yury I. Mihailov[2]

The figure of a skier on a knife from Rostovka and stone sculptural miniatures of the south of Western Siberia and Kazakhstan of the Bronze Age, despite the different technique of execution, have similar pictorial features that indicate belonging to a common artistic manner. It assumed an anatomically reliable image of the body with a large head, detailed limbs, relief shoulder blades and a simulated neck. In an abbreviated version was represented by models of men's heads with empty ocular shells, a closed mouth and modeled auricles. The last anatomical detail is necessarily for the images of both variants.

Keywords: *pictorial manner, modeling, plastic, sculpture, chronological horizon.*

2 Yury I. Mikhailov — Scientific and Production Association „ArcheoPolis", 41–22 Lenin Ave., Kemerovo, 650043, Russian Federation; e-mail: kerbalyk@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4016-4563.

Хорология и хронология оленных камней Тувы[1]

М. Е. Килуновская[2]

Аннотация. *На территории Тувы в погребальных и ритуальных комплексах предскифского и раннескифского времени известно около 150 оленных камней. Выделяются три основных ареала, соответствующих определенным географическим и историческим регионам: Турано-Уюкская котловина, в которой оленные камни имеют определенное отношение к «большим» курганам раннескифского времени, таким как Аржан-1 и Аржан-2, Чинге-Тей и др.; Центрально-Тувинская котловина, где ареал оленных камней совпадает с распространением памятников алды-бельской культуры (VIII–VI вв. до н. э.); южные районы Тувы, прилегающие к Убсу-нурской котловине и Монголии, в которых оленные камни связаны с херексурами (IX–VI вв. до н. э.).*

Ключевые слова: *Тува, оленные камни, ареалы, хронология.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.396-400

Оленные камни — монументальные изваяния из гранита, базальта или песчаника, распространенные на широких пространствах евразийских степей. Они не случайно привлекают внимание многих исследователей, так как маркируют переход от предскифского к скифскому периоду формирования кочевых куль-

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Марина Евгеньевна Килуновская — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: kilunmar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166.

тур. Анализ оленных камней как замкнутого археологического комплекса может дать ответы на вопросы, связанные с историко-археологическими интерпретациями. Цель нашего исследования — проследить закономерности нахождения камней разных типов в разных географических ареалах, т. е. их хорологию (*Malmer*, 1981), и ее зависимость от времени распространения, т. е. от хронологии (*Килуновская*, 2018).

Мы придерживаемся принятой типологии оленных камней: 1-й тип, с орнаментально-стилизованными изображениями, — монголо-забайкальский; 2-й тип, с реалистическими изображениями животных, — саяно-алтайский; 3-й тип, смешанный или переходный; 4-й тип, без четкой структуры и зачастую без изображений, — общеевразийский. Однако мы отчетливо понимаем, что эта схема довольно условна. Если первые три типа выделяются на основе стиля и в принципе отражают хронологические и региональные особенности, то четвертый определяется довольно условно, по принципу исключения. Наличие или отсутствие изображений животных не связано с хронологией или ареалом распространения, а скорее всего, зависит от семантических особенностей памятника (*Савинов*, 1994. С. 115–116).

Тува является одним из центров распространения оленных камней (рис. 1), и первый ареал — это Турано-Уюкская котловина. Здесь найдены камни разных типов. В первую очередь высокие (более 2,5 м) стелы с изображениями животных в «реалистическом» стиле — Уюк-Туран (Первый Туранский камень), Оорзак-Аксы и Уюк-Аржан. Эти камни были переиспользованы — их покрывают рунические надписи. Интересны камни, которые по описаниям найдены около впадения р. Тарлак в Уюк, — Уюк-Тарлак 1 и Уюк-Тарлак II. На них показаны «диадемы», «серьги», «ожерелье», три косые полосы и пояс, а также фигуры, которые можно интерпретировать как щиты, а на Уюк-Тарлак 1 — фигуры свернувшихся в кольцо пантер, кабан с подогнутыми ногами, фигуры оленей, «зеркало», нож в чехле. Благодаря сохранившимся фотографиям И. С. Гранё в историческом архиве Финляндии, скопированном Е. А. Миклашевич, К. В. Чугунов нашел то место, где стоял этот камень — недалеко от кургана Чинге-Тей.

В долине р. Уюк найдены три камня с изображениями в монголо-забайкальском стиле — Чингетаг, Белое озеро, второй Туранский камень и Кош-Пей. Последний камень находился на склоне горы Кош-Пей, где Л. С. Марсадоловым раскопан комплекс ритуальных выкладок Аржан III (*Марсадолов*, 2005). В кургане Аржан-1 обнаружен обломок оленного камня с изображениями оленей и кабанов в аржано-майэмирском стиле (*Грязнов*, 1978. Рис. 4, *2*). По мнению К. В. Чугунова, он стоял в центре, в ряду деревянных столбов, установленных до покрытия кургана каменным панцирем и играющих «определенную роль в погребально-поминальной церемонии». Подобная картина прослежена исследователем и на кургане Аржан-2, где были найдены два оленных камня и стела (*Чугунов*, 2007. С. 107). На Чинге-Тей также были обнаружены оленные камни, один из которых лежал в основании кладки кромлеха, а другой — напротив воинского погребения. К. В. Чугунов подчеркивает, «что находка целых стел в конструкции кургана Чинге-Тей еще раз демонстрирует участие изваяний в погребальном обряде» (*Чугунов*, 2014).

На камнях из Аржана III и Чинги-Тея была изображена человеческая ладонь, которая также представлена на стеле, найденной С. А. Теплоуховым в 1,5 км к С от пос. Уюк (*Килуновская, Семенов*, 2018). Об этом камне, как и о трех камнях, обнаруженных около оз. Белое и у д. Уюк, мы знаем по публикации М. П. Грязнова (*Грязнов*, 1978. Рис. 4).

В Пий-Хемском районе С. И. Вайнштейном обнаружен оленный камень около пос. Суш. Это высокий валун серого песчаника (около 2 м), у которого при определенном освещении в верхней части слабо читается изображение личины и три косые полосы, ожерелье и серьги с шаровидной подвеской. Изображенные на нем животные — кони и олени — воспроизведены в стиле, сочетающем в себе черты саяно-алтайского и монголо-забайкальского канонов, поэтому мы отнесли этот памятник к переходному типу (*Килуновская, Семенов*, 1998. С. 151–152). Недалеко от пос. Суш на р. Бегире (Бегреда) А. В. Адриановым был раскопан курган алды-бельской культуры, в восточной поле которого стоял камень (сохранился только на прорисовке) с изображением оленя и козла в стиле петроглифов, клевца, а в верхней части показан нос (?) (*Кызласов*, 1978. С. 26–27, рис. 1, *3*). На скалах Бегреды зафиксирована композиция в стиле оленных камней (*Килуновская*, 2002).

Другой регион, где встречаются оленные камни, — это Центральная Тува. В основном это камни общеевразийского типа, найденные в сооружениях алды-бельских курганов, — Копто, Догээ-Баары (2 шт.), Бай-даг 1, Бай-Даг 8 (2 шт.), Эки-Оттуг 1 (2 шт.) и Эки-Оттуг 2 (2 шт.). Один камень находился в кольце херексура Хорум. Под горой Чарга исследован комплекс из семи ритуальных кольцевидных выкладок, выстроившихся в цепочку в направлении С–Ю, где было обнаружено два оленных камня, на одном из которых выбита личина (*Килуновская, Семенов*, 2018). Чаргинские камни являются примером зарождения скифо-сибирского канона. На левом берегу Енисея камни без изображения животных представлены на могильниках Красная Горка 2 и Красная Горка 19. Они переиспользованы в позднескифском и средневековых комплексах. Оленный камень без фигур находился в ограде херексура

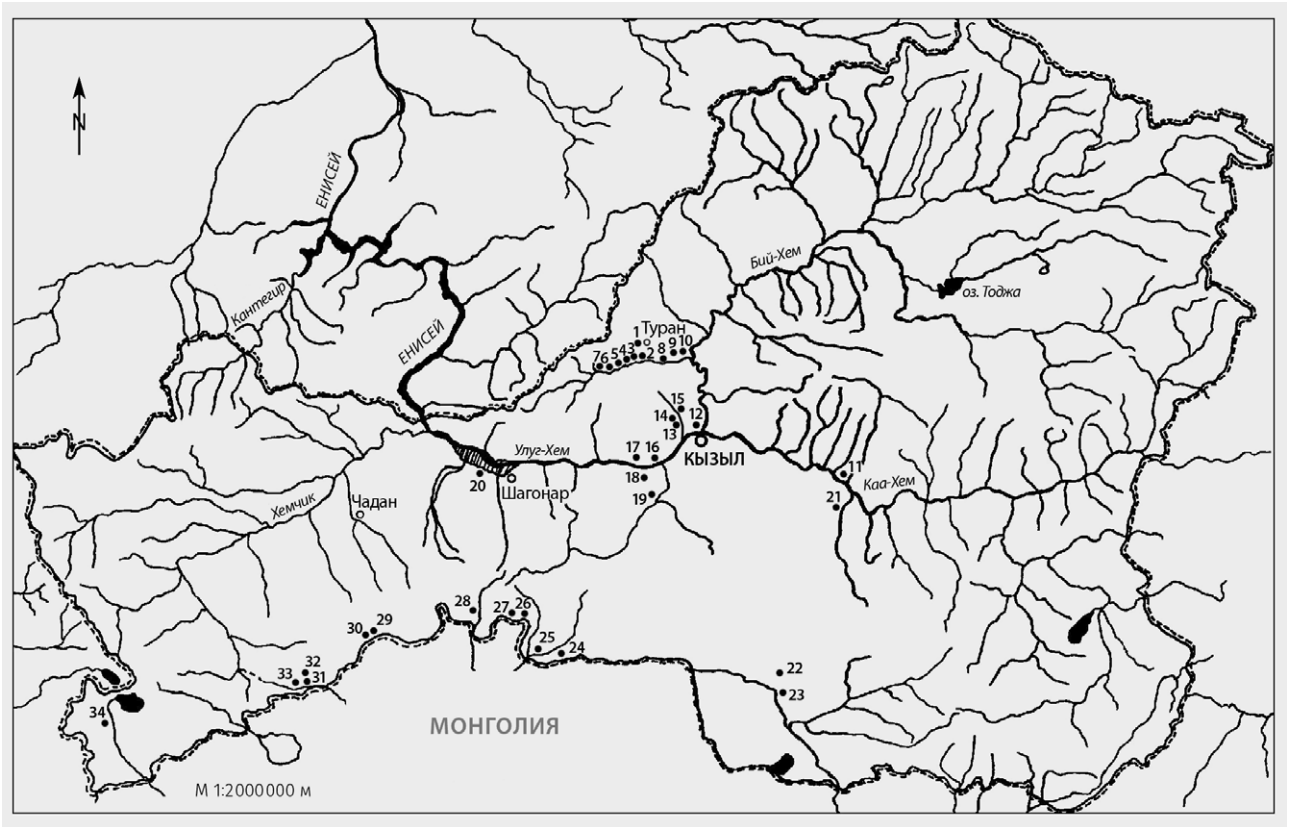

Рис. 1. Карта местонахождения оленных камней в Туве: *1* — Первый и Второй Туранские камни; *2* — оз. Белое; *3* — Аржан-2; *4* — Аржан-1, комплекс камней у г. Кош-Пей, Уюк-Аржан, Оорзак-Аксы; *5* — Чингетаг; *6* — Чинге-Тей; *7* — Уюк-Тарлак I, II; *8* — у пос. Уюк; *9* — Сушинский камень; *10* — Бегреда; *11* — Копто; *12* — Догээ-Баары; *13* — Бай-Даг 1, 8; *14* — Бай-Даг 6; *15* — Эки-Оттуг 1, 2; *16* — Чарга 1, 2; *17* — Хорум; *18* — Красная Горка 2, 19; *19* — Элегест I, III, IV; *20* — Аргалыкты XIII; *21* — Больший Ажик; *22* — гора Сайгын (Самагалтайский, Эрзинский, Боорбак-Арыг, Ортаа-Тей, Самагалтай 3); *23* — Кёжээлиг-Хову; *24* — Бош-Таг; *25* — Халыр; *26* — Адыр-Тей; *27* — Шоолу-Хову; *28* — Кара-Туруг 2; *29* — Ховужук-Аксы; *30* — Тула-Ховужук; *31* — Улуг-Хорум; *32* — Ов-60–3; *33* — Саглы-Бажи VI; *34* — Хоолаш

Fig. 1. Map of the location of deer stones in Tuva: *1* — First and Second Turan stones; *2* — lake White; *3* — Arzhan-2; *4* — Arzhan-1, a complex of stones near the town of Kosh-Pei, Uyuk-Arzhan, Oorzak-Aksy; *5* — Chingetag; *6* — Chinge-Tei; *7* — Uyuk-Tarlak I, II; *8* — near the village Uyuk; *9* — Sushinsky stone; *10* — Begreda; *11* — Copto; *12* — Dogee-Baary; *13* — Bai-Dag 1, 8; *14* — Bai-Dag 6; *15* — Eki-Ottug 1, 2; *16* — Charga 1, 2; *17* — Khorum; *18* — Krasnaya Gorka 2, 19; *19* — Elegest I, III, IV; *20* — Argalykty XIII; *21* — Big Azhik; *22* — Mount Saigyn (Samagaltai, Erzin, Boorbak-Aryg, Ortaa-Tei, Samagaltai 3); *23* — Kyozhelig-Khovu; *24* — Bosch Tag; *25* — Halyr; *26* — Adyr-Tei; *27* — Shoolu-Hovu; *28* — Kara-Turug 2; *29* — Khovuzhuk-Aksy; *30* — Tula-Khovuzhuk; *31* — Ulug-Khorum; *32* — Ov-60–3; *33* — Sagly-Bazhi VI; *34* — Hoolash

на могильнике Аргалыкты XIII (*Савинов*, 1994. С. 43). Интересный комплекс из трех стоящих в ряд камней известен на р. Баян-Кол, в 2,5 км к западу от р. Ээрбек (*Кызласов*, 1978. С. 27–28, рис. 1, *4*).

Необходимо отметить три камня, обнаруженных И. Аспелиным и И. Гранё на р. Элегест, — Элегест I, III, IV, на которых кроме изображений животных (на первом — оленей, кабана и козла в аржано-майэмирском стиле), диадемы, пояса, трех косых полос и оружия были нанесены рунические надписи (*Васильев*, 1983. С. 18–19, 88–89).

Третий ареал распространения оленных камней — это юг Тувы: Эрзин, Овюр и Монгун-Тайга. Они связаны с херексурами. Памятников алды-бельской культуры здесь пока не известно. Целый комплекс камней в монголо-забайкальском стиле находился в Эрзине у горы Сайгын, недалеко от Самагалтая (они были использованы в древнетюркских комплексах и имеют рунические надписи): Самагалтайский (Первый Сайгынский) камень, Сайгынская плита (Эрзинский камень), Второй Сайгынский камень (Боорбак-Арыг), Ортаа-Тей (Самагалтайский валун). Здесь же был обнаружен камень в виде фигуры человека (Самагалтай № 3) (*Кызласов*, 1978. Рис. 3, *2*; *Грязнов*, 1978. Рис. 4, *9*). Ю. С. Худяковым во время разведки на юге Тувы на северном берегу Убсу-Нура зафиксировано несколько камней общеевразийского типа: между Самагалтаем и Хандагайты — Боош-таг, Халыр (2 шт.), Адыр-Тей (1 шт. — изображена голова с проработанными ушами), Шоолуг-Хову (*Плотников*, *Худяков*,

1987. С. 108–109, рис. 2). В степи Кежээлиг-Хову на правом берегу р. Тес-Хем Л. Р. Кызласовым были осмотрены два высоких оленных камня (около 2 м), которые стояли в ряду из шести менгиров, на одном из них показан пояс — орнамент из треугольников с точкой в центре (*Кызласов*, 1978. С. 29, рис. 2, *1, 2*).

Самое большое количество оленных камней обнаружено в Овюре. На Южном Торгалыке — на могильнике Кара-Туруг 2 (2 шт.), около пос. Саглы — из кургана Ов-60–3 (2 шт.), Саглы-Бажи VI (2 шт.) и один из херексура Улуг-Хорум. Наиболее внушительный комплекс, включающий оленные камни и херексуры, исследован в ур. Ховужук-Аксы. Здесь обнаружено 34 стелы, на некоторых из которых есть изображения животных, колесниц, оружия и др. Часть их переиспользована в древнетюркских оградах, часть разрушена в процессе распашки, но удалось обнаружить один ритуальный комплекс, в котором *in situ* зафиксирован ряд из трех камней. Меньший по размерам памятник с оленными камнями и херексурами исследован в ур. Тула-Ховужу, где есть ряд из восьми камней, на одном из которых читаются фигуры оленей в монголо-забайкальском стиле.

Два оленных камня с изображениями оленей в монголо-забайкальском стиле лежали около цист в кургане-херексуре Хоолаш (*Килуновская, Семенов*, 1998. Рис. 1, *1, 2*). Изображения на них не имеют следов выветривания, они неглубокие, но очень четкие. Это свидетельствует о том, что камни никогда не стояли, а были изначально «похоронены» под насыпью кургана, который можно отнести к аржанскому этапу и датировать IX–VIII вв. до н. э.

Таким образом, можно выделить три ареала распространения оленных камней в Туве. В первом представлены камни всех типов, причем камни с изображениями в саяно-алтайском (или аржано-майэмирском) и монголо-забайкальском стилях — это высокохудожественные монументальные стелы, которые, по-видимому, стояли около больших («царских») курганов раннескифского времени, распространенных в Турано-Уюкской котловине, в том числе и около Аржана-1. Камни «общеевразийского» типа находятся непосредственно в погребальных комплексах, и они могли как бы маркировать пространство кургана, а могли служить подобием кенотафов, т. е. замещать реальные захоронения. Такие камни широко представлены во втором ареале, безусловно связанном с первым. Здесь камни являются непосредственным компонентом курганов алды-бельской культуры (VIII–VI вв. до н. э.). Только на могильнике Чарга обнаружены камни с изображениями, которые находились в ритуальном комплексе. Третий ареал непосредственно примыкает к Монголии, и оленные камни здесь связаны с курганами типа херексуров, которые здесь датируются предскифским-раннескифским временем (IX–VI вв. до н. э.). Однако камни в монголо-забайкальском стиле обнаружены только на западе — в Монгун-Тайге на могильнике Холаш и на востоке — около горы Сайгын. Интересный комплекс исследован на могильнике Ховужук-Аксы, в котором на камнях нанесены изображения в саяно-алтайском стиле.

Васильев, 1983 — *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических надписей бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 127 с.

Грязнов, 1978 — *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. 1978. № 154 (Ранние кочевники). С. 9–18.

Килуновская, 2002 — *Килуновская М. Е.* Композиция в стиле оленных камней на скалах Бегреды // Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований. Кызыл, 2002. Вып. XIX. С. 136–141.

Килуновская, 2018 — *Килуновская М. Е.* Археологические памятники на границе Тувы и Монголии (проблемы культурной принадлежности и хронологии) // НОСА. 2018. № 1 (21). Серия: Археология. Вып. 5. С. 35–54.

Килуновская, Семенов, 1998 — *Килуновская М. Е., Семенов Вл. А.* Оленные камни Тувы (ч. 1. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // АВ. 1998. Вып. 5. С. 143–154.

Килуновская, Семенов, 2018 — *Килуновская М. Е., Семенов Вл. А.* Антропоморфные элементы на оленных камнях Тувы и Монголии // Записки ИИМК РАН. 2018. № 18. С. 50–59.

Кызласов, 1978 — *Кызласов Л. Р.* К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 25–30.

Марсадолов, 2005 — *Марсадолов Л. С.* «Оленные» камни из поселка Аржан в Центре Азии // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. Сб. статей / Ред. и сост.: В. И Гуляев и др. М.: ИА РАН, 2005. С. 301–311.

Плотников, Худяков, 1987 — *Плотников Ю. А., Худяков Ю. С.* Оленные камни Южной Тувы // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология / Отв. ред.: А. И. Мартынов, В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 108–112.

Савинов, 1994 — *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.

Чугунов, 2007 — *Чугунов К. В.* Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 105–109.

Чугунов, 2014 — *Чугунов К. В.* Оленные камни Чинге-Тея (предварительное сообщение) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 136–140.

Malmer, 1981 — *Malmer M.* A chorological study of North European rock art. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1981. 144 p.

Chrology and chronology of deer stones of Tuva

Marina E. Kilunovskaya[3]

About 150 deer stones are known in the burial and ritual complexes of the pre-Scythian and Early Scythian times on the territory of Tuva. There are three main areas corresponding to certain geographical and historical regions: the Turano-Uyuk basin, in which the deer stones are definitely related to the „large" mounds of Early Scythian time, such as Arzhan-1 and Arzhan-2, Chinge-Tei, etc., the Central Tuva basin — where the area of deer stones coincide with the spread of the Aldy-Belsky culture (8th–6th cent. BC); the southern regions of Tuva, adjacent to the Uvs-Nur basin and Mongolia, in which deer stones are associated with the Xereksurs (9th–6th cent. BC).

Keywords: *Tuva, deer stones, Sayano-Altai type, Mongol-Transbaikal, pan-Eurasian.*

3 Marina E. Kilunovskaya — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186; e-mail: kilunmar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166.

«Оленные» камни Алтая[1]

А. А. Тишкин[2]

Аннотация. *В аржано-майэмирское время Алтай являлся полупериферией архаичной кочевой империи, которая связывается автором с культурой херексуров и «оленных» камней. Памятники указанной общности были распространены на территории Центральной Азии. На Алтае древние изваяния обнаружены при раскопках курганов бийкенской культуры. Они демонстрируют простое оформление. При этом зафиксированы «оленные» камни, схожие с центральноазиатскими, а также отличающиеся от них. Отдельное место занимает Чуйский «оленный» камень. В рамках реализуемого проекта проводится работа по обобщению имеющихся сведений и современной документации своеобразных «статуй».*

Ключевые слова: *Алтай, «оленные» камни, аржано-майэмирское время, бийкенская культура, копирование, фотограмметрия.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.400-403

В рамках гранта РНФ проводится работа по формированию цифрового каталога «оленных» камней с использованием современных методов документирования и разнообразных технических средств. Для этого осуществляется историографический анализ имеющихся сведений о древних изваяниях, которые были обнаружены на территории разных культурно-исторических областей. Первое крупное исследование «оленных» камней Алтая осуществил В. Д. Кубарев (*Кубарев*, 1979). Опубликованная монография до сих пор не потеряла своего значения. Важный вклад в изучение рассматриваемого феномена внес Д. Г. Савинов (*Савинов*, 1994), обобщив ранее полученные обширные материалы и открывший ряд древних изваяний в Кош-Агачском районе нынешней Республики Алтай.

В. Д. Кубарев (2004. С. 282) в начале XXI в. фиксировал более 100 «оленных» камней, найденных на Алтае. По сравнению с Монголией такая цифра кажется не столь значительной (*Волков*, 2002). Она отражает два основных аспекта: нахождение Алтая в полупериферийной зоне некогда существовавшей архаичной кочевой империи (*Тишкин*, 2017) и недостаточное изучение памятников аржано-майэмирского времени. Трехтомный каталог «оленных» камней, совсем недавно опубликованный монгольскими коллегами, содержит краткую информацию (с иллюстрациями) о более

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

2 Алексей Алексеевич Тишкин — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61; Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID:0000-0002-7769-136X.

1300 таких изваяний из разных аймаков Монголии (Монгол…, 2021; *Төрбат и др.*, 2021). К ним добавлены данные по другим территориям. Несмотря на то, что не все находки удалось отразить в этом каталоге, указанный огромный массив источников будет основой для более детального представления их в рамках планируемого цифрового каталога и при изучении всей совокупности огромного информационного потенциала, запечатленного в имеющихся изображениях.

Основная часть зафиксированных «оленных» камней находится на территории Южного и Юго-Восточного Алтая около Монголии (*Кубарев*, 1979, 2004; *Могильников*, 1980; *Марсадолов*, 2007; и др.). Несомненную важность представляют исследования «элитного» кургана на памятнике Ак-Алаха-II (плато Укок), где обнаружено «…20 камней типа "оленных", составляющих с курганом один комплекс, тринадцать с восточной стороны и семь с западной» (*Полосьмак*, 1993. С. 21–22, рис. 1–7). Непосредственно над погребением стояло изваяние высотой 43 см (рис. 1, *1*). Такие совсем небольшие обелиски с изображениями (рис. 1, *2, 3*) в совокупности с полученными находками демонстрируют ранний этап формировавшейся традиции. Кроме них, на Укоке известны крупные «оленные» камни другого типа (*Молодин и др.*, 2004).

Следует отметить, что часть изваяний аржано-майэмирского времени на Алтае обнаружена не на своем первоначальном месте. Они могли быть переиспользованы в разных целях, а также повалены, повреждены или вообще разбиты. При раскопках на памятнике Бийке зафиксирована непосредственная связь погребений с выявленными своеобразными стелами и обелисками, имеющими утрированные черты антропоморфных фигур (*Тишкин*, 1996. Рис. 8; 9; 17; 18; 26; 32). На большинстве из них отсутствовали какие-либо изображения (рис. 1, *5–8*). Подобные «изваяния» и простые «оленные» камни с минимумом изображений отмечены на других объектах бийкенской археологической культуры, памятники которой относительно хорошо изучены на территории Северного Алтая (*Кирюшин, Тишкин*, 1997; *Тишкин, Горбунов*, 2005. С. 111–127; *Суразаков, Тишкин*, 2007; и др.).

Дальнейшие перспективы для выявления «оленных» камней имеет Юго-Восточный Алтай, где наряду с хорошо известными изваяниями (рис. 1, *4, 10, 11*) обнаруживаются новые (рис. 1, *9*) (*Кубарев*, 1979. Табл. II–X; *Марсадолов*, 2007. Рис. 46–49). На территории Северо-Западного и Юго-Западного Алтая также фиксируются разные типы рассматриваемых «статуй» аржано-майэмирского времени (*Гельмель и др.*, 1995. С. 16; *Марсадолов, Самашев*, 2000. С. 26, рис. 39; *Дашковский*, 2014; и др.). Более тщательные обследования необходимо провести в Центральном Алтае, где пока известно мало «оленных» камней, и они имеют свою специфику, что демонстрируют, например, изваяния у села Иня (*Тишкин*, 2005. С. 178, рис. 1, *3*, рис. 2, *1*). Отдельное место среди них занимает Чуйский «оленный» камень (рис. 1, *12*). Информация о нем отражена в целом ряде публикаций (*Кубарев*, 1979. С. 10–12, 28, 85, рис. 29, табл. I; *Могильников*, 1980; *Марсадолов*, 2007; и др.).

В настоящее время требуется обобщение всех полученных данных. Сделанная микалентная копия (рис. 1, *12*) создает возможность для дальнейшего изучения Чуйского «оленного» камня с изображениями более раннего и позднего времени. Также осуществлена фотограмметрия и создана его 3D-модель. Детальная работа с эстампажем и с множеством фотоснимков потребует времени для полной обработки. Но при этом имеется хорошая перспектива для прорисовки деталей, что необходимо и для сохранения памятника, который находится в аварийном состоянии. Исходя из вышеизложенного, видно, что реализация намеченной программы потребует существенных усилий.

Волков, 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 258 с.

Гельмель и др., 1995 — *Гельмель Ю. И., Демин М. А., Ситников С. М., Шульга П. И.* Работы в долине р. Сентелек // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. 1995. Вып. IV. С. 13–16.

Дашковский, 2014 — *Дашковский П. К.* Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2014. Вып. 7. С. 46–63.

Кирюшин, Тишкин, 1997 — *Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. 232 с.

Кубарев, 1979 — *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Кубарев, 2004 — *Кубарев В. Д.* Оленный камень из Кызыл-Джара // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 279–283.

Марсадолов, 2007 — *Марсадолов Л. С.* Отчет об исследовании древних святилищ в 2003–2005 годах. СПб.: ГЭ, 2007. 278 с.

Марсадолов, Самашев, 2000 — *Марсадолов Л. С., Самашев З. С.* Изучение археологических памятников Западного Алтая // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. Вып. 3. 72 с.

Могильников, 1980 — *Могильников В. А.* Два оленных камня с Алтая // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 68–71.

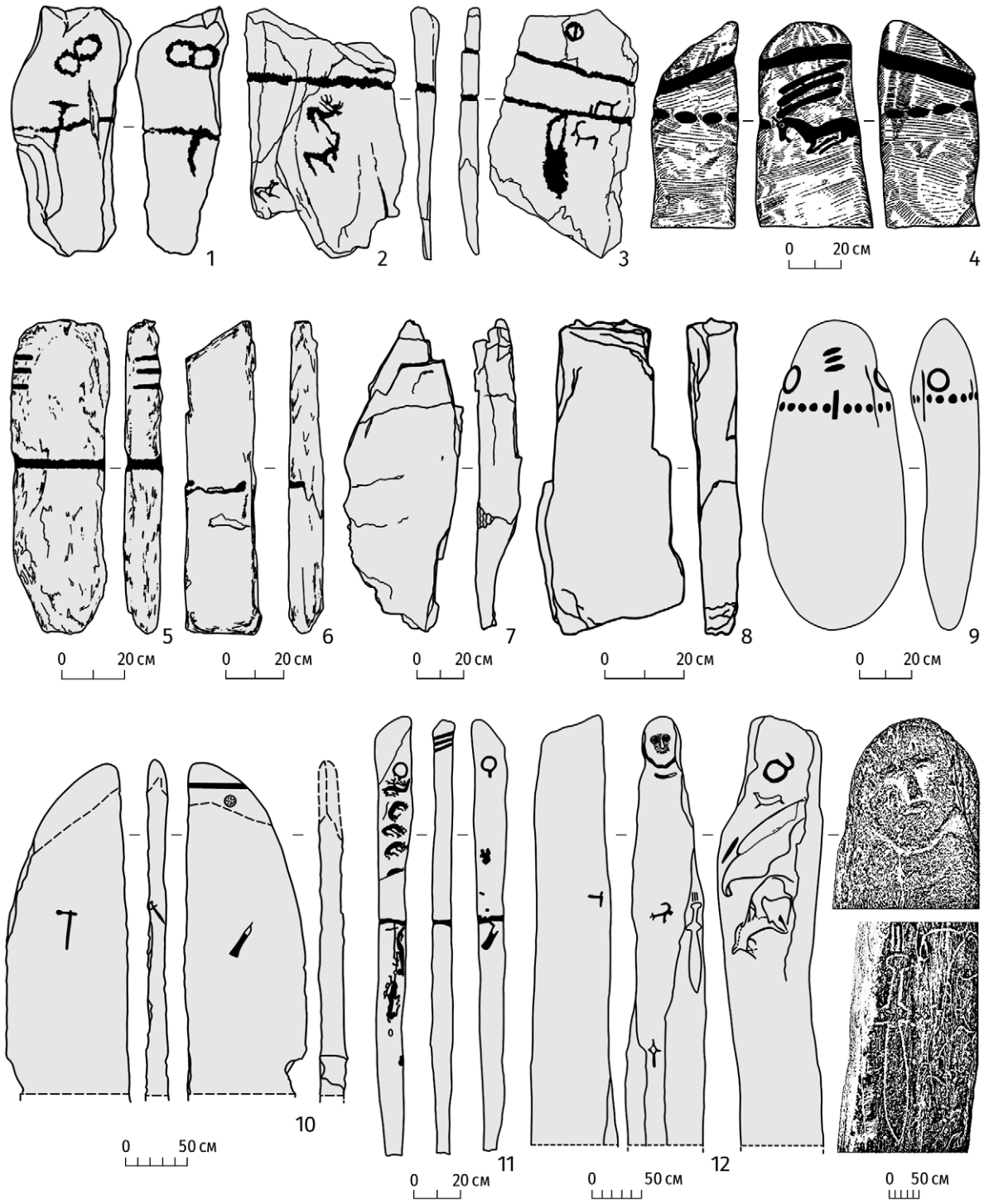

Рис. 1. Некоторые находки «оленных» камней на Алтае: *1–3* — Ак-Алаха-II; *4* — Кара-Дюргун; *5–8* — Бийке; *9–11* — Юстыд; *12* — Чуйский «оленный» камень

Fig. 1. Some finds of „deer" stones in Altai: *1–3* — Ak-Alakha-II; *4* — Kara-Dyurgun; *5–8* — Biyke; *9–11* — Yustyd; *12* — Chuysky „deer" stone

Молодин и др., 2004 — *Молодин В. И., Черемисин Д. В., Новиков А. В.* Оленные камни Аргамджи (плоскогорье Укок) // АЭАЕ. 2004. № 4 (20). С. 57–63.

Полосьмак, 1993 — *Полосьмак Н. В.* Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. 1993. № 3. С. 21–31.

Савинов, 1994 — *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.

Суразаков, Тишкин, 2007 — *Суразаков А. С., Тишкин А. А.* Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: Азбука, 2007. 232 с.

Тишкин, 1996 — *Тишкин А. А.* Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 20–54.

Тишкин, 2005 — *Тишкин А. А.* Новые и известные находки каменных стел и изваяний скифского времени на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2005. Вып. XIV. С. 171–179.

Тишкин, 2017 — *Тишкин А. А.* «Оленные» камни Монголии и сопредельных территорий как один из показателей архаичной кочевой империи (к постановке вопроса) // Тр. V (XXI) ВАС / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 1026.

Тишкин, Горбунов, 2005 — *Тишкин А. А., Горбунов В. В.* Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 200 с.

Монгол…, 2021 — Монгол ба бус нутгийн буган хушууний соел: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I–II / Отв. ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар: Адмон ХХК, 2021. (на монг. яз.).

Төрбат и др., 2021. — *Төрбат Ц., Гантулга Ж., Барях уу Н., Батсух Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц.* Монгол ба бус нутгийн буган хушууний соел. Улаанбаатра: Мөнхийн усэг ХХК, 2021. (на монг. яз.).

The „deer“ stones of the Altai

Alexey A. Tishkin[3]

In the Arjan-Mayemer time Altai was a semi-periphery of the archaic nomadic empire, which is associated by the author with the culture of khirigsuurs and „deer“ stones. The sites of the above community were widespread in Central Asia. In Altai, ancient statues were discovered during excavations of kurgans belonging to the Biykenskaya culture. They demonstrate a simple design. At the same time, „deer“ stones, similar to those of Central Asia, as well as different ones have been recorded. A separate place is occupied by the Chuysky „deer“ stone. Within the limits of the realized project the work on generalization of available data and modern documentation of original „statues“ is carried out.

Key words: *Altai, „deer“ stones, Arzhan-Mayemer time, Biykenskaya culture, copying, photogrammetry.*

3 Alexey A. Tishkin — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

Средства корпусной защиты у ранних кочевников Монголии (вещественные и изобразительные источники)[1]

В. В. Горбунов[2], О. С. Лихачева[3]

Аннотация. *Древние доспехи на территории Монголии изучены неравномерно: щиты и шлемы изучены достаточно хорошо, по сравнению с панцирями, о которых имеется очень мало информации. Представление о панцирях дают находки костяных пластин из Улангомского могильника. Новым источником стало открытие оленного камня с изображением панциря. Он позволил воссоздать облик этого вида защиты. Ранние кочевники монгольских степей для защиты своего тела использовали ламеллярные панцири из твердых материалов, которые не закрывали воина целиком, а защищали лишь такие важные участки тела, как грудь в районе сердца, живот, спина и ноги до середины бедер.*

Ключевые слова: *Монголия, ранние кочевники, оленный камень, панцирь.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.403-406

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

2 Вадим Владимирович Горбунов — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: vadimgorbunov67@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4772-6373.

3 Ольга Сергеевна Лихачева — Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация; e-mail: lihaolga@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3223-7841.

Оборонительное вооружение номадов в финале бронзового — начале раннего железного веков, населявших степи Монголии, представлено всеми основными видами воинского доспеха: панцири, шлемы, щиты. Однако степень информированности о них различна. Так, более общий вид защиты — щиты известны по изображениям на оленных камнях, связанных в основном с культурой херексуров. Они разнообразны по форме (преобладает пятиугольный абрис), покрыты орнаментом, передающим конструкцию из дерева и кожи, и справедливо сопоставляются исследователями с находками реальных щитов пазырыкской культуры (*Новгородова*, 1975. С. 227, рис. 2; *Горелик*, 2003. С. 160, табл. LXV, *34–46*; *Худяков, Эрдэнэ-Очир*, 2011. С. 62–64, рис. 17, *22–26*). Судя по тому, что щиты часто встречаются на оленных камнях, они являлись самым распространенным видом защиты у ранних кочевников Монголии.

О средствах защиты головы и шеи воина можно судить по бронзовым шлемам, обнаруженным в объектах IX–VII вв. до н. э. культуры плиточных могил и случайным находкам. В научный оборот введено пять шлемов, имеющих полусферический купол и петлевидное навершие, но имеющих отличия в других деталях (*Худяков, Эрдэнэ-Очир*, 2011. С. 114–117, рис. 31; 32; 33, *1–4*). Большинство этих изделий — шлемы с затылочным вырезом и ровным лицевым вырезом — близки «варварским» шлемам Северного Китая эпохи Западного Чжоу (середина XI — начало VI в. до н. э.), а один экземпляр — шлем с наносником — близок шлемам «кубанского» типа, распространенным от Северного Кавказа до Северного Китая в VII–V вв. до н. э. (*Комисаров*, 1988. С. 78–79; *Горелик*, 2003. С. 144–146; *Худяков, Эрдэнэ-Очир*, 2011. С. 116–120). Небольшое число шлемов говорит о редкости этого вида защиты у ранних кочевников на севере монгольских степей, в отличие от южных районов, примыкающих к Китаю.

Самыми редкими находками на территории Монголии являются средства для защиты корпуса воина. Это костяные пластины из могил № 2, 9, 42 чандманьской культуры на памятнике Улангом (*Новгородова*, 1975. С. 223, рис. 1; 1989. С. 269, 272, 297). Среди оружиеведов есть мнение, что они являлись деталями защитных поясов (*Худяков, Эрдэнэ-Очир*, 2011. С. 139–140). Нам представляются более убедительными аргументы Э. А. Новгородовой о принадлежности этих изделий к деталям панциря (*Новгородова,* 1975. С. 225).

Улангомские пластины относятся к ламеллярному доспеху и длинными сторонами были направлены по вертикали. Они имеют прямоугольную форму, иногда с незначительным расширением, что придает им слабую трапециевидность, и снабжены круглыми отверстиями диаметром 2–4 мм. В продольном сечении пластины выгнуты. Можно выделить крупные и более мелкие экземпляры. Первые, длиной 10–12 см, шириной 3,2–5,5 см, толщиной 4–5 мм, имеют 13–14 отверстий: четыре угловых, вертикальную пару срединных вверху, восемь боковых: две пары и одиночное по правой стороне и одна пара и одиночное по левой (рис. 1, *1*) или без одиночного отверстия с правого бока (рис. 1, *2*). Вторые имеют размеры 6,5–7,0 × 2,5–2,8 × 0,2–0,3 см и 7–9 отверстий: четыре угловых, два срединных, по одному вверху и внизу, и три боковых: пара на левой стороне и одно на правой (рис. 1, *3*) или без срединных отверстий (рис. 1, *4*).

Крупные пластины являются типологически более ранними, т. к. по размерам находят аналогии на Алтае и в Китае среди памятников VIII–VI вв. до н. э., хотя и отличаются от них числом отверстий (*Горбунов*, 1999. С. 54, рис. 1, *1*; *Горелик*, 2003. С. 108, табл. LVI, *15*). Меньшие пластины имеют полные или очень близкие аналогии в материалах пазырыкской и прохоровской культур VI–IV вв. до н. э. (*Васильев, Пшеничнюк*, 1994. С. 124, рис. 2, *2, 4*; *Горбунов*, 1999. С. 48, рис. 1, *14*). Сам Улангомский могильник датируется V–III вв. до н. э., но в составе найденного там оружия есть кинжалы карасукского и раннескифского облика (*Новгородова*, 1989. С. 273–274). Поэтому объяснимо и сочетание более ранних и поздних панцирных пластин.

Находки отдельных пластин не дают возможности представить конструкцию целого панциря, но недавно в Центральной Монголии был обнаружен оленный камень с изображением панциря, которое позволяет существенно дополнить информацию о корпусной защите ранних кочевников.

Этот оленный камень был найден Т.-О. Идэрхангаем в местности Энхтайван уул на р. Хойт-Тамир. Стела лежала на объекте культуры плиточных могил, рядом с которым располагался и херексур. Наружные размеры камня 137 × 29 × 18 см. В его верхней части выбито двойное ожерелье с когтевидной подвеской и серьга, ниже глубокими линиями изображен панцирь из пластин, образующих пять полос (*Тишкин*, 2016. С. 118, рис. 1). Верхняя полоса имеет семь трапециевидных и прямоугольных пластин. Из них три самые длинные прикрывают спину, две — бока в районе подмышек, а две — грудь. Между ними находится трапециевидный вырез, который продолжают две линии, скорее всего передающие наплечные ремни. Далее идут две полосы из семи крупных прямоугольных пластин каждая, а затем еще две полосы по десять аналогичных, но в основном более мелких пластин. Разграничение между 1 (верхней) и 2, 3 и 4 (район талии) полосами ровное, тогда как пластины между 2 и 3, 4 и 5 полосами частично расположены в шахматном порядке. Высота панциря по линии спины достигает 110 см, по линии груди — 77–88 см (рис. 1, *5*).

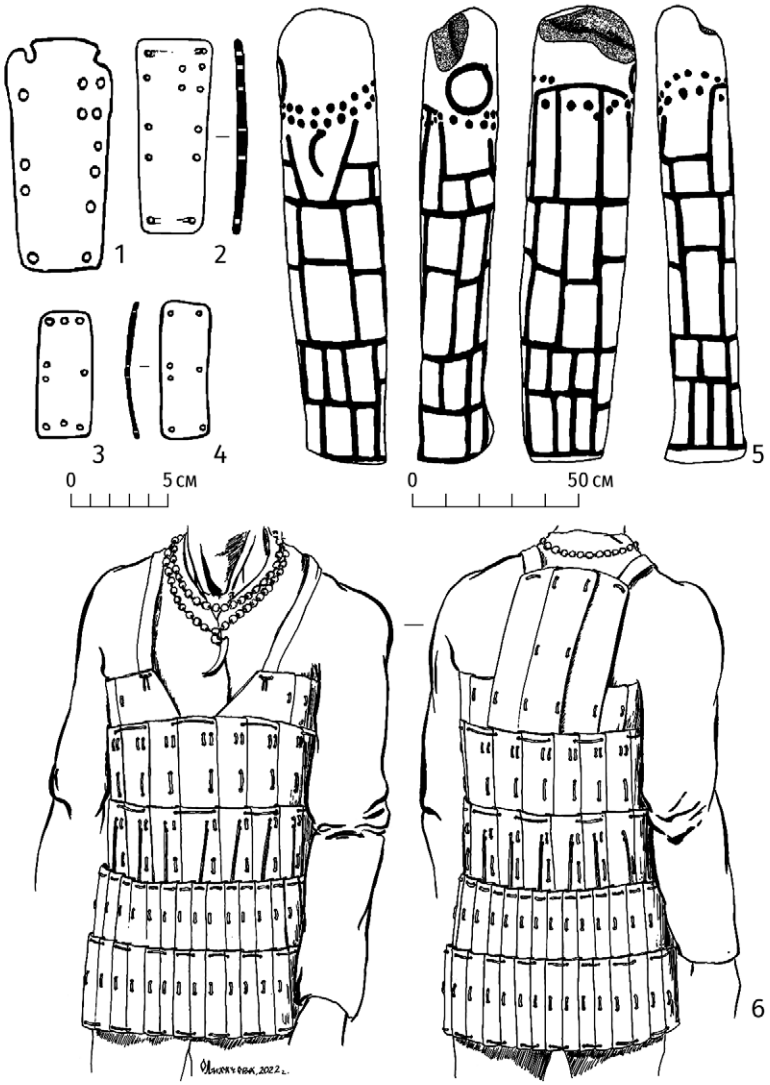

Рис. 1. Средства корпусной защиты из Монголии: *1–4* — костяные пластины из могильника Улангом (по: *Новгородова*, 1975; 1989); *5* — оленный камень из Энхтайван уул, прорисовка по фото микалентной копии; *6* — реконструкция панциря

Fig. 1. Body defense equipment from Mongolia: *1–4* — bone plates from the Ulangom burial ground (after *Novgorodova*, 1975; 1989); *5* — deer stone from Enhtayvan uul, drawing from a photo of a micalent copy; *6* — reconstruction of the armor

Исходя из размеров панциря, можно заключить, что он велик для человека нормального телосложения. Видимо, скульптор сделал увеличенное изображение доспеха, в котором параметры пластин также гипертрофированы, за счет чего их число уменьшено. Однако покрой панциря передан реалистично. Например, по числу основных полос (четыре) он совпадает с ламеллярными панцирями V в. до н. э. из царства Чу (*Горелик*, 2003. С. 109, табл. LVI, *19*).

Реконструкцию панциря с оленного камня можно детализировать при помощи пластин из Улангомского могильника. По покрою панцирь представлял собой либо «кирасу» из двух половин, завязывающихся на боках, либо цельно связанный «пончо», надевавшийся через голову. Полосы 2 и 3 такого панциря могли набираться из крупных (по 18 штук), а полосы 4 и 5 — из меньших (по 30 штук) улангомских пластин, которые соединялись через боковые отверстия. Между собой полосы 1, 2 и 3, 4 и 5 крепились жестко через угловые отверстия, а полосы 3 и 4 — подвижно через срединные отверстия (рис. 1, *6*). Такой доспех защищал спину воина, грудь в районе сердца, живот и ноги до середины бедер, но оставлял открытыми верхнюю часть груди, шею, плечи и руки.

Подводя итог, следует отметить, что благодаря появлению нового изобразительного источника наши знания о корпусной защите ранних кочевников Монголии существенно расширились, что открывает возможности для его дальнейшего сравнительного анализа и создания других реконструкций.

Васильев, Пшеничнюк, 1994 — *Васильев В. Н., Пшеничнюк А. Х.* К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала / Отв. ред. В. С. Горбунов. Уфа: Конкорд-Инвест, 1994. С. 116–136.

Горбунов, 1999 — *Горбунов В. В.* Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 47–55.

Горелик, 2003 — *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). СПб.: Атлант, 2003. 352 с.

Комиссаров, 1988 — *Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.

Новгородова, 1975 — *Новгородова Э. А.* К вопросу о древнем центрально-азиатском защитном вооружении (середина I тыс. до н. э.) // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1975. С. 223–228.

Новгородова, 1989 — *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.

Тишкин, 2016 — *Тишкин А. А.* Новые находки «оленных» камней в Монголии с изображением панциря и меча // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 117–123.

Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011 — *Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н.* Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие — III в. до н. э.). СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.

Body protection equipment of the early nomads of Mongolia (material and pictorial sources)

Vadim V. Gorbunov[4], Olga S. Likhacheva[5]

Ancient armour on the territory of Mongolia has been studied unevenly. There is more information about shields and helmets and less about armors. The idea of them was given by the finds of bone plates from the Ulangom burial ground. A new source was the discovery of a „deer" stone with the image of an armor. He allowed to recreate the appearance of this type of defense. Early nomads of the Mongolian steppes used lamellar armors made of hard materials to protect their bodies. They did not cover the warrior entirely, but protected only such important areas as the chest near the heart, stomach, back and legs up to the middle of the thighs.

Keywords: *Mongolia, early nomads, deer stone, armor.*

4 Vadim V. Gorbunov — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: vadimgorbunov67@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4772-6373.

5 Olga S. Likhacheva — Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: lihaolga@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3223-7841.

Пластина-накладка с изображениями оленей из Предбайкалья

В. С. Николаев[1], О. Б. Варламов[2]

Аннотация. *Статья посвящена публикации и краткому анализу роговой пластины-накладки с изображениями оленей в раннем скифо-сибирском зверином стиле, найденной в одном из погребений могильника Муруйский на территории Предбайкалья. Основными особенностями пластины, помимо редкости материала, на котором нанесены рисунки (рог оленя), являются динамизм композиции и определенное своеобразие в изображении фигур оленей, выполненных тонкими резными линиями.*

Ключевые слова: *Предбайкалье, раннескифская эпоха, пластина-накладка из рога, звериный стиль.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.406-409

Находки предметов скифо-сибирского искусства на территории Предбайкалья редки, поэтому каждая новая из них вызывает повышенный интерес среди археологов и искусствоведов, занимающихся проблемами происхождения и развития звериного стиля.

Рассматриваемая пластина-накладка найдена в составе сопроводительного инвентаря погребения № 1 могильника Муруйский, расположенного в 200 км северо-западнее города Иркутск в Усть-Удинском районе Иркутской области. В 2017–2019 гг. на памятнике

1 Вадим Станиславович Николаев — ООО НПО «Экспертиза», Первомайский мкр, д. 84, Иркутск, 664058, Российская Федерация; e-mail: vsnikolaev2008@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6267-7875.

2 Олег Борисович Варламов — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: oboware@mail.ru.

исследовано четыре одиночных погребения и два ритуальных комплекса раннескифского времени.

Погребение № 1 фиксировалось по надмогильной каменной конструкции овальной формы из плит красноцветного кембрийского песчаника размерами 3,4 × 2,0 м. Захоронение мужчины 40–50 лет (maturus) произведено в могильной яме овальной формы размерами 2 × 0,5 м. Погребенный был уложен вытянуто на спине головой на ЮВ, руки вытянуты вдоль туловища. Возле затылочной кости с левой стороны находился фрагмент отростка рога оленя; вокруг костей стоп — мелкий бронзовый бисер; с левой стороны позвоночника — две бусины из амазонита; с правой стороны, возле таза и большой берцовой кости — наконечник стрелы из бронзы и концевая накладка лука. Все остальные предметы: бусина из амазонита, лопаточка из бронзы, крюк-карабин из бронзы, две бляшки-нашивки с четырьмя оленями из бронзы, «полусферические» и «жемчужные» бляшки-нашивки из бронзы, застежка и крепление из рога, а также пластинка-накладка с изображениями оленей из рога сосредоточены компактной группой в районе пояса погребенного.

Накладка представляет собой пятиугольную плоскую пластинку из рога оленя (*Cervidae gen.*), размерами 6,8 × 2,7 см, толщиной 0,7 мм. В центральных частях верхнего и нижнего краев находятся по одному круглому отверстию для крепления диаметром 2,5 мм. Предмет имеет лицевую и оборотную стороны. Оборотная сторона пластины зашлифована и имеет следы роговой структуры. Лицевая сторона заполирована, на ней помещена композиция из трех профильных реалистичных изображений оленей.

Рисунок выполнен тонкими резными линиями и состоит из целого ряда элементов. Первоначально на подготовленную поверхность были нанесены туловища трех животных в виде неправильной восьмерки, затем к ним добавлялись (аппликировались) элементы, свойственные виду: грудь, шея и голова; раздвоенная морда и глаза; рога и уши; фаллос; ноги и копыта. Крайняя правая фигура оленухи неполная: кончики ушей и передняя часть морды обрезаны краем пластинки (рис. 1, *А*). Возможно, это связано с тем, что данная пластина-накладка первоначально являлась частью крупной пластины с многофигурной композицией животных, но была обрезана, переоформлена и вторично использована как накладка на пояс.

Слева расположена фигура оленя-самца, ориентированная вправо. У оленя поджарое туловище, широкая грудь, покрытая тонкими линиями в виде сетки, которая передает объем и густую шерсть животного. Морда узкая вытянутая раздвоенная, направлена вперед и чуть приподнята. Глаз округлый и частично выступает над линией лба. Из этого выступа выходят рога с четырьмя приостренными и чуть загнутыми на концах отростками. К уголку глаза примыкает направленное вверх приостренное полуовальное ухо. На крупе небольшим треугольным выступом, направленным вниз, обозначен короткий хвост. Фигура имеет четыре ноги с выделенными, направленными вниз копытами. В зауженной части туловища треугольным выступом, направленным вниз, обозначен фаллос.

Справа от фигуры оленя-самца расположены фигуры двух оленей-самок, ориентированных вправо. Первая фигура оленухи (центральная во всей композиции) имеет поджарое туловище, приподнятую вверх шею и голову. Шея покрыта тонкими линиями, образующими сетку, которая передает объем и густую шерсть животного. Узкая раздвоенная морда вытянута вперед и вверх. Глаз округлый и частично выступает над линией лба. Над этой линией помещены два направленных вверх подтреугольных уха. Линия туловища имеет треугольный выступ, направленный вниз и обозначающий короткий хвост. Фигура имеет четыре ноги с выделенными и направленными вниз копытами.

Вторая фигура оленухи имеет поджарое туловище, приподнятый круп, направленную вверх и вперед шею и голову. Шея покрыта тонкими линиями, образующими сетку, которая подчеркивает объем и густую шерсть животного. Морда обрезана краем пластины. Глаз округлый и частично выступает над линией лба. Над этой линией помещены два направленных вверх подтреугольных уха, кончики которых не обозначены. На крупе небольшим треугольным выступом, направленным вниз, показан короткий хвост. Фигура имеет четыре ноги с выделенными, направленными вниз копытами.

Образы оленя (лося) являются одним из самых распространенных в искусстве раннескифской эпохи. Они составляют основу многофигурных композиций на оленных камнях, писаницах и отдельных предметах по всей территории распространения культур раннескифского облика восточной части Евразии (*Волков*, 1981. С. 111; *Килуновская*, 1985; *Савинов*, 1994. С. 115; *Дэвлет, Дэвлет*, 2011. С. 53, 58; *Полидович*, 2014. С. 73).

Сопоставляя рисунки оленей на пластине-накладке из Предбайкалья с уже известными изображениями, выполненными в аржано-майэмирском стиле на оленных камнях и предметах с территории Монголии, Тувы и Алтая, можно с уверенностью сказать, что они схожи (рис. 1, *Б*). Для рисунков оленя (лося) в данном стиле характерно стройное условно-реалистичное туловище, подтреугольный выступ лопатки, изогнутая шея, поднятая вверх голова с округлым глазом, подтреугольным ухом, часто с раскрытой пастью. Рога тонкие, с одним, двумя или совсем без передних отростков, задняя крона слегка изогнутая или «С»-об-

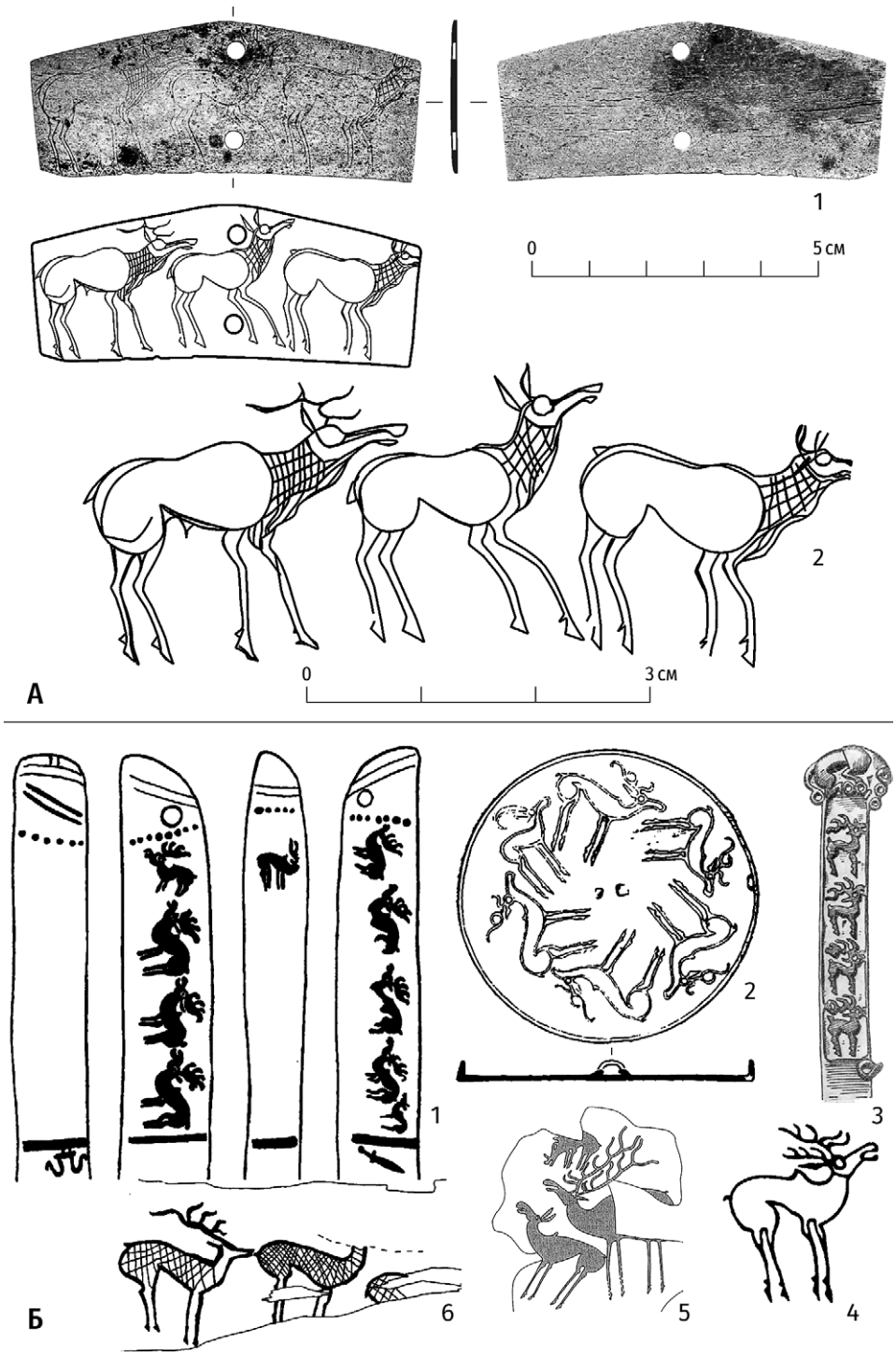

Рис. 1. *А* — пластина-накладка из рога с изображениями оленей из погребения № 1 могильника Муруйский (*1* — фотография и рисунок; *2* — увеличенная прорисовка композиции); *Б* — аналогии: *1* — оленный камень, Дурвулжин ам, Монголия (по: *Волков*, 2002. С. 207, табл. 92, *1*); *2* — бронзовое зеркало, Бухтарма, Горный Алтай (по: *Грязнов*, 1947. Рис. 4–11); *3* — рукоять бронзового ножа, Тува (по: *Вайнштейн*, 1974. С. 19, рис. 8); *4* — оленный камень, курган Аржан-1 (по: *Грязнов*, 1980. С. 43, рис. 29, *2*); *5* — оленный камень, курган Аржан-2 (по: *Чугунов и др.*, 2017. С. 136, рис. 114, *2*); *6* — петроглифы, Тува (по: *Дэвлет*, 1982. С. 79, табл. 18, *1*)

Fig. 1. *A* — a horn overlay plaque-depicting deer from tomb No. 1 of Muruysky burial ground (*1* — photo and drawing; *2* — enlarged details of the composition); *B* — analogies: *1* — deer stone, Durvulzhim am, Mongolia (after *Волков*, 2000. С. 207, табл. 92, *1*); *2* — bronze mirror, Bukhtarma, Altai Mountains (after *Грязнов*, 1947. Рис. 4, *11*); *3* — handle of a bronze knife, Tuva (after *Vainshtein*, 1974. P. 19, fig. 8); 4 — deer stone, Arzhan kurgan 1 (after *Грязнов*, 1980. С. 43, рис. 29, *2*); *5* — deer stone, Arzhan kurgan 2 (after *Чугунов и др.*, 2017. С. 136, рис. 114, *2*); *6* — petroglyphs, Tuva (after *Дэвлет*, 1982. С. 79, табл. 18, *1*)

разная. Животное показано с опущенным вниз ногами, свисающими копытами «на пуантах». Очень часто воспроизведены все четыре ноги (*Шер*, 1980. С. 243–245; *Полидович*, 2014. С. 74).

Основной особенностью рисунков с пластины-накладки из Прибайкалья является больший реализм в изображении фигур оленей, что выражено: 1) в отсутствии треугольного выступа на холке или лопатке животных, линия шеи плавно соприкасается или переходит в туловище, придавая фигурам оленей живость и изящество. Это хорошо заметно у двух правых фигур оленух (рис. 1, *А*); 2) в наличии сетки, покрывающей только шею животных, что придает дополнительный объем, на контрасте с незаполненным туловищем, и имитацию густой шерсти; 3) в положении ног фигур — они опущены вниз и в то же время слегка согнуты в коленях, что придает им динамизм; 4) в наличии первичного полового признака у оленя-самца; 5) в усилении вторичных половых признаков животных. Так, у оленя-самца, в отличие от фигур оленух, тело крупное, шея короче и шире, голова крупнее, морда длиннее и массивней. Наличие рогов логично завершает его образ.

Изображения животных, выполненные в аржано-майэмирском стиле на оленных камнях, писаницах и предметах из восточной части Евразии, датируется большинством исследователей раннескифским временем — IX–VII вв. до н. э. (*Шер*, 1980. С. 247–249; *Савинов*, 1994. С. 126–131; *Чугунов*, 2008. С. 68). Рассмотренная нами пластина-накладка с изображениями оленей, выполненных в этом же стиле, является дополнительным аргументом в пользу этого возраста. Это подтверждается полученной радиоуглеродной датой по костям скелета из погребения № 1 могильника Муруйский — 2745±85 (СОАН–9749).

Вайнштейн, 1974 — Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.

Волков, 1981 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во ИИ АН МНР, 1981. 254 с.

Волков, 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Грязнов, 1947 — *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.

Грязнов, 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан: царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.

Дэвлет, 1982 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982. 128 с.

Дэвлет, Дэвлет, 2011 — *Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.* Об изображениях «скифских оленей» в наскальном искусстве и на оленных камнях // «Terra Scythica»: Материалы междунар. симпозиума (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай) / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 53–63.

Килуновская, 1985 — *Килуновкая М. Е.* Типология изображений оленя на оленных камнях и петроглифах Южной Сибири и Центральной Азии в скифское время // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и антропологическим данным / Отв. ред.: Э. Л. Львова и др. Томск: Изд-во ТомГУ, 1985. С. 60–61.

Полидович, 2014 — *Полидович Ю. Б.* Основные группы изображений оленей раннескифского времени (из восточных регионов Евразии) // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: Материалы Всероссийской (с международным участием) науч. конф. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 73–76.

Савинов, 1994 — *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.

Чугунов, 2008 — *Чугунов К. В.* Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропою тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет / под ред. Д. Г. Савинова, О. С. Советовой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 53–69 (Тр. САИПИ; Вып. IV).

Чугунов и др., 2017 — *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 499 с.

Шер, 1980 — *Шер. Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

An overlay plaque depicting deer from Pre-Baikal Region

Vadim S. Nikolayev[3], Oleg B. Varlamov[4]

The article publishes and analyzes a horn overlay plaque depicting deer in the early Scythian-Siberian animal style. It was found in one of the tombs of the Muruysky burial ground, Pre-Baikal Region. The plaque, which is rare in terms of the material used for the engraving (deer horn), exhibits unusual dynamism of the composition and certain originality of the deer images executed in thin carving lines.

Keywords: *Pre-Baikal Region, Early Scythian Period, horn overlay plaque, animal style.*

3 Vadim S. Nikolayev — „Expertise Research Company", 84 Pervomaysky Microdistrict, Irkutsk, 664058, Russian Federation; e-mail: vsnikolaev2008@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6267-7875.

4 Oleg B. Varlamov — independent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation; e-mail: obowaro@mail.ru.

Хайсагарская писаница (Бурятия): попытка атрибуции

И. А. Пономарева[1]

Аннотация. *В данной статье в контексте проблемы малочисленного «пост-селенгинского» наскального искусства Западного Забайкалья представлена попытка хронологической атрибуции одной из композиций, известной в литературе как Хайсагарская писаница. Ее новая детальная прорисовка позволила выявить детали костюма и вооружения антропоморфных фигур. Предположительно, композиция является разновременной, часть изображений появилась в первой половине, а другая — во второй половине I тыс. н. э.*

Ключевые слова: *наскальные рисунки, Забайкалье, раннее средневековье, шлем, кистень.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.410-412

Цель данной статьи — попытка атрибутировать композицию Хайсагарской писаницы в Бурятии, уникальность которой состоит в изображении вооружения. Подавляющее большинство памятников наскального искусства Бурятии относятся к так называемой селенгинской традиции позднего бронзового — раннего железного века. Возможно, некоторые наскальные изображения могут относиться к раннему бронзовому веку, достоверных же памятников каменного века на территории этого региона пока выявить не удалось (*Ponomareva*, 2020; 2021). Часть изображений относится к другой, кяхтинской группе, однако относительно ее датировки нет единого мнения (*Окладников, Запорожская*, 1970; *Цыбиктаров*, 2003). Представляется, что эта группа включает в себя петроглифы разных эпох от ранней бронзы и, возможно, до позднего средневековья (*Ponomareva*, 2021). Детальное исследование с целью разделить петроглифы кяхтинской группы по хронологии пока не предпринималось. Таким образом, представляется актуальным вопрос о памятниках наскального искусства, связанных со временем после существования селенгинской традиции.

Хронология наскального искусства Забайкалья была разработана А. П. Окладниковым (*Окладников, Запорожская*, 1969; 1970), который относил к «пост-селенгинскому» наскальному искусству Забайкалья Сарбадуйскую писаницу, синхронизированную с курыканскими петроглифами Прибайкалья и предположительно датированную тюркским временем. А. П. Окладников отмечает характерную черту изображенных всадников — «остроконечный, стреловидный головной убор-шишак» (*Окладников, Запорожская*, 1970. С. 161) — и связывает изображения с уйгурами. Также к средневековой группе были отнесены гравировки кяхтинской группы петроглифов, изображающие верблюда, везущего повозку, и изображение животного на Бага-Заре. Характерная черта всех этих изображений — внутреннее заполнение штриховкой. К этому же времени были отнесены и другие изображения в резной технике, показывающие солнечные круги, козлов, верблюдов, всадников, повозки, оленей, «метелки», «сети», «решетки» и «елочки». К раннемонгольскому времени были отнесены изображения повозок в Хана-Шулууне, а к позднейшему времени — буддийские изображения (буддийский храм и буддийские божества).

А. В. Тиваненко дополнил базу данных по наскальному искусству средневековья, задокументировав у сел Бичура и Улюкчикан и на Табангутском обо «рунообразные строчки и тамги рунообразных форм, возможно, древнетюркского времени» (*Тиваненко*, 1990. С. 83). Он отмечает, что средневековое наскальное искусство Бурятии сконцентрировано на территории юга республики, в районе Усть-Кяхты, Зарубино и Субуктуя, а центральным памятником этой эпохи является Табангутское обо.

Обращает на себя внимание отсутствие в Бурятии памятников наскального искусства, связанных с хуннским периодом. При этом петроглифы хуннского времени были выделены на территории Западной и Центральной Монголии. Интересным представляется гипотеза В. А. Цыбиктарова, предлагающая следующее объяснение: так как археологические и палеоантропологические материалы свидетельствуют о том, что население культуры плиточных могил участвовало в формировании этнического состава населения хуннского государства, то можно предположить, что какая-то часть изображений селенгинской традиции была выполнена в хуннскую эпоху, и эти изображения еще предстоит выделить (*Цыбиктаров*, 2011. С. 190–191).

Материалы Хайсагарской писаницы интересны в контексте «пост-селенгинского» наскального искусства, так как стилистически изображения сходны

1 Ирина Александровна Пономарева — Университет Барселоны, Гран-виа-де-лес-Кортс-Каталанес, д. 585, Барселона, 08007, Королевство Испания; e-mail: irina.ponomareva@outlook.com.au; ORCID: 0000-0002-4058-6654.

с селенгинской традицией, однако некоторые атрибуты позволяют ее отнести к более позднему времени.

Памятник расположен в Бичурском районе Бурятии, на южной окраине села Покровка, на берегу реки Хайцыгыр. Он известен исследователям еще с конца XIX в: «…по остаткам очертаний старики-буряты рассказывают, что были нарисованы люди с луками и стрелами… Вероятно, рисунки были сделаны шаманами не более двух веков тому назад» (*Кириллов*, 1897. С. 138–139). Во второй половине XX в. памятник был обследован и опубликован А. П. Окладниковым (*Окладников, Запорожская*, 1969). Позднее А. В. Тиваненко задокументировал на писанице новые изображения (*Тиваненко*, 1990).

Последняя документация, результаты которой представлены в данной работе, была произведена автором данной статьи в 2017 г. (рис. 1). Всего было зафиксировано 12 рисунков на четырех плоскостях. Это соответствует документации А. П. Окладникова, однако заметно ухудшение сохранности изображений из-за выцветания и отслоения плоскостей. Здесь хотелось бы сфокусироваться на одной композиции, обозначенной нами как Плоскость 4 (рис. 1), которая соответствует рисунку 2 в публикации А. П. Окладникова (*Окладников, Запорожская*, 1969. С. 87, 200).

На исследуемой плоскости представлена группа из пяти антропоморфных фигур, три из которых расположены в верхнем ряду, две — в нижнем. Отличие нашей прорисовки от прорисовки А. П. Окладникова заключается в том, что у него показаны три ряда фигур. Верхние две фигуры не сохранились, на их месте видны охристые пятна; так что второй ряд на рисунке А. П. Окладникова соответствует нашему первому. Однако удалось разглядеть и прорисовать еще одну антропоморфную фигуру слева в верхнем (среднем) ряду (рис. 1, *1*). В нижнем ряду у А. П. Окладникова представлена одна фигура человечка с каким-то отростком у левой ноги. Нам же удалось увидеть и прорисовать ее более детально вместе с дополнительной антропоморфной фигурой справа (рис. 1, *4, 5*).

Для хронологической атрибуции интерес представляют рисунки № 2 и 4.

Рисунок № 2 — фаллическая антропоморфная фигура, на голове у которой изображен шлем. Изображения шлемов очень редки в наскальном искусстве Забайкалья и совершенно не характерны для преобладающей здесь селенгинской традиции, с которой по общим очертаниям стилистически сходно данное изображение. По своей форме и наличию флажка или султана он напоминает шлем кенкольских воинов, изображенных на фрагменте настенной росписи из Кызыла (Восточный Туркестан) (*Le Coq*, 1925. P. 54). Интересно, что у р. Бургульдейка (Ольхонский р-н, Иркутская обл.) была обнаружена стальная пластина от нащечника шлема, подобного кенкольским (*Филиппович*, 2018). Другой аналогией может быть очень детальные изображения воинов на пластинах из Орлатского могильника (Узбекистан) (*Никоноров, Худяков*, 1999). Таким образом, данное изображение может быть отнесено к первой половине I тыс. н. э.

Рисунок № 4 — антропоморфная фигура, по стилю изображения отличающаяся от всех остальных фигур на этой плоскости. Она предстает как будто более реалистичной, возможно из-за того, что узнаются очертания штанов. В правой руке у фигуры — предположительно предмет вооружения. Интересно отметить, что сообщение о новой находке А. В. Тиваненко относится именно к этой композиции, частично задокументированной А. П. Окладниковым и обозначенной нами как рисунки № 4 и 5. Вот как он ее описал: «При обследовании скалы методом сплошного увлажнения была отмечена новая интересная композиция. Она состоит из фигуры человека, держащего в руке предмет, напоминающий боевой чекан или лук со стрелой. Правее — очень крупная фигура второго человека» (*Тиваненко*, 1990. С. 39). Однако его прорисовка этой части фигуры (*Там же*. С. 181), как показало наше исследование, неточна. Скорее всего, в руке у фигуры показано оружие типа «кистень». Широкое распространение это оружие получило среди тюркских племен на территории Восточной Европы, также известны единичные находки в памятниках сросткинской культуры IX–X вв. на Северном Алтае. В эпоху развитого Средневековья кистени были на вооружении киданьских, чжурчжэньских и монгольских воинов (*Худяков*, 2017). Поэтому данное изображение, учитывая его технику и стилистику, можно отнести ко времени распространения кистеней — ко второй половиной I тыс. н. э.

Таким образом, проанализировав новые материалы Хайсагарской писаницы, удалось пополнить базу малочисленного позднего наскального искусства Забайкалья.

Кириллов, 1897 — *Кириллов Н. В.* Несколько указаний на археологические остатки в верхнеудинском округе (с таблицей рисунков) // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1897. XXVIII (3–4). С. 136–144.

Никоноров, Худяков, 1999 — *Никоноров В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследние древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии / Отв. ред. О. А. Митько. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 141–154.

Окладников, Запорожская, 1969 — *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья. Ч. I. Л.: Наука, 1969. 217 с.

Окладников, Запорожская, 1970 — *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья. Ч. II. Л.: Наука, 1970. 264 с.

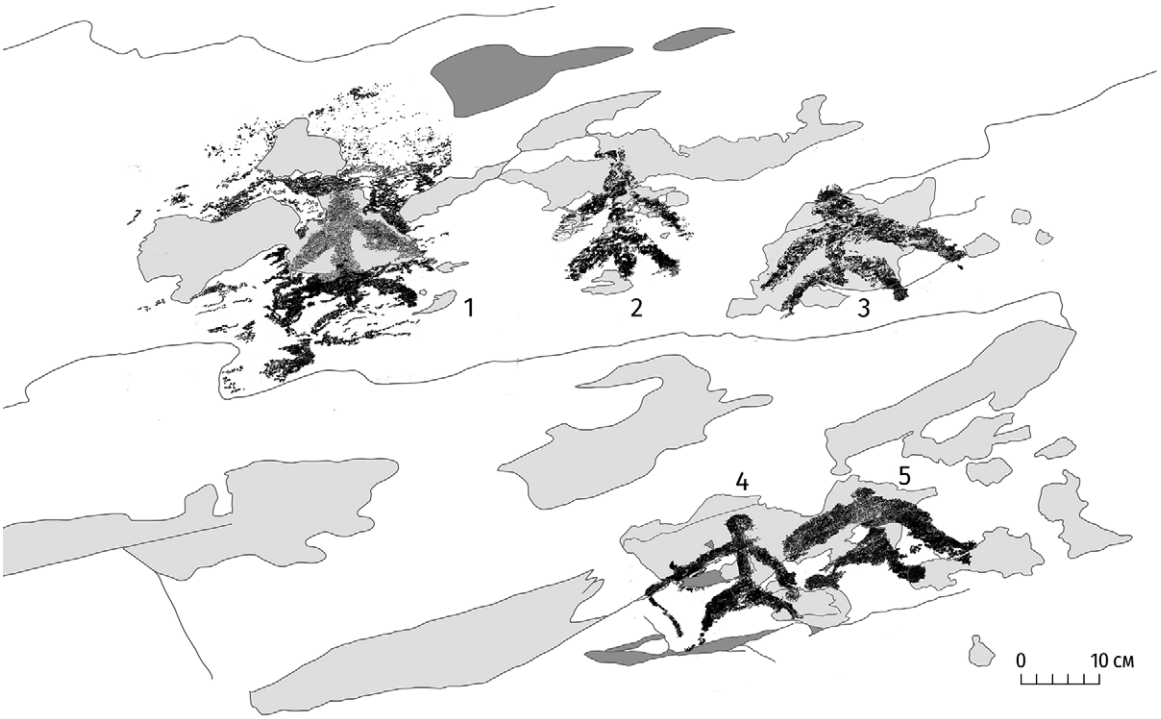

Рис. 1. Хайсагарская писаница, Бичурский район, Бурятия. Прорисовка автора
Fig. 1. Khaysagar rock art site, Bichurinskiy district, Buryatia. Author's drawing

Тиваненко, 1990 — *Тиваненко А. В.* Древнее наскальное искусство Бурятии. Новые памятники. Новосибирск: Наука, 1990. 208 с.

Филиппович, 2018 — *Филиппович Ю. А.* «В роскошных шлемах, в пышном блеске лат…» // Наука из первых рук. 2018. № 2/3 (78). С. 130–161.

Худяков, 2017 — *Худяков Ю. С.* Кистени кыргызских воинов Тянь-Шаня // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 24 (2). С. 48–53.

Цыбиктаров, 2003 — *Цыбиктаров В. А.* О культурной принадлежности и датировке писаниц «кяхтинской» группы юго-западного Забайкалья // Человек, среда, время. Материалы научных семинаров полевого лагеря «Студеное». Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. С. 158–163.

Цыбиктаров, 2011 — *Цыбиктаров В. А.* Петроглифы Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. 276 с.

Le Coq, 1925 — *Le Coq A. von.* Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin: Reimer, 1925. 107 S.

Ponomareva, 2020 — *Ponomareva I. A.* Unravelling manifold identities in the early nomadic rock art of East Siberia // Archaeological Research in Asia. 2020. No. 23. P. 100208.

Ponomareva, 2021 — *Ponomareva I. A.* Change and continuity in the Prehistoric rock art of East Siberia. An archaeological and anthropological exploration into ethno-cultural identity, belonging, and symbolism. London: BAR Publishing, 2021. 222 p.

Khaysagar rock art site (Buryatia): attribution attempt

Irina A. Ponomareva[2]

This paper attempts to chronologically attribute one of compositions of the Khaysagar rock art site in the context of problematic post-Selenga tradition rock art. A new detailed tracing of this composition allowed revealing the details of the costume and weapon of anthropomorphic figures. It is suggested that the composition belongs to two periods; some figures were depicted in the first half of the 1st millennium AD, while others were created in the second half of the 1st millennium AD.

Keywords: *Rock art paintings, Trans-Baikal, Early Middle Ages, helmet, flail.*

2 Irina A. Ponomareva — Universitat de Barcelona, 585 Gran Via de les Corts Catalanes, Barcelona, 08007, Kingdom of Spain; e-mail: irina.ponomareva@outlook.com.au; ORCID 0000-0002-4058-6654.

Цветовой семиотический код в погребальном обряде эпохи бронзы Крыма[1]

Ю. В. Кожуховская[2]

Аннотация. *Статья посвящена репрезентации цвета как семиотического кода в погребальном обряде эпохи бронзы Крыма. Разделяются значения использования минеральных веществ в соприкосновении со скелетом и во внутреннем пространстве могилы; рассматриваются зоны маркирования скелета охрой в рамках дихотомии макрокосм–микрокосм. Приводится характеристика использования минеральных веществ в обряде Крымского полуострова в диахроническом срезе в ранний, средний и поздний периоды бронзового века.*

Ключевые слова: *Крымский полуостров, эпоха бронзы, погребальный обряд, цвет, семиотика, символ.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.413-415

Цвет не является универсальным концептом (*Вежбицкая*, 1996), и цветовая семантика дифференцируется в зависимости от культуры. Целью статьи является рассмотрение особенностей функционирования цветового компонента в погребальном обряде эпохи бронзы Крыма. Анализ основывается на текстах Ригведы, исходя из признанного индоевропейского контекста населения эпохи бронзы Понтийско-Каспийских степей.

Белый цвет представлен подсыпкой (мел, известь), а также белой глиной. В более широком смысле белый цвет имели объекты, которые могли нести иную функциональную семантическую нагрузку, в первую очередь камень, кроме того, яичная скорлупа, белая галька, ракушка, клыки, кости животных, птиц и дельфина.

Черный цвет слабо выражен в обряде: отмечен кусок черной смолы, редко — уголь, в единичных случаях тлен имеет черный цвет. Также можно принять во внимание заполнение могилы черноземом как воплощение стихии земли.

Красный цвет (руда, охра) — наиболее распространен в погребениях по сравнению с другими цветами. Семантика обряда зависит от контекста применения охры: 1) охра покрывает скелет или его части; 2) пятна или посыпка охрой части могилы, в частности под частями скелета или под инвентарем; 3) куски охры в могиле; 4) вкрапления охры в засыпке (может сочетаться с угольками или глиной); 5) красная краска внутри погребального инвентаря: внутри предмета из полой кости (катакомба Краснознаменка 1/9[3], кенотаф), охра внутри сосудов (пятно или порошок — Кропоткино 1/5).

С помощью охры намеренно (за счет использования нескольких ее оттенков в одном погребении) достигается градация цветов: темно-фиолетовый, фиолетовый, сиреневый, малиновый, оранжевый, ярко-красный, красный, темно-красный, бордовый, вишневый, темно-вишневый, коричневый. Кроме этого, благодаря включению глины в оформление присутствуют желтый, серо-голубой и зеленый цвета.

Цветовое оформление погребений выходит за рамки цветовой триады, предложенной В. Тэрнером (*Тэрнер*, 1983) для «примитивных» народов и рассмотренной А. В. Гавриловым (*Гаврилов*, 1990) в специальной статье. Не все цвета имеют отношение к телесности, особенно те, которые не соприкасаются со скелетом и используются в пространстве погребальной камеры. Наряду с этим, соприкасаясь со скелетом, красная охра могла нести предложенную функцию оживления (*Мельник*, 2015). Эта функция проявлена и в сигнификации цветом таза, и в обряде моделирования черепов в катакомбной культуре с заполнением красной краской отверстий черепа.

Если в элитных захоронениях Крыма слой охры может достигать 3 см, то значительно чаще красной посыпкой маркируются лишь отдельные зоны тела: как правило, голова, ноги, реже — руки, таз (посыпка — как поверх скелета, так и в некоторых случаях под ним). Мифопоэтическое мышление рассматривало человека как микрокосм. С этой точки зрения обряд акцентировал двоичность (верх–низ) или троичность (верхний, средний, нижний мир) мироздания. В случаях комплексной сигнификации частей скелета — красным цветом отмечаются череп и кости

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00065 «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход»).

2 Юлия Витальевна Кожуховская — Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, пр. Вернадского, д. 4, Симферополь, 295007, Российская Федерация; e-mail: jv-k@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6057-5821.

3 Здесь и далее Краснознаменка 1/9 означает: Краснознаменка, курган 1, погребение 9.

ног. При акцентировании трех зон разными цветами к этой схеме добавляется черный (зола или угольки) в срединной области, как правило, в районе грудной клетки (например, Черноземное 1/3).

Чередование красного и черного в Ригведе связывается с чередованием дня и ночи, в связи с этим в гимнах наиболее часто упоминаются Агни и Ушас в противопоставлении к Ночи; другим цветовым контрастом является дневное и ночное солнце — путь Сурьи (*Елизаренкова*, 1989). Однако в первую очередь дихотомию «верх–низ» погребального пространства подчеркивает охра разных цветов: комок сиреневой охры у черепа и красной — у ног (например, Ильичево 18/9), или обратное расположение — комок красной охры в верхней и фиолетовой в нижней части могилы (Токарево 23/14). Иногда комки красной и фиолетовой охры располагались рядом перед черепом (Танковое 15/8).

Вариативность обряда свидетельствует о несомненной многогранности символики, интерпретация которой зависит от контекста. Так, размещение угольков в срединной зоне могилы (Владимировка 2/24, кенотаф: Столбовое 2/23) имеет прямую связь с Агни, разные состояния которого в Ригведе представлены черным, красным и белым цветами. На других территориях, где обряд также имеет праиндоевропейский корень (Скандинавия эпохи бронзы), доказано наличие следов культа Ашвинов, направленного на «оживление» солнца (*Kristiansen*, 2011), которое происходило с участием богини утренней зари Ушас.

В диахроническом срезе, как и в более широком ареале (*Мельник*, 2015), в Крыму наблюдается тенденция к уменьшению использования охры: от наиболее полного цветового оформления в обряде раннего и среднего бронзового века до отдельных случаев в позднем периоде эпохи бронзы.

Применение минеральных веществ широко использовалось в ямной культуре. Сочетание охры в соприкосновении со скелетом и охры разных цветов в оформлении могилы наиболее представлено в древнеямных погребениях (например, Волошино 1/5, Северный Крым). Для Крыма раннего бронзового века отличительное явление — роспись внутренних стенок каменных и деревянных ящиков «кеми-обинской культуры». В их оформлении использовались красный, коричневый, белый, черный цвета, в одном случае — синий. Роспись тем не менее не характерна для Керченского полуострова, однако пятна охры могли наноситься поверх отдельных участков углубленного орнамента ящиков.

В среднем бронзовом веке в катакомбных погребениях раннего этапа различные минеральные вещества отмечены в 50% погребений (*Копьева*, 2021. С. 46). На среднем этапе — в 37% захоронений Присивашья; в центральной части Крыма охра не использовалась, мел — в одной катакомбе; для западной части Крыма отслежено применение охры в 30% катакомб, при этом в предгорном Крыму краска присутствовала во всех погребениях, кроме одного: традиция развивалась в данном районе с позднеямного времени (*Там же*. С. 62). На позднем этапе в Присивашье охра отмечена в 33% случаев, мел — только в 6%. Для группы скорченной погребальной традиции минеральные вещества характерны в 18% случаев (*Там же*. С. 78). Роспись ложа, свойственная ингульской культуре, отмечена в двух случаях в Западном Крыму: Наумовка, курган 1 (*Там же*. С. 90).

В позднем бронзовом веке реже отмечается использование белой подсыпки, которая часто совмещалась с красновато-коричневым или коричневым тленом. Черный цвет представлен древесными угольками (например, Сусанино 2/2, срубная культура, Северо-Западный Крым). Охра встречается в погребениях редко и в малом количестве (Рисовое 3/3, срубная культура, Присивашье), еще реже — в сочетании с другими цветами, как в Танковое 9/10 (срубная культура, предгорье): на дне — белая меловая подсыпка, на костях — следы слабой охры, на коленях — остатки синей краски (*Щепинский, Черепанова*, 1969. С. 196). Сохранился обряд маркировки охрой значимых зон: так, в каменном ящике срубной культуры Открытое 5/2 (Северо-Западный Крым) дно покрыто охрой под черепом. Продолжает встречаться вариация цветов охры: например, кусочки сиреневой охры в засыпки (Журавлёвка 1/3 Сакского р-на, Западный Крым).

Таким образом, в эпоху бронзы на Крымском полуострове прослеживаются сложные взаимосвязи знаковых систем в обрядовой практике, которые свидетельствуют о развитом этапе цветовой концептуализации. Специфичным является использование синего цвета, который входит в более сложную схему восприятия цветов и изначально отсутствовал в индоевропейских языках, не упоминается он и в Ригведе. Территориально использование краски связано с традициями предгорного Крыма.

Вежбицкая, 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Гаврилов, 1990 — *Гаврилов А. В.* О значении охры в погребальном обряде археологических культур эпох палеолита–бронзы // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической области: Тезисы докладов Всесоюзного семинара. Запорожье, 1990. С. 12–14.

Елизаренкова, 1989 — *Елизаренкова Т. Я.* О цветовом коде ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы I–IV / Изд.

подготовила Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. С. 480–486.

Копьева, 2021 — *Копьева Т. А.* Катакомбная культура на территории Крымского полуострова: по материалам погребальных памятников. СПб.: Нестор-История, 2021. 423 с.

Мельник, 2015 — *Мельник В. И.* Цветовая триада в погребальной обрядности бронзового века степей Восточной Европы // КСИА. 2015. № 241. С. 59–68.

Тэрнер, 1983 — *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

Щепинский, Черепанова, 1969 — *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Крым, 1969. 328 с.

Kristiansen, 2011 — *Kristiansen K.* Bridging India and Scandinavia: institutional transmission and elite conquest during the Bronze Age // Interweaving Worlds. Systemic Interactions in Eurasia, 7th to the 1st Millennia BC. Oxford: Oxbow Books, 2011. P. 243–265.

Color as a semiotic code in the burial rite of the Bronze Age of the Crimean Peninsula

Yuliya V. Kozhukhovskaia[4]

The paper focuses on color as a semiotic code in burial rite of the Bronze Age of the Crimean Peninsula. The research differentiates the use of mineral substances in contact with the skeleton and inside the grave; the zones of the skeleton marked with ocher are considered within the macrocosm-microcosm dichotomy. This study demonstrates variation of the use of mineral substances in the rite of the Crimean Peninsula in diachronic perspective: in the Early, Middle and Late Bronze Ages.

Keywords: *Crimean Peninsula, Bronze Age, burial rite, color, semiotics, symbol.*

4 Yuliya V. Kozhukhovskaya — V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: jv-k@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6057-5821.

Об изображениях на раннескифской корчаге из раскопок Немировского городища в Побужье[1]

М. Ю. Вахтина[2], М. Т. Кашуба[3]

Аннотация. *Статья посвящена изображениям, прочерченным на чернолощеной корчаге из раскопок Немировского городища в Побужье, проведенных А. А. Спицыным в начале XX в. Эти рисунки недавно обнаружены авторами. На внешней поверхности сосуда, чуть ниже валика, можно увидеть изображение повернутой вправо мужской фигуры, охотящейся на оленя. Рядом, возможно, была помещена фигура второго охотника. Композиция уникальна не только для данного памятника, но и для региона в целом. Не исключена вероятность, что изображения на местном сосуде можно рассматривать как результат культурных контактов между греческими колонистами и варварским населением Северного Причерноморья в архаическое время или в период Архаической Скифии. Просматриваются и другие направления поиска происхождения изображений и «навеявших» их культурных импульсов.*

Ключевые слова: *Северное Причерноморье, Немировское городище, раннескифский горизонт, чернолощеная корчага, граффито, сцена охоты.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.415-418

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00187 «Неопубликованная «Карта по археологии Причерноморья» И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации))».

2 Марина Юрьевна Вахтина — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: vakhtina@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-7245-2642.

3 Майя Тарасовна Кашуба — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-8116.

Среди материалов раннескифского времени, обнаруженных при раскопках А. А. Спицына Немировского городища в Побужье, имеется чернолощеная корчага, склеенная из крупных фрагментов[4] (*Смирнова и др.*, 2018. С. 38–39, рис. 36). Размеры сосуда: высота ~ 37 см, диаметр венчика 26,8 см, диаметр дна 13,8 см; край сосуда с внешней стороны украшен рядом наколов; в месте перехода шейки в тулово (17 см от края) расположен небольшой рельефный валик (рис. 1, *1*).

Согласно типологии, разработанной М. Т. Кашубой для местной керамики раннескифского горизонта городища, сосуд принадлежит к типу Nem-7 — это корчаги «с выделенной длинной цилиндрической шейкой, резко переходящей в конусовидное невысокое тулово. Переход от шейки к тулову практически во всех случаях подчеркнут невысоким гладким налепным валиком. Плечики выделены. Максимальный диаметр тулова всегда приходится на верхнюю треть его высоты» (*Там же*, 2018. С. 172–174, рис. 142). Контекст находки не позволяет предложить узкую дату для сосуда, однако соотнесение его с раннескифским горизонтом городища не вызывает сомнений, что указывает на бытование корчаги по меньшей мере в пределах фазы Немиров-III.1.3, или во второй половине VII — начале/первой трети VI в. до н. э.

Некогда этот сосуд привлек внимание Б. Н. Гракова, увидевшего на его стенке греческое граффито, нанесенное *над валиком*, которое он реконструировал (*Граков*, 1959. Рис. 2; 3). Он полагал, что надпись читалась «получи меня по жребию» или просто «получи меня» и относилась, судя по характеру шрифта, к периоду до 56-й олимпиады, т. е. до 556 г. до н. э. (рис. 1, *2, 3*). Исследователь отмечал, что «…это граффито важно тем, что свидетельствует о столь раннем появлении греков в таком глубоком тылу Черноморского побережья (может быть, в землях невров; впрочем, некоторые считают жителей этого города скифами-пахарями)» (*Там же*. С. 261). Позже немировскую корчагу осмотрел И. Б. Брашинский, который, однако, не смог обнаружить на ней надписи. В процессе подготовки к изданию материалов из старых раскопок Немировского городища сосуд осмотрели авторы этой статьи и пригласили для консультации Н. А. Павличенко, которая также, осмотрев корчагу, не увидела на ней греческое граффито (*Смирнова и др.*, 2018. С. 38–39).

Казалось бы, на этом можно было «закрыть вопрос», однако нами были замечены другие изображения, которые нанесены на той же (где и предполагаемое граффито) боковой стенке тулова корчаги, но *под валиком*. Здесь отчетливо видны сохранившиеся части рисунков, различимые на площади ~ 8 × 6 см. Сцена прочерчена неглубокими линиями разной толщины (рис. 1, *4*). С левой стороны изображен охотник с копьем, фигура высотой ~ 3 см, повернутая направо. Правее помещено профильное изображение рогатого животного (оленя?), его фигура достигает ~ 2,5 см в длину. Рядом, возможно, была помещена фигура второго охотника. Более детально реконструировать и описать эти рисунки помогут дальнейшие исследования сосуда. Пока же выскажем некоторые предварительные соображения о сцене, представленной на немировской корчаге.

Образ охотника, преследующего рогатое копытное животное (олень, лань, лось), является архетипическим и широко распространен в искусстве древней Евразии. На территории Эгеиды сцены охоты на оленя известны начиная с микенской эпохи (см., напр., *Marinatos*, 1973. Pl. 168). Однако представляется очевидным, что, при наличии достаточно широкого круга сюжетных параллелей, близких стилистических аналогий сцене охоты на немировской корчаге обнаружить вряд ли удастся. Можно попытаться приблизиться к пониманию того, как и в результате каких культурных импульсов она могла возникнуть.

Конечно же, при известной доле воображения, можно рассматривать сцену охоты на немировской корчаге в русле достаточно ранних связей, установившихся у обитателей Немировского городища с греческими переселенцами примерно в середине VII в. до н. э. и достигших своего расцвета во второй половине столетия, о чем свидетельствуют фрагменты расписных восточно-греческих сосудов, обнаруженных при его раскопках (*Смирнова и др.*, 2018. С. 212). Фризы этих сосудов были украшены изображениями животных, в композициях широко представлены и рогатые козлы-эгагры, весьма популярные в керамике ориентализирующего стиля. Рассуждая в этом ключе, мы, вероятно, смогли бы рассматривать сцену охоты на немировском сосуде как новое доказательство интенсивных контактов между греческими переселенцами и населением Правобережной лесостепи, установившимися в достаточно раннее время.

Стоит отметить редкость антропоморфных изображений VII–VI вв. до н. э. в «местных» культурных контекстах. В искусстве кочевников степной зоны такие изображения можно встретить лишь на импортных вещах — «восточных», принесенных из передневазиатских походов или же полученных от греков. Общеизвестно, что одним из факторов, способствующих утверждению и распространению антропоморфных персонажей в искусстве Северного Причерноморья, было знакомство местного населения региона

4 Хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Сосуд — инв. № Дн 1933–1/2591, 2594, 2597, 2598 (Инвентарь бывшего эллино-скифского Отдела. Приднепровье, т. III. С. 188 об. — 189). Фрагменты относятся к материалам, обнаруженным в 1910–1911 гг.

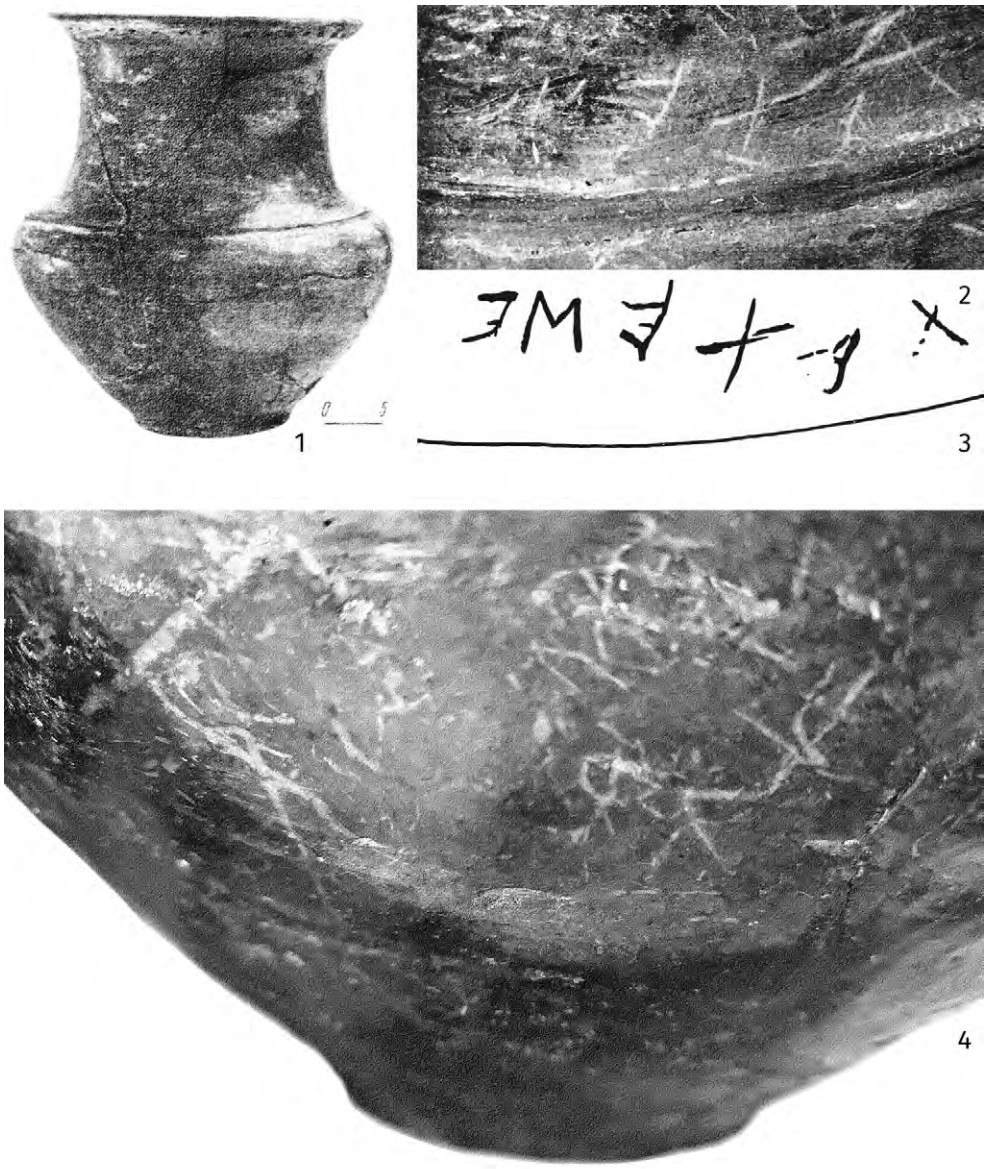

Рис. 1. Чернолощеная корчага из Немировского городища: *1* — общий вид; *2* — греческое граффито, фотография; *3* — греческое граффито, прорись (*1–3* — по: *Граков*, 1959. Рис. 1–3); *4* — сцена охоты, фотография 2022 г.

Fig. 1. Black-glazed large pot from Nemirovo fortified settlement: *1* — general view; *2* — Greek graffiti, photography; *3* — Greek graffiti, draw (*1–3* — after *Граков*, 1959. Рис. 1–3); *4* — scene of hunting, photography, 2022

с изделиями греческих мастеров, которые начали проникать в Скифию на раннем этапе греческой колонизации региона. Производство в местной среде изделий, украшенных антропоморфными изображениями, началось позже. Для лесостепи подобные изображения в архаическое время чрезвычайно редки. К таким редким находкам относятся, например, глиняные фигурки, мужские и женские, из раскопок Бельского городища (*Шрамко*, 1987. Рис. 62, *1, 3–26*). Значительная их часть была обнаружена в материалах святилища Восточного Бельского городища, датированного по находкам античной керамики VI–V вв. до н. э. (*Шрамко*, 1975). Б. А. Шрамко связывал появление антропоморфных фигурок на этом памятнике с импульсами, полученными от культур Ближнего Востока; однако, анализируя отдельные типы изображений, он также очертил широкий круг параллелей в искусстве древних культур региона — белогрудовской, кобанской (*Шрамко*, 1987. С. 128–131).

При рассмотрении «местного следа» немировских изображений упомянем антропоморфные образы и антропозооморфные персонажи на глиняных сосудах срубной культуры Восточной Европы (*Отрощенко*, 2007; *Захарова*, 2000; и др.), в том числе изображение мужчины, держащего в руке топор, на фрагменте стенки сосуда из поселения Безыменное-II ранней

белозерской культуры (*Горбов, Мимоход*, 1999. С. 44); две группы искусственных разновременных антропоморфных изображений (среди которых человек с копьем) на каменном привязном топоре из Шолдэнешть на Среднем Днестре (*Kašuba, Kaiser*, 2009. Taf. 1; 2; 10, *1*). Не менее «перспективным» регионом в поисках истоков/прототипов немировским изображениям является Кавказ. В конце эпохи бронзы в Закавказье появляются скульптурные композиции с антропоморфными и зооморфными образами (*Брилева*, 2012. С. 166–168. Кат. 322–328). На Северном Кавказе антропоморфная пластика появляется позднее, но уже в конце I тыс. до н. э. известны скульптурные композиции в виде оленя и нападающих на него собак (булавки из Кобанского могильника).

Видимо, следует учесть возможность «автохтонного» происхождения рисунков и в нашем случае. Пролить свет на возможное происхождение и особенности сцены охоты на немировской корчаге поможет дальнейшее изучение этой необычной находки.

Брилева, 2012 — *Брилева О. А.* Древняя антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. — X в. н. э.). М.: Таус, 2012. 424 с.

Горбов, Мимоход, 1999 — *Горбов В. Н., Мимоход Р. А.* Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Донецк: Украинский культурологический центр, 1999. С. 24–69.

Граков, 1959 — *Граков Б. Н.* Греческое граффито из Немировского городища // СА. 1959. № 1. С. 259–261.

Захарова, 2000 — *Захарова Е. Ю.* Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 2000. 163 с.

Смирнова и др., 2018 — *Смирнова Г. И.* (†), *Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.* (Приложения: Калинина К. Б., Закосьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В.). Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. СПб.: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 2018. 336 с.

Отрощенко, 2007 — *Отрощенко В. В.* Антропоморфні образи в мистецтві та знаковій системі населення зрубноп спільноти // Искусство и религия древних общества / Сост. В. С. Ветров. Луганск: Світлиця, 2007. С. 125–130.

Шрамко, 1975 — *Шрамко Б. А.* Святилище VI–V веков до н. э. в г. Гелоне // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: тезисы докладов юбилейной конференции. Киев: Наукова думка, 1975. С. 84–85.

Шрамко, 1987 — *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987. 180 с.

Kašuba, Kaiser, 2009 — *Kašuba M., Kaiser E.* Ein Rillenhammer mit geritzten Darstellungen aus Şoldăneşti, Nordwestliches Schwarzmeergebiet // Aes aeterna. Omagiu domnului Tudor Soroceanu, cu ocazia împlinirii a 65 de ani / Hrsg. Dietrich L. und O., u. a. Analele Banatului, s. n., Arheologie — Istorie, XVII. Timişoara, 2009. S. 173–196.

Marinatos, 1973 — *Marinatos S.* Kreta, Thera und das Mykenische Hellas. München: Hirmer Verlag. 1973. 183 S.

On the images on an early-Scythian black-glazed large pot from the excavations of Nemirovo fortified settlement in the South Bug river area

Marina Yu. Vakhtina[5], Maya T. Kashuba[6]

An article deals with the images, outlined on a black-glazed large pot from the excavations carried out by A. A. Spitzyn in the beginning of the 20th century at Nemirovo fortified settlement on South Bug. The images were recently found by the authors during the materials processing for publication. On the outer surface of the vessel just below the spindle one can see the depiction of a man hinting a stag, turned right. Close to them the figure of another hunter was possibly put. The composition is unique not only for the site, but also for the region in whole. It is possible to consider the images on the local vessel as a result of cultural contacts between the Greek colonists and barbarian population of the Northern Black Sea Region in the Archaic period or in the period of the Archaic Scythia. Some other vectors of search of the origin of „drawing" as well as possible cultural impulses can also be outlined.

Keywords: *Northern Black Sea region, Nemirovo fortified settlement, Early Scythian horizon, black-glazed large pot, graffiti, scene of hunting.*

5 Marina Yu. Vakhtina — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: vakhtina@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-7245-2642.

6 Maya T. Kashuba — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-8116.

Декор древнейшего в Казахстане седла: вопросы изучения и сохранения[1]

Г. С. Джумабекова[2], Д. К. Досаева[3], Г. А. Базарбаева[4]

Аннотация. *В статье анализируется седло из кургана № 11 могильника Берел. Памятник исследовался в 1998–1999 гг. международной экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством З. Самашева. Кратко перечислены методы исследования состояния седла, рассматривается декор седельного покрытия.*

Ключевые слова: *Казахский Алтай, пазырыкская культура, могильник Берел, седло, консервация, реставрация.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.419-421

Имя М. П. Грязнова (1902–1984) — это олицетворение ленинградской школы археологии, которую прошли яркие представители казахстанской науки: А. Х. Маргулан (1904–1985), А. М. Оразбаев (1922–1997), К. А. Акишев (1924–2003), М. К. Кадырбаев (1932–1982), К. М. Байпаков (1940–2018) (*Смирнов*, 2017; *Базарбаева, Джумабекова*, 2019). К числу выдающихся археологических открытий первой четверти XX в., сделанных на востоке Евразии, относятся Пазырыкские курганы, изучавшиеся С. И. Руденко (1885–1969) (*Руденко*, 1953) и М. П. Грязновым (*Грязнов*, 1950).

Настоящая статья посвящена анализу седла из кургана № 11 могильника Берел — памятника пазырыкской культуры Казахского Алтая. Материалы, полученные в ходе раскопок и междисциплинарных изысканий, отражены в ряде публикаций и в обобщающей монографии (*Самашев*, 2011).

Курган № 11 занимает площадь 33,5×22,8 м; его зафиксированная высота составляет чуть более 2 м. Могила, размерами (в верхней части) 4,9×4,0 м и глубиной 5,0 м, находилась в центре кургана. В ней выявлен сруб (размерами 3,65×2,15×1,40 м) и захоронения коней, расположенные за его северной стенкой.

Вдоль южной стенки сруба была установлена колода из лиственницы, длиной 2,73 м и диаметром 0,68–0,86 м, в которой находились останки мужчины и женщины, ориентированные головами на восток. За северной стенкой сруба было захоронено 13 коней в два яруса: в нижнем — семь коней, в верхнем — шесть. Ярусы с лошадьми были отделены друг от друга чередующимися слоями бересты и курильского чая (*Самашев*, 2011. С. 51–60). Кони были оседланы, три из них — в масках, увенчанных деревянными рогами горного козла. Выявлено, что все погребенные в кургане № 11 животные — самцы, взрослые и старые особи (*Косинцев, Самашев*, 2014).

Анализируемое седло опубликовано З. Самашевым (*Там же*. С. 167–170, рис. 385). Оно датируется последней третью IV — первой четвертью III в. до н. э. (*Слюсаренко*, 2011. С. 246, табл. 2). Седло расчищено и восстановлено в 2003 г. в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым», было передано в Президентский центр культуры Республики Казахстан, затем — в Национальный музей Республики Казахстан. Однако позже, в 2019 г., реставраторам музея пришлось проводить повторную реставрацию седла (рис. 1).

Так как седло изготовлено из органических материалов, оно подвержено физико-химическим изменениям и естественному старению. Следует принять во внимание случаи чрезвычайных ситуаций, изменения температурно-влажностного режима и освещения, воздействие самых разных факторов, смену экспозиции, переезды и т. п., — все эти факторы могли запустить процессы дестабилизации и деградации материалов. При визуальном осмотре седла выявлена общая дестабилизация материала. Массив артефакта незначительно подсушился, края седла — сильнее, наблюдаются растрескивания, выкрашивания, осыпания. Также зафиксированы незначительные локации плесени. На поверхности упоров седла выявлены внешние загрязнения различного характера, а также из-за различных факторов, дестабилизировавших артефакт, и в результате его усыхания на поверхности выступили консервационные материалы. Поверхность запылена, местами наблюдаются потемнения. Фрагмент центральной части седла в раскопе ближе

1 Исследование финансировалось Комитетом науки МОН РК, ИРН проекта № OR11465466.

2 Гульнара Саиновна Джумабекова — Институт археологии им. А. Х. Маргулана, пр. Достык, д. 44, Алматы, A25D9K0, Республика Казахстан; e-mail: gdzhuma@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2145-2615.

3 Дана Кырымовна Досаева — Национальный музей Республики Казахстан, пр. Тауелсиздик, д. 54, Астана, Z00T2C9, Республика Казахстан; e-mail: danatengri@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0383-935X.

4 Галия Аппазовна Базарбаева — Институт археологии им. А. Х. Маргулана, пр. Достык, д. 44, Алматы, A25D9K0, Республика Казахстан; e-mail: galiya2002@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4755-9007.

Рис. 1. Седло из кургана № 11 могильника Берел: *1* — фото Д. К. Досаевой; *2* — прорисовка (по: *Самашев*, 2011. Рис. 385)

Fig. 1. Saddle from the Mound 11 of the Berel Graveyard: *1* — photo by D. K. Dossayeva; *2* — drawing (after *Самашев*, 2011. Рис. 385)

других прилегал к останкам лошади, процесс разложения которой неблагоприятно отразился на общей сохранности изделия. В местах складок ткань имеет заломы и разрывы, незначительно подсохла.

Микроскопический анализ произведен на стереомикроскопе Carl Zeiss «STEMI» 2000 в проходящем и отраженном свете. Отобраны микропробы для тестовых лабораторных исследований. Реставрационные мероприятия проведены в следующей последовательности: фотофиксация (до, во время и после консервационно-реставрационных работ); исследования; забор проб на активность грибов плесени; пробы на текучесть красителей; антисептирование; сухая очистка; влажная очистка; влажная промывка; наблюдение за экслокациями плесени; пластификация; стабилизация. В результате проведенных работ удалены загрязнения, состояние материалов объекта стабилизировано.

3. Самашев подробно описал седло, а также кратко дал интерпретацию сцены, которой декорировано седельное покрытие (рис. 1, *2* — *Самашев*, 2011. С. 167–170, рис. 385). Параметры одной половины седла: длина 41,6 см, ширина 23 см, высота переднего упора 11 см. На каждой седельной подушке изображена сцена терзания синкретическим хищным существом копытного животного, причем жертва повернута голо-

вой вперед, хищник — назад. По краям седельного покрытия — вереница из пяти синкретических существ (кошачьих хищников с крыльями и рогами козерога), движущихся к голове коня. По краям седла были расположены деревянные рифленые дольчатые подвески, напоминающие коробочку растения с семенами, покрытые оловом (36 шт.) (рис. 1).

Травоядное животное изображено в профиль, его голова — анфас, более светлого оттенка. Его четыре ноги раскинуты и согнуты в коленях. Надо заметить, что копыта не проработаны так детально, как на других изображениях, например, как у козла в сцене терзания его четырьмя хищниками (*Bazarbayeva, Jumabekova*, 2021). На крупе травоядного — типичные скобки с кружочком внутри (инверсия). Голову венчают раскидистые мощные рога и большие листовидные уши, расположенные по сторонам, горизонтально; маленькие овальные глаза вместе с носовой частью объединены единой линией контура (рогов, ушей, носа). Рога у животного асимметричны. З. Самашев (*Самашев*, 2011. С. 168) считает, что это конь в маске оленя. Отметим, что образ «клювоголового» оленя/грифона с рогами и туловищем оленя представляет собой одно из ответвлений сюжета терзания грифоном оленя в алтайском искусстве, отраженного в убранстве коней пазырыкской культуры (*Черемисин*, 2008. С. 104). Анализируемый сюжет — один из вариантов мифологемы, для выражения которой ряд стилистических решений, художественных приемов и образов использовался с раннескифского периода.

Базарбаева, Джумабекова, 2019 — *Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С.* О конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. Д. Грача // Археология Казахстана. 2019. № 1 (3). С. 141–146.

Грязнов, 1950 — *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.

Косинцев, Самашев, 2014 — *Косинцев П. А., Самашев З.* Берельские лошади. Морфологические исследования. Астана: ФИА, 2014. 368 с. (МИАК; Т. V).

Руденко, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Самашев, 2011 — *Самашев З.* Берел. Алматы: Изд. дом «Таймас», 2011. 236 с.

Слюсаренко, 2011 — *Слюсаренко И. Ю.* Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // «Terra Scythica»: Материалы междунар. симпозиума (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай) / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 239–251.

Смирнов, 2017 — *Смирнов Н. Ю.* Один на всех. К эпистолярным связям М. П. Грязнова и лидеров казахской археологии второй половины XX века // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. В 2 т. / Отв. ред.: А. З. Бейсенов, В. Г. Ломан. Т. 1. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 230–247.

Черемисин, 2008 — *Черемисин Д. В.* К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве // Тропою тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет / под ред. Д. Г. Савинова, О. С. Советовой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 99–105. (Тр. САИПИ; Вып. IV).

Bazarbayeva, Jumabekova, 2021 — *Bazarbayeva G. A., Jumabekova G. S.* On the Study of the Scenes of Torment in the Art of People of Pazyryk Culture Based on Materials from Kurgan 11 of the Berel Graveyard in the Kazakh Altay // Archaeology and Early History of Ukraine. Vol. 41. No. 4. 2021. P. 107–120.

Decor of the most ancient saddle in Kazakhstan: issues of study and preservation

Gulnara S. Jumabekova[5], Dana K. Dossayeva[6], Galiya A. Bazarbayeva[7]

The article analyzes the saddle from the mound 11 of the Berel Graveyard. The site was investigated during the field seasons of 1998–1999 by the international expedition of the Margulan Institute of Archaeology under the rule of Zaynolla Samashev. The authors briefly describe the methods of studying the saddle's condition and examine the decor of the saddle covering.

Keywords: *Kazakh Altai, Pazyryk culture, Berel Graveyard, saddle, conservation, restoration.*

5 Gulnara S. Jumabekova — Margulan Institute of Archaeology, 44 Dostyk Ave., Almaty, A25D9K0, Republic of Kazakhstan; e-mail: gdzhuma@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2145-2615.

6 Dana K. Dossayeva — National Museum of the Republic of Kazakhstan, 54 Tauelsizdik Ave., Astana, Z00T2C9, Republic of Kazakhstan; e-mail: danatengri@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0383-935X.

7 Galiya A. Bazarbayeva — Margulan Institute of Archaeology, 44 Dostyk Ave., Almaty, A25D9K0, Republic of Kazakhstan; e-mail: galiya2002@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4755-9007.

Образы хищных птиц у древних индоевропейцев: иконография, орнитологические определения по изображениям, семантика

О. В. Аникеева[1], С. А. Букреев[2]

Аннотация. *Изображения хищных птиц широко распространены в древних культурах II–I тыс. до н. э. от Ближнего Востока до Индии. Их влияние на мировоззрения ранних кочевников, несомненно, велико. Для сакральной символики большое значение имели как определение видов птиц, так и нюансы иконографии изображений. Древние мастера хорошо представляли себе строение таких хищных птиц, как орел, сокол, ястреб, сова. Поэтому, помимо толкования тех или иных образов (птиц, в частности) и соотношения его с религиозным значением в разных культурах древнего мира, важно знать орнитологические определения.*

Ключевые слова: *Южный Урал, могильник Филипповка 1, орел, сокол, ястреб, сова, птица Вараган, Хварно.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.422-425

В этой работе сделана попытка с помощью орнитологических определений уточнить значение и семантику образов хищных птиц, играющих важную роль в понимании религиозной символики древних индоиранцев.

Среди находок из погребения 2 Филипповского кургана 1 есть два сакральных предмета, в композиции которых задействованы изображения хищных птиц. Это сложная подвеска и зеркало (*Яблонский*, 2016. С. 748–751, рис. 3; 4; *Yablonsky, Treister*, 2019. P. 85–86, 92–93, 100–105, 123–127, 133–135. Figs. 4, *3*, *5–6, 15–18*; *Аникеева, Колганова*, 2020. С. 7–20. Рис. 2–4).

В центральный диск подвески (рис. 1, *1*) вписана композиция с изображением двух симметричных профильных фигур хищных птиц, фланкирующих центральный элемент композиции — мировое древо. Их сильные когтистые лапы стоят на корнях дерева, внутренние контуры спины и шеи плавно обтекают крону дерева и в макушках повернутых назад голов с острыми клювами смыкаются с окончаниями крылатого солнечного диска. Их крылья с загнутыми вверх концами соприкасаются с внутренним контуром диска, а расправленные хвосты направлены вниз, полностью закрывая контур священного дерева. Не исключено, что смысловая нагрузка хищных птиц связана с крылатым диском, но их основная функция в композиции — охранять мировое древо (*Аникеева, Колганова*, 2020. С. 16).

Композиция серебряного диска зеркала состоит из трех концентрических орнаментальных поясов, в центральной окружности (рис. 1, *2*) изображена хищная птица в полете. В литературе эта характерная поза получила название геральдической. Конструкция зеркала ассоциируется с образом «древа жизни», где ажурная ручка в зверином стиле (бронза в золотом покрытии) — это ствол дерева, а диск — его крона.

Птицу на зеркале археологи справедливо отнесли к орлам. Из иконографии изображения (рис. 1, *2*) выделяются следующие орнитологические характеристики, позволяющие отнести ее к орлам: 1) крупный крючковатый клюв; 2) широкий и короткий хвост; 3) судя по равномерной толщине лап, оперением покрыты и голень, и цевка[3] до самых пальцев (у соколов и ястребов цевка голая); 4) широкий и плавно закругленный силуэт крыльев в полете, в рисунке которых четко выделены 10 крупных перьев, оконтуривающих снизу линию крыла. При парении крупные и наружные первостепенные маховые перья (а их именно 10) широко растопырены (в виде «пальцев»);

Единственная несвойственная для орлов черта — это большой и круглый глаз, характерный для соколов (за счет темного зрачка и радужины глаза у них выглядят крупнее, чем у других хищных птиц). Но орлиная зоркость — признак нарицательный, и древний мастер подчеркнул, вероятно, внутреннее качество в изображении.

М. Ю. Трейстер в атрибуции зеркала связывает образ птицы с фигурой бога Хора-сокола, включая в круг его ближайших аналогий изображения хищной птицы на глазурованной плитке из раскопок Персепольского дворцового комплекса (рис. 1, *3*)[4] и на золотых медальоне и бляхах амударьинского клада

1 Ольга Викторовна Аникеева — Государственный научно-исследовательский институт реставрации, ул. Гастелло, д. 44, Москва, 1107014, Российская Федерация; e-mail: olganikeeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8725-4171.

2 Сергей Анатольевич Букреев — Институт проблем экологии и эволюции РАН, Ленинский пр., д. 33, Москва, 119071, Российская Федерация; e-mail: sbukreev62@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2168-0722.

3 Це́вка (лат. *tarsometatarsus*) — кость ноги, расположенная между голенью и пальцами, образуется слиянием нижнего (дистального) ряда предплюсневых костей с тремя средними (2–4) сросшимися по длине плюсневыми костями.

4 Здесь и далее ссылки на литературу см. в рис. 1, x, где x (3–20) — номер иллюстрации.

Рис. 1. Изображения хищных птиц: *1, 2* — могильник Филипповка 1, курган 1, погребение 2; *3* — по: *Curtis, Tallis*, 2005. P. 95. Cat. 77; *4–6* — по: *Dalton*, 1905. P. 89, 115, pl. X, *25*; XI, *33, 34*; *Зеймаль*, 1979. С. 69. № 148; *7, 8, 15, 17–20* — по: Das Artemision..., 2008. S. 130–132, 214, 237, Kat. Nrs. 9–13; 215; 292; *9* — по: *Сариниди и др.*, 2020. С. 195; *10, 11* — по: *Sarianidi*, 2007. P. 104, 123, No. 172; 241; *12, 13* — по: *Salvatori*, 2020. P. 119, fig. 12, *10, 11*

Fig. 1. Images of birds of prey: *1, 2* — Filippovka burial ground 1, mound 1, burial 2; *3* — after *Curtis, Tallis*, 2005. P. 95. Cat. 77; *4–6* — after *Dalton*, 1905. P. 89, 115, pl. X, *25*; XI, *33, 34*; *Зеймаль*, 1979. С. 69, № 148; *7, 8, 15, 17–20* — after Das Artemision..., 2008. S. 130–132, 214, 237, Kat. Nrs. 9–13; 215; 292; *9* — after *Сариниди и др.*, 2020. С. 195; *10, 11* — after *Sarianidi*, 2007. P. 104, 123, No. 172; 241; *12, 13* — after: *Salvatori*, 2020. P. 119, fig. 12, *10, 11*

(*Dalton*, 1905. P. 89, 115, pl. X, *25*; XI, *33, 34*; *Зеймаль*, 1979. С. 69, № 148). Это является одним из основных аргументов для определения сакральных образов на диске как ахеменидских религиозных символов, хотя при анализе композиции диска зеркала автор упоминает, что аналогии ему в ахеменидском искусстве неизвестны (*Yablonsky, Treister*, 2019. P. 133–134).

Орнитологические определения показали, что птица на глазурованной табличке из Персеполя (рис. 1, *3*) — это ястреб. Ниже приведены признаки, позволяющие отнести это изображение к ястребам: 1) параллельно полосатый рисунок груди и брюха («тельняшка»); 2) широкие крылья, распахнутые перпендикулярно туловищу, маховые перья расположены иначе и отчетливы в силуэте парящей птицы только на кончиках крыльев; 3) цевка голая, поэтому выглядит значительно тоньше по сравнению с оперенной голенью ноги («штаны»); 4) пропорционально более длинный и узкий полосатый хвост; 5) небольшой острый клюв; 6) маленькие глаза.

Хищные птицы в амударьинском кладе (рис. 1, *4–6*) изображены на четырех предметах: медальоне (рис. 1, *4*), двух бляшках с идентичной иконографией птиц (рис. 1, *5* — приведена большая по размеру бляшка), литой фигурке сидящей птицы (рис. 1, *6*). На последнем изображении мелкие детали неопределимы из-за ракурса или качества фото, по пропорциям фигуры оно не принадлежит орлу. У первой птицы (рис. 1, *4*) полосатые тулово и широкие крылья от ястреба, крупная голова и угол изгиба крыльев от сокола, крючковатый клюв, равномерно оперенные лапы и широкий короткий хвост от орла. У второй птицы (рис. 1, *5*) клюв и форма крыльев от орла, оперенье ног (голая цевка и «штаны» на голени) от ястреба, выраженная форма головы с круглым глазом и удлиненный хвост от сокола. Поскольку основные части тел этих птиц подработаны тонкой гравировкой, то создается впечатление, что мастер сознательно создавал собирательный образ мощной агрессивной птицы с признаками орла, ястреба, сокола.

Изображения птиц на медальоне филипповской подвески (рис. 1, *1*) схематичны; вероятно, это собирательный образ, сочетающий черты сокола (крупная голова с острым клювом, большой круглый глаз) и орла (форма и изгиб крыльев, короткий хвост).

Насколько тонко древние мастера чувствовали и умели натуралистично отразить характерные черты и облик разных хищных птиц, мы хотели продемонстрировать ниже. Фигуры соколов идентифицируются в печатях и украшениях середины — конца II тыс. до н. э. древней Бактрии и Маргианы (рис. 1, *9–12*), а также в храмах греческих колоний Малой Азии первой половины I тыс. до н. э. (рис. 1, *7, 8*). Характерные фигурки сов (рис. 1, *17–20*) с мешковатым туловом, крупной головой, большими глазами, короткими широкими крыльями и мощными когтями встречаются среди золотых украшений в храме Артемиды Эфесской (рис. 1, *17–20*). Экзотическими для искусства конца II — середины I тыс. до н. э. являются образы птицы-секретаря (рис. 1, *15* — характерны торчащие перья на белой голове, круглый темный глаз, отличительный разрез рта и сильный крючковатый клюв) и стервятника (рис. 1, *13* — его отличают по маленькой и лысой голове, сравнительно длинной шее и тонкому удлиненному клюву). Редкость изображений птицы-секретаря объясняется тем, что ареалы обитания этой птицы ограничены Африканским континентом. Ее изображения появляются во второй половине II тыс. до н. э. на пекторали из гробницы Тутанхамона (рис. 1, *16*) и до позднего средневековья изготовлялись преимущественно на территории Египта.

В авестийских традициях образы сокола и орла традиционно связаны со священной птицей Вараган/Верагна (Veraghna/Veregna), которая являлась хранительницей древнеиранского абстрактного божества Хварно/Фарр (Khvarenah/Khvarnah), олицетворяющего материальное воплощение животворящей силы Солнца и божественную сущность, приносящую удачу, богатство, власть и могущество (*Curtis*, 2020. P. 182, 184). Вараган могла как приносить благотворное сияние Хварно, так и забрать его, если человек сошел с праведного пути (*Аникеева, Колганова*, 2020. С. 15–17; *Curtis*, 2020. P. 424, 428). В мифах Вараган могла олицетворять Хварно, поэтому считалось, что амулеты из птичьих перьев способны приносить удачу и защищать его владельца как в этом, так и в потустороннем мире (*Soudavar*, 2005. P. 123–125; 2018. P. 27–28, figs. 29; 30).

Орнитологические определения изображений сакральных хищных птиц показали, что птица Вараган могла сознательно изображаться как образ собирательный (рис. 1, *1, 4, 5*) или воплощаться в определенном лике орла, ястреба или сокола (рис. 1, *2, 3, 9–11, 14*). Ее иконография определяется геральдической позой, часто с одной (рис. 1, *5* — над головой) или тремя (рис. 1, *3* — над головой в лапах) сферами, олицетворяющими Хварно.

Возможно, что протозороастрийская система сакральных образов начинает формироваться в Бактрии и Маргиане, где в последней трети II тыс. до н. э. изображение священной птицы Вараган уже сложилось. В древнем Иране подобные параллели возникают только к началу — второй трети I тыс. до н. э.

Как видно из приведенных здесь (достаточно разнородных) примеров, древние мастера к середине I тыс. до н. э. отчетливо осознавали, собирательный образ или конкретный вид птицы (сокола, ястреба, орла) они хотят получить. Поэтому нам кажется, что

прежде, чем выстраивать трактовку предметов атрибуции и соотносить ее с религиозным использованием в разных культурах древнего мира, было бы полезно узнать мнение специалиста о том, имеет ли конкретный образ определенную видовую принадлежность, является собирательным или не связан напрямую с реальной птицей.

Аникеева, Колганова, 2020 — *Аникеева О. В., Колганова Г. Ю.* Ювелирное изделие из погребении 2 кургана 1 могильника Филипповка 1: техника изготовления, назначение и семантика образов // НАВ. 2020. Т. 19. № 1. С. 6–27.

Зеймаль, 1979 — *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. 96 с.

Сариниди и др., 2020 — *Сариниди В. И., Дубова Н. А., Самурский К. С.* Сокровища древней Маргианы. Фотоальбом. М.: Старый сад, 2020. 180 с.

Яблонский, 2016 — *Яблонский Л. Т.* Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале // ВДИ. 2016. № 3 (76). С. 744–766.

Curtis, 2020 — *Curtis V. S.* Religious Iconography on ancient Iranian coins // After Alexander: Central Asia before Islam / Ed. G. Hermann. London: British Museum, 2020. P. 312–434.

Dalton, 1905 — *Dalton O. M.* The treasure of the oxus with other objects from ancient Persia and India. London: British Museum, 1905. 219 p.

Das Artemision…, 2008 — Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin. Katalog Ausstellung Istanbul / Hrsg. W. Seipel. Wien: Kunsthistorisches Museum: Phoibos-Verlag, 2008. 256 S.

Salvatori, 2020 — *Salvatori S.* Bactria and Margiana seals: A new assessment of their chronological position and a typological survey // The East and the West. 2020. Vol. 50. No. 1–4. P. 97–145.

Sarianidi, 2007 — *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur-depe. Athens: Kapon editions, 2007. 340 p.

Soudavar, 2005 — *Soudavar A.* The formation of Achaemenid imperial ideology and its impact on Avesta // The world of Achaemenid Persia. London; New York: I. B. Tauris, 2005. P. 111–138.

Soudavar, 2018 — *Soudavar A.* Iranian complexities: a study in Achaemenid, Avestan, and Sasanian Controversies. Houston: Lulu, 2018. 234 p.

Yablonsky, Treister, 2019 — *Yablonsky L. T., Treister M. Yu.* New archaeological data on Achaemenid influences in the Southern Urals // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2019. Vol. 25. P. 79–161.

Images of birds of prey among the ancient Indo-Iranians: iconography, ornithological definitions by images, semantics

Olga V. Anikeeva[5], Sergei A. Bukreev[6]

The images of birds are widespread in the ancient cultures from the Near East to India in the 2nd — 1st millennium BC. The influence of these cultures on the formation of the worldviews of the early nomads is, undoubtedly, great. In ancient times, both the definition of bird species and the nuances of the iconography of images were of great importance for sacred symbolism. Examples are given showing that the ancient masters clearly imagined the structure of such birds of prey as an eagle, falcon, hawk, owl. Therefore, before building an interpretation of certain images (birds, in particular) and correlating it with religious meaning in different cultures of the ancient world, it would be useful to make definitions of a specialist.

Keywords: *Southern Urals, Filippovka 1st cemetry, eagle, falcon, hawk, owl, Veragna bird, khvarenah.*

5 Olga V. Anikeeva — State Research Institute of Restoration, 44 Gastello St., Moscow, 1107014, Russian Federation; e-mail: olganikeeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8725-4171.

6 Sergei A. Bukreev — Institute for Problems of Ecology and Evolution of the RAS, 33 Leninsky Ave., Moscow, 119071, Russian Federation; e-mail: sbukreev62@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2168-0722.

Ажурный браслет в зверином стиле из Сибирской коллекции Петра I: стиль, технологические особенности и индивидуальная манера

Е. Ф. Королькова[1]

Аннотация. *В статье рассматривается один из золотых предметов из Сибирской коллекции Петра I, ювелирные изделия которой, как известно, в силу сложившихся обстоятельств не имеют точных данных о происхождении и собраны из разнородных и разновременных памятников. Датировать эти предметы и определить их культурную принадлежность можно исключительно на основании стилистического и технико-технологического анализов. Рассматриваемый браслет представляет собой в некоторой степени уникальный случай: он демонстрирует редкий тип украшения, имеющего многокомпонентную структуру, и состоит из трех ярусов, созданных в едином стиле, но, очевидно, разными мастерами. Формальные особенности позволяют отнести его к группе ювелирных изделий IV–III вв. до н. э. и генетически связать с иранской культурой.*

Ключевые слова: *Сибирская коллекция Петра I, браслет, стилистические особенности, техника исполнения, манера, звериный стиль.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.426-428

В составе Сибирской коллекции Петра I имеется браслет (Си 1727–1/68) (*Руденко*, 1962. С. 20, рис. 16; табл. XIX, *4–6*; *Артамонов*, 1973. С. 181, рис. 234, *а, б*), который типологически выпадает из общего ряда украшений этой категории, входящих в собрание[2]. Единственный из всех браслетов коллекции, он представляет собой тип широкого пластинчатого запястья и состоит из трех ажурных полос с зооморфными изображениями в сложных композициях терзания (рис. 1). Браслет выполнен в технике литья по восковой модели. Причем ажурные полосы с зооморфным декором в воске изготавливались, несомненно, тремя разными мастерами, о чем свидетельствует различие в индивидуальной изобразительной манере. Поскольку в этих фризах фигурируют животные одних и тех же видов в разных комбинациях, хорошо заметна разница в пропорциях фигур, их массивности и грацильности и прочих деталях, которые можно отнести только за счет индивидуальности художественного почерка. По этим признакам выделяются три индивидуальные манеры исполнения для браслета: в каждом фризе читается авторская рука. Это обстоятельство свидетельствует о важной характеристике ювелирного производства — оно, несомненно, носило коллективный характер: над одним изделием работало несколько мастеров, каждый из которых выполнял определенную операцию.

В данном случае встает вопрос, на каком этапе производственного процесса детали, выполненные разными мастерами, соединялись. Поскольку следов пайки визуально не заметно, вероятно, соединялись детали восковой модели. Но окончательно ответить на этот вопрос можно будет после специального аналитического исследования.

На центральном фризе показано нападение двух волков на поверженную лошадь. При этом все трое животных изображены с неестественно вывернутыми, горизонтально вытянутыми телами, что задает волнообразный динамичный ритм всей композиции. Фигуры волков направлены навстречу друг другу, но развернуты относительно оси симметрии по линии верх–низ, а их задние лапы раздвинуты. Персонажи центрального фриза лишены дополнительных декоративных акцентов в виде вставок или их имитаций.

Два внешних фриза демонстрируют сцены нападения волков на горных баранов, но выполнены они по-разному. Один фриз имеет в середине разделитель в виде вертикальной орнаментальной полосы из шести треугольников, направленных навстречу друг другу вершинами, с центральным углублением (вероятно, имитирующим касты с инкрустацией, т. к. вряд ли она была технически возможной из-за слишком мелких углублений). По сторонам от разделите-

1 Елена Федоровна Королькова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: lenkor_54@mail.ru; ORCID 0000-0002-1199-005X.

2 Браслет происходит из грабительских раскопок «бугровщиков» первой четверти XVIII в. Он входил в состав второй посылки М. П. Гагарина, отправленной из Тобольска 12 декабря 1716 г. Петру I и прибывшей в Петербург в январе 1717 г. (*Завитухина*, 1977. С. 47, рис. 3, *15*).

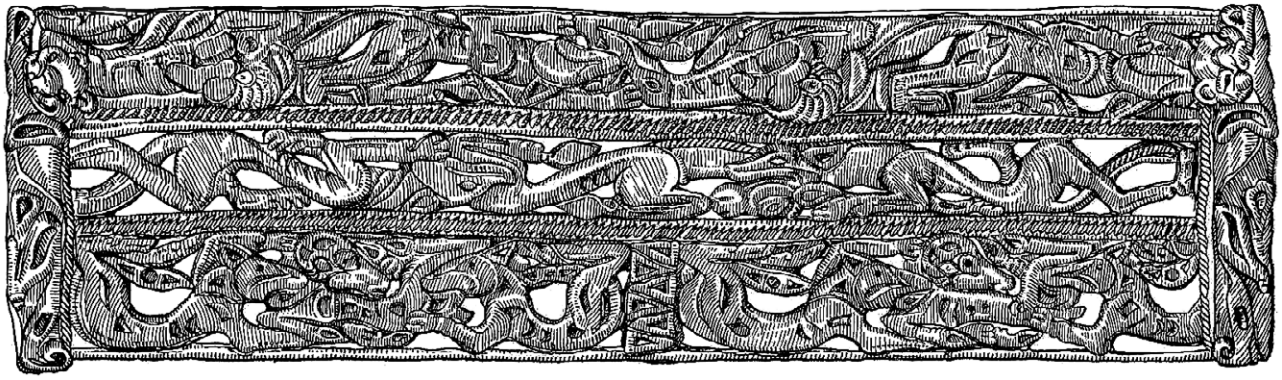

Рис. 1. Сибирская коллекция Петра I. Развертка композиции на браслете (по: *Руденко*, 1962. С. 20, рис. 16)
Fig. 1. Siberian collection of Peter the Great. Compositions pattern on the bracelet (after *Руденко*, 1962. С. 20, рис. 16)

ля — две идентичные сцены нападения двух волков на барана. При этом обе фигуры хищников расположены симметрично навстречу друг другу. Фигуры и баранов, и волков с вывернутыми телами, но обе задние ноги волков завернуты вверх с пропущенным между ними хвостом, т. е. как будто схожая с центральным фризом композиция решена совсем по-другому. Тела и волков, и баранов имеют многочисленные фигурные углубления, имитирующие вставки.

Третий ажурный фриз демонстрирует две сцены нападения волка на барана. И эти композиции совершенно отличны от всех предыдущих вариантов: оба волка и оба барана изображены одинаково: баран показан лежащим с повернутой назад головой, волк — с вывернутым телом, с задними ногами в разном направлении, вверх и назад, и с отставленным назад хвостом. Тела волков имеют несколько фигурных имитаций вставок, а бараны их лишены. Одна из двух пар хищник — жертва на развернутом фризе разорвана и композиционно соединяется только в сомкнутом браслете. Концевые зоны браслета украшены фигурами лежащих кошачьих хищников.

Манера исполнения изображений на всех трех фризах настолько различается в деталях, что можно с уверенностью предположить в них работу трех разных мастеров, участвовавших в изготовлении одного украшения. Первый фриз отличается более плотным заполнением пространства, грубоватыми корпулентными фигурами животных и угловатостью контуров. Второй (центральный) фриз характеризуется текучестью плавных линий, изяществом композиционного построения, тщательностью проработки деталей и отсутствием дополнительных орнаментальных геометрических элементов. Третий фриз демонстрирует более дробную композицию, изобилующую сложными ракурсами фигур и дополнительными орнаментальными акцентами на телах животных и разделителях раппортов.

В целом, этот браслет входит в стилистический круг, близкий художественным изделиям из алтайских курганов и ювелирным украшениям, найденным в памятниках Южной Сибири и среди сокровищ Окса (*Королькова*, 2017). Это стиль, сформировавшийся под несомненным влиянием искусства ахеменидского Ирана, характерен для памятников IV–III вв. до н. э., найденных на территории Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Артамонов, 1973 — *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 280 с.

Завитухина, 1977 — *Завитухина М. П.* Собрание М. П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллеции Петра I // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 41–51.

Королькова, 2017 — *Королькова Е. Ф.* О происхождении некоторых особенностей сибирского звериного стиля // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 50–60.

Руденко, 1962 — *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 52 с. (САИ; Вып. Д3–9).

The animal style openwork bracelet from the Siberian collection of Peter the Great: its style, technological features and individual manner

Elena F. Korolkova[3]

The paper considers a gold item from the Siberian collection of Peter the Great. It is well known that these artifacts originate from various sites of different epochs, but the obscure obstacles of the collection's formation don't allow to clarify their provenance. So the dating of these items and the definition of their cultural belonging are possible only by the means of stylistic and technical-technological analysis. The considered bracelet is unique to some degree: it represents a rare type of ornament with a multi-component structure. It consists of three tiers created in a unified style but obviously by different artisans. The bracelet's formal features allow to attribute it to the group of jewelry of the 4th–3rd cent. BC genetically linked with the Iranians' culture.

Keywords: *Siberian collection of Peter the Great, bracelet, stylistic features, technique, manner, animal style.*

3 Elena F. Korolkova — The State Hermitage Museum, 34 Palace Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: lenkor_54@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1199-005X.

СЕКЦИЯ VII
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Об открытии несторианской церкви на острове Сокотра (Йемен)

Ю. А. Виноградов[1]

Аннотация. *В 2008–2010 гг. и в 2012 г. Российская археологическая миссия в Республике Йемен проводила раскопки на острове Сокотра. К западу от столицы острова (Хадибо) было исследовано основание монументального здания. Оно существовало в пределах IX–XIV вв. Есть основание считать, что здание было построено как несторианская церковь.*

Ключевые слова: *Индийский океан, остров Сокотра, древние церкви, несториане.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.429-432

Остров Сокотра, расположенный в Аденском заливе Индийского океана, привлекает пристальное внимание историков и археологов (*Shinnie*, 1960; *Наумкин*, 1988; 2012; *Doe*, 1992). В середине 80-х гг. XX в. здесь начала свои поиски Советско-Йеменская (затем Российско-Йеменская) комплексная экспедиция. В 1985 г. В. В. Наумкин и А. В. Седов к востоку от столицы острова Хадибо открыли очень важный памятник, обозначенный ими как Хажря (*Naumkin*, *Sedov*, 1993. P. 600–605; 1995. P. 224–229). Он представляет собой целую серию археологических объектов, расположенных на площади 1,36 га: остатки зданий, некрополь и т. д. Сборы керамических находок на поверхности памятника показали, что они в основном относятся к X–XIII вв. (*Наумкин*, 1989. С. 160).

Большое внимание исследователей привлекли остатки самого крупного здания на поселении, но раскопки здесь были предприняты лишь в 2008–2010 и 2012 г. участниками Российской археологической миссии в Республике Йемен под руководством В. В. Наумкина (см.: *Виноградов*, 2012; *Наумкин*, 2012. С. 195–211; *Vinogradov*, 2012. P. 304–310). Здание действительно имело крупные размеры — 24 × 12 м, длинной осью оно ориентировано по линии В–З (рис. 1). Стены сложены из необработанных камней на глинистом растворе, их ширина составляет 0,6–0,7 м, сохранившаяся высота –1,5 м.

Несмотря на то, что здание раскопано не полностью, его планировка вполне понятна. Главный вход — с запада. Можно предполагать, что здесь был сделан не один проход, а три — центральный и два боковых. В длинных стенах тоже имелись проходы. В северной их было два, в южной — один. За входом располагался внутренний двор; далее следовали три помещения, вытянутые по оси З–В. Центральное из них во время раскопок было названо помещением I, а боковые — северным и южным коридорами. В восточной части здания расположены три помещения — II, III и IV.

За западной стеной располагался *внутренний двор*, имевший размеры 10 × 3 м. На площади двора около северной и южной стен здания симметрично по отношению друг к другу расположены конструкции, условно названные нами каменными ящиками, из которых был раскопан лишь один. По своей конструкции он сильно напоминает грунтовую могилу, борта которой были обложены каменными плитами, но никаких костных остатков здесь не было обнаружено. Возможно, данное обстоятельство следует объяснять тем, что заполнение ящика было сильно насыщено известью.

С площади описанного двора вдоль южной и северной стен здания шли длинные коридоры, а между ними находилось *помещение I*, которое по планировке тоже напоминает коридор. Вполне очевидно, что в структуре здания это помещение играло очень важную роль. Его длина достигала 12 м, ширина в западной части — 3,45 м, а в восточной — 3,95 м. Со стороны двора, т. е. с запада, сюда вел вход шириной 1 м. С южным коридором помещение было связано тремя проходами, имевшими 0,9–1,0 м в ширину. Из север-

1 Юрий Алексеевич Виноградов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: vincat2008@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4447-5679.

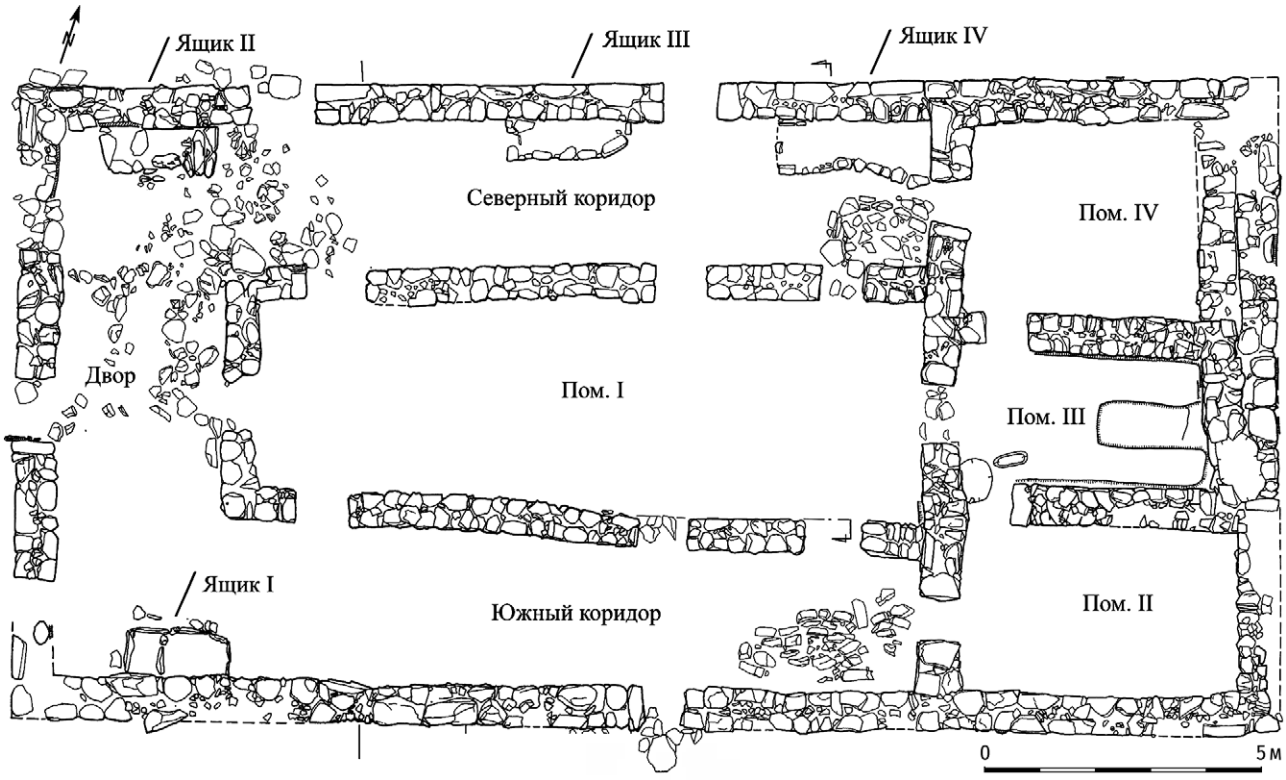

Рис. 1. Церковь на острове Сокотра. План
Fig. 1. Church on the island of Socotra. Plan

ного коридора в помещение вели тоже три входа, расположенные симметрично входам из южного коридора и равные им по размерам. Помещение I было связано также с более восточным помещением III, которое, как будет показано ниже, в структуре комплекса имело ключевое значение.

Южный коридор вытянут вдоль южной стены здания на 12,5 м, его ширина неодинакова, составляя 2,55 м в восточной части и 2,8 м в западной. Как уже говорилось, южный коридор связан тремя проходами с помещением I. Кроме того, из него ведет проход в помещение II.

Северный коридор вытянут вдоль северной стены здания и, подобно южному, имеет длину 12,5 м. Его ширина составляет 2,75 м. Как уже было сказано, он был связан тремя проходами с помещением I. Другой проход соединял его с помещением IV. На территории коридора, около северной стены, были обнаружены два каменных ящика (III и IV), которые, скорее всего, тоже служили могилами.

В восточной части здания расположены три сравнительно небольших по площади помещения: II, III и IV. Первое из них имеет размеры 5 × 3 м. Вход в него, как уже отмечалось, вел из южного коридора. В северной стене помещения, непосредственно около северо-западного угла, имеется проход, ведущий к северу, в помещение III.

Помещение III (4,40–4,50 × 2,40 м) является центральным в восточной части здания и, как представляется, самым важным во всей этой постройке. В него можно было попасть через три входа: с запада оно связано с помещением I, с юга — с помещением II, третий проход ведет к северу, в помещение IV.

При исследовании помещения были выявлены четыре уровня полов. На самом раннем из них сохранились остатки важной детали интерьера. К центральной части восточной стены примыкает конструкция, представляющая возвышение четырехугольной формы со скругленными углами (1,98 × 0,83 м, сохранившаяся высота от уровня пола — 0,16 м). В своей основе оно состояло из желтоватого материкового суглинка. Однако по бокам, точнее, с трех сторон — северной, южной и западной — конструкция была покрыта известковой промазкой, сделанной одновременно с промазкой раннего пола (восточной стороной она примыкает к стене). Остатки известковой промазки, сохранившиеся на восточной стене помещения, позволяют считать, что первоначально данное сооружение достигало в высоту 0,4 м. Вполне очевидно также, что по каким-то причинам оно было разрушено и перекрыто более поздними полами.

Исследования помещения III позволяют сделать важное заключение относительно функциональной принадлежности не только этого помещения, но и все-

го здания в целом. Дело в том, что конструкция, расположенная около его восточной стены, скорее всего, является основанием алтаря. Соответственно, все здание представляется возможным трактовать как христианскую церковь, хотя изображений крестов и другой христианской символики ни здесь, ни в других частях здания не зафиксировано.

Помещение IV (4,2 × 3,5 м) находится в северо-восточном углу предполагаемой церкви. Как уже было сказано, оно было связано с помещением III через проход в южной стене. Второй проход соединял его с северным коридором.

Изучение керамических находок, сделанных во время раскопок здания, а также результаты радиоуглеродного анализа обнаруженных здесь фрагментов древесного угля позволяют считать, что это сооружение существовало в хронологических рамках IX–XIV вв.

Оценивая планировку здания со всеми охарактеризованными выше «помещениями» и «коридорами», можно признать, что оно представляет собой обычную трехнефную церковь с алтарной частью, расположенной, как того требуют все каноны, с восточной стороны. Заметное отличие от обычной планировки заключается лишь в том, что здание не имеет апсиды и три нефа разделены стенами, а не рядами колонн.

Такое археологическое открытие в западной части Индийского океана вызывает немало вопросов. В российской научной литературе традиционно уделяется внимание распространению христианства в Центральную Азию (*Бартольд*, 1964а; 1964б; *Никитин*, 1984; *Богомолов и др.*, 1994). Христиане-несториане, однако, продвинулись и в юго-восточном направлении, в том числе в Персидский залив (*Беляев*, 1998. С. 142–144, 226–229). В археологическом изучении ранних церквей этого района, относящихся в основном к VII–IX вв., было много сделано в последние десятилетия XX в. (см.: *Гаибов*, *Кошеленко*, 2006. С. 150–153; *Bernard et al.*, 1991; *Langfeld*, 1994; *Elders*, 2001; 2003; *Carter*, 2008). Для этих церквей характерно разделение на три нефа, к тому же они часто не имеют апсид (см.: *Fiey*, 1959. Pl. II, VI–X; *Whitehouse*, *Williamson*, 1973. P. 42). Иными словами, их сходство с сокотрийским зданием выглядит вполне очевидным.

Однако насколько реально проникновение христианства в этот район в обозначенное время? Хорошо известно, что в юго-западной части Аравии в период раннего средневековья существовали различные формы христианства (*Finster*, 2010. P. 70). Что касается сокотрийских христиан, то, по свидетельству Марко Поло, они находились под управлением несторианского архиепископа в Багдаде (*Марко Поло*, 1956. С. 201). Их нравы и обычаи описаны знаменитым путешественником весьма колоритно. В частности, он отметил, что тамошние христиане — «самые ловкие в свете колдуны» (*Там же*. С. 201). Тем не менее, основываясь на сообщении Марко Поло, приходится считать, что на Сокотре господствовал несторианский толк христианства (*Наумкин*, 1988. С. 29; 2012. С. 57–58). Приведенные выше археологические аналогии позволяют предполагать, что открытая нами церковь, скорее всего, принадлежала несторианской общине.

Бартольд, 1964а — *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: Восточная литература, 1964. С. 265–302.

Бартольд, 1964б — *Бартольд В. В.* Еще раз о христианстве в Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: Восточная литература, 1964. С. 315–319.

Беляев, 1998 — *Беляев Л. А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М.: Институт христианской культуры средневековья, 1998. 574 с.

Богомолов и др., 1994 — *Богомолов Г. И.*, *Буряков Ю. Ф.*, *Жукова Л. И., Мусакаева А. А., Шишкина Г. В.* Христианство в Средней Азии // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство / Сост. Л. И. Жукова. Ташкент: Гл. ред. энцикл., 1994. С. 6–18.

Виноградов, 2012 — *Виноградов Ю. А.* Открытие несторианской (?) церкви на острове Сокотра // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2012. Вып. V. С. 100–115.

Гаибов, *Кошеленко*, 2006 — *Гаибов В. А.*, *Кошеленко Г. А.* Христианские археологические памятники на Востоке (первое тысячелетие н. э.) // Христианский Восток. 2006. Т. 4 (X). С. 136–176.

Марко Поло, 1956 — *Марко Поло.* Книга Марко Поло. М.: Гос. изд-во географич. лит-ры, 1956. 376 с.

Наумкин, 1988 — *Наумкин В. В.* Сокотрийцы: Историко-этнографический очерк. М.: Наука, 1988. 302 с.

Наумкин, 1989 — *Наумкин В. В.* Полевые исследования на острове Сокотра // ВДИ. 1989. № 2. С. 158–161.

Наумкин, 2012 — *Наумкин В. В.* Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2012. 512 с.

Никитин, 1984 — *Никитин А. Б.* Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи / под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С. 121–137.

Bernard et al., 1991 — *Bernard V., Callot O., Salles J.-F.* L'église d'al Qousour Failaka, État de Kuweit // AAE. 1991. Vol. 2. No. 3. P. 145–181.

Carter, 2008 — *Carter R. A.* Christianity in the Gulf during the first centuries of Islam // AAE. 2008. Vol. 19. No. 1. P. 71–108.

Doe, 1992 — *Doe B.* Socotra. Island of tranquility. London: Immel Publishing, 1992. 238 p.

Elders, 2001 — *Elders J.* The lost churches of the Arabian Gulf: recent discoveries on the island of Sir Bani Yas, Abu Dhabi Emirate (United Arab Emirates) // PSAS. 2001. Vol. 31. P. 47–57.

Elders, 2003 — *Elders J.* The Nestorians in the Gulf; just passing through? Recent discoveries on the Island of Sir Bani Yas, Abu Dhabi Emirate, U. A.E. // Archaeology of the United Arab Emirates. London: Trident Pres, 2003. P. 230–236.

Fiey, 1959 — *Fiey J. M.* Mossoul chrétienne. Essai sur l'histoire, l'archéologie et l'étatactuel des monuments chrétiens de la ville de Mossoul. Beyrouth: Impr. catholique, 1959. 166 p.

Finster, 2010 — *Finster B.* Arabia in late antiquity: an outline of the cultural situation in the peninsula at the time of Muhammad // The Qur'ān in Context. Historical and Literary Investigations into the Qur'ānic Milieu. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 61–114.

Langfeld, 1994 — *Langfeld J. A.* Recently discovered early Christian monuments in Northern Arabia // AAE. 1994. Vol. 5. No. 1. P. 32–60.

Naumkin, *Sedov*, 1993 — *Naumkin V. V., Sedov A. V.* Monuments of Socotra // Topoi. Orient–Occident. 1993. Vol. 3 / 2. P. 569–623.

Naumkin, *Sedov*, 1995 — *Naumkin V. V., Sedov A. V.* Monuments of Socotra // Athens, Aden, Arikamedu: Essays on the interrelations between India, Arabia and the Eastern Mediterranean. New Delhi: Manohar, 1995. P. 193–243.

Shinnie, 1960 — *Shinnie P. L.* Socotra // Antiquity. 1960. Vol. 34. No. 134. P. 100–110.

Vinogradov, 2012 — *Vinogradov Yu. A.* Excavations at Wadi Hajrya on Soqotra island (Yemen) // Anabasis. Studia Classica et Orientalia. 2012. Vol. 3. P. 303–316.

Whitehouse, *Williamson*, 1973 — *Whitehouse D.*, *Williamson A.* Sasanian Maritime Trade // Iran. 1973. Vol. 11. P. 29–49.

To the discovery of the Nestorian church on the island of Socotra (Yemen)

Yuri A. Vinogradov[2]

In 2008–2010 and 2012, the Russian Archaeological Mission in the Republic of Yemen carried out excavations on the Island of Socotra. To the west of the capital of the island (Hadibu), the base of a monumental building was explored. It existed from 9th to 14th centuries. There is reason to believe that the building was built as a Nestorian church.

Keywords: *the Indian Ocean, Socotra Island, ancient churches, the Nestorians.*

2 Yury A. Vinogradov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Palace Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: vincat2008@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4447-5679.

Происхождение пластинчатых тисненых украшений в памятниках бассейна р. Вятка

А. А. Красноперов[1]

Аннотация. *В погребальном инвентаре памятников бассейна р. Вятки представлена серия пластинчатых тисненых украшений, не происходящих из местных или территориально близких древностей. Такая техника декора известна в Прибалтике, а также смоленских и псковских длинных курганах, где находки датируются III–V и VI–VIII вв. н. э. Это позволяет поставить вопрос о взаимодействии населения бассейна Вятки с этими областями или общем источнике стиля, чему не противоречит хронология находок.*

Ключевые слова: *бассейн реки Вятка, хронология, пост-азелинские памятники, культура длинных курганов, пластинчатые тисненые украшения.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.432-435

1 Александр Анатольевич Красноперов — Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, ул. Ломоносова, д. 4, Ижевск, 426004, Российская Федерация; e-mail: khaa@udm.ru; ORCID: 0000-0001-79310-4536.

Современная концепция культурогенеза памятников Прикамья сформулирована Р. Д. Голдиной в 1985 г. (*Голдина*, 1987). Ключевым моментом концепции является жесткое запараллеливание хронологии всех культур, не опирающееся на реальный археологический материал. Проработка отдельных культур была поручена ученикам Р. Д. Голдиной, которые защищали по ним диссертации. Проблема сохранилась и там: выводы были получены путем наложения материала на заданные схемы.

Для бассейна р. Вятки были таким образом определены: худяковская культура I–V вв., еманаевская культура VI–IX вв. и кочергинская культура X–XIII вв. Между комплексами V и VI вв. образовался искусственный и ничем не обоснованный культурный разрыв. Сложнее ситуация со второй, юмской, стадией «еманаевской культуры» VIII–IX вв. (*Лещинская*, 1995. С. 89): ее комплексы определенно не связаны с предыдущими, но прямых датирующих признаков не содержат.

Периодизацию, исходящую из конкретных находок, предложил Д. Г. Бугров, выделив раннеазелинский, «классический первый», «классический второй» и позднеазелинский этапы. На последнем этапе, в VI — начале VII в., при сохранении собственно азелинских традиций костюмного комплекта происходит процесс деструкции культуры. Ее памятники сохраняются только в бассейне р. Илеть и на правобережье р. Вятки, отдельные комплексы и находки позднеазелинских типов распространены шире — на левобережье р. Вятки, в устье р. Ветлуги и на р. Чепце — и отражают участие отдельных представителей в генезисе других культур (*Лыганов*, *Бугров*, 2019. С. 204). Процесс распада хронологически связан с распространением геральдических поясных гарнитур, однако этот вопрос требует рассмотрения. При этом сохраняется проблема: как определять и на каких основаниях датировать «пост-азелинские» погребения в бассейне р. Вятки.

Н. А. Лещинская «путем создания корреляционных таблиц на основе статистико-математических методов по программе с использованием коэффициента сопряженности и метода корреляционных плеяд» (*Лещинская*, 1995. С. 89) выделила хронологическую группу 7 «VIII в., состоящую из предметов, выполненных в штампованной технике и позднегеральдического облика», представленную четырьмя (№ 25, 27, 32, 33) погребениями Тат-Боярского могильника (*Там же*. С. 96). В действительности штампованные и «геральдические» вещи вместе не встречаются, а то, что названо «геральдическим стилем» (*Там же*. С. 96; рис. 18, *1–8*), — это накладки салтовских типов. Один предмет штампованной техники отнесен к шестой хронологической группе (*Там же*. Рис. 16, *24*). Сами вещи из известных комплексов не имеют связей с другими группами, корреляционная таблица не опубликована, критерии соотношения между группами не ясны, в комплексах нет находок межрегиональных типов, позволяющих их датировать.

Наибольший интерес представляют именно штампованные изделия. Все предметы рассматриваемой группы (прямоугольные/трапециевидные пластины, круглые бляхи двух размеров, «бельки», прямоугольные обоймы с загнутыми назад краями) изготовлены из тонкого листа тиснением и штамповкой (чеканкой). Главные элементы орнамента — треугольники из точек, концентрические валики у края предмета, двойные вписанные окружности (*Бугров*, 2006. С. 263). Находки немногочисленны: Тат-Боярский, Юмский (Загребинский), Лопьялский могильники, коллекция А. Ф. Лихачева с Болгарского городища, Еманаевское городище (рис. 1, *6, 7, 10, 12*). Функционально эти предметы представлены деталями нагрудника, нагрудного украшения, накладки пояса с наконечником, закраиной сумочки (кошелька). Место предметов в уборе определяется только по находке в погр. 33 могильника Тат-Бояры с хорошо сохранившейся органикой (*Лещинская*, 2021). Все прочие происходят из случайных сборов или недокументированных раскопок.

Типы и стиль декора не имеют, вопреки попыткам их определить (см.: *Лещинская*, 2018. С. 300), ни истоков, ни дальнейшего продолжения в местных или территориально близких древностях. Для позднеазелинских комплексов известны пластинчатые вещи, но совершенно иные, характерные для обширной территории всего Прикамья, и распространенные, возможно, вплоть до ареала позднемощинских памятников.

Однако вещи в пластинчатой технике, орнаментированные двойными окружностями, точками, валиками, характерны для Прибалтики и культур длинных курганов (рис. 1, *1–5, 8–11*). Декор рядами двойных окружностей встречается на оковках и «рукоятках» ранних (III–IV и V–VI вв.) типов питьевых рогов в Литве, но известен и на украшениях: обоймах венчиков, подвесках, браслетах.

Специальные исследования стиля тисненого декора на пластинчатых украшениях в ареале длинных курганов провела Е. Р. Михайлова (2014. С. 59–61, 64–74, 181–189, 327, 343–346, 347–354). Среди обойм по форме и элементам орнаментации она выделили три типа: 1) квадратные, с двойными окружностями и валиками по периметру; 2) прямоугольные, с двойными окружностями, в том числе сгруппированные ромбом или в один вертикальный ряд, и выпуклыми точками по длинным краям; 3) узкие прямоугольные с длинными загнутыми назад краями, заходящими друг за друга, центральное поле без декора, а выпуклые точки или штрихи — по длинным краям. Функциональное назначение определено по двум находкам третьего типа — венчикам-вайнагам. Их ранние эк-

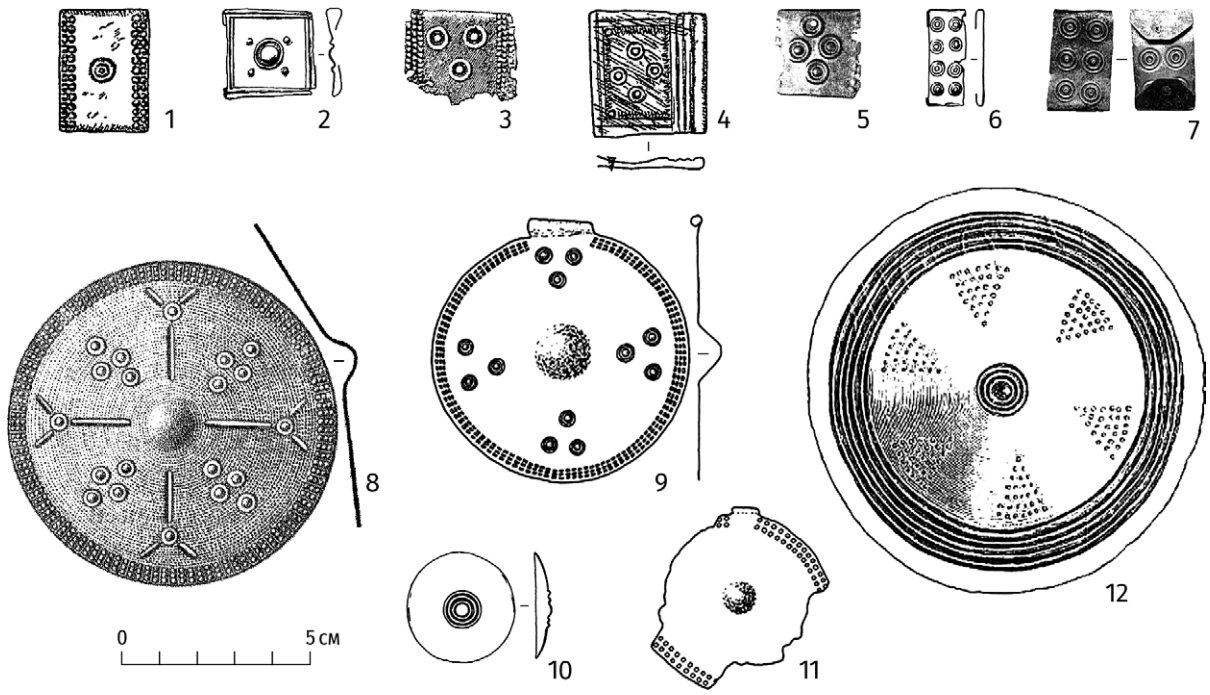

Рис. 1. Находки пластинчатых украшений с тисненым орнаментом в памятниках бассейна р. Вятки (*6*, *7*, *10*, *12*) и ареалов «длинных курганов» (*1–5*, *8*, *9*, *11*). *1* — Любахин I, кург. 4, погр. 1 (или кург. 6) (по: *Михайлова*, 2014. Рис. 15, *3*); *2* — Репьи, нижний ярус, погр. 6 (по: *Михайлова*, 2014. Рис. 13, *21*); *3* — Ладыгинский Бор, кург. 3 (по: *Михайлова*, 2014. Рис. 15, *1*); *4* — Варшавский Шлюз I, кург. 1 (по: *Михайлова*, 2014. Рис. 11, *19*); *5* — Городок-на-Шлине, селище (по: *Михайлова*, 2014. Рис. 15, *8*); *6*, *10* — Тат-Бояры, погр. 33 (по: *Лещинская*, 2021. Рис. 5, *16*; 9, *2 в*); *7* — Болгар, городище, кол. А. Ф. Лихачева (по: *Руденко*, 2015. № 169 б); *8* — Цурковка, кург. 2, погр. 2; *9* — Старая Ладога, городище (по: *Нефедов*, 2003. Рис. 1, *6*); *11* — Еленово (по: *Нефедов*, 2003. Рис. 1, *7*); *12* — Юмский (Загребинский) могильник (по: ОАК..., № 85).

1–12 — цветной металл

Fig. 1. Findings of lamellar metal decorations in the sites of the Vyatka River basin (*6*, *7*, *10*, *12*) and areas of «long mounds» (*1–5*, *8*, *9*, *11*): *1* — Lyubakhin I, mound 4, grave 1 (or mound 6) (after *Михайлова*, 2014. Рис. 15, *3*); *2* — Rep'i, lower ground, grave 6 (after *Михайлова*, 2014. Рис. 13, 21); *3* — Ladyginsky Bor, grave 3 (after *Михайлова*, 2014. Рис. 15, *1*); 4 — Warsawsky Shluz I, grave 1 (after *Михайлова*, 2014. Рис. 11, *19*); *5* — Gorodok-na-Schline, settelment (after *Михайлова*, 2014. Рис. 15, *8*); *6, 10* — Tat-Boyarka, grave 33 (after *Лещинская*, 2021. Рис. 5, *16*; 9, *2 в*); *7* — Bolgar, hillfort, collection of A. F. Likhachev (after *Руденко*, 2015. № 169 б); *8* — Tsurkovka, mound 2, grave 2; *9* — Staraya Ladoga, hillfort (after *Нефедов*, 2003. Рис. 1, *6*); *11* — Elenovo (after *Нефедов*, 2003. Рис. 1, *7*); *12* — Yumsky (Zagrebinsky) cemetery (after ОАК, 1893. № 85).

1–12 — non-ferrous metal

земпляры в памятниках Прибалтики имели массивные литые разделители, с VII в. распространяются тонкие пластинчатые. Только третий тип был датирован — период II B, т. е. VIII в. (*Там же*. С. 213–215), остальные узкой датировки не имеют (*Там же*. С. 165, 166). Но квадратные обоймы появляются раньше — с материалом и радиоуглеродными датами VI в.

Крупные круглые бляхи с таким декором распространены в памятниках смоленских длинных курганов и в слоях Старой Ладоги (*Нефедов*, 2003) и относятся, видимо, к VIII в. (хотя датировка скорее общеисторическая). Отличительными их особенностями являются наличие умбона в центре, группировка двойных окружностей в поле треугольниками, бордюр из коротких «штрихов» (рис. 1, *9*). Точного совпадения между предметами из бассейна р. Вятки и из «длинных курганов» ожидать не приходится — как минимум по причине ручного изготовления. Но отсутствие прототипов в местных древностях и наличие развитой традиции в Прибалтике, смоленских и псковских длинных курганах, позволяют поставить вопрос о взаимодействии или общем источнике стиля, чему не противоречит хронология находок.

Бугров, 2006 — *Бугров Д. Г.* Об одном раннесредневековом комплексе из коллекции А. Ф. Лихачева в фондах Национального музея Республики Татарстан // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Гл. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 2006. С. 261–269.

Голдина, 1987 — *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по ар-

хеологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М. Г. Атаманов. Устинов: УдНИИ, 1987. С. 6–37.

Лещинская, 1995 — *Лещинская Н. А.* Хронология и периодизация могильников в бассейне р. Вятка // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Изд-во УдмГУ, 1995. С. 88–127.

Лещинская, 2018 — *Лещинская Н. А.* Подвески-лунницы еманаевской культуры (к вопросу о межкультурных контактах) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева: Материалы Всероссийской научн. конф. с международным участием. Самара: Изд-во СамГСПУ, 2018. С. 298–300.

Лещинская, 2021 — *Лещинская Н. А.* Жертвенный комплекс погребения 33 Тат-Боярского могильника еманаевской археологической культуры: информационный потенциал // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 4. С. 668–682.

Лыганов, Бугров, 2019 — *Лыганов А. В., Бугров Д. Г.* Вещественный материал и хронология стоянок Пестречинских IV и II стоянок // Галимова М. Ш., Лыганов А. В., Хисяметдинова А. А. и др. Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение. Казань: АН РТ, 2019. С. 191–232 (АЕС; № 4).

Михайлова, 2014 — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbruken: Lambert Academic Publishing, 2014. 427 с.

Нефедов, 2003 — *Нефедов В. С.* Некоторые замечания об украшениях культуры смоленских длинных курганов из раскопок в Старой Ладоге // Ладога — первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 58–67.

ОАК, 1893 — ОАК за 1891 г. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1893. 188 с.

Руденко, 2015 — *Руденко К. А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

The origin of lamellar metal decorations in the cemeteries of the Vyatka river basin

Alexander A. Krasnoperov[2]

In the grave goods of the Vyatka River basin sites there is a series of lamellar metal decorations without origin in local or geographically relative antiquities. This decoration technique is known in the Baltic region, Smolensk and Pskov long barrows, where the finds dated to the 3rd–5th and 6th–8th cent. AD. These facts allow us to raise the question of the interaction of two distant regions or a common source of style, which is not contradicted by the chronology of the finds.

Keywords: *Vyatka river basin, chronology, post-Azelino sites, the culture of long barrows, lamellar metal ornaments.*

2 Alexander A. Krasnoperov — Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, 14 Lomonosov St., Izhevsk, 426004, Russian Federation; e-mail: khaa@udm.ru; ORCID: 0000-0001-7931-4536.

Понятие «город» и характерные особенности городов у древних тюрков

М. М. Хатамова[1]

Аннотация. *В статье анализируется древнетюркская терминология, связанная с понятием «город» в разных его аспектах: стационарный город как таковой, крепость, ставка кагана и т. д. Прослежена связь терминологии с социально-политической реальностью древнетюркских обществ. Данные языка подтверждают существование у древних тюрков постоянных и мобильных поселений.*

Ключевые слова: *древние тюрки, древнетюркский язык, терминология, город.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.435-439

1 Мунира Маткаюмовна Хатамова — Национальный центр археологии АН Республики Узбекистан, ул. Мирзо Улугбека, д. 81, Ташкент, 100170, Республика Узбекистан; e-mail: khatamova.2014@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4405-0048.

Слово *balïq*, происходящее от *bal* («вязкая глина»), означает на древнетюркском языке «город», «любой город, окруженный глинобитной стеной». В источниках встречаются такие названия городов, как *Toγu-balïq, Beš-balïq, Ordu-balïq, Xātūn-balïq, Baqïr-balïq*, и даже термин *balïqdaqï*, означающий «горожанин» (ДТС, 1969. С. 80; *Clauson*, 1972. P. 335; СИГТЯ, 2001. С. 485, 487; СИГТЯ, 2006. С. 443–450). Несмотря на то, что древние тюрки позаимствовали у согдийцев слово *känt* (DLT, 1985a. S. 327, 329–333), термин *balïq* не был утрачен. Это произошло потому, что кроме территорий Восточного Туркестана и Монголии, термин *balïq* был широко распространен в междуречье Амударьи и Сырдарьи. Подтверждением этого являются названия таких городов раннего средневековья, как *Валвалиж/Ахуан* (**Авар-балык* — Кундуз) в Тохаристане, *Almalyk* — **Алмалык/*Al-balïq* («Алый город»), *Арбилах/Абрлыг* — **Арпалыг/*Ar-balïq* («Ячменный город» или «Город мужей») в Чаче (*Лившиц*, 1962. С. 101; *Малявкин*, 1989. С. 241; *Лурье*, 2004. С. 192; СИГТЯ, 2006. С. 474; *Бабаяров, Кубатин*, 2016. С. 177). Встречающееся в одном из тибетских источников раннего средневековья название столицы западных тюрков *Paker-paleg* (Бакыр-балык — «Медный город») (*Bacot*, 1956. P. 145) и имя одного из китайских городов на стелах — *Шандун-балык* показывает, что термин *balïq* в период Тюркского каганата неизменно употреблялся в значении «город», причем не только для городов самих тюрков.

Слово *ordu (orda)*, означающее «центр власти», «особое место, где сидит правитель», «ставка», имело особое значение в градостроительстве Тюркского каганата. Послужив основой названий будущих столичных городов (*Маргулан*, 1950. С. 29; *Ткачев*, 1986), *орду* нашло подтверждение в таких топонимах, как *Орду-балык*, *Орду-канд*, а также в переводе Махмуда Кашгари на арабский язык как *qasaba* — «столица» (DLT, 1985b. S. 124). По своему виду и функциям *орду* были разными, что чувствуется в их названиях (например, «Золотая Орду», «Великая Орду» или «Великий Дом» (тюрк. *улуг эб*), «Северная» или «Южная Орду»). В частности, китайский паломник VII в. Сюань-цзан писал, что вблизи Суяба находится *«юрта* (т. е. «Золотая Орду». — *М. Х.*)*, украшенная золотыми цветами, от блеска которых рябит в глазах»* (*Зуев*, 2002. С. 264; *Beal*, 1990. P. 41–42). Китайские летописи упоминают, что в Алтайских горах расположена «Золотая ставка» (кит. *цзинь-я*) тюркских каганов (*Кюнер*, 1961. С. 187–188; *Малявкин*, 1989. С. 115, ком. 28). Поскольку золотой (желтый) цвет считался духовным символом власти (*Erkoç*, 2008. S. 73), в отношении *орду* прилагательное «золотая» употреблялось в переносном смысле. В настоящем значении оно подтверждалось обилием позолоченных ханских предметов роскоши, дорогих украшений в декоре резиденции. «Золотая Орду», располагаясь посередине (тюрк. *ичраки*[2]) внутренних крыльев Восточного и Западного каганатов, находилась в долине Отюкена Восточного каганата и за городом Суяб Западного каганата (*Бобоеров*, 2018б. 246).

Следовательно, наряду с укрепленной столицей каганы имели и «Золотую Орду» — воплощение власти. Так, китайские историки называли шатер кагана (тюрк. *eb* — «дом»), над которым реял *туг* — «знамя» (*Бичурин*, 1950а. С. 229; *Ögel*, 1971. S. 122) и которому кланялись послы, — *я-чжан* (кит. *я* — «знамя», *чжан* — «окруженный [стеной] город»). Внутри шатра находился *трон* (тюрк. *orun*), считавшийся еще одним символом власти. В *орду* были сосредоточены административный аппарат управления, казна и войско. Именно поэтому враги сначала пытались захватить «Золотую Орду», а затем окруженный стеной столичный город. Это означало, что в степных империях статус орды был выше статуса стационарной столицы.

Сюань-цзан отмечал, что «*тюрки по обычаю летом живут на севере в степях, где обильные травы и отличные условия для выпаса скота. Зимой селятся в горах, где укрываются от сильных холодов. Поэтому у них есть две ставки*» (*Малявкин*, 1989. С. 238). Обычно роль зимней ставки выполняли какой-нибудь город или крепость, а летней резиденцией служила ставка, обнесенная, как гласят стелы, *čit* — «частоколом» (*Gabain*, 1943; *Ōsawa*, 2011. P. 415). Наличие у каганов одновременно как летней, так и зимней резиденций является характерной особенностью степных городов (*Крадин*, 2011. С. 348). Даже установив господство над владениями оазиса, каганы управляли ими из своих летних и зимних ставок. Так, отправляясь в долгий поход — воевать, охотиться или с посольской миссией, — каганы имели перемещаемые ставки, которые ставились временно вблизи поля боя или места охоты (*Майдар*, *Пюрвеев*, 1980. С. 39; *Базылған*, 2004. С. 141), попросту называемые «орду» (Хэй-да ши-люе, 1960. С. 138). Таким образом, каганы наряду со стационарной столицей одновременно имели «Золотую Орду», «Северную» и «Южную Орду» и «Походную Орду». Принципиально отличавшийся от традиционного «оазисного города», характерный для тюрков и монголов тип нового города учеными было предложено именовать «периурбанизм», «пастбищно-городская ассоциация» либо «пасторальный город» (*Крадин*, *Скрынникова*, 2006. С. 433; *Durand-Guedy*, 2013. P. 2–3).

Китайские летописцы писали об эфталитах следующее: «*Обыкновения несколько сходны с тукюескими* (тюркскими. — *М. Х.*) *обыкновениями. ...Жены вла-*

[2] У тюрков *ič* означает «свойственный», «относящийся к кагану», «специально для кагана», «политический центр» (*User*, 2009. S. 305, 307).

детеля отдельно живут в 200 и 300 ли одна от другой; и он, объезжая их по порядку, каждый месяц посещает одно место, а во время зимних морозов три месяца не путешествует» (*Бичурин*, 1950б. С. 268–269). Кюль-тегин, восславляемый тюркскими стелами, защищал находившуюся в Монголии *орду*, которая, по нашему мнению, была женской. Об этом свидетельствует упоминание родной матери Бильге-кагана — *хатун*, сводных матерей, теток, невесток и жен — *кунчуй* (*Малов*, 1951. С. 33, 42). Значит, именуемые *ordu* женские резиденции являли собой находившиеся на определенном расстоянии друг от друга «кочевые города» из юрт, которые собирались и перевозились на повозках. Вместе с тем неподалеку от ставки правителя или почти вплотную к ней находился укрепленный стационарный *qatun-balïq* («город хатун»). Традиция подобных парных городов, как у тюрков — *Jabγūkaθ* и *Xātūnkaθ*, хазар — *Xan-balïq* и *Xātūn-balïq,* уйгуров — *Ordu-balïq* и *Xātūn-balïq* (*Толстов*, 1947. С. 72; *Рашид-ад-дин*, 1952. С. 146; *Juvaini*, 1997. P. 226), больше нигде не наблюдается[3]. Китайские царевны, отданные в жены тюркским каганам, почти не наделялись титулом «хатун» или «великая хатун»[4], поэтому города, в которых они проживали, назывались не «хатун-балык», а по их именам или попросту *quy* (кит. *gui/куеі*) (ДТС, 1969. С. 464; *Pulleyblank*, 1991. P. 115). «Хатун-балык» или орду и «куй» — это совершенно разные понятия и поселения, что явно прослеживается в титулах (*qatun* и *qunčuy*) и в названиях мест проживания (*ordu* или *balïq* и *quy*)[5]. Похоже, что возникшие под влиянием Китая *quy* представляли собой обустроенные для царевен глинобитные постройки или юрты[6].

Как и в других исторических государствах Евразии, у тюрков имелись крепости: *qorïγan, turuγ* или *tura, toy (ton), čït* (ДТС, 1969. С. 92, 458, 587, 588). Окруженная прочными стенами с несколькими воротами, крепость обычно имела в центре *арк*, вокруг которого были сосредоточены юрты войска, там же находился склад, а также места для укрытия скотоводов на случай боевых действий. В определенных случаях, когда этого требовала ситуация, они выполняли роль ставок для верховного правителя (например, крепость Амгы или Джабгукат) (*Кызласов*, 1984. С. 145–147; *Байпаков*, 1978. С. 89; 2010. С. 169–170; *Худяков*, 1995). Именно поэтому культурный слой в них незначителен или почти не встречается (*Худяков*, 1995. С. 67).

Таким образом, *balïq*, *kerman*[7]*, toy/ton, qorïγan, tura, uluš*, являясь исконно тюркскими терминами, означают «город», «поселение», «крепость» и считаются достоверным доказательством того, что у древних тюрков были свои города. Поскольку большинство этих терминов связано с «глиной, землей», это означает наличие у тюркских народов постоянных (стационарных) и кочевых (мобильных) поселений.

Бабаяров, *Кубатин*, 2012 — *Бабаяров Г., Кубатин А.* Древнетюркские топонимы Чачского (Ташкентского) оазиса // Историко-культурное наследие и современная культура: Сборник материалов междунар. научно-практ. семинара «Историко-культурное наследие и современная культура». Алматы: Service Press, 2016. С. 168–182.

Байпаков, 1978 — *Байпаков К. М.* Городище типа «торткуль» // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 80–96.

Байпаков, 2010 — *Байпаков К. М.* Западнотюркский и тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 398 с.

Бичурин, 1950а — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.

Бичурин, 1950б — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 334 с.

ДТС, 1969 — Древнетюркский словарь / Ред.: В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, ЛО, 1969. XXXVIII, 678 с.

Зуев, 2002 — *Зуев Ю. А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Крадин, 2011 — *Крадин Н. Н.* Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Св. 2011. Т. 72. № 1–2. С. 330–351.

Крадин, *Скрынникова*, 2006 — *Крадин Н. Н.*, *Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 558 с.

Кызласов, 1984 — *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с. (Библиотека историка).

3 В китайской империи только в дворцовых зданиях можно видеть похожую структуру. Возможно, тюрки переняли эту традицию у китайцев. Однако мы думаем, что правители скотоводов, отправляясь в дальние походы, оставляли матерей, жен и детей в надежно укрепленных местах, что послужило причиной появления таких «городов хатун».

4 Некоторым царевнам Танской династии, отданным в жены уйгурским каганам, был дан титул «хатун» (*User*, 2011. S. 282–283).

5 Т. Байкара высказал предположения, несколько отличающиеся от вышеизложенных (*Baykara*, 1980).

6 В китайских летописях упоминается, что некоторые китайские царевны жили в юртах (*Бичурин*, 1950а. С. 240–241).

7 Поскольку этот термин более распространен среди восточноевропейских тюрков, он отдельно не рассматривался.

Кюнер, 1961 — *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Евразии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961. 391 с.

Лившиц, 1962 — Согдийские документы с горы Муг. Чтение, Перевод. Комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма / Чтение, пер. и комм. В. А. Лившица. М.: Восточная литература, 1962. 222 с.

Лурье, 2004 — *Лурье П. Б.* Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: Дис. … канд. филол. наук. СПб., 2004. 305 с.

Майдар, *Пюрвеев*, 1980 — *Майдар Д.*, *Пюрвеев Д. Б.* От кочевий до мобильной архитектуры. М.: Стройиздат, 1980. 215 с.

Малов, 1951 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

Малявкин, 1989 — *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, СО, 1989. 432 с.

Маргулан, 1950 — *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950. 122 с.

Рашид-ад-дин, 1952 — *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.

СИГТЯ, 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд. доп. / Отв. ред. Э. Р. Тенишев М.: Наука, 2001. 822 с.

СИГТЯ, 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред.: Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.

Ткачев,1986 — *Ткачев В. Н.* Каракорум в XIII веке // Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 219–231.

Толстов, 1947 — *Толстов С. П.* Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.

Худяков, 1995 — *Худяков Ю. С.* Древние и средневековые фортификационные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии: Сборник научных трудов / Ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 62–73.

Хэй-да ши-люе, 1960 — Хэй-да ши-люе. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина / Публ. и комм. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // ПВ. 1960. № 5. С. 133–158.

Bacot, 1956 — *Bacot J.* Reconnaissance en Haute Asie septentrionelle par cinq envoyés Ouigours au VIIe siècle // JA. 1956. Vol. 244. No. 2. P. 137–153.

Baykara, 1980 — *Baykara T.* Türk şehircilik Tarihinden: Hatun Türk şehirleri // Belleten. 1980. Vol. 44 (175). S. 497–510.

Beal, 1990 — *Beal S.* The life of Hsiuan Tsang. New Delhi, 1990.

Clauson, 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.

DLT, 1985a — Divanü Lūgat-it Türk Tercümesi / Çev. B. Atalay. C. I. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1985. xxxvi, 530 s.

DLT, 1985b — Divanü Lūgat-it Türk Tercümesi / Çev. B. Atalay. C. II. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1985. 366 s.

Durand-Guédy, 2013 — *Durand-Guédy D.* Introduction. Location of Rule in a Context of Turko-Mongolomination // Turko-Mongol Rulers, Cities and City-life / Ed. by D. Durand-Guédy. Leiden: Brill, 2013. P. 1–20 (Brill's Inner Asian library; Vol. 31).

Erkoç, 2008 — *Erkoç H. İ.* Eski Türklerde Devlet Teşkilatı. Basılmamış Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2008. 271 s.

Gabain, 1943 — *Gabain A. von.* Köktürklerin Tarihine Bir Bakış // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1943. C. 2. S. 687–697.

Juvaini, 1997 — The history of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini, by J. A. Boyle with a new introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester: University Press, 1997.

Ōsawa, 2011 — *Ōsawa T.* The significance of the Ötüken yer to the ancient Turks // From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720–2010). 3th–5th December 2010, İstanbul. Papers / Ed. by M. Ölmez. İstanbul: İstanbul Büyükşehir Belediyesi, 2011. P. 405–423.

Ögel, 1971 — *Ögel B.* Türk Kültürünün Gelişme Çağları. Ankara: Kömen, 168 s.

Pulleyblank, 1991 — *Pulleyblank E. G.* Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver, 1991. 488 p.

User, 2009 — *User Ş. H.* Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi.. Konya: Kömen, 2009. 547 s.

User, 2011 — *User H. Š.* Runic Türk Yazıtları çerçevesinde katun ve kunčuy // From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720–2010). 3th–5th December 2010, İstanbul. Papers / Ed. by M. Ölmez. İstanbul: İstanbul Büyükşehir Belediyesi, 2011. S. 281–294.

Базылған, 2004 — *Базылған Н.* Коне Түрік этнографиясының (КТЭ) бітіктастардағы дереттанулық негіздері // Shygys. 2004. № 1. (на казах. яз.).

Бобоеров, 2018 — *Бобоеров Ғ. Б.* Ғарбий Турк хоқонлигининг давлат тузуми. Тошкент: Yangi nashr, 2018. 356б. (на узб. яз.).

The concept „city“ and the characteristic features of the ancient Turcic cities

Munira M. Khatamova[8]

The paper analyzes the ancient Turcic terminology connected with the concept „city“ in its various forms: a sedentary settlement, a fortress, khagan's headquarters etc. The terminology's correlation with the social and political reality is traced. The language data confirm that both sedentary and mobile settlements existed in the states of ancient Turks.

Keywords: *ancient Turks, Ancient Turcic language, terminology, city.*

8 Munira M. Khatamova — National Center of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 81 Mirzo Ulugbek St., Tashkent, 100170, Republic of Uzbekistan; e-mail: khatamova.2014@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4405-0048.

Межкультурные связи и контакты раннесредневекового населения Минусинской котловины (по материалам раскопок у дер. Абакано-Перевоз в 1967–1968 гг.)[1]

О. А. Митько[2]

Аннотация. *В 1967–1968 гг. Копенским отрядом Красноярской археологической экспедиции ЛОИА под руководством Л. П. Зяблина исследовался чаатас у дер. Абакано-Перевоз Боградского района Хакасской автономной области. Могильник состоял из 150 курганов, из них раскопано 58 объектов, содержавших 68 захоронений. Разнообразие погребальных практик и состава инвентаря позволяет выделить четыре типа погребальных сооружений, включающих подтипы и варианты. На основе их особенностей и состава сопроводительного инвентаря отмечаются социальные и культурные связи внутри кыргызского социума. Памятник датируется в пределах VII–X вв.*

Ключевые слова: *Перевозинский чаатас, енисейские кыргызы, тюрки, погребальный инвентарь, вазы, пояс.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.439-441

Изучение развития погребальной обрядности на территории Минусинской котловины показывает, что с VII по X в., в период становления кыргызской государственности, здесь интенсивно протекал процесс формирования социокультурной среды. Различные виды выявленных погребальных практик позволяют говорить об этнической многокомпонентности енисейских кыргызов (*Митько*, 1996). Особое значение для определения характера взаимодействий различных этнокультурных групп имеют материалы раскопок крупных чаатасов, которых на конец 1980-х гг. насчитывалось 65 и среди них выделяется Перевозинский чаатас (Абаканоперевозинский чаатас, по Л. Р. Кызласову, — см.: *Кызласов*, 1980).

Памятник находился на левом берегу Енисея у старого места расположения дер. Абакано-Перевоз Боградского р-на Хакасской автономной области (ныне — Республика Хакасия). Раскопки проводились в 1967–1968 гг. Копенским отрядом Красноярской археологической экспедиции под руководством Л. П. Зяблина. Согласно сведениям полевых отчетов, могильник состоял не менее чем из 150 курганов, однако на планах и в текстах порядковый номер присвоен лишь 124 объектам.

Всего было раскопано 5 погребальных сооружений, содержавших 68 захоронений. В настоящее время неисследованная часть могильника находится на дне Красноярского водохранилища. Раскопкам у Абакано-Перевоза, в отличие от материалов чаатаса Гришкин Лог, Л. П. Зяблин посвятил всего две небольшие заметки (*Зяблин*, 1965; 1969; *Зяблин*, *Кривонос*, 1968). Позднее С. П. Нестеров опубликовал материалы раскопок группы из пяти курганов, содержавших погребения с конем и со шкурой коня, а также отдельные находки из состава погребального инвентаря (*Нестеров*, 1981; 1985; 1990). Однако за полвека с лишним, прошедшие с момента окончания раскопок, введение в научный оборот всех материалов так и не было

1 Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 20-18-00111).

2 Олег Андреевич Митько — Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, д. 2, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: omitis@gf.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-7741-3167.

осуществлено. Знакомство с полевой документацией показало, что содержащиеся в ней сведения не дают полного представления о могильнике: отсутствуют данные о местонахождении могильника и его планиграфии, встречаются несоответствия между описаниями находок и учетными картами музейного хранения, утрачена антропологическая коллекция, предметы из железа не реставрировались, и большинство из них полностью или частично разрушены. Однако все же информационный потенциал материалов раскопок Перевозинского чаатаса важен для раскрытия форм культурной коммуникации и социальных связей внутри кыргызского социума на этапе раннего средневековья.

Разнообразие размеров и форм курганных оград, наличие стел и их количество, размеры могильных ям, обряд погребения и характер сопроводительного инвентаря позволяют выделить четыре типа погребальных сооружений.

ТИП 1. Курганы типа чаатас (№ 1, 2, 3, 6, 7, 42, 68 и 85). Тип включает в себя два подтипа, отличающихся только формой оград: округлой — № 1, 6, 7; прямоугольной — № 2, 3, 42, 68, 85. По количеству погребений, совершенных по обряду трупосожжения на стороне, каждый из подтипов состоит из двух вариантов (одиночные и парные/коллективные).

ТИП 2. Курганы, конструктивно схожие с типом 1, но отличающиеся только меньшими размерами оград и отсутствием стел (№ 8, 13, 14, 21, 39–41). Тип включает в себя два подтипа, отличающихся захоронениями по обряду трупосожжения и трупоположения.

Инвентарь из погребений обеих типов также сопоставим: баночные и вазообразные лепные сосуды, бронзовые амулеты, мясо 2–4 овец.

ТИП 3. Каменные курганы с оградами без стел, прямоугольной и округлой формы диаметром 2,0–3,5 м (№ 38, 87, 88, 96, 109, 123). Тип включает два подтипа и пять вариантов, выделенных на основе захоронений взрослых, подростков и детей по обряду трупоположения. Сопроводительный инвентарь в основном представлен лепными сосудами.

ТИП 4. Плоские каменные выкладки без оград и стел шириной до 2 м и длиной до 2,5 м (№ 4, 5, 15–17, 81, 91, 98–116, 118–122, 124). Тип включает три подтипа и семь вариантов: трупосожжения в могильной яме, на уровне дневной поверхности, в глиняных и берестяных сосудах, в сопровождении стремян и удил, а также трупоположения взрослых, подростков и детей с лепными сосудами, мясом овцы и наборами железных бытовых предметов.

Отдельную группу составляли курганы, располагавшиеся на южной окраине могильника (№ 79, 80, 82, 93, 94). Они отличаются наличием захоронений в подбоях по обряду трупоположения, погребений с конем (№ 80, 82 и 93) и со шкурой коня (№ 94, 122).

Если погребения с конем принято соотносить с тюрками тугю или теле, то захоронения со шкурой коня связывают с уйгурами — противниками кыргызов. Бо́льшая часть предметов сопроводительного инвентаря из этих захоронений, включая предметы вооружения, имеет тюркский облик (*Савинов*, 1984. С. 143–145). Влияние кыргызов прослеживается в традиции устанавливать в погребениях керамические сосуды, что отличает данную группу погребений с конем от алтайской и тувинской (*Митько*, 2003). Однако среди сосудов нет ваз, изготовленных на круге, которые являлись одним из показателей социального статуса енисейских кыргызов и, по нашему мнению, попадали к ним в результате торговли.

Принадлежность безынвентарных погребений по обряду трупоположения четвертого типа Ю. С. Худяков связывал с социально и этнически зависимым населением, попадавшим в степи Среднего Енисея из таежной зоны (*Худяков*, 1980). Согласно другой точке зрения, не всех своих умерших кырыгзы сжигали (*Митько*, 2004).

Среди погребального инвентаря выделяется, помимо ваз, нехарактерный для Южной Сибири кубок на ножке с утолщением в средней части и туловом, изготовленным из сплава меди и серебра (61,3% и 38,7%). Аналогии ему встречаются на территории от Китая до причерноморских степей.

Ключевым вопросом остается датировка Перевозинского чаатаса. На основании данных, имеющихся на сегодняшний день, мы можем определить его хронологические границы в пределах VII–X вв.

Зяблин, 1965 — *Зяблин Л. П.* Архитектура курганов чаатаса Гришкин Лог // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева. К 60-летию со дня рождения. М.: Наука, 1965. С. 282–286 (МИА; № 130).

Зяблин, 1969 — *Зяблин Л. П.* Работы Копенского отряда // АО 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 238–239.

Зяблин, *Кривонос*, 1968 — *Зяблин Л. П.*, *Кривонос А. А.* Копенский отряд // АО 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 146–148.

Кызласов, 1980 — *Кызласов Л. Р.* Чаатасы Хакасии // Вопросы археологии Хакасии // Отв. ред. Я. И. Сунчугашев. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 1980. С. 108–114.

Митько, 1996 — *Митько О. А.* Этническая ситуация на территории Среднего Енисея в эпоху средневековья и проблема миграции на Тянь-Шань // Москалев М. И., Табалдиев К. Ш., Митько О. А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными

регионами. Бишкек: Изд-во Кыргызско-Российского Славянского университета, 1996. С. 110–234.

Митько, 2003 — *Митько О. А.* Характеристика древнетюркских керамических комплексов // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы научно-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Т. 2. С. 257–260.

Митько, 2004 — *Митько О. А.* О биритуализме в погребальной обрядности енисейских кыргызов // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: ОмГУ, 2004. С. 275–278.

Нестеров, 1981 — *Нестеров С. П.* Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 168–172.

Нестеров, 1985 — *Нестеров С. П.* Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии / Отв. ред.: Р. С. Васильевский, Ю. П. Холюшкин. Новосибирск: Наука, СО, 1985. С. 111–121.

Нестеров, 1990 — *Нестеров С. П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, СО, 1990. 143 с.

Савинов, 1984 — *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

Худяков, 1980 — *Худяков Ю. С.* Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Северная Азия / Отв. ред. В. Е. Медведев. Новосибирск: Наука, СО, 1980. С. 193–205.

Intercultural relationships and contacts of the Early Medieval population of the Minusinsk Basin (by the materials of the excavations near the village of Abakano-Perevoz in 1967–1968)

Oleg A. Mitko[3]

In 1967–1968 the Kopeny detachment of the Krasnoyarsk archaeological expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology led by L. P. Zyablin investigated the chaatas near the village of Abakano-Perevoz, Bogradsky District, Khakass Autonomous Region. The burial ground consisted of 150 mounds, 58 of them with 68 burials inside were excavated. The diversity of funeral practices and the grave goods' composition make it possible to distinguish four types of burials, including subtypes and variants. On the base of their characteristics and the grave goods' composition the author notes social and cultural relations within the Kyrgyz society. The site dates back to the 7th–10th cent. AD.

Keywords: *Perevozinsky chaatas, Yenisei Kyrgyz, Turks, grave goods, vases, belt.*

3 Oleg A. Mitko — Novosibirsk State University, 2 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: omitis@gf.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-7741-3167.

Хозяйство населения Приморья в эпоху раннего средневековья

Н. В. Лещенко[1]

Аннотация. *В раннем средневековье на территории российского Приморья располагались периферийные округа государства Бохай (698–926 гг.). На данный момент известно более 300 археологических памятников этого периода, позволяющих реконструировать хозяйственную деятельность населения, для чего были использованы материалы наиболее изученных и информативных объектов. Анализ позволяет выявить зависимость системы жизнеобеспечения от природно-географического фактора.*

Ключевые слова: *государство Бохай, земледелие, животноводство, промыслы, ремесла.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.441-444

1 Нина Васильевна Лещенко — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Пушкинская ул., д. 89, Владивосток, 690001, Российская Федерация; e-mail: nina8.56@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5945-1530.

В VIII — первой половине X в. на территории нынешнего российского Приморья располагались северные и восточные периферийные округа государства Бохай (698–926 гг.) (*Шавкунов*, 1968. С. 59). На данный момент исследовано значительное количество памятников бохайского времени, которые позволяют реконструировать хозяйственную деятельность населения.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. Земледелие лучшим образом характеризуют анализ почв в совокупности с сельскохозяйственными находками. Городища, расположенные на границах горно-таежного и степного районов в континентальной части Приморья (Николаевка-I, II, XV; Отрадное-1, 2, 3, 4; Горбатка; Высокое), а также памятники в западной части края (Стародеченское; Константиновка-1, 2; Чернятино; Синельниково; Заречное) имели дерново-аллювиальные почвы. По механическому составу они легкие, хорошо дренированы и мало страдают от переувлажнения. Такие почвы характерны для разных рельефов Дальнего Востока (*Иванов*, 1966. С. 6). Эти почвы благоприятны для земледелия, отличаются плодородием.

На таких объектах, как Краскинское городище и поселения Барабаш-3, 4, 5, почвы страдали сильным переувлажнением и подходили далеко не для всех зерновых и плодовоовощных культур, давали более низкие урожаи. Ряд памятников бохайского времени, расположенных восточнее от центральной части края (Новогордеевское поселение; Ауровка; Смольное), были наделены плодородными дерново-аллювиальными почвами. В северных районах Приморского края (Мярьяновское городище; Новосысоевка; поселение близ дер. Прохоры) прослеживаются буроземы лесные оподзоленные.

На бохайских селищах и городищах обнаружены сельскохозяйственные орудия обработки почвы, сбора урожая и переработки зерна — это обломки плужных чугунных лемехов, железные лопаты, серпы. Во многих жилых и хозяйственных комплексах располагались каменные ступы. Найдены также фрагменты жерновов.

Выращивали несколько видов культурных растений: просяные, зерновые, бобовые. Технические культуры использовались населением для изготовления грубых тканей, веревок, циновок. При анализе остатков тканей и веревок с археологических памятников Приморья было выявлено два типа сырья растительного происхождения: крапива и конопля[2].

ЖИВОТНОВОДСТВО. Видовой состав домашней фауны разнообразен. Свинья и крупный рогатый скот занимали ведущее место в хозяйстве населения[3]. Далее по численности следовали собака и лошадь. Найденные костные остатки крупного рогатого скота принадлежали взрослым особям. Кости свиней происходят как от взрослых, так и от полувзрослых особей. На некоторых памятниках удалось идентифицировать кости овцы (городище Николаевское-I) и верблюда (Новогордеевское селище, Краскинское городище).

ПРОМЫСЛЫ. Присваивающие виды промысловой деятельности давали возможность максимально использовать природные ресурсы края. Они обогащали модель питания жителей белковой и растительной составляющей.

Охота. Охота осуществлялась как на пушных зверей, так и на более крупных. Профилирующими видами диких млекопитающих были косуля и кабан. Видовой состав был наиболее разнообразен на селище Константиновское-I, самом крупном неукрепленном средневековом поселении в Приморье. Здесь выявлено 50 видов диких животных (*Алексеева*, *Болдин*, 1994. С. 46). Селище расположено в континентальной зоне южного Приморья.

Рыболовство. Наиболее значимым этот промысел был на памятниках, расположенных на крупных реках и в непосредственной близости от морского побережья (Краскинское городище, Посьетская пещера). На этих памятниках более разнообразные рыболовные орудия. Найдены отдельные детали как крючковых снастей, так и сетевых орудий лова рыбы. Для ловли более крупной рыбы пользовались острогой. Составная двузубая острога была обнаружена на Краскинском городище (*Лещенко и др.*, 2002. С. 49, рис. 1, *1*) и на поселении Чернятино-2. На селищах и городищах наблюдается разнообразие рыболовных грузил из глины, камня, вулканического туфа. Они использовались на сетевых орудиях лова рыбы. Рыболовные сети ставились на реках, во время нереста, а также на морском побережье. Идентифицированы кости рыб. На поселении Чернятино-2 количество рыбьих костей составляет 45,3% от общей массы костей всех животных (*Никитин*, *Чжун Сук Бэ*, 2008. С. 316). Преобладают кости рыб семейства карповых (карась, сазан, красноперка, линь, гольян).

Морское и речное собирательство. Собирательство также было более развито на прибрежных памятниках. Обнаружены раковины пресноводных и морских моллюсков. Пресноводные найдены на памятниках, расположенных в континентальной части края (*Раков*, 2002. С. 211). Морские виды более многочисленны на памятниках морского побережья. Этот вид деятельности был доступен и не требовал каких-то специальных сложных приспособлений. Мясо моллюсков было питательно и доступно. Осенью значение морского собирательства падало, возрастала роль речного рыболовства, лососевые шли на нерест, и вылов их не требовал особых затрат труда.

2 Определение выполнено к. б. н. Н. Б. Верховской.

3 Определения выполнены к. б. н. Э. В. Алексеевой; к. б. н. В. В. Гасилиным (Институт экологии растений и животных УрО РАН).

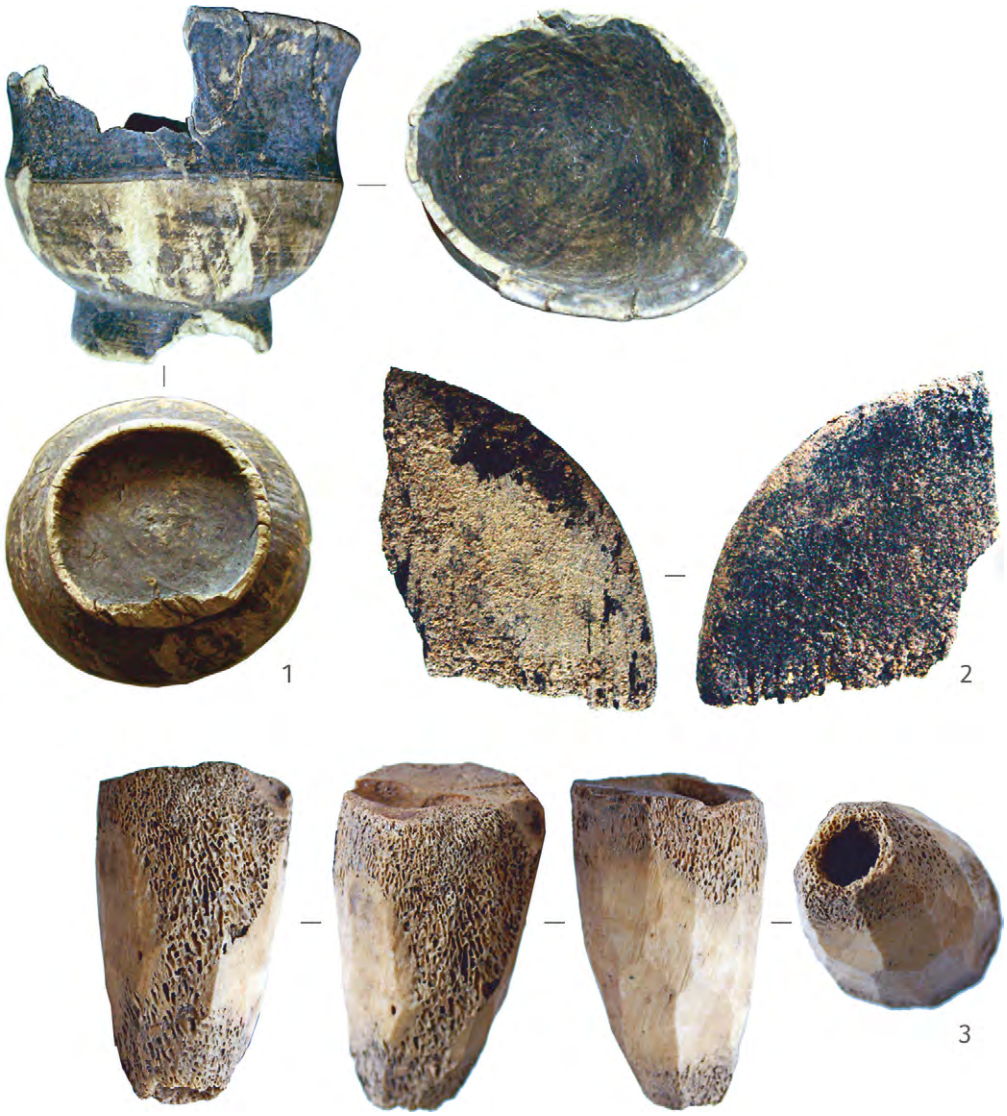

Рис. 1. Изделия из дерева и кости, Краскинское городище: *1* — чаша (дерево); *2* — фрагмент гребня (дерево); *3* — заготовка (рог)

Fig. 1. Wood and bone artifacts, Kraskinskoye settlement: *1* — a bowl (wood); *2* — a fragment of a comb (tree); *3* — a workpiece (horn)

ДОМАШНИЕ РЕМЕСЛА. *Обработка и изготовление изделий из рога и кости.* На таких памятниках, как Николаевское-I и II, Новогордеевское, Константиновское-I, работа с рогом и костью была особенно популярна. На городище Николаевское-I найдено более 70 изделий из этого материала, которые распределяются по четырем группам: орудия труда и предметы домашнего обихода; предметы боевого и охотничьего снаряжения; предметы туалета и украшения; предметы для игр, культовые принадлежности. Аналогичные четыре группы выявлены на городище Николаевское-II, на Новогордеевском селище, на селище Константиновское-I, на городище Горбатка, на поселении Чернятино-2. На памятниках было обнаружено множество различных заготовок (рис. 1, *1–3*), выявлены общие приемы и способы обработки поверхности изделий: подпиливание под определенным углом; доработка поверхностей срезанием и выскабливанием ножами; использование различных оселков при заточке и доработке; применение сверл; прочерчивание насечек на оборотной стороне изделия для лучшего сцепления с прилегающей поверхностью; полирование поверхностей; декорирование циркульным и прочерченным орнаментом.

Деревообработка. Серия материалов, характеризующих деревообработку, получена при раскопках черепичной камеры на Краскинском городище (*Болдин и др.*, 2005. С. 163–168). В 2003–2004 гг. на территории буддийского храмового комплекса памятника автором производились раскопки постройки с черепичными стенами. Над полом, у северо-восточной стены камеры, была выявлена углефицированная деревянная кон-

струкция, состоящая из четырех видов деталей: плахи, плашки, колья, бруски. Все детали изготовлены из дуба зубчатого (*Quercus dentata Thunb.*). Удалось выделить набор инструментария и проследить способы и методы обработки деревянных поверхностей. Существовали приемы в соединении деревянных составляющих. Так, встречены изделия, где крепление производилось при помощи прямоугольных деревянных пазов. Необходимо также отметить разнообразный ассортимент хозяйственно-бытовых изделий из дерева. Это деревянная посуда, предметы туалета, детали конской упряжи, повозок. Дерево использовалось при строительстве ворот, домов, культовых сооружений, как поделочный материал.

Изготовление изделий из камня и глины. Изделия из камня и глины использовались в быту. Они имели различное функциональное назначение: хозяйственно-производственное — пряслица, льячки, кольца, некоторые со следами нагара. В быту жители городищ и селищ использовали при заточке различных изделий из кости и железа точильные камни и оселки, которые преимущественно были из сланца, реже — из песчаника. Глина служила материалом и для украшений, игральных принадлежностей: фишки, бусы, детские игрушки. Из камня, в основном нефрита, делали украшения — нашивные кольца, бусы, подвески. Использовался камень и как поделочный материал, и в промысловых целях (грузила). Любопытна категория грузил из вулканического туфа.

* * *

Население эпохи государства Бохай на территории российского Приморья вело комплексное хозяйство. Основано оно было на применении ручного труда и использовании всех видов природных ресурсов, что создавало огромные возможности. Практиковалось пашенное земледелие, животноводство. Наличие вокруг таежных угодий являлось неотъемлемым фактором охотничьего промысла, добычи женьшеня, дикоросов. Близость морского побережья способствовала более разноплановому морскому собирательству. Реки, особенно с проходящими на нерест рыбами, давали видовое разнообразие вылавливаемых особей. Население континентальных и морских памятников осуществляло торговые контакты между собой, что находит подтверждение в сборах моллюсков.

Алексеева, *Болдин*, 1994 — *Алексеева Э. В.*, *Болдин В. И.* Остатки животных из средневекового селища Константиновское-I // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России / Отв. ред. Э. В. Шавкунов. Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 37–47.

Болдин и др., 2005 — *Болдин В. И.*, *Ивлиев А. Л.*, *Гельман Е. И.*, *Лещенко Н. В.* Уникальная находка на Краскинском городище // Россия и Азиатско-тихоокеанский регион. 2005. № 3. С. 66–83.

Иванов, 1966 — *Иванов Г. И.* Классификация почв равнин Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во,1966. 47 с.

Лещенко, 2002 — *Лещенко Н. В.*, *Раков В. А.*, *Болдин В. И.* Морское собирательство и рыболовство (по материалам археологических исследований Краскинского городища) // Россия и Азиатско-тихоокеанский регион. 2002. № 1. С. 45–49.

Никитин, *Чжун Сук Бэ*, 2008 — *Никитин Ю. Г.*, *Чжун Сук Бэ.* Археологические исследования на поселении Чернятино 2 в Приморье в 2007 году. Сеул: Корейский государственный университет культурного наследия, 2008. 351 с.

Раков, 2002 — *Раков В. А.* Моллюски из средневековых археологических памятников Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии / Отв. ред. Н. Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 200–213.

Шавкунов, 1968 — *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, ЛО, 1968. 128 с.

The economy of the population of Primorye (Primorsky Kray) in the Early Middle Ages

Nina V. Leshchenko[4]

In the early Middle Ages, the peripheral districts of the state of Bohai (698–926) were located in the territory of the Russian Primorye (Primorsky Kray). At the moment, more than 300 archaeological sites of this period are known, which make it possible to reconstruct the economic activity of the population: for this, materials from the most studied and informative objects were used. The analysis allows revealing the dependence of the life support system on the natural-geographical factor.

Keywords: *Bohai state, agriculture, animal husbandry, crafts.*

4 Nina V. Leshchenko — Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the RAS, 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation; e-mail: nina8.56@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5945-1530.

Миграции зауральско-западносибирского населения в лесостепь Предуралья в поздней древности и средневековье

В. В. Овсянников[1]

Аннотация. *Население зауральско-западносибирской лесостепи регулярно проникало через Уральские горы в лесостепь Предуралья. В раннесарматское время в среде местных культур (кара-абызская и пьяноборская) появляются инокультурные памятники, создатели которых либо растворялись в численно преобладающей местной среде (Кипчаково — в пьяноборской среде), либо, сохраняя культурную идентичность, активно взаимодействовали с автохтонами (Шипово — в кара-абызской культуре). К началу раннего средневековья в лесостепь Предуралья начинает активно проникать население бакальской культурной общности: первоначально в Месягутовскую лесостепь, позднее — на запад, достигнув территории современной Самарской области. Непосредственно в Предуралье к VIII в. н. э. из различных групп западносибирского населения сложилась караякуповская культура. Носители финно-пермской традиции покинули лесостепную зону либо были вытеснены с этой территории, надолго ставшей ареалом расселения западносибирского населения.*

Ключевые слова: *лесостепь, Предуралье, гафурийский тип памятников, кара-абызская культура, пьяноборская культура, бакальская культура, кушнаренковская культура, караякуповская культура.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.445-447

Население зауральско-западносибирской лесостепи регулярно проникало через Уральские горы в лесостепь Предуралья. В раннем железном веке это были либо нерегулярные контакты, либо переселение небольших групп населения. Наиболее интенсивное проникновение зауральского населения в Предуралье археологически фиксируется в раннесарматское время на примере «гафурийского» типа памятников. В настоящее время в литературе закрепилось мнение, что «гафурийская» керамика имеет общие корни с «тальковыми» керамическими комплексами лесостепного Зауралья и Южного Приуралья. Помимо общей тальковой примеси, у них имеются общие мотивы в орнаментации и форме посуды. Наиболее вероятно, что данные керамические комплексы сформировались на границе лесостепи и степи Зауралья, где происходили активные контакты оседлого и кочевого населения (*Мошкова*, 1974).

Наиболее доступной для проникновения из Зауралья является территория т. н. Месягутовской лесостепи. Этот лесостепной анклав, географически расположенный в Предуралье, по ландшафтно-климатическим параметрам близок зауральско-западносибирской лесостепной зоне. Через цепь речных долин он связан с бассейнами рек Уфы и Сима — крупных притоков р. Белая, основной водной артерии юга лесостепи Предуралья. В период V–III вв. до н. э. Месягутовскую лесостепь занимали незначительные группы носителей традиции тальковой керамики, генетически связанные с иткульским, гороховским и саргатским населением (*Савельев*, 2007). Их проникновение в Прибелье в V–IV вв. до н. э. фиксируется точечно. Вероятно, значительных миграций в это время не происходило, а существовали нерегулярные контакты.

Исследования последнего времени позволили выявить две волны миграции носителей традиции тальковой керамики в лесостепное Предуралье. Первая связана с распадом памятников «филипповского горизонта». Усиление аридизации климата на Южном Урале в середине IV в. до н. э. вызвало приток степного населения в лесостепь Предуралья. Результатом этого и стало появление поселений с тальковой керамикой на лесостепном Правобережье Белой на территории современного Гафурийского р-на Башкортостана (*Овсянников*, 2018).

В период IV–III вв. до н. э. в Южном Предуралье продолжают фиксироваться признаки аридизации климата. Вероятно, с этим связан сдвиг лесостепного населения на север, вниз по течению Белой и формирование ранней курганной части Шиповского могильника в среднем течении реки. Параллельно с этим фиксируется приток зауральского населения. Так, на Шиповском некрополе формируется новая курганная группа, где наряду с тальковой керамикой встречаются сосуды с зауральскими чертами (носиловский и баитовский типы). Синхронно этому происходит

1 Владимир Владиславович Овсянников — Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, пр. Октября, д. 71, Уфа, 450054, Российская Федерация; e-mail: atliural@yandex.ru; ORCID:0000-0003-3235-2513.

формирование Акбердинского археологического комплекса. В него входит центральное поселение — городище Акбердино II, а также два курганных могильника и ряд селищ (*Овсянников*, *Савельев*, 2019). Территориальная структура этого комплекса схожа с системой расселения зауральских и западносибирских групп гороховской и саргатской культур (*Матвеева*, 2000).

Акбердинский и Шиповский комплексы выделяются на фоне памятников местного оседлого населения Предуралья (кара-абызская культура). Для кара-абызской культуры характерны обширные грунтовые некрополи, расположенные возле крупных укрепленных поселений (Охлебининский, Уфимский, Кара-Абызский и Биктимировский комплексы).

Аналогичная картина фиксируется севернее — в бассейне нижнего течения Белой. Здесь во II в. до н. э. формируется Кипчаковский археологический комплекс в составе городища и курганно-грунтового могильника. Исследователь Кипчаково связывает появление этих памятников с миграцией зауральского (саргатского?) населения в среду местного пьяноборского населения (*Зубов*, 2007).

Таким образом, с миграциями зауральско-западносибирского населения раннесарматского периода в лесостепное Предуралье можно соотнести появление в среде местного оседлого населения (кара-абызская и пьяноборская культуры) поселенческих комплексов, связанных с курганно-грунтовыми и курганными могильниками. В кара-абызском социуме сравнительно немногочисленное пришлое население не разрушило существующих социальных структур. Внедрение иноплеменников привело лишь к определенным культурным трансформациям в сообществах Предуралья. В частности, фиксируется выделение «северного» и «южного» вариантов кара-абызской культуры, где в «северном» преобладали предковые ананьинские черты, тогда как в «южном» произошло смешение кара-абызских и зауральско-сарматских культурных черт.

Влияние «кипчаковского» импульса на пьяноборскую среду постепенно затухает и практически не прослеживается на большинстве пьяноборских памятников начала новой эры. В целом финно-пермская культурная доминанта в лесостепи Предуралья на этом этапе сохраняется.

К началу раннего средневековья в южной части лесостепного Предуралья ареал финно-пермского культурного мира сдвигается на север к границам лесной и горно-таежных зон (бахмутинская культура). Лесостепную часть Прибелья занимают культурные образования западного происхождения (турбаслинская и именьковская культуры).

«Коридором входа» носителей зауральско-западносибирских культурных традиций в лесостепное Предуралье являлась упомянутая выше Месягутовская лесостепь. В период VI–VII вв. н. э. она становится первоначальной территорией, освоенной мигрантами. Здесь зафиксировано пять городищ и множество селищ. Погребальных памятников этого периода пока не выявлено. Преобладающим элементом в среде переселенцев являлись носители бакальской культурной традиции (*Овсянников*, 2020). Фиксируется также незначительное присутствие кушнаренковского и караякуповского керамических комплексов.

Дальнейшее продвижение на запад бакальских групп фиксируется в виде небольших по объему керамических комплексов на памятниках Предуралья: Игнатьевская пещера на р. Сим, Имендяшевское городище на р. Зилим, городище Уфа-II на р. Белая. Наиболее западной точкой нахождения бакальской керамики на сегодняшний момент можно считать Чапаевское городище в Самарской обл. Памятники с присутствием бакальской керамики не образуют компактной группы — они сильно рассредоточены в пространстве. Возможно, это говорит о том, что бакальские переселенцы в Предуралье разбиваются на небольшие группы, теряют единство и свою культурную идентичность.

Кушнаренковско-караякуповские группы, проникнув совместно с бакальским населением в Предуралье, наоборот, консолидируются. Первоначально прослеживается их присутствие в поселенческих и погребальных памятниках местного населения. Особенно это важно в последнем случае, т. к. позволяет определить дату события. Так, западносибирская керамика фиксируется в поздних турбаслинских (Ново-Турбаслинский и Шареевский), бахмутинских (Бирский) и романовско-именьковских (Кушнаренковский) некрополях, относящихся к периоду VI–VII вв. н. э. Могильники западносибирского населения в этот период возникают и в центре ареала бахмутинской культуры (Маняк, Бустанаево). Вероятно, эти факты маркируют процесс вытеснения пришельцами автохтонного населения.

К началу VIII в. н. э. можно говорить о смене культурной доминанты в лесостепной части Предуралья. Продолжатели финно-пермских традиций (бахмутинская культура) и западные пришельцы (турбаслинская и именьковская культура) вытесняются западносибирским населением. К VIII–IX вв. н. э. исследователи относят формирование кушнаренковско-караякуповской (протомадьярской) культурной общности, ареал которой распространялся как на Предуралье, так и на Зауралье (*Боталов*, 2016).

Боталов, 2016 — *Боталов С. Г.* Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. С. 468–541 (Этногенез уральских народов).

Зубов, 2007 — *Зубов С. Э.* Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6–7. С. 72–88.

Матвеева, 2000 — *Матвеева Н. П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.

Мошкова, 1974 — *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 56 с.

Овсянников, 2018 — *Овсянников В. В.* Естественнонаучные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Материалы Всероссийской науч. конф. с междунар. участием. Самара: Изд-во СамГСПУ, 2018. С. 232–234.

Овсянников, 2020 — *Овсянников В. В.* Памятники бакальской культуры на северо-востоке Башкирии // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур: Материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 2020. С. 148–155.

Овсянников, *Савельев*, 2019 — *Овсянников В. В.*, *Савельев Н. С.* Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.

Савельев, 2007 — *Савельев Н. С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 257 с.

Migrations of the Trans-Ural and West Siberian population to the forest-steppe zone of the Cis-Urals in late Antiquity and the Middle Ages

Vladimir V. Ovsyannikov[2]

The population of the Trans-Ural and West Siberian forest-steppe zone regularly penetrated through the Ural Mountains into the forest-steppe zone of the Cis-Urals. In the early Sarmatian time, the alien cultures' sites appeared in the environment of local Kara-Abyz and P'yanyi Bor cultures. The newcomers later dissolved in the numerically predominant local environment (Kipchakovo in the P'yanyi Bor environment) or actively interacted with the autochthons keeping their cultural identity (Shipovo in the Kara-Abyz culture). By the beginning of the early Middle Ages, the population of the Bakal cultural community began to actively penetrate into the forest-steppe zone of the Cis-Urals. Initially they mastered the Mesyagutovo forest-steppe. Later, individual groups of the Bakal tradition moved westward, reaching the territory of the modern Samara region. Directly in the Cis-Urals by the 8th cent. AD various groups of the West Siberian population formed the Karayakupovo culture. The bearers of the Finno-Permian tradition left the forest-steppe zone or were forced out of this territory which for a long time became the area of settlement of the West Siberian population.

Keywords: *forest-steppe zone, Cis-Urals, sites of Gafuri type, Kara-Abyz culture, P'yanyi Bor culture, Bakal culture, Kushnarenkovo culture, Karayakupovo culture.*

2 Vladimir V. Ovsyannikov — Institute of History, Language and Literature of UFRC RAS, 71 October Ave., Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: atliural@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3235-2513.

О возможности реконструкции этнокультурной ситуации в южно-таежном Притоболье в раннем средневековье (по материалам поселения Лисий Бор 2)

И. Ю. Чикунова[1]

Аннотация. *Полевые исследования поселения Лисий Бор 2 показали, что на рубеже раннего железного века и эпохи средневековья в южной тайге Притоболья наблюдались тесные взаимоотношения между населением нескольких культурных образований, основанные на товарообмене и вероятных семейно-брачных союзах. В одном из исследованных жилищ совместно залегали фрагменты посуды бакальского, карымского, кушнаренковского и «ипкульского» типов. Подобное соотношение наблюдается и в погребениях Ипкульского могильника, расположенного неподалеку.*

Ключевые слова: *Притоболье, раннее средневековье, поселение, саргатская культура, бакальская культура, карымская культура, кушнаренковская культура.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.448-450

В силу благоприятной природно-климатической ситуации зона подтайги Зауралья являлась особенно удобной для заселения в древности. Обилие проточных озер и многочисленные притоки крупных рек способствовали достаточно плотному освоению этой территории разнокультурными группами.

Поселение Лисий Бор 2, открытое автором в 2007 г., находится в Нижнетавдинском районе Тюменской области, в подтаежной зоне. Памятник расположен в 1,1 км к северу от оз. Ипкуль на краю коренной террасы р. Иски. Сохранность памятника хорошая. Поверхность очень густо заросла мелким кустарничком, молодыми и взрослыми соснами, образуя зачастую практически непроходимые заросли.

Поселение состоит из 28 жилищных западин и одного жилища наземного типа, окруженного по внешнему диаметру четырьмя неглубокими ямками. Жилища образуют три неравноценные группы.

В 2014–2015 гг. проведены раскопки на поселении Лисий Бор 2 с целью обследования памятника и определения его культурной и хронологической принадлежности (Архив ЛА ИПОС СО РАН. № 7/18; Архив ЛА ИПОС СО РАН. № 7/19).

Исследованы два жилища, расположенных в 30 м друг от друга.

Первое жилище — (западина № 17) подквадратное однокамерное с очагом в центре и выходом-коридором. Очаг окружен параллельными канавками. Жилище каркасно-столбовой конструкции, его площадь составляет ~ 27 кв. м., выход направлен на ЮВ.

Находки представлены небольшим количеством фрагментов керамики и индивидуальными находками, включающими керамические лепное и точеные пряслица, керамические скребки, стеклянную бусинку из матового стекла с позолотой внутри (Ø 7 мм).

Фрагменты венчиков сосудов украшены в основном отпечатками гладкого штампа, образующими вертикальный зигзаг (рис. 1, *1–3*).

Характеристики жилищной конструкции, керамической коллекции и инвентаря свидетельствуют о бытовании и использовании данной постройки в раннем железном веке носителями саргатской культуры.

Под западиной № 10 исследовано *слабоуглубленное квадратное жилище* с очагом в центре и коридором-выходом, направленным от центра южной стенки на ЮЗ. Прослежены некоторые конструктивные детали в виде ям от столбов по периметру жилища и около очага, а также остатки сгоревшей восточной стенки.

Находки представлены фрагментами посуды бакальского (рис. 1, *11*, *13*), карымского (рис. 1, *4–7*, *9*), кушнаренковского (рис. 1, *8*) и «ипкульского» (рис. 1, *10*, *12*, *14*, *15*) типов, залегающими совместно. Среди индивидуальных находок — маленькая голубая пастовая бусинка, бронзовая круглая плоская подвеска с петелькой (Ø 18 мм) и керамические скребки.

Керамический комплекс представлен 814 фрагментами сосудов. По 134 фрагментам орнаментированных венчиков и шеек реконструированы 33 сосуда. Все горшки лепные, диаметр горлышка варьирует от 6 до 36 см, стенки ровные, толщиной 4–7 мм. Поверхность обработана шпателем, щепой, рукой, мягким материалом изнутри и снаружи, встречается заглаживание и легкое лощение. Обжиг неровный, костровой. Цвет черепков коричневый, рыжеватый, серый. В тесте примесь песка, шамота, не исключена органика, в од-

1 Ирина Юрьевна Чикунова — Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, д. 86, Тюмень, 625026, Российская Федерация; e-mail: chikki@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9208-7198.

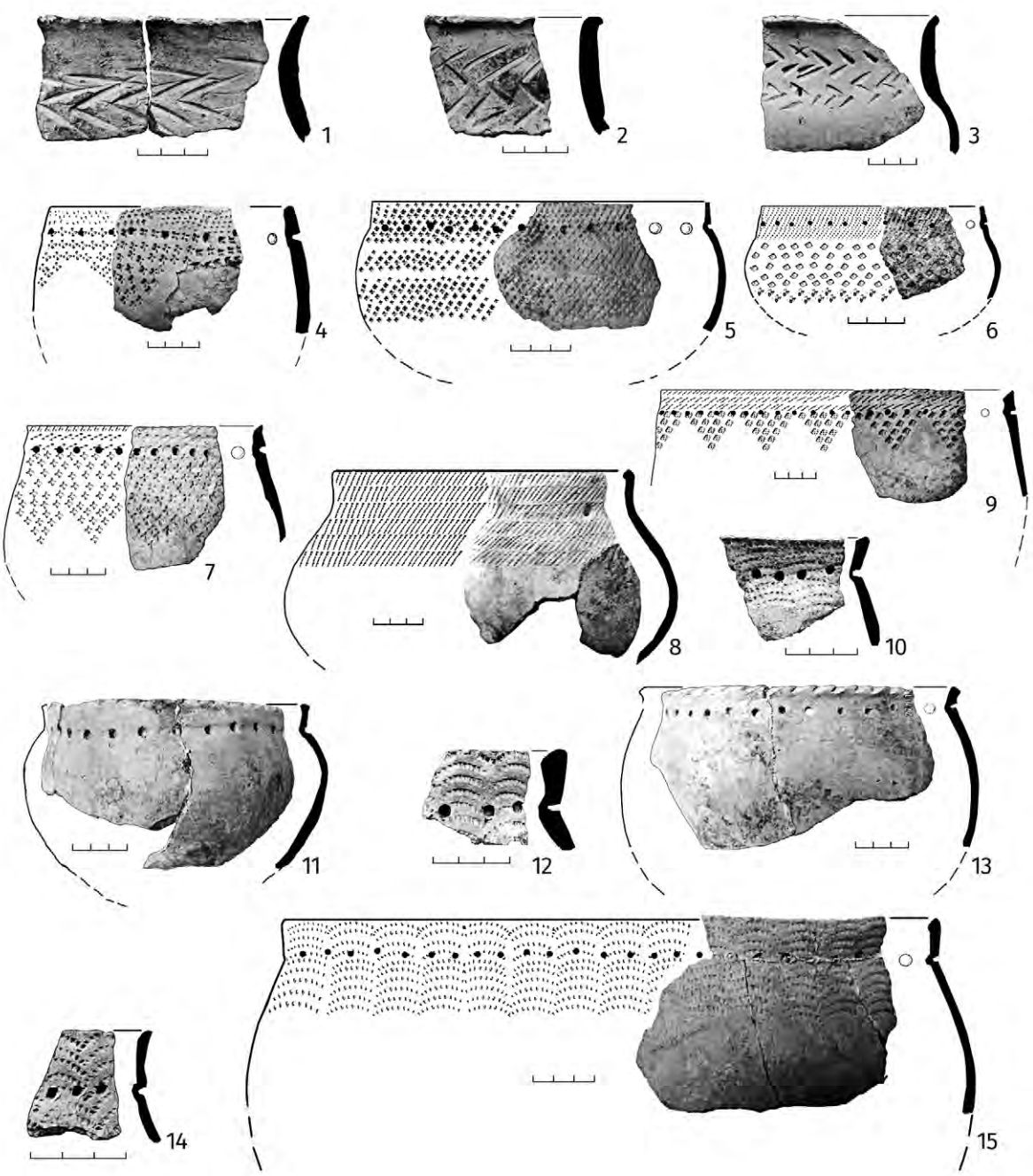

Рис. 1. Керамический комплекс поселения Лисий Бор 2. Жилище 17: *1–3* — фрагменты саргатской посуды. Жилище 10: *4–7*, 9 — посуда карымского типа; *8* — кушнаренковский тип; *10*, *12*, *14*, *15* — «ипкульский» тип; *11*, *13* — посуда бакальской культуры

Fig. 1. Ceramics complex of the settlement Lisiy Bor 2. Dwelling 17: *1–3* — fragments of Sargat ware. Dwelling 10: *4–7*, *9* — Karym type ceramics; *8* — Kushnarenkovo type; *10*, *12*, *14*, *15* — "Ipkul" type; *11*, *13* — Bakal culture ceramics

ном случае встречена толченая раковина. Донышки всех сосудов округлые, слегка уплощенные.

Керамический комплекс весьма интересен, поскольку включает фрагменты сосудов четырех разных культурных образований. Причем можно с уверенностью говорить об одновременности их попадания в заполнение жилища, что, в свою очередь, свидетельствует об этнокультурной неоднородности обитателей поселка. Любопытно, что в комплексе не встречено ни одного черепка саргатской посуды, хотя саргатское жилище находится рядом.

Из 33 реконструированных орнаментированных сосудов: 12 бакальских, 10 карымских, восемь «ипкульских» и три кушнаренковских.

Учитывая характеристики жилищной конструкции и керамической коллекции, можно сделать вывод о бытовании и использовании данной постройки в переходный период от раннего железного века к средневековью, когда на данной территории в определенный хронологический период обитали носители нескольких культурных образований, бытовавших в IV–VII вв. н. э. Нельзя категорично отвергать вероятность их сосуществования в этот период и с представителями саргатской общности. Не исключено, что носители разных культур, имея схожие хозяйственно-культурные характеристики, практиковали не только торгово-обменные, но и брачные отношения. Эти предположения косвенно подтверждаются материалами близлежащего Ипкульского могильника, сочетающими разнокультурные артефакты в одном погребении и/или кургане (*Корякова*, *Федоров*, 1993. С. 79–80, рис. 2; Архив ЛА ИПОС СО РАН. № 7/14), а также поселения Ипкуль XV (*Корякова и др.*, 1988).

Архив ЛА ИПОС СО РАН. № 7/14. Чикунова И. Ю. Отчет о полевых исследованиях 2010 и 2011 гг. Раскопки Ипкульского курганного могильника в Нижнетавдинском районе Тюменской области. 2012.

Архив ЛА ИПОС СО РАН. № 7/18. Чикунова И. Ю. Отчет о полевых исследованиях 2014 г. Раскопки поселения Лисий Бор 2 в Нижнетавдинском районе Тюменской области. 2015.

Архив ЛА ИПОС СО РАН. № 7/19. Чикунова И. Ю. Отчет о полевых исследованиях 2015 г. Раскопки поселения Лисий Бор 2 в Нижнетавдинском районе Тюменской области. 2016.

Корякова и др., 1988 — *Корякова Л. Н.*, *Морозов В. М.*, *Суханова Т. Ю.* Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 117–129.

Корякова, *Федоров*, 1993 — *Корякова Л. Н.*, *Федоров Р. О.* Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке (по материалам Ипкульского могильника) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье / Отв. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург: Уральская издат. фирма «Наука», 1993. С. 76–97.

About the possibility of reconstruction of the ethno-cultural situation in the Tobol region southern taiga during the Early Middle Ages (according to the materials of the settlement Lisiy Bor 2)

Irina Yu. Chikunova[2]

Field studies of the settlement Lisiy Bor 2 showed that a close relationship between Bakal, Karymsky, Kushnarenkovo and the local population was observed in the Tobol region southern taiga in the Early Middle Ages. These relations were based on goods' exchange and probable matrimonial ties. In one excavated dwelling the fragments of Bakal, Karymsky, Kushnarenkovo and "Ipkul" ware types lay together. The similar phenomenon is observed in the burials of Ipkul grave field located not far from there.

Keywords: *the Tobol valley, Early Middle Ages, settlement, Sargatka culture, Bakal culture, Karymsky culture, Kushnarenkovo culture.*

2 Irina Yu. Chikunova — Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 86 Malygina St., Tyumen, 625026, Russian Federation; e-mail: chikki@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9208-7198.

Культурные процессы в лесостепи Западной Сибири в раннем средневековье[1]

Н. П. Матвеева[2]

Аннотация. *В IV–IX вв. н. э. под влиянием Великого переселения народов на территории Западной Сибири формируются культуры, ареалы и специфика которых обусловлены связями с соседними регионами. Их население вело полукочевой, полуоседлый и оседлый образ жизни, организуя обмен по речным сетям с Прикамьем, а также караванную торговлю с Поволжьем и Центральной Азией.*

Ключевые слова: *Западная Сибирь, раннее средневековье, культурная динамика.*

https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.451-453

После работ В. Н. Чернецова и К. В. Сальникова 1950-х гг., определивших на десятилетия эволюционистские взгляды исследователей на развитие культурных процессов в Западной Сибири (*Генинг и др.*, 1970; *Молодин и др.*, 1988; и др.), с 1990-х гг., с распространением палеоэкологического и системного подходов, особое внимание стало уделяться миграциям на этой территории, влиянию степных государств, выявлению частной динамики (*Могильников*, 1987; *Коников*, 2007; *Данченко*, 2008; *Маслюженко*, 2008, *Матвеева и др.*, 2009; *Матвеева*, 2016); также ведутся исследования в русле мир-системного анализа — включения народов в новую систему экономических и политических связей на северной периферии цивилизаций (Западная Сибирь, 2022. С. 216. В печати). Новые обобщения позволяют нам охарактеризовать историко-культурную картину лесостепной зоны раннего средневековья.

Под влиянием миграции тунгусоязычных групп на фоне увлажнения и заболачивания в таежной зоне (*Зыков*, 2012) началось переселение в IV–V вв. н. э. групп карымского, а в VI в. — зеленогорского населения в долины Тобола, Тары и Иртыша, вплоть до озер Ишимской степи. Расселившись среди бакальского населения, пришельцы, судя по инвентарю, сочетали занятия промыслами с посредничеством в пушной торговле (Западная Сибирь, 2022. С. 103. В печати), заимствуя навыки скотоводства, элементы вооружения и быта от соседей.

В начале средневековья в Западной Сибири имели место аридизация и остепнение со смещением ландшафтных зон к северу на 100–150 км, с VII в. — увлажнение (*Рябогина*, *Иванов*, 2013). В Притоболье и Прииртышье доминировала бакальская культура, возникшая на саргатской основе с заимствованиями от поздних сарматов, праболгар и канглов (?). Ее носители были связаны с турбаслинскими, бахмутинскими и харинскими группами Приуралья, а также Приаральем. Об этом говорят общие типы ременной гарнитуры, украшений и декоры гончарных изделий, сходство ассортимента инвентаря и деталей погребений. Сохранилась традиционная система расселения вокруг крепостей как центров эксплуатации территории при значительно возросшей мощности оборонительных линий.

На вторжение номадов в VII–VIII вв. н. э. указывают погребения из могильников Хрипуновский и Усть-Суерка-1 на древнем горизонте или впускные с юго-западной ориентировкой умерших в сопровождении оружия. Кочевники расселялись вблизи пойменных лугов и на необжитых землях близ соленых озер. Их контакты с автохтонами и карымскими факториями отразились в бакальских памятниках появлением керамики, соединявшей таежную и степную традиции, а также захоронений с конем, вторичных захоронений, пеленании покойников в ковры и циновки. Возросшую подвижность населения к югу от Исети и Миасса доказывают кратковременность обитания на бакальских городищах и селищах, разборные жилища типа юрт, наземные срубные дома малой площади с печами-чувалами и подпольями. О миграции из лесного Прииртышья на склоны Урала говорят перейминские (смешанные бакальско-потчевашские) комплексы (Перейминский и Воденниково-1). Кушнаренковскую керамику, встреченную в виде малочисленной примеси в памятниках разных культур, необходимо рассматривать специально — важно, что она была распространена от Волги и Камы до Иртыша (*Матвеева*, 2019; 2021). Она имеет приаральское происхождение: часть сосудов этого типа является импортами, а часть — сосудами-подражаниями джетыасарским. Эта посуда, наряду с другими товарами, свидетельствует об активной торговле аборигенов Тоболо-Ишимья с населением Приаралья

1 Выполнено при поддержке гранта РФФИ-Тюменская область № 720001.

2 Наталья Петровна Матвеева — Тюменский государственный университет, ул. Володарского, д. 6, Тюмень, 625003, Российская Федерация; e-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0240-0561.

и низовьев Сырдарьи в течение IV–VII вв. н. э. (*Зеленков*, 2019; *Матвеева и др*., 2021).

Исчезновение бакальской культуры в IX в., возможно, связано с борьбой печенегов и огузов за земли Приаралья в VIII–IX вв. и продвижением первых, потерпевших поражение, по Тоболу на север, а также нажимом кыпчаков с востока. Предполагаем, что перейминские и бакальские группы участвовали в этногенезе мадьяр в числе групп, сформировавших караякуповское сообщество где-то в степи, поскольку в лесостепи преобладали таежные монголоиды (Западная Сибирь, 2022. С. 197. В печати). Интересным источником для обоснования зоны формирования мадьяр является торевтика Субботцевского горизонта и аналогии ей на Южном Урале и в Приуралье с сюжетами манихейского и буддистского происхождения, указывающими на зону присутствия согдийских торговцев (*Там же.* С. 209).

В Ишимо-Иртышье взаимодействие карымского суперстрата и потомков богочановской и позднекулайской культур при преобладании первого (*Данченко*, 2008) привело к сложению в VI–VIII вв. н. э. потчевашской культуры. Она развивалась в лесных ландшафтах в условиях гумидизации. Для нее характерны биритуализм в погребальном обряде, увеличение доли скотоводства в экономике, мода на геральдические пояса. Прослеживается проникновение элементов этой культуры в казахстанскую степь. Смешение тюрков с местным населением отразилось в обрядах могильников VIII в. из восточной части ареала. Насельники Прииртышья и Барабы со второй половины VI в. н. э. стали реципиентами влияния Первого и Второго Тюркских каганатов, а позднее — сепаратистских групп кимаков и кыпчаков.

Учащение вооруженных столкновений и агрессия внутри коллективов отмечены как на археологическом, так и на антропологическом материалах всех культур раннего средневековья, однако масштабных миграций, повлиявших на смену антропологического типа, не фиксируется. В лесостепи доминирует монголоидный кулайский субстрат с более поздней примесью южносибирских элементов (кимако-кыпчакских), особенно выраженный в облике насельников Томского Приобья и Барабы (Западная Сибирь, 2022. С. 196. В печати). Кажущаяся стабильность материальной жизни выражена в субкультуре рядового и зависимого населения, тогда как элитарная субкультура демонстрирует бурное развитие дальних экономических связей (*Там же*. С. 214–216. В печати). К сожалению, социальные процессы у западносибирского населения мало изучены, характер политического и экономического взаимодействия с сопредельными регионами недостаточно ясен. Полагаем, что дискуссионные вопросы станут полем дальнейшего исследования.

Генинг и др., 1970 — *Генинг В. Ф.*, *Корякова Л. Н.*, *Овчинникова Б. Б.*, *Федорова Н. В.* Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: Материалы совещаний, 25–31 мая 1970 г. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во ТомГУ, 1970. С. 202–228.

Данченко, 2008 — *Данченко Е. М.* К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: Материалы научно-практ. семинара по проблемам бакальской культуры, г. Шадринск, 5–6 ноября 2007 г. / Науч. ред. С. Г. Баталов. Челябинск: Рифей, 2008. С. 45–60.

Западная Сибирь, 2022 — Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Матвеева Н. П., Зыков А. П., Зеленков А. С. и др. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2022 (в печати).

Зеленков, 2019 — *Зеленков А. С.* О статусе псевдокушнаренковской керамики в археологическом контексте Западной Сибири раннего средневековья // Ab origine. Вып. 11. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2019. С. 24–44.

Зыков, 2012 — *Зыков А. П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.

Коников, 2007 — *Коников Б. А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ; Издат. дом «Наука», 2007. 446 с.

Маслюженко, 2008 — *Маслюженко Д. Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во КурГУ, 2008. 168 с.

Матвеева, 2016 — *Матвеева Н. П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.

Матвеева, 2019 — *Матвеева Н. П.* Некоторые проблемы изучения средневековой археологии лесостепной зоны Приуралья и Зауралья в свете формирования мадьяр // Ab origine. Вып. 11. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2019. С. 44–60.

Матвеева, 2021 — *Матвеева Н. П.* О связях урало-западносибирского населения со Средней Азией в раннем Средневековье // АЭАЕ. 2021. Т. 49. № 1. С. 83–92.

Матвеева и др., 2021 — *Матвеева Н. П.*, *Третьяков Е. А.*, *Зеленков А. С.* Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем средневековье // АЭАЕ. 2021. Т. 49. № 4. С. 91–99.

Могильников, 1987 — *Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры

и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235 (Археология СССР).

Молодин и др., 1988 — *Молодин В. П., Савинов Д. Г., Елагин В. С. и др.* Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.

Рябогина, Иванов, 2013 — *Рябогина Н. Е., Иванов С. Н.* Реконструкция облика ландшафтов в Притоболье в раннем средневековье // ВААЭ. 2013. № 1 (20). С. 134–138.

Cultural processes in the forest-steppe zone of Western Siberia in the Early Middle Ages

Natalya P. Matveeva[3]

In the 4th–9th cent. AD in the Western Siberia a series of new cultures was formed under the influence of the Great Migration. Their area and specificity were determined by mutual ties with the neighbor regions. This population was semi-nomadic, semi-sedentary or sedentary. They organized the exchange with the Kama region along the river network and the caravan trade with the Volga region and Central Asia.

Keywords: *Western Siberia, Early Middle Ages, cultural dynamics.*

3 Natalya P. Matveeva — Tyumen State University, 6 Volodarsky St., Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0240-0561.

Список сокращений

ААМ УрФУ	– Архив Археологического музея Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург
АбИГИ АНА	– Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии. Сухум
АВ	– Археологические вести. Санкт-Петербург
АВЕС	– Археология Восточно-Европейской степи. Саратов
АКИО	– Андроновская культурно-историческая общность
АлтГУ	– Алтайский государственный университет. Барнаул
АлтГПА	– Алтайская государственная педагогическая академия. Барнаул
АлтГПУ	– Алтайский государственный педагогический университет. Барнаул
АлтГТУ	– Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова. Барнаул
АН	– Академия наук
АНМ	– Академия наук Монголии. Улан-Батор
АН РТ	– Академия наук Республики Татарстан. Казань
АРГО	– Архив Русского географического общества. Санкт-Петербург
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
АО	– Археологические открытия. Москва
АРТ	– Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
АРЭМ	– Архив Российского этнографического музея. Санкт-Петербург
АУФСБ	– Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Санкт-Петербург
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии. Уфа
БашкГУ	– Башкирский государственный университет. Уфа
БГУ	– Бурятский государственный университет. Улан-Удэ
БИ	– Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
б. и.	– без [указания] издательства
БКМ	– Бийский краеведческий музей. Бийск
БМАК	– Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (культура)
б/м	– без масштаба
БРЭ	– Большая российская энциклопедия. Москва
БКИЧП	– Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва
ВААЭ	– Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВДИ	– Вестник древней истории. Москва
ВКО РК	– Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан

ВолГУ – Волгоградский государственный университет. Волгоград

ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел [Императорского] русского географического общества. Иркутск

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Народного комиссариата просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Ленинград

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Горно-Алтайск

ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва

ГРМ – Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

ГЭ – Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

ДБ – Древности Боспора. Москва

ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН. Владивосток

ДПЕ – Древности Приенисейской Сибири: Сборник научных трудов. Красноярск

ЗабГПУ – Забайкальский государственный педагогический университет. Чита

ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Санкт-Петербург

ЗКТ – Зайсановская культурная традиция

ЗОРСА РАО – Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Санкт-Петербург

ЗСПЗСОИРГО – Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Семипалатинск

ИА РАН – Институт археологии РАН. Москва

ИА им. А. Х. Маргулана – Институт археологии им. А. Х. Маргулана. Алматы

ИАН КазССР – Известия АН Казахской ССР. Алма-Ата

ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев

ИАТ – Институт археологической технологии. Петроград/Ленинград

ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения РАН. Новосибирск

ИБ МАИКЦА – Информационный бюллетень ЮНЕСКО. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Москва

ИВ РАН – Институт востоковедения РАН. Москва

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград

ИГРАН – Институт географии РАН. Москва

ИГТУ – Иркутский государственный технический университет. Иркутск

ИГУ – Иркутский государственный университет. Иркутск

Изв. – Известия

ИИ АН МНР – Институт истории Академии наук Монгольской Народной Республики. Улан-Батор

ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург

ИИФФ СО АН СССР/РАН – Институт истории филологии и философии Сибирского отделения АН СССР/РАН. Новосибирск

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН. Тюмень

ИРГО – Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург

ИРЦ – Институт русской цивилизации. Москва

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

КазНУ им. аль-Фараби – Казахский национальный университет им. аль-Фараби. Алматы

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск

КемГУ – Кемеровский государственный университет. Кемерово

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск

КНР – Китайская Народная Республика

КРС – крупный рогатый скот

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград

КурГУ – Курганский государственный университет. Курган

ЛА – лаборатория археологии

ЛГУ – Ленинградский государственный университет. Ленинград

ЛО – Ленинградское отделение [Издательства «Наука»]. Ленинград

ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии СССР. Ленинград

МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск

МАК – метод анализа крахмала

МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград

МИАК – Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана

МИАР – Материалы и исследования по археологии России. Москва

МКТ – Материальная культура Туркменистана. Ашхабад

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан. Астана

МРС – мелкий рогатый скот

МТЭ – Монголо-Тибетская экспедиция

МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции. Москва

НА – Научный архив

НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград

НГУ – Новосибирский государственный университет. Новосибирск

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск

НИИ – научно-исследовательский институт

НИР – научно-исследовательская работа

НИЦИА «Бегазы-Тасмола» – Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы

НОСА – Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан

НПЦ – научно-производственный центр

ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург

ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств РСФСР. Москва

ОГУ – Оренбургский государственный университет. Оренбург

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет. Омск

ОмГУ – Омский государственный университет. Омск

ОНТЭ ГЭ – Отдел научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург

ОПП – общая пропорциональность

ОрГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург

ОСПЗСОИРГО – Отчет о деятельности Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск

ПВ – Проблемы востоковедения. Москва

РА – Российская археология. Москва

РАЕ – Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РИО – редакционно-издательский отдел

РЖВ – ранний железный век

РНФ – Российский научный фонд

РО – Рукописный отдел

РФА – рентгено-флюоресцентный анализ

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СА – Советская археология. Москва

САИ – Свод археологических источников по археологии СССР. Москва

СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет. Самара

СамГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург

САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Тюмень

СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград

СО – Сибирское отделение [Издательства «Наука»]. Новосибирск

СО АН СССР/РАН – Сибирское отделение АН СССР/РАН. Новосибирск

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СФУ – Сибирский федеральный университет. Красноярск

СЭ – Советская этнография. Москва

ТАЭ ИИМК РАН – Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН

ТвГУ – Тверской государственный университет. Тверь

ТГУ/ТюмГУ – Тюменский государственный университет. Тюмень

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург

ТИИАЭ АН ТССР. СОН – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад

ТИЭ – Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва

ТМАЭ – Труды Маргианской археологической экспедиции. Москва; Санкт-Петербург

ТПАИ – Теория и практика археологических исследований. Барнаул

ТомГУ – Томский государственный университет. Томск

Тр. – Труды

ТюмНЦ СО РАН – Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН. Тюмень

ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Ленинград

УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа

УдНИИ – Удмуртский Научно-исследовательский институт им. 10-летия Удмуртской автономной области. Ижевск/Устинов

УдмГУ – Удмуртский государственный университет. Ижевск

УЗ ТНИИЯЛИ – Ученые записки Тувинского Научно-исследовательского института истории языка и литературы. Кызыл

УрГУ – Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Екатеринбург

УрО РАН – Уральское отделение РАН. Екатеринбург

УрФУ – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург

УФИЦ РАН – Уфимский федеральный исследовательский центр РАН. Уфа

ФИА – Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане. Астана

ФНИ ГАН – Фундаментальные научные исследования Государственных академий наук

ФО – Фотографический отдел

Хакасский НИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан

ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция

ХКТ – хозяйственно-культурный тип

ХНУ – Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина. Харьков

ЦГА СПб – Центральный государственный архив. Санкт-Петербург

ЦКАЭ АН Казахстана – Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция Академии наук Казахстана

ЧелГУ – Челябинский государственный университет. Челябинск

ЭО РМ – Этнографический отдел Русского музея. Санкт-Петербург

ЮНЕСКО / UNESCO – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

ЮрГГПУ/ЮУрГГПУ – Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет. Челябинск

ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН – Южно-Уральский Федеральный научный центр минералогии и гео-экологии Уральского отделения РАН. Миасс

AAE – Arabian Archaeology and Epigraphy. Hoboken, New Jersey

ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden

AJA – American Journal of Archaeology. Boston

AJHG – American Journal of Human Genetics. Cambridge, Mass.

AJPA – American Journal of Physical Anthropology. Hoboken, New Jersey

AMS – accelerator mass spectrometry

ARME – The Archive of the Russian Museum of Ethnography. St. Petersburg

BAR. IS – British Archaeological Reports. International Series. Oxford

BMAC – Bactria-Margiana Archaeological Complex (Culture)

CAChr II – Coins, Art and Chronology II: The First Millennium C. E. in the Indo-Iranian Borderlands / Eds. M. Alram et al. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften. Bd. 412; Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission. Bd. 50)

CAJ – Central Asiatic Journal. Wiesbaden

CambrCAA – Cambridge Companion to the Age of Attila/Ed. by M. Maas. New York: Cambridge Universitry Press, 2015

CII – Corpus inscriptionum Iranicarum. London

EIr – Encyclopædia Iranica/Ed. by E. Yarshater. London; etc.

JA – Journal Asiatique. Paris

JAAIS – Journal of Archaeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies. Chişinău

JAS – Journal of Archaeological Science: Reports. Amsterdam

JFA – Journal of Field Archaeology. Oxford

MMAFAC – Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale. Paris

ÖAW – Österreichische Akademie der Wissenschaften. Wien

PSAS – Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. Turnhout

RE – Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft/Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Kroll und K. Mittelhaus, unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen Hrsg. von K. Ziegler. Stuttgart

RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz

ScrAnt – Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Москва

SEM-EDS – Scanning electron microscopy – energy dispersive x-ray spectroscopy (энергодисперсионная электронная микроскопия)

SKAW – Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien

s. l. – sineloco, без указания места издания

SOAS – The School of African and Oriental Studies. London

ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden; Stuttgart; Mainz; Leipzig

ZooMS – Zooarchaeology by Mass Spectrometry

Научное издание

ЕВРАЗИЯ В ЭНЕОЛИТЕ – РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(инновации, контакты, трансляции идей и технологий)

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 120-летию со дня рождения
выдающегося исследователя древностей
Южной Сибири и Центральной Азии
Михаила Петровича Грязнова (1902–1984)

Редакторы: *М. Т. Кашуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова*
Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицук*
Корректор *Л. А. Виноградова*

Подписано в печать 03.10.2022. Формат 60×90 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 54,6. Усл. печ. л. 57,5.
Тираж 300 экз. Заказ 3005

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография».
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, лит. БМ.
Тел./факс: +7(812) 380-79-50.
E-mail: spbcolor@mail.ru

Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages

Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies

Proceedings of the International conference dedicated to the 120th anniversary of the outstanding researcher of Southern Siberian and Central Asian antiquities Mikhail Petrovich Gryaznov (1902–1984)

The present collection of papers contains an extensive set of publications. They deal with the majority of the research areas in the archaeology of the Eurasian mountain-steppe zone from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Middle Ages reflected in Gryaznov's works or belonged to the sphere of his research interest.

This volume is addressed to archaeologists, ethnographers, historians, students as well as to everyone interested in the archaeology and the ancient history of Eurasia.

9 785604 795255